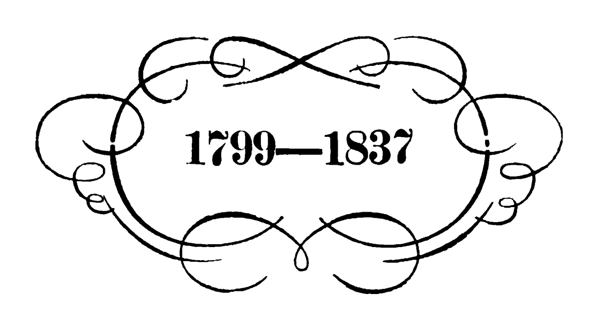

А. С. ПУШКИН

ACADEMIA

1799—1837

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ
1837—1937

А. С. ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

ТОМ ПЯТЫЙ

ACADEMIA
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

А. С. ПУШКИН

1799—1837

КРИТИКА ИСТОРИЯ ПУБЛИЦИСТИКА

ДНЕВНИКИ И МАТЕРИАЛЫ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

ACADEMIA

1936

Группа писателей: А. С. Пушкин, И. А. Крылов, В. А. Жуковский и Н. И. Гнедич. С этюда *Г. Г. Чернецова* для картины „Парад на Марсовом поле", 1832 г. (Госуд. Третьяковская галлерея).

От редакции

Критико-публицистические, исторические и автобиографические тексты, включенные в пятый том „Полного собрания сочинений А. С. Пушкина“, разбиты в настоящем издании на две части, из которых первую составляют произведения, приготовленные к печати самим Пушкиным, а вторую — статьи незаконченные и неотделанные, материалы записных книжек, черновые заметки, планы, дневники и автобиографические наброски.

Публикации первой части распределены по двум большим отделам: 1. Журнальные статьи и заметки и 2. Исторические материалы. Тексты же второй части размещены по рубрикам: 1. Литературно-критические, исторические и полемические наброски; 2. Материалы записных книжек, заметки, не включенные в цикл „Отрывки из писем, мысли и замечания“, записи анекдотов; 3. Дневники и автобиографические записи; 4. Записки официального назначения. В приложениях даны критические заметки Пушкина, сохранившиеся на полях некоторых из прочитанных им книг и одного письма, запись воспоминаний П. В. Нащокина, альбомные записи, важнейшие варианты и дополнения к текстам основных отделов и, наконец, статьи, принадлежность которых Пушкину еще не достаточно документирована (Dubia).

Критическое изучение всех дошедших до нас рукописных и печатных фондов Пушкинских текстов позволило при работе над первым советским „Полным собранием сочинений А. С. Пушкина“ (Гиз, М.-Л. 1930—1933), во-первых, ввести в состав настоящего тома ряд произведений (как известных, так и неизданных), до тех пор не вводившихся в „Полное собрание сочинений“ Пушкина, и, во-вторых, освободить значительнейшую часть публикаций от всех тех цензурно-полицейских, редакторских и типографских извращений, которыми обезображена была

журнальная, историческая и автобиографическая проза Пушкина во всех предыдущих ее изданиях. В настоящем издании все критические, исторические и автобиографические статьи и заметки Пушкина заново выверены по первоисточникам и дополнены вновь выявленными материалами. На основании бесспорных текстологических и биографических данных существенно уточнена и традиционная датировка многих текстов Пушкина.

Все прижизненные публикации Пушкина печатаются с теми подписями и датами, которыми они были снабжены в изданиях 1824—1836 гг. („Александр Пушкин“, „А. П.“, „Р.“, „Ст. Арз.“, „Н. К.“, „Феофилакт Косичкин“, „Издатель“, „Изд.“, „The Reviewer“ и проч.).

Статьи и наброски, печатающиеся с автографов, воспроизводятся в их последних редакциях, причем из зачеркнутых строк и слов отмечаются в прямых скобках [ ] только те, которые не имеют беловых вариантов или устранены самим Пушкиным по соображениям цензурного, интимно-бытового или литературно-тактического порядка. В ломаные скобки < > заключены названия статей, самим Пушкиным не озаглавленных, слова, чтение которых предположительно, а также все вставки и пояснения редактора.

КРИТИКА ИСТОРИЯ
ПУБЛИЦИСТИКА
ОПУБЛИКОВАННОЕ
И ПОДГОТОВЛЕННОЕ
К ПЕЧАТИ

ЖУРНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

1824–1837

Статьи и заметки 1824—1829 гг.

Письмо к издателю „Сына Отечества"

В течение последних четырех лет мне случалось быть предметом журнальных замечаний. Часто несправедливые, часто непристойные, иные не заслуживали никакого внимания, на другие издали отвечать было невозможно. Оправдания оскорбленного авторского самолюбия не могли быть занимательны для публики; я молча предполагал исправить в новом издании недостатки, указанные мне каким бы то ни было образом, и с живейшей благодарностию читал изредка лестные похвалы и ободрения, чувствуя, что не одно, довольно слабое, достоинство моих стихотворений давало повод благородному изъявлению снисходительности и дружелюбия.

Ныне нахожусь в необходимости прервать молчание. Князь П. А. Вяземский, предприняв из дружбы ко мне издание *Бахчисарайского фонтана,* присоединил к оному *Разговор между Издателем и Антиромантиком,* разговор вероятно вымышленный: по крайней мере, если между нашими печатными классиками многие силою своих суждений сходствуют с Классиком Выборгской стороны, то, кажется, ни один из них не выражается с его остротой и светской вежливостью.

Сей разговор не понравился одному из судей нашей словесности. Он напечатал в 5 № *Вестника Европы* второй разговор между Издателем и Классиком, где между прочим прочел я следующее:

„*Изд.* Итак, разговор мой вам не нравится? — *Класс.* Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасном стихотворении Пушкина, думаю и сам автор об этом пожалеет".

Автор очень рад, что имеет случай благодарить князя Вяземского за прекрасный его подарок. *Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова* писан более для Европы вообще, чем исключительно для России, где противники романтизма слишком слабы и незаметны и не стоят столь блистательного отражения.

Не хочу или не имею права жаловаться по другому отношению, и с искренним смирением принимаю похвалы неизвестного критика.

Одесса. *Александр Пушкин.*

О г-же Сталь и о Г. А. М<ухано>ве

Из всех сочинений г-жи Сталь книга: *Десятилетнее изгнание*, должна была преимущественно обратить на себя внимание русских. Взгляд быстрый и проницательный, замечания разительные по своей новости и истине, благодарность и доброжелательство, водившие пером сочинительницы, — всё приносит честь уму и чувствам необыкновенной женщины. Вот что сказано об ней в одной рукописи: „Читая её книгу *Dix ans d'exil*, можно видеть ясно, что, тронутая ласковым приемом русских бояр, она не высказала всего, что бросалось ей в глаза.* Не смею в том укорять красноречивую, благородную чужеземку, которая первая отдала полную справедливость русскому народу, вечному предмету невежественной клеветы писателей иностранных“. Эта снисходительность, которую не смеет порицать автор рукописи, именно и составляет главную прелесть той части книги, которая посвящена описанию нашего отечества. Г-жа Сталь оставила Россию, как священное убежище, как семейство, в которое она была принята с доверенностию и радушием. Исполняя долг благородного сердца, она говорит об нас с уважением и скромностию, с полнотою душевною хвалит, порицает осторожно, *не выносит сора из избы*. Будем же и мы благодарны знаменитой гостье нашей: почтим ее славную память, как она почтила гостеприимство наше...

Из России г-жа Сталь ехала в Швецию по печальным пустыням Финляндии. В преклонных летах, удаленная от всего милого ее сердцу, семь лет гонимая деятельным деспотизмом Наполеона, принимая мучительное участие в политическом состоянии Европы, она не могла, конечно, в сие время (в осень 1812 года) сохранить ясность души, потребную для наслаждения красотами природы. Не мудрено, что почернелые скалы, дремучие леса и озера наводили на нее уныние.

Недоконченные ее записки останавливаются на мрачном описании Финляндии...

Г. А. М.,** *пробегая снова книжку г-жи Сталь, набрел* на сей последний отрывок и перевел его довольно тяжелою прозою, присовокупив к оному следующие *замечания на грезы г-жи Сталь*: „Не говоря уже о обличении ветренного легкомыслия, отсутствия наблюдательности и совершенного неведения местности, невольно поражающих читателей, *знакомых с творениями автора книги о Германии*, я в свою очередь был поражен самим рассказом, во всем подобном пошлому пустомель-

* Речь идет о большом обществе Петербургском, прежде 1812 года. *Соч.*

** „Сын От.“, № 10.

ству тех *щепетильных французиков, которые, немного времени тому назад являясь с скудным запасом сведений и богатыми надеждами в Россию, так радостно принимались щедрыми и подчас неуместно-добродушными нашими соотечественниками (только по образу мыслей не нашими современниками)*".

Что за слог и что за *тон!* Какое сношение имеют две страницы Записок с Дельфиною, Коринною, Взглядом на французскую революцию и пр., и что есть общего между *щепетильными* (?) *французиками* и дочерью Неккера, гонимою Наполеоном и покровительствуемою великодушием русского императора?

„Кто читал творения г-жи Сталь", продолжает г. А. М., „в коих так часто ширяется она и пр..., тому точно покажется странным, как беспредельные леса и пр... не сделали другого впечатления на автора Коринны, кроме скуки от единообразия!" — За сим г. А. М. ставит в пример самого себя. „Нет! никогда", говорит он, „не забуду я волнения души моей, расширявшейся для вмещения столь сильных впечатлений. Всегда буду помнить утра... и пр." — Следует описание северной природы слогом, совершенно отличным от прозы г-жи Сталь.

Далее советует он покойной сочинительнице, *посредством какого-либо толмача, расспросить извозчиков своих о точной причине пожаров* и пр.

Шутка о близости волков и медведей к Абовскому университету отменно не понравилась г-ну А. М., но г. А. М. и сам расшутился. „Ужели", говорит он, „400 студентов, там воспитывающихся, готовят себя в звероловы? В этом случае, академию сию могла бы она точнее назвать псарным двором? Ужели г-жа Сталь не нашла другого *способа отыскивать причин,* замедляющих ход просвещения, как, перерядившись Дианой, заставить читателя рыскать вместе с собою в лесах финляндских, по порошам за медведями и волками, и зачем их искать в берлогах?.. Наконец от страха, наведенного *на робкую душу нашей барыни,* и проч."

О сей *барыне* должно было говорить языком вежливым образованного человека. Эту *барыню* удостоил Наполеон гонения, монархи доверенности, Европа своего уважения, а г. А. М. журнальной статейки не весьма острой и весьма неприличной.

Уважен хочешь быть, умей других уважить.

Ст〈арый〉 *Ар*〈замасец〉.

9 июня 1825.

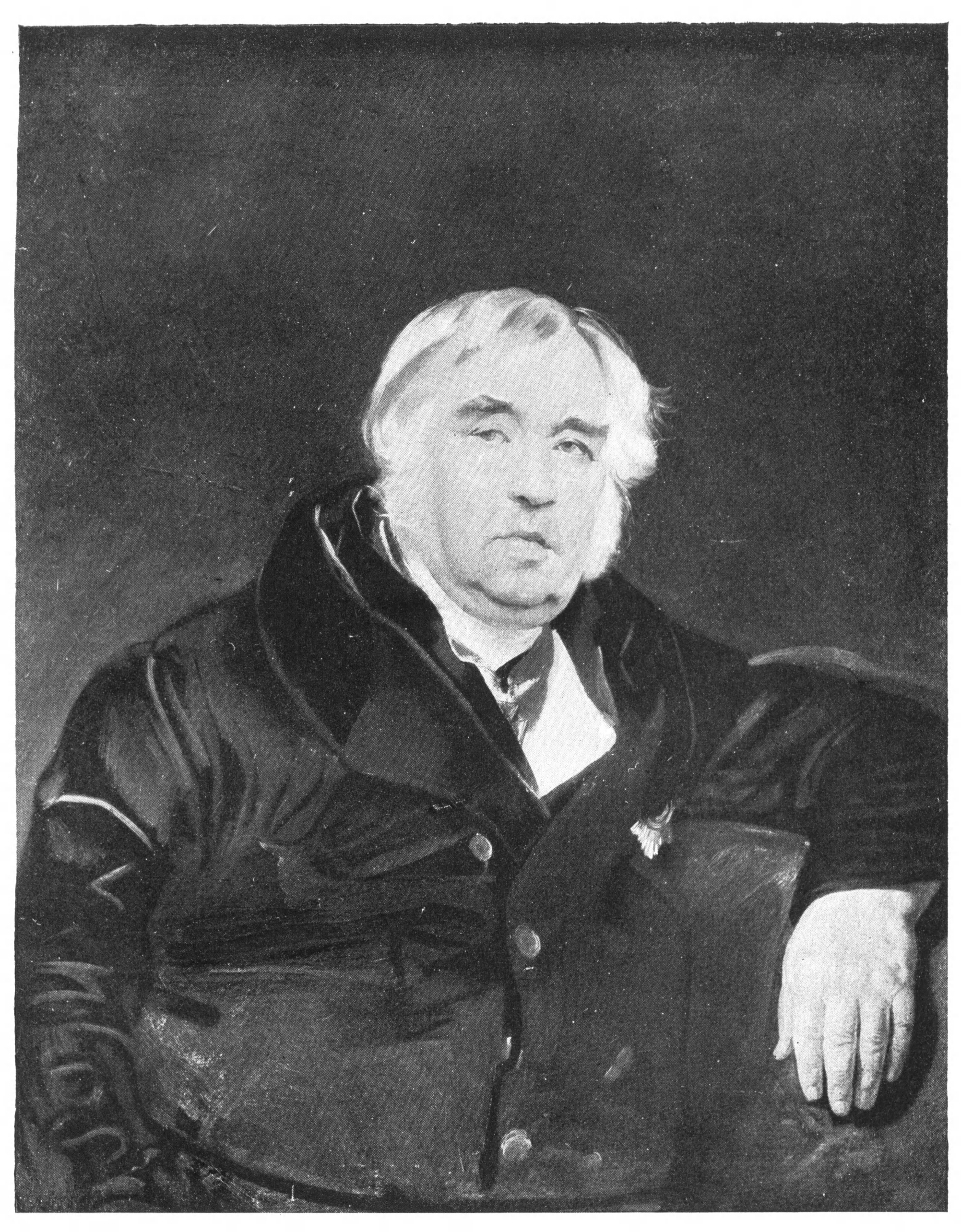
О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова

Любители нашей словесности были обрадованы предприятием графа Орлова, хотя и догадывались, что способ перевода, столь блестящий и столь недостаточный, нанесет несколько вреда басням неподражаемого нашего поэта. Многие с большим нетерпением ожидали предисловия г-на Лемонте; оно в самом деле очень замечательно, хотя и не совсем удовлетворительно. Вообще там, где автор должен был необходимо писать по наслышке, суждения его могут иногда показаться ошибочными; напротив того, собственные догадки и заключения удивительно правильны. Жаль, что сей знаменитый писатель едва коснулся до таких предметов, о коих мнения его должны быть весьма любопытны. Читаешь его статью* с невольной досадою, как иногда слушаешь разговор очень умного человека, который, будучи связан какими-то приличиями, слишком многого не договаривает и слишком часто отмалчивается. Бросив беглый взгляд на историю нашей словесности, автор говорит несколько слов о нашем языке, признает его первобытным, не сомневается в том, что он способен к усовершенствованию, и, ссылаясь на уверения русских, предполагает, что он богат, сладкозвучен и обилен разнообразными оборотами.

Мнения сии не трудно было оправдать. Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, *и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей.*

Г. Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством. Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства? Их нашествие не оставило никаких следов в языке образованных китайцев, и предки наши, в течение двух веков стоная под татарским

* По крайней мере в переводе, напечатанном в Сыне Отечества. Мы не имели случая видеть французский подлинник.

И. А. Крылов. С портрета *К. П. Брюллова* 1841 г.
(Госуд. Третьяковская галлерея)

игом, на языке родном молились русскому богу, проклинали грозных властителей и передавали друг другу свои сетования. Таковой же пример видели мы в новейшей Греции. Какое действие имеет на порабощенный народ сохранение его языка? Рассмотрение сего вопроса завлекло бы нас слишком далеко. Как бы то ни было, едва ли полсотни татарских слов перешло в русский язык. Войны литовские не имели также влияния на судьбу нашего языка; он один оставался неприкосновенною собственностию несчастного нашего отечества.

В царствование Петра 1-го начал он приметно искажаться от необходимого введения голландских, немецких и французских слов. Сия мода распространяла свое влияние и на писателей, в то время покровительствуемых государями и вельможами; к счастию, явился Ломоносов.

Г. Лемонте в одном замечании говорит о всеобъемлющем гении Ломоносова; но он взглянул не с настоящей точки на великого сподвижника великого Петра.

Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он всё испытал и всё проник... Первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает махины, дарит художества мозаическими произведениями и наконец открывает нам истинные источники нашего поэтического языка.

Поэзия бывает исключительною страстию немногих, родившихся поэтами; она объемлет и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни, но если мы станем исследовать жизнь Ломоносова, то найдем, что науки точные были всегда главным и любимым его занятием, стихотворство же иногда забавою, но чаще должностным упражнением. Мы напрасно искали бы в первом нашем лирике пламенных порывов чувства и воображения. Слог его, ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным. Вот почему преложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения.* Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку

* Любопытно видеть, как тонко насмехается Тредьяковский над *славянщизнами* Ломоносова, как важно советует он ему перенимать *легкость и щеголевитость рече-*

нашему; но странно жаловаться, что светские люди не читают Ломоносова, и требовать, чтоб человек, умерший 70 лет тому назад, оставался и ныне любимцем публики. Как будто нужны для славы великого Ломоносова мелочные почести модного писателя!

Упомянув об исключительном употреблении французского языка в образованном кругу наших обществ, г. Лемонте столь же остроумно, как и справедливо, замечает, что русский язык чрез то должен был непременно сохранить драгоценную свежесть, простоту и, так сказать, чистосердечность выражений. Не хочу оправдывать нашего равнодушия к успехам отечественной литературы, но нет сомнения, что если наши писатели чрез то теряют много удовольствия, по крайней мере язык и словесность много выигрывают. Кто отклонил французскую поэзию от образцов классической древности? Кто напудрил и нарумянил Мельпомену Расина и даже строгую музу старого Корнеля? Придворные Людовика XIV. Что навело холодный лоск вежливости и остроумия на все произведения писателей XVIII столетия? Общество M-es du Deffand, Boufflers, d'Epinay, очень милых и образованных женщин. Но Мильтон и Данте писали не *для благосклонной улыбки прекрасного пола.*

Строгий и справедливый приговор французскому языку делает честь беспристрастию автора. Истинное просвещение беспристрастно. Приводя в пример судьбу сего прозаического языка, г. Лемонте утверждает, что и наш язык, не столько от своих поэтов, сколько от прозаиков, должен ожидать *европейской своей общежительности.* Русский переводчик оскорбился сим выражением; но если в подлиннике сказано civilisation Européenne,* то сочинитель чуть ли не прав.

Положим, что русская поэзия достигла уже высокой степени образованности: просвещение века требует пищи для размышления, умы не могут довольствоваться одними играми гармонии и воображения, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснились; метафизического языка у нас вовсе не существует. Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны.

ний изрядной компании! Но удивительно, что Сумароков с большою точностию определил в одном полустишии истинное достоинство Ломоносова-поэта:

Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен!

Enfin Malherbe vint, et, le premier en France, etc.

⟨Наконец пришел Малерб и, первый во Франции, и т. д.⟩

* ⟨Европейская цивилизация.⟩

Г. Лемонте, входя в некоторые подробности касательно жизни и привычек нашего Крылова, сказал, что он не говорит ни на каком иностранном языке и только понимает по-французски. *Неправда!* резко возражает переводчик в своем примечании. В самом деле, Крылов знает главные европейские языки и, сверх того, он как Альфиери пятидесяти лет выучился древнему греческому. В других землях таковая характеристическая черта известного человека была бы прославлена во всех журналах; но мы в биографии славных писателей наших довольствуемся означением года их рождения и подробностями послужного списка, да сами же потом и жалуемся на неведение иностранцев о всем, что до нас касается.

В заключение скажу, что мы должны благодарить графа Орлова, избравшего истинно-народного поэта, дабы познакомить Европу с литературою севера. Конечно ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев. Некто справедливо заметил, что простодушие (naiveté, bonhomie) есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться. Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов.

Н. К.

12 августа.

P. S. Мне показалось излишним замечать некоторые явные ошибки, простительные иностранцу, например, сближение Крылова с Карамзиным (сближение, ни на чем не основанное), мнимая неспособность языка нашего к стихосложению совершенно метрическому и проч.

Отрывки из писем, мысли и замечания

Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности.

Ученый без дарования подобен тому бедному мулле, который изрезал и съел Коран, думая исполниться духа Магометова.

Однообразность в писателе доказывает односторонность ума, хоть, может быть, и глубокомысленного.

[Стерн говорит, что живейшее из наших наслаждений кончится содраганием почти болезненным. Несносный наблюдатель! Знал бы про себя; многие того не заметили б.]

Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка: но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностию самою раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстроивают меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки.

Мне пришла в голову мысль, говорите вы: не может быть. Нет, N. N., вы изъясняетесь ошибочно; что-нибудь да не так.

Чем более мы холодны, расчетливы, осмотрительны, тем менее подвергаемся нападениям насмешки. Эгоизм может быть отвратительным, но он не смешон, ибо отменно благоразумен. Однако есть люди, которые любят себя с такою нежностию, удивляются своему гению с таким восторгом, думают о своем благосостоянии с таким умилением, о своих неудовольствиях с таким состраданием, что в них и эгоизм имеет всю смешную сторону энтузиазма и чувствительности.

Никто более Баратынского не имеет чувства в своих мыслях и вкуса в своих чувствах.

Примеры невежливости

В некотором азиатском народе мужчины каждый день, восстав от сна, благодарят бога, создавшего их не женщинами.

Магомет оспоривает у дам существование души.

Во Франции, в земле, прославленной своею учтивостию, грамматика торжественно провозгласила мужеский род благороднейшим.

Стихотворец отдал свою трагедию на рассмотрение известному критику. В рукописи находился стих:

> Я человек и шла путями заблуждений...

Критик подчеркнул стих, усомнясь, может ли женщина называться человеком? Это напоминает известное решение, [приписываемое Петру I]: женщина не человек, курица не птица, прапорщик не офицер.

Даже люди, выдающие себя за усерднейших почитателей прекрасного пола, не предполагают в женщинах ума, равного нашему, и, приноравливаясь к слабости их понятия, издают ученые книжки для дам, как будто для детей, и т. п.

Тредьяковский пришел однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. „Ваше высокопревосходительство! меня Александр Петрович так ударил в правую щеку, что она до сих пор у меня болит“. — „Как же, братец“, отвечал ему Шувалов, „у тебя болит правая щека, а ты держишься за левую“. — „Ах, ваше высокопревосходительство, вы имеете резон“, отвечал Тредьяковский и перенес руку на другую сторону. Тредьяковскому не раз случалось быть битым. В деле Волынского сказано, что сей однажды в какой-то праздник потребовал оду у придворного пииты Василия Тредьяковского, но ода была не готова, и пылкий статс-секретарь наказал тростию оплошного стихотворца.

Один из наших поэтов говорил гордо: пускай в стихах моих найдется бессмыслица, зато уж прозы не найдется. Байрон не мог изъяснить некоторые свои стихи. Есть два рода бессмыслицы: одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами; другая — от полноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения.

„Всё, что превышает геометрию, превышает нас“, сказал Паскаль. И вследствие того написал свои философические мысли!

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poème. * Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедии... Что это значит? можно ли сказать, что хороший завтрак лучше дурной погоды?

Tous les genres sont bons hors le genre ennuyeux. ** Хорошо было сказать это в первый раз; но как можно важно повторять столь великую истину? Эта шутка Вольтера служит основаньем поверхностной критике литературных скептиков; но скептицизм во всяком случае есть только первый

* 〈Один безупречный сонет стоит длинной поэмы.〉
** 〈Все жанры хороши, за исключением скучного.〉

шаг умствования. Впрочем некто заметил, что и Вольтер не сказал également bons. *

Путешественник Ансело говорит о какой-то грамматике, утвердившей правила нашего языка, и еще не изданной, о каком-то русском романе, прославившем автора, и еще находящемся в рукописи, и о какой-то комедии, лучшей из всего русского театра, и еще не игранной и не напечатанной. Забавная словесность!

Л., состаревшийся волокита, говорил: Moralement je suis toujours physique, mais physiquement je suis devenu moral! **

Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии.

[Милостивый Государь! Вы не знаете правописания и пишете обыкновенно без смысла. Обращаюсь к вам с покорнейшею просьбою: не выдавайте себя за представителя образованной публики и решителя споров трех литератур. С истинным почтением и проч.]

Иностранцы, утверждающие, что в древнем нашем дворянстве не существовало понятие о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Сия честь, состоящая в готовности жертвовать всем для поддержания какого-нибудь условного правила, во всем блеске своего безумия видна в древнем нашем местничестве. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословные распри. Юный Феодор, уничтожив сию спесивую дворянскую опозицию, сделал то, на что не решились ни могучий Иоанн III, ни нетерпеливый внук его, ни тайно злобствующий Годунов.

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие. „Государственное правило“, говорит Карамзин, „ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному“. Греки в самом своем унижении помнили славное происхождение свое и тем самым уже были достойны своего освобождения... Может ли быть пороком в частном человеке то, что почитается

* ⟨Одинаково хороши.⟩

** ⟨Морально я остался плотским, но плотски я сделался моральным.⟩

добродетелью в целом народе? Предрассудок сей, утвержденный демократической завистию некоторых философов, служит только к распространению низкого эгоизма. Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?

Mes arrière-neveux me devront cet ombrage! *

Сказано: Les sociétés secrètes sont diplomatie des peuples. ** Но какой же народ вверит права свои тайным обществам и какое правительство, уважающее себя, войдет с оными в переговоры?

Байрон говорил, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видал бы собственными глазами. Однако ж в Дон Жуане описывает он Россию; зато приметны некоторые погрешности противу местности. Например, он говорит о грязи улиц Измаила; Дон Жуан отправляется в Петербург в *кибитке, беспокойной повозке без рессор,* по *дурной каменистой дороге.* Измаил взят был зимою в жестокий мороз. На улицах неприятельские трупы прикрыты были снегом, и победитель ехал по ним, удивляясь опрятности города: „помилуй бог, как чисто!“ Зимняя кибитка не беспокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другие ошибки, более важные.— Байрон много читал и расспрашивал о России. Он, кажется, любил ее и хорошо знал ее новейшую историю. В своих поэмах он часто говорит о России, о наших обычаях. Сон Сарданапалов напоминает известную политическую карикатуру, изданную в Варшаве во время войны 17 ** года. В лице Нимврода изобразил он Петра Великого. В 1813 году Байрон намеревался через Персию приехать на Кавказ.

Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным, и с великим характером, всегда откровенным.

Не знаю где, но не у нас,
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой, —
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком прополз в известный чин
И стал известный господин.

---

* ⟨Мои правнуки будут мне обязаны этой сенью.⟩
** ⟨Тайные общества суть дипломатия народов.⟩

Еще два слова об Мидасе:
Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был отважен;
Зато был сух, учтив и важен.
Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким, и пр.

Пушкин.

Coquette, prude. Слово кокетка обрусело, но prude не переведено и не вошло еще в употребление. Слово это означает женщину, чрезмерно щекотливую в своих понятиях о чести (женской) — недотрогу. Таковое свойство предполагает нечистоту воображения, отвратительную в женщине, особенно молодой. Пожилой женщине позволяется многое знать и многого опасаться, но невинность есть лучшее украшение молодости. Во всяком случае, *прюдство* или смешно или несносно.

Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только со времени кн. Потемкина, имеют некоторое понятие о статистике только той губернии, в которой находятся их поместья; со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят ботвинью и что дети их бегают в красной рубашке.

[М<осква> девичья, а П<етербург> прихожая.]

Должно стараться иметь большинство голосов на своей стороне: не оскорбляйте же глупцов.

Появление Истории Государства Российского (как и надлежало быть) наделало много шуму и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлись в один месяц, чего не ожидал и сам Карамзин. Светские люди бросились читать историю своего отечества. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом. Несколько времени нигде ни о чем ином не говорили. Признаюсь, ничего нельзя вообразить глупее светских суждений, которые удалось мне слышать; они были в состоянии отучить хоть кого от охоты к славе. Одна дама (впрочем очень милая), при мне открыв вторую часть, прочла вслух: „Владимир усыновил Святополка, однако ж не любил его“... *Однако!* зачем не *но?* однако! чувствуете ли

всю ничтожность вашего Карамзина?“ В журналах его не критиковали: у нас никто не в состоянии исследовать, оценить огромное создание Карамзина. К⟨аченовский⟩ бросился на предисловие. Н⟨икита Муравьев⟩, молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие (предисловие!), М⟨ихаил Орлов⟩ в письме к В⟨яземскому⟩ пенял Карамзину, зачем в начале своего творения не поместил он какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян; т. е. требовал от историка не истории, а чего-то другого. Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина; зато почти никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет, во время самых лестных успехов, и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. Примечания к Русской Истории свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно заключен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению. Многие забывали, что Карамзин печатал свою Историю в России, [в государстве самодержавном.] Повторяю, что История Государства Российского есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека.

[Идиллии Дельвига для меня удивительны. Какую силу воображения должно иметь, дабы так совершенно переселиться из 19 столетия в золотой век — и какое необыкновенное *чутье* изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы, эту роскошь, эту негу, эту прелесть более отрицательную, чем положительную, которая не допускает ничего напряженного в чувствах; тонкого, запутанного в мыслях; лишнего, не естественного в описаниях!]

Французская словесность родилась в передней и далее гостиной не доходила.

(Извлечено из неизданных записок.)

Отрывок из литературных летописей

Tantae ne animis scholasticis irae! *

Распря между двумя известными журналистами [и тяжба одного из них с цензурою] наделала шуму. ** Постараемся изложить исторически всё дело sine ira et studio. ***

---

* ⟨Возможен ли такой гнев в душах ученых мужей!⟩

** ⟨В квадратных скобках помещаются строки, исключенные из первопечатного текста цензурой.⟩

*** ⟨Без гнева и пристрастия.⟩

В конце минувшего года *редактор* Вестника Европы, желая в следующем, 1829 году потрудиться еще и в качестве *издателя*, объявил о том публике, всё еще худо понимающей различие между сими двумя учеными званиями. Убедившись единогласным мнением критиков в односторонности и скудости Вестника Европы, сверх того *движимый глубоким чувством сострадания при виде беспомощного состояния литературы*, он обещал *употребить наконец свои старания, чтобы сделать журнал сей обширнее и разнообразнее*. Он надеялся *отныне далее видеть, свободнее соображать и решительнее действовать*. Он собирался пуститься в *неизмеримую область бытописания, по которой Карамзин*, как всем известно, *проложил тропинку, теряющуюся в тундрах бесплодных*. „Предполагаю работать сам", говорил почтенный редактор, „не отказывая однако ж и другим литераторам участвовать в трудах моих". Сии поздние, но тем не менее благие намерения, сия похвальная заботливость о русской литературе, сия великодушная снисходительность к сотрудникам тронули и обрадовали нас чрезвычайно. Приятно было бы нам приветствовать первые труды, первые успехи знаменитого редактора Вестника Европы. Его глубокие знания (думали мы), столь известные нам по слуху, дадут плод во время свое (в нынешнем 1829 году). Светильник исторической его критики озарит вышепомянутые тундры области бытописаний, а законы словесности, умолкшие при звуках журнальной полемики, заговорят устами ученого редактора. Он не ограничит своих глубокомысленных исследований замечаниями о заглавном листе *Истории Государства Российского*, или даже рассуждениями о *куньих мордках*, но верным взором обнимет наконец творение Карамзина, оценит истину его разысканий, укажет источники новых соображений, дополнит недосказанное. В критиках собственно-литературных мы не будем слышать то брюзгливого ворчанья какого-нибудь старого педанта, то непристойных криков пьяного семинариста. Критики г. Каченовского должны будут иметь решительное влияние на словесность. Молодые писатели не будут ими забавляться, как пошлыми шуточками журнального гаера. Писатели известные не будут ими презирать, ибо услышат окончательный суд своим произведениям, оцененным ученостью, вкусом и хладнокровием.

Можем смело сказать, что мы ни единой минуты не усомнились в исполнении планов г. Каченовского, изложенных поэтическим слогом в газетном объявлении о подписке на Вестник Европы. Но г. Полевой, долгое время наблюдавший литературное поведение своих товарищей-журналистов, худо поверил новым обещаниям Вестника. Не ограничиваясь безмолвными сомнениями, он напечатал в 20-й книжке Московского

Телеграфа прошедшего года статью, в которой сильно напал он на почтенного редактора Вестника Европы. Дав заметить неприличие некоторых выражений, употребленных, вероятно, неумышленно г. Каченовским, он говорит:

„Если бы он (Вестник Европы), старец по летам, признался в незнании своем, принялся за дело скромно, поучился, бросил свои смешные предрассудки, заговорил голосом беспристрастия; мы все охотно уважили бы его сознание в слабости, желание учиться и познавать истину, все охотно стали бы слушать его“.

Странные требования! В летах Вестника Европы уже не учатся и не бросают предрассудков закоренелых. Скромность, украшение седин, не есть необходимость литературная; а если сознания, требуемые г. Полевым, и заслуживают какое-нибудь уважение, то можно ли нам оные слушать из уст почтенного старца без болезненного чувства стыда и сострадания?

„Но *что* сделал до сих пор издатель Вестника Европы?“ продолжает г. Полевой. „Где *его* права, и на какой возделанной *его трудами* земле он водрузит свои знамена: где, за каким океаном эта обетованная земля? Юноши, обогнавшие издателя Вестника Европы, не виноваты, что они шли вперед, когда издатель Вестника Европы засел на одном месте и неподвижно просидел более 20 лет. Дивиться ли, что теперь Вестнику Европы видятся чудные распри, грезятся кимвалы бряцающие и медь звенящая?“

На сие ответствуем:

Если г. Каченовский, не написав ни одной книги, достойной некоторого внимания, не напечатав в течение 26 лет ни одной замечательной статьи, снискал однако ж себе бессмертную славу, то чего же должно нам ожидать от него, когда наконец он примется за дело не на шутку? Г. Каченовский просидел 26 лет на одном месте, — согласен: но как могли юноши обогнать его, если он ни за чем и не гнался? Г. Каченовский ошибочно судил о музыке Верстовского: но разве он музыкант? Г. Каченовский перевел *Терезу и Фальдони:* что за беда?

Доселе казалось нам, что г. Полевой неправ, ибо обнаруживается какое-то пристрастие в замечаниях, которые с первого взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали от г. Каченовского возражений неоспоримых или благородного молчания, каковым некоторые известные писатели всегда ответствовали на неприличные и пристрастные выходки некоторых журналистов. Но сколь изумились мы, прочитав в 24 № Вестника Европы следующее примечание редактора к статье своего почтенного сотрудника, г. Надоумки (одного из великих писателей,

приносящих истинную честь и своему веку и журналу, в коем они участвуют).

„Здесь приличным считаю объявить, что препираться с Бенигною я не имею охоты, отказавшись навсегда от бесплодной полемики, а теперь не имею на то и права, предприняв другие меры к охранению своей личности от игривого произвола сего Бенигны и всех прочих. Я даже не читал бы статьи Телеграфической, если б не был увлечен следствиями неблагонамеренности, прикосновенными к чести службы и к достоинству места, при котором имею счастие продолжать оную. *Рдр*“.

Сие загадочное примечание привело нас в большое беспокойство. Какие *меры к охранению своей личности от игривого произвола г. Бенигны* предпринял почтенный редактор? что значит *игривый произвол г. Бенигны?* что такое: *был увлечен следствиями неблагонамеренности, прикосновенными к чести службы и достоинству места?* (Впрочем смысл последней фразы доныне остается темен, как в логическом, так и в грамматическом отношении.)

Многочисленные почитатели Вестника Европы затрепетали, прочитав сии мрачные, грозные, беспорядочные строки. Не смели вообразить, на что могло решиться рыцарское негодование Михаила Трофимовича. К счастию, скоро всё объяснилось. [Оскорбленный, как издатель Вестника Европы, г. Каченовский решился требовать защиты законов, как ординарный профессор, статский советник и кавалер, и явился в цензурный комитет с жалобою на цензора, пропустившего статью г. Полевого.]

Успокоясь на счет ужасного смысла вышеупомянутого примечания мы сожалели о бесполезном действии почтенного редактора. Все предвидели последствия оного. В статье г. Полевого личная честь г. Каченовского не была оскорблена. Говоря с неуважением о его занятиях литературных, издатель Московского Телеграфа не упомянул ни о его службе, ни о тайнах домашней жизни, ни о качествах его души.

[Новое лицо выступило на сцену: цензор С. Н. Глинка явился ответчиком. Пылкость и неустрашимость его духа обнаружились в его речах, письмах и деловых записках. Он увлек сердца красноречием сердца и, вопреки чувству уважения и преданности, глубоко питаемому нами к почтенному профессору, мы желали победы храброму его противнику, ибо польза просвещения и словесности требует степени свободы, которая нам дарована мудрым и благодетельным Уставом. В. В. Измайлов, которому отечественная словесность уже многим обязана, снискал себе новое право на общую благодарность свободным изъяснением мнения столь же умеренного, как и справедливого.]

Между тем, ожесточенный издатель Московского Телеграфа напечатал другую статью, в коей дерзновенно подтвердил и оправдал первые свои показания. Вся литературная жизнь г. Каченовского была разобрана по годам, все занятия оценены, все простодушные обмолвки выведены на позор. Г. Полевой доказал, что почтенный редактор пользуется славою ученого мужа, так сказать, на честное слово; а доныне, кроме переводов с переводов и кой-каких заимствованных кое-где статеек, ничего не произвел. Скудость, более достойная сожаления, нежели укоризны! Но что всего важнее, г. Полевой доказал, что Михаил Трофимович несколько раз дозволял себе личности в своих критических статейках, что он упрекал издателя Телеграфа винным его заводом (пятном ужа́сным, как известно всему нашему дворянству!), что он неоднократно с упреком повторял г. Полевому, что сей последний купец (другое столь же ужасное обвинение!), и всё сие в непристойных оскорбительных выражениях. Тут уже мы приняли совершенно сторону г. Полевого. Никто, более нашего, не уважает истинного, родового дворянства, коего существование столь важно в смысле государственном; но в мирной республике наук, какое нам дело до гербов и пыльных грамот? Потомок Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессор, честный аудитор и странствующий купец равны пред законами критики. Князь Вяземский уже дал однажды заметить неприличность сих аристократических выходок; но не худо повторять полезные истины.

Однако ж, таково действие долговременного уважения! И тут мы укоряли г. Полевого в запальчивости и неумеренности. Мы с умилением взирали на почтенного старца, расстроенного до такой степени, что для поддержания ученой своей славы принужден он был обратиться к русскому букварю и преобразовать оный удивительным образом. Утешительно для нас, по крайней мере, то, что сведения Михаила Трофимовича в греческой азбуке отныне не подлежат уже никакому сомнению.

С нетерпением ожидали мы развязки дела. Наконец [решение главного управления цензуры] водворило спокойствие в области словесности и прекратило распрю миром, равно выгодным для победителей и побежденных...

<Заметка о „Ромео и Джюльете" Шекспира>

Многие из трагедий, приписываемых Шекспиру, ему не принадлежат, а только им поправлены. Трагедия: *Ромео и Джюльета,* хотя слогом своим и совершенно отделяется от известных его приемов, но она так явно

входит в его драматическую систему и носит на себе так много следов вольной и широкой его кисти, что ее должно почесть сочинением Шекспира. В ней отразилась Италия, современная поэту, с ее климатом, страстями, праздниками, негой, сонетами, с ее роскошным языком, исполненным блеска и concetty.* Так понял Шекспир драматическую местность. После Джюльеты, после Ромео, сих двух очаровательных созданий шекспировской грации, Меркутио, образец молодого кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутио есть замечательнейшее лицо изо всей трагедии. Поэт избрал его в представители итальянцев, бывших модным народом Европы, французами XVI века.

---

* ⟨„Кончетти“ — с блеском выраженные, тонкие мысли.⟩

Статьи в „Литературной Газете“ 1830—1831 гг.

1. В ОТДЕЛЕ „БИБЛИОГРАФИЯ“

Илиада Гомерова,

переведенная Н. Гнедичем, членом Императорской Российской Академии и пр. — 2 ч. С. П. б., в типогр. Императорской Российской Академии 1829 (в 1-й ч. XV—354, во 2-й—362 стр. в больш. 4-ю д. л.)

Наконец вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожиданный перевод Илиады! Когда писатели, избалованные минутными успехами, большею частию устремились на блестящие безделки; когда талант чуждается труда, а мода пренебрегает образцами величавой древности; когда поэзия не есть благоговейное служение, но токмо легкомысленное занятие: с чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительному труду, бескорыстным вдохновениям, и совершению единого, высокого подвига. Русская Илиада перед нами. Приступаем к ее изучению, дабы со временем отдать отчет нашим читателям о книге, долженствующей иметь столь важное влияние на отечественную словесность.

История Русского Народа,

сочинение Николая Полевого. Том 1. — М. в типогр. Августа Семена, 1829. (LXXXII—368 стран., в 8-ю д. л.) В конце книги приложена таблица, содержащая в себе генеалогическую роспись русских князей с 862 по 1055 год.*

Статья I

Мы не охотники разбирать заглавия и предисловия книг, о коих обязываемся отдавать отчет публике; но перед нами первый том *Истории Русского Народа*, соч. г. Полевым, и поневоле должны мы остано-

* Раздается в книжном магазине А. Смирдина. Подписная цена за все 12 томов 40 руб., с пересылкой 45 рублей.

виться на первой строке посвящения: *г-ну Нибуру, первому историку нашего века*. Спрашивается: кем и каким образом г. Полевой уполномочен назначать места писателям, заслужившим всемирную известность? должен ли г. Нибур быть благодарен г. Полевому за милостивое производство в первые историки нашего века, не в пример другим? Нет ли тут со стороны г. Полевого излишней самонадеянности? Зачем с первой страницы вооружать уже на себя читателя, всегда недоверчивого к выходкам авторского самолюбия и предубежденного против нескромности? Самое посвящение, вероятно, не помирит его с г. Полевым. В нем господствует единая мысль, единое слово: *Я*, еще более неловкое, чем ненавистное *Я*. Послушаем г. Полевого: „В то время, когда образованность и просвещение соединяют все народы союзом дружбы, основанной на высшем созерцании жребия человечества, когда высокие помышления, плоды философских наблюдений, и великие истины прошедшего и настоящего составляют общее наследие различных народов и быстро разделяются между обитателями отдаленных одна от другой стран...“ тогда — что б вы думали? *„я осмеливаюсь поднести вам мою Историю Русского Народа“*.

Belle conclusion et digne de l'exorde*

Далее: „Я не поколебался писать историю России после Карамзина; утвердительно скажу, что я верно изобразил историю России; я знал подробности событий, я чувствовал их, как русский; я был беспристрастен, как гражданин мира“... Воля ваша: хвалить себя немножко можно; зачем терять хоть единый голос в собственную пользу? Но есть мера всему. Далее: „Она (картина г-на Полевого) достойна вашего взора (Нибурова). Пусть приношение мое покажет вам, что в России столько же умеют ценить и почитать вас, как и в других просвещенных странах мира“. Опять! Как можно самому себя выдавать за представителя всей России? За посвящением следует предисловие. Вступление в оное писано темным, изысканным слогом и своими противоречиями и многословием напоминает философическую статью об русской истории, напечатанную в *Московском Телеграфе* и разобранную с такой оригинальной веселостию в *Славянине*.

Приемлем смелость заметить г-ну Полевому, что он поступил по крайней мере неискусно, напав на *Историю Государства Российского* в то самое время, как начинал печатать *Историю Русского Народа*. Чем полнее, чем искреннее отдал бы он справедливость Карамзину, чем смиреннее отозвался бы он о самом себе, тем охотнее были бы все

* ⟨Прекрасное и достойное начала окончание.⟩

Н. М. Карамзин. С портрета маслом *В. А. Тропинина* 1815 г.
(Госуд. Третьяковская галлерея)

готовы приветствовать его появление на поприще, ознаменованном бессмертным трудом его предшественника. Он отдалил бы от себя нарекания, правдоподобные, если не совсем справедливые. Уважение к именам, освященным славою, не есть подлость (как осмелился кто-то напечатать), но первый признак ума просвещенного. Позорить их дозволяется токмо ветренному невежеству, как некогда, по указу эфоров, одним хиосским жителям дозволено было пакостить всенародно.

Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофтегмами хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий. Нет ни единой эпохи, ни единого важного происшествия, которые не были бы удовлетворительно развиты Карамзиным. Где рассказ его не удовлетворителен, там недоставало ему источников: он их не заменял своевольными догадками. Нравственные его размышления своею иноческою простотою дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи. Он их употреблял, как краски, но не полагал в них никакой существенной важности. „Заметим, что сии апофтегмы“, говорит он в предисловии, столь много критикованном и столь еще мало понятом, „бывают для основательных умов или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в истории, где ищем действия и характеров“. Не должно видеть в отдельных размышлениях насильственного направления повествования к какой-нибудь известной цели. Историк, добросовестно рассказав происшествие, выводит одно заключение, вы другое, г-н Полевой никакого: *вольному воля*, как говорили наши предки.

Г. Полевой замечает, что 5-я глава XII-го тома была еще недописана Карамзиным, а начало ее, вместе с первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово к печати, и делает вопрос: „*Когда же думал историк?*“

На сие ответствуем:

Когда первые труды Карамзина были с жадностию принимаемы публикою, им образуемою, когда лестный успех следовал за каждым новым произведением его гармонического пера, тогда уже думал он об истории России и мысленно обнимал свое будущее создание. Вероятно, что XII том не был им еще начат, а уже историк думал о той странице, на которой смерть застала последнюю его мысль... Г-н Полевой, немного подумав, конечно сам удивится своему легкомысленному вопросу.

(Продолжение обещано.)

Статья II

Действие В. Скотта ощутительно во всех отраслях ему современной словесности. Новая школа французских историков образовалась под влиянием шотландского романиста. Он указал им источники совершенно новые, неподозреваемые прежде, несмотря на существование исторической драмы, созданной Шекспиром и Гёте.

Г-н Полевой сильно почувствовал достоинства Баранта и Тьерри и принял их образ мнений с неограниченным энтузиазмом молодого неофита. Пленяясь романическою живостию истины, выведенной перед нас в простодушной наготе летописи, он фанатически отвергнул существование всякой другой истории. Судим не по словам г-на Полевого, ибо из них невозможно вывести никакого положительного заключения; но основываемся на самом духе, в котором вообще писана *История Русского Народа,* на старании г-на Полевого сохранить драгоценные краски старины и частых его заимствованиях у летописей. Но желание отличиться от Карамзина слишком явно в г-не Полевом, и как заглавие его книги есть не что иное, как пустая пародия заглавия *Истории Государства Российского,* так и рассказ г-на Полевого слишком часто не что иное, как пародия рассказа историографа.

История Русского Народа начинается живым географическим изображением Скандинавии и нравов диких ее обитателей (подражание Тьерри); но, переходя к описанию стран, Россиею ныне именуемых, и народов, некогда там обитавших, г-н Полевой становится столь же темен в изложении своих этнографических понятий, как в философических рассуждениях своего предисловия. Он или повторяет сбивчиво то, что было ясно изложено Карамзиным, или касается предметов, вовсе чуждых Истории Русского Народа, и, утомляя внимание читателя, говорит поминутно: „Итак мы видим... Из сего следует... Мы в нескольких словах означили главные черты великой картины...“, между тем, как мы ничего не видим, как из этого ничего не следует и как г-н Полевой в весьма многих словах означил не главные черты великой картины.

Желание противоречить Карамзину поминутно завлекает г-на Полевого в мелочные придирки, в пустые замечания, большею частию несправедливые. Он то соглашается с Татищевым, то ссылается на Розенкампфа, то утвердительно и без доказательства повторяет некоторые скептические намеки г-на Каченовского. Признав уже достоверность похода к Царюграду, он сомневается, имел ли Олег с собою сухопутное войско. „Где могли пройти его дружины“, говорит г-н Полевой, „не чрез Булгарию по крайней мере“. Почему же нет? какая тут физи-

ческая невозможность? Оспоривая у Карамзина смысл выражения: *на ключ*, он пускается в догадки, ни на чем не основанные. Быть может, и Карамзин ошибся в применении своей догадки: ключ (символ хозяйства), как котел у казаков, означал, вероятно, общее хозяйство, артель.* В древнем договоре Карамзин читает: *милым ближникам*, ссылаясь на сгоревший Троицкий список. Г-н Полевой, признавая, что в других списках поставлено ad libita librarii ** *милым и малым*, — подчеркивает, однако ж, слово *сгоревший*, читает *малым* (малолетным, младшим) и переводит: *дальним* (дальним ближним!). Не говорим уже о довольно смешном противоречии, но что за мысль отдавать наследство дальним родственникам мимо ближайших?

Первый том *Истории Русского Народа* писан с удивительной опрометчивостию. Г-н Полевой утверждает, что дикая поэзия согревала душу скандинава, что песнопения скальда воспламеняли его, что религия усиливала в нем врожденную склонность к независимости и презрению смерти (склонность к презрению смерти!), что он гордился названием *Берсеркера*, и пр.; а чрез три страницы г-н Полевой уверяет, что не слава вела его в битвы; что он ее не знал, что недостаток пищи, одежды, жадность добычи были причинами его походов. Г-н Полевой не видит еще государства Российского в начальных княжениях скандинавских витязей, а в Ольге признает уже мудрую образовательницу системы скрепления частей в единое целое, а у Владимира стремление к единовластию. В уделах г-н Полевой видит то образ восточного самодержавия, то феодальную систему, общую тогда в Европе. Промахи, указанные в *Московском Вестнике*, почти невероятны.

Г-н Полевой в своем предисловии весьма искусно дает заметить, что слог в истории есть дело весьма второстепенное, если уже не совсем излишнее; он говорит о нем почти с презрением.

Maître renard peut-être on vous croirait...*** По крайней мере, слог есть самая слабая сторона *Истории Русского Народа*. Невозможно отвергать у г-на Полевого ни остроумия, ни воображения, ни способности живо чувствовать, но искусство писать до такой степени чуждо ему, что в его сочинении картины, мысли, слова, всё обезображено, перепутано и затемнено.

---

* *Стряпчий с ключом* ведал хозяйственною частию Двора. В Малороссии *ключевать* значит *управлять хозяйством*.

** ⟨По произволу переписчика.⟩

*** ⟨Сударыня лисичка, быть может вам поверят.⟩

P. S. Сказав откровенно наш образ мыслей насчет *Истории Русского Народа*, не можем умолчать о критиках, которым она подала повод. В журнале, издаваемом ученым, известным профессором, напечатана статья, * в коей брань доведена до исступления; более чем в 30 страницах грубых насмешек и ругательства нет ни одного дельного обвинения, ни одного поучительного показания, кроме ссылки на мнение самого издателя, мнение весьма любопытное, коему доказательства с нетерпением должны ожидать любители отечественной истории. *Московский Вестник*... (et tu autem, Brute!)** сказал свое мнение насчет г-на П. еще с большим, непростительнейшим забвением своей обязанности, непростительнейшим, ибо издатель *Московского Вестника* доказал, что чувство приличия ему сродно и что, следственно, он добровольно пренебрегает оным. Ужели так трудно нашей братье критикам сохранить хладнокровие? Как не вспомнить, по крайней мере, совета старинной сказки:

То же бы ты слово
Да не так бы молвил.

Юрий Милославский, или русские в 1612 году

Соч. М. Н. Загоскина. — М. в типогр. Н. Степанова, 1829. — 3 части с виньетками на заглавных листах (в I-й части 255, во II-й 166, в III-й 263 стр. в 12 д. л.).

В наше время под словом *роман* разумеем историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании. Вальтер Скотт увлек за собою целую толпу подражателей. Но как они все далеки от шотландского чародея! Подобно ученику Агриппы, они, вызвав демона старины, не умели им управлять и сделались жертвами своей дерзости. В век, в который хотят они перенести читателя, перебираются они сами с тяжелым запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений. Под *беретом*, осененным перьями, узнаете вы голову, причесанную вашим парикмахером; сквозь кружевную фрезу à la Henri IV проглядывает накрахмаленный галстух нынешнего dandy.*** Готические героини воспитаны у Madame Campan, а государственные люди XVI-го столетия читают Times и Journal des débats. Сколько несообразностей, ненужных мелочей, важных упущений! сколько изысканности! а сверх

---

* Выписки, коими наполнена сия статья, в самом деле *пойдут в пример галиматьи*, но и самый текст почти от них не отличается.

** ⟨„И ты, Брут!“⟩

*** ⟨Щеголя.⟩

всего, как мало жизни! Однако ж сии бледные произведения читаются в Европе. Потому ли, что люди, как утверждала Madame de Staël, знают только историю своего времени и, следственно, не в состоянии заметить нелепости романических анахронизмов? потому ли, что изображение старины, даже слабое и неверное, имеет неизъяснимую прелесть для воображения, притупленного однообразной пестротою настоящего, ежедневного?

Спешим заметить, что упреки сии вовсе не касаются *Юрия Милославского*. Г. Загоскин точно переносит нас в 1612 год. Добрый наш народ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши — всё это угадано, всё это действует, чувствует, как должно было действовать, чувствовать в смутные времена Минина и Авраамия Палицына. Как живы, как занимательны сцены старинной русской жизни! сколько истины и добродушной веселости в изображении характеров Кирши, Алексея Бурнаша, Федьки Хомяка, пана Копычинского, батьки Еремея! Романическое происшествие без насилия входит в раму обширнейшую происшествия исторического. Автор не спешит своим рассказом, останавливается на подробностях, заглядывает и в сторону, но никогда не утомляет внимания читателя. Разговор (живой, драматический везде, где он простонароден) обличает мастера своего дела. Но неоспоримое дарование г. Загоскина заметно изменяет ему, когда он приближается к лицам историческим. Речь Минина на нижегородской площади слаба: в ней нет порывов народного красноречия. Боярская дума изображена холодно. Можно заметить два-три легких анахронизма и некоторые погрешности противу языка и *костюма*. Напр., новейшее выражение: *столбовой дворянин* употреблено в смысле человека знатного рода (*мужа честна*, как говорят летописцы); *охотиться*, вместо: *ездить на охоту; пользовать*, вместо *лечить*. Эти два последние выражения не простонародные, как, видно, полагает автор, но просто принадлежат языку дурного общества. *Быть в ответе*, значило в старину: *быть в посольстве*. Некоторые пословицы употреблены автором не в их первобытном смысле: *из сказки слова не выкинешь*, вместо *из песни*. В песне слова составляют стих, и *слова не выкинешь*, не испортив *склада;* сказка — дело другое. Но сии мелкие погрешности и другие, замеченные в 1-м номере *Московского Вестника* нынешнего года, * не могут повредить блистательному, вполне заслуженному успеху *Юрия Милославского.*

* *Московский Вестник* будет издаваться в нынешнем году в том виде, в каком издавался он в 1827 и 1828. Сей журнал почти постоянно отличается статьями любопытными, дельными критиками и благонамеренностию. Прежние сотрудники продолжают участвовать в сем издании.

Денница,

Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем. — М. в Универс. типогр. 1830. (LXXXIV—256 стр., в 16-ю д. л., с гравир. заглав. листком)*

В сем альманахе встречаем имена известнейших из наших писателей, также стихотворения нескольких дам: украшение неожиданное, приятная новость в нашей литературе.

Но замечательнейшая статья сего альманаха, статья, заслуживающая более, нежели беглый взгляд рассеянного читателя, есть *Обозрение Русской Словесности* 1829 *года,* сочинение г-на Киреевского. Автор принадлежит к молодой школе московских литераторов, школе, которая основалась под влиянием новейшей немецкой философии и которая уже произвела Шевырева, заслужившего одобрительное внимание великого Гете, и Д. Веневитинова, так рано оплаканного друзьями всего прекрасного. Несколько критических статей г. Киреевского были напечатаны в *Московском Вестнике* и обратили на себя внимание малого числа истинных ценителей дарования. Вероятно, *Обзор* г. Киреевского сделает большое впечатление не потому, что мысли в нем зрелее (что, впрочем, неоспоримо, несмотря на слишком систематическое умонаправление автора), но потому только, что некоторые из его мнений выражены резко и неожиданно.

Г. Киреевский, ставя успехи гражданственности выше славы воинских подвигов, в начале статьи своей признает издание нового Ценсурного Устава „важнейшим событием для блага России в течение многих лет и важнее наших блистательных побед за Дунаем и Араратом, важнее взятия Арзерума и той славной тени, которую бросили русские знамена на стены царьградские“. Он приписывает сему Уставу уже заметное движение в текущей словесности прошедшего года. „Наши журналы заимствовали более из журналов иностранных; переводы, хотя по большей части дурные, передавали нам более следов умственной жизни наших соседей, и оттого вся литература наша неприметно приближалась более к жизни общеевропейской. Самые перебранки наших журналов, их неприличные критики, их дикий тон, их странные личности, их вежливости *негородские* — всё это было похоже на нестройные движения распеленатого ребенка; движения, необходимые для развития силы, для будущей красоты и здоровья“.

Сначала, рассматривая характер словесности XIX-го столетия, г. Киреевский говорит о тех писателях, кои по его мнению определили дух нашей литературы; но прежде посвящает красноречивую страницу

* Продается у А. Ф. Смирдина. Цена 10 р.

памяти того, „кто *подвинул на полвека образованность* нашего народа, кто всю жизнь употребил во благо отечества“, кому и сам Карамзин обязан, может быть, своею первою образованностию. „Он умер недавно (говорит г. Киреевский), почти всеми забытый, близ той Москвы, которая была свидетельницею и средоточием его блестящей деятельности. Имя его едва известно теперь большей части наших современников, и если бы Карамзин не говорил об нем, то, может быть, многие, читая эту статью, в первый раз услышали бы о делах Новикова и его товарищей, и усомнились бы в достоверности столь близких к нам событий. Память об нем почти исчезла; участники его трудов разошлись, утонули в темных заботах частной деятельности; многих уже нет; но дело, ими совершенное, осталось: оно живет, оно приносит плоды и ждет благодарности потомства.

„Новиков не распространил, а создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению. Прежде него, по свидетельству Карамзина, были в Москве две книжные лавки, продававшие ежегодно на 10 тысяч рублей; через несколько лет их было уже 20, и книг продавалось на 200.000. Кроме того, Новиков завел книжные лавки в других и в самых отдаленных городах России; распускал почти даром те сочинения, которые почитал особенно важными; заставлял переводить книги полезные, повсюду распространял участников своей деятельности и скоро не только вся Европейская Россия, но и Сибирь начала читать. Тогда отечество наше было, хотя не надолго, свидетелем события, почти единственного в летописях нашего просвещения: рождения *общего мнения*“.

Признав филантропическое влияние Карамзина за характер первой эпохи литературы XIX-го столетия, идеализм Жуковского за средоточие второй, и Пушкина, поэта действительности, за представителя третьей, автор приступает к обозрению словесности прошлого года.

„XII том *Истории Российского Государства*, последний плод трудов великих, последний подвиг жизни полезной, священной для каждого русского, кажется, еще превзошел прежние силою красноречия, обширностью объема, верностью изображений, ясностью, стройностью картин и этим ровным блеском, этою чистотою, твердостью бриллиантовою карамзинского слога. Вообще достоинство его Истории растет вместе с жизнию протекших времен. Чем ближе к настоящему, тем полнее раскрывается перед нами судьба нашего отечества; чем сложнее картина событий, тем она стройнее отражается в зеркале его воображения, в этой чистой совести нашего народа“.

В число исторических сочинений г. Киреевский включает и поэму *Полтаву*. „В самем деле“, говорит он, „из двадцати критик, вышедших

на эту поэму, более половины рассуждало о том, действительно ли согласны с историей описанные в ней лица и происшествия. — Критики не могли сделать большей похвалы Пушкину". Признавая в сей поэме большую зрелость таланта, он осуждает в ней недостаток единства интереса, „*единственного из всех единств, коего несоблюдение не прощается законами либеральной пиитики*". Этим изъясняет он малый успех, который имела последняя и едва ли не лучшая из поэм А. Пушкина.

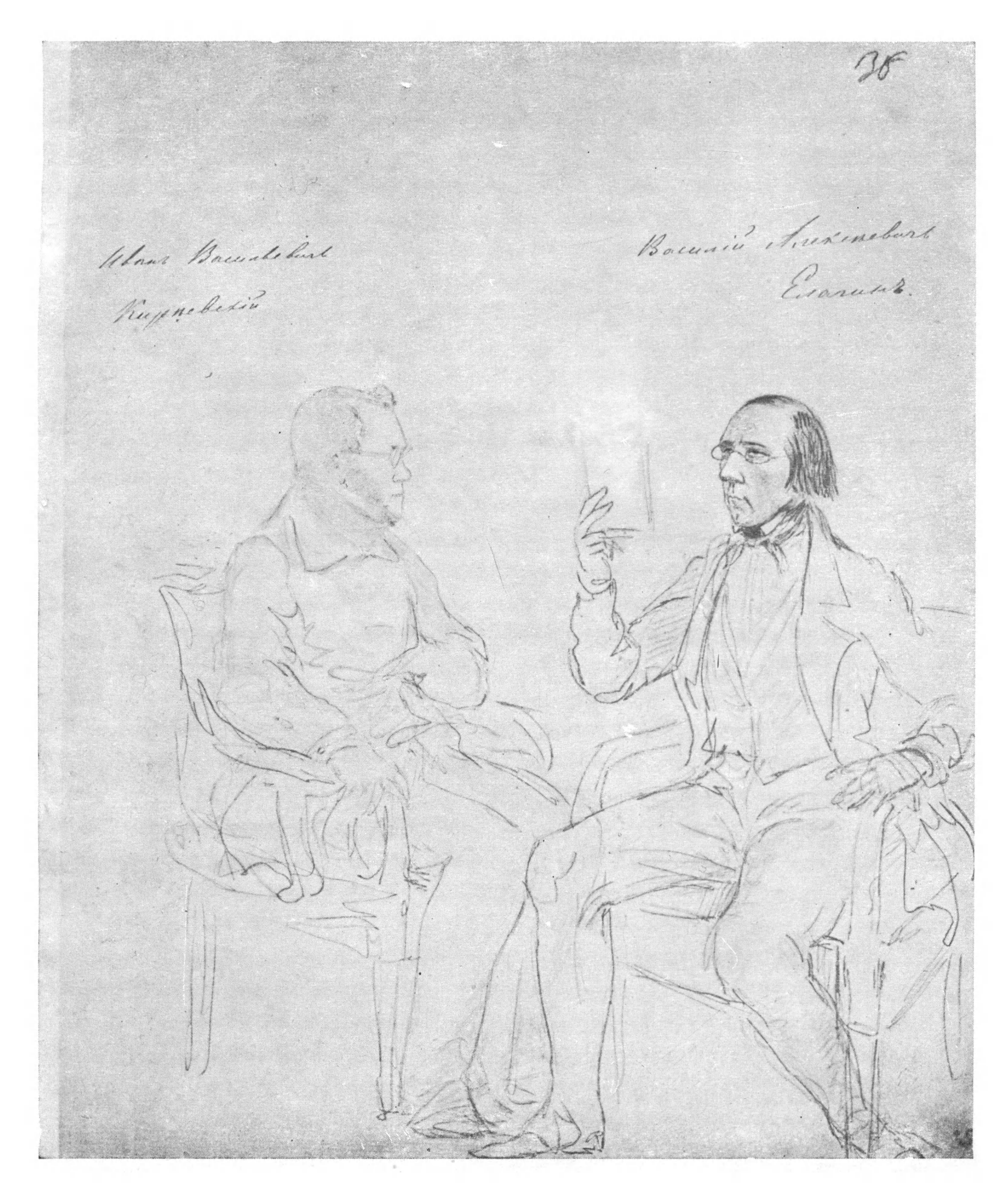
„Жуковский", продолжает автор, „напечатал в прошедшем году свое *Море*, *Песнь победителей*, из Шиллера, и связанные отрывки из *Илиады*. Здесь в первый раз увидели мы в Гомере такое качество, которого не находили в других переводах; что у других напыщенно и низко, то здесь просто и благородно; что у других бездушно и вяло, здесь сильно, мужественно и трогательно; здесь всё тепло, всё возвышенно, каждое слово от души. Может быть, это-то и ошибка, если прекрасное может быть ошибкою". — Автор имел в виду Кострова; в прошлом году мы не гордились еще *Илиадою* Гнедича.

„*Море* Жуковского живо напоминает всю прежнюю его поэзию. Те же звуки, то же чувство, та же особенность, та же прелесть. Кажется, все струны прежней его лиры отозвались здесь в одном душевном звуке. Есть однако отличие: что-то больше задумчивое, нежели в прежней его поэзии".

Из молодых поэтов немецкой школы г. Киреевский упоминает о Шевыреве, Хомякове и Тютчеве. Истинный талант двух первых неоспорим. Но Хомяков написал *Ермака* и сия трагедия уже заслуживает особенной критической статьи.

Глубокое чувство умиления внушило молодому критику несколько трогательных строк. Он говорит о своем друге, о *лучшем из избранных*, о покойном Веневитинове.

„Веневитинов создан был действовать сильно на просвещение своего отечества, быть украшением его поэзии и, может быть, создателем его философии. Кто вдумается с любовью в сочинения Веневитинова (ибо одна любовь дает нам полное разумение), кто в этих разорванных отрывках найдет следы общего им происхождения, единственно одушевлявшего их существа, кто постигнет глубину его мыслей, связанных стройною жизнью души поэтической, — тот узнает философа, проникнутого откровением своего века; тот узнает поэта глубокого, самобытного, которого каждое чувство освещено мыслию, каждая мысль согрета сердцем; которого мечта не украшается искусством, но сама собою родится прекрасная; которого лучшая песнь — есть собственное бытие, свободное развитие его полной, гармонической души. Ибо щедро природа наделила его своими дарами и их разнообразие согласила равно-

И. В. Киреевский и В. А. Елагин. С рисунка карандашом *Э. А. Дмитриева-Мамонова* 1840 г. (Госуд. Третьяковская галлерея)

весием. От того всё прекрасное было ему родное; от того в познании самого себя находил он решение всех тайн искусства, и в собственной душе прочел начертание высших законов, и созерцал красоту создания. От того природа была ему доступною для ума и для сердца, он мог:

В ее таинственную грудь,
Как в сердце друга, заглянуть.

„Созвучие ума и сердца было отличительным характером его духа, и самая фантазия его была более музыкою мыслей и чувств, нежели игрою воображения. Это доказывает, что он был рожден еще более для философии, нежели для поэзии. Прозаические сочинения его, которые печатаются и скоро выйдут в свет, еще подтвердят всё сказанное нами“.

Тут критик сильно и остроумно доказывает преимущественную пользу немецких философов на тех из наших писателей, которые, не отличаясь личным дарованием, тем яснее показывают достоинство чужого или приобретенного. „Здесь господствуют два рода литераторов: одни следуют направлению французскому, другие немецкому. Что встречаем мы в сочинениях первых? *Мыслей* мы не встречаем у них (ибо мысли, собственно французские, уже стары, след. не мысли, а общие места: сами французы заимствуют их у немцев и англичан). Но мы находим у них *игру слов*, редко, весьма редко, и то случайно соединенную с остроумием, и *шутки*, почти всегда лишенные вкуса, часто лишенные всякого смысла. И может ли быть иначе? — Остроумие и вкус воспитываются только в кругу лучшего общества; а многие ли из наших писателей имеют счастие принадлежать к нему?

„Напротив того в произведениях литераторов, которые напитаны чтением немецких умствователей, почти всегда найдем мы что-нибудь достойное уважения, хотя тень мысли, хотя стремление к этой тени“.

В князе Вяземском г. Киреевский видит доказательство, что истинный талант блестит везде, во всяком направлении, под всяким влиянием. „Однако ж“, говорит автор, „и князь Вяземский, несмотря на все свои дарования, несмотря на то, что мы можем назвать его остроумнейшим из наших писателей, еще выше там, где, как в *Унынии*, голос сердца слышнее ума“.

Автор не соглашается с мнением людей, утверждающих, что французское направление господствует также и в произведениях Баратынского. Он видит в нем поэта самобытного, *своеобразного*. „Чтобы *дослышать* все *оттенки* лиры Баратынского, надобно иметь и тоньше слух, и больше внимания, нежели для других поэтов. Чем более читаем его, тем более открываем в нем нового, не замеченного с первого

взгляда, — верный признак поэзии, сомкнутой в собственном бытии, но доступной не для всякого. Даже в художественном отношении, многие ли способны оценить вполне достоинство его стихов, эту мерность изящную, эту благородную *щеголеватость?* — Но если бы идеал лучшего общества явился вдруг в какой-нибудь неизвестной нам столице, то в его избранном кругу не знали бы другого языка".

Автор справедливо ставит *Эду*, одно из самых оригинальных произведений элегической поэзии, выше *Бального вечера*, поэмы более блестящей, но менее изящной, менее трогательной, менее вольно и глубоко вдохновенной. Определяя характер поэзии барона Дельвига, критик говорит: „Всякое подражание по системе должно быть холодно и бездушно. Только подражание из любви может быть поэтическим и даже творческим. Но в последнем случае можем ли мы совершенно забыть самих себя? и не от того ли мы и любим образец наш, что находим в нем черты, соответствующие требованиям нашего духа? — Вот отчего новейшие всегда остаются новейшими во всех удачных подражаниях древним; скажу более: нет ни одного истинно-изящного перевода древних классиков, где бы не легли следы такого состояния души, которого не знали наши праотцы по уму. Чувство религиозное, коим мы обязаны христианству; романическая любовь, подарок арабов и варваров; уныние, дитя севера и зависимости; всякого рода фанатизм, необходимый плод борьбы вековых неустройств Европы с порывами к улучшению; наконец перевес мысленности над чувствами и оттуда стремление к единству и сосредоточению..." и пр.

Рассуждая о некоторых произведениях драматической музы нашей, автор с такою веселостию изображает состояние сцены, что мы, не разделяя вполне его мнения, не можем однако ж не выписать сего оригинального места.

„Вообще наш театр представляет странное противоречие с самим собою: почти весь репертуар наших комедий состоит из подражаний французам, и, несмотря на то, именно те качества, которые отличают комедию французскую ото всех других: вкус, приличность, остроумие, чистота языка и всё, что принадлежит к необходимостям хорошего общества, — всё это совершенно чуждо нашему театру. Наша сцена, вместо того, чтобы быть зеркалом нашей жизни, служит увеличительным зеркалом для одних лакейских наших, далее которых не проникает наша комическая муза. В лакейской она — *дома*, там ее и гостиная, и кабинет, и уборная; там проводит она весь день, когда не ездит на запятках делать визиты музам соседних государств, и чтобы Русскую Талию изобразить похоже, надобно представить ее в ливрее и в сапогах.

„Таков общий характер наших оригинальных комедий, еще не измененный немногими, редкими исключениями. Причина этого характера заключается отчасти в том, что от Фонвизина до Грибоедова* мы не имели ни одного истинного комического таланта, а известно, что необыкновенный человек, как необыкновенная мысль, всегда дают одностороннее направление уму; что перевес силы уравновешивается только другою силою; что вред гения исправляется явлением другого, противодействующего.

„Между тем можно бы заметить нашим комическим писателям, что они поступают нерасчетливо, избирая *такое* направление. За простым народом им не угнаться, и как ни низок язык их, как ни богаты неприличностями их удалые шутки, как ни грубы их фарсы, которым хохочет раёк, но они никогда не достигнут до своего настоящего идеала, и все комедии их — любой извозчик убьет одним словом".

Исчисляя переводы, явившиеся в течение 1829 года, автор замечает, что шесть иностранных поэтов разделяют преимущественно любовь наших литераторов: Гете, Шиллер, Шекспир, Байрон, Мур и Мицкевич.

Пропустив некоторые сочинения, более или менее замечательные, но не входящие в область чистой литературы, автор обращается к сочинениям в роде повествовательном. Прошлый год богат был оными: но *Иван Выжигин*, бесспорно, более всех достоин был внимания по своему чрезвычайному успеху. Два издания разошлись менее чем в один год; третье готовится. Г. Киреевский произносит ему строгий и резкий приговор,** не изъясняя однако ж удовлетворительно неимоверного успеха нравственно-сатирического романа г. Булгарина.

„Замечательно", говорит г. Киреевский, „что в прошедшем году вышло около 100 000 экземпляров азбуки русской, около 60 000 азбуки славянской, 60 000 экз. катехизиса, около 15 000 азбуки французской, и вообще учебные книги расходились в этом году почти целою третью более, нежели в прежнем. Вот что нам нужно, чего недостает нам, чего по справедливости требует публика".

Спешим окончить сие слишком уже пространное изложение. Г. Киреевский, вкратце упомянув о журналах, о духе их полемики, об альманахах, о переводах некоторых известных сочинений, заключает свою статью следующим печальным размышлением: „Но если мы будем рассматривать нашу словесность в отношении к словесностям других

* Кажется, автор выразился ошибочно. Не хотел ли он сказать: *кроме Фонвизина и Грибоедова?*

** См. Денница, Обозр. Р⟨усской⟩ С⟨ловесности⟩, стр. LXXII.

государств, если просвещенный европеец, развернув перед нами все умственные сокровища своей страны, спросит нас: „Где литература ваша? Какими произведениями можете вы гордиться перед Европою?“— Что будем отвечать ему?

„Мы укажем ему на Историю Российского Государства; мы представим ему несколько од Державина, несколько стихотворений Жуковского и Пушкина, несколько басен Крылова, несколько сцен из Фонвизина и Грибоедова, и — где еще найдем мы произведение достоинства европейского?

„Будем беспристрастны и сознаемся, что у нас еще нет полного отражения умственной жизни народа, у нас еще нет литературы. Но утешимся: у нас есть благо, залог всех других: у нас есть надежда и мысль о великом назначении нашего отечества!“

Мы улыбнулись, прочитав сей меланхолический эпилог. Но заметим г-ну Киреевскому, что там, где двадцатитрехлетний критик мог написать столь занимательное, столь красноречивое *обозрение Словесности*, там есть словесность — и время зрелости оной уже недалеко.

Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой

Описательное стихотворение в четырех частях. Федора Глинки. — СПБ, в типографии Х. Гинце, 1830 (VIII—112 стр. в 8-ю д. л.). *

Изо всех наших поэтов Ф. Н. Глинка, может быть, самый оригинальный. Он не исповедует ни древнего, ни французского классицизма, он не следует ни готическому, ни новейшему романтизму; слог его не напоминает ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина, ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковским и Батюшковым. Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом его псалме, как узнаете князя Вяземского в станцах метафизических или Крылова в сатирической притче. Небрежность рифм и слога, обороты то смелые, то прозаические, простота, соединенная с изысканностию, какая-то вялость и в то же время энергическая пылкость, поэтическое добродушие, теплота чувств, однообразие мыслей и свежесть живописи, иногда мелочной, — всё дает особенную печать его произведениям. Поэма *Карелия* служит подкреплением сего мнения. В ней, как в зеркале, видны достоинства и недо-

* Продается у издателя, книгопродавца Ив. Вас. Непейцына в д. Г. М. Балабина, под № 26-м. Цена экз. 6 р., с пересылкою 7 р.

статки нашего поэта. Мы верно угодим нашим читателям, выписав несколько отрывков, вместо всякого критического разбора. *

(Монах рассказывает Марфе Иоанновне о прибытии своем в Карелию.)

„В страну сию пришел я летом.
Тогда был небывалый жар,
И было дымом всё одето:
В лесах свирепствовал пожар.
В Кариоландии горело!..
От блеска не было ночей,
И солнце грустно без лучей,
Как раскаленный уголь, тлело!
Огонь пылал, ходил стеной,
По ветвям бегал, развевался,
Как длинный стяг перед войной;
И страшный вид передавался
Озер пустынных зеркалам...
От знойной смерти убегали
И зверь, и вод жильцы, и нам
Тогда казалось, уж настали
Кончина мира, гибель дней,
Давно на Патмосе в виденьи
Предсказанные. Всё в томленьи,
Снедалось жадностью огней,
По́рывом вихрей разнесенных;
И глыбы камней раскаленных
Трещали. — Этот блеск, сей жар
И вид дымящегося мира
Мне вспомянули песнь Омира:
В его стихах *лесной пожар.*
Но осень нам дала и тучи,
И ток гасительных дождей;
И нивой пепел стал зыбучий,
И жатвой радовал людей!..

„Дика Карелия, дика!
Надутый парус челнока
Меня промчал по сим озерам;
Я проходил по сим хребтам,
Зеленым дебрям и пещерам:
Везде пустыня; здесь и там
От Саломейского пролива
К семье Сюйсарских островов,

* В № 6-м Литер. Газеты было вкратце изложено содержание сей поэмы. — Издатель, г. Непейцын, заслуживает всякую похвалу за старательное и отлично-красивое издание оной.

До речки, с жемчугом игривой,*
До дальних северных лесов;
Нигде ни городов, ни башен
Пловец унылый не видал.
Лишь изредка отрывки пашен
Висят на тощих ребрах скал;
И мертво всё... пока Шелойник
В Онегу, с свистом, сквозь леса
И нагло к челнам, как разбойник,
И рвет на соймах паруса,
Под скрыпом набережных сосен. —
Но живописна ваша осень
Страны Карелии пустой:
С своей палитры, дивной кистью,
Неизъяснимой пестротой
Она златит, малюет листья:
Янтарь, и яхонт, и рубин
Горят на сих древесных купах.
И кудри алые рябин
Висят на мраморных уступах.
И вот, меж каменных громад,
Порой я слышу шорох стад
Бродящих лесовой тропою,
И под рогатой головою
Привески звонкие брянчат. .

„Край этот мне казался дик:
Малы, рассеяны в нем селы,
Но сладок у лесной Карелы
Ее бесписьменный язык.
Казалось, я переселился
В края Авзонии опять:
И мне хотелось повторять
Их речь: в ней слух мой веселился
Игрою звонкой буквы Л.
Еще одним я был обманут:
Вдали, для глаз, повсюду ель
Да сосна, и под ней протянут
Нагих и серых камней ряд.
Тут, думал я, одни морозы,
Гнездо зимы. Иду... Вдруг... розы!
Всё розы весело глядят!
И север позабыл я снова.
Как девы милые, в семье,
Обсядут старика седова,
Так розы в этой стороне,

* В речке Повенчанке находят жемчуг, иногда довольно окатистый и крупный.

Собравшись рощей молодою,
Живут с громадою седою.
„Сии места я осмотрел
И поражен был. Тут сбывалось
Великое!.. Но кто б умел,
Кто б мог сказать, когда то сталось?
Везде приметы и следы
И вид премены чрезвычайной
От ниспадения воды —
С каких высот? осталось тайной...
Но север некогда питал,
За твердью некоей плотины,
Запасы вод; доколь настал
Преображенья час! — И длинный,
Кипучий, грозный, мощный вал
Сразился с древними горами;
Наземный череп растерзал,
И стали щели — озерами.
Их общий всем, продольный вид
Внушал мне это заключенье.
Но ток, сорвавшись, всё кипит.
Забыв былое заточенье,
Бежит и сыплет валуны,
И стал. Из страшного набега
Явилась — зеркало страны —
Новорожденная Онега!

„Здесь поздно настает весна;
Глубоких долов, меж горами,
Карела дикая полна:
Там долго снег лежит буграми
И долго лед над озерами
Упрямо жмется к берегам.
Уж часто видят, по лугам
Цветок синеется подснежный,
И мох цветистый оживет
Над трещиной скалы прибрежной;
А серый безобразный лед
(Когда глядим на даль с высот)
Большими пятнами темнеет
И от озер студеным веет...
И жизнь молчит, и по горам
Бедна карельская береза;
И в самом мае, по утрам,
Блистает серебро мороза...
Мертвеет долго всё... Но вдруг
Проснулось здесь и там движенье;
Дохнул какой-то теплый дух

И вмиг свершилось возрожденье:
Помчались лебедей полки
К приютам ведомым влекомых;
Снуют по соснам пауки;
И тучи, тучи насекомых
В веселом воздухе жужжат.
Взлетает жавронок высоко,
И от черемух аромат
Льется долго и далеко...
И в тайне диких сих лесов
Живут малиновки семьями;
В тиши бестенных вечеров
Луга и бор и дичь бугров
Полны кругом их голосами.
Поют... поют... поют они
И только с утром замолкают:
Знать, в песне высказать желают,
Что в теплой видели стране,
Где часто провождали зимы;
Или, предчувствием томимы,
Что скоро, из лесов густых,
Дохнет, как смерть, неотвратимый,
От беломорских стран пустых,
Губитель роскоши и цвета:
Он вмиг, как недуг, всё сожмет;
И часто, в самой неге лета,
Природа смолкнет и замрет!

„По Суне плыли наши челны,
Под нами стлались небеса
И опрокинулися в волны
Уединенные леса.
Спокойно всё на влаге светлой,
Была окрестность в тишине,
И ясно на глубоком дне
Песок виднелся разноцветный.
И, за грядою серых скал,
Прибрежных нив желтело злато
И с сенокосов ароматом
Я в летней роскоши дышал.
Но что шумит?.. В пустыне шопот
Растет, растет, звучит, и вдруг —
Как будто конной рати топот,
Дивит и ужасает слух!
Гул, стук! — Знать где-то строят грады!
Свист, визг! — Знать целый лес пилят!
Кружатся, блещут звезд громады,
И вихри влажные летят

Холодной, стекловидной пыли:
„Кивач!.. Кивач!.. Ответствуй, ты ли?..“
И выслал бурю он в ответ!..
Кипя над четырьмя скалами,
Он, с незапамятных нам лет,
Могучий исполин, валами
Катит жемчуг и серебро;
Когда ж в хрустальное ребро
Пронзится горними лучами,
Чудесной радуги цветы
Его опутают, как ленты;
Его зубристые хребты
Блестят — пустыни монументы.
Таков Кивач, таков он днем!
Но, под зарею летней ночи,
Вдвойне любуются им очи:
Как будто хочет небо в нем
На тысячи небес дробиться,
Чтоб после снова целым слиться
Внизу, на зеркале реки...
Тут буду я! Тут жизнь теки!..
О, счастье жизни сей волнистой!
Где ты? — В чертоге ль богача,
В обетах роскоши нечистой,
Или в Карелии лесистой,
Под вечным шумом Кивача?“...

Духи основали свое царство в пустынях *лесной Карелы*. Вот как поэт наш изображает их:

В тех горах
Живут селениями духи:
Точь в точь, как мы! В больших домах,
Лишь треугольником их кровли;
Они охотники до ловли,
И всё у них, как и у нас:
Есть чернь и титул благородных;
Суды, расправы и приказ,
Но нет балов, торговок модных,
Карет, визитов, суеты,
И бестолкового круженья;
Нет мотовства и разоренья,
Так, стало, нет и нищеты!
Счет, вес и мера без обмана,
И у судейского кафтана

У них не делают кармана. —
Я не могу уверить вас,
Имеют ли они Парнас,
Собранья авторов и залы
Для чтения. — „А есть журналы?“
Нет-с! — Ну, и ссоры меньше там:
Литературные нахалы
Не назовут по именам
И по отечествам, чтоб гласно,
Под видом критики ругать:
То с здравым смыслом несогласно!
И где, кто б мог закон сыскать,
Который бы людей уволил
От уз приличия? И им,
Как будто должное, дозволил
По личным прихотям своим,
Порою ж и по ссоре личной,
Кричать, писать, ругать публично?..
Зато уж в обществе духов —
Вон там, на тех скалах огромных —
Все так приязнены! Так скромны!..
От человеческих грехов
Подчас им бедным очень душно!
И если станет уж и скучно
Смотреть на глупости земных,
На наши шашни и проказы,
То псов с собой четвероглазых
И в лес! И вот лесов *чесных*
Принявши образ, часто странный,
То, выше ели, великаны,
То наравне, в траве, с травой!
Проказят, резвятся, хохочут,
Зовут, обходят и морочат...
Иди к ним, с умной головой,
Начитанный теорик, — что же?
Тебе ученость не поможет:
Ты угоришь: всё глушь да мрак:
А духи шепчут: „ты дурак!
Сюда, мудрец, вот омут грязный!“
Не так ли иногда приказный,
Раскинув практику свою,
Из справки в справку ходит, ходит,
И часто в бестолочь заводит
И толковитого судью?..

Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme

(Жизнь, стихотворения и мысли Иосифа Делорма). — Париж, 1829 (I т. в 16-ю д. л.).

Les consolations, poésies par Sainte-Beuve

(Утешения. Стихотворения Сент-Бева). — Париж, 1830 (I том в 18-ю д. л.).

Года два тому назад книжка, вышедшая в свет под заглавием Vie, poésies et pensées de J. Delorme, обратила на себя в Париже внимание критиков и публики. Вместо предисловия, романическим слогом описана была жизнь бедного молодого поэта, умершего, как уверяли, в нищете и неизвестности. Друзья покойника предлагали публике стихи и мысли, найденные в его бумагах, извиняя недостатки их и заблуждения самого Делорма его молодостию, болезненным состоянием души и физическими страданиями. В стихах оказывался необыкновенный талант, ярко отсвеченный странным выбором предметов. Никогда, ни на каком языке голый сплин не изъяснялся с такою сухою точностию; никогда заблуждения жалкой молодости, оставленной на произвол страстей, не были высказаны с такой разочарованностию. Смотря на ручей, осененный темными ветвями дерев, Делорм думает о самоубийстве и вот каким образом:

Pour qui veut se noyer, la place est bien choisie.
On n'aurait qu'à venir un jour de fantaisie,
A cacher ses habits au pied de ce bouleau,
Et, comme pour un bain, à descendre dans l'eau:
Non pas en furieux, la tête la première;
Mais s'asseoir, regarder; d'un rayon de lumière
Dans le feuillage et l'eau suivre le long reflet,
Puis, quand on sentirait ses esprits au complet,
Qu'on aurait froid, alors, sans plus traîner la fête,
Pour ne plus la lever, plonger avant la tête.
C'est là mon plus doux voeu, quand je pense à mourir.
J'ai toujours été seul à pleurer, à souffrir;
Sans un coeur près du mien j'ai passé sur la terre;
Ainsi que j'ai vécu, mourons avec mystère,
Sans fracas, sans clameurs, sans voisins assemblés.
L'alouette, en mourant, se cache dans les blés;
Le rossignol, qui sent défaillir son ramage,
Et la bise arriver, et tomber son plumage,
Passe invisible à tous, comme un écho du bois:
Ainsi je veux passer. Seulement, un... deux mois,
Peut-être un an après, un jour... une soirée,
Quelque pâtre inquiet d'un chèvre égarée,
Un chasseur descendu vers la source, et voyant
Son chien qui s'y lançait sortir en aboyant,

Regardera: la lune avec lui qui regarde
Eclaîrera ce corps d'une lueur blafarde,
Et soudain il fuira jusqu'au hameau, tout droit.
De grand matin venus, quelques gens de l'endroit,
Tirant par les cheveux ce corps méconnaissable,
Cette chair en lambeaux, ces os chargés de sable,
Mélant des quolibets à quelques sots récits,
Deviseront longtemps sur mes restes noircis,
Et les brouetteront enfin au cimetière;
Vite on clouera le tout dans quelque vieille bière,
Qu'un prêtre aspergera d'eau bénite trois fois;
Et je serai laissé sans nom, sans croix de bois! *

У друга его, Виктора Гюго, рождается сын; Делорм его приветствует:

Mon ami, vous voilà père d'un nouveau-né;
C'est un garçon encor; le ciel vous l'a donné
Beau, frais, souriant d'aise à cette vie amère;
A peine il a coûté quelque plainte à sa mère.
Il est nuit; je vous vois... A doux bruit, le sommeil
Sur un sein blanc qui dort a pris l'enfant vermeil,
Et vous, père, veillant contre la cheminée,
Recueilli dans vous même, et la tête inclinée,
Vous vous tournez souvent pour revoir, ô douceur!
Le nouveau-né, la mère, et le frère et la soeur,
Comme un pasteur joyeux de ses toisons nouvelles,
Ou comme un maître, au soir, qui compte ses javelles.
A cette heure si grave, en ce calme profond,
Qui sait, hors vous, l'abyme où votre coeur se fond.
Ami? qui sait vos pleurs, vos muettes caresses;
Les trésors du génie épanchés en tendresses;
L'aigle plus gémissant que la colombe au nid;
Les torrents ruisselants du rocher de granit,
Et, comme sous les feux d'un été de Norvège,
Au penchant des glaciers mille fontes de neige?
Vivez, soyez heureux, et chantez-nous un jour
Ces secrets plus qu'humains d'un inneffable amour!
— Moi, pendant ce temps-là, je veille aussi, je veille,
Non près des rideaux bleus de l'enfance vermeille,
Près du lit nuptial arrosé de parfum,
Mais près d'un froid grabat, sur le corps d'un défunt.
C'est un voisin, vieillard goutteux, mort de la pierre;
Ses nièces m'ont requis, je veille à leur prière.
Seul, je m'y suis assis dès neuf heures du soir,
A la tête du lit une croix en bois noir,
Avec un Christ en os, posé entre deux chandelles

* <Перевод см. в комментариях.>

Sur une chaise, auprès, le buis cher aux fidèles
Trempe dans une assiette, et je vois sous les draps
Le mort en long, pieds joints, et croisant les deux bras.
Oh! si, du moins, ce mort m'avait durant sa vie
Eté longtemps connu! s'il me prenait envie
De baiser ce front jaune une dernière fois!
En regardant toujours ces plis raides et droits,
Si je voyais enfin remuer quelque chose,
Bouger comme le pied d'un vivant qui repose,
Et la flamme bleuir! si j'entendais crier
Le bois de lit!.. ou bien si je pouvais prier!
Mais rien: nul effroi sain; pas de souvenir tendre,
Je regarde sans voir, j'écoute sans entendre;
Chaque heure sonne lente, et lorsque, pas trop las
De ce calme abattant et de ces rêves plats,
Pour respirer un peu je vais à la fenêtre
(Car au ciel de minuit le croissant vient de naître),
Voilà, soudain, qu'au toit lointain d'une maison,
Non pas vers l'orient, s'embrase l'horizon,
Et j'entends résonner, pour toute mélodie,
Des aboiements de chiens hurlant dans l'incendie.*

Между сими болезненными признаниями, сими мечтами печальных слабостей и безвкусными подражаниями давно осмеянной поэзии старого Ронсара, мы с изумлением находим стихотворения, исполненные свежести и чистоты. С какой меланхолической прелестию описывает он, например, свою музу!

Non, ma Muse n'est pas l'odalisque brillante
Qui danse les seins nus à la voix sémillante,
Aux noirs cheveux luisants, aux longs yeux de houri;
Elle n'est ni la jeune et vermeille Péri,
Dont l'aile radieuse éclipserait la queue
D'un beau paon, ni la fée à l'aile blanche et bleue,
Ces deux rivales soeurs, qui, dés qu'il a dit *oui*,
Ouvrent mondes et cieux à l'enfant ébloui.
Elle n'est pas non plus, ô ma Muse adorée!
Elle n'est pas la vierge ou la veuve éplorée,
Qui d'un cloître désert, d'une tour sans vassaux,
Solitaire habitante, erre sous les arceaux,
Disant un nom; descend aux tombes féodales;
A genoux, de velours inonde au loin les dalles,
Et le front sur un marbre, épanche avec des pleurs
L'hymne mélodieux de ses nobles malheurs.
Non. — Mais quand seule au bois votre douleur chemine,
Avez-vous vu, là-bas, dans un fond, la chaumine

* <Перевод см. в комментариях>.

Sous l'arbre mort; auprès, un ravin est creusé;
Une fille en tout temps y lave un linge usé.
Peut-être à votre vue elle a baissé la tête,
Car, bien pauvre qu'elle est, sa naissance est honnête.
Elle eût pu, comme une autre, en de plus heureux jours
S'épanouir au monde et fleurir aux amours;
Voler en char; passer aux bals, aux promenades;
Respirer au balcon parfums et sérénades;
Ou, de sa harpe d'or éveillant cent rivaux,
Ne voir rien qu'un sourire entre tant de bravos.
Mais le ciel dès l'abord s'est obscurci sur elle,
Et l'arbuste en naissant fut atteint de la grêle:
Elle file, elle coud, et garde à la maison
Un père vieux, aveugle et privé de raison.*

Правда, что всю прелестную картину оканчивает он медицинским описанием чахотки; муза его харкает кровью:

. . . . une toux déchirante
La prend dans sa chanson, pousse en sifflant un cri,
Et lance les graviers de son poumon meurtri. **

Совершеннейшим стихотворением изо всего собрания, по нашему мнению, можно почесть следующую элегию, достойную стать наряду с лучшими произведениями Андрея Шенье

Toujours je la connus pensive et sérieuse;
Enfant, dans les ébats de l'enfance joyeuse
Elle se mêlait peu, parlait déjà raison;
Et quand ses jeunes soeurs couraient sur le gazon,
Elle était la première à leur rappeler l'heure,
A dire qu'il fallait regagner la demeure;
Qu'elle avait de la cloche entendu le signal,
Qu'il était défendu d'approcher du canal,
De troubler dans le bois la biche familière,
De passer en jouant trop près de la volière:
Et ses soeurs l'écoutaient. Bientôt elle eut quinze ans,
Et sa raison brilla d'attraits plus séduisants:
Sein voilé, front serein où le calme repose,
Sous de beaux cheveux bruns une figure rose,
Une bouche discrète au sourire prudent,
Un parler sobre et froid, et qui plaît cependant:
Une voix douce et ferme, et qui jamais ne tremble,
Et deux longs sourcils noirs qui se fondent ensemble.

---

* <Перевод см. в комментариях>

** <Раздирающий кашель
Прерывает ее песнь, испускает крик со свистом
И извергает кровяные сгустки из ее больной груди.>

Le devoir l'animait d'une grave ferveur;
Elle avait l'air posé, réfléchi, non rêveur:
Elle ne rêvait pas comme la jeune fille
Qui de ses doigts distraits laisse tomber l'aiguille,
Et du bal de la veille au bal du lendemain
Pense au bel inconnu qui lui pressa la main.
Le coude à la fenêtre, oubliant son ouvrage,
Jamais on ne la vit suivre à travers l'ombrage
Le vol interrompu des nuages du soir,
Puis cacher tout d'un coup son front dans son mouchoir.
Mais elle se disait qu'un avenir prospère
Avait changé soudain par la mort de son père;
Qu'elle était fille aînée, et que c'était raison
De prendre part active aux soins de la maison.
Ce coeur jeune et sévère ignorait la puissanse
Des ennuis dont soupire et s'émeut l'innocence.
Il réprima toujours les attendrissements
Qui naissent sans savoir, et les troubles charmants,
Et les désirs obscurs, et ces vagues délices,
De l'amour dans les coeurs naturelles complices.
Maîtresse d'elle-même aux instants les plus doux,
En embrassant sa mère, elle lui disait *vous*,
Les galantes fadeurs, les propos pleins de zèle
Des jeunes gens oisifs étaient perdus chez elle;
Mais qu'un coeur éprouvé lui contât un chagrin,
A l'instant se voilait son visage serein:
Elle savait parler de maux, de vie amère,
Et donnait des conseils comme une jeune mère.
Aujourd'hui la voilà mère, épouse à son tour;
Mais c'est chez elle encore raison plutôt qu'amour.
Son paisible bonheur de respect se tempère;
Son époux déjà mûr serait pour elle un père;
Elle n'a pas connu l'oubli du premier mois,
Et la lune de miel qui ne luit qu'une fois,
Et son front et ses yeux ont gardé le mystère
De ces chastes secrets qu'une femme doit taire.
Heureuse comme avant, à son nouveau devoir
Elle a réglé sa vie... Il est beau de la voir,
Libre de son ménage, un soir de la semaine,
Sans toilette, en été, qui sort et se promène
Et s'asseoit à l'abri du soleil étouffant,
Vers six heures, sur l'herbe, avec sa belle enfant.
Ainsi passent ses jours depuis le premier âge,
Comme des flots sans nom sous un ciel sans orage,
D'un cours lent, uniforme, et pourtant solennel;
Car ils savent qu'ils vont au rivage éternel.
Et moi qui vois couler cette humble destinée
Au penchant du devoir doucement entraînée,

Ces jours purs, transparents, calmes, silencieux,
Qui consolent du bruit et reposent les yeux,
Sans le vouloir, hélas! je retombe en tristesse;
Je songe à mes longs jours passés avec vitesse,
Turbulents, sans bonheur, perdus pour le devoir,
Et je pense, ô mon Dieu! qu'il sera bientôt soir!*

Публика и критики горевали о преждевременной кончине таланта, столь много обещавшего, как вдруг узнали, что покойник жив и, слава богу, здоров. Сент-Бев, известный уже *Историей Французской Словесности в XVI столетии* и ученым изданием Ронсара, вздумал под вымышленным именем И. Делорма напечатать первые свои поэтические опыты, вероятно, опасаясь нареканий и строгости нравственной цензуры. Мистификация, столь печальная, своею веселою развязкою должна была повредить успеху его стихотворений; однако ж новая школа с восторгом признала и присвоила себе нового собрата.

В *Мыслях* И. Делорма изложены его мнения касательно французского стихосложения. Критики хвалили верность, ученость и новизну сих замечаний. Нам показалось, что Делорм слишком много придает важности нововведениям так называемой *романтической* школы французских писателей, которые сами полагают слишком большую важность в форме стиха, в цезуре, в рифме, в употреблении некоторых старинных слов, некоторых старинных оборотов и т. п. Всё это хорошо; но слишком напоминает гремушки и пеленки младенчества. Нет сомнения, что стихосложение французское самое своенравное и, смею сказать, неосновательное. Чем, например, оправдаете вы исключения *гиатуса* (hiatus), который французским ушам так нестерпим в соединении двух слов (как: a été où aller) и которого они же ищут для гармонии собственных имен: Zaïre, Aglaë, Eléonore. Заметим мимоходом, что законом о *гиатусе* одолжены французы латинскому *эллизиуму*. По свойству латинского стихосложения слово, кончающееся на гласную, теряет ее перед другою гласною.

Буало заменил сие правило законом об гиатусе:

Gardez qu'une voyelle à courir trop hâtée
Ne soit en son chemin par une autre heurtée. **

Во-вторых: как можно вечно рифмовать для глаз, а не для слуха? Почему рифмы должны согласоваться в числе (единственном или мно-

* <Перевод см. в комментариях>.

** <Остерегайтесь, как бы в слишком поспешном беге гласная не столкнулась на своем пути с другою>.

жественном), когда произношение в том и в другом одинаково? Однако ж нововводители всего этого еще не коснулись; покушения же их едва ли счастливы.

В прошлом году Сент-Бев выдал еще том стихотворений, под заглавием Les Consolation. В них Делорм является исправленным советами приятелей, людей степенных и нравственных. Уже он не отвергает отчаянно утешений религии, но только тихо сомневается; уже он не ходит к Розе, но признается иногда в порочных вожделениях. Слог его также перебесился. Словом сказать, и вкус и нравственность должны быть им довольны. Можно даже надеяться, что в третьем своем томе Делорм явится набожным, как Ламартин, и совершенно порядочным человеком.

К несчастию должны мы признаться, что, радуясь перемене человека, мы сожалеем о поэте. Бедный Делорм обладал свойством чрезвычайно важным, не достающим почти всем французским поэтам новейшего поколения, свойством, без которого нет истинной поэзии, т. е. *искренностию вдохновения*. Ныне французский поэт систематически сказал себе: soyons religieux, soyons politiques, а иной даже: soyons extravagants,* и холод предначертания, натяжка, принужденность отзываются во всяком его творении, где никогда не видим движения минутного, вольного чувства, словом: где нет истинного вдохновения. Сохрани нас боже быть поборниками безнравственности в поэзии (разумеем слово сие не в детском смысле, в коем употребляют его у нас некоторые журналисты)! Поэзия, которая по своему высшему, свободному свойству не должна иметь никакой цели кроме самой себя, кольми паче не должна унижаться до того, чтоб силою слова потрясать вечные истины, на которых основаны счастие и величие человеческое, или превращать свой божественный нектар в любострастный, воспалительный состав. Но описывать слабости, заблуждения и страсти человеческие не есть безнравственность, так, как анатомия не есть убийство; и мы не видим безнравственности в элегиях несчастного Делорма, в признаниях, раздирающих сердце, в стесненном описании его страстей и безверия, в его жалобах на судьбу, на самого себя...

Р.

2. В ОТДЕЛЕ „СМЕСЬ“

〈О некрологии генерала Н. Н. Раевского〉

В конце истекшего года вышла в свет *Некрология генерала от кавалерии Н. Н. Раевского*, умершего 16 сентября 1829. Сие сжатое обозре-

* 〈Будем религиозны, будем заниматься политикой... будем экстравагантны.〉

ние, писанное, как нам кажется, человеком, сведущим в военном деле, отличается благородною теплотою слога и чувств. Желательно, чтобы то же перо описало пространнее подвиги и приватную жизнь героя и добродетельного человека. С удивлением заметили мы непонятное упущение со стороны неизвестного <автора> некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812-м году!.. Отечество того не забыло.

<О переводе романа Б. Констана „Адольф“>

Князь Вяземский перевел и скоро напечатает славный роман Бенж. Констана. *Адольф* принадлежит к числу *двух или трех романов,*

В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивый и сухой,
Мечтаньям преданный безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.*

Бенж. Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона. С нетерпением ожидаем появления сей книги. Любопытно видеть, каким образом опытное и живое перо кн. Вяземского победило трудность метафизического языка, всегда стройного, светского, часто вдохновенного. В сем отношении перевод будет истинным созданием и важным событием в истории нашей литературы.

<О литературной критике>

В одном из наших журналов дают заметить, что *Литературная Газета* у нас не может существовать по весьма простой причине: *у нас нет литературы.* Если б это было справедливо, то мы не нуждались бы и в критике; однако ж произведения нашей литературы, как ни редки, но являются, живут и умирают, не оцененные по достоинству. Критика в наших журналах или ограничивается сухими библиографическими известиями, сатирическими замечаниями, более или менее остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается в домашнюю переписку издателя с сотрудниками, с корректором и проч. — „Очистите

* *Евг. Онегин,* гл. VII.

место для новой статьи моей", пишет сотрудник. „С удовольствием", отвечает издатель. И это всё напечатано. Недавно в одном журнале было упомянуто *о порохе*. „Вот уже вам будет порох!" сказано в замечании наборщика; а сам издатель возражает на сие:

Могущему пороку — брань,
Бессильному — презренье.

Эти семейственные шутки должны иметь свой ключ и вероятно очень забавны; но для нас они покамест не имеют никакого смысла.

Скажут, что критика должна единственно заниматься произведениями, имеющими видимое достоинство; не думаю. Иное сочинение само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию; и в сем отношении нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных. В прошлом году напечатано несколько книг (между прочими *Иван Выжигин*), о коих критика могла бы сказать много поучительного и любопытного. Но где же они были разобраны, пояснены? Не говоря уже о живых писателях, Ломоносов, Державин, Фонвизин ожидают еще египетского суда. Высокопарные прозвища, безусловные похвалы, пошлые восклицания уже не могут удовлетворить людей здравомыслящих. Впрочем, *Литературная Газета* была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов.

‹**О записках Самсона**›

Французские журналы извещают нас о скором появлении *Записок Самсона, парижского палача*. Этого должно было ожидать. Вот до чего довела нас жажда новизны и сильных впечатлений.

После соблазнительных *Исповедей* философии XVIII века явились политические, не менее соблазнительные откровения. Мы не довольствовались видеть людей известных в колпаке и в шлафроке, мы захотели последовать за ними в их спальню и далее. Когда нам и это надоело, явилась толпа людей темных с позорными своими сказаниями. Но мы не остановились на бесстыдных записках Генриетты Вильсон, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовские признания полицейского шпиона и на пояснения оных клейменного каторжника. Журналы наполнились выписками из Видока. Поэт Гюго не постыдился в нем искать вдохновений для романа, исполненного огня и грязи. Недоставало палача в числе новейших литераторов. Наконец и он явился, и к стыду нашему скажем, что успех его *Записок* кажется несомнительным.

Не завидуем людям, которые, основав свои расчеты на безнравственности нашего любопытства, посвятили свое перо повторению сказаний, вероятно, безграмотного Самсона. Но признаемся же и мы, живущие в веке признаний: с нетерпеливостию, хотя и с отвращением, ожидаем мы *Записок парижского палача*. Посмотрим, что есть общего между им и людьми живыми? На каком зверином реве объяснит он свои мысли? Что скажет нам сие творение, внушившее графу Мейстру столь поэтическую, столь страшную страницу? Что скажет нам сей человек, в течение сорока лет кровавой жизни своей присутствовавший при последних содроганиях стольких жертв, и славных, и неизвестных, и священных, и ненавистных? Все, все они — его минутные знакомцы — чредою пройдут перед нами по гильотине, на которой он, свирепый фигляр, играет свою однообразную роль. Мученики, злодеи, герои — и царственный страдалец, и убийца его, и Шарлотта Корде, и прелестница Дю-Барри, и безумец Лувель, и мятежник Бертон, и лекарь Кастен, отравлявший своих ближних, и Папавуань, резавший детей: мы их увидим опять в последнюю, страшную минуту. Головы, одна за другою, западают перед нами, произнося каждая свое последнее слово... И, насытив жестокое наше любопытство, книга палача займет свое место в библиотеках, в ожидании ученых справок будущего историка.

〈О „Разговоре у княгини Халдиной“ Фонвизина〉

Недавно в одном из наших журналов изъявили сомнение: точно ли *Разговор у Княгини Халдиной*, напечатанный в 3-м № *Литер. Газеты*, есть сочинение Фонвизина. Во-первых: родной племянник покойного автора ручается в достоверности оного; во-вторых, не так легко, как думают, подделаться под руку творца *Недоросля и Бригадира:* кто хотя немного изучал дух и слог Фонвизина, тот узнает тотчас их несомненные признаки и в *Разговоре*. Статья сия замечательна не только как литературная редкость, но и как любопытное изображение нравов и мнений, господствовавших у нас лет сорок тому назад. Княгиня Халдина говорит Сорванцову *ты*, он ей также. Она бранит служанку, зачем не пустила она гостя в уборную. „Разве ты не знаешь, что я при мужчинах люблю одеваться?“ — Да ведь стыдно, В. С., — отвечает служанка. „Глупа, радость“, возражает княгиня. Всё это, вероятно, было списано с натуры. Мы и тут узнаем подражание нравам парижским. Изображение Сорванцова достойно кисти, нарисовавшей семью Простаковых. Он записался в службу, чтоб ездить цугом. Он проводит ночи за картами и спит в присутственном месте, во время чтения запутанного дела. Он чувствует нелепость деловой бумаги и соглашается с мнением прочих из

лености и беспечности. Он продает крестьян в рекруты и умно рассуждает о просвещении. Он взяток не берет из тщеславия, и хладнокровно извиняет бедных взяткобрателей. Словом, он истинно русский барич прошлого века, каковым образовали его природа и полупросвещение. Здравомысл напоминает Правдина и Стародума, хотя в нем и менее педантства. Прочитав *Разговор у княгини Халдиной*, пожалеешь невольно, что не Фонвизину досталось изображать новейшие наши нравы.

〈О статьях князя Вяземского〉

Некоторые журналы, обвиненные в неприличности их полемики, указали на князя Вяземского, как на зачинщика брани, господствующей в нашей литературе. Указание неискреннее. Критические статьи к. Вяземского носят на себе отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального. Часто не соглашаешься с его мыслями, но они заставляют мыслить. Даже там, где его мнения явно противоречат нами принятым понятиям, он невольно увлекает необыкновенною силою рассуждения (discussion) и ловкостию самого софизма. Эпиграмматические же разборы его могут казаться обидными самолюбию авторскому, но к. Вяземский может смело сказать, что личность его противников никогда не была им оскорблена: они же всегда преступают черту литературных прений и поминутно, думая напасть на писателя, вызывают на себя негодование члена общества и даже гражданина. Но должно ли на них негодовать? — Не думаем. В них более извинительного незнания приличий, чем предосудительного намерения. — Чувство приличия зависит от воспитания и других обстоятельств. Люди светские имеют свой образ мыслей, свои предрассудки, непонятные для другой касты. Каким образом растолкуете вы мирному алеуту поединок двух французских офицеров? Щекотливость их покажется ему чрезвычайно странною, и он чуть ли не будет прав.

Доказательством, что журналы наши никогда не думали выходить из границ благопристойности, служит их добродушное изумление при таковых обвинениях и их единогласное указание на того, чьи произведения более всего носят на себе печать ума светского и тонкого знания общежития.

〈Объяснение к заметке об Илиаде〉

В одном из московских журналов выписывают объявление об *Илиаде*, напечатанное во 2-м № *Литературной Газеты*, и говорят, что сие *воззвание на счет (?)* труда г-на Гнедича обнаруживает дух

партии, которая в литературе не должна быть терпима. В доказательство чего дают заметить, что в *Литературной Газете* сказано: „Русская Илиада должна иметь важное влияние на отечественную словесность“; а что в предисловии к своему переводу Н. И. Гнедич похвалил гекзаметры барона Дельвига.

Вот лучшее доказательство правила, слишком пренебрегаемого нашими критиками: ограничиваться замечаниями чисто-литературными, не примешивая к оным догадок на счет посторонних обстоятельств, догадок большею частию столь же несправедливых, как и неблагопристойных. Объявление о переводе *Илиады* писано мною и напечатано во время отсутствия барона Дельвига. Принужденным нахожусь сказать, что нынешние отношения барона Дельвига к Н. И. Гнедичу *не суть дружеские*: но как бы то ни было, это не может повредить их взаимному уважению. Н. И. Гнедич, по благородству чувств, ему свойственному, откровенно сказал свое мнение насчет таланта барона Дельвига, похвалив произведения музы его. Пример утешительный в нынешнюю эпоху русской литературы. *

Александр Пушкин.

〈**О записках Видока**〉

В одном из № *Лит. Газеты* упоминали о *Записках парижского палача;* нравственные сочинения Видока, полицейского сыщика, суть явление не менее отвратительное, не менее любопытное.

Представьте себе человека без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями, женатого на одной из тех несчастных, за которыми по своему званию обязан он иметь присмотр, отъявленного плута, столь же бесстыдного, как и гнусного, и потом вообразите себе, если можете, что должны быть нравственные сочинения такого человека.

Видок в своих записках именует себя патриотом, коренным французом (un bon Français), как будто Видок может иметь какое-нибудь отечество! Он уверяет, что служил в военной службе, и как ему не только дозволено, но и предписано всячески переодеваться, то и щеголяет орденом Почетного Легиона, возбуждая в кофейнях негодование честных бедняков, состоящих на половинном жалованье (officiers à la demi-solde).

* Ужели перевод *Илиады* столь незначителен, что Н. И. Гнедичу нужно покупать себе похвалы? Если же нет, то неужели критик, по предполагаемой приязни с переводчиком, должен непременно бранить труд его, чтобы показать свое беспристрастие?

Он нагло хвастается дружбою умерших известных людей, находившихся в сношении с ним (кто молод не бывал? а Видок человек услужливый, деловой). Он с удивительной важностию толкует о хорошем обществе, как будто вход в оное может ему быть дозволен, и строго рассуждает об известных писателях, отчасти надеясь на их презрение, отчасти по расчету: суждения Видока о Казимире де ла Вине, о Б. Констане должны быть любопытны именно по своей нелепости.

Кто бы мог поверить? Видок честолюбив! Он приходит в бешенство, читая неблагосклонный отзыв журналистов о его слоге (слог г-на Видока!). Он при сем случае пишет на своих *врагов* доносы, обвиняет их в безнравственности и вольнодумстве и толкует (не в шутку) о благородстве чувств и независимости мнений: раздражительность, смешная во всяком другом писаке, но в Видоке утешительная, ибо видим из нее, что человеческая природа, в самом гнусном своем уничижении, всё еще сохраняет благоговение перед понятиями, священными для человеческого рода.

Предлагается важный вопрос:

Сочинения шпиона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляют ни господствующей религии, ни правительства, ни даже нравственности в общем смысле этого слова; со всем тем, нельзя их не признать крайним оскорблением общественного приличия. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое внимание на соблазн нового рода, совершенно ускользнувший от предусмотрения законодательства?

Статьи и заметки 1831—1833 гг.

⟨Заметка о „Полтаве"⟩

Habent sua fata libelli.* Полтава не имела успеха. Вероятно она и не стоила его; но я был избалован приемом, оказанным моим прежним гораздо слабейшим произведениям; к тому же, это сочинение совсем оригинальное, а мы из того и бьемся.

Наши критики взялись объяснить мне причину моей неудачи — и вот каким образом.

Они во-первых объявили мне, что отроду никто не видывал, чтоб женщина влюбилась в старика, и что следственно любовь Марии к старому гетману (NB исторически доказанная) не могла существовать.

„Ну что ж что ты Честон? Хоть знаю, да не верю".

Я не мог довольствоваться этим объяснением: любовь есть самая своенравная страсть. Не говорю уже о безобразии и глупости, ежедневно предпочитаемых молодости, уму и красоте. Вспомните предания мифологические, превращения Овидиевы, Леду, Филлиру, Пазифаю, Пигмалиона — и признайтесь, что все эти вымыслы не чужды поэзии. А Отелло, старый негр, пленивший Дездемону рассказами о своих странствиях и битвах?.. А Мирра, внушившая италиянскому поэту одну из лучших его трагедий?..

Мария (или Матрена) увлечена была, говорили мне, тщеславием, а не любовию: велика честь для дочери генерального судии быть наложницею гетмана! — Далее говорили мне, что мой Мазепа *злой и глупой старикашка*. Что изобразил я Мазепу злым, в том я каюсь: добрым я его не нахожу, особливо в ту минуту, когда он хлопочет о казни отца девушки им обольщенной. Глупость же человека сказывается или из его действий, или из его слов: Мазепа действует в моей поэме точь в точь

*⟨Книги имеют свою судьбу.⟩

как и в истории, а речи его объясняют его исторический характер. — Заметили мне, что Мазепа слишком у меня злопамятен, что малороссийский гетман не студент и за пощечину или за дерганье усов мстить не захочет. Опять история, опровергненная литературной критикой, — опять *хоть знаю, да не верю!* Мазепа, воспитанный в Европе в то время, как понятия о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа мог помнить долго оби́ду московского царя и отомстить ему при случае.

В этой черте весь его характер, скрытый, жестокий, постоянный. Дернуть ляха или казака за усы всё равно было, что схватить россиянина за бороду. Хмельницкий за все обиды, претерпенные им, помнится, от Чаплицкого, получил в возмездие, по приговору Речи Посполитой, остриженный ус своего неприятеля (см. Летопись Кониского).

Старый гетман, предвидя неудачу, наедине с наперсником, бранит в моей поэме молодого Карла и называет его, помнится, мальчишкой и сумасбродом: критики важно укоряли *меня* в неосновательном мнении о шведском короле. У меня сказано где-то, что Мазепа ни к кому не был привязан: критики ссылались на *собственные слова* гетмана, уверяющего Марию, что он любит ее *больше славы, больше власти*. Как отвечать на таковые критики?

Слова *усы, визжать, вставай, Мазепа, ого, пора,* — показались критикам *низкими*, бурлацкими выражениями. Как быть!

В Вестнике Европы заметили, что заглавие поэмы ошибочно, и что вероятно не назвал я ее Мазепой, чтоб не напомнить о Байроне. Справедливо, — но была тут и другая причина: эпиграф. Так и Бахчисарайский Фонтан в рукописи назван был *Харемом*, но меланхолический эпиграф (который конечно лучше всей поэмы) соблазнил меня.

Кстати о Полтаве критики упомянули однако ж о Байроновом Мазепе; но как они понимали его! Байрон знал Мазепу только по Вольтеровой истории Карла XII. Он поражен был только картиной человека, привязанного к дикой лошади и несущегося по степям. Картина, конечно, поэтическая, и за то посмотрите, что он из нее сделал. Но не ищите тут ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачного, ненавистного, мучительного лица, которое проявляется во всех почти произведениях Байрона, но которого (на беду одному из моих критиков) как нарочно в Мазепе именно и нет. Байрон и не думал о нем: он выставил ряд картин одна другой разительнее — вот и всё. Но какое пламенное создание! Какая широкая, быстрая кисть!

Если ж бы ему под перо попалась история обольщенной дочери и казненного отца, то, вероятно, никто бы не осмелился после него коснуться сего ужасного предмета.

Прочитав в первый раз в Войнаровском сии стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь

я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудрено и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальною. Но в описании Мазепы пропустить столь разительную историческую черту было непростительно. Однако ж какой отвратительный предмет! Ни одной утешительной черты! Соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость... Сильные характеры и глубокая трагическая тень набросаны на все эти ужасы. Вот что увлекло меня,— Полтаву написал я в несколько дней. Долее не мог бы ею заниматься, и бросил бы всё.

Торжество дружбы
или оправданный
Александр Анфимович Орлов

In arenam cum aequalibus descendi.
Cic. *

Посреди полемики, раздирающей бедную нашу словесность, *Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин* более десяти лет подают утешительный пример согласия, основанного на взаимном уважении, сходстве душ и занятий гражданских и литературных. Сей назидательный союз ознаменован почтенными памятниками. *Фаддей Венедиктович* скромно признал себя учеником *Николая Ивановича; Н. И.* поспешно провозгласил *Фаддея Венедиктовича ловким своим товарищем. Ф. В.* посвятил *Николаю Ивановичу* своего *Димитрия Самозванца; Н. И.* посвятил *Фаддею Венедиктовичу* свою *Поездку в Германию. Ф. В.* написал для *Грамматики Николая Ивановича* хвалебное предисловие, ** *Н. И. в Северной Пчеле* (издаваемой *Гг. Гречем и Булгариным*) напечатал хвалебное объявление об *Иване Выжигине.* Единодушие истинно трогательное! — Ныне *Николай Иванович,* почитая *Фаддея Венедиктовича* оскорбленным в статье, напечатанной в № 9 *Телескопа,* заступился за своего товарища со свойственным ему прямодушием и горячностию. Он напечатал в *Сыне Отечества* (№ 27) статью, которая, конечно, заставит молчать дерзких противников *Фаддея Венедиктовича*; ибо *Николай Иванович* доказал неоспоримо:

---

* 〈Я вышел на арену вместе с равными мне. *Цицерон.*〉

** Смотри *Грамматику Греча,* напечатанную в типографии *Греча.*

1) Что М. И. Голенищев-Кутузов возведен в княжеское достоинство в июне 1812 г. (с. 65).

2) Что не сражение, а план сражения, составляет тайну главнокомандующего (с. 65).

3) Что священник выходит навстречу подступающему неприятелю с крестом и святою водою (с. 65).

4) Что секретарь выходит из дому в статском изношенном мундире, в треугольной шляпе, со шпагою, в белом изношенном исподнем платье (с. 65).

5) Что пословица: vox populi — vox dei * есть пословица латинская, и что оная есть истинная причина французской революции (с. 65).

6) Что *Иван Выжигин* не есть произведение образцовое, но, *относительно*, явление приятное и полезное (с. 62).

7) Что *Фаддей Венедиктович* живет в своей деревне близ Дерпта, и просил его *(Николая Ивановича)* не посылать к нему вздоров (с. 68).

И что следственно: *Ф. В. Булгарин своими талантами и трудами приносит честь своим согражданам:* что и доказать надлежало!

Против этого нечего и говорить: мы первые громко одобряем *Николая Ивановича* за его откровенное и победоносное возражение, приносящее столько же чести его логике, как и горячности чувствований.

Но дружба — (сие священное чувство) — слишком далеко увлекла пламенную душу *Николая Ивановича,* и с его пера сорвались нижеследующие строки:

— „*Там — (в № 9 Телескопа) — взяли две глупейшие вышедшие в Москве — (да, в Москве) — книжонки, сочиненные каким-то А. Орловым*“.

О Николай Иванович, Николай Иванович! Какой пример подаете вы молодым литераторам? Какие выражения употребляете вы в статье, начинающейся сими строгими словами: *„у нас издавна, и по справедливости, жалуются на цинизм, невежество и недобросовестность рецензентов“?* Куда девалась ваша умеренность, знание приличия, ваша известная добросовестность? Перечтите, *Николай Иванович,* перечтите сии немногие строки — и вы сами, с прискорбием, сознаетесь в своей необдуманности!

— *„Две глупейшие книжонки... какой-то А. Орлов!..“* Шлюсь на всю почтенную публику: какой критик, какой журналист решился бы употребить сии неприятные выражения, говоря о произведениях живого автора. Ибо, слава богу: почтенный мой друг *Александр Анфимович*

* 〈Голос народа — голос божий.〉

Орлов — жив! Он жив, несмотря на зависть и злобу журналистов; он жив, к радости книгопродавцев, к утешению многочисленных его читателей!

— *„Две глупейшие книжонки!..“* Произведения *Александра Анфимовича,* разделяющего с *Фаддеем Венедиктовичем* любовь российской публики, названы: *глупейшими книжонками!* — Дерзость неслыханная, удивительная, оскорбительная не для моего друга — (ибо и он живет в своей деревне, близ Сокольников; и он просил меня не посылать к нему всякого вздору); но оскорбительная для всей читающей публики! *

— *„Глупейшие книжонки!“* Но чем докажете вы сию глупость? Знаете ли вы, *Николай Иванович,* что более 5000 экземпляров сих *глупейших книжонок* разошлись и находятся в руках читающей публики, что *Выжигины г. Орлова* пользуются благосклонностию публики наравне с *Выжигиными г. Булгарина;* а что образованный класс читателей, которые гнушаются теми и другими, не может, и не должен судить о книгах, которых не читает?

Скрепя сердце, продолжаю свой разбор.

— *„Две глупейшие* — (глупейшие!) — *вышедшие в Москве — (да, в Москве) — книжонки“...*

В Москве, да, в Москве!.. Что же тут предосудительного? К чему такая выходка противу первопрестольного града?.. Не в первый раз заметили мы сию странную ненависть к Москве в издателях *Сына Отечества* и *Северной Пчелы.* Больно для русского сердца слушать таковые отзывы о матушке Москве, о Москве белокаменной, о Москве, пострадавшей в 1612 году от поляков, а в 1812 году от всякого сброду.

Москва доныне центр нашего просвещения: в Москве родились и воспитывались, по большей части, писатели коренные русские, не выходцы, не переметчики, для коих: ubi bene, ibi patria, ** для коих всё равно: бегать ли им под орлом французским, или русским языком позорить всё русское — были бы только сыты.

Чем возгордилась петербургская литература?.. *Г. Булгариным?..* Согласен, что сей великий писатель, равно почтенный и дарованиями и характером, заслужил бессмертную себе славу; но произведения *г. Орлова* ставят московского романиста если не выше, то, по крайней мере, наравне с петербургским его соперником. Несмотря на несогласие, царствующее между *Фаддем Венедиктовичем и Александром Анфимовичем,* несмотря на справедливое негодование, возбужденное

* См. *Разбор Денницы* в С⟨ыне⟩ О⟨течества.⟩

** ⟨Где хорошо, там и родина.⟩

во мне неосторожными строками *Сына Отечества,* постараемся сравнить между собою сии два блистательные солнца нашей словесности.

Фаддей Венед. превышает *Александра Анфимовича* пленительною щеголеватостию выражений; *Александр Анф.* берет преимущество над *Фад. Венедиктовичем* живостию и остротою рассказа.

Романы *Фаддея Венед.* более обдуманы, доказывают большее терпение* в авторе (и требуют еще большего терпения в читателе); повести *Александра Анф.* более кратки, но более замысловаты и заманчивы.

Фаддей Венед. более философ; *Александр Анф.* более поэт.

Фад. Венедиктович гений; ибо изобрел имя *Выжигина,* и сим смелым нововведением оживил пошлые подражания *Совестдралу и Английскому Милорду; Александр Анф.* искусно воспользовался изобретением *г. Булгарина* и извлек из оного бесконечно разнообразные эффекты!

Фаддей Венед., кажется нам, немного однообразен; ибо все его произведения не что иное, как *Выжигин* в различных изменениях: *Иван Выжигин, Петр Выжигин, Дмитрий Самозванец или Выжигин XVII столетия, собственные записки и нравственные статейки* — всё сбивается на тот же самый предмет. *Александр Анф.* удивительно разнообразен! Сверх несметного числа *Выжигиных,* сколько цветов рассыпал он на поле словесности! *Встреча Чумы с Холерою; Сокол был бы Сокол, да Курица его съела, или Бежавшая Жена; Живые Обмороки, Погребение Купца,* и проч. и проч.

Однако же беспристрастие требует, чтоб мы указали сторону, с коей *Фаддей Венед.* берет неоспоримое преимущество над своим счастливым соперником: разумею нравственную цель его сочинений. В самом деле, любезные слушатели, что может быть нравственнее сочинений *г. Булгарина?* Из них мы ясно узнаем: сколь не похвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игре и тому под. *Г. Булгарин* наказует лица разными затейливыми именами: убийца назван у него *Ножевым,* взяточник *Взяткиным,* дурак *Глаздуриным,* и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова — *Хлопоухиным,* Димитрия Самозванца — *Каторжниковым,* а Марину Мнишек *княжною Шлюхиной;* зато и лица сии представлены несколько бледно.

В сем отношении, *г. Орлов* решительно уступает *г. Булгарину.* Впрочем, самые пламенные почитатели *Фаддея Венед.* признают в нем некоторую скуку, искупленную назидательностию; а самые ревностные

* „Гений есть *терпение* в высочайшей степени“, сказал известный Бюффон.

поклонники *Александра Анф.* осуждают в нем иногда необдуманность, извиняемую, однако ж, порывами гения.

Со всем тем *Александр Анф.* пользуется гораздо меньшею славою, нежели *Фаддей Венед.* Что же причиною сему видимому неравенству?

Оборотливость, любезные читатели, оборотливость *Фаддея Венедиктовича, ловкого товарища Николая Ивановича! Иван Выжигин* существовал еще только в воображении почтенного автора, а уже *в Северном Архиве, Северной Пчеле* и *Сыне Отечества* отзывались об нем с величайшею похвалою. Г. Ансело в своем путешествии, возбудившем в Париже общее внимание, провозгласил сего, еще несуществовавшего, *Ивана Выжигина,* лучшим из русских романов. Наконец *Иван Выжигин* явился; и *Сын Отечества, Северный Архив* и *Северная Пчела* превознесли его до небес. Все кинулись его читать; многие прочли до конца; а между тем похвалы ему не умолкали в каждом номере *Сев. Архива, Сына Отеч.* и *Сев. Пчелы.* Сии усердные журналы ласково приглашали покупателей; ободряли, подстрекали ленивых читателей; угрожали местью недоброжелателям, недочитавшим *Ивана Выжигина,* из единой низкой зависти.

Между тем какие вспомогательные средства употреблял *Александр Анфимович Орлов?*

Никаких, любезные читатели!

Он не задавал обедов иностранным литераторам, не знающим русского языка, дабы за свою хлеб-соль получить местечко в их дорожных записках.

Он не хвалил самого себя в журналах, им самим издаваемых.

Он не заманивал унизительными ласкательствами и пышными обещаниями подписчиков и покупателей.

Он не шарлатанил газетными объявлениями, писанными слогом афиш собачьей комедии.

Он не отвечал ни на одну критику; он не называл своих противников дураками, подлецами, пьяницами, устрицами и тому под.

Но — обезоружил ли тем он многочисленных врагов? Ни мало. Вот как отзывались о нем его собратия:

„Автор вышеисчисленных творений сильно штурмует нашу бедную русскую литературу, и хочет разрушить русский Парнас не бомбами, но каркасами, при помощи услужливых издателей, которые щедро платят за каждый манускрипт знаменитого сего творца, по двадцати рублей ходячею монетою, как уверяли нас знающие дело книгопродавцы. Автор есть муж — *из ученых,* как видно по латинским фразам, которыми испещрены его творения, а сущность их доказывает, что он, как сказано в *Недоросле:* „убоясь бездны премудрости, вспять

обратился“. — Знаменитое лубочное произведение: *мыши кота хоронят или небылицы в лицах*, есть Илиада в сравнении с творениями г. Орлова, а *Бова Королевич* — герой, до которого не возвысился еще почтенный автор... Державин есть у нас *Альфа*, а г. Орлов *Омега* в литературе, то есть, последнее звено в цепи литературных существ, и потому *заслуживает внимание, как всё необыкновенное* *... Язык его, изложение и завязка могут сравниться только с отвратительными картинами, которыми наполнены сии чада безвкусия, и с смелостью автора. Никогда в Петербурге подобные творения не увидели бы света, и ни один из петербургских уличных разносчиков (не говорим о книгопродавцах) не взялся бы их издавать. По какому праву г. Орлов вздумал наречь своих холопей: Хлыновских степняков, Игната и Сидора, детьми Ивана Выжигина, и еще в то самое время, когда автор Выжигина издает другой роман под тем же названием?.. Никогда такие омерзительные картины не появлялись на русском языке. Да здравствует московское книгопечатание!“ (*Сев. Пч.* 1831. № 46).

Какая злонамеренная и несправедливая критика! Мы заметили уже неприличие нападений на Москву; но в чем упрекают здесь почтенного *Александра Анфимовича?..* В том, что за каждое его сочинение книгопродавцы платят ему по 20 рублей? Что же! Бескорыстному сердцу моего друга приятно думать, что, получив 20 рублей, доставил он другому 2000 выгоды; ** между тем, как некоторый петербургский литератор, взяв за свою рукопись 30 000, заставил охать погорячившегося книгопродавца!!!

Ставят ему в грех, что он знает латинский язык. Конечно: доказано, что *Фаддей Венедиктович* (издавший Горация с чужими примечаниями) не знает по латыне; но ужели сему незнанию обязан он своею бессмертною славою?

Уверяют, что *г. Орлов из ученых*. Конечно: доказано, что *г. Булгарин* вовсе не учен, но опять повторяю: разве невежество есть достоинство столь завидное?

Этого недовольно: грозно требуют ответа от моего друга: как дерзнул он присвоить своим лицам имя, освященное самим *Фаддеем Венедиктовичем?* — Но разве *А. С. Пушкин* не дерзнул вывести в своем *Борисе Годунове* все лица романа *г. Булгарина*, и даже воспользоваться многими местами сего романа в своей трагедии (писанной, говорят, пять лет прежде и известной публике еще в рукописи)?

---

* Важное сознание! прошу прислушать!

** Историческая истина!

Смело ссылаюсь на совесть самих издателей *Сев. Пчелы*: справедливы ли сии критики? виноват ли *Александр Анфимович Орлов?*

Но еще смелее ссылаюсь на почтенного *Николая Ивановича:* не чувствует ли он глубокого раскаяния, оскорбив напрасно человека с столь отличным дарованием, *не состоящего с ним ни в каких сношениях, вовсе его не знающего и не писавшего о нем ничего дурного?* *

Феофилакт Косичкин.

Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем

Я не принадлежу к числу тех незлопамятных литераторов, которые, публично друг друга обругав, обнимаются потом всенародно, как *Пролаз с Высоносом,* говоря в похвальбу себе и в утешение:

Ведь кажется у нас по полной оплеухе.

Нет: рассердясь единожды, сержусь я долго и утихаю не прежде, как истощив весь запас оскорбительных примечаний, обиняков, заграничных анекдотов и тому подобного. Для поддержания же себя в сем суровом расположении духа, перечитываю я тщательно мною переписанные в особую тетрадь статьи, подавшие мне повод к таковому ожесточению. Таким образом, пересматривая на днях антикритику, подавшую мне случай заступиться за почтенного друга моего *А. А. Орлова,* напал я на следующее место:

— „*Я решился на сие*“ — (на оправдание г. Булгарина) — „*не для того, чтоб оправдать и защищать Булгарина, который в этом не имеет надобности, ибо у него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов*“ (см. № 27 *Сына Отечества,* издаваемого *г.г. Гречем и Булгариным*).

Изумился я, каким образом мог я пропустить без внимания сии красноречивые, но необдуманные строки! Я стал по пальцам пересчитывать всевозможных рецензентов, у коих менее ума в голове, нежели у *г. Булгарина в мизинце,* и теперь догадываюсь, кому *Николай Иванович* думал погрозить мизинчиком *Фаддея Венедиктовича.*

В самом деле, к кому может отнестись это затейливое выражение? Кто наши записные рецензенты?

Вы, г. издатель *Телескопа?* Вероятно, мстительный *мизинчик* указует и на вас: предоставляю вам самим вступиться за свою голову.** Но кто же другие?

---

* „Сын Отечества“, № 27, стр. 60.

** До мизинцев ли мне? *Изд.*

Г. Полевой? Но несмотря на прежние разборы, на письма Бригадирши, на насмешки славного Грипусье, на недавнее прозвище Верхогляда и проч. и проч., *всей Европе известно,* что *Телеграф* состоит в добром согласии с *Северной Пчелой и Сыном Отечества: мизинчик* касается не его.

Г. Воейков? Но сей замечательный литератор рецензиями мало занимается, а известен более изданием Хамелеонистики, остроумного сбора статей, в коих выводятся, так сказать, на чистую воду некоторые, так сказать, литературные плутни. Ловкие издатели *Северной Пчелы* уж верно не станут, как говорится, класть ему пальца в рот, хотя бы сей палец был и знаменитый, вышеуказанный *мизинчик.*

Г. Сомов? Но кажется *Литературная Газета,* совершив свой единственный подвиг — совершенное уничтожение (литературной) славы *г. Булгарина,* — почиет на своих лаврах, и *г. Греч,* вероятно, не станет тревожить сего счастливого усыпления, щекотя *Газету* проказливым *мизинчиком.*

Кого же оцарапал сей мизинец? Кто сии рецензенты, у коих — и так далее? Просвещенный читатель уже догадался, что дело идет обо мне, *о Феофилакте Косичкине.*

Всему свету известно, что никто постояннее моего не следовал за исполинским ходом нашего века. Сколько глубоких и блистательных творений по части политики, точных наук и чистой литературы вышло у нас из печати в течение последнего десятилетия — (шагнувшего так далеко вперед) — и обратило на себя справедливое внимание завидующей нам Европы! Ни одного из таковых явлений не пропустил я из виду; обо всяком, как известно, написал я по одной статье, отличающейся ученостию, глубокомыслием и остроумием. Если долг беспристрастия требовал, чтоб я указывал иногда на недостатки разбираемого мною сочинения, то может ли кто-нибудь из г. русских авторов жаловаться на заносчивость или невежество *Феофилакта Косичкина?* Может быть, по примеру *г. Полевого* я слишком лестно отзываюсь о самом себе; я мог бы говорить в третьем лице и попросить моего друга подписать имя свое под сими справедливыми похвалами; но я гнушаюсь таковыми уловками и гг. русские журналисты, вероятно, не укорят меня в шарлатанстве.

И что ж! *Г. Греч* в журнале, с жадностию читаемом во всей просвещенной Европе, дает понимать, будто бы в мизинце его товарища более ума и таланта, чем в голове моей! Отзыв слишком для меня оскорбительный! Полагаю себя в праве объявить *во услышание всей Европы,* что я ничьих мизинцев не убоюсь; ибо, не входя в рассмотре-

ние голов, уверяю, что пальцы мои — (каждый особо и все пять в совокупности) — готовы воздать сторицею, кому бы то ни было. Dixi!*

Взявшись за перо, я не имел однако ж целию объявить о сем почтеннейшей публике; подобно нашим писателям-аристократам — (разумею слово сие в его ироническом смысле) — я никогда не отвечал на журнальные критики: дружба, оскорбленная дружба призывает опять меня на помощь угнетенного дарования.

Признаюсь: после статьи, в которой так торжественно оправдал и защитил я *А.А. Орлова* — (статьи, принятой московскою и петербургскою публикою с отличной благосклонностию) — не ожидал я, чтоб *Северная Пчела* возобновила свои нападения на благородного друга моего и на первопрестольную столицу. Правда, сии нападения уже гораздо слабее прежних, но я не умолкну, доколе не принужу к совершенному безмолвию ожесточенных гонителей моего друга и непочтительного *Сына Отечества*, издевающегося над нашей древнею Москвою.

Северная Пчела (№ 101), объявляя о выходе нового *Выжигина*, говорит: „Заглавие сего романа заставило нас подумать, что это одно из многочисленных подражаний произведениям нашего *блаженного г. А. Орлова*, знаменитого автора... Притом же всякое произведение московской литературы, носящее на себе печать изделия книгопродавцев *пятнадцатого класса...* приводит нас в *невольный* трепет“. — *„Блаженный г. Орлов“...* Что значит *блаженный Орлов?* О! конечно: если блаженство состоит в спокойствии духа, не возмущаемого ни завистью, ни корыстолюбием; в чистой совести, не запятнанной ни плутнями, ни лживыми доносами; в честном и благородном труде, в смиренном развитии дарования, данного от бога: то добрый и небогатый *Орлов* блажен и не станет завидовать ни богатству плута, ни чинам негодяя, ни известности шарлатана!!! Если же слово *блаженный* употреблено в смысле, коего здесь изъяснять не стану, то удивляюсь охоте некоторых людей, старающихся представить смешными вещи, вовсе не смешные, и которые даже не могут извинять неприличия мысли остроумием или веселостию оборота.

Насмешки над книгопродавцами пятнадцатого класса обличают аристократию чиновных издателей, некогда осмеянную так называемыми аристократическими нашими писателями. Повторим истину, столь же неоспоримую, как и нравственные размышления *г. Булгарина:* „чины не дают ни честности плуту, ни ума глупцу, ни дарования задорному мараке. Фильдинг и Лабрюер не были ни статскими советниками, ни

* ⟨Я сказал.⟩

даже коллежскими асессорами. Разночинцы, вышедшие в дворянство, могут быть почтенными писателями, если только они люди с дарованием, образованностию и добросовестностию, а не фигляры и не наглецы".

Надеюсь, что сей умеренный мой отзыв будет последним и что почтенные издатели *Северной Пчелы, Сына Отечества и Северного Архива* не вызовут меня снова на поприще, на котором являюсь редко, но не без успеха, как изволите видеть. Я человек миролюбивый, но всегда готов заступиться за моего друга; я не похожу на того китайского журналиста, который, потакая своему товарищу и в глаза выхваляя его бредни, говорит на ухо всякому: „этот пачкун и мерзавец ссорит меня со всеми порядочными людьми, марает меня своим товариществом; но что делать? он человек деловой и расторопный!"

Между тем полагаю себя в праве объявить о существовании романа, коего заглавие прилагаю здесь. Он поступит в печать или останется в рукописи, *смотря по обстоятельствам.*

Настоящий
Выжигин

Историко-нравственно-сатирический
роман XIX века.

Содержание.

Глава I. Рождение Выжигина в кудлашкиной кануре. Воспитание ради Христа. Глава II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизон. Глава III. Драка в кабаке. Ваше благородие! Дайте опохмелиться! Глава IV. Дружба с Евсеем. Фризовая шинель. Кража. Бегство. Глава V. Ubi bene, ibi patria. Глава VI. Московский пожар. Выжигин грабит Москву. Глава VII. Выжигин перебегает. Глава VIII. Выжигин без куска хлеба. Выжигин ябедник. Выжигин торгаш. Глава IX. Выжигин игрок. Выжигин и отставной квартальный. Глава X. Встреча Выжигина с Высухиным. Глава XI. Веселая компания. Курьезный куплет и письмо-аноним к знатной особе. Глава XII. Танта. Выжигин попадается в дураки. Глава XIII. Свадьба Выжигина. Бедный племянничек! Ай, да дядюшка! Глава XIV. Господин и госпожа Выжигины покупают на трудовые денежки деревню и с благодарностию объявляют о том почтенной публике. Глава XV. Семейственные неприятности. Выжигин ищет утешения в беседе муз и пишет пасквили и доносы. Глава XVI. Видок или маску долой! Глава XVII. Выжигин раскаивается и делается порядочным человеком. Глава XVIII и последняя. Мышь в сыре.

Ф. Косичкин

<Письмо к редактору „Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду">

Сейчас прочел *Вечера близ Диканьки*. Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Всё это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился. Мне сказывали, что когда Издатель вошел в типографию, где печатались *Вечера*, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою. Фактор объяснил их веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смеху, набирая его книгу. Мольер и Фильдинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков. Поздравляю публику с истинно веселою книгою, а Автору сердечно желаю дальнейших успехов. Ради бога, возьмите его сторону, если Журналисты, по своему обыкновению, нападут на *неприличие* его выражений, на *дурной тон* и проч. Пора, пора нам осмеять Les précieuses ridicules нашей словесности, людей толкующих вечно о прекрасных читательницах, которых у них не бывало, о высшем обществе, куда их не просят, и всё это слогом камердинера Профессора Тредьяковского.

<О сочинениях П. А. Катенина>

На днях вышли в свет Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина.

Издатель (г. Бахтин) в начале предисловия, весьма замечательного, упомянул о том, что П. А. Катенин, почти при вступлении на поприще словесности, был встречен самыми несправедливыми и самыми неумеренными критиками.

Нам кажется, что г. Катенин (так, как и все наши писатели вообще) скорее мог бы жаловаться на безмолвие критики, чем на ее строгость, или пристрастную привязчивость. Критики, по настоящему, еще у нас не существует: несправедливо было бы нам и требовать оной. У нас и литература едва ли существует; а на нет суда нет, говорит неоспоримая пословица. Если публика может довольствоваться тем, что называют у нас критикою, то это доказывает только, что мы еще не имеем нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах.

Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикой сочинениям г. Катенина, то во всех отношениях она делает ему

честь: во-первых, она доказывает отвращение поэта от мелочных способов добывать успехи, а во-вторых, и его самостоятельность. Никогда не старался он угождать господствующему вкусу в публике, напротив: шел всегда своим путем, творя для самого себя, что и как ему было угодно. Он даже до того простер сию гордую независимость, что оставлял одну отрасль поэзии, как скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождали его ни пристрастие толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающего за собою других. Таким образом, быв один из первых апостолов романтизма и первый введши в круг возвышенной поэзии язык и предметы простонародные, он первый отрекся от романтизма и обратился к классическим идолам, когда читающей публике начала нравиться новизна литературного преобразования.

Первым замечательным произведением г-на Катенина был перевод славной Биргеровой Леноры. Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который сделал из нее то же, что Байрон в своем Манфреде сделал из *Фауста:* ослабил дух и формы своего образца. Катенин это чувствовал и вздумал показать нам Ленору в энергической красоте ее первобытного создания; он написал *Ольгу*. Но сия простота и даже грубость выражений, сия *сволочь*, заменившая *воздушную цепь теней*, сия виселица вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнения в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым. После *Ольги* явился *Убийца*, лучшая, может быть, из баллад Катенина. Впечатление, им произведенное, было и того хуже: убийца, в припадке сумасшествия, бранил месяц, свидетеля его злодеяния, *плешивым!* Читатели, воспитанные на Флориане и Парни, расхохотались и почли балладу ниже всякой критики.

Таковы были первые неудачи Катенина; они имели влияние и на следующие его произведения. На театре имел он решительные успехи. От времени до времени в журналах и альманахах появлялись его стихотворения, коим, наконец, начали отдавать справедливость, и то скупо и неохотно. Между ими отличаются *Мстислав Мстиславич*, стихотворение исполненное огня и движения, и *Старая Быль*, где столько простодушия и истинной поэзии.

В книге, ныне изданной, просвещенные читатели заметят *идиллию*, где с такою прелестною верностию постигнута буколическая природа, не Геснеровская, чопорная и манерная, но древняя, простая, широкая, свободная; меланхолическую *элегию*, мастерской перевод трех песен

из Inferno* и собрание *романсов о Сиде,* сию простонародную хронику, столь любопытную и поэтическую. — Знатоки отдадут справедливость ученой отделке и звучности гекзаметра и вообще механизму стиха г-на Катенина, слишком пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами.

А. Пушкин.

14 марта 1833.

* <„Ад“ Данте.>

Статьи и заметки в „Современнике“ 1836 г.

1. СТАТЬИ

Собрание сочинений Георгия Кониского, архиепископа Белорусского,

изд. протоиереем Иоанном Григоровичем. СПб. 1835.

Георгий Кониский известен у нас краткой речью, которую произнес он в Мстиславле императрице Екатерине во время ее путешествия в 1787 году: „Оставим астрономам...“ и проч. Речь сия, прославленная во всех наших реториках, не что иное, как остроумное приветствие, и заключает в себе игру выражений, может быть, слишком затейливую: по нашему мнению, приветствие, коим высокопреосвященный Филарет встретил государя императора, приехавшего в Москву в конце 1830 года, в своей умилительной простоте заключает гораздо более истинного красноречия. Впрочем различие обстоятельств изъясняет и различие чувств, выражаемых обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностию двора своего, встречаемая всюду торжествами и празднествами; государь посетил Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасом.

Но Георгий есть один из самых достопамятных мужей минувшего столетия. Жизнь его принадлежит истории. Он вступил в управление своею епархией, когда Белоруссия находилась еще под игом Польши. Православие было гонимо католическим фанатизмом. Церкви наши стояли пусты или отданы были униятам. Миссионеры насильно гнали народ в униятские костелы, ругались над ослушниками, секли их, заключали в темницы, томили голодом, отымали у них детей, дабы воспитывать их в своей вере, уничтожали браки, совершенные по обрядам нашей церкви, ругались над могилами православных. Георгий искал защиты у русского правительства; он доносил обо всем св. синоду и жаловался нашему посланнику, находившемуся в Варшаве. Ревность его пуще озлобила гонителей. Доминиканец Овлачинский, прославившийся ненавистию к нашей церкви, замыслил принести Георгия в жертву сво-

ему изуверству. В 1759 году Георгий, презирая опасности, ему угрожающие, поехал обозревать сетующую свою епархию. Овлачинский и миссионеры возмутили в Орше шляхту и жолнеров. Они разогнали народ, вышедший с хоругвями навстречу своему архипастырю, остановили колокольный звон и с воплем ворвались в церковь, где Георгий священнодействовал. Преосвященный едва успел спастись от их сабель в стенах Кутеинского монастыря, откуда тайно вывезли его в телеге, прикрыв навозом. Другой изувер, свирепый Зеновичь, предводительствуя езуитскими воспитанниками, ночью в Могилеве напал на архиерейский дом. Буйные молодые люди вломились в ворота, перебили окна, ранили несколько монахов, семинаристов и слуг; но к счастию не нашли Георгия, скрывшегося в подвалах своего дома.

Дерзость гонителей час от часу усиливалась. Польское правительство им потворствовало. Миссионеры своевольничали, поносили православную церковь, лестью и угрозами преклоняли к унии не только простой народ, но и священников. Георгий снова жаловался России. Императрица Елисавета Петровна, перед самой своей кончиною, и государь Петр III, при своем восшествии на престол, требовали от польского двора, чтоб гонения над нашими единоверцами были прекращены; но избавление православия предоставлено было Екатерине II.

Георгий предстал перед нею в 1762 году в Москве, когда она короновалась, и в след за русским духовенством принес ей вместе с поздравлениями тихие сетования народа, издревле нам родного, но отчужденного от России жребиями войны. Екатерина с глубоким вниманием выслушала печальную речь представителя будущих ее подданных, и когда, несколько времени спустя, св. синод думал вызвать Георгия и поручить в его управление Псковскую епархию, императрица на то не согласилась и сказала: „Георгий нужен в Польше“.

В 1765 Георгий явился в Варшаве и пред троном Станислава с жаром заступился за тех, которые именовались еще подданными Польши. Король поражен был его словами. Он обещал свое покровительство диссидентам, и в следующем году действительно повелел „униятским архиереям, из среды своей избрав одного епископа, прислать в Варшаву, для изыскания и постановления надлежащих мер ко взаимному успокоению враждующих“. Но гордые польские магнаты, презрев посредничество России и Пруссии, отвергли справедливые требования диссидентов. Вследствие сего Екатерина повелела своим войскам двинуться к Варшаве. Там, за оградою русских штыков, созван был сейм, учреждена согласительная комиссия и диссидентам возвращены их прежние права.

СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

ПЕРВЫЙ ТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.

1836.

Титульный лист „Современника“

Георгий, один из первых членов Слуцкой конфедерации, определен был в члены сей комиссии. Он опять отправился в Варшаву и деятельно занялся объяснением древних грамот, на коих основаны были права диссидентов. Он умел приобрести уважение своих противников и даже их доверенность. „Мы за вами еще живем, сказал однажды ему униятский епископ Шептицкий, а когда католики вас догрызут, то примутся и за нас". Унияты втайне готовы были отложиться от папы и снова соединиться с греко-российскою церковью. Между тем Барская конфедерация, поддерживаемая политикою Шуазеля, воспламенила новую войну. Следствием оной был первый раздел Польши. Семь областей, древнее достояние нашего отечества, были ему возвращены — и в 1773 году Георгий явился пред Екатериною, уже как подданный, радостно приветствуя избавительницу и законную владычицу Белоруссии.

С тех пор Георгий мог спокойно посвятить себя на управление своею епархиею. Просвещение духовенства, ему подвластного, было главною его заботою. Он учреждал училища, беспрестанно поучал свою паству, а часы досуга посвящал ученым занятиям. Он умер в 1795 году, будучи 77 лет от роду.

Ныне протоиерей И. Григорович издал собрание сочинений Георгия Конисского, присовокупив к книге своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописание Георгия Конисского.

Проповеди Георгия просты и даже несколько грубы, как поучения старцев первоначальных; но их искренность увлекательна. Политические речи его имеют большое достоинство. Лучшая из них произнесена им Екатерине, по совершении ее коронования. Помещаем здесь несколько из его отдельных мыслей:

Для молитвы пост есть то же, что для птицы крылья.

*

Когда грешник, не хотящий покаяться в беззакониях своих, молится богородице и вопиет ей: *радуйся!* то приветствие сие столько же оскорбляет ее, как и то иудейское *радуйся,* когда распинатели Христовы, ударяя в ланиту божественного сына ее приглашали: *радуйся, Царю Иудейский!** Ибо нераскаянный грешник есть новый распинатель Христов.** Да ищем убо заступления и покрова ее, но оставим наперед грехи свои: ибо с грехами и из-под ризы своея изринет нас.

*

Душа бессмертная, от бренного тела, как птица из растерзанной сети, весело взлетевши, воспаряет в рай богонасажденный, где вечно цветет древо жизни, где жилище самому Христу и избранным его.

* Матф. 27, 28.

** Евр. 6, 6.

*

Телеса наши, в гробах согнившие и в прах рассыпавшиеся, возникнут от земли, как трава весною, и по соединении с душами восстанут, и укажутся всему небу, пред очами ангелов и человеков, пред очами предков наших и потомков, одни яко пшеница, другие же яко плевелы, ожидая серпов ангельских, и того места, которое назначено, особо для пшеницы, и особо для плевел.

*

*Вниди в клеть твою и помолися.** Такая уединенная молитва и в соборе может иметь место, если молящийся уединился от всех забот и попечений и пребывает безмолвен среди молвы, его окружающей; если он, отрясши от чувств своих все страсти и вожделения, един с единым богом беседует. Авраам, ведя сына своего Исаака на заклание, говорит сопровождающим: *седите зде со ослятем, аз же и детищ пойдем до онъде, и поклонившеся, возвратимся к вам.*** Так истинно молящийся страстям своим, аки рабам, повелевает оставить его и ожидать, пока он молитву свою богу, аки Исаака, в жертву принесет. О, сколь отличны от сего молитвы наши! Мы и в уединении целое торжище вкруг себя собираем. Молясь, и, покупаем, и продаем, и хозяйством управляем, и о лихоимстве заботимся, и друзьям ласкательствуем, и на врагов вооружаемся, и о сластях помышляем, и о сундуках своих трепещем. Подлинно, се ли молитва, и не паче ли торжище, молвы преисполненное? Где тут ум, разумеющий глаголы свои? Где сердце, долженствующее прилепиться к богу? Одни уста трубят и язык, как кимвал звядает; а мысли, как птицы в воздухе, по всем странам носятся, а в сердце хладно, как бездушный труп, зарытый вместе с сокровищем нашим.

*

Иосиф, проданный братиями своими во Египет, соделавшись правителем царства, дал им в удел самую богатую землю, Гесем именуемую.*** Сын божий, по безмерной благости своей, соединившийся с нашею природою, и таким образом соделавшийся братом нашим, дает нам не часть некую области небесной, но всё царство свое нераздельно. Небо отверсто для нас; престолы уготованы; объятия божественного брата нашего ждут нас. Пойдем, полетим к нему: но прежде должны мы сбросить с себя всю тяготу мирскую, влекущую нас к земле.

*

Неверующему чудесам мы смело можем сказать с блаженным Августином: „Большее из всех чудес чудо есть то, что дванадесять человек, бескнижных, безоружных, нищих, проповедывавших крест, победили не только владык и сильных земли, но и самих богов языческих и целый свет Христу покорили“. Ты возразишь мне на сие, что сии победители мира сами были умерщвлены, и ни один почти из них не кончил жизни без мучений, без креста, меча и огня. Но вот мой краткий ответ: на то и посланы были сии победители своим воеводою: *Се аз посылаю вас, яко овцы посреде волков: предадят вы на сонмы, и на сборищах избиют вас.***** Особое убо чудо миру и печать истины евангельской есть страдальческая смерть посланников-победителей. Но посмотри, что с сими убиенными последовало? Цари персть их почитают и, отложив порфиру и венец, благоговейно преклоняют колена пред гробами их.

* Матф. 6, 6.
** Быт. 22, 5.
*** Быт. 47, 6.
**** Матф. 10, 16, 17.

*

Нигде не читаем, чтобы язычники страдали так за своих идолов, как мученики христианские за веру Христову. Да и в нынешних богоборных сонмищах атеистов и натуралистов, в главных гнездах их, во Франции и Англии, нашелся ли хотя один такой ревнитель, который бы за безбожие свое или натурализм произвольно на муки дерзнул? У нас в России, за несколько пред сим лет, известный болярин, уличенный в безбожии, одним показанием кнута отрекся того.

*

Говорят многие: почему молитвы наши ни чудес не творят, ни лучшей перемены в нас не производят. Ах, стыдно и воспоминать молитвы наши! Об них можно то же сказать, что сказал кормчий одному бывшему на корабле беззаконнику. Когда, во время сильной и опасной бури, все плаватели обратились к молитве, и вместе с ними и оный беззаконник нечто промолвил; то кормчий остановил его сими словами: „ты, пожалуй, молчи; не знает бог, что и ты с нами, и потому еще между отчаянием и надеждою находимся; а как услышит твою святую молитву, так мы и погибли“. Достойна ли молитва имени своего, когда она в одних устах обращается, а ум не помнит и не знает того, что болтает язык. Читаем: *глаголы моя внуши, господи, разумей звание мое,** а сами ни глаголов не внушаем, ни звания нашего не разумеем. Такая молитва переменит ли нас, окаянных и грешных, в добрых и богоугодных? Грешными в церковь приходим, грешнейшими выходим.

*

Радость плотская ограничивается наслаждением; по мере, как затихает веселый гудок, затихает и веселость. Но радость духовная есть радость вечная; она не умаляется в бедах, не кончается при смерти, но переходит и по ту сторону гроба.

*

Важны ли добрые дела наши в деле спасения? Я объясню тебе вопрос сей подобием. Возьми небольшой кусок меди и понеси его на торжище; там за него ты ничего не купишь; всякой с насмешкою скажет тебе известную пословицу: „приложи копейку, то купишь калач“. Но ежели тот самый металл будет иметь изображение государя твоего или другой знак его монеты, то купишь за него что тебе надобно. Так точно и дела наши. Ежели ты не имеешь веры и упования на Христа спасителя, не сомневайся признать, что они суетны. Но те самые дела совокупи с верою и упованием на него, тогда они будут важны; и если потребно тебе откупиться от грехов, или купить небесные вечные утехи, купишь ими несомненно.

*

Мы познаем разумом души; а телесные очи суть как бы очки, чрез кои душевные очи смотрят.

*

Чужий грех на мне не лежит. Но если чужий грех содевается моим советом, согласием или неосторожным примером, тогда он не только лежит на мне, но как жернов тяготит душу мою. Горе человеку тому, говорит сам спаситель, им же соблазн приходит.** Действительно, грех соблазна прежде меня, прежде моей смерти, предшествует на суд божий, и уже по кончине моей следует туда же за мною. Скажу то же иными словами. Все соблазненные примером моим, и прежде меня позванные на суд божий, уже понесли туда грехи мои. Убо уже готовы для меня муки. Но тут еще не всё. Я умер и

* Псал. 5, 2.
** Матф. 18, 7.

перестал грешить: но все соблазненные мною, и при том все, от соблазненных мною вновь соблазняемые, оставаясь еще в сей жизни, посылают, в след за мною, бесчисленные беззакония, от единого примера моего, яко от единого блата, истекающие. Убо готовы для меня новые, сугубые мучения! Вот как ужасен грех соблазна, ужаснее многоглавой Лернейской гидры!

Кониский написал также несколько стихотворений русских, польских и латинских. В художественном отношении они имеют мало достоинства, хотя в них и виден дух мыслящий. Следующая элегия показалась нам достопримечательна:

Серпа ожидают созрелые класы;
А нам вестники смерти — седые власы.
О! смертный, беспечный, посмотри в зерцало:
Ты сед, как пятьдесят лет тебе миновало.
Как же ты собрался в смертную дорогу?
С чем ты предстанешь правосудному богу?
Путь смертный безвестен, и полон разбоя:
Искусного, храброго требует конвоя.
Кто же тебя поведет и за тебя сразится?
Друг, проводив тебя к гробу, в дом возвратится.
Изнеможешь, пеший, таща грехов ношу!
Ах! тут-то нужно иметь подмогу хорошу,
Подмогу, какая дана Сикеоту:
Но — та дана слезам, кровавому поту.
А ты много ли плакал за грехи? Считайся.
Не весь ли век твой есть цепь грехов? Признайся.
Ах! вижу, ты нагим, как родила мать:
Ни лоскута на душе твоей не сыскать!
Поверь же, не внидешь в небесны чертоги:
В ад тебя низринут, связав руки, ноги.
Без масла дел благих гаснет свеча веры;
Затворятся брачные буим девам двери;
Может быть, при смерти, „помяни мя“ скажешь,
И тем уста свои навсегда завяжешь.
И так, доколе древа топор не коснется,
Плод добрых дел тебе принесть остается.

Но главное произведение Кониского остается до сих пор неизданным: *История Малороссии* известна только в рукописи. Георгий написал ее с целию государственною. Когда императрица Екатерина учредила Комиссию о составлении нового уложения, тогда депутат малороссийского шляхетства, Андрей Григорьевич Полетика, обратился к Георгию, как к человеку, сведущему в старинных правах и постановлениях сего края. Кониский, справедливо полагая, что одна только история народа может объяснить истинные требования оного, принялся

за свой важный труд и совершил его с удивительным успехом. Он сочетал поэтическую свежесть летописи с критикой, необходимой в истории. Не говорю здесь о некоторых этнографических и этимологических объяснениях, помещенных им в начале его книги, которые перенес он в историю из хроники, не видя в них никакой существенной важности и не находя нужным противоречить общепринятым в то время понятиям. Под словом *критики* я разумею глубокое изучение достоверных событий и ясное, остроумное изложение их истинных причин и последствий.

Смелый и добросовестный в своих показаниях, Кониский не чужд некоторого невольного пристрастия. Ненависть к изуверству католическому и угнетениям, коим он сам так деятельно противился, отзывается в красноречивых его повествованиях. Любовь к родине часто увлекает его за пределы строгой справедливости. Должно заметить, что чем ближе подходит он к настоящему времени, тем искреннее, небрежнее и сильнее становится его рассказ. Он любит говорить о подробностях войны и описывает битвы с удивительною точностию. Видно, что сердце дворянина еще бьется в нем под иноческою рясою (Кониский происходил от старинного шляхетского роду и этим вовсе не пренебрегал, как видно даже из эпитафии, вырезанной над его гробом и сочиненной им самим). Множество мест в Истории Малороссии суть картины, начертанные кистию великого живописца. Дабы дать о нем некоторое понятие тем, которые еще не читали его, помещаем здесь два отрывка из его рукописи.

Введение унии.

„По истреблении гетмана Наливайки таким неслыханным варварством, вышел от сейму или от вельмож, им управлявших, таков же варварский приговор и на весь народ русской. В нем объявлен он отступным, вероломным и бунтливым и осужден в рабство, преследование и всемерное гонение. Следствием сего Нероновского приговора было отлучение навсегда депутатов русских от сейма национального и всего рыцарства, от выборов и должностей правительственных и судебных, отбор староств, деревень и других ранговых имений от всех чиновников и урядников русских, и самих их уничтожение. Рыцарство русское названо хлопами, а народ, отвергавший унию, схизматиками. Во все правительственные и судебные уряды малороссийские посланы поляки с многочисленными штатами; города заняты польскими гарнизонами, а другие селения их же войсками; им дана власть всё то делать народу русскому, что сами захотят и придумают, а они исполняли сей наказ с лихвою, и что только замыслить может своевольное, надменное и пьяное человечество, делали то над несчастным народом русским без угрызения совести; грабительства, насилие женщин и самых детей, побои, мучительства и убийства превзошли меру самых непросвещенных варваров. Они, почитая и называя народ невольниками, или ясыром польским, всё его имение призна-

вали своим. Собиравшихся вместе нескольких человек для обыкновенных хозяйских работ или празднеств тотчас с побоями разгоняли, на разговорах их пытками истязывали, запрещая навсегда собираться и разговаривать вместе. Церкви русские силою и гвалтом обращали на унию. Духовенство римское, разъезжавшее с триумфом по Малой России для надсмотра и понуждения к униятству, вожено было от церкви до церкви людьми, запряженными в их длинные повозки по двенадцати человек и более. На прислуги сему духовенству выбираемы были поляками самые красивейшие из девиц. Русские церкви несогласовавшихся на унию прихожан отданы жидам в аренду, и получена за всякую в них отправку денежная плата от одного до пяти талеров, а за крещение младенцев и похороны мертвых от одного до четырех талеров. Жиды, яко непримиримые враги христианства, сии вселенские бродяги и притча в человечестве, с восхищением принялись за такое надежное для них сквернoприбытчество, и тотчас ключи церковные и веревки колокольные отобрали к себе в корчмы. При всякой требе христианской повинен ктитор идти к жиду торжиться с ним, и по важности отправы, платить за нее и выпросить ключи; а жид при том, насмеявшись довольно богослужению христианскому и прехуливши всё, христианами чинимое, называя его языческим или по их гойским, приказывал ктитору возвращать ему ключи, с клятвою, что ничего в запись не отказано.

Страдание и отчаяние народа увеличилось новым приключением, сделавшим еще замечательную в сей земле эпоху. Чиновное шляхетство малороссийское, бывшее в воинских и земских должностях, не стерпя гонений от поляков и не могши перенесть лишения мест своих, а паче потеряния ранговых и нажитых имений, отложилось от народа своего и разными происками, посулами и дарами закупило знатнейших урядников римских, сладило и задружило с ними, и мало по мало согласилось первее на унию, потом обратилось совсем в католичество римское. Впоследствии, сие шляхетство, соединяясь с польским шляхетством свойством, сродством и другими обязанностями, отреклось и от самой породы русской и всемерно старалось изуродовать природные названия свои, приискать и придумать к ним польское произношение и назвать себя природными поляками. Почему и доднесь между ними видны фамилии совсем русского названия, каковых у поляков не бывало, и в их наречии быть не могло, например: Проскура, Чернецкий, Кисель, Волович, Сокирка, Комар, Жупан и премногие другие, а с прежнего Чаплины названия Чаплинский, с Ходуна Ходневский, с Бурки Бурковский и так далее. Следствием переворота сего было то, что имения сему шляхетству и должности их возвращены, а ранговые утверждены им в вечность и во всем сравнены с польским шляхетством. В благодарность за то приняли и они в рассуждении народа русского всю систему политики польской и, подражая им, гнали преизлиха сей несчастный народ. Главное политическое намерение состояло в том, чтобы ослабить войска малороссийские и разрушить их полки, состоящие из реестровых казаков: в сем они и успели. Полки сии, претерпев в последнюю войну не малую убыль, не были дополнены другими от скарбу и жилищ казаков. Запрещено чинить всякое в полки вспоможение. Главные чиновники воинские, перевернувшись в поляки, сделали в полках великие ваканции. Дисциплина военная и весь порядок опущены и казаки реестровые стали нечто пресмыкающееся без пастырей и вождей. Самые курени казацкие, бывшие ближе к границам польским, то от гонения, то от ласкательств польских, последуя знатной шляхте своей, обратились в поляки и в их веру, и составили известные и поныне околицы шляхетские. Недостаточные реестровые казаки, а паче холостые и мало привязанные к своим жительствам, а с ними и все почти охочекомонные, перешли в Сечь Запорожскую и тем ее знатно увеличили и усилили, сделав с тех пор, так ска-

зать, сборным местом для всех казаков, в отечестве гонимых; а напротив того знатнейшие запорожские казаки перешли в полки малороссийские и стали у них чиновниками, но без дисциплины и регулы; отчего в полках их видимая сделалась перемена".

Казнь Остраницы.

„На место замученного Павлюги, выбран в 1638 году гетманом полковник Нежинский Стефан Остраница, а к нему придан в советники из старого и заслуженного товариства Леон Гуня, коего благоразумие в войске отменно уважаемо было. Коронный гетман Лянцкоронский с войсками своими польскими не преставал нападать на города и селения малороссийские и на войска, их защищавшие, и нападения его сопровождаемы были грабежом, контрибуциями, убийствами и всех родов бесчинствами и насилиями. Гетману Остранице великого искусства надобно было собрать свои войска, везде рассеянные и всегда преследуемые поляками и их шпионами; наконец собрались они скрытыми путями и по ночам к городу Переяславлю, и первое предприятие их было очистить от войск польских приднепрские города, на обоих берегах сея реки имеющиесь, и восстановить безопасное сообщение жителей и войск обеих сторон. Успех соответствовал предприятию весьма удачно. Войска польские, при городах и внутри их бывшие, не ожидая никак предприятий казацких, по причине наведенных им страхов последнею зрадою и лютостию, над Павлюгою и другими чинами произведенною, ликовали в совершенной беспечности, и потому они везде были разбиты; а упорно защищавшиесь истреблены до последнего. Аммуниция их и артиллерия достались казакам, и они собравшись в одно место, вооруженные наилучшим образом, пошли искать гетмана Лянцкоронского, который с главным войском польским собрался и укрепился в стане при реке Старице. Гетман Остраница тут его застал и атаковал своим войском. Нападение и отпор были жестокие и превосходящие всякое воображение. Лянцкоронский знал, какому он подвержен мщению от казаков за злодейство, его вероломством и зрадою произведенное над гетманом их Павлюгою и старшинами, и для того защищался до отчаяния; а казаки, имея всегда в памяти недавно виденные ими на позорище в городах отрубленные головы их собратий, злобились на Лянцкоронского и поляков до остервенения, и потому вели атаку свою с жестокостию, похожею на нечто чудовищное; и наконец, сделавши залп со всех ружей и пушек и произведши дым почти непроницаемый, пошли и поползли на польские укрепления с удивительною отвагою и опрометчивостию, и вломясь в них, ударили на копья и сабли с слепым размахом. Крик и стон народный, треск и звук оружия уподоблялись грозной туче, всё повергающей. Поражение поляков было повсеместно и самое губительное. Они оборонялись одними саблями, не успевая заряжать ружьев и пистолетов, и шли задом до реки Старицы, а тут, повергаясь в нее в беспамятстве, перетопились и загрязли целыми толпами. Гетман их Лянцкоронский с лучшею немногою конницею, завременно бросился в реку, и, переправившись через нее, пустился в бег, не осматриваясь и куда лошади несли. Стан польский, наполненный мертвецами, достался казакам с превеликою добычею, состоящею в артиллерии и всякого рода оружии и запасах. Казаки по сей славной победе, воздевши руки к небесам, благодарили за нее бога, поборающего за невинных и неправедно гонимых. Потом, отдавая долг человечеству, погребли тела убиенных и сочли польских мертвецов 11 317, а своих 4 727 человек, и в том числе советника Гуню. Управившись с похоронами и корыстьми, погнались за гетманом Лянцкоронским, и настигнув его в местечке Полонном ожидающего помощи из Польши, тут атаковали его, запершегося в замке. Он, не допустив казаков штурмовать замка,

выслал против них навстречу церковную процессию с крестами, хоругвями и духовенством русским, кои, предлагая мир от гетмана и от всея Польши, молили и заклинали богом гетмана Остраницу и его войска, чтобы преклонились они на мирные предложения. По долгом совещании и учиненных с обеих сторон клятвах, собрались в церковь высланные от обоих гетманов чиновники, и написавши тут трактат вечного мира и полной амнистии, предающей забвению всё прошедшее, подписали его с присягою на евангелии о вечном хранении написанных артикулов и всех прав и привилегий казацких и общенародных. Засим разошлись войска восвояси.

Гетман Остраница, разослав свои войска, иные по городам в гарнизоны, а другие в их жилища, сам и со старшинами генеральными, и со многими полковниками, и сотниками, заехал в город Канев для принесения богу благодарственных молений в монастыре тамошнем. Поляки, отличавшиеся всегда в условиях и клятвах непостоянными и вероломными, держали трактат с присягою, в Полонном заключенный, наровне со всеми прежними условиями и трактатами, у казаков с ними бывшими, то есть, в одном вероломстве и презорстве; а духовенство их, присвоив себе непонятную власть на дела божеские и человеческие, определяло хранение клятв между одними только католиками своими, а с другими народами бывшие у них клятвы и условия всегда им разрешало и отметало, яко схизматицкие и суду божию не подлежащие. По сим странным правилам, подлым коварством сопровождаемым, сведавши поляки чрез шпионов своих жидов о поездке гетмана Остраницы с штатом своим без нарочитой стражи в Канев, тут его в монастыре окружили многолюдною толпою войск своих, прошедших по ночам и байракам до самого монастыря Каневского, который стоял вне города. Гетман не прежде узнал о сем предательстве, как уже монастырь наполнен был войсками польскими, и потому сдался им без сопротивления. Они, перевязав весь штат гетманской и самого гетмана, всего тридцать семь человек, положили их на простые телеги, а монастырь и церковь тамошние разграбили до последка, зажгли со всех сторон и сами с узниками скоропостижно убрались и прошли в Польшу скрытыми дорогами, боясь погони и нападения от городов. Приближаясь к Варшаве, построили они узников своих пешо по два, вместе связанных, а каждому из них накинули на шею веревку с петлею, за которую ведены они конницею по городу с триумфом и барабанным боем, проповедуя в народе, что схизматики сии пойманы на сражении, над ними одержанном; а потом заперты они в подземные тюрьмы и в оковы. Жены многих захваченных в неволю чиновников, забравши с собою малолетных детей своих, отправились в Варшаву, надеясь умилостивить и подвигнуть на жалость знатность тамошнюю трогательным предстательством детей за своих отцов. Но они сим пищу только кровожадным тиранам умножили и отнюдь им не помогли; и чиновники сии, по нескольких днях своего заключения, повлечены на казнь без всяких разбирательств и ответов.

Казнь оная была еще первая в мире и в своем роде, и неслыханная в человечестве по лютости своей и коварству, и потомство едва ли поверит сему событию, ибо никакому дикому и самому свирепому японцу не придет в голову ее изобретение; а произведение в действо устрашило бы самых зверей и чудовищ.

Зрелище оное открывала процессия римская со множеством ксендзов их, которые уговаривали ведомых на жертву малороссиян, чтобы они приняли закон их на избавление свое в чистцу; но сии, ничего им не отвечая, молились богу по своей вере. Место казни наполнено было народом, войском и палачами с их орудиями. Гетман Остраница, обозный генеральный Сурмила и полковники Недригайло, Боюн и Риндич были колесованы и им переломали поминутно руки и ноги, тянули с них по колесу жилы, пока они скончались; полковники Гайдаревский, Бутрим, Запалей и обозные

Кизим и Сучевский пробиты железными спицами насквозь и подняты живые на сваи; есаулы полковые: Постылич, Гарун, Сутяга, Подобай, Харчевич, Чудан, Чурай и сотники: Чуприна, Околович, Сокальский, Мирович и Ворожбит прибиты гвоздями стоячие к доскам, облитым смолою, и сожжены медленно огнем; хорунжие: Могилянский, Заскреба, Скребило, Ахтырка, Потурай, Бурлей и Загнибеда растерзаны железными когтями, похожими на медвежью лапу; старшины: Ментяй, Дунаевский, Скубрей, Глянский, Завезун, Косырь, Гуртовый, Тумарь и Тугай четвертованы по частям. Жены и дети страдальцев оных, увидя первоначальную казнь, наполнили воздух воплями своими и рыданием, но скоро замолкли... Оставшихся же по матерям детей, бродивших и ползавших около их трупов, пережгли всех в виду своих отцов на железных решетках, под кои подкидывали уголья и раздували шапками и метлами.

Главные члены человеческие, отрубленные у означенных чиновников малороссийских, как то: головы, руки и ноги развезены по всей Малороссии и развешены на сваях по городам. Разъезжавшие при том войска польские, наполнившие всю Малороссию, делали всё то над малороссиянами, что только хотели и придумать могли: всех родов бесчинства, насилия, грабежи и тиранства, превосходящие всякое понятие и описание. Они между прочим несколько раз повторяли произведенные в Варшаве лютости над несчастными малороссиянами, несколько раз варили в котлах и сожигали на угольях детей их в виду родителей, предавая самых отцов лютейшим казням. Наконец, ограбив все церкви благочестивые русские, отдали их в аренду жидам, и утварь церковную, как то: потиры, дискосы, ризы, стихари и все другие вещи распродали и пропили тем же жидам, кои из серебра церковного поделали себе посуду и убранство, а ризы и стихари перешили на платье жидовкам; а сии тем перед христианами хвастались, показывая нагрудники, на коих видны знаки нашитых крестов, ими сорванных. И таким образом Малороссия доведена была поляками до последнего разорения и изнеможения, и всё в ней подобилось тогда некоему хаосу или смешению, грозящему последним разрушением. Никто из жителей не знал и не был обнадежен, кому принадлежит имение его, семейство и самое бытие их, и долго ли оно продлится? Всякий с потерянием имущества своего искал покровительства то у попов римских и униятских, то у жидов, их единомышленников, а своих непримиримых врагов, и не мог придумать за что схватиться".

Как историк, Георгий Кониский еще не оценен по достоинству, ибо счастливый мадригал приносит иногда более славы, нежели создание истинно высокое, редко понятное для записных ценителей ума человеческого и мало доступное для большого числа читателей.

Протоиерей И. Григорович, издав сочинения великого архиепископа Белоруссии, оказал обществу важную услугу. Будем надеяться, что и великий историк Малороссии найдет себе наконец столь же достойного издателя.

Российская Академия

18-го января нынешнего года Российская Академия была удостоена присутствия его светлости принца Петра Ольденбургского, избранного ею в почетные члены. Непременный секретарь, Д. И. Языков, открыл заседание чтением краткой истории Академии.

Екатерина II основала Российскую Академию в 1783 году и повелела княгине Дашковой быть председателем оной.

Екатерина, стремившаяся во всем установить закон и незыблемый порядок, хотела дать уложение и русскому языку. Академия, повинуясь ее наказу, тотчас приступила к составлению словаря. Императрица приняла в нем участие не только словом, но и делом. Часто осведомлялась она об успехе начатого труда и, несколько раз слыша, что словарь доведен до буквы Н, сказала однажды с видом некоторого нетерпения: всё *Наш да Наш*! когда же вы мне скажете: *Ваш*? Академия удвоила старание. Через несколько времени на вопрос императрицын: что словарь? отвечали ей, что Академия дошла до буквы П. Императрица улыбнулась и заметила, что Академии пора было бы *Покой* оставить.

Несмотря на сии шутки, Академия должна была изумить государыню поспешным исполнением высочайшей ее воли: словарь окончен был в течение шести лет.* Карамзин справедливо удивляется таковому подвигу.

„Полный Словарь, изданный Академией", говорит он, „принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев; наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями. Италия, Франция, Англия, Германия славились уже многими великими писателями, еще не имея словаря; мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно классического (Ломоносова), и представили систему языка, которая может равняться с знаменитыми творениями Академий Флорентинской и Парижской".

Многие из членов Академии участвовали в издании Собеседника Любителей Российского Слова. Следующее происшествие, говорит г. Языков, достойно быть сохранено в памяти: Фонвизин доставил в Собеседник статью под названием „*Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особливое внимание*". Вопросы явились

* Французская Академия, основанная в 1634 году, и с тех пор беспрерывно занимавшаяся составлением своего словаря, издала оный не прежде, как в 1694 году. Словарь обветшал, пока еще над ним трудились, говорит Вильмен. Стали его переделывать. Прошло несколько лет, и всё еще Академия пересматривала букву А. Деятельный Кольбер, удивлявшийся таковой медленности, приехал однажды в собрание Академии. Разбирали слово Ami. Но были такие споры о точном определении оного, рассуждали с такой утонченностию о том, что в слове Ami предполагается ли светская обязанность, или сердечное отношение, чувство, разделенное, или одно наружное изъявление, или усердие без вознаграждения, что министр, у коего при дворе так много было друзей, признался, что он более уж не удивляется медленности и затруднениям Академии.

в Собеседнике с весьма остроумными ответами. Приведем здесь некоторые.

В. От чего все в долгах?

О. От того, что проживают более, нежели дохода имеют.

В. От чего не только в Петербурге, но и в самой Москве перевелись общества между благородными?

О. От размножения клубов.

В. От чего главное старание большей части дворян состоит не в том, чтобы поскорее сделать детей своих людьми, а в том, чтобы поскорее сделать их гвардии унтер-офицерами?

О. От того, что одно легче другого.

В. От чего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?

О. От того, что сие не есть дело всякого.

В. От чего у нас не стыдно не делать ничего?

О. Сие не ясно: стыдно делать дурное, а в обществе жить не есть не делать ничего.

В. От чего у нас начинаются дела с великим жаром и пылкостию, потом оставляются, а не редко и совсем забываются?

О. По той же причине, по которой человек старееться.

В. В чем состоит наш национальный характер?

О. В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании, и в корне всех добродетелей, от творца человеку данных.

В. От чего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют и весьма большие?

О. Предки наши не все грамоте умели.

NB. Сей вопрос родился от *свободоязычия*, которого предки наши не имели,

Сии ответы писаны самой императрицей.

Под председательством А. А. Нартова (1802—1813) Академия издала:

1) Грамматику Российскую.
2) Сочинения и переводы Академии.
3) Словарь, расположенный по азбучному порядку.
4) Перевод Летописи Тацитовой.
5) Перевод Путешествия Младшего Анахарсиса.

В 1813 году, по смерти Нартова, А. С. Шишков, бывший в то время за границей с государем императором, назначен Председателем Российской Академии. Под его руководством Академия издала следующие книги:

1) Известия Академии, 11 книжек (1815—1823).
2) Повременное издание, 4 части (1829—1832).
3) Краткие записки, 3 книжки (1834—1836).
4) Квинтилиановы Критические Наставления (1834).
5) Собрание сочинений и переводов А. С. Шишкова, 16 частей.

Ныне Академия приготовляет третье издание своего Словаря, коего распространение час от часу становится необходимее. Прекрасный наш язык, под пером писателей неученых и неискусных, быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого. [В журналах наших еще менее правописания, нежели здравого смысла].*

Вслед за непременным секретарем, преосвященный Филарет представил отрывок из рукописи 1073 года, писанной для великого князя Святослава, и хранящейся ныне в Московской Синодальной Библиотеке.

„Рукопись называется *Изборник*, т. е. извлечение избранных мест из разных писателей.

„Она содержит наиболее предметы, относящиеся до христианского учения, но частию и метафизические по разуму того века, например, *о естестве, о собстве, о лици, о различии, о случании, о супротивных, о глаголемыих.*

„На обороте листа 237 начинается 175 статья книги, которая говорит о тропах и фигурах. Вот ее начало.

„Георьгія Хоуровська о образехъ. Творьчьстіи образи суть 27 (кз):

1. Инословіе. 2. Преводъ (metaphora). 3. Напотребиіе. 4. Пріятиіе. 5. Преходьноіе. 6. Възвратъ. 7. Съпріятиіе. 8. Сънятиіе. 9. Именотвориіе (onomatopeia). 10. Сътворениіе. 11. Въименоместьство. 12. Отъимениіе (metonymia). 13. Въспятословиіе. 14. Окроугословиіе. 15. Нестатъкъ. 16. Издрядиіе. 17. Лихоречые. 18. Притъча. 19. Прикладъ. 20 Отъданиіе. 21. Лицетворые (олицетворение). 22. Сълогъ. 23. Пороуганиіе (ironia). 24. Видъ. 25. Последословиіе.

„Инословиіе оубо іесть ино нечто глаголюшти а инъ разоумъ оуказаіюшти якоже іеже іе речено отъ бога къ зміи проклята ты и отъ всех зверий слово бо аки зміи іесть на диавола же ино речь не змыіемъ нарицаіема разоумеваіемъ.

„Далее следуют подобные сему определения и прочих вышеисчисленных наименований, но не довольно понятные для читателя, может быть, и потому, что не довольно понимаемы были предметы составителем или переводчиком, издателями Русской Энциклопедии XI века".

Непременный секретарь прочел главу II из устава Академии о должностях и обязанностях Академии и следующий отрывок из всеподданнейшего доклада президента Академии, при поднесении на высочайшее усмотрение проекта устава:

„Академия есть страж языка; и поэтому должно ей со всевозможною к общей пользе ревностию вооружаться против всего несвойственного, чуждого, невразумительного, темного, *ненравственного* в языке. Но сие вооружение ее долженствует быть на единой пользе словесности основанное, кроткое, правдивое, без лицеприятия, без нападений и потворства, непохожее на те предосудительные сочинения, в которых, под мнимым разбором, пристрастное невежество или злость расточают недостойные похвалы или язвительные хулы без всякой истины и доказательств, в коих одних заключается достоинство и польза сего рода писаний".

---

* 〈В квадратных скобках—исключенное из печатного текста.〉

За сим действительный член М. Е. Лобанов занял собрание чтением мнения своего *О духе словесности, как иностранной, так и отечественной*. Мнение сие заслуживает особенного разбора, как по своей сущности, так и по важности места, где оное было произнесено.

В. А. Поленов прочел *Краткое жизнеописание И. И. Лепехина*, первого непременного секретаря Российской Академии: статью дельную, полную, прекрасно изложенную, словом, истинно академическую.

После сего действительные члены: М. Е. Лобанов, князь П. А. Ширинский-Шихматов и Б. М. Федоров читали, один после другого, сочинения своего стихи.

Наконец князь Ширинский-Шихматов прочел написанную г. президентом краткую статью под заглавием: *Нечто о Карамзине*.

Невозможно было без особенного чувства слышать искренние, простые похвалы, воздаваемые почтенным старцем великому писателю, бывшему некогда предметом жесткой его критики, если не всегда справедливой, то всегда добросовестной.* При сем случае А. С. Шишков упомянул о пребывании Карамзина в Твери в 1811 году, при дворе блаженной памяти государыни великой княгини Екатерины Павловны, матери его светлости принца Петра Ольденбургского. Известно, что Карамзин читал тогда в присутствии покойного государя и августейшей сестры его некоторые главы Государства Российского. „Вы слушали", пишет историограф, в своем посвящении, „с восхитительным для меня вниманием; сравнивали давно минувшее с настоящим, и не завидовали славным опасностям Димитрия, ибо предвидели для себя еще славнейшие".

Пребывание Карамзина в Твери ознаменовано еще одним обстоятельством, важным для друзей его славной памяти, неизвестным еще для современников. По вызову государыни великой княгини, женщины с умом необыкновенно возвышенным, Карамзин написал свои мысли *о Древней и Новой России*, со всею искренностию прекрасной души, со всею смелостию убеждения сильного и глубокого. Государь прочел эти красноречивые страницы... прочел, и остался попрежнему милостив и благосклонен к прямодушному своему подданному. Когда-нибудь потомство оценит и величие государя и благородство патриота....

Заседание 18 января 1836 года будет памятно в летописях Российской Академии.

---

* 〈Строки от слова „бывшему" до „добросовестной" в тексте „Современника" были заменены многоточием.〉

Французская Академия

Скриб в Академии. Он занял кресла Арно, умершего в прошлом году.

Арно сочинил несколько трагедий, которые в свое время имели большой успех, а ныне совсем забыты. Такова участь поэтов, которые пишут для публики, угождая ее мнениям, применяясь к ее вкусу, а не для себя, не вследствие вдохновения независимого, не из бескорыстной любви к своему искусству! Две или три басни, остроумные или грациозные, дают покойнику Арно более права на титло поэта, нежели все его драматические творения. Всем известен его *Листок*:

De ta tige détachée,
Pauvre feuille desséchée,
Où va-tu?— Je n'en sais rien, etc.*

Участь этого маленького стихотворения замечательна. Костюшко перед своей смертью повторил его на берегу Женевского озера; Александр Ипсиланти перевел его на греческий язык; у нас его перевели Жуковский и Давыдов,

Наш боец чернокудрявый
С белым локоном на лбу.

Может быть, и сам Давыдов не знает стихов, которые написал ему Арно, услыша о его переводе. Он поместил их в примечаниях к своим сочинениям. **

---

* ⟨Оторвавшись от своего стебля,
Бедный сухой листок,
Куда несешься ты?— Не знаю и т. д.⟩

** La Feuille a obtenu dans plus d'une langue les honneurs de la traduction. Celle qui en a été faite en russe par le général Davouidoff, est, dit-on, remarquable par son élégance et sa fidélité. M. Davouidoff est un de ces hommes qui, nés avec le don de la poésie, ne s'y livrent que par caprice et pour se délasser de la guerre et des plaisirs. Instruit de l'honneur qu'il en avoit reçu, l'auteur de ces fables lui en adressa un exemplaire avec cet envoi:

A vous, poéte, à vous, guerrier,
Qui sablant le champagne au bord de l'Hipocrène
Avez d'une feuille de chêne
Fait une feuille de laurier.

⟨*Листок* удостоился чести быть переведенным на несколько языков. Русский перевод его, сделанный генералом Давыдовым, замечателен, говорят, по своему изяществу и точности. Господин Давыдов — один из тех людей, которые, обладая природ-

При вступлении своем в Академию Скриб произнес блестящую речь, на которую столь же блистательно отвечал Вильмен, а J. Janin в своем фельетоне осмеял того и другого. В сем случае все три представителя французского остроумия были на сцене.

Речь г. Скриба.

Мм. гг.

Когда Генуэзская республика, как вам известно, дерзнула сопротивляться Лудовику XIV, тогда дож ее принужден был явиться в Версаль, чтоб испросить прощение у великого короля. В то время, как удивлялся он версальским садам, где каждый шаг представляет победу искусства над природою, их шумным водопадам, апельсинным рощам и висячим террасам, его спросили: что находит он всего необыкновеннее в Версали? Дож отвечал: „мое присутствие!“

Так и я, мм. гг., видя вокруг себя все знаменитости Франции, окруженный славными воспоминаниями литературного величия, я должен бы удивляться всего более моему здесь присутствию, если б только одна мысль не успокоивала и не ободряла меня:

Академия, эта представительная палата литературы, желала, чтобы все роды произведений, получившие право гражданства по силе Буаловой хартии и законов вкуса, имели в недрах ее своих уполномоченных, ею утверждаемых: подобно нашим законодательным собраниям, где избранный небольшою деревнею сидит рядом с депутатом большого города, она предоставила мне вход в свое собрание и возвысила тем незначительный род сочинения, которого я представитель; я бы гордился этим позволением, если б автор водевилей имел право гордиться.

Да, м. г., я не ошибаюсь в истинной причине моего сюда назначения! Если довольно долго испытывал я свои силы на второстепенной сцене и старался изобразить Талию в миниатюре, если иногда на театре, более возвышенном, я старался начертать несколько картин большого размера, такие усилия не дают еще мне права почитать себя здесь одним из представителей комедии. Вы же, мм. гг., и не нуждаетесь в новых: вы имеете блистательных авторов *Домашнего Тирана*, *Адвоката*, *Двух Зятей*, *Школы Стариков*; вам хотелось только, чтобы кресла Ложона не оставались надолго праздными!

В его имени вы дали *песни* грамоту на дворянство; вы захотели передать ее мне, и я только этому обстоятельству обязан честью занимать место между вами.

Может быть, этот род сочинения, повидимому столь незначительный, которого название странно слышать под классическими сводами этой залы, может быть, он достоин вашего внимания, и мне должно было бы по всей справедливости, или по крайней мере из благодарности к своему протектору, защищать его; мне бы должно рассказать вам историю водевиля (val de vire) от его колыбели до наших дней; но обязан-

---

ным даром к поэзии, предаются ей лишь из прихоти и чтобы отдохнуть от войны и наслаждений. Узнав о чести, оказанной ему г. Давыдовым, автор этих басен послал ему экземпляр их с надписью:

Вам, поэт, вам, воин,
Который, упиваясь шампанским на берегу Гипокрены,
Превратил дубовый листок
В лист лавров.›

ность более важная и торжественная занимает мои мысли и останавливает на устах веселые напевы.

Много уже времени прошло с тех пор, как я в впервый раз был в этой зале. Я учился тогда в Наполеоновском лицее, и на этом самом месте, где всё осталось по прежнему, нам раздавали награды. Товарищи, соперники, друзья были здесь, как и теперь! Там родные, сестры, матери! Счастлив, кто имеет мать свидетельницею своего торжества! Я тогда был счастлив! На этой стороне сидели наши учители, начальники, знаменитые литераторы и государственные люди: пальмы, назначенные в награду слабым достоинствам, раздавались тогда, как и теперь, великими талантами. Я спросил у моего соседа, как зовут президента? Он отвечал: это г. Фонтан (C'est le Grand Maître M. de Fontanes)*. А возле него кто это с таким важным и прекрасным видом? Главный секретарь университета, г. Арно, автор *Мария в Минтурне,* трагедии, которой прелестные стихи мы знали наизусть... Автор *Мария в Минтурне*! Я привстал, чтоб посмотреть на него: думал ли я тогда, что ученик займет место своего учителя — и что приду в это святилище я — положить кипарисную ветвь на гроб раздававшего венки!

Зачем, по крайней мере, голос сильнее и выразительнее моего не призван говорить похвальное слово этому добродетельному человеку и поэту, о котором вы сожалеете? По какому последнему для него несчастию трудная честь оценить произведения трагической его музы досталась в удел питомцу песни?

Увлеченный с юных лет непреодолимою наклонностию к поэзии, г. Арно был еще очень молод, когда издал *Мария в Минтурне,* первое свое произведение; это было смелое предприятие для молодого человека 24-х лет: возбудить участие к отвратительному Марию, человеку, наполнившему Италию кровию и кознями, человеку, который обесславил себя хищением и грабительством, не имел подобно Сулле ни довольно величия души, чтоб остановиться во-время, ни довольно смелости, чтоб оставить свое поприще; но г. Арно понял, что в глазах толпы несчастием искупаются преступления. Он избрал героем не Мария гонителя, а Мария изгнанника, победителя кимвров, скитающегося беглеца; он чувствовал, что бывает на свете великое и благородное зрелище: слава в борьбе с несчастием, неудача, переносимая с мужеством — и он отгадал! Не подражая авторам, до него изображавшим этот предмет, не призывая на помощь ни посторонних интриг, ни женщин, ни трагической любви, он приступил к своему предмету с строгою простотою древности — и создал историческую картину, над которой возвышается везде великий образ Мария. И помните ли вы, мм. гг., какое впечатление производил этот раб, этот кимвр, когда он, испуганный при виде консульского чела, покрытого сорокалетнею славою, бросал кинжал и убегал повторяя:

„Я никогда не буду в состоянии умертвить Мария!“

Эта трагедия была посвящена его светлости графу Прованскому, будущему Лудовику XVIII. Арно был привязан к дому его потому, что принц любил литературу и покровительство его могло быть полезно молодому поэту: в те времена оно было необходимо даже и для литературного успеха; времена изменились, и славу богу, теперь писатель не имеет надобности просить вельмож удостоить его покровительством! В своем труде находит он славу — и еще более, если возможно — свою независимость.

В начале революции граф Прованский удалился в чужие края; а Арно, подвергаясь от того многим опасностям, поспешил переехать в Англию. Странная была его участь! Покровитель, им избранный, тогдашний принц, а впоследствии король, был

* <Это гросмейстер (университета), г. Фонтан.>

причиною двукратного удаления Арно из Франции: в 92 году своим отъездом, в 1815 своим прибытием.

Арно старался снова возвратиться на родину. Захваченный как эмигрант в Дункирхене, он был брошен в тюрьму и освобожден из нее по приказу Комитета общественного спокойствия (Comité de salut public), который постановил, и на этот раз справедливо, что закон об эмигрантах не распространяется на литераторов, а следовательно и на автора *Мария в Минтурне*, поэтически предполагая, что вселенная принадлежит поэту, и что его отечество повсюду.

Наступили лучшие дни для Франции: республика еще существовала, но без кровавых топоров Децемвиров, даже без строгостей Рима и Спарты. По невоздержному вкусу к роскоши и удовольствиям, по забвению прошедшего и беспечности о будущем, можно было б назвать республику Афинскою, если б у кого только достало смелости сравнить Барраса с Периклом! Мы были тогда под правлением Директории, правлением слабым, веселым, роскошным, правлением, так сказать, регентства революции.

Обратившись к литературным трудам, Арно издал сперва трагедию *Оскар*, где так мило выражены тихие чувства любви и дружбы; потом трагедию *Венецианцы*, коих пятый акт есть лучший акт драмы новейших времен. Впрочем, для исторической верности, мы должны сказать, что Арно не один сочинил этот пятый акт. Сперва он дал счастливую развязку своей пьесе. Montcassin, герой ее, не умирал, а был спасен своим соперником от казни; эта развязка не понравилась одному члену института, которого Арно знал в Италии и которому читал свою трагедию. Этот член институда был генерал Бонапарт, которого мнения в литературе были столь же тверды и решительны, как и в политике; он терпеть не мог Вольтера, имел несчастие не любить Расина, но Корнеля готов был сделать первым министром.* Бонапарт любил развязки разительные и хотел, чтоб даже и на театре все препятствия уничтожались штыком.

Конец пятого акта *Венецианцов* был для этого человека неестественен: он находил, что счастие любовников портило развязку. Если б несчастие было неисправимо, говорил он г-ну Арно, то минутное ощущение, которое оно произвело во мне, осталось бы у меня до вечера, до завтра!.. Нужно, чтоб герой умер, надо непременно убить его! Убейте его! И Montcassin был казнен, по повелению Наполеона, к великому удовольствию публики, утвердившей приговор рукоплесканиями. Бесполезно упоминать, что трагедия *Венецианцы* была посвящена генералу Бонапарту: это и справедливо.

Бонапарт любил Арно, и эта дружба никогда не изменялась; Арно, как надежному человеку, Бонапарт поручал образование Ионийских островов; Бонапарт принимает Арно в своем доме, в улице Шантерень, позволяя ему участвовать в домашних разговорах, которые тогда были историею; после, на адмиральском корабле, который вез в Египет кесаря и его фортуну, Бонапарт и Арно толкуют об Оссиане и Гомере; потом Бонапарт-император дает ему одно из первых мест в университете. Наполеон постоянно уважал Арно, хотя не раз мог бы жаловаться на его сатирические выходки и резкую откровенность. Тот, кто одним взглядом умел отгадать, оценить достоинство, в первый день своего прибытия в Италию, рукою победителя написал на своих памятных табличках имя Арно и двадцать три года спустя после того, рукою умирающего, писал он это же имя в своем завещании, с утесов Св. Елены.

Что могу я прибавить к этому свидетельству?

После стодневного переворота Арно был изгнан, а что и того удивительнее, лишен места, которое он занимал между вами и на которое он вами был призван. Касательно стихов и поэзии Мольер сказал:

* См. Mémorial de Las Cazas <Записки Лас-Каза>.

„Hors qu'un commandement exprès du roi ne vienne"...*

Повеление пришло и исключило Арно из института.

Во время своего изгнания, которое Арно перенес с благородством и твердостию, он сочинил последнее отделение Басен, лучшее, по моему мнению, литературное его произведение: ибо здесь он создал новый род, который останется образцом, тем более, что автор не старался подражать ни Лафонтену, ни Флориану; здесь нет веселой простоты первого, нет изящной и грациозной чувствительности второго: здесь эпиграмма, здесь сатира, здесь Ювенал, сделавшийся баснописцем — может быть, по одинаковой причине.

Не был ли Арно увлечен сам своею гиперболою? Не представлялось ли ему общество слишком порочным, а люди слишком злыми? Справедливо упрекали Флориана за излишнее множество овечек, рассыпанных в его сочинениях. Кажется, в баснях Арно не слишком ли много волков?..

В отсутствие Арно, трагедия его *Германик* игралась в Париже и была принята с успехом в первый день, а на другой изгнана из театра подобно автору ее, изгнанному из Франции. Наконец, когда после пятилетней ссылки настал для него день правосудия, он возвратился в отечество и опять занял свое место между вами... Тут неожиданный случай снова и уже навсегда похитил его у вашей дружбы! Младший из его сыновей испытал жестокую потерю; отец спешил утешить сына и предпринял роковое для себя путешествие. Арно имел привычку долго прогуливаться пешком; на ходу сочинил он все свои творения. Однажды утром, по сильному жару, он проходил и просочинял более обыкновенного; усталый он воротился домой; лег на кровать и сказал дочери: поиграй на фортепиано; дочь повиновалась; отец, будто отдыхая, всё более и более поникал головою: он уже был мертв, а она еще играла.

Он скончался без страдания, без предсмертных мучений, с улыбкою на устах, думая о своих утренних трудах, о детях, о друзьях, может быть, о вас, мм. гг.!

Он умер, оставив нам троих сыновей, свою и нашу надежду! Троих сыновей, которые на поприщах литературном, военном и судебном достойно поддерживают честь отцовского имени. Один из них, автор Регула, доказал, что принадлежит к одной из тех фамилий, которых слава наследственна, доказал, что аристократическое право дворянства, доставаемое авторством, подобно купленному оружием, может учреждать маиоратство.

Хотя ничего не подавало повода думать о скорой кончине Арно, но с некоторого времени здоровье его видимо слабело. Сильные удары, безжалостно направленные на человека и писателя, поколебали его крепкую, но чувствительную и раздражительную организацию.

В наши времена существует ядовитый род критики, которая достигает до сердца; ею не поскупились для Арно: и несмотря на свои седины, на прежние триумфы, он не мог, подобно Марию в Минтурне, обезоружить кимвра.

Надобно сказать и то, весьма часто ошибались в характере Арно. В душе этого человека глубоко напечатлевались все воспоминания и добра и зла. Если он никогда не забывал нанесенного ему зла, то вечно зато носил в сердце благодеяние. Признаемся также, что по живому и острому расположению ума своего, Арно не мог удержаться от острого слова, и если прибавим к этому недостатку необыкновенную откровенность Арно, то нам будет понятно, отчего он имел столько врагов. Между тем не

---

* <Если только не будет особого приказа короля.>

было человека добрее его. Не раз доказывал он это; не раз, занимая важную должность при университете, он подавал руку помощи отвергнутому таланту или скромному достоинству. Арно принял в свою канцелярию нашего поэта Беранже, которого он один тогда разгадал. Разговор Арно был исполнен выражений смелых и живописных, носил на себе отпечаток той насмешливости, которая встречается в его баснях, разных стихотворениях и даже в песнях, оригинально веселых... да, мм. гг., в песнях Арно, в песнях трагического писателя! Я так горжусь этим обстоятельством, что спешу заговорить о нем: это для меня важный авторитет, это новое доказательство в пользу рода сочинения, которому я осмеливаюсь, может быть дерзко, доставить между вами право гражданства.

Для этого, мм. гг., мне бы должно развернуть перед вами то, что я назову героическими временами песни, когда она сопутствовала в сражениях Роланду и храбрым рыцарям Карла Великого, или когда с труверами и менестрелями с арфою в руках она приходила к дверям дворца и садилась за стол с владетелем замка; показать вам потом, как она отправилась в крестовые походы и возвращалась с первыми христианскими баронами; как она, сидя у готического очага, веселым напевом о султане Саладине забавляла досуги благородных дам. Потом я бы должен был представить вам ее, когда, нежная и воинственная, с Агнессою Сорель она научала Карла VII, каким образом возвращают королевства; как она, насмешливая и щеголеватая, писала с Франциском I веселые куплеты на стеклах Шамбора, потом вдруг, фанатическая и возмутительная, с крестом лиги, или под знаменем фронды, нападала на королей, низвергала министров, переменяла парламенты; и может быть, желая изобразить историю песни, я бы неожиданно рассказал вам всю историю Франции.

В знаменитой речи, исполненной тонких и остроумных мыслей, один из первых наших драматических авторов доказывал здесь, что если бы какой-нибудь ужасный переворот истребил с лица земли все исторические документы, оставив невредимым лишь собрание наших комедий, то это собрание заменило бы все летописи. Литературная свобода Академии позволит ли мне не вполне разделять это мнение? Я не думаю, чтоб комический автор был историком: это не его назначение; не думаю, чтобы в самом Мольере можно было найти историю нашей страны. Комедия Мольера говорит ли нам что-нибудь о великих происшествиях века Лудовика XIV? Есть ли в ней хотя слово о заблуждениях, слабостях и ошибках великого короля? Говорит ли она об уничтожении Нантского эдикта? Нет, мм. гг., точно так же как комедия времен Лудовика XV молчит о Parc-au-cerf, * комедия времен империи — о страсти к завоеваниям! Если прибавим к этому новую невероятность (меня так часто упрекали в этом недостатке, что мне позволено будет прибавить еще тысячу первую в пользу истины) и если в свою очередь предположим, что, подобно тому наместнику Магомета, который сжег всю библиотеку александрийскую и сохранил только книгу пророка, найдется в наши времена какой-нибудь победитель калмыцкий или татарский, любитель веселостей, пристрастный к песням как Омар к Алкорану, сожжет все исторические книги, а пощадит только собрание наших песен разного рода и водевилей, напечатанных доныне, посмотрим нельзя ли будет с пособием одних этих документов восстановить главнейшие факты нашей истории? Быть может, я заблуждаюсь; быть может, это один только парадокс, но мне кажется, что с помощию этого веселого архива, этих поющих летописей, легко было бы отыскать имена, числа, происшествия, забытые комедиею, или исторические лица, пощаженные ею.

---

* <Олений парк.>

Подобная верность невозможна для комической музы, я знаю; я это говорю ей не в укоризну, а рассказываю просто как есть дело; я уверен, что ни Лудовик XIV, ни Лудовик XV, ни Наполеон не потерпели бы на театре великих поучений истории, и не позволили бы вывести на сцену то, что бы до них близко касалось. Нынешний комический автор в сем отношении не имеет больше преимущества перед своими предшественниками. У нас раздражительность партий заступила место раздражительности правительства; в наш век свободы мы не вольны изображать на сцене всё смешное: всякая партия защищает своих и позволяет занимать смешное лишь у соседа; самое книгопечатание, эта неограниченная власть свободных правлений, книгопечатание хочет говорить правду всему свету, но не любит, чтобы говорили ему истину. Я здесь, повторяю, не хочу укорять комедию, но напротив оправдать ее и доказать, что от нее требовали невозможного, требовали, чтоб она заступила место истории.

По крайней мере, комедия нам описывает нравы?.. Справедливо! Согласен, что она ближе к точности и истине нравоописательной, нежели к исторической; но со всем тем, исключая некоторые, весьма редкие произведения (как, например, *Туркарет*, образец точности), мы находим театр, по какой-то довольно странной судьбе, почти всегда в прямом противоречии с обществом. Например, мм. гг., касательно нравов? Разберем эпоху регентства! Если комедия выражает постоянно общество, то комедия тех времен должна бы нам представить странные вольности и веселые сатурналии. Совсем нет, она холодна, точна, взыскательна и благопристойна. Такова комедия Детуша, она не смеется или смеется очень мало, комедия Лашоссе плачет. Под скиптром Лудовика XV, или лучше под скиптром Вольтера, в ту минуту, когда разрешались эти великие вопросы, изменившие все общественные мысли и в быстром движении увлекавшие осьмнадцатое столетие, столь полное настоящим и будущим, мы видим на театре Дора, Мариво, Де Лану, т. е. остроумие, романизм и пустоту.

Во время самых жестоких периодов революции, когда трагедия, как говорили, рыскала по улицам, что представлял театр? Сцены человеколюбивые и чувствительные, как например: *Женщины*, *Сыновняя Любовь*, а в январе 93 года, во время суда над Лудовиком XVI, давали *Прекрасную Мызницу*, комедию пастушескую и чувствительную. Во время империи, в царство славы и побед, комедия не была победительницею и воинственною! При восстановлении Бурбонов, правлении мирном, лавры, военные мундиры завладели сценою; Талия надела эполеты! А в наши времена? В эту самую минуту, в которую я говорю с вами, вообразите иностранца, нового Анахарсиса, упавшего с неба посреди нашей образованности и отправляющегося в театр, чтобы узнать точное и положительное состояние парижских нравов в 1835-м году? Как бы испугался этот почтенный иностранец! Он не посмел бы показаться в улицах Парижа невооруженный, не посмел бы сделать шага, чтоб не встретить убийства, прелюбодеяния, кровосмешения; а всё от того, что его уверили, будто театр есть выражение общества.

И если б потом кто-нибудь взял этого иностранца за руку и ввел в наши гостиные, в наш семейный круг, с каким бы удивлением увидел он, что ни в одну эпоху, может быть, нравственность наша не была так хороша, как теперь; что кроме некоторых исключений, о которых говорят только по их редкости, никогда еще под домашнею кровлею не жило столько добродетелей. Если б ему сказать, что прежде высшие классы подавали пример порока, что часто сам двор ничтожил народную нравственность; если сказать ему, что теперь добродетель нисходит к нам свыше и отражается от престола на обществе: то, помирившись с этим обществом, которое он обвинял по

незнанию, иностранец с радостию сказал бы: меня обманули; слава богу, театр не всегда служит выражением современных нравов!

Каким же образом растолковать, мм. гг., это постоянное противоречие между театром и обществом? Случай ли этому причиною, или скорее современный вкус и наклонности, отгаданные и разработанные авторами? Вы идете в театр не за нравоучением или исправлением, а для развлечения и удовольствия. Вас увеселяет более вымысел, нежели истина! Представляя то, что вы имеете ежедневно перед глазами, нельзя вам понравиться; но то, чего не видите вы в обыкновенной жизни, всё чрезвычайное, романическое, вот что вас очаровывает, — теперь это и представляют вам.

Так во дни ужаса революции, именно потому, что вашим глазам больно было смотреть на кровавые сцены и грабительства, вы были счастливы, находя на театре человеколюбие и благотворительность, которые тогда были вымыслами...

Точно так и во времена восстановления Бурбонов вам напоминали те дни, когда вы давали Европе законы — и прошедшее утешало вас в настоящем.

Следственно театр весьма редко бывает выражением современного общества: по крайней мере, как мы видели, он часто выражает противоположное, так что должно искать происшествия в том именно, о чем театр молчит. Комедия изображает страсти всех времен, как изображали их Мольер, Данкур и Пикар, с такою веселостию, как Колен д'Арлевиль, с такою прелестью, как Андриё; она описывает редкие исключения и минутные странности; она едва приподнимает завесу и показывает нам только уголок общества; но нравы целого народа, целые эпохи, изящные или грубые, развратные или набожные, кровавые или героические, кто их нам откроет? Хороши они были или дурны, их вы найдете, мм. гг., в тех летописях, о которых я вам сейчас говорил:

Ces peintures naïves,
Des malices du siècle immortelles archives.*

Песня! она не имела никакой выгоды скрывать истину, а появлялась напротив именно для того, чтоб высказать ее! Итак, мм. гг., — пробежим снова те эпохи, о которых мы говорили, начнем с регентства, так мало сохраненного комическими авторами того времени, и прибегнем к песенникам: не будут ли они более верными живописцами общества? Колле, например:

Chansonniers, mes confrères,
Le coeur, l'amour sont des chimères.
Dans vos chansons legères
Traitez de vieux abus
Ces vertus
Qu'on n'a plus.**

Не бойтесь, мм. гг., я вам прочту только один куплет и то отрывками:

L'amour est mort en France,
C'est un
Défunt

---

* <В этих наивных картинках,
Бессмертных архивах лукавства века.>

** <Братья мои песенники,
Сердце, любовь, это — химеры.
В ваших песенках
Изображайте как старый обман
Эти добродетели, которых больше нет.>

Mort de trop d'aisance!
. . . .
Et tous ces nigauds
Qui font des madrigaux
Supposent à nos dames
        Des coeurs,
        Des moeurs,
Des vertus, des ames!
Et remplissent de flammes
Nos amants presque eteints,
        Ces pantins
        Libertins!*

Не видите ли вы, мм. гг., всего регентства в этих стихах? А что было бы, если б я прочитал всю песню до конца!

Хотите ли узнать общество осьмнадцатого столетия? Это общество щегольское и остроумное, рассудительное и скептическое, которое верило не в бога, а в наслаждения? Хотите ли иметь понятие о его нравах, философии и маленьких ужимках? Не спрашивайте комедию — она вам ничего не скажет! Прочтите песни Вуазенона, Буфлера и кардинала Берни.

Пойдемте далее, к тем временам, когда испуганной песне приходилось изломать свирель свою: она и тут не молчит, не перестает описывать нравов своего времени; она неотлучна как верное эхо, при всякой громкой эпохе принимает звуки и передает их нам. Так в нашу революцию, разделяющуюся на две различные половины, период ужасов изображен в безбожных песнях 93 года, период геройства и славы в воинственных гимнах, которые повели наших воинов на завоевание Европы.

Я не говорю вам о славе империи — она имела историографами всех песенников той эпохи, начиная с Дезожье, первого песенника всех времен, который производил песни как Лафонтен басни!

Что касается до времен восстановления Бурбонов, то не спрашивайте о них наши театры, не ищите их в столбцах Монитёра: для этого у нас есть песни Беранже.

— В конце речи своей остроумный оратор представляет песню во всегдашнем борении с господствующею силою: он припоминает, как она воевала во времена лиги и фронды, как осаждала палаты карди-

* <Любовь умерла во Франции.
        Это
            Покойник,
Умерший от слишком хорошей жизни!
. . . .
А все эти дурачки,
Что сочиняют мадригалы,
Предполагают у наших дам
        Сердца,
        Добрые нравы,
Добродетели, души!
И наполняют пламенем
Наших почти угасших любовников, —
        Этих паяцов
        И повес!>

налов Ришелье и Мазарини, как дерзала порицать важного Лудовика XIV, как осмеивала его престарелую любовницу, бесталантных министров и несчастных генералов; как при умном и безнравственном регенте и при слабом и холодном Лудовике XV нападения ее не прекратились; как, наконец, в безмолвное время грозного Наполеона она одна возвысила свой голос, и приводит в пример известную песню: Le roi d'Ivetot.

Il étoit un Roi d'Ivetot,
Peu connu dans l'histoire,
Se levant tard, se couchant tôt,
Passant le jour à boire.
Et couronné par Jeanneton
D'un simple bonnet de coton etc.*

Признаюсь: вряд ли кому могло войти в голову, чтоб эта песня была сатира на Наполеона. Она очень мила (и чуть ли не лучшая изо всех песен хваленого Béranger), но уж конечно в ней нет и тени оппозиции.

Ответ г. Вильмена, непременного секретаря Академии.

М. г.!

Ваша речь имела успех такой же, как и ваши комедии; здесь встречают вас те же рукоплескания, которые раздаются при вашем имени на всех театрах Франции и почти всей Европы. Академия это предвидела: она была уверена, что избрать вас было делом справедливости и народности. Во всех родах литературы всякая прочная слава дает право на академическое звание; никому не может быть дозволено в продолжение 20 лет безнаказанно морить со смеху публику.

Напрасно, м. г., следуя законам официальной скромности, вы бы стали унижать пред нами постоянные ваши успехи, опираясь на легкую форму ваших сочинений; всё дело в произведении вкуса не в предмете и не в форме — но в таланте. Есть песни, которые гораздо лучше эпической поэмы. Знаменитый академик, которого вы теперь занимаете место и которого вы так удачно характеризовали, после великих трагических произведений отличился особенно своею оригинальностию в эпиграммах, названных им баснею. Этот человек с умом и талантом умел бы оценить всю творческую силу, которая видна в бесчисленных и разнообразных ваших комических произведениях. Он бы не упрекнул вас ни за многих ваших сотрудников, ни за многие прелестные ваши произведения, которые принадлежат не вам одному, но которые без вас никогда бы не существовали. Арно знал, что вкус, который умеет выбирать и совершенствовать, есть важная часть изобретения, что мысль вполовину принадлежит тому, кто умеет придать ей настоящую цену. Он с радостию бы принял предложенного вами ему сотрудника — Наполеона, которого краткую и страшную пиитику вы так удачно изобразили.

* <Жил король в Ивето.
Мало известный в истории;
Он вставал поздно, ложился рано.
Проводил дни в попойках.
И увенчанный Жанетою
Простым ватным колпаком, и пр.>

Только пятый акт *Венецианцов* они создали вместе. Если сообщество не было деятельное, то виною тому не генерал Бонапарт, который в первом жару молодости и славы, между победой над Италией, управлением Францией, завоеванием Египта, занимался всем, думал обо всем вдруг и не знал куда деваться с своими мыслями и изобретениями в ожидании императорского престола. Арно привязался к нему с похода в Италию, со времени трагедии *Оскар*, которую послал он героическому обожателю Оссиана. Вскоре потом он принял участие в египетской экспедиции и последовал за кесарем в Александрию. Во время переезда на адмиральском корабле *Восток*, который нес в себе столько ученых и военных знаменитостей, Арно беспрестанно беседовал с генералом. Говорили о войне, об искусствах, о свободе, о завоевании всего света, о литературе, о трагедии. Бонапарт часто возвращался к этому последнему предмету, для которого он составил себе целую теорию. Политика, общественная польза — вот что по его мнению могло быть единственными предметами трагедии; где дело шло о любви, о сердечных борениях, не исключая и *Заиры*, всё это он причислял к комедии. Арно противился этим нововведениям и однажды после долгого спора, когда генерал сказал ему: „Как бы то ни было, но мне хочется сочинить с вами вместе трагедию", — Охотно, — отвечал Арно, — тогда, когда мы сочиним вместе план сражения! —

Несмотря на эту короткость в обращении, которой бы многие позавидовали, несмотря на доверчивость счастливой звезде завоевателя, Арно не окончил путешествия. Долг дружбы задержал его в Мальте при начале завоевания. Но он был из первых между теми, которые призывали героя из Египта и приготовляли к тому общее мнение.

18-е брюмера Арно находился при Бонапарте одним из ревностных участников военного переворота, который основал империю, и находился при чем без всяких личных расчетов. Литератор в полном смысле слова, несколько беспечный и гордый, Арно не заботился более ни о своей будущности, ни о благосклонности своего покровителя. Сперва остался он в Мальте, а после вдали от политики и императорского двора принял на себя скромную и важную должность, где его влияние было всегда правосудно и благодетельно.

Свободные часы его были все посвящаемы литературе. Трагический автор школы Дюсиса в произведениях своих, он прибавил к древним формам новую степень ужаса, а иногда и простоты. Страстный обожатель Наполеона, он не воспевал его царствования. Великие властители, потрясающие сильно воображение народов, пробуждают его у поэтов уже долго после своей кончины. Одаренный умом колким и насмешливым, способным более к коварным намекам басни, нежели к панегирику, Арно выхвалял Наполеона лишь после его падения и то важным языком истории. Его пристрастие было благоговение к гению и к несчастию; оно вдохнуло ему много красноречивых страниц: он заплатил изгнанием за право написать их. Писатель мирный, враг всех общественных переворотов, он был увлечен бурей, сокрушившей династию.

По этому случаю, в продолжение некоторого времени, он мог не принадлежать более этой Академии, где он имел столько прав на свое место и куда всё его призывало. Он даже возвратился к нам при том правлении, которое так несправедливо изгнало его. Во второй раз услышал он здесь похвалы трудам, прославившим жизнь его, и таланту, которому никакая революция не могла дать отставки. Ему прочли те стихи, которыми означен был первый день его изгнания; и он нашел в рукоплесканиях и в живом соучастии публики сладкую награду своему благородному характеру.

Этот характер вместе с его славою дал ему право на место, требовавшее доверенности, которое опустело между нами после умного и почтенного Андрие, место, которое требует бескорыстной любви к словесности, призывает иногда к защите ее до-

стоинства и должно быть нераздельно соединено с теми благородными чувствами, которые она внушает душе человека.

Как должны мы сожалеть, что внезапная смерть прекратила эту жизнь в полной ее силе и похитила Арно посреди недоконченных трудов его! Записки, писанные им с таким остроумием и беспечностию, составляют любопытный памятник его старости, и могут выдержать эту неблагодарную и грубую критику, которая всегда ожидает последних произведений художника и поэта. Арно, как умный и нечестолюбивый зритель, замешанный в движении века, не умел ими пользоваться, но видел много вещей и всегда умел оценять их с тою сильною прямотою совести, от которой яснеет самый расчет разума. Ни собственная выгода, ни политические связи не имели влияния на верность его воспоминаний, на его нравственный инстинкт. Некоторые несчастия прежней королевской династии, может быть, нигде не были описаны с таким живым участием, как в книге Арно, изгнанного из Франции в 1815 году.

Это происходило от того, что чувства справедливости были у него врожденными; и его строки хоть носят иногда печать современных страстей, но дышат всегда откровенностию, которой нельзя не уважать.

Вы поняли и достойно оценили талант вашего предшественника; но ваше поприще, м. г., счастливое и легкое, не может сравниться с его поприщем. Вы, я знаю, уважаете музу науки, ученые труды, успехи, дорого купленные и добываемые с боя. Вы всё это знаете по слухам: для вас литература с молодости была ряд наслаждений, славою, богатством. Это весьма редкая участь, пример опасный, быть может; но его оправдывают ваш талант и характер.

Не бойтесь, м. г., я не буду долго останавливаться на этой счастливой участи; но позвольте мне найти причину ее в вопросе более общем, который вы сейчас предложили себе и разрешили умно и удачно, но может быть, не совсем справедливо. Тайна ваших постоянных успехов заключается, я думаю, в том, что вы счастливо разгадали дух нашего века; вы создали род комедии, с которою он хорошо сроднился, которая походит на него, комедию живую, развязную, быструю; не обширную изящную картину, которую изучить нам не достает времени, а ряд портретов выразительных, которые блеснут, исчезнут, но не забываются. И так, не разделяя мнения, которое вы поддерживаете, не думая, подобно вам, что театр по существу своему должен быть в противоречии с нравами, противоположным полюсом общества, что он не должен походить на публику, чтобы нравиться публике, я, признаюсь вам, придерживаюсь второго мнения и могу опровергнуть ваши доказательства вашими же комедиями

Без сомнения, одна комедия не составляет полной истории народа; но она объясняет, пополняет эту историю. Она ничего не говорит о политических происшествиях, по крайней мере со времен Аристофана (или, если хотите, со времен Бертрана и Ратона), но она свидетельница духа и нравов народа, у которого родились эти происшествия. Не называя никого по имени, она пишет летопись каждого. Узнали б вы совершенно век Лудовика XIV без Мольера? Знали ли бы вы, что был тогда двор, город и особенно Тартюф? Нет ни одной пьесы Мольера, не исключая и фантастической драмы Дон Жуана, которая бы не показала вам какой-нибудь любопытной стороны народного духа в XVII столетии, не дала бы вам понятия о движении в нравах и не открыла б вам брожения мнений при мнимой тишине этой величественной эпохи?

Впоследствии, м. г., эта мелочная, жеманная драма Дората, Лану, и даже Мариво, которого вы уже слишком смешиваете с ними, уверены ли вы, что она в сильной противоположности с своим временем? XVIII-е столетие, столь полное настоящим и будущим, выражаясь вашими словами, XVIII-е столетие не походило ли в праздности выс-

ших классов, в злоупотреблениях ума, в утонченном разврате нравов на натянутую драму, которой оно рукоплескало? И даже не найдем ли мы и в других комедиях того времени, еще более слабых, верного изображения нравов, и может быть достойного наблюдения историков? Что же касается до хороших комедий той же эпохи, то они говорят много, и даже слишком много; например Свадьба Фигаро есть бесценное сведение для истории.

Я боюсь, м. г., следуя за вами далее, броситься ради комедии в летописи нашей революции; но и в эту эпоху, этот сентиментальный набор слов, это идолопоклонство *старости, добродетели, детству*, выводимое на театре во время политических ужасов, не было ли также чертою нравов? Тот же самый наглый обман не повторялся ли в речах трибуны и в программах народных праздников, где священные слова человечества смешивались с гнусными преступлениями; — это были проповеди и гимны новой *Лиги*.

Мне кажется, м. г., что театр, хорош ли он или дурен, естествен ли он или натянут, всегда, как прежде говорили и доказывали, театр есть драгоценный свидетель для истории нравов и мнений.

В нравах народа заключены его предрассудки, его воспоминания, его сожаления; для этого он иногда ходит в театр искать того, что не выражает настоящего его положения, но говорит ему о том, чего он желает, или что им потеряно. И потому я скажу, м. г., пользуясь вашим же примером: если в мирные времена *восстановления* ваши отставные полковники, ваши заслуженные храбрые солдаты были в такой милости у публики то не от того, что эта картина противоречила духу времени; но, напротив, потому, что льстила ему, лаская обиженное народное самолюбие; проницательный политик мог бы открыть в этих представлениях, принимаемых толпою с восторгом, страсть не потушенную в течение 15 лет, и вдруг вспыхнувшую.

Да, м. г., в ваших же произведениях можно найти эту современную точность, которую вы, отняв у комедии, присвоили одной песне, и сделать вас историком против вашей воли. Впрочем, в этом деле вы приняли все возможные предосторожности: вы соединили песню с комедией, и что ни говори о вашей литературной теории, — со всех сторон вас ожидают рукоплескания.

Я признаюсь, что эта теория делается весьма правдоподобною в последних примерах вами приведенных. В наших глазах, почти в то самое мгновение, когда я говорю, исчезло было это соотношение, это сходство театра с публикою, или, лучше сказать, казалось, что один из них хотел быть развратителем другого. Но в этом отзыве общественному перевороту, в этом бесплодном брожении возмутительных голов, нет ли чего такого, чем бы можно было изъяснить эту потребность сильных потрясений, столь противоположную нашим семейственным нравам, эту потребность, редко удовлетворенную на театре и которая бы уничтожилась сама собой, скукою публики, даже без пособия цензуры? Вы сами, милостивый государь, можете судить лучше других об этом, вы не заражены эпидемиею преувеличения, этой страстью к ложному, вы умеете на свободе соединять остроумие с здравым смыслом, и не нуждаетесь в неблагопристойных сценах для драматического эффекта.

Долгие успехи научили вас этому трудному искусству, от которого вы редко отступали, несмотря на огромное количество пьес, писанных наскоро. Аристократ Буало говорил:

Il faut, même en chanson, du bons sens et de l'art.*

---

* <Даже в песенке требуются здравый смысл и искусство.>

Этот совет, хотя, кажется, может быть ненужным и лишним в наше время, но тем не менее может быть применен с точностию ко всем родам песни на наших театрах. Ни легкость предмета, ни свобода формы, ни шалость ума, никогда не могут избавить автора от этих двух старинных условий, требуемых Буало: *здравого смысла и изящества*; и если бы даже они перестали быть принадлежностию больших произведений, то всё бы надобно было требовать их соблюдения от водевиля и комической оперы.

Так в прошедшем столетии человек с необработанным талантом, Седен, с помощию здравого смысла и искусства нашел новое место на наших театрах и оставил незабытые произведения. Вам, м. г., приготовленному с ранних дней изучением литературы, вам предстояло менее усилий и затруднений. К той оригинальности, без которой ни один писатель не может занять сильно публики, вы присоединили изучение хороших образцов; ваши первые произведения, повидимому, импровизированные посреди юной, беспечной веселости, всегда носили на себе отпечаток искусства и были написаны с такою же быстротою, как и со тщанием.

Вы ограничивали ваш талант тесною и легкою рамкою. Оригинальные характеры, свежие, девственные представления нравов — уже были похищены у вас прежними мастерами. Бросая наблюдательный взгляд на наше общество, вы не нашли в нем уже тех резких образов, той борьбы между состояниями, того особенного характера разных классов, столь удобных для высшей комедии; и несмотря на счастливые примеры, вы не решились испытать свою силу в этой изящной сфере искусства. Вас прельщал успех более легкий и скорый. Вместо того, чтоб сосредоточить вашу комическую силу на каком-нибудь предмете, требующем долгого размышления, вы раздробили ее на тысячу мелких блистательных очерков, возобновили ту изобретательную плодовитость испанских поэтов, которых произведения и успехи считались сотнями. Посреди общества, подведенного под один и тот же уровень, но общества деятельного, беспокойного, вы переносили на сцену его мнения, моды, причуды по мере того, как они появлялись пред вами.

Когда трудно было прямо ухватиться за минутную истину, вы часто искусно добирались до ней со стороны; для этого брали, вместо главной черты, мелочные оттенки и умели заставлять публику рукоплескать даже и тому, о чем вы молчали. Многие мелкие пьесы Мольера ценятся знатоками наравне с его большими произведениями. Вы умели быть оригинальным, подражая этим небольшим пьескам; и часто воспоминание или противоположная сторона какой-либо мысли великого поэта подавали вам средство написать целую новую пьесу.

Но особенно в наше время под парижским горизонтом, в его шумной жизни, в его делах и удовольствиях, на бирже, в литературе, вокруг себя, в происшествиях вчерашнего вечера, вы умели схватить предметы и освятить их вдохновением. Ваш театр приблизился к тем *Пословицам* гостиных, где общество обрисовывает само себя, и говорит своим ежедневным языком. Но пока вы писали под диктовку публики, возвращая ей, что она вам давала, сколько удачных и остроумных картин, сколько быстрых и живых разговоров обличали ваше участие в этой общей работе.

Вот причина, м. г., почему ваши пьесы забавляют всю Францию, переходя за границу и там переведенные, переделанные, сокращенные, увеличенные, по вкусу разных народов, поддерживают все театры от юга до севера. Везде хохотали, везде с жадностию хватались за ваши произведения. Это служит доказательством, что не костюм и минутные намеки составляют главное в этих совершенно парижских пьесах, — но что в них много истины и много веселости общечеловеческой.

Мне помнится, один знаменитый немецкий критик, слишком строгий к нашим классическим поэтам, может быть, умом и знанием завлеченный в невольный парадокс, предпочитал в полном смысле *Просителя* — *Мизантропу*. Я уверен, что вы сами несогласны с этим мнением; но заблуждение, в которое вы ввели такого критика своею остроумною комедиею, служит новым доказательством в вашу пользу; такое заблуждение было бы невозможно, если бы не было много ума и много жизни в этих легких сценах, которые не только играют, но на которые пишут комментарии за границей. Не повторяя слов критика, я не могу однако же не обратить внимания на особенное искусство, с которым ведены ваши важнейшие пьесы, на быстрое и свободное движение вашей драмы, на верность производимых ею впечатлений (хотя разговор и бывает иногда слишком украшен или слишком мелочен), на вашу тайну обрисовывать предмет во всех возможных видах, на ваш разговорный слог, то грациозный, то простой, то трогательный и всегда остроумный.

Какое расстояние от *Дипломата* до *Валерии*, от *L'interieur d'un Bureau* до *Michel et Christine!* Какое разнообразие, иногда какое остроумное нравоучение в многочисленных пьесах, на предмет профанированный старинным театром: на брак! Одна из них, *Женитьба по расчету* (Le Mariage d'argent), есть настоящая комедия в пяти актах, без куплетов, без *сотрудников*, поддерживаемая драматическою целостью, единством характеров, истиною разговора, силою оставляемого ею в душе впечатления. Проза не вредит этому творению, так же как и прекрасным комедиям Лессажа и Пикара.

Не надобно спрашивать, м. г., зачем вы не пытались чаще возобновлять эту высшую комедию, которая так удалася вам; у вас не было недостатка ни в таланте, ни в источниках смешного. Даже это поприще расширилось при действии наших общественных переворотов, и вам было возможно испытать свои силы над политическою комедиею, этою крайнею вольностию театрального искусства. Между большим числом ваших успехов замечательны *Bertrand et Raton*, сколько по новости предмета, столько и по истине подробностей. Эта пьеса сама собою имела достоинство случайное, оцененное публикою, для которой потребность порядка была чувством народным. Она осмеивала мятеж и живо изображала, какое искусственное волнение и какие мелочные причины могут иногда возмущать спокойствие государства.

Впрочем, м. г., это поприще политической комедии, на котором вы сделали несколько шагов, скоро закрылось, и вы об этом не сожалеете. Вашему таланту, остроумному и разнообразному, не нужно отыскивать смешное в раздорах партий; вы и без этого средства умеете возбудить внимание и покупать победу. Вы еще молоды: публика ожидает от вас многого. Обратится ли ваш талант к успехам более редким, или возобновит прежние, Академия во всяком случае не будет сожалеть о своем выборе. Ибо честь и жизнь литературного общества тогда только возможны, когда оно привлекает к себе все роды знаменитостей, узаконенных публикою. Это различные формы, в которых является состояние искусства в какой-либо нации. Не все приходят вдруг и не всякий принимает в этом деле одинакое с другим участие; строгому вкусу, глубокой учености должно быть место возле смелого таланта; возле людей, посвятивших себя словесности для самой словесности, должны быть люди, для которых она лишь средство действия на трибуне, в суде и в театре. Все эти различные роды соприкасаются один к другому и соединяются: сие-то самое смешение и составляет характер Академии. Каждая наша потеря, как и всякий наш выбор, более и более утверждают нас в этой мысли. Некогда из среды нас был похищен оратор, которого важное, возвышенное слово, громко прозвучав в национальных собраниях, тихо раздавалось в наших мирных

беседах, муж доблестный и красноречивый, сохранивший всеобщее уважение и в отдалении от дел, и даже при кормиле правления. Кто возвратит нам Лене?*

По крайней мере да огласятся эти стены нашим сетованием и да простят нам что мы поспешили воспользоваться этим случаем, чтобы гласно принести дань нашего благоговения на его смиренную и еще свежую могилу.

Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной

(Читано им 18 января 1836 г. в Императорской Российской Академии.)

Г. Лобанов заблагорассудил дать своему мнению форму неопределенную, вовсе неакадемическую: это краткая статья, в роде *журнальных отметок*, помещаемых в *Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду*. Может статься, то, что хорошо в журнале, покажется слишком легковесным, если будет произнесено в присутствии всей Академии и торжественно потом обнародовано. Как бы то ни было, мнение г. Лобанова заслуживает и даже требует самого внимательного рассмотрения.

„Любовь к чтению и желание образования (так начинается статья г. Лобанова) сильно увеличились в нашем отечестве в последние годы. Умножились типографии, умножилось число книг; журналы расходятся в большем количестве; книжная торговля распространяется“.

Находя событие сие *приятным для наблюдателя успехов в нашем отечестве*, г. Лобанов изрекает неожиданное обвинение. „Беспристрастные наблюдатели“ — говорит он — „носящие в сердцах своих любовь ко всему, что клонится к благу отечества, преходя в памяти своей всё, в последние времена ими читанное, не без содрогания могут сказать: есть и в нашей новейшей словесности некоторый отголосок безнравия и нелепостей, порожденных иностранными писателями“.

Г. Лобанов, не входя в объяснение того, что разумеет он под словами *безнравие* и *нелепость*, продолжает: „Народ заимствует у народа, и заимствовать полезное, подражать изящному — предписывает благоразумие. Но что ж заимствовать ныне (говорю о чистой словесности) у новейших писателей иностранных? Они часто обнажают такие нелепые, гнусные и чудовищные явления, распространяют такие пагубные и разрушительные мысли, о которых читатель до тех пор не имел ни малейшего понятия, и которые насильственно влагают в душу его

---

* Французская Академия на место умершего Лене выбрала г. Дюпати мимо представлявшихся кандидатами Балланша, Виктора Гюго и Моле. Академия имела на то, вероятно ей известные, причины. Мы же не знаем, что такое г. Дюпати.

зародыш безнравия, безверия и следовательно будущих заблуждений или преступлений".

„Ужели жизнь и кровавые дела разбойников, палачей и им подобных, наводняющих ныне словесность в повестях, романах, в стихах и прозе, и питающих одно только любопытство, представляются в образец для подражания? Ужели отвратительнейшие зрелища, внушающие не назидательный ужас, а омерзение, возмущающее душу, служат в пользу человечеству? Ужели истощилось необъятное поприще благородного, назидательного, доброго и возвышенного, что обратились к нелепому, *отвратному* (?), омерзительному и даже ненавистному?"

В подтверждение сих обвинений г. Лобанов приводит известное мнение эдимбургских журналистов *о нынешнем состоянии французской словесности.* При сем случае своды Академии огласились собственными именами Жюль-Жанена, Евгения Сю и прочих; имена сии снабжены были странными прилагательными... Но что, если (паче всякого чаяния) статья г. Лобанова будет переведена, и сии господа увидят имена свои, напечатанные в отчете Императорской Российской Академии? Не пропадет ли втуне всё красноречие нашего оратора? Не в праве ли будут они гордиться такой честию неожиданной, неслыханной в летописях европейских академий, где доселе произносились имена только тех из живых людей, которые воздвигнули себе вековечные памятники своими талантами, заслугами и трудами? (Академии безмолвствовали о других.) Критическая статья английского аристарха напечатана была в журнале; там она заняла ей приличное место и произвела свое действие. У нас *Библиотека* перевела ее, и хорошо сделала. Но тут и надлежало остановиться.

Есть высоты, с которых не должны падать сатирические укоризны; есть звания, которые налагают на вас обязанность умеренности и благоприличия, независимо от надзора цензуры, sponte sua, sine lege.*

„Для Франции" — пишет г. Лобанов — „для народов, отуманенных гибельною для человечества новейшею философиею, огрубелых в кровавых явлениях революций и упавших в омут душевного и умственного разврата, самые отвратительнейшие зрелища, например: гнуснейшая из драм, омерзительнейший хаос ненавистного бесстыдства и кровосмешения, *Лукреция Борджиа,* не кажутся им таковыми; самые разрушительнейшие мысли для них не столь заразительны: ибо они давно ознакомились и, так сказать, срослись с ними в ужасах революций".

Спрашиваю: можно ли на целый народ изрекать такую страшную анафему? Народ, который произвел Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля

* <По собственному почину, без давления закона.>

и Монтескье, который и ныне гордится Шатобрианом и Балланшем; народ, который Ламартина признал первым из своих поэтов, который Нибуру и Галламу противопоставил Баранта, обоих Тьерри и Гизо; народ, который оказывает столь сильное религиозное стремление, который так торжественно отрекается от жалких скептических умствований минувшего столетия,— ужели весь сей народ должен ответствовать за произведения нескольких писателей, большею частию молодых людей, употребляющих во зло свои таланты и основывающих корыстные расчеты на любопытстве и нервной раздражительности читателей? Для удовлетворения публики, всегда требующей новизны и сильных впечатлений, многие писатели обратились к изображениям отвратительным, мало заботясь об изящном, об истине, о собственном убеждении. Но нравственное чувство, как и талант, дается не всякому. Нельзя требовать от всех писателей стремления к одной цели. Никакой закон не может сказать: пишите именно о таких-то предметах, а не о других. Мысли, как и действия, разделяются на *преступные* и на *неподлежащие никакой ответственности*. Закон не вмешивается в привычки частного человека, не требует отчета о его обеде, о его прогулках, и тому подобном; закон также не вмешивается в предметы избираемые писателем, не требует, чтоб он описывал нравы женевского пастора, а не приключения разбойника или палача, выхвалял счастие супружеское, а не смеялся над невзгодами брака.

Требовать от всех произведений словесности изящества или нравственной цели было бы то же, что требовать от всякого гражданина беспорочного житья и образованности. Закон постигает одни преступления, оставляя слабости и пороки на совесть каждого. Вопреки мнению г. Лобанова, мы не думаем, чтоб нынешние писатели *представляли разбойников и палачей в образец для подражания*. Лесаж, написав „Жилблаза“ и „Гусмана д'Альфараш“, конечно, не имел намерения преподавать уроки в воровстве и в плутнях. Шиллер сочинил своих „Разбойников“ вероятно не с тою целию, чтоб молодых людей вызвать из университетов на большие дороги. Зачем же и в нынешних писателях предполагать преступные замыслы, когда их произведения просто изъясняются желанием занять и поразить воображение читателя? Приключения ловких плутов, страшные истории о разбойниках, о мертвецах и пр. всегда занимали любопытство не только детей, но и взрослых ребят, а рассказчики и стихотворцы исстари пользовались этой наклонностию души нашей.

Мы не полагаем, чтобы нынешняя раздражительная, *опрометчивая, бессвязная французская словесность была следствием политических*

*волнений.** В словесности французской совершилась своя революция, чуждая политическому перевороту, ниспровергшему старинную монархию Людовика XIV. В самое мрачное время революции литература производила приторные, сентиментальные, нравоучительные книжки. Литературные чудовища начали появляться уже в последние времена кроткого и благочестивого Восстановления (Restauration). Начало сему явлению должно искать в самой литературе. Долгое время покорствовав своенравным уставам, давшим ей слишком стеснительные формы, она ударилась в крайнюю сторону, и забвение всяких правил стала почитать законною свободой. Мелочная и ложная теория, утвержденная старинными риторами, будто бы *польза* есть условие и цель изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цель художества есть *идеал*, а не *нравоучение.* Но писатели французские поняли одну только половину истины неоспоримой, и положили, что и нравственное безобразие может быть целию поэзии, т. е. идеалом! Прежние романисты представляли человеческую природу в какой-то жеманной напыщенности; награда добродетели и наказание порока были непременным условием всякого их вымысла: нынешние, напротив, любят выставлять порок всегда и везде торжествующим, и в сердце человеческом обретают только две струны: эгоизм и тщеславие. Таковой поверхностный взгляд на природу человеческую обличает, конечно, мелкомыслие и вскоре так же будет смешон и приторен, как чопорность и торжественность романов Арно и г-жи Котен. Покамест он еще нов, и публика, т. е. большинство читателей, с непривычки, видит в нынешних романистах глубочайших знатоков природы человеческой. Но уже „словесность отчаяния“ (как назвал ее Гете), „словесность сатаническая“ (как говорит Соувей), словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, цыгарочная и пр., — эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинает упадать даже и во мнении публики.

Французская словесность, со времен Кантемира имевшая всегда прямое или косвенное влияние на рождающуюся нашу литературу, должна была отозваться и в нашу эпоху. Но ныне влияние ее было слабо. Оно ограничилось только переводами и кой-какими подражаниями, не имевшими большого успеха. Журналы наши, которые, как и везде, правильно и неправильно управляют общим мнением, вообще оказались противниками новой романической школы. Оригинальные романы, имевшие у нас наиболее успеха, принадлежат к роду нравоописательных и исторических. Лесаж и Вальтер-Скотт служили им образцами, а не Бальзак

* „Современник“, № 1: „О движении журнальной литературы“.

и не Жюль-Жанен. Поэзия осталась чужда влиянию французскому; она более и более дружится с поэзией германскою и гордо сохраняет свою независимость от вкусов и требований публики.

„Останавливаясь на духе и направлении нашей словесности“ — продолжает г. Лобанов — „всякой просвещенный человек, всякой благомыслящий русский видит: в теориях наук — сбивчивость, непроницаемую тьму и хаос несвязных мыслей; в приговорах литературных — совершенную безотчетность, бессовестность, наглость и даже буйство. Приличие, уважение, здравый ум отвергнуты, забыты, уничтожены. Романтизм, слово до сих пор неопределенное, но слово магическое, сделался для многих эгидою совершенной безотчетливости и литературного сумасбродства. Критика, сия кроткая наставница и добросовестная подруга словесности, ныне обратилась в площадное гаерство, в литературное пиратство, в способ добывать себе поживу из кармана слабоумия дерзкими и буйными выходками, нередко даже против мужей государственных, знаменитых и гражданскими и литературными заслугами. Ни сан, ни ум, ни талант, ни лета, ничто не уважается. Ломоносов слывет педантом. Величайший гений, оставивший в достояние России высокую песнь богу, песнь, которой нет равной ни на одном языке народов вселенной, как бы не существует для нашей словесности: он, как бы *бесталанный* (г. Лобанов, вероятно, хотел сказать *бесталантный*), оставлен без внимания. Имя Карамзина, мудреца глубокого, писателя добросовестного, мужа чистого сердцем, предано глумлению...“

Конечно, критика находится у нас еще в младенческом состоянии. Она редко сохраняет важность и приличие, ей свойственные; может быть, ее решения часто внушены расчетами, а не убеждением. Неуважение к именам, освященным славою (первый признак невежества и слабомыслия), к несчастию, почитается у нас не только дозволенным, но еще и похвальным удальством. Но и тут г. Лобанов сделал несправедливые указания: у Ломоносова оспоривали (весьма неосновательно) титло поэта, но никто, нигде, сколько я помню, не называл его педантом: напротив, ныне вошло в обыкновение хвалить в нем мужа ученого, унижая стихотворца. Имя великого Державина всегда произносится с чувством пристрастия, даже суеверного. Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России, и ни один писатель с истинным талантом, ни один истинно ученый человек, даже из бывших ему противниками, не отказал ему дани уважения глубокого и благодарности.

Мы не принадлежим к числу подобострастных поклонников нашего века, но должны признаться, что науки сделали шаг вперед. Умствования великих европейских мыслителей не были тщетны и для нас. Теория

наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству. Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и, хотя говорили они языком мало понятным для непосвященных, но тем не менее их влияние было благотворно и час от часу становится более ощутительно.

„Не стану говорить ни о господствующем вкусе, ни о понятиях и учениях об изящном. Первый явно везде и во всем обнаруживается и всякому известен; а последние так сбивчивы и превратны, в новейших эфемерных и разрушающих одна другую системах, или так спутаны в суесловных мудрованиях, что они непроницаемы для здравого разума. Ныне едва ли верят, что изящное, при некоторых только изменениях форм, было и есть одно и то же для всех веков и народов; что Гомеры, Данты, Софоклы, Шекспиры, Шиллеры, Расины, Державины, несмотря на различие их форм, рода, веры и нравов, все созидали изящное и для всех веков; что писатели, романтики ли они или классики, должны удовлетворять ум, воображение и сердце образованных и просвещенных людей, а не одной толпы несмысленной, плещущей без разбора и гаерам подкачельным. Нет, ныне проповедуют, что ум человеческий далеко ушел вперед, что он может оставить в покое древних и даже новейших знаменитых писателей, что ему не нужны руководители и образцы, что ныне всякий пишущий есть самобытный гений, — и под знаменем сего ложного учения, поражая великих писателей древности именем тяжелых и приторных классиков (которые однако ж за тысячи лет пленяли своих сограждан и всегда будут давать много возвышенных наслаждений своему читателю), под знаменем сего ложного учения, новейшие писатели безотчетно омрачают разум неопытной юности и ведут к совершенному упадку и нравственность и словесность“.

Оставляя без возражения сию филиппику, не могу не остановиться на заключении, выведенном г. Лобановым изо всего им сказанного:

„По множеству сочиняемых ныне безнравственных книг цензуре предстоит непреодолимый труд проникнуть все ухищрения пишущих. Не легко разрушить превратность мнений в словесности и обуздать дерзость языка, если он, движимый злонамеренностию, будет провозглашать нелепое и даже вредное. Кто ж должен содействовать в сем трудном подвиге? Каждый добросовестный русский писатель, каждый просвещенный отец семейства, а всего более Академия, для сего самого учрежденная. Она, движимая любовию к государю и отечеству, имеет право, на ней лежит долг неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, где бы оно ни встретилось на поприще словесности. *Академия*

(сказано в ее Уставе, гл. III, § 2, и во всеподданнейшем докладе § III), *яко сословие, учрежденное для наблюдения нравственности, целомудрия и чистоты языка, разбор книг, или критические суждения, долженствует почитать одною из главнейших своих обязанностей.* И так, милостивые государи, каждый из почтенных сочленов моих да представляет для рассмотрения и напечатания в собрания сей Академии, согласно с ее Уставом, разборы сочинений и суждения о книгах и журналах новейшей нашей словесности и, тем содействуя общей пользе, да исполняет истинное назначение сего высочайше утвержденного сословия".

Но где же у нас это множество безнравственных книг? Кто сии дерзкие, злонамеренные писатели, ухищряющиеся ниспровергать законы, на коих основано благоденствие общества? И можно ли укорять у нас цензуру в неосмотрительности и послаблении? Мы знаем противное. Вопреки мнению г. Лобанова, цензура не должна *проникать все ухищрения* пишущих. „Цензура долженствует обращать особенное внимание на дух рассматриваемой книги, на видимую цель и намерение автора и *в суждениях своих принимать всегда за основание явный смысл речи, не дозволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону*" (Устав о Цензуре, § 6).

Такова была высочайшая воля, даровавшая нам литературную собственность и законную свободу мысли! Если с первого взгляда сие основное правило нашей цензуры и может показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнейшем рассмотрении увидим, что без того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово может быть перетолковано в худую сторону. *Нелепое,* если оно просто нелепо, а не заключает в себе ничего противного вере, правительству, нравственности и чести личной, не подлежит уничтожению цензуры. Нелепость, как и глупость, подлежит осмеянию общества и не вызывает на себя действия закона. Просвещенный отец семейства не даст в руки своим детям многих книг, дозволенных цензурою: книги пишутся не для всех возрастов одинаково. Некоторые моралисты утверждают, что и восьмнадцатилетней девушке нельзя позволить чтение романов: из того еще не следует, чтоб цензура должна была запрещать все романы. Цензура есть установление благодетельное, а не притеснительное; она есть верный страж благоденствия частного и государственного, а не докучливая нянька, следующая по пятам шалливых ребят.

Заключим искренним желанием, чтобы Российская Академия, уже принесшая истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитых подвигов, ободрила, оживила отечественную

словесность, награждая достойных писателей деятельным своим покровительством, а недостойных — наказывая одним ей приличным оружием: невниманием.

Вольтер

(Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc. Paris 1836) *

Недавно издана в Париже переписка Вольтера с президентом де Броссом. Она касается покупки земли, совершенной Вольтером в 1758 году.

Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записки к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить из деловой переписки о покупке земли книгу, на каждой странице заставляющую вас смеяться, и передать сделкам и купчаям всю заманчивость остроумного памфлета. Судьба на столь забавного покупщика послала продавца не менее забавного. Президент де Бросс есть один из замечательнейших писателей прошедшего столетия. Он известен многими учеными сочинениями,** но лучшим из его произведений мы почитаем письма, им написанные из Италии в 1730—1740 и недавно вновь изданные под заглавием: „L'Italie il y a cent ans“. В этих дружеских письмах де Бросс обнаружил необыкновенный талант. Ученость истинная, но никогда не отягощенная педантизмом, глубокомыслие, шутливая острота, картины, набросанные с небрежением, но живо и смело, ставят его книгу выше всего, что писано было в том же роде.

Вольтер, изгнанный из Парижа, принужденный бежать из Берлина, искал убежища на берегу Женевского озера. Слава не спасала его от беспокойств. Личная свобода его была не безопасна; он дрожал за свои капиталы, розданные им в разные руки. Покровительство маленькой

* ⟨Неизданная переписка Вольтера с президентом де Броссом, и проч. Париж 1836.⟩

** Histoire des navigations aux terres australes; Traité de la formation mécanique des langues; Histoire du VII siècle de la République Romaine; Traité du culte des dieux fétiches, и проч.

⟨История морских плаваний в южные земли; Трактат о механическом образовании языков; История VII века Римской Республики; Трактат о культе богов-фетишей.⟩

мещанской республики не слишком его ободряло. Он хотел на всякой случай помириться с своим отечеством и желал (пишет он сам) иметь одну ногу в монархии, другую в республике — дабы перешагать туда и сюда, смотря по обстоятельствам. Местечко Турне (Tournoy), принадлежавшее президенту де Бросс, обратило на себя его внимание. Он знал президента за человека беспечного, расточительного, вечно имеющего нужду в деньгах, и вступил с ним в переговоры следующим письмом:

„Я прочел с величайшим удовольствием то, что вы пишете об Австралии; но позвольте сделать вам предложение, касающееся твердой земли. Вы не такой человек, чтоб Турне могло приносить вам доход. Шуэ, ваш арендатор, думает уничтожить свой контракт. Хотите ли продать мне землю вашу пожизненно? Я стар и хвор. Я знаю, что дело это для меня невыгодно, но вам оно будет полезно, а мне приятно — и вот условия, которые вздумалось мне повергнуть вашему благоусмотрению.

„Обязуюсь из материалов вашего прегадкого замка выстроить хорошенький домик. Думаю на то употребить 25 000 ливров. Другие 25 000 ливров заплачу вам чистыми деньгами.

„Всё, чем украшу землю, весь скот, все земледельческие орудия, коими снабжу хозяйство, будут вам принадлежать. Если умру, не успев выстроить дом, то у вас останутся в руках 25 000 ливров, и вы достроите его, коли вам будет угодно. Но я постараюсь прожить еще два года, и тогда вы будете даром иметь очень порядочный домик.

„Сверх сего обязуюсь прожить не более четырех или пяти лет.

„В замен сих честных предложений, требую вступить в полное владение вашим движимым и недвижимым имением, правами, лесом, скотом и даже каноником, до самого того времени, как он меня похоронит. Если этот забавный торг покажется вам выгодным, то вы одним словом можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишком коротка: дела не должны длиться.

„Прибавлю еще слово. Я украсил мою норку, прозванную les Délices;* я украсил дом в Лозане; то и другое теперь стоит вдвое противу прежней цены: то же сделаю и с вашей землею. В теперешнем ее положении вы никогда ее с рук не сбудете.

„Во всяком случае прошу вас сохранить всё это в тайне, и честь имею“, и проч.

Де Бросс не замедлил своим ответом. Письмо его, как и Вольтерово, исполнено ума и веселости.

*〈Отрада.〉

„Если бы я был в вашем соседстве (пишет он) в то время, как вы поселились так близко к городу,* то, восхищаясь вместе с вами физическою красотою берегов вашего озера, я бы имел честь шепнуть вам на ухо, что нравственный характер жителей требовал, чтобы вы поселились во Франции, по двум важным причинам: во-первых, потому что надобно жить у себя дома, во-вторых, потому что не надобно жить у чужих. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляет меня любить монархии... Я бы вам и тогда предложил свой замок, если б он был вас достоин; но замок мой не имеет даже чести быть древностию: это просто *ветошь*. Вы вздумали возвратить ему юность, как Мемнону: я очень одобряю ваше предположение. Вы не знаете, может быть, что г. д'Аржанталь имел для вас то же намерение. — Приступим к делу".

Тут де Бросс разбирает одно за другим все условия, предлагаемые Вольтером; с иными соглашается, другим противоречит, обнаруживая сметливость и тонкость, которых Вольтер от президента, кажется, не ожидал. Это подстрекнуло его самолюбие. Он начал хитрить; переписка завязалась живее. Наконец 15 декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающие в себе переговоры торгующихся, и несколько других, писанных по заключении торга, составляют лучшую часть переписки Вольтера с де Броссом. Оба друг перед другом кокетничают; оба поминутно оставляют деловые запросы для шуток самых неожиданных, для суждений самых искренних о людях и происшествиях современных. В этих письмах Вольтер является Вольтером, т. е. любезнейшим из собеседников; де Бросс — тем острым писателем, который так оригинально описал Италию в ее правлении и привычках, в ее жизни художественной и сладострастной.

Но вскоре согласие между новым хозяином земли и прежним ее владельцем было прервано. Война, как и многие другие войны, началась от причин маловажных. Срубленные деревья осердили нетерпеливого Вольтера; он поссорился с президентом, не менее его раздражительным. Надобно видеть, что такое гнев Вольтера! Он уже смотрит на де Бросса, как на врага, как на Фрерона, как на великого инквизитора. Он собирается его погубить: „qu'il tremble!" — восклицает он в бешенстве — „il ne s'agit pas de le rendre ridicule: il s'agit de le deshonorer!"** Он жалуется, он плачет, он скрежещет... а всё дело в двух

---

*⟨Вольтер в 1755 году купил les Délices sur St. Jean, близ самой Женевы.⟩

**⟨Пусть он трепещет!.. Дело идет не о том, чтобы его высмеять а о том, чтобы его обесчестить!⟩

стах франках. Де Бросс с своей стороны не хочет уступить вспыльчивому философу; в ответ на его жалобы, он пишет знаменитому старцу надменное письмо, укоряет его в природной дерзости, советует ему в минуты сумасшествия воздерживаться от пера, дабы не краснеть опомнившись потом, и оканчивает письмо желанием Ювенала:

*Mens sana in corpore sano.**

Посторонние вмешиваются в распрю соседей. Общий их приятель, г. Рюфе, старается усовестить Вольтера и пишет к нему едкое письмо (которое, вероятно, диктовано самим де Броссом): „Вы боитесь быть обманутым“ — говорит г. Рюфе — „но из двух ролей это лучшая... Вы не имели никогда тяжеб: они разорительны, даже когда их и выигрываем... Вспомните устрицу Лафонтена и пятую сцену второго действия в *Скапиновых Обманах.*** Сверх адвокатов, вы должны еще опасаться и литературной черни, которая рада будет на вас броситься...“

Вольтер первый утомился и уступил. Он долго дулся на упрямого президента и был причиною тому, что де Бросс не попал в Академию (что в то время много значило). Сверх того Вольтер имел удовольствие его пережить: де Бросс, младший из двух пятнадцатью годами, умер в 1777 году, годом прежде Вольтера.

Несмотря на множество материалов, собранных для истории Вольтера (их целая библиотека), как человек деловой, капиталист и владелец, он еще весьма мало известен. Ныне изданная переписка открывает многое. „Надобно видеть“ — пишет издатель в своем предисловии, — „как баловень Европы, собеседник Екатерины Великой и Фридерика II, занимается последними мелочами для поддержания своей местной важности; надобно видеть, как он в праздничном кафтане въезжает в свое графство, сопровождаемый своими обеими племянницами (*которые все в бриллиантах*); как выслушивает он речь своего священника и как новые подданные приветствуют его пальбой из пушек, взятых на прокат у Женевской республики. Он в вечной распре со всем местным духовенством. *Габель* (налог на соль) находит в нем тонкого и деятельного противника. Он хочет быть банкиром своей провинции. Вот он пускается в спекуляции. У него свои дворяне: он шлет их посланниками в Швейцарию. И всё это его ворочает; он искренно тревожится обо всем с этой раздражительностию страстей, исключительно ему

* 〈Здоровый дух в здоровом теле.〉

** Сцену, в которой Леандр заставляет Скапина на коленях признаваться во всех своих плутнях.

свойственной. Он расточает то искусные рассуждения адвоката, то прицепки прокурора, то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истинного красноречия. Письмо его к президенту о драке в кабаке право напоминает его заступление за семейство Каласа".

В одном из этих писем встретили мы неизвестные стихи Вольтера. На них легкая печать его неподражаемого таланта. Они писаны соседу, который прислал ему розаны.

Vos rosiers sont dans mes jardins,
Et leurs fleurs vont bientôt paraître.
Doux asile où je suis mon maître!
Je renonce aux lauriers si vains,
Qu'à Paris j'aimais trop peut-être.
Je me suis trop piqué les mains
Aux épines qu'ils ont fait naître.*

Признаемся в rococo нашего запоздалого вкуса: в этих семи стихах мы находим более *слога*, более жизни, более мысли, нежели в полдюжине длинных французских стихотворений, писанных в нынешнем вкусе, где мысль заменяется исковерканным выражением, ясный язык Вольтера — напыщенным языком Ронсара, живость его — несносным однообразием, а остроумие — площадным цинизмом или вялой меланхолией.

Вообще переписка Вольтера с де Броссом представляет нам творца Меропы и Кандида с его милой стороны. Его притязания, его слабости, его детская раздражительность — всё это не вредит ему в нашем воображении. Мы охотно извиняем его и готовы следовать за всеми движениями пылкой его души и беспокойной чувствительности. Но не такое чувство рождается при чтении писем, приложенных издателем к концу книги, нами разбираемой. Эти новые письма найдены в бумагах г. де ла Туша, бывшего французским посланником при дворе Фридерика II (в 1752 г.).

В это время Вольтер не ладил с *Северным Соломоном*** своим прежним учеником. Мопертюи, президент Берлинской Академии, поссорился с профессором Кенигом. Король взял сторону своего президента; Вольтер заступился за профессора. Явилось сочинение без имени автора, под заглавием: *Письмо к Публике.* В нем осуждали Кенига и задевали Вольтера. Вольтер возразил и напечатал свой колкий ответ в немецких журналах. Спустя несколько времени, „Письмо к Публике" было перепечатано в Берлине с изображением короны, скиптра и прусского орла на заглавном листе. Вольтер только тогда догадался, с кем имел он

* 〈Перевод см. в комментариях.〉

** Так называл Вольтер Фридерика II в хвалебных своих посланиях.

И. И. Пущин в Михайловском. С картины маслом *Н. Н. Ге* 1875 г. (Академия Наук СССР)

неосторожность состязаться, и стал помышлять о благоразумном отступлении. Он видел в поступках короля явное к нему охлаждение и предчувствовал опалу. „Я стараюсь тому не верить“— писал он в Париж к д'Аржанталю, — „но боюсь быть подобну рогатым мужьям, которые силятся уверить себя в верности своих жен. Бедняжки втайне чувствуют свое горе!“ Несмотря на свое уныние, он однако ж не мог удержаться, чтоб еще раз не задеть своих противников. Он написал самую язвительную из своих сатир (La Diatribe du Dr. Akakia)* и напечатал ее, выманив обманом позволение на то от самого короля.

Следствия известны. Сатира, по повелению Фридерика, сожжена была рукою палача. Вольтер уехал из Берлина, задержан был во Франкфурте прусскими приставами, несколько дней находился под арестом, и принужден был выдать стихотворения Фридерика, напечатанные для немногих, и между коими находилась сатирическая поэма против Людовика XV и его двора.

Вся эта жалкая история мало приносит чести философии. Вольтер, во всё течение долгой своей жизни, никогда не умел сохранить своего собственного достоинства. В его молодости заключение в Бастилию, изгнание и преследование не могли привлечь на его особу сострадания и сочувствия, в которых почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсник государей, идол Европы, первый писатель своего века, предводитель умов и современного мнения, Вольтер и в старости не привлекал уважения к своим сединам: лавры, их покрывающие, были обрызганы грязью. Клевета, преследующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся перед лицом истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Он не имел самоуважения и не чувствовал необходимости в уважении людей. Что влекло его в Берлин? Зачем ему было променивать свою независимость на своенравные милости государя, ему чужого, не имевшего никакого права его к тому принудить?..

К чести Фридерика II скажем, что сам от себя король, вопреки природной своей насмешливости, не стал бы унижать своего старого учителя, не надел бы на первого из французских поэтов шутовского кафтана, не предал бы его на посмеяние света, если бы сам Вольтер не напрашивался на такое жалкое посрамление.

До сих пор полагали, что Вольтер сам от себя, в порыве благородного огорчения, отослал Фридерику каммергерский ключ и прусский орден, знаки непостоянных его милостей; но теперь открывается, что

* 〈Памфлет доктора Акакия.〉

король сам их потребовал обратно. Роль переменена: Фридерик негодует и грозит, Вольтер плачет и умоляет...

Что̀ из этого заключить? Что гений имеет свои слабости, которые утешают посредственность, но печалят благородные сердца, напоминая им о несовершенстве человечества; что настоящее место писателя есть его ученый кабинет, и что наконец независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы.

Фракийские элегии *

Стихотворения Виктора Теплякова. 1836

В наше время молодому человеку, который готовится посетить великолепный Восток, мудрено, садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона, и невольным соучастием не сблизить судьбы своей с судьбою Чильд-Гарольда. Ежели, паче чаяния, молодой человек еще и поэт и захочет выразить свои чувствования, то как избежать ему подражания? Можно ли за то его укорять? Талант неволен, и его подражание не есть постыдное похищение — признак умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, — или чувство, в смирении своем еще более возвышенное: желание изучить свой образец и дать ему вторичную жизнь.**

Нет сомнения, что фантастическая тень Чильд-Гарольда сопровождала г. Теплякова на корабле, принесшем его к Фракийским берегам. Звуки прощальных строф

Adieu, adieu, my native land!***

отзываются в самом начале его песен:

Плывем!.. Бледнее день; бегут брега родные;
Златой струится блеск по синему пути;
Прости, земля! прости, Россия!
Прости, о родина, прости!

Но уже с первых стихов поэт обнаруживает самобытный талант:

Безумец! что за грусть? В минуту разлученья
Чьи слезы ты лобзал на берегу родном?

* Отпечатаны и на-днях поступят в продажу.

** <Вычеркнуто: „Так Брюлов, усыпляя нарочно свою творческую силу, с пламенным и благородным подобострастием описывал Афинскую школу Рафаэля. А между тем, в голове его уже шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народ бежал по тесной улице, чудно освещенной Волканом“.>

*** <Прости, прости, родная земля.>

Чьи слышал ты благословенья?
Одно минувшее мудреным, тяжким сном
В тот миг душе твоей мелькало,
И юности твоей избитый бурей челн,
И бездны, перед ней отверстые, казало! —
Пусть так! Но грустно мне! Как плеск угрюмых волн
Печально в сердце раздается!
Как быстро мой корабль в чужую даль несется!
О лютня странника, святой от грусти щит,
Приди, подруга дум заветных!
Пусть в каждом звуке струн приветных
К тебе душа моя, о родина, летит!

I

Пускай на юность ты мою
Венец терновый наложила —
О мать! душа не позабыла
Любовь старинную твою!
Теперь — сны сердца, прочь летите!
К отчизне душу не маните!
Там никому меня не жаль!
Синей, синей, чужая даль!
Седые волны, не дремлите!

II

Как жадно вольной грудью я
Пью беспредельности дыханье!
Лазурный мир! в твоем сияньи
Сгорает, тонет мысль моя!
Шумите, парусы, шумите!
Мечты о родине, молчите:
Там никому меня не жаль!
Синей, синей, чужая даль!
Седые волны, не дремлите!

III

Увижу я страну богов;
Красноречивый прах открою:
И зашумит передо мною
Рой незапамятных веков!
Гуляйте ж, ветры, не молчите!
Утесы родины, простите!
Там никому меня не жаль!
Синей, синей, чужая даль!
Седые волны, не дремлите!

Тут есть гармония, лирическое движение, истина чувств!

Вскоре поэт плывет мимо берегов, прославленных изгнанием Овидия; они мелькают перед ним на краю волн,

Как пояс желтый и струистый.

Поэт приветствует незримую гробницу Овидия стихами слишком небрежными:

Святая тишина Назоновой гробницы
Громка, как дальний шум победной колесницы!
О! кто средь мертвых сих песков
Мне славный гроб его укажет?
Кто повесть мук его расскажет —
Степной ли ветр, иль плеск валов,
Иль в шуме бури глас веков?..
Но тише... тише... что за звуки?
Чья тень над бездною седой
Меня манит, подъемля руки,
Качая тихо головой?
У ног лежит венец терновый (!),
В лучах сияет голова,
Белее волн хитон *перловый,*
Святей их ропота слова, —
И под эфирными перстами
О древних людях, с их бедами,
Златая лира говорит.
Печально струн ее бряцанье:
В нем сердцу слышится изганье;
В нем *стон о родине звучит,*
Как плач души без упованья.

Тишина гробницы, громкая как дальний шум колесницы; стон, звучащий как плач души; слова, которые святее ропота волн... всё это не точно, фальшиво, или просто ничего не значит.

Гресет в одном из своих посланий пишет:

Je cesse d'estimer Ovide,
Quand il vient sur de faibles tons
Méchanter, pleureur insipide,
De longues lamentations.*

Книга Tristium не заслуживала такого строгого осуждения. Она выше, по нашему мнению, всех прочих сочинений Овидиевых (кроме „Превращений“). Героиды, элегии любовные, и самая поэма „Ars amandi“, мнимая причина его изгнания, уступают „Элегиям Понтийским“. В сих последних более истинного чувства, более простодушия, более индиви-

* ⟨Перевод см. в комментариях.⟩

дуальности, и менее холодного остроумия. Сколько яркости в описании чуждого климата и чуждой земли! Сколько живости в подробностях! И какая грусть о Риме! Какие трогательные жалобы! Благодарим г. Теплякова за то, что он не ищет блистать душевной твердостию на счет бедного изгнанника, а с живостию заступается за него.

И ты ль тюремный вопль, о странник! назовешь
 Ласкательством души уничиженной? —
Нет, сам терновою стезею ты идешь,
 Слепой судьбы проклятьем пораженный!..

Подобно мне (Овидию), ты сир и одинок меж всех
 И знаешь сам хлад жизни без отрады;
Огнь сердца без тепла, и без веселья смех,
 И плач без слез, и слезы без услады!

Песнь, которую поэт влагает в уста Назоновой тени, имела бы более достоинства, если бы г. Тепляков более соображался с характером Овидия, так искренно обнаруженным в его *плаче*. Он не сказал бы, что при набегах гетов и бессов поэт

Радостно на смертный мчался бой.

Овидий добродушно признается, что он и с молоду не был охотник до войны, что тяжело ему под старость покрывать седину свою шлемом и трепетной рукою хвататься за меч при первой вести о набеге. (См. Trist. Lib. IV. El. 1.)

Элегия „Томис“ оканчивается прекрасными стихами:

Не буря ль это, кормчий мой?
Уж через мачты море хлещет,
И пред чудовищной волной,
Как пред тираном раб немой,
Корабль твой гнется и трепещет!
. . . .
. . . .
. . . .
„Вели стрелять! Быть может, нас
Какой-нибудь в сей страшный час
Корабль услышит отдаленный!“ —
И грянул знак... и всё молчит,
Лишь море бьется и кипит,
Как тигр бросаясь разъяренный; —
Лишь ветра свист, лишь бури вой,
Лишь с неба голос громовой
Толпе ответствуют смятенной.
„Мой кормчий, как твой бледен лик!“

— Не ты ль дерзнул бы в этот миг,
О странник, буре улыбаться? —
„Ты отгадал!..“ Я сердцем с ней
Желал бы каждый миг сливаться;
Желал бы в бой стихий вмешаться!..
Но нет, — и громче, и сильней
Святой призыв с другого света,
Слова погибшего поэта
Теперь звучат в душе моей!

Вскоре из глаз поэта исчезают берега, с которых низвергаются в море воды семиустного Дуная.

Как стар сей шумный Истр! *Чела его морщины*
Седых веков скрывают рой;
Во мгле их Дария мелькает челн немой,
Мелькают и орлы Траяновой дружины.
Скажи, сафирный бог, над брегом ли твоим,
По дебрям и горам, сквозь бор необозримый,
Средь тучи варваров, на этот вечный Рим
Летел Сатурн неотразимый?
Не ты ль спирал свой быстрый бег
Народов с бурными волнами,
И твой ли в их крови *не растопился* брег,
Племен бесчисленных усеянный костями?

Хотите ль знать, зачем, куда,
И из какой глуши далекой
Неслась их бурная чреда,
Как лавы огненной потоки?
— Спросите вы, зачем к садам,
К богатым нивам и лугам
По ветру саван свой летучий
Мчат саранчи голодной тучи;
Спросите молнию, куда она летит,
Откуда ураган крушительный бежит,
Зачем кочует вал ревучий!

Следует идиллическая, немного бледная картина народа кочующего; размышления при виде развалин Венециянского замка имеют ту невыгоду, что напоминают некоторые строфы из четвертой песни Чильд-Гарольда, строфы, слишком сильно врезанные в наше воображение. Но вскоре поэт снова одушевляется.

Улегся ветер; вод стекло
Ясней небес лазурных блещет;
Повисший парус наш, как лебедя крыло,
Свинцом охотника пронзенное, трепещет.

Но что за гул?.. Как гром глухой,
Над тихим морем он раздался. —
То грохот пушки заревой,
Из русской Варны он примчался!
О радость! завтра мы узрим
Страну поклонников пророка;
Под небом вечно голубым
Упьемся воздухом твоим,
Земля роскошного Востока!
И в темных миртовых садах,
Фонтанов мраморных при медленном журчаньи,
При соблазнительных луны твоей лучах,
В твоем, о юная невольница, лобзаньи
Цветов родной твоей страны,
Живых восточных роз отведаем дыханье
И жар, и свежесть их весны!..

Элегия „Гебеджинские Развалины“, по мнению нашему, лучшая изо всех. В ней обнаруживается необыкновенное искусство в описаниях, яркость в выражениях и сила в мыслях. Пользуясь нам данным позволением, выписываем большую часть этой элегии.

Столбов, поникнувших седыми головами;
Столбов у тленности угрюмой на часах,
Стоящих пасмурно над падшими столбами —
Повсюду сумрачный Дедал в моих очах!
. . . .
. . . .
. . . .
Дружины мертвецов гранитных!
Не вы ли стражи тех столбов,
На коих чудеса веков,
Искусств и знаний первобытных
Рукою Сифовых начертаны сынов?..
Как знать? И здесь былой порою,
Творенья, может быть, весною
Род человеческий без умолку жужжал —
В те времена, как наших башен
Главою отрок достигал,
И мамонта, могуч и страшен,
На битву равную охотник вызывал!
Быть может, некогда и в этом запустеньи
Гигантской роскоши лилось обвороженье:
Вздымались портики близ кедровых палат,
Кругом висячие сады благоухали,
Теснились медные чудовища у врат,
И мрамор золотом расписанных аркад
Слоны гранитные хребтами подпирали!

И здесь огромных башен лес,
До вековых переворотов,
Пронзал, быть может, свод небес,
И пена горных струй, средь пальмовых древес,
Из пасти бронзовых сверкала бегемотов! —
И здесь на жертвенную кровь,
Быть может, мирными венчанные цветами,
Колоссы яшмовых богов
Глядели весело алмазными очами...
Так, так! подлунного величия звездой
И сей Ничтожества был озарен объедок, —
Парил умов надменных рой,
Цвела любовь... и напоследок —
Повсюду смерть, повсюду прах
В печальных странника очах!

Лишь ты, Армида, красотою,
Над сей могилой вековою,
Природа-мать, лишь ты одна
Души магической полна!
Какою роскошью чудесной
Сей град развалин неизвестный
Повсюду богатит она! —
Взгляните: этот столб, гигант окаменелый,
Как в поле колос переспелый,
К земле он древнею склонился головой;
Но с ним, подвинутый годами,
Сосед, увенчанный цветами,
Гирляндой связан молодой;
Но с головы его маститой
Кудрей зеленых вьется рой,
И плащ из листьев шелковитый
Колышет ветр на нем лесной!
Вот столб другой: на дерн кудрявый
Как труп он рухнулся безглавый;
Но по сияющим развалины рубцам
Играет свежий плющ и вьется мирт душистый
И великана корень мшистый
Корзиной вешним стал цветам!
И вместо рухнувшей громады
Уж юный тополь нежит взгляды,
И тихо всё... лишь соловей,
Как сердце, полное — то безнадежной муки,
То чудной радости — с густых его ветвей
Свои льет пламенные звуки...
Лишь посреди седых столбов,
Хаоса диких трав, обломков и цветов,
Вечерним золотом облитых —

Семейство ящериц от странника бежит,
И в камнях, зелени узорами обвитых,
Кустами дальними шумит!..

Иероглифы вековые,
Былого мира мавзолей!
Меж вами и душой моей,
Скажите, что за симпатия? —
Нет! вы не мертвая ничтожества строка:
Ваш прах — урок судьбы тщеславию потомков;
Живей ли гордый лавр сих дребезгов цветка?..
О дайте ж, дайте для венка
Мне листьев с мертвых сих обломков!

Остатки древности святой,
Когда безмолвно я над вами
Парю крылатою мечтой —
Века сменяются веками,
Как волны моря предо мной!
И с великанами былыми —
Тогда я будто как с родными,
И неземного бытия
Призыв блаженный слышу я!..

Но день погас, а я душою
К сим камням будто пригвожден.
И вот уж яхонтовой мглою
Оделся вечный небосклон.
По морю синего эфира,
Как челн мистического мира,
Царица ночи поплыла,
И на чудесные громады
Свои опаловые взгляды,
Сквозь тень лесную, навела.
Рубины звезд над нею блещут
И меж столбов седых трепещут;
И будто движа их, встают
Из-под земли былого дети,
И мертвый град свой узнают,
Паря во мгле тысячелетий...

Зверей и птиц ночных приют,
Давно минувшего зерцало,
Ничтожных дребезгов твоих
Для градов наших бы достало!
К обломкам гордых зданий сих,
О Альнаскары! приступите,
Свои им грезы расскажите,
Откройте им: богов земных

О чем тщеславие хлопочет?
Чего докучливый от них
Народов муравейник хочет?..
Ты прав, божественный певец:
Века веков лишь повторенье!
Сперва — свободы обольщенье,
Гремушки славы наконец,
За славой — роскоши потоки,
Богатства с золотым ярмом,
Потом — изящные пороки,
Глухое варварство потом!..

Это прекрасно! Энергия последних стихов удивительна!

Остальные элегии (между коими шестая весьма замечательна) заключают в себе недостатки и красоты, уже нами указанные: силу выражения, переходящую часто в надутость, яркость описания, затемненную иногда неточностию. — Вообще главные достоинства „Фракийских Элегий“: блеск и энергия; главные недостатки: напыщенность и однообразие.

К „Фракийским Элегиям“ присовокуплены разные мелкие стихотворения, имеющие неоспоримое достоинство: везде гармония, везде мысли, изредка истина чувств. Если бы г. Тепляков ничего другого не написал, кроме элегии *Одиночество* и станса *Любовь и Ненависть*, то и тут занял бы он почетное место между нашими поэтами. Заключим разбор, выписав стихотворение, которым заключается и книга г. Теплякова.

Одиночество

I

В лесу осенний ветр и стонет и дрожит;
По морю темному ревучий вал кочует;
Уныло крупный дождь в окно мое стучит;
Раздумье тяжкое мечты мои волнует.

II

Мне грустно! Догорел камин трескучий мой;
Последний красный блеск над угольями вьется...
Мне грустно! Тусклый день уж гаснет надо мной;
Уж с неба темного туманный вечер льется.

III

Как сладко он для двух супругов пролетит,
В кругу, где бабушка *внучат* своих ласкает,
У кресел дедовских красавица сидит —
И былям старины, работая, внимает!

IV

Мечта докучная! зачем перед тобой
Супругов долгие лобзанья пламенеют?
Что в том, как их сердца, под ризою ночной,
Средь ненасытных ласк, в палящей неге млеют,

V

Меж тем как он кипит, мой одинокий ум,
Как сердце сирое, облившись кровью, рвется,
Когда душа моя, средь вихря горьких дум,
Над их мучительно-завидной долей вьется!

VI

Но если для меня безвестный уголок
Не создан, темными *дубами* осененный,
Подруга милая и яркий камелёк,
В часы осенних бурь друзьями окруженный, —

VII

О жар святых молитв, зажгись в душе моей!
Луч веры пламенной, блесни в ее пустыне!
Полейся в грудь мою, целительный елей:
Пусть сны вчерашние не мучат сердца ныне!

VIII

Пусть упоенная надеждой неземной,
С душой всемирною моя соединится;
Пускай сей мрачный дол исчезнет предо мной;
Осенний в окна ветр, бушуя, не стучится!

IX

О, пусть превыше звезд мой вознесется дух
Туда, где взор творца их сонмы зажигает!
В мирах надсолнечных пускай мой жадный слух
Органам ангелов, восторженный, внимает...

X

Пусть я увижу их, в безмолвии святом,
Пред троном вечного, коленопреклоненных:
Прочту символы тайн, пылающих на нем,
И юным первенцам творенья откровенных...

XI

Пусть Соломоновой премудрости звезда
Блеснет душе моей в безоблачном эфире,
Поправ земную грусть, быть может, я тогда
Не буду тосковать о друге в здешнем мире!

Анекдоты

I

На Потемкина часто находила хандра. Он по целым суткам сидел один, никого к себе не пуская, в совершенном бездействии. Однажды, когда был он в таком состоянии, множество накопилось бумаг, требовавших немедленного его разрешения; но никто не смел к нему войти с докладом. Молодой чиновник, по имени Петушков, подслушав толки, вызвался представить нужные бумаги князю для подписи. Ему поручили их с охотою и с нетерпением ожидали, что из этого будет. Петушков с бумагами вошел прямо в кабинет. Потемкин сидел в халате, босой, нечесанный, грызя ногти в задумчивости. Петушков смело объяснил ему в чем дело и положил пред ним бумаги. Потемкин, молча, взял перо и подписал их одну за другою. Петушков поклонился и вышел в переднюю с торжествующим лицом. „Подписал!..“ Все к нему кинулись, глядят: все бумаги в самом деле подписаны. Петушкова поздравляют. „Молодец! нечего сказать“. Но кто-то всматривается в подпись — и что же? на всех бумагах вместо: князь Потемкин — подписано: *Петушков, Петушков, Петушков...*

II

Надменный в сношениях своих с вельможами, Потемкин был снисходителен к низшим. Однажды ночью он проснулся и начал звонить. Никто не шел. Потемкин соскочил с постели, отворил дверь и увидел ординарца своего, спящего в креслах. Потемкин сбросил с себя туфли и босой прошел в переднюю тихонько, чтоб не разбудить молодого офицера.

III

Молодой Ш. как-то напроказил. Князь Б. собирался пожаловаться на него самой государыне. Родня перепугалась. Кинулась к князю Потемкину, прося его заступиться за молодого человека. Потемкин велел Ш. быть на другой день у него, и прибавил: „да сказать ему, чтоб он со мною был посмелее“. — Ш. явился в назначенное время. Потемкин вышел из кабинета в обыкновенном своем наряде, не сказал никому ни слова и сел играть в карты. В это время приезжает князь Б. Потемкин принимает его как нельзя хуже, и продолжает играть. Вдруг он подзывает к себе Ш. „Скажи, брат“, — говорит Потемкин, показывая ему свои карты, — „как мне тут сыграть?“ — Да мне какое дело, ваша светлость, — отвечал ему Ш. — играйте, как умеете! —„Ах, мой батюшка“, — возразил Потемкин — „и слова нельзя тебе сказать; уж и рассердился!“ Услыша таковой разговор, князь Б. раздумал жаловаться.

IV

Граф Румянцев однажды рано утром расхаживал по своему лагерю. Какой-то маиор в шлафроке и в колпаке стоял перед своею палаткою, и в утренней темноте не узнал приближающегося фельдмаршала, пока не увидел его перед собою лицом к лицу. Маиор хотел было скрыться, но Румянцев взял его под руку, и, делая ему разные вопросы, повел с собою по лагерю, который между тем проснулся. Бедный маиор был в отчаянии. Фельдмаршал, разгуливая таким образом, возвратился в свою ставку, где уже вся свита ожидала его. Маиор, умирая от стыда, очутился посреди генералов, одетых по всей форме. Румянцев, тем еще недовольный, имел жестокость напоить его чаем, и потом уже отпустил, не сделав никакого замечания.

V

Некто, отставной мичман, будучи еще ребенком, представлен был Петру I в числе дворян, присланных на службу. Государь открыл ему лоб, взглянул в лицо и сказал: „Ну, этот плох! Однако записать его во флот. До мичманов авось дослужится". Старик любил рассказывать этот анекдот и всегда прибавлял: „Таков был пророк, что и в мичманы-то попал я только при отставке!"

VI

Всем известны слова Петра Великого, когда представили ему двенадцатилетнего школьника Василия Тредьяковского: *вечный труженик*! Какой взгляд! какая точность в определении! В самом деле, что был Тредьяковский, как не вечный труженик?

VII

Граф Самойлов получил Георгия на шею в чине полковника. Однажды во дворце государыня заметила его, заслоненного толпою генералов и придворных. „Граф Александр Николаевич", — сказала она ему — „ваше место здесь впереди, как и на войне".

VIII

Государыня Екатерина II говаривала: „Когда хочу заняться каким-нибудь новым установлением, я приказываю порыться в архивах и отыскать, не говорено ли было уже о том при Петре Великом, — и почти всегда открывается, что предполагаемое дело было уже им обдумано".

IX

Петр I говаривал: „Несчастия бояться, — счастья не видать“.

X

Любимый из племянников князя Потемкина был покойный Н. Н. Раевский. Потемкин для него написал несколько наставлений; Н. Н. их потерял и помнил только первые строки: *Во-первых, старайся испытать не трус ли ты; если нет, то укрепляй врожденную смелость частым обхождением с неприятелем.*

XI

Когда родился Иоанн Антонович, то императрица Анна Иоанновна послала к Эйлеру приказание составить гороскоп новорожденному. Эйлер сначала отказывался, но принужден был повиноваться. Он занялся гороскопом вместе с другим академиком. Они составили его по всем правилам астрологии, хоть и не верили ей. Заключение, выведенное ими, испугало обоих математиков — и они послали императрице другой гороскоп, в котором предсказывали новорожденному всякие благополучия. Эйлер сохранил однако ж первый и показывал его графу К. Г. Разумовскому, когда судьба несчастного Иоанна Антоновича совершилась.

Джон Теннер

С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих. Не политические происшествия тому виною: Америка спокойно совершает свое поприще, доныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными. Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со

стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами.

Отношения Штатов к индийским племенам, древним владельцам земли, ныне заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новых наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие Американского Конгресса осуждены с негодованием; так или иначе, чрез меч и огонь, или от рома и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации. Таков неизбежный закон. Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространные степи, необозримые реки, на которых сетьми и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревнями, и в торговые гавани, где задымятся пироскафы и разовьется флаг американский.

Нравы северо-американских дикарей знакомы нам по описанию знаменитых романистов. Но Шатобриан и Купер оба представили нам индийцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения. „Дикари, выставленные в романах“,— пишет Вашингтон-Ирвинг —„так же похожи на настоящих дикарей, как идиллические пастухи на пастухов обыкновенных“. Это самое подозревали и читатели; и недоверчивость к словам заманчивых повествователей уменьшала удовольствие, доставляемое их блестящими произведениями.

В Нью-Иорке недавно изданы „Записки Джона Теннера“, проведшего тридцать лет в пустынях Северной Америки, между дикими ее обитателями. Эти „Записки“ драгоценны во всех отношениях. Они самый полный, и вероятно последний, документ бытия народа, коего скоро не останется и следов. Летописи племен безграмотных, они разливают истинный свет на то, что некоторые философы называют естественным состоянием человека; показания простодушные и бесстрастные, они наконец будут свидетельствовать перед светом о средствах, которые Американские Штаты употребляли в XIX столетии к распространению своего владычества и христианской цивилизации. Достоверность сих „Записок“ не подлежит никакому сомнению. Джон Теннер еще жив; многие особы (между прочими Токвиль, автор славной книги: „De la démocratie en Amérique“*) видели его, и купили от него самого

* ⟨„О демократии в Америке“.⟩

его книгу. По их мнению, подлога тут быть не может. Да и стоит прочитать несколько страниц, чтобы в том удостовериться: отсутствие всякого искусства и смиренная простота повествования ручаются за истину.

Отец Джона Теннера, выходец из Виргинии, был священником. По смерти жены своей он поселился в одном месте, называемом Эльк-Горн, в недальнем расстоянии от Цинциннати.

Эльк-Горн был подвержен нападениям индийцев. Дядя Джона Теннера однажды ночью, сговорясь с своими соседями, приближился к стану индийцев и застрелил одного из них. Прочие бросились в реку и уплыли...

Отец Теннера, отправляясь однажды утром в дальнее селение, приказал своим обеим дочерям отослать маленького Джона в школу. Они вспомнили о том уже после обеда. Но шел дождь, и Джон остался дома. Вечером отец возвратился и узнав, что он в школу не ходил, послал его самого за тростником и больно его высек. С той поры отеческий дом опостылел маленькому Теннеру; он часто думал и говаривал: „Мне бы хотелось уйти к диким!“

„Отец мой“ — пишет Теннер — „оставил Эльк-Горн и отправился к устью Биг-Миами, где он должен был завести новое поселение. Там на берегу нашли мы обработанную землю и несколько хижин, покинутых поселенцами из опасения диких. Отец мой исправил хижины и окружил их забором. Это было весною. Он занялся хлебопашеством. Дней десять спустя по своем прибытии на место, он сказал нам, что лошади его беспокоятся, чуя близость индийцев, которые вероятно рыщут по лесу. „Джон“, — прибавил он, обращаясь ко мне, — „ты сегодня сиди дома“. Потом пошел он засевать поле с своими неграми и старшим моим братом.

„Нас осталось дома четверо детей. Мачеха, чтоб вернее меня удержать, поручила мне смотреть за младшим, которому не было еще году. Я скоро соскучился и стал щипать его, чтоб заставить кричать. Мачеха велела мне взять его на руки и с ним гулять по комнатам. Я послушался, но не перестал его щипать. Наконец она стала его кормить грудью, а я побежал проворно на двор и ускользнул в калитку, оттуда в поле. Не в далеком расстоянии от дома, и близ самого поля, стояло ореховое дерево под которым бегал я собирать прошлогодние орехи. Я осторожно до него добрался, чтоб не быть замечену ни отцом, ни его работниками... Как теперь вижу отца моего, стоящего с ружьем на страже посреди поля. Я спрятался за дерево и думал про себя: „Мне бы очень хотелось увидеть индийцев!“

„Уж моя соломенная шляпа была почти полна орехами, как вдруг услышал я шорох. Я оглянулся: индийцы! Старик и молодой человек схватили меня и потащили. Один из них выбросил из моей шляпы орехи и надел мне ее на голову. После того ничего не помню. Вероятно я упал в обморок, потому что не закричал. Наконец я очнулся под высоким деревом. Старика не было. Я находился между молодым человеком и другим индийцем, широкоплечим и малорослым. Вероятно я его чем-нибудь да рассердил, потому что он потащил меня в сторону, схватил свой *томагаук* (дубину) и

знаками велел мне глядеть вверх. Я понял, что он мне приказывал в последний раз взглянуть на небо, потому что готовился меня убить. Я повиновался; но молодой индиец, похитивший меня, удержал удар, взнесенный над моей головою. Оба заспорили с живостию. Покровитель мой закричал. Несколько голосов ему отвечало. Старик и четыре другие индийца прибежали поспешно. Старый начальник, казалось, строго говорил тому, кто угрожал мне смертию. Потом он и молодой человек взяли меня, каждый за руку, и потащили опять. Между тем ужасный индиец шел за нами. Я замедлял их отступление, и заметно было, что они боялись быть настигнуты.

„В расстоянии одной мили от нашего дома, у берега реки, в кустах, спрятан был ими челнок из древесной коры. Они сели в него все семеро, взяли меня с собою, и переправились на другой берег, у самого устья Биг-Миами. Челнок остановился. В лесу спрятаны были одеяла (кожаные) и запасы; они предложили мне дичины и медвежьего жиру. Но я не мог есть. Наш дом отселе был еще виден; они смотрели на него, и потом обращались ко мне со смехом. Не знаю, что они говорили.

„Отобедав, они пошли вверх по берегу, таща меня с собою попрежнему, и сняли с меня башмаки, полагая, что они мешали бежать. Я не терял еще надежды от них избавиться, несмотря на надзор, и замечал все предметы, дабы по ним направить свой обратный побег; упирался также ногами о высокую траву и о мягкую землю, дабы оставить следы. Я надеялся убежать во время их сна. Настала ночь; старик и молодой индиец легли со мною под одно одеяло и крепко прижали меня. Я так устал, что тотчас заснул. На другой день я проснулся на заре. Индийцы уже встали и готовы были в путь. Таким образом шли мы четыре дня. Меня кормили скудно; я всё надеялся убежать, но при наступлении ночи сон каждый раз мною овладевал совершенно. Ноги мои распухли, и были все в ранах и в занозах. Старик мне помог кое-как и дал пару *мокасинов* (род кожаных лаптей), которые облегчили меня немного.

„Я шел обыкновенно между стариком и молодым индийцем. Часто заставляли они меня бегать до упаду. Несколько дней я почти ничего не ел. Мы встретили широкую реку, впадающую (думаю) в Миами. Она была так глубока, что мне нельзя было ее перейти. Старик взял меня к себе на плечи, и перенес на другой берег. Вода доходила ему подмышки; я увидел, что одному мне перейти эту реку было невозможно, и потерял всю надежду на скорое избавление. Я проворно вскарабкался на берег, стал бегать по лесу, и спугнул с гнезда дикую птицу. Гнездо полно было яиц; я взял их в платок и воротился к реке. Индийцы стали смеяться, увидев меня с моею добычею, разложили огонь и стали варить яйца в маленьком котле. Я был очень голоден и жадно смотрел на эти приготовления. Вдруг прибежал старик, схватил котел и вылил воду на огонь вместе с яйцами. Он наскоро что-то шепнул молодому человеку. Индийцы поспешно подобрали яйца и рассеялись по лесам. Двое из них умчали меня со всевозможною быстротою. Я думал, что за нами гнались, и впоследствии узнал, что не ошибся. Вероятно меня искали на том берегу реки...

„Два или три дня после того, встретили мы отряд индийцев, состоявший из двадцати или тридцати человек. Они шли в европейские селения. Старик долго с ними разговаривал. Узнав (как после мне сказали), что белые люди за нами гнались, они пошли им навстречу. Произошло жаркое сражение, и с обеих сторон легло много мертвых.

„Поход наш сквозь леса был труден и скучен. Через десять дней пришли мы на берег Миами. Индийцы рассыпались по лесу и стали осматривать деревья, перекликаясь между собою. Выбрали одно ореховое дерево (hichory), срубили его, сняли кору и сшили из нее челнок, в котором мы все поместились; поплыли по течению реки, и

вышли на берег у большой индийской деревни, выстроенной близ устья другой какой-то реки. Жители выбежали к нам навстречу. Молодая женщина с криком кинулась на меня и била по голове. Казалось, многие из жителей хотели меня убить; однако старик и молодой человек уговорили их меня оставить. Повидимому, я часто бывал предметом разговоров, но не понимал их языка. Старик знал несколько английских слов. Он иногда приказывал мне сходить за водою, разложить огонь и тому подобное, начиная таким образом требовать от меня различных услуг.

„Мы отправились далее. В некотором расстоянии от индийской деревни находилась американская контора. Тут несколько купцов со мною долго разговаривали. Они хотели меня выкупить; но старик на то не согласился. Они объяснили мне, что я у старика заступлю место его сына, умершего недавно; обошлись со мною ласково, и хорошо меня кормили во всё время нашего пребывания. Когда мы расстались, я стал кричать — в первый раз после моего похищения из дому родительского. Купцы утешили меня, обещав через десять дней выкупить из неволи“.

Наконец челнок причалил к месту, где обитали похитители бедного Джона. Старуха вышла из деревянного шалаша, и побежала к ним навстречу. Старик сказал ей несколько слов; она закричала, обняла, прижала к сердцу своему маленького пленника и потащила в шалаш.

Похититель Джона Теннера назывался Монито-о-гезик. Младший из его сыновей умер незадолго перед происшествием, здесь описанным. Жена его объявила, что не будет жива, если ей не отыщут ее сына. То есть, она требовала молодого невольника, с тем чтоб его усыновить. Старый Монито-о-гезик с сыном своим Киш-кау-ко и с двумя единоплеменниками, жителями Гуронского озера, тотчас отправились в путь, чтоб только удовлетворить желание старухи. Трое молодых людей, родственники старика, присоединились к нему. Все семеро пришли к селениям, расположенным на берегах Оио. Накануне похищения индийцы переправились через реку и спрятались близ Теннерова дома. Молодые люди с нетерпением ожидали появления ребенка, и несколько раз готовы были выстрелить по работникам. Старик насилу мог их удержать.

Возвратясь благополучно домой с своею добычею, старый Монито-о-гезик на другой же день созвал своих родных и знакомых, и Джон Теннер был торжественно усыновлен на самой могиле маленького дикаря.

Была весна. Индийцы оставили свои селения и все отправились на ловлю зверей. Выбрав себе удобное место, они стали ограждать его забором из зеленых ветвей и молодых дерев, из-за которых должны были стрелять. Джону поручили обламывать сухие веточки и обрывать листья с той стороны, где скрывались охотники. Маленький пленник, утомленный зноем и трудом, всегда голодный и грустный, лениво исполнял свою должность. Старый Монито-о-гезик, застав однажды его

спящим, ударил мальчика по голове своим *томагауком* и бросил замертво в кусты. Возвратясь в табор, старик сказал жене своей: „Старуха! мальчик, которого я тебе привел, ни к чему не годен: я его убил. Ты найдешь его там-то“. Старуха с дочерью прибежали, нашли Теннера еще живого и привели его в чувства.

Жизнь маленького приемыша была самая горестная. Его заставляли работать сверх сил; старик и сыновья его били бедного мальчика поминутно. Есть ему почти ничего не давали; ночью он спал обыкновенно между дверью и очагом, и всякий, входя и выходя, непременно давал ему ногою толчок. Старик возненавидел его, и обходился с ним с удивительной жестокостию. Теннер никогда не мог забыть следующего происшествия.

Однажды Монито-о-гезик, вышед из своей хижины, вдруг возвратился, схватил мальчика за волосы, потащил за дверь, и уткнул *как кошку* лицом в навозную кучу. „Подобно всем индийцам“ — говорит американский издатель его записок — „Теннер имеет привычку скрывать свои ощущения. Но когда рассказывал он мне сие приключение, блеск его взгляда и судорожный трепет верхней губы доказывали, что жажда мщения — отличительное свойство людей, с которыми провел он свою жизнь, — не была чужда и ему. Тридцать лет спустя желал он еще омыть обиду, претерпенную им на двенадцатом году!“

Зимою начались военные приготовления. Монито-о-гезик, отправляясь в поход, сказал Теннеру: „Иду убить твоего отца, братьев и всех родственников“... Через несколько дней он возвратился, и показал Джону белую, старую шляпу, которую он тотчас узнал: она принадлежала брату его. Старик уверил его, что сдержал свое слово, и что никто из его родных уже более не существует.

Время шло, и Джон Теннер начал привыкать к судьбе своей. Хотя Монито-о-гезик всё обходился с ним сурово, но старуха его любила искренно и старалась облегчать его участь. — Через два года произошла важная перемена. Начальница племени отавуавов, Нет-но-куа, родственница старого индийца, похитителя Джона Теннера, купила его, чтоб заменить себе потерю сына. Джон Теннер был выменен на боченок водки и на несколько фунтов табаку.

Вторично усыновленный, Теннер нашел в новой матери своей ласковую и добрую покровительницу. Он искренно к ней привязался; вскоре отвык от привычек своей детской образованности и сделался совершенным индийцем, — и теперь, когда судьба привела его снова в общество, от коего был он отторгнут в младенчестве, Джон Теннер сохранил вид, характер и предрассудки дикарей, его усыновивших.

„Записки“ Теннера представляют живую и грустную картину. В них есть какое-то однообразие, какая-то сонная бессвязность и отсутствие мысли, дающие некоторое понятие о жизни американских дикарей. Это длинная повесть о застреленных зверях, о метелях, о голодных, дальних шествиях, об охотниках, замерзших на пути, о скотских оргиях, о ссорах, о вражде, о жизни бедной и трудной, о нуждах, непонятных для чад образованности.

Американские дикари все вообще звероловы. Цивилизация европейская, вытеснив их из наследственных пустынь, подарила им порох и свинец: тем и ограничилось ее благодетельное влияние. Искусный стрелок почитается между ими за великого человека. Теннер рассказывает первый свой опыт на поприще, на котором потом прославился.

„Я отроду еще не стрелял. Мать моя (Нет-но-куа) только что купила боченок пороху. Ободренный ее снисходительностию, я попросил у ней пистолет, чтоб идти в лес стрелять голубей. Мать моя согласилась, говоря: „Пора тебе быть охотником“. Мне дали заряженный пистолет, и сказали, что если удастся застрелить птицу, то дадут ружье и станут учить охоте.

„С того времени я возмужал, и несколько раз находился в затруднительном положении; но никогда жажда успеха не была во мне столь пламенна. Едва вышел я из табора, как увидел голубей в близком расстоянии. Я взвел курок и поднял пистолет почти к самому носу; прицелился и выстрелил. В то же время мне послышалось жужжание, подобное свисту брошенного камня; пистолет полетел через мою голову, а голубь лежал под деревом, на котором сидел.

„Не заботясь о моем израненном лице, я побежал в табор с застреленным голубем. Раны мои осмотрели; мне дали ружье, порох и дробь, и позволили стрелять по птицам. С той поры стали со мной обходиться с уважением“.

Вскоре после того молодой охотник отличился новым подвигом.

„Дичь становилась редка; толпа наша (отряд охотников с женами и детьми) голодала. Предводитель наш советовал перенести табор на другое место. Накануне назначенного дня для походу, мать моя долго говорила о наших неудачах и об ужасной скудости, нас постигшей. Я лег спать; но ее песни и молитвы разбудили меня. Старуха громко молилась большую часть ночи.

„На другой день, рано утром, она разбудила нас; велела обуваться и быть готовым в поход. Потом призвала своего сына Уа-ме-гон-е-бью, и сказала ему: „Сын мой, в нынешнюю ночь я молилась великому духу. Он явился мне в образе человеческом и сказал: Нет-но-куа! завтра будет вам медведь для обеда. Вы встретите на пути вашем (по такому-то направлению) круглую долину и на долине тропинку: медведь находится на той тропинке“.

„Но молодой человек, не всегда уважавший слова своей матери, вышел из хижины и рассказал сон ее другим индийцам. „Старуха уверяет“— сказал он смеясь, — „что мы сегодня будем есть медведя; но не знаю, кто-то его убьет“.—Нет-но-куа его за то побранила, но не могла уговорить идти на медведя.

„Мы пошли в поход. Мужчины шли вперед и несли наши пожитки. Пришед на место, они отправились на ловлю, а дети остались стеречь поклажу до прибытия женщин. Я был тут же: ружье было при мне. Я всё думал о том, что говорила старуха, и решился идти отыскивать долину, приснившуюся ей; зарядил ружье пулею, и, не говоря никому ни слова, воротился назад.

„Я прибыл к одному месту, где вероятно некогда находился пруд, и увидел круглое, малое пространство посреди леса. Вот, — подумал я, — долина, назначенная старухою. Вскоре нашел род тропинки, вероятно русло иссохшего ручейка. Всё покрыто было глубоким снегом.

„Мать сказывала также, что во сне видела она дым на том месте, где находился медведь. Я был уверен, что нашел долину, ею описанную, и долго ждал появления дыма. Однако ж дым не показывался. Наскуча напрасным ожиданием, сделал я несколько шагов там, где, казалось, шла тропинка, и вдруг увяз по пояс в снегу.

„Выкарабкавшись проворно, прошел я еще несколько шагов, как вспомнил вдруг рассказы индийцев о медведях, и мне пришло в голову, что, может быть, место, куда я провалился, была медвежья берлога. Я воротился, и во глубине впадины увидел голову медведя; приставил ему дуло ружья между глазами, и выстрелил. Коль скоро дым разошелся, я взял палку и несколько раз воткнул ее конец в глаза и рану; потом, удостоверясь, что медведь убит, стал его тащить из берлоги, но не смог, и возвратился в табор по своим следам.

„Вошел в шалаш моей матери. Старуха сказала мне: „Сын мой, вынь из котла кусок бобрового мяса, которое мне дали сегодня; да оставь половину брату, который с охоты еще не воротился, и сегодня ничего не ел“... Я съел свой кусок и, видя, что старуха одна, подошел к ней и сказал ей на ухо: „Мать! я убил медведя!“ — Что ты говоришь? — „Я убил медведя!“ — Точно ли он убит? — „Точно“. — Она несколько времени глядела на меня неподвижно; потом обняла меня с нежностию и долго ласкала. Пошли за убитым медведем; и как это был еще первый, то, по обычаю индийцев, его изжарили цельного, и все охотники приглашены были съесть его вместе с нами“.

Описание различных охот и приключений во время преследования зверей занимает много места в „Записках“ Джона Теннера. Истории об одних убитых медведях составляют целый роман. То, что он говорит о *музе*, американском олене (cervus alces), достойно исследования натуралистов.

„Индийцы уверены, что муз между прочим одарен способностию долго оставаться под водою. Двое из моих знакомых, люди не лживые, возвратились однажды вечером с охоты, и рассказали нам, что молодой муз, загнанный ими в маленький пруд, нырнул в средину. Они до вечера стерегли его на берегу, куря табак; во всё время не видали они ни малейшего движения воды, ни другой какой-либо приметы скрывшегося муза, и, потеряв надежду на успех, наконец возвратились.

„Несколько минут по их прибытии, явился одинокий охотник с свежею добычею. Он рассказал, что звериный след привел его к берегам пруда, где нашел он следы двух человек, повидимому прибывших туда с музом почти в одно время. Он заключил, что муз был ими убит; сел на берег, и вскоре увидел муза, приставшего тихо над неглубокою водою, и застрелил его в пруду.

„Индийцы полагают, что муз животное самое осторожное, и что достать его весьма трудно. Он бдительнее, нежели дикий буйвол (bison, bos americanus) и канадский

олень (karibou), и имеет более острое чутье. Он быстрее лося, осторожнее и хитрее дикой козы (l'antilope). В самую страшную бурю, когда ветер и гром сливают свой продолжительный рев с беспрестанным шумом проливного дождя, если сухой прутик хрустнет в лесу под ногой или рукою человеческой, муз уже слышит. Он не всегда убегает, но перестает есть и вслушивается во все звуки. Если в течение целого часа человек не произведет никакого шума, то муз начинает есть опять, но уж не забывает звука, им услышанного, и на несколько часов осторожность его остается деятельнее".

Легкость и неутомимость индийцев в преследовании зверей почти неимоверны. Вот как Теннер описывает охоту за лосями.

„Холодная погода только что начиналась. Снег был еще не глубже одного фута, а мы уже чувствовали голод. Нам встретилась толпа лосей, и мы убили четырех в один день.

„Вот как индийцы травят лосей. Спугнув с места, они преследуют их ровным шагом в течение нескольких часов. Испуганные звери сгоряча опережают их на несколько миль; но индийцы, следуя за ними всё тем же шагом, наконец настигают их; толпа лосей, завидя их, бежит с новым усилием и исчезает опять на час или на два. Охотники начинают открывать их скорее и скорее, и лоси всё долее и долее остаются в их виду; наконец охотники уж ни на минуту не теряют их из глаз. Усталые лоси бегут тихой рысью; вскоре идут шагом. Тогда и охотники находятся почти в совершенном изнеможении. Однако ж они обыкновенно могут еще дать залп из ружей по стаду лосей; но выстрелы придают зверям новую силу; а охотники, ежели снег не глубок, редко имеют дух и возможность выстрелить более одного или двух раз. В продолжительном бегстве лось не легко высвобождает копыто свое; в глубоких снегах его достигнуть легко. Есть индийцы, которые могут преследовать лосей по степи и бесснежной; но таких мало".

Препятствия, нужды, встречаемые индийцами в сих предприятиях, превосходят всё, что можно себе вообразить. Находясь в беспрестанном движении, они не едят по целым суткам и принуждены иногда, после такого насильственного поста, довольствоваться вареной кожаной обувью. Проваливаясь в пропасти, покрытые снегом, переправляясь через бурные реки на легкой древесной коре, они находятся в ежеминутной опасности потерять или жизнь, или средства к ее поддержанию. Подмочив гнилое дерево, из коего добывают себе огонь, часто охотники замерзают в снеговой степи. Сам Теннер несколько раз чувствовал приближение ледяной смерти.

„Однажды рано утром" — говорит он — „я погнал лося и преследовал его до ночи; уже готов был его достигнуть, но вдруг лишился и сил и надежды. Одежда моя, вопреки морозу, была вся мокра. Вскоре она оледенела. Мои суконные *митассы* (порты) изорвались в клочки во время бега сквозь кустарники. Я почувствовал, что замерзаю... Около полуночи достиг места, где стояла наша хижина; ее уже там не было: старуха перенесла ее на другое место... Я пошел по следам моей семьи, и вскоре холод стал нечувствителен: мною овладело усыпление, обыкновенный признак, предшествующий смерти. Я удвоил усилия; и хотя был в совершенной памяти и понимал очень хорошо

опасность своего положения, но с трудом мог удержать желание прилечь на землю. Наконец совершенно забылся, не знаю на долго ли, и, очнувшись как ото сна, увидел, что кружился на одном месте.

„Я стал искать своих следов, и вдруг вдали увидел огонь; но снова потерял чувства. Если бы я упал, то уж никогда бы не встал. Я стал опять кружиться на одном месте; наконец достиг нашей хижины. Вошед в нее, я упал, однако ж не лишился чувств. Как теперь вижу огонь, освещающий ярко нашу хижину, и лед ее покрывающий; как теперь слышу слова старухи: она говорила, что ждали меня задолго перед наступлением ночи, не полагая, чтоб я так долго остался на охоте... Целый месяц я не мог выдти: лицо, руки и ляжки были у меня сильно отморожены. .“

Подвергаясь таковым трудам и опасностям, индийцы имеют целию заготовление бобровых мехов, буйволовых кож и прочего, дабы продать и выменять их купцам американским. Но редко получают они выгоду в торговых своих оборотах: купцы обыкновенно пользуются их простотою и склонностию к крепким напиткам. Выменяв часть товаров на ром и водку, бедные индийцы отдают и остальные за бесценок; за продолжительным пьянством следует голод и нищета, и несчастные дикари принуждены вскоре опять обратиться к скудной и бедственной своей промышленности. Джон Теннер следующим образом описывает одну из этих оргий:

„Торг наш кончился. Старуха подарила купцу десять прекрасных бобровых мехов. В замену подарка обыкновенно получала она одно платье, серебряные украшения, знаки ее владычества, и бочку рому. Когда купец послал за нею, чтоб вручить свой подарок, она так была пьяна, что не могла держаться на ногах. Я явился вместо ее, и был немножко навеселе; нарядился в ее платье, надел на себя и серебряные украшения; потом взвалив бочку на плечи, принес ее в хижину. Тут я поставил бочку наземь и прошиб дно обухом. „Я не из тех начальников“ — сказал я — „которые тянут ром из дырочки: пей кто хочет и сколько хочет!“ Старуха прибежала с тремя котлами,— и в пять минут всё было выпито. Я пьянствовал с индийцами во второй раз отроду; у меня спрятан был ром; тайно ходил я пить, и был пьян два дня сряду. Остатки пошел допивать с племянником старухи... Он не был еще пьян, но жена его лежала перед огнем в совершенном бесчувствии...

„Мы сели пить. В это время индиец, из племени Ожибуай, вошел шатаясь и повалился перед огнем. Уж было поздно; но весь табор шумел и пьянствовал. Я с товарищем вышел, чтоб попировать с теми, которые захотят нас пригласить; не будучи еще очень пьяны, мы спрятали котел с остальною водкою. Погуляв несколько времени, мы воротились. Жена товарища моего всё еще лежала перед огнем; но на ней уже не было ее серебряных украшений. Мы кинулись к нашему котлу: котел исчез; индиец, оставленный нами перед огнем, скрылся; и по многим причинам, мы подозревали его в этом воровстве. Дошло до меня, что он сказывал, будто бы я его поил. На другой день пошел я в его хижину и потребовал котла. Он велел своей жене принести его. Таким образом вор сыскался, и брат мой получил обратно серебряные украшения!!.“

Оставляем читателю судить какое улучшение в нравах дикарей приносит соприкосновение цивилизации!

Легкомысленность, невоздержанность, лукавство и жестокость — главные пороки диких американцев. Убийство между ими не почитается преступлением; но родственники и друзья убитого обыкновенно мстят за его смерть. Джон Теннер навлек на себя ненависть одного индийца и несколько раз подвергался его удару. „Ты давно мог бы меня убить“ — сказал ему однажды Теннер — „но ты не мужчина, у тебя нет даже сердца женского, ни смелости собачьей. Никогда не прощу тебе, что ты на меня замахнулся ножом, и не имел духа поразить“. — Храбрость почитается между индийцами главною человеческою добродетелью: трус презираем у них наравне с ленивым или слабым охотником. Иногда, если убийство произошло в пьянстве или не нарочно, родственники торжественно прощают душегубца. Теннер рассказывает любопытный случай.

„Молодой человек, из племени оттоваyа, живший у меня во время моей болезни, отлучился в табор новоприбывших индийцев, которые в то время пьянствовали. В полночь его привели к нам пьяного. Один из проводников втолкнул его в хижину, сказав: „Смотрите за ним: молодой человек напроказил“.

„Мы разложили огонь и увидели молодого человека, стоящего с ножом в руке, всего окровавленного. Его не могли уложить; я приказал ему лечь, и он повиновался. Я запретил делать разыскания и упоминать ему об окровавленном ноже.

„Утром, встав от глубокого сна, он ничего не помнил. Молодой человек сказал нам, что накануне, кажется, он напился пьян, что очень голоден и хочет готовить себе обед. Он изумился, когда я сказал ему, что он убил человека. Он знал только, что во время пьянства кричал, вспомня об отце своем, убитом некогда на том самом месте белыми людьми. Он очень опечалился и тотчас побежал взглянуть на того, кого зарезал. Несчастный был еще жив. Мы узнали, что, когда был он поражен, тогда лежал пьяный без памяти, и что сам убийца вероятно не знал, кто была его жертва. Родственники не говорили ничего, но переводчик (американского губернатора) сильно его упрекал.

„Ясно было, что раненый не мог жить, и что последний час его был уже близок. Убийца возвратился к нам. Мы приготовили значительные подарки: кто дал одеяло, кто кусок сукна, кто то, кто другое. Он унес их тотчас и положил перед раненым. Потом обратясь к родственникам, сказал им: „Друзья мои, вы видите, что я убил вашего брата, но я сам не знал, что делал. Я не имел злого намерения; недавно приходил он в наш табор, и я с ним виделся дружелюбно; но в пьянстве я обезумел, и жизнь моя вам принадлежит. Я беден, и живу у чужих; но они готовы отвести меня к моему семейству и прислали вам эти подарки. Жизнь моя в ваших руках; подарки перед вами: выбирайте что хотите. Друзья мои жаловаться не станут“.

„При сих словах он сел, наклонив голову и закрыв глаза руками в ожидании смертельного удара. Но старая мать убитого вышла вперед и сказала ему: „Ни я, ни дети мои смерти твоей не хотят. Не отвечаю за моего мужа: его здесь нет; однако ж подарки твои принимаю и буду стараться отвратить от тебя мщение мужа. Это несчастие случилось не нарочно. За что же твоя мать будет плакать, как я?“

„На другой день молодой человек умер, и многие из нас помогли убийце вырыть могилу. Когда всё было готово, губернатор подарил мертвецу богатые одеяла, платья и прочее (что, по обычаю индийцев, должно было быть схоронено вместе с телом). Эти

подарки положены были в кучу на краю могилы. Но старуха, вместо того, чтоб их закопать, предложила молодым людям разыграть их между собою.

„Разные игры следовали одна за другою: стреляли в цель, прыгали, боролись и пр. Но лучший кусок сукна был назначен наградою победителю за бег взапуски. Сам убийца его выиграл. Старуха подозвала его, и сказала: „Молодой человек! Сын мой был очень мне дорог; боюсь, долго и часто буду его оплакивать; я была бы счастлива, если бы ты заступил его место, и любил и охранял меня подобно ему. Боюсь только моего мужа“.— Молодой человек, благодарный за ее заступление, принял тотчас предложение. Он был усыновлен, и родственники убитого всегда обходились с ним ласково и дружелюбно“.

Не все ссоры и убийства кончаются так миролюбиво. Джон Теннер описал одну ссору, где ужасное и смешное странным образом перемешаны между собою.

„Брат мой Уа-ме-гон-е-бью вошел в шалаш, где молодой человек бил одну старуху. Брат удержал его за руку. В это самое время пьяный старик, по имени Та-бу-шиш, вошел туда же, и, вероятно не разобрав порядочно в чем дело, схватил брата за волосы и откусил ему нос. Народ сбежался; произошло смятение. Многих изранили. Бег-уа-из, один из старых начальников, бывший всегда к нам благосклонен, прибежал на шум и почел своею обязанностию вмешаться в дело. Между тем брат мой, заметя свою потерю, поднял руки, не подымая глаз, вцепился в волоса первой попавшейся ему головы, и разом откусил ей нос. Это был нос нашего друга, старого Бег-уа-иза! Утолив немного свое бешенство, Уа-ме-гон-е-бью узнал его и закричал: „Дядя! это ты!“ — Бег-уа-из был человек добрый и смирный; он знал, что брат откусил ему нос совсем неумышленно. Он нимало не осердился, и сказал: „Я стар: не долго будут смеяться над потерею моего носа“.

„С своей стороны я был в сильном негодовании на старика, обезобразившего брата моего. Я вошел в хижину к Уа-ме-гон-е-бью и сел подле него. Он весь был окровавлен; несколько времени молчал, и когда заговорил, я увидел, что он был в полном своем рассудке. „Завтра“ — сказал он — „я буду плакать с моими детьми; послезавтра пойду к Та-бу-шишу (врагу моему), и мы оба умрем: я не хочу жить, чтоб быть вечно посмешищем“. Я обещался ему помочь в его предприятии и приготовился к делу. Но проспавшись и проплакав целый день с своими детьми, он оставил свои злобные намерения и решился как-нибудь обойтися без носу, так же как и Бег-уа-из.

„Несколько дней спустя, Та-бу-шиш опасно занемог горячкою. Он ужасно похудел и, казалось, умирал. Наконец прислал он к Уа-ме-гон-е-бью два котла и другие значительные подарки и велел ему сказать: „Друг мой, я тебя обезобразил, а ты наслал на меня болезнь. Я много страдал, а коли умру, то дети мои будут страдать еще более. Посылаю тебе подарки, дабы ты оставил мне жизнь...“ Уа-ме-гон-е-бью отвечал ему через посланного: „Не я наслал на тебя болезнь; вылечить тебя не могу, подарков твоих не хочу“. Та-бу-шиш томился около месяца; волоса у него вылезли; потом он начал выздоравливать, и мы все пошли в степи по разным направлениям, удаляясь один от другого как можно более...

„Однажды мы расположились табором близ деревушки, в которую переселился Та-бу-шиш, и готовы были уже снова выступить, как вдруг увидели его. Он был весь голый, расписан и украшен как для битвы и держал в руках оружие. Он медленно к нам приближался и казался глубоко раздраженным. Но никто из нас не понял его на-

мерения до самой той минуты, как он уставил дуло своего ружья в спину моему брату. „Друг мой“,— сказал он ему — „мы довольно пожили; мы довольно друг друга помучили. Тебя просили от моего имени довольствоваться тем, что уже я вытерпел; ты не согласился; через тебя я всё еще страдаю; жизнь мне несносна: нам должно вместе умереть“. Два молодые индийцы, видя его намерение, тотчас натянули свои луки, и прицелились в него стрелами; но Та-бу-шиш не обратил на них никакого внимания. Уа-ме-гон-е-бью испугался, и не смел приподнять голову. Та-бу-шиш готов был биться с ним на смерть; но он не принял вызова. С той поры я вовсе перестал его уважать; последний индиец был храбрее и великодушнее его“.

Если частые распри индийцев жестоки и кровопролитны, то войны их, за то, вовсе не губительны, и ограничиваются по большей части утомительными походами. Начальники не пользуются никакою властию, а дикари не знают, что́ такое повиновение воинское. Они, наскуча походом, оставляют войско один за другим, и возвращаются в свою хижину, не успев увидеть неприятеля. Старшины упрямятся несколько времени; но, оставшись одни без воинов, следуют общему примеру, и война кончается безо всякого последствия.

Джон Теннер рассказывает с видимым удовольствием один из своих военных подвигов, который немного походит на воровство, но тем не менее доказывает его предприимчивость и неустрашимость. Какие-то индийцы похитили у него лошадь. Он отправился с намерением или отыскать ее, или заменить. Посещая индийские селения, в одном из них не встретил он никакого гостеприимства. Это его оскорбило, и заметив добрую лошадь, принадлежавшую старшине, он из мести решился присвоить ее себе.

„У меня под одеялом“ — говорит он — „спрятан был аркан. Я искусно набросил его на шею лошади — и не поскакал, а полетел. Когда лошадь начала задыхаться, я остановился, чтоб оглянуться: хижины негостеприимной деревни были едва видны и казались маленькими точками на далекой долине...

„Тут я подумал, что нехорошо поступаю, похищая любимую лошадь человека, не сделавшего мне никакого зла, хотя и отказавшего мне в должном гостеприимстве. Я соскочил с лошади и пустил ее на волю. Но в ту же минуту увидел толпу индийцев, скачущих из-за возвышения. Я едва успел убежать в ближний орешник. Они искали меня несколько времени по разным направлениям, а я между тем спрятался с большой осторожностию. Они рассеялись. Многие прошли близехонько от меня; но я был так хорошо спрятан, что мог безопасно наблюдать за всеми их движениями. Один молодой человек разделся донага как для сражения, запел свою боевую песнь, бросил ружье, и с простою дубиною в руках пошел прямо к месту, где я был спрятан. Он уже был от меня шагах в двадцати. Курок у ружья моего был взведен, и я целил в сердце... Но он воротился. Он конечно не видал меня, но мысль находиться под надзором невидимого врага, вооруженного ружьем, вероятно поколебала его. Меня искали до ночи, и тогда лошадь уведена была обратно.

„Я тотчас пустился в обратный путь, радуясь, что избавился от такой опасности, шел день и ночь, и на третьи сутки прибыл к реке Мауз. Купцы тамошней конторы поняли, что я упустил из рук похищенную мною лошадь, и сказали, что дали бы за нее хорошую цену.

„В двадцати милях от этой конторы жил один из моих друзей, по имени Бе-на. Я просил его осведомиться о моей лошади и об ее похитителе. Бе-на впустил меня в шалаш, где жили две старухи, и сквозь щелку указал на ту хижину, где жил Ба-гис-кун-нунг с четырьмя своими сыновьями. Лошади их паслись около хижины. Бе-на указал на прекрасного черного коня, вымененного ими на мою лошадь... Я тотчас отправился к Ба-гис-кун-нунгу и сказал ему: „Мне нужна лошадь“. — У меня нет лишней лошади.— „Так я ж одну уведу“. — А я тебя убью. — Мы расстались. Я приготовился к утру отправиться в путь. Бе-на дал мне буйволовую кожу вместо седла; а старуха продала мне ремень в замену аркана, мною оставленного на шее лошади индийского старшины. Рано утром вошел я в хижину Бе-на, еще спавшего, и покрыл его тихонько совершенно новым одеялом, мне принадлежавшим. Потом пошел далее.

„Приближаясь к хижине Ба-гис-кун-нунга, увидел я старшего его сына, сидящего на пороге... Заметив меня, он закричал изо всей мочи... Вся деревня пришла в смятение... Народ собрался около меня... Никто, казалось, не хотел мешаться в это дело. Одно семейство моего обидчика изъявляло явную неприязнь...

„Я так был взволнован, что не чувствовал под собою земли; кажется однако я не был испуган. Набросив петлю на черную лошадь, я всё еще не садился верхом, потому что это движение лишило бы меня на минуту возможности защищаться,— и можно было бы напасть на меня с тыла. Подумав однако, что вид малейшей нерешительности был бы для меня чрезвычайно невыгодным, я хотел вскочить на лошадь, но сделал слишком большое усилие, перепрыгнул через лошадь и растянулся на той стороне, с ружьем в одной руке, с луком и стрелами в другой. Я встал поспешно, оглядываясь кругом, дабы надзирать над движениями моих неприятелей. Все хохотали во всё горло, кроме семьи Ба-гис-кун-нунга. Это ободрило меня, и я сел верхом с большей решимостью. Я видел, что ежели бы в самом деле хотели на меня напасть, то воспользовались бы минутою моего падения. К тому же веселый хохот индийцев доказывал, что предприятие мое вовсе их не оскорбляло“.

Джон Теннер отбился от погони и остался спокойным владетелем геройски похищенного коня.

Он иногда выдает себя за человека недоступного предрассудкам; но поминутно обличает свое индийское суеверие. Теннер верит снам и предсказаниям старух: те и другие для него всегда сбываются. Когда голоден, ему снятся жирные медведи, вкусные рыбы, и через несколько времени в самом деле удастся ему застрелить дикую козу или поймать осетра. В затруднительных обстоятельствах ему всегда является во сне какой-то молодой человек, который дает добрый совет или ободряет его. Теннер поэтически описывает одно видение, которое имел он в пустыне на берегу Малого Сас-Кау.

„На берегу этой реки есть место, нарочно созданное для индийского табора: прекрасная пристань, маленькая долина, густой лес, прислоненный к холму... Но это место напоминает ужасное происшествие: здесь совершилось братоубийство, злодеяние столь

неслыханное, что самое место почитается проклятым. Ни один индиец не причалит челнока своего к долине „Двух убитых“; никто не осмелится там ночевать. Предание гласит, что некогда в индийском таборе, здесь остановившемся, два брата (имевшие сокола своим *тотемом**) поссорились между собою, и один из них убил другого. Свидетели так были поражены сим ужасным злодейством, что тут же умертвили братоубийцу. Оба брата похоронены вместе.

„Приближаясь к сему месту, я много думал о двух братьях, имевших один со мною *тотем*, и которых почитал я родственниками матери моей (Нет-но-куа). Я слыхал, что когда располагались на их могиле (что несколько раз и случалось), они выходили из-под земли и возобновляли ссору и убийство. По крайне мере достоверно, что они беспокоили посетителей и мешали им спать. Любопытство мое было встревожено. Мне хотелось рассказать индийцам не только, что я останавливался в этом страшном месте, но что еще там и ночевал.

„Солнце садилось, когда я туда прибыл. Я вытащил свой челнок на берег, разложил огонь и, отужинав, заснул.

„Прошло несколько минут, и я увидел обоих мертвецов, встающих из могилы. Они пришли и сели у огня прямо передо мною. Глаза их были неподвижно устремлены на меня. Они не улыбнулись и не сказали ни слова. Я проснулся. Ночь была темная и бурная. Я никого не видел, не услышал ни одного звука, кроме шума шатающихся дерев. Вероятно я заснул опять, ибо мертвецы опять явились. Они, кажется, стояли внизу, на берегу реки, потому что головы их были наравне с землею, на которой разложил я огонь. Глаза их всё были устремлены на меня. Вскоре они встали опять, один за другим, и сели снова против меня. Но тут уже они смеялись, били меня тросточками и мучили различным образом. Я хотел им сказать слово, но не стало голосу; пробовал бежать: ноги не двигались. Целую ночь я волновался и был в беспрестанном страхе. Один из них сказал мне между прочим, чтоб я взглянул на подошву ближнего холма. Я увидел связанную лошадь, глядевшую на меня. „Вот тебе, брат“, — сказал мне жеби**— „лошадь на завтрашний путь. Когда ты поедешь домой, тебе можно будет взять ее снова, а с нами провести еще одну ночь“.

„Наконец рассвело, и я с большим удовольствием заметил, что эти страшные привидения исчезли с ночным мраком. Но, пробыв долго между индийцами и зная множество примеров тому, что сны часто сбываются, я стал не на шутку помышлять о лошади, данной мне мертвецом; пошел к холму, и увидел конские следы и другие приметы, а в некотором расстоянии нашел и лошадь, которую тотчас узнал; она принадлежала купцу, с которым имел я дело. Дорога сухим путем была несколькими милями короче пути водяного. Я бросил челнок, навьючил лошадь, и отправился к конторе, куда на другой день и прибыл. Впоследствии времени я всегда старался миновать могилу обоих братьев; а рассказ о моем видении и страданиях ночных увеличил в индийцах суеверный ужас“.

Джон Теннер был дважды женат. Описание первой его любви имеет в его „Записках“ какую-то дикую прелесть. Красавица его носила имя, имевшее очень поэтическое значение, но которое с трудом поместилось бы в элегии: она звалась Мис-куа-бун-о-куа, что по индийски значит заря.

* Род герба. *Сокол* был также *тотемом* и Д. Теннера.

** Мертвец.

„Однажды вечером“ — говорит Теннер — „сидя перед нашей хижиной, увидел я молодую девушку. Она, гуляя, курила табак и изредка на меня посматривала; наконец подошла ко мне и предложила мне курить из своей трубки. Я отвечал, что не курю. „Ты от того“— сказала она — „отказываешься, что не хочешь коснуться моей трубки“. Я взял трубку из ее рук и покурил немного — в самом деле в первый раз от роду. Она со мною разговорилась, и понравилась мне. С той поры мы часто видались, и я к ней привязался.

„Вхожу в эти подробности, потому что у индийцев таким образом не знакомятся. У них обыкновенно молодой человек женится на девушке вовсе ему незнакомой. Они видались; может быть, взглянули друг на друга; но вероятно никогда между собой не говорили; свадьба решена стариками, и редко молодая чета противится воле родительской. Оба знают, что если союз сей будет неприятен одному из двух, или обоим вместе, то легко будет его расторгнуть.

„Разговоры мои с Мис-куа-бун-о-куа вскоре наделали много шуму в нашем селении. Однажды старый Очук-ку-кон вошел ко мне в хижину, держа за руку одну из многочисленных своих внучек. Он, судя по слухам, полагал, что я хотел жениться. „Вот тебе“ — сказал он моей матери — „самая добрая и самая прекрасная из моих внучек: я отдаю ее твоему сыну“. С этим словом он ушел, оставя ее у нас в хижине...

„Мать моя всегда любила молодую девушку, которая считалась красавицей. Однако ж старуха смутилась, и сказала мне наедине: „Сын, девушка прекрасна и добра; но не бери ее за себя: она больна и через год умрет. Тебе нужна жена сильная и здоровая, и так предложим ей хороший подарок, и отошлем ее к родителям“. Девушка возвратилась с богатыми подарками, а через год предсказание старухи сбылось.

„С каждым днем любовь наша усиливалась. Мать моя, вероятно, не осуждала нашей склонности. Я ничего ей не говорил; но она знала всё, и вскоре я в том удостоверился. Однажды проведши в первый раз большую часть ночи с моей любовницей, я воротился поздно и заснул. На заре старуха разбудила меня, ударив прутом по голым ногам.

„Вставай“, — сказала она —„вставай, молодой жених, ступай на охоту. Жена твоя будет тебя более почитать, когда рано воротишься к ней с добычей, нежели когда станешь величаться, гуляя по селению в отсутствие ловцов“. Я молча взял ружье и вышел. В полдень воротился, неся на плечах жирного муза, мною застреленного, и сбросил его к ногам матери, сказав ей грубым голосом: „Вот тебе, старуха, что ты сегодня утром от меня требовала“. Она была очень довольна и похвалила меня. Из того я заключил, что связь моя с молодой девушкой не была ей противна, и очень был тому рад. Многие из индийцев чуждаются своих старых родителей; но хотя Нет-но-куа была уже дряхла и немощна, я сохранял к ней прежнее, безусловное почтение.

„Я с жаром предавался охоте и почти всегда возвращался рано, или по крайней мере засветло, обремененный добычею. Я тщательно наряжался, и разгуливал по селению, играя на индийской свирели, называемой пи-бе-гвун. В течение некоторого времени Мис-куа-бун-о-куа притворно отвергала меня. Я стал охладевать, тогда она забыла всё притворство... С моей стороны желание привести жену к нам в хижину уменьшилось. Я хотел прервать с нею всякие сношения. Увидя явное равнодушие, она хотела тронуть мне сердце то слезами, то упреками, но я ничего не говорил об ней старухе, и с каждым днем охлаждение мое становилось сильнее.

„Около того времени мне понадобилось побывать на Красной Реке, и я отправился с одним индийцем у которого была сильная и легкая лошадь. Нам предстояла дорога на семьдесят миль. Мы по очереди ехали верхом, а пеший между тем бежал держа

лошадь за хвост. Мы были в дороге одни сутки. На возвратном пути я был один и шел пешком. Темнота ночи и усталость заставили меня ночевать в десяти милях от нашей хижины.

„Пришед домой на другой день, я увидел Мис-куа-бун-о-куа сидящую на моем месте. Я остановился у дверей в недоумении. Она потупила голову. Старуха сказала мне с видом сердитым: „Что же? разве оборотишься ты спиною к нашей хижине, и обесчестишь эту бедную девушку, которой ты не стоишь? Всё, что случилось между вами, сделалось по твоей же воле, не с моего и не с ее согласия. Ты сам за нею бегал повсюду; а теперь неужто прогонишь ее как будто она на тебя навязалась?“ Укоризны матери казались мне несовсем несправедливы. Я вошел и сел подле девушки... Таким образом мы стали муж и жена“.

Джон Теннер оставил свою жену, и взял другую, от которой имел троих детей. Вопреки своей долговременной привычке и страстной любви к жизни охотничей, жизни трудов, опасностей и восхищений непонятных и неизъяснимых, одичалый американец всегда помышлял о возвращении в недра семейства, от которого так долго был насильственно отторгнут. Наконец решился исполнить давнишнее свое намерение, и отправился к берегам Биг-Миами, к месту пребывания прежнего своего семейства.

Пришед в одно из тамошних поселений, встретил он старого индийца и узнал в нем молодого дикаря, некогда его похитившего. Они дружески обнялись. Теннер узнал от него о смерти старика, так страшно с ним познакомившегося. Индиец рассказал ему подробности его похищения, о которых Теннер имел только смутное понятие. На вопрос его: правда ли, что старый Теннер и всё его семейство учинились жертвою индийцев, как некогда Монито-о-гезик уверял маленького своего пленника? Индиец отвечал, что старик солгал, и рассказал ему следующее:

„Год спустя после похищения Джона Теннера, Монито-о-гезик воротился к тому месту, где совершил первое свое предприятие. Тут с утра до полудня он подстерегал старого Теннера и его работников. Они все вместе вошли в дом; в поле остался только старший сын, пахавший землю сохою, запряженною лошадьми. Индийцы на него бросились; лошади дернули; брат Джона Теннера запутался в веревках, упал, и был схвачен. Лошадей убили стрелами. Индийцы утащили молодого Теннера в лес, переправясь до ночи через Оио. Пленника привязали к дереву веревками; но он успел перегрызть узел, высвободил руку, вынул ножичек из кармана, перерезал свои узы, тотчас побежал к реке и бросился вплавь. Индийцы, услышав шум, проснулись, погнались было за ним; но ночь была темна, и он успел убежать, оставя им на память свою шляпу“.

Отец Теннера умер тому лет десять, оставя имение свое старшему сыну и не позабыв в своей духовной того, чья участь была ему неизвестна.

Наконец Джон Теннер увидел свою семью, которая приняла его с великою радостию. Брат его обнял с восторгом, обрезал ему волосы, и употребил всевозможные старания, дабы удержать его у себя дома. Одичалый американец, с своей стороны, звал его к себе, к Лесному озеру, выхваляя ему через переводчика дикую жизнь и раздолье степей. Братья его были женаты; сестра Люси имела десять человек детей. Наконец просьбы родных на него подействовали: он решился оставить индийцев и с своими детьми переселиться в общество, которому принадлежал по праву рождения.

Но приключения Теннера тем еще не кончились. Судьба назначала ему еще новые испытания. Возвратясь к диким своим знакомцам и объявив им о своем намерении, он возбудил сильное негодование. Индийцы не соглашались выдать ему детей. Жена отказывалась следовать за ним к людям чуждым и ненавистным. Власти американские принуждены были вмешаться в семейственные дела Джона Теннера. Угрозой и ласкою уговорили индийцев отпустить его домой со всем семейством. Он еще в последний раз отправился с родными к Красной Реке на охоту за буйволами, прощаясь навсегда с дикою жизнию, имевшей для него столько прелести. Возвратясь он стал готовиться в дорогу.

Индийцы простились с ним дружелюбно. Сын его не захотел за ним следовать, и остался вольным дикарем. Теннер отправился с двумя дочерьми и с их матерью, которая не хотела с ними расстаться. Послушаем, как Теннер описывает свое последнее путешествие.

„В обратном пути я предпочел ехать по Недоброй Реке, что должно было сократить дорогу на несколько миль. Близ устья реки Осетра в то время стоял табор или деревня из шести или семи хижин. Тут находился молодой человек, по имени Ом-чу-гвут-он. Он был высечен, по приказанию американского начальства, за настоящую или мнимую вину, и глубоко за то злобствовал. Узнав о моем приезде, он приехал ко мне на своем челночке.

„Довольно странным образом стал он искать разговора со мною, и вздумал уверять, что между нами существовали сношения семейственные; ночевал с нами вместе, и утром мы с ним отправились в одно время. Причалив к берегу, я приметил, что он искал случая встретиться в лесу с одной из моих дочерей, которая тотчас воротилась, немного встревоженная. Мать ее также несколько раз в течение дня имела с нею тайные разговоры; но девочка всё была печальна и несколько раз вскрикивала.

„К ночи, когда расположились мы ночевать, молодой человек тотчас удалился. Я притворно занимался своими распоряжениями, а между тем не выпускал его из виду;— вдруг приближился к нему и увидел его посреди всего снаряда охотничьего. Он обматывал около пули оленью жилу длиною около пяти вершков. Я сказал ему: „Брат мой", (так называл он меня сам) „если у тебя недостает пороху, пуль или кремней, то возьми у меня, сколько тебе понадобится". Он отвечал, что ни в чем не нуждается, а я воротился к себе на ночлег.

„Несколько времени я его не видал. Вдруг явился он в наряде и украшениях воина, идущего в сражение. В первую половину ночи он надзирал за всеми моими движениями с удивительным вниманием: подозрения мои, уже и без того сильно возбужденные, увеличились еще более. Однако ж он продолжал со мною разговаривать много и дружелюбно и просил у меня ножик, чтобы нарезать табаку; но вместо того, чтоб возвратить его, сунул себе за пояс. Я полагал, что он отдаст мне его поутру.

„Я лег в обыкновенный час, не желая показать ему свои подозрения. Палатки у меня не было, и я лежал под крашеной холстиной. Растянувшись на земле, я выбрал такое положение, что мог видеть каждое его движение. Настала гроза. Он, казалось, стал еще более беспокоен и нетерпелив. При первых дождевых каплях я предложил ему разделить со мною приют. Он согласился. Дождь шел сильно; огонь наш был залит; скоро потом *мустики* (род комаров) напали на нас. Он опять разложил огонь и стал обмахивать меня веткою.

„Я чувствовал, что мне не должно было засыпать; но усыпление начинало овладевать мною. Вдруг разразилась новая гроза сильнее первой. Я оставался как усыпленный, не открывая глаз, не шевелясь и не теряя из виду молодого человека. Однажды сильный удар грома, казалось, смутил его. Я увидел, что он бросал в огонь немного табаку в виде приношения. В другой раз, когда сон, казалось, совершенно мною овладевал, я увидел, что он стерег меня, как кошка, готовая броситься на свою жертву; однако ж я всё противился дремоте.

„По утру он с нами отзавтракал, как обыкновенно, и ушел вперед прежде нежели успел я собраться. Дочь моя, с которой разговаривал он в лесу, казалась еще более испуганною и долго не хотела войти в челнок, мать уговаривала ее, и старалась скрыть от меня ее смятение. Наконец мы поехали. Молодой человек плыл у берега, не в дальнем от нас расстоянии, до десяти часов утра. Тогда при довольно опасном и быстром, повороте, откуда взору открывалось далекое пространство, и он и челнок его исчезли что очень меня удивило.

„На сем месте река имеет до 80 вержей ширины, а в десяти — от поворота, о котором я упоминал, — находится маленький, утесистый остров. Я был раздет и с усилием правил челноком против бурного течения (что заставляло меня жаться как можно ближе к берегу), как вдруг вблизи раздался ружейный выстрел; пуля просвистала над моей головою. Я почувствовал как бы удар по боку. Весло выпало у меня из правой руки, которая сама повисла. Дым выстрела затемнял кусты, но со второго взгляда я узнал убегающего Ом-чу-гвут-она.

„Дочери мои закричали. Я обратил внимание на челнок; он был весь окровавлен. Я старался левою рукою направить его на берег, чтобы преследовать молодого человека; но течение было слишком сильно для меня: оно принесло нас на утесистый островок. Я ступил на него и, вытащив левою рукою челнок на камень, попробовал зарядить ружье; но не успел того сделать, и упал без чувств. Очнувшись, я увидел, что был один на острову. Челнок с моими дочерьми исчезал вдали, возвращаясь вспять по течению. Я снова лишился чувств, но наконец пришел в себя.

„Полагая, что мой убийца надзирал за мною из какого-нибудь скрытого места, я осмотрел свои раны. Правая рука была в очень худом состоянии: пуля, вошедшая в бок близ легкого, осталась во мне. Я отчаялся в жизни и стал кликать Ом-чу-гвутона, прося его прекратить мне жизнь и мучения: „Ты убил меня“ — кричал я — „но хотя я и смертельно ранен, однако боюсь прожить несколько дней. Приди же, если ты муж, и выстрели в меня еще раз“. Звал его несколько раз, но не получил ответа.

„Я был почти гол: в минуту как меня ранили, на мне, кроме порт, была одна рубашка, и та вся разорванная во время усилий при плавании. Я лежал на голом утесе, на зное летнего дня; земляные и черные мухи кусали меня; в будущем видел я лишь медленную смерть. Но по захождении солнца сила и надежда возвратились; я доплыл до того берега. Вышед из воды, мог стать на ноги и испустил крик бранный, называемый *сассакуи*, в знак радости и вызова. Но потеря крови и усилия во время плавания снова лишили меня чувств.

„Пришед в себя, я спрятался близ берега, чтоб наблюдать за моим врагом. Вскоре увидел я Ом-чу-гвут-она, выходящего из своей западни; он пустил в воду свой челнок, поплыл вниз по реке и прошел близехонько от меня. Мне сильно хотелось кинуться на него, чтоб схватить и задавить его в воде; но я не понадеялся на свои силы и таким образом пропустил его, не открываясь.

„Вскоре пламенная жажда начала меня мучить. Берега реки были круты и каменисты. Я не мог лежа напиться от раненой руки, на которую не в силах был опереться. Надлежало войти в воду по самые губы. Вечер свежел более и более, и силы мои вместе с тем возобновлялись. Кровь, казалось, лилась свободнее; я занялся своею раною. Несмотря на опухоль мяса, я постарался соединить раздробленные косточки; сперва разорвал на бинты остаток своей рубашки, потом зубами и левой рукою стал их обвивать около руки сначала слабо, а потом всё туже, туже, пока наконец успел ее порядочно перевязать. Вместо лубков привязал я прутики и повесил руку на веревочку, накинутую на шею.

„После того взял корку с дерева, похожего на вишневое, и, разжевав ее, приложил к моим ранам, надеясь тем остановить течение крови. Кусты, отделявшие меня от реки, были все окровавлены.

„Настала ночь. Я выбрал для ночлега мшистое место. Пень служил мне изголовьем. Я не хотел удалиться от берега, дабы наблюдать надо всем, что случится, и дабы в случае жажды иметь возможность ее утолить. Я знал, что лодка, принадлежащая купцам, должна была около того времени проехать в этом самом месте, ждал я от них-то помощи. Индийских хижин не было ближе тех, откуда к нам присоединился Ом-чу-гвут-он, и я имел причину думать, что кроме его, дочерей моих и жены, никого кругом не было.

„Простертый на земле, я стал молиться великому духу, прося его сжалиться надо мною и ниспослать помощь в час скорби. Оканчивая молитвы, заметил я, что мустики, которые роем облепили голое тело мое, умножая страдания, стали отлетать, покружились надо мною, и наконец исчезли. Я не приписал этого непосредственному действию великого духа: вечер становился холодным, и следовательно это было влияние воздуха. Я был однако ж уверен, как и всегда во время бедствий и опасности, что владыко дней моих невидимо находился близ меня, мощно мне покровительствуя. Я спал тихо и спокойно; но часто просыпался и всякой раз помнил, просыпаясь, что снилась мне лодка с белыми людьми.

„Около полуночи услышал я на той стороне реки женские голоса, и мне показались они голосами моих дочерей. Я подумал, что Ом-чу-гвут-он открыл место, куда они скрылись, и как-нибудь их обижал, потому что крики их изъявляли страдание. Но я не имел силы встать и идти к ним на помощь.

„На другой день, прежде десяти часов утра, услышал я по реке человеческие голоса, и увидел лодку, наполненную белыми людьми, подобную той, которую видел во сне. Эти люди вышли на берег, но в дальнем расстоянии от места, где я лежал, и стали готовить завтрак. Я узнал лодку г. Стюарта, гудзонского купца, которого

ждали около того времени. Полагая, что появление мое произведет над ними впечатление неприятное, я дождался конца их завтрака.

„Когда приготовились они к отплытию, я вошел в брод, дабы обратить на себя их внимание. Увидя меня, французы перестали грести, и все устремили на меня взор с видом сомнения и ужаса. Течение быстро их уносило, и зов мой, произнесенный на индийском языке, не производил никакого действия. Наконец я стал звать г. Стюарта по имени, и, вспомнив несколько английских слов, умолял путешественников воротиться за мною. В одну минуту весла опустились, и лодка подъехала так близко, что я мог в нее войти.

„Никто не узнал меня, хотя гг. Стюарт и Грант были мне очень знакомы. Я был весь окровавлен, и вероятно страдания очень меня переменили. Меня осыпали вопросами. Вскоре узнали, кто я таков и что со мною случилось. Приготовили мне постелю в лодке. Я умолял купцов ехать за моими детьми в то направление, откуда слышались их крики, и боялся найти их умерщвленными. Но все разыскания были тщетны....

„Узнав об имени моего убийцы, купцы решились тотчас отправиться в деревню, где жил Ом-чу-гвут-он, и обещались убить его на месте, если успеют поймать. Меня спрятали на самое дно лодки. Когда причалили мы к хижинам, старик вышел к нам навстречу, спрашивая: „Что нового?“ — Всё хорошо — отвечал г. Стюарт — другой, новости нет. — „Белые люди“ — возразил старик — „никогда нам правды не скажут. Я знаю, что в той стране, откуда вы прибыли, есть новости. Один из наших молодых людей, Ом-чу-гвут-он, был там и сказывал, что Сокол (индийское прозвище Д. Теннера), который дней несколько тому назад проезжал здесь с женою и с детьми, всех их перерезал. Но, кажется, Ом-чу-гвут-он сделал сам что-нибудь недоброе: он что-то неспокоен, а увидя вас, бежал“.

„Гг. Стюарт и Грант стали однако ж искать Ом-чу-гвут-она по всем хижинам и, удостоверясь в его побеге, сказали старику: „Правда, он сделал недоброе дело; но тот, кого хотел он убить, с нами; неизвестно, будет ли он еще жив...“ Тогда показали меня индийцам, собравшимся на берегу.

„Здесь мы несколько времени отдыхали. Осмотрели мои раны. Я удостоверился, что пуля, раздробив кость руки, вошла в бок близ ребра, и просил г. Гранта вынуть ее; но ни он, ни Стюарт на то не согласились. Я принужден был сам начать операцию левою рукою. Ланцет, данный мне г. Грантом, переломился. Я взял перочинный ножичек, и тот переломился, потому что в этом месте мясо очень отвердело. Наконец дали мне широкую бритву, и я вынул пулю; она была очень сплющена. Оленья жила и другие снадобья остались в ране. Коль скоро увидел я, что пуля ниже ребер не опустилась, стал надеяться на выздоровление; но, имея причину полагать, что рана моя была отравлена ядом, предвидел медленное выздоровление.

„После того отправились мы в деревню, в которой старшиною был родной брат моего убийцы. Тут г. Стюарт имел предосторожность спрятать меня опять. Жители призваны были один за другим; им роздали табаку. Но все розыскания опять остались тщетны. Наконец меня показали, и сказано было старшине, что мой убийца был родной его брат. Он потупил голову, и отказался отвечать на вопросы белых людей. Но мы узнали от других индийцев, что жена моя с дочерьми останавливалась в этой деревне на пути своем к Дождевому озеру.

„Мы тотчас туда отправились, и нашли их задержанных в конторе. Подозрение тамошних купцов было возбуждено их беспокойством и ужасом, также и моим отсутствием. Коль скоро меня завидели, старуха убежала в лес; но купцы послали за нею погоню, ее поймали и привели.

„Гг. Стюарт и Грант предоставили мне самому произнести приговор над женою, явно виновной в покушении на мою жизнь. Они объявили ее преступление равным злодейству Ом-чу-гвут-она и достойным смерти или всякой другой казни. Но я потребовал, чтоб ее только прогнали из конторы без запасов и запретили б туда являться. Она была мать моих детей; я не хотел, чтоб она была повешена или забита до смерти (как предлагали мне купцы); но вид ее становился мне несносен: по просьбе моей, ее прогнали без наказания.

„Дочери сказали, что в ту минуту, как упал я без чувств на камень, они, почитая меня мертвым и повинуясь приказанию матери, пустились в обратный путь, и предались бегству. В некотором расстоянии от островка, где я лежал, старуха причалила к кустарнику, спрятала там мое платье и после долгого перехода скрылась в лесу; но потом, размыслив, что лучше бы сделала, если б присвоила себе мою собственность, воротилась. Тогда-то услышал я крики дочерей, сопровождавших старуху, которая подбирала мое платье на берегу...“

Ныне Джон Теннер живет между образованными своими соотечественниками. Он в тяжбе со своею мачихою о нескольких неграх, оставленных ему по наследству. Он очень выгодно продал свои любопытные „Записки“; и на днях будет вероятно членом *Общества Воздержности.** Словом, есть надежда, что Теннер современем сделается настоящим yankee,** с чем и поздравляем его от искреннего сердца.

*The Reviewer.****

2. *РЕЦЕНЗИИ В ОТДЕЛЕ „НОВЫЕ КНИГИ“*

Вастола, или желания

Повесть в стихах, сочинение Виланда, издал А. Пушкин. С. П-бург, в тип. Д⟨епартамента⟩ Внеш. Торг., 1836, в. 8, стр. 96.

В одном из наших журналов дано было почувствовать, что издатель Вастолы хотел присвоить себе чужое произведение, выставя свое имя на книге, им изданной. Обвинение несправедливое: печатать чужие произведения, с согласия или по просьбе автора, до сих пор никому не воспрещалось. Это называется *издавать;* слово ясно; по крайней мере до сих пор другого не придумано.

В том же журнале сказано было, что „Вастола переведена каким-то бедным литератором, что А. С. П. только дал ему на прокат свое имя, и что лучше бы сделал, дав ему из своего кармана тысячу рублей“.

* Общество, коего цель — истребление пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никаких крепких напитков. *Изд⟨атель⟩.*

** Прозвище ⟨янки⟩, данное американцам; смысл его нам неизвестен. *Изд⟨атель⟩.*

*** ⟨Обозреватель.⟩

Переводчик Виландовой поэмы, гражданин и литератор заслуженный, почтенный отец семейства, не мог ожидать нападения столь жестокого. Он человек небогатый, но честный и благородный. Он мог поручить другому приятный труд издать свою поэму, но конечно бы не принял милостыни от кого бы то ни было.

После такового объяснения, не можем решиться здесь наименовать настоящего переводчика. Жалеем, что искреннее желание ему услужить могло подать повод к намекам, столь оскорбительным.

Вечера на хуторе близ Диканьки

Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Издание второе. Две части, в 8 д. л., XIV, 203 и X, 233, в тип. Д⟨епартамента⟩ Внешн. Торговли.

Читатели наши конечно помнят впечатление, произведенное над ними появлением „Вечеров на хуторе": все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой. Как изумились мы Русской книге, которая заставляла нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времени Фонвизина! Мы так были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, бессвязность и неправдоподобие некоторых рассказов, предоставя сии недостатки на поживу критики. Автор оправдал таковое снисхождение. Он с тех пор непрестанно развивался и совершенствовался. Он издал Арабески, где находится его Невский проспект, самое полное из его произведений. Вслед за тем явился Миргород, где с жадностию все прочли и Старосветских помещиков, эту шутливую, трогательную идиллию, которая заставляет вас смеяться сквозь слезы грусти и умиления, и Тараса Бульбу, коего начало достойно Вальтер-Скотта. Г. Гоголь идет еще вперед. Желаем и надеемся иметь часто случай говорить о нем в нашем журнале. *

Об обязанностях человека

Сочинение Сильвио Пеллико

На днях выйдет из печати новый перевод книги: *Dei Doveri degli uomini,* сочинения славного Сильвио Пеллико. **

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жи-

* На днях будет представлена на здешнем Театре его комедия *Ревизор.*

** Перевод С. Н. Дирина. „Об обязанностях человека, наставление юноше. Сочинение Сильвио Пеллико. С итальянского". СПБ. В типографии Н. Греча. 1836.

зни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже *пословицею народов;* она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, — и такова ее вечно-новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению, и погружаемся духом в ее божественное красноречие.

И не всуе, собираясь сказать несколько слов о книге кроткого страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественном Евангелии: мало было избранных (даже между первоначальными пастырями церкви), которые бы в своих творениях приблизились кротостию духа, сладостию красноречия и младенческою простотою сердца к проповеди небесного учителя.

В позднейшие времена неизвестный творец книги „О подражании Иисусу Христу", Фенелон и Сильвио Пеллико в высшей степени принадлежат к сим избранным, которых ангел господний приветствовал именем *человеков благоволения.*

Сильвио Пеллико десять лет провел в разных темницах и, получа свободу, издал свои записки. Изумление было всеобщее: ждали жалоб, напитанных горечью, — прочли умилительные размышления, исполненные ясного спокойствия, любви и доброжелательства.

Признаемся в нашем суетном зломыслии. Читая сии записки, где ни разу не вырывается из-под пера несчастного узника выражения нетерпения, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намерение в этой ненарушимой благосклонности ко всем и ко всему; эта умеренность казалась нам искусством. И восхищаясь писателем, мы укоряли человека в неискренности. Книга: *Dei Doveri* устыдила нас, и разрешила нам тайну прекрасной души, тайну человека-христианина.

Сказав, какую книгу напомнило нам сочинение Сильвио Пеллико, мы ничего более не можем и не должны прибавить к похвале нашей.

В одном из наших журналов, в статье писателя с истинным талантом, критика, заслужившего доверенность просвещенных читателей, с удивлением прочли мы следующие строки о книге Сильвио Пеллико:

„Если бы книга *Обязанностей* не вышла вслед за книгою *Жизни* (Мои Темницы), она показалась бы нам общими местами, сухим, произвольно догматическим уроком, который мы бы прослушали без внимания".

Неужели Сильвио Пеллико имеет нужду в извинении? Неужели его книга, вся исполненная сердечной теплоты, прелести неизъяснимой, гармонического красноречия, могла кому бы то ни было, и в каком бы то ни было случае, показаться *сухой* и холодно догматической? Неужели, если б она была написана в тишине Фиваиды или в библиотеке философа,

а не в грустном уединении темницы, недостойна была бы обратить на себя внимания человека, одаренного сердцем? — Не можем поверить, чтобы в самом деле такова была мысль автора „Истории Поэзии".

Это уж не ново, это было уж сказано — вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но всё уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что ж из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в *соображении* понятий, как язык неистощим в *соединении* слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. *Мысль* отдельно никогда ничего нового не представляет; *мысли же* могут быть разнообразны до бесконечности.

Как лучшее опровержение мнения г-на Шевырева, привожу собственные его слова:

„Прочтите ее (книгу Пеллико) с тою же верою, с какою она писана, и вы вступите из темного мира сомнений, расстройства, раздора головы с сердцем в светлый мир порядка и согласия. Задача жизни и счастия вам покажется проста. Вы как-то соберете себя, рассеянного по мелочам страстей, привычек и прихотей — и в вашей душе вы ощутите два чувства, которые к сожалению очень редки в эту эпоху: чувство довольства и чувство надежды".

Словарь о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местно-чтимых. 1836 г. СПБ.

В наше время главный недостаток, отзывающийся во всех почти ученых произведениях, есть отсутствие труда. Редко случается критике указывать на плоды долгих изучений и терпеливых разысканий. Что же из того происходит? Наши так называемые *ученые* принуждены заменять существенные достоинства изворотами более или менее удачными: порицанием предшественников, новизною *взглядов*, приноровлением модных понятий к старым давно известным предметам и пр. Таковые средства (которые, в некотором смысле, можно назвать шарлатанством) не подвигают науки ни на шаг, поселяют жалкий *дух сомнения и отрицания* в умах незрелых и слабых, и печалят людей истинно ученых и здравомыслящих.

Словарь о святых не принадлежит к числу опрометчивых и скороспелых произведений, наводняющих наши книжные лавки. Отчетливость в предварительных изысканиях, полнота в совершении предпринятого труда поставили сию книгу высоко во мнении знающих людей. Издатель

на своем поприще имел предшественником Новикова, напечатавшего в 1784 году *Опыт Исторического Словаря о всех в истинной православной вере святою непорочною жизнию прославившихся святых мужах*. С того времени прошло более пятидесяти лет; средства и источники умножились; для нового издателя труд был облегчен, но вместе с тем и удвоен. В *Опыте* Новикова помещено 169 имен угодников, с описанием их жития, или безо всякого объяснения: *Словарь о святых* заключает в себе 363 имени, т. е. более, нежели вдвое. У Новикова источники изредка указаны внизу самого текста: в нынешнем „Словаре" полный „Указатель" источникам напечатан особо, в два столбца, мелким шрифтом, и составляет целый печатный лист.

„Церковь российская" — сказано в предисловии — „весьма осторожно оглашала святыми угодников своих, и только по явном открытии нетления мощей, прославленных чудесами, помещала их в месяцословы. Россия к утверждению православия своего видела во многих местах явное знамение благодати над мощами тех, кои святостию жизни, примером благочестия, или христианским самоотвержением явили себя достойными почитания; но имена сих угодников не были внесены в „Общие Святцы Российской церкви"; а память их совершалась в тех только местах, где они почивают. Причиною такой местности было отделение духовной власти Новгорода от главной духовной власти России, и потом разделение митрополии на Киевскую и Московскую. Уже в половине XVI века московский митрополит Макарий, составляя „Великие Четьи-Минеи", собрал жития и некоторых святых, еще дотоле в Патериках не помещенных, и для установления им служеб имел в Москве 1547 года собор, на котором двенадцати святым российским назначено повсюду празднование и службы, а девяти — только в местах, где мощи их почивают. Те церкви, которые не успели на собор представить свидетельств о своих местных угодниках, после получали, по рассмотрению митрополита, дозволение совершать память их, и потом, при патриархах, некоторые из них внесены в общие месяцословы. Митрополит Ростовский Димитрий, в своих „Четьих-Минеях", поместил преподобных киевопечерских под числом совершения их памяти. Но и за сим многие не внесены в месяцословы, хотя некоторым сочинены особые службы, кондаки и тропари; таковы угодники новогородские, псковские, вологодские и другие.

„В предлагаемом „Словаре" помещены жития святых, прославленных в российской церкви; жития некоторых других подвижников благочестия, коих память благоговейно сохраняется там, где они жили или почили; наконец краткие известия о тех богоугодно-поживших, которых имена выписаны из синодиков, или древних монастырских записок. При описа-

нии жизни святого, прославленного во всей российской церкви, обозначены в „Словаре“ месяц и число совершения памяти; относительно прочих также означается место и день, когда чтится их память совершением молебных пений или панихид, по введенному постановлениями или преданием обычаю“.

Слог издателя должен будет служить образцом для всех ученых словарей. Он прост, полон и краток. Нам случилось в „Энциклопедическом Лексиконе“ (впрочем, книге необходимой и имеющей столь великое достоинство) найти в описании какого-то сражения уподобление одного из корпусов кораблю или птице, не помним наверное чему: таковые риторические фигуры в каком-нибудь ином сочинении могут быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя; но в словаре они во всяком случае нестерпимы.

Издатель „Словаря о святых“ оказал важную услугу истории. Между тем книга его имеет и общую занимательность; есть люди, не имеющие никакого понятия о житии того св. угодника, чье имя носят от купели до могилы и чью память празднуют ежегодно. Не дозволяя себе никакой укоризны, не можем, по крайней мере, не дивиться крайнему их нелюбопытству.

Наконец и библиофилы будут благодарны за типографическую изящность издания: „Словарь“ напечатан в большую осьмушку, на лучшей веленевой бумаге, и есть отличное произведение типографии Второго Отделения собственной канцелярии е. и. в.

Новый роман

Недавно одна рукопись, под заглавием: *Село Михайловское,* ходила в обществе по рукам, и произвела большое впечатление. Это роман, сочиненный дамою. Говорят, в нем много оригинальности, много чувства, много живых и сильных изображений. С нетерпением ожидаем его появления.

Кавалерист-девица,

происшествие в России, в 2 част. Издал Иван Бутовский. СПБ. При подписке 1 ч. выдается, а на 2 билет.

Под сим заглавием вышел в свет первый том записок Н. А. Дуровой. Читатели „Современника“ видели уже отрывки из этой книги. Они оценили без сомнения прелесть этого искреннего и небрежного рассказа, столь далекого от авторских притязаний, и простоту, с которою пылкая героиня описывает самые необыкновенные происшествия. В сем первом

томе описаны детские лета, первая молодость и первые походы Надежды Андреевны. Ожидаем появления последнего тома, дабы подробнее разобрать книгу, замечательную по всем отношениям.

Ключ к Истории Государства Российского Н. М. Карамзина. 2 ч. М.

Издав сии два тома, г. Строев оказал более пользы Русской истории, нежели все наши историки с высшими взглядами, вместе взятые. Те из них, которые не суть еще закоренелые верхогляды, принуждены будут в том сознаться. Г. Строев облегчил до невероятной степени изучение русской истории. „*Ключ* составлен по *второму* изданию „Истории Государства Российского“, *самому полному и исправному*“, пишет г. Строев. Издатели „Истории Государства Российского“ должны будут поскорее приобрести право на перепечатание „Ключа“, необходимого дополнения к бессмертной книге Карамзина.

3. РЕДАКЦИОННЫЕ ПРЕДИСЛОВИЯ, ПОСЛЕСЛОВИЯ, ПОЛЕМИЧЕСКИЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ.

〈Послесловие к „Долине Ажитугай“〉

Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке; любопытно видеть, как Султан Газы-Гирей (потомок крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русской офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце; как наконец магометанин с глубокой думою смотрит на крест, *эту хоругвь Европы и просвещения.**

Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным

Modo vir, modo foemina.
*Qv.***

В 1808 году, молодой мальчик, по имени Александров, вступил рядовым в Конно-Польский Уланский полк, отличился, получил за храбрость солдатский георгиевский крест, и в том же году произведен был в офицеры в Мариупольский Гусарский полк. Впоследствии перешел

* 〈Цитата из „Долины Ажитугай“.〉
** 〈То муж, то женщина. *Овидий*.〉

он в Литовский Уланский и продолжал свою службу столь же ревностно, как и начал.

Повидимому всё это в порядке вещей и довольно обыкновенно; однако ж это самое наделало много шуму, породило много толков и произвело сильное впечатление от одного нечаянно открывшегося обстоятельства: корнет Александров был девица Надежда Дурова.

Какие причины заставили молодую девушку, хорошей дворянской фамилии, оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений — и каких еще? Наполеоновских! Что побудило ее? Тайные, семейные огорчения? Воспаленное воображение? Врожденная неукротимая склонность? Любовь?.. Вот вопросы, ныне забытые, но которые в то время сильно занимали общество.

Ныне Н. А. Дурова сама разрешает свою тайну. Удостоенные ее доверенности, мы будем издателями ее любопытных записок. С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины, столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным. Надежда Андреевна позволила нам украсить страницы *Современника* отрывками из журнала, веденного ею в 1812 — 13 году. С глубочайшей благодарностию спешим воспользоваться ее позволением.

Изд⟨атель⟩.

От редакции

I

Для очистки совести нашей и для предупреждения всех возможных толков и недоразумений вольных и невольных, почитаем обязанностью сознаться, что напечатание в 1-й книжке журнала нашего *Хроники Русского в Париже* есть не что иное, как следствие нашей нескромности, что сии отрывки из дружеских писем, или, лучше сказать, домашнего журнала, никогда не были предназначены к печати, особенно в том виде, в каком они представлены публике. Глубокомыслие, остроумие, верность и тонкая наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога, полного жизни и движения, которые везде пробиваются сквозь небрежность и беглость выражения, служат лучшим доказательством того, чего можно было бы ожидать от пера, писавшего таким образом *про себя*, когда следовало бы ему писать *про других*. Мы имели случай стороною подслушать этот *aparté*,* подсмотреть эти ежедневные, еже-

* ⟨Разговор с самим собой.⟩

минутные отметки, и поторопились, как водится ныне, в эпоху разоблачения всех тайн, поделиться удовольствием и свежими современными новинками с читателями „Современника“. Можно было бы, и по некоторым отношениям следовало бы для порядка, дать этим разбросанным чертам стройное единство, облачить в литературную форму. Но мы предпочли сохранить в нем живой, теплый, внезапный отпечаток мыслей, чувств, впечатлений, городских вестей, булеварных, академических, салонных, кабинетных движений, — так сказать *стенографировать* эти горячие следы, эту лихорадку парижской жизни; впрочем, кажется, мы и не ошиблись в своем предпочтении. По всем отзывам образованных и просвещенных людей, Парижская хроника возбудила живейшее любопытство и внимание. Даже и тупые печатные замечания подтвердили нас в убеждении, что способ, нами избранный, едва ли не лучший. Вкус иных людей может служить всегда надежным и неизменным руководством: стоит только выворотить вкус их наизнанку. То, чего они оценить не могли, что показалось им неприличным, неуместным, то, без сомнения, имеет внутреннее многоценное достоинство, следовательно, не их имеем в виду в настоящем объяснении. Но мы желали только, по обязанности редакторской, приняв на себя всю ответственность за произвольное напечатание помянутых выписок, отклонить ее от того, который писал их, забывая, что есть книгопечатание на белом свете.

II

Статья, присланная нам из Твери с подписью А. Б., не могла быть напечатана в сей книжке по недостатку времени.

Мы получили также статью *Г. Косичкина*. Но, к сожалению, и эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выход этой книжки, отлагаем ее до следующей.

Письмо к издателю

Георгий Кониский, о котором напечатана статья в первом нумере „Современника“, начинает свои пастырские поучения следующими замечательными словами:

„Первое слово к вам, благоч<естивые> слуш<атели>, Христовы люди, рассудил я сказать о себе самом... Должность моя, как вы сами видите, есть учительская: а учители добрые и нелукавые себе первее учат, нежели других, своему уху, яко ближайшему, наперед проповедуют, нежели чужим“.

Приемля журнальный жезл, собираясь проповедывать истинную критику, весьма достохвально поступили бы вы, м. г., если б перед стадом своих подписчиков изложили предварительно свои мысли о должности критика и журналиста и принесли искреннее покаяние в слабостях, нераздельных с природою человека вообще и журналиста в особенности. По крайней мере, вы можете подать благой пример собратии вашей, поместив в своем журнале несколько искренних замечаний, которые пришли мне в голову по прочтении первого нумера „Современника".

Статья „О движении журнальной литературы", по справедливости, обратила на себя общее внимание. Вы в ней изложили остроумно, резко и прямодушно весьма много справедливых замечаний. Но признаюсь, она не соответствует тому, чего ожидали мы от направления, которое дано будет вами вашей критике. Прочитав со вниманием эту немного сбивчивую статью, всего яснее увидел я большое ожесточение противу г. Сенковского. По мнению вашему, вся наша словесность обращается около „Библиотеки для Чтения". Все другие повременные издания рассмотрены только в отношении к ней. „Северная Пчела" и „Сын Отечества" представлены каким-то сильным арьергардом, подкрепляющим „Библиотеку". „Московский Наблюдатель", по вашим словам, образовался только с тем намерением, чтоб воевать противу „Библиотеки". Он даже получил строгий выговор за то, что нападения его ограничились только двумя статейками; должно было, говорите вы, или не начинать вовсе, или, если начать, то уже не отставать. „Литературные Прибавления", „Телескоп" и „Молва" похвалены вами за их оппозиционное отношение к „Библиотеке". Признаюсь, это изумило тех, которые с нетерпением ожидали появления вашего журнала. Неужто, говорили они, цель „Современника" — следовать по пятам за „Библиотекою", нападая на нее врасплох, и вооруженной рукою отбивая от нее подписчиков? Надеюсь, что опасения сии лживы и что „Современник" изберет для себя круг действия более обширный и благородный...

Обвинения ваши касательно г. Сенковского ограничиваются следующими пунктами:

1. Г. Сенковский исключительно завладел отделением критики в журнале, издаваемом от имени книгопродавца Смирдина.

2. Г. Сенковский переправляет статьи, ему доставляемые для помещения в „Библиотеке".

3. Г. Сенковский в своих критических суждениях не всегда соблюдает тон важности и беспристрастия.

4. Г. Сенковский не употребляет местоимений *сей* и *оный*.

5. Г. Сенковский имеет около пяти тысяч подписчиков.

Первые два обвинительные пункта относятся к домашним, так сказать, распоряжениям книгопродавца Смирдина и до публики не касаются. Что же до важного тона критики, то не понимаю, как можно говорить не в шутку о некоторых произведениях Отечественной литературы. Публика требует отчета обо всем выходящем. Неужто журналисту надлежит наблюдать один и тот же тон в отношении ко всем книгам, им разбираемым? Разница — критиковать „Историю Государства Российского“ и романы гг. *** и пр. Критик, стараясь быть всегда равно учтивым и важным, без сомнения погрешает противу приличия. В обществе вы локтем задеваете соседа, вы извиняетесь: очень хорошо; но гуляя под качелями, вы толкнули лавочника, и не скажете же ему: mille pardons.* Вы скажете: зачем ходить толкаться под качели? зачем упоминать о книгах, которые не стоят никакого внимания? Но если публика того требует непременно, зачем ей не угодить? Celà vous coute si peu et leur fait tant de plaisir!**—Да позвольте узнать: что значит и ваш разбор альманаха *Мое Новоселье,* который так счастливо сравнили вы с тощим котом, мяукающим на кровле опустелого дома? Сравнение очень забавно, но в нем не вижу я ничего важного. *Врачю! исцелися сам!* Признаюсь, некоторые из веселых разборов, попадающихся в „Библиотеке для Чтения“, тешат меня несказанно, и мне было бы очень жаль, если бы критик предпочел хранить величественное молчание.

Шутки г. Сенковского на счет невинных местоимений *сей, сия, сие, оный, оная, оное,* — не что иное как шутки. Вольно же было публике и даже некоторым писателям принять их за чистую монету. Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному. Не одни местоимения *сей и оный,**** но и причастия вообще и множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: карета скачущая по мосту, слуга метущий комнату; мы говорим: которая скачет, который метет, и пр.,— заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом. Из того еще не следует, что в русском языке причастие должно быть уничтожено. Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка. — Но вы несправедливо сравнили гонение на *сей* и *оный* со

* ⟨Тысяча извинений.⟩

** ⟨Это стоит вам так мало и так много удовольствия доставляет им.⟩

*** Впрочем, мы говорим: в сию минуту, сей час, по сию пору, и проч.

введением i и v в орфографию русских слов, и напрасно потревожили прах Тредьяковского, который никогда ни с кем не заводил споров об этих буквах. Ученый профессор, желавший преобразить нашу орфографию, действовал сам от себя, без предварительного примера. Замечу мимоходом, что орфография г. Каченовского не есть затруднительная новость, но давно существует в наших священных книгах. Всякий литератор, получивший классическое образование, обязан знать ее правила, даже и не следуя оным.

Что же касается до последнего пункта, т. е. до 5000 подписчиков, то позвольте мне изъявить искреннее желание, чтоб на следующий год могли вы заслужить точно такое ж обвинение.

Признайтесь, что нападения ваши на г. Сенковского не весьма основательны. Многие из его статей, пропущенных вами без внимания, достойны были занять место в лучших из европейских журналов. В показаниях его касательно Востока мы должны верить ему, как люди непосвященные. Он издает „Библиотеку“ с удивительной сметливостию, с аккуратностию, к которой не приучили нас гг. русские журналисты. Мы, смиренные провинциалы, благодарны ему — и за разнообразие статей, и за полноту книжек, и за свежие новости европейские, и даже за отчет об литературной всячине. Жалеем, что многие литераторы, уважаемые и любимые нами, отказались от соучастия в журнале г. Смирдина, и надеемся, что „Современник“ пополнит нам сей недостаток; но желаем, чтоб оба журнала друг другу не старались вредить, а действовали каждый сам по себе для пользы общей и для удовольствия жадно читающей публики.

Обращаясь к „Северной Пчеле“, вы упрекаете ее в том, что она без разбора помещала все в нее бросаемые известия, объявления и тому подобное. Но как же ей и делать иначе? „Северная Пчела“ газета, а доход газеты составляют именно объявления, известия и проч., без разбора печатаемые. Английские газеты, считающие у себя до 15000 подписчиков, окупают издержки издания только печатанием объявлений. Не за объявления должно было укорять „Северную Пчелу“, но за помещения скучных статей с подписью: Ф. Б., которые (несмотря на ваше пренебрежение ко вкусу бедных провинциалов) давно оценены у нас по достоинству. Будьте уверены, что мы с крайней досадою видим, что г.г. журналисты думают нас занять нравоучительными статейками, исполненными самых детских мыслей и пошлых шуточек, которые достались „Северной Пчеле“ вероятно по наследству от „Трудолюбивой Пчелы“.

То, что вы говорите о „Прибавлениях к Инвалиду“, вообще справедливо. Издатель оставил на полемическом поприще следы неизглади-

мые, и до сих пор подвизается на оном с неоспоримым успехом. Мы помним „Хамелеонистику", ряд статеек в своем роде классических. Но позвольте вам заметить, что вы хвалите г. Воейкова именно за то самое, за что негодуете на г. Сенковского: за шутливые разборы того, что не стоит быть разобрано не в шутку.

Жалею, что вы, говоря о „Телескопе", не упомянули о г. Белинском. Он обличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостию мнений и с остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности, — словом более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного.

Говоря о равнодушии журналистов к важным литературным событиям, вы указываете на смерть Вальтер-Скотта. Но смерть Вальтер-Скотта не есть событие литературное; о Вальтер-Скотте же и его романах впопад и невпопад было у нас говорено довольно.

Вы говорите, что в последнее время замечено было в публике равнодушие к поэзии и охота к романам, повестям и тому подобному. Но поэзия не всегда ли есть наслаждение малого числа избранных, между тем как повести и романы читаются всеми и везде? И где подметили вы это равнодушие? Скорее можно укорить наших поэтов в бездействии, нежели публику в охлаждении. Державин вышел в свет третьим изданием; слышно, готовится четвертое. На заглавном листе басен Крылова (изданных в прошлом году) выставлено: *тридцатая тысяча*. Новые поэты, Кукольник и Бенедиктов, приняты были с восторгом. Кольцов обратил на себя общее благосклонное внимание... Где же тут равнодушие публики к поэзии?

Вы укоряете наших журналистов за то, что они не сказали нам: что такое был Вальтер-Скотт? Что такое нынешняя французская литература? Что такое наша публика? Что такое наши писатели?

В самом деле, вопросы весьма любопытные! Мы надеемся, что вы их разрешите впоследствии и что избегнете в вашей критике недостатков, так строго и так справедливо вами осужденных в статье, которую в праве мы называть программою вашего журнала.*

А. Б.

Тверь 23 апреля 1836.

---

* С удовольствием помещая здесь письмо г. А. Б., нахожусь в необходимости дать моим читателям некоторые объяснения. Статья *О движении журнальной литературы* напечатана в моем журнале, но из сего еще не следует, чтобы все мнения, в ней выраженные с такою юношескою живостию и прямодушием, были совершенно сходны с моими собственными. Во всяком случае, она не есть и не могла быть программою „Современника". *Изд.*

⟨Примечание к повести „Нос“⟩

Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки; но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального, что уговорили его позволить нам поделиться с публикою удовольствием, которое доставила нам его рукопись.

Издатель.

⟨Примечание к слову „Богодѣльня“ в статье „Прогулка по Москве“⟩

Слово это весьма неправильно составлено из двух слов, *бога деля* (для), и потому должно писать *богадельня.*

Издатель.

Объяснение

Одно стихотворение, напечатанное в моем журнале,* навлекло на меня обвинение, в котором долгом полагаю оправдаться. Это стихотворение заключает в себе несколько грустных размышлений о заслуженном полководце, который в великий 1812 год прошел первую половину поприща, и взял на свою долю все невзгоды отступления, всю ответственность за неизбежные уроны, предоставя своему бессмертному преемнику славу отпора, побед и полного торжества. Я не мог подумать, чтобы тут можно было увидеть намерение оскорбить чувство народной гордости и старание унизить священную славу Кутузова; однако ж меня в том обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титло: спаситель России; его памятник: скала святой Елены! Имя его не только священно для нас, но не должны ли мы еще радоваться, мы, русские, что оно звучит русским звуком?

И мог ли Барклай-де-Толли совершить им начатое поприще? Мог ли он остановиться и предложить сражение у курганов Бородина? Мог ли он после ужасной битвы, где *равен был неравный спор,* отдать Москву Наполеону и стать в бездействии на равнинах Тарутинских? Нет! (Не говорю уже о превосходстве военного гения.) Один Кутузов мог предложить Бородинское сражение; один Кутузов мог отдать Москву непри-

* ⟨„Полководец“ Пушкина, напечатанный анонимно.⟩

ятелю, один Кутузов мог оставаться в этом мудром, деятельном бездействии, усыпляя Наполеона на пожарище Москвы, и выжидая роковой минуты: ибо Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал!

Неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклая-де-Толли, потому что Кутузов велик? Ужели после двадцатипятилетнего безмолвия поэзии не позволено произнести его имени с участием и умилением? Вы упрекаете стихотворца в несправедливости его жалоб; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оценены, награждены. Так, но кем и когда?.. Конечно не народом, и не в 1812 году. Минута, когда Барклай принужден был уступить начальство над войсками, была радостна для России, но тем не менее тяжела для его стоического сердца. Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверенности войску ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самого́ себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом.

Слава Кутузова не имеет нужды в похвале чьей бы то ни было, а мнение стихотворца не может ни возвысить, ни унизить того, кто низложил Наполеона и вознес Россию на ту степень, на которой она явилась в 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда в смиренной хвале моей вождю, забытому Жуковским, соотечественники мои могли подозревать низкую и преступную сатиру — на того, кто некогда внушил мне следующие стихи, конечно, недостойные великой тени, но искренние и излиянные из души.

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Всё спит кругом; одни лампады
Во мраке храма золотят
Столбов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.
Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.
В твоем гробу восторг живет!
Он Русский глас нам издает;

Он нам твердит о той година,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
„Иди, спасай!“ Ты встал — и спас... и проч.

От редакции

I

Современник будет издаваться и в следующем 1837 году.

Каждые три месяца будет выходить по одному тому.

Цена за все четыре тома, составляющие годовое издание, 25 рублей асс., с пересылкою 30 рублей асс.

Подписка в С. П. Б. принимается во всех книжных лавках. Иногородные могут адресоваться в Газетную Экспедицию.

II

Издатель „Современника“ не печатал никакой программы своего журнала, полагая, что слова: *литературный журнал* уже заключают в себе достаточное объяснение.

Некоторые из журналистов почли нужным составить программу нового журнала. Один из них объявил, что „Современник“ будет иметь целию — уронить „Библиотеку для Чтения“, издаваемую г. Смирдиным; в „Северной же Пчеле“ сказано, что „Современник“ будет продолжением „Литературной Газеты“, издаваемой некогда покойным бароном Дельвигом.

Издатель „Современника“ принужден объявить, что он не имеет чести быть в сношении с г. г. журналистами, взявшими на себя труд составить за него программу, и что он никогда им того не поручал. Отклоняя однако ж от себя цель, недостойную литератора и несправедливо ему приписанную в „Библиотеке для Чтения“, он вполне признает справедливость объявления, напечатанного в „Северной Пчеле“: „Современник“, по духу своей критики, по многим именам сотрудников, в нем участвующих, по неизменному образу мнения о предметах, подлежащих его суду, будет продолжением „Литературной Газеты“.

III

Обстоятельства не позволили издателю лично заняться печатанием первых двух нумеров своего журнала; вкрались некоторые ошибки, и одна довольно важная, происшедшая от недоразумения; публике дано обещание, которое издатель ни в каком случае не может и не намерен

исполнить — сказано было в примечании к статье: *Новые Книги*, что книги, означенные звездочкою, будут современем разобраны. В списке вновь вышедшим книгам звездочкою означены были у издателя те, которые показались ему замечательными, или которые намерен он был прочитать; но он не предполагал отдавать о всех их отчет публике; многие не входят в область литературы, о других потребны сведения, которых он не приобрел.

IV

В первом томе „Современника“, в статье: *Новые Книги,* под параграфом, относящимся к *Вастоле,* поэме Виланда, изданной А. Пушкиным, ошибкою пропущена подпись издателя.

V

Редакция „Современника“ не может принять на себя обратного доставления присылаемых статей.

Статьи и заметки, предназначавшиеся для „Современника“

Александр Радищев

Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu.*
Слова Карамзина в 1819 году.

В конце первого десятилетия царствования Екатерины II, несколько молодых людей, едва вышедших из отрочества, отправлены были, по ее повелению, в Лейпцигский университет, под надзором одного наставника и в сопровождении духовника. Учение пошло им не в прок. Надзиратель думал только о своих выгодах; духовник, монах добродушный, но необразованный, не имел никакого влияния на их ум и нравственность. Молодые люди проказничали и вольнодумствовали. Они возвратились в Россию, где служба и заботы семейственные заменили для них лекции Геллерта и студенческие шалости. Большая часть из них исчезла, не оставив по себе следов; двое сделались известны: один на чреде заметной обнаружил совершенное бессилие и несчастную посредственность; другой прославился совсем иначе.

Александр Радищев родился около 1750-го года. Он обучался сперва в Пажеском корпусе, и обратил на себя внимание начальства, как молодой человек, подающий о себе великие надежды. Университетская жизнь принесла ему мало пользы. Он не взял даже на себя труда выучиться порядочно латинскому и немецкому языку, дабы по крайней мере быть в состоянии понимать своих профессоров. Беспокойное любо-

* ⟨Не годится, чтобы порядочный человек заслуживал быть повешенным.⟩

пытство, более нежели жажда познаний, была отличительная черта ума его. Он был кроток и задумчив. Тесная связь с молодым Ушаковым имела на всю его жизнь влияние решительное и глубокое. Ушаков был немногим старше Радищева, но имел опытность светского человека. Он уже служил секретарем при тайном советнике Теплове, и его честолюбию открыто было блестящее поприще, как оставил он службу из любви к познаниям и вместе с молодыми студентами отправился в Лейпциг. Сходство умов и занятий сблизили с ним Радищева. Им попался в руки Гельвеций. Они жадно изучили начала его пошлой и бесплодной метафизики. Гримм, странствующий агент французской философии, в Лейпциге застал русских студентов за книгою о *Разуме* и привез Гельвецию известие, лестное для его тщеславия и радостное для всей братии. Теперь было бы для нас непонятно, каким образом холодный и сухой Гельвеций мог сделаться любимцем молодых людей, пылких и чувствительных, если бы мы, по несчастию, не знали, как соблазнительны для развивающихся умов мысли и правила новые, отвергаемые законом и преданиями. Нам уже слишком известна французская философия 18-го столетия; она рассмотрена со всех сторон и оценена. То, что некогда слыло скрытным учением гиерофантов, было потом обнародовано, проповедано на площадях, и навек утратило прелесть таинственности и новизны. Другие мысли, столь же детские, другие мечты, столь же несбыточные, заменили мысли и мечты учеников Дидрота и Руссо, и легкомысленный поклонник молвы видит в них опять и цель человечества, и разрешение вечной загадки, не воображая, что в свою очередь они заменятся другими.

Радищев написал *Житие Ф. В. Ушакова.* Из этого отрывка видно, что Ушаков был от природы остроумен, красноречив и имел дар привлекать к себе сердца. Он умер на 21-м году своего возраста от следствий невоздержанной жизни, но на смертном одре он еще успел преподать Радищеву ужасный урок. Осужденный врачами на смерть, он равнодушно услышал свой приговор; вскоре муки его сделались нестерпимы, и он потребовал яду от одного из своих товарищей.* Радищев тому воспротивился, но с тех пор самоубийство сделалось одним из любимых предметов его размышлений.

Возвратясь в Петербург, Радищев вступил в гражданскую службу, не преставая между тем заниматься и словесностию. Он женился. Состояние его было для него достаточно. В обществе он был уважаем как *сочинитель*. Граф Воронцов ему покровительствовал. Государыня знала

* А. М. Кутузова, которому Радищев и посвятил Житие Ф. В. Ушакова.

его лично и определила в собственную свою канцелярию. Следуя обыкновенному ходу вещей, Радищев должен был достигнуть одной из первых степеней государственных. Но судьба готовила ему иное.

В то время существовали в России люди, известные под именем *мартинистов*. Мы еще застали несколько стариков, принадлежавших этому полу-политическому, полу-религиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия, ярко отличали их от поколения, которому они принадлежали. Люди, находившие свою выгоду в коварном злословии, старались представить мартинистов заговорщиками и приписывали им преступные политические виды. Императрица, долго смотревшая на усилия французских философов, как на игры искусных бойцов, и сама их ободрявшая своим царским рукоплесканием, с беспокойством видела их торжество, и с подозрением обратила внимание на русских мартинистов, которых считала проповедниками безначалия и адептами энциклопедистов. Нельзя отрицать, чтобы многие из них не принадлежали к числу недовольных; но их недоброжелательство ограничивалось брюзгливым порицанием настоящего, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франмасонских ужинах.

Радищев попал в их общество. Таинственность их бесед воспламенила его воображение. Он написал свое *Путешествие из Петербурга в Москву,* сатирическое воззвание к возмущению, напечатал в домашней типографии и спокойно пустил его в продажу.

Если мысленно перенесемся мы к 1791 году, если вспомним тогдашние политические обстоятельства, если представим себе силу нашего правительства, наши законы, не изменившиеся со времен Петра I-го, их строгость, в то время еще не смягченную двадцатипятилетним царствованием Александра, самодержца, умевшего уважать человечество; если подумаем: какие суровые люди окружали еще престол Екатерины, то преступление Радищева покажется нам действием сумасшедшего. Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины! И заметьте: заговорщик надеется на соединенные силы своих товарищей; член тайного общества, в случае неудачи, или готовится изветом заслужить себе помилование, или, смотря на многочисленность своих соумышленников, полагается на безнаказанность. Но Радищев один. У него нет ни товарищей, ни соумышленников. В случае неуспеха, — а какого успеха может он ожидать? — он один отвечает за всё, он один представляется жертвой закону. Мы никогда не почитали Радищева

великим человеком. Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем не извиняемым, а *Путешествие в Москву* весьма посредственною книгою; но со всем тем не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным; политического фанатика, заблуждающегося конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостию.

Но может быть сам Радищев не понял всей важности своих безумных заблуждений. Как иначе объяснить его беспечность и странную мысль разослать свою книгу ко всем своим знакомым, между прочими к Державину, которого поставил он в затруднительное положение? Как бы то ни было, книга его, сначала не замеченная, вероятно потому, что первые страницы чрезвычайно скучны и утомительны, вскоре произвела шум. Она дошла до государыни. Екатерина сильно была поражена. Несколько дней сряду читала она эти горькие, возмутительные сатиры. *Он мартинист,* говорила она Храповицкому (см. его записки), *да он хуже Пугачева; он хвалит Франклина.* — Слово глубоко замечательное: монархиня, стремившаяся к соединению во едино всех разнородных частей государства, не могла равнодушно видеть отторжение колоний от владычества Англии.

Радищев предан был суду. Сенат осудил его на смерть (см. Полное Собрание Законов). Государыня смягчила приговор. Преступника лишили чинов и дворянства и в оковах сослали в Сибирь.

В Илимске Радищев предался мирным, литературным занятиям. Здесь написал он большую часть своих сочинений; многие из них относятся к статистике Сибири, к Китайской торговле, и пр. Сохранилась его переписка с одним из тогдашних вельмож, который, может быть, не вовсе был чужд изданию *Путешествия.* Радищев был тогда вдовцом. К нему поехала его свояченица, дабы разделить с изгнанником грустное его уединение. Он в одном из своих стихотворений упоминает о сем трогательном обстоятельстве.

Воздохну на том я месте,
Где Ермак с своей дружиной,
Садясь в лодки, устремлялся
В ту страну ужасну, хладну,
В ту страну, где я средь бедствий,
Но на лоне жаркой дружбы,
Был блажен, и где оставил
Души нежной половину.

Бова, вступление.

Император Павел I, взошед на престол, вызвал Радищева из ссылки, возвратил ему чины и дворянство, обошелся с ним милостиво и взял с него обещание не писать ничего противного духу правительства. Радищев сдержал свое слово. Он во все время царствования императора Павла I не написал ни одной строчки. Он жил в Петербурге, удаленный от дел и занимаясь воспитанием своих детей. Смиренный опытностию и годами, он даже переменил образ мыслей, ознаменовавший его бурную и кичливую молодость. Он не питал в сердце своем никакой злобы к прошедшему, и помирился искренно со славной памятию великой царицы.

Не станем укорять Радищева в слабости и непостоянстве характера. Время изменяет человека как в физическом, так и в духовном отношении. Муж, со вздохом иль с улыбкою, отвергает мечты, волновавшие юношу. Моложавые мысли, как и моложавое лицо, всегда имеют что-то странное и смешное. Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыты для него не существуют. Мог ли чувствительный и пылкий Радищев не содрогнуться при виде того, что происходило во Франции во время *Ужаса?* мог ли он без омерзения глубокого слышать некогда любимые свои мысли, проповедуемые с высоты гильотины, при гнусных рукоплесканиях черни? Увлеченный однажды львиным ревом колоссального Мирабо, он уже не хотел сделаться поклонником Робеспьера, этого сентиментального тигра.

Император Александр, вступив на престол, вспомнил о Радищеве и, извиняя в нем то, что можно было приписать пылкости молодых лет и заблуждениям века, увидел в сочинителе *Путешествия* отвращение от многих злоупотреблений и некоторые благонамеренные виды. Он определил Радищева в комиссию составления законов и приказал ему изложить свои мысли касательно некоторых гражданских постановлений. Бедный Радищев, увлеченный предметом, некогда близким к его умозрительным занятиям, вспомнил старину и в проекте, представленном начальству, предался своим прежним мечтаниям. Граф З‹авадовский› удивился молодости его седин и сказал ему с дружеским упреком: „Эх, Александр Николаевич, охота тебе пустословить по прежнему! или мало тебе было Сибири?“ В этих словах Радищев увидел угрозу. Огорченный и испуганный, он возвратился домой, вспомнил о друге своей молодости, об лейпцигском студенте, подавшем ему некогда первую мысль о самоубийстве... и отравился. Конец им давно предвиденный и который он сам себе напророчил!

Сочинения Радищева в стихах и прозе (кроме *Путешествия*) изданы были в 1807 году. Самое пространное из его сочинений есть философи-

А. Н. Радищев.

С гравюры *Вандромини* (Госуд. Исторический музей).

ческое Рассуждение *О Человеке, о его смертности и бессмертии.* Умствования оного пошлы и не оживлены слогом. Радищев, хотя и вооружается противу материализма, но в нем всё еще виден ученик Гельвеция. Он охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма. Между статьями литературными замечательно его суждение о Тилимахиде и о Тредьяковском, которого он любил, по тому же самому чувству, которое заставило его бранить Ломоносова: из отвращения от общепринятых мнений. В стихах лучшее произведение его есть *Осьмнадцатый век,* лирическое стихотворение, писанное древним элегическим размером, где находятся следующие стихи, столь замечательные под его пером.

Урна времен часы изливает каплям подобно,
Капли в ручьи собрались, в реки ручьи возросли,
И на дальнейшем брегу изливают пенистые волны
Вечности в море, а там нет ни предел, ни брегов,
Не возвышается остров, ни дна там лот не находит;
Веки в него протекли, в нем исчезает их след;
Но знаменито во веки своею кровавой струею
С звуками грома течет наше Столетье туда.
И сокрушен наконец корабль, надежды несущий!
Пристани близок уже, в водоворот поглощен.
Счастие и добродетель и вольность пожрал омут ярой.
Зри: всплывают еще страшны обломки в струе.
Нет! ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро:
Будешь проклято во век, в век удивлением всех,
Крови в твоей колыбели, припевание громы сражений.
Ах, омочено в крови, ты ниспадаешь во гроб!..
Но зри: две вознеслися скалы во среде струй кровавых,
Екатерина и Петр, вечности чада! и Росс.

Первая песнь *Бовы* имеет также достоинство. Характер Бовы обрисован оригинально, и разговор его с Каргою забавен. Жаль, что в *Бове,* как и в *Алеше Поповиче,* другой его поэме, не включенной, не знаем почему, в собрании его сочинений, нет и тени народности, необходимой в творениях такого рода; но Радищев думал подражать Вольтеру, потому что он вечно кому-нибудь да подражал. Вообще Радищев писал лучше стихами, нежели прозою. В ней не имел он образца, а Ломоносов, Херасков, Державин и Костров успели уже обработать наш стихотворный язык.

Путешествие в Москву, причина его несчастия и славы, есть, как мы уже сказали, очень посредственное произведение, не говоря даже о варварском слоге. Сетования на несчастное состояние народа, на насилие вельмож, и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствитель-

ности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смешны. Мы бы могли подтвердить суждение наше множеством выписок. Но читателю стоит открыть его книгу наудачу, чтобы удостовериться в истине нами сказанного.

В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидрота и Реналя; но всё в нескладном и искаженном виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале. Он есть истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему; слабоумное изумление перед своим веком; слепое пристрастие к новизне; частные поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему, — вот, что мы видим в Радищеве. [Отымите у него честность, в остатке будет Полевой.] Он как будто старается раздражить верховную власть своим горьким злоречием; не лучше ли было бы указать на благо, которое она в состоянии сотворить? Он поносит власть господ, как явное беззаконие; не лучше ли было представить правительству и умным помещикам способы к постепенному улучшению состояния крестьян; он злится на цензуру; не лучше ли было потолковать о правилах, коими должен руководствоваться законодатель, дабы с одной стороны сословие писателей не было притеснено и Мысль, священный дар божий, не была рабой и жертвою бессмысленной и своенравной управы; а с другой — чтоб писатель не употреблял сего божественного орудия к достижению цели низкой или преступной? Но всё это было бы просто полезно, и не произвело бы ни шума, ни соблазна, ибо само правительство не только не пренебрегало писателями и их не притесняло, но еще требовало их соучастия, вызывало на деятельность, вслушивалось в их суждения, принимало их советы — чувствовало нужду в содействии людей просвещенных и мыслящих, не пугаясь их смелости и не оскорбляясь их искренностью.

Какую цель имел Радищев? чего именно желал он? На сии вопросы вряд ли бы мог он сам отвечать удовлетворительно. Влияние его было ничтожно. Все прочли его книгу и забыли ее несмотря на то, что в ней есть несколько благоразумных мыслей, несколько благонамеренных предположений, которые не имели никакой нужды быть облечены в бранчивые и напыщенные выражения, и незаконно тиснуты в станках тайной типографии, с примесью пошлого и преступного пустословия. Они принесли бы истинную пользу, будучи представлены с большей искренностию и благоволением; ибо нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви.

3 апреля 1836.
СПБ.

⟨Приложения⟩

I. От императрицы, главнокомандовавшему в Санкт-Петербурге генерал-аншефу Брюсу.

Граф Яков Александрович!

Недавно издана здесь книга под названием: *Путешествие из Петербурга в Москву*, наполненная самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественной, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвесть в народе негодование противу начальников и начальства, наконец оскорбительными изражениями противу сана и власти царской. Сочинителем сей книги оказался коллежский советник Александр Радищев, который сам учинил в том признание, присовокупив к сему, что после цензуры Управы Благочиния взнес он многие листы в помянутую книгу, в собственной его типографии напечатанную, и потому взят под стражу. Таковое его преступление повелеваем рассмотреть и судить узаконенным порядком в Палате Уголовного Суда Санктпетербургской губернии, где заключа приговор, взнесть оный в Сенат наш.

Пребываем вам благосклонны.

Екатерина.

II. Из записок Храповицкого.

26-го июня ⟨1790⟩. Говорили (государыня) о книге Путешествие из Петербурга в Москву. „Тут рассеяние заразы французской. Автор мартинист. Я прочла тридцать страниц“. Посылала за Рылеевым (обер-полицмейстером). Открывается подозрение на Радищева.

2 июля. Продолжают писать примечания на книгу Радищева. А он сказывают препоручен Шешковскому и сидит в крепости.

7 июля. „Примечания на книгу Радищева послать к Шешковскому“. Сказать изволили, что он бунтовщик, хуже Пугачева, показав мне, что в конце хвалит Франклина и себя таким же представляет. Говорили с жаром и чувствительностию.

11 августа. Доклад о Радищеве с приметною чувствительностию приказано рассмотреть в совете „чтоб не быть пристрастною, и объявить, чтоб не уважали до меня касающееся, понеже я презираю“.

III. Отрывок из Книги Р⟨адищева⟩.

Клин.

Как было во городе во Риме, там жил да был Евфимиам князь... Поющий сию народную песнь, называемую Алексеем божиим человеком, был слепой старик, сидящий у ворот почтового двора, окруженной толпою по большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия, в лице его зримого, заставляли взирающих на певца предстоять ему со благоговением. Неискусной хотя его напев, но нежностию изречения сопровождаемый, проницал в сердца его слушателей, лучше природе внемлющих, нежели взрощенные во благогласии уши жителей Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габриели, Маркези, или Тоди. Никто из предстоящих не остался без зыбления внутрь глубокого, когда Клинской певец дошел до разлуки своего Ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласом, изрекал свое повествование. Место, на коем были его очи, исполнилося иступающих из чувствительной от бед души слез, и потоки оных пролилися по ланитам воспевающего. О природа, колико ты властительна! Взирая на плачущего старца, жены возрыдали; со уст юности отлетела сопутница ее

улыбка; на лице отрочества явилась робость, неложной знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественной возраст к жестокости толико привыкший, вид восприял важности. О! природа, возопил я паки...

Сколь сладко неязвительное чувствование скорби! Колико сердце оно обновляет, и оного чувствительность. Я рыдал в след за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из сердца Вертером... О мой друг, мой друг! почто и ты не зрел сея картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимного чувствования была бы гораздо усладительнее.

По окончании песнословия, все предстоящие давали старику, как будто бы награду за его труд. Он принимал все денежки и полушки, все куски и краюхи хлеба, довольно равнодушно; но всегда сопровождая благодарность свою поклоном, крестяся и говоря к подающему: „Дай бог тебе здоровья". Я не хотел отъехать, не быв сопровождаем молитвою сего, конечно приятного небу, старца. Желал его благословения, на совершение пути и желания моего. Казалося мне, да и всегда сие мечтаю, как будто соблагословение чувствительных душ облегчает стезю в шествии, и отъемлет терние сомнительности. Подошед к нему, я в дрожащую его руку, толико же дрожащею от боязни, не тщеславия ли ради то делаю, положил ему рубль. Перекрестясь, не успел он изрещи обыкновенного своего благословения подающему, отвлечен от того необыкновенностию ощущения лежащего в его горьсти. И сие уязвило мое сердце. Колико приятнее ему, вещал я сам себе, подаваемая ему полушка! Он чувствует в ней обыкновенное к бедствиям соболезнование человечества, в моем рубле ощущает может быть мою гордость. Он не сопровождает его своим благословением. О! колико мал я сам себе тогда казался, колико завидовал давшим полушку и краюшку хлеба пеэшему старцу! — Не пятак ли? сказал он, обращая речь свою неопределенно как и всякое свое слово. — — Нет, дедушка, рублевик, сказал близь стоящий его мальчик. — — По что такая милостыня? сказал слепой, опуская места своих очей и ища, казалося, мысленно вообразити себе то, что в горьсти его лежало. По что она немогущему ею пользоваться. Если бы я не лишен был зрения, сколь бы велика моя была за него благодарность. Не имея в нем нужды, я мог бы снабдить им неимущего. Ах! если бы он был у меня после бывшего здесь пожара, умолк бы хотя на одни сутки вопль алчущих птенцов моего соседа. Но на что он мне теперь? не вижу, куда его и положить; подаст он может быть случай к преступлению. Полушку не много прибыли украсть, но за рублем охотно многие протянут руку. Возьми его назад, доброй господин, и ты и я с твоим рублем можем сделать вора. — О истина! колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь в укоризну. — — Возьми его назад, мне право он ненадобен, да и я уже его не стою; ибо не служил изображенному на нем государю. Угодно было создателю чтобы еще в бодрых моих летах лишен я был вождей моих. Терпеливо сношу его прещение. За грехи мои он меня посетил... Я был воин; на многих бывал битвах с неприятелями отечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нужде. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатии сражения; я не щадил никогда у ног моих лежащего неприятеля и просящего безоруженному помилования не дарил. Вознесенный победою оружия нашего, когда устремлялся на карание и добычу, пал я ниц, лишенный зрения и чувств, пролетевшим мимо очей, в силе своей пушечным ядром. О! Вы, последующие мне, будьте мужественны, но помните человечество. — — Возвратил он мне мой рубль, и сел опять на место свое покойно.

Прими свой праздничный пирог, дедушка, говорила слепому подошедшая женщина, лет пятидесяти. — — С каким восторгом он принял его обеими руками. — — Вот истинное благодеяние, вот истинная милостыня. Тридцать лет сряду ем я сей пирог по праздникам и по воскресеньям. Не забыла ты своего обещания, что ты сделала во младенче-

стве своем. И стоит ли то, что я сделал для покойного твоего отца, чтобы ты до гроба моего меня не забывала? Я, друзья мои, избавил отца ее от обыкновенных нередко побой крестьянам, от проходящих солдат. Солдаты хотели что-то у него отнять; он с ними заспорил. Дело было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я был сержантом той роты, которой были солдаты, прилучился тут; прибежал на крик мужика, и его избавил от побой; может быть чего и больше, но вперед отгадывать нельзя. Вот, что вспомнила кормилица моя нынешняя, когда увидела меня здесь в нищенском состоянии. Вот, чего не позабывает она каждой день и каждой праздник. Дело мое было невеликое, но доброе. А доброе приятно господу; за ним никогда ничто не пропадает.

Не уже ли ты меня столько пред всеми обидишь, старичок, сказал я ему, и одно мое отвергнешь подаяние? Не уже ли моя милостыня есть милостыня грешника. Да и та бывает ему на пользу, если служит к умягчению его ожесточенного сердца. — — Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнию, говорил старец: не ведал я, что мог тебя обидеть, не приемля на вред послужить могущего подаяния; прости мне мой грех, но дай мне, коли хочешь мне что дать, дай, что может мне быть полезно... Холодная у нас была весна, у меня болело горло — — платчишка не было чем повязать шеи — — бог помиловал, болезнь миновалась... Нет ли старенького у тебя платка? Когда у меня заболит горло, я его повяжу; он мою согреет шею; горло болеть перестанет, я тебя вспоминать буду, если тебе нужно воспоминовение нищего. — — Я снял платок с моей шеи, повязал на шею слепого... И расстался с ним.

Возвращ яся чрез Клин, я уже не нашел слепого певца. Он за три дня моего приезда умер. Но платок мой, сказывала мне та, которая ему приносила пирог по праздникам, надел заболев перед смертию на шею, и с ним положили его во гроб. О! если кто чувствует цену сего платка, тот чувствует и то, что во мне происходит слушав сие.

Вот каким слогом написана вся книга!

Последний из свойственников Иоанны д'Арк

В Лондоне, в прошлом, 1836 году, умер некто г. Дюлис (Jean-François-Philippe Dulys), потомок родного брата Иоанны д'Арк, славной Орлеанской Девственницы. Г. Дюлис переселился в Англию в начале французской революции; он был женат на англичанке и не оставил по себе детей. По своей духовной назначил он по себе наследником родственника жены своей, Джемса Белли, книгопродавца Эдимбургского. Между его бумагами найдены подлинные грамоты королей Карла VII, Генриха III и Людовика XIII, подтверждающие дворянство роду господ д'Арк Дюлис (d'Arc Dulys). Все сии грамоты проданы были с публичного торгу, за весьма дорогую цену, так же как и любопытный автограф: письмо Вольтера к отцу покойного господина Дюлиса.

Повидимому Дюлис-отец был добрый дворянин, мало занимавшийся литературою. Однако ж около 1767-го года дошло до него, что некто Mr. de Voltaire издал какое-то сочинение об Орлеанской героине. Книга продавалась очень дорого. Г. Дюлис решился однако ж ее купить,

полагая найти в ней достоверную историю славной своей прабабки. Он был изумлен самым неприятным образом, когда получил маленькую книжку in 18, напечатанную в Голландии и украшенную удивительными картинками. В первом пылу негодования написал он Вольтеру следующее письмо, с коего копия найдена также между бумагами покойника. (Письмо сие так же, как и ответ Вольтера, напечатано в журнале Morning Chronicle.)

Милостивый Государь.

Недавно имел я случай приобрести за шесть луи д'оров, написанную вами историю осады Орлеана в 1429 году. Это сочинение преисполнено не только грубых ошибок, непростительных для человека, знающего сколько-нибудь историю Франции, но еще и нелепою клеветою касательно короля Карла VII, Иоанны д'Арк, по прозванию Орлеанской девственницы, Агнессы Сорель, господ Латримулья, Лагира, Бодрикура и других благородных и знатных особ. Из приложенных копий с достоверных грамот, которые хранятся у меня в замке моем (Tournebu, baillage de Chaumont en Tourraine), вы ясно увидите, что Иоанна д'Арк была родная сестра Луке д'Арк дю Ферону (Lucas d'Arc seigneur du Feron), от коего происхожу по прямой линии. А посему, не только я полагаю себя в праве, но даже и ставлю себе в непременную обязанность требовать от вас удовлетворения за дерзкие, злостные и лживые показания, которые вы себе дозволили напечатать касательно вышеупомянутой девственницы.

Итак, прошу вас, милостивый государь, дать мне знать о месте и времени, так же и об оружии, вами избираемом для немедленного окончания сего дела.

Честь имею и проч.

Несмотря на смешную сторону этого дела, Вольтер принял его не в шутку. Он испугался шуму, который мог бы из того произойти, а может быть и шпаги щекотливого дворянина, и тотчас прислал следующий ответ.

22 мая 1767.

Милостивый государь.

Письмо, которым вы меня удостоили, застало меня в постели, с которой не схожу вот уже около осьми месяцев. Кажется, вы не изволите знать, что я бедный старик, удрученный болезнями и горестями, а не один из тех храбрых рыцарей, от которых вы произошли. Могу вас уверить, что я никаким образом не участвовал в составлении глупой рифмованной хроники (l'impertinante chronique rimée), о которой изволите

мне писать. Европа наводнена печатными глупостями, которые публика великодушно мне приписывает. Лет сорок тому назад случилось мне напечатать поэму под заглавием Генрияда. Исчисляя в ней героев, прославивших Францию, взял я на себя смелость обратиться к знаменитой вашей родственнице (votre illustre cousine) с следующими словами:

Et toi, brave Amazone,
La honte des Anglois et le soutien du trône.*

Вот единственное место в моих сочинениях, где упомянуто о бессмертной героине, которая спасла Францию. Жалею, что я не посвятил слабого своего таланта на прославление божиих чудес, вместо того, чтобы трудиться для удовольствия публики бессмысленной и неблагодарной.

Честь имею быть, Милостивый Государь,
Вашим покорнейшим слугою
Voltaire,
gen⟨tilhomme⟩ de la ch⟨ambre⟩ du Roy.**

Английский журналист по поводу напечатания сей переписки делает следующие замечания:

„Судьба Иоанны д'Арк в отношении ⟨к⟩ ее отечеству по истине достойна изумления; мы конечно должны разделить с французами стыд ее суда и казни. Но варварство англичан может еще быть извинено предрассудками века, ожесточением оскорбленной народной гордости, которая искренно приписала действию нечистой силы подвиги юной пастушки. Спрашивается, чем извинить малодушную неблагодарность французов? Конечно, не страхом диявола, которого исстари они не боялись. По крайней мере мы хоть что-нибудь да сделали для памяти славной девы; наш лауреат посвятил ей первые девственные порывы своего (еще не купленного) вдохновения. Англия дала пристанище последнему из ее сродников. Как же Франция постаралась загладить кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страницу ее хроники? Правда, дворянство дано было родственникам Иоанны д'Арк; но их потомство пресмыкалось в неизвестности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворе французских королей от Карла VII до самого Карла X-го. Новейшая история не представляет предмета более трогательного, более поэтического жизни и смерти Орлеанской героини; что же сделал из того Вольтер, сей достойный представитель своего народа? Раз в жизни случи-

* ⟨А ты, храбрая амазонка,
Позор англичан и опора трона.⟩

** ⟨Вольтер, дворянин на стольничьей службе короля⟩.

лось ему быть истинно поэтом, и вот на что употребляет он вдохновение! Он сатаническим дыханием раздувает искры, тлевшие в пепле мученического костра, и как пьяный дикарь пляшет около своего потешного огня. Он как римский палач присовокупляет поругание к смертным мучениям девы. Поэма лауреата не стоит конечно поэмы Вольтера в отношении силы вымысла, но творение Соуте есть подвиг честного человека и плод благородного восторга. Заметим, что Вольтер, окруженный во Франции врагами и завистниками, на каждом своем шагу подвергавшийся самым ядовитым порицаниям, почти не нашел обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Все с восторгом приняли книгу, в которой презрение ко всему, что почитается священным для человека и гражданина, доведено до последней степени кинизма. Никто не вздумал заступиться за честь своего отечества, и вызов доброго и честного Дюлиса, если бы стал тогда известен, возбудил бы неистощимый хохот не только в философических гостинных барона д'Ольбаха и M-me Jeoffrin, но и в старинных залах потомков Лагира и Латримулья. Жалкий век! жалкий народ!"

〈1837〉

〈О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного Рая"〉

Долгое время французы пренебрегали словесностию своих соседей. Уверенные в своем превосходстве над всем человечеством, они ценили славных писателей иностранных относительно меры, как отдалились они от французских привычек и правил, установленных французскими критиками, 〈и〉 никогда не дерзали быть верными своим подлинникам; они тщательно их преобразовывали.

В переводных книгах, изданных в прошлом столетии, нельзя прочесть ни одного предисловия, где бы ни находилась неизбежная фраза: мы думали угодить публике и с тем вместе оказать услугу и нашему автору. 〈Переводчик〉 полагал оказать публике и самому автору услугу, исключив из его книги места, которые могли бы оскорбить вкус образованного французского читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и перед 〈кем〉 извинял таким образом! И вот к чему ведет невежественная страсть к народности!.. Наконец критика спохватилась. Стали подозревать, что г. Летурнеры могли ошибочно судить о Шекспире, и не совсем благоразумно поступили, переправляя на свой лад Гамлета, Ромео и Лира. От переводчиков стали требовать более верности, а менее щекотливости и усердия в публике — пожелали видеть Данте,

Шекспира и Сервантеса в их собственном виде, в их народной одежде — и [с их] природными недостатками. Даже мнение, утвержденное веками и принятое всеми, что переводчик должен стараться передавать дух, а не букву, нашло противников и искусные опровержения.

Ныне (пример неслыханный!) первый из французских писателей переводит Мильтона *слово в слово* и объявляет, что подстрочный перевод был бы верхом его искусства, если б только оный был возможен! — Таковое смирение во французском писателе, первом мастере своего дела, должно было сильно изумить поборников *исправительных переводов* и вероятно будет иметь большое влияние на словесность.

Изо всех иноземных великих писателей Мильтон был всех несчастнее во Франции. Не говорим о жалких переводах в прозе, в которых он был безвинно оклеветан, не говорим о переводе в стихах аббата Делиля, который ужасно поправил его грубые недостатки и украсил его без милосердия; но как же выводили его собственное лицо в трагедиях и в романах писатели новейшей романтической школы? Что сделал из него г. Альфред де Виньи, которого французские критики без церемонии поставили на одной доске с В. Скоттом? Как выставил ⟨его⟩ Виктор Юго, другой любимец парижской публики? Может быть, читатели забыли и St. Mars, и Кромвеля — и потому не могут судить о нелепости вымыслов Виктора Юго. — Выведем того и другого на суд всякого знающего и благомыслящего человека.

Начнем с трагедии — одного из самых нелепых произведений человека, впрочем одаренного талантом.*

Мы не станем следовать за спотыкливым ходом этой драмы, скучной и чудовищной; мы хотим только показать нашим читателям, в каком виде в ней представлен Мильтон, еще неизвестный поэт, но политический писатель, уже славный в Европе своим горьким и заносчивым красноречием.

Кромвель во дворце своем беседует с лордом Рочестером, переодетым в методиста, и с четырьмя шутами. Тут же находится Мильтон со своим вожатым (лицом довольно не нужным, ибо Мильтон ослеп уже гораздо после). Протектор говорит Рочестеру:

---

* ⟨Зачеркнуто:⟩ Драма *Кромвель* была первым опытом романтизма на сцене Парижского театра. Виктор Юго почел нужным сразу уничтожить все законы, все предания французской драмы, царствовавшие из-за классических кулис. Единство места и времени, величавое однообразие слога, стихосложение Расина и Буало — всё было им ниспровергнуто: однако справедливость требует заметить, что В. Юго не коснулся единства действия; в его трагедии нет никакого действия, и того менее занимательности.

— Так как мы теперь одни, то я хочу посмеяться: представлю вам моих шутов. Когда мы находимся в веселом духе, тогда они бывают очень забавны. Мы все пишем стихи, даже и мой старый Мильтон.

Мильтон *(с досадою).*

Старый Мильтон! Извините, милорд: я девятью годами моложе вас.

Кромвель.

Как угодно.

Мильтон.

Вы родились в 99, а я в 608.

Кромвель.

Какое свежее воспоминание!

Мильтон *(с живостью).*

Вы бы могли обходиться со мною учтивее: я сын нотариуса, городового альдермана.

Кромвель.

Ну, не сердись — я знаю, что ты великий феолог и даже хороший стихотворец, хотя пониже Вайверса и Дона.

Мильтон *(говоря сам про себя).*

Пониже! Как это слово жестоко! Но погодим. Увидят, отказало ли мне небо в своих дарах. Потомство мне судия. Оно поймет мою Еву, падающую в адскую ночь, как сладкое сновидение; Адама преступного и доброго, и Неукротимого духа, царствующего также над одною вечностию, высокого в своем отчаянии, глубокого в безумии, исходящего из огненного озера, которое бьет он огромным своим крылом! Ибо пламенный гений во мне работает. Я обдумываю, *молча,* странное намерение. Я живу в мысли моей, и ею Мильтон утешен: так я хочу в свою очередь создать свой мир между адом, землею и небом.

Лорд Рочестер *(про себя).*

Что он там городит?

Один из шутов.

Смешной мечтатель!

Кромвель *(пожимая плечами).*

Твой *Иконокласт* очень хорошая книга, но твой чорт, Левиафан... *(смеясь)* очень плох...

Мильтон *(сквозь зубы, с негодованием).*

И Кромвель смеется над моим Сатаною!

Рочестер *(подходит к нему).*

Г. Мильтон!

Мильтон *(не слыша его и обратясь к Кромвелю)*

Он это говорит из зависти.

Рочестер *(Мильтону, который слушает его с рассеянностию).*

По чести вы не понимаете поэзию. Вы умны, но у вас недостает вкуса. Послушайте: французы учители наши во всем. Изучайте Ракана, читайте его пастушеские стихотворения. Пусть Аминта и Тирсис гуляют у вас по лугам; пусть она ведет за

собою барашка на голубой ленточке. — Но Ева, Адам, ад, огненное озеро! Сатана голый, с опаленными крыльями! Другое дело: кабы вы его прикрыли щегольским платьем; кабы вы дали ему огромный парик и шлем с золотою шишкою, розовый камзол, и мантию флорентинскую, как недавно видел я во французской опере Солнце в праздничном кафтане.

Мильтон *(удивленный)*.

Это что за пустословие?

Рочестер *(кусая губы)*.

Опять я забылся! — Я, сударь, шутил.

Мильтон.

Очень глупая шутка!

Далее Мильтон утверждает, что править государством безделица; то ли дело писать латинские стихи. Немного времени спустя Мильтон бросается в ноги Кромвелю, умоляя его не домогаться престола, на что протектор отвечает ему: г. Мильтон, государственный секретарь, ты пиит, ты в лирическом восторге забыл, кто я таков и проч.

В сцене, не имеющей ни исторической истины, ни драматического правдоподобия, в бессмысленной пародии церемониала, наблюдаемого при коронации английских королей, Мильтон и один из придворных шутов играют главную роль. Мильтон проповедует республику, шут подымает перчатку королевского рыцаря...

Вот каким жалким безумцем, каким ничтожным пустомелей выведен Мильтон человеком, который вероятно сам не ведал, что творил, оскорбляя великую тень! В течение всей трагедии, кроме насмешек и ругательства ничего иного Мильтон не слышит; правда и то, что и сам он, во всё время, ни разу не вымолвит дельного слова. Это старый, которого все презирают, и на которого никто не обращает никакого внимания.

Нет, г. Юго! Не таков был Джон Мильтон, друг и сподвижник Кромвеля, суровый фанатик, строгий творец Иконокласта и книги Defensio populi.* Не таким языком изъяснялся бы с Кромвелем тот, который написал ему свой славный пророческий сонет Cromwel, our chief etc.**

Не мог быть посмешищем развратного Рочестера и придворных шутов тот, кто в *злые дни, жертва злых языков,* в бедности, в гонении и в слепоте сохранил непреклонность души и продиктовал Потерянный Рай.

Если г. Юго, будучи сам поэт (хотя и второстепенный), так худо

---

* ⟨Защита народа.⟩

** ⟨Кромвель, наш вождь, и пр.⟩

понял поэта Мильтона, то всяк легко себе вообразит, что под его пером стало из лица Кромвеля, с которым не имел он уж ровно никакого сочувствия! Но это не касается до нашего предмета. От неровного, грубого Виктора Юго и его уродливых драм, перейдем к чопорному манерному графу Виньи и к его облизанному роману.

Альфред де Виньи в своем Сен-Марсе также выводит перед нами Мильтона и вот в каких обстоятельствах:

У славной Марии Делорм, любовницы кардинала Ришелье, собирается общество придворных и ученых. Скюдери толкует им свою аллегорическую карту любви. Гости в восхищении от крепости *Красоты*, стоящей на реке *Гордости*, от деревни *Записочек*, от гавани *Равнодушия* и проч. и проч. Все осыпают г-на Скюдери напыщенными похвалами, кроме Мольера, Корнеля и Декарта, которые тут же находятся. Вдруг хозяйка представляет обществу молодого, путешествующего англичанина, по имени Джона Мильтона, и заставляет его читать гостям отрывки из Потерянного Рая. Хорошо; да как же французы не зная английского языка поймут Мильтоновы стихи? Очень просто: места, которые он будет читать, переведены на французский язык, переписаны на особых листочках и списки розданы гостям. Мильтон будет декламировать, а гости следовать за ним. Да зачем же ему беспокоиться, если уже стихи переведены? Стало быть Мильтон великий декламатор,— или звуки английского языка чрезвычайно как любопытны? А какое дело графу де Виньи до всех этих нелепых несообразностей? Ему надобно, чтоб Мильтон читал в парижском обществе свой Потерянный Рай и чтоб французские умники над ним посмеялись и не поняли духа великого поэта (разумеется, кроме Мольера, Kòрнеля и Декарта), и из этого выйдет следующая ефектная сцена.

„Хозяйка взяла листы и раздала их гостям. Все уселись и замолчали. Не скоро уговорили молодого иностранца начать чтение и отойти от окна, где он, казалось, с большим удовольствием разговаривал с Корнелем. Наконец он подошел к креслам, стоявшим у стола: он, казалось, был слабого здоровья и, можно сказать, упал, а не сел в них. Он облокотился на стол и закрыл рукою глаза свои, большие и выразительные, но полузакрытые и покрасневшие от бдений или слез. Он читал стихи свои наизусть, недоверчивые его слушатели смотрели на него с видом высокомерным, или, по крайней мере, покровительственным; другие с рассеянным видом просматривали перевод стихов его.

„Голос его, сначала глухой, постепенно очищался; скоро поэтическое вдохновение исхитило его из него самого, и взгляд его, возведенный к небу, сделался высоким, как взгляд Рафаэлева евангелиста, ибо свет еще отражался в нем. Он повествовал в стихах своих о первом грехопадении человека и призывал святого духа, который предпочитает всем храмам сердце чистое и бесхитростное, который всё ведает и присутствовал при рождении времени.

„Это начало принято было с глубоким молчанием, а последняя мысль с легким ропотом. Он ничего не слыхал, видел всё сквозь какое-то облако, — он был в мире, им созданном, и продолжал.

„Он повествовал о духе адском, прикованном в пламени мстительном цепями диамантовыми; о времени, девять раз наделившем смертных днями и ночами в продолжение его падения; о зримой тьме вечных темниц и пламенеющем океане, в котором плавали падшие ангелы; гремящий его голос начал речь князя демонов: Ты ли, говорил он, ты ли тот сиявший в ослепительном блеске блаженных селений света! О! как ниспал ты! Теки со мною... Что нам до поля нашей небесной битвы? Ужели всё для нас погибло? Мы всё сохранили, и волю непреклонную, и дух мести ненасытимой, и ненависть бесконечную, и мужество непреодолимое, ужели это не победа?

„Тут слуга громким голосом возвестил о прибытии гг. Монтрезора и д'Антрэг. Они раскланялись, поговорили, передвигали все кресла и наконец уселись. Слушатели воспользовались этим, чтобы начать множество частных разговоров; в них слышались только хулы и упреки в безвкусии; некоторые умные, но слишком привязанные к старине люди, вскричали, что они этого не понимают, что это выше их разумения (не думая, чтобы говорили правду), и этим ложным смирением привлекали себе похвалу, а поэту осуждение: выгода двойная. Иные говорили даже, что это поругание святыни.

„Прерванный поэт закрыл лицо руками и облокотился на стол, чтобы не слышать всего этого шума похвал и критик. Только три человека подошли к нему: то были какой-то офицер, Покелень и Корнель; сей последний сказал Мильтону на ухо:

„Советую вам переменить ваши картины; та, которую вы нам изобразили, слишком высока для ваших слушателей".*

Мильтон, несмотря на то, что назначенные для чтения места переведены и что он должен читать их по порядку, ищет в памяти своей то, что, по его мнению, более произведет действия на слушателей, не заботясь о том, поймут ли его или нет. Но посредством какого-то чуда (неизъясненного г-м де Виньи) все его понимают. Дебарро находит его приторным; Скюдери—скучным и холодным. Мария Делорм очень тронута описанием Адама в первобытном его состоянии. Мольер, Корнель и Декарт осыпают его комплиментами etc., etc.

Или мы очень ошибаемся, или Мильтон, проезжая через Париж, не стал бы показывать себя, как заезжий фигляр, и в доме непотребной женщины забавлять общество чтением стихов, писанных на языке, неизвестном никому из присутствующих, жеманясь и рисуясь, то *закрывая* глаза, то *возводя их* в *потолок*. Разговоры его с Дету, с Корнелем и Декартом не были бы пошлым и изысканным пустословием; а в обществе играл бы он роль, ему приличную, скромную роль благородного и хорошо воспитанного молодого человека.

---

* 〈Цитата из русского перевода „Сен-Марса", изд. 2-е, СПБ, 1835, ч. III, стр. 188 -191.〉

После удивительных вымыслов В. Юго и графа де Виньи, хотите ли видеть картину, просто набросанную другим живописцем? Прочтите в *Вудстоке* встречу одного из действующих лиц с Мильтоном в кабинете Кромвеля: — — *

Французский романист конечно не довольствовался бы таким незначащим и естественным изображением. У него Мильтон, занятый государственными делами, непременно терялся бы в пиитических мечтаниях и на полях какого-нибудь отчета намарал бы несколько стихов из Потерянного Рая; Кромвель бы это подметил, разбранил бы своего секретаря, назвал бы его стихоплетом и вралем, etc., а из того бы вышел *ефект*, о котором бедный В. Скотт и не подумал!

Перевод, изданный Шатобрияном, заглаживает до некоторой степени прегрешения молодых французских писателей, так невинно, но так жестоко оскорбивших великую тень. Мы сказали уже, что Шатобриян переводил Мильтона почти слово в слово, так близко, как только то мог позволить синтаксис французского языка: труд тяжелый и неблагодарный, незаметный для большинства читателей и который может быть оценен двумя, тремя знатоками!

Но удачен ли новый перевод? Шатобриян нашел в Низаре критика неумолимого. Низар в статье, исполненной тонкой сметливости, сильно напал и на способ перевода, избранный Шатобрияном, и на самый перевод. Нет сомнения, что, стараясь передать Мильтона *слово в слово*, Шатобриян, однако, не мог соблюсти в своем преложении верности смысла и выражения. Подстрочный перевод никогда не может быть верен. Каждый язык имеет свои обороты, свои условленные риторические фигуры, свои усвоенные выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами. Возьмем первые фразы: Comment vous portez vous; How do you do. Попробуйте перевести их слово в слово на русский язык.**

Если уже русский язык, столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, столь переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам, не способен к переводу подстрочному, к преложению слово в слово, то каким образом язык французский, столь осторожный в своих привычках, столь пристрастный к своим преданиям, столь

---

* 〈Оставлено место для цитаты из Вальтер Скотта.〉

** Кстати, недавно (в Телескопе кажется) кто-то, критикуя перевод, хотел вероятно блеснуть знанием италиянского языка и пенял переводчику, зачем он пропустил в своем переводе выражение *battarsi la guancia* — бить себя по щекам. — *Battarsi la guancia* значит *раскаяться*, перевести иначе не имело бы никакого смысла.

неприязненный к языкам, даже ему единоплеменным, выдержит таковой опыт, особенно в борьбе с языком Мильтона, сего поэта, всё вместе и изысканного и простодушного, темного, запутанного, выразительного, своенравного, и смелого даже до бессмыслия?

Перевод Потерянного Рая есть торговая спекуляция. Первый из современных французских писателей, учитель всего пишущего поколения, бывший некогда первым министром, несколько раз посланником, Шатобриян на старости лет перевел Мильтона *для куска хлеба.* Каково бы ни было исполнение труда, им предпринятого, но самый сей труд и цель оного делают честь знаменитому старцу. Тот, кто, поторговавшись немного с самим собою, мог спокойно пользоваться щедротами нового правительства, властию, почестями и богатством, предпочел им честную бедность. Уклонившись от палаты перов, где долго раздавался красноречивый его голос, Шатобриян приходит в книжную лавку с продажной рукописью, но с неподкупной совестию. После этого, что скажет критика? Станет ли она строгостию оценки смущать благородного труженика, и подобно скупому покупщику хулить его товар? Но Шатобриян не имеет нужды в снисхождении: к своему переводу присовокупил он два тома, столь же блестящие, как и все прежние его произведения, и критика может оказаться строгою к их недостаткам столько, сколько ей будет угодно: несомненные красоты, страницы, достойные лучших времен великого писателя, спасут его книгу от пренебрежения читателей, несмотря на все ее недостатки.

Английские критики строго осудили *Опыт об Английской литературе.* Они нашли его слишком поверхностным, слишком недостаточным; поверив заглавию, они от Шатобрияна требовали ученой критики и совершенного знания предметов, близко знакомых им самим; но совсем не того должно было искать в сем блестящем обозрении. В ученой критике Шатобриян не тверд, робок, и сам не свой; он говорит о писателях, которых не читал; судит о них вскользь и по наслышке и кое-как отделывается от скучной должности библиографа; но поминутно из-под пера его вылетают вдохновенные страницы; он поминутно забывает критические изыскания и на свободе развивает свои мысли о великих исторических эпохах, которые сближает с теми, коим сам он был свидетель. Много искренности, много сердечного красноречия, много простодушия (иногда детского, но всегда привлекательного) в сих отрывках, чуждых истории английской литературы, но которые и составляют истинное достоинство *Опыта.*

〈Отрывки из „Опыта об английской литературе“〉

〈1〉

Порядок общественный, вне порядка политического, составлен из религии, умственной деятельности и промышленности материяльной. Во всяком народе, во время величайших бедствий и важнейших событий, священник молится, стихотворец поет, ученый мыслит, живописец, ваятель, зодчий творят и зиждут, ремесленник работает. Смотря только на них, вы видите мир настоящий, истинный, неподвижный, основание человечества, однако, повидимому, чуждый обществу политическому. Но священник в своей молитве, поэт, художник, ученый в своих творениях, ремесленник в своем труде открывают от времени до времени, в какую эпоху они живут, в них отзываются удары событий, от которых сильнее и обильнее текли их жалобы, их пот и даже вдохновение...

〈2〉

Средние века представляют картину странную и которая кажется произведением мощного, но расстроенного воображения. В древности каждый народ исходит, так сказать, из собственного своего источника. Некий первобытный дух проникает во всё и во всем отзывается. Нравы и гражданские установления делаются однородными. Общество в средних веках было составлено из обломков тысячи других обществ. Римская цивилизация и паганизм в нем оставили свои следы, христианская религия несла ему свое учение и торжества, франки, готфы, бургундцы сохраняли обычаи и нравы, свойственные их племенам. Все роды собственности и законов были перемешаны между собою... Все формы свободы и рабства сталкивались между собою: монархическая свобода короля, аристократическая свобода благороднорожденного, личная свобода священника, общая свобода волостей, исключительная свобода городов, судилищ, сословий ремесленных и купечества, представительная свобода народа, рабство римское, повинность варварских племен, крепость приземельная. Отселе явления, несообразные ни с чем, обычаи, один другому противуречащие, а связанные только узами религии. Кажется, будто народы разные, не имеющие между собою никакого сношения, согласились жить под одною властию, около единого алтаря.

〈1836—1837〉

〈Начало статьи о Железной Маске〉

Вольтер в своем Siècle de Louis XIV (в 1760) первый сказал несколько слов о Железной Маске.

„Несколько времени после смерти кардинала Мазарини, пишет он, случилось происшествие беспримерное, и что еще удивительнее, не известное ни одному историку. Некто, высокого росту, молодых лет, благородной и прекрасной наружности, с величайшей тайною послан был в заточение на остров св. Маргариты. Дорогою невольник носил маску, коей нижняя часть была на пружинах, так что он мог есть, не сымая ее с лица. Приказано было, в случае, если б он открылся, его убить. Он оставался на острове до 1690 году, когда Сен-Марс, губернатор Пиньрольской крепости, быв назначен губернатором в Бастилью,

приехал за ним и препроводил его в Бастилью, всё также маскированного. Перед сим, маркиз де Лувоа посетил его на сем острове, и говорил с ним стоя, с видом уважения. Неизвестный посажен был в Бастилью, где всевозможные удобности были ему доставляемы. Ему ни в чем не отказывали. Он любил самое тонкое белье и кружева. Он играл на гитаре. Стол его был самый отличный. Губернатор редко садился перед ним. Старый лекарь, часто его лечивший в различных болезнях, сказывал, что никогда не видывал его лица, хотя и осматривал его язык и другие части тела. По словам лекаря, он был прекрасно сложен, цветом довольно смугл. Голос его был трогателен; он никогда не жаловался и не намекал о своем состоянии.

Неизвестный умер в 1703 году и был похоронен ночью, в приходе св. Павла. Удивительно и то, что в то время, когда привезен он был на остров св. Маргариты, никого из важных особ в Европе не исчезло. Невольник сей, безо всякого сомнения, был особа важная. Доказательством тому служит происшествие, случившееся в первые дни его заточения на острове. Сам губернатор приносил ему кушание на стол, запирал дверь и удалялся. Однажды невольник начертал что-то ножем на серебряной тарелке и бросил ее из окошка. Рыбак поднял тарелку на берегу моря и принес ее губернатору. Сей изумился. Читал ли ты, что тут написано, спросил он у рыбака, и видел ли кто у тебя эту тарелку? Я не умею читать, отвечал рыбак, я сей час ее нашел, никто ее не видал. Рыбака задержали, пока не удостоверились, что он в самом деле был безграмотный и что тарелки никто не видал. Губернатор отпустил его, сказав, ступай; счастлив ты, что не умеешь читать — — —

Г. де Шамильяр был последний из министров, знавших эту странную тайну. Зять его, маршал де ла Фельяд, сказывал мне, что при смерти своего тестя он на коленах умолял его открыть, кто таков был человек в железной маске. Шамильяр ответствовал, что это государственная тайна, и что он клялся ее не открывать. Многие из моих современников подтвердят истину моих слов. Я не знаю ничего ни удивительнее, ни достовернее".

Сии строки произвели большое впечатление. Любопытство было сильно возбуждено. Стали разыскивать, разгадывать, предполагать. Иные думали, что Железная Маска был граф de Vermandois, осужденный на вечное заключение будто бы за пощечину, им данную дофину (Людовику XIV). Другие видели в нем герцога де Бофор, сего феодального демагога, мятежного любимца черни парижской, пропавшего без вести во время осады Кандии в 16<69 г.>; третьи утверждали, что он был не кто иной, как герцог Монмуф, и проч. и проч. Сам Вольтер, опровергнув все

сии мнения с ясностью критики, ему свойственной, романически думал или выдумал, что славный невольник был старший брат Людовика XIV, жертва честолюбия и политики жестокосердой. Доказательства Вольтера были слабы. Загадка оставалась неразрешенною. Взятие Бастилии в 1789 году и обнародование ее архива ничего не могли открыть касательно таинственного затворника.

〈1836〉

〈Три повести Н. Павлова〉

〈Москва. В типографии Н. Степанова. 1835.〉

Три повести г. Павлова очень замечательны и имели успех вполне заслуженный. Они рассказаны с большим искусством, слогом, к которому не приучили нас наши записные романисты. Повесть *Имянины,* несмотря на свою занимательность, представляет некоторые несообразности. *Идеализированное лакейство* имеет в себе что-то неестественное, неприятное для здравого вкуса. Может быть то же самое происшествие представляло в разительной простоте своей сильнейшие краски и положения более драматические, но требовало и кисти более сильной и более глубины в знании человеческого сердца.

Аукцион есть очень милая шутка, легкая картинка, в которой оригинально вмещены три или четыре лица. — *А я на аукцион—а я с аукциона*—черта истинно комическая.

Об *Ятагане* скажем то же, что и об *Имянинах.* Занимательность этой повести не извиняет несообразности. Развязка не сбыточна или по крайней мере есть анахронизм — зато все лица живы и действуют и говорят каждый, как ему свойственно говорить и действовать. В слоге г. Павлова, чистом и свободном, *изредка* отзывается *манерность;* в описаниях — близорукая мелочность нынешних французских романистов. Г. Павлова так расхвалили в Московском Наблюдателе, что мы в сих строках хотели ограничить наши замечания одними порицаниями, но в заключении должны сказать, что г. Павлов первый у нас написал истинно занимательные рассказы. Книга его принадлежит к числу тех, от которых, по выражению одной дамы, забываешь идти обедать.

Талант г-на Павлова выше его произведений. В доказательство привожу одно место, где чувство истины увлекло автора даже противу его воли.—В *Имянинах*, несмотря на то, что выслужившийся офицер видимо герой и любимец его воображения, автор дал ему черты, обнаруживающие холопа: 〈„Верьте, что не сметь сесть, не знать, куда и как сесть — это самое мучительное чувство!.. Зато я теперь вымещаю тогдашние страдания на первом, кто попадется. Понимаете ли вы удовольствие

отвечать грубо на вежливое слово: едва кивнуть головой, когда учтиво снимают перед вами шляпу и развалиться на креслах перед чопорным баричем, перед чинным богачем".⟩

Записки Чухина, сочин⟨ение Фаддея Булгарина⟩ etc.

⟨Памятные записки титулярного советника Чухина, или простая история обыкновенной жизни. Сочинение Фаддея Булгарина. СПБ. В типографии Александра Смирдина. 1835.⟩

Г. Булгарин в предисловии к одному из своих романов уведомляет публику, что есть люди, не признающие в нем никакого таланта. Это, повидимому, очень его удивляет. Он даже выразил свое удивление и знаком препинания (!).

С нашей стороны, мы знаем людей, которые признают талант в г. Булгарине, но и тут не удивляемся.

Новый роман г-на Булгарина ни мало не уступает его прежним.

⟨Недовольные, комедия в четырех действиях, сочкнение М. Н. Загоскина⟩

⟨Москва, в тип. Н. Степанова. 1836.⟩

Московские журналы произнесли строгий приговор над новой комедией г-на Загоскина. [Они находят ее пошлой и скучной.] *Недовольные* в самом деле скучная, тяжелая пиэса, писанная довольно легкими стихами. Лица, выведенные на сцену, не смешны и не естественны. Нет ни одного комического положения, а разговор пошлый и натянутый не заставляет забывать отсутствие действия.

Г. Загоскин заслужил благосклонность публики своими романами. — В них есть и живость и воображение, занимательность, и даже веселость, это бесценное качество, едва ли не самый редкий из даров. — Мы наскоро здесь упоминаем о неудаче автора Рославлева, дабы уж более не возвращаться к предмету, для нас неприятному.

⟨Примечание к записке „О древней и новой России"⟩

Во втором № Современника (на 1836 год) уже упомянуто было о неизданном сочинении покойного Карамзина. Мы почитаем себя счастливыми, имея возможность представить нашим читателям хотя отрывок из драгоценной рукописи. Они услышат, если не полную речь великого нашего соотечественника, то по крайней мере звуки его умолкнувшего голоса.

Примечание о памятнике князю Пожарскому и гр<ажданину> Минину

Надпись *Гражданину Минину*, конечно, не удовлетворительна.

Он для нас или мещанин Косма Минин, по прозванию Сухорукой, или думный дворянин Косма Миничь Сухорукой, или, наконец, *Кузьма Минин, выборный человек от всего Московского Государства*, как назван он в грамоте о избрании Михаила Федоровича Романова. Всё это не худо было бы знать, также как имя и отчество князя Пожарского. Кстати недавно в одной исторической статье сказано было, что *Минину дали дворянство и боярство,* но что спесивые вельможи не допустили его в думу и принудили в 1617 году удалиться в Нижний Новгород.— Сколько несообразностей! Минин никогда не бывал бояриным; он в думе заседал, как *думный дворянин*; в 1616 их было всего два: он и Гаврила Пушкин. Они получали по 300 р. окладу. О годе его смерти нет нигде никакого известия; *полагают*, что Минин умер в Нижнем Новегороде, потому что он там похоронен, и что в последний раз упомянуто о нем в списке дворцовым чинам в 1616.

Издатель.

<Заметка об утере адреса подписчика из г. Холма>

Издатель, извиняясь [в своей] неосмотрительности, покорнейше просит особу, подписавшуюся на получение Современника в *гор. Холме*, прислать к нему свой адрес, который затерялся.

ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Записки бригадира Моро-де-Бразе

(Касающиеся до Турецкого похода 1711 года)

В числе иноземцев, писавших о России, Моро-де-Бразе заслуживает особенное внимание. Он принадлежал к толпе тех наемных храбрецов, которыми Европа была наводнена еще в начале XVIII столетия и которых Вальтер Скотт так гениально изобразил в лице своего капитана Dalgetty.

Моро был родом французский дворянин. Вследствие какой-то ссоры принужден он был оставить полк, в котором служил офицером, и искать фортуны в чужих государствах. В начале 1711 года, услыша о выгодах, доставляемых Петром I иностранным офицерам, приехал он в Россию и принят был в службу полковником. Он был свидетелем несчастному походу в Молдавию, и после Прутского мира был отставлен от службы с чином бригадира. Он скитался потом по Европе, предлагал свои услуги то Австрии, то Саксонии, то Венецианской республике, получал отказы и вспоможения, сидел в тюрьме, и проч.

Он был женат на вдове, женщине хорошей дворянской фамилии, и которая для него переменила свое вероисповедание. Она, как кажется, была то, что французы называют une aventurière.* В 1714 году г-жа Моро-де-Бразе была при дворе государыни великой княгини, супруги несчастного царевича, но не ужилась с молодым графом Левенвольдом и была выслана из Петербурга.

В 1735 году Моро издал свои записки под заглавием: Mémoires politiques, amusants et satiriques de messire J. M. d. B. c. de Lion, colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de sa m.

* 〈Авантюристка.〉

czarienne, à Veritopolis chez Jean Disantvrai. 3 volumes.* В сих записках слишком часто принужден он оправдывать то себя, то свою жену. Они не имеют ни прелести Гамильтона, ни оригинальности Казановы; слог их столь же тяжел, как и неправилен. Впрочем Моро писал свои сочинения с небрежной уверенностью дворянина, а смотрел на их успех с философией человека, знающего цену славе и деньгам. „Qui que vous soyez, ami lecteur“, говорит он в своем предисловии: „quelque élevé que soit votre génie, quelques supérieures que soient vos lumières, quelque délicate, enfin que soit votre manière de parler et d'écrire, je ne vous demande point de grâce et vous pouvez vous égayer en critiquant ces amusements, que je laisse à la censure publique; mais en vous donnant carrière à mes dépens et aux vôtres, car il vous en coûtera votre argent pour lire mes ouvrages. souvenez-vous qu'un gallant homme qui se trouve au fond du nord, avec des gens la plupart barbares dont il n'entend pas la langue seroit bien à plaindre, s'il ne savoit pas se servir d'une plume pour se désennuyer en écrivant tout ce qui se passe sous ses yeux. Vous savez qu'il n'est pas donné à tout le monde de penser et d'écrire finement. Sur ce pied vous m'excuserez, s'il vous plaît, s'entend, par la raison qu'il y auroit bien des gens inutiles, s'il n'y avoit que ceux qui pensent et qui écrivent dans le goût rafiné qui s'en mêlassent; vous y perdriez les nouvelles de ces pays perdus, que je vous donne, où les bonnes plumes ne sont pas famillières. Adieu, lecteur mon ami, critiquez; plus il y aura de censeurs, mieux mon libraire s'en trouvera. Ce sera une marque qu'il débitera mon livre et qu'il retirera les fruits de sont travail.

Sunt sanis omnia sana“.**

---

* ⟨Воспоминания политические, забавные, обличительные господина Ж⟨ана⟩ М⟨оро⟩ д⟨е⟩ Б⟨разе⟩ г⟨рафа⟩ Лионского, полковника Казанского драгунского полка и бригадира войск его царского величества, в Веритополисе у Жана Дизан-вре (Истинноградe у Ивана Правдина). 3 тома.⟩

** ⟨Кто бы ты ни был, друг читатель, сколь бы ни был возвышен твой ум, сколь бы ни был ты просвещен, сколь бы ни была, наконец, изыскана твоя манера говорить и писать, — я отнюдь не прошу снисхождения, и ты можешь позабавиться, критикуя эти шутки, которые я выношу на общий суд; но если я даю тебе возможность повеселиться на мой счет и на твой собственный тоже, — ибо чтение моих сочинений будет стоить тебе денег, — помни всё же, что порядочный человек, находящийся на далеком севере, среди людей, по большей части невежественных, языка которых он не понимает, был бы весьма достоин сожаления, если бы не умел владеть пером, чтобы развлечься описанием всего, что происходит перед его глазами. Ты знаешь, что не всякому дано мыслить и писать остроумно. В этом отношении ты меня извинишь, — если, конечно, пожелаешь, — приняв во внимание, что оказалось бы слишком много ненужных людей, если бы только умеющие мыслить и писать изящно занима-

Записки Моро перемешаны с разными стихотворениями, иногда чрезвычайно вольными, большею частию собранными им; ибо он, вероятно, по своей драгунской привычке, располагал иногда чужою литературной собственностию, как неприятельскою.

Впрочем он и сам написал множество стихов. Выпишем несколько строф из его оды к королю Августу, как образец его поэтического таланта.

En quittant le Brabent j'épousai la querelle
Du czar, votre allié, je cru le bien servir,
J'ai même cru longtemps pouvoir lui convenir.
Et quoiqu'il agréa mon zèle,
Je fus contraint de revenir.

Le sang que j'ai versé, les pertes que j'ai faites
D'un équipage entier que je n'ai point gagné
Qui fut par le Turban dans ce combat pillé
Furent les tristes interprètes
Qui m'anoncèrent mon congé.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie
Etranger, sans patron et toujours malheureux,
Je cherche le secours d'un prince généreux
A qui je viens offrir ma vie
Egalement comme mes voeux.

Ne croyez, grand roi, qu'ardent en espérance,
J'ose vous demander plus que mon entretien,
Dans mon état présent, que je ne me sais rien,
Un peu d'honneur pour ma naissance
Un peu de bien pour mon soutient.*

лись этим; ты бы лишился в этом случае доставляемых мною сведений об этих затерянных странах, где искусные перья редки. Прощай, друг мой читатель, критикуй; чем больше будет критиков, тем лучше для моего издателя. Это будет залогом того, что он распродаст мою книгу и извлечет пользу из своего труда. Для здоровых всё здорово.⟩

* ⟨Покинув Брабант, я примкнул к делу царя,
Вашего союзника, и я надеялся, что хорошо ему служил,
Я даже долго надеялся, что мои услуги ему угодны.
И однако, хотя он принял мое усердие,
Я был вынужден его оставить.

Кровь, мною пролитая, понесенная мною потеря
Всего моего багажа, отнюдь мною не заработанного
И разграбленного людьми в тюрбанах во время сражения,—
Таковы были печальные толмачи,
Возвестившие мне мою отставку.

Отосланный без денег из глубины России,
Иностранец, без покровителя и вечно несчастный,

Эти стихи доказывают, что финансы отставного бригадира находились не в цветущем состоянии. Впрочем Август велел выдать ему триста гульденов, и Моро был очень доволен; должно признаться, что ода и того не стоила.

Рассказ Моро-де-Бразе о походе 1711 года, лучшее место изо всей книги, отличается умом и веселостию беззаботного бродяги; он заключает в себе множество любопытных подробностей и неожиданных откровений, которые можно подметить только в пристрастных и вместе искренних сказаниях современника и свидетеля.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie*

Моро не любит русских и недоволен Петром; тем замечательнее свидетельства, которые вырываются у него поневоле. С какой простодушной досадою жалуется он на Петра, предпочитающего своих полудиких подданных храбрым и образованным иноземцам! Как живо описан Петр во время сражения при Пруте! С какой забавной ветренностию говорит Моро о наших гренадерах, qui, quoique russes, c'est à dire peu pitoyables, vouloient monter à cheval pour secourir ces braves hongrois,** на что чувствительные немцы, их начальники, не хотели однако согласиться. Мы не хотели скрыть или ослабить и порицания, и вольные суждения нашего автора, будучи уверены, что таковые нападения не могут повредить ни славе Петра Великого, ни чести русского народа. Предлагаем „Записки бригадира Моро", как важный исторический документ, который не должно смешивать с нелепыми повествованиями иностранцев о нашем отечестве.

Начинаю с замечательнейшего и самого блестящего из событий, коим был я свидетель в этой глухой стороне: именно с войны, объявленной султаном Петру Алексеевичу, императору Великой и Малой России. Но, дабы представить ее в истинном виде, мне должно бу-

Я ищу помощи у великодушного государя,
Которому предлагаю свою жизнь
Вместе с пожеланиями ему счастья.
Не подумайте, великий король, что, питая пылкие надежды,
Я дерзаю просить о большем, нежели о пропитании, —
Нет, в моем нынешнем положении, без гроша за душой,
Я прошу немного чести ради моего благородного происхождения
И немного средств, чтобы поддержать мое существование.〉

* 〈Отосланный без денег из глубины России.〉

** 〈Которые, хоть и русские, следовательно мало жалостливые, хотели сесть на лошадей и броситься на помощь храбрым венгерцам.〉

дет описать предшествовавшие обстоятельства. Позвольте мне обратиться к тому времени, как шведский король Карл XII, восторжествовав над Фридериком-Августом, королем польским и курфирстом саксонским и над его царским величеством,** бросился в Саксонию, возвел на польский престол Станислава, и принудил Августа отказаться от короны с сохранением единого королевского титула. В это время шведский король мог заключить честный и выгодный мир, предлагаемый ему царем. Положение его было самое счастливое: у него было до 40 000 прекрасного войска, обыкшего к боям и целые десять лет избалованного победами; у войска всего было вдоволь: оно обогатилось в Саксонии, не без обиды и притеснений обывателям. Главная цель шведского короля была им достигнута. Фридерик-Август был низвержен. Он мог отделаться от прочих своих неприятелей миром, которого они сами домогались. Вспомним, что Карл XII был главным посредником при заключении Ризвицкого мира. Он мог обезоружить Европу, воюющую за испанское наследство, если бы только объявил себя противником стороне несогласной на общий мир. Даже было о том и предложение, устроенное г-м де Бонаком, французским чрезвычайным послом при его дворе; но герцог Малбруг отвратил удар, прибыв в Саксонию и успев задарить г-на Пипера английским и голландским золотом.*** Сей министр из благодарности разрушил меры, уже принятые для утверждения общего мира, и завлек Карла XII в преследование Петра в пределы областей его царского величества — роковое предприятие, дорого ему стоившее!

Шведский король вышел из Саксонии со всеми своими полками. Он оставил в Польше, для поддержания Станислава, им коронованного, 20 000 войска (в том числе 9000 новоприбывшего из Швеции) под начальством генерала графа Крассау, а сам пошел к Днепру, переправился чрез него, несмотря на все препятствия, и приблизился к самой

* Моро-де-Бразе относится в своих записках к неизвестной даме.

** Должно было прибавить: и над датским королем Фридериком IV, который начал Северную войну и первый почувствовал когти шведского льва.

*** Так вообще думали в Европе. Вольтер с этим не согласен: Il est certain que Charles étoit infléxible dans le dessein d'aller détroner l'Empereur des Russes, qu'il ne recevoit alors conseil de personne et qu'il n'avoit pas besoin des avis du comte Piper pour prendre de Pierre Alexiowitz une vengeance qu'il cherchoit depuis longtemps. — *Histoire de Charles XII.*

〈Достоверно известно, что Карл был непоколебим в своем решении свергнуть с престола русского императора, что он не слушался в этом ничьих советов и не нуждался в увещаниях графа Пипера, чтобы отомстить Петру Алексеевичу, чего он давно добивался. — *История Карла XII.*〉

Полтаве, где его царское величество остановился и укреплялся, предав огню и разорению собственную землю, дабы отнять у неприятеля способы к пропитанию.

Вся Европа видела конец несчастного похода и падение короля, дотоле непобедимого. Войско его было уничтожено или захвачено в плен. Его совет, чиновники, за ним последовавшие, имели ту же участь; сам король, дабы не попасться в руки своим врагам, пробился с тремястами конных в турецкую землю, за Днестр, в соседство буджацких татар и искал убежища в Бендерах.

Это удивительное поражение изменило все его дела не только в Польше, но и в собственном его государстве. Крассау, получив о том известие и не будучи в состоянии держаться долее в Польше, поспешно удалился в Померанию. Станислав за ним последовал, страшась попасть в руки приверженцам Августовым.

Польский король обнародовал манифест, в котором отказывался от мира, им заключенного с Карлом XII, объявляя, что принужден был на оный согласиться, дабы избавить свои наследственные области от насилия шведских войск, разорявших Саксонию, и что министры, им употребленные для переговоров, некстати обязали его и преступили его предписания. Потом явился он в Польше и, поддерживаемый великим гетманом Синявским, имея в своей власти коронное войско и множество приверженцев, он снова вступил на престол и попрежнему признан законным королем.

С другой стороны, король датский, видя, что Карл в Турции, а что войско его уничтожено, и полагая, что ему легко будет завоевать Сканию и далее вступить в Швецию, обратил туда свои войска. Генералы его вторгнулись в сию соседственную область, предмет всегдашней его зависти. Но шведы, большею частию кое-как и кой-где набранные люди, разбили их на-голову. Датское войско бежало, подрезав жилы у ног лошадей, дабы не могли они служить неприятелю, и бросив казну, обоз и артиллерию.

Его царское величество, пользуясь разбитием неприятеля, двинул поспешно полки свои в Лифляндию. Между тем короли датский и польский должны были в одно время войти в Померанию, дабы произвести диверсию и облегчить царю завоевание провинции, которой он давно добивался и от которой он уже успел *отлупить* * Нарву, дабы защитить Петербург — новый, укрепленный городок, выстроенный им на реке *Нерве* (Nérva) в начале войны.

---

* Dont il avoit déjà écorné Narva.

Сего не довольно: новое бедствие поразило Швецию, где в отсутствие короля учрежден был совет из лучших и благоразумнейших голов всего государства: явилась чума в Стокгольме, в Саксонии, в Померании и во всей Лифляндии, где свирепствовала во всей своей силе. В сие-то время его царское величество вознамерился овладеть Лифляндией и начал свои завоевания осадою Риги. Город принужден был к сдаче более чумою, нежели силою оружия и бомбами, которые, без сего божьего наказания, не принесли бы царю великой пользы.

Около сего времени прибыл я в Ригу проситься в службу к его царскому величеству, твердо решившись скорее умереть с голоду, нежели воевать противу отечества моего и вредить его пользе.

Царь, после взятия Риги, поручил князю Меньшикову взять Ревель и Пернау, города укрепленные, имеющие гавани на Балтийском море.

Князь Меньшиков завоевал их тем же средством, каким взята была Рига; чума предала их в его руки и увенчала его лаврами, меж тем как осыпала кипарисом несчастную Лифляндию, Курляндию, Литву и Пруссию.

После Ревеля и Пернау князь Меньшиков, не нашед Выборга достойным своего личного присутствия, отрядил к оному генерал-лейтенанта Брекольса (Brecols)* с достаточным числом войска, а сам отправился в Петербург отдать во всем отчет его царскому величеству.** Он принят был как победитель; его пожаловали губернатором Лифляндии. (Он уже был герцогом Ингерманландским.)

Порта испугалась быстроте сих завоеваний. Султан и его сановники предвидели, что сосед их, если усилится, то нанесет им со временем большие огорчения. Завоевание Азова*** лежало у них на сердце, тем более, что царь в укреплении оного сделал значительные улучшения и содержал в нем морское войско, притесняя тем турецкую торговлю на Черном море, если уж не вовсе ее уничтожая. Сверх того, для защиты Азова и окрестностей оного, Петр выстроил новые крепости. Всё это, при помощи происков шведского короля, понудило Порту объявить войну его царскому величеству. Царь получил о том известие по прибытии князя Меньшикова и по распределении войск по квартирам после столь многотрудной кампании. Он стал не на шутку

---

* Беркгольц, генерал-маиор.

** Всё это писано наобум. Выборг взят был не Беркгольцем, но сдался генерал-адмиралу графу Апраксину, в присутствии самого царя, 11 июля 1710 года. Пернау взят 14 августа того же года не князем Меньшиковым, а генералом Боуром, отряженным из-под осажденной Риги. Ревель взят им же, Боуром, 29 сентября и проч.

*** Asof, sur la Mer-Noire, пишет Моро.

заботиться о приуготовлениях к будущему походу, дабы предупредить, буде возможно, опасного неприятеля, который на него навязывался.

Генерал-лейтенант Беркгольц взял Выборг, но не без потери и не без труда. Царь однако ж, в знак благоволения, прислал ему свой портрет, осыпанный алмазами, и повелел войска, осаждавшие Выборг, Ревель и Пернов (кроме конницы), распределить по сим городам. Всей же коннице, кроме нескольких драгун, приказано идти в Верхнюю-Польшу и в Польскую Россию (dans la Haute-Pologne et dans la Russie Polonaise), где легче было ее продовольствовать нежели в Лифляндии, коей все почти селения опустошены были чумою. *

Около ноября месяца курьер от князя Меньшикова привез уполномоченному генерал-комиссару лифляндскому, барону Левенвольду, приказание собрать рижских дворян и объявить им, что князь через месяц прибудет в Ригу для принятия от них присяги в верности и подданстве его царскому величеству. Между разными новостями князь прислал Левенвольду и условия, недавно предложенные Портою царю, во избежание войны, неминуемой в случае несогласия с его стороны. Я жил у Левенвольда. Мы провожали вместе часы веселия на досуге. Он показал мне эти условия; они состояли из семи статей:

I. Возвратить Азов, а укрепления, вновь приложенные к прежним, также и новые крепости, выстроенные по берегам Черного моря, разорить.

II. Расторгнуть совершенно союз, заключенный с Фридериком-Августом, курфирстом саксонским, и принять Станислава королем польским.

III. Возвратить всю Лифляндию и вообще всё завоеванное русскими шведскому королю, а Петербург разорить и срыть до основания.

IV. Заключить наступательный и оборонительный союз с королями Карлом XII и Станиславом противу Фридерика-Августа, курфирста саксонского, если курфирст возобновит притязания свои на польский престол, им уступленный Станиславу.

V. Казакам возвратить прежнюю вольность и преимущества.

VI. Возвратить *натурой или иначе* всё, что король шведский потерял через Полтавское сражение.

VII. Морское войско и флот отвести к Воронежу и с ним к Черному морю не приближаться.

Если б его царское величество находился в положении шведского короля, то и тут Порта не могла бы предложить ему условия более притеснительные. За то их и не приняли. Стали сильно готовиться к

* Отселе рассказ Моро становится достоверным.

войне, дабы доказать Порте, что его величество не дошел еще до того, чтобы мог выслушивать таковые предложения.

Между тем как царь созывал совет за советом для определения мер, нужных противу столь опасного неприятеля, повсюду приготовляли войско к выступлению в поход по первому приказанию. Посреди сих приуготовлений, и в самое то время, как государь более всего казался озабоченным, курляндский герцог женился в Петербурге на племяннице государя. Брак сей праздновал князь Меньшиков и праздновал по царски. Но молодой герцог так был невоздержан на пирах, данных по тому случаю, и так много пил венгерского (к чему русские привыкли), что шесть дней после свадьбы он занемог на обратном пути в свои владения, на первом ночлеге, и умер чрез пять дней. Об нем очень жалели его подданные и все те, которые имели честь быть с ним знакомы. Многие полагали, что не одно венгерское вино было причиною его смерти, но и наслаждения брачные. Герцог был любезный молодой человек и много обещал.

Несколько времени спустя после погребального его шествия чрез Ригу и Митаву, столицу курляндского герцогства, где должен был он быть похоронен между гробами герцогов, своих предков, князь Меньшиков из Ревеля и Пернова, где принимал он присягу дворянства, прибыл в Ригу для той же церемонии. В три дня князь привел к концу препоручение, на него возложенное, и возвратился в Петербург.

Его царское величество отправил из Петербурга своих генералов, каждого к своей дивизии, и повелел генерал-фельдмаршалу графу Шереметеву вывести в поле полки, назначенные к походу, и самому следовать за ними к Днестру, где вся армия должна была собраться.

С другой стороны, повелел он адмиралу и виц-адмиралу, находившимся при его особе, ехать в Азов, а сам отправился в Москву. Там осмотрел он рекрутов, набранных по его повелению, и отправил их к Смоленску, где их ожидал отряд, дабы препроводить в Подолию для распределения по полкам. Царь потом занялся последними приуготовлениями, отправил казну и сам наконец поехал в Польшу, поручив князю Меньшикову надзор над неприятелем в Лифляндии.

24 февраля 1711 года дивизия князя Репнина, стоявшая около Ревеля и Пернова, выступила в поход к Подолии, назначенной сборным местом для всех войск. Барон Алларт, один из искуснейших генералов его царского величества, выступил из Литвы с своею дивизией; то же сделали генералы Вейде и барон д'Энгсберг.

Имев честь быть приняту полковником Казанского драгунского полка и бригадиром войска его царского величества, получил я прика-

зание ехать в свой полк и к своей бригаде, находившейся в Польской России на зимних квартирах. Я имел дозволение взять из Курляндии драгунов, сколько мне их понадобится, для доставления всего нужного мне и людям моим во время столь долгого пути: от Риги до Сороки, что на Днестре, к стороне Молдавии, где соединилась армия, считается 266 немецких миль, или 532 французских лье. Я повиновался данному мне приказанию и отправился в эту дальнюю дорогу с двадцатью только драгунами. Я ехал на Митаву, Вильну, Новогрудск, Слуцк, Давидоградск (от коего в шести французских лье переправился через Днепр, реку опасную, не имеющую берегов, и разливающуюся направо и налево, на расстояние нескольких лье), потом на Полоны, Острог, Мазибушь, Леополь, Замосц, Тарнаполь, Сатаноп и Шарград (Разград?), где настиг я армию. Сей последний город был некогда весьма обширен и имел знатную торговлю. Но во время войн Польши с Портою турки его опустошили; теперь одни развалины свидетельствуют о том, чем был он прежде.

Генерал-фельдмаршал граф Шереметев, вследствие своих повелений, нашел в Бродах всю свою кавалерию, собранную начальником оной, генералом Янусом. Фельдмаршал пошел к Могилеву с нею и с пехотными полками Ингерманландским и Астраханским, сопровождавшими его от самой Риги. Тут и переправился он через Днестр в трех разных местах и занял Молдавию. Господарь отложился от Порты, передался фельдмаршалу и привел к нему до шести тысяч плохой молдавской конницы; их всадники большею частию вооружены стрелами или полупиками, подобно казакам; все они ужасные воры.

Дивизия генерала Алларта достигла Днестра, первая изо всей пехоты. Вслед за ним прибыли в тот же день генералы Брюс и Гинтер со всею артиллерией и своими полками. Барон Алларт переправился чрез Днестр на понтонах и поспешил занять укрепление в Сороке, чему никто и не думал воспротивиться.

Сорок пять лет перед тем, крепость эта выдержала славную осаду. 40 000 турок и 40 000 татар, под предводительством сераскира, принуждены были, после шестимесячных тщетных усилий, со стыдом отступить, покинув лагерь и всю артиллерию, за что сераскир заплатил своею головою.

Генерал Алларт нашел хорошие подземельные погреба, несколько сабель, несколько боченков пороху, но мало съестных припасов.

Il y ordonna des ouvrages extérieurs qu'il traça lui-même et un pont sur le Niester qui eut pour tête le chateau fort bon pour le pays et deux doubles tenailles en queue.*

Генерал Алларт, сверх многих других достоинств, есть один из лучших инженеров своего времени. Он умеет искусно разведать местные обстоятельства, расположиться лагерем, воспользоваться выгодами и начертать верную карту театру войны.

Покамест, по его приказанию, войско занималось работами, генерал-лейтенант Брюс переправил артиллерию под прикрытием неразлучных с нею полков канонерских и бомбардирских; он расположил свой парк влево от укрепления, на полуострове, образуемом рекою.

30 мая дивизия генерала Адама Вейде заняла днестровские высоты в получасе от Сороки, в прекрасной долине, куда прибыл в тот же день генерал барон Денсберг. На другой день, 31 мая, генерал князь Репнин стал там же на левой стороне линии.

Его царское величество из Москвы отправился в польский Ярослав, где, по просьбе его, собраны были королем польские сенаторы, с тем, чтобы принудить, если возможно, республику соединиться с Россиею противу неверных. Но сенаторы решили иначе: положено было республике, держась условий Карловицкого мира, никаким образом не мешаться в эту новую войну, ибо довольно было ей и своих междоусобий.

Не успев в своем намерении, государь отправился в армию в сопровождении генерала Рене, остававшегося в окрестностях Ярослава с частию конницы для охранения особы его величества.

12 июня** (ст. стиля) государь прибыл на берег Днестра с императрицею, с своими министрами, с казною, с Преображенцами и Семеновцами (les Breobrasenski et Simonowski), своею гвардиею; полки сии, хотя пехотные, но в походе садятся на конь и идут с литаврами, штандартами и трубами (тожь и Ингерманландский и Астраханский). В лагере или в городе им возвращают барабаны.

13 июня, по утру, его величество делал смотр пехоте; после обеда посетил он мост, уже оконченный попечениями генерала Алларта, так-

---

* ⟨Он приказал соорудить внешние укрепления, план которых сам начертил, и мост через Днестр, упирающийся в укрепление, достаточно хорошее для этой местности, и замыкающийся с другого конца двумя двойными тенальными укреплениями.⟩

** У Моро поставлено здесь 2 июня: ошибка или опечатка. В журнале Петра Великого сказано: „во 12 день (июня) прибыли (их величества) с гвардией к реке Днестру, где случились с пехотными дивизиями генерала Вейде и Алларта“; отселе и от того же числа Петр написал несколько писем.

же и новые укрепления Сороки. Государь был очень доволен. Потом осмотрел он артиллерию и возвратился в свой лагерь.

14-го был у его величества большой военный совет; на нем присутствовали все генералы, которые могли только приехать. И на сем-то совете предприняты были государем, по внушению его министров и русских генералов, меры, произведшие бедствия, которые можно было избежать, если б обратили порядочное внимание на положение, в коем находилось войско, на местные обстоятельства и на состояние земли, в которую готовились вступить; одним словом, если бы его величество согласился с мнением своих *немецких* генералов,* которые, кроме его славы и пользы, ничего в виду не имели.

Прежде нежели опишу то, что произошло на знаменитом этом совете, я должен дать вам понятие о состоянии армии. Трудно поверить, чтобы столь великий, могущественный государь, каков без сомнения царь Петр Алексеевич, решившись вести войну противу опасного неприятеля, и имевший время к оной приготовиться в продолжение целой зимы, не подумал о продовольствии многочисленного войска, приведенного им на Турецкую границу! А между тем, это сущая правда. Войско не имело съестных запасов и на восемь дней, и могло, если оных не находилось в Молдавии, быть уничтожено не неприятелем, а голодом. Это затруднительное положение известно было всем; генералы, министры, сам государь это знал: комиссары посланы были им в Венгрию для закупки быков, а в Украйну для забрания баранов и муки.

Совет, собранный его величеством на берегу Днестра, и который решил судьбу всей кампании, составляли: великий канцлер граф Головкин, барон Шафиров и господин Сава (Рагузинский) — все трое тайные советники (то же, что во Франции министры), генерал Рене, князь Репнин, Адам Вейде, князь Долгорукий и Брюс (все генералы или лейтенант-генералы). Они составляли партию русских. Партию немцев составляли генералы: барон Алларт и барон Денсберг и лейтенант-генералы барон Остен и Беркгольц. Это разделение на две партии в России признано всеми. Русские, когда им везет, и слушать не хотят о немцах; но коль скоро по своей неопытности попадут они в беду, то уже ищут помощи и советов у одних немцев, и русская партия прячется со стыдом и унынием; ее не видать и не слыхать.

---

* Иностранных. См. далее объяснение самого Моро. Как заметно, что здесь говорит иностранец, приверженный к своей партии.

Стали рассуждать о том, что надобно было делать. Войско было собрано, а о турках было не слыхать, как будто бы в мирное время. Правда, несколько тысяч буджацких татар несколько времени пред сим учинили набег на Русскую Украйну и на землю казаков (en Cozaquie), где они пожгли и ограбили селения, отогнали скот и захватили людей; но при приближении наших полков они уже не смели показываться, и лагерь наш был в совершенном спокойствии. Генерал-фельдмаршал граф Шереметев, стоявший близ Ясс, в самой Молдавии, был точно в том же положении.

Совет начался. Немецкие генералы первые имели честь предложить свое мнение. Они полагали нужным оставаться на берегах Днестра, по двум важным причинам: во-первых, для узнания неприятельских намерений; во-вторых, дабы дать армии отдохнуть после долгого похода. Они представили, что съестные запасы, без которых никакая армия не может существовать, могут быть без больших расходов доставляемы по Днестру; что можно будет устроить магазины в Польше; что, занимая берега Днестра, не должно, однако, оставаться в бездействии, но что, напротив того, надобно идти к Бендерам, которые взять можно в скором времени, укрепить и сделать из них и крепость, и военный магазин en y établissant un pont de communication;* что Сорока, находясь уже во власти его величества и будучи укреплена, есть также крепость и магазин; что то же самое можно сделать и в Могилеве (на Днестре), и что таким образом его величество будет иметь три входа в Молдавию при всех трех переправах через Днестр, и три магазина для своих войск; что турки, будучи принуждены проходить степью, потеряют лошадей, прежде нежели до нас достигнут; что им почти невозможно будет взять наши крепости, защищаемые многочисленным и исправным войском; что вероятно не решатся они их осадить, и того менее переправляться через Днестр и строить мосты в присутствии войск его величества; что если его величество в настоящих обстоятельствах захочет ввести армию свою в Молдавию, то он может ее лишиться и помрачить славу свою; что, по показанию сорокинских жителей, должно, по крайней мере, пять дней проходить необитаемую степь, где нельзя найти ни воды, ни хлеба; что сторона, находящаяся за степью, не изобилует хлебом, ибо оного недостаточно даже на продовольствие жителей, хотя та часть Молдавии мало заселена; что если в Яссах и по ту сторону сего города и было чем продовольствоваться, то наша конница, стоящая там, в три недели, вероятно, всё уже потребила; что пример шведского

* ⟨Наведя там мост для сообщения.⟩

короля слишком еще свеж, и что не должно отважиться сделать ошибку еще важнейшую, углубляясь в незнакомую землю, о коей все доселе получаемые сведения ничего благоприятного не предвещают.

В заключение, немцы просили его величество быть уверену, что, представляя ему дело, каково оно есть, они не имели ничего в виду, кроме его собственной славы; что когда займем мы берега Днестра и устроим магазины, турки, покусясь на что бы то ни было, утратят свои силы все или отчасти, между тем как его величество, имея тыл свой свободным, усилит свои войска, будет в состоянии с пользою употребить полки, оставленные в Польше, и после кампании уже безо всякого препятствия проводить неприятеля в его собственную землю и там расположится по своей воле и приготовится к завоеваниям, прежде нежели турки успеют выдти из зимних своих квартир.

Мнение сие было самое здравое; но русские ему воспротивились. Генерал Рене, хотя родом и курляндец, но по положению своему придерживающийся стороны министров, возразил, что неприлично было бы его величеству защищать реку с такими прекрасными войсками; что в случае истощения запасов, должно будет их достать в самой неприятельской земле; что области греческие, по примеру молдавского господаря, готовы были возмутиться при первом вступлении наших полков в турецкие границы; что, по донесениям генерал-фельдмаршала графа Шереметева, за степью до Дуная армию можно будет продовольствовать; что стыдно было бы тратить деньги на построение магазинов, когда можно делать это за счет неприятеля; что надобно войти и углубиться в турецкие земли; что турки будут полууничтожены уже и тем, что увидят сильное войско его величества посреди их областей, готовое предписывать им законы; что пример шведского короля здесь вовсе нейдет; что полки наши те же самые, которые разбили его и готовы разбить турков; что таково его мнение, и что славнейшего и полезнейшего способа его царскому величеству избрать невозможно.

С сим мнением согласились русские министры и генералы, и как оно льстило и честолюбивым видам государя, ему охотно последовали, и вопреки благоразумному мнению немцев положено было переправиться через Днестр и войти в степи.

Рассуждая о сем движении, все мы сильно обвиняли тех, которые его присоветывали его величеству. Ясно было, что государь принужден будет отступиться от своих намерений. Но зная, что русский народ склонен к спокойствию, ленив и не любит военных трудов, мы уверены были, что царские министры, опасаясь слишком продолжительной войны,

нарочно завлекали государя в неудачу, дабы уменьшить в нем пыл воинский и принудить его к покою. Таково было, по крайней мере, мнение почти всех иностранцев.

---

16 июня, рано утром, дивизии генералов Алларта и Денсберга выступили в поход; 17-го его величество с Преображенцами, Семеновцами, своими министрами и всею свитою пошел в авангард и вступил в степи. За ним следовал генерал-поручик Брюс с артиллерией. Арьергард составляли дивизия генерала Вейде и конница, приведенная из Ярославля генералом Рене и которую его величество поручил в мое начальство, приказав мне следовать за ним. Дивизия князя Репнина осталась в Сороке для окончания работ и для принятия запасов, которые, по приказанию его величества, должны были быть туда доставлены.*

Генералы Алларт и Денсберг, вышед из степей, прибыли в лагерь генерал-фельдмаршала, который находился в трех миллях от Ясс на выгодном местоположении.

Его величество не долго томился в пустынях; маршируя днем и ночью, достигнул он прекрасной долины, орошаемой Прутом, где и расположил свой лагерь тылом к реке. Он тотчас отправил бочки с водою, на собственных подводах и на лошадях свиты своей, полкам, идущим по степям. Но сие пособие принесло им более вреда, нежели пользы. Солдаты бросились пить с такою жадностию, что многие перемерли. Мы лишились множества людей от безводицы. Жары нестерпимы в сих местах, где видно только небо да горы раскаленного песку, без деревьев, без жителей и без воды.**

Дивизия Вейдова и артиллерия, после шестидневного перехода чрез ужасные сии пустыни, соединилась с лагерем его величества. 23 июня государь ездил осматривать лагерь генерал-фельдмаршала и принял в подданство молдавского господаря. С ним было только триста рейтаров. Он пожаловал господарю свой портрет, осыпанный алмазами (что впоследствии времени пригодилось сему турецкому даннику). В тот же вечер его величество возвратился в свой лагерь, а на другой день приказал наводить два моста на Пруте.

---

* В журнале Петра Великого сказано: „и стояли тут (при городке Сороке) Аллартова дивизия до 20-го июня, а Вейдова и князя Репнина до 22“.

** Степи Буджацкие не песчаные; они стелются злачной, зеленой равниною, усеянною курганами. Моро здесь пользуется правом рассказчика. Правда, что в 1711 году эти степи были голы: трава съедена была саранчею.

Здесь спокойно оставались мы от 22 до 29 июня, как будто в самое мирное время, ожидая запасов, которые князь Репнин должен был доставить и привезти. 26 фельдмаршал и господарь посетили его императорское величество. Войско стояло в строю. Им отдали честь по всему фрунту, и сам государь салютовал саблею, стоя перед Преображенским полком, как генерал-поручик своей армии.

Они приглашены были на торжество, празднуемое ежегодно его величеством в память Полтавского сражения, случившегося 27 июня, по старому стилю.

Все генералы с утра явились к его величеству, дабы вслед за ним отправиться в артиллерийскую церковь, где отслушал он обедню и где придворный священник * целых полтора часа говорил проповедь, им сочиненную на случай сего счастливого дня.

Полки выстроены были в боевом порядке и составляли три фаса одного каррея: артиллерия занимала четвертый. После обедни стрельба началась с правой стороны артиллерии и продолжалась по всем фасам; полки стреляли по мере приближения к ним огня. После того все генералы следовали за его величеством к его палаткам, где, в земле, был утвержден стол необыкновенной длины, и за которым насчитал я до ста десяти кувертов с каждой стороны.

Его величество находился в центре стола. По правую руку сидел молдавский господарь, по левую граф Головкин, министры, барон Шафиров и Сава (Сава Владислав Рагузинский); на углах стола генералы, генерал-поручики, генерал-маиоры, бригадиры и полковники и прочие, каждый по своему чину, поместились за этим же столом. Кроме венгерского вина, ничто мне не понравилось. Оно было отличное, то есть то, которое доходило до меня, ибо полковники, сидевшие ниже, пили другое, а подполковникам подносили особливо, капитанам еще хуже и так далее. (Что показалось мне скупостию, недостойной великого государя.) Капитаны Преображенские и Семеновские разносили вина: каждый прислуживал шести персонам, имея в своем распоряжении трех слуг для перемены стаканов и бутылок. Тут-то, милостивая государыня, вино льется как вода; тут-то заставляют бедного человека, за грехи его, напиваться, как скотину. Во всякой другой службе пьянство для офицера есть преступление; но в России оно достоинство. И начальники подают тому пример, подражая сами государю.**

---

* Феофан Прокопович.

** В старину пили не по нашему. Предки наши говаривали: пьян да умен — два угодья в нем. Впрочем, пьянство никогда достоинством не почиталось. Петр I, указав

Императрица, с своей стороны, угощала армейских дам. Почти все иностранные генералы имели с собою своих жен и детей, по той причине, что в случае разлуки срок свидания неизвестен, и что, по недостатку почты, никто от своих не получает известия. Если же и придут письма, то генералы и министры имеют похвальную привычку никогда их не отдавать. Можно переписываться только чрез министров иностранных, но не всегда можно быть с ними в сношении. Я говорю по собственному опыту: в течение четырнадцати месяцев я только мог однажды писать к моей милой графине (которая оставалась в Данциге), и то через барона Лоца, посланника короля польского при дворе его царского величества.

Мало дам явилось к императрице. Генеральша Алларт и генерал-маиорша Гинтер одни представлялись к ее величеству и были милостиво приняты.

Обед государя продолжался целый день, и никому не позволено было выдти из-за стола прежде одиннадцатого часу вечера. Пили, так уж пили (on y but ce qui s'appelle boire). Всякое другое вино наверно меня убило бы, но я пил настоящее токайское, то же самое, какое подавали и государю, и оно дало мне жизнь.

Около пяти часов вечера один из адъютантов князя Репнина привез письма к его величеству. Генерал давал знать, что 4000 быков, 8000 баранов и 800 маленьких польских тележек с рожью, мукою (et de grit) отправлены были к нам. Государь тут же распределил, что куда доставить, и приказал тот же час отправить часть в лагерь генерал-фельдмаршалу.

---

28 июня мосты были готовы. Артиллерия потянулась через Прут по мосту, назначенному для двора. Вейдова дивизия переправилась по другому, назначенному для войск, и расположилась лагерем в Ясской долине, в двух милях от прежнего лагеря.

29 июня (по нашему приходится 10 июля, ибо русские держатся еще старого стиля), в день святого Петра, в именины его царского величества, я, следуя обычаю, со всеми генералами пришел поздравить государя. Он принял милостиво наши приветствия и всех нас оставил у себя обедать. Государь празднует и этот день, и обедает с своими министрами и офицерами, когда находится в своей армии.

Около пяти часов генерал-фельдмаршал граф Шереметев приказал мне, чтобы я послал моего адъютанта, стоявшего за мною, посадить

содержать при монастырях офицеров, отставленных за болезнями, именно исключает больных от пьянства и распутства.

кавалерию мою нà-конь и велел ей идти вперед к своему лагерю с моим экипажем. Фельдмаршал сказал мне, что мне нужны будут только мои лошади, что я останусь при нем и что он берется быть моим вожатым. Я отдал приказ адъютанту. Кавалерия была в порядке, а экипаж мой заложен. У русских обыкновенно употребляются телеги, ибо вьючные лошади и лошаки не могли бы выдержать обыкновенные походы их войск (5 à 600 lieux).

Накануне знали, что близ лагеря фельдмаршальского произошло маленькое сражение. 20 000 татар показались на утренней заре и ударили (врассыпную, по своему обычаю) на передовой пикет, составленный из 600 человек конницы, под начальством подполковника Ропа (de Roop) конно-гренадерского полка моей бригады. Неприятель пробился сквозь отряд, несмотря на все старания командира. Число превозмогло, отряд был окружен отовсюду. Один капитан, родом из Лотарингии, наделал тут чудеса и был убит, к сожалению всех офицеров, знавших его. Подполковник взят был в плен, и убито 250 рядовых. Всё это произошло в виду бригадира Шенсова * (Chensof), родом русского, который был отряжен с 2500 человек конницы на подкрепление Ропа и не сделал ни малейшего движения.

Генерал Янус, начальствующий в отсутствие фельдмаршала, при сем случае сделал всё, что только было возможно, чтоб исправить сию неудачу и предупредить большее несчастие. Он велел выехать четырем конно-гренадерским полкам и всячески старался уговорить бригадира Шенсова, чтоб он, по крайней мере, хоть показался неприятелю. Но офицер сей отвечал, что он получил приказание охранять лагерь, а не искать неприятеля. Наши конно-гренадеры рассеяли эту сволочь и освободили лагерь (le front du camp). **

Никогда генерал Янус не говорил мне без бешенства об этом происшествии и о маневре бригадира Шенсова. А еще должно глотать такие пилюли не морщась и не жалуясь, потому что его величество и фельдмаршал неохотно выслушивают жалобы и не любят видеть ясные доказательства, чтобы у кого-нибудь из русских недоставало ума или храбрости. ***

---

* Таковой фамилии нет ни в книгах нашего дворянства (старинного), ни в списках офицеров того времени. Кажется, дело идет о Шневищеве, одном из начальников драгунских полков, набранных в 1699 году.

** ⟨Передовые линии лагеря.⟩

*** Благодарим нашего автора за драгоценное показание. Нам приятно видеть удостоверение даже от иностранца, что и Петр Великий и фельдмаршал Шереметев принадлежали партии *русской*.

Как войска скоро соединятся, то позвольте, милостивая государыня, исчислить вам их силы и познакомить вас с генералами, которые начальствовали полками.

Главнокомандующий — генерал-фельдмаршал граф Шереметев. (Его величество во время дела занимает место генерал-лейтенанта.)

Дивизия Вейдова состояла из 8 пехотных полков, каждый из 1400 человек состоящий. Всего 11 200 человек; начальниками оной были: генерал Вейде, генерал-лейтенант Беркгольц (Brecols), генерал-маиоры Голосин (Goloccin) и де-Буш, и бригадиры граф Ламберти и Боэ.

Дивизия Репнина, состоящая из такого же числа полков и людей. Начальники оной: генерал князь Репнин, генерал-лейтенант князь Долгорукий, генерал-маиоры Альфендель и Бом и бригадиры Буш и Голицын.

Дивизия барона Алларта, во всем равная двум первым, была под начальством генерала Алларта, генерал-лейтенанта барона Остена и бригадиров Стафа и Лессе.

Дивизия барона Денсберга, также равная другим, находилась в команде генерала барона Денсберга и бригадира барона Ремкимга (Remquimgue), его зятя.

Не худо заметить, что русские дивизионные начальники имели комплектное число подчиненных им генералов; немцы же оного не имели; особенно барон Денсберг, у которого не было ни генерал-лейтенантов, ни генерал-маиоров, а только один бригадир, зять его. Это происходило от черного коварства генерал-фельдмаршала, не любившего иностранцев, какой бы нации ни были, и не подавшего им никакой помощи, нарочно для того, чтоб вводить их в ошибки и чтоб иметь случай упрекать его царское величество за привязанность его к иноземцам. Однако ж барон Денсберг есть тот самый, который с таким великодушием и храбростию защищал Кельскую крепость, осаждаемую герцогом Виллером в начале прошедшей войны. Он доказал, что был достоин начальствовать не только двенадцатитысячным отрядом, но и целыми армиями.

Полки Преображенский, Семеновский, Ингерманландский и Астраханский составляли 15 баталионов, всего 15 000 человек, и были под начальством самого его царского величества, генерал-лейтенанта князя Голицына и бригадира графа Шереметева (сына фельдмаршала); сюда же принадлежали полки канонерский и бомбардирский, каждый из 1500 человек состоявший.

Дивизия генерала Януса, состоявшая из 8 полков, каждый из 1000 человек, была под начальством помянутого генерала, генерал-маиоров Волконского и Вейсбака и бригадиров Моро-де-Бразе, графа Лионского, и Шенсова.

Дивизией Рене, равной по числу полков и людей, начальствовали генерал Рене, генерал-маиоры Витман и Шариков (Chericof), самый образованный, вежливый и любезный изо всех мне знакомых русских, и два бригадира.

Еще один драгунский полк, составлявший гвардию князя Меньшикова, не соединился с армией и остался в Яссах с 2000 избранных фузиляров, между тем как войско двинулось в Молдавию.

Гвардейский эскадрон его царского величества, состоящий из 300 рейтаров (maîtres, reitres?), сопровождал государя в его поездках и другой службы не нес.

Все сии отряды составляли на Днестре 79 800 наличного войска. Каждый полк был укомплектован призванными рекрутами.

Артиллерия состояла из 60 пушек разного калибра, от двадцати до четырехфунтовых, из 16-ти понтонов на телегах и из 200 подвод с ящиками пороховыми, не считая телег, нагруженных бомбами и ядрами.

Кроме сей артиллерии, в каждом полку пехотном и конном находились четыре малые орудия двух и трехфунтовые. Они всегда следуют за полком с малыми своими ящиками и с нужными офицерами. Их зовут корпусными детьми (ce qu'ils appellent les enfants des corps). *

При каждом полке находятся также малые телеги с аммуницией, которая, в случае нужды, всегда под рукою, что очень хорошо придумано и достойно похвалы.

Таковы были силы его царского величества. Здесь не считаю 10 000 казаков и 6000 молдаван, годных только для опустошения земли, как и татаре. Сей армии было бы весьма достаточно, чтобы управиться с турками, если б ею хорошо предводительствовали, если б во время ввели ее в неприятельские земли и если б ее не разделили, как впоследствии увидите.

29 июня его царское величество сидел за столом до семи часов вечера. Встав изо стола, держал он совет. Генерал Рене предложил отрядить 15 000 человек в Валахию, хорошую сторону, в которой всего было много и которая могла продовольствовать армию. Он утверждал, что валахский воевода, ** будучи одной нации и одного исповедания с молдавским господарем, не замедлит покориться, соединит войско свое с войсками его величества и доставит нам жизненные запасы.

Генерал-поручик Беркгольц был единственный немец на сем совете. Он сильно воспротивился предложению генерала Рене, по причине той,

* Кадеты?

** Бранкован, господарь Валашский, еще прежде Кантемира был с Петром в переговорах и обещал ему с ним соединиться.

что турки побеждали всякий раз, как против них войска действовали отдельно. Он привел в пример принца Карла V (Лотарингского), который во второй поход, после снятия Венской осады, разделил на четыре отряда свое войско, дабы удобнее оное продовольствовать, и видел, как турки разбили все четыре отряда один за другим, не могши подать им никакой помощи. Но все его рассуждения пропали втуне. Было положено отрядить войско, а начальство поручено генералу Рене, как подавшему первый на то совет. Кроме сих 15 000 отряженных в Валахию * 4000 должны были оставаться в Сороке, дабы сберегать нам отступления и для сопровождения провианта, в случае, если б мы остались в Молдавии: 2000 в Могилеве, через который можно было воротиться в случае неудачи, да 3000 в Яссах, для охранения Молдавии и для удержания жителей в повиновении.

Фельдмаршал с 9-ти часов вечера сел верхом, и я, вслед за ним, прибыл в его лагерь. Господарь остался с его царским величеством. Он был среднего роста, сложен удивительно стройно, прекрасен собою, важен и с самой счастливой физиономией. Он был учтив и ласков; разговор его был вежлив и свободен. Он очень хорошо изъяснялся на латинском языке, что было весьма приятно для тех, которые его разумели.

Мы догнали мою конницу в версте от фельдмаршальского лагеря, куда и прибыли в 4 часа утра. Тут увидел я в первый раз летучих кузнечиков (саранчу). Воздух был ими омрачен: так густо летали они. Не удивляюсь, что они разоряют земли, через которые проходят, ибо в Молдавии видел я иссохшее болото, покрытое высоким тростником, который съеден был ими на два вершка от земли.

Остальной лагерь его величества перешел через Прут 30 июня. Мост, через который переправился государь с своею свитою, был тотчас разобран; другой оставлен под охранением 500 гренадеров для дивизии князя Репнина, которую ожидали.

Фельдмаршал, возвратясь в свой лагерь, велел призвать бригадира Шенсова и высказал ему всё, что заслуживало его гнусное поведение, о котором донесено ему было при его приезде одним драгунским полковником моей бригады. Он приказал бригадным маиорам отрядить по 20 человек с каждой бригады для устроения двух мостов, находившихся в тылу нашего лагеря, дабы ему беспрепятственно можно было, в случае нужды, идти соединиться с его величеством. Это стоило труда, потому что мосты наведены были на малых челнах, из выдолбленных пней, кое-как собранных по берегам Прута. Медные понтоны оставались при

* У Рене было восемь драгунских полков (5056), баталион Ингерманландцев, да 5000 молдаван.

его величестве для надобностей его собственных. Того же самого числа (30 июня) генерал Рене прибыл к фельдмаршальскому лагерю и собрал полки, долженствовавшие идти в Валахию под его начальством. Он выступил на другой день по утру и уже в армию не возвращался. Он соединился с кавалерией уже в Польской России после кампании, когда армия там отдыхала.

В лагере его царского величества и в фельдмаршальском оставались в бездействии до самого 7 июля. В сей день фельдмаршал получил от государя приказание оставить постепенно лагерь и перевести свою малочисленную армию за реку, находившуюся у него в тылу. Фельдмаршал ездил осматривать долину, назначенную им для нового лагеря, и, возвратясь, в тот же день отдал в приказе, что полки станут переправляться один после другого во избежание смятения, могущего произойти на мостах в случае, если войска выступят все в одно время.

Генерал Янус, на которого возложено было исполнение сего, взял с собою бригадира Шенсова, дабы, в случае нападения от неприятеля во время переправы, иметь достаточную причину не употреблять офицера столь ненадежного. Он оставил его у моста, с двумя маиорами и 20-ю драгунами, для надзирания за исправностию в исполнении приказов.

8 июля, на утренней заре, экипаж барона Денсберга, с несколькими полками, переправились по мосту, назначенному для пехоты. Между тем, экипажи генерала Януса потянулись было по мосту, назначенному для кавалерии. Но фельдмаршал, сам заблагорассудив оставить лагерь, приказал переправить прежде свои, а остальным экипажам генерала Януса не позволил переправиться прежде полков Астраханского и Ингерманландского с их обозами. Фельдмаршал во всяком случае рад был делать неприятность иностранным генералам.

9 июля с утра войско и обозы потянулись и только малая часть успела переправиться, как более 30 000 татар явились перед лагерем. Войско остановили и тотчас выстроили в боевом порядке, под прикрытием рогаток. Пикет отозвали; по приказанию генерала Януса, два баталиона гренадер поставлены были на оба фланга и в сем расположении стали ожидать приближения татар, дабы угостить их картечью из тридцати орудий. Фельдмаршал, генерал барон Денсберг, генерал-лейтенант барон Остен и бригадир барон Ремкимг приехали из нового лагеря, где они находились с прошедшего дня. Фельдмаршал был очень доволен мерами, принятыми генералом Янусом для защищения старого лагеря в случае нечаянного нападения. Он отослал генерала Денсберга с его бригадиром к новому лагерю, для охранения оного, а в старом оставил только генерал-лейтенанта

Остена под начальством генерала Януса, с полками, не успевшими еще переправиться. Их было довольно против и вдвое большего числа татар.

Но как они час от часу умножались, то фельдмаршал приказал казакам и молдаванам (находившимся в новом лагере) прогнать и преследовать неприятеля. Они пустились с быстротою неимоверною, но которая час от часу более и более ослабевала. С обеих сторон всё кончилось скаканием, да кружением.

Один капитан, родом венгерец, вступивший в службу его царского величества, так же как и многие из его соотечественников, после падения его светлости принца Рогоци, находился в лагере с несколькими венгерцами, в надежде быть употребленным в дело. Он уговорил отряд казачий поддержать его, обещаясь доказать, что не так-то мудрено управиться с татарами. Казаки обещались от него не отставать. Он бросился с своими двенадцатью венгерцами в толпу татар и множество их перерубил, пробиваясь сквозь их кучи и рассевая кругом ужас и смерть. Но казаки их не поддержали, и они уступили множеству. Татары их окружили, и все тринадцать пали тут же, дорого продав свою жизнь; около их легли 65 татар, из коих 14 были обезглавлены. Всех менее раненый из сих храбрых венгерцев имел 14 ран. Все, бывшие, как и я, свидетелями их неуместной храбрости, сожалели о них. Даже наши конные гренадеры, хотя и русские, т. е. хоть и не очень жалостливые сердца, однако ж просились на коней, дабы их выручить; но генерал Янус не хотел взять на себя ответственности и завязать дело с неприятелем.*

Пока татаре привлекали на себя наше внимание, генерал Янус, предвидя, что наше отступление могло быть обеспокоено еще большим числом татар и даже самими турками, приказал переправить все корпусные экипажи, всех лошадей драгунских и прочей кавалерии и остальные экипажи офицеров, дабы тем удобнее отступить до нового лагеря теснинами, ведущими к мостам, что и производилось во весь тот день и в ночи.

Между тем татаре, не видя никакого движения в лагере, где полки наши стояли всё еще в боевом порядке за рогатками, ожидая смело их нападения, около третьего часа пополудни отступили, наскакавшись вдоволь, и, таким образом, дали генералу Янусу возможность безопасно переправиться в новый лагерь, куда вступил он самый последний (10 июля).

---

* Кажется, русские варвары в этом случае оказались более жалостливыми, нежели иностранцы, ими предводительствовавшие.

Он приказал разобрать оба моста и караулить лодки. По нашу сторону реки они могли пригодиться. К ним нарядили капитана с двумястами гренадер.

Того же дня фельдмаршал отдал приказ отрядить по 200 человек с бригады для делания фашинных мостов через большой и глубокий ручей, называемый Малым Прутом и протекавший во сте шагах от нашего нового лагеря, дабы в случае нужды можно было тотчас выступить.

Мосты поспели к полудню 11 июля. В 5 часов вечера один из генерал-адъютантов его царского величества привез фельдмаршалу приказ, вследствие коего мы 12 июля оставили лагерь, и в одной миле от оного нашли его царское величество. Вся армия там соединилась и таким образом расположилась вся на одной линии. Царь с полками: Преображенским, Семеновским, Астраханским и Ингерманландским стоял по левую сторону, и следственно в авангарде. Дивизии Алларта, Денсберга, Януса со всею остальною кавалерией, Брюс с артиллерией и Вейде стояли на правой руке, лицом к горе и имея Прут у себя в тылу.

13-го армия пошла в поход, принимая влево. Экипажи составляли вдоль Прута вторую колонну. Мы прошли три мили до ночи и расположились лагерем, приняв вправо (en faisant à droite). Пространство между рекою и горами не позволяло нам расшириться и составить две линии. Мы стали в том порядке, как стояли накануне и как целый день маршировали (т. е. в одну линию).

14-го мы подвинулись еще на три мили, не видав ни города, ни деревни, но кое-где близ лесов рассеянные лачужки, которые показались нам жалкими обителями. Это нас удивило, тем более, что на наших картах по берегам Прута назначено было множество городов и деревень. Мы стали лагерем так же, как и в предыдущие два дни.

15-го армия прошла еще три мили; но переход через крутую гору, находящуюся на самом берегу реки, остановил войско. Мы достигли места, назначенного для лагеря, не прежде как в три часа пополуночи. Мы в тот день видели за сей горою старинную могилу одного молдавского государя. Она имела вид четвероугольной пирамиды, будучи гораздо шире в основании нежели в высоте.

Молдаване, следовавшие за армиею, из коих многие хорошо говорили по-латыни, рассказали нам о ней следующее предание:

Государь, покоящийся в сей могиле, был великий воин, но несчастный во всех своих предприятиях. Учинив нападение на земли одного из своих соседей, он привлек его в свои собственные владения. Оба войска сошлись и сразились в той долине. Кровопролитная битва длилась

два дня. Молдавский государь остался победителем; неприятельское войско было им истреблено или захвачено в плен, а противник его найден был между мертвых тел, пронзенный одиннадцатью стрелами. Но победитель, в то самое время, как приносил богу благодарения, умер от раны, полученной им в том сражении, и которой он сгоряча не почувствовал. Он не имел детей, и войско избрало себе в государи одного из своих начальников. Первым повелением нового государя было каждому воину, каждому молдавскому жителю и каждому рабу принести на три фута земли на сие место. Он после того воздвигнул эту земляную пирамиду, в средине коей находится комната со сводом. Там похоронено тело его предшественника, а комната наполнена сокровищами, принадлежавшими его врагу. Потом вход в комнату был заделан и пирамида окончена. На вершине ее находилась площадка, сохранившаяся доныне; на ней возвышался трофей из оружия убитых, ныне уже не существующий. Повествователь присовокупил, что все из государей, властвовавших потом, которые хотели проникнуть в сокровенную комнату, умерли прежде, нежели могли вынуть хоть один камень заграждавшего входа. Курган показался нам тщательно покрытым дерном. Мы спросили у нашего молдавана: кто смотрит за могилою? Он отвечал, что жители, поселенные кругом в трех милях отселе, ежегодно в марте и в сентябре месяце приходят стричь могилу ножницами, подобными тем, кои употребляются нашими садовниками. Он прибавил, что когда того не делают, тогда бывает неурожай. В заключение, он нас уверял, что с тех пор, как саранча напала на их землю, всё было ею разорено, кроме пространства, заключенного в этих трех милях окружности, куда она не залетала, хотя была везде, и с боков и сзади.

Этой истории и ее последствиям мы поверили только отчасти, хотя повествователь и хвалился быть дворянином и военным человеком.

16-го его царское величество приказал выслать 1000 человек конных гренадер, под начальством г. полковника Ропа, с двумя вожатыми, данными царю самим господарем, следовавшим за его величеством со всем своим молдавским двором. Полковник Роп имел повеление изъездить всю сторону, находившуюся влево от армии, вдоль Прута, дабы удостовериться, возможно ли неприятелю напасть на нас с тыла? Он возвратился вскоре и объявил нам, что капитан, наряженный с двумястами гренадерами для охранения лодок, составлявших мосты фельдмаршальского лагеря, и который подвигался вместе с армией, был убит, а с ним и все его люди. Жители, бывшие при полковнике, видели его

за две мили от лагеря и показали ему побоище. Они сказывали, что татаре, в числе 20000, переправились через реку, каждый держась за хвост своей лошади, и неожиданно напали на капитана в одной теснине, где он и погиб с своим отрядом.

Это заставило его царское величество расположить вдоль реки гренадерские взводы в некотором расстоянии один от другого, имевшие между собою коммуникацию и начальствуемые одним подполковником, двумя капитанами и четырьмя поручиками.

В тот же день генерал князь Репнин, сделав усиленный переход, стал на той же линии и занял правую руку или арьергард.

Армия наша, вся вместе состоявшая из 79800 человек, не считая казаков и молдаван, и по отряжении войск в Валахию и на охранение Сороки, Могилева и Ясс, всё еще составлявшая 55000, уже не составляла и 47000, как то оказалось на смотру, сделанном 17 июля по приказанию государя: следствие беспрестанных трудов, перенесенных полками, из коих пехотные шли без отдыха от самого 24 февраля (нов. ст.). По счастию, смертность пала по большей части на одних рекрут, которые видимо таяли. Это могу я доказать моими табелями, которые я сохранил. Из всех четырех полков моей бригады, составлявших 4000 человек, на сем смотру 724 оказались убывшими, из коих только 56 убиты в помянутом сражении при пикете.

17-го генералу Янусу повелено быть готову выступить рано утром со всею нашею конницею и с генералами, ею начальствовавшими, и явиться за час перед светом в палатки его царского величества, дабы получить от него приказания касательно того похода. Как я имел честь приносить ему приказы и всякий день приходить узнавать от него, не было ли чего прибавить для бригады, то я явился к нему. Он просил меня приехать за ним на другой день за полтора часа до свету и сопроводить его к царю, к чему я с охотою и приготовился. Итак, 18-го перед светом явились мы к его царскому величеству.

Государь отдал генералу свои повеления, и как ни он, ни я по-русски не разумели, то его величество повелел их объяснить на французском и немецком языке, и вручил нам тот же приказ, писанный по-русски с латинским переводом на обороте.

Приказ состоял в том, чтобы нам идти по реке Пруту восемь миль (или 16 лье) до того места, где турки, по донесениям скороходов или шпионов (coureurs ou espions), должны были наводить свои мосты. Если бы генерал их нашел, то должен он был на них ударить и уничтожить их работу, коли только мосты не могли нам пригодиться и остаться в наших руках. Во всяком случае он должен был известить обо всем

государя через четырех драгунов, посланных ⟨через⟩ полчаса один после другого. В случае же, если турков не встретим, то идти к Дунаю и там остановиться, о чем также донести.

Выслушав приказ и хорошо его поняв, мы приступили к исполнению оного, хотя генерал и я не без смеху видели, что употреблены были драгуны и кавалерия на атаку укрепленных мостов (têtes-de-pont). Мы выступили из лагеря в 5 часов и пошли по одной линии, эскадрон за эскадроном. Экипажи наши тянулись в другую линию вдоль берега Прута, во избежание нечаянного нападения. Мы отрядили вперед на довольно большое расстояние двух конных гренадер с обнаженными палашами, за ними шестеро других с одним унтер-офицером, и подкрепили их двумястами рейтаров (? maîtres), дабы могли они выдержать первые выстрелы и дать нам время с выгодою атаковать неприятеля. В таком порядке как мы, так и наш обоз, шли без помешательства и довольно скоро. Около 11-ти часов утра, прошед не более как 2 мили (или 4 французских лье), вдруг очутились мы совсем неожиданно в теснине весьма узкой, ибо река протекала ближе к горе, около которой мы всё еще тянулись. Генерал Янус, г. Видман (генерал-маиор) и я поехали к передовому отряду гренадер, которые остановились и дали нам знать, что чем далее они ехали, тем уже становилась дорога.

Генерал Янус приказал войску остановиться для отдыха, и мы отправились высматривать местоположение. Земля, неприметно возвышаясь, закрывала от нас сторону, находившуюся перед нами. Когда достигли мы последней точки сего возвышения, увидели перед собою широкую долину и, казалось, весьма гладкую, а вдали множество белых голов, скачущих по долине с большою ловкостию и быстротою. Мы тотчас съехали влево, в густоту дерев, растущих на берегу Прута. Мы подъехали как можно ближе к неприятелю и наконец усмотрели два укрепления (deux têtes-de-pont fraisées et palissadées en forme de demi-lune), * защищаемые множеством пехоты, которую признали мы впоследствии, по ее колпакам, за янычаров. За ними увидели мы два готовые моста, через которые крупной рысью переправлялась конница и соединялась с тою, которая находилась уже в долине.

Высмотрев всё добрым порядком, все вместе и каждый особо: генерал Янус, Видман и я, мы возвратились рысью тою же дорогою и соединились с нашими полками. Тут мы держали совет все трое между собою, ибо генерал не имел никакой доверенности к князю Волконскому и к Вейсбаху (генерал-маиорам), а того менее к бригадиру Шенсову.

* ⟨Два предмостных укрепления, огражденных наклонными кольями и сваями, в форме полулунья.⟩

Нечего было терять времени. Мы решились спешить нашу конницу и выстроить ее в карре, поставя экипажи в средине. Генерал написал письмо к государю. Мы перенесли нашу маленькую артиллерию в арьергард и на оба фланга, между третьим и четвертым рядом (войско выстроено было в 4 шеренги). Мы приказали артиллерийским офицерам зарядить пушки картечью, а конным гренадерам, составлявшим наш арьергард (или фронт каррея со стороны турок), не стрелять без приказания, что бы ни случилось, и лечь на брюхо при первой команде. Когда наши 32 орудия были установлены, тогда мы вывели из рядов слабых и больных солдат, большею частию рекрут, и приказали им держать лошадей, находившихся, как и экипажи, в центре каррея. Мы препоручили авангард князю Волконскому, правый фланг авангарда Вейсбаху, величайшему трусу во всей Германии, а левый бригадиру Шенсову. Видман и я, по воле генерала, остались при его особе.

Отроду мы не видывали офицеров столь смущенных, как наших трех авангардных генералов. Беспокойство их очень забавляло нас в арьергарде и вселяло в нас истинную к ним жалость.

В сем порядке мы двинулись, дабы возвратиться туда, отколе мы пришли (?). Генерал Янус, Видман и я дивились исправности сведений, доставляемых его царскому величеству его шпионами: в двух милях от лагеря находили мы два моста, наведенные и укрепленные, когда предполагали найти их еще только начатыми, в 8-ми милях, и то не наверное. Вдруг драгун, оставленный нами в тылу, выстрелил вместо сигнала и прискакал к нам. Мы скомандовали полуоборот направо арьергарду, полуоборот вправо и влево флангам, и таким образом составили фрунт со всех четырех сторон. Только что успели выстроиться, как увидели мы две толпы в чалмах, скачущие треугольником и ревущие во все горло, как бешеные, думая нас уничтожить. Но как скоро они приблизились, первый ряд наших гренадеров лег на земь, и мы встретили их залпом из 12 орудий миниатюрной нашей артиллерии, что удержало их стремление, охладило их пылкость и лишило их очень многих товарищей. Однако ж это не помешало им нас окружить. Но, встретя со всех сторон отпор и видя, что нападать на нас опасно, они довольствовались тем, что издали досаждали нам и огнестрельным оружием, и своими стрелами.

Здесь, милостивая государыня, должен я вам чистосердечно признаться, что, будучи приучен к огню шестью генеральными сражениями и четырнадцатью осадами, при коих присутствовал я с тех пор, как служу, между прочими при осаде Монмелияна в 1691 и Намура в 1692, я столько опасаюсь огня, сколько то надлежит человеку доброму и

твердому; но мысль о стрелах была для меня столь ужасна, что я внутренне боялся их, того не показывая. Однако ж, когда я увидел их малое действие, я к ним привык и стал смотреть на них, как на чучела, стыдясь моего панического страха.

Было два часа пополудни на наших часах, как турки к нам приближились и с нами поздравствовались. С той поры до десяти часов вечера более пятидесяти тысяч их сидели у нас на шее, не смея ни ударить на нас, ни расстроить нас. Единственный их успех состоял в замедлении нашего марша. Они так часто нас останавливали, что от двух часов до десяти прошли мы не более как четверть мили. Ночью, однако, сделали они важную ошибку, которой мы и воспользовались, не имея никакой охоты пропустить случай соединиться с нашим центром, т. е. со всею армией: они все, без изъятия, при наступлении ночи ретировались в ту сторону, откуда явились. Заметив сие, генерал отправил адъютанта на лучшей своей лошади с донесением государю обо всем, что произошло с тех пор, как имел он честь писать его величеству. Он решился идти ночью, как можно поспешнее, и мы прошли более мили довольно скоро и безо всякого препятствия. Теперь признаюсь, что если бы господа белые колпаки отрезали нам дорогу, выставя пред нами толпу своей конницы и оставя таковую же у нас в тылу, то мы принуждены были бы ночью стоять и, может быть, не успели бы на другой день соединиться с нашей армией и были бы принуждены уступить усталости, если уж не силе.

Турки догнали нас на рассвете в бóльшей силе, нежели накануне, но всё без пехоты и без артиллерии. Они беспокоили нас стрельбою беспрерывною. Около 5 часов утра увидели мы пехоту, приближающуюся к нам на помощь и которая гордым и медленным своим движением вселила робость в скакунах и наездниках: генерал барон Денсберг со всею дивизией шел на обеспечение нашего отступления. Корпус его соединился с нашим; он сменил наших конных гренадер, находившихся беспрестанно в арьергарде, двумя своими гренадерскими баталионами и дал почувствовать неприятелю беспрерывным и сильнейшим огнем, что не так-то легко было нас смять и помешать нам соединиться с армиею. *

Армия его царского величества не ожидала, когда мы выступали, чтобы мы к ней возвратились с таким прекрасным и многочисленным

---

* Петр негодовал на генерала Януса; в журнале его сказано: „и конечно мог оный Янус их задержать (турков), ежели б сделал так, как доброму человеку надлежит". Но, как замечает генерал Бутурлин в истории русских походов, ничто не могло помешать визирю перейти Прут повыше того места и стать в тыл русской армии.

обществом. Однако так случилось к величайшему нашему сожалению, и едва вступили мы в лагерь, как увидели противоположную гору покрытою неприятельскими полками.

Генерал-фельдмаршал тремя пушечными выстрелами дал сигнал всей линии выстроиться в боевом порядке, что и было тотчас исполнено. Как турки подступали с левой стороны, то Преображенцы, Семеновцы и полки Ингерманландский и Астраханский вытерпели по большей части огонь неприятельский и во весь тот день почти не имели покоя.

Я не говорил, милостивая государыня, о потере, претерпенной нами во время отступления, и, может быть, полагаете вы, что мы никого не потеряли. Это было бы слишком счастливо. Довольно уж и того, что мы не погибли под усилиями пятидесяти тысяч человек, сражавшихся противу 8 и менее. Мы лишились одного подполковника, двух капитанов, трех поручиков. Ранены были: подполковник моего полка, два поручика и триста с чем-то драгунов и других конных рядовых; раны большею частию были легкие. Генерал барон Денсберг потерял одного пехотного полковника, о котором весьма сожалели, семь или восемь раненых офицеров, 160 рядовых убитыми и 246 ранеными — всё это менее чем в два часа с половиною времени. Нет сомнения, что весь наш отряд был бы истреблен, если бы неприятель ранее мог нас заметить. Но он дал нам время выстроиться в карре, что и способствовало нам удержаться и спасло нас от смерти или рабства.

Около пяти часов вечера, 19 июля, его царское величество приказал призвать своих генералов, дабы советоваться с ними о том, на что надлежало решиться. Генералы: Янус, Алларт, Денсберг, генерал-поручики Остен и Беркгольц явились, но ни один из генералов русских, ни из министров его величества не показались. Даже и генерал-фельдмаршала тут не было. Генерал Янус взял меня с собою, и таким образом был я свидетелем всему, что ни происходило. На сем-то совете генерал Янус упрекнул его величество в небрежении, оказываемом иностранным его генералам, к которым прибегали только тогда, как дела были уже в отчаянном положении. Он сказал, что неслыханное дело, чтобы он, будучи начальником всей кавалерии и первым генералом армии, не был заранее уведомлен о предположениях всего похода. Он жаловался потом на неуважение министров и русских генералов и в заключение сказал его царскому величеству, что те же самые люди, которые завлекли его в лабиринт, должны были и вывести. Все ино-

странные генералы с большим удовольствием слушали генерала Януса. Царь всячески старался обласкать его, и так убедительно просил от него советов, что не на шутку стали думать об исправлении запутанного положения, в котором находилась армия.

Турок, слишком приблизившийся к нашему левому флангу во время нашего отступления, схвачен был шестью нашими конными гренадерами и приведен к генералу Янусу, который приставил к нему строгий караул и тотчас по вступлении в лагерь отослал его к государю.

Пленного допросили. Он показал, что турецкая армия состояла из ста пятидесяти тысяч, т. е. из 100 000 конницы и 50 000 пехоты, что вся конница должна была к вечеру соединиться, но что пехота, при которой находилось 160 артиллерийских орудий, не могла прибыть прежде как к завтрашнему дню около полудня.

По сим известиям, после оказавшимся достоверными, приняты были в совете следующие меры:

Положено было армии воротиться назад, устроясь в карре и оградясь рогатками; экипажи, конница и артиллерия должны были оставаться в центре, и в таком порядке надлежало было стараться по возможности совершить небесславное отступление. Недостаток конницы более всего мог нам повредить. Наши лошади были совсем изнурены, а турецкие свежи и сильны.

Отдан был приказ вследствие сих положений. Армия всё еще находилась в боевом порядке, на одной линии, с своими рогатками перед собою. Повелено было всем генералам и офицерам уменьшить по возможности свои экипажи и жечь всё ими бросаемое.

При наступлении ночи государь, государыня императрица, министры и весь двор перенеслись на правую сторону с левой, которая стала авангардом. Между тем готовились устроить батальон-карре, что и сделано было в ночь. Гора, по которой рассеяна была турецкая конница, явилась нам вся в огнях, разложенных неприятелем.

Не нужно сказывать вам, что ночь эта прошла в смятении и беспорядке. Мы видели, что турки на горе то двигались вперед, то шли назад, и не могли судить о их намерении иначе, как наугад. Генерал барон Алларт, генерал барон Остен и я, мы занимали тот же пост и находились близко друг от друга. И как главным предметом была для нас гора, занимаемая неприятелем, то мы только и старались понять, что происходило там и к чему клонились эти марши и контр-марши, замеченные нами перед наступлением ночи. Мы подумали, что намерение неприятеля было окружить нашу армию и напасть на нее со всех сторон. Это казалось нам очевидно по движению полков, которые воз-

вращались к тому месту, откуда пришли, дабы обойти левый наш фланг и растянуться вдоль берега Прута, с коего имели предосторожность снять все наши посты.

Неприятелю легче было судить о наших движениях. Он стоял над нами на высоте, и лагерь наш был освещен, как среди белого дня, бесчисленным множеством фур и телег, сожигаемых вследствие повеления.

В эту ночь не прошли мы четверти мили. Мы осмотрелись уже на рассвете, и тогда только увидели опасность, в которой находились. Постарались исправиться, каждый на своем посту. Одной только важной ошибки, сделанной князем Репниным, не могли исправить прежде целых шести часов.

Генерал сей начальствовал правым флангом нашего карре и не рассудил, что, как ни медленно подвигалась голова отряда, хвост его непременно должен следовать за нею рысью и вскачь, дабы не отставать: он прошел усиленным маршем, думая, что всё дело состояло в том, чтоб уйти как можно далее. Таким образом разрезал он фланг, и чем далее подвигался, тем шире становился промежуток, им оставленный.

Экипажи, заключенные в центре, растянулись на просторе, полагая себя огражденными рогатками, и так-то растянулись, что большая часть отделилась от батальона-карре и шла в степи безо всякого прикрытия. Турки, заметив оплошность и видя, что экипажи составляли угол, не защищенный никаким отрядом, скользнули вдоль правого фланга под нашим огнем, отрезали все экипажи, вышедшие из батальона, и захватили их. Экипажей было тут довольно: более двух тысяч пятисот карет, колясок, телег малых и больших попались в руки неприятелю. Здесь-то, милостивая государыня, потерял я свою карету и весь свой обоз. Я успел спасти только une petite paloube* с моим бельем и платьем довольно порядочным.

Несколько дам были умерщвлены с детьми своими в каретах. Жена полковника Ропа, взятого в плен в сражении при пикете, погибла с тремя своими детьми. Почти все слуги, управлявшие экипажами или тут же замешавшиеся, имели ту же участь.

Ошибка князя Репнина была замечена, но слишком поздно. Послан был к нему один из адъютантов его величества с повелением остановиться. Между тем выставили несколько артиллерийских орудий в промежуток правого фланга, дабы отогнать неприятеля и воспрепятство-

* ⟨Маленькую повозку.⟩

вать ему прорваться. Целых пять часов употреблено было на исправление ошибки непростительной для генерала. Турки, окружавшие нас со всех сторон и с утра самого не оставлявшие нас в покое, усилили огонь во время долгого нашего растаха.

Это было причиною тому, что турецкая пехота и артиллерия в течение дня успела нас догнать.

Генерал барон Алларт был легко ранен в руку; зять его подполковник Лиенро (Lienrot) ранен был смертельно близ него; генерал-маиор Волконский также. Все трое были на левом фланге, на углу фрунта арьергарда (près de l'angle du front de l'arrière-garde). Генерал-лейтенант барон Остен ранен был в правое плечо, что не помешало ему надзирать за безопасностию своего поста, где чрезвычайно стало жарко, когда догнала нас турецкая пехота.

Около пяти часов вечера фрунт нашего батальон-карре дошел до реки Прута. Его величество приказал остановиться и выстроиться. Арьергард, сделав полуоборот направо, стал нашим правым флангом, а правый фланг левым. Едва успели мы произвести сие нужное движение, как турки уперлись своими обоими флангами к реке и заключили нас с трех сторон двойною линией, расположенной полукружием. Несколько времени спустя, горы, находящиеся по той стороне реки, заняты были шведами, поляками Киевского Палатина и буджацкими татарами.

Выстроенные в батальон-карре и со всех сторон обращенные лицом к неприятелю, мы завалили землею наши рогатки, и пока часть полков погребала нас, остальная производила беспрестанный огонь на неприятеля, который с своей стороны также укреплялся.

Около семи часов, как я возвращался к генералу Янусу, начальствовавшему на правом фланге, где находился и мой пост, исполнив данное им поручение, я был ранен пулею в правую руку, но довольно легко, и мог остаться на своем месте, где люди падали в числе необыкновенном, ибо неприятельская артиллерия почти не давала промаха. В восемь часов вечера три орудия были у меня сбиты. Его величество, посетивший мой пост, как и прочие, приказал их исправить в ночь и к ним присовокупить двенадцатифунтовое орудие.

Могу засвидетельствовать, что царь не более себя берег, как и храбрейший из его воинов. Он переносился повсюду, говорил с генералами, офицерами и рядовыми нежно и дружелюбно (avec tendresse et amitié), часто их расспрашивая о том, что происходило на их постах.

При наступлении ночи роздали нам, по 800 на каждый полк, новоизобретенных ножей, с трех сторон острые как бритвы, которые, будучи сильно брошены, втыкались в землю; нам повелели их бросать не

прежде, как когда неприятель вздумает нас атаковать. В эту ночь неприятель сделал только два покушения: одно при свете фейерверка на пост, занимаемый генерал-поручиком Остен-Сакеном, а другое на пост генерал-маиора Буша. Их отразили с той и другой стороны. Они приблизились снова уже на рассвете и дали знать о себе беспрерывным огнем из ста шестидесяти пушек, поддержанных беспрестанной стрельбою их конницы и пехоты.

Будем справедливы: генералы Янус, Алларт и Денсберг, генерал-поручик Остен и Беркгольц, генерал-маиоры Видман и Буш и бригадир Ремкинг сделали более, нежели можно пересказать. Между тем, как русские начальники показывались только ночью, а днем лежали под своими экипажами, генералы иностранные были в беспрестанном движении, днем поддерживая полки в их постах, исправляя урон, нанесенный неприятелем, давая отдыхать солдатам наиболее усталым и сменяя их другими, находившимися при постах, менее подверженных нападению неприятеля.

Должно конечно отдать им эту справедливость, и не лишнее будет, если признаемся, что его царское величество им обязан своим спасением, как и спасением своей царицы, своих министров, своей казны, своей армии, своей славы и величия. Из русских же генералов отличился один князь Голицын, ибо если князь Волконский и был ранен, то так уже случилось от его несчастия, а не через его собственную храбрость.

Коли ночь показалась нам коротка, потому что не были мы обеспокоены, то утро зато показалось нам очень долгим, по причине быстрого и беспрестанного неприятельского огня, от которого много мы терпели, по крайней мере, на правом нашем фланге, со стороны фрунта. Войско, приближенное к реке, было совсем безопасно.

Около девяти часов утра его величество, коему небезъизвестно было, что иностранные генералы одни могли спасти его армии, приказал позвать их в центр экипажей, где находилась его палатка. Генерал Янус, которого царь приглашал особенно вместе с бароном Остеном, взял меня с собою к его величеству. Государь милостиво осведомился о моей ране, которая очень меня беспокоила, потому что я только еще промывал ее вином, данным мне генерал-маиором Бушем. У меня не было ни капли. Телеги мои были в числе тех, которыми овладели турки.

Государь, генерал Янус, генерал-поручик Остен и фельдмаршал держали долгое тайное совещание. Потом они все подошли к генералу барону Алларту, лежавшему в карете по причине раны, им полученной, и тут, между каретою сего генерала и каретою баронессы Остен, в которой находилась г-жа Буш, положено было, что фельдмаршал будет пи-

сать к великому визирю, прося от него перемирия, дабы безопасно приступить к примирению обоих государей.

Трубач генерала Януса отправился с письмом, и мы ожидали ответа, каждый на своем посту, как объявили нам о смерти генерала-маиора Видмана.

Это была невозвратная потеря для царя. Видман был человек достойный и честный, прямой, правдивый, добрый товарищ и хороший кавалерийский офицер, основательно знавший свое дело. Все об нем сожалели, тем более, что он находился не на своем посту: он служил в дивизии генерала Рене и должен был бы с ним отправиться в Валахию, если б его царское величество не оставил его в своей армии, из уважения к ему.

Не прошло двух часов по отъезде трубача, как увидели мы, что он возвращается с агою янычаров. Турок прибыл на пост, где находился генерал-поручик Беркгольц, и сказал ему на арабском языке, на котором Беркгольц изъяснялся хорошо, что великий визирь соглашался на требуемое перемирие и давал нам знать, чтобы мы прекратили наш огонь (что и с их стороны будет учинено), и чтобы мы присылали комиссаров для переговоров о мире.

Мы не дождались повелений генерал-фельдмаршала и остановили огонь, каждый на своем посту, и в минуту на той и другой стороне водворилось спокойствие.

Не прошло и двух часов со времени, что перемирие было объявлено и что барон Шафиров отправился в лагерь великого визиря в качестве комиссара с препоручением трактовать о мире, как увидели мы всю турецкую армию около наших рогаток: турки приехали нас навестить и полюбоваться нами в нашей клетке. Наконец они так приблизились, что генералы наши возымели подозрение, особенно генерал Янус, который послал г. Беркгольца к великому визирю, прося его приказать войску своему возвратиться в окопы и учредить караулы для удержания турок в повиновении, что с нашей стороны должны были сделать и мы.

Генерал-лейтенант Беркгольц возвратился с тем же янычарским агою, который одним словом погнал всю турецкую армию в ее окопы. Он расставил потом караулы (vedettes) со стороны их, а мы с нашей.

Признаюсь, милостивая государыня, изо всех армий, которые удалось мне только видеть, никогда не видывал я ни одной прекраснее, величественнее и великолепнее армии турецкой. Эти разноцветные одежды, ярко освещенные солнцем, блеск оружия, сверкающего на подобие бесчисленных алмазов, величавое однообразие головного убора, эти лег-

кие, но завидные кони, всё это на гладкой степи, окружая нас полумесяцем, составляло картину невыразимую, о которой, несмотря на всё мое желание, я могу вам дать только слабое понятие.

Когда увидели, что дело клонилось к миру не на шутку, мы отдохнули, переменили белье и платье. Вся наша армия, начиная с царя, походила на трубочистов: пот, пыль и порох так покрывали нас, что мы друг друга уже не узнавали. Менее нежели через три часа все явились в золоте, всякий оделся как можно великолепнее.

22-го вечером узнали через барона Шафирова, прибывшего из турецкого лагеря для объяснений с его величеством о некоторых спорных пунктах и через час уехавшего обратно, что всё шло хорошо, и что конечно мир будет заключен.

Не могу, милостивая государыня, здесь не упомянуть о благоразумном поступке, который заставил нас уважать турецкий народ. Какой-то спаги, или, что всё равно, всадник, перешел за указную черту и явился близ моего поста, где прогуливался я с сыном барона Денсберга, подполковником в Белоозерском полку, и с генерал-маиором Вейсбахом.

Этот спаги говорил что-то нашим драгунам, находившимся за рогатками, размахивая своею саблею и полагая, видно, что мы понимали его наречие. Офицер, разъезжавший около их лагеря, заметил, что спаги перешел за положенную черту, и, давая знак возвратиться в лагерь, с твердостью выговаривал ему. Спаги его не послушался; офицер, после двукратного требования, приблизился к нему молча и махом своей сабли чисто отрубил руку, которая упала с саблею к нашим ногам; потом, продолжал путь свой с тем же хладнокровием, простился с нами, коснувшись рукою чалмы своей. Спаги не стал тратить времени и ускакал во весь опор, оставя руку и саблю у ног молодого Денсберга. Сейчас поступок неверного служит уроком для христиан, с какою строгостию должно хранить свое слово, данное и неприятелям.

22-е и 23-е числа прошли в нетерпеливом ожидании столь нужного и столь желаемого мира. Положение, в котором мы недавно находились, того требовало. Оно было ужасно. Смерть или рабство—не было средины. Нам должно было выбрать из двух одно, если б великий визирь сделал свое дело и служил с усердием государю своему. Надлежало ему только быть осторожным, укрепляться в окопах и оставаться в бездействии. Армия наша не имела провианта; пятый день большая часть офицеров не ели хлеба; тем паче солдаты, которые пользуются меньшими удобностями. Лошади были изнурены (étoient depuis le même temps au filet); некоторые генералы имели при себе несколько кулей овса и кое-как поддерживали своих лошадей; остальные же кони лизали землю и были так изнурены, что

когда пришлось употребить их в дело, то не знали, седлать ли, запрягать ли их, или нет.

Вечером 23 июля (по старому стилю) бригадиры получили приказ отобрать розданные ножи, по 800 на каждый полк, и побросать их ночью в реку через надежных офицеров. Узнали также, что в артиллерийском парке зарыто было множество пороху, бомб, гранат и ядер, также и оружия, предварительно сломанного, что предвещало нам конец нашим бедствиям.

Наконец, милостивая государыня, 24-го увидели мы одну из придворных повозок (paloube), в которой везли 200 000 червонцев золотом и вещами, обещанных бароном Шафировым в подарок великому визирю. В полдень его царское величество чрез своего генерал-адъютанта объявил всем генералам, что он заключил с Портою твердый, неколебимый и вечный мир, и приказал дать знать о том всем офицерам и рядовым своей армии.

Если бы сказали нам 22-го июля утром, что мир заключен будет таким образом 24-го, то всякий почел бы, конечно, мечтателем и сумасшедшим того, кто б осмелился ласкать нас надеждою на такое несбыточное счастие. Я помню, что когда трубач генерала Януса отправился с письмом фельдмаршала, в котором просил он перемирия, генерал сказал нам, возвращаясь к нашим постам, что тот, кто завел его царское величество в это положение, должен был быть величайшим безумцем всего света; но что если великий визирь примет наше предложение в настоящих обстоятельствах, то это первенство принадлежит ему. Богу угодно было, чтоб генерал неверных ослеплен был блеском двухсот тысяч червонцев, для спасения великого множества честных людей, которые, поистине, находились в руках турок.

В час пополудни оттоманы обнародовали мир, и почти в то же время фельдмаршал отдал приказ армии выступить в поход в шесть часов вечера, в новом боевом порядке, коего план роздан был всем генералам, дабы каждый из них занял свое место. Войско должно было выступить из лагеря с распущенными знаменами, с барабанным боем и с флейтами перед каждым полком.

Не нужно было приказывать офицерам, у коих оставались еще экипажи, их облегчить: необходимость и так уж того требовала. Множество добра побросали в лагере, ибо лошади едва таскались, изнуренные и чуть живые.

Прежде нежели оставим лагерь, вы позволите, милостивая государыня, исчислить вам потерю обеих армий в эти четыре дня. Достоверно, что его царское величество лишился не более, как 4800 человек

убитыми. Из генералов убит один г. Видман; два полковника, пять подполковников, 18 капитанов и 26 нижних чинов разделили с ним ту же участь. Турки чистосердечно признались нам, что они потеряли убитыми 8900 человек, между прочим, одного любимца их султана и множество офицеров.

24-го, в 6 часов вечера, армия выступила в поход центром правого фланга. Четыре батальона, в нем находившиеся, составляли фрунт под командою генерала барона Денсберга, генерал-маиора Альфенделя и бригадира Моро-де-Бразе (Moreau de Brasey, comte de Lion en Beauce). Прочие генералы следовали по старшинству: Адам Вейде и князь Голицын составляли арьергард, а солдаты несли рогатки, как и во время сражения. Армия, составляя батальон-карре, гордо прошла мимо турок, выстроенных в одну линию, в долине, по левую нашу руку. Мы шли до самой ночи по берегу Прута, который был от нас вправо, а горы влево.

Один французский инженер, по имени Терсон, человек самый честный, уважаемый царем и русскими, приятель всего света, удостоверил меня, что есть люди, имеющие верные предчувствия о своей смерти. Сей француз подружился со мною в Риге, где я узнал его; и когда шесть месяцев после встретились мы в той же армии, он часто делал мне честь навещать меня и довольствоваться моей хлеб-солью. В тот день, когда возвратились мы в лагерь, в сопровождении неприятелей, он ко мне пришел поздравить меня с достославным нашим отступлением и с тем, что генерал Янус благосклонно отзывался ему обо мне, радуясь, что в сем случае имел меня при себе. Я отвечал, что генерал Янус отдавал свои приказания с такою ясностию, что офицеру, как бы тупо ни было его понятие, невозможно было их не выполнить. Умирая с голоду, я ел с большим аппетитом то, что мог еще найти годного в моих запасах, и Терсон последовал моему примеру. Тут открыл он мне за тайну, что ему из Молдавии не выйти и что он оставит в ней свои кости. Я всячески старался рассеять его мрачное предчувствие, но тщетно. Заключили мир: армия выступила. Терсон прибыл к моему посту и довольно долго со мною разговаривал. Я стал смеяться над его предчувствием, доказывая его ложность, ибо мир был заключен. Он отвечал, что генерал Янус, которому также он открылся, делал ему то же рассуждение, но что он и мне даст тот же ответ, как и генералу, именно, что он из Молдавии еще не вышел, и что мы успеем над ним посмеяться, когда войско перейдет за Днестр. Несколько времени спустя, он меня оставил и поехал к генералу Янусу, который, страдая подагрой, ехал в карете вдоль правого фланга во сте шагов

от фрунта. Поговорив с ним немного, он оставил его по некоторой нужде. Один из татар, следовавших за нашей армией, в намерении что-нибудь подцепить, проскакав мимо его, воткнул в него копье и оставил его мертвым, не сняв даже с него шляпы. Генерал Янус послал за мною своего адъютанта и показал мне его тело, принесенное к батальону гренадерами, и которое было еще тепло. Мы жалели об нем от всего сердца и дивились, между тем, предчувствиям, которые оспоривал я с упрямством. Фельдмаршал послал трубача к великому визирю с жалобой на нарушение условий. Трубач возвратился ночью с предписанием вешать всех татар, которые попадутся нам в руки, гоняясь за нашей армией.

При совершенном наступлении ночи, его царское величество велел остановиться батальону-карре. Мы выстроились как можно исправнее. Мы расположились на биваках. Ночлег был краток и ночь чрезвычайно дождлива.

Не правда ли, что вы находите меня нечувствительным в отношении к вашему полу, ибо до сих пор не говорил я вам о всем, что претерпели дамы, находившиеся в нашей армии? Вообразите их себе, милостивая государыня, посреди ужасов четыредневного сражения, подверженных тем же опасностям, как и мы; кареты их прострелены были пулями, разбиты пушечными ядрами, и эти милые дамы должны были попасться в плен, если не погибнуть в нечаянном нападении, коего мы только и опасались. Не знаю, более ли они страдали во время битвы, нежели радовались о своем избавлении; но знаю, что генерал-маиорша Буш, три недели после, не могла еще оправиться от страха, ею претерпенного в те четыре дня, как мы имели дело с турками.

Как об условиях мира хранили глубокое молчание, то мы (иностранцы) никого и не расспрашивали, а рассуждали о них между собою, не сомневаясь, чтоб они не были весьма тягостны для его царского величества. Однако мы узнали обо всем в походе (25 июля) и совсем неожиданным для нас образом.

Армия выступила в поход на рассвете с экипажем, уменьшенным, по крайней мере, двумя третями. В полдень пришли мы в теснину, где мы так долго простояли в начале нашего похода. Я был один из начальников авангарда или фрунта нашего батальон-карре, который, для большей удобности экипажей, разделился при входе в теснину. Мы первые прибыли в долину, находящуюся за тесниною: место приятное, окруженное густыми деревьями и огражденное слева высокими, лесистыми горами, а справа рекою Прутом, разливающим на свои берега про-

хладу, которой мы и воспользовались. Там настигли меня сначала генерал-маиор Буш, а вслед за ним генерал барон Остен. Все трое мы проголодались. Карета госпожи Буш ехала невдалеке. Муж ее послал спросить, нет ли у ней, чем бы нам пообедать. Эта милая дама прислала нам бутылку венгерского вина, четыре холодных цыпленка, хлеба довольно черствого, но всё ж хлеба, и мы, при приближении такого сильного сикурса, избрали местоположение и стали работать с одинаковою жадностью. Бутылка нашлась недостаточной для утоления нашей жажды: мы послали за подкреплением, которое и было нам доставлено с тою же любезностию. Только что мы кончили наш обед, фельдмаршал на нас наехал и попросил нас угостить трех пашей, присланных от великого визиря к его царскому величеству, покаместь государь не даст им ответа. Мы к ним отправились. Один из них говорил хорошо по-немецки и еще лучше по-латыни. Он достался на мою долю; друзья мои довольствовались оба одним из остальных, говорившим только по-немецки. В минуты первых приветствий слуги фельдмаршальские разбили шатер, постлали наземь ковер турецкий, на который усадили мы наших трех пашей. Они сели, сложив ноги крестом, и велели принести себе трубки, коих чубуки столь были длинны, что головки их лежали на земле.

Сначала разговор наш был общий. Они сказали нам, что великий визирь послал их предложить его царскому величеству 2000 человек спаги для отогнания татар, нас преследующих, и из коих шестеро ночью были пойманы, не считая тридцати убитых нашими конными гренадерами. Наконец, паша, говоривший по-латыни, коль скоро узнал, что я француз, подозвал меня к себе и громко объявил, что французы были приятели туркам. Тогда, вступив в частные рассуждения, я спросил у него, по какой причине и на каких условиях заключили они мир? Он отвечал, что твердость наша их изумила, что они не думали найти в нас столь ужасных противников; что, судя по положению, в котором мы находились, и по отступлению, нами совершенному, они видели, что жизнь наша дорого будет им стоить, и решились, не упуская времени, принять наше предложение о перемирии, дабы нас удалить. Он объявил, что в первые три дня артиллерия наша истребила и изувечила множество из их единоземцев, что у них было 8000 убитых и 8000 раненых, и что они поступили благоразумно, заключив мир на условиях, почетных для султана и выгодных для его народа.

Вы чувствуете, милостивая государыня, что, увидя случай отозваться с похвалою о нашей армии, я не стал скромничать и, признаюсь, отроду не хвастал я с таким усердием и не встречал подобной доверенности. Потом я сказал ему, что, будучи доволен изъяснением причин, по

которым заключили они мир, я хотел бы знать и условия оного; он охотно исполнил мое желание, выпивая кофе, который между тем им подносили. И вот они, сии условия, которые тем более изумили меня, что, основываясь на предложениях, показанных мне в Риге Левенвольдом, я полагал короля шведского истинною причиною войны.

1) Его царское величество возвратит туркам Азов, срыв новые укрепления оного, также и крепости, выстроенные им по берегу.

2) Флот свой и морское войско переведет он в Воронеж и не будет иметь другой, ближайшей пристани к Черному морю, кроме как Воронежской.

3) Казакам возвратит их старинную вольность, а Польше Украйну польскую, так же как и Эльбинг и другие города, им захваченные.

4) Выведет без изъятия все полки, находящиеся в разных частях Польши, и впредь ни под каким предлогом и ни в каком случае не введет их обратно сам или через своих генералов.

5) Наконец его царское величество даст королю шведскому свободный пропуск в его государство, даже, в случае нужды, и через свои владения, с конвоем, который дан будет от султана; также не станет никаким образом тревожить короля во время проезда его через польские владения, обязуясь в то же время удержать и Фридерика-Августа, курфирста саксонского, от всякого неприязненного покушения как на особу короля, так и на конвой, его сопровождающий.

Таковы были условия мира, столь полезного и столь нужного для славы его царского величества. Прибавьте к тому и 200 000 червонцев, подаренных великому визирю (что подтверждено мне было моим пашею).

Он сказал мне, что спустя час по отступлении армии нашей, шведский король переехал через Прут на челноке, сделанном из выдолбленного пня, пустив лошадь свою вплавь, и сам-шест прискакал в лагерь великого визиря; что король говорил ему с удивительною гордостию и между прочим сказал, что „если один из его генералов вздумал бы только заключить таковой мир, то он отрубил бы ему голову, и что ему, визирю, должно то же самое ожидать от султана". На всю эту брань великий визирь отвечал только то, что он имел от султана приказание, и что он ничего не делал без согласия одного министра (de Sa Hautesse), находящегося в его лагере, и своего военного совета.

Мы разговаривали обо всем этом, как фельдмаршал пришел нам объявить, что его величество принимает учтивое предложение великого визиря. Паши откланялись, взяв с собою шестерых татар, схваченных нами ночью, и отослали их связанных к великому визирю для примерного наказания.

Я всегда воображал себе турков людьми необыкновенными; но мое доброе о них мнение усилилось с тех пор, как я на них насмотрелся. Они большею частию красивы, носят бороду, не столь длинную, как у капуцинов, но снизу четыреугольную, и холят ее, как мы холим лошадей. Эти паши, хотя все трое разного цвета, имели красивейшие лица. Тот, с кем я разговаривал, признался мне, ⟨что⟩ ему было 63 года, а на взгляд нельзя было ему дать и сорока пяти.

Армия наша, расстроившая батальон-карре при входе в теснину, разделилась в долине, находящейся при выходе из оной. Его царское величество с Преображенцами, Семеновцами, Астраханцами и Ингерманландцами стал в авангарде, в двух милях от теснины. Генерал-лейтенант Брюс с артиллерией и дивизия князя Репнина следовали за его величеством и расположились лагерем в полуторе мили; генерал барон Денсберг в одной мили; генерал барон Алларт в полумили с кавалерией, которою командовал он по приказанию его величества, ибо г. Янус страдал в это время подагрою. Дивизия же Адама Вейде осталась при выходе из теснины. Двухтысячный турецкий отряд разделился на три части: одна осталась в тылу армии, а две другие расположились по ее флангам. В таком расположении и наблюдая все те же дистанции, мы пошли на Яссы, где надеялись найти все запасы, нужные для обратного нашего похода через степи. Мы достигли сего города в шесть переходов, каждый в четырех милях состоявший. Там оставались мы четыре дня и запаслися всем, чтó могли только найти.

Много претерпел бы я во время сего перехода, если бы генерал барон Алларт, зная что я потерял весь мой экипаж, не снабдил меня великодушно повозкою, четверкою лошадей и прекрасною палаткой с ее маркизою. А как в повозочке моей (paloube) с одеждой и бельем находилась и постеля, то я в своем несчастии почитал себя счастливейшим из смертных.

Дав четырехдневный отдых своей армии и собрав запасы для перехода через степи, его царское величество повел нас вдоль Прута до Станопа (Stanope), по дороге не столь трудной и дальней, как Сороцкая. В Станопе мы стояли опять четыре дня, по той причине, что его величество приказал навести один только мост для переправы всей армии.

Здесь расстались мы с тремя пашами и с их отрядом. Дорогой имел я честь несколько раз с ними разговаривать, а однажды и обедать вместе у генерал-лейтенанта барона Остена. Они попросили рису, вареного на молоке, и наелись им, насыпав кучу сахара. Мы никак не могли заставить их пить венгерского вина, как ни просили; они предпочитали кофе, сваренный по их обычаю, и который пили они целый день.

От Станопа армия в четыре дня пришла к Могилеву на Днестр, куда прибыл уж сороцкий гарнизон, истребив мост и наружные укрепления города. Новый мост, который должно было навести на Днестре, задержал нас тут еще восемь дней. Буджацкие татаре вздумали было нас беспокоить. Казачий полковник заманил их по-своему в засаду. 160 были убиты, шестеро взяты в плен, и фельдмаршал велел их повесить всех на одном дереве, на самой высокой из соседних гор, дабы устрашить тех, которые вздумали бы опять нас беспокоить в нашем лагере или фуражировке, что не переставали они чинить с нами от самого Станопа.

Мост был готов, и армия спокойно переправилась в трое суток. Шесть батальонов гренадер остались в арьергарде лагеря, из опасения, чтоб татаре, кроющиеся в горах, не потревожили переправы наших последних полков. Но они оказались более благоразумными, нежели мы предполагали; проученные последнею своею неудачей, они уже не показывались, и отступление наше совершилось со всевозможным спокойствием.

Во время нашего пребывания в лагере за Днестром в Подолии его царское величество пожелал узнать в точности потерю, им понесенную в сей краткий, но трудный поход. Приказано было каждому бригадиру представить к следующему утру подробную опись своей бригаде, определив состояние оной в первый день вступления нашего в Молдавию и то, в котором находилась она в день отданного приказа. Воля его царского величества была исполнена: из 79 800 людей, состоявших на лицо при вступлении нашем в Молдавию, если вычесть 15 000, находящихся в Валахии с генералом Рене, оставаться надлежало 64 800, но оказалось только 37 515. Вот всё, что его царское величество вывел из Молдавии. Прочие остались на удобрение сей бесплодной земли, отчасти истребленные огнем неприятельским, но еще более поносом и голодом.

На третий день нашего пребывания в новом лагере, куда припасы стекались изобильно из Каменца и других городов подольских, государь, императрица, свита их и министры (за исключением барона Шафирова и графа Шереметева, оставленных в лагере турецком заложниками мира) отправились incognito в десять часов вечера, под прикрытием одного только гвардейского эскадрона, к Ярославу. Там, по приказанию государя, приготовлены были суда, на которых он Вислою отправился в Торн, где императрица, в то время брюхатая на седьмом месяце, располагалась родить. Это был первый ее ребенок с того времени, как она признана была императрицей: честь, коей она достойна

более многих принцесс, которые должны бы краснеть от стыда, видя, что женщина ничтожного происхождения (une femme de rien), безо всякого образования, не воспитанная в чувствах величия и душевной возвышенности, свойственных высокому рождению, поддерживает сан императорский со всею честию, величием и умом, которые можно было бы только ожидать от самой знатнейшей крови.

На другой день отъезда его величества, фельдмаршал с всею армией выступил в поход и остановился лагерем в Шарграде, куда, по его приказанию, съехались все генералы из разных мест, где они находились, ибо армия была распределена по разным направлениям для удобства продовольствия и фуражировки.

Когда генералы собрались в палатках фельдмаршала, он объявил им, что его царское величество, заключив мир с турками, не имел уже надобности в столь великом числе генералов, что он имел повеление от государя отпустить тех из них, которые, по их большому жалованию, наиболее были ему тягостны, что он именем его царского величества благодарит их за услуги, ими оказанные, особенно в сей последний поход; потом он роздал абшиды генералам, коим прилагаю здесь список, включая в том числе тех, которые оставили службу его величества с 1 января 1711 года.

Список генералам, отпущенным его царским величеством или оставившим его службу без отпуску.

Фельдмаршал генерал-лейтенант Гольц отошел без отпуску, не получив 60 000 экю и более должного ему жалованья. Генерал Янус отошел без отпуску по той же причине. Генерал барон Денсберг отпущен с абшидом. Генерал-лейтенант барон Остен отпущен с абшидом. Генерал-лейтенант Беркгольц отпущен с абшидом. Генерал-лейтенант Ностиц, эльбингский комендант, отошел без абшида, самовольно удовлетворив себя 50 000 экю, которые считал за государем. Бригадир граф де-Фриз отошел без отпуска. Бригадир Моро-де-Бразе (comte de Lion en Beauce) отпущен с абшидом. Бригадир Боэ отпущен с абшидом. Бригадир барон Ремкинг отпущен с абшидом. Бригадир граф Ламберти отпущен с абшидом. Барон Денсберг, кавалерийский полковник, отпущен также с абшидом. Полковник от инфантерии Миропс отпущен также с абшидом. На следующий же 1712 г. отпущены с абшидом генерал барон Алларт и генерал-лейтенант Флюгель. 14 иностранных полковников отпущено с абшидом; некоторые же отошли сами. 22 подполковника отпущены с абшидом, отчасти отошли. 156 капитанов отпущены или отошли сами.

Фельдмаршал не слишком много истратил денег, отпуская всех сих офицеров, ибо никому ничего не заплатил; и до сих пор за ним пропадает жалования моего за тринадцать месяцев,* по 130 рублей на месяц (рубль стоил 5 франц. ливров): я получал 70 рублей как бригадир, 40 как полковник и 20 как капитан.

Генерал барон Денсберг имел ужасную схватку с фельдмаршалом касательно денег; но это ни к чему не послужило. Делать было нечего; мы решились терпеть. Генерал барон Денсберг, генерал-лейтенант барон Остен и я отправились вместе через Satanope (Тарнаполь), (где мы встретили полки генерала Рене, возвращающиеся из Валахии, и которые там обогатились в той же мере, как мы обнищали) и потом через Замосц в Леополь, где целый месяц отдыхали от трудов нашего сумасбродного похода. В сем-то городе познакомился я с госпожею коронною старостиной и ее сестрою, госпожею великою хорунжихою. Обе они сестры великому коронному гетману Синявскому. Сии дамы оказали мне множество вежливостей; между прочим получил я от старостины прекрасного испанского табаку, который оживил мой нос, совсем изнемогавший без сей благодетельной помощи, для меня необходимой.

Из Леополя мы приехали в Варшаву, где отдыхали еще один месяц. Оттуда Вислою отправился я с бароном Остеном и его супругою в Данциг, где нашел я мою жену и семейство мое, умноженное одною наследницею, милым и прекрасным ребенком.

〈1835〉

* Кажется, слышишь храброго капитана Dalgetty, жалующегося на недоимки и неисправность в платеже жалованья.

КРИТИКА ИСТОРИЯ
ПУБЛИЦИСТИКА
АВТОБИОГРАФИЯ
НЕОПУБЛИКОВАННОЕ
И ЧЕРНОВОЕ

ЛИТЕРАТУРНО КРИТИЧЕСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛЕМИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ

Мои замечания об русском театре

Должно ли сперва поговорить о себе, если захочешь поговорить о других? Нужна ли старая маска Лужницкого пустынника для безымянного критика Истории Карамзина? Должно ли укрываться в чухонскую деревню, дабы сравнивать немку Ленору с шотландкой Людмилой и чувашкой Ольгою? Ужели, наконец, необходимо для любителя французских актеров и ненавистника русского театра прикинуться кривым и безруким инвалидом, как будто потерянный глаз и оторванная рука дают полное право и криво судить и не уметь писать по-русски? Думаю, что нет, и потому не прилагаю здесь ни своего послужного списка, ни свидетельства о рождении, ни росписи своим знакомым и друзьям, ни собственной апологии. Читатель, которому до меня нет никакой нужды, этим нимало не оскорбится, и если ему нечего делать, то пробежит *мои замечания об Русском Театре,* не заботясь, по какому поводу я их написал и напечатал.

Публика образует драматические таланты. Что такое наша публика?

Пред началом оперы, трагедии, балета молодой человек гуляет по всем десяти рядам кресел, ходит по всем ногам, разговаривает со всеми знакомыми и незнакомыми.

„Откуда ты?“ — „От Семеновой, от Сосницкой, от Колосовой, от Истоминой“. — „Как ты счастлив!“ — „Сегодня она играет — она танцует — похлопаем ей — вызовем ее! она так мила! у ней такие глаза! такая ножка! такой талант!..“ — Занавес подымается. Молодой человек, его приятели, переходя с места на место, восхищаются и хлопают. Не хочу здесь обвинять пылкую, ветреную молодость, знаю, что она требует снисходительности. Но можно ли полагаться на мнения таковых судей?

Часто певец или певица, заслужившие любовь нашей публики, фальшиво дотягивают арию Боэльде или della Maria. Знатоки примечают, любители чувствуют, они молчат из уважения к таланту. *Прочие* хлопают из доверенности и кричат форо из приличия.

Трагический актер заревет громче, сильнее обыкновенного; оглушенный раек приходит в исступление, театр трещит от рукоплесканий.

Актриса... Но довольно будет, если скажу, что невозможно ценить таланты наших актрис по шумным одобрениям нашей публики.

Еще замечание. Значительная часть нашего партера (т. е. кресел) слишком занята судьбою Европы и Отечества, слишком утомлена трудами, слишком глубокомысленна, слишком важна, слишком осторожна в изъявлении душевных движений, дабы принимать какое-нибудь участие в достоинстве драматического искусства (к тому же, русского). И если в половине седьмого часу одни и те же лица являются из казарм и совета занять первые ряды абонированных кресел, то это более для них условный этикет нежели приятное отдохновение. Ни в каком случае невозможно требовать от холодной их рассеянности здравых понятий и суждений, и того менее — движения какого-нибудь чувства. Следовательно, они служат только почтенным украшением Большого каменного театра, но вовсе не принадлежат ни к толпе любителей, ни к числу просвещенных или пристрастных судей.

Еще одно замечание. Сии великие люди нашего времени, носящие на лице своем однообразную печать скуки, спеси, забот и глупости, неразлучных с образом их занятий, сии всегдашние передовые зрители, нахмуренные в комедиях, зевающие в трагедиях, дремлющие в операх, внимательные, может быть, в одних только балетах, не должны ль необходимо охлаждать игру самых ревностных наших артистов и наводить лень и томность на их души, если природа одарила их душою?

Но посмотрим, достойны ли русские актеры такого убийственного равнодушия. Разберем отдельно трагедию, комедию, оперу и балет и постараемся быть снисходительными и строгими, но особливо беспристрастными.

Говоря об русской трагедии, говоришь о Семеновой — и, может быть, только об ней. Одаренная талантом, красотою, чувством живым и верным, она образовалась сама собою. Семенова никогда не имела подлинника. Бездушная французская актриса Жорж и вечно восторженный поэт Гнедич могли только ей намекнуть о тайнах искусства, которое поняла она откровением души. Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленных движений, орган чистый, ровный, приятный и часто порывы истинного вдохновения, всё сие принадлежит ей и ни

от кого не заимствовано. Она украсила несовершенные творения несчастного Озерова и сотворила роль Антигоны и Моины; она одушевила измеренные строки Лобанова; в ее устах понравились нам славянские стихи Катенина, полные силы и огня, но отверженные вкусом и гармонией. В пестрых переводах, составленных общими силами и которые, по несчастью, стали нынче слишком обыкновенны, слышали мы одну Семенову, и гений актрисы удержал на сцене все сии плачевные произведения союзных поэтов, от которых каждый отец отрекается поодиночке. Семенова не имеет соперницы. Пристрастные толки и минутные жертвы, принесенные новости, прекратились, она осталась единодержавною царицею трагической сцены. Было время, когда хотели с нею сравнивать прекрасную комическую актрису Валберхову, которая в роли Дидоны живо напомнила нам жеманную Селимену (так, как в роли *Ревнивой жены* напоминает она и теперь Карфагенскую царицу)*. Но истинные почитатели ее таланта забыли, что видали ее в венце и мантии, которые весьма благоразумно сложила она для платья с шлейфом и шляпки с перьями.

В скромной одежде Антигоны, при плесках полного театра, молодая, милая, робкая Колосова явилась недавно на поприще Мельпомены. Семнадцать лет, прекрасные глаза, прекрасные зубы (следовательно — частая приятная улыбка), нежный недостаток в выговоре обворожили судей трагических талантов. Приговор почти единогласный назвал Сашеньку Колосову надежной наследницей Семеновой. Во всё продолжение игры ее рукоплесканья не прерывались. По окончанию трагедии она была вызвана криками исступления, и когда г-жа Колосова большая

Filiae pulchrae mater pulchrior**

в русской одежде, блистая материнскою гордостью, вышла в последующем балете, всё загремело, всё закричало. Счастливая мать плакала и молча благодарила упоенную толпу. Пример единственный в истории нашего театра. Рассказываю просто, не делая на это никаких замечаний. Три раза сряду Колосова играла три разные роли с равным успехом. Чем же всё кончилось? Восторг к ее таланту и красоте мало-по-малу охолодел, похвалы стали умереннее, рукоплескания утихли; перестали ее сравнивать с несравненною Семеновой; вскоре стала она являться пред опустелым театром. — Наконец, в ее бенефис, когда играла она

* Иные почитают лучшею ролью г-жи Валберховой — роль *Ревнивой жены.* Совершенно несправедливо. Разве они не видали ее в *Мизантропе,* в *Нечаянном закладе,* в *Пустодомах* и проч.

** 〈Прелестной дочери прелестнейшая мать.〉

роль Заиры, — все заснули, и проснулись только тогда, когда христианка Заира, умерщвленная в 5-м действии трагедии, показалась в конце довольно скучного водевиля в малиновом сарафане, в золотой повязке, и пошла плясать по русски с большою приятностию на голос: *Во саду ли, в огороде.*

Если Колосова будет менее заниматься флигель-адъютантами е. и. в., а более своими ролями; если она исправит свой однообразный напев, резкие вскрикиванья и парижской выговор буквы *Р*, очень приятный в комнате, но неприличный на трагической сцене; если жесты ее будут естественнее и не столь жеманными, если будет подражать не только одному выражению лица Семеновой, но постарается себе присвоить и глубокое ее понятие о своих ролях, — то мы можем надеяться иметь современем истинно хорошую актрису, не только прелестную собой, но и прекрасную умом, искусством и неоспоримым дарованием. Красота проходит, таланты долго не увядают. Кто нынче говорит об Каратыгиной, которая, по собственному признанию, никогда не могла понять смысла ни единого слова своей роли, если она писана была стихами? Было время, когда ослепленная публика кричала об чудном таланте прелестной любовницы Яковлева; теперь она наряду с его законною вдовою, и никто не возьмет на себя решить, которая из них непонятнее и неприятнее. Скромная, никем не замеченная Яблочкина, понявшая совершенно всю ничтожность лица трагической наперсницы, предпочитается им обеим простым, равнодушным чтением стихов, которое, по крайней мере, никогда не вредит игре главной актрисы.

Долго Семенова являлась перед нами с диким, но пламенным Яковлевым, который, когда не был пьян, напоминал нам пьяного Тальма. В то время имели мы двух трагических актеров! Яковлев умер; Брянской заступил его место, но не заменил его. Брянской, может быть, благопристойнее вообще, имеет более благородства на сцене, более уважения к публике, тверже знает свои роли, не останавливает представлений *внезапными своими болезнями*; но зато какая холодность! какой однообразный, тяжелый напев!

По мне, — уж лучше пей,
Да дело разумей.

Яковлев имел часто восхитительные порывы гения, иногда порывы лубочного Тальма. Брянской всегда, везде одинаков. Вечно улыбающийся Фингал, Тезей, Орозман, Язон, Димитрий — равно бездушны, надуты, принужденны, томительны. Напрасно говорите вы ему: расшевелись, батюшка, развернись, рассердись, — ну! ну! Неловкий, размеренный, сжатый во

всех движениях, он не умеет владеть ни своим голосом, ни своей фигурою. Брянской в трагедии никогда никого не тронул, а в комедии не рассмешил. Несмотря на это, как комической актер, он имеет преимущество и даже истинное достоинство.

Оставляю на жертву *бенуару* Шеникова, Глухарева, Каменогорского, Толченова и проч. Все они, принятые сначала с восторгом, а после падшие в презрение самого райка, *погибли без шума*. Но из числа сих отверженных исключим Борецкого. Любовь, иные думают, несчастная, к своему искусству увлекла его на трагическую сцену. Он не имеет величественной осанки Яковлева, даже довольно приятной фигуры Брянского; его напев еще однообразнее и томительнее, вообще играет он хуже его. Certes! c'est beaucoup dire* — со всем тем я Борецкого предпочитаю Брянскому. Борецкой имеет чувство, мы слыхали порывы души его в роли Эдипа и старого Горация. Надежда в нем еще не пропала. Искоренение всех привычек, совершенная перемена методы, новый образ выражаться могут сделать из Борецкого, одаренного средствами душевными и физическими, актера с великим достоинством.

Но оставим неблагодарное поле трагедии и приступим к разбору комических талантов.

〈1820〉

〈Заметки по поводу суждения о „Проекте вечного мира" Сен-Пьера〉

1. Il est impossible que les hommes ne conçoivent avec le temps la ridicule atrocité de la guerre comme ils ont conçu l'esclavage, la royauté etc. Ils verront que nous sommes destinés à manger, à boire et à être libre.

2. Les constitutions qui sont un grand pas de l'esprit humain et qui n'en sera pas l'unique tendent nécessairement à diminuer le nombre des troupes d'un état, l'esprit de la force armée étant directement opposé à toute idée constitutionnelle, il serait très possible qu'avant 100 ans l'on n'eût plus d'armée permanente.

3. Quant aux grandes passions et aux grands talents militaires on aura toujours la guillotine — la société se soucie fort peu d'admirer les grandes combinaisons d'un général, victorieux — on a bien autre chose à faire — et ce n'est que pour cela qu'on s'est mis sous l'égide des lois.

Rousseau qui ne raisonnait pas mal pour un Cr. de prot. dit en propres termes: „ce qui est utile au public ne s'introduit guère que par la force, attendu que les intérêts particuliers y sont presque toujours opposés. Sans doute la paix perpétuelle est à présent un projet bien absurde; mais qu'on

* 〈Правда, это сильно сказано.〉

nous rende un Henri IV et un Sully, la paix perpétuelle redeviendra un projet raisonnable; ou plutôt, admirons un si beau plan, mais consolons-nous de ne pas le voir exécuter; car cela ne peut se faire que par des moyens violents et redoutables à l'humanité". Il est évident que ces terribles moyens, dont il parlait, c'étaient les révolutions — or nous y sommes. Je sais bien que toutes ces raisons sont très mauvaises, le témoignage d'un petit garçon comme Rousseau qui n'a jamais gagné seulement une pauvre bataille ne peut avoir aucun poids — mais la dispute est toujours une très bonne chose en ce qu'elle aide à digérer — du reste elle n'a jamais persuadé personne [— il n'y a que les imbéciles qui pensent le contraire].

⟨1821⟩

Note sur la révolution d'Ipsylanti

Le hospodar Ipsylanti trahit la cause de l'Ethérie et fut cause de la mort de Riga etc...

Son fils Alexandre fut éthériste (probablement du choix de Capo-d'Istria et de l'aveu de l'empereur); ses frères, Кан., Кантогони, Сафианос, Мано. Michel Suzzo fut reçu éthériste en 1820; Alexandre Suzzo, hospodar de Valachie, apprit le secret de l'éthérie par son secrétaire (Valetto) qui se laissa pénétrer ou gagner en devenant son gendre. Alexandre Ipsylanti en janvier 1821 envoya un certain Aristide en *Servie* avec un traité d'alliance offensive et défensive entre cette province et lui, général des armées de la Grèce. Aristide fut saisi par Alexandre Suzzo, ses papiers et sa tête furent envoyés à Constantinople — cela fit que les plans furent changés ⟨tout⟩ de suite. Michel Suzzo écrivit à Kichéneff: On empoisonna Alexandre Suzzo et Ipsylanti passa à la tête de quelques arnautes et proclama la révolution.

Les capitans sont des indépendants — corsaires, brigands ou employés turcs revêtus d'un certain pouvoir. Tels furent Lampro etc. et en dernier lieu *Formaki*, Iordaki-Olimbiotti, Калакотрони, Кантогони, Anastas etc. Iordaki-Olimbiotti fut dans l'armée d'Ipsylanti. Ils se retirèrent ensemble vers les frontières de la Hongrie. Alexandre Ipsylanti menacé d'assassinat s'enfuit d'après son avis et fulmina sa proclamation. Iordaki à la tête de 800 hommes combattit 5 fois l'armée turque, et s'enferma enfin dans le monastère (de Sekou). Trahi par les juifs, entouré des turcs, il mit le feu à sa poudre et sauta.

Formaki, capitan, éthériste, fut envoyé de la Morée à Ipsylanti, se battit en brave et se rendit à cette dernière affaire. Décapité à Constantinople.

⟨1821⟩

Note sur Penda-Déka

Penda-Déka fut élevé à Moscou — en 1817 il servit de truchement à un évêque grec réfugié, et fut remarqué de l'empereur et de Capo-d'Istria. Lors du massacre de Galatz il s'y trouva. Deux cents grecs assassinèrent 150 turcs, 60 de ces derniers furent brûlés dans une maison où ils s'étaient refugiés. Penda-Déka vint quelques jours après à Ibrahil comme espion. — Il se présenta chez le Pacha et fuma avec lui comme sujet russe. Il rejoignit Ipsylanti à Tergovitch: celui-ci l'envoya calmer les troubles de Yassy — il y trouva les grecs vexés par les boyards; sa présence d'esprit et sa fermeté les sauvèrent. Il prit de munitions pour 1500 h. tandis qu'il n'en avait que 300. Pendant 2 mois il fut prince de Moldavie. Кантакузин arriva et prit le commandement. On se retira vers Stinka. Кантакузин envoya Penda-Déka reconnaître les ennemis; l'avis de Penda-Déka fut de se fortifier à Barda (1-re station vers Yassy). Kant. se retira à Skoulian et demanda que Penda-Déka fit son entrée dans la quarantaine. Penda-Déka accepta.

Penda-Déka nomma son second Papas-Ouglou arnaute.

Il n'y a pas de doute que le prince Ipsylanti eut pu prendre Ibrahil et Jourja. Les turcs fuyaient de toute part croyant voir les russes à leur trousses. A Boucharest les députés bulgares (entre autre Capigi-<bachi>) proposèrent à Ipsylanti d'insurger tout leur pays — il n'osa!

Le massacre de Galatz fut ordonné par A. Ipsylanti en cas que les turcs ne voulûssent pas rendre les armes.

<1821>

<Заметки по русской истории XVIII в.>

По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, всё еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного. Связи древнего порядка вещей были прерваны на веки; воспоминания старины мало-по-малу исчезали. Народ, упорным постоянством удержав бороду и русской кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр. Новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения. Гражданские и военные чиновники более и более умножались; иностранцы, в то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластической педантизм попрежнему приносил свою неприметную пользу. Отечественные таланты стали изредка появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наследники

северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностию подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе.*

Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть более, чем Наполеон. [В самом деле, история представляет около его всеобщее рабство. Указ, разорванный кн. Долгоруким, и письмо с берегов Прута приносят великую честь необыкновенной душе самовластного государя; впрочем, все состояния, окованные без разбора, были равны пред его *дубинкою*. Всё дрожало, всё безмолвно повиновалось.]

Аристократия после его неоднократно замышляла ограничить самодержавие; к счастию, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож, и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма, и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян. Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных. Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы. Памятниками неудачного борения аристократии с деспотизмом остались только два указа Петра III *о вольности дворян*, указы, коими предки наши столько гордились и коих справедливее должны были бы стыдиться.

Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила ⟨их⟩ на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие

* Доказательства тому — царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона и сладострастной Елисаветы.

ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве. Много было званых и много избранных; но в длинном списке ее любимцев, обреченных презрению потомства, имя странного Потемкина будет отмечено рукою истории. Он разделит с Екатериною часть воинской ее славы, ибо ему обязаны мы Черным морем и блестящими, хоть и бесплодными победами в северной Турции.*

Униженная Швеция и уничтоженная Польша — вот великие права Екатерины на благодарность русского народа. Но со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия, — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России.

Мы видели, каким образом Екатерина унизила дух дворянства. В этом деле ревностно помогали ей любимцы. Стоит напомнить о пощечинах, щедро ими раздаваемых нашим князьям и боярам, о славной расписке Потемкина, хранимой доныне в одном из присутственных мест государства, ** об обезьяне графа Зубова, о кофейнике князя Куракина и проч. и проч.

Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. Ободренные таковою слабостию, они не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные родственники временщика с жадностию пользовались кратким его царствованием. Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа. От канцлера до последнего протоколиста всё крало и всё было продажно. Таким образом развратная государыня развратила и свое государство.

---

* *Бесплодными,* ибо Дунай должен быть настоящею границею между Турциею и Россией. Зачем Екатерина не совершила сего важного плана в начале французской революции, когда Европа не могла обратить деятельного внимания на воинские наши предприятия, а изнуренная Турция нам упорствовать? Это избавило бы нас от будущих хлопот.

** Потемкин послал однажды адъютанта взять из казенного места 100 000 рублей. Чиновники не осмелились отпустить эту сумму без письменного вида. Потемкин на другой стороне их отношения своеручно приписал: „дать, е... м...“

Екатерина уничтожила звание (справедливее — название) рабства а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку, а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского * в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами, и Фонвизин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если бы не чрезвычайная его известность.

Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но, лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии [которые зависели от монастырей, а ныне от епископов] пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностию. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии, ибо напрасно почитают русских суеверными: может быть, нигде более, как между нашим простым народом, не слышно насмешек насчет всего церковного. Жаль! ибо греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер.

В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государем, как между человеком и божеством. Мы обязаны монахам нашей историею, следственно и просвещением. Екатерина знала всё это и имела свои виды.

Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмерными похвалами: очень естественно, — они знали ее только по переписке с Вольтером и по рассказам тех именно, коим она позволяла путешествовать.

Фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная, имела в Европе свое действие; „Наказ“ ее читали везде и на всех языках.

---

* Домашний палач кроткой Екатерины.

Довольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Траянами; но, перечитывая сей лицемерный Наказ, нельзя воздержаться от праведного негодования. Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне; он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна.

Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники самовластия в том несогласны и принимают славную шутку г-жи де-Сталь за основание нашей конституции. En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation.*

2 авг. 1822

〈Начало статьи о русской прозе〉

Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу: не выхваляйте мне Бюфона [этот человек] пишет: „Благороднейшее изо всех приобретений человека было сие животное гордое, пылкое и проч.“ Зачем просто не сказать — лошадь? —Лагарп удивляется сухому рассуждению философа. Но д'Аламбер был очень умный человек — и, признаюсь, я почти согласен с его мнением.

Замечу мимоходом, что дело шло о Бюфоне — великом живописце природы. Слог его, цветущий, полный, всегда будет образцом описательной прозы. Но что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами! Эти люди никогда не скажут *дружба*, не прибавя: „сие священное чувство, коего благородный пламень, и проч.“ — Должно бы сказать: рано поутру, — а они пишут: „едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба“. Как это всё ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее?

Читаю отчет какого-нибудь любителя театра: „сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Аполлоном...“ Боже мой! да поставь: „это молодая хорошая актриса“, и продолжай — а будь уверен, что никто не заметит [высокопарных] твоих выражений, никто спасибо не скажет.

„Презренный завистливый зоил, коего неусыпная зависть изливает усыпительный свой яд на лавры русского Парнаса, коего утомительная тупость может только сравниться с неутомимой злостию...“ Боже

* Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкою.

мой, зачем просто не сказать *лошадь*; не короче ли — „Г-н издатель такого-то журнала“...

Вольтер может почесться лучшим образцом благоразумного слога. — Он осмеял в своем Микромегасе изысканность тонких выражений Фонтенеля, который никогда не мог ему того простить. *

Точность и краткость, вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат; стихи дело другое — (впрочем в них не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется).

Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе? — Ответ: *Карамзина*. Это еще похвала не большая — скажем несколько слов об сем почтенном...

⟨1822⟩

Только революционная голова...

Только революционная голова, подобная М. Ор⟨лову⟩ или Пестелю может любить Россию — так, как писатель только может любить язык. Всё должно творить в этой России и в этом русском языке.

⟨1822⟩

О французской словесности

Изо всех литератур она имела большое влияние на нашу. Ломоносов, следуя немцам, следовал ей. Сумароков — (Тредьяковский нехотя отделил стихосложением) — Дмитриев, Карамзин, Богданович. Вредные последствия — манерность, робость, бледность. Жуковский подражал немцам — Батюшков и Баратынский — Парни. Некоторые пишут в русском роде, из них один Крылов, коего слог русский. Князь Вяземский имеет свой слог. Катенин — пиесы в немецком роде — слог его свой —

Что такое французская словесность? Трубадуры. Малерб держится 4 строками оды к *Дюперье* и стихами *Буало*. Менар, чистый, но слабый. Ракан, Воатюр — дрянь. Буало, Расин, Мольер, Лафонтен, Ж. Б. Руссо, Вольтер. Буало убивает французскую словесность, его странные суждения, зависть Вольтера — французская словесность искажается — русские начинают ей подражать — Дмитриев — как можно ей подражать:

---

* Кстати о слоге. Дóлжно ли в сем случае сказать: не мог *⟨простить⟩ ему* и проч. или ⟨простить его⟩? Кажется, что слова сии зависят не от глагола *мог*, управляемого частицею *не*, но неопределенного наклонения *простить*, требующего *винит.* падежа Впроч. Н. М. Карамзин пишет иначе.

ее глупое стихосложение — робкий, бледный язык — вечно на помочах, Руссо в одах дурен — Державин.

Не решу, какой словесности отдать ⟨предпочтение⟩, но есть у нас свой язык; смелее! — обычаи, история, песни, сказки — и проч.

Что между ими общего?

⟨1822—1824?⟩

⟨Заметки о французских историках и поэтах⟩

⟨1⟩

Французы ничуть не ниже англичан в Истории.— Если первенство чего-нибудь да стоит, то вспомните, что Вольтер первый пошел по новой дороге — и внес светильник философии в темные архивы истории. Робертсон сказал, что если бы Вольтер потрудился указать на источники своих сказаний, то бы он, Робертсон, никогда не написал своей истории. 2-е. Лемонте есть гений 19-го столетия — прочти его Обозрение царствования Людовика XIV и ты поставишь его выше Юма и Робертсона. Рабо де С. Этьен — дрянь.

⟨2⟩

Век романтизма не настал еще для Франции. — Лавинь бьется в старых сетях Аристотеля — Он ученик трагика Вольтера, а не природы.

Tous les recueils de poésies nouvelles dites romantiques sont la honte de la litérature françoise.*

Ламартин хорош в Наполеоне, в Умирающем поэте — вообще хорош какой-то новой гармонией.

Никто более меня не любит прелестного André Chénier — Но он из классиков классик — от него так и несет древней греческой поэзией. Вспомни мое слово: первый гений в отечестве Расина и Буало — ударится в такую бешеную свободу, в такой литературный карбонаризм — что твои немцы — а покамест поэзии во Франции менее, чем у нас.

⟨1824⟩

Причинами, замедлившими ход нашей словесности...

Причинами, замедлившими ход нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1) общее употребление французского языка и пренебрежение русского. Все наши писатели на то жаловались,— но кто же вино-

* ⟨Все сборники новейшей, так называемой романтической, поэзии — позор французской литературы.⟩

ват, как не они сами. Исключая тех, которые занимаются стихами, русский язык ни для кого не может быть довольно привлекателен — — у нас еще нет ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке (метафизического языка у нас вовсе не существует); просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись: проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно уже готовы и всем известны.

Но русская поэзия, скажут мне, достигла высокой степени образованности. Согласен, что некоторые оды Державина, несмотря на неровность слога и неправильность языка, исполнены порывами истинного гения, что в *Душеньке* Богдановича встречаются стихи и целые страницы, достойные Лафонтена, что Крылов превзошел всех нам известных баснописцев, исключая, может быть, сего же самого Лафонтена, что Батюшков, счастливый сподвижник Ломоносова, сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для италианского; что Жуковского перевели бы все языки, если бы он сам менее переводил.

〈1824〉

〈Заметки к поэме „Цыганы“〉

〈I〉

Долго не знали в Европе происхождения цыганов, считали их выходцами из Египта — доныне в некоторых местах называют их египтянами. Английские путешественники разрешили наконец все недоумения — доказано, что цыганы принадлежат к отверженной касте индейцев, называемых *париа*. Язык и то, что можно назвать их верою, и даже черты лица и образ жизни — верные тому свидетельства. Их привязанность к дикой вольности, обеспеченной бедностию, везде утомила меры, принятые правительством для преобразования праздной жизни сих бродяг — они кочуют в России, как и в Англии; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первых потребностей, торгуют лошадьми, водят медведей, обманывают и крадут, женщины промышляют ворожбой, песнями и плясками.

В Молдавии цыганы составляют большую часть народонаселения; но всего замечательнее то, что в Бессарабии и Молдавии крепостное состояние только между ими: там [нет крепостных людей, кроме] сих приверженцев первобытной свободы. Это не мешает им однако же вести дикую кочевую жизнь, довольно верно описанную в сей повести. Дань их составляет необрочный доход супруги господаря. Они отличаются перед прочими большей нравственной чистотой; они не промышляют, например, обманом. Впрочем, они так же дики, так же бедны, так же любят музыку и занимаются теми же грубыми ремеслами.

〈2〉

Примечание. Бессарабия, известная в самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для нас:

Она Державиным воспета
И славой русскою полна.

[От Олега и Святослава до Суворова и Кутузова она была феатром наших вечных войн.]

Но доныне область сия нам известна по ошибочным описаниям двух или трех путешественников. Не знаю, выйдет ли когда-нибудь Историческое и статистическое описание оной, составленное И. П. Липранди, соединяющим ученость истинную с отличными достоинствами военного человека.

〈1824〉

〈Заметка к элегии „Андрей Шенье“〉

André Chénier погиб жертвою французской революции на 31 году от рождения. Долго славу его составляло несколько слов, сказанных о нем Шатобрианом, и два или три отрывка, и общее сожаление об утрате всего прочего. — Наконец творения его были отысканы и вышли в свет 1819 года. — Нельзя воздержаться от горестного чувства.

〈1825〉

〈Возражения на статью А. А. Бестужева „Взгляд на русскую словесность в 1824 и начале 1825 годов“〉

Бестужев предполагает, что словесность всех исторических народов следовала общим законам природы. (*Что это значит?*). Первый век ее был возрастом *гениев*.

Кажется, автор хотел сказать, что всякая словесность имеет свое постепенное развитие и упадок.— Нет. Автор первым ее периодом пред-

полагает век *сильных чувств и гениальных творений*. По времени круг сей (какой?) ⟨стесняется⟩ etc. Следовательно настает новый период, но г-н Бестужев сливает их в одно и продолжает: За сим ⟨веком творения и полноты следует век посредственности, удивления и отчета. Песенники последовали за лириками, комедия вставала за трагедиею; но история, критика и сатира были всегда младшими ветвями словесности⟩ и проч. *Так было везде.*— Нет. О греческой поэзии судить нам невозможно, до нас дошло слишком мало памятников оной. О греческой критике мы не имеем и понятия, но мы знаем, что Геродот жил прежде поэзии Эсхила — гениального творца трагедии.

Невий предшествовал Горацию, Энний Виргилию, Катулл Овидию, Гораций Квинтилиану, Лукан и Сенека явились гораздо позже. Всё это не может подойти под общее определение г-на Бестужева.

Спрашивается, которая из новейших словесностей являет постепенность, своевольно определяемую г-ном Бестужевым? —

Романтическая словесность началась триолетами. Таинства, мистерии, фаблио предшествовали созданиям Ариоста, Кальдерона, Данте, Шекспира.

После ⟨*нрзбр.*⟩ Marini явился Alfieri, Monti и Foscolo, после Попа и Аддисона — Байрон, Мур и Соувей? Во Франции романтическая поэзия долго младенчествовала — Marot и проч.

— Спрашивается, где видим и тень закона, *п⟨редполагаемого⟩* г. Бестужевым?

У нас есть критики? Где ж они?

Где наши Аддисоны, Лагарпы, Шлегели, — что мы разобрали? Чьи литературные мнения сделались народными? на чью критику можем мы сослаться, опереться? Но г-н Бестужев сам же говорит ниже...

⟨1825⟩

Изо всех родов сочинений самые неправдоподобные...

Изо всех родов сочинений самые (invraisembiance) неправдоподобные сочинения драматические, а из сочинений драматических — трагедии, ибо зритель должен забыть — по большей части, время, место, язык, должен усилием воображения согласиться в известном наречии — к стихам, к вымыслам. Французские писатели это чувствовали и сделали свои своенравные правила — место, время (действие). Занимательность, будучи первым законом драматического искусства, единство действия должно быть соблюдаемо. Но место и время слишком своенравны — от сего происходят какие неудобства, стеснение места действия.

Из рукописи наброска „О поэзии классической и романтической“ (Всесоюзная публичная библиотека им. Ленина)

Заговоры, свадьбы, изъяснения любовные, государственные совещания, празднества — всё происходит в одной комнате! — Непомерная быстрота и стесненность происшествий — наперсники... a parte* столь же не сообразны с рассудком — Принуждены были в двух местах — и проч. И всё это ничего не значит. Не короче ли следовать школе романтической, которая есть отсутствие всяких правил, но не всякого искусства? Интерес — единство.

Смешение родов комического и трагического — напряжение, изысканность необходимых иногда простых выражений.

⟨1825⟩

О поэзии классической и романтической

Наши критики не согласились еще в ясном определении различий между родами классическим и романтическим. Сбивчивым понятием о сем предмете обязаны мы французским журналистам, которые обыкновенно относят к романтизму всё, что им кажется ознаменованным печатью мечтательности и германского идеологизма или основанным на предрассудках и преданиях простонародных: определение самое неточное. Стихотворение может являть все сии признаки, а между тем принадлежать к роду классическому. Если вместо *формы* стихотворения будем ⟨брать⟩ за основание только *дух*, в котором оно писано, — то никогда не выпутаемся из определений. Гимн Ж. Б. Руссо духом своим, конечно, отличается от оды Пиндара, сатира Ювенала от сатиры Горация, „Освобожденный Иерусалим" от „Энеиды" — однако ж все они принадлежат к роду классическому. К сему роду должны отнестись те стихотворения, коих *формы* известны были грекам и римлянам, или коих образцы они нам оставили; следственно сюда принадлежат: эпопея, поэма дидактическая, трагедия, комедия, ода, сатира, послание, ироида, эклога, элегия, эпиграмма и басня.

Какие же роды стихотворения должно отнести к поэзии романтической? — Все те, которые не были известны древним, и те, в коих прежние формы изменились или заменены другими.

Не считаю за нужное говорить о поэзии греков и римлян: каждый образованный европеец должен иметь достаточное понятие о бессмертных созданиях величавой древности. Взглянем на происхождение и на постепенное развитие поэзии новейших народов.

Западная Империя клонилась быстро к падению, а с нею наука, словесность и художества. Наконец, она пала; просвещение погасло,

* ⟨Речи „в сторону".⟩

невежество омрачило окровавленную Европу. Едва спаслась латинская грамота; в пыли книгохранилищ монастырских монахи соскобляли с пергамента стихи Лукреция и Виргилия и вместо их писали на нем свои хроники и легенды.

Поэзия проснулась под небом полуденной Франции — рифма отозвалась в романском языке; сие новое украшение стиха, с первого взгляда столь мало значущее, имело <сильное> влияние на словесность новейших народов. Ухо обрадовалось удвоенным повторениям звуков, побежденная трудность всегда приносит нам удовольствие — любить размеренность, соответственность (simetria) свойственно уму человеческому. Трубадуры играли рифмою, изобретали для нее все возможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы: явились virlet, баллада, рондо, сонет и проч.

От сего произошла необходимая натяжка выражения, какое-то жеманство, вовсе неизвестное древним; мелочное остроумие заменило чувство, которое не может выражаться в триолетах. Мы находим несчастные сии следы в величайших гениях новейших времен.

Но ум не может довольствоваться одними игрушками гармонии, воображение требует картин и рассказов — трубадуры обратились к новым источникам вдохновения, воспели любовь и войну, оживили народные предания,— родился ле, роман и фаблио.

Темные предания о древней трагедии и церковные празднества подали повод к сочинению *таинств* (mystères). <Они> почти все писаны на один образец и подходят под одно уложение, но к несчастию в то время не было Аристотеля для установления непреложных законов мистической драматургии.

Два обстоятельства имели решительное действие на дух европейской поэзии: нашествие мавров и крестовые походы.

Мавры внушили ей иступление и нежность любви, приверженность к чудесному и роскошное красноречие востока; рыцари сообщили свою набожность и простодушие, свои понятия о геройстве и вольность нравов походных станов Годфреда и Ричарда.

Таково было смиренное начало романтической поэзии. Если бы она остановилась на сих опытах, то строгие приговоры французских критиков были бы справедливы, но отрасли ее быстро и пышно процвели, и вскоре она является нам соперницею древней музы.

Италия присвоила себе ее эпопею, полу-африканская Гишпания завладела трагедией и романом, Англия противу имен Dante, Ариосто и Кальдерона с гордостью выставила имена Спенсера, Мильтона и

Шекспира, в Германии (что довольно странно) отличилась новая сатира, едкая, шутливая, <коей памятником остался Ренике Фукс.>

Во Франции тогда поэзия всё еще младенчествовала; лучший стихотворец времени <Франциска I> rima des triolets, fit fleurir la ballade.*

Проза уже имела сильный перевес: Монтань, Рабле были современниками Марота.

В Италии и в Гишпании народная поэзия уже существовала прежде появления ее гениев. Она пошла по дороге уже проложенной: были поэмы прежде Ариостова Орландо, были трагедии прежде созданий de Vega и Кальдерона.

Во Франции просвещение застало поэзию в ребячестве без всякого направления, безо всякой силы. Образованные <умы> века Людовика XIV справедливо презрели ее ничтожность и обратили ее к древним образцам. Буало обнародовал свой Коран — и французская словесность ему покорилась.

Сия лжеклассическая поэзия, образованная в передней и никогда не доходившая далее гостиной, не могла отучиться от некоторых врожденных привычек, и мы видим в ней всё романтическое жеманство, облеченное в строгие формы классические.

P. S. Не должно думать однако ж, чтоб и во Франции не осталось никаких памятников чистой романтической поэзии. Сказки Лафонтена и Вольтера и Дева сего последнего носят на себе ее клеймо. Не говорю о многочисленных подражаниях тем и той, подражаниях, по большей части посредственных: легче превзойти гениев в забвении всех приличий, нежели в поэтическом достоинстве.

<1825>

<Замечания на „Анналы“ Тацита>

<1>

Тиберий был в Иллирии, когда получил известие о болезни престарелого Августа — Неизвестно, застал ли он его в живых—Первое злодеяние его (замечает Тацит) было умерщвление Постумы Агриппы, внука Августова. Если в самодержавном правлении убийство может быть извинено государственной необходимостию, — то Тиберий прав. Агриппа, родной внук Августа, имел право на власть и нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума — Таковые люди всегда могут иметь большое число приверженцев — или сделаться

* <Слагал триолеты, писал мастерские баллады.>

орудием хитрого мятежника. Неизвестно, говорит Тацит, Тиберий или его мать Ливия убийство сие приказали. Вероятно Ливия — но и Тиберий не пощадил бы его.

⟨2⟩

Когда сенат просил дозволения нести тело Августа на место сожжения, — Тиберий позволил сие *с насмешливой скромностию.* Тиберий никогда не мешал изъявлению подлости, хотя и притворялся иногда будто бы негодовал на оную — Но и сие уже впоследствии. В начале же, решительный во всех своих действиях, казался он запутанным и скрытным в одних отношениях своих к сенату.

⟨3⟩

Август, вторично испрашивая для Тиберия трибунства, точно ли в насмешку и для невыгодного сравнения с самим собою хвалил наружность и нравы своего пасынка и наследника?

В своем завещании из единой ли зависти советовал он не распространять пределов империи, простиравшейся тогда от — до —

⟨4⟩

Тиберий отказывается от управления государства, но изъявляет готовность принять на себя ту часть оного, которую на него возложат.

Сквозь раболепство Галла Азиния видит он его гордость и предприимчивость, негодует на Скавра, нападает на Гатерия, который подвергается опасности быть убиту воинами и спасен просьбами Августы Ливии.

Тиберий не допускает, чтобы Ливия имела много почестей и влияния, не от *зависти,* как думает Тацит; не увеличивает вопреки мнению сената число преторов, установленное Августом (12).

⟨5⟩

Первое действие Тибериевой власти есть уничтожение народных собраний на Марсовом поле — следственно, и довершение уничтожения республики. Народ ропщет. Сенат охотно соглашается. (Тень правления перенесена в сенат.)

⟨6⟩

35. Германик, тщетно стараясь усмирить бунт легионов, хотел заколоться в глазах воинов. Его удержали. Тогда один из них подал

ему свой меч говоря: *Он вострее*. Это показалось (говорит Тацит) слишком злобно и жестоко самым яростным мятежникам. По нашим понятиям слово сие было бы только грубая насмешка; но самоубийство так же было обыкновенно в древности, как поединок в наши времена, и вряд ли бы мог Германик отказаться от сего предложения, когда бы прочие не воспротивились.

Мать Мессалины советует ей убиться. Мессалина в нерешимости подносит нож то к горлу, то к груди, и мать ее не удерживает. Сенека не препятствует своей жене Паулине, решившейся последовать за ним, и проч. Предложение воина есть хладнокровный вызов, а не неуместная шутка.

⟨7⟩

52. Тиберий не мог доволен быть Германиком, оказавшим много слабости в погашении бунта [легионов]. Германик соглашается на требования мятежников, ограничивает время службы, допущает самовольные казни, даже междоусобную битву. Блестящие поражения неприятеля при Марсорских селениях не заглаживают столько явных ошибок. — Тиберий в своей речи старался их прикрыть риторическими украшениями — меньше хвалил Друза, но откровеннее и вернее. Счастливые обстоятельства благоприятствовали Друзу, но сей оказал и много благоразумия, не склонился на требования мятежников, сам казнил первых возмутителей, сам водворил порядок.

⟨8⟩

53. Юлия, дочь Августа, славная своим распутством и ссылкой Овидия, умирает в изгнании, в нищете, может быть, но не *от нищеты и голода*, как пишет Тацит — Голодом можно заморить в тюрьме.

⟨9⟩

С таковыми глубокими суждениями не удивительно, что Тацит, *бич тиранов*, не нравился Наполеону, удивительно чистосердечие Наполеона, в том признававшегося, не думая о добрых людях, готовых видеть тут ненависть тирана к своему мертвому карателю. —

Тацит говорит о Тиберии, что он не любил сменять своих проконсулов ⟨и⟩ наместников, однажды назначив. Ибо, прибавляет он важно, злая душа его не желала счастия многих. —

⟨1825—1827⟩

Je suppose sous un gouvernement despotique...

Je suppose sous un gouvernement despotique des esclaves et des gens libres — c'est à dire ceux dont la propriété et la volonté dépendent des lois du souverain et ceux qui sont la propriété de quelques individus.

Cet état de choses rentre dans le régime patriarchal, épargne aux gouvernements une infinité d'embarras, de procès, simplifie l'administration et lui donne beaucoup de vigueur.

Gardez-vous donc d'abolir l'esclavage, surtout dans un état.

La liberté des paysans. *

⟨1825—1826?⟩

⟨О народности в литературе⟩

С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, — но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность.

Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из Отечественной Истории (~), другие видят народность в словах, т. е. радуются тем, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения (~).

Но мудрено отъять у Шекспира в его *Отелло, Гамлете, Мера за меру* и проч. — достоинства большой народности; Vega и Кальдерон поминутно переносят во все части света, заемлют предметы своих трагедий из итальянских повестей, из французских etc. Ариосто воспевает Карломана, французских рыцарей и китайскую ⟨красавицу⟩. — Трагедии Расина взяты им из древней ⟨истории⟩.

Мудрено однако ж у всех сих писателей оспоривать достоинства великой народности. Напротив того, что *есть народного* в *Р*⟨оссиаде?⟩ и в *Ксении* ⟨Озерова⟩, рассуждающей шестистопными ямбическими ⟨стихами⟩ о власти родительской с наперсницей посреди стана Димитрия, как справедливо заметил ⟨Державин⟩.

---

* ⟨Предположим, в условиях деспотического государства, существование рабов и людей свободных, т. е. таких, коих собственность и воля зависят от законов монарха, и таких, которые являются собственностью каких-нибудь лиц.

Этот порядок приближается к патриархальному строю, избавляет правительство от бесконечного количества затруднений, судебных тяжб, упрощает управление и придает ему большую мощь.

Итак, остерегайтесь уничтожить рабство, особенно в монархическом государстве.

Свобода крестьян.⟩

Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками — для других оно или не существует, или даже может показаться пороком — ученый немец негодует на учтивость героев Расина, француз смеется, видя в Кальдероне Кориолана, вызывающего на дуэль своего противника. Всё это носит однако ж печать народности.

Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию — которая более и менее отражается в зеркале поэзии. — Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, и поверий, и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу.

<1826>

<Заметки по поводу статьи Кюхельбекера „О направлении нашей поэзии“>

Статья „О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие“ и „Разговор с г. Булгариным“, напечатанные в *Мнемозине* [обратили на себя внимание многих и] послужили основанием всего, что сказано было противу р<омантической> литературы в последние два года.

Статьи сии написаны человеком ученым и умным. Он везде прилагает причины своего образа мыслей и даже доказательства своих суждений, дело довольно редкое в нашей литературе. Никто не стал опровергать его — потому ли, что все с ним согласились, потому ли, что никто не надеялся сладить с атлетом, повидимому, сильным и опытным.

Несмотря на то, многие из суждений его ошибочны во всех отношениях. Он разделяет русскую поэзию на лирическую и эпическую. К первой относит произведения старинных поэтов наших, ко второй Жуковского и его последователей.

Теперь положим, что разделение сие справедливо, и рассмотрим, каким образом критик определяет степень достоинства сих двух родов.

„Мы например“ — выписываем сие мнение, потому что оно совершенно согласно с нашим, что такое *сила* в поэзии? сила в изобретеньи, в расположении плана, *в слоге ли? Свобода?* в слоге, в расположении. — Но какая же свобода в слоге Ломоносова и какого плана требовать в торжественной оде?

Вдохновение? есть расположение души к живому принятию впечатлений, следственно к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных.

Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии.

Критик смешивает вдохновение с восторгом.

Нет; решительно нет — *восторг* исключает *спокойствие*, необходимое условие *прекрасного*. Восторг не предполагает силы ума, располагающей частями в отношении к целому. Восторг непродолжителен, непостоянен, следственно, не в силе произвесть истинное великое совершенство — (без которого нет лирической поэзии). *Гомер* неизмеримо выше Пиндара — ода стоит на низших степенях — не говоря уже об эпосе, поэма, трагедия, комедия, сатира все более ее требуют творчества (fantaisie*) воображения — гениального знания природы.

Но *плана* нет в оде и не может быть — единый план Ада есть уже плод высокого гения. Какой план в Олимпийских одах Пиндара? Какой план в Водопаде, лучшем произведении Державина?

Ода исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого.

Восторг есть напряженное состояние единого воображения, вдохновение может быть без восторга, а восторг без вдохновения.

⟨1826—1827⟩

Есть различная смелость...

Есть различная смелость: Державин написал: „орел, ⟨сын грома⟩, на высоте паря...“, когда счастие „тебе хребет свой с грозным ⟨смехом⟩ повернуло, ты видишь; видишь, как мечты сиянье вкруг тебя заснуло“.

Описание водопада:

Алмазна сыплется гора.
С высот и проч.

Жуковский говорит о боге:

Он в дым Москвы себя облек.

Крылов говорит о храбром муравье:

Он даже хаживал один на паука.

Кальдерон называет молнии огненными языками небес, глаголющих земле. Мильтон говорит, что адское пламя давало токмо различать вечную тьму преисподней...

---

* ⟨Фантазии.⟩

Байрон. С рисунка *А. С. Пушкина* 1836 г. (Всесоюзная публичная библиотека им. Ленина)

Мы находим эти выражения смелыми, ибо они сильно и необыкновенно передают нам ясную мысль и картины поэтические.

Французы доныне еще удивляются смелости Расина, употребившего слово pavé, помост.

Et baiser avec respect le pavé de tes temples.*

И Делиль гордится тем, что он употребил слово vache.** Презренная словесность, повинующаяся таковой мелочной и своенравной критике! Жалка участь поэтов (какого б достоинства они впрочем ни были), если они принуждены славиться подобными победами над предрассудками вкуса!

Есть высшая смелость. Смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческою мыслию — такова смелость Шекспира, Dante, Milton, Гете в *Фаусте*, Молиера в *Тартюфе*.

〈1827〉

〈Отрывок заметки о „Демоне"〉

...Многие того же мнения. Иные даже указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в этом своем странном стихотворении. Кажется, они неправы. По крайней мере вижу в Демоне я цель иную, более нравственную.

В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-по-малу вечные противуречия существенности рождают в нем сомнения, чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда надежды и лучшие поэтические предрассудки души. Недаром великий Гете называет вечного врага человечества *духом отрицающим*. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух — *отрицания или сомнения*? и начертать в *〈нрзбр〉* картине влияние его на нравственность нашего века?

〈1827〉

〈Об альманахе „Северная Лира"〉

Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении и успехах. Несколько приятных стихотворений, любопытные прозаические переводы с восточных языков — имя Баратынского, Вяземского ручаются за успех Северной Лиры, первенца московских альманахов.

---

* 〈И благоговейно лобызать помосты твоих храмов.〉

** 〈Корова.〉

Из стихотворений греческая песнь Туманского, к Одесским друзьям (его же) отличаются гармонией и точностию слога и обличают решительный талант. Между другими поэтами в первый раз увидели мы г-на Муравьева и встретили его с надеждой и радостию. О г. Шевыреве умолчим, как о своем сотруднике.

Заметим, что г-ну Абраму Норову не должно было бы переводить Dante, а г-ну Ознобишину — Андрея Шенье. Предоставляем арабским журналистам заступаться за честь своих поэтов, переводимых г-ом Делибюрадером,— что касается до нас, то мы находим его преложения изрядными для татарина.

Прозаическая статья о Петрарке и Ломоносове могла быть любопытна и остроумна. В самом деле сии два великие мужа имеют между собою сходство. Оба основали словесность своего отечества, оба думали основать свою славу важнейшими занятиями, но вопреки им самим более известны как народные стихотворцы. — Отделенные друг от друга временем, обстоятельствами жизни, политическим положением отечества, они сходствуют твердостию, неутомимостью духа, стремлением к просвещению, наконец уважением, которое умели приобрести от своих соотечественников. Но г-н Раич — глубокомысленно замечает, что Петрарка был влюблен в Лауру, а Ломоносов уважал Петра и Елисавету; что Петрарка писал на латинском языке, написал поэму Сципион Африканский (т. е. Africa), а Ломоносов латинской поэмы не написал. Он в любопытном отступлении рассказывает, что старик приходил из Испании в Рим к Титу Ливию и что *такой же* старец, но к тому ж *слепой,* приходил *видеть* Петрарку — каковой чудесный пример наш Ломоносов не может представить. Наконец, что Роберт, король неаполитанский, спросил однажды у Петрарки, отчего он не представился Филиппу и проч., но что он (г. Р.) не знает, что бы сказал Ломоносов в таком случае.

Долго г-н Р. не знал, почему ⟨„у нашего холмогорца такая свежесть, такая сладость в стихах,— не говорю уже о силе, которою, без сомнения, обязан он древним, но, перечитавши всё, написанное им, я нашел, что он умел и счастливо умел перенести в свои творения много, очень много итальянского и даже некоторые, так называемые, concetti“⟩. Сомнительно.

⟨1827⟩

⟨О Байроне и его подражателях⟩

⟨1⟩

Ни одно из произведений лорда Байрона не сделало в Англии такого сильного впечатления, как его поэма *Корсар,* несмотря на то, что она в достоинстве уступает многим другим: *Гяуру* в пламенном

изображении страстей, *Осаде Коринфа*, *Шильонскому узнику* в трогательном развитии сердца, в трагической силе *Паризине*, наконец 3 и 4-ой главам Child Harold в глубокомыслии и высоте парения истинно лирического и в удивительном Шекспировском разнообразии *Дон-Жуану*.— *Корсар* неимоверным своим успехом был обязан характеру главного лица, таинственно напоминающего нам человека, коего роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая другой.

По крайне мере, английские критики предполагали в Байроне сие намерение, но вероятнее, что поэт и здесь вывел на сцену лицо, являющееся во всех его созданиях и которое наконец принял он сам на себя в Чильд-Гарольде. Как бы то ни было, поэт никогда не изъяснил своего намерения, сближение с Наполеоном нравилось его самолюбию.

Байрон мало заботился о планах своих произведений, или даже вовсе не думал о них; несколько сцен, слабо между собою связанных, составляют 〈*нрзбр*〉 〈и〉 были ему достаточны для сей бездны мыслей, чувств и картин.

Критики оспоривали у него гений драматический, и Байрон за то всё и досадовал — Дело в том, что он постиг, полюбил один токмо характер — etc.——

Вот почему, несмотря на великие красоты поэтические, его трагедии вообще ниже его гения, и драматическая часть в его поэмах (кроме разве одной Паризины) не имеет никакого достоинства.—

Что же мы подумаем о писателе, который из поэмы *Корсар* выберет один токмо план, достойный нелепой и пошлой 〈?〉 повест 〈?〉 — и по сему детскому плану составит драматическую трилогию, заменив очаровательную глубокую поэзию Байрона прозой надутой и уродливой, достойной наших несчастных подражателей покойного Коцебу? Вот что сделал г-н Олин, написав свою романтическую трагедию *Корсар*,— подражение 〈Байрону〉.— Спрашивается: что в байроновой поэме его поразило — неужели план? о miratores...*

〈1827〉

〈2〉

Английские критики оспоривали у лорда Байрона драматический талант; они кажется правы — Байрон, столь оригинальный в *Чильд-Гарольде*, в *Гяуре* и в *Дон-Жуане*, делается подражателем коль скоро вступает на поприще драматическое — в Manfred'е он подражал *Фаусту*, заменяя простонародные сцены и субботы другими, по его мнению, благороднейшими; но *Фауст* есть величайшее создание поэтического

* 〈Поклонники.〉

духа, он служит представителем новейшей поэзии, точно как *Илиада* служит памятником классической древности.

В других трагедиях, кажется, образцом Байрону был Alfieri.— *Каин* имеет одну токмо форму драмы, но по бессвязности сцен и отвлеченным рассуждениям в самом деле относится к роду скептической поэзии Чильд-Гарольда.— Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человеческую, потом отвратился от них и погрузился в самого себя. В *Каине* он постиг, создал и описал единый характер (именно свой), всё кроме неко... etc. отнес он к сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно пленительному. Когда же он стал составлять свою трагедию, то каждому действующему лицу роздал по одной из составных частей сложного и сильного характера — и таким образом раздробил величественное свое создание на несколько лиц мелких и незначительных.

Байрон чувствовал свою ошибку и в последствии времени принялся вновь за Фауста, подражая ему в своем *Превращенном Уроде* (думая тем исправить le chef d'oeuvre). 〈1827〉

〈О романах Вальтера Скотта〉

Главная прелесть романов Walter Scott состоит в том, что мы знакомимся с прошедшим временем, не с enflure* французских трагедий,— не с чопорностию чувствительных романов — не с dignité** истории, но современно, но домашним образом — Ce qui me dégoûte c'est ce que*** — Тут наоборот ce qui nous charme dans le roman historique — c'est que ce qui est historique est absolument ce que nous voyons — Shakespeare, Гете, Walter Scott**** не имеют холопского пристрастия к королям и героям. — Они не походят (как герои французские) на холопей, передразнивающих *la dignité et la noblesse* — ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral même dans les circonstances solennelles — car les grandes circonstances leur sont familières.

On voit que Walter Scott est de la petite société de Rois d'Angleterre.***** 〈1830〉

* 〈Напыщенностью.〉

** 〈Достоинством.〉

*** 〈То, что меня отталкивает, это...〉

**** 〈Что нас очаровывает в историческом романе — это то, что историческое в них есть подлинно то, что мы видим—Шекспир, Гете, Вальтер Скотт...?〉

*****〈*Достоинство и благородство* — они просты в повседневных случаях жизни, в их речах нет ничего приподнятого, театрального, даже в торжественных обстоятель-

⟨Наброски статей о Баратынском⟩

⟨1⟩

Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского, так давно и с таким нетерпением ожидаемое. Спешим воспользоваться случаем высказать наше ⟨мнение⟩ об одном из первоклассных наших поэтов и (быть может) еще недовольно оцененном своими соотечественниками.

Первые произведения Баратынского обратили на него внимание.— Знатоки с удивлением увидели в первых опытах зрелость и стройность [необыкновенную.]

Сие преждевременное развитие всех поэтических способностей может быть зависело от обстоятельств, но уже предрекало нам то, что ныне выполнено поэтом столь блистательным образом.*

Первые произведения Баратынского были элегии и в этом роде он первенствует. Ныне вошло в моду порицать элегии — как в старину старались осмеять оды; но если вялые подража⟨тели⟩ Ломоносова и Баратынского равно несносны, то из того еще не следует, что роды лирический и элегический должны быть исключены из разрядных книг поэтической олигархии.

Да к тому же у нас почти не существует чистая элегия. У древних отличалась она особым стихосложением, но иногда сбивалась на идиллию, иногда входила в трагедию, иногда принимала ход лирический — чему в новейшее время видим примеры у Гете.

⟨1827⟩

⟨2⟩

Пора Баратынскому занять на русском Парнасе место, давно ему принадлежащее.— Наши поэты не могут жаловаться на излишнюю строгость критиков и публики — напротив. Едва заметим в молодом писателе навык к стихосложению, знание языка и средств оного, уже тотчас спешим приветствовать его титлом Гения, за гладкие стишки — нежно благодарим его в журналах *от имени человечества*, неверный перевод, бледное подражание сравниваем, без церемонии, с бессмертными произведениями Гете и Байрона:** добродушие смешное, но без-

ствах, так как великие события для них привычны. Видно, что Вальтер Скотт принадлежит к интимному кругу английских королей.⟩

* ⟨Далее набросок плана: Corrige le valet, mais respecte le maître. Соперники Баратынского — Батюшков и Жуковский.⟩

** Таким образом набралось у нас несколько своих Пиндаров, Ариостов и Байронов и десятка три писателей, делающих *истинную честь нашему веку*.

вредное; истинный талант доверяет более собственному суждению, основанному на любви к искусству, нежели малообдуманному решению записных Аристархов — [Зачем] лишать златую посредственность невинных удовольствий журнальным торжеством.

Из наших поэтов Баратынский всех менее пользуется обычной благосклонностию журналов. — Оттого ли, что верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность менее действует на толпу, чем преувеличение (exagération) модной поэзии — потому ⟨ли⟩, что наш поэт некоторыми эпиграммами заслужил негодование братии, не всегда смиренной,— как бы то ни было, критики изъявляли в отношении к нему или недобросовестное равнодушие или даже неприязненное расположение. — Не упоминая уже об известных шуточках покойного „Благонамеренного", известного весельчака — заметим, что появление Эды, произведения столь замечательного оригинальной своею простотою, прелестью рассказа, живостью красок — и очерком характеров, слегка, но мастерски означенных, появление Эды подало только повод к неприличной статейке в Северной Пчеле и слабому возражению, кажется, в Московском Телеграфе.

Как отозвался Московский Вестник об собрании стихотворений нашего первого элегического поэта! (Упоминаю обо всем этом для назидания молодых писателей.)— Между тем Баратынский спокойно усовершенствовался — последние его произведения являются плодами зрелого таланта.

Последняя поэма Баратынского, на⟨печатанная⟩ в Северных Цветах, подтверждает наше мнение — Сие блестящее произведение исполнено оригинальных красот и прелести необыкновенной — Поэт с удивительным искусством соединил в быстром рассказе тон шутливый и страстный, метафизику и поэзию.

Поэма начинается описанием московского бала — Гости съехались, пожилые дамы сидят в пышных уборах, сидят около стен и смотрят на толпу *с тупым вниманием*. Вельможи в лентах и звездах сидят за картами, и встав из ⟨-за⟩ ломберных столов, иногда приходят

Взглянуть на ⟨мчащиеся пары
Под гул порывистый смычков.⟩

Молодые красавицы кружатся около их.

Гусар крутит свои усы,
Писатель чоп⟨орно острится.⟩

Вдруг все смутились; посыпались вопросы. Княгиня Нина вдруг уехала с бала.

<Вся зала шопотом полна:
„Домой уехала она!
Вдруг стало дурно ей“. Ужели?
— В кадрили весело вертясь,
Вдруг помертвела! — Что причиной?
Ах, боже мой! Скажите, князь,
Скажите, что с княгиней Ниной.>

— Бог знает, отвечает с супружеским равнодушием князь, занятый своим бостоном. Поэт отвечает вместо князя — ответ и составляет поэму.—

Нина исключительно занимает нас. Характер ее новый, развит con amore, * широко и с удивительным искусством, для него поэт наш создал совершенно сво<бодный?> язык и выразил на нем все оттенки своей метафизики—для нее расточил он всю элегическую негу, всю прелесть своей поэзии.

(Выписки)

Напрасно поэт берет иногда строгий тон порицания, укоризны, напрасно он с принужденной холодностью говорит о ее смерти, сатирически описывает нам ее похороны, и шуткою кончает поэму свою—мы чувствуем, что он любит свою бедную страстную героиню. — Он заставляет и нас принимать болезненное соучастие в судьбе падшего, но еще очаровательного создания.

Арсений есть тот самый, кого должна была полюбить бедная Нина. — Он сильно овладел ее воображением, и никогда вполне не удовлетворяя ни ее страсти, ни любопытству — должен был до конца сохранить над нею роковое свое *влияние* (ascendant).

<1828>

<3>

Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален — ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко. Гармония его стихов, свежесть слога, живость и точность выражения должны поразить всякого хотя несколько одаренного вкусом <и> чувствами. Кроме прелестных элегий и мелких стихотворений, знаемых всеми наизусть и столь неудачно поминутно подражаемых, Баратынский написал две повести, которые в Европе доставили бы ему славу, а у нас были замечены одними знатоками. Первые, юношеские произведения Баратынского были некогда приняты с восторгом. Последние

* <С увлечением.>

более зрелые, более близкие к совершенству, в публике имели меньший успех. Постараемся объяснить причины. Первой должно почесть самое сие усовершенствование и зрелость его произведений. Понятия ‹и› чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому, молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически... Но лета идут — юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются — Песни его уже не те — А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни — Поэт отделяется от них, и мало-по-малу уединяется совершенно. Он творит — для самого себя и если изредка еще обнародывает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, затерянных в свете, как он уединенных. — Вторая причина есть отсутствие критики и общего мнения. — У нас литература не есть потребность народная — Писатели получают известность посторонними обстоятельствами — Публика мало ими занимается — Класс читателей ограничен — и им управляют журналы, которые судят о литературе, как о политической экономии, о политической экономии, как о музыке, т. е. наобум, по наслышке, безо всяких основательных правил и сведений, а большею частию по личным расчетам. Будучи предметом их неблагосклонности, Баратынский никогда за себя не вступался, не отвечал ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться там, где не было обвинения, и что с другой стороны довольно легко презирать ребяческую злость и площадные насмешки—тем не менее их приговоры имеют решительное влияние.

Третья причина — эпиграммы Баратынского — сии мастерские, образцовые эпиграммы не щадили правителей русского Парнаса — Поэт наш не только никогда не нисходил к журнальной полемике и ни разу ‹не› состязался с нашими Аристархами, несмотря на необыкновенную силу своей диалектики, но и не мог удержаться, чтоб сильно не выразить иногда своего мнения в этих маленьких сатирах столь забавных и язвительных. Не смеем упрекать его за них. Слишком было бы жаль, если б они не существовали * —

* Эпиграмма, определенная законодателем французской пиитики *Un bon mot de deux rimes orné*, скоро стареет, и живее действуя в первую минуту, как и всякое острое слово, теряет всю свою силу при повторении — Напротив, в эпиграмме Баратынского сатирическая мысль приемлет оборот то сказочный, то драматический и развивается свободней, сильнее — Улыбнувшись ей как острому слову, мы с наслаждением перечитываем ее как произведение искусства.

Е. А. Боратынский. С портрета карандашом и тушью *Ж. Вивьена* 1820-х гг. (Институт литературы Академии Наук СССР)

Сия беспечность о судьбе своих произведений, сие неизменное равнодушие к успеху и похвалам, не только в отношении к журналистам, но и в отношении публики — очень замечательны. Никогда не старался он малодушно угождать господствующему вкусу и требованиям мгновенной моды, никогда не прибегал к шарлатанству, преувеличению (exagération) для произведения большего эффекта, никогда не пренебрегал трудами неблагодарными, редко замеченными, трудами отделки и отчетливости, никогда не тащился по пятам свой век увлекающего Гения, подбирая им оброненные колосья; он шел своей дорогой один и независим. Время ему занять степень, ему принадлежащую — и стать подле Жуковского и выше певца Пенатов и Тавриды.

Перечтите его Эду (которую критики наши нашли *ничтожной;* ибо как дети, от поэмы требуют они происшествий); перечтите сию простую восхитительную повесть; вы увидите, с какою глубиною чувства развита в ней женская любовь. Посмотрите на Эду после первого поцелуя предприимчивого обольстителя.

Взор укоризны, даже гнева
Тогда поднять хотела дева,
Но гнева взор не выражал —
Веселость ясная сияла
В ее младенческих очах — —

Она любит как дитя, радуется его подаркам, резвится с ним, беспечно привыкая к его ласкам — но время идет, Эда уже не ребенок.

〈На камнях розовых твоих〉
Весна 〈игриво засветлела,
И ярко зелен мох на них,
И птичка весело запела,
И по гранитному одру
Светло бежит ручей сребристый,
И лес прохладою душистой
С востока веет поутру;
Там за горою дол таится,
Уже цветы пестреют там;
Уже черемух фимиам
Там в чистом воздухе струится:
Своею негою страшна
Тебе волшебная весна,
Не слушай птички сладкогласной!
От сна восставшая, с крыльца
К прохладе утренней лица〉
Не обращай 〈и в дол прекрасной
Не приходи и сверх всего
Беги гусара своего.〉

Какая роскошная черта, как весь отрывок исполнен неги. Эда влюблена...

〈1830—1831〉

⟨Наброски предисловия к „Борису Годунову“⟩

⟨1⟩

Благодарю вас за участие, принимаемое вами в судьбе „Годунова“: ваше нетерпение видеть его очень лестно для моего самолюбия; но теперь, когда по стечению благоприятных обстоятельств открылась мне возможность его напечатать, предвижу новые затруднения, мною прежде и не подозреваемые.

С 1820 года будучи удален от московских и петербургских обществ, я в одних журналах мог наблюдать направление нашей словесности. Читая жаркие споры о романтизме, я вообразил, что и в самом деле нам наскучила правильность и совершенство классической древности и бледные, однообразные списки ее подражателей, что утомленный вкус требует иных, сильнейших ощущений и ищет их в мутных, но кипящих источниках новой, народной поэзии. Мне казалось однако довольно странным, что младенческая наша словесность, ни в коем роде не представляющая никаких образцов, уже успела немногими опытами притупить вкус читающей публики; но, думал я, французская словесность, всем нам с младенчества и так коротко знакомая, вероятно, причиною сего явления. Искренно признаюсь, что я воспитан в страхе почтеннейшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и следовать духу времени. Это первое признанье ведет к другому, более важному: так и быть, каюсь, что я в литературе скептик (чтоб не сказать хуже) и что все ее секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суеверно порабощать литературную совесть? Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы.

Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе отца нашего Шекспира, и принесши ему в жертву пред его алтарь два классические единства, едва сохранил последнее. Кроме сей пресловутой тройственности есть и единство, о котором французская критика и не упоминает (вероятно, не предполагая, что можно оспоривать его необходимость), единство слога — сего 4-го необходимого условия французской трагедии, от которого избавлен театр испанский, английский и немецкий. Вы чувствуете, что и я последовал столь соблазнительному примеру.

Что сказать еще? Почтенный александрийский стих переменил я на пятистопный белый; в некоторых сценах унизился даже до презренной

прозы, не разделил своей трагедии на действия,—и думал уже, что публика скажет мне *большое спасибо.*

Отказавшись добровольно от выгод, мне представляемых системою искусства, оправданной опытами, утвержденной привычкою, я старался заменить сей чувствительный недостаток верным изображением лиц, времени, развитием исторических характеров и событий, словом, написал трагедию истинно романтическую.

Между тем, внимательнее рассматривая критические статьи, помещаемые в журналах, я начал подозревать, что я жестоко обманулся, думая, что в нашей словесности обнаружилось стремление к романтическому преобразованию. Я увидел, что под общим словом романтизма разумеют ⟨произведения, носящие печать уныния или мечтательности⟩,* что, следуя сему своевольному определению, один из самых оригинальных писателей нашего времени, не всегда правый, но всегда оправданный удовольствием очарованных читателей, не усумнился включить Озерова в число поэтов романтических,—что, наконец, наши журнальные Аристархи без церемонии ставят на одну доску Данте и Ламартина, самовластно разделяют европейскую литературу на классическую и романтическую, уступая первой—языки латинского юга и приписывая второй германские племена севера, так что Данте (il gran Padre Alighieri),** Ариосто, Лопец де Вега, Кальдерон и Сервантес попались в классическую фалангу, которой победа, благодаря сей неожиданной помощи, доставленной издателем *Московского Телеграфа*, кажется, будет несомненно принадлежать.

Всё это сильно поколебало мою авторскую уверенность. Я начал подозревать, что трагедия моя есть анахронизм.

Между тем, читая мелкие стихотворения, величаемые романтическими, я в их не видел и следов искренного и свободного хода романтической поэзии, но жеманство лжеклассической Франции. Скоро я в том удостоверился.

Вы читали в первой книге *Московского Вестника* отрывок из „Бориса Годунова“, сцену летописца. Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: умилительная кротость, простодушие, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, набожность к власти царя, данной им богом—совершенное отсутствие суетности пристрастия—дышат в сих драгоценных

* ⟨Определение романтизма не было выписано Пушкиным, и для него оставлен пробел. Заимствуем его из Пушкина „Французские критики имеют свое понятие об романтизме“ (1830)⟩

** ⟨Великий отец наш Алигиери.⟩

памятниках времен давно минувших, между коими озлобленная летопись князя Курбского отличается от прочих летописей, как бурная жизнь Иоаннова изгнанника отличалась от смиренной жизни безмятежных иноков.

Мне казалось, что сей характер всё вместе нов и знаком для русского сердца; что трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании, украсит простоту моих стихов и заслужит снисходительную улыбку читателя; что же вышло? Обратили внимание на политические мнения Пимена и нашли их запоздалыми; другие сомневались, могут ли стихи без рифм называться стихами. Г-н З. предложил променять сцену *Бориса Годунова* на картинки *Дамского Журнала*. Тем и кончился строгий суд почтеннейшей публики.

Что ж из этого следует? Что г-н З. и публика правы, но что гг. журналисты виноваты, ошибочными известиями введшие меня во искушение. Воспитанные под влиянием французской литературы, русские привыкли к правилам, утвержденным ее критикою, и неохотно смотрят на всё, что не подходит под сии законы. Нововведения опасны и, кажется, не нужны.

Хотите ли знать, что̀ еще удерживает меня от напечатания моей трагедии? Те места, кои в ней могут подать повод применения, намеки, allusions. Благодаря французам мы не понимаем, как драматический автор может совершенно отказаться от своего образа мыслей, дабы совершенно переселиться в век, им изображаемый. Француз пишет свою трагедию с *Constitutionnel* или с *Quotidienne* перед глазами, дабы шестистопными стихами заставить Сциллу, Тиберия, Леонида высказать его мнение о Виллеле или о Каннинге. От сего затейливого способа на нынешней французской сцене слышно много красноречивых журнальных выходок, но трагедии истинной не существует. Заметьте, что в Корнеле вы применений не встречаете, что кроме *Эсфири* и *Вереники* нет их и у Расина. Летописец французского театра видел в *Британике* смелый намек на увеселения двора Людовика XIV.

Il ne dit, il ne fait que ce qu'on lui prescrit etc.*

Но вероятно ли, чтоб тонкий придворный Расин осмелился сделать столь ругательное применение Людовика к Нерону? Будучи истинным поэтом, Расин, написав сии прекрасные стихи, был исполнен Тацитом, духом Рима; он изображал ветхий Рим и двор тирана, не думая о вер-

* <Он говорит и делает лишь то, что ему предписывают.>

сальских балетах. Самая дерзость сего применения служит доказательством, что Расин о нем и не думал, как Юм или Вальполь (не помню кто) замечает о Шекспире в подобном же случае.

〈1827 — 1828〉

〈2〉

Voici ma tragédie puisque vous la voulez absolument, mais avant que de la lire j'exige que vous parcouriez le dernier tome de Karamzine. Elle est remplie de bonne plaisanteries et d'allusions fines à l'historire de ce temps-là comme nos sous-oeuvres de Kiov et de Kamenka. Il faut les comprendre *sine que non*.

A l'exemple de Shekspeare je me suis borné à développer une époque et des personnages historiques sans rechercher les effets théatrals, le pathétique romanesque etc... le style en est mélangé. — Il est trivial et bas là où j'ai été obligé de faire intervenir des personnages vulgaires et grossiers — quand aux grosses indécences n'y faites pas attention: cela a été écrit au courant de la plume dìsparaîtra à la première copie. Une tragédie sans amour souriait à mon imagination. Mais outre que l'amour entroit beaucoup dans le caractère romanesque et passionné de mon aventurier, j'ai rendu Дмитрий amoureux de Marina pour mieux faire ressortir l'étrange caractère de cette dernière. Il n'est encore qu'esquissé dans Karamzine. Mais certes c'était une drôle de jolie femme. Elle n'a eu qu'une passion et ce fut l'ambition, mais à un degré d'énergie, de rage qu'on a peine à se figurer. Après avoir goûté de la royauté voyes-la ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventuriers — partager tantôt le lit dégoûtant d'un juif, tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque peut lui presenter la faible espérance d'un trône qui n'existait plus. Voyez-la braver la guerre, la misère, la honte, en même temps traiter avec le roi de Pologne de couronne à couronne et finir misérablement l'existence la plus orageuse et la plus extraordinaire. Je n'ai qu'une scène pour elle, mais j'y reviendrai si dieu me prête vie. — Elle me trouble comme une passion. —Elle est horriblement polonaise comme le disait [la cousine de M-me Lubomirska].

Гаврила Пушкин est un de mes ancêtres, je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. — Il a eu de grands talents, homme de guerre, homme de cour, homme de conspiration surtout. C'est lui et Плещеев qui ont assuré le succès du Самозванец par une audace inouie. — Après je l'ai retrouvé à Moscou l'un des 7 chefs qui la défendaient en 1612, puis en 1616 dans la Дума siégeant à côté de Козьма Minine, puis воеводой à Нижний, puis parmi les députés qui

couronnèrent Romanof, puis ambassadeur. — Il a été tout, même incendiaire comme le prouve une Грамота que j'ai trouvée à Погорелое Городище — ville qu'il fit brûler (pour la punir de je ne sais quoi) à la mode des proconsuls de la Convention National. —

Je compte revenir aussi sur Шуйский. — Il montre dans l'histoire un singulier mélange d'audace, de souplesse et de force de caractère. Valet de Godounof il est un des premiers boyards à passer du côté de Дмитрий. Il est le premier qui conspire et c'est lui même, notez cela, qui se charge de retirer les marrons du feu, c'est lui même qui vocifère, qui accuse, qui de chef devient enfant perdu. — Il est prêt à perdre la tête, Дмитрий lui fait grâce déjà sur l'échafaud, il l'exile et avec cette générosité étourdie qui caractérisait cet aimable aventurier il le rappelle à sa cour, il le comble de biens et d'honneurs. — Que fait Шуйский qui avait frisé de si près la hache et le billot? Il n'a rien de plus pressé que de conspirer de nouveau, de réussir, de se faire élire tsar, de tomber et de garder dans sa chûte plus de dignité et de force d'âme qu'il n'en a eu pendant toute sa vie.

Il y a beaucoup du Henri IV dans Дмитрий. — Il est comme lui brave, généreux et gascon, comme lui indifférent à la religion — tont deux abjurant leur foi pour cause politique, tout deux aimant les plaisirs et la guerre, tout deux se donnant dans des projets chimériques — tout deux en butte aux conspirations. Mais Henri IV n'a pas à se reprocher Ксения — il est vrai que cette horrible accusation n'est pas prouvée et quant à moi je me fais une religion de ne pas y croire. —

Грибоедов a critiqué le personnage de Job — le patriarche, il est vrai, était un homme de beaucoup d'esprit, j'en ai fait un sot par distraction.

En écrivant ma Годунов j'ai réfléchi sur la tragédie — et si je me mêlais de faire une préface, je ferais du scandale — c'est peut-être le genre le plus méconnu. On a tâché d'en baser les lois sur la vraisemblance, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame; sans parler déjà du temps, des lieux etc, quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux dont l'une est occupée par 2000 personnes, sensées n'être pas vues par celles que sont sur les planches?

2) *La langue.* Par exemple le Philoctète de la Harpe dit en bon françois après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Hélas! j'entends les doux sons de la langue grecque. Tout cela n'est-il pas d'une invraisemblance de convention? Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais souciés d'une autre vraisemblance que celle des caractères et des situations. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid: ha, vous voulez la règle de 24 heurs? Soit. Et là-dessus il vous entasse des évenements pour 4 mois. Rien de plus ridicule que les petits changements des règles reçues. Alfieri

est profondément frappé du ridicule de l'*a parte*, il le supprime et là-dessus allonge le monologue. Quelle puérilité!

Ma lettre est bien plus longue que je ne l'avais voulu faire. — Gardez-la, je vous prie, car j'en aurai besoin si le diable me tente de faire une préface.

30 jan. 1829

‹3›

С величайшим отвращением решаюсь я выдать в свет *Бориса Годунова*. Успех или неудача моей трагедии будет иметь влияние на преобразование драматической нашей системы. Боюсь, чтоб собственные ее недостатки не были б отнесены к романтизму и чтоб она тем самым не замедлила хода —

Хотя успех *Полтавы* ободряет меня.

19 июля 1829. Арзрум.

‹4›

С отвращением решаюсь выдать в свет [свое] ‹сочинение›.

И хотя я вообще всегда был довольно равнодушен к успеху иль неудаче своих сочинений, но признаюсь, неудача *Бориса Годунова* будет мне чувствительна, а я в ней почти уверен Как Монтань, могу сказать о своем сочинении: c'est une oeuvre de bonne foi.*

Писанная мною в строгом уединении, вдали охлаждающего света, плод постоянного труда, добросовестных изучений, трагедия сия доставила мне всё, чем писателю насладиться дозволено: живое вдохновенное занятие, внутреннее убеждение, что мною употреблены были все усилия, наконец одобрение малого числа [людей избранных].

Трагедия моя уже известна почти всем тем, коих мнениями я дорожу. В числе моих слушателей одного недоставало, того, кому обязан я мыслию моей трагедии, чей гений одушевил и поддержал меня; чье ободрение представлялось воображению моему сладчайшею наградою и единственно развлекало меня посреди уединенного труда.

‹1829›

‹5›

Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким иным влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характе-

*‹Это — честное произведение.›

ров, в небрежном и простом составлении типов. Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашних времен. Источники богатые! Умел ли ими воспользоваться — не знаю. По крайней мере, труды мои были ревностны и добросовестны.

Долго не мог я решиться напечатать свою драму. — Хороший или худой успех моих стихотворений, благосклонное или строгое решение журналов о какой-нибудь стихотворной повести слабо тревожили доныне мое самолюбие. Критики слишком лестные не ослепляли его; читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнение критика, понять со всевозможным хладнокровием, в чем именно состоят его обвинения. — И если никогда не отвечал я на оные, то сие происходило не из презрения, но единственно из убеждения, что для нашей литературы il est indifférent,* что такая то глава *Онегина* выше или ниже другой. Но, признаюсь искренно, неуспех драмы моей огорчил бы меня, ибо я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы шекспировой, а не придворный обычай трагедии Расина, и что всякий неудачный опыт может замедлить преобразование нашей сцены — (*Ермак* А. С. Хомякова есть более произведение лирическое, чем драматическое. Успехом своим оно обязано прекрасным стихом, коим оно написано).

Приступаю к некоторым частным объяснениям. Стих, употребленный мною (пятистопный ямб), принят обыкновенно англичанами и немцами. — У нас первый пример оному находим мы, кажется, в *Аргивянах*; А. Жандр в отрывке своей прекрасной трагедии, писанной стихами вольными, преимущественно употребляет его. — Я сохранил цезуру французского пентаметра на второй стопе — и, кажется, в том ошибся, лишив добровольно свой стих свойственного ему разнообразия. Есть шутки грубые, сцены простонародные. — Хорошо, если поэт может их избежать, если же нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным. Поэту не должно быть площадным из доброй воли.

Нашед в истории одного из предков моих, игравшего важную роль в сию несчастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, con amore,** но [без всякой дворянской спеси]. Изо всех моих подражаний Байрону дворянская спесь была самое смешное. Аристократию нашу составляет дворянство новое; древнее же пришло в упадок, права его уравнены с правами прочих состояний, великие име-

* ⟨Безразлично.⟩
** ⟨Охотно.⟩

ния давно раздроблены, уничтожены и ⟨*нрзбр*⟩ и проч. — Принадлежать старой аристократии не представляет никаких преимуществ в глазах благоразумной черни, и уединенное почитание к славе предков может только навлечь нарекание в странности или бессмысленном подражании иностранцам.

⟨1829—1830?⟩

⟨6⟩

Je me présente ayant [renoncé à] changé ma manière première — n'ayant plus à illustrer un nom inconnu et une première jeunesse, je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli. — Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue. — Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie.

Lorsque j'écrivais cette tragédie, j'étais seul à la campagne, ne voyant personne, ne lisant que les journaux etc. — d'autant plus volontiers que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scène; je vis que j'étais dans l'erreur. [C'est donc avec] j'éprouvais [donc] une grande répugnance à livrer au public ma tragédie, je voulais au moins la faire précéder d'une préface et la faire accompagner de notes. — Mais je trouve tout cela fort inutile.

⟨1830⟩

⟨7⟩

Дух века требует важных перемен и на сцене драматической. Может быть, и они обманут надежды преобразователей. Поэт, ***живущий на высотах создания***, яснее видит, может быть, и недостатки справедливых требований, и то, что скрывается от взоров волнуемой толпы, но напрасно было бы ему бороться. Таким образом Lope de Vega, Шекспир, Расин уступали потоку, но гений, какое направление ни изберет, останется гений — суд потомства отделит золото, ему принадлежащее, от примеси.

⟨1830⟩

⟨8⟩

Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я не имею главной привлекательности — молодости и новизны литературного имени. К тому же, главные сцены уже напечатаны или искажены в подражаниях. Раскрыв наудачу исторический роман г. Булгарина, нашел я, что у него о появлении Самозванца приходит объявлять царю кн. В. Шуйский. У меня Борис Годунов говорит наедине с Басмановым об уничтожении местничества, у г. Булгарина так же. Всё это — драматический вымысел, а не истори-

ческое сказание. Один у другого... Но это еще не беда. Les beaux esprits se rencontrent.*

⟨1830⟩

⟨9⟩

Pour une préface. Le public et la critique ayant accueilli avec une indulgence [passionnée] mes premiers essais et dans un temps où la sévérité et la malveillance m'eussent probablement dégoûté de la carrière que j'allais embrasser, je leur dois reconnaissance entière, et je les tiens quittes envers moi — leur rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux.

⟨1831⟩

⟨Ответ на статью в „Атенее" об „Евгении Онегине"⟩

В 4-ой книге Афенея напечатан разбор 4-ой и 5-ой главы Онегина.

Под романтизмом Автор разумеет оговорку, выручающую поэта. Разбирая характеры в романе, он их находит вообще безнравственными — порицает Онегина за то, что он открыто и нравственно поступает с Татьяной, в него влюбленной, и что жмет руку у Ольги с дурным намерением подразнить своего приятеля.

Ему странно, что *тихий* (?), *мечтательный* (?) Ленский за сущую безделицу хочет вызывать Онегина на дуэль и называет свою бесстрастную невесту кокеткой и ветренным ребенком, ибо молодые люди обыкновенно стреляются за дело и любовники никогда не поревнуют по пустякам.

Негодует на Татьяну за то, что раз увидев Онегина, она влюбилась без памяти и пишет ему любовное письмо; что, конечно, очень неприлично.

Наконец находит он, что две главы никуда не годятся, о чем я с ним и не спорю.

Что касается до стихосложения, то критик отзывается о нем снисходительно и с похвалою — хотя и находит в 2-ой главе Онегина 91 мелочь и еще сотни других, которые цепляют (?) людей, учившихся по старым грамматикам.

Из 291 мелочи — многие достойны осуждения, многие не требуют от Автора милостивого отеческого заступления. — Вольно всякому хвалить и порицать всё, что относится ко вкусу, — но критик ошибся, указывая на некоторые погрешности противу языка и смысла — и я решился объяснить ему правила грамматики и риторики не столько для собственной его пользы, как для назидания молодых словесников.

* ⟨Мысли умных людей встречаются.⟩

Времян. Следственно Державин ошибся, сказав *глагол времен.* Но Батюшков, который впрочем ошибался почти столь же часто, как и Державин, сказал:

То древню Русь и Нравы
Владимира Времян.

Что звук пустой, вместо подобно звуку, как звук. Частица *что* вместо грубого *как* употребляется в песнях и в простонародном нашем наречии, столь чистом, приятном. Крылов употребляет *что.*

NB кстати о критиках. Вслушивайтесь в простонародные наречия, молодые писатели — вы в них можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах.

Так одевает бури тень
Едва рождающийся день.

Там, где сходство именительного падежа с винительным может произвести двусмыслие, должно, по крайней мере, писать всё предложение в естественном его порядке (sine inversione*).

Стесняет сожаление, безумные страданья, есть весьма простая метафора. —

Два века ссорить не хочу.

Кажется, есть правило об отрицании *не*: а то вместо ссорить кого, выйдет — *много ли времени?*

Грамматика наша еще не пояснена. Замечу во-первых, что так называемая стихотворческая вольность допускает нас со времен Ломоносова употреблять indifféremment** после отрицательной частицы *не* родительный и винительный падеж. Во-вторых — в чем состоит правило: что действительный глагол, непосредственно управляемый частицею *не,* требует вместо винительного падежа родительного. Например — *Я не пишу стихов.* — Но если действительный глагол зависит не от отрицательной частицы, но от другой части речи, управляемой оною частицею, то он требует падежа винительного. — Например, я не хочу писать стихи, я не способен писать стихи. — В следующем предложении. — Я не могу позволить ему *начать* писать стихи. — Ужели частица *не* управляет глаголом писать?

Если критик об этом подумает, то, вероятно, со мной согласится. *Младой и свежий поцелуй,* вместо поцелуя молодых и свежих уст — очень простая метафора.

Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед.

* ⟨Без инверсии.⟩
** ⟨Безразлично.⟩

В извлечении для смысла: *ребятишки катаются по льду.*

Точно так — сие справедливое изъяснение делает честь догадливости автора...

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед.

Лоно не означает *глубины*, лоно значит *грудь.*

Теплотою
Камин чуть дышит.

Опять простая метафора.

Кибитка удалая.

Опять метафора.

Людская молвь и конский топ.

(Выражение сказочное. Бова Королевич.)

Читайте простонародные сказки, молодые писатели — чтоб видеть свойства русского языка.

Как приятно будет читать:

Роп вм. ропот
Топ вм. топот
Грох вм. грохот
Сляк вм. слякоть ..

На сие замечу моему критику, что роп, топ и прочее употребляют простолюдины во многих наших губерниях.

NB Мне случалось также слышать стукот вместо стук.

Если наши чопорные критики сомневаются, можно ли дозволить нам употребление риторических фигуров и тропов, о коих они могли бы даже получить некоторое понятие в предуготовительном курсе своего учения, что же они скажут о поэтической дерзости Кальдерона, Шекспира или нашего Державина.

Что скажут они о поэме сего последнего, который

взвесить смел
Дух Росса, мощь Екатерины
И, опершись на них, хотел...

или о воине, который

Поник лавровою главой.

Люди, выдающие себя за поборников старых грамматик, должны были бы, по крайней мере, иметь школьные сведения о грамматике и риторике — и иметь хоть малое понятие о свойствах русского языка.

⟨1828⟩

В зрелой словесности приходит время...

В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному. — Так некогда во Франции светские люди восхищались музою Ваде, так ныне Wordsworth, Coleridge увлекли за собою мнение многих. — Но Ваде не имел ни воображения, ни поэтического чувства, его остроумные произведения дышат одною веселостию, выраженной площадным языком торговок и носильщиков. — Произведения английских поэтов, напротив, исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком честного простолюдина. — У нас это время, слава богу, еще не приспело, так называемый язык богов так еще для нас нов, что мы называем поэтом всякого, кто может написать десяток ямбических стихов с рифмами. Прелесть нагой простоты [так еще для нас непонятна, что даже и в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями], поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем.

Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность. — Опыты Жуковского и Катенина были неудачны не сами по себе, но по действию, ими произведенному. Мало, весьма мало людей поняло достоинство переводов из Гебеля и еще менее силу и оригинальность *Убийцы*, баллады, которая может стать наряду с лучшими произведениями Бюргера и Соувея. — Обращение убийцы к месяцу, единственному свидетелю его злодеяния: „Гляди, гляди, плешивый“ — стих, исполненный истинно трагической силы, показался только смешон людям легкомысленным, не рассуждающим, что иногда ужас умножается, когда выражается смехом. — Сцена тени в Гамлете вся писана шутливым, даже низким слогом, но волос становится дыбом от Гамлетовых шуток.

〈1828〉

Торвальдсен, делая бюст известного человека...

Торвальдсен, делая бюст известного человека, удивлялся странному разделению лица, впрочем прекрасного — верх грозный, нахмуренный, низ же, выражаемый всегдашней улыбкою. Это нравилось Торвальдсену.

Questa è una bruta figura.*

〈1828〉

* 〈Это — отвратительная фигура.〉

Несколько московских литераторов...

Несколько московских литераторов, приносящих истинную честь нашему веку, как своими произведениями, так и нравственностию, видя беспомощное состояние нашей словесности и наскуча звуками кимвала звенящего, решились составить общество для распространения правил здравой критики Курганова и Тредьяковского и для удержания отступников и насмешников в границах повиновения и благопристойности.

Общество имело первое свое заседание на Малой Бронной в доме г. Х., бывшего корректора типографии, 17 октября сего года, при стечении многочисленной публики. Некоторые соседние дамы удостоили заседание своим присутствием.

Председателем был избран единогласно г-н Трандафырь, знаменитый переводчик одного бессмертного романа.

Секретарем был избран единогласно же Никодим Невеждин, молодой человек из честного сословия слуг, оказавший недавно отличные успехи в словесности и обещающий быть законодателем вкуса, несмотря на лакейский тон своих статеек.

Ждали г-на Срамцова—но он не мог придти по причине флюса, полученного им на ярмонке во время метания чрезвычайно счастливой тальи.

Г-н Трандафырь открыл заседание прекрасною речию, в которой трогательно изобразил он беспомощное состояние нашей словесности, недоумение наших писателей, подвизающихся во мраке, не озаренных светильником критики г-на Трандафырина. — Красноречиво убеждал он приняться за дело. „Что сделали мы до сих пор, почтенные слушатели“, сказал он, „перевели романы, доставлявшие нам 700 рублей от Ширяева, и разобрали заглавный лист Истории Государства Российского — труды бессмертные бесспорно, но совершенно недостаточные [для полного преобразования словесности и для истребления неутомимых наших врагов]“.

После речи г-на председателя г-н Невеждин прочел проект нового журнала, имеющего быть издаваемым в следующем 1830 году, под названием *Азиатский Рак*. Журнал сей будет выходить каждый месяц по одной книжке — каждая книжка будет заключать в себе четыре отдела.

Отделение I. Изящная словесность. Переводы Байрона с польского; стихи молодых семинаристов; отрывки из записок г-на Трандафырина (для примеру г-н секретарь общества прочел пленительное описание отрочества почтенного г-на Трандафырина. Все с удовольствием слушали милые проказы маленького купчика, и тогда уже столь много обещавшего).

Отделение II. Критика.

⟨1829⟩

Многие недовольны нашей журнальной полемикою...

Многие недовольны нашей журнальной полемикою за дурной ее тон, незнание приличий и т. п. Неудовольствие очень несправедливое. Ученый человек, занятый своим делом, погруженный в размышления, может не иметь времени являться в обществе и приобретать навык суетной образованности, подобно праздному жителю большого света. Мы должны быть снисходительны к его простодушной грубости — залогу добросовестности и любви к истине. Педантизм имеет свою хорошую сторону. Он только тогда смешон и отвратителен, когда легкомыслие и невежество выражаются языком [„Вестника Европы“ и „Атенея“] пьяного семинариста.

⟨1829⟩

⟨Заметка о публикациях Ап. в „Северной Звезде...“⟩

Возвратясь из путешествия, узнал я, что г. Бестужев-Рюмин, пользуясь моим отсутствием, напечатал несколько моих стихотворений в своем альманахе.

Неуважение к собственности авторской сделалось так у нас обыкновенно, что поступок г-на Бестужева ни мало не показался мне странным. Так например, г-н Федоров напечатал под моим именем однажды комичную [неблагопристойность] идиллическую нелепость, сочиненную вероятно камердинером г-на П⟨ан⟩аева.

Но когда альманах нечаянно попался мне в руки, и когда в предисловии прочел я нежное изъявление благодарности издателя г-ну Ап., доставившему ему (г. Бестужеву) п⟨иесы⟩, из коих 5 и удостоились печати — признаюсь удивление мое было чрезвычайно.

В числе пьес, доставленных г-ном Ап., некоторые принадлежат мне в самом деле; другие мне вовсе неизвестны. Г-н Ап. собрал давно написанные и [мною к п⟨ечати не предназначенные⟩ стихотворения, и заменил своими стихами те, кои не могли быть пропущены цензурой. Однако, как в мои лета и в моем положении неприятно отвечать за свои пр⟨оказы отрочества⟩ и за чужие произведения, то честь имею объявить г-ну Ап., что при первом таковом же случае принужден буду прибегнуть к покровительству законов.

⟨1829⟩

⟨Альманашник⟩

— Господи боже мой, вот уже четвертый месяц живу в Петербурге, таскаюсь по всем передним, кланяюсь всем канцелярским начальникам, а до сих пор не могу получить места. Я весь прожился, задолжал, а я ж отставной, того и гляди в яму посадят —

А по какой части собираешься ты служить?

— По какой части? — Господи боже мой! да разве я не русский человек? Я на всё гожусь — разумеется, хотелось бы мне местечка потеплее, но дело до петли доходит, теперь я и всякому рад. —

Неужто у тебя нет таки ни единого благодетеля?

— Благодетеля! Господи боже мой! да в каждом министерстве у меня по три благодетеля сидит — Все обо мне хлопочут, все обо мне докладывают — а я всё-таки без куска хлеба —

Служба тебе знать не дается — Возьмись-ка за что-нибудь другое.

— А за что прикажешь?

Например за литературу —

— За литературу? Господи боже мой! в сорок три года начать свое литературное поприще —

Что за беда? а Руссо? —

— Руссо вероятно ни к чему другому не был способен. [Ему не обещали вице-губернаторства.] Он не имел в виду быть винным приставом — да к тому же он был человек ученый, а я учился в Московском университете —

Что за беда, затевай журнал —

— Журнал? а кто же подпишется.

Мало ли кто, Россия велика, охотников довольно.

— Нет, брат: нынче их не надуешь. Их отучили: все говорят: деньги возьмет, а журнала не выдаст или не додаст. Кому охота судиться из 35 рублей. [К тому ж я честный человек, и плутовать публично не намерен.]

Ну, так пиши Выжигина —

— Выжигина? Господи боже мой: написать Выжигина не штука; пожалуй я вам в четыре месяца отхватаю 4 тома, не хуже Орлова и Булгарина, но покаместь успею с голоду околеть —

Знаешь ли что? Издай Альманак.

— Как так? —

Вот как: выпроси у наших литераторов по нескольку пьес, кой-что перепечатай. Закажи в долг виньетку, сам выдумай заглавие, да и тисни с богом.

— В самом деле. Да я ни с кем из этих господ не знаком.

Что нужды: ступай себе к ним — скажи им, что ты юный питомец муз; впервые выступаешь на поприще славы и решился издать Альманак, а между тем просишь их воспоможения и покровительства —

— А что ты думаешь — ей богу я с отчаяния готов и на Альманак.

Советую дела не откладывать.
— Сегодня ж начну свои визиты.
И дело: желаю тебе всякого успеха.

Кабинет стихотворца.

(Всё в большом беспорядке. Посредине стол. Стихотворец и трое молодых людей играют в кости.)

Стихотворец, *гремя стаканчиком.* Я в руке. Sept à la main... neuf... Sacredieu... Neuf et sept... neuf... * мое... кто держит.

Гость. Экое счастие: держу.

Стихотворец. Sept à la main... *(про себя)* Это кто?

Входит Альманашник *(одному из гостей).* Я давно желал иметь счастье представиться вам — Позвольте одному из усерднейших ваших почитателей... Ваши прекрасные сочинения...

Гость. Вы ошибаетесь: я кроме векселей ничего не сочиняю: вот хозяин.

Альманашник. Позвольте одному из усерднейших...

Стихотворец. Помилуйте... радуюсь, что имею честь с вами познакомиться... садитесь, сделайте милость...

Альманашник. Вы заняты... Извините: я вам помешал.

Стихотворец. О нет... мы будем продолжать — — Sept à la main... 3 крепс — — Какое несчастие. *(Передает кости).*

Гость. Сто рублей à prendre.**

Стихотворец. Держу... *(Играют).* Что за несчастие... *(Смотрит косо на Альманашника).*

Альманашник. Я в первый раз выступаю на поприще славы и решил издать Альманак... я надеюсь, что вы...

Стихотворец. Пятую руку проходит!.. и всегда я попадусь... Вы издаете Альманак? под каким заглавием?.. Прошел — я более не держу.

Альманашник. *Восточная звезда.* — — Я надеюсь, что вы не откажетесь украсить ее драгоценными...

Стихотворец *берет стаканчик.* Позвольте: сто рублей à prendre... Sept à la main... крепс — так. Это удивительно: первой руки не могу пройти — *(плюет, вертит стул).* Несносный альманашник; он мне принес несчастие.

---

* ⟨Семь в руке... девять... Проклятие... Девять и семь... девять.⟩

** ⟨Разыгрываются.⟩

Альманашник. Надеюсь, что вы не откажетесь украсить мой Альманак своими драгоценными произведениями...

Стихотворец. Ей богу — нет у меня стихов, — все разобраны журналистами, альманашниками... Держу всё... что? прошел опять!.. Это непостижимо — Проклятый альманашник.

Альманашник *(вставая)*. Позвольте надеяться, что если будут у вас свободные пьески...

Стихотворец *(провожая его до дверей)*. Отыщу непременно, и буду иметь счастие вам доставить.

Альманашник. Поверьте, что крайность, бедственное положение, жена и дети —

Стихотворец *(его выпроводив)*. Насилу отвязался — Экое дьявольское ремесло!

Гость. Чье? твое или его.

Стихотворец. Уж верно мое хуже. Отдавай стихи одному дураку в Альманак, чтоб другой обругал их в журнале. Жена и дети — чорт его бы взял... человек, кто там?

Входит слуга.

Стихотворец. Я говорил тебе, альманашников не пускать.

Слуга. Да кто их знает, альманашник ли, нет ли.

Стихотворец. Дурак, это по лицу видно. Я в руке: Sept à la main...

(Играют).

Харчевня.

(Бесстыдин, Альманашник обедают).

— Гей водки.

9 рюмка! И я за всё плачу — а что толку!

— Увидишь, как пойдет наш Альманак: с моей стороны даю 34 стихотворения, под пятью подпишу А. П., под пятью другими Е. Б., под пятью еще К. П. В. Остальные пущу без подписи; в предисловии буду благодарить господ поэтов, приславших нам свои стихотворения. — Прозы у нас вдоволь: лихое обозрение словесности, где славно обруганы наши знаменитые писатели, наши аристократы... знаешь.

Никак нет-с, не знаю —

— Не знаешь, о да ты видно журнала моего не читаешь... Вот видишь ли, аристократами (разумеется в ироническом смысле) называются те писатели, которые с нами не знаются, полагая вероятно, что

наше общество не завидное — Мы было сперва того и не заметили, но уже с год как спохватились, и с тех пор ругаем их наповал... Теперь понимаешь...

Понимаю.

— Водки! Эти аристократы... (разумеется, говорю в ироническом смысле) вообразили себе, что нас в хорошее общество не пускают. Желал бы я посмотреть, кто меня не впустит; чем я хуже другого — Ты смотришь на мое платье...

Никак нет, ей богу...

— Оно немного поношено; меня обманули на вшивом рынке... К тому же я не стану франтить в харчевне — [но на балах, о, на балах] я великий щеголь, это моя слабость. Если б ты видел меня на балах... Я славно танцую, я танцую французскую кадриль. Ты не веришь... *(встает шатаясь, танцует)*. Каково?

Прекрасно.

(Бесстыдин зацепляет стакан и роняет его).

— Боже мой — стакан в дребезгах... Его поставят на счет — и еще граненый —

— Как на счет? — его склеят... вот и всё *(подбирает стекло и подает)*.

(Расплачивается охая, выводит под руку Бесстыдина, он на ногах не стоит).

— Так и быть, взять извозчика —

Бесстыдин. Сделай одолжение... посади меня верхом — сам садись поперек, да поедем по Невскому, люблю франтить, это моя слабость —

— И вот моя последняя опора! Господи боже мой!

— Можно видеть барина?

Никак нет — он почивает.

— Как, в 12-ть часов?

Он возвратился с балу в 6-м часу.

— Да когда же его можно застать?

Да почти никогда.

— Когда же ваш барин сочиняет?

Не могу знать.

— Экое несчастие! — — — Доложи своему барину, что приходил рекомендоваться... Да скажи, не знаешь ли ты какого-нибудь сочинителя...

〈1830〉

Детская книжка

〈I.〉 Ветреный мальчик

Алеша был очень не глупый мальчик, но слишком ветрен и заносчив. Он ничему не хотел порядочно научиться. Когда учитель ему за это выговаривал, то он старался оправдываться разными увертками. Когда бранили его за то, что он пренебрегал французским или немецким языком, то он отвечал, что он русский, и что довольно для него, если он будет понимать слегка иностранные языки. Латинский, по его мнению, вышел совсем из употребления, и одним педантам простительно было им заниматься; русской грамматике не хотел он учиться, ибо недоволен был изданною для народных училищ и ожидал новой, философической. Логика казалась ему наукой прошлого века, недостойною наших просвещенных времен, и когда учитель бранил его за *вокабулы*, Алеша отвечал ему именами Шеллинга, Фихте, Кузеня, Геерена, Нибура, Шлегеля и проч. — Что же? при всем своем уме и способностях Алеша знал только первые 4 правила арифметики и читал довольно бегло по-русски, прослыл невеждою, и все его товарищи смеялись над Алешею.

〈II.〉 Маленький лжец

Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик, но имел большой порок — он не мог сказать трех слов, чтоб не солгать. Папенька его в его именины подарил ему деревянную лошадку. Павлуша уверял, что эта лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой он ускакал из Полтавского сражения. Павлуша уверял, что в доме его родителей находится поваренок астроном, форейтор историк и его птичник Прошка сочиняет стихи лучше Ломоносова. Сначала все товарищи ему верили, но скоро догадались, и никто не хотел ему верить даже тогда, когда случалось ему сказать и правду.

〈III. Ванюша, сын приходского дьячка〉

Ванюша, сын приходского дьячка, был ужасный шалун. Целый день проводил он на улице с мальчишками, валяясь с ними в грязи и марая свое праздничное платье. Когда проходил мимо их порядочный человек, Ванюша показывал ему язык, бегал за ним и изо всей силы

кричал: „пьяница, урод, развратник! зубоскал, писака! безбожник, нигилист!“ — и кидал в него грязью. — Однажды степенный человек, им замаранный, рассердился и, поймав его за вихорь, больно побил его тросточкой. Ванюша в слезах побежал жаловаться своему отцу. Старый дьячок сказал ему: поделом тебе, негодяй; дай бог здоровья тому, кто не побрезгал поучить тебя. Ванюша стал очень печален, почувствовал свою вину и исправился. ‹1830›

‹Наброски письма в редакцию „Литературной Газеты“›

Отдавая полную справедливость благонамеренности и беспристрастию вашей *Газеты* — признаюсь не мог я согласиться с мнениями, которые обнаруживает она касательно критики и полемики.

Во-первых, что значат вечные толки о *вежливости*? Если бы критики наших журналов погрешали единой своею грубостию, то беда была бы еще не большая.

Но не смешно ли им судить о том, что принято или не принято в свете, что могут ‹и› чего не могут читать наши *паркетные* дамы, какое выражение принадлежит гостиной (или будуару, как говорят эти господа). Не забавно ли видеть их опекунами высшего общества, куда, вероятно, им и некогда и вовсе не нужно являться. — Не странно ли в ученых изданиях встречать важные рассуждения об отвратительной безнравственности такого-то выражения и ссылки на *паркетных дам.* — Не совестно ли вчуже видеть почтенных профессоров, краснеющих от светской шутки. — Почему им знать, что в лучш‹ем обществе?› жеманство и напыщенность нестерпимы, еще более выказывают мелкое общество, чем простонародность (vulgarité), и что оно-то именно и обличает незнание света. Почему им знать, что откровенные оригинальные выражения простолюдинов повторяются и в высшем обществе, не оскорбляя слуха — между тем как чопорные обиняки провинциальной вежливости возбудили бы только общую невольную улыбку.* — Хорошее общество может существовать и не в высшем кругу, а везде, где есть люди честные, умные и образованные.

---

* Отчего происходит эта смешная стыдливость и жеманство, эта чопорность [просвирни в гостях у приезжей горожанки, деревенской дьячихи, пришедшей в гости к петербургской барыне]?

Потому что нашим литераторам хочется доказать, что и они принадлежат высшему обществу (high life, haute), что и им известны его законы; не лучше ли было бы им постараться по своему тону и своему поведению принадлежать просто к хорошему обществу (bonne société)?

Эта охота выдавать себя за членов высшего общества вводила иногда наших журналистов в забавные промахи. Один из них думал, что невозможно говорить при дамах о блохах, и дал за то строгий выговор — кому же — одному из молодых блестящих царедворцев. — В одном журнале сильно напали на неблагопристойность поэмы, где сказано, что молодой человек осмелился войти ночью к спящей красавице. И между тем как стыдливый рецензент* разбирал ее как самую вольную сказку Бокаччио иль Лафонтена — все петербургские дамы читали ее и знали целые отрывки наизусть. Недавно исторический роман обратил на себя внимание всеобщее и отвлек на несколько дней всех наших дам от fashionable tales и исторических записок. Что же? Газета дала заметить автору, что в его простонародных сценах находятся слова ужасные: *сукин сын*. Возможно ли — что скажут дамы, если паче чаяния взор их упадет на это неслыханное выражение — Что б они сказали Фонвизину, который императрице Екатерине читал своего *Недоросля*, где на каждой странице эта невежливая Простакова бранит Еремеевну *собачьей дочерью?* — Что сказали б новейшие блюстители нравственности и о чтении *Душеньки*, и об успехе сего прелестного произведения? — Что думают они о шутливых одах Державина, о прелестных сказках Дмитриева? — *Модная жена* не столь же ли безнравственна, как и *Граф Нулин*.

[Вы поминутно говорите о приличии журналистов], но позвольте дать заметить, что и *Газета*, стараясь быть равно учтива и важна в отношении ко всем книгам, ею разбираемым, без сомнения погрешала бы противу правил приличия, [как и прочие наши журналы]. — В обществе вы локтем задели вашего соседа, вы извиняетесь—очень хорошо. — Но гуляя в толпе под качелями, толкнули лавочника — вы не скажете ему: mille pardons. Вы зовете извозчика — и говорите ему: пошел в Коломну, а не — *сделайте одолжение, потрудитесь свезти в Коломну*. — Разница критиковать Историю Государства Российского — и например***.

У нас вошло в обыкновение между писателями, заслужившими доверенность и уважение публики, не возражать на критики. Редко кто-нибудь из них подаст голос, и то не за себя. Обыкновение вредное для литературы. Таковые анти-критики имели двоякую пользу: исправление ошибочных мнений и распространение здравых понятий касательно искусства. Вы скажете, что по большей части журнальная критика заключается в личностях и брани, что публика etc. — —

* Кажется, молодой критик имеет столь же неосновательное понятие о чистоплотности, как и о литературе.

Возразят, что иногда нападающее лицо само по себе так презрительно, что честному человеку никак нельзя войти в сношение с ним, не марая себя. В таком случае объяснитесь, извинитесь перед публикою. Видок вас обругал. Изъясните, почему вы никаким образом отвечать ему не намерены. В этом отношении мне нравится одна из статей вашего журнала как доброе дело.

Вы советуете... ⟨1830⟩

Французские критики...

Французские критики имеют свое понятие об романтизме. Они относят к нему все произведения, носящие на себе печать уныния или мечтательности. Иные даже называют романтизмом неологизм и ошибки грамматические. Таким образом Андрей Шенье, поэт, напитанный древностию, коего даже недостатки проистекают от желания дать французскому языку формы греческого стихосложения, — попал у них в романтические поэты. ⟨1830⟩

⟨Заметки о критике и полемике⟩

⟨1⟩

Литература у нас существует, но критики еще нет — у нас журналисты бранятся именами *классик* и *романтик*, как старушки бранят повес франмасонами и волтерианцами, не имея понятия ни о Вольтере, ни о франмасонстве. ⟨1830⟩

⟨2⟩

Критика вообще. Крит. наука. —

Критика — наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы. Она основана 1) на совершенном знании правил, коими руководствуется художник или писатель в своих произведениях, 2) на глубоком изучении образцов и на деятельном наблюдении современных замечательных явлений.

Не говорю о беспристрастии — кто в критике руководствуется чем бы то ни было, кроме чистой любви к искусству, тот уже нисходит в толпу, рабски управляемую низкими корыстными побуждениями.

Где нет любви к искусству, там нет и критики. „Хотите ли быть знакомым с художеством? — говорит Винкельман. — Старайтесь полюбить художника, ищите красот в его созданиях“.

⟨1830⟩

⟨3⟩

А. Читали вы в последнем № *Газеты* критику?

В. Нет, я не читаю русской критики. —

А. Напрасно. Ничто иное не даст вам лучшего понятия о состоянии нашей литературы.

В. Как! неужели вы полагаете, что журнальная критика есть окончательный суд произведениям нашей словесности?

А. Ни мало! У нас никогда критика не имеет почти никакого влияния на судьбу какого-нибудь произведения. Но она дает понятие об отношениях писателей между собою, о большей или меньшей их известности, наконец о мнениях, господствующих в публике.

В. Мне не нужно читать [*Вестник Европы*], чтобы знать, что поэмы Пушкина в моде — и что романтической поэзии у нас никто не понимает — что же касается до отношений г-на Раича к г. Полевому, г-на Каченовского к г. Булгарину — это вовсе не любопытно...

А. Однако же иногда забавно. —

В. Вам нравятся кулачные бойцы.

А. Почему же нет. Державин их воспевал. Наши бояре ими тешились. — Мне столь же нравится князь Вяземский в схватке с каким-нибудь записным журнальным буяном, как граф Орлов в бою с ямщиком. — — Это черты народности. —

В. Вы упомянули о князе Вяземском. — Признайтесь, что из высшей литературы он один пускается в полемику.

⟨А.⟩ Тем хуже для литературы. — Если бы все писатели, заслуживающие уважение [доверенность] публики, взяли на себя труд управлять общим мнением, то вскоре критика сделалась бы не тем, чем она есть. Не любопытно ли было бы, например, читать мнение Гнедича о [романтизме] или Крылова об нынешней элегической поэзии? Не приятно ли было бы видеть Пушкина [дающего отчет о произведениях Баратынского], разбирающего трагедию Хомякова? Эти господа в короткой связи между собою и вероятно друг другу передают взаимные замечания о новых произведениях sans mettre en confidence. — Зачем не сделать и нас участниками в их критических беседах.

⟨В.⟩ Публика довольно равнодушна к успехам словесности — истинная критика для нее не занимательна. Она изредка смотрит на драку двух журналистов, мимоходом слушает монолог раздраженного автора — и пожимает плечами.

⟨А.⟩ Воля ваша, я останавливаюсь, смотрю и слушаю до конца и аплодирую тому, кто сбил своего противника. Если бы я сам был автор, то почел бы за малодушие не отвечать на нападение — какого бы оно

роду ни было. Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать в тебя грязью! посмотрите на английского лорда: он готов отвечать на учтивый вызов gentleman и стреляться на кухенрейтерских пистолетах или снять с себя фрак и box'овать на перекрестке с извозчиком. — Это настоящая храбрость. Но мы и в литературе, и в общественном быту слишком чопорны, слишком дамоподобны.

⟨В.⟩ Критика не имеет у нас никакой гласности ⟨?⟩, вероятно и писатели высшего круга не читают русских журналов и не знают, хвалят ли их или бранят. —

⟨А.⟩ Извините, Пушкин читает все №№ *Вестника Европы,* где его ругают, что значит по его энергическому выражению — *подслушивать у дверей, что говорят об нем в прихожей.* —

⟨В.⟩ Куда как любопытно!

⟨А.⟩ Любопытство, по крайней мере, очень понятное! — Пушкин и отвечает эпиграммами, чего вам более.

⟨В.⟩ Но сатира не критика — эпиграмма не опровержение. — Я хлопочу о пользе словесности, не только о своем удовольствии. —

⟨1830⟩

⟨4⟩

Критикою у нас большею частию занимаются журналисты, т. е. entrepreneurs,* люди, понимающие свое дело, но не только не *критики,* но даже и не литераторы.

В других землях писатели пишут или для толпы, или для малого числа.** У нас последнее невозможно, должно писать для самого себя.

⟨1830 — 1831⟩

⟨5⟩

Писатели, известные у нас под именем аристократов, ввели обыкновение, весьма вредное литературе: не отвечать на критики. — Редко кто из них отзовется и подаст голос, и то не за себя. Что же это в самом деле? Разве и впрямь они гнушаются своим братом-литератором; или они вообразили себя и в самом деле аристократами. Весьма же они ошибаются: журналы назвали их так в шутку, иронически (смотри *Северную Пчелу, Северный Меркурий* и проч.); а если они и принадлежат хорошему обществу, как благовоспитанные и порядочные люди, то эта статья особая и литературы не касается.

---

* ⟨Предприниматели.⟩

** Сии, с любовию изучив новое творение, изрекают ему суд, и таким образом творение, не подлежащее суду публики, получает в ее мнении цену и место, ему принадлежащее.

Один аристократ (всё-таки разумеем сие слово в ироническом смысле) извинялся тем, что-де с некоторыми людьми неприлично связываться человеку, уважающему себя и общее мнение; что разница-де между поединком и дракой; что наконец никто-де не в праве требовать, чтобы человек разговаривал, с кем не хочет разговаривать. Всё это не отговорка. Если уже ты пришел в кабак, то не прогневайся — какова компания, таков и разговор: если на улице шалун швырнет в тебя грязью, то смешно тебе вызывать его биться на шпагах, а не поколотить его просто, — а если ты будешь молчать с человеком, который с тобой заговаривает, то это с твоей стороны обида и гордость, недостойная доброго христианина.

〈1831〉

Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений

Сколь ни удален я моими привычками и правилами от полемики всякого роду, но еще не отрекся я совершенно от права самозащищения.

Southey.

У одного из наших известных писателей спрашивали, зачем не возражал он никогда на критику. — Критики не понимают меня, отвечал он, а я не понимаю моих критиков. — Если будем судиться перед публикою, вероятно, и она нас не поймет. — Это напоминает старинную эпиграмму:

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: моя им сведена корова.
Помилуй, возопил глухой тому в ответ,
Сей пустошью владел еще покойный дед.
Судья решил: Почто идти вам брат на брата:
Не тот и не другой, а девка виновата.

Можно *не удостоивать ответом своих критиков* (как аристократически говорит сам о себе Издатель Истории Русского Народа), когда нападения суть чисто литературные и вредят разве одной продаже разбраненной книги. Но из уважения к себе не должно оставлять без внимания по лености или добродушию оскорбления личные и клеветы, ныне к несчастию слишком обыкновенные. Публика не заслуживает такого неуважения.

Если в течение 16-тилетней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику (не говорю уж о ругательствах), то сие происходило конечно не из презрения.

Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы вообще. Если приговоры журналов наших достаточны для нас, то из сего следует, что мы не имеем еще нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах. Презирать критику значит презирать публику (чего боже сохрани). Как наша словесность с гордостию может выставить перед Европою Историю Карамзина, несколько од, несколько басен, пэан 12 года, перевод Илиады, несколько цветов элегической поэзии, — так и наша критика может представить несколько отдельных статей, исполненных светлых мыслей и важного остроумия. Но они являлись отдельно, в расстоянии одна от другой, и не получили еще веса и постоянного влияния. — Время их еще не приспело. —

Не отвечал я моим критикам не потому также, чтоб и недоставало во мне веселости или педанства; не потому, чтоб я не полагал в сих критиках никакого влияния на читающую публику.

Я заметил, что самое глупое ругательство, неосновательное суждение, получает вес от волшебного влияния типографии. Нам всё еще *печатный лист кажется святым.* Мы всё думаем: как может это быть глупо или несправедливо? ведь это напечатано!

Но признаюсь, мне совестно было идти судиться перед публикою и стараться насмешить ее (к чему ни малейшей не имею склонности). Мне было совестно для опровержения критик повторять школьные или пошлые истины, толковать об азбуке и риторике, оправдываться там, где не было обвинений, а, что всего затруднительнее, важно говорить:

Et moi, je vous soutiens que mes vers sont très bons.*

[Например, один из моих критиков, человек впрочем добрый и благонамеренный, разбирая кажется *Полтаву*, выставил несколько отрывков и вместо всякой критики уверял, что таковые стихи сами себя *дурно рекомендуют.* Что бы мог я отвечать ему на это! А так поступали почти все его товарищи, ибо критики наши говорят обыкновенно: это хорошо потому, что прекрасно, а это дурно потому, что скверно. Отселе их никак не выманишь.

Еще причина и главная: леность. Никогда не мог я до того рассердиться на непонятливость или недобросовестность, чтоб взять перо и приняться за возражения и доказательства. Нынче, в несносные часы карантинного заключения, не имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать возражения не на критики (на это никак не могу решиться), но на обвинения нелитературные,

* ⟨А я утверждаю, что мои стихи очень хороши.⟩

которые нынче в большой моде. Смею уверить моего читателя (если господь пошлет мне читателя), что глупее сего занятия отроду ничего не мог я выдумать.

Один из великих наших сограждан сказал однажды мне (он удостоивал меня своего внимания и часто оспоривал мои мнения), что если у нас была бы свобода книгопечатания, то он с женой и детьми уехал бы в Константинополь. Всё имеет свою злую сторону — и неуважение к чести и удобность клеветы суть одни из главнейших невыгод свободы тиснения. У нас, где личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно *обиняки*. Первым примером обязаны мы **, который в своем журнале напечатал уморительный Анекдот о двух Китайских журналистах, которых судия наказал бамбуковою палкою за плутни, унижающие честное звание литератора. Этот Китайский анекдот так насмешил публику и так понравился журналистам, что с тех пор, коль скоро газетчик прогневался на кого-нибудь, тотчас в листках его является известие из-за границы (и большею частию из-за Китайской), в коем противник расписан самыми черными красками, в лице какого-нибудь вымышленного, или безыменного писателя. Большею частию сии Китайские анекдоты, если не делают чести изобретательности и остроумию сочинителя, по крайней мере достигают цели своей, по злости, с каковой они написаны. Не узнавать себя в пасквиле безыменном, но явно направленном, было бы малодушием. Тот, о котором напечатают, что человек такого-то звания, таких-то лет, таких-то примет — крадет например платки из карманов — всё-таки должен отозваться и вступиться за себя, конечно не из уважения к газетчику, но из уважения к публике. Что за аристократическая гордость, дозволять всякому негодяю швырять в вас грязью. Английский лорд равно не отказывается и от поединка на кухенрейтерских пистолетах с учтивым джентельменом и от кулачного боя с пьяным конюхом. Один из наших литераторов, бывший, говорят, в военной службе, отказывался от пистолетов, под предлогом, что на своем веку он видел более крови, чем его противник чернил. Отговорка забавная, но в таком случае, что прикажете делать с тем, который, по выражению Шатобриана, comme un homme de noble race, outrage et ne se bat pas?*

Однажды (официально) напечатал кто-то, что такой-то французский стихотворец, подражатель Байрону, печатающий критические статьи в Литературной Газете, человек подлый и безнравственный, а что

* ⟨Как человек благородного происхождения оскорбляет и не дерется.⟩

такой-то журналист, человек умный, *скромный*, храбрый, служил с честью сперва одному отечеству, потом другому и проч. Фр‹анцуз› отвечал подлинно так, что скромный и храбрый журналист об двух отечествах, вероятно, долго будет его помнить. On en rit, j'en ris encore moi-même.*

В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен, и что портреты мои слишком льстивы. — На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула.

Иной говорит: какое дело критику или читателю, хорош ли я собой или дурен, старинный ли дворянин или из разночинцев, добр ли или зол, ползаю ли я в ногах сильных или с ними даже не кланяюсь, играю ли я в карты, и тому под. — Будущий мой биограф, коли бог пошлет мне биографа, об этом будет заботиться. А критику и читателю дело до моей книги и только. Суждение, кажется, поверхностное. Нападения на писателя и оправдания, коим подают они повод, суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц (hommes publics), к одному из главнейших условий высоко образованных обществ. В сем отношении и писатели, справедливо заслуживающие презрение наше, ругатели и клеветники, приносят истинную пользу. — Мало-по-малу образуется и уважение к личной чести гражданина и возрастает могущество общего мнения, на котором в просвещенном народе основана чистота его нравов.

Таким образом дружина ученых и писателей, какого б ‹рода› они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности [ремесла].

Недавно в Пекине случилось очень забавное происшествие. Некто из класса грамотеев, написав трагедию, долго не отдавал ее в печать — но читал ее неоднократно в порядочных пекинских обществах и даже вверял свою рукопись некоторым мандаринам. — Другой грамотей (следуют китайские ругательства) или подслушал трагедию из прихожей (что говорят за ним важивалось) или, тихонько взяв рукопись из шкатулки мандарина (что в старину также с ним случалось), склеил на скору руку из довольно нескладной трагедии чрезвычайно скучный роман. Грамотей-трагик, человек бесталанный, но смирный, поворчав немного, оставил было в покое похитителя, но грамотей-романист, человек ловкий и беспокойный, опасаясь быть обличенным, первый стал

* ‹Над этим смеются, я сам еще смеюсь.›

кричать изо всей мочи, что трагик Фан-Хо обокрал его бесстыдным образом. Трагик Фан-Хо, рассердясь не на шутку, позвал романиста Фан-Хи в совестный Пекинский суд и проч. и проч.

---

*Сам съешь.** Сим выражением в энергическом наречии нашего народа заменяется более учтивое, но столь же затейливое выражение: *обратите это на себя.* То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно шутками и колкостями своих же противников. *Сам съешь* есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики. — Является колкое стихотворение, в коем сказано, что Феб, усадив было такого-то, велел его после вывести лакею, за дурной тон и заносчивость, нестерпимую в хорошем обществе — и тотчас в ответ явилась эпиграмма, где то же самое пересказано, немного похуже, с надписью: *сам съешь.*

Поэту вздумалось описать любопытное собрание *букашек.* — Сам ты букашка, закричали бойкие журналы, и стихи-то твои букашки, и друзья-то твои букашки. — *Сам съешь.*

Господа чиновные журналисты вздумали было напасть на одного из своих собратиев за то, что он не дворянин. Другие литераторы позволили себе посмеяться над нетерпимостью дворян-журналистов. — Осмелились спросить, кто сии феодальные бароны, сии незнакомые рыцари, гордо требующие гербов и грамот от смиренной братии нашей? Что же они в ответ? Помолчав немного, господа чиновные журналисты с жаром возразили, что в литературе дворянства нет, что чваниться своим дворянством перед своею братьею (особенно мещанам во дворянстве) уморительно смешно, что и настоящему дворянину 600-летние его грамоты не помогут в плохой прозе или посредственных стихах. Ужасное *Сам съешь!* К несчастию в *Литературной Газете* отыскали, кто были аристократические литераторы, открывшие гонение на недворянство. А публика-то что? — А публика, как судия беспристрастный и благоразумный, всегда соглашается с тем, кто последний жалуется ей. Например, в сию минуту она, покамест, совершенно согласна с нашим мнением: т. е. что *сам съешь* вообще показывает или мало остроумия или большую надеянность на беспамятство читателей и что фиглярство и недобросовестность унижают почтенное звание литераторов, как сказано в Китайском анекдоте № 1.

---

* Происхождение сего слова: остроумный человек показывает шиш и говорит язвительно: съешь, а догадливый противник отвечает: сам съешь. (Замечание для *будуарных* или даже для *паркетных* дам, как журналисты называют дам, им незнакомых)

Мы так привыкли читать ребяческие критики, что они даже нас и не смешат. Но что сказали бы мы, прочитав, например, следующий разбор *Федры*, если б к несчастию написал ее русский и в наше время. Извольте.

„Нет ничего отвратительнее предмета, избранного г. сочинителем. Женщина замужняя, мать семейства, влюблена в молодого олуха, побочного сына ее мужа (!!!!). Какое неприличие! Она не стыдится в глаза ему признаваться в развратной страсти своей (!!!!). Сего недовольно: сия фурия, употребляя во зло глупую легковерность супруга своего, взносит на невинного Ипполита гнусную небывальщину, которую из уважения к нашим читательницам не смеем даже объяснить (!!!). Злой старичишка, не входя в обстоятельства, не разобрав дела, проклинает своего собственного сына (!!)— после чего Ипполита разбивают лошади (!!!) — Федра отравливается, ее гнусная наперсница утопляется — и точка. Вот что пишут, не краснея, писатели, которые“ и проч. (тут личности и ругательства); „вот до какого разврата дошла у нас литература — кровожадная, развратная ведьма с прыщиками на лице!“

Шлюсь на совесть самих критиков. — Не так ли, хотя и более кудрявым слогом, разбирают они каждый день сочинения, конечно, не равные достоинством произведениям Расина, но верно ничуть не предосудительнее оных в нравственном отношении.

Спрашиваем: должно ли серьезно отвечать на таковые критики, хотя б они были писаны и по-латыни, а приятели называли этот [вздор] глубокомыслием.

Если б *Недоросль*, сей единственный памятник народной сатиры, если б *Недоросль*, которым некогда восхищались Екатерина и весь ее блестящий двор, явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку *канальей* и *собачьей дочерью*, а себя сравнивает *с сукою* (*!!*). „Что скажут дамы, воскликнул бы критик, ведь эта комедия может попасться дамам!“ — В самом деле страшно! Что за нежный и разборчивый язык должны употреблять господа сии с дамами! Где бы, как бы послушать! А дамы наши (бог им судья!) их и не слушают, и не читают, а читают этого грубого Вальтер Скотта, который никак не умеет заменять просторечие простомыслием.

Граф Нулин наделал мне больших хлопот. Нашли его (с позволения сказать) похабным, — разумеется в журналах (в свете приняли его благосклонно), и никто из журналистов не захотел за него вступиться. Молодой человек ночью осмелился войти в спальню молодой женщины

и получил от нее пощечину. Какой ужас! Как сметь писать такие отвратительные гадости? Автор спрашивал, что бы на месте Натальи Павловны сделали петербургские дамы? Какая дерзость!

Кстати о моей бедной сказке (писанной, будь сказано мимоходом, самым трезвым и благопристойным образом) — подняли против меня всю классическую древность и всю европейскую литературу. Верю стыдливости моих критиков; верю, что *Граф Нулин* точно кажется им предосудительным. Но как же упоминать о древних, когда дело идет о благопристойности? И ужели творцы шутливых повестей: Ариост, Боккачио, Лафонтен, Касти, Спенсер, Чаусер, Виланд, Байрон известны им по одним лишь именам? Ужели, по крайней мере, не читали они Богдановича и Дмитриева? Какой несчастный педант осмелится укорить *Душеньку* в безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дурак станет важно осуждать *Модную жену*, сей прелестный образец легкого и шутливого рассказа? А эротические стихотворения Державина, невинного, великого Державина? Но отстранив неравенство поэтического достоинства, *Граф Нулин* должен им уступить и в вольности, и в живости шуток.*

Эти г. критики нашли странный способ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворения. У одного из них есть 15-летняя племянница, у другого 15-летняя знакомая, и всё, что по благоусмотрению родителей еще не дозволяется им читать, провозглашено неприличным, безнравственным, похабным! Как будто литература и существует только для 16-летних девушек! Благоразумный наставник, вероятно, не даст в руки ни им, ни даже их братцам ни единого из полных сочинений классического поэта, особенно древнего; на то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под., но публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик. Она, слава богу, может себе прочесть без опасения и сказку доброго Лафонтена, и эклогу доброго Виргилия, и всё, что про себя читают сами г. критики, если критики наши что-нибудь читают кроме корректурных листов своих журналов.

Все эти господа, столь щекотливые насчет благопристойности, напоминают Тартюфа, стыдливо накидывающего платок на открытую грудь Дорины, и заслуживают забавное возражение горничной:

Vous êtes donc bien tendre à la tentation
Et la chair sur vos sens fait grande impression!

* В „Вестнике Европы“ с негодованием говорили о сравнении Нулина с котом, цап-царапствующим кошку (забавный глагол: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствует). Правда, во всем *Графе Нулине* этого сравнения не находится, так же как и глагола: цап-царапствую; но хоть бы и было, что за беда?

А. С. Пушкин. Бюст работы С. Гальберга
(Институт литературы Академии Наук СССР)

Certes, je ne sais pas quelle chaleur vous monte:
Mais à convoiter, moi, je ne suis point si prompte,
Et je vous verrais nu, du haut jusques en bas,
Que toute votre peau ne me tenterait pas.

Безнравственное сочинение есть то, коего целию или действием бывает потрясение правил, на коих основано общественное счастие или достоинство человеческое. — Стихотворения, коих цель горячить воображение любострастными описаниями, унижают поэзию, превращая ее божественный нектар в воспалительный состав, а музу — в отвратительную Канидию. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостию и минутною игрою воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие.

Кстати: начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени. Многое желал бы я уничтожить, как недостойное даже и моего дарования, каково бы оно ни было. Иное тяготеет, как упрек, на совести моей. — — По крайней мере не должен я отвечать за перепечатание грехов моего отрочества, а тем паче, за чужие проказы. В альманахе, изданном г-ном Федоровым, между найденными бог знает где стихами моими, напечатана *Идиллия*, писанная слогом переписчика стихов г-на Панаева. Г-н Бестужев, в предисловии какого-то альманаха, благодарит какого-то г-на Ап. за доставление стихотворений, объявляя, что не все удостоились напечатания.

Сей г-н Ап. не имел никакого права располагать моими стихами, поправлять их по-своему и отсылать в альманах г. Бестужева вместе с собственными произведениями стихи, преданные мною забвению или написанные не для печати (например, *Она мила, скажу меж нами*), или которые простительно мне было написать на 19 году, но непростительно признать публично в возрасте более зрелом и степенном (например, *Послание к Юрьеву*).

Отчего издателя *Литературной Газеты* и его сотрудников называют аристократами (разумеется *в ироническом смысле*, пишут остроумно журналисты). В чем же состоит их аристократия? В том ли, что они дворяне? — Нет; все журналисты побожились уже, что над званием никто не имел и намерения смеяться. Стало быть, в дворянской спеси? Нет; в *Литературной Газете* доказано, что главные сотрудники оной одни

и вооружились противу сего смешного чванства и заставили чиновных литераторов уважать собратиев мещан. Может быть, в притязаниях на тон *высшего* общества? Нет; они стараются сохранить тон *хорошего* общества; проповедают сей тон и другим собратьям, но проповедают в пустыне. Не они поминутно находят одно выражение *бурлацким*, другое *мужицким*, третье *неприличным для дамских ушей*, и т. п. Не они гнушаются просторечием и заменяют его простомыслием (niaiserie) (NB не одно просторечие). Не они провозгласили себя опекунами высшего общества. Не они вечно пишут приторные статейки, где стараются подделаться под светский тон так же удачно, как горничные и камердинеры пересказывают разговоры своих господ. Не они comme un homme de noble race outragent et ne se battent pas.* Не они находят 600-летнее дворянство мещанством; не они печатают свои портреты с гербами весьма сомнительными — разбирают дворянские грамоты и провозглашают такого-то мещанином, такого-то аристократом. Не они толкуют вечно о *будуарных читательницах, о паркетных* (?) *дамах*. Отчего же они аристократы (разумеется в ироническом смысле)?

В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой Абрам Петрович Ганнибал, крестник и воспитанник Петра Великого, наперсник его (как видно из собственноручного письма Екатерины II), отец Ганнибала, покорившего Наварин (см. памятник, воздвигнутый в Царском Селе гр. Орлову), генерал-аншеф и проч. — был куплен шкипером за бутылку рому.**

Прадед мой, если был куплен, то вероятно дешево, но достался шкиперу, коего имя всякой русской произносит с уважением и не всуе.

Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев.

———

Возвратясь из-под Арзрума, написал я послание к князю**....... В свете оно тотчас было замечено и..... были мною недовольны. Светские люди имеют в высокой степени этого рода чутье. Один журналист принял мое послание за лесть итальянского аббата, — а в статейке,

* <См. выше, стр. 308.>

** Голиков говорит, что он был прежде камердинером у государя, но что Петр, заметя в нем дарования и проч... Голиков ошибся. У Петра не было камердинеров, прислуживали ему денщики, между прочим, Орлов и Румянцев — родоначальники исторических фамилий.

заимствованной у Мерсье, заставил вельможу звать меня по четвергам обедать. Так-то чувствуют они вещи и так-то описывают светские нравы.*

Род мой один из самых старинных дворянских. Мы происходим от прусского выходца Радши или Рачи, человека знатного (мужа честна, говорит летописец), приехавшего в Россию во время княжения святого Александра Ярославича Невского (см. *Русский Летописец* и *Историю Российского Государства*). От него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другие. Карамзин упоминает об одних Мусиных-Пушкиных (из учтивости 〈к〉 покойному графу Алексею Ивановичу). В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича, историограф именует и Пушкиных. В царствование Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явным образом обижаемы в спорах местничества. Г. Г. Пушкин, тот самый, который выведен в моей трагедии, принадлежит к числу самых замечательных лиц той эпохи—столь богатой историческими характерами. Другой Пушкин во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, *сделал честно свое дело*. При избрании Романовых на 〈царство〉 4 Пушкиных подписались под избирательною грамотою, а один из них, окольничий, под 〈соборным деянием〉 о уничтожении местничества (что мало делает ему чести). При Петре они были в оппозиции, и один из них, стольник Федор Алексеевич, был замешан в заговоре Циклера и казнен вместе с ним и Соковниным. Прадед мой был женат на меньшой дочери адмирала графа Головина, первого в России андреевского кавалера и проч. Он умер очень молод и в заточении, в припадке ревности или сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах. — Единственный сын его, дед мой Лев Александрович, во время мятежа 1762 года остался верен Петру III, не хотел присягнуть Екатерине — и был посажен в крепость вместе с Измайловым (странна судьба 〈и〉 союз сих имен!). См. Рюлиера и Кастера. Чрез 2 года выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением, он уже никогда не вступал в службу и жил в Москве и своих деревнях.

Если быть дворянином значит подражание английскому поэту, то сие подражание весьма невольное. Но что есть общего между привязан-

* Будем справедливы: г. Полевого нельзя упрекнуть в низком подобострастии перед знатными, напротив, мы готовы обвинить его в юношеской заносчивости, не уважающей ни лет, ни звания, ни славы и оскорбляющей равно память мертвых и отношения к живым.

ностию лорда к своим феодальным преимуществам и бескорыстным уважением к мертвым прадедам, коих минувшая знаменитость не может доставить нам ни чинов, ни покровительства? Ибо ныне знать нашу большею частию составляют роды новые, получившие существование свое уже при императорах.

Но от кого бы я ни происходил — от разночинцев, вышедших во дворяне, или от одного из самых старинных русских родов, от предков, коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей, образ мнений моих от этого никак бы не зависел; и хоть нигде доныне я его не обнаруживал и никому до него дела нет, но отказываться от него я ничуть не намерен.

Каков бы ни был образ моих мыслей, никогда не разделял я с кем бы ни было демократической ненависти к дворянству. Оно всегда казалось мне необходимым и естественным сословием великого образованного народа. Смотря около себя и читая старые наши летописи, я сожалел, видя, как древние дворянские роды уничтожились, как остальные упадают и исчезают, как новые фамилии, новые исторические имена, заступив место прежних, уже падают, ничем не огражденные, и как имя дворянина, час от часу более униженное, стало наконец в притчу и посмеяние даже разночинцам, вышедшим во дворяне, и досужим [журнальным] балагурам!

Образованный француз иль англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, честного рыцаря, падшего в такой-то битве или в таком-то году возвратившегося из Палестины. Но калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества. И это ставите вы ему в достоинство! Конечно, есть достоинство выше знатности рода, именно: достоинство личное, но я видел родословную Суворова, писанную им самим; Суворов не презирал своим дворянским происхождением.

Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, может быть, все наши старинные родословные — но неужто потомству их смешно было бы гордиться сими именами.

〈1830〉

〈Разговор〉

А. Читал ты замечание в № *Литературной Газеты,* где сравнивают наших журналистов с демократическими писателями XVIII столетия?

Б. Читал.

А. Как же ты его находишь?

Б. Довольно неуместным.

А. Конечно, иначе нельзя и думать. Как не стыдно литераторам обижать таким образом свою братью!

Б. Согласен.

А. Русские журналисты не заслуживали такого унизительного сравнения!

Б. А так извини: я с тобою несогласен.

А. Как так?

Б. Я было тебя не понял. Мне казалось, что ты находишь обиженными демократических писателей XVIII столетия, которых (как очень хорошо сказано в *Газете*) с нашими никаким образом сравнивать <невозможно> — а между тем сравнивают.

А. Да помилуй, эти французские писатели такие люди, что боже упаси! посмотри, как негодуют наши журналисты от одной мысли быть им уподобленными этим господам.

Б. Да кто же эти французские писатели, о коих упомянуто в *Литературной Газете*?

А. А я почему знаю.

Б. Так я же тебе их назову: добродетельный Томас, прямодушный Дюкло, твердый Шамфор и другие столь же умные, как <и> честные люди, не бессмертные гении, но литераторы с отличным талантом.

А. Зачем же обруганы они в *Литературной Газете*?

Б. То-то я и говорю.

А. Как можно печатать такую клевету? Умные и честные литераторы станут кричать: повесим их, повесим! и аристократов к фонарю.

Б. Извини, брат. Опять было тебя не понял. Этого в *Газете* не сказано.

А. Как не сказано? постой, она на мне... (*вынимает из кармана Газету*). А ты прав, ты прав. Сказано только, что эпиграммы их приуготовили крики etc. — Так неужто в самом деле эпиграммы приуготовили Французскую Революцию?

Б. О Французской Революции *Литературная Газета* молчит, и хорошо делает.

А. Помилуй, да посмотри же, читай: les aristocrates à la lanterne * и повесим <их, повесим> и т. д. Ça ira.

Б. И ты видишь тут Французскую Революцию?

А. А ты что тут видишь, если смею спросить?

* <Аристократов к фонарю!>

Б. Крики бешеной черни.

А. А что же значили эти крики?

Б. Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще противу всего, что не было чернь.

А. Вот, я тебя и поймал: а отчего чернь остервенилась именно на дворянство?

Б. Потому, что с некоторых пор дворянство было ей представлено сословием презренным и ненавистным. —

А. Следственно я и прав. В крике les aristocrates à la lanterne вся Революция.

Б. Ты не прав. В крике les aristocrates à la lanterne один жалкий эпизод Французской Революции — гадкая фарса в огромной драме.

А. И честные и добрые писатели были тому причиною. Если и в самом деле, то уж конечно неумышленно!

Б. Вероятно.

А. A propos, * какого ты мнения о [Лафайете,] Полиньяке?

Б. Милый мой, ты знаешь, что о политике я с тобою никогда не говорю.

[А. Итак, revenons à nos moutons, ** обратимся к литераторам. Неужто в самом деле эпиграммы французских писателей приуготовили крики les aristocrates à la lanterne?

Б. Таково по крайней мере мнение *Литературной Газеты.*

А. А твое мнение? нельзя узнать.

Б. Экой лукавой! заманивает опять меня в политику. Не узнаешь!

А. И ты мне не будешь отвечать?

Б. Нет.]

А. Ну так обратимся к нашим литераторам. Читал ли ты, как отделала *Пчела* всю *Литературную Газету,* издателя и сотрудников за это замечание?

Б. Нет еще.

А. Так прочти же *(дает ему журналы).*

Б. Что значат эти точки?

А. Ах! я спрашивал — тут были ругательства ужасные, да цензор не пропустил.

Б. *(отдавая журнал).* Жаль, в этих ругательствах может быть был смысл, а в строках печатных его нет.

А. Вот тебе еще что-то *(дает другой журнал).*

Б. *(прочитав).* Тут и ругательства есть, а смысла всё-таки не более.—

* ‹Кстати.›

** ‹Вернемся к нашим баранам.›

А. Так ты видно стоишь за *Литературную Газету*. Давно ль ты сделался аристократом?

Б. Как аристократом? что такое аристократ?

А. Что такое аристократ? о, да ты журналов не читаешь! Вот видишь ли: издатель *Литературной Газеты* и сотрудники его и читатели его — все аристократы (разумеется в ироническом смысле).

Б. Воля твоя, я смысла тут никакого не вижу. — Будучи сам литератором, я читаю *Литературную Газету*: ибо мне любопытно знать ее мнения; мне досадно видеть в ней иногда личности и колкости, ответы, возражения, мелочную войну, которую не худо предоставить литературным башкирцам; но никогда я не видал в *Литературной Газете* ни дворянской спеси, ни гонения на прочие сословия. Дворяне ли: барон Дельвиг, князь Вяземский, Пушкин, Баратынский и пр. мне до того и дела нет. Они об этом не толкуют. Заступясь за грамотное купечество, в лице г-на Полевого, они сделали хорошо, заступясь ныне за просвещенное дворянство, они сделали еще лучше.

А. Это замечание могло повредить невинным.

Б. Что ты, шутишь или сам такой невинный. — Кто же сии невинные?

А. Как, кто? Издатели *Северной Пчелы*.

Б. Так успокойся ж. Образ мнения почтенных издателей *Северной Пчелы* слишком хорошо известен, и *Литературная Газета* повредить им не может, а г. Полевой в их компании под их покровительством может быть безопасен.

А. Что значит avis au lecteur?* к кому это относится? ты скажешь к журналистам, а я так думаю, не к цензуре ли?

Б. Да хоть бы и к цензуре, что за беда. Уж если существует у нас цензура, то не худо оградить и сословия, как ограждены частные лица от явных нападений злонамеренности. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждого сословия, но смеяться над сословием потому только, что оно такое-то сословие, а не другое, нехорошо и не позволительно. И на кого журналисты наши нападают? Ведь не на новое дворянство, получившее свое начало при Петре I и императорах и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую и могущественную аристократию — pas si bête.** Наши журналисты перед этим дворянством вежливы до крайности. Они нападают именно на старинное дворянство, кое ныне, по причине раздробленных имений, состав-

* ⟨Предупреждение читателю.⟩
** ⟨Они не настолько глупы.⟩

ляет у нас род среднего состояния, состояния почтенного, трудолюбивого и просвещенного, состояния, коему принадлежит и большая часть наших литераторов. Издеваться над ним (и еще в официальной газете) не хорошо — и даже неблагоразумно. [Положим, что эпиграммы демократических французских писателей приуготовили крики les aristocrates à la lanterne; у нас таковые же эпиграммы, хоть и не отличаются их остроумием, могут иметь последствия еще пагубнейшие...] Подумай о том, что значит у нас сие дворянство вообще и в каком отношении находится оно к народу...

А. Кажется, ты прав. Но почему же некоторые журналы вступились с такою братскою горячностию за *Северную Пчелу*.

Б. Потому, что свой своему поневоле брат.

А. Отчего же замечание *Газеты* показалось сначала столь предосудительным, даже людям самым благомыслящим и благородным?

Б. Потому что политические вопросы никогда не бывали у нас разбираемы. Журналы наши, ненарочно наступив на один из таковых вопросов, сами испугались движения, ими произведенного. Нет прения без двух противных сторон; ты политикой не занимаешься, а это тебе понятно, не правда ли? — Демократические наши журналы, напав на дворянство...

А. Опять демократические журналы! Какой ты неблагонамеренный.

Б. Как же ты прикажешь назвать журналы, объявившие себя противу аристократии? В прямом или переносном смысле, всё-таки они демократические журналы. Итак, эти журналы, нападая на дворянство, должны были найти отпор и нашли его в *Газете Литературной*. Всё это естественно и даже утешительно. Но повторяю, вопросы политические еще для нас новость...

А. Знаешь ли ты что? Мне хочется разговор наш передать издателю *Литературной Газеты*, чтоб он напечатал его себе в оправдание.

Б. И хорошо сделает. Есть обвинения, которые не должны быть оставлены без возражений, от кого б они впрочем ни происходили.

⟨1830⟩

⟨Заметки, исключенные из „Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений"⟩

⟨1. О цене „Евгения Онегина"⟩

Между прочими литературными обвинениями укоряли меня слишком дорогою ценою *Евгения Онегина* и видели в ней ужасное корыстолюбие. Это хорошо говорить тому, кто отроду сочинений своих не продавал,

или чьи сочинения не продавались, но как могли повторять то же милое обвинение издатели *Северной Пчелы*? Цена устанавливается не писателем, а книгопродавцами. В отношении стихотворений число требователей ограничено. Оно состоит из тех же лиц, которые платят по 5 рублей за место в театре. Книгопродавцы, купив, положим, целое издание по рублю экземпляр, всё-таки продавали б по 5 рублей. — Правда, в таком случае автор мог бы приступить ко второму дешевому изданию, но и книгопродавец мог бы тогда сам понизить свою цену и таким образом уронить новое издание. Эти торговые обороты нам, мещанам писателям, очень известны. — Мы знаем, что дешевизна книги не доказывает бескорыстия автора, но или большое требование оной, или совершенную остановку в продаже.

Спрашиваю: что выгоднее напечатать — 20 000 экземпляров одной книги и продать по 50 копеек, или напечатать 200 экземпляров и продавать по 50 рублей?

Цена последнего издания басен Крылова, во всех отношениях самого народного нашего поэта (le plus national et le plus populaire*), не противоречит нами сказанному. Басни (как и романы) читает и литератор, и купец, и светской человек, и дамы, и горничные, и дети. — Но стихотворение лирическое читает токмо любитель поэзии. — А много ли их? —

⟨2. Шутки наших критиков⟩

Шутки наших критиков приводят иногда в изумление своею невинностию. Вот истинный анекдот: в лицее один из младших наших товарищей, и, не тем будь помянут, добрый мальчик, но довольно простой и во всех классах последний, сочинил однажды два стишка, известные всему лицею:

Ха ха ха, хи хи хи
Дельвиг пишет стихи.

Каково же было нам, Дельвигу и мне, в прошлом 1830 году в первой книжке важного *Вестника Европы* найти следующую шутку. Альманах *Северные Цветы* разделяется на прозу и стихи. — Хи, хи! Вообразите себе, как обрадовались мы старой нашей знакомке! Сего не довольно. Это *хи хи* показалось видно столь затейливым, что его перепечатали с большой похвалой в *Северной Пчеле*: „*хи хи*, как весьма остроумно сказано было в *Вестнике Европы*“ etc.

---

* ⟨Самого национального и самого популярного.⟩

Молодой Киреевский в красноречивом и полном мыслей обозрении нашей словесности, говоря о Дельвиге, употребил сие изысканное выражение: „древняя муза его покрывается иногда душегрейкою новейшего уныния“. Выражение, конечно, смешное. Зачем не сказать было просто.— В стихах Дельвига отзывается иногда уныние новейшей поэзии? Журналисты наши, о которых г. Киреевский отозвался довольно непочтительно, — обрадовались, подхватили эту душегрейку, разорвали на мелкие лоскутки и вот уже год, как ими щеголяют, стараясь насмешить свою публику. Положим, всё та же шутка каждый раз им и удается; но какая им от того прибыль? Публике почти дела нет до литературы, а малое число любителей верит наконец не шутке, беспрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнениям здравой критики и беспристрастия.

⟨1830⟩

⟨Проект предисловия к последним главам „Евгения Онегина“⟩

У нас довольно трудно самому автору узнать впечатление, произведенное в публике сочинением его. От журналов узнает он только мнение издателей, на которое положиться невозможно по многим причинам. Мнение друзей, разумеется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станут ему в глаза бранить его произведение, хотя бы оно того и стоило.

При появлении VII песни Онегина журналы вообще отозвались об ней весьма неблагосклонно. Я бы охотно им поверил, если бы их приговор не слишком уж противоречил тому, что говорили они о прежних главах моего романа. После неумеренных и незаслуженных похвал, коими осыпали шесть частей одного и того же сочинения, странно было мне читать, например, следующий отзыв:

„...Можно ли требовать внимания публики к таким произведениям, какова, например, глава VII Евгения Онегина? Мы сперва подумали, что это мистификация, просто шутка или пародия, и не прежде уверились, что эта глава VII есть произведение сочинителя „Руслана и Людмилы“, пока книгопродавцы нас не убедили в этом. Эта глава VII — два маленькие печатные листика — испещрена такими стихами и балагурством, что в сравнении с ними даже *Евгений Вельский* кажется чем-то похожим на дело. * Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! Со-

* Прошу извинения у неизвестного мне поэта, если принужден повторить здесь эту грубость. Судя по отрывкам его поэмы, я ничуть не полагаю для себя обидным, если находят Евгения Онегина ниже Евгения Вельского.

вершенное падение, chute complète... Читатели наши спросят, каково же содержание этой VII главы в 57 страничек? Стихи *Онегина* увлекают нас и заставляют отвечать стихами на этот вопрос:

Ну, как рассеять горе Тани?
Вот как: посадят деву в сани
И повезут из милых мест
В *Москву на ярманку невест!*
Мать плачется, скучает дочка;
Конец *седьмой главе* — и точка. *

Точно так, любезные читатели, всё содержание этой главы в том, что Таню везут в Москву из деревни!“ — и т. д.

В одном из наших журналов сказано было, что VII глава не могла иметь никакого успеху, ибо наш век и Россия идут вперед, а стихотворец остается на прежнем месте. Решение несправедливое (т. е. в его заключении). Век может идти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться, — но поэзия остается на одном месте. Цель ее одна, средства те же. И между тем как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарелись и каждый день заменяются другими — произведения истинных поэтов остаются свежими и вечно юны.

Поэтическое произведение может быть слабо, неудачно, ошибочно — виновато уж, верно, дарование стихотворца, а не век, ушедший от него вперед.

Вероятно, критик хотел сказать, что Евгений Онегин и весь его причет уже не новость для публики и что он надоел и ей, как журналистам.

Как бы то ни было, решаюсь еще искусить ее терпение. Вот еще две главы *Евгения Онегина* — последние, по крайней мере, для печати... Те, которые стали бы искать в них занимательности происшествий, могут быть уверены, что в них еще менее действия, чем во всех предшествовавших. Осьмую главу я хотел было вовсе уничтожить и заменить одной римской цифрою, но побоялся критики. К тому же многие отрывки из оной были уже напечатаны. Мысль, что шутливую пародию можно принять за неуважение к великой и священной памяти, — также

* Стихи эти очень хороши, но в них заключающаяся критика неосновательна. Самый ничтожный предмет может быть избран стихотворцем: критике нет нужды разбирать, что стихотворец описывает, но как описывает.

удерживала меня. Но *Чайльд-Гарольд* стоит на такой высоте, что каким бы тоном о нем ни говорили, мысль о возможности оскорбить его не могла у меня родиться.

28 ноября 1830, Болдино.

‹Наброски возражений критикам языка и стиля „Евгения Онегина“›

‹1›

Наши критики долго оставляли меня в покое. Это делает им честь я был далеко и в обстоятельствах неблагоприятных. По привычке полагали меня всё еще очень молодым человеком. Первые неприязненные статьи, помнится, стали появляться по напечатании четвертой и пятой песни *Евгения Онегина*.

Разбор сих глав, напечатанный в *Атенее*, удивил меня хорошим тоном, хорошим слогом и странностию привязок. Самые обыкновенные риторические фигуры и тропы останавливали критика: можно ли сказать *стакан шипит*, вместо *вино шипит в стакане*? *камин дымит*, вместо *пар идет из камина*? Не слишком ли смело *ревнивое подозрение*? *неверный лед*? Как думаете, что бы такое значило:

Мальчишки
Коньками звучно режут лед?

Критик догадывается, однако ж, что это значит: мальчишки бегают по льду на коньках.

Вместо:

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед

критик читал

На красных лапках гусь тяжелый
Задумал плыть...

и справедливо замечал, что недалеко уплывешь на красных лапках.

Некоторые стихотворческие вольности: после отрицательной частицы *не* — винительный, а не родительный падеж; *времян* вместо *времен*, как например, у Батюшкова:

То древню Русь и нравы
Владимира времян...

приводили критика моего в великое недоумение. Но более всего раздражал его стих:

Людскую молвь и конский топ.

„Так ли изъясняемся мы, учившиеся по старым грамматикам, можно ли так коверкать русский язык?“ Над этим стихом жестоко потом посмеялись и в „Вестнике Европы“. *Молвь* (речь) слово коренное русское. *Топ* вместо *топот* столь же употребительно, как и *шип* вместо *шипение* * и *хлоп* вместо *хлопание* (следственно вовсе не противно духу русского языка)...

На ту беду и стих-то весь не мой, а взят целиком из русской сказки:

„И вышел он за ворота градские, и услышал конский топ и людскую молвь“. *Бова Королевич.*

Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают.

Стих: *Два века ссорить не хочу* критику показался неправильным. Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательною частицею, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например: *я не пишу стихов.* Но в моем стихе глагол *ссорить* управляем не частицею *не*, а глаголом *хочу*. Ergo, ** правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее предложение: Я не могу вам позволить начать писать... *стихи*, а уж, конечно, не *стихов*. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю.

Кстати о грамматике. Я пишу *цыганы*, а не *цыгане, татаре*, а не *татары*. Почему? Потому что все имена существительные, кончающиеся на *анин*, *янин*, *арин*, *ярин*, имеют свой родительный во множественном на *ан*, *ян*, *ар* и *яр*, а именительный множественного на *ане*, *яне*, *аре* и *яре*. Все же существительные, кончающиеся на *ан* и *ян*, *ар* и *яр*, имеют во множественном именительный на *аны*, *яны*, *ары* и *яры*, а родительный на *анов*, *янов*, *аров* и *яров*.

Единственное исключение: имена собственные. Потомки г-на Булгарина будут гг. Булгарины, а не Булгаре.

У нас многие (между прочими и г. Каченовский, которого, кажется, нельзя упрекнуть в незнании русского языка) спрягают: *решаю, решаешь, решает, решаем, решаете, решают.* Вместо *решу, решишь* и проч. *Решу* спрягается как *грешу*.

* Он шип пустил по-змеиному — *Древние Русские Стихотворения*.

** ⟨Итак⟩

Иностранные собственные имена, кончающиеся на *е, и, о, у*, не склоняются. Кончающиеся на *а, ъ* и *ь* склоняются в мужеском роде, а в женском нет, и против этого многие у нас погрешают. Пишут: книга, сочиненная Гетем, и проч.

Как надобно писать *турков* или *турок?* То и другое правильно. *Турок* и *турка* равно употребительны.

Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо). Я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место. Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже и почти так, как пишет Г**.

Многие пишут *юпка, сватьба* вместо *юбка, свадьба*. Никогда в производных словах *т* не переменяется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говорим *юбочница, свадебный*.

Двенадцать, а не *двѣнадцать*. *Две* сокращенно из *двое*, как *три* из *трое*.

Пишут: *тѣлега, телѣга*. Не правильнее ли: *телега* (от слова *телец* — телеги запряжены волами)?

Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований.

Альфиери изучал итальянский язык на флорентинском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком.

Московский выговор чрезвычайно изнежен и прихотлив. Звучные буквы *щ* и *ч* пред другими согласными в нем изменены. Мы даже говорим *женшины, нослег* (см. Богдановича).

Шпионы подобны букве ѣ. Нужны они в некоторых только случаях, но и тут можно без них обойтиться, а они привыкли всюду соваться.

〈1830〉

〈2〉

Г. Федоров, в журнале, который начал было издавать, разбирая довольно благосклонно 4 и 5-ую главу *Онегина*, заметил, однако ж, мне, что в описании осени несколько стихов сряду начинаются у меня частицею *уж*, что и назвал он ужами, а что в риторике зовется *единоначатием*. Осудил он также слово *корова* и выговаривал мне за то, что я барышень благородных и, вероятно, чиновных назвал *девчонками* (что, конечно, неучтиво), между тем как простую деревенскую девку назвал девою:

В избушке распевая, дева
Прядет

〈1830〉

〈3〉

Шестой песни *Онегина* не разбирали, даже не заметили в „Вестнике Европы" латинской опечатки. Кстати: с тех пор, как вышел из лицея, я не раскрывал латинской книги и совершенно забыл латинский язык. — Жизнь коротка, перечитывать некогда. Замечательные книги теснятся одна за другой, а никто нынче по-латыни их не пишет. В 14 столетии, наоборот, латинский язык был необходим и справедливо почитался первым признаком образованного человека.

〈1830〉

Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию. Что есть строфы в *Евгении Онегине*, которые я не мог или не хотел напечатать — этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, они прерывают связь рассказа, и поэтому означается место, где быть им надлежало. Лучше бы было заменять эти строфы другими, или переправлять и сплавливать мною сохраненные.

Но виноват, на это я слишком ленив. Смиренно сознаюсь также, что в *Дон-Жуане* есть 2 выпущенные строфы.

〈1830〉

〈4〉

Критику 7-ой песни в „Северной Пчеле" пробежал я в гостях и в такую минуту, когда было мне не до *Онегина*... Я заметил только очень хорошо написанные стихи и довольно смешную шутку об *жуке*. У меня сказано:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.

Критик радовался появлению сего нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих. Кажется, впрочем, ни одного дельного замечания или мысли критической не было. Других критиков я не читал, ибо, право, мне было не до них.

NB. Эту критику „Северной Пчелы“ напрасно приписывали г. Булгарину: 1) стихи в ней слишком хороши, 2) проза слишком слаба, 3) г. Булгарин не сказал бы, что описание Москвы взято из *Ивана Выжигина* (весь отрывок этот был напечатан в „Северной Пчеле“ года два прежде появления *Выжигина*), ибо г. Булгарин не сказывает, что трагедия *Борис Годунов* взята из его романа. ⟨1830⟩

⟨Заметки о ранних поэмах⟩

Руслана и Людмилу вообще приняли благосклонно. Кроме одной статьи в *Вестнике Европы*, в которой побранили весьма неосновательно, и весьма дельных вопросов, изобличающих слабость создания поэмы, кажется, не было об ней сказано худого слова. Никто не заметил даже, что она холодна. Обвиняли ее в безнравственности за некоторые слегка сладострастные описания, за стихи, мною выпущенные во втором издании:

О, страшный вид! Волшебник хилый
Ласкает сморщенной рукой...

За вступление, не помню которой песни:

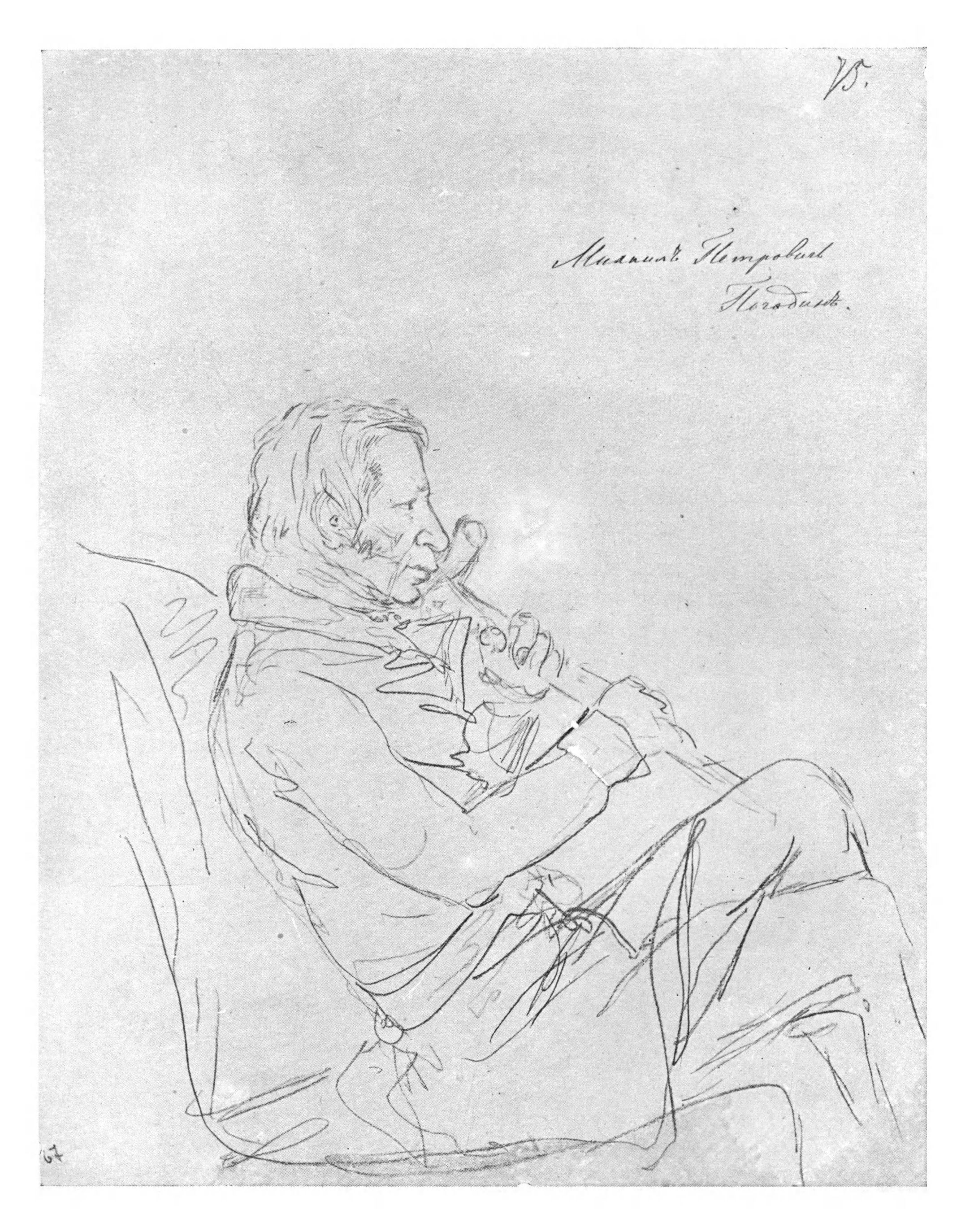
Напрасно вы в тени таились etc.

и за пародию *Двенадцати спящих дев*. За последнее можно было меня пожурить порядком, как за недостаток эстетического чувства. Непростительно было, особенно в мои лета, пародировать в угождение черни девственное, поэтическое создание. Были прочие упреки, довольно пустые. Есть ли в *Руслане* хоть одно место, которое в вольности шуток могло быть сравнено с шалостями хоть например Ариоста, о котором поминутно твердили мне? Да и выпущенное мною место было очень смягченное подражание Ариосту (Orlando, canto V и VIII *).

Кавказский Пленник — первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил; он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря некоторым элегическим и описательным стихам. Но зато Николай и Александр Раевские и я, мы вдоволь над ним смеялись.

---

* ⟨„Неистовый Роланд“, песни V и VIII.⟩

М. П. Погодин. С портрета карандашом *Э. А. Дмитриева-Мамонова* 1840 г. (Госуд. Третьяковская галлерея)

Бахчисарайский Фонтан слабее *Пленника* и, как он, отзывается чтением Байрона, от которого я с ума сходил. Сцена Заремы с Марией имеет драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. А. Раевский хохотал над следующими стихами:

Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю — и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет etc.

Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои всегда содрогаются, хохочут дико, скрежещут зубами и проч. Всё это смешно, как мелодрама.

Не помню кто заметил мне, что невероятно, чтобы скованные вместе разбойники могли переплыть реку. Всё это происшествие справедливо и случилось в 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле.

О *Цыганах* одна дама заметила, что во всей поэме один только честный человек, и то медведь. Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с глазеющей публики. — Вяземский повторил то же замечание. Рылеев просил меня сделать из Алеко хоть кузнеца, что было бы не в пример благороднее. Всего бы лучше сделать из него чиновника 8 класса или помещика, а не цыгана. В таком случае, правда, не было бы и всей поэмы: ma tanto meglio. *

〈1830〉

〈Заметки о народной драме и о „Марфе Посаднице“ М. П. Погодина〉

Драматическое искусство родилось на площади — для народного увеселения. Что нравится народу, что поражает его? Какой язык ему понятен?

С площадей, ярманки (вольность мистерий) Расин переносит ее во двор. Какое было ее появление?

(Корнель, поэт испанский).

Сумароков, Озеров — (Катенин).

Шекспир, Гете — влияние его на нынешний французский театр, на нас. Блаженное неведение критиков, осмеянное Вяземским; они на сло-

* 〈Но тем лучше.〉

вах согласились, признали романтизм, а на деле не только его не держутся, но детски нападают на ⟨него⟩.

Что развивается в трагедии? какая цель ее? Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная. Вот почему Расин велик, несмотря на узкую форму своей трагедии. Вот почему Шекспир велик, несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отделки.

Что нужно драматическому писателю? Философию, бесстрастие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения. Никакого предрассудка, любимой мысли. ***Свобода.***

Ошибочное понятие об поэзии вообще, и драматическом искусстве в особенности. —Какая цель драмы? — Что есть драма? — Как они образовались.

⟨2⟩

Между тем как эстетика со времен Канта и Лессинга развита с такой ясностию и обширностию, мы всё еще остаемся при понятиях тяжелого педанта Готшеда; мы всё еще повторяем, что *прекрасное* есть подражание изящной природе, и что главное достоинство искусства есть *польза*. Почему же статуи раскрашенные нравятся нам менее чисто мраморных и медных? Почему поэт предпочитает выражать мысли свои стихами? И какая польза в Тициановой Венере и Аполлоне Бельведерском?

Правдоподобие всё еще полагается главным условием и основанием драматического искусства. Что, если докажут нам, что и самая сущность драматического искусства именно исключает правдоподобие.

Читая поэму, роман, мы часто можем забыться и полагать, что описываемое происшествие не есть вымысел, но истина. В оде, в элегии можем думать, что поэт изображал свои настоящие чувствования, в настоящих обстоятельствах. Но [может ли сей обман существовать] в здании, разделенном на две части, из коих одна наполнена зрителями, которые etc. etc.

Если мы будем полагать правдоподобие в строгом соблюдении костюма, красок времени и места, то и тут мы увидим, что величайшие драматические писатели не повиновались сему правилу. У Шекспира римские ликторы сохраняют обычаи лондонских алдерманов. У Кальдерона храбрый Кориолан вызывает консула на дуэль и бросает перчатку. У Расина полу-скиф Ипполит говорит языком молодого благовоспитан-

ного маркиза. А Корнелеву Клитемнестру сопровождает швейцарская гвардия. Римляне Корнеля суть если не испанские рыцари, то гасконские бароны. Со всем тем Кальдерон, Шекспир и Расин стоят на высоте недосягаемой — и их произведения составляют вечный предмет наших изучений и восторгов...

Какого же правдоподобия требовать должны мы от драматического писателя? Для разрешения сего вопроса, рассмотрим сначала, что такое драма и какая ее цель.

Драма родилась на площади и составляла увеселение народное. Народ, как дети, требует занимательности, действия — драма представляет ему происшествие необыкновенное, истинное. Народ требует сильных ощущений — для него и казни — зрелище. Трагедия преимущественно выводила пред ним тяжкие злодеяния, страдания тяжкие, сверхъестественные, даже физические (например, Филоктет, Эдип, Лир). Но привычка притупляет ощущения — воображение привыкает к убийствам и казням, смотрит на них уже равнодушно, изображение же страстей и излияний души человеческой для него всегда ново, всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала заведывать страстями и душою человеческою.

Смех, жалость и ужас суть три струны нашего воображения, потрясаемые драматическим волшебством. Но смех скоро ослабевает, и на нем одном невозможно основать полного драматического действия. — Древние трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сатира овладела ею исключительно и приняла форму драматическую, более как пародию. Таким образом родилась комедия — со временем столь усовершенствованная. Заметим, что высокая комедия не основана единственно на смехе, но на развитии характеров, и что <она> нередко близко подходит к трагедии.

Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах — вот чего требует наш ум от драматического писателя.

Драма оставила площадь и перенеслася в чертоги по требованию образованного избранного общества. Поэты переселились ко двору. Между тем, драма остается верною первоначальному своему назначению — действовать на толпу, занимать ее любопытство. [Что привлекает внимание образованного, просвещенного зрителя, как не изображение великих государственных происшествий. Отселе история, перенесенная на театр, и народы и цари, выведенные перед нами драматическим поэтом].

[В чертогах драма изменилась, голос ее понизился. Она не имела уже нужды в криках. Она оставила маску преувеличения, необходимую на площади, но излишнюю в комнате. Она явилась проще, естественнее. Чувства более утонченные уже не требовали сильных потрясений. Она перестала изображать отвратительные страдания, отвыкла от ужасов, мало-по-малу сделалась благопристойна и важна].

Творец трагедии народной был образованнее своих зрителей, он это знал, давал им свои свободные произведения с уверенностию в своей возвышенности — и публика [это чувствовала]. Признание беспрекословно. При дворе, наоборот, поэт чувствовал себя ниже своей публики. Зрители были образованнее его, по крайней мере, так думал и он и они. Он не предавался вольно и смело своим вымыслам. Он старался угадывать требования утонченного вкуса людей, чуждых ему по состоянию. Он боялся унизить такое-то высокое звание, оскорбить таких-то спесивых своих зрителей — отселе робкая чопорность, смешная надутость, вошедшая в пословицу (un héros, un roi de comédie *), привычка смотреть на людей высшего состояния с каким-то подобострастием и придавать им странный, нечеловеческий образ изъяснения. У Расина (например) Нерон не скажет просто, je serai caché dans ce cabinet **— но caché près de ces lieux je vous verrai, Madame ***-- Агамемнон будит своего наперсника, говорит ему с напыщенностью: Oui, c'est Agamemnon... ****

Мы к этому привыкли, нам кажется, что так и быть должно. Но надобно признаться, [у Шекспира этого незаметно]. И если герои выражаются в его трагедиях как конюхи, то нам это не странно, ибо мы чувствуем, что и знатные должны выражать простые понятия, как простые люди.

Драма оставила язык общепонятный и приняла наречие модное, избранное, утонченное.

Не имею целию и не смею определять выгоды и невыгоды той и другой трагедии — развивать существ. разницы систем Расина и Шекспира, Кальдерона и Гете. Спешу обозреть историю драматического искусства в России.

---

* ⟨Герой, король комедии.⟩

** ⟨Я спрячусь в этой комнате.⟩

*** ⟨Спрятанный вблизи этих мест, я буду вас видеть, сударыня.⟩

**** ⟨Да, это Агамемнон...⟩

Драма никогда не была у нас потребностию народною. Мистерии Дмитрия Ростовского, трагедии царевны Софии Алексеевны были представляемы при царском дворе и в палатах ближних бояр — и были необыкновенным празднеством, а не постоянным увеселением. Первые труппы, появившиеся в России, не привлекли народа, не понимающего драматизма и не привыкшего к его условиям. [Попытки Волкова не имели успеха.] Явился Сумароков, несчастнейший из подражателей. Трагедии его, исполненные противусмыслия, писанные варварским изнеженным языком, нравились двору Елисаветы, как новость, как подражание парижским увеселениям. Сии вялые, холодные произведения не могли иметь никакого влияния на народное пристрастие. Театр оставался поприщем, чуждым нашим обычаям. Озеров это чувствовал. Он попытался дать нам трагедию народную — и вообразил, что для сего довольно будет, если выберет предмет из народной истории, забыв, что поэт Франции брал все предметы для своих трагедий из римской, греческой и еврейской истории, и что самые народные трагедии Шекспира заимствованы им из италиянских новелей.

После *Дмитрия Донского*, после *Пожарского*, произведения незрелого таланта, мы всё не имели трагедии. — *Андромаха* Катенина (может быть, лучшее произведение нашей Мельпомены по силе истинных чувств, по духу истинно трагическому) не разбудила однако ж ото сна сцену, опустелую после Семеновой.

Ермак, идеализированный, лирическое произведение пылкого юношеского вдохновения, не есть произведение драматическое. В нем всё чуждо нашим нравам и духу, всё, даже самая очаровательная прелесть поэзии.

Комедия была счастливее. Мы имеем две драматические сатиры.

Отчего же нет у нас народной трагедии? Не худо было бы решить, может ли она и быть. Мы видели, что народная трагедия родилась на площади, образовалась и потом уже была призвана в аристократическое общество. У нас было бы напротив. Мы захотели бы придворную, Сумароковскую трагедию низвести на площадь — но какие препятствия!

Трагедия наша, образованная по примеру трагедии Расина, может ли отвыкнуть от аристократических своих привычек? Как ей перейти от своего разговора размеренного, важного и благопристойного к грубой откровенности народных страстей, к вольности суждений площади? Как ей вдруг отстать от подобострастия, как ей обойтись без правил, к которым она привыкла, где, у кого выучиться наречию, понятному на-

роду, какие суть страсти сего народа, какие струны его сердца, где найдет она себе созвучие — словом, где зрители, где публика?

Вместо публики встретит она тот же малый, ограниченный круг — и оскорбит надменные его привычки (dédaigneux), вместо созвучия, отголоска и рукоплесканий, услышит она мелочную, привязчивую критику. Перед нею восстанут непреодолимые преграды — для того, чтоб она могла расставить свои подмостки, надобно было бы переменить и ниспровергнуть обычаи, нравы и понятия целых столетий...

Перед нами, однако ж, опыт народной трагедии.

Прежде, чем станем судить**, поблагодарим неизвестного автора за добросовестность его труда, поруку истинного таланта. Он написал свою трагедию не по расчетам самолюбия, жаждущего минутного успеха, не в угождение общей массе читателей, не только не приуготовленных к романтической драме, но даже решительно ей неприятствующих. * Он написал свою трагедию вследствие сильного внутреннего убеждения, вполне предавшись независимому вдохновению, уединясь в своем труде. Без сего самоотвержения в нынешнем состоянии нашей литературы ничего нельзя произвести истинно достойного внимания.

Автор *Марфы Посадницы* имел целию развитие важного исторического происшествия: падения Новагорода, решившего вопрос о единодержавии России. Два великих лица представлены ему были историею. Первое — Иоанн, уже начертанный Карамзиным, во всем его грозном и хладном величии, второе — Новгород, коего черты надлежало угадать.

Драматический поэт — беспристрастный, как судьба — должен был изобразить столь же искренно отпор погибающей вольности, как глубоко обдуманный удар, утвердивший Россию на ее огромном основании. Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, — но люди минувших дней, [их] умы, их предрассудки. Не его дело оправдывать, обвинять и подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине. Исполнил ли сии первоначальные, необходимые условия автор *Марфы Посадницы*? Отвечаем: исполнил — и если не везде

---

* Не говорим уже о журналах, коих приговоры имеют влияние не только на публику, но даже на писателей, которые, хотя ими пренебрегают, но опасаются печатных насмешек и ругательства.

глубокое добросовестное исследование истины и живость воображения юного, пламенного ему послужило, то изменило ему не желание, не убеждение, не совесть, но природа человеческая, всегда несовершенная.

Иоанн наполняет трагедию. Мысль его приводит в движение всю махину, все страсти, все пружины. — В первой сцене Новгород узнает о властолюбивых его притязаниях и о нечаянном походе. Негодование, ужас, разногласие, смятение, произведенное сим известием, дают уже понятие о его могуществе — — Он еще не появлялся, но уже тут, — как Марфа, мы уже чувствуем его присутствие. Поэт переносит нас в московский стан, среди недовольных князей, среди бояр и воевод. И тут мысль об Иоанне господствует и правит всеми мыслями, всеми страстями. Здесь видим могущество его владычества, укрощенную мятежность удельных князей, страх, наведенный на них Иоанном, слепую веру в его всемогущество. Князья свободно и ясно понимают его действия, предвидят и изъясняют высокие замыслы; послы новогородские ожидают его. Является Иоанн. Речь его послам не умаляет понятия, которое поэт успел внушить. Холодная твердая решимость, обвинения сильные, притворное великодушие, хитрое изложение обид. — Мы слышим точно Иоанна, мы узнаем мощный государственный его смысл, мы слышим дух его века. Новгород отвечает ему в лице своих послов. Какая сцена! Какая верность историческая! Как угадана дипломатика русского вольного города! Иоанн не заботится о том, правы ли они или нет. Он предписывает свои последние условия. Между тем готовится к решительной битве. Но не одним оружием действует осторожный Иоанн. Измена помогает силе. Сцена между Иоанном и вымышленным Борецким — (кажется нам) невыдержанною. Поэту не хотелось совсем унизить новгородского предателя — отселе заносчивость его речей и недраматическая (т. е. неправдоподобная) снисходительность Иоанна. Скажут: он терпит, ибо ему нужен Борецкий — правда. Но пред его лицом не смел забыться бы Борецкий, и изменник не говорил бы уже вольным языком новогородца. Зато с какой полнотою, с каким спокойствием развивает Иоанн государственные свои мысли! — и заметим, откровенность — вот лучшая лесть властителя и единственно его достойная. Последняя речь Иоанна

Российские бояре, вожди, князья, и проч.

кажется нам не в духе властвования Иоанна. Ему не нужно воспламенять их усердия, он не станет им изъяснять причины своих действий. Довольно, если он скажет им — завтра битва, будьте готовы.

Мы расстаемся с Иоанном, узнав его намерения, его мысли, его могущую волю — и уже видим его опять, когда молча въезжает он победителем в преданный ему Новгород. Его распоряжения, переданные нам историею, сохранены и в трагедии без добавлений затейливых, без объяснений. Марфа предрекает ему семейственные несчастия и погибель его народа. Он отвечает:

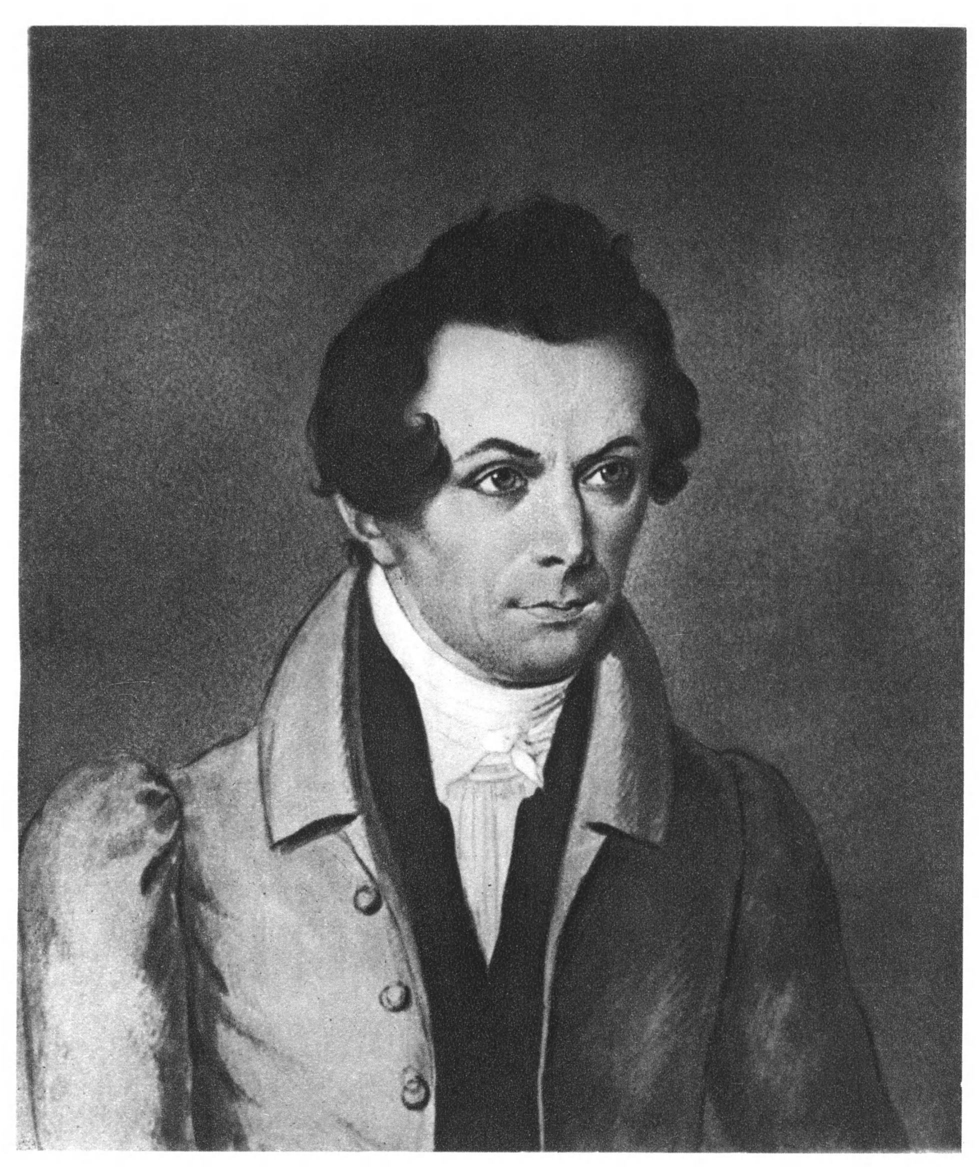
Что господу угодно — да свершится!
Спокоен я, исполнив подвиг свой.

Таково изображение Иоанна, изображение согласное с историей, почти везде выдержанное — в нем трагик не ниже своего предмета. Он его понимает ясно, верно, знает коротко — и представляет нам без театральных преувеличений, без надутости, чопорности, без противусмыслия, без шарлатанства.

<1830>

<Об Альфреде Мюссе>

Между тем как сладкозвучный, но однообразный Ламартин готовил новые благочестивые размышления под заслуженным названием Harmonies religieuses, между тем как важный Victor Hugo издавал свои блестящие, хотя и натянутые *Восточные стихотворения* (Les orientales), между тем как бедный скептик Делорм воскресал в виде исправляющегося неофита, и строгость нравов и приличий была объявлена в приказе по всей французской литературе, вдруг явился молодой поэт с книжечкой сказок и песен и произвел ужасный соблазн — Musset взял, кажется, на себя обязанность воспевать одни смертные грехи, убийства и прелюбодеяние. Сладострастные картины, коими наполнены его стихотворения, превосходят, может быть, своею живостию самые обнаженные описания покойного Парни. О нравственности он и не думает, над нравоучением издевается и, к несчастию, чрезвычайно мило, с важным александрийским стихом чинится как нельзя менее, ломает его и коверкает так, что ужас и жалость. Воспевает луну такими стихами, какие осмелился бы написать разве только поэт блаженного XIV века, когда не существовали еще ни Буало, ни гг. Лагарп, Гофман и Кольне. Как же приняли молодого проказника? За него страшно. Кажется, видишь негодование журналов и все ферулы, поднятые на него. Ничуть не бывало. Откровенная шалость любезного повесы так изумила, так понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдывать, объявила, что *Испанские сказки* ничего не доказывают, что можно описывать разбойников

Н. А. Полевой. С портрета акварелью *Людвига* 1833 г.
(Институт литературы Академии Наук СССР)

и убийц, даже не имея целию объяснить, сколь непохвально это ремесло — а быть, между тем, добрым и честным человеком; что живые картины наслаждений простительны 20-летнему поэту, что, вероятно, семейство его, читая его стихи, не станет разделять ужас газет и видеть в нем изверга, что, одним словом, поэзия — вымысел и ничего с прозаической истиной жизни общего не имеет. Слава богу! давно бы так, м. г. Не странно ли в XIX веке воскрешать чопорность и лицемерие, осмеянные некогда Молиером, и обходиться с публикою, как взрослые люди обходятся с детьми, не дозволять ей читать книги, которыми сами наслаждаетесь, и впопад и невпопад ко всякой всячине приклеивать нравоучение. Публике это смешно, и она своим опекунам уж верно спасибо не скажет.

Итальянские и испанские сказки отличаются, как уже мы сказали, живостию необыкновенной. Из них *Porcia,* кажется, имеет более всего достоинства: сцена ночного свидания; картина ревнивца, поседевшего вдруг; разговор двух любовников на море, — всё это прелесть. Драматический очерк *Les marrons du feu* обещает Франции романтического трагика. А в повести *Mardoche* Musset первый из французских поэтов умел схватить тон Байрона в его шуточных произведениях, что вовсе не шутка. Если будем понимать слова Горация, как понял их английский поэт, то мы согласимся с его мнением: трудно прилично выражать обыкновенные предметы.

NB в эпиграфе к *Дон-Жуану* —

Difficile est proprie communia dicere.* — Communia значит не обыкновенные предметы, но *общее всем* (дело идет о предметах трагических, всем известных, общих, в противуположность предметам вымышленным. См. ad Pisones). Предмет *Дон-Жуана* принадлежал исключительно Байрону.

1831

<Наброски третьей статьи об „Истории Русского Народа" Н. А. Полевого>

<1>

Противуречия <и> промахи, указанные в разных журналах, доказывают, конечно, не невежество г. Полевого (ибо сих обмолвок можно было избежать, дав себе время подумать или справиться), но только непростительную опрометчивость и поспешность. Презрение, с каким г-н Полевой отзывался в своих примечаниях о Карамзине, издеваясь

* <Трудно хорошо выразить общеизвестные вещи.>

над его трудом, — оскорбляло нравственное чувство уважения нашего к великому соотечественнику. — Но сия опрометчивость и необдуманность сильно повредили г. Полевому в мнении малого числа просвещенных и благоразумных читателей, ибо они поколебали, если не вовсе уничтожили, доверенность, которую обязан он был им внушить. — Теперь мы читаем *Историю Русского Народа,* не полагаясь на добросовестность труда и верность разысканий, — но на каждое слово невольно требуем подтверждения постороннего, если не имеем терпения или способов справляться сами. — *История Русского Народа* состоит из отдельных отрывков, часто не имеющих между собою связи по духу, в коем они писаны, и походит более на разные журнальные статьи, чем на книгу, обдуманную одним человеком и проникнутую единством духа.

Несмотря на сии недостатки, *История Русского Народа* заслуживала внимания по многим остроумным замечаниям (NB. Остроумием называем мы не шуточки, столь любезные нашим веселым критикам, но способность сближать понятия и выводить из них новые и правильные заключения), по своей живости, хоть и неправильной, по взгляду и по воззрению недальнему и часто неверному, но вообще новому и достойному критических исследований. —

Второй том, ныне вышедший из печати, имеет, по нашему мнению, большое преимущество перед первым.

1) В нем нет сбивчивого предисловия и гораздо менее противуречий и многоречия.

2) Тон нападения на Карамзина уже гораздо благопристойнее.

3) Самый рассказ не есть уже пародия рассказа Карамзина, но нечто собственно принадлежащее г. Полевому.

II том начинается взглядом на всеобщее состояние Европы в XI столетии.

〈2〉

Г. Полевой предчувствует присутствие истины, но не умеет ее отыскать и вьется около.

Он видит, что Россия была совершенно отделена от Западной Европы. Он предчувствует тому и причину, но вскоре желание приноровить систему новейших историков и к России увлекает его. — Он видит опять и феодализм (называет его семейственным феодализмом) и в сем феодализме средство задушить феодализм же, полагает его необходимым для развития сил юной России. — Дело в том, что в России не было еще феодализма, как первые 〈*нрзбр*〉 не суть еще бароны

феодальные, а были уделы, князья и их дружина; что Россия не окрепла и не развилась во время ***княжеских*** драк (как энергически назвал Карамзин удельные междоусобия), но, напротив, ослабела и сделалась легкою добычею татар,* что аристокрация не есть феодализм и что аристокрация, а не феодализм, никогда не существовавший, ожидает русского историка. Объяснимся.

Феодализм частность. — Аристокрация общность.

Феодализма в России не было. Одна фамилия, Варяжская, властвовала независимо, добиваясь великого княжества.

Феодальное семейство одно (Vassaux).

Бояре жили в городах при дворе княжеском, не укрепляя своих поместий, — не сосредоточиваясь в малом семействе, — не враждуя против королей, — не продавая своей помощи городам.

Но они были вместе, придворные товарищи составили союз, — считались старшинством, — крамольничали.

Великие князья не имели нужды соединяться с народом, дабы их усмирить.

Аристокрация стала могущественна. Иван Васильевич III держал ее в руках при себе. Иван IV казнил. В междуцарствие она возросла до величайшей степени. Она была наследственная — отселе местничество, на которое до сих пор привыкли смотреть самым детским образом. Не Феодор, но Языков, т. е. меньшое дворянство уничтожило местничество и боярство, принимая сие слово не в смысле 〈одного?〉 чина, но в смысле аристократии.

Феодализма у нас не было и тем хуже.

〈3〉

Освобождение городов не существовало в России. Новгород на краю России и соседний ему Псков были истинные республики, а не *общины* (communes), удаленные от великого княжества и обязанные своим бытием сперва хитрой своей покорности, а потом слабости враждующих князей. — Феодализм мог бы, наконец, родиться, как первый шаг учреждений независимости (общины второй), но он не успел. Он развился во время татар, был подавлен Иоанном III, гоним, истребляем Иоанном IV, стал развиваться во время междуцарствия, постепенно упразднялся искусством Романовых и наконец разом уничтожен Петром и Анною Ивановною, указом 1731 года уничтожившей указ Петра.

* 〈Незачеркнутый вариант:〉 Что драки княжеские не развили никакой силы, доказательство — нашествие татар.

〈4〉

История древняя кончилась богочеловеком, говорит г-н Полевой. Справедливо. Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир. — История древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима. — История новейшая есть история христианства. — Горе стране, находящейся вне европейской системы! Зачем же г-н Полевой за несколько страниц выше повторил пристрастное мнение 18-го столетия и признал концом древней истории падение Западной Римской империи, — как будто самое распадение оной на Восточную и Западную не есть уже конец Рима и ветхой системы его?

Гизо объяснил одно из событий христианской истории: *европейское просвещение*. Он обретает его зародыш, описывает постепенное развитие и, отклоняя всё отдаленное, всё постороннее, *случайное*, доводит его до нас сквозь темные, кровавые, тяжелые и порою рассветающие века.

Вы поняли великое достоинство французского историка. Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, чем мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада. — Не говорите: *Иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историк был бы астрономом, и события жизни человеческой были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра. — Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая*. Один из остроумнейших людей XVIII столетия предсказал Камеру французских депутатов и могущественное владычество России, но никто не предсказал ни Наполеона, ни Полиньяка — мощного, мгновенного орудия провидения.

〈1830—1831〉

Ignorance des seigneurs Russes...

Ignorance des seigneurs Russes, tandis que les mémoires, les écrits politiques, les romans. Napoléon gazetier, Canning poète, Brougham, les députés, les pairs — les femmes.—Chez nous les seigneurs ne savent pas écrire. — Le tiers état — L'aristocratie.*

〈1830—1831〉

* 〈Невежество русских бар, между тем как мемуары, политические сочинения, романы — Наполеон газетчик, Каннинг поэт, Брум, депутаты, пэры, женщины. У нас баре не умеют писать. Третье сословие. Аристократия.〉

⟨Заметки о русских журналах⟩

Определяйте значение слов, говорил Декарт, — [и вы избавите свет от половины его заблуждений]. Некоторые из наших писателей видят в русских журналах представителей народного просвещения, указателей общего мнения и проч. — и вследствие сего требуют для них того уважения, каким пользуются „Journal des Débats“ и „Edinburgh review“.

Журнал в смысле, принятом в Европе, есть отголосок целой партии, периодические памфлеты, издаваемые людьми, известными сведениями и талантами, имеющие свое политическое направление — свое влияние на порядок вещей. Сословие журналистов есть рассадник людей государственных. Они знают это и, собираясь овладеть общим мнением, они страшатся унижать себя в глазах публики недобросовестностью, переметчивостью, корыстолюбием или наглостью. По причине великого конкурса невежество или посредственность не может овладеть монополией журналов, и человек без истинного дарования не выдержит l'épreuve * издания. Посмотрите, кто во Франции, кто в Англии издает сии противуборствующие журналы? Здесь Шатобриан, Мартиньяк, Перонет, там Кеннинг, Гиффорд, Джефри, Питт. Что же тут общего с нашими журналами и журналистами? Шлюсь на собственную совесть наших литераторов — спрашиваю, по какому праву *Северная Пчела* будет управлять общим мнением русской публики; какой голос может иметь *Северный Меркурий?*

⟨1831⟩

⟨Заметки по истории французской революции⟩

⟨1⟩

Прежде нежели приступим к описанию преоборота, ниспровергшего во Франции все до него существовавшие постановления, должно сказать, каковы были сии постановления.

Феодальное правление было основано на праве завоевания. Победители присвоили себе землю и собственность побежденных, обратили их самих в рабство и разделили всё между собою. Предводители получили большие участки, — слабые прибегнули к покровительству сильнейших.

Каждый владелец управлял в своем участке по-своему, устанавливал свои законы, соблюдая свои выгоды, и старался окружить себя достаточным числом приверженцев для удержания в повиновении своих

* ⟨Испытания.⟩

вассалов или для отражения хищных соседей. Для сего избирались большею частию вольные люди, составлявшие некогда войско завоевателей. Современем они смешались с побежденными; установились взаимные обязательства между владельцами и вассалами, и стихия независимости сохранилась в народе.

Короли, избираемые вначале владельцами, были самовластны токмо в собственном своем участке; в случае войны с неприятелем, новых налогов или споров между двумя могущими соседями они созывали сеймы.

Сеймы сии составляли сначала одни знатные владельцы и военные люди; духовенство было призвано впоследствии властолюбивыми палатными мэрами (maires du palais), а народ гораздо позже, когда королевская власть почувствовала необходимость противупоставить новую силу дворянству, соединенному с духовенством.

Судопроизводство находилось в руках владельцев. Для записывания их постановлений избирались грамотеи из простолюдинов, ибо знатные люди занимались единственно военной наукою и не умели читать. Когда же война призывала баронов к защите королевских владений или собственных замков, то в их отсутствии сии грамотеи чинили суд и расправу сначала от имени баронов, а впоследствии са⟨ми от себя⟩.

⟨2⟩

Мало-по-малу народ откупился, владельцы обеднели и стали проситься на жалование королей. Они выбирались из феодальных своих вертепов и стали являться apprivoisés * в дворцовые передние. —

Короли почувствовали всю выгоду сего нового положения; дабы (subvenir au frais de nouvelle dépense) прикрыть новые необходимые расходы, они прибегнули к продаже судебных мест, ибо доходы от прав, покупаемых городами, начали истощаться и казались уже опасными. Сия мера утвердила независимость de la Magistrature (гражданских сановников), и сие сословие вошло в соперничество с дворянством, которое возненавидело его.

Продажа гражданских мест упрочила правление достаточной части народа, следственно столь же благоразумна и представляет такое же [основание], как и нынешние законы о выборах. — Писатели XVIII века напрасно вопили противу сей меры, будто бы варварской ⟨и⟩ нелепой.

Но вскоре короли заметили, до какой степени сия мера ограничила их самовластие и укрепила независимость сановников. — Ришелье

* ⟨Прирученные.⟩

установил комиссаров, т. е. сановников, временно уполномоченных королем. Законники возроптали как на нарушение прав своих и злоупотребление общественной доверенности. — Их не послушали и самовластие министра подавило и их и феодализм.

⟨3⟩

Феодальное правление

Его основание.

Les grands Fiefs. — Les petits Fiefs. — Les vassaux. — Le peuple. — Le clergé.

Elisoient un chef. Le domaine avoit part commune au butin.*

Сношения

Короля с владельцами, владельцев между собою, владельцев с вассалами, вассалов между собою.

Assemblée de la Nation. Guerre et redevance au Roi. Redevance des vassaux. Justice, coutumes, loix, privilèges. Indépendance, protection. **

Droits des seigneurs.

Изб. королей, судили распри, battoient monnay, fesoient la guerre entre eux, pretoient hommage aux Rois, les servitut des jours marqués. ***

Упадок феодализма

Croisades. St Louis. Papes, Philippe le bel, Etats-generaux. Parlements. ****

⟨4⟩

Феодальное правление, основанное на праве завоевания.

Что были предводители.

Что был народ.

Короли. Телохранители.

---

* ⟨Большие лены. Малые лены. Вассалы. Народ. Духовенство. Избирали предводителя. Всё владение имело общую долю в добыче.⟩

** Национальное собрание. Война и обязательства в отношении короля. Обязательства в отношении вассалов. Правосудие, обычай, законы, привилегии. Независимость, покровительство.

*** Права владельцев... чеканили монету, вели войну друг с другом, приносили присягу королям, обязанность нести службу по определенным дням.

**** Крестовые походы. Людовик Святой. Папы, Филипп Красивый. Генеральные штаты. Парламенты.

Продажа вольн⟨ости городам⟩.
Власть королевская.
Парламенты.
Vénalité des charges.*
Ришелие —
Споры аристократии с парламентами.
Уничтожение феодализма.
Людовик XIV. ⟨1831⟩

⟨О народном представительстве в 1789 г.⟩

„C'était bien le moins que 24 millions d'hommes contre 200 000 eussent la moitié des voix". *Bailly*.

Mais les 200 000 étaient déjà en quelque sorte l'élite de la nation, élite revêtue de privilèges, excessifs à la vérité, mais représentant la partie éclairée et propriétaire. C'était donc un contresens de la neutraliser, tandis du'il ne fallait qu'y apporter une modification. C'était un contresens de ne pas les considérer, ces 200 000 h., comme partie de 24 millions.

Le tiers état = la nation — moins la noblesse — le clergé! *Rabaut. St. E.* c. à. d. la nation = le peuple — ses représentants.

Le mode établi par les états généraux était essentiellement républicain — le clergé et la noblesse figurant la chambre haute n'étant pas un degré entre la royauté et le peuple, mais seulement un des côtés d'une même chambre. ⟨1831?⟩

⟨Заметки о русском дворянстве⟩

⟨1⟩

Attentat de Феодор. — Lâcheté de la haute noblesse (между прочим и моего пращура Никиты Пушкина). Pierre I. — Son Указ de 1714. — Les rangs — Chute de la Noblesse.

Opposition des Dolgorouky (niaise, dans le genre de celle de Panine).

Pierre III — Истинная причина Дворянской грамоты. Екатерина — Alexandre — Новосильцов, Чарторижский — Кочубей — Spéransky — Popovitch turbulent et ignoré. —

Les moyens avec lesquels on accomplit une révolution, ne sont plus ceux qui la consolident — Pierre I est tout à la fois Robespierre et Napoléon (La Révolution incarnée).

---

* ⟨Продажа должностей.⟩

La haute noblesse n'étant pas héréditaire (de fait). Elle est donc noblesse à vie; moyens d'entourer le despotisme de stipendiaires dévoués — et d'étouffer toute opposition et toute indépendance.

L'hérédité de haute noblesse est une garantie de son indépendance — le contraire est nécessairement moyen de tyrannie, ou plutôt d'un despotisme lâche et mou. Despotisme: lois cruelles, coutumes douces. *

〈1830〉

〈2〉

Что такое дворянство потомственное? Сословие народа высшее, т. е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. Кем? Народом или его представителями. С какою целию? С целию иметь мощных защитников или близких и непосредственных к властям предстателей — Какие люди составляют сие сословие? Люди, которые имеют время заниматься чужими делами. Кто сии люди? Люди, отменные по своему богатству или образу жизни. Почему так? Богатство доставляет ему способ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву du Souverain. Образ жизни, т. е. неремесленный или земледельческий, ибо всё сие налагает на работника или земледела различные узы. Почему так? Земледелец зависит от земли, им обработанной, и более всех неволен, ремесленник — от числа требователей торговых, от мастеров и покупателей. Нужно ли для дворянства приуготовительное воспитание? Нужно. — Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? Так; но образ жизни может их развить, усилить — или задушить. — Нужны ли они в народе, так же как например трудолюбие? Нужны, ибо они la sauve garde ** трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества.

---

* 〈Покушение Феодора... — Трусость высшего дворянства... — Петр I. — Его указ 1714 г. — Чины. — Падение дворянства. Оппозиция Долгоруких (нелепая, вроде оппозиции Панина). Петр III... — Александр... — Сперанский — прыткий и безвестный попович.

Средства, которыми достигается революция, недостаточны для ее закрепления. — Петр I — одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощение революции).

Высшее дворянство не потомственное (фактически). Следовательно, оно пожизненное; деспотизм окружает себя преданными наемниками, и этим подавляется всякая оппозиция и независимость.

Потомственность высшего дворянства есть гарантия его независимости; обратное неизбежно связано с тиранией, или вернее — с низким и дряблым деспотизмом. Деспотизм; жестокие законы и мягкие нравы.〉

** 〈Охрана.〉

Кто составляет дворянство в республике? Богатые люди, которыми народ кормится.

А в государстве? Военные люди, которые составляют гвардию и войско государево.

Чем *кончается* дворянство в республике? Аристократ. прав⟨лением⟩. А в государстве? Рабством народа. А = Б.

Что составило в России древнюю аристократию? — Варяги, богатые военные славяне и воинственные пришельцы. Какие были права их? Равные княжеским, ибо они были малые князья, имели свои дружины и переходили от одного государя к другому. Отчего г. Полевой говорит, что они были наровне со *смердами?* Не знаю. Но самое молчание летописцев о их правах показывает, что права сии были ничем не ограничены. Какое время *силы* нашего боярства? Во время уделов, удельные князья соделавшись сами боярами. Когда пало боярство? При Иоаннах, которые к одному местничеству не дерзнули прикоснуться. Были ли дворянские грамоты?.. (Минин). Было ли зло местничество? Натурально ли оно? Везде ли существовало оно? Зачем уничтожено было оно? И было ли оно в самом деле уничтожено? *Петр.* Уничтожение дворянства чинами. Майоратства — уничтоженные плутовством Анны Ивановны. Падение постепенное дворянства; что из того следует? Восшествие Екатерины II, 14 декабря и т. д.

⟨1830-е годы⟩

⟨3⟩

Русское дворянство что ныне значит? — Какими способами делается дворянство? — Что из этого следует? — Глубокое презрение к сему званию.—Дворянин помещик.—Его влияние и важность—рекрутство—права. Дворянин в службе — дворянин в деревне. — Происхождение дворянства. Дворянин при дворе.

⟨1833—1835 г.⟩

⟨Заметки по истории Украины⟩

⟨1⟩

Sous le nom d'Ukraine ou de *Petite Russie* l'on entend une grande étendue de terrain réuni au colosse de la Russie et qui comprend les gouvernements de Tchernigov, Kiov, Harkov, Poltava et Kamenetz-Podolsk.

Le climat y est doux, la terre féconde, elle est boisée vers l'occident, au midi s'étendent ces plaines immenses traversées par de larges rivières et où le voyageur ne rencontre ni bois ni colline.

Les Slaves ont de tout temps habité cette vaste contrée. Les villes de Kiov, Tchernigov et Lubetch sont aussi anciennes que Novgorod-Veliki,

ville libre et commerçante, dont la fondation remonte au premiers siècles de notre ère.

Les Polanes habitaient les bords du Dniepre, les Severiens et les Soulitches les bords de la Disna, de la Seme et de Soula, les Radimitchs sur les rivages de la Soge, les Drégovitchs entre la Dvina occidentale et le Pripete, les Drevliens en Volynie; les Bouges et les Doulebes sur le Boug; les Loutitchs et les Tiverces à l'embouchure du Dniestre et du Danube.

Vers le milieu du 9 siècle Novgorod fut conquise par les Normands, connus sous le nom de Varègues-Rousses. Ces hardis aventuriers portèrent plus loin leur invasion, subjuguèrent tour à tour les peuplades qui habitaient les bords du Dniepre, du Boug, de la Disna. Les différentes peuplades Slaves qui adoptèrent le nom de Russes grossirent l'armée de leurs vainqueurs. Ils s'emparèrent de Kiov où Oleg établit le siège de sa domination. Les Varégues-Rousses se rendirent terribles au Bas-Empire et plus d'une fois leur flotte barbare vint menacer la riche et faible Byzance. Ne pouvant les repousser par la force des armes elle se flatta de les attacher au joug de la réligion: l'évangile fut prêché aux sauvages adorateurs de Peroune et Vladimir subit le baptême. Ses sujets adoptèrent avec une stupide indifférence la religion que préférait leur Chef.

Les Russes devenus formidables aux peuples les plus éloignés étaient toujours en butte aux invasions de leurs voisins: les Bolgares, les Petchenegues et les Polovtsi. Vladimir partagea entre ses fils les conquêtes de ses ancêtres.

Ces princes dans leurs apanages étaient des délégués du souverain, chargés de contenir les émeutes et de repousser l'ennemi. Ce n'était pas là, comme on voit, le gouvernement féodal, système basé sur l'indépendance des individus et le droit égal au butin.

Mais bientôt les rivalités et les guerres éclatèrent et pendant plus de deux cents ans durèrent sans interruption. La résidence du souverain fut transportée dans la ville de Vladimir. Tchernigov et Kiov perdirent peu à peu leur importance. Cependant d'autres villes s'élevèrent au midi de la Russie: Korsoune et Boguslave sur la Rossi (gouvernement de Kiov), Starodoub sur le Babentza (gouv. de Tchernigov). Strezk et Vostrezk (gouv. de Tchernigov), Tripol (près de Kiov), Loubny et Chorol (gouv. de Poltava), Prilouk (gouvernement de Poltava), Novgorod-Seversky (gouv. de Tchernigov). Toutes ces villes existaient déjà vers la fin du XIII siècle.

Tandis que les petis fils de Vladimir le tyran se disputaient entre eux son héritage, et que les peuplades guerrières qui habitaient à l'Est de Mer Noire venaient servir d'auxiliaires aux uns et partager les dépouilles des autres — un fléau inattendu vint frapper le sprinces et les peuples de la Russie.

Les Tartares se présentèrent aux frontières de la Russie; ils étaient précédés de ces mêmes Polovtsi qui chassés de leurs pâturages se refugiaient en foule auprès des princes qu'ils avaient tour à tour servis et dépouillés. Les princes s'assemblèrent à Kiov; la guerre y fit résolue; la multitude accourut de toute part et se rangea sous leurs drapeaux. Georges, grand prince de Vladimir, fut le seul qui ne voulut pas prendre sa part des dangers de cette expédition. L'affaiblissement des apanages était les fruits qu'il en attendait.

L'armée des princes réunie aux Polovtsi s'avança contre un ennemi inconnu et déjà redoutable. Des envoyés Tartares parurent sur les bords du Dnièpre au moment où l'armée Russe en effectuait le passage. Ils proposèrent aux princes l'alliance contre les Polovtsi; mais ceux-ci usèrent de leur influence et les envoyés furent égorgés. L'armée avançait toujours: cependant les dissentions ne tardent pas à s'y élever. Les deux Mstislav, le prince de Kiov et celui de Galitz en vinrent à une rupture ouverte. Arrivé sur les bords du Kalka (rivière du gouvernement de Iekaterinoslav) Mstislav de Galitz le passa avec ses troupes, tandis que le reste de l'armée sous la conduite du prince de Kiov se retrancha sur le bord opposé. Le lendemain (31 mai 1224) l'ennemi parut — et la bataille s'engagea entre l'armée Tartare et le corps avancé composé des troupes du prince de Galitz et des Polovtsi. Ceux-ci plièrent d'abord et portèrent le désordre dans les rangs des Russes. Ceux-ci combattaient encore, animés par l'exemple du brave Daniel de Volynie, mais l'orgueil insensé des princes fut cause de leur perte; Mstislav de Kiov n'envoya pas de secours au prince de Galitz et celui ne voulut pas en demander.

Bientôt tout fut en déroute, les Polovtsi en fuyant tuaient les Russes pour les dépouiller à la hâte. Les Russes répassèrent le Kalka poursuivis par les Tartares et dépassèrent le camp du prince de Kiov, qui, spectateur immobile de leur défaite, comptait encore sur ses propres forces pour repousser les vainqueurs qui bientôt l'entourèrent. Les Tartares entamèrent une négotiation à la faveur de laquelle ils s'emparèrent du camp. Le carnage fut horrible. Mstislav et quelques autres princes subirent un sort affreux: les Tartares, après les avoir liés et couchés par terre, les couvrirent d'une planche et s'assirent dessus en écrasant tout vifs.

Ainsi périt une armée naguère si formidable. Les Russes furent poursuivis jusqu'à Tchernigov et Novgorod-Seversky; tout fut livré aux fer et aux flammes. Tout à coup les vainqueurs s'arrêtèrent et leur horde se retira vers l'Est où elle rejoignit la grande armée de Tchingis-han campée alors en Bukharie.

1831?>

⟨2⟩

Что ныне называется Малороссией?
Что составляло прежде Малороссию?
Когда отторгнулась она от России?
Долго ли находилась под владычеством татар?
От Гедемина до Сагайдачного.
От Сагайдачного до Хмельницкого.
От Хмельницкого до Мазепы.
От Мазепы до Разумовского.

⟨1831?⟩

Удельные князья...

Удельные князья, наместники при Владимире, независимы потом. Святополк II учреждает *княжеские съезды,* прекратившиеся при татарах. Митрополит Алексей учреждает *третейский суд.*

Боярство (родовое?) поддерживалось местничеством (первый боярин *Свенельд*).

При царе *Феодоре Алексеевиче* знатных родов 507, а прочих дворян до 315.

Кабальный холоп. Всякий имел одного за долг свыше 15 руб.

Полный пленник, купленный при свидетелях, убежавший кабальный, преступник.

⟨1831?⟩

⟨Владетельные феодалы...⟩

Les seigneurs féodaux avaient les uns envers les autres les devoirs et les droits.*

Удельные князья зависели от единого великого князя, и то весьма неопределенно (но меж собою —) — бояре их не были в свою очередь владельцы, но их придворные сподвижники.

⟨1831?⟩

⟨Заметка о Дмитрии Самозванце⟩

Мнение митрополита Платона о Дмитрии *Самозванце,* будто бы воспитанном у езуитоı, удивительно детское и романическое. Всякий был годен, чтоб разыграть эту роль: доказательство: после смерти Отрепьева Тушинский вор и проч. Езуиты довольно были умны, чтоб знать природу человеческую и невежество русского народа.

6 июля 1831.

* ⟨Владетельные феодалы имели одни по отношению к другим обязанности и права.⟩

В древние времена...

В древние времена при объявлении войны *жильцы* рассылались с грамотами царскими по всем воеводам и другим земским начальникам *спросить о здоровье* и повелеть всем дворянам вооружаться и садиться на коней с своими холопами (по 1 со 100 четвертей). — Ни для кого не было исключения, кроме престарелых, увечных и малолетных. Не имевшим способов для пропитания давалось жалованье; кочующим племенам и казакам также — и сие войско называлось *кормовым*. На зиму все войска распускались.

Царь Иван Васильевич во время осады Казани учредил из детей боярских регулярное войско под названием стрельцов. — Оно разделялось на пешее и конное, равно вооруженное копиями и ружьями. Стрельцы получали жалование и провиант — и комплектовались наборами неопределенными — когда и с какой области (в* году по 1 ч⟨еловеку⟩ с двух дворов).

Впоследствии число их простиралось до 40 000. Они разделялись на московские и городовые.— Городовые обыкновенно оставались для обережения границ;— но московские жили в праздности и неге и мало-по-малу потеряли совершенно дух воинственного повиновения.— Они пустились в торги, и государи не только терпели такое злоупотребление, но даже указами подтверждали оное. Несмотря на выгоды, дворяне гнушались службою стрелецкою и считали оную пятном для своего рода — по сей причине большая часть их начальников была низкого происхождения.

⟨1831?⟩

Москва была освобождена...

Москва была освобождена Пожарским, польское войско удалилось, король шведский думал о замирении, последняя опора Марины, Заруцкий, злодействовал в отдаленном краю России. Отечество отдохнуло и стало думать об избрании себе нового царя. Выборные люди ото всего государства стекались в разоренную Москву и приступили к великому делу. Долго не могли решиться; помнили горькие последствия двух недавних выборов. Многие бояре не уступали в знатности родам Шуйских и Годуновых; каждый думал о себе или о родственнике; вдруг, посреди прений и всеобщего недоумения, произнесено было имя Михаила Романова.

Михаил Феодорович был сын знаменитого боярина Феодора Никитича, некогда сосланного царем Борисом и неволею постриженного в монахи;

* ⟨Пропуск в тексте.⟩

в царствование Лжедимитрия (1605) из монастырского заточения возведенного на степень митрополита ростовского и прославившего свое иноческое имя в истории нашего отечества.

Юный Михаил по женскому колену происходил от Рюрика, ибо родная бабка его, супруга Никиты Романовича, была родная сестра царя Иоанна Васильевича. С самых первых лет испытал он превратности судьбы. Младенцем разделял он заточение с материю своею, Ксенией Ивановной, в 1600 году под именем инокини Марфы постриженною в пустынном Онежском монастыре. Лже-Димитрий перевел их в костромской Ипатский монастырь, определив им приличное роду их содержание.

⟨1831–1832⟩

⟨Заметка о Моцарте и Сальери⟩

В первое представление Дон Жуана, в то время когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта — раздался свист — все обратились с изумлением и негодованием, и знаменитый Салиери вышел из залы — в бешенстве снедаемый завистью.

Салиери умер лет 8 тому назад. Некоторые немецкие журналы говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении — в отравлении великого Моцарта.

Завистник, который мог освистать Дон Жуана, мог отравить его творца.

⟨1832?⟩

О новейших романах

Barnave, Confession, Femme guillotinée — Eugène Sue.— De Vigny, Hugo.— Balzac, Scènes ⟨de la vie privée⟩, Peau de chagrin, Contes bruns, drolatiques — Musset, Tables de nuit.— Поэзия французская — Byron.

Муравьев.—Полевой (Пол.— романист).— Свиньин.— Карамзин.

⟨1832⟩

Всем известно, что французы народ самый антипоэтический...

Всем известно, что французы народ самый антипоэтический. Лучшие писатели их, славнейшие представители сего остроумного и положительного народа, Montagne, Voltaire, Montesquieu, Лагарп и сам Руссо, доказали, сколь чувство изящного было для них чуждо и непонятно.

Если обратим внимание на критические результаты, обращающиеся в народе и принятые за литературные аксиомы, то мы изумимся их ничтожности или несправедливости. Корнель и Вольтер, как трагики,

почитаются у них равными Расину; Ж. Б. Руссо доныне сохранил прозвище великого. Первым их лирическим поэтом почитается теперь несносный Беранже, слагатель натянутых и манерных песенок, не имеющих ничего страстного, вдохновенного, а в веселости и остроумии далеко отставших от прелестных шалостей Коле. Не знаю, признались ли, наконец, они в тощем и вялом однообразии своего Ламартина, но тому лет 10 они без церемонии ставили его наравне с Байроном и Шекспиром. — Cinq Mars, посредственный роман графа де Виньи, — равняют с великими созданиями Вал. Скотта.

Разумеется, что их гонения столь же несправедливы, как и любовь. Между мало известными молодыми талантами нынешнего времени Сент-Бев менее всех известен, а между тем он чуть ли не самый замечательный.

Стихотворения его, конечно, очень оригинальны и, что важнее, исполнены искреннего вдохновения. В Литературной Газете упомянули о них с похвалою, которая показалась преувеличена. — Ныне Victor Hugo, поэт и человек с истинным дарованием, взялся оправдать мнения петербургского журнала, он издал под заглавием Les feuilles d'automne том стихотворений, очевидно писанных в подражание книге Сент-Бева: Les Consolations.

〈1832〉

〈О „Путешествии к св. местам“ А. Н. Муравьева〉

В 1829 году внимание Европы было обращено на Адрианополь, где решалась судьба Греции, целые 8 лет занимавшей помышления всего просвещенного мира. — Греция оживала, могущественная помощь Севера возвращала ей независимость и самобытность. —

Во время переговоров, среди торжествующего нашего стана, в виду смятенного Константинополя, один молодой поэт думал о ключах св. Храма, о Иерусалиме, ныне забытом христианскою Европою для суетных развалин Парфенона и Ликея. — Ему представилась возможность исполнить давнее желание, 〈*нрзбр*〉 любимую мечту отрочества. Г. М〈уравьев〉 через г〈енерала〉 Дибича получил дозволение посетить св. места — и к ним отправился через Константинополь и Александрию. Ныне издал он свои путевые записки.

С умилением и невольной завистью прочли мы книгу г〈осподин〉а М〈уравьева〉. Здесь..., говорит другой русский путешественник — — — *. Но молодой наш соотечественник привлечен туда не суетным желанием

* 〈Место для вставки цитаты.〉

обрести краски для поэтического романа, не беспокойным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, притупленного. Он посетил св. места, как верующий, как смиренный простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя. — Он traverse * Грецию, préoccupé ** одной великою мыслию, он не старается, как Шатобриан, воспользоваться противоположными [красотами мифологии] Библии и Одиссеи — Он не останавливается, он спешит, он [мимоходом] беседует с ст<рашным?> преобразователем Египта, проникает в глубину пирамид, пускается в пустыню, оживленную черными шатрами бедуинов и верблюдами караванов, вступает в обетованную землю, наконец с высоты вдруг видит Ерусалим — —

<1832>

<План издания русских песен и статьи о них>

Вступление.

Но есть одно в осн<овании?>

Оригинальность отрица<ния?>

Исторические песни

О Ив<ане Грозном>. — О Мас<трюке Темрюковиче>. — О Ст<еньке> Раз<ине>. — О Цыклере. — О Петре. — О Шереметеве. — О Меншикове. — Казацк<ие песни>. Далее про Фермора, про Сув<орова>.

Новейшее влияние. Мера, рифмы <*нрзбр*> Сумароков.

Свадьба: — Семейственные причины. Элегический их тон. Лестница чувств.

<1832—1833>

<Заметка к „Графу Нулину“>

В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая *Лукрецию,* довольно слабую поэму Шекспира, я подумал, — что если б Лукреции пришло в голову дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те. —

Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарями, войнами, завоеваниями мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде.

---

* <Переезжает через.>

** <Охваченный.>

Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась. Я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть.

— Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. Граф Нулин писан 13 и 14 декабря. — Бывают странные сближения.

<1833?>

<Заметка о приказах>

Приказы: 1) *Надворный* ведал дела переносные (cour de cassation); *Расправная палата* (сенат); *Золотая палата* ведала службу дворян. *Приказ посольский*, кроме дел иностранных, ведал таможни, аптеки, врачей. *Приказ Большия казны* — Департамент уделов. *Земский* — управа благочиния московская. *Житный, Бронный, Монастырский, Стрелецкий, Пушкарский, Ямской, Холопий; Казанский дворец* ведал царства Астраханское, Казанское и Сибирское. *Каменный приказ*, учрежденный Годуновым, ведал постройку каменных зданий. Сверх того временные приказы, напр. *Приказ о прекращении разбоев.*

При удельных князьях *тиуны*, судьи, посадники, *волостели*, тысяцкие.

Городничий — *Дворской.*

Губернский предводитель — *воевода,* впоследствии главный уездный судья. Губной староста, судия; целовальник — заседатель уездного суда. *Объездной* — исправник. *Приказчик посадский* — председатель городской думы. *Поместный приказчик* — дворянский предводитель (сбивчиво, дурно).

<1833?>

Заметки о Дельвиге

<1>

Дельвиг

Дельвиг родился в Москве (<6 августа> 1798 года). Отец его, умерший генерал-маиором в 182<8> году, был женат на девице Рахмановой.

Дельвиг первоначальное образование получил в частном пансионе; в конце 1811 года вступил он в Царскосельский Лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятия ленивы. На 14-ом году он не знал никакого иностранного языка и не оказывал склонности ни к какой науке. В нем заметна была только живость воображения. Однажды вздумалось ему рассказать нескольким из своих

товарищей поход 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашних происшествий. Его повествование было так живо и правдоподобно и так сильно подействовало на воображение молодых слушателей, что несколько дней около него собирался кружок любопытных, требовавших новых подробностей о походе. Слух о том дошел до нашего директора А. Ф. Малиновского, который захотел услышать от самого Дельвига рассказ о его приключениях. Дельвиг постыдился признаться во лжи столь же невинной, как и замысловатой, и решился ее поддержать, что и сделал с удивительным успехом, так что никто из нас не сомневался в истине его рассказов, покаместь он сам не признался в своем вымысле. Будучи еще пяти лет от роду, вздумал он рассказывать о каком-то чудесном видении и смутил им всю свою семью. В детях, одаренных игривостию ума, склонность ко лжи не мешает искренности и прямодушию. Дельвиг, рассказывающий о таинственных своих видениях и о мнимых опасностях, которым будто бы подвергался в обозе отца своего, никогда не лгал в оправдании какой-нибудь вины, для избежания выговора или наказания.

Любовь к поэзии пробудилась в нем рано. Он знал почти наизусть собрание русских стихотворений, изданное Жуковским. С Державиным он не расставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочел он с одним из своих товарищей, живым лексиконом и вдохновенным комментарием. Горация изучил в классе, под руководством профессора Кошанского. Дельвиг никогда не вмешивался в игры, требовавшие проворства и силы; он предпочитал прогулки по аллеям Царского Села и разговоры с товарищами, коих умственные склонности сходствовали с его собственными. Первыми его опытами в стихотворстве были подражания Горацию. Оды: *К Диону, К Лилете, Дориде* писаны им на пятнадцатом году и напечатаны в собрании его сочинений безо всякой перемены. В них уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял. [В то время (1814 году) покойный Влад<имир> Измайлов был издателем *Вестника Европы*. Дельвиг послал ему свои первые опыты; они были напечатаны без имени его и привлекли внимание одного знатока, который, видя произведения нового, неизвестного пера, уже носящие на себе печать опыта и зрелости, ломал себе голову, стараясь угадать тайну анонима]. Впрочем, никто не обратил тогда внимания на ранние опресноки столь прекрасного таланта! Никто не приветствовал вдохновенного юношу, между тем как стихи одного из его товарищей, стихи посредственные, заметные только по некоторой легкости и чистоте мелочной отделки, в то же время были расхвалены и прославлены, как некоторое чудо. Но

такова участь Дельвига: он не был оценен при раннем появлении на кратком своем поприще; но он еще не оценен и теперь, когда покоится в своей безвременной могиле!

<1833—1834>

<2>

Я ехал с В<яземским> из Петербурга в Москву. Дельвиг хотел меня проводить до Царского Села.

10 августа 1830 поутру мы вышли из городу. В<яземский> должен был нас догнать на дороге.

Дельвиг обыкновенно просыпался очень поздно, и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но в этот день встал он в осьмом часу, и у него с непривычки кружилась и болела голова. Мы принуждены были зайти в низенький трактир. Дельвиг позавтракал. Мы пошли далее, ему стало легче, головная боль прошла, он стал весел и говорлив.

Завтрак в трактире напомнил ему повесть, которую намеревался он написать. Дельвиг долго обдумывал свои произведения, даже самые мелкие. Он любил в разговорах развивать свои поэтические помыслы, и мы знали его прекрасные создания несколько лет прежде, нежели были они написаны. Но когда наконец он их читал, выраженные в звучных гекзаметрах, они казались нам новыми и неожиданными. —

Таким образом русская его Идиллия, написанная в самый год его смерти, была в первый раз рассказана мне еще в лицейской зале, после скучного математического класса. *

<1834>

<**„Путешествие из Москвы в Петербург“**>

<I.> Шоссе

Узнав, что новая московская дорога совсем окончена, я вздумал съездить в Петербург, где не бывал более пятнадцати лет. Я записался в конторе поспешных дилижансов (которые показались мне спокойнее прежних почтовых карет) и 15 октября, в десять часов утра, выехал из тверской заставы.

Катясь по гладкому шоссе, в спокойном экипаже, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонах, ни о лошадях, я вспомнил о последнем своем путешествии в Петербург по старой дороге. Не решившись ска-

* <Приписка Пушкина:> La raison de ce que D<elvig> a si peu écrit tient à sa manière de composer. <Причина, по которой Дельвиг так мало написал, кроется в его манере сочинять.>

кать на перекладных, я купил тогда дешевую коляску и с одним слугою отправился в путь. Не знаю, кто из нас, Иван или я, согрешил перед выездом, но путешествие наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притесняли, рытвины и местами деревянная мостовая совершенно измучили. Целые шесть дней тащился я по несносной дороге и приехал в Петербург полумертвый. Мои приятели смеялись над моей изнеженностию, но я не имею и притязаний на фельдъегерское геройство, и, по зимнему пути возвратясь в Москву, с той поры уже никуда не выезжал.

Вообще дороги в России (благодаря пространству) хороши и были бы еще лучше, если бы губернаторы менее об них заботились. Например: дерн есть уже природная мостовая; зачем его сдирать и заменять наносной землею, которая при первом дождике обращается в слякоть? Поправка дорог, одна из самых тягостных повинностей, не приносит почти никакой пользы и есть большею частью предлог к утеснению и взяткам. Возьмите первого мужика, хотя крошечку смышленого, и заставьте его провести новую дорогу: он начнет, вероятно, с того, что пророет два параллельные рва для стечения дождевой воды. Лет 40 тому назад один воевода, вместо рвов, поделал парапеты, так что дороги сделались ящиками для грязи. Летом дороги прекрасны; но весной и осенью путешественники принуждены ездить по пашням и полям, потому что экипажи вязнут и тонут на большой дороге, между тем как пешеходы, гуляя по парапетам, благословляют память мудрого воеводы. Таких воевод на Руси весьма довольно.

Великолепное московское шоссе начато по повелению императора Александра; дилижансы учреждены обществом частных людей. Так должно быть и во всем: правительство открывает дорогу, частные люди находят удобнейшие способы ею пользоваться.

Не могу не заметить, что со времен восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно.

Собравшись в дорогу, вместо пирогов и холодной телятины, я хотел запастись книгою, понадеясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь разговоров с почтовыми товарищами. В тюрьме и в путешествии всякая книга есть божий дар, и та, которую не решитесь вы и раскрыть, возвращаясь из Английского клоба или собираясь на бал, покажется вам занимательна, как арабская сказка, если попадется вам в каземате или в поспешном дилижансе. Скажу более: в таких случаях, чем книга скучнее, тем она предпочтительнее. Книгу занимательную

вы проглотите слишком скоро, она слишком врежется в вашу память и воображение; перечесть ее уже невозможно. Книга скучная, напротив, читается с расстановкою, с отдохновением — оставляет вам способность позабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете места, вами пропущенные без внимания, etc. Книга скучная представляет более развлечения. — Понятие о скуке весьма относительное. Книга скучная может быть очень хороша; не говорю об книгах ученых, но и об книгах, написанных с целию просто литературною. Многие читатели согласятся со мною, что *Клариса* очень утомительна и скучна, но со всем тем роман Ричардсонов имеет необыкновенное достоинство.

Вот на что хороши путешествия.

Итак, собравшись в дорогу, зашел я к старому моему приятелю **, коего библиотекой привык я пользоваться. Я просил у него книгу скучную, но любопытную в каком бы то ни было отношении. Приятель мой хотел было мне дать нравственно-сатирический роман, утверждая, что скучнее ничего быть не может, а что книга очень любопытна в отношении участи ее в публике, но я его благодарил, зная уже по опыту непреодолимость нравственно-сатирических романов. „Постой“, сказал мне **, „есть у меня для тебя книжка“. С этим словом вынул он из-за полного собрания сочинений Александра Сумарокова и Михайла Хераскова книгу, повидимому, изданную в конце прошлого столетия. „Прошу беречь ее“, сказал он таинственным голосом. „Надеюсь, что ты вполне оценишь и оправдаешь мою доверенность“. Я раскрыл ее и прочел заглавие: *Путешествие из Петербурга в Москву*. С.П.Б. 1790 году, с эпиграфом:

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй.
Тилимахида. Кн. XVIII, ст. 514.

Книга, некогда прошумевшая соблазном и навлекшая на сочинителя гнев Екатерины, смертный приговор и ссылку в Сибирь; ныне типографическая редкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встречаемая на пыльной полке библиомана или в мешке брадатого разносчика.

Я искренно благодарил ** и взял с собою *Путешествие*. Содержание его всем известно. Радищев написал несколько отрывков, дав каждому в заглавие название одной из станций, находящихся на дороге из Петербурга в Москву. В них излил он свои мысли безо всякой связи и порядка. В Черной грязи, пока переменяли лошадей, я начал книгу с последней главы и таким образом заставил Радищева путешествовать со мною из Москвы в Петербург.

‹II.› Москва

„Москва! Москва!“... восклицает Радищев на последней странице своей книги и бросает желчью напитанное перо, как будто мрачные картины его воображения рассеялись при взгляде на золотые маковки Москвы белокаменной. Вот уже Всесвятское... Он прощается с утомленным читателем; он просит своего сопутника подождать его у околицы; на возвратном пути он примется опять за свои горькие полуистины, за свои дерзкие мечтания... Теперь ему некогда: он скачет успокоиться в семье родных, позабыться в вихре московских забав. До свидания, читатель! Ямщик, погоняй! Москва! Москва!..

Многое переменилось со времен Радищева. Ныне, покидая смиренную Москву и готовясь увидеть блестящий Петербург, я заранее встревожен при мысли переменить мой тихий образ жизни на вихрь и шум, ожидающий меня; голова моя заранее кружится...

Fuit Troja, fuimus Trojani.* Некогда соперничество между Москвой и Петербургом действительно существовало. Некогда в Москве пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и к дешевому хлебосольству; некогда Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое из всех провинций съезжалось в нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда ж из Петербурга. Во всех концах древней столицы гремела музыка, и везде была толпа. В зале Благородного собрания два раза в неделю было до пяти тысяч народу. Тут молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками; московские обеды (так оригинально описанные князем Долгоруким) вошли в пословицу. Невинные странности москвичей были признаком их независимости. Они жили по-своему, забавлялись, как хотели, мало заботясь о мнении ближнего. Бывало, богатый чудак выстроит себе на одной из главных улиц китайский дом с зелеными драконами, с деревянными мандаринами под золочеными зонтиками. Другой выедет в Марьину Рощу в карете из кованного серебра 84-й пробы. Третий на запятки четвероместных саней поставит человек пять арапов, егерей и скороходов и цугом тащится по летней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургские моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербург издали смеялся и не вмешивался в затеи старушки Москвы. Но куда девалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь?

---

* ‹Была некогда Троя, были и мы, троянцы.›

Куда девались балы, пиры, чудаки и проказники — всё исчезло. Остались одни невесты, к которым нельзя, по крайней мере, применить грубую пословицу: vieilles comme les rues.* Московские улицы благодаря 1812 году моложе московских красавиц, всё еще *цветущих розами*! Ныне в присмиревшей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травою, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину 30 рублей в месяц за квартиру; великолепный бельэтаж нанят мадамой для пансиона — и то слава богу! На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает. Улицы мертвы; редко по мостовой раздается стук кареты; барышни бегут к окошкам, когда едет один из полицмейстеров со своими казаками. Подмосковные деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремит в рощах Свирлова и Останкина; плошки и цветные фонари не освещают английских дорожек, ныне заросших травою, а бывало, уставленных миртовыми и померанцовыми деревьями. Пыльные кулисы домашнего театра тлеют в зале, оставленной после последнего представления французской комедии. Барский дом дряхлеет. Во флигеле живет немец управитель и хлопочет о проволочном заводе. Обеды даются уже не хлебосолами старинного покроя, в день хозяйских именин или в угоду веселых обжор, в честь вельможи, удалившегося от двора, но обществом игроков, задумавших обобрать наверное юношу, вышедшего из-под опеки, или саратовского откупщика. Московские балы... Увы! Посмотрите на эти домашние прически, на эти белые башмачки, искусно забеленные мелом... Кавалеры набраны кое-где — и что за кавалеры! *Горе от ума* есть уже картина обветшалая, печальный анахронизм. Вы в Москве уже не найдете ни Фамусова, который *всякому, ты знаешь, рад* — и князю Петру Ильичу, и французу из Бордо, и Загорецкому и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая

Балы дает нельзя богаче
От Рождества и до поста,
А летом праздники на даче.

Хлестова — в могиле; Репетилов — в деревне. Бедная Москва!..

Петр I не любил Москвы, где на каждом шагу встречал воспоминания мятежей и казней, закоренелую старину и упрямое сопротивление суеверия и предрассудков. Он оставил Кремль, где ему было не душно, но тесно; и на дальнем берегу Балтийского моря искал досуга,

* ⟨Стары, как улицы.⟩

А. С. Грибоедов. С рисунка *А. С. Пушкина* 1831 г. (Госуд. Литературный музей в Москве)

простора и свободы для своей мощной и беспокойной деятельности. После него, когда старая наша аристократия возымела свою прежнюю силу и влияние, Долгорукие чуть было не возвратили Москве своих государей; но смерть молодого Петра II-го снова утвердила за Петербургом его недавние права.

Упадок Москвы есть неминуемое следствие возвышения Петербурга. Две столицы не могут в равной степени процветать в одном и том же государстве, как два сердца не существуют в теле человеческом. Но обеднение Москвы доказывает и другое: обеднение русского дворянства, происшедшее *частию* от раздробления имений, исчезающих с ужасной быстротою, *частию* от других причин, о которых успеем еще потолковать.

Но Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством. С другой стороны, просвещение любит город, где Шувалов основал университет по предначертанию Ломоносова.

Московский журнализм убьет журнализм петербургский. Литераторы петербургские, по большей части, не литераторы, но предприимчивые и смышленые литературные откупщики. Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы.

Московская критика с честию отличается от петербургской. Шевырев, Киреевский, Погодин и другие написали несколько опытов, достойных стать наряду с лучшими статьями английских Reviews,* между тем как петербургские журналы судят о литературе, как о музыке; о музыке, как о политической экономии, т. е. наобум и как-нибудь, иногда впопад и остроумно, но большею частию неосновательно и поверхностно.

Философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее влияние ее было благотворно: она спасла нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии и удалила ее от упоительных и вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние на лучший цвет предшествовавшего поколения!

Кстати: я отыскал в моих бумагах любопытное сравнение между обеими столицами. Оно написано одним из моих приятелей, великим меланхоликом, имеющим иногда свои светлые минуты веселости.

*Москва и Петербург.***

* ⟨Обозрений.⟩
** ⟨Статья эта в бумагах Пушкина не сохранилась.⟩

‹III.› Ломоносов

В конце книги своей Радищев поместил слово о Ломоносове. Оно писано слогом надутым и тяжелым. Радищев имел тайное намерение нанести удар неприкосновенной славе *Росского Пиндара*. Достойно замечӑния и то, что Радищев тщательно прикрыл это намерение уловками уважения и обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнее, нежели с верховной властию, на которую напал с такой безумной дерзостию. Он более тридцати страниц наполнил пошлыми похвалами стихотворцу, ритору и грамматику, чтоб в конце своего слова поместить следующие мятежные строки:

„Мы желаем показать, что в отношении российской словесности тот, кто путь ко храму славы проложил, есть первый виновник в приобретении славы, хотя бы он войти во храм не мог. Бакон Веруламский недостоин разве напоминания, что мог токмо сказать, как можно размножать науки? Недостойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всесилие для того, что не могли избавить человечество из оков и пленения? И мы не почтем Ломоносова, для того, что *не разумел правил позорищного стихотворения и томился в эпопее, что чужд был в стихах чувствительности, что не всегда проницателен в суждениях и что в самых одах своих вмещал иногда более слов, нежели мыслей*“.

Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом. Но в сем университете профессор поэзии и элоквенции не что иное как исправный чиновник, а не поэт, вдохновенный свыше, не оратор, мощно увлекающий. Однообразные и стеснительные формы, в кои отливал он свои мысли, дают его прозе ход утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полу-славенская, полу-латинская, сделалась было необходимостию: к счастию, Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова. В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности — вот следы, оставленные Ломоносовым. Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею и гораздо более заботился о своих химических опытах, нежели о должностных

одах на высокоторжественный день тезоименитства и проч. С каким презрением говорит он о Сумарокове, страстном к своему искусству *об этом человеке, который ни о чем, кроме как о бедном своем рифмичестве, не думает...* Зато с каким жаром говорит он о науках, о просвещении! Смотрите письма его к Шувалову, к Воронцову и пр.

Ничто не может дать лучшего понятия о Ломоносове, как следующий рапорт, поданный им Шувалову, о своих упражнениях с 1751 года по 1757:

„По ордеру вашего сиятельства велено всем академическим профессорам и адъюнктам, чтобы рапортовали вашему сиятельству о своих трудах и упражнениях в науках с 1751 года поныне. В силу оного рапортую, что с того времени до нынешнего числа по моей профессии и в других науках я учинил погодно.

В 1751 году.

В химии. 1) Произведены многие опыты химические, по большей части огнем для исследования натуры цветов, что значит того ж году журнал лаборатории на 12 листах и другие записки. 2) Говорил сочиненную свою речь о пользе химии на российском языке. 3) Вымыслил некоторые новые инструменты для физической химии.

В физике. 1) Делал опыты в большие морозы для изыскания: какою пропорциею воздух сжимается и расширяется по всем градусам термометра. 2) Летом деланы опыты зажигательным стеклом и термометром, коль высоко втекает ртуть в разных расстояниях от зажигательной точки. 3) Сделаны опыты, как разделять олово от свинца одним плавлением, без всяких посторонних материй простою механикою, что изрядный успех имеет и весьма дешево становится.

В истории. Читал книги для собрания материй к сочинению российской истории: Нестора, законы Ярославли, Большой летописец, Татищева первый том, Кромера, Вейселя, Гелмолда, Арнолда и другие, из которых брал нужные эксцерпты или выписки и примечания, всех числом 653 статьи, на 15 листах.

В словесных науках. 1) Сочинил трагедию, *Демофонт* называемую. 2) Сочинял стихи на иллюминации. 3) Собранные прежде сего материи к сочинению грамматики зачал приводить в порядок. Давал приватные лекции студентам в российском стихотворстве; а особливо Поповскому, который ныне профессором. 4) Диктовал студентам сочиненное мною начало третьей книги красноречия — о стихотворстве вообще.

В 1752 году.

В химии. 1) Деланы многие химические опыты для теории цветов, о чем явствует в журнале сего года на 25 листах. 2) Показывал студентам химические опыты тем курсом, как сам учился у Генкеля. 3) Для ясного понятия и краткого познания всей химии диктовал студентам и толковал сочиненные мною в физической химии пролегомены на латинском языке, которые содержатся на 13 листах, в 150 параграфах, со многими фигурами на шести полулистах. 4) Изыскал способы и практикою доказал, как составлять мусию. 5) По канцелярскому указу обучал составлению разноцветных стекол присланного из канцелярии строений ученика Дружинина для здешних стеклянных заводов.

В физике. 1) Чинил электрические воздушные наблюдения с немалою опасностию. 2) Зимою повторял опыты о разном протяжении воздуха по градусам термометра.

В истории. Для собрания материалов к российской истории читал Кранца, Претория, Муратория, Иорнанда, Прокопия, Павла дьякона, Зонара, Феофана Исповедника, Леона Грамматика и иных эксцерптов нужных на 5 листах в 161 статье.

В словесных науках. 1) Сочинил оду на восшествие на престол ее императорского величества. 2) Письмо о пользе стекла. 3) Изобретал иллюминации и сочинял к ним стихи: на 25 апреля, на 5 сентября, на 25 ноября. 4) Оратории, второй части красноречия, сочинил 10 листов.

В 1753 году.

В химии. 1) Продолжались опыты для исследования натуры цветов, что показывает журнал того же года на 56 листах. 2) По окончании лекций делал новые химико-физические опыты, дабы привести химию сколько можно к философскому познанию и сделать частью основательной физики; из оных многочисленных опытов, где мера, вес и их пропорция показаны, сочинены многие цифирные таблицы на 24 полулистовых страницах, где каждая строка целый опыт содержит.

В физике. 1) С покойным профессором Рихманом делал химико-физические опыты в лаборатории для исследования градуса теплоты, который на себя вода принимает от погашенных в ней минералов, прежде раскаленных. 2) Чинил наблюдения электрической силы на воздухе с великою опасностию. 3) Говорил в публичном собрании речь о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих, с истолкованием многих других свойств натуры. 4) Делал опыты, коими оказалось, что цвета, а особливо красный, на морозе ярчее. нежели в теплоте.

В истории. 1) Записки из упомянутых прежде авторов приводил под статьи числами. 2) Читал Российские Академические Летописцы, без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских.

В словесных науках. 1) Для российской грамматики привел глаголы в порядок. 2) Пять проектов со стихами на иллюминации и фейерверки: на 1 января, на 25 апреля, на 5 сентября, на 25 ноября и на 18 декабря.

В 1754 году.

В химии. 1) Сделаны разные опыты химические, которые содержатся в журнале сего года на 46 листах. 2) Повторением поверены физико-химические таблицы, прошлого года сочиненные.

В физике. 1) Изобретены некоторые способы к сысканию долготы и ширины на море при мрачном небе. В практике исследовать сего без адмиралтейства невозможно. 2) Деланы опыты метеорологические над водою, из Северного океана привезенною, в каком градусе мороза она замерзнуть может. Притом были разные химические растворы морожены для сравнения. 3) Деланы опыты при пильной мельнице в деревне, как текущая по наклонению вода течение свое ускоряет и какою силою бьет. 4) Делал опыт машины, которая бы, подымаясь кверху сама, могла поднять с собою маленький термометр, дабы узнать градус теплоты на вышине, которая хотя слишком на два золотника облегчалась, однако к желаемому концу не приведена.

В истории. Сочинен опыт истории славянского народа до Рюрика: Дедикация вступление; глава 1 — о старобытных жителях в России; глава 2 — о величестве и поколениях славянского народа; глава 3 — о древности славянского народа, всего 8 листов.

В словесных науках. 1) Сочинил оду на рождение государя великого князя Павла Петровича. 2) Изобрел фейерверк, который был представлен на новый 1754 год,

и стихи сделал. Также делал проекты на иллюминацию и фейерверки: к 25 апреля, к 5 сентября, к 25 ноября.

В 1755 году.

В химии. Деланы разные физико-химические опыты, что явствует в журнале того ж года на 14 листах.

В физике. 1) Сочинил диссертацию о должности журналистов, в которой опровергнуты все критики, учиненные в Германии против моих диссертаций, в комментариях напечатанных, а особливо против новых теорий о теплоте и стуже, о химических растворах и упругости воздуха. Оная диссертация переведена господином Формеем на французский язык в журнале, называемом: *Немецкая библиотека* (Bibliothèque germanique), на оном языке напечатана. 2) Сочинил письмо о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном.

В истории. Сделан опыт описанием владения первых великих князей российских: Рюрика, Олега, Игоря.

В словесных науках. 1) Сочинил и говорил в публичном собрании слово похвальное блаженныя памяти государю императору Петру Великому. 2) Сочинив большую часть грамматики, привел к концу, которая в нынешнем году печатью к концу приходит. 3) Сочинил письмо о сходстве и переменах языков.

В 1756 году.

В химии. 1) Между разными химическими опытами, которых журнал на 13 листах, деланы опыты в заплавленных накрепко стеклянных сосудах, чтобы исследовать: прибывает ли вес металлов от чистого жару. Оными опытами нашлось, что славного Роберта Бизия мнение ложно, ибо без пропущения внешнего воздуха вес сожженного металла остается в одной мере. 2) Учинены опыты химические со вспоможением воздушного насоса, где в сосудах химических, из которых был воздух вытянут, показывали на огне минералы такие феномены, какие химикам еще неизвестны. 3) Ныне лаборатор Клементьев под моим смотрением изыскивает по моему указанию, как бы сделать для фейерверков верховые зеленые звездки.

В физике. 1) Изобретен мною новый оптический инструмент, который я назвал никоптическою трубою (tubus nycopticus); оный должен служить к тому, чтобы ночью видеть можно было. Первый опыт показывает на сумерках ясно те вещи, которые простым глазом не видны, и весьма надеяться можно, что старанием искусных мастеров может простереться до такого совершенства, какого ныне достигли телескопы и микроскопы от малого начала. 2) Сделал четыре новоизобретенные мною пендула, из которых один медный, длиною в сажень, однако служит чрез механические стрелки против такого, который бы был вышиною с четвертью на версту. Употребляется к тому, чтобы узнать, всегда ли с земли центр, притягающий к себе тяжкие тела, стоит неподвижно или переменяет место. 3) Говорил в публичном собрании сочиненную мною речь о цветах.

В истории. Собранные мною в нынешнем году российские исторические манускрипты для моей библиотеки, пятнадцать книг, сличал между собою для наблюдения сходств в деяниях российских.

В словесных науках. 1) Сочиняю героическую поэму, именуемую: *Петр Великий*. 2) Сделал проект со стихами для фейерверка к 18 декабря сего года.

Сверх сего в разные годы зачаты делать диссертации: 1) О лучшем и ученом мореплавании. 2) О твердом термометре. 3) О трясении земли. 4) О первоначальных частицах, тела составляющих. 5) О градусах теплоты и стужи, как их определить основательно, со мнением о умеренности растворения воздуха на планетах. К совер-

шению привесть отчасти препятствуют другие дела, отчасти протяжным печатанием комментариев охота отнимается“.

Сумароков был шутом у всех тогдашних вельмож: у Шувалова, у Панина. Его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками. Фонвизин, коего характер имеет нужду в оправдании, забавлял знатных, передразнивая Александра Петровича в совершенстве. Державин исподтишка писал сатиры на Сумарокова и приезжал как ни в чем не бывало наслаждаться его бешенством. Ломоносов был иного покроя. С ним шутить было накладно. Он везде был тот же: дома, где все его трепетали; во дворце, где он дирал за уши пажей; в Академии, где по свидетельству Шлецера, не смели при нем пикнуть. Немногим известна стихотворная перепалка его с Дмитрием Сеченовым по случаю *Гимна бороде*, не напечатанного ни в одном собрании его сочинений. Она может дать понятие о заносчивости поэта, как и о нетерпимости проповедника. Со всем тем Ломоносов был добродушен. Как хорошо его письмо о семействе несчастного Рихмана! В отношении к самому себе он был очень беспечен, и, кажется, жена его хоть была и немка, но мало смыслила в хозяйстве. Вдова старого профессора, услыша, что речь идет о Ломоносове, спросила: „О каком Ломоносове говорите вы? не о Михаиле ли Васильевиче? То-то был пустой человек! Бывало от него всегда бегали к нам за кофейником. Вот Тредьяковский, Василий Кирилович — вот этот был конечно почтенный и порядочный человек“. Тредьяковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков. Любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывает необыкновенное чувство изящного. В *Тилимахиде* находится много хороших стихов и счастливых оборотов. Радищев написал о них целую статью (см. собрание сочинений А. Радищева). Дельвиг приводил часто следующий стих в пример прекрасного гекзаметра:

...Корабль Одиссеев,
Бегом волны деля, из очей ушел и сокрылся.

Вообще изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей. Сумароков и Херасков верно не стоят Тредьяковского, — habent sua fata libelli.*

* ⟨Книги имеют свою судьбу.⟩

Радищев укоряет Ломоносова в лести и тут же извиняет его. Ломоносов наполнил торжественные свои оды высокопарною хвалою; он без обиняков называет благодетеля своего графа Шувалова своим благодетелем; он в какой-то придворной идиллии воспевает графа К. Разумовского под именем Полидора; он стихами поздравляет графа Орлова с возвращением его из Финляндии; он пишет: *Его сиятельство граф М. Л. Воронцов по своей высокой ко мне милости изволил взять от меня пробы мозаических составов для показания ее величеству.* — Ныне всё это вывелось из обыкновения. Дело в том, что расстояние от одного сословия до другого в то время еще существовало. Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал возвысить себя наглостию и запанибратством с людьми высшего состояния (хотя, впрочем, по чину, он мог быть им и равный). Но зато умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей. Послушайте, как пишет он этому самому Шувалому, *предстателю муз, высокому своему патрону,* который вздумал было над ним пошутить: „Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельмож, но нижѐ у господа моего бога дураком быть не хочу“.* В другой раз, заспоря с тем же вельможею, Ломоносов так его рассердил, что Шувалов закричал: „Я отставлю тебя от Академии!“ — „Нет, — возразил гордо Ломоносов, — разве Академию от меня отставят“. Вот каков был этот униженный сочинитель похвальных од и придворных идиллий!

Patronage (покровительство) до сей поры сохраняется в обычаях английской литературы. Почтенный Кребб, умерший в прошлом году, поднес все свои прекрасные поэмы to his grace the Duke etc. ** В своих смиренных посвящениях он почтительно упоминает о милостях и высоком покровительстве, коих он удостоился, etc. В России вы не встретите ничего подобного. У нас, как заметила M-me de Staël, словесностию занимались большею частию дворяне („En Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature“***). Это дало особенную физиономию нашей литературе; у нас писатели не могут изыскивать милостей и покровительства у людей, которых почитают себе равными, и подносить свои сочинения вельможе или богачу, в надежде получить от него 500 рублей или перстень, украшенный драгоценными каменьями. Что же из этого следует? что нынешние писатели благороднее

* См. его письмо графу Шувалову.

** ⟨Его светлости, герцогу и т. д.⟩

*** ⟨В России несколько дворян стали заниматься литературой.⟩

мыслят и чувствуют, нежели мыслил и чувствовал Ломоносов и Костров? Позвольте в том усумниться.

Нынче писатель, краснеющий при одной мысли посвятить книгу свою человеку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному в общем мнении, но который может повредить продаже книги, или хвалебным объявлением заманить покупщиков. Ныне последний из писак, готовый на всякую приватную подлость, громко проповедует независимость и пишет безыменные пасквили на людей, перед которыми расстилается в их кабинете.

К тому ж с некоторых пор литература стала у нас ремесло выгодное и публика в состоянии дать более денег, нежели его сиятельство такой-то или его высокопревосходительство такой-то. Как бы то ни было, повторяю, что формы ничего не значат; Ломоносов и Кребб достойны уважения всех честных людей, несмотря на их смиренные посвящения, а господа NN всё-таки презрительны — несмотря на то, что в своих книжках они проповедуют независимость и что они свои сочинения посвящают не доброму и умному вельможе, а какому-нибудь шельме и вралю, подобному им.

⟨IV.⟩ Браки

Радищев в главе *Черная Грязь* говорит о браках поневоле и горько порицает самовластие господ и потворство *градодержателей* (городничих?). Вообще несчастие жизни семейной есть отличительная черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание — или жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене. Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный. Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли вышла она замуж? „По страсти, — отвечала старуха: — я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь“. — Таковые страсти обыкновенны. Неволя браков давнее зло. Недавно правительство обратило внимание на лета вступающих в супружество: это уже шаг к улучшению. Осмелюсь заметить одно: возраст, назначенный законным сроком для вступления в брак, мог бы для женского пола быть уменьшен. Пятнадцатилетняя девка и в нашем климате уже ***на выдании***, а крестьянские семейства нуждаются в работницах.

⟨V.⟩ Русская изба

В *Пешках* (на станции, ныне уничтоженной) Радищев съел кусок говядины и выпил чашку кофию. Он пользуется сим случаем, дабы упомянуть о несчастных африканских невольниках и тужит о судьбе рус-

ского крестьянина, не употребляющего сахара. Всё это было тогдашним модным краснословием. Но замечательно описание русской избы:

„Четыре стены, до половины покрытые так, как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок, по крайней мере, поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь, смеркающийся в полдень, пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть пустые шти!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором срубленный, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастию, кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей, коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки с лаптями для выхода“. (*Путешествие*, стр. 412—413).

Наружный вид русской избы мало переменился со времен Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные к его *Путешествию*. Ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 ⟨году⟩, как русская деревня в 1833 году. Изба, мельница, забор — даже эта елка, это печальное тавро северной природы — ничто, кажется, не изменилось. Однако произошли улучшения, по крайней мере на больших дорогах: труба в каждой избе; стекла заменили натянутый пузырь; вообще более чистоты, удобства, того, что англичане называют *Comfort*. * Очевидно, что Радищев начертал каррикатуру; но он упоминает о бане и о квасе как о необходимостях русского быта. Это уже признак довольства. Замечательно и то, что Радищев, заставив свою хозяйку жаловаться на голод и неурожай, оканчивает картину нужды и бедствия сею чертою: *и начала сажать хлебы в печь.*

Фонвизин, лет за пятнадцать пред тем путешествовавший по Франции, говорит, что, по чистой совести, судьба русского крестьянина показалась ему счастливее судьбы французского земледельца. Верю. Вспомним описание Лабриера.** Слова госпожи Севинье еще сильнее тем, что она говорит без негодования и горечи, а просто рассказывает, что видит и к чему привыкла. Судьба французского крестьянина не улучшилась в царствование Людовика XV и его преемника...

Прочтите жалобы английских фабричных работников: волоса встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных

* ⟨Комфорт.⟩

** „L'on voit certains animaux farouches, des mâles et des femelles, répandus par la campagne, noirs, livides et tout brûlés du soleil, attachés à la terre qu'ils fouillent et qu'ils remuent avec une opiniâtreté invincible; ils ont comme une voix articulée, et quand ils se lèvent sur leurs pieds, ils montrent une face humaine, et en effet ils sont des hommes. Ils

мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой, какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смидта или об иголках г-на Джаксона. И заметьте, что всё это есть не злоупотребление, не преступление, но происходит в строгих пределах закона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника, но посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч пять или шесть народу и лишающей их последнего средства к пропитанию... У нас нет ничего подобного. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится миром; барщина определена законом; оброк не разорителен (кроме как в близости Москвы и Петербурга, где разнообразие оборотов промышленности усиливает и раздражает корыстолюбие владельцев). Помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своего крестьянина доставать оный, как и где он хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2000 верст вырабатывать себе деньгу... Злоупотреблений везде много; уголовные дела везде ужасны.

Взгляните на русского крестьянина: есть ли тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смышлености и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. Путешественник ездит из края в край по России, не зная ни одного слова по-русски, и везде его понимают, исполняют его требования, заключают с ним условия. Никогда не встретите вы в нашем народе того, что французы называют un badaud,* никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. В России нет человека, который бы не имел своего *собственного* жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет *свою* избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опря-

---

se retirent la nuit dans des tannières où ils vivent de pain noir, d'eau et de racines; ils épargnent aux autres hommes la peine de semer, de labourer et de recuillir pour vivre, et méritent ainsi de ne pas manger ce pain qu'ils ont semé". *Les Caractères.* ⟨По полям рассеяны какие-то дикие животные, самцы и самки, черные, побагровевшие, сожженные солнцем, склонившиеся к земле, которую они роют и ковыряют с непреодолимым упорством; между ними как будто слышна членораздельная речь, а когда они выпрямляются, то мы видим человеческое лицо; и действительно — это люди. На ночь они удаляются в свои логовища, где питаются черным хлебом, водой и кореньями; они избавляют других людей от труда сеять, обрабатывать и собирать для пропитания, и в награду за всё это лишены возможности есть тот хлеб, который сами сеют. *Характеры.*⟩

* ⟨Простофиля.⟩

тен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по нескольку раз в день... Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения... Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков; это очевидно для всякого. Конечно: должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...

⟨VI.⟩ Слепой

Слепой старик поет *стих об Алексее, божием человеке.* Крестьяне плачут; Радищев *рыдает вслед за ямским собранием... О природа! колико ты властительна!* Крестьяне дают старику милостыню. Радищев *дрожащею рукою* дает ему рубль. Старик отказывается от него, потому что Радищев дворянин. Он рассказывает, что в молодости лишился он глаз на войне в наказание за свои жестокости. Между тем баба подносит ему пирог. Старик принимает его с *восторгом. Вот истинная благостыня*, восклицает он. Радищев, наконец, дарит ему шейный платок и извещает нас, что старик умер несколько дней после и похоронен с этим платком на шее.—Имя Вертера, встречаемое в начале главы, поясняет загадку.

Вместо всего этого пустословия, лучше было бы, если ⟨бы⟩ Радищев, кстати о старом и всем известном *Стихе*, поговорил нам о наших народных легендах, которые до сих пор еще не напечатаны и которые заключают в себе столь много истинной поэзии. Н. М. Языков и П. В. Киреевский собрали их несколько etc., etc.

⟨VII.⟩ Рекрутство

„*Городня* — Въезжая в сию деревню, пишет Радищев, не стихотворческим пением слух мой был ударяем, но пронизающим сердца воплем жен, детей и старцев. Встав из моей кибитки, отпустил я ее к почтовому двору, любопытствуя узнать причину приметного на улице смятения.

Подошед к одной куче, узнал я, что рекрутский набор был причиною рыдания и слез многих толпящихся. Из многих селений казенных и помещичьих сошлися отправляемые на отдачу рекруты.

В одной толпе старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетнего парня, вопила: „Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь дом родительский? Поля наши поростут травою, мохом наша хижина. Я, бедная, престарелая мать твоя, скитаться должна по миру. Кто согреет мою дряхлость от холода, кто укроет ее от зноя? Кто напоит меня и накормит? Да всё то не столь сердцу тягостно; кто закроет мои очи при издыхании? Кто примет мое родительское благословение?

Кто тело предаст общей нашей матери — сырой земле? Кто придет воспомянуть меня над могилою? Не капнет на нее твоя горячая слеза; не будет мне отрады той“.

Подле старухи стояла девка, уже взрослая. Она также вопила: „Прости, мой друг сердечной, прости, мое красное солнушко. Мне, твоей невесте нареченной, не будет больше утехи, ни веселья. Не позавидуют мне подруги мои. Не взойдет надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь, ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы бесчеловечные наши старосты, хоть дали бы нам обвенчатися; хотя бы ты, мой милой друг, хотя бы одну уснул ноченьку, уснул бы на белой моей груди. Авось ли бы бог меня помиловал и дал бы мне паренька на утешение“.

Парень им говорил: „Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зовет нас государь на службу. На меня пал жеребей. Воля божия. Кому не умирать, тот жив будет. Авось-либо я с полком к вам приду. Авось-либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку“. — Рекрута сего отдавали из экономического селения.

Совсем другого рода слова внял слух мой в близ стоящей толпе. Среди оной я увидел человека лет тридцати, посредственного роста, стоящего бодро и весело на окрест стоящих взирающего.

„Услышал господь молитву мою“, вещал он. „Достигли слезы несчастного до утешителя всех. Теперь буду хотя знать, что жребий мой зависеть может от доброго или худого моего поведения. Доселе зависел он от своенравия женского. Одна мысль утешает, что без суда батожьем наказан не буду!“

Узнав из речей его, что он господской был человек, любопытствовал от него узнать причину необыкновенного удовольствия. На вопрос мой о сем он ответствовал; „Если бы, государь мой, с одной стороны поставлена была виселица, а с другой глубокая река, и, стоя между двух гибелей, неминуемо бы должно было идти направо или налево, в петлю или в воду, что избрали бы вы, чего бы заставил желать рассудок и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой, избрал бы броситься в реку в надежде что, переплыв на другой берег, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей шеею. Таков мой был случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тем и конец был, но умирать томною смертию, под батожьем, под кошками, в кандалах, в погребе, нагу, босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнем поругании; государь мой, хотя холопей считаете вы своим имением, нередко хуже скотов, но, к несчастию их горчайшему, они чувствительности не лишены. Вам удивительно, вижу я, слышать таковые слова в устах крестьянина; но слышав их, для чего не удивляетесь жестокосердию своей собратии, дворян“.

(*Путешествие*, стр. 370—374.)

Самая необходимая и тягчайшая из повинностей народных есть рекрутский набор. Образ набора везде различествует и везде влечет за собою великие неудобства. Английский *пресс* подвергается ежегодно горьким выходкам оппозиции, и со всем тем существует во всей своей силе. Прусское Landwehr,* система сильная и искусно приноровленная к государству, но еще не оправданная опытом, возбуждает уже ропот в терпеливых пруссаках. Наполеоновская конскрипция производилась при громких рыданиях и проклятиях всей Франции.

* 〈Ополчение.〉

Чудовище, склонясь на колыбель детей,
Считало годы их кровавыми перстами.
Сыны в дому отцов минутными гостями
Являлись etc.

Рекрутство наше тяжело; лицемерить нечего. Довольно упомянуть о законах противу крестьян, изувечивающихся во избежание солдатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы приучить народ к рекрутству! Но может ли государство обойтиться без постоянного войска? Полумеры ни к чему доброму не ведут. Конскрипция по кратковременности службы, в течение 15 лет, делает изо всего народа одних солдат. В случае народных мятежей, мещане бьются, как солдаты; солдаты плачут и толкуют, как мещане. Обе стороны одна с другой тесно связаны. Русский солдат, на 24 года отторженный от среды своих сограждан, делается чужд всему, кроме своему долгу. Он возвращается на родину уже в старости. Самое его возвращение уже есть порука за его добрую нравственность: ибо отставка дается только за беспорочную службу. Он жаждет одного спокойствия. На родине находит он только несколько знакомых стариков. Новое поколение его не знает и с ним не братается.

[Власть помещиков в том виде, в каковом она теперь существует, необходима для рекрутского набора. Без нее правительство в губерниях не могло бы собрать и десятой доли требуемого числа рекрут. Вот одна из тысячи причин, повелевающих нам присутствовать в наших поместиях, а не разоряться в столицах под предлогом усердия к службе, но в самом деле из единой любви к рассеянности и к чинам.]

Очередь, к которой придерживаются некоторые помещики-филантропы, не должна существовать, пока существуют наши дворянские права. Лучше употребить сии права в пользу наших крестьян и, удаляя от среды их вредных негодяев, людей, заслуживших тяжкое наказание и проч., делать из них полезных членов обществу. Безрассудно жертвовать полезным крестьянином, трудолюбивым, добрым отцом семейства, а щадить вора и пьяницу обнищалого — из уважения к какому-то правилу, самовольно нами признанному. И что значит эта жалкая пародия законности! Радищев сильно нападает на продажу рекрут и другие злоупотребления. Продажа рекрут была в то время уже запрещена, но производилась еще под рукою. *Простодум* в комедии Княжнина говорит, что

Три тысячи скопил он дома лет в десяток
Не хлебом, не скотом, не выводом теляток.
Но кстати в рекруты торгуючи людьми.

Но запрещение сие имело свою невыгодную сторону: богатый крестьянин лишался возможности избавиться рекрутства, а судьба бедняков, коими торговал безжалостный помещик, вряд ли чрез то улучшилась.

⟨VIII.⟩ Русское стихосложение

„*Тверь.* — Стихотворство у нас, говорил товарищ мой трактирного обеда, в разных смыслах как оно приемлется, далеко еще отстоит величия. Поэзия было пробудилась, но ныне паки дремлет, а стихосложение шагнуло один раз и стало в пень.

Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье. Подав хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду великого примера, и никто доселе отшатнуться от него не дерзнул. По несчастию случилося, что Сумароков в то же время был; и был отменной стихотворец. Он употреблял стихи по примеру Ломоносова, и ныне все вслед за ними не воображают, чтобы другие стихи быть могли, как ямбы, как такие, какими писали сии оба знаменитые мужи. Хотя оба сии стихотворцы преподавали правила других стихосложений, а Сумароков и во всех родах оставил примеры, но они столь маловажны, что ни от кого подражания не заслужили. Если бы Ломоносов преложил Иова или псалмопевца дактилями, или если бы Сумароков *Семиру* или *Димитрия* написал хореями, то и Херасков вздумал бы, что можно писать другими стихами, опричь ямбов, и более бы славы в осмилетнем своем приобрел труде, описав взятие Казани свойственным эпопее стихосложением. Не дивлюсь, что древний треух на Виргилия надет ломоносовским покроем; но желал бы я, чтобы Омир между нами не в ямбах явился, но в стихах, подобных его гекзаметрах, и Костров, хотя не стихотворец, а переводчик, сделал бы эпоху в нашем стихосложении, ускорив шествие самой поэзии целым поколением.

Но не одни Ломоносов и Сумароков остановили российское стихосложение. Неутомимый возовик Тредияковский не мало к тому способствовал своею *Телемахидою.* Теперь дать пример нового стихосложения очень трудно, ибо примеры в добром и худом стихосложении глубокий пустили корень. Парнас окружен ямбами, и рифмы стоят везде на карауле. Кто бы ни задумал писать дактилями, тому тотчас Тредияковского приставят дядькою, и прекраснейшее дитя долго казаться будет уродом, доколе не родится Мильтона, Шекспира или Вольтера. Тогда и Тредияковского выроют из поросшей мхом забвения могилы, в *Телемахиде* найдутся добрые стихи и будут в пример поставляемы.

Долго благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо к краесловию. Слышав долгое время единогласное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будет, доколе французской язык будет в России больше других языков в употреблении. Чувства наши, как гибкое и молодое дерево, можно вырастить прямо и криво, по произволению. Сверх же того, в стихотворении, так, как и во всех вещах, может господствовать мода, и если она хотя несколько имеет в себе естественного, то принята будет без прекословия. Но всё модное мгновенно, а особливо в стихотворстве. Блеск наружный может заржаветь, но истинная красота не поблекнет никогда. Омир, Виргилий, Мильтон, Расин, Вольтер, Шекспир, Тассо и многие другие читаны будут, доколе не истребится род человеческий.

Излишним почитаю я беседовать с вами о разных стихах, российскому языку свойственных. Что такое ямб, хорей, дактиль или анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то бы было не излишнее, если бы я мог дать при-

меры, в разных родах достаточные. Но силы мои и разумение коротки. Если совет мой может что-либо сделать, то я бы сказал, что российское стихотворство, да и сам российский язык гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворных сочинений делали не всегда ямбами. Гораздо бы эпической поэме свойственнее было, если бы перевод *Генриады* не был в ямбах, а ямбы некраесловные хуже прозы.

(*Путешествие*, стр. 350—354.)

Радищев, будучи нововводителем в душе, силился переменить и русское стихосложение. Его изучения *Тилимахиды* замечательны. Он первый у нас писал древними лирическими размерами. Стихи его лучше его прозы. Прочитайте его *Осьмнадцатое столетие, Сафические строфы*, басню, или вернее элегию *Журавли*—всё это имеет достоинство. В главе, из которой выписал я приведенный отрывок, помещена его ода на *Вольность*. В ней много сильных стихов.

Обращаюсь к русскому стихосложению. Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. *Пламень* неминуемо тащит за собою *камень*. Из-за *чувства* выглядывает непременно *искусство*. Кому не надоели *любовь* и *кровь, трудный* и *чудный*, *верной* и *лицемерной*, и проч.

Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большою ученостию <и> сметливостию. Вероятно, будущий наш эпический поэт изберет его и сделает народным.

<IX.> Медное (Рабство)

„*Медное*. — „Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли...“ Хоровод молодых баб и девок— —пляшут— —подойдем поближе, говорил я сам себе, развертывая найденные бумаги моего приятеля. Но я читал следующее. Не мог дойти до хоровода. Уши мои задернулись печалию, и радостный глас нехитростного веселия до сердца моего не проник. О, мой друг! где бы ты ни был, внемли и суди.

Каждую неделю два раза вся Российская империя извещается, что Н. Н. или Б. Б. в несостоянии или не хочет платить того, что занял, или взял, или чего от него требуют. Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про... или раздарено, потеряно в огне или воде, или Н. Н. или Б. Б. другими какими-либо случаями вошел в долг или под взыскание. То и другое наравне в ведомостях приемлется. Публикуется — — „Сего... дня по полуночи в 10 часов, по определению уездного суда или городового магистрата, продаваться будет с публичного торга отставного капитана Г... недвижимое имение, дом, состоящий в... части, под Но... и при нем шесть душ мужского и женского полу; продажа будет при оном доме... Желающие могут смотреть заблаговременно“.

(*Путешествие*, стр. 341—342.)

Следует картина, ужасная тем, что она правдоподобна. Не стану теряться вслед за Радищевым в его надутых, но искренних мечтаниях, с которыми на сей раз соглашаюсь поневоле...

<X.>О цензуре

Расположась обедать в славном трактире Пожарского, я прочел статью под заглавием *Торжок*. В ней дело идет о свободе книгопечатанья; любопытно видеть о сем предмете рассуждения человека, вполне разрешившего самому себе сию свободу, напечатав в собственной типографии книгу, в которой дерзость мыслей и выражений выходит изо всех пределов.

Один из французских публицистов остроумным софизмом захотел доказать незаконность и безрассудность цензуры. Если, говорит он, способность говорить была бы новейшим изобретением, то нет сомнения, что правительства не замедлили б установить цензуру и на язык: издали бы известные правила, и два человека, чтоб поговорить между собою о погоде, должны были бы получить предварительное на то позволение.

Конечно, если бы *слово* не было общей принадлежностию всего человеческого рода, а только миллионной части оного, — то правительства необходимо должны были бы ограничить законами права мощного сословия людей говорящих. Но *грамота* не есть естественная способность, дарованная богом всему человечеству, как язык или зрение. Человек *безграмотный* не есть урод и не находится вне вечных законов природы. И между грамотеями не все равно обладают *возможностию* и самою *способностию* писать книги или журнальные статьи. Писатели во всех странах мира суть класс самый малочисленный изо всего народонаселения. Печатный лист обходится около 35 рублей; бумага также чего-нибудь да стоит. Следственно печать доступна не всякому. (Не говорю уже о таланте etc). Аристокрация самая мощная, самая опасная — есть аристокрация людей, которые на целые поколения, на целые столетия налагают свой образ мыслей, свои страсти, свои предрассудки. Что значит аристокрация породы и богатства в сравнение с аристокрацией пишущих талантов? Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно.

Мысль! великое слово! Что же и составляет величие человека как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек: *в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом.*

„Мы в том и не спорим, — говорят противники цензуры. — Но книги, как и граждане, ответствуют за себя. Есть законы для тех и для дру-

гих. К чему же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдет из типографии, и тогда, если найдете ее преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить к заключению и к положенному штрафу".

Но мысль уже стала гражданином, уже ответствует за себя, как скоро она родилась и выразилась. Разве *речь* и *рукопись* не подлежат закону? Всякое правительство в праве не позволять проповедывать на площадях, что кому в голову придет, и может остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны пером, а не тиснуты станком типографическим. Закон не только наказывает, но и предупреждает. Это даже его благодетельная сторона.

Действие человека мгновенно и одно (isolé); действие книги множественно и повсеместно. Законы противу злоупотреблений книгопечатания не достигают цели закона: не предупреждают зла, редко его пресекая. Одна цензура может исполнить то и другое.

⟨XI.⟩ Этикет

Власть и свободу сочетать должно на взаимную пользу. Истина неоспоримая, коею Радищев заключает начертание о уничтожении придворных чинов, исполненное мыслей, большею частию ложных, хотя и пошлых.

Предполагать унижение в обрядах, установленных этикетом, есть просто глупость. Английский лорд, представляясь своему королю, становится на колени и целует ему руку. Это не мешает ему быть в оппозиции, если он того не хочет. Мы всякой день подписываемся *покорнейшими слугами*, и кажется, никто из этого еще не заключал, чтобы мы просились в камердинеры.

Придворные обычаи, соблюдаемые некогда при дворе наших царей, уничтожены у нас Петром Великим при всеобщем перевороте. Екатерина II занялась и сим уложением и установила новый этикет. Он имел перед этикетом, наблюдаемым в других державах, то преимущество, что был основан на правилах здравого смысла и вежливости общепонятной, а не на забытых преданиях и обыкновениях, давно изменившихся. Покойный государь любил простоту и непринужденность. Он ослабил снова этикет, который, во всяком случае, не худо возобновить. Конечно, государи не имеют нужды в обрядах, часто для них утомительных; но этикет есть также закон; к тому же, он при дворе необходим, ибо всякому, имеющему честь приближаться к царским особам, необходимо знать свою обязанность и границы службы. Где нет этикета,

там придворные в поминутном опасении сделать что-нибудь неприличное. Не хорошо прослыть невежею; неприятно казаться и подслужливым выскочкою.

<XII.>

В Вышнем Волочке Радищев любуется шлюзами — благословляет память того, кто, уподобясь природе в ее благодеяниях, сделал реку *рукодельною* — и все концы единой области привел в сообщение. С наслаждением смотрит он на канал, наполненный нагруженными барками; он видит тут истинное земли изобилие, избытки земледелателя и во всем его блеске мощного пробудителя человеческих деяний, *корыстолюбие*. Но вскоре мысли его принимают обыкновенное свое направление. Мрачными красками рисует состояние русского земледельца и рассказывает следующее:

„Некто, не нашед в службе, как то по просторечию называют, счастия или не желая оного в ней снискать, удалился из столицы, приобрел небольшую деревню, например во сто или в двести душ, определил себя искать прибытка в земледелии. Не сам он себя определял к сохе, но вознамерился наидействительнейшим образом всевозможное сделать употребление естественных сил своих крестьян, прилагая оные к обрабатыванию земли. Способом к сему надежнейшим почел он уподобить крестьян своих орудиям, ни воли, ни побуждения не имеющим; и уподобил их действительно в некотором отношении нынешнего века воинам, управляемым грудою, устремляющимся на бою грудою, а в единственности ничего не значущим. Для достижения своей цели, он отнял у них малый удел пашни и сенных покосов, которые им на необходимое пропитание дают обыкновенно дворяне, яко в воздаяние за все принужденные работы, которые они от крестьян требуют. Словом, сей дворянин Некто всех крестьян, жен их и детей заставил во все дни года работать на себя. А дабы они не умирали с голоду, то выдавал он им определенное количество хлеба, под именем месячины известное. Те, которые не имели семейств, месячины не получали, а по обыкновению лакедемонян пировали вместе на господском дворе, употребляя для соблюдения желудка в мясоед пустые шти, а в посты и постные дни хлеб с квасом. Истинные розговены бывали разве на Святой неделе.

Таковым урядникам производилася также приличная и соразмерная их состоянию одежда. Обувь для зимы, то-есть лапти, делали они сами; онучи получали от господина своего; а летом ходили босы. Следственно у таковых узников не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволение держать их господин у них не отымал, но способы к тому. Кто был позажиточнее, кто был умереннее в пище, тот держал несколько птиц, которые господин иногда бирал себе, платя за них цену по своей воле.

При таковом заведении не удивительно, что земледелие в деревне г. Некто было в цветущем состоянии. Когда у всех был худой урожай, у него родился хлеб сам-четверт; когда у других хороший был урожай, то у него приходил хлеб сам-десят и более. В недолгом времени к двумстам душам он еще купил двести жертв своему корыстолюбию; и поступая с сими равно, как и с первыми, год от году умножал свое имение, усугубляя число стенящих на его нивах. Теперь он считает их уже тысячами и славится как знаменитый земледелец.

(*Путешествие*, стр. 272 — 275.)

Помещик, описанный Радищевым, привел мне на память другого, бывшего мне знакомого лет пятнадцать тому назад. Молодой мой образ мыслей и пылкость тогдашних чувствований отвратили меня от него и помешали мне изучить один из самых замечательных характеров, которые удалось мне встретить. Этот помещик был род маленького Людовика XI. Он был тиран, но тиран по системе и по убеждению, с целию, к которой двигался он с силою души необыкновенной и с презрением к человечеству, которого не думал и скрывать. Сделавшись помещиком двух тысяч душ, он нашел своих крестьян, как говорится, избалованными слабым и беспечным своим предшественником. Первым старанием его было общее и совершенное разорение. Он немедленно приступил к совершению своего предположения и в три года привел крестьян в жестокое положение. Крестьянин не имел никакой собственности — он пахал барскою сохою, запряженной барскою клячею, скот его был весь про́дан, он садился за спартанскую трапезу на барском дворе; дома не имел он ни штей, ни хлеба. Одежда, обувь выдавалась ему от господина — словом, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помещика. Как бы вы думали? Мучитель имел виды филантропические. Приучив своих крестьян к нужде, терпению и труду, он думал постепенно их обогатить, возвратить им собственность, даровать им права! Судьба не позволила ему исполнить его предначертания. Он был убит своими крестьянами во время пожара. ⟨1833 — 1835⟩

О ничтожестве литературы русской

⟨1⟩

1) Быстрый отчет о французской словесности в 17 столетии.

2) 18 столетие.

3) Начало русской словесности. — Кантемир в Париже обдумывает свои сатиры, переводит Горация. — Умирает 28 лет. — Ломоносов, плененный гармонией рифма, пишет в первой своей молодости оду, исполненную живости etc., — и обращается к точным наукам, dégouté* славою Сумарокова. — Сумароков. — В сие время Тредьяковский, один понимающий свое дело. — Между ⟨тем⟩ 18 столетие allait son train.** Voltaire.

4) Екатерина — ученица 18-го столетия, она одна дает толчок своему веку. Ее угождения философам. Наказ. Словесность отказывается за

* ⟨Отвращенный.⟩

** ⟨Шло своим ходом.⟩

нею следовать, точно так же как народ [Члены — депутаты комиссии]. Державин, Богданович, Дмитриев, Карамзин (Радищев). Екат., Фонвизин и Радищев.

Век Александров — Карамзин уединяется, дабы писать свою Историю. Дмитриев — министр. Ничтожество общее. Между тем французская обмелевшая словесность envahit tout.*

Voltaire и Великаны не имеют ни одного последователя в России, но бездарные пигмеи, грибы, выросшие у корней дубов, — Дорат, Флориан, Мармонтель, Гишар, M-de Жанлис овладевают русской словесностью. Sterne нам чужд, за исключением Карамзина. Парни и влияние сластолюбивой поэзии на Батюшкова, Вяземского, Давыдова, Пушкина и Баратынского. Жуковский и *двенадцатый год*, влияние немецкое превозмогает.

Нынешнее влияние критики французской и Юной словесности. — Исключения.

Если русская словесность представляет мало произведений, достойных наблюдения критики литературной, то она, сама по себе (как и всякое другое явление в истории человечества), должна обратить на себя внимание добросовестных исследователей истины.

⟨1834⟩

⟨2⟩

Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира. Великая эпоха Возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера... России определено было высокое предназначение: ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...**

Духовенство, пощаженное удивительной сметливостию татар, одно — в течение двух мрачных столетий — питало бледные искры византийской образованности. В безмолвии монастырей иноки вели свою беспрерывную летопись. Архиереи в посланиях своих беседовали с

* ⟨Затопляет все.⟩

** А не Польшею, как еще недавно утверждали европейские журналы, — но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна.

князьями и боярами, утешая сердца в тяжкие времена искушений и безнадежности. Но внутренняя жизнь порабощенного народа не развивалась. Татаре не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля. Свержение ига, споры великокняжества с уделами, единовластия с вольностями городов, самодержавия с боярством и завоевания с народной самобытностью не благоприятствовали свободному развитию просвещения. Европа наводнена была неимоверным множеством поэм, легенд, сатир, романов, мистерий и проч. — 〈но〉 старинные наши архивы и вивлиофики, кроме летописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей. Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и Слово о Полку Игореве возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности.

Но и в эпоху бурь и переломов цари и бояре согласны были в одном: в необходимости сблизить Россию с Европой. Отселе отношения Ивана Васильевича с Англией, переписка Годунова с Данией, условия поднесенные польскому королевичу аристократией XVII столетия, посольства Алексея Михайловича... Наконец явился Петр.

Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, — при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы.

Петр не успел довершить многое, начатое им. Он умер в пору мужества, во всей силе творческой своей деятельности. Он бросил на словесность взор рассеянный, но проницательный. Он возвысил Феофана, ободрил Копиевича, не взлюбил Татищева за легкомыслие и вольнодумство и угадал в бедном школьнике *вечного труженика* Тредьяковского. Сын молдавского господаря воспитывался в его походах; а сын холмогорского рыбака, бежав от берегов Белого моря, стучался в двери Заиконоспасского училища.

Семена были посеяны. Новая словесность, плод новообразованного общества, скоро должна была родиться.

В начале 18-го столетия французская литература обладала Европою. Она должна была иметь на Россию долгое и решительное влияние. Прежде всего надлежит нам ее исследовать.

Рассмотрев бесчисленное множество мелких стихотворений, баллад, рондо, вирле, сонетов и поэм, аллегорических, сатирических, рыцарских романов, сказок, фаблио, мистерий etc., коими наводнена была Фран-

ция в начале XVII столетия, нельзя не сознаться в бесплодной ничтожности сего мнимого изобилия. Трудность, искусно побежденная, счастливо подобранное повторение, легкость оборота, простодушная шутка, искреннее изречение — резко вознаграждают усталого изыскателя.

Романтическая поэзия пышно и величественно расцветала во всей Европе, Германия давно имела свои Niebelungen, Италия — свою тройственную поэму, Португалия — Лузиаду, Испания — Лопе де Vega, Кальдерона и Сервантеса, Англия — Шекспира, а у французов Вильон воспевал в площадных куплетах кабаки и виселицу и почитался первым народным поэтом! Наследник его Марот, живший в одно время с Ариостом и Камоенсом,

Rima des triolets, fit fleurir la ballade.*

Проза уже имела решительный перевес. Скептик Монтань и циник Рабле были современники Тассу.

Люди, одаренные талантом, будучи поражены ничтожностию и, должно сказать, *подлостью* французского стихотворства, выдумали, что скудость языка была тому виною, и стали стараться пересоздать его по образцу древнего греческого. Образовалась новая школа, коей мнения, цель и усилия напоминают школу наших славяно-руссов, между коими также были люди с дарованиями. Но труды Ронсара, Жоделя и Дюбелле остались тщетными. Язык отказался от направления ему чуждого и пошел опять своей дорогою.

Наконец пришел Малерб, с такой яркой точностью, с такою строгою справедливостию оцененный великим критиком:

Enfin Malherbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence,
D'un mot mis à sa place enseigna le pouvoir
Et réduisit la Muse aux règles du devoir.
Par ce sage écrivain la langue réparée
N'offrit plus rien de rude à l'oreille épurée —
Les stances avec grace apprirent à tomber
Et le vers sur le vers n'osa plus enjamber.

Но Малерб ныне забыт подобно Ронсару, сии два таланта, истощившие силы свои в усовершенствовании стиха. Такова участь, ожидающая писателей, [которые пекутся более о механизме языка, наружных формах слова], нежели о мысли — истинной жизни его, не зависящей от употребления!

———

* ⟨Слагал триолеты, писал мастерские баллады.⟩

Каким чудом посреди [общего ничтожества французской поэзии, недостатка истинной критики и шаткости мнений, посреди общего падения вкуса] вдруг явилась толпа истинно-великих писателей, покрывших таким блеском конец XVII века? Политическая ли щедрость кардинала Ришелье, тщеславное ли покровительство Людовика XIV были причиною такого феномена? Или каждому народу судьбою предназначена эпоха, в которой созвездие гениев вдруг является, блестит и исчезает? Как бы то ни было, вслед за толпою бездарных, посредственных и несчастных стихотворцев, заключающих период старинной французской поэзии, тотчас выступают Корнель, Паскаль, Боссюэт и Фенелон, Буало, Расин, Молиер и Лафонтен. И владычество их над умами просвещенного мира гораздо легче объясняется, нежели их неожиданное пришествие.

У других европейских народов поэзия существовала прежде появления бессмертных гениев, одаривших человечество своими великими созданиями. Сии гении шли по дороге уже проложенной. Но у французов возвышенные умы XVII столетия застали народную поэзию в пеленках, презрели ее бессилие и обратились к образцам классической древности. Буало, поэт, одаренный мощным талантом и резким умом, обнародовал свое уложение, и словесность ему покорилась. Старый Корнель один остался представителем романтической трагедии, которую так славно вывел он на французскую сцену.

Некто у нас сказал, что французская словесность родилась в передней [и далее гостиной не доходила] etc. Это слово было повторено и во французских журналах и замечено как жалкое мнение (opinion déplorable). Это не мнение, но истина историческая, буквально выраженная: Марот был камердинером Франциска I-го (valet de chambre), Молиер камердинером Людовика XIV... Буало, Расин и Вольтер (особенно Вольтер), конечно, дошли до гостиной, но все-таки через переднюю. Об новейших поэтах говорить нечего. Они, конечно, на площади, с чем их и поздравляем.

Влияние, которое французские писатели произвели на общество, должно приписать их старанию приноравливаться к господствующему вкусу и мнениям публики. — Замечательно, что ни один из известных французских поэтов <*нрзбр*> из Парижа. Вольтер, изгнанный из столицы тайным указом Людовика XV, полушутливым, полуважным тоном советует писателям оставаться в Париже, если дорожат они покровительством Аполлона и бога вкуса.

Ни один из французских поэтов не дерзнул быть самобытным, ни один, подобно Мильтону, не отрекся от современной славы.

Расин перестал писать, увидя неуспех своей *Гофолии*. Публика (о которой Шамфор спрашивал так забавно: сколько нужно глупцов, чтобы составить публику), легкомысленная, невежественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по передним вельмож, они, дабы вновь взойти в доверенность, обратились к народу, лаская его любимые мнения, или фиглярствуя независимостию и странностями, но с одной целию: выманить себе [репутацию] или деньги! В них нет и не было бескорыстной любви к искусству и к изящному. Жалкий народ!

Несмотря на ее видимую ничтожность, Ришелье чувствовал важность литературы. Великий человек, унизивший во Франции феодализм, захотел также связать и литературу во Франции. Писатели (класс бедный и насмешливый, дерзкий) были призваны ко двору и задарены пенсиями, как и дворяне. Людовик XIV следовал системе кардинала. Вскоре словесность сосредоточилась около его трона. Все писатели получили свою должность. Корнель, Расин тешили короля заказными трагедиями, историограф Буало воспевал его победы и назначал ему писателей, достойных его внимания, Босюет и Флешье проповедывали слово божие в его придворной капелле, камердинер Мольер при дворе смеялся над придворными. Академия первым правилом своего устава положила: хвалу великого короля. Были исключения: бедный дворянин Лафонтен (несмотря на господствующую набожность) печатал в Голландии свои веселые сказки о монахинях, а сладкоречивый епископ в книге, наполненной смелой философиею, помещал язвительную сатиру на прославленное царствование... Зато Лафонтен умер без пенсии, а Фенелон в своей епархии, отдаленный от двора за мистическую ересь. Отселе вежливая, тонкая словесность, блестящая, аристократическая, — немного жеманная, но тем самым понятная для всех дворян Европы, ибо высшее общество, как справедливо заметил один из новейших писателей, составляет во всей Европе одно семейство.

Между тем великий век миновался. Людовик XIV умер, пережив свою славу и поколение своих современников. Новые мысли, новое направление отозвалось в умах, алкавших новизны. Дух порицания начинал проявляться во Франции. Умы, пренебрегая цветы словесности и благородные игры воображения, готовились к роковому предназначению XVIII века. Ничто не могло быть противуположнее поэзии, как

та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, и любимым орудием ее была ирония, холодная и осторожная, и насмешка, бешеная и площадная. Вольтер, великан сей эпохи, овладел и стихами, как важной отраслью умственной деятельности человека. Он написал эпопею, с намерением очернить кафолицизм. Он 60 лет наполнял театр трагедиями, в которых, не заботясь ни о правдоподобии характеров, ни о законности средств, заставил он свои лица кстати и некстати выражать правила своей философии. Он наводнил Париж прелестными безделками, в которых философия говорила общепонятным и шутливым языком, одною рифмою и метром отличавшимся от прозы. И эта легкость казалась верхом поэзии. Наконец и он, однажды в своей старости, становится поэтом, когда весь его разрушительный гений со всею свободою излился в цинической поэме, где все высокие чувства, драгоценные человечеству, были принесены в жертву демону смеха и иронии, греческая древность осмеяна, святыня обоих Заветов обругана...

Влияние Вольтера было неимоверно. Следы великого века (как называли французы век Людовика XIV) исчезают. Истощенная поэзия превращается в мелочные игрушки остроумия. Роман делается скучною проповедью или галлереей соблазнительных картин.

Все возвышенные умы следуют за Вольтером. Задумчивый Руссо провозглашает себя его учеником; пылкий Дидрот есть самый ревностный из его апостолов. Англия в лице Юма, Гиббона и Вальполя приветствует Энциклопедию. Екатерина вступает с ним в дружескую переписку. Фридрих с ним ссорится и мирится; общество ему покорено. Европа едет в Ферней на поклонение. Наконец Вольтер умирает, в восторге благословляя внука Франклина и приветствуя Новый Свет словами, дотоле неслыханными...

Смерть Вольтера не останавливает потока. Бомарше влечет на сцену, раздевает донага и терзает всё, что еще почитается неприкосновенным. Министры Людовика XVI нисходят в арену с писателями. Старая монархия хохочет и рукоплещет.

Общество созрело для великого разрушения. Всё еще спокойно, но уже голос молодого Мирабо, подобно отдаленной буре, глухо гремит из глубины темниц, по которым он скитается...

Европа, оглушенная, очарованная славою французских писателей, преклоняет к ним подобострастное внимание. Германские профессора с высоты кафедры провозглашают правила французской критики. Англия следует за Францией на поприще философии, поэзия в отечестве

Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, как и во Франции, Ричардсон, Фильдинг и Стерн поддерживают славу прозаического романа. Италия отрекается от гения Dante, Metastasio подражает Расину.

Обратимся к России.

Кантемир. Ломоносов. Влияние Кантемира уничтожается Ломоносовым, Тредьяковского — его бездарностью. Постоянное борение Тредьяковского. Он побежден. Сумароков... *Екатерина (Вольтер).* Фонвизин. Державин.

〈1834〉

〈О Байроне〉

Род Байронов, один из самых старинных в английской аристократии, младшей между европейскими, произошел от норманца Ральфа де Бюрон (или Бирона), одного из сподвижников Вильгельма Завоевателя. Имя Байронов с честию упоминается в английских летописях. Лордство дано их фамилии в 1643 году. Говорят, что Байрон своею родословною дорожил более, чем своими творениями. Чувство весьма понятное. Блеск его предков и почести, которые наследовал он от них, возвышали поэта; напротив того, слава, им самим приобретенная, нанесла ему мелочные оскорбления, часто унижавшие благородного барона, предавая имя его на произвол молве.

Капитан Байрон, сын знаменитого адмирала и отец великого поэта, навлек на себя соблазнительную славу. Он увез супругу лорда Garmarthen и женился на ней тотчас после ее развода. Вскоре потом она умерла в 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой год расчетливый вдовец для поправления своего расстроенного состояния женился на мисс Gordon, единственной дочери и наследнице Георгия Gordon'a, владельца гайфского. Брак сей был несчастлив: 23 500 f. st. (587 500 руб.) были расточены в два года; и mistriss Байрон осталась при 150 f. st. годового дохода; в 1786 году, муж и жена отправились во Францию; возвратились в Лондон в конце 1787.

В следующем году 22 января леди Байрон родила единственного своего сына Георгия Гордона Байрона. (Вследствие распоряжений фамильных, наследница гайфская должна была сыну своему передать имя Гордона.) Новорожденного крестили герцог Гордон и полковник Доф. При его рождении повредили ему ногу, и лорд Байрон полагал тому причиною стыдливость или упрямство матери.

В 1790 леди Байрон удалилась в Абердин, и муж ее за нею последовал. Несколько времени жили они вместе. Но характеры были

слишком несовместны — вскоре потом они разошлись. Муж уехал во Францию, выманив прежде у бедной жены своей деньги, нужные ему на дорогу. Он умер в Валенсьене в следующем 1791 году.

Во время краткого пребывания своего в Абердине он однажды взял к себе маленького сына, который у него и ночевал; но на другой же день он отослал неугомонного ребенка к его матери и с тех пор уже его не приглашал.

Мистрис Байрон была проста, вспыльчива и во многих отношениях безрассудна. Но твердость, с которой умела она перенести бедность, делает честь ее правилам. Она держала одну только служанку, и когда в 1798 году повезла она молодого Байрона вступать во владение Ньюстида, долги ее не превышали 60 f. st.

Достойно замечания и то, что Байрон никогда не упоминал о домашних обстоятельствах своего детства, находя их унизительными.

Маленький Байрон выучился читать и писать в абердинской школе. В классах он был из последних учеников — и более отличался в играх. По свидетельству его товарищей, он был резвый, вспыльчивый и злопамятный мальчик, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду.

Некто Патерсон, строгий пресвитерианец, но тихий и ученый мыслитель, был потом его наставником, и Байрон сохранил о нем благодарное воспоминание.

В 1796 году леди Байрон повезла его *в горы* для поправления его здоровья после скарлатины. Она поселилась близ Баллатера.

Суровые красоты шотландской природы глубоко впечатлелись в воображение отрока.

Около того же времени осьмилетний Байрон влюбился в Марию Доф. 17 лет после того, в одном из своих журналов, он описал свою раннюю любовь:

<„J'ai beaucoup pensé dernièrement à Marie Duff. Comme il est étrange que j'aie été si complètement dévoué, et si profondément attaché à cette jeune fille, à un âge où je ne pouvais ni sentir la passion, ni même comprendre la signification de ce mot. Et pourtant c'était bien la chose! Ma mère avoit coutume de me railler sur cet amour enfantin; et plusieurs années après, je pouvais avoir seize ans, elle me dit un jour: „Oh! Byron, j'ai reçu une lettre d'Edinbourg, de miss Abercromby; votre ancienne passion, Marie Duff, a épousé un M. C.“ Et quelle fut ma réponse? Je ne puis réellement expliquer ni concevoir mes sensations à ce moment. Mais je tombai presque en convulsions; ma mère fut si fort alarmée qu'après que je fus remis, elle évitait toujours ce sujet avec *moi*, et se contentait d'en parler à toutes ses connaissances. A présent je me demande

ce que pouvait-ce être? Je ne l'avais pas revue depuis que, par suite d'un faux pas de sa mère à Aberdeen, elle était allée demeurer chez sa grand-mère à Banff; nous étions tous deux des enfants. J'avais et j'ai aimé cinquante fois depuis cette époque; et cependant je me rappelle tout ce que nous nous disions, nos caresses, ses traits, mon agitation, l'absence de sommeil et la façon dont je tourmentai la femme de chambre de ma mère pour obtenir qu'elle écrivît à Marie en mon nom; ce qu'elle fit à la fin pour me tranquilliser. La pauvre fille me croyait fou, et comme je ne savais pas encore bien écrire, elle devint mon secrétaire. Je me rappelle aussi nos promenades, et le bonheur d'être assis près de Marie, dans la chambre des enfants, dans la maison où elle logeait près de Plainstones à Aberdeen, tandis que sa plus petite soeur jouait à la poupée, et que nous nous faisions gravement la cour, à notre manière.

Comment diable tout cela a-t-il pu arriver si tôt? quelle en etait l'origine et la cause? Je n'avais certainement aucune idée de sexes, même plusieurs années après; et cependant mes chagrins, mon amour pour cette petite fille, étaient si violents que je doute quelquefois que j'aie jamais véritablement aimé depuis. Quoi qu'il en soit, la nouvelle de son mariage me frappa comme un coup de foudre; je fus près d'en etouffer, à la grande terreur de ma mère et à l'incrédulité de presque tout le monde. Et c'est un phénomène dans mon existence (car je n'avais pas huit ans) que m'a donné à penser, et dont la solution me tourmentera jusqu'à ma dernière heure. Depuis peu, je ne sais pourquoi *le souvenir (non* l'attachement) m'est revenu avec autant de force que jamais. Je m'étonne si elle en a gardé mémoire, ainsi que de moi? et si elle se souvient d'avoir plaint sa petite soeur Hélène de ce qu'elle n'avait pas aussi un adorateur? Que son image m'est restée charmante dans la tête! ses cheveux chatains, ses yeux d'un brun clair et doux; jusqu'à son costume! Je serais tout-à-fait malheureux de *la voir à présent.* La réalité, quelque belle quelle fût détruirait ou du moins troublerait les traits de la ravissanse Péri qui existait alors en elle, et qui survit encore en moi, après plus de seize ans; j'en ai maintenant ving-cinq et quelques mois..." >

В 1798 году умер в Ньюстиде старый лорд Вильгельм Байрон. Четыре года пред сим родной внук его скончался в Корсике, и маленький Георгий Байрон остался единственным наследником имений и титула своего рода. Как несовершеннолетний, он отдан был в опеку лорду Карлилю — дальнему его родственнику, — и восхищенная mistriss Байрон осенью того же года оставила Абердин и отправилась в древний Ньюстид с одиннадцатилетним своим сыном и верной служанкой Мэри Гре.

Лорд Вильгельм, брат адмирала Байрона, родного деда его, был человек странный и несчастный. Некогда на поединке заколол он своего родственника и соседа Г. Чаворта. Они дрались без свидетелей, в трактире при свечке. Дело это произвело много шуму, и Палата пэров признала убийцу виновным. Он был однако ж освобожден от наказания, с тех пор жил в Ньюстиде, где его причуды, скупость и мрачный характер делали его предметом сплетен и клеветы. Носились самые нелепые слухи о причинах развода его с женою. Уверяли, что он однажды покусился ее утопить в ньюстидском пруду.

Он старался разорять свои владения из ненависти к своим наследникам. Единственные собеседники его были старый слуга и ключница, занимавшая при нем и другое место. Сверх того дом был полон сверчками, которых лорд Вильгельм кормил и воспитывал. Несмотря на свою скупость, старый лорд [имел часто нужду в деньгах и доставал их способами, иногда весьма предосудительными]. [Но такой человек не мог об них и заботиться]. Таким образом продал он Рочдаль, родовое владение, безо всякого на то права (что знали и покупщики; но они надеялись выручить себе выгоды, прежде нежели наследники успеют уничтожить незаконную куплю).

Лорд Вильгельм никогда не входил в сношение с молодым своим наследником, которого звал не иначе, как *мальчик, что живет в Абердине*.

Первые годы, проведенные лордом Байроном в состоянии бедном не соответствовавшем его рождению, под надзором пылкой матери, столь же безрассудной в своих ласках, как и в порывах гнева, имели сильное продолжительное влияние на всю его жизнь. Уязвленное самолюбие, поминутно потрясенная чувствительность оставили в сердце его эту горечь, эту раздражительность, которые потом сделались главными признаками его характера.

Странности лорда Байрона — были частию врожденные, частию им заимствованные (adoptés). Мур справедливо замечает, что в характере Байрона ярко отразились и достоинства и пороки многих из его предков: с одной стороны смелая предприимчивость, великодушие, благородство чувств, с другой — необузданные страсти, причуды и дерзкое презрение к общему мнению. Сомнения нет, что память, оставленная за собою лордом Вильгельмом, сильно подействовала на воображение его наследника — многое перенял он у своего странного деда в его обычаях, и нельзя не согласиться в том, что Манфред и Лара напоминают уединенного ньюстидского барона.

Обстоятельство, повидимому, маловажное имело столь же сильное влияние на его душу. В самую минуту его рождения нога его была

повреждена — и Байрон остался хром на всю свою жизнь. Физический сей недостаток оскорблял его самолюбие. Ничто не могло сравниться с его бешенством, когда однажды мистрис Байрон выбранила его *хромым мальчишкою.* Он, будучи собою красавец, воображал себя уродом и дичился общества людей, мало ему знакомых, — опасаясь их насмешливого взгляда. Самый сей недостаток усиливал в нем желание отличиться во всех упражнениях, требующих силы физической и проворства.

⟨1835⟩

⟨Заметки при чтении „Нестора“ Шлецера⟩

Шлецер — введ. стр. 1.

Саги — стр. 7. О важности русск. слов⟨есности⟩.

Смотри чем начал Шлецер свои критические исследования! Он переписывал летописи слово в слово, буква в букву... стр IX *предуведомл.* А наши!

Разница между *Русьми* и византийским Ρῶς, ч. II глава 6. *Байер* отыскивает начало *Руси* стр. XXVII *предувед⟨омления⟩.*

XXXIV стр. *Мнение* Шлецера о *русск.* истории. NB статья Чедаева. *Далее*: Екатерина II *много* сделала для истории, но Академия *ничего.* Доказательство, как правительство у нас всегда впереди. XL думает, что книга его (Probe ⟨russischer Annalen⟩ etc.) забыта, по крайней мере в России.

⟨1836?⟩

⟨Замечания на „Песнь о Полку Игореве“⟩

⟨1⟩

Песнь о Полку Игореве найдена была в библиотеке графа А. Ив. М⟨уси на⟩-Пушкина и издана в 1800 году. Рукопись сгорела в 1812 году. Знатоки, видевшие ее, сказывают, что почерк ее был полуустав XV века. Первые издатели приложили к ней перевод, вообще удовлетворительный, хотя некоторые места остались темны или вовсе невразумительны. Многие после того силились их объяснить. Но, хотя в изысканиях такого рода последние бывают первыми (ибо ошибки и открытия предшественников открывают и очищают дорогу последователям), первый перевод, в котором участвовали люди истинно ученые, всё еще остается лучшим. Прочие толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными. Объяснениями важнейшими обязаны мы Карамзину, который в своей Истории мимоходом разрешил некоторые загадочные места.

Некоторые писатели усумнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии и возбудили жаркие возражения. Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока. Вальполь не вдался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха Rowley, Джонсон тотчас уличил Макферсона. Но ни Карамзин, ни Ермолаев, ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не сумневались в подлинности *Песни о Полку Игореве.* Великий скептик Шлецер, не видав еще *Слова о Полку Игореве,* резко назвал оное подлогом, но, прочитав, признал подлинно древнее произведение и не почел даже за нужное приводить тому доказательства: так очевидна казалась ему истина!

Другого доказательства нет, как слова самого песнотворца. Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта. Карамзин? Но Карамзин не поэт. Державин? Но Державин не знал и русского языка, не только языка *Песни о Полку Игореве.* Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколь находится оной в плане ее, в описании битвы и бегства. Кому пришло бы в голову взять в предмет песни темный поход неизвестного князя? Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других славянских наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления? Это предполагало бы знание *всех* наречий славянских. Положим, он ими бы и обладал, неужто таковая смесь естественна? Гомер, — если и существовал, искажен рапсодами.

Ломоносов жил не в XII столетии. Ломоносовские оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых им из Библии, которая лежала пред ним. Но в Ломоносове вы не найдете ни польских, ни сербских, ни иллирийских, ни болгарских, ни богемских, ни молдавских, ни других наречий славянских.

Слово о Плъку Игореве сына Святославля внука Ольгова

„Не лепо ли ны бяшет братие начати старыми словесы трудных повестий о плку Игореве, Игоря Святославлича. Начатися же тъй песни по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню“.

§ 1. Все, занимавшиеся толкованием *Слова о Полку Игореве,* перевели: Не прилично ли будет нам, не лучше ли нам, не пристойно ли бы нам, не славно ли, други, братья, братцы... воспеть древним складом, ста-

рым слогом, древним языком трудную, печальную песнь о Полку Игореве, Игоря Святославича. Но в древнем славянском языке частица *ли* не всегда дает смысл вопросительный, подобно латинскому ne; иногда *ли* значит *только*, иногда — *бы*, иногда — *же*; доныне в сербском языке сохраняет она сии знаменования. В русском частица *ли* есть или союз разделительный, или вопросительный, если управляет ею отрицательное *не*; в песнях не имеет она иногда никакого смысла и вставляется для меры так же, как и частицы: *и, что, а, как, уж, уж как (Замечание Тредьяковского)*.

В другом месте *Слова о Полку ли* поставлено также, но все переводчики решили, что это есть ошибка переписчика и перевели не вопросом, а утвердительно. То же надлежало бы сделать и здесь.

Во-первых, рассмотрим смысл речи: по мнению переводчиков, поэт говорит: Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же петь по былинам сего времени (то есть по-новому), а не по замышлению Боянову (т. е. не по-старому). Явное противуречие.* — Если же признаем, что частица *ли* смысла вопросительного не дает, то выйдет: Не прилично, братья, начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна.

Стихотворцы никогда не любили упрека в подражании, и неизвестный творец *Слова о Полку Игореве* не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна. Глагол *бяшет* подтверждает замечание мое: он употреблен в прошедшем времени (с неправильностию в склонении, коему примеры встречаются в летописях) и предполагает condition'альную частицу. Неприлично было *бы*. Вопрос же требовал бы настоящего или будущего.

„Боян бо вещий аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы".

§ 2. Не решу, упрекает ли здесь Бояна или хвалит, но, во всяком случае, поэт приводит сие место в пример того, каким образом слагали песни в старину. Здесь полагаю описку, или даже поправку, впрочем незначительную: растекашется мыслию по древу — тут пропущено слово *славием*, которое довершает уподобление; должно, думаю,

---

* Очень понимаем, почему А. С. Шишков не отступил от того же мнения. Сочинителю *Рассуждения о старом и новом слоге* было бы неприятно видеть, что и во время сочинителя *Слова о плку Игореве* предпочитали былины своего времени старым словесам.

читать, растекашется, *скача славием по мыслену древу;* тем более, что ниже сие выражение употреблено.*

§ 3. „Помняшет бо речь первых времен усобице".

Ни один из толкователей не перевел сего места удовлетворительно. Дело здесь идет о Бояне; всё это продолжение прежней мысли: Поминая предания о прежних бранях (усобица значит брань, ополчение, а не междуусобие, как перевели некоторые. Между-усобие есть уже слово составленное), напускал он и проч. „Помняшет бо речь первых времен усобице, тогда пущаше і соколов на стадо лебедей etc." 10 соколов, напущенные на стадо лебедей, значили 10 пальцев, возлагаемых на струны. Поэт изъясняет иносказательный язык Соловья старого времени и изъяснение столь же великолепно, как и блестящая аллегория, приведенная им в пример. А. С. Шишков сравнивает сие место с началом поэмы *Смерть Авеля.*** Толкование Александра Семеновича любопытно (том 7, стран. 43): И так, надлежит паче думать, что в древние времена соколиная охота служила не к одному увеселению, но також и к некоторому прославлению героев, или к решению спора, кому из них отдать преимущество. Может быть, отличившиеся в сражениях военачальники или князья, состязавшиеся в славе, выезжали на поле каждый с соколом своим и пускали их на стадо лебединое с тем, что чей сокол удалее и скорее долетит, тому прежде и приносить общее поздравление в одержании преимущества над прочими.

Г-н Пожарский с сим мнением не согласуется: ему кажется неприличным для русских князей *доказывать первенство свое, кровию приобретенное,* полетом соколов. Он полагает, что не князья, а стихотворцы напускали соколов, — а причина такого древнего обряда, думает он, была скромность стихотворцев, не хотевших выставлять себя перед товарищами. А. С. Шишков, в свою очередь, видит в мнении Я. Пожарского *крайнюю неосновательность* и несчастное *самолюбие* (том 11, страница 388). К крайнему нашему сожалению, г. Пожарский не возразил.

„Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря (здесь определяется эпоха, в которую написано *Слово о Полку Игореве*), иже истягнул ум крепостию". „Истягнул" — вытянул,

* *Примечание.* Г-н Вельтман перевел это место: *былое воспеть,* а не вымысел Бояна, *коего мысли текли в вышину, как соки по дереву.* Удивительно!

** Но что есть общего между манерной прозою г-на Геснера и поэзией Песни об Игоре.

натянул, изведал, испробовал. (*Пожарский*: опоясал; первые толкователи: напрягши ум крепостию своею.) Истягнул, как лук, изострил, как меч — метафоры, заимствованные из одного источника.

„Наплнився ратного духа, наведе своя храбрыя полки на землю Половецкую за землю Русскую. Тогда Игорь возре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь к дружине своей. Братие и дружино! луце ж бы потяту быти, неже полонену быти“. (Лучше — быть убиту, нежели полонену. В русском языке сохранилось одно слово, где *ли* после *не* не имеет силы вопросительной: *нежели*: Слово *неже* употреблялось во всех славянских наречиях и встречается и в *Слове о Полку Игореве:* луце ж etc.).

„А всядем, братие, на свои борзые комони да позрим синего Дону“.

Суеверие, полагавшее затмение солнечное бедственным знаменованием, было некогда общим.

„Спала князю ум похоти и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великого“.

Слова запутаны. Первые издатели перевели: Пришло князю на мысль пренебречь (худое) предвещание и изведать (счастия на) Дону великом. Заступить имеет несколько значений: омрачить, lumen impedio,* помешать, удержать. Пришлось князю, мысль похоти и горесть знамение ему омрачило, удержало. Спали князю в ум желание и печаль. Ему знамение мешало (запрещало) искусити Дону великого. „Хощу бо (так хочу же, сказал) рече копие преломити конец поля Половецкого ⟨с вами, Русици, хощу главу свою приложити⟩, а любо испити шеломом Дону“.

„О Бояне, соловью старого времени, а бы ты сиа плъки ущекотал, скача, славию, по мыслену древу, летая умом под облаками, сплетая хвалы на все стороны сего времени (если не ошибаюсь, ирония пробивается сквозь пышную хвалу), рища в тропу Трояню чрес поля на горы“. (Четыре раза ⟨упоминается в сей песни о *Трояне*... но кто сей *Троян*, догадаться ни по чему невозможно⟩, говорят первые издатели). *5 стр.*, изд. Шишкова. Прочие толкователи не последовали скромному примеру: они не хотели оставить без решения то, чего не понимали.

Чрез всю Бессарабию проходит ряд курганов, памятник римских укреплений, известный под названием *Троянова вала*. Вот куда обратились толкователи и утвердили, что неизвестный Троян, о коем 4 раза упоминает *Слово о Полку Игореве*, есть не кто иной, как римский импе-

* ⟨Заслоняю свет.⟩

ратор. Должно ли не шутя опровергать такое легкомысленное объяснение? Но и тропа Троянова может ли быть принята за Троянов вал, когда несколько ниже определяется (*стр. 14,* изд. Шишкова) „вступила Девою на землю Трояню, на синем море у Дону". Где же тут Бессарабия? „Следы Трояна <в Дакии, видимые по сие время, должны были быть известны потомкам дунайских славян">. (Вельтман.) Почему же?

„Пети было песнь Игореви, того Олга внуку". „Не буря соколы занесе чрез поля широкая"... Поэт повторяет опять выражения Бояновы — и, обращаясь к Бояну, вопрошает: „или, не так ли петь было, вещий Бояне, Велесов внуче?" („Комони ржут за Сулою; звенить слава в Кыеве; трубы трубят в Новеграде; стоять стязи в Путивле; Игорь ждет мила брата Всеволода".)

Теперь поэт говорит сам от себя не по вымыслу Бояню, по былинам сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описание стоит иносказаний соловья старого времени.

„И рече ему Буй-Тур Всеволод: один брат, один свет светлый, ты Игорю. Оба есве Святославичи; седлай, брате, свои борзыи комони — а мои ти готовы (готовы — значит здесь известны, значение сие сохранилось в иллирийском славянском наречии. Ниже мы увидим, что половцы бегут *неготовыми* (неизвестными) дорогами. Если же *неготовыми* значило бы *не мощенными*, то что же бы значило *готовые кони?*), оседланы у Курьска напереди".

„А мои ти куряни сведомы". (Сие повторение того же понятия другими выражениями подтверждает предыдущее мое показание. Это одна из древнейших форм поэзии. Смотри Священное Писание.)

Кмети под трубами повиты. Г. Вельтман etc. — Кметь значит вообще крестьянин, мужик, — Kar gospòda stori krivo, kméti mòrjo plàzhat shivo.

<1836?>

<2 Заметка к „Слову о Полку Игореве" в переложении А. Ф. Вельтмана>

Хочу копье преломити, а любо испити... Г. Сенковский с удивлением видит тут выражение рыцарское — нет; это значит просто [неудачу]: *или сломится копье мое, или напьюсь из Дону*. [Либо погибну, либо завоюю]. Тот же смысл, как и в пословице: либо пан, либо пропал.

<1836?>

Наброски статей для „Современника“

1. ⟨„Путешествие в Сибирь“ аббата Шапп д’Отроша и „Антидот“ Екатерины Второй⟩

В числе иностранцев, посетивших Россию в прошедшем столетии, Шапп д’Отрош заслуживает особенное внимание. Он был послан французскою Академиею Наук для наблюдения в Тобольске перехода Венеры по солнцу, долженствовавшего совершиться ⟨26⟩ мая 176⟨1⟩ года.— Аббат выехал из Петербурга ⟨10⟩ марта и ⟨10⟩ апреля прибыл в Тобольск, где и оставался до ⟨июля⟩.

В ⟨1768 году⟩ аббат напечатал свое путешествие, которое смелостью и легкомыслием сильно оскорбило Екатерину.— [Она сама решилась опровергнуть ложное] ⟨и⟩ неблагонамеренное и велела Миллеру и Болтину отвечать аббату.

⟨1836⟩

2. Путешествие В. Л. П.

Путешествие. ⟨N. N. в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия. В трех частях. Москва, тип. Платона Бекетова, 1808, in 16°⟩. Картинка ⟨на заглавном листе⟩ представляет ⟨В. Л. Пушкина, берущего урок декламации у Тальма⟩

Эта книжка никогда не была в продаже. Несколько экземпляров розданы были приятелям автора, от которого имел я счастие получить и свой (чуть ли не последний). Я храню его как памятник благосклонности, для меня драгоценной...

Путешествие есть веселая, незлобная шутка над одним из приятелей автора; покойный В. Л. П⟨ушкин⟩ отправлялся в Париж и его младенческий восторг подал повод к сочинению маленькой поэмы, в которой с удивительной точностью изображен весь В⟨асилий⟩ Л⟨ьвович⟩.— Это образец игривой легкости и шутки живой и [незлобной].

Есть люди, которые не признают иной поэзии, кроме страстной или выспренней. Есть люди, которые находят и Горация прозаическим (спокойным, умным, рассудительным? так ли?). Пусть так. Но жаль было бы, если б не существовали прелестные оды, которым подражал и наш Державин.

Для тех, которые любят Катулла, Грессета и Вольтера, для тех которые любят поэзию не только в ее лирических порывах или в дивном вдохновении элегии, не только в обширных созданиях драмы и эпопеи, но и [в младенческой] игривости шутки, и в забавах ума, вдохновенного веселостию * — — —

* ⟨Не дописано.⟩

Искренность драгоценна в поэте. Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души: и в печали, и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств — и в Ювенальском негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа...

Благоговею перед созданием *Фауста*, но люблю и эпиграммы etc.

Виноват: я бы отдал всё, что было писано у нас в подражание лорду Байрону, за следующие незадумчивые и невосторженные стихи, в которых поэт заставляет героя своего восклицать друзьям:

⟨Друзья! Сестрицы! я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!
Садитесь вы друг к другу ближе
Мой маленький журнал читать.⟩

3. ⟨Об „Истории поэзии“ С. П. Шевырева⟩

История поэзии явление утешительное, книга важная!

Россия по своему положению, географическому, политическому etc. есть судилище, приказ Европы. — Nous sommes les grands jugeurs. * Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, удивительны — примеры тому.

Критика литературная у нас ничтожна: почему? Потому, что в ней требуется не одного здравого смысла, но и любви к науке. — Взгляд на нашу критику — Мерзляков — Шишков — Дашков — etc.

Шевырев при самом вступлении своем обещает не следовать ни эмпирической системе французской критики ни отвлеченной философии немцев (стр. ⟨6 — 11⟩) — Он избирает способ изложения исторический — и поделом: таким образом придает он науке заманчивость рассказа. —

Критик приступает к истории западных словесностей —

В Италии видит он чувственность римскую, побежденную христианством — обретающую покровительство религии — воскресшую в художествах, покорившую своему роскошному влиянию строгий кафолицизм и снова овладевшую своей отчизною.

В Испании признает он те же начала — но встречает мавров, и видит в ней магометанское направление (?).

Оставляя роскошный юг, Шевырев переходит к северным народам, рабам нужды, пасынкам природы.

В туманной Англии видит он нужду, развивающую богатство — промышленность, труд, изучение — литературу без преданий etc., вещественность.

---

* ⟨Мы великие критики.⟩

В германских священных лесах открывает он уже то стремление к отвлеченности, к уединению, к феодальному разъединению, которые и доныне господствуют и в политическом составе Германии, и в системах ее мыслителей, и при дворах ее князьков, и на кафедрах ее профессоров.

Франция, *средоточие Европы,* представительница жизни общественной, жизни всё вместе эгоистической и народной — В ней наука и поэзия — не цели, а средства — Народ (der Herr Omnis *) властвует со всей отвратительной властию демокрации — В нем все признаки невежества — презрение к чужому, une marque pétulante et tranchante — etc.**

Девиз России: Suum cuique. ***

⟨1836⟩

⟨Перечень статей, намеченных для „Современника“⟩****

Поход 1711 +
St. Kaz. +
Путешествие В. Л. ⟨Пушкина⟩ (Дмитриева).
Календарь ⟨на 1721 год⟩ +
Путешествие Радищева +
Собрание Русских песен.
Тредьяковский.
О Пугачеве +
Сказки.
Р⟨усские⟩ шутки.
О Ваньке Каине.
L'Abbé Chappe.
Antidote.
О легчайшем способе ⟨возражать на критики⟩ Дашкова.
О пословицах.
О Histoires tragiques.
Aventuriers etc.
О Библиотеке Новикова.
О Путешествии Арт. Ар.
О M⟨émoires de⟩ S⟨anson⟩.
Опыты библиографические.

⟨1836⟩

---

* ⟨Господин Всякий⟩

** ⟨Яркий решающий признак.⟩

*** ⟨Каждому — свое.⟩

**** ⟨Одни из этих статей (вероятно, отмеченные крестиком) были готовы, другие начаты, третьи только задуманы.⟩

⟨Материалы для истории Петра Великого⟩

⟨1.⟩ Очерк введения.

Введение — Россия извне.
Россия внутри.
Подати.
Торговля.
Военная сила.
Дворянство.
Народы.
Законы.
Просвещение.
Дух времени.

§ 1

Россия, долго терзаемая междуусобиями и притесняемая хищными соседями, отдыхала под управлением Романовых. Мих. Феод. заключил etc., Алекс. Мих. приказал etc., Федор пекся о подтверждении успехов и о внутреннем улучшении etc.

Отношения России 1) к Швеции и Польше.
" " 2) " Турции.
" " 3) " прочей Европе.

1) Склонна к Польше, уже обессиленной, неприязнена к Швеции, усиливающейся час от часу.

2) Смотрит осторожно на Турцию, опасается влияния оной на Запорожье и Украину. —

3) Прочей Европе начинает быть известна, а для Австрии нужна, как достойная соперница Турции.

§ 2

Россия разделена на воеводства, управляемые боярами.
Бояре беспечные.
Их дьяки алчные.
Народ taillable à merci etc. misericorde.
Правосудие отдаленное, в руках дьяков.
Подати многотяжкие и неопределенные.
Беспорядок в сборе оных.

Пошлины и таможни внутренние:

a) притеснения,

b) воровство.

Внешняя торговля:

a) архангельская в младенчестве,

b) персидская,

c) Волга.

Военная сила начинала получать регулярное образование.

Стрельцы, казаки, образ войны и вооружения.

Законы, более обычаи, нежели законы — неопределенны, судьи безграмотны, дьяки плуты.

Нравы дикие, свирепые etc.

Просвещение развивается со времен Бориса; правительство впереди народа; любит иноземцев и печется о науках. Духовенство. Его критический дух.

<1835—1836>

<2. Заметки при чтении Введения к „Деяниям Петра Великого" Голикова>

Голиков. Введение. Philipp Johann von Stralenbergs nord und östlicher Theil von Europa und Asien. Stokholm. 1730.

Штраленберг говорит о двух сторонах существующих в России, за и против Петра I. Оппозиция негодует:

1) на возведение на высшие степени людей из низшего звания, без различия с дворянами;

2) что государь окружил себя молодыми людьми, также без разбору;

3) что дозволяет им осмеивать бояр, наблюдающих старые обычаи;

4) что офицеров, выслужившихся из солдат, допускает к своему столу и с ними *фамильярно* обходится (в том числе Лефорт);

5) что сыновей боярских посылает в чужие края для обучения художествам, ремеслам и наукам, недостойным дворянского звания;

6) что записывает их в солдаты и употребляет во всякие работы;

7) что дал князю Ромадановскому власть неограниченную.

Всё сие бояре почитали истреблением знатных родов, унижением дворянства и безнравственностию. Прочие причины негодования суть:

1) Истребление стрельцов.

2) Учреждение тайной канцелярии.

3) Данное холопьям дозволение доносить на господ, укрывающихся от службы, и описывание их имения в пользу доносителей.

4) Новые разорительные подати.

5) Построение С.-Петербурга, чищение рек и строение каналов.

6) Военные суды, жестокость и невежество судей.

7) Отменение в определениях и приговорах изречения: „государь указал, а бояре приговорили“. Следствием сей меры было, говорит Штр., то, что никто не смел государю говорить правды.

8) Славление Христа о святках государя и первых бояр, ругательство веры, училище пьянства.

9) Принуждение, чинимое купцам, товары привозить в П. Б. и торговые казенные караваны в Пекин — разорительные для торговли.

10) Перемену русского платья, бритье бород, немецкие обычаи, иностранцы — причины мятежей и кровопролития.

11) Суд над царевичем.

Густав Ваза, узнав, что королева Елисавета прислала ц. Ивану Васильевичу пушки в подарок, жаловался ей на то. На большом сейме в Любеке 1563 году определено не впускать в Россию корабельных мастеров, что им и было исполнено, когда до 300 художников и мастеров прибыли было в Любек морем. Герберштейн был того же мнения.

Особы, доставившие важнейшие сведения Голикову, были: д. т. сов., сенатор и кав. Ив. Ив. Неплюев, адмиралы Алексей Ив. Нагаев, Сем. Ив. Мордвинов, Ив. Лукьянович Талызин, комиссар Крекшин, и московские купцы Сериков, Евреинов, Полупрославцев и Ситников, и олонецкий куп. Барсуков. Незнамые Голикову люди, на которых он, однако, ссылается, суть: превосходительные господа *граф* Андр. Ив. Ушаков, Фед. Ив. Соймонов, барон Ив. Ант. Черкасов и Абр. Петр. Ганнибал.

Князь Ромадановский был истинный бич горделивости боярской.

Святки праздновались до 7 января. Петр одевал знатнейших бояр в старинное платье и возил их по разным домам *под разными именами (?)*. Их потчивали по обычаю вином и водкою и принуждали пьянствовать, а молодые любимцы приговаривали: „пейте, пейте, — старые обычаи лучше ведь новых“.

„И как поехал от вас, не знаю; понеже зело удоволен был Бахусовым даром. Того для — всех прошу, если кому нанес досаду, прощения, а паче от тех, которые при прощании были, да не напамятуют всяк сей случай и проч.“ *(Письмо Петра к гр. Апраксину)*.

За посылание молодых людей в чужие края старики роптали, что государь отдалял их от православия, научал их басурманскому еретичеству. Жены молодых людей, отправленных *за море,* надели траур (синее платье). *(Фамильное предание).*

Народ почитал Петра Антихристом.

Подати при Петре:

1) Пошлины со всяких товаров, с дров, сена, всякого хлеба и других съестных припасов, *со всего* продаваемого в городах на ярманках и торжках, во владельческих и монастырских селах и деревнях, с весов и мер, с мельниц, мостов и перевозов, с рыбных ловель, с ульев и меду, с пустошей, с лавок и шалашей, с бань торговых и домашних, с варения пив и других питьев, с извозчиков, с найму работников, с постоялых дворов, с лошадей и с пригоняемого в Москву скота на продажу, с трески — рыбы (ловимой в Кольском уезде) и проч.

2) Пошлина со всяких крепостей, с явки (заявление) духовных и отпускных, с подачи челобитен исковых и явочных, с записки и *печатания* (печати) контрактов договоров, писем (заемных) и всяких сделок, с венечных памятей, свадеб иноверческих и со вновь введенной герб. бумаги.

3) Сбор денег на содерж. войска с тех, кои прежде обязаны были служить, с жалованных поместий, и сбор с губерний на флот и армию.

4) *Подушная* (перепись генеральная государству) по 80 коп., потом по 70, с однодворцев и купцов по 1 р. 20 коп. Иностранцы, торгующие в Сибири, сравнены в оброке с русскими.

5) Сбор для Ладожского канала.

6) Сбор *временный* с хлебопашцев по 1 четверику с двора, а *единожды* с души (на магазины).

7) Сбор на один год со всех получающих жалование, от фельдмаршала до солдата и от министра до подьячего — также и с духовных, состоящих на жаловании (кроме иностранцев, служащих по контрактам и без контракта).

Примеч. Голикова:

Большая часть сих податей уже существовала, иные взимались не для государя — четверть хлеба была от 25 до 30 коп.

С венечной памяти взымалось по 25 коп.

Рыбий клей и икра, соболи, ревень, поташ, смольчуг и табак были казенной монополией.

Первыми пользовалось духовенство.

Соболями — сибирское начальство, чиновники и купцы (продавались в сибирском приказе).

Поташ и смольчуг были губительны для лесов.

Доходы питейные, соленые и таможенные издревле принадлежали казне. — Петр пресек корчемство, воровство в сольных промыслах, поташный провоз etc. Он умножил доходы отпуском в Европу, в Персию и Китай — казенных товаров.

Петр заключает мир со Швецией, не сделав ни копейки долгу, платит Швеции 2 000 000 р., прощает государственные долги и недоимки, и персидскую войну оканчивает без новых налогов (с пошлиной на получающих жалование). По смерти своей оставляет до 7 000 000 р. сбереженной суммы.

Годовой расход его двора не превосходил 60 000.

Петр I когда призывал купца Мейера в сенат, то всегда приказывал ставить для него стул.

Петр замышлял о соединении Черного моря с Каспийским — и предпринял уже ту работу.

Отпуск в Пекин казенных караванов принес пользу русским купцам, ибо китайцы дешевле покупали товары на нашей границе, чем в Пекине от комиссаров казенных. Купцы наши с тех пор сами стали ездить в Пекин.

Петр, получив от Апраксина *слишком учтивое письмо* (пишет Голиков), ответил, что он сомневается, к нему ли оно писано; *ибо оно с зельными чинами, чего-де я не люблю, и ты знаешь, как к компании своей писать.* В другом письме запрещает он ему слово *величество.*

В *Деяниях Стоглавого собора* (при царе Ив. Вас. в 7059 г.) между прочим: „Творящие брадобритие ненавидимы от бога, создавшего нас по образу своему“. Далее *правило св. апостолов*: „Аще кто браду бреет и преставится тихо, недостоит над ним пети, ни просфоры, ни свещи по нем в церковь приносити, с неверными да причтется“ etc. (*Обличение неправды раскольничьей* 1745 г.)

Царевич Алексей Петрович родился 1690 г. февр. 29. До 699 находился он при матери своей царице Евдокии Федоровне, когда была

она заключена в Суздальский монастырь. Суеверные мамы и приставники ожесточили его противу отца, а духовные особы, при обучении его православию, встретили в нем ненависть к нововведениям. При чтении священных книг останавливали его при некоторых текстах, выводя разные из оных политические заключения. Петр до самого того времени не имел времени им заняться. По истреблении же стрельцов и заключении царицы, обратил он на него свое внимание и приставил к нему двух господ Нарышкиных, ошибочно полагая их к себе приверженными. В 1701 году Петр назначил Меншикова обер-гофмейстером к царевичу, а гофмейстером министра своего, ст. и воен. сов. фон Гизена (или Гуйсена). Сей Гизен написал историю Петра I-го, но не кончил оной. Петр дал ему письменную инструкцию (от 3 апр. 1703 г.), чему должен он обучать царевича; между тем ожесточенный отрок выучился только притворствовать. Потом Петр произвел его сержантом гвардии, брал его с собою в походы. В разных сражениях, при взятии Ноттенбурга, Шлиссельбурга, Копорья, Ямбурга и Нарвы, царевич находился при нем, но в безопасности. Он сопровождал отца во время его путешествий в Польшу, в Архангельск etc. Петр употреблял его и в государственных делах, а перед турецким походом поручил ему и главное правление.

Государь после казни ростовского архиерея Досифея отправился в П. Б. Занялся учреждением коллегий, определил в сенат генерал- и обер-прокуроров, издал указ о строении домов, печей, труб и кровель, безденежно роздал П. Б. жителям парусные и гребные суда и установил по праздничным и *повсенедельным* дням *экзерсиции* на воде. По вскрытии Невы занялся он еще более флотом и корабельными работами, беспрестанно разъезжал из П. Б. в Кронштадт и обратно. — Все полагали, что дело царевича кончено и предано забвению. Вдруг оно возобновилось. *Пойманы были* письма, и у некоторых найдены в платьях, и Петр велел снова начать следствие.

Петр простил многих знатных преступников, пригласил их к своему столу и пушечной пальбою праздновал с ними свое примирение (Ломоносов).

Петр звал к себе Лейбница и Вольфа, первому пожаловал почетный титул и пенсию. Лейбниц уговорил славного законоведца и математика Голдбиха Христиана приехать в Россию.

Иеромонах Симеон Полоцкий и иеромонах же Димитрий (впоследствии св. ростовский митрополит) занимались при дворе Алексия Ми-

хайловича астрологическими наблюдениями и предсказаниями. Первый из них прорек за 9 месяцев до рождения Петра славные его деяния и письменно утвердил, что „по явившейся близ Марса пресветлой звезде он ясно видел и как бы в книге читал, что зачендшийся в утробе царицы Наталии Кирилловны сын его (царя) назовется Петром, что наследует престол его и будет таким героем, что в славе с ним никто из современников сравниться не может“ и проч.

Сохранилась при Академии наук и имп. библиотеке переписка двух ученых; один, бывший тогда в Москве посланником соединенных Нидерландских генеральных штатов, Николай Гензиус пишет в Утрехт Иоанну Георгию Гревиусу от 1 июня 1672 о рождении царевича и о предречениях. Гревиус от 9 апр. 1673 отвечает следующим письмом... (том I, введение, стр. 135). В самый день рождения Петра Людовик XIV перешел через Рейн, а турецкий султан через Днестр, и первый завоевал 4 провинции соедин. Нидерландов, а второй Подолию и Каменец.

Астроном Лексель, член П. Б. Акад. наук, исследовал, было ли во время рождения Петра или за 9 мес. до оного какое-нибудь небесное необыкновенное явление; „пресветлой звезды близ Марса (правда) не оказалось, но прочее планет течение было весьма благополучным предзнаменованием“.

При императрице Анне Иоанновне академик Крафт был должностным ее астрологом. Сохранилось в календаре 1730 года его предсказание о вскрытии Невы 9-го апреля (что и сбылось).

〈1835〉

〈3. Выписки и конспекты〉 〈1672—1689〉

Петр родился в Москве в 7180 году мая 30-го (1672).

Рождение царевича праздновали трехдневным торжеством при колокольном звоне и пушечной пальбе. Царь, в знак своей радости, даровал прощение осужденным на смерть, возвратил из ссылки преступников, роздал богатую милостыню, простил народу долги и недоимки, искупил невольников, заключенных за долги.

Царевич был окрещен июня 29, в субботу, на праздник верховных апостолов Петра и Павла, в Чудовом монастыре, от патриарха Иоакима. Восприемниками были брат его царевич Феодор Алексеевич и тетка его царевна Ирина Михайловна. Рассказывают, будто бы на третьем году его возраста, когда, в день именин его, между прочими подарками, один купец подал ему детскую саблю, Петр так ей обрадовался, что, оставя все прочие подарки, с нею не хотел даже расставаться ни днем, ни ночью. К купцу же пошел на руки, поцеловал его в голову, и сказал, что его не забудет. Царь пожаловал купца гостем, а Петра, при прочтении молитвы духовником, сам тою саблею опоясал. При сем случае были заведены *потешные*. Перед своею кончиною

царь назначил приставниками к царевичу боярина Кириллу Полуехтовича Нарышкина и при нем окольничих кн. Петра Ивановича Прозоровского, Федора Алексеевича Головина и Гаврила Ивановича Головкина. Царь Алексей Михайлович скончался 30 января 1676 года, оставя Петра трех лет и осьми месяцев.

Царь Феодор Алексеевич оставил при вдовствующей царице весь ее штат. В 1677 г. она имела при себе 102 стольников. Потешные, большею частию, были дети их. Петр начал учиться грамоте 12-го марта 1677 года, по благословению святейшего патриарха. Учителем его был челобитного приказа дьяк Никита Моисеевич Зотов, бывший знакомый боярину Ф. Соковнину, который и привел его во дворец ко вдовствующей царице. Зотов по утрам обучал царевича грамоте и закону, а после обеда рассказывал ему российскую историю. Покои дворца были расписаны картинами, изображавшими главные черты из истории, главные европейские города, здания, корабли и проч. Иноземцы приставленные также к царевичу, Лефорт и Тиммерман, учили его геометрии и фортификации.

Милославские, во время царствования Феодора, утесняли Нарышкиных; из них ни один не был произведен в большие чины. Дед царевича, Кирилл Полуехтович, определенный Алексеем Михайловичем главным судиею в приказе Большого Дворца, был отставлен.

Боярин Иван Максимович Языков предложил однажды вдовствующей царице, под предлогом тесноты, перебраться в другой дворец, отдаленный от царского дворца. Царица не захотела, и подослала Петра с своим учителем к царю Феодору. Петр поцеловал его руку и пожаловался на Языкова, сравнивая себя с царевичем Димитрием, а боярина с Годуновым. Царь извинился перед Натальей Кирилловной и отдал ей Языкова головою. Языков был на время отдален.

Царица жила обыкновенно в Потешном дворце царя Алексея Михайловича, отчего и Петр его предпочитал.

15 августа 1680 г. Зотов был от него удален по *наветам.* Он был послан с полковником стрелецким, стольником Василием Тяпкиным, в Крым, для заключения мирного договора на 20 лет, что и случилось 15 января 1681 года. Зотов воротился 8 июня. Неизвестно, продолжал ли он учить царевича.

Страленберг и „Рукопись о зачатии“ повествует, что царица, едучи однажды весною в один монастырь, при переправе через разлившийся ручей, испугалась и криками своими разбудила Петра, спавшего у ней на руках. Петр до четырнадцати лет боялся воды. Князь Борис Алексеевич Голицын, его обер-гофмейстер, излечил его. Миллер тому не верит.

Когда слабому здравием Федору советывали вступить во второй брак, тогда ответствовал он: „Отец мой имел намерение нарещи на престол брата моего, царевича Петра; то же сделать намерен и я“. Сказывают, что Феодор то же говорил и Языкову, который ему сперва противоречил и наконец отвратил разговор в другую сторону, и уговорил его на второй брак. В самом деле, 1682 года февраля 16, Феодор женился на Марфе Матвеевне Апраксиной, но в тот же год апреля 27 скончался, наименовав Петра в преемники престола (в чем не согласен Миллер. См. Оп. Тр. Ак. Ч. V, стр. 120). Царевичу Иоанну было шестнадцать лет, а Петру десять лет.

О избрании см. Оп. Тр. Ак. Ч. V, стр. 123.

Все государственные чины собрались перед дворцом. Патриарх с духовенством предложил избрание, и стольники, и стряпчие, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне, и дети боярские, и гости, и гостиной и черных сотен и иных имен люди единогласно избрали царем Петра.

Патриарх говорил потом боярам и окольничим, и думным, и ближним людям, и они были того же мнения.

Петр избран был 10 мая 1682 года, и в тот же день ему присягнули; царица Наталья Кирилловна наречена была правительницею, но чрез три недели всё рушилось. Боярин Милославский и царевна София произвели возмущение. План их был:

1) Истребить приверженцев Петра.

2) Возвести царем Иоанна.

3) Царя Петра лишить престола. (?)

Сумароков и князь Хилков утверждают, что Милославский удержал стрельцов от присяги, — Голиков, дабы согласить их с летописью, говорит: многих стрельцов.

Главные сообщники Милославского были племянник его Александр, Щегловитой, Цыклер, Иван и Петр Толстые, Озеров, Санбулов и главные из стрелецких начальников: Петров, Чермнов, Озеров и проч. Сумароков в числе приверженцев Софии именует и Иоакима.

Санбулов начал возмущение. Он закричал в толпе стрельцов, что бояре отняли престол у законного царя и отдали его меньшому брату, слабому отроку. Александр Милославский и Петр Толстой рассеяли слухи что Иоанн уже убит, и роздали стрельцам письменный список мнимым убийцам, приверженцам царицы Натальи Кирилловны.

Мая 15. Стрельцы, отпев в Знаменском монастыре молебен с водосвятием, берут чашу святой воды и образ б. матери, предшествуемые попами, при колокольном звоне и барабанном бое, вторгаются в Кремль.

Деда Петра, Кирилла Полуехтовича, принудили постричься, а сына его Ивана при его глазах изрубили.

Убиты в сей день братья Натальи Кирилловны, Иван и Афанасий, князья Михайло Алегумович Черкасской, Долгорукие Юрий Алексеевич и сын его Михайло, Ромодановские Григорий и Андрей Григорьевичи, боярин Артемон Сергеевич Матвеев, Салтыковы — боярин Петр Михайлович и сын его стольник Феодор, Иван Максимович Языков (?), стольник Василий Иванов, думные люди Иван и Аверкий Кирилловы, Иларион Иванов с сыном, подполковники: Горюшкин, Юренев, Данилов и Янов; медики Ф. Гаден и Гутменш. Стрельцы, разбив Холопий приказ, разорвали крепости и провозгласили свободу господским людям. — Но дворовые к ним не пристали.

Мая 18. Стрельцы вручили царевне Софии правление, потом возвели в соцарствие Петру брата его Иоанна. 25 мая царевна-правительница короновала обоих братьев. София уже через два года приняла титло самодержицы-царевны (иногда и царицы), называя себя во всех делах после обоих царей. Др. Вивл. Ч. VII, стр. 400.

Стрельцы получили денежные награждения, право иметь выборных, имеющих свободный въезд к великим государям, позволение воздвигнуть памятник на Красной площади, похвальные грамоты за государственными печатьми, переименование из стрельцов в надворную пехоту. Выборные несли сии грамоты на голове до своих съезжих изб, и полки встретили их с колокольным звоном, барабанным боем и с восхищением. Сухарев полк один не принял участия в бунте.

Царевна поручила стрелецкий приказ боярам князьям Хованским — Ивану Андреевичу и сыну его Феодору, любящим стрельцов и тайным раскольникам аввакумовской и никитской ереси.

Вскоре после того (?) стрельцы под предводительством расстриги попа Никиты производят новый мятеж, вторгаются в соборную церковь во время служения, изгоняют патриарха и духовенство — которое скрывается в Грановитую палату. Старый Хованский представляет патриарху и царям требования мятежников о словопрении с Ники-

той. Стрельцы входят с аналоем и свечами и с каменьями за пазухой, подают царям челобитную. Начинается словопрение. Патриарх и холмогорский архиепископ Афанасий (бывший некогда раскольником) вступают в феологический спор. Настает шум, летят каменья (сказка о Петре, будто бы усмирившем смятение). Бояре при помощи стрельцов не-раскольников изгоняют наконец бешеных феологов. Никита и главные мятежники схвачены и казнены 6-го июня. Царица Наталья Кирилловна, по свидетельству венецианского историка, удалилась с обоими царями в Троицкий монастырь. — После того Петр удалился в село Преображенское и там умножает число потешных (вероятно без разбору: отселе товарищество его с людьми низкого происхождения). Старый Хованский угождал всячески стрельцам. Он роздал им имение побитых бояр. Принимал от них жалобы и доносы на мнимые взятки и удержание *поможных денег.* Хованские взыскивали, не приемля оправданий и не слушая ответчиков.

София возвела любимца своего князя Голицына на степень великого канцлера. Он заключил с Карлом XI (1683) мир на тех же условиях, на коих был он заключен двадцать лет прежде. Россия была в миру со всеми державами, кроме Китая, с которым были неважные ссоры за город Албазин при реке Амуре.

Бояре, приверженные к Петру, назначили ему в обер-гофмейстеры князя Бориса Алексеевича Голицына. Он овладел доверенностию молодого царя и делал перевес на его сторону. Многие бояре, а особливо дети их перешли на сторону Петра.

Царевна в сие время женила брата своего Иоанна на Прасковье Федоровне Салтыковой (1684 года января 9). Петру I, бывшему по двенадцатому году, дана была полная свобода. Он подружился с иностранцами. Женевец Лефорт (23 (?) годами старше его) научил его гол. (?) языку. Он одел роту Потешную по-немецки. Петр был в ней барабанщиком и за отличие произведен в сержанты. Так начался важный переворот, впоследствии им совершенный: истребление дворянства и введение чинов. В сие время князь Василий Голицын, бывший главным в комиссии о разобрании дворянских родов и о составлении родословной книги, думал возобновить местничество, уничтоженное царем Феодором в 1681 году. Комиссия была учреждена под начальством боярина князя Владимира Дмитриевича Долгорукова и окольничего Чаадаева.

Бояре с неудовольствием смотрели на потехи Петра и предвидели нововведения. По их наущению сама царица и патриарх увещевали молодого царя оставить упражнения, неприличные сану его. Петр отвечал с досадою, что во всей Европе царские дети так воспитаны, что и так много времени тратит он в пустых забавах, в которых ему однако ж никто не мешает, и что оставить свои занятия он не намерен. Бояре хотели внушить ему любовь к другим забавам и пригласили его на охоту. Петр, сам ли от себя или по совету своих любимцев, но вздумал пошутить над ними: он притворно согласился; назначил охоту, но, приехав, объявил, что с холопями тешиться не намерен, а хочет, чтоб господа одни участвовали в царском увеселении. Псари отъехали, отдав псов в распоряжение господ, которые не сумели с ними справиться. Произошло расстройство. Собаки пугали лошадей; лошади несли, седоки падали, собаки тянули снуры, надетые на руки неопытных охотников. Петр был чрезвычайно доволен — и на другой день, когда на приглашение его ехать на соколиную охоту господа отказались, он сказал им: „знайте, что царю подобает быть воином, а охота есть занятие холопское“.

В день преполовения (того ж 1684 г.) оба царя были на крестном ходу по городской стене и потом обедали у патриарха. Петр расспрашивал патриарха об установлении сего хода и о других церковных обрядах. После обеда приехал он с боярами на Пушечный двор и повелел бомбами и ядрами стрелять в цель. Он сам, несмотря на

представления бояр, запалил пушку — и, узнав, что поручик Франц Тиммерман хорошо знает науку артиллерийскую, повелел его к себе прислать и уехал в Преображенское.

На другой день Тиммерман был ему представлен. Петр взял его к себе в учителя — велел отвести ему комнату подле своей, и с той поры по несколько часов в день обучался геометрии и фортификации. Он в рощах Преображенского, на берегу Яузы, повелел выстроить правильную маленькую крепость, сам работал, помогал Тиммерману расставлять пушки и назвал крепость Пресбургом. Он сам ее атаковал и взял приступом. Потом в присутствии бояр сделал ученье стрелецкому Тарбееву полку. Он осуждал многое в артикуле царя Алексея Михайловича (см. т. I, стр. 179). В доказательство он одному капральству велел выстроиться и сам скомандовал по-своему. С той поры старый артикул был им отменен и новый введен в употребление. (Крекшин.)

Миллер относит учреждение Потешного войска к 1687 году, потому что в Разрядных книгах продолжительное пребывание царя в Преображенском начинается с того году. Но наборы начались уже в 84. Записные книги доказывают, что в 87 увеличилось число Потешных, ибо царь уже начал набирать из придворных и конюшенных служителей, и вскоре их прибавилось так много, что уже должно было часть оных поселить в селе Семеновском. Отселе *Сем⟨еновцы⟩* и *Преобр⟨аженцы⟩*. Петр из Бутырского полка взял пятнадцать барабанщиков (в 1687 г.). Лефорт (в том же году) произведен в полковники. Учреждена конница. Оп. Тр. Ч. IV, „*О начале гвардии*". Петр, находясь однажды на Сокольничьем дворе, узнал, что всех охотников до трехсот человек. С согласия брата, взял из них молодых в потешные.

———

1684 г. мая 14-го. Посольство от цесаря Леопольда.

Целью оного было склонить Россию на войну с Турцией. Отвечали, что заключенного царем Феодором двадцатилетнего мира нельзя нарушить, и что Россия ничего не может предпринять, пока Польша не отречется от своих притязаний на Смоленск, Киев и всю Украйну и не заключит вечного мира.

1684 г. июня 1-го и 2-го Петр осматривал патриаршую библиотеку. Нашед оную в большом беспорядке, он прогневался на патриарха и вышел от него, не сказав ему ни слова.

Патриарх прибегнул к посредничеству царя Иоанна. Петр повелел библиотеку привести в порядок и отдал ее, сделав ей опись, на хранение Зотову, за царской печатью.

———

Стрельцы между тем продолжали своевольничать. Они самовольно схватили стольника Аф. Барсукова и солдатского полковника Мат. Кравкова, мучили их на правеже за мнимые долги, и домы их разорили. Своего заслуженного полковника Янова, негодуя на его строгость, они с похода вытребовали в Москву и казнили. У Хованских с Милославским завязалась ссора. Милославский принужден был скрываться по своим деревням и оттоле посылать царям и правительнице доносы на Хованских, обвиняя их в потворстве стрельцам, у коих, говорил он, готовится новый бунт против обоих царей, патриарха и ближних бояр. Он доносит, что Ф. Хованский, хвастая своею породою, происшедшей от королей польских Ягеллов, похваляется браком сочетаться с царевною Екатериной Алексеевной. Правительница поверила Милославскому. Государи укрылись в с. Коломенское. 1685 г. марта 2 найдено прибитое к дворцовым дверям письмо, в коем

объявлено было намерение Хованских истребить весь царский дом и овладеть государством. Государи уехали в Саввин монастырь — послали оттуда грамоту в Москву и во все города, повелевая войскам и пахотным людям (и всякого звания) быть как можно скорее в село Воздвиженское, куда они и отправились. Всё сие сделано было в величайшей тайне. Хованскому послана была особая похвальная грамота, в коей повелевалось ему и сыну немедленно для нужных советов отправиться к государям (куда?). Феофан говорит, что Хованский не хотел прежде сего отлучиться от стрельцов, подозревая недоброжелательство двора. 17 сентября (в день св. Софии) боярин кн. Мих. Иван. Лыков схватил старого Хованского на дороге в селе Пушкине и сына его на реке Клязьме в его отчине — и привел обоих в оковах в село Воздвиженское, где, прочтя им указ, без всякого следствия, им и стрельцам Одинцову с товарищами отрубили головы.

Между тем оба царя прибыли в Троицкий монастырь. Туда собралось и множество войск изо всех городов (иные говорят до 30, а другие до 100 000). Дан указ боярину кн. Петру Семеновичу Урусову идти с замосковскими городовыми дворянами в Переяславль-Залесский. Бояр. Алексею Сем. Шеину с коломенс., рязанск., путивл. и каширскими дворянами — в Коломну. Бояр. князю Влад. Дмит. Долгорукову с серпухов., алексинск., тарусск., одоевск. и калужск. — в Серпухов; а новгородскому дворянству послана похвальная грамота.

Сын Хованского, комнатный стольник царя Петра, прибежал в Москву и объявил стрельцам о казнях Воздвиженских; стрельцы взбунтовались. Они овладели царскою пушечною, ружейной и пороховой казною, укрепились в Москве, расставили всюду караулы и никого не стали пускать ни в город, ни вон из города. Они громко грозились пойти к Тр. Известясь о том, двор укрепился в монастыре. В сие самое время, пишут летописцы, дана Петру отрава, от которой страдал он целую жизнь. Царевна не знала, что делать. По совету Голицына, она думала употребить противу стрельцов поселенный в особой слободе (при царе Алексее Михайловиче) Иностранный полк и послала офицеров оного в монастырь для получения о том указа от государей.

18 сентября из Троицы прибыл к патриарху стольник Зиновьев с грамотою о винах и казнях Хованских. Стрельцы потребовали, чтоб грамота была им прочтена, и чуть было не убили Зиновьева — крича: пойдем к Троице и всех побьем. Услышав, однако, что государи повелевают забрать и других князей Хованских, именно: двух Петров и Ивана, да спальников Феодора и Ивана, дабы, сняв с них боярство и дворянство, сослать — пришли в робость. И боярин Михайло Петр Головин, прибывший из Тр. для принятия Москвы в свое ведение, — успел их укротить. Патриарх, по просьбе их, за них заступился. Им прислано было повеление выдать зачинщиков бунта. Они их перехватали, и сверх того отрядили из всех полков для того на казнь. Выборные шли, двое неся плаху, а третий топор. Милославский остановил следствие и суд. Государи простили виновников. Хованского привели в монастырь. Он сослан был в Сибирь, и 30 человек казнены.

Началась реакция. Головин собрал проданные стрельцами пожитки бояр, убитых в первом бунте, и возвратил их наследникам.

Государи наградили войско и чиновников за их верность и усердие.

Перед выездом повелено всем кроме стрельцов, быть вооруженными. Государи остановились в селе Алексеевском. Стрельцы прибегнули опять к патриарху, и он с выборными приехал умолять государей. Выборные просили позволение столб сломать и жалованные грамоты возвратить.

Тогда двор поднялся в Москву. От самого села до Москвы стрельцы стояли по обеим сторонам дороги, падая ниц перед государями. Иоанн оказывал тупое равнодушие; Петр быстро смотрел во все стороны, оказывая живое любопытство. У самой Москвы стрелецкие начальники поднесли государям хлеб-соль и отдали пожалованные грамоты.

Петр уехал в Преображенское.

София же повелела Голицыну произвести новое следствие. Несколько их были казнены. Четыре полка посланы служить на границах. Приближенным своим (не из знатных) роздала места. Стрелецкий приказ поручила в ведение Щегловитому; а молодого князя Голицына, двоюродного брата любимца, пожаловала главным судьей Казанского дворца.

Китайский император Кан-Хий прислал государю грамоту с мирными предложениями. Назначен посольский съезд, и главным выбран окольничий Феодор Алексеевич Головин. (Ежемес. Соч. 1757 г. Ч. II — 206.)

Во Францию отправлен посланник, стольник Семен Алмазов, с дьяком Дмитриевым. Датскому резиденту дозволено купить и вывезти из России хлеба 100 000 четвертей.

В 1686 г. австрийский император, не успев заключить союз с Россией, обратился к Собесскому, который в 1676 г. принужден был уступить Каменец и заключить с Портою невыгодный мир. Негоциации сии имели успех и были весьма выгодны для России, ибо 26 апреля 1686 г. Польша утвердила вечно за Россией Смоленск, Киев, Новгород-Северский и всю по сей стороне Днепра лежащую Украйну.

По словам же „Поденной записки“: *Смол., Киев и Северск. Мал. Рос. областей 57 городов по Черный лес и по Черное море.*

Россией заплачено Польше 1 500 000 польских злотых (или 187 500 рублей) и заключен в пользу Австрии оборонительный и наступательный союз. Россия обязалась также чрез посольство предложить о вступлении в сей же союз Англии, Франции, Испании, Голландии и Дании.

Мир сей утвержден присягою в *Ответной* (Посольской палате). После того послы и бояре вошли в Грановитую палату, где сидели на тронах оба царя — и перед ними был налой с евангелием. Дьяк Емельян Украинцев принял евангелие из рук царского духовника, и послы вторично присягнули. После того оба государя говорили речь и дали обещание хранить тот мир ненарушимо. Вельможи, заключившие условия с нашей стороны, были бояре: князь Вас. Вас. Голицын, Бор. Петр. Шереметев, Ив. Ив. Бутурлин, окольничие: Скуратов и Чаадаев и думный дьяк Украинцев. Голицын получил золотую чашу весом в 9 фунтов, кафтан и 500 рублей, да в Нижн. Новг. волость Богородицкую (3 000 дв.).

Вследствие сего в следующем 1687 году были отправлены послами: в Англию — Василий Семенович Подсвинков, во Францию и Испанию — стольник ближний князь Яков Феодорович Долгорукой и стольник князь Мышецкий, к Голл. штатам — дьяк Василий Постников, в Данию — дьяк Любим Домнин, Швецию и Бранденбургию — дьяк Борис Протасов („Под. записки“). Посольства сии не имели успеха. Папа объявлен был от авст. имп. покровителем и защитником союза.

Петр продолжал между тем свои изучения и потехи. Одно из них происходило на Пресне. Петр стрелял *из всех пушек.*

Петр занимался строением крепостей и учениями. Иоанн, слабый здравием и духом, ни в какие дела не входил. Вельможи, страшась ответственности в последствии времени, уклонились от правления — и царевна София правила государством самовластно и без противоречия.

В совете царском положено было: когда Венеция нападет на Морею, поляки на границы Подолии, Волыни, а цесарцы в Венгрии и Трансильвании вооружатся — тогда нам идти в Крым. Тут же объявлен был от Петра главнокомандующим князь Голицын. В *Большом полку* назначен начальником сей же Голицын, (? бояр.) князь Константин Щербатов, окольничий Аггей Шепелев и думный дьяк Украинцев. В *Новгор. полках*: боярин Алексей Шеин, окольничий князь Данило Борятинский. В *Рязанском разряде:* боярин князь Влад. Долгорукий. окольничий Петр Скуратов. В *Севских полках*: окольнич. Леонтий Неплюев. В *Низовых полках*: стольник Ив. Леонтьев и Вас. Дмитриев Мамонов (кн?). В *Белогородских*: бояр. Борис Шереметев и малороссийский гетман Ив. Самойлович. Генералу Гордону (под нач. Голицына) поручен был от Петра особый отряд (сколько?), из лучшего войска состоявший. Государь осмотрел его сам и изъявил Гордону свое благоволение. Армия состояла (по мнению нек.) из 400 000 (а по свидетельству двух летописей, известных Голикову, из 200 000).

Крымский поход был бесполезен для России. Войско возвратилось ни с чем, ибо степи на двести верст были выжжены татарами. Обвиняли Самойловича в тайном согласии с татарами. Он был лишен гетманства и сослан с сыном своим сперва в Нижний, а потом в Сибирь. Старший сын его казнен в Севске за возмущение. Генеральный есаул (?) Ив. Мазепа избран Мал. гетманом (1687 г.). Царевна наградила щедро князя Голицына. всех начальников и даже простых воинов. Первый получил 1000 дворов крестьян и золотую *братину*; все офицеры получили золотые медали (каждая была в 300 черв. и осыпана алмазами); простые солдаты получили медали, старые по золотой, молодые по вызолоченной.

Сей поход принес большую пользу Австрии, ибо разрушил союз, заключенный в Адрианополе между крымским ханом, французским послом и славным трансильванским принцем Текели. По сему союзу хан должен был дать 30 000 войска в помощь верховному визирю при вступлении его в Венгрию; сам же хан с таковым же числом должен был вместе с Текели напасть на Трансильванию. Франция обязывалась помогать Текели деньгами и дать ему искусных офицеров.

В летописной *Истории царя Михайла Феодоровича и его преемников* сказано, что Петр был недоволен походом, и упрекал князя Голицына в том, что он только что раздражил татар, а отступлением обнажил границы. Тогда повелено трем полкам (30 000) стать по *Белогородской черте*, под начальством боярина князя Михайла Ромодановского и думного дьяка Авраама Хитрово.

Между тем (1688 г.) янычары свергли Магомета и возвели Солимана II. Но как Польша не воспользовалась внутренними смятениями для начатия войны, то и Россия оставалась в покое.

Хан собрал меж тем войско с намерением вторгнуться в Россию. 25 января 1689 года* в царском совете положено его предупредить. Князь Голицын опять выступил в поход, и при впадении Самары в Днепр заложил крепость Богородицкую, по плану голландца-архитектора (?). Петр в сей поход посылал своего любимца Лефорта,

---

* Год начинается в сентябре.

дабы, говорит Голиков, ведать поведение начальников. Перед его отъездом взял он себе в лакеи (несправедливо) Меншикова и записал в потешные (см. Гол. Часть I, стр. 205).

Супруга царя Иоанна сделалась беременна: сие побудило царицу Наталью Кирилловну и приближенных бояр склонить и Петра к избранию себе супруги. Петр 27 янв. (по друг. 17) 1689 г. женился на Евдокии Феодоровне Лопухиной, и в следующем 1690 году родился несчастный Алексей.

Брак сей совершился противу воли правительницы. Петр уже чувствовал свои силы и начинал освобождаться от опеки. Прибывшего из похода князя Голицына он к себе не допустил. Царевна употребила ласки и просьбы, дабы умилостивить молодого государя, который, хотя наконец и допустил Голицына к руке своей, но сделал ему строгий выговор за вторичную неудачу. Царевна скрыла свое неудовольствие, ибо видела уже необходимость угождать юному царю. Молва обвиняла Голицына (а некоторые говорят, что доносы офицеров подтвердили обвинения), будто бы он был подкуплен ханом. Царевна успела выпросить у Петра согласие на награды, коими осыпала она своего любимца.

Бояре, угадывая причину сих щедрот, и видя опасность прямо приступить к удалению Голицына и к лишению власти правительницы, избрали (говорит Гол.) дальнейшую, но бесполезную к тому дорогу. Царевна стала помышлять о братоубийстве. Она стала советываться с князем Голицыным (раскольником, замечает Гол.), открыла ему намерение Петра заключить ее в монастырь (?). Голицын, помышлявший уже о престоле, с нею согласился во всем и на всякий случай отослал сына своего в Польшу с частию своего имения.

Но гроза уже готовилась. 8-го июля 1689 г., во время соборного крестного хода в церковь Казанской богородицы, когда государи вышли из собора за крестами, тогда правительница пошла вместе с ними. Петр с гневом сказал ей, что она, как женщина, не может быть в том ходу без неприличия и позора. Царевна его не послушалась, и Петр, не дошед еще от Успенского до Архангельского собора, оставил торжество и уехал в село Коломенское, а оттоле в Преображенское.

Царевна приступила к исполнению своего умысла. Она снеслась с Щегловитым и предначертала с ним новый мятеж. Щегловитый в ночь на 5-е (по др. на 9-е) августа собирает до 600 стрельцов на *Лыков* двор (где ныне арсенал) и дерзкой речью приуготовляет их к бунту против *Петра*, который *вводит немецкие обычаи*, одевает войско в немецкое платье, имеет намерение истребить православие, а с тем и царя Иоанна и всех бояр и проч. Разъяренные стрельцы требуют, чтоб их вели в Преображенское; но двое из них, Мих. Феоктистов и Дм. Мельнов, успели прибежать прежде, и через князя Бориса Алексеевича Голицына открыли Петру весь заговор. Петр с обеими царицами, с царевной Наталией Алексеевной, с некоторыми боярами, с Гордоном, Лефортом и немногими потешными убежал в Троицкий монастырь. Перед восходом солнца прискакал Щегловитый с убийцами, но узнав об отсутствии царя, сказал, что будто приезжал он для смены стражи, и поспешил обо всем уведомить царевну. Она не смутилась и не согласилась последовать совету князя Голицына, предлагавшего ей бежать в Польшу.

Скоро все приближенные к государю особы приехали к нему в Троицкий монастырь. Оттуда послал он в Москву указ к своим боярам и иностранцам — быть немедленно к нему с их полками. 10-го явились к Петру Стремянного полка полковник Циклер и пятисотный Ларион Ульфов, да пятидесятник Ипат Ульфов, да с ними пять стрельцов с доносом на Щегловитова.

Царевна, притворясь ужаснувшеюся новому мятежу, втайне однако ж старалась разжечь оный через Щегловитова. Она именем царя Иоанна не допустила исполнить требования Петра, приславшего к Иоанну стольника Ив. Велико-Гагина, *чтоб позволил царь Иоанн быть изо всех полков выборным стрельцам;* так и от себя Петр посылал в стрелецкие полки *свой государев указ,* чтоб были к нему выборные *для подлинного розыску, и с ними полковники, такожде и гостям и гостиной сотни посадским людям и чернослободцам* (Поденная записка). Царь Иоанн (говорит венец. ист.) дал указ под смертною казнию не отлучаться из Москвы. Мятежа однако ж не было. Царевна, видя, что приверженцы Петра час от часу становятся сильнее, прибегнула к посредничеству тетки своей царевны Татьяны Михайловны и сестер своих царевен Марфы и Марии, дабы примириться с Петром. Они прибыли к Троице и пали к стопам государевым, повторяя затверженное оправдание. Петр, их выслушав, стал доказывать преступление правительницы. Царевна Татьяна осталась с ним в монастыре, а другие две царевны, возвратясь к правительнице, объявили о неудаче своего посредничества.

София прибегнула к патриарху; старец отправился к Троице. Но Петр не только его не послушал, но и дал ему знать, что сам он должен быть лишен своего сана и на место его уже назначен архимандрит Сильвестр. Патриарх задержан был в монастыре. Царевна в ужасе поехала сама, в сопровождении знатных особ, держа в руках икону спасителеву. Но Петр, узнав, что она остановилась в селе Воздвиженском, послал к ней стольника Ив. Ив. Бутурлина сказать, что в монастырь ее не впустят, и чтоб она поехала назад. Царевна упорствовала, говоря, что она непременно хочет увидеть своего брата. Петр послал ей князя Ив. Бор. Троекурова с последним словом, что буде она не повинуется, то поступлено будет с нею нечестно. Царевна в отчаянии возвратилась в Москву.

Петр вторично писал брату своему о присылке к нему выборных, а им послал опять указ, и 5-го сентября все прибыли в монастырь. Петр вышел пред них на крыльцо с царицей Натальей Кирилловной, с теткою царевной Татьяной и с патриархом, и приказал вслух читать доносы стрелецкие о злодейских умыслах Щегловитого и главных его соучастников: полковника Семена Резанова и выборных стрельцов Обросима и Никиты Гладковых, Козьмы Черного и друг. По прочтении, все предстоящие приговорили казнить осужденных.

Петр благодарил за усердие, и половину к нему прибывших послал в Москву с двумя стами солдат (потешных?) при Б. П. Шереметеве и полковнике Нечаеве, с повелением схватить преступников, а боярам послал указ явиться к нему. Бояре поспешили повиноваться. Князь Голицын и сын его, Леонтий Неплюев и восемь окольничьих были в том же числе, но их не впустили, а велели встать на постоялых дворах и дожидаться указа. Посланные в Москву не могли отыскать Щегловитого, сокрытого самою царевною в ее тереме. Они возвратились с прочими его сообщниками. Петр послал опять за Щегловитым полковника Сергеева со ста выборными и писал брату, жалуясь на покровительство, оказываемое злодею. Царевна, видя гибель несчастного ее сообщника, велела ему в *запас* приобщиться св. таин. Сергеев прибыл и требовал от нее выдачи изменника. Правительница старалась еще его спасти, но Сергеев объявил ей, что по указу Петра будет он принужден обыскивать ее покой, а царь Иоанн через П. Ив. Прозоровского прислал сказать ей, что он не только за вора Щегловитого, но и за нее с братом своим ссориться не намерен, и приказывал ей выдать Щегловитого. София в слезах повиновалась, и вместе с изменником (гов. Гол.) выдала беспрекословное свидетельство собственной вины своей.

Щегловитый и его сообщники отданы были боярам на суд (кн. Троекурову, Бутурлину и друг.) (?). Четыре дня он ни в чем не признавался. Стали его пытать голодного, несколько дней не евшего. Щегловитый после нескольких ударов кнутом во всем признался и подал свои показания *на письме за своею рукою.* Пред сим признанием просил он, чтоб велели его накормить. Он и двое из его сообщников (?) были колесованы; прочим отрезали язык, других ссылали. Из них Обросим Петров, когда вели его на казнь, громко винился перед народом, увещевая всех научиться от его примера.

Князь Троекуров, человек умный, *ярый и строгий,* принял в ведение свое Стрелецкий приказ. А розыскные дела поручены боярину Тихону Никитичу Стрешневу.

Вскоре казнен монах Сильвестр Медведев, бывший в *Приказе татебных дел* подьячим. Он пойман близ Смоленска, в Бизюкове монастыре.

Князь Голицын приведен был в Троицкий монастырь. Его не допустили до царя. На крыльце, в присутствии боярина Стрешнева, прочтены ему его вины, за которые он и сын его лишены боярства и имения и сосланы в недальние города. После, однако, сосланы они в Сибирь, в Пустозерск, потом переведены на Мезень, после же на Пинег, где старый князь умер, а сын его наконец прощен. Бояр. Леонтий Роман. Неплюев осужден был точно так же.

Голиков прибавляет следующие подробности и объяснения:

8-го июня (в день крест. хода) голова Стрелецкого приказа окольничий с стр. полковниками и другими чиновниками — Оброською Петровым, Кузькою Черным, Сенькою Рязановым, Ивашкою Муромцевым, Демкою Лаврентьевым, Мишкою Чечеткою, Микиткою Евдокимовым, Егоркою Романовым — собрались и начали заговор.

Дабы озлобить стрельцов, избрали они некоего подьячего Шошина, станом и лицом схожего с бояр. Л. К. Нарышкиным. Нарядив его в боярское платье (?) и придав ему *свиту,* заставили его разъезжать по караулам, нападать на стрельцов, бить их и мучить. Шошин ломал им суставы, отсекал пальцы и, нападая в рощах на простой народ, многих бил кнутьями и палками и иным резал языки, приговаривая, что он боярин Нарышкин, и что он, мстя за братьев, шел их истребить, а сестра-де моя (Нат. Кир.) и Петр меня послушают. Стрельцы, приходя в Приказы, *являли свои раны и записывали.*

Злодеи думали умертвить государя во время пожара. Щегловитый и Обр. Петров на то и покусились. Первый приехал в Преображенское (когда?), расставил в *тайных местах* и в буераках стражу, и сам (по праву звания своего) явился к государю и, прошедши до спальни, вышел. В полночь загорелось одно строение, но вскоре было утушено; в ту же ночь пожар возобновился и снова был утушен. Люди придворные и народ возымели подозрение, целую ночь стерегли и не расходились. Заговорщики, видя свою неудачу, распустили сокрытую стражу и отправились в Москву до рассвета.

По утру донесено о пожарах царю. Петр, еще не подозревая истины, но полагая зажигателей ворами, велел всюду расставить стрельцов Сухарева полка. Щегловитый представлял ему, что надежнее и удобнее стражу составить изо всех полков стрелецких. Но (NB) Петр на то не согласился. После были еще разные покушения. Заговорщики думали совершить цареубийство в Кр. дворце, или на дороге из Преображенск., стерегли его на пути, в Кремль вводили ночью стрельцов, которые должны были дожидаться на Лыковом и на Нитяном дворе.

Сам Щегловитый забирался иногда на верх Грановитой палаты, а другие препровождали ночи на верху церкви Распятия Христова.

Когда Петр, известясь (8-го августа) о злоумышлении, скрылся в Тр. мон., тогда бывшие настороже вестники дали знать о том Соковнину (?). Заговорщики, устрашась, распустили всех стрельцов по домам.

Петр повелел: имена приезжающих бояр (в мон.) записывать, благодаря их за усердие, и они расставили около монастыря и по московской дороге стражу.

Царь Иоанн призывал (получив письмо от Петра) к себе Щегловитого и его сообщников, расспрашивая их о смятении. Они во всем отперлись, а доносили о злодействах Нарышкина. Иоанн им поверил, и тогда они купно с царевною просили его: *да един он царствует*. Царь с гневом ответствовал, что он брату, яко достойнейшему, самовольно уступает престол. „Вы же всуе мятетесь...“ и повелел их, сковав, отослать в монастырь.

По привезении их, Петр повелел патриарху *допросить их по духовенству*. Они принесли повинную и отдали написанную к Софии челобитную от имени всех стрельцов о принятии ею единовластного правления. Петр сию челобитную и распросные речи за патриаршим свидетельством отослал в Москву к Иоанну.

Вины кн. Голицыных сказаны были, что они без указу великих государей имя сестры их царевны Софии Алексеевны во всех делах и посольских грамотах установили обще с именами государей писать самодержицею, и что в крымском походе пользы никакой не учинили (тут есть несообразность).

Оставалась ненаказанной главная виновница смятений, сестра обоих царей, правительница София. Петр послал ей приказ добровольно удалиться в монастырь. Царевна отклонилась от исполнения воли своего брата и готовилась бежать в Польшу. Тогда Петр послал Троекурова в Москву с повелением взять царевну и, не говоря ни слова, заключить ее в Новодевичий монастырь. Троекуров в точности исполнил приказание Петра; для виду предварительно отнеслись о том к Иоанну.

Царевна самодержавно правительствовала семь лет с половиною. На монетах и медалях изображалась она (по другую сторону царей) в короне, порфире и со скипетром с надписью: Бож. мил. в. г. цари и в. кн. И. А., П. А. и благов. гос. цар. (а иногда и царица) и в. кн. С. А. вс. Вел., Мал. и Бел. России самодержцы. Титул сей давался ей во всех грамотах, указах и письменных делах.

Изданы во время ее правления: пищевой наказ о межевании земель, о разборах *по сортам* людей и войска, о распределении дворцовых чернослободских мест и беломестных дворов, корчемный устав и до ста пятидесяти указов. Между сими указ, повелевающий казнить смертию лекаря, уморившего своего больного.

7-го сентября от имени обоих царей состоялся указ, чтоб ни в каких делах имени бывшей правительницы не упоминать.

Петр выехал из монастыря и отправился в Москву. В с. Алексеевском встретили его все чины московские при бесчисленном множестве народа. Стрельцы от самого села до Москвы лежали по дороге на плахах, в коих воткнуты были топоры, и громко умоляли о помиловании. Петр въехал в Москву 10 сентября и прямо прибыл к собору. От заставы до самого собора стояло войско в ружье. Петр за спасение свое отслужил благодарственное моление. Перед ц. домом встретил его Иоанн. Оба брата обнялись, и старший, в доказательство своей невинности, уступил меньшому всё правление, и до самой кончины своей (1696 г.) вел жизнь мирную и уединенную.

/ Отселе царствование Петра единовластное и самодержавное.

1703

Посреди самого пылу войны, Петр Великий думал об основании гавани, которая открыла бы ход торговле с северо-западною Европою и сообщение с образованностию. Карл XII был на высоте своей славы; удержать завоеванные места, по мнению всей

Европы, казалось невозможно. Но Петр Великий положил исполнить великое намерение, и на острове, находящемся близ моря, на Неве, 16 мая заложил крепость С.-Петербург (*одной рукою заложив крепость, а другой ее защищая.* Голик.). Он разделил и тут работу. Первый болверк взял сам на себя, другой поручил Меншикову, 3-й графу Головину, 4-й Зотову (? *канцлеру*, пиш. Голик.), 5-й князю Трубецкому, 6-й кравчему Нарышкину. Болверки были прозваны их именами. В крепости построена деревянная церковь во имя Петра и Павла, а близ оной, где стояла рыбачья хижина, деревянный же дворец на 9 саженях в длину и 3-х в ширину, о 2-х покоях с сенями и кухнею, с холстинными выбеленными обоями, с простой мебелью и кроватью. Домик Петра в сем виде сохраняется и поныне.

В крепости определен комендантом полковник Рен. Меншикову, как генерал-губернатору завоеванных городов и земель, поручено надзирание над новоначинавшимся городом. Отведено место для гостиного двора, пристани, присутственных мест, адмиралтейства, государева дворца, сада и домов знатных господ. Город Нейшанц был упразднен, и жители оного переведены, и были первые петербургские поселенцы.

Петр послал Шереметева взять крепость Копорье, а генерал-маиора Ф. Вердена под Ямы. Обе крепости вскоре сдались на капитуляцию; гарнизоны выпущены в Нарву.

Когда народ встречался с царем, то, по древнему обычаю, падал пред ним на колена. Петр Великий в Петербурге, коего грязные и болотистые улицы не были вымощены, запретил коленопреклонение, а как народ его не слушался, то Петр Великий запретил уже *сие под жестоким наказанием, дабы*, пишет Штелин, *народ ради его не марался в грязи.*

Петр ездил в Ямы и Копорье, наименовал первый Ямбургом и повелел его укрепить. Там узнал он, что Крониорт идет из Лифляндии с 12 000 ч., в намерении напасть на Петербург. Петр его предупредил с полками своей гвардии и 4 драгунскими и, нашед его в крепких местах у реки Сестры, прогнал его до Выборга, положив 2000. В то же время под Ямбург подступил нарвск. ком. генерал-маиор Горн, но прогнан с уроном от Шереметева; в разных местах сверх того шведы были побиваемы.

Вслед за сим на олонецкой верфи, в присутствии Петра, заложены 6 фрегатов; отправлены к Шереметеву четыре наставления, между прочим о вымерении ладожского устья и как подымается полая вода, *понеже зело нужны и там некоторые суда.* К Апраксину писал он, чтобы *по весне исправлялся* пушками и заготовлял *сие* для кораблей, но не зачинал их строить.

Из Олонца прибыл государь на новопостроенном фрегате „Штандарт“ с 6-ю ластовыми судами в Петербург, куда вскоре пришел первый корабль голландский с товарами, напитками и солью. Обрадованный Петр велел отвести шхиперу и матросам постой в доме Меншикова; они обедали за его столом, и Петр сидел с ними (*С.-Петербургские Ведомости*, 1703 года, декабря 15), подарил шхиперу 500 черв., а каждому матросу 300 ефим.; второму кораблю вперед обещано то же (300 черв. шхиперу). Товары, по приказанию государя, тотчас были раскуплены.

Петр всегда посещал корабельщиков на их судах. Они угощали его водкой, сыром и сухарями. Он обходился с ними дружески. Они являлись при его дворе, угощаемы были за его столом... Их уважали и, вероятно, не любили. (Анекдот об аладьях. Кухмистер государев звался Фельтен. Летний дворец. См. *Штелина* и *Голикова*.)

1-го октября в третий раз Петр заключил условие с Августом, обязавшись усилить его саксонцев 12 000 пехоты, да дать 300 000 руб. Всё было исполнено. Деньги посланы с обер-комиссаром кн. Дм. Голицыным.

Петр видел еще нужду в пространной гавани, в кою могли бы входить большие корабли, и крепости для прикрытия Петербурга. В октябре, когда шел уже лед, он ездил осматривать остров Котлин, лежащий в Финском заливе, в 30 верстах от Петербурга. Он выметил фарватер между сим островом и мелью, против него находившеюся: на той мели, в море, определил построить крепость, а на острове сделать гавани и оные укрепить, и сам делал тому *план и проспект.*

Потом государь с Шереметевым отправился в Москву, оставя у Ямбурга окольничего П. Апраксина с 5-ю полками.

В Москву въехал он торжественно. По указу его были сделаны трои триумфальных ворот. Четвертые выстроил Меншиков. Потом занялся гражданским устройством государства, особенно финансами. *Доходы не составляли и 6 или 7 миллионов* (?). *Беер и другие* (?), *Щербатов.*

1709

27 июля до восхождения солнечного, неприятель тронулся, с намерением атаковать нашу конницу, и для того думал прежде овладеть редутами — но пушки оных от правого неприятельского крыла оторвали 6-ть батальонов пехоты и несколько десятков эскадронов конницы и понудили их уйти в лес. Главная шведская армия пробивалась сквозь редуты, наша конница сбивала неприятельскую (взяв 14 штандартов и знамен). Неприятель беспрестанно подкреплял свою конницу, а нам сие делать было невозможно; предводитель оной, храбрый Рен, ранен был в бок. Петр повелел Боуру (заступившему Рена) отступить справа от нашего ретраншемента, с наблюдением, чтоб гора была у него во фланге, а не назади (дабы неприятель не мог утеснить ее под гору). Боур стал отступать, а неприятель его преследовать. Тогда шведы очутились под огнем нашего укрепления, и приняты были пушками во фланг. Они отступили на пушечный выстрел, и выстроились в боевом порядке.

Петр меж тем отрядил Меншикова, Гейншина и Ренцеля с 5 полками конницы и 5 батальонами пехоты, противу отступившей в лес кавалерии (от наших редутов). Неприятель был порублен. Генерал-маиор Шлипенбах сдался, а генерал-маиор Розен отступил к полтавским апрошам.

Петр отправил Меншикова и Рейнцеля с повелением атаковать шанцы шведские и Полтаву освободить. Меншиков наехал на 3000 отряд (резервный), стоявший позади правого шведского крыла у леса. — Меншиков их атаковал и разбил, и возвратился к Петру, поруча Рейнцелю довершить остальное.

Розен по приближению Рейнцеля ушел с 3 бывшими с ним полками в свои крепости и окопы. Но русский генерал его атаковал, и Розен сдался.

Тогда Петр вывел из укрепления свою армию и выстроил ее следующим образом: корпус армии стоял в двух линиях, третью (6 полков) оставил в укреплении при генерал-маиоре Гинтере; конница стояла на крыльях — на правом под командою Боура, на левом Меншикова. Артиллерией управлял генерал-поручик Брюс. 3 батальона при полковнике Головине стояли на горе у монастыря для сообщения с городом. 6-ть полков драгунских при генерал-маиоре Волконском — между малороссийским войском и нашим для сообщения с Скоропадским и в случае нужды для сикурса главному войску.

Петр объехал со своими генералами всю армию, поощряя солдат и офицеров, и повел их на неприятеля. Карл выступил ему навстречу; в 9-ом часу войска вступили в бой. — Дело не продолжалось и двух часов — шведы побежали.

На месте сражения сочтено до 9234 убитыми—Голиков погибшими полагает 20 000, на 3 мили поля усеяны были трупами — Левенгаупт с остальными бежал, бросая багаж

и коля своих раненых. Ушедших было до 16 000, а с людьми разного звания до 24 000.

Вначале взяты в плен генерал-маиор Штакельберг и Гиментон, генерал-фельдмаршал Рейншильд, принц Виртембергский с множеством офицеров и тысяч солдат; 2900 наших были освобождены. Пленные пригнаны в лагерь.

В шанцах взяты шведский министр граф Пипер с тайными секретарями Цидельгельмом и Дибеном, весь королевский кабинет с несколькими миллионами денег, весь обоз и проч.

Карл, упавший с качалки, был заблаговременно вынесен и увезен к Днепру.— Он соединился с войском своим под Переволочною — тут оставил он его и бежал в турецкие границы с несколькими сот драбантов и с генералами Лагерскроном и Шпаром.

В Полтавское сражение король имел 31 полк, свою гвардию, лейб-драгунов, лейб-регимент и драбантов, волохов, запорожцев и мазепинских сердюков 2000 — всего более 50 000, одних шведов до 40 000. Наших было более, но всё было решено первой линией (10 000 войска). Мы потеряли бригадира Феленгейма, полковников Лова и Нечаева, 37 штаб- и обер-офицеров, 1305 унтеров и рядовых. Ранены Рен, бригадир Полонский, 5 полковников, 70 штаб- и обер-офицеров и 3214 унтер-офицеров и рядовых.

Петр пригласил несколько генералов к себе обедать, отдал им шпаги и пил за здоровье своих учителей. Шведские офицеры и солдаты также были угощены и проч.

В тот же день послал он Гольцу приказ всячески не допускать короля соединиться с польским его войском и пресек рассылкою легких войск все дороги из Турции.

Князь Голицын и Боур преследовали бегущих. На другой день Петр послал к ним в помощь Меншикова, и занялся погребением убитых, офицеров особо, рядовых в одну общую могилу. Войско стояло в строю. Полковые священники отпевали тела. Петр плакал и сам при троекратной стрельбе бросил первую горсть праха. 29-го, день своих именин, Петр угощал опять пленников, а 30-го отправился вслед Меншикову и прибыл в Переволочную. Уже неприятель без бою отдался Меншикову, имевшему не более 9000. Число сих пленных было 24 000. Петр повелел выдать им провиант. Узнав от Левенгаупта о бегстве короля в Турцию, он отрядил бригадира Кропотова и Волконского вслед за ним по разным дорогам. Запорожцев взято в Переволочной 220; прочие разбежались, иные утонули в Днепре, немногие ушли с Мазепою. Потом Петр возвратился в Полтаву.

Меншиков пожалован в фельдмаршалы, Шереметев, Репнин, Голицын и Долгорукий и проч. деревнями; граф Головкин канцлером; барон Шафиров под-канцлером; сей же Долгорукий и боярин Мусин-Пушкин тайными действительными советниками. Репнин, Брюс, Рен, Аларт, Ренсель — орденами (?), штаб- и обер-офицеры портретами царя с алмазами, золотыми медалями, все рядовые годовым не в зачет жалованьем и серебряными медалями; иностранцам большею частию даны деньги; в том числе полтавский комендант полковник Келин — он произведен в генерал-маиоры — получил портрет с алмазами и проч.

Пленным определено содержание (?).

Запорожцы, взятые в Переволочной и явившиеся потом с повинною (вопреки указам), были прощены — старшины отосланы были в Сибирь на поселение, а начальники обращены в поселяне.

Петр по просьбе своих генералов принял на себя чин генерал-поручика (дабы чрез чин не быть произведену).

Мазепа перешел за Днепр прежде короля. Взято пушек 22, гаубиц 2 и мортир 8. Артиллерия шведская в разных сражениях уменьшена была.

Карл прислал Мардофельда в Полтаву *под видом некоего комплимента* (Голиков), но он был задержан, ибо не имел ни письма, ни паспорта. Открылось потом, что Карл присылал его с предложением о мире на тех условиях, кои предлагал Петр. Ему отвечали, что уже поздно, однако отпустили с тем, чтоб за него отпущен был кто-нибудь из наших знатных пленных, и с новыми мирными условиями. Сей Армаред под Калишем взят был в плен и освобожден по просьбе Августа. Он имел дозволение говорить с Петром, в присутствии Шафирова, по просьбе коего отпущен Цидельгейм, дабы обще с шведским сенатом старались они о мире.

В самый день сражения Петр уведомил Апраксина и других (от 9 и 10 июля) о своей победе. Колычеву в Воронеж писал, чтоб он уведомил о том *товарищей* царя Косенца и Ная; в другом письме к нему ж, что в Коротояк отправлены будут 3000 шведов, и когда на *середе* начнется крепость, то бы их на работу употребить. *Апраксину* (от 9 июля): полагая, что тою осенью к Выборгу приступить нельзя будет, полагает осадить Ревель, для того приказывает в Нарву из Петербурга доставить пушки и проч. — Повелевает ему достать Корелу, *ибо в оной водяной путь невозбранный*, и проч.

13 июля Петр отступил от Полтавы в Решетиловку за духотою от мертвых тел и стояния двух армий. Тут повелел он пленным шведам экзерсироваться в его присутствии, предал суду изменника бригадира Мильфельса, которого и расстреляли. — Петр писал опять Колычеву о чертеже и проч., о кузнецах и проч., посылал ему и г-дам Козенцу и Наю по шпаге шведской и уведомил, что 3000 шведов уже посланы при полковнике Нелидове. Замечательна последняя статья по резолюции на вопросы Колычева: на каждого корабельного мастера возложив по части, прибавляет он — *кроме моей доли.*

Мастера Скляева, находившегося при сражении, произвел он в капитаны (морские)— он объявляет Колычеву за тайну о будущей морской кампании и приказывает, чтоб 4 или 5 кораблей были бы готовы.

Петр отрядил Шереметева для осады Риги, со всею пехотою и частию кавалерии, а князя Меншикова в Польшу с большею частию конницы, дабы выгнать Красова и Лещинского, соединясь с Гольцом. Репнин оставлен на границе для наблюдения татар, турков и казаков. Пленных (знатных) отправил он в Москву, а простых по городам, и с Меншиковым и со многими министрами и генералами прибыл в Киев 22 июля.

Здесь он узнал Феофана Прокоповича, ректора киевских училищ. Речь его понравилась Петру, и он принял его в свою особую милость. Он занемог, но не оставил своих упражнений, писал отцам убитых утешительные письма и проч. Колычеву с мастерами велел быть в Москве к декабрю и проч. Курбатову приказал, когда губернаторы и воеводы съедутся в Москву в конце года, то быть там и бурмистрам, по одному человеку с города.

Петр запрещает Апраксину разорять Финляндию, *ибо нам же разоренное исправлять*, надеется на мир и ходатайство Цидельгейма, повелевает погодить идти в Корелу, надеясь сам подоспеть к Ревелю — около 14 сентября быть в Нарве, оставя в Кроншлоте и на Котлине 10 000 человек, в Петербурге 2 или 1500, в Шлиссельбурге 500, в Нарве 600, в Пскове и Новгороде ничего и проч.

Апраксина с *флагманами* произвел Петр в шаут-бенахты. Петр благодарил его из Киева от 13 августа (смотр. Голик. Ч. III 131).

Отпустя в Польшу Меншикова, Петр 15 августа выехал из Киева и 24 отобедал у Гольца. Лещинский и Красов уж бежали в Померанию. Сначала они рассеивали

ложные слухи о Полтавской битве: наконец, Лещинский в Померании отказался от короны. Польские вельможи отовсюду съезжались к Петру с поздравлениями. Яблонский, Дзялинский и Щука оставили Лещинского и прибегли к Августу, которого Петр объявил законным королем. Август с 14 000 саксонн вступил в Польшу, рассея манифест, с коим отречение свое представляя недействительным, яко принужденное и без согласия Речи им данное, вопреки своей присяге, и объявил, что он вновь вступает в права свои, по требованию Петра и проч. Он послал великого конюшего Фицтума к Петру, приглашал его в Торунь и повторил ту же просьбу, не доехав до Кракова.

7-го сентября Петр из Люблина прибыл в местечко Сольцы и осмотрел войско Синявского. Здесь получил он третье приглашение Августа чрез Флеминга, а от прусского короля чрез камергера фон-Калекена. Петр обещался обоим.

Петр в Сольцах к 20-му сентября велел сделать 10-ть судов, на коих весною отправился в Торунь. Конюший Фицтум и ген.-фельдмар. ⟨Флеминг⟩ были при нем в гребцах и конвое. Вятский полк при кн. Алексее Голицыне.

Петр между прочим послал Апраксину манифесты Августа, дабы оные доставить Либкеру и Кастюртейну и проч.

Кн. Голицыну повелевает быть с войском своим к Каневу и уведомляет, что идет вслед за Красовым гвар. подполк.

Долгорукому, чтобы он с виленских жидов доправил штрафы 20 000 еф. за то, что обещались от себя посылать шпионов и солгали; и взять под стражу 40 или 50 лучших, пока не заплатят.

Король бежал к Очакову, но его туда не впустили; русские его преследовали живо: 1. Переяславский полк Томора (Томара?) первый нагнал его, взял в плен генерал-аудитора, ген.-кр.-комиссара, 3 офицер. и 60 рядов.; 2. В Велиже взято 8, убит. 30; 3. Бригадир Кропотов убил до 200, и взял 260 (в том числе ген.-ауд.). 4. генерал-маиор Волконский догнал короля при Днестре. Король успел переправиться с малым числом и остальных 200 чел. были убиты, в плен взяты 4 оф. и 209 ряд., многие перетонули. Король приехал в Бендеры. Паша принял его с пушечной пальбою. На другой день король послал в Константинополь Неугебаура.

23 сентября Петр прибыл в Варшаву. Паны и между ними великий канцлер князь Радзивилл и епископ луцкий приняли его пушечною пальбою. Петр остановился в доме маршала Белинского до ночи; ночевал на реке, 24-го утром в сопровождении польских вельмож отправился в Торунь.

26-го за полмили от сего города встретил его Август на двух *прамах*. Король при встрече с царем смутился и изменился в голосе и в лице. Петр поздравлял его, сказал ему, что прошедшего поминать не должно, что он знает, что за необходимость заставила короля поступить вопреки собственной пользы; но между тем Петр имел на себе ту самую шпагу, которую Август подарил Карлу XII. Оба государя обедали вместе на речке и въехали в Торунь верхами при пушечной пальбе. — Всё войско саксонское и *мещанское* стояло под ружьем — Петр до 5 часа ночи пировал у короля; король, его министры и генерал с драбантами проводили его до дома, где король, дождавшись его выхода, кричал ему *виват*.

28 сентября, в день левенгауптской баталии, король обедал у Петра, пили за здравие обоих государей при пушечной пальбе из крепости и стрельбе выстроенного войска.

29-го и 30-го Петр и король занялись возобновлением союза, нарушенного Алт-Ранстадским трактатом. В Торунь приехал барон фон-Ранцов с поздравлениями и предложениями к заключению настоящего и общего союза. Петр повелел российскому

министру при датском дворе князю Долгорукову заключить оный. В Торуне сверх сего заключен общий оборонительный трактат с королями прусским, польским и датским, после чего Петр и Август объявили регенбургскому имперскому собранию, что, ежели дозволено будет шведскому войску над союзниками учинить действие военное или вступить обратно в Польшу, то Петр по праву войны будет гнать неприятеля повсюду, где только его найдет, — и требовал *гарантии* всей империи.

Петр писал Апраксину, чтоб он и датский посланник дожидались его в Петербурге; жалеет, что дела задержали его в Польше, и что время для взятия Ревеля уже прошло; повелевает оному одну блокаду (без артиллерии) и подводы распустить и проч., что бригадир Кропотов при местечке Чернявцах на остальных шведов напал (между ими и 500 запорожцев), побил их и перетопил в *Пруте* и проч.

Поляки, противники Августа, прибегнули к ходатайству Петра. Тогда же прибыл к Августу и турецкий посол с поздравлениями и с уверениями в дружбе и в добром соседстве.

10-го октября Петр отправился Вислою в Мариенверд, для свидания с прусским королем. Август провожал его 8 миль до Саксонского лагеря. Петр осмотрел войско и экзерсиции. Тут принял он бобруйского старосту Сапегу, главного мятежника, прибегнувшего к его заступлению. Он приехал по повелению Петра, обнадежившего его прощением Августа. Таким образом Петр пригласил короля и со всеми его подданными.

14-го октября Петр поехал рекою же, от Мариенверда с полумили. 15-го на берегу Вислы встретил его король; оба с торжеством въехали в город в одной карете и остановились в том же доме. Они обедали за церемониальным столом. На третий день заключили четверной союз.

19-го оба государя обедали у Меншикова. (Граф Д. в своих записках говорит: je n'ai jamais vu boir plus de vin de Hongrie* и рассказывает анекдот о Роне („Ronne, Ronne, mon ami! Dans un autre pays tu ne <te> verrai pas de sitôt une excellence“ **). Петр подарил Фридерику шпагу, которую носил он под Полтавою, и несмотря на то, что она длинна и тяжела и неловка, король всё время носил ее на себе. Петр не пьянствовал и умел себя воздерживать. — Долгорукий при сем случае выпросил прощение для своего родственника (мнимого баварского посланника — смотри выше!). Петр приказал присоветывать ему не вмешиваться более в политические сплетни, за которые впредь ему так дешево не отделаться. — Votre maj. — s'il y revient, peut lui faire donner le knout.***

Петр заметил, что кнут слишком тяжкое наказание, и хотел дать почувствовать, что в России за всё про всё кнутом не дерут. Долгорукий говорит о умеренности и благопристойности Петра и проч.

На сем обеде король пожаловал Меншикову свой орден и предложил о сочетании царевны Анны Иоанновны с герцогом курляндским, на что Петр и соизволил.

В Мариенверд прибыл к Петру Флемин, и по молчанию его Петр догадался о причине его приезда, и сказал ему не обинуясь, что быв оставлен всеми своими союзниками в самую опасную минуту, не обязан он исполнять условия трактата, ими же нарушенного, и что завоевания, им одним совершенные, ни с кем делить он не намерен, а всего менее с Августом и республикою. Дело шло о обещании Петра возвратить Польше лифляндские города, некогда ей принадлежавшие.

---

* <Я никогда еще не видел, чтобы пили столько венгерского.>

** <Друг мой Рон! В другой стране ты не стал бы так скоро генералом.>

*** <Ваше величество, если это повторится, можно его наказать кнутом.>

Петр меж тем предписал генерал-маиору Ностицу выбить шведский гарнизон из Ельбинга и город занять, а Меншикову расположиться на границе венгерской на зиму.

23 октября Петр отправился к Риге сухим путем. Вперед для угощения на станциях отправлен чрезвычайный посланник Кейзерлинг, два маиора и комиссар. Петр поехал на Прейсмарк, Бартен, Штейн, Отнюргенц, Инстербург.

29 октября Петр прибыл на польскую границу, где свирепствовала *моровая язва*, почему Петр принужден был делать большие объезды. С дороги писал он к русским начальникам о предосторожности противу язвы и легкомыслия поляков (письма Петра к Ушакову в декабре), об отправлении пленных к Серпухову (для торжественного въезда в Москву и проч. и проч.).

6 ноября Петр прибыл в Митаву. Чины курляндские встретили его за городом, дворянство и городские бурмистры все верхами. Петр въехал в город верхом.

9-го ноября прибыл он под Ригу, в лагерь Шереметева. — Около города все укрепленные посты были заняты; крепость же Обершанец на западном берегу Двины была укреплена снова (шведы хотели было при его приближении оную разорить, но не успели) и названа Питершанец.

Петр осмотрел всё, 11-го ноября при себе велел поставить мортиры на кетели, и сам бросил первые три бомбы, первая упала на кирку св. Петра, другая на болверг, третья в купеческий дом; потом с Шереметевым, с польским сенатором Троцким, воеводой Огинским осматривал крепости; при проезде его мимо ветряных мельниц шведы выстрелили по нем из пушек. Петр повелел держать город в тесной осаде, а иначе не добывать, потому что время уже позднее, что гарнизон велик, а крепость способна к сильной обороне, и что спешить нечего, ибо нет ни малой опасности и от шведов, а помощи быть неоткуда. Потом Петр отправился в Петербург, заезжая во все завоеванные города, и везде установил порядок.

Шереметев поручил осаду Репнину с 7000 войсками, а сам на зиму расположился в Митаве. В декабре уехал он в Москву.

23 ноября Петр прибыл в Петербург и занялся гражданскими делами.

В погребение странных и пришельцев заложил он церковь св. Самсона, и повелел другую заложить и в Полтаве, во имя Петра и Павла и того же Самсона. Он дал указ о поспешении строений городских и увеселительных своих домов и садов; а знатному дворянству о каменных домах *по плану*, также и пристаней и магазинов на островах С.-Петербурга и Котлине. Он своими руками заложил 54-пушечный корабль „Полтава“ и 7-го декабря поехал в Москву дождаться Меншикова в селе Коломенском, также и поляков и пленных; учредил порядок торжественного въезда на подобие римских триумфов и 21-го вошел в Москву при пушечной пальбе, колокольном звоне, барабанном бое, военной музыке и восклицании наконец с ним примиренного народа: „Здравствуй, государь, отец наш!“

18 декабря родилась царевна Елисавета Петровна.

1725

1-го января Феофан говорил проповедь в присутствии Петра Великого.

1-го же издан указ о снятии лишних караулов.

Король испанский Филипп V заключил торговый союз с императором австрийским Карлом VI и женил Дона-Карлоса на эрцгерцогине Марии-Терезии.

Георгий I был недоволен. Он подозревал тайные статьи в пользу претендента. Франция завидовала выгодам торговым Австрии.

Фридерик-Вильгельм неохотно платил Австрии магдебургские пошлины. Отселе ганноверский договор, оборонительный.

Франция и Англия обязались поддерживать права на Бергское наследство короля прусского.

Швеция, Дания и Голландия приступили к тому же союзу.

Австрия вступила в союз с Россиею. Петр начал переговоры с Пруссией...

Петр послал в Архангельск корабельному мастеру Баженову приказ строить три корабля груландских, 3 бота и 18 шлюбок.

Он назначил *Беринга* (капитана) для открытия пути в Восточную Индию через Ледовитый океан. Петр получил известие от Матюшкина.

Шамхал, собрав 30 000 войск, осадил крепость Св. Креста. Генерал-маиор Кропотов его разбил и землю его разбил. Петр уничтожил звание шамхала (см. *Ежем. Сочин.* 1760. 11—38 etc.).

Петр (по свидетельству Катафора) на Иордане простудился и занемог горячкою.

Петр повелел сало, юфть, воск etc. в чужие края сухим путем не возить.

Издан полицейский указ о продаже съестных припасов.

О размещении солдат, где есть пустые строения в городах.

Объяснен указ о утайке ду́ш.

О сборах.

16-го января Петр начал чувствовать предсмертные муки. Он кричал от рези.

Он близ своей спальни повелел поставить церковь походную.

22-го исповедывался и причастился.

Все петербургские врачи собрались у государя. Они молчали; но все видели отчаянное состояние Петра. Он уже не имел силы кричать и только стонал, испуская мочу.

При нем дежурили три-четыре сенатора.

25-го сошлись во дворец весь сенат, весь генералитет, члены всех коллегий, все гвардейские и морские офицеры, весь синод и знатное духовенство.

Церкви были отворены: в них молились за здравие умирающего государя, народ толпился перед дворцом.

Екатерина то рыдала, то вздыхала, то падала в обморок; она не отходила от постели Петра, и не шла спать, как только по его приказанию.

Петр царевен не пустил к себе. Кажется, при смерти помирился он с виновною супругой.

26-го утром Петр повелел освободить всех преступников, сосланных на каторгу (кроме 2-х первых пунктов и убийц), для здравия государя.

Тогда же им дан указ о рыбе и клее (казенные товары).

К вечеру ему стало хуже. Его миропомазали.

27-го дан указ о прощении не явившимся дворянам на смотр. Осужденных на смерть по артикулу по делам военной коллегии (кроме etc.) простить, — дабы молили они о здравии государевом.

Тогда-то Петр потребовал бумаги и перо и начертал несколько слов неявственных, из коих разобрать можно было только сии: *отдайте всё...* Перо выпало из рук его. Он велел призвать к себе царевну Анну, дабы ей продиктовать... Она вошла, но он уже не мог ничего говорить.

Архиерей псковский и тверской и архимандрит Чудова монастыря стали его увещевать. Петр оживился, показал знак, чтобы его приподняли, и, возведши очи вверх,

произнес засохлым языком и невнятным голосом: *сие едино жажду мою утоляет; сие едино услаждает меня.*

Увещевающий стал говорить ему о милосердии божием беспредельном. Петр повторил несколько раз: *верую и уповаю.*

Увещевающий прочел над ним причастную молитву: „верую, господи, и исповедую, яко ты еси“ и прочее. Петр произнес: „верую, господи, и исповедую; верую, господи: помози моему неверию“, и *сие всё, что весьма дивно* (сказано в рукописи свидетеля), *с умилением, лицо к веселию елико мог устроевая, говорил; по сем замолк...*

Присутствующие начали с ним прощаться. Он приветствовал всех тихим взором; потом произнес с усилием: *после.* Все вышли, повинуясь в последний раз его воле.

Он уже не сказал ничего. 15 часов мучился он, стонал, беспрестанно дергая правую свою руку — левая была уже в параличе. Увещевающий от него не отходил. Петр слушал его и несколько раз силился перекреститься.

Троицкий архимандрит предложил ему еще раз причаститься. Петр в знак согласия приподнял руку, его причастили опять. Петр казался в памяти до 4 часов ночи. Тогда начал он охладевать и не показывал уже признаков жизни. Тверской архиерей на ухо ему продолжал свои увещевания и молитвы об отходящих. Петр перестал стонать, дыхание остановилось; в 6 часов утра 28-го января Петр умер на руках Екатерины.

Екатерина провозглашена императрицей. (Велением Меншикова, помощью Феофана и тайного советника Макарова.)

В тот же день обнародован манифест.

Полкам в Петербурге роздано жалованье. Генерал-маиор Дмитриев-Мамонов послан в Москву к сенатору графу Матвееву.

2-го февраля напечатана присяга и разослана по всему государству.

Тело государя вскрыли и бальзамировали. Сняли с него гипсовую маску.

Тело положено в меньшую залу. 30-го января народ допущен к его руке.

4-го марта скончалась 6-летняя царевна Наталия Петровна. Гроб ее поставлен в той же зале.

8-го марта возвещено народу погребение. Через два дня оное совершилось. См. Голикова.

15 декабря ⟨1835 г.⟩

⟨4. Заметки из неизданных тетрадей⟩

1672—1689

Иеромонах Симеон Полоцкий и иеромонах же Димитрий (впоследствии св. ростовский митрополит) занимались при дворе Алексея Михайловича астрологическими наблюдениями и предсказаниями.

Петр с немногими потешными убежал в Троицкую лавру. Гордон говорит: *без штанов.*

1697

Во время путешествия Петра в Берлин с посольством государь однажды в пьянстве выхватил шпагу противу Лефорта, и просил потом у него прощения.

В Амстердаме посетил он и зазорные дома (бордели) с их садами.

1698

Петр, отправляяся в Англию, Лефорта оставил в Амстердаме и, расставаясь с ним, плакал, вероятно будучи пьян.

Петр в начале своего путешествия узнал о неспокойствии стрельцов, но он продолжал свой путь, готовясь к ужасному предприятию.

Генералы, думая устрашить стрельцов, повелели стрелять выше головы; попы закричали, что сам бог не допускает оружию еретическому вредить православным. Начались казни... Лефорт старался укротить рассвирепевшего царя.

1699

Тогда же состоялся указ — всем русским подданным, кроме крестьян (?), монахов, попов и диаконов, брить бороду и носить платье немецкое (сперва венгерское, а потом мужескому полу верхнее — саксонское и французское, а нижнее и камзолы — немецкие (с ботфортами?), женскому полу — немецкое). С ослушных брать пеню в воротах (московских улиц) с пеших 40 к., с конных 2 р. Запрещено было купцам продавать, а портным шить русское платье, под наказанием (каким?).

1706

Петр Меншикову писал, что в Петербурге было наводнение, и проч. Кланяется всем, как оружие носящим, так и иглу имеющим (Екатерине).

1707

Петр в Петербурге женился в ноябре, в соборной церкви св. Троицы, на Катерине мариенбургской девке, бывшей замужем за шведским трубачом, потом наложницею Шереметева и Меншикова.

Екатерина родилась 16 апреля 1688 года. Варварский указ о недерзании бить челом — отменен.

1709

В Мариенверде Петр виделся с прусским королем. Петр не пьянствовал, умел себя воздержать.

1711

У князя Меншикова на фейерверке на щите надпись: „Идеже правда, там и помощь божия“, однако бог помог не нам.

1713

Повелел новгородскому губернатору Корсакову, чтобы все дворяне были к 1-му декабря к смотру, под опасением лишения чести и живота. С похмелья, видно.

1714

В Риге: смотри истинный анекдот о мощах девицы Ф. Грот.

В сие же время издан тиранский указ о запрещении во всем государстве каменного строения под страхом конфискации и ссылки.

1715

Петр опять издал один из своих жестоких указов: он повелел приготовлять юфть новым способом, по обыкновению своему за ослушание угрожая кнутом и каторгою.

В Хиву посланцем и шпионом послан был ...(?)

1718

Приказывает юфть для обуви делать не с дегтем, а с ворванным салом, под страхом конфискаций и галер, как обыкновенно кончаются хозяйственные указы Петра.

---

a) Царевича женил на принцессе Вольфенбительской. Она, кажется, изменила мужу с молодым Левенвольдом. Царевич ее разлюбил и взял себе в наложницы чухонку.

b) Оппозиция вся была на стороне царевича; духовенство, гонимое протестантом царем, обращало на него все свои надежды. Петр ненавидел сына, как препятствие настоящее и будущего разрушителя его создания.

c) Царевна запутывает Дубровского и Нарышкина.

d) Другое дело озлобило Петра: супруга его Евдокия в связи с Глебовым.

e) Царица высечена и отвезена в Новую Ладогу.

f) Петр хвастался своею жестокостию.

g) Царевич отпирался; пытка развязала ему язык; он показал на себя новые вины и наговаривал, устрашенный сильным отцом и изнеможенный истязаниями.

h) При приговоре духовенство, как бабушка, сказало надвое.

i) Царевич умер отравленный.

k) Есть предание: в день смерти царевича торжествующий Меншиков увез царя в Ораниенбаум и там возобновил оргии страшного 1698 года.

Указ — запрещается бедным просить милостыню — жестокий, тиранский, как обыкновенно.

1719

а) Скончался царевич и наследник Петр Петрович: смерть сия сломила наконец железную душу Петра.

в) 1-го июня Петр занемог (с похмелья).

1721

Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика.

NB (Это внести в Историю Петра, обдумав.)

По учреждении синода духовенство поднесло Петру просьбу о назначении патриарха; тогда-то (по свидетельству современников, графа Бестужева и барона Черкасова) Петр, ударив себя в грудь и обнажив кортик, сказал: „Вот вам патриарх!“

Сенат и синод подносят ему титул: отца отечества, всероссийского императора и Петра Великого. Петр недолго церемонился и принял их.

Сенат (т. е. 8 стариков) прокричали vivat, Петр ответил речью, гораздо более приличной и рассудительной, чем это всё торжество.

Указ о возвращении родителям деревень и проч., принадлежащих им и невинным их детям, также и о платеже заимодавцам. NB. Сей закон справедлив и милостив, но факт, из коего он проистекает, сам по себе несправедливость и жестокость. От гнилого корня отпрыск живой.

1722

Петр был гневен. Дворяне не явились на смотр. Издал указ, превосходящий варварством все прежние.

Манифест о праве наследства, т. е. уничтожил всякую законность в порядке наследства, а отдал престол на произволение самодержца.

Указ: предоставляется на волю помещиков строить новые усадьбы для солдат или разместить их по избам. Но и тут закорючка своевольства и варварства.

Петр обрезал волосы, из них сделал парик, ныне видимый на его статуе.

1723

Петр предал суду Меншикова и Шафирова; последнего за то, что при всем сенате разругал по-матерну обер-прокурора.

Малороссияне, оскорбленные в своих правах учреждением Малороссийской канцелярии, прислали к Петру депутатов. Петр посадил их в крепость.

Указ: в церквах деньги собирать в два кошелька в разные пения: для царя и для богадельни.

1724

При установлении синода (для задобрения монахов) возвратил он духовенству управление имениями.

Указ синоду о монашестве: Петр сим указом превратил монастыри мужские в военные госпитали, монахов в лазаретных служителей, а монахинь в прядильниц, швей и кружевниц. (Выписал для них мастериц из Брабанта.)

1-го мая назначено торжество коронации (Екатерины). Накануне Меншиков подал просьбу государю о отпуске повинных штрафов чрез руки (Екатерины). Петр согласился на всё.

Камергер Монс де Лакроа и сестра его Балк были казнены. Монс потерял голову, сестра его высечена кнутом, два ее сына, камергер и паж, разжалованы в солдаты. Императрица, бывшая в тайной связи с Монсом, не смела за Монса просить; она просила за его сестру. Петр был неумолим. Оправдалась ли Екатерина в глазах грозного супруга? По крайней мере, ревность и подозрение терзали его. Он повез ее около эшафота, на котором торчала голова несчастного; он перестал с нею говорить — доступ к нему был ей запрещен; один только раз, по просьбе любимой его дочери Елисаветы, согласился отобедать с той, которая в течение 20 лет была неразлучною его подругою.

⟨Заметки при чтении „Описания земли Камчатки“ С. П. Крашенинникова⟩

⟨1⟩

О Камчатке

*Камчатская землица (*или *Камчатский нос)* начинается у Пустой реки и Анапкоя в 59° широты — там с гор видно море по обеим сторонам; сей узкий перешеек соединяет Камчатку с матерой землею; здесь грань присуду Камчатских острогов; выше начинается Заносье (Анадырский присуд).

Камчатка отделяется от Америки Восточным океаном; от Охотского берегу Пенженским морем (на 1000 в.).

Соседи Камчатки — Америка, Курильские острова и Китай.

Камчатка земля гористая. Она разделена наравно хребтом; берега ее низменны. Хребты, идущие по сторонам главного хребта, вдались в море и названы носами. Заливы, между ими включенные, называются морями (Алюторское, Бобровое etc.).

Под именем *Камчатки* казаки разумели только реку *Камчатку.* Южная часть называлась *Курильской землицею.* Западную часть от Большой реки до Тигиля—Берегом. Западный берег—*Авачею* (по имени реки) и *Бобровым морем*; остальную часть от устья Камчатки и Тигиля к северу — *Коряками* (по имени народа).

Рек много, но одна Камчатка судоходна. По ней на 200 верст от устья до устья реки Никула могло ходить морское судно *кочь* (?), на котором бурею занесены были первые посетители тех краев: Федор с товарищами.

Главные прочие реки — Большая река, Авача и Тигиль.

Озер множество: главные — Нерпичье, при устье Камчатки; Кроноцкое, из коего исходит река Крокодыг; Курильское, из которого течет река Озерная, — и *Апальское*.

Ключи и огнедышащие горы встречаются на каждом шагу.

Река Камчатка по тамошнему *Уйкоаль*. Выходит из болота, течет сперва к северо-востоку, потом, изворотясь круто на южно-западную сторону, впадает в Восточный океан под 56° 30′ северной широты (496 верст). Камчатка меняла часто устья свои — в разные заливы, ежегодно почти заметаемые. Главные из них три, глубокие, способные судам для зимования.

Там же, на острову посреди реки, монастырь Якутский Спасский.

Первые реки, впадающие в Камчатку (следуя от устья вверх): *Ратуга* (по-камчатски Орат). На ней в 1731 году построен острог по разорению Нижнего Камчатского острога; *Хопичь*, текущая между высокими каменными скалами *(Гычень)* в 35 верстах от Ратуги; Кеменкыг, Хотабена. Между ими ручей Еймолореч, у подошвы огнедышащей горы Шевеличь.

В 10 верстах от Хотабена селение Пингаушть — по-русски Каменный острог (вечно бунтовали).

Еловка (Коочь) — главная река (смотри описание пути по ней до Озерной реки).

В 3 верстах от оной урочище, где был поставлен первый русский острог — близ речек Протоку и Резень.

Канучь или *Крестовая (смотри любопытную надпись)*, реки Крюки, Ушки (Кругыч, Ус-кол).

Знатны рыбными промыслами.

Колю — Козыревская в память Ивана Козыревского.

Тольбачик.

Никуль-речка. Зимовье *Федота* 1 и зовется Федотовщиною.

Шапина — (в 33 верстах от оной Горелый острог).

Кырганик (близ оной *Яр*, где камчадалы гадают, стреляя из лука).

Повычя. Против ее устья стоит Верхний Камчатский острог.

Река Тигиль и Еловка. По ним прямой путь от Восточного океана до Пенженского моря.

В 20 верстах от устья находится *Горелый острог* (Дачхон), в начале завоевания истребленный казаками.

Харчин — острог близ устья Еловки.

Близ той — *Орлова* река (по причине орлиного гнезда на тополе).

Еловки берега каменистые.

На Тигиле — урочище Кохча, коряцкий острог, разоренный при Атласове за убиение *Луки Морозки*.

Большая река Кышка.

На острове (что в озере) утки и чайки несут яйца, коими на год запасаются жители Большерецкого острога.

Чекава *и Амшигач*, 2 камчадала, жившие на речках, коим казаки дали их имена.

Начилова (Чакажу) — в ней жемчуг — не чистый и не окатистый.

Камчадалы ловят уток сетьми, перетянутыми через реки.

Авача славна своею *губою*, которая имеет 14 верст в длину и ширину.

Гавань Петропавловская названа по имени 2 пакетботов, в ней зимовавших в (?).

Река *Шияхтау* (половинная) — здесь кончается присуд Большерецкого острога.

Выше к северу идет присуд Верхнего Камчатского.

Укинская Губа (20 верст окружности) — отселе начинается жилище *сидячих* коряк — до сего живут камчадалы.

Чанук-кыг, река Русакова — там поселены потомки русских пришельцев, — прибывших *после* Федота *Кочевщика*.

Урочище Ункаляк (Каменный враг). Ему в жертву приносят камень.

Острожек Коряцкий окружен земляным валом (вышиной 1 сажень, шириной 1 аршин), внутри двойной частокол, к нему приставлены двойные жерди. В каждой стене две бойницы (?). Вход с трех сторон (кроме южной). —

Крашенинников видел сей первый укрепленный острог: другие были земляная юрта, балаганами окруженная.

Первым жителем и богом Камчатки почитается *Кут*.

Смотри сказку о его ссоре с женою (I, стр. 55).

С крутых гор спускаются на ремнях.

Река Галыгина, по имени пропавшего казака.

Ясачные сборщики часто убиваемы были.

(Описание зимней поездки, стр. 75—I.)

Пенженское море получило свое название от реки Пенжени — в 50 верстах от Таловки.

Здесь в 7187 поставлено первое зимовье казацкое.

Пролив между Курильскою Лопаткою 15 верст — переезд на байдарах три часа. Для сего требуется тихая погода и конец приливу. Во время же отлива ходит по морю *вал с белью и засыпью* вышиною до 30 сажень. Валы сии по-казацки называются *сувой* и *сулой*, а камчадалы — *когачь*, т. е. *хребет*; также и *камуй*, т. е. *бог* (смотри Описан. Курильских островов, ч. I, 105).

Гора *Алаид* на пустом Курильском острову (смотри о ней сказку I, 108).

Молния редко видима в Камчатке. Дикари полагают, что гамулы (духи) бросают из своих юрт горящие головешки.

Гром, по их мнению, происходит от того, что *Кут* лодки свои с реки на реку перетаскивает, или что он в сердцах бросает оземь свой бубен.

Смотри грациозную их сказку о ветре и о зарях утренней и вечерней (ч. II, 168).

Камчатка — страна печальная, гористая, влажная. Ветры почти беспрестанные обвевают ее. Снега не тают на высоких горах. Снега выпадают на три сажени глубины — и лежат на ней почти 8 месяцев. Ветры и морозы убивают снега; весеннее солнце отражается на их гладкой поверхности, причиняет несносную боль глазам. Настает лето. Камчатка, от наводнения освобожденная, являет скоро великую силу растительности — но в начале августа уже показывает иней и начинаются морозы.

Недостаток железа и соли чувствителен. Жители вываривают соль из морской воды. Питаются недосушенной рыбой.

Климат на Камчатке умеренный и здоровый.

(Мнение камчадалов о сопках — ч. II, 176.)

Огнедышащие горы — их три: 1) Авачинская, 2) Толбачинская между Камчаткой и Толбачином, 3) Камчатская.

Горы угасшие — Апальская и Вилючинская.

Мнение и страх камчадалов о ключах горячих — II. 185.

Камчадалы едят березовую крошеную кору с икрой — и кладут оную в березовый сок.

В июле цветет сарана (род lilium flore atrorubente); семенами оной питаются камчадалы — поля ею покрыты.

Вино курят русские люди из *сладкой* травы (II, 196).

Камчадалы из приморской травы плетут ковры и епанчи, подобные *нашим старинным буркам* (II, 206).

Смотри ворожбу камчадалов по убитому зверю, дабы он не сердился (II, 207).

И употребление травы чесаной.

Людей, ободранных медведями, называют камчадалы *дранками.*

Отбытие мышей предвещает худой промысел, — приход их есть важный случай, о котором повещается всюду.

Соболиное наволоко — место на реке Лене до реки Агари (30 верст) (II, 235).

(Промысел за соболями — ч. II, 233.)

Промышленные зарубают деревья — II, 248.

Жители Камчатки

1) Камчадалы, 2) коряки, 3) курилы.

Первые в южной Камчатке, от устья Уки до Курильской Лопатки, и на первом Курильском острове Шоумчи.

Коряки на севере.

Курилы на островах.

Коряки смешаны с чукчами, юкогирами, ламутками.

Коряки бывают оленные и сидячие. —

Камчадалы называют себя *ительмен, ма — житель, -ница.* Русских зовут *брыхтатын, огненные люди.*

Коряк от *хора,* олень.

Камчадал от коряцкого *хончала* (от Коочай, житель реки Еловой).

Юкогир по-коряцки *едель* (волк).

Смотри замечания о языке камчатском — III, 7.

Русские брали толмачей из сидячих коряк.

Камчатка-река — *Уйкуал.*

Ай — житель.

Камчадалы плодились, несмотря на то, что множество их погибало от снежных обвалов, от бурь, зверей, потопления, самоубийств и войны.

О боге и душе хоть и имеют понятие, но *не духовное.*

Камчадалы *вероятно* жили прежде за Амуром в Мунгалии и переселились в Камчатку прежде тунгусов — III, 13.

Пенаты камчадальские *Хантай* (сирена) и Ажушах (терм).

Коекчучь — Тюксус.

О войне камчатской — III, 62.

Их жестокость, равнодушие к жизни, коварство etc. Приметы к возмущению.

Stiller о междуусобии камчадалов — III, 68. (NB Первобытное состояние) — *шандал.*

Смотри III, 71 (о острожках камчатских).

Казаки брали камчадальских жен и ребят в холопство и в наложницы, с иными и венчались. На всю Камчатку был один поп. Главные их забавы состояли в игре карточной и в зернь в ясачной избе на полатях. Проигрывали лисиц и соболей, наконец холопей. Вино гнали из окислых ягод и сладкой травы; богатели они от *находов* на камчадалов и от ясачного сбору, который происходил следующим образом: камчадал сверх ясаку платил: 1 зверя сборщику, 1 — подьячему, 1 — толмачу, 1 — на рядовых казаков.

Казаку на Камчатке в 1740 году нужно было до 40 р. годового прихода.— См. IV, 248.

При сборщике бывает (после харчинского бунта): писчик, толмач, целовальник и несколько казаков (караульщиков).

Ясак принимает комиссар (приказчик) при вышеуказанных людях, с их совету, что годно и что нет; писчик вписывает в шнуровые книги; целовальник берет ясак к себе и хранит его за своею и за комиссарскою печатью.

Камчадалы привозят ясак.

Вначале вместе с казаками приезжали на Камчатку *мелочники,* но несли казацкую службу и старались записаться в казаки, хотя при *первой* ревизии записаны под именем посадских в подушный оклад.

Лисица на Камчатке почиталась вместо рубля (денег не было).

Путь из Якутска шел только зимний. Скарб казаки везли на *нартах.*

Путь шел 1) по реке *Лене* вниз до ее устья, оттоль по Ледяному морю до устья Индигирки, Колымы, оттоль сухим путем через Анадырск до Пенженского моря или до Олюторского, оттоль байдарами или сухим путем; на то требовалось целое лето при хорошей погоде. В противном случае *кочи* разбивались, и казаки оставались в пути по два и по три года. От Якутска до Усть-Янь — 1960 верст (см. маршрут — IV, 267).

Анадырский острог (IV, 270).

От Анадырского до Нижнего Камчатского 1144 версты; езды на оленях с две недели до Пенжены-реки, да две недели до Нижнего ‹Камчатского острога.›

Дорога через Охотск — IV, 270.

⟨2⟩

Камчатские дела

(От 1694 до 1740 года.)

§ 1. Сибирь была уже населена от Лены к востоку до Анадырска, по рекам, впадающим в Ледовитое море.

Приказчики имели поручение проведовать о новых народах и землях и приводить их в подданство.

Пенженские и олюторские коряки были объясачены (кем?), от них узнали о существовании Камчатки. Оленные коряки *паче* о том известили.

§ 2. Первый из русских, посетивших Камчатку, был Федот Алексеев; по его имени Накул-р. называется Федотовщиною.

Он пошел из устья *Колымы* Ледовитым морем в 7 кочах, занесен он был на реку Камчатку, где он и зимовал; на другое (?) лето обошел он (?) ⟨Курильскую⟩ Лопатку, и на реке Тигиле убит от коряк.

§ 3. Служивый Семен Дежнев в отписке своей подтверждает сие с некоторыми изменениями: он показывает, что Федот, будучи разнесен с ним погодою, выброшен *на берег в передний конец за реку Анадырь.* В этой отписке сказано, что в 7162 (1654) ходил он возле моря в поход и отбил у коряк якутку, бывшую любовницу Федота, которая сказывала, что Федот с одним служивым умер от цынги, что товарищи его побиты, а другие спаслися в лодки и уплыли неведомо куда. Развалины зимовья на р. Никуле видимы еще были в 1730 году.

§ 4. *Крашенинников* полагает, что Федот погиб не на Тигиле, а меж Анадыром и Олюторским, следуя от Тигиля обратно к Анадырску морем или сушею по Олюторскому берегу.

§ 5. В 7203 (1695) Владимир Атласов прислан был от якутского приказчика (из Якутска) в Анадырский острог сбирать ясак с присудных (приписных) к Анадырску коряк и юкагирей.

§ 6. В следующий 204 ⟨год⟩ Атласов послал к *апумским* корякам Луку Морозку с шестнадцатью человеками за ясаком. Оный Морозка не дошел до Камчатки токмо 4 днями. Взял он между тем Камчатский острожек и в *Погроме* получил неведомо какие письма, которые и представил Атласову.

§ 7. Атласов, взяв с собою шестьдесят человек служивых да столько же юкагирей, отправился на следующий 1697 год, после ясачного сбору, на Камчатку. Он оставил в Анадырске тридцать восемь человек казаков (с ним, следственно, было всего сто человек казаков).

§ 8. Атласов *ласкою* склонил к ясачному платежу Акланский, Каменный и Усть-Таловский острожки — да один взял с бою и потом (пишет он) 1-го февраля 1697 г. пошел в Олюторскую землю.

§ 9. Словесное предание гласит, что он разделил свой отряд надвое — Морозку послал на Восточное море, а сам пошел к Пенженскому.

§ 10. Юкагиры (шестьдесят человек) изменили ему на Полане. Произошло сражение. Три казака были убиты. Атласов и еще пятнадцать человек ранены. Казаки их отбили и без них продолжали свой поход к югу.

§ 11. Оба отряда соединились на Тигиле и собрали ясак с народов, живущих по рекам: Напане, Тигилю, Иче, Сиунче и Харыузовой. До Каланской (?) не дошли за 3 дня. По словесному преданию, Атласов дошел до реки Нынгичу (Голыгиной) за три дня от реки Игдыг (Озерной). — NB Бобры звались *каланами* и на той реке промышлялись.

§ 12. На реке Иче Атласов взял у камчадалов пленника японца (Узакинского?).

§ 13. От реки Голыгиной Атласов пошел обратно тою же дорогою до реки Ичи, потом перешел на Камчатку, построил Верхний Камчатский острог и, оставя в нем казака Потапа Серюкова, отправился в Якутск, куда и прибыл в 7208 году (1700) июля 2-го.

§ 14. Из Якутска отправился он в Москву с японским пленником и с ясачной казною, собранной им на Камчатке (см. IV—194).

§ 15. Атласов за свою службу пожалован в Москве *казачьим головою по городу Якутску*, и велено ему снова ехать на Камчатку, набрав на казачью службу сто человек в Тобольске, в Енисейске и в Якутске из казацких детей. Сверх того снабжен он в Москве и Тобольске малыми пушками, пищалями, свинцом и порохом. В Тобольске дано ему полковое знамя, барабанщик и сиповщик.

§ 16. Но в следующем 1701 году Атласов, едучи из Тобольска по реке Тунгузке, разбил *дощаник* с китайскими товарами гостя Логина Добрынина. По его челобитью, Атласов с десятью товарищами посажен в тюрьму; а на его место в Камчатку отправлен ⟨море⟩м казак Михайло Зиновьев, бывалый на Камчатке (сказано в отписке) еще прежде Атласова (с Морозкою?).

§ 17. Три года спустя после выезда Атласова на Камчатку приехал сын боярский Тимофей Кобелев, первый камчатский *приказчик*. Потап Серюков, оставленный Атласовым в Верхнем остроге, не сбирал ясак и торговал мирно с камчадалами. По прибытии Кобелева, сдал он ему начальство и со своими людьми отправился обратно в Анадырск; но коряки их не допустили и умертвили всех.

§ 18. В бытность свою на Камчатке Т. Кобелев перенес Верхний острог на реку Кали-кыг, да построил зимовье на Еловке. Ясак же сбирал *повольный* по реке Камчатке и по морям Пенженскому и Бобровому и в 1704 году прибыл с ясачною казною в Якутск.

§ 19. Кобелева сменил Зиновьев и правил Камчаткою с 1703 до 1704 г. Он завел первый ясачные книги и поименно стал вписывать камчадал. Зимовья Нижние камчатские перенес на Ключи; построил острог на Большой реке; перевел служивых людей (по их просьбе) из Укинских зимовий на Камчатку и, учредя во всем некоторый порядок, возвратился в Якутск с ясаком.

§ 20. Осенью 1704 года приехал его сменить пятидесятник Василий Колесов. Он *сидел на приказе* по апрель 1706 года. При нем был первый поход в *Курильскую землицу*, и человек двадцать курильцев *объясачены*, прочие разбежались.

§ 21. На смену ему послан был еще в 1704 г. якутский сын боярский Вас. Протопопов, да казак Вас. Шелковников: но не доехали, и от олюторов убиты на пути с десятью человеками служивых.

§ 22. В конце августа 1706 года *сидячие коряки* Косухина острожка (около реки Пенжены), близ Усть-Таловки, умышляли нападение на Колесова; но он о том был уведомлен от *сидячих же коряков* другого (Акландского) острожка, им соседнего.— И он прибыл в Якутск благополучно.

§ 23. На Акланском острожке жил он пятнадцать недель, ожидая зимнего пути. Здесь застал он семь казаков, оставшихся после Шелковникова с подарочною и пороховою казною, посланной в камчатские остроги. Колесов отправил их туда, дав им двадцать одного человека из своего отряда и назнача им в начальники Семена Ломаева, которому поручил он и сбор ясака во всех трех острогах.

§ 24. Косухинские коряки и некоторые другие покушались паки напасть на Колесова, но до того не допущены.

§ 25. После Колесова были *заказчиками* на Камчатке и Верхнем остроге — Федор Анкудимов, в Нижнем — Федот Ярыгин, а в Большерецком — Дмитрий Ярыгин. При них взбунтовались большерецкие камчадалы. Острог казачий сожгли, а казаков всех побили. На Бобровом море тогда же убит ясачный сборщик с 5 чел.

§ 26. Причиною возмущения полагает Крашенинников притеснения от казаков, мысль, что русские люди беглые (isolés), коих легко перевесть, и надежду на коряков и олюторов в непропуске русских из Анадырска, ибо смерть Протопопова и Шелковникова до них дошла.

§ 27. Казаки были в малолюдстве и принуждены были быть осторожны. Они до времени оставили изменников в покое. Они дали знать о том однако ж в Якутск (?). Печальные сии известия заставили правительство вспомнить об Атласове; он был освобожден и отправлен на Камчатку. Ему возвратили преимущества, данные ему в Москве от сибирского приказа в 1701 году. Ему дана полная власть над казаками (кнут и батожье). Велено прежние вины заслуживать, обид никому не чинить, и противу *иноземцев* строгости не употреблять, коли можно обойтись ласкою. За преступление наказа объявлена ему смертная казнь.

§ 28. Но Атласов не доехал еще и до Анадырска, как уже все почти казаки послали на него челобитные, выведенные из терпения его самовластием и жестокостию. Однако ж он благополучно прибыл в Камчатку в июле 1707 года и от *заказчиков* вместе с ясачною казною принял и начальство над острогами. У Атласова было 2 пушки.

§ 29. Немедленно (в августе того ж году) Атласов отправил на Бобровое море семьдесят человек казаков под начальством Ивана Таратина, для наказания убийц ясачных сборщиков. Поход их продолжался до 27-го ноября. От Верхнего острога до Авачи они шли без сопротивления; но близ Авачинской губы на ночлеге впервые встретили их камчадалы. Врагов было до 800. Произошло сражение. Камчадалы были разогнаны, у казаков убито шесть человек. Камчадалов в плен взято три человека; чрез них собран ясак (IV—200). После того Таратин возвратился в Верхний острог с ясаком и с заложниками.

§ 30. Избалованные потворством своих начальников, казаки не могли вынести сурового управления Атласова. В декабре 1707 года они взбунтовались, отрешили его от начальства, а в оправдание свое написали в Якутск длинные жалобы на обиды и преступления, учиненные Атласовым (см. IV—201).

§ 31. Бунтовщики на место Атласова выбрали Верхнего острога приказчика Семена Ломаева (см. выше). Атласов посажен *в казенку* (*в тюрьму*), и пожитки его взяты ими *в казну* (сколько? — см. 203).

§ 32. Атласов бежал из тюрьмы и явился в Нижний Камчатский острог. Он потребовал от заказчика Фед. Ярыгина сдачи начальства; тот не согласился, но оставил Атласова на воле.

§ 33. Якутская *канцелярия* (?), между тем, получа еще с дороги посланные челобитные, отправила обо всем донесение в Москву, а на место Атласова послала в Камчатку приказчиком сына боярского Петра Чирикова с пятьюдесятью человеками рядовых при пятидесятнике и с четырьмя десятниками. Снаряду дано ему две пушки медные, сто ядер, пять пуд. свинцу, восемь пуд. пороху.— Между тем, в январе

1709 г. в канцелярии получено известие о самовольном отрешении Атласова от начальства. Из Якутска, вслед за Чириковым, отправлена *указная память*, чтоб он по делу сему учинил следствие и прислал оное на рассмотрение в Якутск с *выборным* Сем. Ломаевым; также и сборную казну за 1707, 708 и 709 годы.

§ 34. Оная указная память в Анадырске Чирикова уже не застала и за малолюдством к нему оттуда не отправлена.

§ 35. Дорога была не безопасна. По Олюторскому и Пенженскому морю пути были заняты. 20-го июля 1709 г. олюторы дерзнули днем напасть на Чирикова, убили десять человек служивых и бывшего при казне сына боярского Ивана Панютина, казну и военные запасы разграбили и остальных держали три дня в осаде на пустом месте. Наконец, 24-го июля, Чириков пробился и рассеял дикарей, потеряв двух человек.

§ 36. Чириков, прибыв на Камчатку, принял начальство; он отрядил на Большую реку пятидесятника Ивана Харитонова с сорока казаками для усмирения дикарей. Но оные собрались в великом множестве, напали на казаков, восемь человек убили, почти всех остальных переранили; четыре недели держали их в осаде, от которой спаслись они бегством.

§ 37. Чириков с 50 казаками ходил к Бобровому морю, к Японской Бусе (?). Японцы полонены были мирными камчадалами, жившими близ той Бусы. Дикари, увидев казаков, разбежались по лесу, оставя японцев, которые им и выручены. В том походе усмирил он дикарей от Жупановой реки до Островной и наложил снова на них ясак.

§ 38. В августе (?) прибыл на смену Чирикова пятидесятник Осип Миронов, отправленный *по выбору* из Якутска в 40 человеках. Таким образом собрались на Камчатке три приказчика: Атласов, законно не отрешенный, Чириков и Миронов (он же и Липин).

§ 39. Чириков сдал Миронову Верхний Камчатский острог, а сам в октябре поплыл в Нижний Камчатский — *ботами* со своими служивыми. Он намеревался там перезимовать и оттоле отправиться с казною Пенженским морем. Миронов 6-го декабря отправился из Верхнего острога в Нижний для наряду казаков к судовому строению и препровождению ясачной казны.

§ 40. Исправя свое дело, Миронов обратно ехал в Верхний острог вместе с Чириковым. 23-го января 1711 г. на дороге был он зарезан от казаков. Злодеи думали убить и Чирикова, но по просьбе его дали ему время покаяться, а сами, в числе тридцати одного человека, поехали обратно в Нижний Камчатский острог, дабы убить Атласова.

Не доехав за полверсты, отправили они трех казаков к нему с письмом, предписав им убить его, когда станет он его читать. Но они застали его спящим и зарезали. Так погиб камчатский Ермак!

§ 41. Бунтовщики вступили в острог и, разделясь натрое, стали на три двора, по десяти человек вместе. Главные из них были: *Данило Анцыфоров да Иван Козыревский.* Бунтовщики расхитили пожитки убитых приказчиков, завели *круги*, стали выносить знамя, умножились до семидесяти пяти человек, выбрали атаманом Анцыфорова, Козыревского есаулом; с Тигиля привезли пожитки Атласова, им отправленные туда, дабы везти их Пенженским морем, расхитили съестные припасы, паруса и снасти, заготовленные для морского пути от Миронова, и уехали в Верхний острог, а Чирикова бросили скованного в пролуб, марта 20-го 1711 года.

§ 42. 17-го апреля 1711 года подали они в Верхний острог для отсылки во Якутск *повинную челобитню*, в которой об Атласове умолчено, а Чириков и Миронов обвинены обыкновенным образом (см. IV — 207). Бунтовщики извинялись дальним расстоянием, и что-де приказчики не допустили бы челобитчиков до Якутска. Опись взятого добра на артель представили тут же с большою невинностию.

§ 43. Между тем думали они заслужить свои вины. Весною отправились они из Верхнего острога на Большую реку. В начале апреля они взяли Камчатский острожек, между реками Быстрою и Гольцовкою (где ныне Русский Большерецкий острог). Они там и засели, и жили до конца мая.

§ 44. 22-го мая приплыло к оному острожку множество камчадалов и курильцев и осадили казаков с криком и угрозами. 23-го казаки, отслужа молебен (с ними был архимандрит Мартиян, от Филофея, митрополита тобольского и сибирского, в 1705 году отправленный в Камчатку для проповедания слова божия), выслали половину своих людей на вылазку. Сражение продолжалось до вечера. Казаки одолели, потеряв три человека убитыми. Дикарей убито и потоплено столько, что Большая река запрудилась их трупами. После сей победы все Большерецкие острожки покорились и стали ясак платить попрежнему.

§ 45. После того ходили бунтовщики в Курильскую землицу и были за проливом на первом Кур. острову и жителей обложили впервые ясаком.

§ 46. В том же 1711 году приехал на Камчатку Василий Севастьянов (он же и Щепоткой) на смену Миронова, не ведая ничего об убиении трех приказчиков. Севастьянов стал собирать ясак в Нижнем и Верхнем остроге. Бунтовщик Анцыфоров, узнав о его прибытии, сам приехал к нему в Нижний острог с ясачной казною, собранной

им в Большерецком. Севастьянов не осмелился ни посадить его в тюрьму, ни чинить над ним следствие. Он отправил его снова сборщиком на Большую реку. Анцыфоров на обратном пути привел в повиновение дикарей, живущих по Пенженскому морю и рекам Конпаковой и Воровской.

§ 47. В феврале 1712 года Анцыфоров был убит от авачинских камчадалов. Узнав о его скором прибытии на Авачу, устроили они пространный балаган с тайными тройными подъемными дверями. Они приняли его с честию, лаской и обещаниями; дали ему несколько аманатов из лучших своих людей и отвели ему балаган. На другую ночь они сожгли его. Перед зажжением балагана они приподняли двери и звали своих аманатов, дабы те скорее побросались вон. Несчастные отвечали, что они скованы и не могут трогаться, но приказывали своим товарищам жечь балаган и их не считать, только бы сгорели казаки.

Так погиб храбрый Анцыфоров, может быть, предупредя заслуженную казнь и оставя по себе громкую память и пословицу (см. IV—210): „На Камчатке проживешь здорово семь лет, что ни сделаешь; а семь лет проживет, кому бог велит“.

§ 48. Ободренный смертью Анцыфорова, Щепоткой послал нарочных в Верхний острог, чтоб словить убийц трех приказчиков. Один был схвачен, привезен в Нижний острог и в пытке показал, что Анцыфоров имел намерение умертвить Щепоткого, разбить оба острога, разграбить казну и бежать на острова, где и хотел поселиться со своими единомышленниками. Анцыфоров думал привести в действие свое намерение, когда приезжал в Нижний острог с ясачным сбором, но отложил оное, быв в слишком малолюдстве.

§ 49. В 1712 году июня 8-го Щепоткой, оставя в Верхнем остроге заказчиком Козырева, а в Нижнем Фед. Ярыгина, отправился по Олюторскому морю до Олюторской реки. Не дошед за два дня до *Глотова жилья,* по причине мелкости и быстроты рек, оградился он, по недостатку в лесе, земляными юртами. Олюторы ежедневно на него нападали. Он послал в Анадырск, требуя подвод и помощи, и сам с 84 человеками оставался в своем остроге до 9-го января 1713 года. Шестьдесят человек и несколько оленных подвод наконец к нему прибыли, и ясачный сбор довезен до Якутска в январе 1714 г. Оного сбора казна не получала с самого 1707. Он состоял в 332 сорока соболей, 3282 лисиц красных, 7 бурых, 41 сиводущетых, да 259 морских бобров.

§ 50. Вскоре после отъезда Щепоткого заказчик Верхнего острога Кыргызов (Козырев?) приплыл на ботах в Нижний острог, овладел оным, мучил Фед. Ярыгина свинцовыми кистенями, да *ключом* вертел ему

голову, а других людей на дыбу подымал (также и тамошнего попа). Ярыгина принудил *постричься* в монахи, сдал острог казаку Богдану Канашеву, а сам, подговоря 18 человек нижнешантальцев, возвратился в Верхний острог.

§ 51. 10-го сентября 1712 г. прибыл на Камчатку Василий Колесов, уже бывший там приказчиком и из казацких пятидесятников пожалованный дворянином по московскому списку. Он из Якутска отправлен был на смену Севастьянову в 1711 г. и дорогою получил указ о розыске над убийцами трех приказчиков. По прибытии своем он казнил двух человек смертию, других торговою казнию. Иван Козыревский, по смерти Анцыфорова бывший в Большерецком остроге приказчиком, высечен плетьми; но Кыргызов не пошел под суд к Колесову, острога своего ему не сдал и с 90 человеками, при пушках, приехал к Нижнему острогу, грозясь его разорить; в это самое время большерецкие казаки приехали туда с повинною.

§ 52. Колесов, опасаясь, чтоб обе сии стороны не соединились, запретил было ехать всем им в острог. Но Киргизов не послушался, поехал со всеми своими людьми, стал содержать крепкий караул днем и ночью. Он требовал от Колесова, чтоб сей дал ему указ идти на проведывание острова Карагинского, а между тем подговаривал нижнешантальских казаков. Не успев ни в том, ни в другом, возвратился он в Верхний острог. Казаки его разделились на две стороны, не видя надежды сделать суда и мимо Нижнего проплыть в море. Киргизова посадили в казенку. Колесов (в 1713) принял Верхний острог, Киргизова с главными сообщниками казнил смертию, других кнутом; послушные служивые пожалованы в *конные казаки*, а заказчики в дети боярские. Козыревского с 55 казаками и двумя пушками послал Колесов на Большую реку строить суда и заслуживать свои вины, *проведывая* новых островов и Японского царства.

§ 53. Козыревский исполнил сие поручение. Он привел в ясак жителей Курильской Лопатки, покорил первые два Курильские острова и привез Колесову известие о торговле сих островов с купцами города Матмая (IV—214).

§ 54. Колесова в 1713 сменил дворянин Иван Енисейский. Он заложил церковь на Ключах. Туда перенесен и Нижний острог, ибо прежнее место окружено болотами и водою понимается. Новый сей острог и с церковью сожжен в 1731 году, во время Камчатского бунта.

§ 55. При нем был поход на авачинских дикарей, некогда изменою убивших Анцыфорова. Их осадили в их остроге и две недели держали в осаде; камчадалы отразили храбро два приступа. Наконец были сож-

жены и перерезаны. Противу них было сто двадцать казаков, до ста пятидесяти покоренных дикарей. Также взят был приступом камчатский острожек Паратун. С того времени авачинские камчадалы стали платить ясак ежегодный, а не повольный, как то было прежде.

§ 56. Енисейский весною 1714 г. отправился вместе с Колесовым на судах по Олюторскому морю. Оба везли свой ясак. В августе дошли они до реки Олюторской благополучно. Там встретили они дворянина Афанасия Петрова, который разбил олюторов и, разоря их острог *Большой посад*, строил Олюторский острог. При нем было много анадырских казаков и юкагирей. Здесь они осеневали, и зимним путем все три дворяне отправились вместе в Якутск (см. ясак их IV—216).

§ 57. Юкагиры, бывшие при Афанасии Петрове, сильно на него негодовали за обиды и притеснения. Он их не отпускал на их промыслы, брал их в подводы под камчатскую казну, хотя по указу должен был брать коряцкие подводы и проч. Декабря 2-го, не доходя до Акланского острога, они его убили на Таловской вершине и казну разграбили. Колесов и Енисейский спаслися в Акланский острог и 16 человек. Но юкагиры их осадили и угрозами принудили коряков их умертвить. Казна досталась не токмо дикарям, но и нашим казакам, ибо юкагиры торговали с ними, меняя соболей и лисиц на китайский табак. Таким образом пятидесятник Алексей Петриковский наменял, между прочим, 20 сороков соболей (которые с него в казну и отправлены, когда стали доискивать разграбленный ясак).

§ 58. Коряки Пенженского моря *уговорены* и в ясак приведены уже в 1720 г. якутским дворянином Степаном Трифоновым. По убиении же трех дворян намерены они были напасть на Анадырск и подговаривали к тому чукчей.

§ 59. После того казну через Анадырск уже не высылали, а проведан морской путь в Охотск, а путь через Анадырск совсем оставлен, кроме посылок с письмами. На той дороге с 1703 г. погибло до двухсот русских. Морской путь открыт в 1715 г. якутским казаком Козьмою Соколовым, отправленным от полковника Якова Елчина, при управлении Алексея Петриковского.

§ 60. Петриковский, назначенный в приказчики, превзошел всех своих предшественников в жадности и лютости. Один из казаков замучен им в вилах до смерти. Казаки, по наущению Козьмы Соколова, посадили его в тюрьму и взяли пожитки его в казну. Они превосходили казну, собранную в два года со всей Камчатки (IV—219).

§ 61. Беспокойства между туземцами были незначительны (IV—220).*

. . . .

§ 71. Петриковского сменил Козьма Вежлицев, после сего приехал из Анадырска в приказчики Козьма Григорьев Камкин. В 1718 г. из Якутска прибыли три приказчика: Иван Уваровский (в Нижний), Ив. Поротов (в Верхний) и Василий Кочанов (в Большерецкий острог). Сей последний свержен был казаками и на полгода посажен в тюрьму. Он бежал. Мятежники взяты в Тобольск и наказаны.

§ 72. Приказчиков сменил 1719 г. дворянин Иван Харитонов. Он ходил на сидячих коряков, на Паллан-реку, и там убит изменниками. Казаки его успели спастись и сожгли убийц в их юрте.

§ 73. Приказчики приезжали ежегодно; возмущений от дикарей важных не было. Камчадалы били по два, по три человека сборщиков в Курилах и на Аваче.

§ 74. В 1720 году описывали Курильские острова *навигаторы* Иван Еврейнов и Федор Лузин, и доезжали почти до Матмая.

§ 75. В 1728 г. была *первая* академическая камчатская экспедиция, и возвратилась в Петербург в 1730.

§ 76. Наконец, в 1729 прибыла в Камчатку *партия* при капитане Дмитрии Павлуцком и якутском казачьем голове Афанасии Шестакове (убитом от чукочь в 1730). (Смотри наказ, им данный, IV—222.)

§ 77. В том же 1729 пятидесятник Штанников взят под стражу за убиение японцев, бурею занесенных на камчатские берега (см. пространную повесть о том IV—222 в примеч.).

§ 78. В 1730 сбирал ясак на Камчатке служивый Иван Новогородов, а в 1731 пятидесятник Михаил Шехурдин, главные причины бунта Камчатского.

§ 79. Открытие пути через Пенженское море имело важное следствие для Камчатки. Суда с казаками приходили ежегодно; экспедиции следовали одна за другою. Дикари не смели возмущаться. Когда же капитан Беринг отбыл в Охотск, а партия поплыла к Анадырю, дабы соединиться там с Павлуцким и идти на немирных чукчей, тогда камчадалы решились исполнить давние свои замыслы.

§ 80. Во всю зиму нижнешантальские, ключевские и еловские камчадалы разъезжали будто бы в гости по всей Камчатке, уговаривая и приуготовляя всех к общему возмущению. По убиению Шестакова распустили они слух, что чукчи идут на Камчатку войною, усыпляя тем

* ⟨Текст заметок, составивших §§ 62—70, до нас не дошел.⟩

подозрение казаков. Они намерены были у морских гаваней учредить караулы, приезжих служивых принимать ласково, а дорогою убивать изменнически, и всеми мерами до Анадырска известий не допускать.

§ 81. Главный начальник бунта был еловский таион Фед. Харчин, да дядя его Голгочь, ключевский таион.

§ 82. Последний приказчик камчатский Шехурдин выехал с ясаком благополучно; партия близ устья Камчатки взгрузилась на судно и вышла в море для похода к Анадырску. Камчадалы, бывшие у ней в подводах, не дождавшись ее отбытия, поспешили дать знать бунтующим таионам, дожидавшимся на Ключах. 20-го июля 1731 г. камчадалы на ботах устремились вверх по Камчатке, бия казаков, зажигая летовья, забирая баб и детей и проч. Харчин и Голгочь прибыли немедленно в острог (Нижний) и зажгли попов двор, с намерением приманить на пожар казаков, как охотников, что им и удалось. Все казаки с женами и детьми были перерезаны. Все дома сожжены, кроме церкви и крепости, где хранилось имение русских; немногие спаслись и приехали на устье Камчатки.

§ 83. К счастию, партия еще стояла за нечаянно восставшим противным ветром. Поход к Анадырску был остановлен. Надлежало удержать завоеванное, прежде нежели думать о новых завоеваниях.

§ 84. Между тем ключевский есаул Чегечь, оставшийся у моря, узнав от русских беглецов о взятии острога, поспешил туда со своими людьми, побивая всех встречных казаков, и объявил Харчину, что партия в море еще не ушла. Мятежники испугались, они засели во взятом остроге и дали знать вверх по Камчатке, чтобы все жители съезжались к ним в завоеванный острог. Но они сделать того не успели.

§ 85. Они вкруг острога сделали каменную стену, разобрав церковную трапезу, разделили между собою казачьи пожитки, нарядились в их платья, иные в женские, другие в поповские. Стали плясать, шаманить и объедаться. Новокрещенный Фед. Харчин призвал Савина, новокрещенного грамотея, надел на него поповские ризы и велел ему петь молебен, за что и подарил ему тридцать лисиц. (Смотри IV — 229.)

§ 86. Командир партии, штурман Яков Генс, отправил 21-го июля шестьдесят человек к взятому острогу, обещая прощение и приказывая покориться. Бунтовщики не послушались. Харчин кричал им со стены: „я здесь приказчик, я сам буду ясак собирать: вы, казаки, здесь не нужны“.

§ 87. Казаки послали к Генсу за пушками. Получив оные, 26-го июля начали они стрелять по острогу; вскоре оказались проломы; осажденные стали робеть, и пленные казачки начали убегать из острога.

Харчин, видя невозможность защищаться, оделся в женское платье и бежал.

§ 88. За ним пустилась погоня; но он так резво бегал, что мог достигать оленей. Его не догнали.

§ 89. После того человек тридцать сдались. Прочие были перестреляны. Чегечь оборонялся храбро. От стрельбы во время приступа загорелась пороховая казна; острог, кроме одной церкви, обращен был в пепел. Все камчадалы погибли, не спаслись и те, которые сдались. Ожесточенные казаки всех перекололи. Русских убито четыре человека на приступе. Церковь, по отбытии русских, сожжена камчадалами.

§ 90. Камчадалы Камакова острожка готовы были пристать к Харчину (всего сто человек); к счастию, партия не дала им на то времени. Малолюдные острожки непременно последовали бы их примеру.

§ 91. Харчин соединился с другими таионами и был готов плыть к морю, дать бой *со служивыми*. Но при реке *Ключевке*, при самом его выступлении, встречен он был *партиею*. Произошло сражение. Он отступил на высокое место по левую сторону Ключевки. Казаки стали по правой.

§ 92. Харчин думал сперва угрозами принудить партию возвратиться в море, но потом, стоя у реки, пустился в переговоры. Харчин потребовал одного аманата и пошел в стан казачий. Он обещался привести в повиновение сродников своих и подчиненных. Его обласкали и отпустили назад. Но он прислал сказать, что сродники его на то не согласились. Брат Харчина и таион Товачь остались с казаками.

§ 93. На другой день Харчин, пришед к реке, потребовал опять аманатов и допущение к новым переговорам. Казаки на то согласились. Но когда он переехал к ним, они его схватили, а своим аманатам, плывшим с камчадалами в лодке, закричали, чтоб они побросались в реку; между тем, чтоб их не закололи, прицелились к камчадалам ружьями. Те разбежались, аманаты спаслись. Камчадалы рассеяны двумя пушечными выстрелами. Верхоеловский таион Тигиль побежал со своим родом к вершинам Еловским, ключевской таион Голгочь — вверх по Камчатке, прочие — по другим местам; но казаки их преследовали и всех истребили. Тигиль долго сопротивлялся, переколол своих жен и детей и сам себя умертвил. Голгочь убит от своих за то, что он разорял их острожки на реках Шаниной и Козыревской, когда они не хотели пристать к его бунту.

§ 94. Между тем вся Камчатка восстала. Дикари стали соединяться, убивать повсюду русских, лаской и угрозою вовлекая в возмущение соседей; казаки острогов Верхнего и Большерецкого ходили по Пенжен-

скому морю, поражая всюду мятежников. Наконец соединилась с ними команда из Нижнего острога. Они пошли на Авачу против трехсот тамошних мятежников и, разоряя их укрепленные острожки, насытясь убийством, обремененные добычею, возвратились на свои места.

§ 95. Якутского полку маиор Мерлин прибыл вскоре на Камчатку. Он и Павлуцкий жили там до 1739 года. Они построили Нижний Камчатский острог ниже устья Ратуги. Им поручено следствие. Иван Новогородов, Андрей Штанников и Сапожников повешены, также и человек шесть камчадалов. Прочие казаки высечены, кто кнутом, кто плетьми.

Камчадалы, *бывшие у них в крепостной неволе*, отпущены на волю, и впредь запрещено их кабалить.

§ 96. До царствования императрицы Елисаветы Петровны не было и ста человек крещеных.

⟨20 января 1837⟩

⟨План и набросок начала статьи о Камчатке⟩

Сибирь уже была покорена. Приказчики услыхали о Камчатке.

Описание Камчатки. — Жители оной.—Федот Кочевщик. — Атласов, завоеватель Камчатки.

Завоевание Сибири совершалось постепенно [в течение целого столетия]. Уже все от Лены до Анадыри реки, впадающие в Ледовитое море, были открыты казаками, и дикие племена, живущие на их берегах или кочующие по тундрам северным, были уже покорены смелыми сподвижниками Ермака. Явились смельчаки, сквозь неимоверные препятствия и опасности устремившиеся посреди враждебных и диких племен, приводили их под высокую царскую руку, налагали на них ясак и бесстрашно селились между ими в своих жалких острожках.

⟨1837⟩

МАТЕРИАЛЫ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

ЧЕРНОВЫЕ МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ ВЫПИСКИ И АНЕКДОТЫ

Подготовка текста и комментарий к „Table-talk“ Т. Г. Зенгер

⟨Старинные пословицы и поговорки⟩

Не суйся середа прежде четверга. Смысл иронический; относится к тем, которые хотят оспорить явные законные преимущества: вероятно, выдумано во времена местничества.

В праздник жена мужа дразнит (выписка из *Кирши*).

Горе лыком подпоясано, — разительное изображение нищеты; см. *Древние Стихотворения.*

Иже не ври же, его же не пригоже. Насмешка над книжным языком: видно и в старину острились насчет славянизмов.

Кнут не архангел, души не вынет, а правду скажет. Апология пытки, пословица палача, выдуманная каким-нибудь затейником.

На посуле как на стуле. Посул — церковная дань, а не обещание, как иные думали; следственно пословица сия значит — на подарках можно спокойно сидеть, как бы на стуле.

Беспечальным сон сладок.

Не твоя печаль чужих детей качать — не твоя забота; *печаль* от глагола *пекусь.*

Бодливой корове etc. — пословица латинская.

Бог даст день, бог даст и пищи. Этой пословицей бедняк утешал однажды голодную жену. „Да, — отвечала она, — пищи, пищи, да с голоду и умри“.

Нужда научит калачи есть, т. е. нужда — мать изобретения и роскоши.

Кто в деле (в должности), *тот и в ответе* (в посольстве).

⟨1820-е годы⟩

⟨Материалы к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям"⟩

1

Кс. находит какое-то сочинение глупым. — „Чем вы это докажете?" — „Помилуйте, — простодушно уверяет он, — да я мог бы так написать".

Проза князя Вяземского чрезвычайно жива. Он обладает редкой способностию оригинально выражать мысли — к счастью он мыслит, что довольно редко между... ибо должно стараться иметь большинство голосов на своей стороне. Уважайте глупцов.

Повторенное острое слово становится глупостью. Как можно переводить эпиграммы? — разумею не антологические, в которых развертывается поэтическая прелесть, но ту, которую Буало определяет: Un bon mot de deux rimes orné. *

Браните мужчин вообще, разбирайте все их пороки, ни один не подумает заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекрасного пола — все женщины восстанут на вас единодушно: они составляют *один* народ, одну секту.

Одна из причин жадности, с которой читаем записки великих людей, — наше самолюбие: мы рады, ежели сходствуем с замечательным человеком чем бы то ни было: мнениями, чувствами, привычками, даже слабостями и пороками; вероятно, больше сходства нашли бы мы с мнениями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожных, если б они оставляли нам свои признания.

⟨1827⟩

⟨2⟩

У нас употребляют прозу как стихотворство: не из необходимости житейской, не для выражения нужной мысли, а токмо для приятного проявления форм.

⟨1827—1828⟩

Ne pas admettre l'existence de Dieu, c'est être plus absurde que ces peuples qui pensent du moins que le monde est posé sur un rhinocéros.**

⟨1829⟩

* ⟨Острое слово, украшенное двумя рифмами.⟩

** ⟨Не признавать существование бога значит быть более абсурдным, чем те народы, которые, по крайней мере, думают, что мир покоится на носороге.⟩

В миг, когда любовь исчезает, наше сердце еще лелеет ее воспоминание. Так гладиатор у Байрона соглашается умирать, но воображение носится по берегам родного Дуная.

〈1829〉

Первый нес〈частный〉 воздыхатель возбуждает чувствительность женщины, прочие или едва замечены, или служат 〈*нрзбр*〉. Так в начале сражения первый раненый производит болезненное впечатление и истощает сострадание наше.

〈1827—1830?〉

Переводчики — почтовые лошади просвещения. 〈1830〉

Stabilité — première condition du bonheur public.
Comment s'accomode-t-elle avec la perfectibilité indéfinie?*

〈1831〉

Зависть — сестра соревнования, следственно из хорошего роду.

〈1831〉

Какой-то лорд, известный ленивец, для своего сына пародировал известное изречение: „Не делай никогда сам то, что можешь заставить сделать через другого". N., известный эгоист, прибавил: „Не делай никогда для другого то, что можешь сделать для себя".

〈1830—1833?〉

Д — говаривал, что самою полною сатирою на некоторые литературные общества был бы список членов с означением того, что кем написано.—

〈1833〉

Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи.—

〈1833〉

Множество слов и выражений, насильственным образом введенных в употребление, остались и укоренились в нашем языке. Например, *трогательный* от слова touchant (смотри справедливое о том рассуждение г. Шишкова). *Хладнокровие*, это слово не только перевод буквальный, но еще и ошибочный. Настоящее выражение французское есть sens froid—хладномыслие, а не sang froid. Так писали это слово до самого

---

* 〈Устойчивость режима — первое условие народного счастья. Как согласовать ее с возможностью бесконечного совершенствования?〉

18 столетия. Dans son assiette ordinaire. Assiette значит положение от слова asseoir, но мы перевели каламбуром — „в своей тарелке“:

Любезнейший, ты не в своей тарелке.

Горе от ума.

<1830-е годы>

Буквы, составляющие славенскую азбуку, не представляют никакого смысла. Аз, буки, веди, глаголь, добро etc. суть отдельные слова выбранные только для начального их звука. У нас Грамматин первый, кажется, вздумал составить апоффегмы из нашей азбуки. Он пишет: „Первоначальное значение букв, *вероятно,* было следующее: *аз бук* (или буг!) ведю—т. е. я бога ведаю (!), глаголю: добро есть; живет на земле кто и как, люди мыслит. Наш он покой, рцу. Слово (λογος) твержу... и прочая,—говорит Грамматин; вероятно, что в прочем не мог уже найти никакого смысла. Как это всё натянуто! Мне гораздо более нравится трагедия, составленная из азбуки французской. Вот она:

Eno et Ikaël

Tragédie.

Personnages.

Le Prince Eno.
La Princesse Ikaël, amante du Prince Eno.
L'abbé Pécu, rival du Prince Eno.
Ixe, Igrec, Zède } garde du Prince Eno.

Scène unique.

Le Prince Eno, la Princesse Ikaël, l'abbé Pécu, gardes.

Eno.

Abbé! cédez...

L'abbé.

Eh! f...

Eno (mettant la main sur sa hache d'armes).

J'ai hache!

Ikaël (se jettant dans les bras d'Eno).

Ikaël aime Eno (ils s'embrassent avec tendresse).

Eno (se retournant vivement).

Pécu est resté? Ixe, Igrec, Zède! prenez Mr. l'abbé et jettez-le par la fenêtre.

<1830-е годы>

⟨Заметка по поводу слова „блудит“ в сатирах Кантемира⟩

Блудит или блядит — вместо заблуждает или заблуждается вовсе не употребляется.

⟨30-ые годы⟩

Богородицыны дочки

Царевича Алексея Петровича положено было отравить ядом. Денщик Петра Первого ** ⟨Ведель⟩ заказал оный аптекарю Беру. В назначенный день он прибежал за ним, но аптекарь, узнав, для чего требуется яд, разбил склянку об пол. Денщик взял на себя убиение царевича и вонзил ему тесак в сердце. (Всё это мало правдоподобно.) Как бы то ни было, употребленный в сем деле денщик был отправлен в дальнюю деревню, в Смоленскую губернию. Там женился он на бедной дворянке из роду, кажется, Энгельгардовых. Семейство сие долго томилось в бедности и неизвестности. В последствии времени ** ⟨Ведель⟩ умер, оставя вдову и трех дочерей. Об них напомнили императрице Елисавете, — она не знала, под каким предлогом вытребовать ко двору молодых **. Князь Одоевский выдумал сказку о богородице, будто бы явившейся к умирающей матери и приказавшей ей надеяться на ее милость. Девицы призваны были ко двору и приняты на ноге фрейлин. Они вышли замуж уже при Екатерине: одна за Панина, другая за Чернышева (Анна Родионовна, умершая в прошлом 1830 году), третья — не помню за кем.

При Елисавете было всего три фрейлины. При восшествии Екатерины сделали новых шесть — вот по какому случаю. Она, не зная, как благодарить шестерых заговорщиков, возведших ее на престол, заказала шесть вензелей, с тем, чтоб повесить их на шею шестерых избранных. — Но Никита Панин отсоветовал ей сие, говоря: это будет вывеска. Императрица отменила свое намерение и отдала вензеля фрейлинам.

⟨1831⟩

⟨Выписка о Поле Поттере⟩

Поль Поттер род. в Энкгуйзене в 1625 году. 15 лет был уж известен. Учился у отца, писал скоро с умом и свободой. Умер в Амстердаме 1654 году.

(Conversations Lex.)

⟨1831⟩

⟨Выписки из Четь Миней⟩

Трапеза — Толк, толмач. — Разрезать (кого) —

Рим ветхий — Великородный — Тверда аки наковальня — Муж конского чина (всадник).

Вложи (диавол) убо ему мысль о родителях, яко жалостию сокрушатися сердцу его воспоминающе велию отца и матере любовь, юже к нему имеша. И глаголаша ему помысл: что ныне творят родители твои без тебя, колико многую имут скорбь и *тугу*, и плачу о тебе, яко не ведущим им отшел еси. Отец плачет, мать рыдает, братия сетуют, сродницы и ближние жалеют по тебе, и весь дом отца твоего в печали есть тебе ради. Еще же вспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей, и пять братий его и различная мирская суетствия во ум его привождаше. День же и нощь непрестанно таковыми помыслами смущаше его, яко уже изнемощи ему телом и еле живу быти, ово бо от великого воздержания и иноческих подвигов, ово же от смущения помыслов, изсше яко скудель крепость его, и плоть его бе яко трость, ветром колеблема.

(Житие преподобн. отца нашего Иоанна Кущника — Ианнуар е. і. ⟨15⟩)

Рубо — рубище. — Дельва — (бочка или ящик?)

И дубраву всякого древа своею рукою насади (Ч. М. Житие св. Ора черноризца).

Куколь (capuchon) — cuculum — Убрус.

С путем (с жалованием).

Приидоша к прельщенному преподобные отцы Никон игумен и Иоанн, иже по нем бысть игумен, Пимен постник. Исаия иже бысть еп. ростовский, Матфей прозорливый, Исаия, затворник печерский, Агапит врач, Григ. чуд., Никола, иже бысть еп. тмут., Нестор летописец, Григорий творец канонов, Феоктист, иже бысть еп. черниг., Онисифор прозорливый: сии вси в добродетелях сияющии пришедше молитву творяху к богу о Никите.

(Житие пр. Никиты, затворника Печерского.)

⟨1831?⟩

Преподобный Савва игумен

Декабря 3. Преставление преподобного отца нашего Саввы игумена святыя обители пресвятой богородицы, что на Сторожех, нового чудотворца.

Из пролога. Преподобный отец наш Савва от юности своей Христа возлюбил, а мир возненавидел и, пришед к преподобному Сергию, принял ангельский образ и стал подвизаться, угождая богу постом, бдением, молитвами, смиренномудрием и всеми добродетельми, желая небесная блага приять от господа. Многие искушения претерпел он от бесов, но победил их помощию вышнего и над страстями воцарился. Тогда, по наставлению учителя своего, великого Сергия, отошел он от обители Святыя Троицы и поселился в пустыне на горе, называемой Сторòжи, в верху Москвы-реки, в расстоянии одного поприща от Звенигорода и сорока от града Москвы. Там святый иночествовал в безмолвии, терпя ночные морозы и тяготу жара дневного. — Услыша о добродетельном житии его, многие иноки и люди мирские от различных мест начали к нему приходить, дабы жить при нем и от него пользоваться. И принимал он всех с любовию, и был им образец смирения и иноческих трудов, сам черпая и нося воду и другие по-

требности правя, научая тем братию не лениться и не губить дней своих праздностию, изобретательницею всего злаго. Потом некий христолюбивый князь, пришед к блаженному отцу Савве, умолил его построить храм на том месте и сумму, нужную на создание оного, дал святому. И святой прошение князя исполнил и построил храм честного и славного рождества пречистой богоматери и обитель пречудесную и великую для душеспасительного пребывания в ней иноков. Там он *добре* пас во имя Христа собранное стадо, водя оное на пажить духовную, и быв некогда единожителем божественному Сергию, сотворил многие добрые дела о господе. В поздней старости впал он в болезнь телесную и, недолго пострадав, призвал братию и поучал их божественным писаниям, наказывающим хранить чистоту телесную, иметь братолюбие, украшаться смирением и прилежать посту и молитве. Тогда поставил им в игумены одного из учеников своих и всем братиям заповедал пребывать у игумна в послушании и в повиновении. Наконец, дав им всем мир и последнее целование, в добром исповедании предал душу в руце божии декабря 3-го дня, во всем благоугодив владыке своему Христу. Услышав о преставлении святого, князья и бояре, и окрест живущие, и все христолюбивые граждане Звенигорода стеклись с великой любовию на погребение отца, принесши с собою больных своих, и, проводив его псалмопением надгробным, положили его с честию в им построенной церкви пресвятой богородицы, на правой стороне. Честные его мощи и до нынешнего дня многие и различные исцеления источают приходящим с верою, во славу Христа, бога нашего, угодниками своими и по преставлении их преславные чудеса творящего, ему же слава ныне, и присно, и во веки веков, аминь.

〈Нач. 1830-х гг.〉

〈Материалы о соколиной охоте〉

Семеновский потешный двор.

Светлица для выдерживания птиц.

Челиг — самец, дикомить — самка.

Оленья перчатка.

Обносцы — ремешки оленьи с красным сукном.

Кречет больше и серее сокола. Сокол посизее.

До́лжник — в два аршина ремень сыромятный.

Ва́бил, свабило — гусиные крылья (4) с сырым мясом *для вабки.*

Ша́лгач — мешок для живой птицы. *На ремне.*

Пущеная птица — для обучения сокола.

Дербенички напущаются попарну — один снизу, другой сверху (*дермлички).*

Колокольчик привязан к ноге, коли сокол отбудет, то начинает чесаться etc.

Дермлички с кречетом — *копчик* с соколом.

Вертлуг железный — на чем вертится вабило.

Помычки — ловчие крестьяне.

Стул — где сначала сидят кречеты.

Талунбасы — род барабана для пугания птиц.

Помцы
Тайник } сети.

С благовещения их подымают, т. е. на руки берут, до Петрова дня — (учат). Учат сокола, заструнив нос вороне. Сокол бьет ее когтями за голову, носом глотку, *как добудет* — (грачей, галок, ворон, голубей, утку).

Вечеровое поле.

Зарьял, зарьяет — от зноя утомится.

Юрчак — конвульция, корчь — болезнь сокола.

Чины: *ястребник, сокольник* — унтер-офицер, *кречетник.*

Начальники: статейничий, главный, подстатейничий.

Секрет.: расходчик.

⟨Нач. 1830-х гг.⟩

⟨Гастрономические сентенции⟩

Не откладывай до ужина того, что можешь съесть за обедом.

L'exactitude est la politesse des cuisiniers.*

Желудок просвещенного человека имеет лучшие качества доброго сердца: чувствительность и благодарность.

⟨1835⟩

⟨Заметка при чтении „Путевых картин“ Гейне⟩

La liberation de l'Europe viendra de la Russie, car c'est là seulement que le préjugé de l'Aristocratie n'existe absolument pas. Ailleurs ont croit à l'Aristocratie, les uns pour la dédaigner, les autres pour la haïr, les troisièmes pour en tirer profit, vanité etc. — En Russie rien de tout celà. On n'y croit pas, voilà tout.

⟨1835⟩

⟨Шотландская пословица⟩

Ворон ворону глаза не выклюнет — шотландская пословица, приведенная В. Скоттом в *Woodstock.*

⟨1836⟩

Table-talk

Когда в 1815 году дело шло о восстановлении Польши, тогда граф Поццо ди Борго прислал государю свое мнение. (Граф противился всеми

* ⟨Точность – вежливость поваров.⟩

силами исполнению сей великой ошибки.) Государь, прочитав его, сказал князю Козловскому: „Le comte Pozzo a plus d'esprit que moi, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire“.* Козловский не преминул. Поццо отвечал: „Cela peut être; aussi dans cette occasion, n'ai-je pas parlé comme confesseur“.**

Суворов наблюдал посты. Потемкин однажды сказал ему смеясь: „видно, граф, хотите вы въехать в рай верьхом на осетре“. Эта шутка, разумеется, принята была с восторгом придворными светлейшего. Несколько дней после один из самых низких угодников Потемкина, прозванный им Сенькою-бандуристом, вздумал повторить самому Суворову: „Правда ли, ваше сиятельство, что вы хотите въехать в рай на осетре?“ Суворов обратился к забавнику и сказал ему холодно: „Знайте, что Суворов иногда делает вопросы, а никогда не отвечает“.

Divide et impera***— есть правило государственное, не только махиавелическое (принимаю это слово в его общенародном значении).

Езуит Посвин, столь известный в нашей истории, был один из самых ревностных гонителей памяти макиавелевой. Он соединил в одной книге все клеветы, все нападения, которые навлек на свои сочинения бессмертный флорентинец, и тем остановил новое издание оных. Ученый Conringius, издавший „Il principe“ в 1660 году, доказал, что Посвин никогда не читал Макиявеля, а толковал о нем по наслышке.

Человек по природе своей склонен более к осуждению, нежели к похвале (говорит Макиявель, сей великий знаток природы человеческой).

Глупость осуждения не столь заметна, как глупая хвала; глупец не видит никакого достоинства в Шекспире, и это приписано разборчивости его вкуса, странности и т. п. Тот же глупец восхищается романом Дюкре-Дюмениля или историей г. Полевого — и на него смотрят с пре-

---

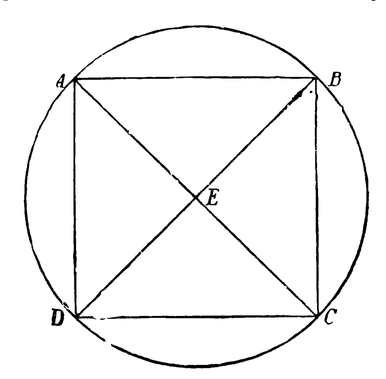
* ⟨Граф Поццо рассуждает тоньше, чем я, — согласен. Но я хорошо знаю, что я совестливее, и вы можете это ему передать.⟩

** ⟨Возможно, потому-то в данном случае я и говорил не как исповедник.⟩

*** ⟨Разделяй и управляй.⟩

зрением. Хотя в первом случае глупость его выразилась яснее для человека мыслящего. —

Форма цыфров арабских составлена из следующей фигуры:

AD (1), ABDC (2), ABECD (3), ABD + AE (4) etc. Римские цыфры составлены по тому же образцу.

Отелло от природы не ревнив — напротив: он доверчив. Вольтер это понял и, развивая в своем подражании создание Шекспира, вложил в уста своего Орозмана следующий стих:

Je ne suis point jaloux... Si je l'etois jamais!.. *

Однажды маленький арап, сопровождавший Петра I в его прогулке, остановился за некоторою нуждой и вдруг закричал в испуге: „Государь! государь! из меня кишка лезет!“ Петр подошел к нему и, увидя, в чем дело, сказал: „врешь: это не кишка, а глиста!“ — и выдернул глисту своими пальцами. Анекдот довольно не чист, но рисует обычаи Петра.

Барков заспорил однажды с Сумароковым о том, кто из них скорее напишет оду. Сумароков заперся у себя в кабинете, оставя Баркова в гостиной. Через четверть часа Сумароков выходит с готовой одою и не застает уже Баркова. Люди докладывают, что он ушел и приказал сказать Александру Петровичу, что-де его *дело в шляпе*. Сумароков догадывается, что тут какая-нибудь проказа. В самом деле, видит он на полу свою шляпу и — — —

---

* ⟨Я совсем не ревнив... Если б я им был!..⟩

Державин

Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтобы дождаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую „Водопад“. Державин приехал. — Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: „где, братец, здесь нужник?“ Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу. Дельвиг это рассказывал мне с удивительным простодушием и веселостию. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно; глаза мутны, губы отвислы; портрет его, где представлен он в колпаке и халате, очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблистали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои *Воспоминания в Царском Селе*, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом... — Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...

Денис Давыдов явился однажды в авангард к князю Багратиону и сказал: „Главнокомандующий приказал доложить вашему сиятельству, что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отступать“. Багратион отвечал: „Неприятель у нас на носу? на чьем? если на вашем, так он близко; а коли на моем, так мы успеем еще отобедать“.

Дельвиг однажды вызвал на дуэль Булгарина. Булгарин отказался, сказав: „Скажите барону Дельвигу, что я на своем веку видел более крови, нежели он чернил“.

Я встретился с Надеждиным у Погодина. Он показался мне весьма простонародным, *vulgar*, скучен, заносчив и безо всякого приличия. Например, он поднял платок, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но с живостию, а иногда и с красноречием. В них не было мыслей, но было движение; шутки были плоски.

Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам. „Я женат“, отвечал Рылеев. — „Так что же, сказал Дельвиг, разве ты не можешь отобедать в ресторации потому только, что у тебя дома есть кухня?“

Дельвиг не любил поэзии мистической. Он говаривал: „Чем ближе к небу, тем холоднее“.

Сатирик Милонов пришел однажды к Гнедичу пьяный по своему обыкновению, оборванный и растрепанный. Гнедич принялся увещевать его. Растроганный Милонов заплакал и, указывая на небо, сказал: „Там, там найду я награду за все мои страдания...“ — „Братец, возразил ему Гнедич, посмотри на себя в зеркало: пустят ли тебя туда?“

Потемкину доложили однажды, что некто граф Мор..., житель Флоренции, превосходно играет на скрыпке. Потемкину захотелось его послушать; он приказал его выписать. Один из адъютантов отправился курьером в Италию. Явился к графу М..., объявил ему приказ светлейшего и предложил тот же час садиться в его тележку и скакать в Россию. Благородный виртуоз взбесился и послал к чорту и Потемкина и курьера с его тележкою. Делать было нечего. Но как явиться к князю, не исполнив его приказания! Догадливый адъютант отыскал какого-то скрыпача, бедняка не без таланта, и легко уговорил его назваться графом М... и ехать в Россию. Его привезли и представили Потемкину, который остался доволен его игрою. Он принят был потом в службу под именем графа М. и дослужился до полковничьего чина.

Один из адъютантов Потемкина, живший в Москве и считавшийся в отпуску, получает приказ явиться. Родственники засуетились; не знают, чему приписать требование светлейшего. Одни боятся незапной немилости, другие видят неожиданное счастие. Молодого человека снаряжают наскоро в путь. Он отправляется из Москвы, скачет день и ночь и приезжает в лагерь светлейшего. Об нем тотчас докладывают. Потемкин приказывает ему явиться. Адъютант с трепетом входит в его палатку и находит Потемкина в постеле со святцами в руках. Вот их разговор: *Потемкин*: Ты, братец, мой адъютант *такой-то?* — *Адъютант:* Точно так, ваша светлость. — *Потемкин:* Правда ли, что ты святцы знаешь наизусть? — *Адъютант:* Точно так. — *Потемкин* (смотря в святцы): Какого же святого празднуют 18 мая? — *Адъютант:* Мученика Феодота, ваша светлость. — *Потемкин:* Так. А 29 сентября? — *Адъютант*: Преподоб-

ного Кириака. — *Потемкин*: Точно. А 5 февраля? — *Адъютант*: Мученицы Агафьи. — *Потемкин* (*закрывая святцы*): Ну, поезжай же себе домой.

Об арапе графа С**

У графа С** был арап, молодой и статный мужчина. Дочь его от него родила. В городе о том узнали вот по какому случаю. У графа С** по субботам раздавали милостыню. В назначенный день нищие пришли по своему обыкновению; но швейцар прогнал их, говоря сердито: „Ступайте прочь, не до вас! У нас графинюшка родила арапченка, а вы лезете за милостыней".

Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры. У Мольера Скупой скуп — и только; у Шекспира Шейлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен. У Мольера Лицемер волочится за женою своего благодетеля — лицемеря; принимает имение под сохранение — лицемеря; спрашивает стакан воды — лицемеря. У Шекспира лицемер произносит судебный приговор с тщеславною строгостию, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства. Анджело лицемер — потому что его гласные действия противуречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере!

Но нигде, может быть, многосторонний гений Шекспира не отразился с таким многообразием, как в Фальстафе, коего пороки, один с другим связанные, составляют забавную, уродливую цепь, подобную древней вакханалии. Разбирая характер Фальстафа, мы видим, что главная черта его есть сластолюбие; смолоду, вероятно, грубое дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесят, он растолстел, одрях; обжорство и вино приметно взяли верхь над Венерою. Во-вторых, он трус, но, проводя свою жизнь с молодыми повесами, поминутно подверженный их насмешкам и проказам, он прикрывает свою трусость дерзостью уклончивой и насмешливой. — Он хвастлив по привычке и по расчету.

Фальстаф совсем не глуп, напротив. Он имеет и некоторые привычки человека, зредка видавшего хорошее общество. Правил нет у него ни-

каких. Он слаб, как баба. Ему нужно крепкое испанское вино (the Sack), жирный обед и деньги для своих любовниц; чтоб достать их, он готов на всё, только б не на явную опасность.

В молодости моей случай сблизил меня с человеком, в коем природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное создание.*** был второй Фальстаф: сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, слезлив и толст. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Он был женат. Шекспир не успел женить своего холостяка. Фальстаф умер у своих приятельниц, не успев быть ни рогатым супругом, ни отцом семейства; сколько сцен, потерянных для кисти Шекспира!

Вот черта из домашней жизни моего почтенного друга. Четырехлетний сынок его, вылитый отец, маленький Фальстаф III, однажды в его отсутствии повторял про себя: „Какой папинька хлаблий! как папиньку государь любит!“ Мальчика подслушали и кликнули: „Кто тебе это сказывал, Володя?“ — „Папинька“, отвечал Володя.

Когда Пугачев сидел на Меновом дворе, праздные москвичи, между обедом и вечером, заезжали на него поглядеть, подхватить какое-нибудь от него слово, которое спешили потом развозить по городу. Однажды сидел он задумавшись. Посетители молча окружали его, ожидая, чтоб он заговорил. Пугачев сказал: „Известно по преданиям, что Петр I, во время персидского похода услыша, что могила Стеньки Разина находилась невдалеке, нарочно к ней поехал и велел разметать курган, дабы увидеть хоть его кости...“ Всем известно, что Разин был четвертован и сожжен в Москве. Тем не менее сказка замечательна, особенно в устах Пугачева. В другой раз некто **, симбирский дворянин, бежавший от него, приехал на него посмотреть и, видя его крепко привинченного на цепи, стал осыпать его укоризнами. ** был очень дурен лицом, к тому же и без носу. Пугачев, на него посмотрев, сказал: „Правда, много перевешал я вашей братии, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывал“.

6 октября 1834.

Дм<итриев> предлагал императору А<лександру> Муравьева в сенаторы. Царь отказал начисто и, помолчав, объяснил на то причину. Он был в заговоре Палена. Пален заставил Муравьева писать конституцию, а между тем произошло дело 11 марта. — Муравьев хвастался в последствии времени, что он будто бы не иначе соглашался на революцию, как с тем, чтоб наследник подписал хартию. Вздор. — План был начертан

Г. Р. Державин. С портрета маслом *Тончи* 1801 г.
(Госуд. Третьяковская галлерея)

Рибасом и Паниным. Первый отстал, раскаясь и будучи осыпан милостями Павла. — Паденье Панина произошло от того, что он сказал, что всё произошло по его плану. Слова сии были доведены до государыни Марии Федоровны — и Панин был удален.

(Слышал от Дмитриева.)

Херасков очень уважал Кострова и предпочитал его талант своему собственному. Это приносит большую честь и его сердцу и его вкусу. Костров несколько времени жил у Хераскова, который не давал ему напиваться. Это наскучило Кострову. Он однажды пропал. Его бросились искать по всей Москве и не нашли. Вдруг Херасков получает от него письмо из Казани. Костров благодарил его за все его милости, „но, писал поэт, воля для меня всего дороже".

Костров был от императрицы Екатерины именован *университетским стихотворцем* и в сем звании получал 1500 р. жалования.

Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочинения стихов и находили обыкновенно в кабаке или у дьячка, великого пьяницы, с которым был он в тесной дружбе.

Однажды в университете сделался шум. Студенты, недовольные своим столом, разбили несколько тарелок и швырнули в эконома несколькими пирогами. Начальники, разбирая это дело, в числе бунтовщиков нашли бакалавра Ермила Кострова. Все очень изумились. Костров был нраву самого кроткого, да уж и не в таких летах, чтоб бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали в конференцию. „Помилуй, Ермил Иванович, сказал ему ректор, ты-то как сюда попался?.." — „Из сострадания к человечеству", отвечал добрый Костров.

Граф Кирилл Разумовский был в заговоре 1762 г. Исполнение было ускорено изменою одного из сообщников. Екатерина уже бежала из Петергофа, а Разумовский еще ничего не знал. Он был дома. Вдруг слышит: к нему стучатся. „Кто там?" — „Орлов. Отоприте". — Алексей Орлов, которого до тех пор гр. Разумовский не видывал, вошел и объявил, что Екатерина в Измайловском полку, но что полк, взволнованный двумя офицерами (дедом моим Л. А. Пушкиным и не помню кем еще), не хочет ей присягать. Разумовский взял пистолеты в карманы, поехал в фуре, приготовленной для посуды, явился в полк и увлек его. Дед мой посажен в крепость, где и сидел два года.

Славный анекдот об указе, разорванном князем Яковом Долгоруким, рассказан у Голикова ошибочно и не вполне. Долгорукий после дерзкого своего поступка уехал домой из сената. Государь, узнав обо всем, очень прогневался и приехал к нему. Князь Яков стал перед ним на колени и просил помилования. Государь, побранив его, стал с ним рассуждать о сущности разорванного указа. Долгорукий изложил ему свое мнение. „Разве не мог ты то же самое сказать, заметил ему Петр, не раздирая моего указа?“ — „Правда твоя, государь, отвечал Долгорукий, но я знал, что если я его раздеру, то уже впредь таковых подписывать не станешь, жалея мою старость и усердие“. Государь с ним помирился, но, приехав к себе, приказал царице, которая к князьям Долгоруким была особенно милостива, призвать князя Якова и присоветовать ему на другой день при всем сенате просить прощения у государя. Князь Яков начисто отказался. На другой день он, как ни в чем не бывало, встретил в сенате государя и более, чем когда-нибудь, его оспоривал. Петр, видя, что с ним делать нечего, оставил это дело и более о том уже не упоминал.

(Слышал от кн. А. Н. Голицына.)

Одна дама сказывала мне, что если мужчина начинает с нею говорить о предметах ничтожных, как бы приноравливаясь к слабости женского понятия, то в ее глазах он тотчас обличает незнание женщин. В самом деле: не смешно ли почитать женщин, которые так часто поражают нас быстротою понятия и тонкостию чувства и разума, существами низшими в сравнении с нами! Это особенно странно в России, где царствовала Екатерина II, и где женщины вообще более просвещены, более читают, более следуют за европейским ходом вещей, нежели мы, гордые бог ведает почему.

Гёте имел большое влияние на Байрона. Фауст тревожил воображение Чайльд-Гарольда. Два раза Байрон пытался бороться с Великаном романтической поэзии — и остался хром, как Иаков.

Многие негодуют на журнальную критику за дурной ее тон, незнание приличия и тому подобное: неудовольствие их несправедливо. Ученый человек, занятый своим делом, погруженный в свои размышления, не имеет времени являться в общество и приобретать навык к суетной образованности, подобно праздному жителю большого света. Мы должны быть снисходительны к его простодушной грубости, залогу добросовестности и любви к истине. Педантизм имеет свою хорошую сторону. Он

только тогда смешон и отвратителен, когда мелкомыслие и невежество выражаются его языком.

Зорич был очень прост. Собираясь в чужие края, он не знал, как назвать себя, и непременно думал путешествовать под чужим именем, чтоб не обеспокоить Европу. Он был влюблен в кн. Долгорукую, которая жила в Могилеве, где муж ее начальствовал дивизией. У Зорича был домашний театр, и княгиня играла на нем в опере Annette et Lubin. Зорич, не зная, как ее угостить, вздумал велеть палить из пушек, когда Annette взойдет хозяйкой в свою хижину. Когда она бросается на колени перед своим господином, то из-за кулис велено было выдвинуть ей бархатную подушку etc.

Когда граф д'Артуа приезжал в Петербург, то государыня приняла его самым ласковым и блистательным образом. Он ей, однако, надоедал, и она велела сказать дамам своим, чтоб они постарались его занять. Однажды посадила она графа д'Артуа в свою карету. Граф д'Ав...., капитан гвардии принца, имея право повсюду следовать за ним, хотел было сесть также в карету, но государыня остановила его, сказав: „Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine des gardes de m-r le comte d'Artois." *

(Слышал от княгини К. Ф. Долгоруковой.)

Государь долго не производил Болдырева в генералы за картежную игру. Однажды, в какой-то праздник, во дворце, проходя мимо его в церковь, он сказал: „Болдырев, поздравляю тебя". Болдырев обрадовался; все бывшие тут думали, как и он, и поздравили его. Государь, вышед из церкви и проходя опять мимо Болдырева, сказал ему: „Поздравляю тебя: ты, говорят, вчерась выиграл". Болдырев был в отчаянии.

Графа Кочубея похоронили в Невском монастыре. Графиня выпросила у государя позволение огородить решеткою часть пола, под которой он лежит. — Старушка Новосильцева сказала: „Посмотрим, каково-то будет ему в день второго пришествия. Он еще будет карабкаться через свою решетку, а другие давно уж будут на небесах".

---

* ⟨На этот раз я обязуюсь быть капитаном гвардии графа д'Артуа.⟩

Кречетников, при возвращении своем из Польши, позван был в кабинет императрицы. „Исполнил ли ты мои такие приказания?“ спросила императрица. — „Нет, государыня“, отвечал Кречетников. Государыня вспыхнула: „Как нет!“ — Кречетников стал излагать причины, не дозволившие ему исполнить высочайшие повеления. Императрица его не слушала; в порыве величайшего гнева она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречетников ожидал своей погибели. Наконец императрица умолкла и стала ходить взад и вперед по комнате. Кречетников стоял ни жив, ни мертв. Через несколько минут государыня снова обратилась к нему и сказала уже гораздо тише: „Скажите же мне, какие причины помешали вам исполнить мою волю?“ Кречетников повторил свои прежние оправдания. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признаться в своей вспыльчивости, сказала ему с видом совершенно успокоенным: „Это — дело другое. Зачем же ты мне тотчас этого не сказал?“

(Слышал от гр. Вельгорского.)

Французские принцы имели большой успех при всех дворах, куда они являлись. Были, однако ж, с их стороны некоторые промахи: они сыпали деньги и дорогие подарки. В Берлине старый принц Витгенштейн сказал Брессону, который хвастался их расточительностию: „Mais, mon cher M-r Bresson, ce n'est pas convenable du tout; vos princes sont de la Maison de Bourbon et non pas de la Maison Rotschild“.*

(Слышал от гр. Вельгорского.)

Июнь 1836.

Голландская королева, женщина с умом замечательным и резким, сказала принцу Орлеанскому на бале: „J'avois des projets hostiles pour vous“. — Et quoi donc, Madame? — „Je voulois paraître inondée de fleurs de Lys“. — Madame, отвечал принц, croyez que j'aurois donné tout mon sang pour avoir le droit de porter cet emblème.**

1836 Июнь.

Генерал Раевский был насмешлив и желчен. Во время турецкой войны, обедая у главнокомандующего графа Каменского, он заметил, что кондитер вздумал выставить графский вензель на крылиях мельницы

---

* ⟨Но, мой дорогой г. Брессон, ведь это же вовсе неприлично: ваши принцы принадлежат к дому Бурбонов, а не Ротшильдов.⟩

** ⟨„У меня были по отношению к вам враждебные намерения“. — „Какие же, сударыня?“ — „Я хотела появиться вся покрытая лилиями“. — „Сударыня, поверьте, что я отдал бы всю мою кровь за право носить эту эмблему“.⟩

из сахара, и сказал графу какую-то колкую шутку. В тот же день Раевский был выслан из главной квартиры. Он сказывал мне, что Каменский был трус и не мог хладнокровно слышать ядра; однако под какою-то крепостию он видел Каменского, вдавшегося в опасность. Один из наших генералов, не пользующийся блистательной славою, в 1812 году взял несколько пушек, брошенных неприятелем, и выманил себе за то награждение. Встретясь с генералом Раевским и боясь его шуток, он, дабы их предупредить, бросился было его обнимать; Раевский отступил и сказал ему с улыбкою: „Кажется, ваше превосходительство, принимаете меня за пушку без прикрытия“.

Раевский говорил об одном бедном маиоре, жившем у него в управителях, что он был заслуженный офицер, отставленный за отличия с мундиром без штанов.

Будри, профессор французской словесности при Царскосельском лицее, был родной брат Марату. Екатерина II переменила ему фамилию по просьбе его, придав ему аристократическую частицу de, которую Будри тщательно сохранял. Он был родом из Будри. Он очень уважал память своего брата и однажды в классе, говоря о Робеспиере, сказал нам, как ни в чем не бывало: „c'est lui qui sous main travailla l'esprit de Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravaillac“.* Впрочем, Будри, несмотря на свое родство, демократические мысли, замасленный жилет и вообще наружность, напоминавшую якобинца, был на своих коротеньких ножках очень ловкий придворный.

Будри сказывал, что брат его был необыкновенно силен, несмотря на свою худощавость и малый рост. Он рассказывал также многое о его добродушии, любви к родственникам, etc. etc. В молодости его, чтобы отвратить брата от развратных женщин, Марат повел его в гошпиталь, где показал ему ужасы венерической болезни.

О Дурове

Дуров — брат той Дуровой, которая в 1807 году вошла в военную службу, заслужила георгиевский крест и теперь издает свои записки. Брат в своем роде не уступает в странности сестре. Я познакомился с ним на Кавказе в 1829 г., возвращаясь из Арзрума. Он лечился от какой-то удивительной болезни, вроде каталепсии, и играл с утра до

---

*<Это он тайком настроил Шарлотту Корде, сделав из этой девушки второго Равальяка.>

ночи в карты. Наконец он проигрался, и я довез его до Москвы в моей коляске. Дуров помешан был на одном пункте: ему непременно хотелось иметь сто тысяч рублей. Всевозможные способы достать их были им придуманы и передуманы. Иногда ночью, в дороге он будил меня вопросом: „Александр Сергеевич! Александр Сергеевич! как бы, думаете вы, достать мне сто тысяч?“ Однажды сказал я ему, что на его месте, если уж сто тысяч были необходимы для моего спокойствия и благополучия, то я бы их украл. „Я об этом думал“, отвечал мне Дуров.— Ну, что же? „Мудрено; не у всякого в кармане можно найти сто тысяч, а зарезать или обокрасть человека за безделицу не хочу: у меня есть совесть“. — Ну, так украдьте полковую казну. „Я об этом думал“.—Что же? „Это можно бы сделать летом, когда полк в лагере, а фура с казною стоит у палатки полкового командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а там на ней и ускакать; часовой, увидя, что фура скачет без лошадей, вероятно, испугается и не будет знать, что делать; в двух или трех верстах можно будет разбить фуру, а с казною бежать. Но тут много также неудобства. Не знаете ли вы иного способа?“ —Просите денег у государя. „Я об этом думал“. — Что же? „Я даже и просил“. — Как! безо всякого права? „Я с того и начал: ваше величество! я никакого права не имею просить у вас то, что составило бы счастие моей жизни; но, ваше величество, на милость образца нет, и так далее“. — Что же вам отвечали? „Ничего“. — Это удивительно. Вы бы обратились к Ротшильду. „Я об этом думал“.—Что же, за чем дело стало? „Да видите ли: один способ выманить у Ротшильда сто тысяч; было бы так странно и так забавно написать ему просьбу, чтоб ему было весело, потом рассказать анекдот, который стоил бы ста тысяч. Но сколько трудностей!..“ Словом: нельзя было придумать несообразности и нелепости, о которой бы Дуров уже не подумал. Последний прожект его был — выманить эти деньги у англичан, подстрекнув их народное честолюбие и в надежде на их любовь к странностям. Он хотел обратиться к ним с следующим speech:* „Гг. англичане! я бился об заклад об 10 000 рублей, что вы не откажетесь мне дать взаймы 100 000. Гг. англичане! избавьте меня от проигрыша, на который навязался я, в надежде на ваше всему свету известное великодушие“. Дуров просил меня похлопотать об этом в Петербурге через английского посланника, и свой прожект высказал мне не иначе, как взяв с меня честное слово не воспользоваться им. Он готов был всегда биться об заклад, и о чем бы то ни было. Говорили ли о женщине, — „хотите со мной биться об

* ⟨Спичем.⟩

заклад, прерывал Дуров, что через три дня я буду ее иметь?“ Стреляли ли в цель из пистолета, — Дуров предлагал стать в 25 шагах и бился о 1000 рублей, что вы в него не попадете. Страсть его к женщинам была также очень замечательна. Бывши городничим в Елабуге, влюбился он в одну рыжую бабу, осужденную к кнуту, в ту самую минуту, как она была уже привязана к столбу, а он, по должности своей, присутствовал при ее казни. Он шепнул палачу, чтобы он ее поберег и не трогал ее прелестей, белых и жирных, что и было исполнено; после чего Дуров жил несколько дней с прекрасной каторжницей. Недавно получил я от него письмо. Он пишет мне: „история моя коротка: я женился, а денег всё нет“. Я отвечал ему: „жалею, что изо 100 000 способов достать 100 000 рублей ни один еще, видно, вам не удался“.

3 окт<ября> 1835.

Некто к<нязь М. В.> Х<ованский>, возвратясь из Парижа в Москву, отличался невоздержанностию языка и при всяком случае язвительно поносил Екатерину. Императрица велела сказать ему через фельдмаршала графа Салтыкова, что за таковые дерзости в Париже сажают в Бастилию, а у нас недавно резали язык, что, не будучи от природы жестока, она для *такого бездельника,* каков Хованский (собственные слова императрицы), нрав свой переменять ненамерена, однако советует ему впредь быть осторожнее.

Потемкин, встречаясь с Шешковским, обыкновенно говаривал ему: „Что, Степан Иванович, каково кнутобойничаешь?“ На что Шешковский отвечал всегда с низким поклоном: „помаленьку, ваша светлость!“

Разговоры Н. К. Загряжской

12 августа 1835 г. — Вы слыхали про Ветошкина? Это удивительно, что никто его не знает. Надобно вам сказать, что Торжок был в то время деревушка, государыня сделала из него порядочный городок. Жители торговали (не знаю, как это сказать: ils faisoient le commerce des grains) крупами, что ли? — и привозили на барках, не помню куда. Вот этот Ветошкин был приказчиком на этих барках. Он был раскольник. Однажды он является к митрополиту и просит его объяснить ему догматы православия. Митрополит отвечал ему, что для того нужно быть ученым, знать по-гречески, по-еврейски и бог ведает что еще. Ветошкин уходит от него и через два года является опять. Вообразите, что в это время успел он выучиться всему этому. Он отрекся от своего раскола и принял истинную веру. В городе только что про него и

говорили. Я жила тогда на Мойке, дверь об дверь с графом А. С. Строгоновым. Ром жил у них в учителях, — тот самый, что подписал потом определение <о казни Людовика XVI>. Он очень был умный человек, c'étoit une forte tête, un grand raisonneur, il vous eût rendu claire l'Apocalypse.* Он у меня был каждый день с своим питомцем. Я ему рассказываю про Ветошкина. — „Madame, c'est impossible“. — Mon cher m-r Rome, je vous répète ce que tout le monde me dit. Au reste, si vous êtes curieux de savoir ce qu'il en est, vous pouvez voir Ветошкин chez le prince Potemkine, il y vient tous les jours. — „Madame, je n'y manquerai pas“.** Ром отправился к Потемкину и увиделся с Ветошкиным. Он приходит ко мне. — Hé bien, M-r? — „Madame, je n'en reviens pas: c'est que véritablement c'est un savant.*** Мне очень хотелось встретить Ветошкина. Ив. Ив. Шувалов доставил мне случай увидеть его в своем доме. Я застала там двух молодых раскольников, с которыми Ветошкин имел une controverse (прение). Ветошкин был тщедушный мужчина лет 35. Прение их очень меня занимало. — После того за ужином я сидела против Ветошкина. Я спросила его, каким образом добился он учености. „Сначала было трудно, отвечал он, а потом всё легче да легче. Книги доставляли мне добрые люди, граф Николай Иванович да князь Григорий Александрович“. — Вам, думаю, скучно в Торжке? — „Нет, сударыня, я живу с моими родителями и целый день занят книгами“. Потемкин, страстный ко всему необыкновенному, наконец так полюбил Ветошкина, что не мог с ним расстаться. Он взял его с собою в Молдавию, где Ветошкин занемог тамошней лихорадкою и умер почти в одно время с князем. — Очень странный человек этот Ветошкин.

---

12 августа. — Это было перед самым Петровым днем; мы ехали в Знаменское — матушка, сестра Елисавета Кирилловна и я — в одной карете; батюшка с Василием Ивановичем — в другой. На дороге останавливает нас курьер из кабинета, подходит к каретам и объявляет, что государь приказал звать нас в Петергоф. Батюшка велел было ехать, а Василий Иванович сказал ему: „Полно, не слушайся: знаю, что такое. Государь сказал, что он когда-нибудь пошлет за дамами, чтоб они явились

* <Это был большой умница, мастер порассуждать — он бы вам разъяснил Апокалипсис.>

** <„Сударыня, это невозможно“. — Мой дорогой г. Ром, я вам повторяю то, что все говорят. Впрочем, если хотите проверить, можете повидать Ветошкина у кн. Потемкина, — он бывает у него каждый день. — „Сударыня, я непременно это сделаю.“>

*** <Ну, что, сударь? — „Сударыня, я не могу придти в себя от изумления: это настоящий ученый“.>

во дворец, как их застанут, хоть в одних рубашках. И охота ему проказить накануне праздника!“ Но курьер попросил батюшку выдти на минуту. Они поговорили — и батюшка велел тотчас ехать в Петергоф. Подъезжаем ко дворцу; нас не пускают, часовой сунул к нам в окошко пистолет или что-то эдакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отец мне сказал: „полно, перестань; что за глупость“, и потом, оборотясь к часовому: „мы приехали по приказанию государя“. — „Извольте же идти в караульню“. — Батюшка пошел, а нас отправил к**, который жил в домиках. Нас приняли. Часа через два приходят от батюшки просить нас в Mon-plaisir, мы поехали; матушка в спальнем платье, как была. Приезжаем в Mon-plaisir: видим множество дам, разряженных, en robe de cour.* А государь с шляпою набекрень и ужасно сердитый. Увидя государя, я испугалась, села на пол и закричала: „ни за что не пойду на галеру“. Насилу меня уговорили. Миних был с нами. Мы приехали в Кронштадт. Государь первый вышел на берег; все дамы за ним. Матушка с нами осталась на галере (мы не принадлежали той партии). Графиня ** <Анна> Карловна Воронцова обещала прислать за нами шлюпку. Вместо шлюпки через несколько минут видим государя и всю его компанию, бегут назад — все опять на галеру — кричат, что сейчас станут нас бомбардировать. Государь ушел à fond de cale** с графиней Лисаветой Романовной; а Миних, как ни в чем не бывало, разговаривает с дамами, leur faisant la cour.*** Мы приехали в Ораниенбаум. Государь пошел в крепость (?), а мы во дворец; на другой день зовут нас к обедне. Мы знали уже всё. Государь был очень жалок. На эктинье его еще поминали. Мы с ним простились. Он дал матушке траурную свою карету с короною. Мы поехали в ней. В Петербурге народ принял нас за императрицу и кричал нам „ура“. На другой день государыня привезла матушке ленту.

---

12 августа. — Потемкин очень меня любил; не знаю, чего бы он для меня не сделал. У Машеньки была une maîtresse de clavecin**** Раз она мне говорит: „Madame, je ne puis rester à Petersbourg“. — Pourquoi ça? — „Pendant l' hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état de payer un équipage ou bien de rester oisive“. — Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut

* <В придворных туалетах.>

** <В трюм.>

*** <Ухаживая за ними.>

**** <Учительница, обучавшая ее игре на клавесине.>

arranger cela de manière ou d'autre.* Приезжает ко мне Потемкин. Я говорю ему: „Как ты хочешь, Потемкин, а мамзель мою пристрой куда-нибудь". — „Ах, моя голубушка, сердечно рад, да что для нее сделать, право, не знаю". Что же? через несколько дней приписали мою мамзель к какому-то полку и дали ей жалования. Нынче этого сделать уж нельзя.

Orloff étoit mal élevé et avoit un très mauvais ton.** Однажды у государыни сказал он при нас: по одежке держи ножки. Je trouvai cette expression bien triviale et bien inconvenante. C'étoit un homme d'esprit et depuis je crois qu'il s'est formé. Il avoit l'air d'un brigand avec sa balafre.***

Потемкин, сидя у меня, сказал мне однажды: „Наталья Кирилловна, хочешь ты зéмли?" — Какие земли? — „У меня там есть, в Крыму". — Зачем мне брать у тебя земли, к какой стати? — „Разумеется, государыня подарит, а я только ей скажу". — Сделай одолжение. — Я поговорила об этом с Тамарой, который мне сказал: „Спросите у князя планы, а я вам выберу земли". Так и сделалось. Проходит год; мне приносят 80 рублей. „Откуда, батюшки?" — „С ваших новых земель — там ходят стада, и за это вот вам деньги". — „Спасибо, батюшка". Проходит еще год, другой. Тамара говорит мне: „Что же вы не думаете о заселении ваших земель? Десять лет пройдут, так худо будет: вы заплатите большой штраф". — Да что же мне делать? — „Напишите вашему батюшке письмо, он не откажет вам дать крестьян на заселение". Я так и сделала; батюшка пожаловал мне 300 душ. Я их поселила; на другой год они все разбежались, не знаю отчего. В то время Кочубей сватался за Машу. Я ему и сказала: „Кочубей, возьми, пожалуйста, мои крымские земли, мне с ними только что хлопоты". Что же? Эти земли давали после Кочубею 50 000 доходу. Я очень была рада.

Потемкин приехал со мною проститься. Я сказала ему: „Ты не поверишь, как я о тебе грущу". — „А что такое?" — „Не знаю, куда мне

---

* ⟨„Сударыня, я не могу оставаться в Петербурге". — Почему? — „Зимой я могу давать уроки, а летом все разъезжаются по дачам, и я не в состоянии оплачивать экипаж или оставаться без работы". — Сударыня, вы не уедете, надо это уладить так или иначе.⟩

** ⟨Орлов был плохо воспитан и отличался весьма дурным тоном.⟩

*** ⟨Я нашла это выражение весьма пошлым и очень неприличным. Он был человеком неглупым и впоследствии, я думаю, приобрел манеры. Шрам делал его похожим на разбойника.⟩

будет тебя девать". — „Как так?" — „Ты моложе государыни, ты ее переживешь; что тогда из тебя будет? Я знаю тебя, как свои руки: ты никогда не согласишься быть вторым человеком". Потемкин задумался и сказал: „Не беспокойся: я умру прежде государыни; я умру скоро". И предчувствие его сбылось. Уж я больше его не видала.

Orloff étoit régicide dans l'âme, c'étoit comme une mauvaise habitude.* Я встретилась с ним в Дрездене, в загородном саду. Он сел подле меня на лавочке. Мы разговорились о Павле I. „Что за урод! Как это его терпят?" — Ах, батюшка, да что же ты прикажешь делать? ведь не задушить же его? — „А почему же нет, матушка?" — Как! и ты согласился бы, чтобы дочь твоя Анна Алексеевна вмешалась в это дело? — „Не только согласился бы, а был бы очень тому рад". Вот каков был человек!

Я была очень смешлива; государь, который часто езжал к матушке, бывало, нарочно меня смешил разными гримасами; он не похож был на государя.

Государь (Петр III) однажды объявил, что будет в нашем доме церемония в сенях. У него был арап Нарцисс; этот арап Нарцисс подрался на улице с палачом, и государь хотел снять с него бесчестие (il vouloit le réhabiliter). Привели арапа к нам в сени, принесли знамена и прикрыли его ими. Тем и дело кончилось.

О Потемкине. N. N., вышедший из певчих в действительные статские советники, был недоволен обхождением князя Потемкина. „Хиба вин не тямит того, говорил он на своем наречии, що я такий еднорал, як вин сам". Это пересказали Потемкину, который сказал ему при первой встрече: „Что ты врешь? какой ты генерал? Ты генерал-бас".

О Потемкине. Однажды Потемкин, недовольный запорожцами, сказал одному из них: „Знаете ли вы, хохлачи, что у меня в Николаеве строится такая колокольня, что как станут на ней звонить, так в Сече будет слышно?" — „То не диво, отвечал запорожец; у нас у Запорозцине е такие кобзары, що як заграють, то аж у Петербурси затанцують".

---

* 〈Орлов был в душе цареубийцей, это было у него как бы дурной привычкой.〉

О Потемкине. Князь Потемкин во время очаковского похода влюблен был в графиню**. Добившись свидания и находясь с нею наедине в своей ставке, он вдруг дернул за звонок, и пушки кругом всего лагеря загремели. Муж графини**, человек острый и безнравственный, узнав о причине пальбы, сказал, пожимая плечами: „Экое кири-куку!“

———

О Потемкине. Когда Потемкин вошел в силу, он вспомнил об одном из своих деревенских приятелей и написал ему следующие стишки:

Любезный друг
Коль тебе досуг,
Приезжай ко мне;
Коли не так,
— — —
Лежи в - - .

Любезный друг поспешил приехать на ласковое приглашение.

———

У Крылова над диваном, где он обыкновенно сиживал, висела большая картина в тяжелой раме. Кто-то ему дал заметить, что гвоздь, на который она была повешена, не прочен, и что картина когда-нибудь может сорваться и убить его. „Нет, отвечал Крылов, угол рамы должен будет в таком случае непременно описать косвенную линию и миновать мою голову“.

———

[Сумароков очень уважал Баркова, как ученого и острого критика, и всегда требовал его мнения касательно своих сочинений. Барков пришел однажды к Сумарокову. „Сумароков великий человек! Сумароков первый русский стихотворец“, сказал он ему. Обрадованный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову только того и хотелось. Он напился пьян. Выходя, сказал он ему: „Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец — я, второй Ломоносов, а ты только что третий“. Сумароков чуть его не зарезал.]

⟨1835—1836⟩

ДНЕВНИКИ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

Подготовка текста и комментарии

Т. Г. Зенгер

⟨Из лицейского дневника 1815 г.⟩

... большой грузинский нос, а партизан почти и вовсе был без носу. Давыдов является к Бенигсену: князь Багратион, говорит, прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас на носу...

— На каком носу, Денис Васильевич? отвечает генерал. — Ежели на вашем, так он уж близко, если же на носу князя Багратиона, то мы успеем еще отобедать...

Жуковский дарит мне свои стихотворенья. —

28 ноября.

Шишков и г-жа Бунина увенчали недавно князя Шаховского лавровым венком; на этот случай сочинили очень остроумную пиесу под названием: *Венчанье Шутовского. (Гимн на голос:* de Duhamel).

Вчера в торжественном венчаньи
Творца *затей*
Мы зрели полное собранье
Беседы всей;
И все в один кричали строй:
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

Он злой Карамзина гонитель;
Гроза баллад,
В беседе добрый усыпитель,
Хлыстову брат,

И враг талантов записной!
Хвала, ⟨хвала тебе, о Шутовской⟩
Хвала, герой!
Хвала, герой!

Всей братьи дал свои он *Шубы*,
И все дрожат!
Его величие не трубы —
Свистки гласят.
Он мил и телом и душой!
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

И вот под сенью обветшалой
Старик седой!
Пред ним вязанки прозы вялой,
Псалтырь в десной.
Кругом поэтов бледный строй:
Хвала, хвала тебе, старик седой!
О дед седой! (Bis)

И вдруг раздался за дверьми
И скрып и вой —
Идут сотрудники с гудками
И сам герой!
Поет он гимн венчальный свой,
Хвала, хвала тебе, о Шутовской,
Хвала, герой!
Хвала, герой!

„Я князь, поэт, директор, воин —
Везде велик,
Венца лаврового достоин
Мой тучный лик.
Венчая, пойте всей толпой:
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала герой!

Писал я на друзей пасквили
И на отца
Поэмы, тощи водевили —
Им нет конца.

И *Воды* я пишу водой.
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Тебе, герой!
Тебе, герой!

Еврей мой написал Дебору,
А я списал.
В моих твореньях много сору —
Кто ж их читал?
Доволен, право, я собой.
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

Потом к Макару и Ежовой
Герой бежит.
„Вот орден мой — венок лавровый.
Пусть буду бит,
Зато увенчан красотой!“
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

---

29 ⟨Ноября.⟩

И так я счастлив был, и так я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался лётом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкруг меня угрюмой скуки тень!..

Я счастлив был!.. нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданьем, с неописанным волненьем стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу — ее не видно было! — Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице. Сладкая минута!..

Он пел любовь, но был печален глас.
Увы! он знал любви одну лишь муку! —

Жуковский.

Как она мила была! как черное платье пристало к милой Бакуниной!

Но я не видел ее 18 часов — ах! Какое положенье, какая мука! — — —

Но я был счастлив 5 минут — —

---

10 декабря.

Вчера написал я третью главу *Фатама или разума человеческого: Право естественное*. Читал ее С. С. и вечером с товарищами тушил свечки и лампы в зале. Прекрасное занятие для философа! — Поутру читал *Жизнь Вольтера*.

Начал я комедию — не знаю, кончу ли ее.

Третьего дни хотел я начать ироическую поэму: *Игорь и Ольга*, а написал эпиграмму на Шаховского, Шихматова и Шишкова, — вот она:

Угрюмых тройка есть певцов:
Шихматов, Шаховской, Шишков.
Уму есть тройка супостатов:
Шишков наш, Шаховской, Шихматов.
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

Летом напишу я *Картину Царского Села*.

1. Картина сада.
2. Дворец. *День в Царском Селе*.
3. Утреннее гулянье.
4. Полуденное гулянье.
5. Вечернее гулянье.
6. Жители Царского Села.

Вот главные предметы вседневных моих записок. Но это еще *будущее*.

Вчера не тушили свечек; зато пели куплеты на голос: *Бери себе повесу*. Запишу, сколько могу упомнить:

На Георгиевского

Предположив — и дальше
На грацию намек.
Ну-с — Августин бого́слов,
Профессор Бутервек.

или

Над печкою бого́слов,
А в печке Бутервек.

Потом Ниобы группа,
Кореджиев тьмо-свет,
Прелестна Грациозность
И счастлив он поэт.

На Кайданова

Потише, животины.
Да долго ль, говорю!
Потише — Бомгольм, Борнгольм,
Еще раз повторю.

На Карцева.

Какие ж вы ленивцы!
Ну, на кого напасть?
Да нуте-ка, Вольховский,
Вы ересь понесли.

А что читает Пушкин!
Подайте-ка сюды!
Ступай из класса с богом,
Назад не приходи.

А слышали ль вы новость?
Наш доктор стал ленив. *или*: ревнив
Драгуна посылает, И граф послал драгуна
Чтоб отпереть жену.

А Камараж взбесился,
Романа обокрал;
А Фридебург свалился,
А граф захохотал.

Наш доктор хромоглазый
В банк выиграл вчера,
А следственно гоняет
Он лошадей с утра.

На Шумахера,

Скажите мне шастицы
Как например: wenn so,
Je weniger und desto,
Die Sonne scheint also. *

На Гакена.

Мольшать! я сам фидала,
Мольшать! я гуфернер!
Мольшать! — ты сам софрала —
Пошалуюсь теперь.

---

* <*Если так, чем меньше и тем... Итак,* солнце светит.>

На Владиславлева.

Матвеюшка! дай соли,
Нет моченьки, мой свет,
Служил я государю
Одиннадцать уж лет.

На Левашова.

Bonjour, Messieurs, — потише!
Поводьем не играй!
Уж я тебя потешу
A quand l'équitation. *

На Вильмушку.

Лишь для безумцев, Зульма,
Вино запрещено.
А Вильмушке, поэту, *или:* А не даны поэту
Стихи писать грешно. Ни гений, ни вино.

На Зяб. и Петр.

Какой столичный город,
Желательно бы знать?
А что такое ворот,
Извольте мне сказать?

На Иконникова.

Скажите: раз, два, три,
Тут скажут все скоты:
Да где ж ее взрасти?
Да на святой Руси!

На Куницына.

Известен третий способ:
Через откупщиков;
В сем случае помещик
Владелец лишь земли.

---

17 ⟨декабря.⟩

Вчера провел я вечер с Иконниковым.

Хотите ли видеть странного человека, чудака, — посмотрите на Иконникова. Поступки его — поступки сумасшедшего; вы входите в его

* <Когда будет урок верховой езды>.

комнату, видите высокого, худого человека, в черном сюртуке, с шеей, окутанной черным изорванным платком. Лицо бледное, волосы не острижены, не расчесаны; он стоит задумавшись, кулаком нюхает табак из коробочки, он дико смотрит на вас — вы ему близкий знакомый, вы ему родственник или друг — он вас не узнает, вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя — он вскрикивает, кидается на шею, целует, жмет руку, хохочет задушенным голосом, кланяется, садится, начинает речь, не доканчивает, трет себе лоб, ерошит голову, вздыхает. Перед ним карафин воды; он наливает стакан и пьет, наливает другой, третий, четвертый, спрашивает еще воды и еще пьет, говорит о своем бедном положении. Он не имеет ни денег, ни места, ни покровительства, ходит пешком из Петербурга в Царское Село, чтобы осведомиться о каком-то месте, которое обещал ему какой-то шарлатан. Он беден, горд и дерзок, рассыпается в благодареньях за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодарен и даже сердится за благодеянье, ему оказанное, легкомыслен до чрезвычайности, мнителен, чувствителен, честолюбив. Иконников имеет дарованья, пишет изрядно стихи и любит поэзию; вы читаете ему свою пиесу — наотрез говорит он: такое-то место глупо, без смысла, низко, зато за самые посредственные стихи кидается вам на шею и называет вас гением. Иногда он учтив до бесконечности, в другое время груб нестерпимо. Его любят иногда, смешит он часто, а жалок почти всегда.

Мои мысли о Шаховском.

Шаховской никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец, — Шаховской не имеет большого вкуса, он худой писатель — что ж он такой? — Неглупый человек, который, замечая всё смешное или замысловатое в обществах, пришел домой, всё записывает и потом как ни попало вклеивает в свои комедии. —

Он написал *Нового Стерна*: холодный пасквиль на Карамзина. —

Он написал водевиль *Ломоносов:* представил отца русской поэзии в кабаке и заставил его немцам говорить русские свои стихи, и растянул на три действия две или три занимательные сцены. —

Он написал *Казак-стихотворец*; в нем есть счастливые *слова*, песни замысловатые, но нет даже и тени ни завязки, ни развязки. — *Маруся* занимает, но все прочие холодны и скучны. —

Не говорю о *Встрече незваных* — пустом представлении, без малейшего искусства или занимательности. —

Он написал поэму *Шубы — и все дрожат.*

И наконец написал он комедию *Кокетку,* — хотя исполненную ошибок во всех родах, в продолжение трех первых действий холодную и скучную и без завязки, но всё комедию. —

Первые ее явления скучны. Князь Холмской, лицо не действующее, усыпительный проповедник, надутый педант — и в Липецк приезжает только для того, чтобы пошептать на ухо своей тетке в конце пятого действия.

⟨1815⟩

⟨Из Кишиневского дневника⟩

⟨1821⟩

2 апреля. Вечер провел у H. G. — прелестная гречанка. Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками я один говорил как грек: все отчаявались в успехе предприятия *этерии.* Я твердо уверен, что Греция восторжествует, а 25 000 000 турков оставят цветущую страну Эллады законным наследникам Гомера и Фемистокла. С крайним сожалением узнал я, что Владимиреско не имеет другого достоинства, кроме храбрости необыкновенной — храбрости достанет и у Ипсиланти.

3 ⟨апреля⟩. Третьего дни хоронили мы здешнего митрополита; во всей церемонии более всего понравились мне жиды: они наполняли тесные улицы, взбирались на кровли и составляли там живописные группы. Равнодушие изображалось на их лицах; со всем тем — ни одной улыбки, ни одного нескромного движенья! Они боятся христиан и потому во сто крат благочестивее их.

Читал сегодня послание князя Вяземского к Жуковскому. Смелость, сила, ум и резкость; но что за звуки! *Кому был Феб из русских ласков.* Неожиданная рифма *Херасков* не примиряет меня с такой какофонией. Баратынский — прелесть.

9 апреля. Утро провел я с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова. Mon coeur est matérialiste, говорит он, mais ma raison s'y refuse.* Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...

Получил письмо от Чедаева. — Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы: никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье, — одного тебя может любить холодная душа моя. — Жалею, что не получил он моих писем: они его бы обрадовали. — Мне надобно его видеть.

---

* ⟨Сердцем я материалист, но мой разум этому противится.⟩

В „Сыне отечества“ напечатали одно письмо мое к Василию Львовичу. Это меня взбесило; тотчас написал Гречу официальное письмо.

Вчера князь Дм. Ипсиланти сказал мне, что греки перешли через Дунай и разбили корпус неприятельский.

4 мая был я принят в масоны.

9 мая. Вот уже ровно год, как я оставил Петербург. Третьего дня писал я к князю Ипсиланти, с молодым французом, который отправляется в греческое войско. — Вчера был у кн. Суццо.

Баранов умер. Жаль честного гражданина, умного человека.

26 мая. Поутру был у меня Алексеев. Обедал у Инзова. После обеда приехали ко мне Пущин, Алексеев и Пестель; потом был я в здешнем остроге. NB. Тарас Кириллов. Вечер у Крупенских.

6 июня написал следующую записку:

Avis à M-r Deguilly ex-officier françois.

Il ne suffit pas d'être un Jean Foutre, il faut encore l'être franchement. A la veille d'un foutu duel au sabre on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament etc. etc.* — Оставим этого несчастного.

‹Из записной книжки 1820—1822 гг.›

O... disoit en 1820: „Révolution en Espagne, révolution en Italie, révolution en Portugal, constitution par ci, constitution par là... Messieurs les souverains, vous avez fait une sottise en détrônant Napoléon“.**

Le général R. disoit à N. affligé d'un mal d'aventure: „Il n'y a qu'un pas du sublime au sublimé“.***

Р., встретив однажды человека весьма услужливого, сказал ему: „Вы простудитесь, на дворе сыро, мокро (maquereau)“.****

---

* ‹К сведению г-на Дегильи, бывшего французского офицера. Недостаточно быть дрянью, надо еще быть им открыто. Накануне дрянной дуэли на саблях не пишут на глазах жены иеремиад, завещания и пр. пр.›

** ‹О. говорил в 1820 году: „Революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция тут, конституция там. Господа государи, вы поступили глупо, свергнув с престола Наполеона“.›

*** ‹Генерал Р. говорил Н., когда у него сделался нарыв на ногте: „От высокого до сулемы один шаг“. (В этой переделке известной поговорки: „От высокого до смешного один шаг“ — непереводимая игра слов: по-французски sublime значит высокое, a sublimé сулема.)›

**** ‹Игра слов: maquereau — значит сводник.›

Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues, toutes se sont passablement moquées de moi; toutes à l'exception d'une seule ont fait avec moi les coquettes.*

⟨Из автобиографических записок⟩

1824. Ноябрь 19. Михайловское.

Вышед из Лицея, я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бани, клубнике и проч., но всё это нравилось мне не долго. Я любил и доныне люблю шум и толпу и согласен с Вольтером в том, ⟨что⟩ деревня est le premier.**

...Попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он и мне поднести; я не поморщился — и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого Арапа. Через четверть часа он опять попросил водки — и повторил это раз 5 или 6 до обеда. Принесли... кушанья поставили...

⟨Воображаемый разговор с Александром I⟩

Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал ему: „Александр Сергеевич, вы прекрасно сочиняете стихи“. Александр Пушкин поклонился бы мне с некоторым скромным замешательством, а я бы продолжал: „Я читал вашу оду *Свобода*. Она написана немного сбивчиво, слегка ⟨?⟩ обдумана“, а я: — Но тут есть три строфы очень хорошие... „Я заметил, [вы] старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы. Вижу, что вы можете иметь мнения неосновательные; что вы не уважили правду личную и честь даже в царе“. — Ах, ваше величество, зачем упоминать об этой детской оде? Лучше бы вы прочли хоть 3 и 6 песнь „Руслана и Людмилы“, ежели не всю поэму, или I часть „Кавказского пленника“, „Бахчисарайский фонтан“. „Онегин“ печатается; буду иметь честь отправить два экземпляра в библиотеку вашего величества к Ив. Андр. Крылову, и если ваше величество найдете время... „Помилуйте, Александр Сергеевич. Чт⟨ение⟩ ваших стихов [доставляет нам приятное занятие]. Наше царское правило:

---

* ⟨Я более или менее влюблялся во всех красивых женщин, которых встречал; все они изрядно пренебрегали мною; все они, за исключением одной, со мной кокетничали.⟩

** ⟨Первое.⟩

П. И. Пестель и К. Ф. Рылеев. С рис. *А. С. Пушкина* 1826 г. (Госуд. Литературный музей в Москве)

дела не делай, от дела [не бегай].* Скажите, как это вы могли ужиться с Инзовым, а не ужились с графом Воронцовым?“ — Ваше величество, генерал Инзов добрый и почтенный, он русский в душе; он не предпочитает первого английского шалопая всем известным и неизвестным своим соотечественникам, он уже не волочится, ему не 18 лет от роду: страсти, если и были в нем, то уж давно погасли. 〈Он〉 доверяет благородству чувств, потому что сам имеет чувства благородные, не боится насмешек, потому что выше их, и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что он со всеми вежлив. Не опрометчив, не верит сложенным пасквилям. Ваше величество, вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочинение противузаконное приписывают мне так, как всякие остроумные вымыслы князю Цицианову. От дурных стихов не отказываюсь, надеясь на добрую славу своего имени, а от хороших, признаюсь, и силы нет отказываться. Слабость непозволительная. „Но вы же и афей? вот что уж никуда не годится“. — Ваше величество, как можно судить человека по письму, писанному товарищу, можно ли школьническую шутку взвешивать как преступление и две пустые фразы судить как бы всенародную проповедь? Я всегда почитал и почитаю вас, как лучшего из европейских нынешних властителей (увидим, однако, что будет из Карла X), но ваш последний поступок со мною 〈*нрзбр*〉 — я смело выражаюсь 〈?〉, ссылаясь на собственное ваше сердце — противоречит вашим правилам и просвещенному образу мыслей. „Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие?“ — Это не было бы оскорбительно вашему величеству, [но] вы видите, что я бы ошибся в своих расчетах. —

Но тут бы Александр Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего [хоть отчасти справедливого], я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму *Ермак* или *Кочум* 〈*нрзбр*〉 размером с рифмами...

〈Декабря 1824〉

---

* 〈Дальше зачеркнуто:〉 [„Скажите, неужто вы всё не перестаете писать на меня пасквили? Это нехорошо. Вы не должны на меня жаловаться; если я вас и не отличал еще, дожидая случая, то всё 〈?〉 ж 〈?〉 вам жаловаться не на что. Признайтесь: любезнейший наш товарищ король гишпанский или император австрийский с вами не так бы поступили. За все ваши проказы вы жили в теплом климате; что вы делали у Инзова и у Воронцова?“ — Ваше величество, Инзов меня очень любил, и за всякую ссору с молдаванами объявлял мне комнатный арест и присылал мне, скуки ради, франкфуртский журнал. А его сиятельство граф Воронцов не сажал меня под арест, не присылал мне газет, но, зная русскую литературу, как герцог Веллингтон, был ко мне чрезвычайно...]

⟨Из автобиографических записок⟩

⟨запечат⟩лены печатью вольномыслия.

Болезнь остановила на время образ жизни, избранный мною. Я занемог гнилою горячкой. Лейтон за меня не отвечал. Семья моя была в отчаяньи; но через шесть недель я выздоровел. Сия болезнь оставила во мне впечатление приятное. Друзья навещали меня довольно часто: их разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровления — одно из самых сладостных. Помню нетерпение, с которым ожидал я весны, хоть это время года обыкновенно наводит на меня тоску и даже вредит моему здоровью. Но душный воздух и закрытые окна так мне надоели во время болезни моей, что весна являлась моему воображению со всей поэтической своей прелестию. Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов *Русской истории* Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постеле с жадностию и со вниманием. Появление сей книги (как и быть надлежало) наделало много шуму и произвело сильное впечатление, 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Коломбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили. Когда, по моем выздоровлении, я снова явился в свете, толки были во всей силе. — Признаюсь, они были в состоянии отучить всякого от охоты к славе. Ничего не могу вообразить глупей светских суждений, которые удалось мне слышать насчет духа и слога *Истории* Карамзина. Одна дама, впрочем, весьма почтенная, при мне, открыв вторую часть, прочла вслух: „«*Владимир усыновил Святополка, однако не любил его...*» *Однако*!.. Зачем не *но*? *Однако*! как это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? *Однако*!“ — В журналах его не критиковали. Каченовский бросился на одно предисловие...

У нас никто не в состояньи исследовать огромное создание Карамзина, — зато никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. *Ноты русской истории* свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению. — Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые

В. К. Кюхельбекер. С рис. *А. С. Пушкина* 1826 г. (Всесоюзная публичная библиотека им. Ленина)

верным рассказом событий, — казались им верхом варварства и унижения. — Они забывали, что Карамзин печатал *Историю* свою в России; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности. Он рассказывал со всею верностью историка, он везде ссылался на источники — чего же более требовать было от него? Повторяю, что *История Государства Российского* есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека.

Некоторые из людей светских письменно критиковали Карамзина. Никита Муравьев, молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие или введение: предисловие!.. Мих. Орлов в письме к Вяземскому пенял Карамзину, зачем в начале *Истории* не поместил он *какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян*, т. е. требовал романа в истории — ново и смело! Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина. Римляне времен Тарквиния, не понимающие *спасительной пользы самодержавия*, и Брут, осуждающий на смерть своих сынов, *ибо редко основатели республик славятся нежной чувствительностию*, — конечно, были очень смешны. Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм; это не лучшая черта моей жизни.

...Кстати, замечательная черта. Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказал: „Итак, вы рабство предпочитаете свободе“. Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души. Разговор переменился. Я встал. Скоро Карамзину стало совестно, и, прощаясь со мною, как обыкновенно, упрекал меня, как бы сам извиняясь в своей горячности: „Вы сказали на меня то, чего ни Шихматов, ни Кутузов на меня не говорили“. В течение шестилетнего знакомства только в этом случае упомянул он при мне о своих неприятелях, против которых не имел он, кажется, никакой злобы; не говорю уж о Шишкове, которого он просто полюбил. Однажды, отправляясь в Павловск и надевая свою ленту, он посмотрел на меня наискось и не мог удержаться от смеха. Я прыснул, и мы оба расхохотались...

〈1826〉

〈Встреча с Кюхельбекером〉

15 октября 1827. Вчерашний день был для меня замечателен. Приехав в Боровичи в 12 часов утра, застал я проезжающего в постеле. Он метал банк гусарскому офицеру. Перед тем я обедал. При расплате

недостало мне 5 рублей, я поставил их на карту и, карта за картой, проиграл 1600. Я расплатился довольно сердито, взял взаймы 200 руб. и уехал, очень недоволен сам собою. — На следующей станции нашел я шиллерова „Духовидца“, но едва успел прочитать я первые страницы, как вдруг подъехали четыре тройки с фельдъегерем. — Вероятно, поляки? сказал я хозяйке. „Да, отвечала она, их нынче отвозят назад“. — Я вышел взглянуть на них.

Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинеле, и с виду настоящий жид — я и принял его за жида, и неразлучные понятия жида и шпиона произвели во мне обыкновенное действие; я поворотился им спиною, подумав, что он был потребован в Петербург для доносов или объяснений. Увидев меня, он с живостию на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю К<юхельбекера>. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством — я его не слышал. К<юхельбекеру> сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали. — Я поехал в свою сторону. На следующей станции узнал я, что их везут из Шлиссельбурга, — но куда же?

Луга.

<**Программа записок**>

Семья моего отца — его воспитание — французы-учителя. — [Mr.] Вонт. <?> секретарь Mr. Martin. Отец и дядя в гвардии. Их литературные знакомства. — Бабушка и ее мать — их бедность. — Иван Абрамович. — Свадьба отца. — Смерть Екатерины. — Рождение Ольги. — Отец выходит в отставку, едет в Москву. — Рождение мое.

Первые впечатления. Юсупов сад — Землетрясение. — Няня. Отъезд матери в деревню — Первые неприятности — Гувернантки. [Ранняя любовь.] — Рождение Льва. — Мои неприятные воспоминания. — Смерть Николая. — Монфор — Русло — Кат. П. и Ан. Ив. — Нестерпимое состояние. — Охота к чтению. Меня везут в П. Б. Езуиты. Тургенев. Лицей.

1811

Дядя Василий Львович. — Дмитриев. Дашков <?>. Блудов. Возня <*нрзбр*> Ан. Ник. — Светская жизнь. — *Лицей*. Открытие. Государь. Малиновский, Куницын, Аракчеев. — Начальники наши. — Мое положение. — Философич<еские> мысли. — Мартинизм. — Мы прогоняем Пилецкого. —

1812

1813

Государыня в Сарском Селе. Гр. Кочубей. Смерть Малиновского — безначалие, Чачков, Фролов — 15 лет.

1814

[Экзамен, Галич, Державин — стихотворство — смерть.]

Известие о взятии Парижа. — Смерть Малиновского. Безначалие. — [Приезд Карамз.] — [Первая любовь] — [Жизнь Карамзина.] Больница. Приезд матери. Приезд отца. Стихи etc. — Отношение к това⟨рищам⟩. Мое тщеславие.

1815

[Экзамен — Сти]

⟨1830?⟩

⟨**Родословная Пушкиных и Ганибалов**⟩

Несколько раз принимался я за ежедневные записки и всегда отступался из лености. В 1821 году начал я свою биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 г., при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки. [Они могли замешать имена многих, и может быть умножить число жертв.] Не могу не сожалеть о их потере ⟨*нрзбр*⟩; я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностию дружбы или короткого знакомства. Теперь некоторая трогательная ⟨?⟩ торжественность их окружает и, вероятно, будет действовать на мой слог и образ мыслей.

Зато буду осмотрительнее в моих показаниях, и если записки будут менее живы, то более достоверны.

[Избрав] себя лицом, около которого постараюсь собрать другие, более достойные замечания, скажу несколько слов о моем происхождении.

Мы ведем свой род от прусского выходца *Радши* или *Рачи* (*мужа честна*, говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шерефединовы и Товарковы. Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории. В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича

Грозного, историограф именует и Пушкиных. Григорий Гаврилович Пушкин принадлежит к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев. Другой Пушкин во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, *сделал честно свое дело.* Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых, а один из них, окольничий Матвей Степанович, под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру). При Петре I сын его, стольник Федор Матвеевич, уличен был в заговоре противу государя и казнен вместе с Цыклером и Соковниным. Прадед мой Александр Петрович был женат на меньшой дочери графа Головина, первого Андреевского кавалера. Он умер весьма молод, в припадке сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах. Единственный сын его, Лев Александрович, служил в артиллерии и в 1762 году, во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года. С тех пор он уже в службу не вступал и жил в Москве и в своих деревнях.

Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды велел он ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась — чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвую и положили на постелю всю разряженную и в бриллиантах. Всё это знаю я довольно темно. Отец мой никогда не говорит о странностях деда, а старые слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнее. Дед ее был негр, сын владетельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами. Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году, с польской королевою, супругою Августа, и дал ему фамилию Ганибал. В крещении наименован он был Петром; но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом. Старший брат его приезжал в Петербург, предлагая за него выкуп. Но Петр оставил при себе своего крестника. До 1716 году Ганибал находился неотлучно при особе государя, спал в

его токарне, сопровождал его во всех походах, потом послан был в Париж, где несколько времени обучался в военном училище, вступил во французскую службу, во время испанской войны был в голову ранен *в одном подземном сражении* (сказано в рукописной его биографии) и возвратился в Париж, где долгое время жил в рассеянии большого света. Петр I неоднократно призывал его к себе, но Ганибал не торопился, отговариваясь под разными предлогами. Наконец государь написал ему, что он неволить его не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или остаться во Франции; но что во всяком случае он никогда не оставит прежнего своего питомца. Тронутый Ганибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но которого я не мог уж отыскать. Государь пожаловал Ганибала в бомбардирскую роту Преображенского полка капитан-лейтенантом. Известно, что сам Петр был ее капитаном. Это было в 1722 году.

После смерти Петра Великого судьба его переменилась. Меншиков, опасаясь его влияния на императора Петра II, нашел способ удалить его от двора. Ганибал был переименован в маиоры тобольского гарнизона и послан в Сибирь с препоручением измерить Китайскую стену. Ганибал пробыл там несколько времени, соскучился и самовольно возвратился в Петербург, узнав о паденьи Меншикова и надеясь на покровительство князей Долгоруких, с которыми был он связан. — Судьба Долгоруких известна. Миних спас Ганибала, отправя его тайно в ревельскую деревню, где и жил он около десяти лет в поминутном беспокойстве. До самой кончины своей он не мог без трепета слушать звон колокольчика. Когда императрица Елисавета взошла на престол, тогда Ганибал написал ей евангельские слова: „Помяни мя, егда приидеши во царствие свое“. Елисавета тотчас призвала его к двору, произвела его в бригадиры, и вскоре потом в генерал-маиоры и в генерал-аншефы, пожаловала ему несколько деревень в губерниях Псковской и Петербургской, в первой: Зуево, Бор, Петровское и другие; во второй: Кобрино, Суйду и Таицы, также деревню Раголу, близ Ревеля, в котором несколько времени был он обер-комендантом. При Петре III вышел он в отставку и умер философом (говорит его немецкий биограф) в 1781 году, на 93 году своей жизни. Он написал было свои записки на французском языке, но в припадке панического страха, коему был подвержен, велел их при себе сжечь вместе с другими драгоценными бумагами.

В семейственной жизни прадед мой Ганибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка,

родила ему белую дочь. Он с нею развелся и принудил ее постричься в Тихвинском монастыре, а дочь ее Поликсену оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал ее себе на глаза. Вторая жена его, Христина Регина фон Шеберх, вышла за него в бытность его в Ревеле обер-комендантом и родила ему множество черных детей обоего пола.

Старший сын его, Иван Абрамович, столь же достоин замечания, как и его отец. Он пошел в военную службу вопреки воле родителя, отличился и, ползая на коленях, выпросил отцовское прощение. Под Чесмою он распоряжал брандерами и был один из тех, которые спаслись с корабля, взлетевшего на воздух. В 1770 году он взял Наварин; в 1779 выстроил Херсон. Его постановления доныне уважаются в полуденном краю России, где в 1821 году видел я стариков, живо еще хранивших его память. Он поссорился с Потемкиным. Государыня оправдала Ганибала и надела на него александровскую ленту; но он оставил службу и с тех пор жил по большей части в Суйде, уважаемый всеми замечательными людьми славного века, между прочим Суворовым, который при нем оставлял свои проказы, и которого принимал он, не завешивая зеркал и не наблюдая никаких тому подобных церемоний.

Дед мой, Осип Абрамович (настоящее имя его было Январий, но прабабушка моя не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения: *Шорн шорт,* говорила она, *делат мне шорна репят и дает им шертовск имя*) — дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего (который доводится внучатным братом моей матери). И сей брак был несчастлив. Ревность жены и непостоянство мужа были причиной неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостию вмешалась в это дело. Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь, а дедушка послан на службу в черноморский флот. 30 лет они жили розно. Дед мой умер в 1807 году, в своей псковской деревне, от следствий невоздержанной жизни. Одиннадцать лет после того бабушка скончалась в той же деревне. Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга в Святогорском монастыре.

〈1830-е годы〉

‹Записки 1831 г.›

26-го июля. Вчера государь император отправился в военные поселения (в Новгородской губернии) для усмирения возникших там беспокойств. Несколько офицеров и лекарей убито бунтовщиками. Их депутаты пришли в Ижору с повинной головою и с распискою одного из офицеров, которого пред смертию принудили бунтовщики письменно показать, будто бы он и лекаря отравливали людей. Государь говорил с депутатами мятежников, послал их назад, приказал во всем слушаться гр. Орлова, посланного в поселения при первом известии о бунте, и обещал сам к ним приехать. „Тогда я вас прощу“, сказал он им. Кажется, всё усмирено, а если нет еще, то всё усмирится присутствием государя.

Однако же сие решительное средство, как последнее, не должно быть всуе употребляемо. Народ не должен привыкать к царскому лицу, как обыкновенному явлению. Расправа полицейская должна одна вмешиваться в волнения площади, — и царский голос не должен угрожать ни картечью, ни кнутом. Царю не должно сближаться лично с народом. Чернь перестает скоро бояться таинственной власти и начинает тщеславиться своими сношениями с государем. Скоро в своих мятежах она будет требовать появления его, как необходимого обряда. Доныне государь, обладающий даром слова, говорил один; но может найтиться в толпе голос для возражения. Таковые разговоры неприличны, а прения площадные превращаются тотчас в рев и вой голодного зверя. Россия имеет 12 000 верст в ширину; государь не может явиться везде, где может вспыхнуть мятеж.

Покамест полагали, что холера прилипчива, как чума, до тех пор карантины были зло необходимое. Но коль скоро начали замечать, что холера находится в воздухе, то карантины должны были тотчас быть уничтожены. 16 губерний вдруг не могут быть оцеплены, а карантины, не подкрепленные достаточною цепию, военною силою, — суть только средства к притеснению и причины к общему неудовольствию. Вспомним, что турки предпочитают чуму карантинам. В прошлом году карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозам, привели в нищету подрядчиков и извозчиков, прекратили доходы крестьян и помещиков и чуть не взбунтовали 16 губерний. Злоупотребления неразлучны с карантинными постановлениями, которых не понимают ни употребляемые на то люди, ни народ. Уничтожьте карантины — народ не будет отрицать существования заразы, станет принимать предохра-

нительные меры и прибегнет к лекарям и правительству; но покамест карантины тут, меньшее зло будет предпочтено большему, и народ будет более беспокоиться о своем продовольствии, о угрожающей нищете и голоде, нежели о болезни неведомой и коей признаки так близки к отраве.

29 ‹июля.› Третьего дня государыня родила великого князя Николая. Накануне она позволила фрейлине Россети выйти за Смирнова.

Государь приехал перед самыми родами императрицы. Бунт в новогородских колониях усмирен его присутствием. Несколько генералов, полковников и почти все офицеры полков Аракчеевского и короля Прусского перерезаны. Мятежники имели списки мнимых отравителей, т. е. начальников и лекарей. Генерала они засекли на плаце. Над некоторыми жертвами убийцы ругались. Посадив на стул одного маиора, они подходили к нему с шутками: „Ваше высокоблагородие, что это вы так побледнели? Вы сами не свои, вы так смирны". — И с этим словом били его по лицу. Лекарей убито 15 человек, один из них спасен больными, лежащими в лазарете. Этот лекарь находился 12 лет в колонии, был отменно любим солдатами за его усердие и добродушие. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотели однако же его зарезать, ибо и он стоял в списке жертв. Больные вытребовали его из-под караула. Мятежники хотели было ехать к Аракчееву в Грузино, чтоб убить его, а дом разграбить. 30 троек были уже готовы. Жандармский офицер, взявший над ними власть, успел уговорить их оставить это намерение. Он было спас и офицеров полка Прусского короля, уговорив мятежников содержать несчастных под арестом; но после его отъезда убийства совершились. Государь обедал в Аракчеевском полку. Солдаты встретили его с хлебом и медом. Арнт, находившийся при нем, сказал им с негодованием: „Вам бы должно вынести кутью". Государь собрал полк в манеже, приказал попу читать молитвы, приложился и обратился к мятежникам. Он разругал их, объявил, что не может им простить, и требовал, чтоб они выдали ему зачинщиков. Полк обещался. Свидетели с восторгом и с изумлением говорят о мужестве и силе духа императора.

Восемь полков, возмутившихся в Старой Руссе, получили повеление идти в Гатчино.

Сентября 4. Суворов привез сегодня известие о взятии Варшавы. Паскевич ранен в бок. Мартынов и Ефимович убиты. Гейсмар ранен.— Наших пало 6000. Поляки защищались отчаянно. Приступ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27. Раненый Паскевич сказал: „Du

moins j'ai fait mon devoir".* Гвардия всё время стояла под ядрами. Суворов был два раза на переговорах и в опасности быть повешенным. Государь пожаловал его полковником в Суворовском полку. Паскевич сделан князем и светлейшим. Скржнецкий скрывается; Лелевель при Ромарино; Суворов видел в Варшаве Montebello (Lasne), Высоцкого, начинщика революции, гр. А. Потоцкого и других. Взятие под стражу еще не началось. Государь тому удивился; мы также.

На-днях скончался в П. Б. фон-Фок, начальник 3-го отделения государевой канцелярии (тайной полиции), человек добрый, честный и твердый. Смерть его есть бедствие общественное. Государь сказал: „J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer". ** Вопрос: кто будет на его месте? важнее другого вопроса: что сделаем с Польшей?

Мнение Жомини о польской кампании. Главная ошибка Дибича состояла в том, что он, предвидя скорую оттепель, поспешил начать свои действия наперекор здравому смыслу. 15 дней — разницы не сделали бы. Счастие во многом помогло Паскевичу. 1) Он не мог перейти со всеми силами Вислу; но на Палена Скржнецкий не напал. 2) Он должен был пойти на приступ, а из Варшавы выступило 20 000 — и ушли слишком далеко. Ошибка Скржнецкого состояла в том, что он пожертвовал 8000 избранного войска понапрасну под Остроленкой. Позиция его была чрезвычайно сильная, и Паскевич опасался ее. Но Скржнецкого сменили недовольные его действиями или бездействием начальники мятежа — и Польша погибла.

„Сколько в Суворовском полку осталось?" спросил государь у Суворова. „300 человек, ваше величество". — „Нет, 301: ты в нем полковник".

<Заметка о холере>

В конце 1826 года я часто видался с одним дерптским студентом (ныне он гусарский офицер и променял свои немецкие книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнедую лошадь и на польские грязи). Он много знал, чему научаются в университетах, между тем как мы с вами выучились танцовать. Разговор его был прост и важен. Он имел обо

* <По крайней мере я исполнил свой долг.>

** <Я потерял Фока; могу лишь оплакивать его и жалеть себя, что не мог его любить.>

всем затверженное понятие, в ожидании собственной поверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял. — Однажды, играя со мною в шахматы и дав конем мат моему королю и королеве, он мне сказал ⟨*нрзбр*⟩: „cholera-morbus подошла к нашим границам и через пять лет *будет у нас*“.

О холере имел я довольно темное понятие, хотя в 1822 г. старая молдаванская княгиня, набеленная и нарумяненная, умерла при мне в этой болезни. — Я стал его расспрашивать. Студент объяснил мне, что холера есть поветрие, что в Индии она поразила не только людей и животных, но и самые растения, что она желтой полосою стелется вверх по течению рек, что по мнению некоторых она зарождается от гнилых плодов и прочее — всё, чему после успели наслыхаться.

Таким образом, в дальнем уезде ⟨Псковской⟩ губернии молодой студент и ваш покорнейший слуга, вероятно одни во всей России, беседовали о бедствии, которое через 5 лет сделалось мыслию всей Европы.

———

Спустя 5 лет я был в Москве: домашние обстоятельства требовали непременно моего присутствия в нижегородской деревне. Перед моим отъездом Вяземский показал мне письмо, только что им полученное: ему писали о холере, уже перелетевшей из Астраханской губернии в Саратовскую. — По всему видно было, что она не минует и Нижегородской (о Москве мы еще не беспокоились). Я поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию моему между азиатцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на известные предосторожности, а в моем воображении холера относилась к чуме, как элегия к дифирамбу.

Приятели, у коих дела были в порядке (или в привычном беспорядке, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное бесчувствие не есть еще истинное мужество.

На дороге встретил я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. — Бедная ярманка! Она бежала, как пойманная воровка, разбросав половину своих товаров, не успев пересчитать свои барыши!

Воротиться казалось мне малодушием; я поехал далее, как, может быть, случалось вам ехать на поединок: с досадой и большой неохотой. —

Едва успел я приехать, как узнаю, что около меня оцепляются деревни, учреждаются карантины. [Народ ропщет, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвестности и загадочное непривычному своему стеснению, мятежи вспыхивают то здесь, то там. Нелепые.]

Я занялся моими делами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказки и не ездя по соседям. Между тем начинаю думать о возвращении и бес-

покоиться о карантине. Вдруг 2 октября получаю известие, что холера в Москве. Страх меня пронял — в Москве... но об этом когда-нибудь после. Я тотчас собрался в дорогу и поскакал. Проехав 20 верст, ямщик мой останавливается: застава! —

Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку. Я стал расспрашивать их. Ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать. Я доказывал им, что, вероятно, где-нибудь да учрежден карантин, что я не сегодня, так завтра на него наеду, и в доказательство предложил им серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета.

Я поехал рысью, вдруг

⟨1831?⟩

⟨Запись о 18 брюмера⟩

M-r Paëz, alors secretaire d'Embassade à Paris, m'a confirmé le recit de Bourienne. Ayant apris quelque jours avant qu'il se preparoit quelque chose de grave, il vint à S-t Cloud & se rendit à la salle des Cinq-Cents. Il vit Napoléon lever la main pour demander la parole, il entendit ses paroles sans suite, il vit d'Estrem & Biot le saisir au collet, le secouer. Bonaparte étoit pâle (de colère, remarque M-r Paëz). Quand il fut dehors & qu'il harangua les grenadiers, il trouva ceux-ci froids & peu disposés à lui prêter main-forte. Ce fut sur l'avis de Talieyrand & de Ciyès, qui se trouvoient près, qu'un officier vint parler à l'oreille de Lucien, président. Celui-ci s'écriat: vous voulez que je prononce la mise en accusation de mon frère &... il n'en étoit rien, au milieu du tumulte les c i n q-cents demandoient le Général à la barre, pour qu'il y fit ses excuses à l'assemblée. On ne connaissoit pas encore ses projets, mais on avait senti d'instinct, l'illégalité de sa démarche.

10 aout 1832 c'est hier que l'Embassadeur d'Espagne me donnat ces détails à diner chez le C-te I. Pouchkine. *

---

* ⟨Господин Паэс, в то время секретарь посольства в Париже, подтвердил мне следующий рассказ Бурьена. Узнав за несколько дней, что готовилось что-то серьезное, он прибыл в Сен-Клу и отправился в залу пятисот. Он видел, как Наполеон поднял руку, требуя слова, он слышал его бессвязные слова, он видел, как Дестрем и Био схватили его за шиворот и трясли его. Бонапарт был бледен (от гнева, замечает Паэс). Когда он вышел и обратился с речью к гренадерам, он нашел их хладнокровными и мало расположенными оказать ему поддержку. По совету Талейрана и Сийеса, которые находились вблизи, некий офицер подошел и сказал что-то на ухо председателю Люсьену. Последний воскликнул: „Вы хотите, чтобы я привлек к суду моего брата“, и т. д. Не

⟨**Программа записок**⟩

Кишинев. — Приезд мой из Кавказа и Крыму — Орлов—Ипсиланти — Каменка — *Фонт.* — Греческая революция — *Липранди* — *12 год* — mort de sa femme — le rénégat * — Паша арзрумской.

⟨Осень 1833⟩

⟨**Дневник**⟩

⟨1833⟩

24 ноября. Обедал у К. А. Карамзиной, видел Жуковского. Он здоров и помолодел. Вечером rout у Фикельмон. Странная встреча: ко мне подошел мужчина лет 45, в усах и с проседью. Я узнал по лицу грека и принял его за одного из моих старых кишиневских приятелей. Это был Суццо, бывший молдавский господарь. Он теперь посланником в Париже; не знаю еще, зачем здесь. Он напомнил мне, что в 1821 году был я у него в Кишиневе вместе с Пестелем. Я рассказал ему, каким образом Пестель обманул его и предал этерию, представя ее императору Александру отраслию карбонаризма. Суццо не мог скрыть ни своего удивления, ни досады, — тонкость фанариота была побеждена хитростию русского офицера! Это оскорбляло его самолюбие.

Государь уехал нечаянно в Москву накануне в ночь.

27. Обед у Энгельгарда — говорили о Сухозанете, назначенном в начальники всем корпусам. „C'est apparemment pour donner une autre tournure à ces établissements", ** сказал Энгельгард.

Осуждают очень дамские мундиры — бархатные, шитые золотом, — особенно в настоящее время, бедное и бедственное.

Вечер у Вяз⟨емских.⟩

28. Роут у В. С. Салтыкова. Гр. Орлов говорит о турецком посланнике: „C'est un animal". — „Il a donc un secrétaire?" — „Oui, un Phanariote, et c'est tout dire".***

29. Три вещи осуждаются вообще — и по справедливости: 1) выбор Сухозанета, человека запятнанного, вошедшего в люди через Яшвиля —

тут-то было, среди общего шума члены пятисот требовали генерала к решетке для принесения извинений собранию. Еще не знали о его намерениях, но инстинктивно почувствовали незаконность его выступления.

10 августа 1832. Вчера испанский посланник сообщил мне эти подробности во время обеда у гр. И. ⟨Мусина-⟩Пушкина.⟩

* ⟨Смерть его жены—ренегат.⟩

** ⟨Это очевидно для того, чтобы придать другой характер сим заведениям.⟩

*** ⟨Это скотина. — А есть у него секретарь? — Да, какой-то фанариот, и этим всё сказано.⟩

педераста и отъявленного игрока, товарища Мартынова и Никитина. Государь видел в нем только изувеченного воина и назначил ему важнейший пост в государстве, как спокойное местечко в доме инвалидов. 2) Дамские мундиры. 3) Выдача гвардейского офицера ф. Бринкена курляндскому дворянству. Бринкен пойман в воровстве; государь не приказал его судить по законам, а отдал его на суд курляндскому дворянству. Это зачем? К чему такое своенравное различие между дворянином псковским и курляндским, между гвардейским офицером и другим чиновником? Прилично ли государю вмешиваться в обыкновенный ход судопроизводства? Или нет у нас законов на воровство? Что, если курляндцы выключат его из среды своего дворянства и отошлют его, уже как дворянина русского, к суду обыкновенному? Вот вопросы, которые повторяются везде. Конечно, со стороны государя есть что-то рыцарское, но государь не рыцарь... Или хочет он сделать опять из гвардии то, что была она прежде? поздно!

Молодая графиня Штакельберг (урожд. Тизенгаузен) умерла в родах. Траур у Хитровой и у Фикельмон.

Вчера играли здесь *Les enfents d'Edouard* и с большим успехом. Трагедия, говорят, будет запрещена. Экерн удивляется смелости применений... Блай их не заметил. Блай, кажется, прав.

30 нояб. Вчера бал у Бутурлина (Жомини). — Любопытный разговор с Блайем: Зачем у вас флот в Балтийском море? для безопасности Петербурга? но он защищен Кронштатом. Игрушка! — Долго ли вам распространяться? (Мы смотрели карту постепенного распространения России, составленную Бутурлиным). Ваше место Азия; там совершите вы достойный подвиг сивилизации... etc.

Несколько офицеров под судом за неисправность в дежурстве. Великий князь их застал за ужином, кого в шлафроке, кого без шарфа... Он поражен мыслию об упадке гвардии. — Но какими средствами думает он возвысить ее дух? При Екатерине караульный офицер ехал за своим взводом в возке и в лисьей шубе. В начале царствования Александра офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны, — а гвардия была в своем цветущем состоянии.

...При открытии Александровской колонны, говорят, будет 100 000 гвардии под ружьем.

Декабрь 1833.

3. Вчера государь возвратился из Москвы, он приехал в 38 часов. В Москве его не ожидали. Во дворце не было ни одной топленой комнаты. Он не мог добиться чашки чаю.

Вчера Гоголь читал мне сказку *Как Ив. Ив. поссорился с Ив. Тимоф.*, — очень оригинально и очень смешно.

4 вечером у Загряжской (Нат. Кир.). Разговор о Екатерине: Наталья Кирилловна была на галере вместе с Петром III во время революции. Только два раза видела она Екатерину сердитою, и оба раза на кн. Дашкову. Екатерина звала ее в Эрмитаж. Кн. Дашкова спросила у придворных, как ходят они туда. Ей отвечали: через алтарь. Дашкова на другой день с десятилетним сыном прямо забралась в алтарь. Остановилась на минуту, — поговорила с сыном о святости того места — и прошла с ним в Эрмитаж. На другой день все ожидали государыни, в том числе и Дашкова. — Вдруг дверь отворилась, и государыня влетела, и прямо к Дашковой. Все заметили по краске ее лица и по живости речи, что она была сердита. Фрейлины перепугались. Дашкова извинялась в вчерашнем проступке, говоря, что она не знала, чтобы женщине был запрещен вход в алтарь. „Как вам не стыдно, — отвечала Екатерина, — вы русская — и не знаете своего закона; священник принужден на вас мне жаловаться...“ Наталья Кирилловна рассказала анекдот с большой живостию. Княгиня Кочубей заметила, что Дашкова вошла, вероятно, в алтарь — в качестве президента Русской академии. Второго анекдота я не выслушал. —

Шум о дамских мундирах продолжается, — к 6-му мало будет готовых. Позволено явиться в прежних русских платьях.

Храповицкой (автор записок) был некогда адъютантом у графа Кирилла Разумовского. — У Елисаветы Петровны была одна побочная дочь, *Будакова*. Это знала Наталья Кирилловна от *прежних* елисаветинских фрейлин.

Государыня пишет свои записки... Дойдут ли они до потомства? Елисавета Алексеевна писала свои, они были сожжены ее фрейлиною; Мария Федоровна также, — государь сжег их по ее приказанию. Какая потеря! Елисавета хотела завещать свои записки Карамзину (слыш. от Катерины Андреевны).

6 декабря. Именины государя. Мартынов комендант. 4 полных генералов. — Перовский — генерал-лейтенант. — Меншиков адмирал. Дамы представлялись в русском платье. На это некоторые смотрят как на торжество. Скобелев безрукий сказал кн. В — ой: „я отдал бы последние три пальца для такого торжества!“ В. сначала не могла его понять.

Обедал у гр. А. Бобринского... Мятлев читал уморительные стихи. Молодые офицеры, которых великий князь застал ночью в неисправности, и которые содержались под арестом, прощены.

14 декабря. Обед у Блая, вечер у См<ирн>.

11-го получено мною приглашение от Бенкендорфа явиться к нему на другой день утром. Я приехал. Мне возвращен „Медный всадник“ с замечаниями государя. Слово *кумир* не пропущено высочайшей цензурою; стихи:

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова —

вымараны. На многих местах поставлен (?), — всё это делает мне большую разницу. Я принужден был переменить условия со Смирдиным.

Кочубей и Нессельроде получили по 200 000 на прокормление своих голодных крестьян, — эти четыреста тысяч останутся в их карманах. В голодный год должно стараться о снискании работ и о уменьшении цен на хлеб; если же крестьяне узнают, что правительство или помещики намерены их кормить, то они не станут работать, и никто не в состоянии будет отвратить от них голода. Всё это очень соблазнительно.—В обществе ропщут,—а у Нессельроде и Кочубей будут балы— (что также есть способ льстить двору).

15. Вчера не было обыкновенного бала при дворе; императрица была нездорова. — Поутру обедня и молебен.

15 бал у Кочубея. — Императрица должна была быть, но не приехала. Она простудилась. — Бал был очень блистателен. — Гр. Шувалова удивительно была хороша. —

17. Вечер у Жуковского. Немецкий amateur,* ученик Тиков, читал „Фауста“ — неудачно, по моему мнению. —

В городе говорят о странном происшествии. В одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дело пошло по начальству. — Кн. В. Долгорукий нарядил следствие. — Один из чиновников призвал попа, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смирно. Об этом идут разные толки. N. сказал, что мебель придворная и просится в Аничков.

Улицы не безопасны. Сухтельн был атакован на Дворцовой площади и ограблен. Полиция, видно, занимается политикой, а не ворами и мостовою. — Блудова обокрали прошедшею ночью.

1834

1 января. Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцовала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Dangeau.

* 〈Любитель.〉

Скоро по городу разнесутся толки о семейных ссорах Безобразова с молодою своей женою. Он ревнив до безумия. Дело доходило не раз до драки и даже до ножа, — он прогнал всех своих людей, не доверяя никому. Третьего дня она решилась броситься к ногам государыни, прося развода или чего-то подобного. Государь очень сердит. Безобразов под арестом. Он, кажется, сошел с ума.

Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством. Доволен, потому что государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным, — а по мне хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике.

Встретил новый год у Натальи Кирилловны Загряжской. Разговор со Сперанским о Пугачеве, о собрании законов, о первом времени царствования Александра, о Ермолове etc. —

7-го. Вигель получил звезду и очень ею доволен. Вчера был он у меня. — Я люблю его разговор — он занимателен и делен, но всегда кончается толками о мужеложстве. — Вигель рассказал мне любопытный анекдот. Некто Норман или Леэрман, сын кормилицы Екатерины II, умершей 96 лет, некогда рассказал Вигелю следующее. — Мать его жила в белорусской деревне, пожалованной ей государыней. Однажды сказала она своему сыну: „Запиши сегодняшнее число: я видела странный сон. Мне снилось, будто я держу на коленях маленькую мою Екатерину в белом платьице — как помню ее 60 лет тому назад“. Сын исполнил ее приказание. Несколько времени спустя, дошло до него известие о смерти Екатерины. Он бросился к своей записке, — на ней стояло 6-ое ноября 1796. Старая мать его, узнав о кончине государыни, не оказала никакого знака горести, но замолчала — и уже не сказала ни слова до самой своей смерти, случившейся пять лет после.

В свете очень шумят о Безобразовых. — Он еще под арестом. — Жена его вчера ночью уехала к своему брату, к дивизионному генералу. Думают, что Безобразов не останется флигель-адъютантом.

Государь сказал княгине Вяземской: „J'espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent il m'a tenu parole, et j'ai été content de lui“ etc. etc.* Великий князь намедни поздравил меня в театре. „Покорнейше благодарю, ваше высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили“.

17. Бал у гр. Бобринского, один из самых блистательных. Государь мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его. Го-

*⟨„Я надеюсь, что Пушкин хорошо принял свое назначение. До сих пор он держал данное мне слово, и я был доволен им“ и пр. пр.⟩

воря о моем *Пугачеве,* он сказал мне: „Жаль, что я не знал, что ты о нем пишешь; я бы тебя познакомил с его сестрицей, которая тому три недели умерла в крепости <*нрзбр*> (с 1774-го году!). Правда, она жила на свободе в предместье, но далеко от своей донской станицы, на чужой, холодной стороне. Государыня спросила у меня, куда ездил я летом. Узнав, что в Оренбург, осведомилась о Перовском с большим добродушием.

26-го января. В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках. — Я уехал, оставляя Наталью Николаевну, и, переодевшись, отправился на вечер к С. В. Салтыкову. — Государь был недоволен и несколько раз принимался говорить обо мне: „Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites-lui des reproches“.*

В четверг бал у кн. Трубецкого, траур по каком-то князе (т. е. принце). Дамы в черном. Государь приехал неожиданно. Был на полчаса. Сказал жене: „Est-ce à propos de bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernièrement?“ ** (Мундирные пуговицы. Старуха гр. Бобринская извиняла меня тем, что у меня не были они нашиты.)

Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет.

Безобразов отправлен на Кавказ, жена его уже в Москве.

28 февраля. Протекший месяц был довольно шумен, — множество балов, раутов etc. Масленица. Государыня была больна, и около двух недель не выезжала, я представлялся. Государь позволил мне печатать *Пугачева*; мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными). В воскресенье на бале, в концертной, государь долго со мною разговаривал; он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения. —

Вчера обед у гр. Бобринского. Третьего дня бал у гр. Шувалова. — На бале явился цареубийца Скарятин. — Великий князь говорил множество каламбуров: полиции много дела (такой *распутной* масленицы я не видывал). Сегодня бал у австрийского посланника.

6 марта. Слава богу! Масленица кончилась, а с нею и балы.

Описание последнего дня масленицы (*4-го мар.*) даст понятие и о прочих. Избранные званы были во дворец на бал утренний, к поло-

---

* <Он мог бы дать себе труд съездить надеть фрак и возвратиться. Попеняйте ему.>

** <Из-за башмаков или из-за пуговиц ваш муж не явился недавно?>

вине первого. Другие — на вечерний, к половине девятого. Я приехал в 9. Танцовали мазурку, коей окончился утренний бал. Дамы съезжались, а те, которые были с утра во дворце, переменяли свой наряд. — Было пропасть недовольных: те, которые званы были на вечер, завидывали утренним счастливцам. Приглашения были разосланы кое-как и по списку балов князя Кочубея; таким образом ни Кочубей, ни его семейство, ни его приближенные не были приглашены, потому что их имена в списке не стояли. — Всё это кончилось тем, что жена моя выкинула. Вот до чего доплясались.

Царь дал мне взаймы 20 000 на напечатание *Пугачева.* — Спасибо.

В городе много говорят о связи молодой княгини Суворовой с графом В⟨итгенштейном.⟩ — Заметили на ней новые бриллианты, — рассказывали, что она приняла их в подарок от В⟨итгентшейна⟩ (будто бы по завещанию покойной его жены), что Суворов имел за то жестокое объяснение с женою etc. etc. Всё это пустые сплетни: бриллианты принадлежали К — вой, золовке Суворовой, и были присланы из Одессы для продажи. Однако неосторожное поведение Суворовой привлекает общее внимание. Царица ее призывала к себе и побранила ее, царь еще пуще. Суворова расплакалась. „Votre Majesté, je suis jeune, je suis heureuse, j'ai des succès, voilà pourquoi l'on m'envie“ etc.* Суворова очень глупа и очень смелая кокетка, если не хуже. —

Соболевский о графе Вельегорском: „Il est du juste milieu, car il est toujours entre deux vins“.**

3 марта. Был я вечером у кн. Одоевского. Соболевский, любезничая с Ланской (бывшей Полетика), сказал ей велегласно: „Le ciel n'est pas plus pur que le fond de mon — cul“.*** Он ужасно смутился, свидетели (в том числе Ланская) не могли воздержаться от смеха. Княгиня Одоевская обратилась к нему, позеленев от злости, — Соболевский убежал. —

13 июля 1826 года — в полдень, государь находился в Царском Селе. Он стоял над прудом, что за Кагульским памятником, и бросал платок в воду, заставляя собаку свою выносить его на берег. В эту минуту слуга прибежал сказать ему что-то на ухо. Царь бросил и собаку и платок и побежал во дворец; собака, выплыв на берег и, не нашед его, оставила платок и побежала за ним. Фр. подняла платок в память исторического дня.

* ⟨Ваше величество, я молода, я счастлива, пользуюсь успехом, вот почему мне завидуют и пр.⟩

** ⟨Он держится золотой середины, потому что всегда меж двух бутылок.⟩

*** ⟨Небо не чище недр моего — зада. („Cul“ — вместо „coeur“, сердце).⟩

8 марта. Вчера был у Смирновых, ц. н. — анекдоты: Жуковский поймал недавно на бале у Фикельмон (куда я не явился, потому что все были в мундирах) цареубийцу Скарятина и заставил его рассказывать 11-ое марта. Они сели. В эту минуту входит государь с гр. Бенкендорфом и застает наставника своего сына, дружелюбно беседующего с убийцей его отца! Скарятин снял с себя шарф, прекративший жизнь Павла I-го. — Княжна Туркистанова, фрейлина, была в тайной связи с покойным государем и с кн. Владимиром Голицыным, который ее обрюхатил. Княжна призналась государю. Приняты были нужные меры, и она родила во дворце, так что никто и не подозревал. Императрица Мария Федоровна приходила к ней и читала ей евангелие, в то время как она без памяти лежала в постеле. Ее перевели в другие комнаты — и она умерла. Государыня сердилась, узнав обо всем; Вл. Голицын разболтал всё по городу. —

На похоронах Уварова покойный государь следовал за гробом. Аракчеев сказал громко (кажется, А. Орлову): „Один царь здесь его провожает, каково-то другой там его встретит?“ (Уваров один из цареубийц 11-го марта.)

Государь не любит Аракчеева. „Это изверг“, говорил он в 1825 году *(après avoir travaillé avec lui et rentrant chez l'impératrice dans le plus grand désordre de toilette*).*

17 марта. Вчера было совещание литературное у Греча об издании русского Conversations-Lexikon.** Нас было человек со сто, большею частию неизвестных мне русских великих людей. Греч сказал мне предварительно: „Плюшар в этом деле есть шарлатан, а я пальяс: пью его лекарство и хвалю его“. Так и вышло. Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало толку. Предприятие в миллион, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лезть в омут, где полощутся Булгарин, Полевой и Свиньин. — Гаевский подписался, но с условием. Князь Одоевский и я последовали его примеру. Вяземский не был приглашен на сие литературное сборище. Тут я встретил доброго Галича и очень ему обрадовался. Он был некогда моим профессором и ободрял меня на поприще, мною избранном. Он заставил меня написать для экзамена 1814 года мои „Воспоминания в Царском Селе“. Устрялов сказывал мне, что издает процесс Никонов. Важная вещь!

Третьего дня обед у австрийского посланника. Я сделал несколько промахов: 1) приехал в 5 часов, вместо $5^1/_2$, и ждал несколько времени

* ⟨Поработав с ним и возвращаясь к императрице в совершенно беспорядочном костюме.⟩

** ⟨Энциклопедии.⟩

хозяйку, 2) приехал в сапогах, что сердило меня во всё время. Сидя втроем с посланником и его женою, разговорился я об 11-м марте. Недавно на бале у него был цареубийца Скарятин; Фикельмон не знал за ним этого греха. Он удивляется странностям нашего общества. Но покойный государь окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14-го декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины. NB государь, ныне царствующий, первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц или помышления о цареубийстве; его предшественники принуждены были терпеть и прощать.

Много говорят о бале, который должно дать дворянство по случаю совершеннолетия государя наследника. Князь Долгорукий (обер-шталмейстер и петербургский предводитель) и граф Шувалов распоряжают этим. Долгорукий послал Нарышкину письмо, писанное по-французски, в котором просил он его участвовать в подписке. Нарышкин отвечал: „Милостивый государь, из перевода с письма вашего сиятельства усмотрел я“ etc.— Вероятно, купечество даст также свой бал. Праздников будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?

Из Москвы пишут, что Безобразова выкинула.

Из Италии пишут, что графиня Полье идет замуж за какого-то принца, вдовца и богача. Похоже на шутку, но здесь об этом смеются и рады верить.

20. Третьего дня был у кн. Мещерского. Из кареты моей украли подушки, но оставили медвежий ковер, вероятно за недосугом.

Некто Карпов, женатый на парижской девке в 1814 году, развелся с нею и жил розно. На-днях он к ней пришел ночью и выстрелил ей в лицо из пистолета, заряженного ртутью. Он под судом, она еще жива.

2 апреля. На-днях (в прошлый четверг) обедал у кн. Ник. Трубецкого с Вяземским, Нор<овым> и с Кукольником, которого видел в первый раз. Он кажется очень порядочный молодой человек. Не знаю, имеет ли он талант. Я не дочел его „Тасса“ и не видал его „Руки“ etc. Он хороший музыкант. Вяземский сказал об его игре на фортепьяно: „Il bredouille en musique comme en vers“. * Кукольник пишет *Ляпунова.* Хомяков тоже.— Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта.—

Третьего дня в Английском клобе избирали новых членов. Смирнов (кам.-юнкер) был забалотирован; иные говорят, потому, что его

* <Он бормочет в музыке, как в стихах.>

записал Икскуль; другие — потому, что его смешали с его однофамильцем, игроком. Неправда: его не хотели выбрать некоторые гвардейские офицеры, которые, подпив, тут буянили. Однако большая часть членов вступилась за Смирнова. Говорили, что после такого примера ни один порядочный человек не возьмется предложить нового члена, что шутить общим мнением не годится, и что надлежит снова балотировать. Закон говорит именно, что раз забалотированный человек не имеет уже никогда права быть избираемым, но были исключения: гр. Чернышев (воен. министр) и Гладков (обер-полицмейстер). Их избрали по желанию правительства, хотя по первому разу они и были отвергнуты. Смирнова балотировали снова, и он был выбран. Это, впрочем, делает ему честь — он не министр и не обер-полицмейстер. И знак уважения к человеку частному должно быть ему приятно.

Кн. Одоевский, доктор Гаевский, Зайцевский и я выключены из числа издателей Conversation's Lexikon. Прочие были обижены нашей оговоркою; но честный человек, говорит Одоевский, может быть однажды обманут, но в другой раз обманут только дурака. Этот лексикон будет не что иное, как *Северная Пчела* и *Библиотека для Чтения* в новом порядке и объеме.—

В прошлое воскресение обедал я у Сперанского. Он рассказывал мне о своем изгнании в 1812 году. Он выслан был из Петербурга по Тихвинской глухой дороге. Ему дан был в провожатые полицейский чиновник, человек добрый и глупый. На одной станции не давали ему лошадей; чиновник пришел просить покровительства у своего арестанта: „Ваше превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно. Эти канальи лошадей нам не дают“.—

Сперанский у себя очень любезен.— Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: *„Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как Гении Зла и Блага“*. Он отвечал комплиментами и советовал мне писать Историю моего времени.

7 апреля. *„Телеграф“* запрещен.— Уваров представил государю выписки, веденные несколько месяцев и обнаруживающие неблагонамеренное направление, данное Полевым его журналу. (Выписки ведены Брюновым, по совету Блудова.) Жуковский говорит: *„Я рад, что „Телеграф“ запрещен, хотя жалею, что запретили“*. *„Телеграф“* достоин был участи своей; мудрено с большей наглостию проповедовать якобинизм перед носом правительства; но Полевой был баловень полиции. Он умел уверить ее, что его либерализм пустая только маска.—

Вчера raout у гр. Фикельмон. S. не была. Впрочем весь город.

Моя *Пиковая дама* в большой моде. — Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной и, кажется, не сердятся...

Гоголь по моему совету начал историю русской критики.

8 апреля. Вчера raout у кн. Одоевского. Изъяснения с S. K. — Вся семья гр. Л<аваль>, гр. Кас<саковская> идеализированная ее мать. Сейчас еду во дворец представиться царице.

2 часа. Представлялся. Ждали царицу часа три. Нас было человек 20. Брат Паскевича, Шереметев, Болховской, два Корфа, Вольховский и другие. Я по списку был последний. Царица подошла ко мне, смеясь: „Non, c'est unique!.. Je me creusois la tête pour savoir quel Pouchkine me sera présenté. Il se trouve que c'est vous!.. Comment va votre femme? Sa tante est bien impatiente de la voir en bonne santé, la fille de son coeur, sa fille d'adoption...“* и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уж 35 лет и даже 36.

Я простился с Вольховским, который на-днях едет в Грузию. Болховской сказывал мне, что Воронцову вымыли голову по письму Котляревского (героя). Он (т. е. Б<олховской>) очень зло отзывается об одесской жизни и гр. Воронцове, о его соблазнительной связи с О. Нарышкиной etc. etc. — Хвалит очень графиню Воронцову.

Бринкена, сказывают, финляндское дворянство повесило или повесит.

10 апреля. Вчера вечер у Уварова — живые картины. — Долго сидели в темноте. S. не было — скука смертная. После картин вальс и кадриль. Ужин плохой. — Говоря о Свиньине, предлагающем Российской академии свои манускрипты XVI века, Уваров сказал: „надобно будет удостовериться, нет ли тут подлога. Пожалуй, Свиньин продаст за старинные рукописи тетрадки своих мальчиков“.

Говорят, будто бы Полевой в крепости: какой вздор! —

11 апреля. Сейчас получаю от графа Строгонова листок Франкфуртского журнала, где напечатана следующая статья:

S.-Pétersbourg, 27 février.

Depuis la catastrophe de la révolte de Varsovie les Coryphées de l'émigration Polonaise nous ont démontré trop souvent par leurs paroles et leurs écrits que pour avancer

---

* <Нет, это замечательно!.. Я себе голову ломала, стараясь угадать, какой Пушкин будет мне представлен. Оказывается, что это вы!.. Как себя чувствует ваша жена? Ее тетке хочется поскорее увидеть ее в добром здоровьи, — свое любимое дитя, приемную дочь...>

leurs desseins et disculper leur conduite antérieure, ils ne craignent pas le mensonge et la calomnie: aussi personne ne s'étonnera des nouvelles preuves de leur imprudence obstinée...*

(Дело идет о празднике, данном в Брисселе польскими эмигрантами, и о речах, произнесенных Лелевелем, Пулавским, Ворцелем и другими. Праздник был дан в годовщину 14 декабря.)

...après avoir faussé de la sorte l'histoire des siècles passés pour la faire parler en faveur de sa cause, M. Lelevel maltraite de même l'histoire moderne. En ce point il est conséquent.

Il nous retrace à sa manière le développement progressif du principe révolutionnaire en Russie, il nous cite l'un des meilleurs poëtes Russes de nos jours afin de révéler par son exemple la tendance politique de la jeunesse Russe. Nous ignorons si A. Pouchkine à une époque où son talent éminent en fermentation ne s'étoit pas débarassé encore de son écume, a composé les strophes citées par Lelevel; mais nous pouvons assurer avec conviction qu'il se repentira d'autant plus des premiers essais de sa Muse, qu'ils ont fourni à un ennemi de sa patrie l'occasion de lui supposer une conformité quelconque d'idées ou d'intentions. Quant au jugement porté par Pouchkine relativement à la rébellion Polonaise il se trouve énoncé dans son poème *Aux détracteurs de la Russie* qu'il a fait paraître dans le temps.

Puisque cependant le S. Lelevel semble éprouver de l'intérêt sur le sort de ce poëte *relégué aux confins reculés de l'empire*, notre humanité naturelle nous porte a l'informer de la présence de Pouchkine à Pétersbourg, en remarquant qu'on le voit souvent á la cour et qu'il y est traité par son souverain avec bonté et bienveillance... **

14 апреля. Вчера концерт для бедных. Двор в концерте — 800 мест и 2000 билетов!

Ропщут на двух дам, выбранных для будущего бала в представительницы петербургского дворянства: княгиню К. Ф. Долгорукую и графиню Шувалову. Первая — наложница кн. Потемкина и любовница всех итальянских кастратов, а вторая — кокетка польская, т. е. очень

---

* <С.-Петербург, 27 февраля. После крушения варшавского мятежа корифеи польской эмиграции слишком часто доказывали нам своими словами и писаниями, что, желая преуспеть в своих намерениях и оправдать свое прежнее поведение, они не страшатся лжи и клеветы: поэтому никто не будет поражен новым доказательством их упорного бесстыдства...>

** <Извратив таким образом историю прошедших веков, чтобы заставить ее говорить в пользу его дела, г. Лелевель точно так же искажает новейшую историю. В этом он последователен.

Он изображает нам на свой лад постепенное развитие революционных идей в России, он цитирует нам одного из лучших современных русских поэтов, чтобы на его примере показать политическое направление русской молодежи. Не знаем, сложил ли А. Пушкин в те времена, когда его неперебродивший выдающийся талант еще не избавился от накипи, строфы, приведенные Лелевелем, но можем с уверенностью утверждать, что он тем сильнее раскается в первых опытах своей Музы, когда узнает, что они доставили врагу его отечества случай предположить в нем какое бы то ни было сходство мыслей и стремлений. Что касается до высказанного Пушкиным суждения о польском восстании, то оно заключается в его стихотворении „Клеветникам России", которую он выпустил в свет в свое время.

Но так как Лелевель, повидимому, интересуется судьбою этого поэта, „сосланного в отдаленные края империи", то присущее нам человеколюбие вынуждает нас сообщить ему, что Пушкин живет в Петербурге, и отметить, что его часто видят при дворе, причем он пользуется милостью и благоволением своего государя..>.

неблагопристойная. Надобно признаться, что мы в благопристойности общественной не очень тверды.

Слух о том, что Полевой был взят и привезен в Петербург подтверждается. Говорят, кто-то его встретил в большом смущении здесь на улице — тому с неделю.

16-го. Вчера проводил Н<аталью> Н<иколаевну> до Ижоры. Возвратясь, нашел у себя на столе приглашение на дворянский бал и приказ явиться к графу Литте. Я догадался, что дело идет о том, что я не явился в придворную церковь ни к вечерне в субботу, ни к обедне в вербное воскресение. Так и вышло: Ж. сказал мне, что государь был недоволен отсутствием многих камергеров и камер-юнкеров и сказал: „если им тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средство их избавить“.

Литта, толкуя о том же с К. А. Нарышкиным, сказал с жаром: „Mais enfin il y a des règles fixes pour les chambellans et les gentilshommes de la chambre“.* На что Нарышкин возразил: „Pardonnez-moi, ce n'est que pour les demoiselles d'honneur“.* Однако ж я не поехал на головомытье, а написал изъяснение.

Говорят, будто бы на-днях выдет указ о том, что уничтожается право русским подданным пребывать в чужих краях. Жаль во всех отношениях, если слух сей оправдается.

Суворова брюхата и, кажется, не во-время. Любопытные справляются в „Инвалиде“ о времени приезда ее мужа в Петербург. Она уехала в Москву.

Середа на святой неделе. Праздник совершеннолетия совершился. Я не был свидетелем. Это было вместе торжество государственное и семейственное. Великий князь был чрезвычайно тронут. Присягу произнес он твердым и веселым голосом, но, начав молитву, принужден был остановиться — и залился слезами. Государь и государыня плакали также. Наследник, прочитав молитву, кинулся обнимать отца, который расцеловал его в лоб и в очи, и в щеки и потом подвел сына к императрице. Все трое обнялися в слезах. Присяга в Георгиевской зале под знаменами была повторением первой, — и охлодила действие. Все были в восхищении от необыкновенного зрелища — многие плакали; а кто не плакал, тот отирал сухие глаза, силясь выжать несколько слез. Дворец был полон народу; мне надобно было свидеться с Катериной Ивановной Загряжской — я к ней пошел по задней лестнице, надеясь никого

* <„Но наконец есть же определенные регулы для камергеров и камер-юнкеров“. — „Простите, это бывает только у фрейлин“.>

не встретить, но и тут была давка. Придворные ропщут: их не пустили в церковь, куда, говорят, всех пускали. Всегда много смешного подвернется в случаи самые торжественные. Филарет сочинял службу на случай присяги. Он выбрал для паремии главу из *Книги Царств*, где между прочим сказано, что *царь собрал и тысящников, и сотников, и евнухов своих.* К. А. Нарышкин сказал, что это искусное применение к камергерам, а в городе стали говорить, что во время службы будут молиться за евнухов. Принуждены были слово евнух заменить другим.

Милостей множество. Кочубей сделан государственным канцлером.

Мердер умер, — человек добрый и честный, незаменимый. Великий князь еще того не знает. От него таят известие, чтобы не отравить его радости. Откроют ему после бала 28-го. Также умер Аракчеев, и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатления. Губернатор новогородский приехал в Петербург и явился к Блудову с известием о его болезни и для принятия приказаний насчет бумаг, у графа находящихся. „Это не мое дело, отвечал Блудов, отнеситесь к Бенкендорфу“. В Грузино посланы Клейнмихель и Игнатьев.

Петербург полон вестями и толками об минувшем торжестве. Разговоры несносны. Слышишь везде одно и то же. Одна Смирнова попрежнему мила и холодна к окружающей суете. Дай бог ей счастливо родить, а страшно за нее.

3 мая. Прошедшего апреля 28 был наконец бал, данный дворянством по случаю совершеннолетия великого князя. Он очень удался, как говорят. Не было суматохи при разъезде, ни несчастия на тесной улице от множества собравшегося народа.

Царь уехал в Царское Село.

Мердер умер в Италии. — Великому князю, очень к нему привязанному, не объявляли о том до самого бала.

Вышел указ о русских подданных, пребывающих в чужих краях. Он есть явное нарушение права, данного дворянству Петром III; но так как допускаются исключения, то и будет одной из бесчисленных пустых мер, принимаемых ежедневно к досаде благомыслящих людей и ко вреду правительства.

Гуляние 1-го мая не удалось от дурной погоды, — было экипажей десять. Графиня Хребтович однако поплелась туда же: мало ей рассеяния. Случилось несчастие: какая-то деревянная башня, памятник затей Милорадовича в Екатерингофе, обрушилась, и несколько людей, бывших на ней, ушиблись. Кстати, вот надпись к воротам Екатерингофа:

Хвостовым некогда воспетая дыра!
Провозглашаешь ты природы русской скупость,
Самодержавие Петра
И Милорадовича глупость.

Гоголь читал у Дашкова свою комедию. Дашков звал Вяземского на свой вечер, говоря в своей записке:

Molière avec Tartuffe y' doit jouer son rôle
Et Lambert, qui plus est, m'a donné parole
Etc.*

Вяземский отвечал:

Как! будет граф Ламбер и с ним его супруга.
Зовите ж и Лаваль.

Лифляндское дворянство отказалось судить Бринкена, потому что он воспитывался в корпусе в Петербурге. Вот тебе шиш, и поделом.

10 мая. Несколько дней тому получил я от Жуковского записочку из Царского Села. Он уведомлял меня, что какое-то письмо мое ходит по городу, и что государь об нем ему говорил. Я вообразил, что дело идет о скверных стихах, исполненных отвратительного похабства, и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мне. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанное мною Наталье Николаевне, и, нашед в нем отчет о присяге великого князя, писанный видно, слогом неофициальным, донесла обо всем полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила письмо государю, который сгоряча также его не понял. К счастию письмо показано было Жуковскому, который и объяснил его. Все успокоилось. Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию,— но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным.

12 ‹мая›. Вчера был парад, который как-то не удался. Государь посадил наследника под арест на дворцовую обвахту за то, что он проскакал галопом вместо рыси.

Аракчеев во время прошедшего царствования выпросил майоратство для Грузина, предоставя себе избрать себе наследника, а в случае

---

* ‹„Тартюфа" прочитать нам должен там Мольер.
И, более того, дал слово быть Ламбер.
И т. д.›

внезапной смерти поручая то государю.— Он умер, не написав духовной и не причастившись, потому что, по его мнению, должен он был дожить до 30 августа, дня открытия Александровской колонны. Государь назначил наследником графу Аракчееву кадетский Новогородский корпус, которому и повелено называться Аракчеевским.

21 ‹мая›. Вчера обедал у Смирновых с Полетикой, с Вельгорским и с Жуковским. Разговор коснулся Екатерины. Полетика рассказал несколько анекдотов. Некто Чертков, человек крутой и неустойчивый, был однажды во дворце, Зубов подошел к нему и обнял его, говоря: „Ах ты, мой красавец!“ Чертков был очень дурен лицом. Он осердился и, обратясь к Зубову, сказал ему: „я, сударь, своею фигурою фортуны себе не ищу“. Все замолчали. Екатерина, игравшая тут же в карты, обратилась к Зубову и сказала: „вы не можете помнить *такого-то* (Черткова по имени и отчеству), а я его помню и могу вас уверить, что он очень был недурен“.

Конец ее царствования был отвратителен. Константин уверял, что он в Таврическом дворце застал однажды свою старую бабку с графом Зубовым. Все негодовали, но воцарился Павел, и негодование увеличилось. Laharpe показывал письма молодого великого князя (Александра), в которых сильно выражается это чувство. Я видел письма его же Ланжерону, в которых он говорит столь же откровенно. Одна фраза меня поразила: „Je vous écris peu et rarement car je suis souis la hache“.* Ланжерон был тогда недоволен и сказал мне: „voilà comme il m'écrivait, il me traitait de son ami, me confiait tout — aussi lui étais-je dévoué. Mais à présent, ma foi, je suis prêt à détacher ma propre écharpe“.** В Александре было много детского. Он писал однажды Лагарпу, что, дав свободу и конституцию земле своей, он отречется от трона и удалится в Америку. Полетика сказал: „L'empereur Nicolas est plus positif, il a des idées fausses comme son frère, mais il est moins visionnaire“.*** Кто-то сказал о государе: Il y a beaucoup de praporchique en lui et un peu du Pierre le Grand.****

2 июня. Много говорят в городе об Медеме, назначенном министром в Лондон. Это дипломатические *суспиции,* как говорят городни-

* ‹Я пишу вам мало и редко, потому что я под топором.›

** ‹Вот как он мне писал: он обращался со мною как с другом, всё мне поверял,— зато и я был ему предан. Но теперь, право, я готов снять с себя собственный шарф.›

*** ‹Император Николай положительнее, у него ложные идеи, как у его брата, но он менее мечтателен.›

**** ‹В нем много от прапорщика и немножко от Петра Великого.›

чихи. Англия не посылала нам посланника; мы отзываем Ливена. Блай недоволен, он говорит: „mais Medème c'est un tout jeune homme, c'est à dire un blanc-bec".* Государь не хотел принять Каннинга (Strangfor), потому что, будучи великим князем, имел с ним какую-то неприятность.

26 мая был я на пароходе и провожал Мещерских, отправляющихся в Италию.

На другой день представлялся великой княгине. Нас было человек 8. Между прочим Красовский (славный цензор). Великая княгиня спросила его: „Cela doit bien vous ennuyer, d'être obligé de lire tout ce qui parait".—„Oui, V. A. I., отвечал он, la littérature actuelle est si détestable que c'est un supplice". ** Великая княгиня скорей от него отошла.— Говорила со мной о *Пугачеве.*

Вчера вечер у Катерины Андреевны. Она едет в Тайцы, принадлежавшие некогда Ганибалу, моему прадеду. У ней был Вяземский, Жуковский и Полетика.— Я очень люблю Полетику. Говорили много о Павле I-м, романтическом нашем императоре.

3-го июня обедали мы у Вяземского: Жуковский, Давыдов и Киселев. Много говорили об его правлении в Валахии. Он, может, самый замечательный из наших государственных людей, не исключая Ермолова, великого шарлатана.

Цари уехали в Петергоф.

Вечер у См<ирн.>, играл, выиграл 1200 р.

Генерал Болховской хотел писать свои записки (и даже начал их; некогда, в бытность мою в Кишиневе, он их мне читал). Киселев сказал ему: „Помилуй! да о чем ты будешь писать? что ты видел?" — „Что я видел? — возразил Болховской. — Да я видел такие вещи, о которых никто и понятия не имеет. Начиная с того, что я видел голую ж... государыни" (Екатерины II-ой, в день ее смерти).

Гр. Фикельмон очень болен. Семья его в большом огорчении. Elisa им и живет.

19 числа послал 1000 Нащокину. Славу богу! слухи о смерти его сына ложны.

Тому недели две получено здесь известие о смерти кн. Кочубея. Оно произвело сильное действие; государь был неутешен. Новые министры повесили голову. Казалось, смерть такого ничтожного человека не должна была сделать никакого переворота в течении дел. Но такова

* <Но ведь Медем совсем молодой человек, можно сказать, молокосос.>

** <„Вам, должно быть, очень докучна обязанность читать всё, что появляется".— „Да, в. и. в., современная литература так отвратительна, что это сущая мука".>

бедность России в государственных людях, что и Кочубея некем заменить! Вот суждение о нем: „C'était un esprit éminemment conciliant; nul n'excellait comme lui à trancher une question difficile, à amener les opinions à s'entendre“ etc...* Без него совет иногда превращался только что не в драку, так что принуждены были посылать за ним больным, чтоб его присутствием усмирить волнение. — Дело в том, что он был человек хорошо воспитанный, — и это у нас редко, и за то спасибо. О Кочубее сказано:

Под камнем сим лежит граф Виктор Кочубей.
Что в жизни доброго он сделал для людей.
Не знаю, чорт меня убей.

Согласен; но эпиграмму припишут мне, и правительство опять на меня надуется.

Здесь прусской кронпринц с его женою. Ее возили по Петергофской дороге, и у ней глаза разболелись.

22 июля. Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором, — но всё перемололось. Однако это мне не пройдет.

Маршал Мезон упал на маневрах с лошади и чуть не был раздавлен Образцовым полком. Арнт объявил, что он вне опасности. Под Остерлицом он искрошил кавалергардов. Долг платежом красен.

Последний частный дом в Кремле принадлежал кн. Трубецкому. Екатерина купила его и поместила в нем сенат.

9 авг. Трощинский в конце царствования Павла был в опале. Исключенный из службы, просился он в деревню. Государь, ему на зло, не велел ему выезжать из города. Трощинский остался в Петербурге, никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды, в 2 часа ночи, является к его воротам фельдъегерь. Ворота заперты. Весь дом спит. Он стучится, никто нейдет. Фельдъегерь в протаявшем снегу отыскал камень и пустил его в окошко. В доме проснулись, пошли отворять ворота — и поспешно прибежали к спящему Трощинскому, объявляя ему, что государь его требует, и что фельдъегерь за ним приехал. Трощинский встает, одевается, садится в сани и едет. Фельдъегерь привозит его прямо к Зимнему дворцу. Трощинский не может понять, что с ним делается. Наконец видит он, что ведут его на половину великого князя Александра. Тут только догадался он о перемене, происшедшей в государстве. У дверей кабинета встретил его Пален, обнял и поздравил с новым императором. Трощинский нашел государя

* 〈Это был ум в высшей степени примирительный; никто не умел так хорошо, как он, разрешить какой-нибудь трудный вопрос, привести мнения к согласию и проч.〉

в мундире, облокотившимся на стол и всего в слезах. Александр кинулся к нему на шею и сказал: „будь моим руководителем“. Тут был тотчас же написан манифест и подписан государем, не имевшим силы ничем заняться.

28 ноября. Я ничего не записывал в течение трех месяцев. Я был в отсутствии — выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами, — моими товарищами, — был в Москве несколько часов — видел А. Раевского, которого нашел поглупевшим от ревматизмов в голове. — Может быть, это пройдет. — Отправился потом в Калугу на перекладных, без человека. В Тарутине пьяные ямщики чуть меня не убили, но я поставил на своем. — Какие мы разбойники? говорили мне они. — Нам дана вольность, и поставлен столп нам в честь. Графа Румянцева вообще не хвалят за его памятник и уверяют, что церковь была бы приличнее. Я довольно с этим согласен. Церковь, а при ней школа, полезнее колонны с орлом и с длинной надписью, которую безграмотный мужик наш долго еще не разберет. В Заводе прожил я 2 недели, потом привез Наталью Николаевну в Москву, а сам съездил в нижегородскую деревню, где управители меня морочили, а я перед ними шарлатанил, и кажется, неудачно. Воротился к 15 октября в Петербург, где и проживаю. *Пугачев* мой отпечатан. Я ждал всё возвращения царя из Пруссии. Вечор он приехал. Великий князь Михаил Павлович привез эту новость на бал Бутурлина. Бал был прекрасен. Воротились в 3 ч.

5 декабря. Завтра надобно будет явиться во дворец. У меня еще нет мундира. Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, молокососами 18-тилетними. Царь рассердится, — да что мне делать? Покамест давайте злословить.

В бытность его в Москве нынешнего году много было проказ. Москва хотя уж и не то, что прежде, но всё-таки имеет еще похоти боярские, des velléités d'aristocratie. Царь мало занимался старыми сенаторами, заступившими место екатерининских бригадиров, — они роптали, глядя, как он ухаживал за молодой кн. Долгорукою („за дочерью Сашки Булгакова!“ говорили ворчуны с негодованием).

Царь однажды пошел за кулисы и на сцене разговаривал с московскими актрисами; это еще менее понравилось публике. В бытность его пойманы зажигатели. Князь М. Голицын взял на себя должность полицейского сыщика, одевался жидом и проч. В каком веке мы живем! — В Нижнем-Новегороде царь был очень суров и встретил дворянство очень немилостиво. Оно перетрусилось и не знало за что (ни я).

Вчера был у Лекса. Я знал его в 821 году в Кишиневе. У него не было кровати, он спал вместе с каким-то чиновником под одним тулупом. Я первый открыл Инзову, что Лекс человек умный и деловой.

В тот же день бал у Салтыкова. N. N. сказала: „Voilà M-me Jermolof la sale“ (Lassale).* Ермолова и Курваль (дочь ген. Моро) всех хуже одеваются.

Я все-таки не был 6-го во дворце — и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельдъегеря или Арнта.—

18-го дек. Третьего дня был я наконец в Аничковом. Опишу всё в подробности, в пользу будущего Вальтер-Скотта.

Придворный лакей поутру явился ко мне с приглашением: быть в $8^1/_2$ в Аничковом, мне в мундирном фраке, Наталье Николаевне как обыкновенно.

В 9 часов мы приехали. На лестнице встретил я старую графиню Бобринскую, которая всегда за меня лжет и вывозит меня из хлопот. Она заметила, что у меня треугольная шляпа с плюмажем (не по форме: в Аничков ездят с круглыми шляпами; но это еще не всё). Гостей было уже довольно, бал начался контрдансами. Государыня была вся в белом, с бирюзовым головным убором; государь — в кавалергардском мундире. Государыня очень похорошела. Граф Бобринский, заметя мою треугольную шляпу, велел принести мне круглую. Мне дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели. — Вообще бал мне понравился. Государь очень прост в своем обращении, совершенно по-домашнему. Тут же были молодые сыновья Каннинга и Веллингтона. У Дуро спросили, как находит он бал. „Je m'ennuis“, отвечал он. „Pourquoi celà?“ — „On est debout, et j'aime à être assis“.** Я заговорил с Ленским о Мицкевиче и потом о Польше. Он прервал разговор, сказав: „Mon cher ami, ce n'est pas ici le lieu de parler de la Pologne. Choisissons un terrain neutre, chez l'ambassadeur d'Autriche par exemple“.*** Бал кончился в $1^1/_2$.

Утром того же дня встретил я в Дворцовом саду великого князя. „Что ты один здесь философствуешь?“ — „Гуляю“. — „Пойдем вместе“. Разговорились о плешивых. „Вы не в родню, в вашем семействе мужчины молоды оплешивливают“.— „Государь Александр и Константин Павлович оттого рано оплешивели, что при отце моем носили пудру и

* ⟨Вот госпожа Ермолова, грязная. [Игра слов: „la sale“, грязная, произносится так же, как „Lassale“, фамилия“.]⟩

** ⟨„Мне скучно“. — „Это почему?“ — „Все стоят, а я люблю сидеть“.⟩

*** ⟨Милый друг, здесь не место разговаривать о Польше. Выберем какую-нибудь нейтральную почву, у австрийского посла например.⟩

зачесывали волоса; на морозе сало леденело, и волоса лезли. Нет ли новых каламбуров?" — „Есть, да нехороши, не смею представить их вашему высочеству". — „У меня их также нет; я замерз". Доведши великого князя до моста, я ему откланялся (вероятно, противу этикета).

Вчера (17) вечер у S. Разговор с Нордингом о русском дворянстве, о гербах, о семействе Екатерины I-ой etc. Гербы наши все весьма новы. Оттого в гербе князей Вяземских, Ржевских пушка. Многие из наших старых дворян не имеют гербов.

22 декабря, суббота. В середу был я у Хитрово. Имел долгий разговор с великим князем. Началось журналами: „Вообрази, какую глупость напечатали в *Северной Пчеле*: дело идет о пребывании государя в Москве. *Пчела* говорит: „Государь император, обошед соборы, возвратился во дворец и с высоты красного крыльца *низко* (низко!) поклонился народу". Этого не довольно: журналист дурак продолжает: „Как восхитительно было видеть великого государя, преклоняющего священную главу перед гражданами московскими!" — Не забудь, что это читают лавочники".

Великий князь прав, а журналист конечно глуп. Потом разговорились о дворянстве. Великий князь был противу постановления о почетном гражданстве: зачем преграждать заслугам высшую цель честолюбия? Зачем составлять tiers état,* сию вечную стихию мятежей и оппозиции? Я заметил, что или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе, как по собственной воле государя. Если во дворянство можно будет поступать из других состояний, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать, или (что всё равно) всё будет дворянством. Что касается до tiers état, — что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатство? Этакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много. Говоря о старом дворянстве, я сказал: „Nous, qui sommes aussi bons gentilhommes que l'Empereur et Vous..." etc.** Великий князь был очень любезен и откровенен. „Vous êtes bien de votre famille, сказал я ему: tous les Romanof sont révoluti-

---

* ⟨Третье сословие.⟩

** ⟨Мы, которые являемся такими же хорошими дворянами, как император и вы... и. д.⟩

onnaires et niveleurs".* — „Спасибо: так ты меня жалуешь в якобинцы! благодарю, voilà une réputation qui me manquait".** Разговор обратился к воспитанию, любимому предмету его высочества. Я успел высказать ему многое. Дай бог, чтобы слова мои произвели хоть каплю добра!

Цензор Никитенко на обвахте под арестом, и вот по какому случаю: Деларю напечатал в „*Библиотеке*" Смирдина перевод оды В. Юго, в которой находится следующая глубокая мысль: „Если-де я был бы богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои". Митрополит (которому досуг читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина. Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

Мой друг! когда бы был ты бог,
То глупости такой сказать бы ты не мог.

Это всё равно, заметил он мне, что я бы написал: когда б я был архиерей, то пошел бы во всем облачении плясать французский кадриль. А всё виноват Глинка (Федор). После его ухарского псалма, где он заставил бога говорить языком Дениса Давыдова, цензор подумал, что он пустился во всё тяжкое...

Псалом Глинки уморительно смешон.

1835

8 января. Начнем новый год злословием, на счастие...

Бриллианты и дорогие каменья были еще недавно в низкой цене. Они никому не были нужны. Выкупив бриллианты Наталии Николаевны, заложенные в московском ломбарде, я принужден был их перезаложить в частные руки, не согласившись продать их за бесценок. Нынче узнаю, что бриллианты опять возвысились. Их требуют в кабинет; и вот по какому случаю.

Недавно государь приказал князю Волконскому принести к нему из кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, как в 9000 руб. Князь Волконский принес табакерку. Государю показалась она довольно бедна. „Дороже нет", — отвечал Волконский. „Если так, делать нечего, — отвечал государь: — я хотел тебе сделать подарок,

* ⟨Вы истинный член вашей семьи. Все Романовы революционеры и уравнители.⟩

** ⟨Вот репутация, которой мне недоставало.⟩

возьми ее себе". Вообразите себе рожу старого скряги. С этой поры начали требовать бриллианты. Теперь в кабинете табакерки завелися уже в 60 000 р.

Великая княгиня взяла у меня *Записки Екатерины II* и сходит от них с ума.

6-го умерла С. М. Смирнова, милая молодая девушка.

В конце прошлого года свояченица моя ездила в моей карете поздравлять великую княгиню. Ее лакей повздорил со швейцаром. Комендант Мартынов посадил его на обвахту, и Катерина Николаевна принуждена была без шубы ждать 4 часа на подъезде. Комендантское место около полустолетия занято дураками, но такой скотины, каков Мартынов, мы еще не видали.

6-го бал придворный (приватный маскарад). Двор в мундирах времен Павла I-го. Граф Панин (товарищ министра) одет дитятей, Бобринский — Брызгаловым (кастеланом Михайловского замка; полуумный старик, щеголяющий в шутовском своем мундире, в сопровождении двух калек-сыновей, одетых скоморохами. *Замеч. для потомства*). Государь — полковником Измайловского полка etc. В городе шум. Находят это всё неприличным.

Февраль.

С генваря очень я занят Петром. На балах был раза 3; уезжал с них рано. Придворными сплетнями мало занят. Шиш потомству.

На-днях в театре граф Фикельмон, говоря, что *Bertrand* и *Raton* не были играны на петербургском театре по представлению Блума, датского посланника (и нашего старинного шпиона), присовокупил: „Je ne sais pourquoi; dans la comédie il n'est seulement pas question du Danemarck".* Я прибавил: „Pas plus qu'en Europe".**

Филарет сделал донос на Павского, будто бы он лютеранин, — Павский отставлен от великого князя. Митрополит и синод подтвердили мнение Филарета. Государь сказал, что в делах духовных он не судия; но ласково простился с Павским. Жаль умного, ученого и доброго священника! Павского не любят. Шишков, который набил академию попами, никак не хотел принять Павского в число членов за то, что он, зная еврейский язык, доказал какую-то нелепость в *корнях* президента. Митрополит на место Павского предлагал попа Кочетова, плута и сплетника. Государь не захотел и выбрал другого человека, говорят,

* ⟨Не знаю почему: о Дании нет и речи в комедии.⟩

** ⟨Как и в Европе.⟩

очень порядочного. Этот приезжал к митрополиту, а старый лукавец сказал: „я вас рекомендовал государю“. Qui est-ce que l'on trompe ici?*

В публике очень бранят моего *Пугачева*, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клеврет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим цензурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит. Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкрина был на посылках. Об нем сказали, что он начал тем, что был б..., потом нянькой, и попал в президенты Академии наук, как княгиня Дашкова в президенты Российской академии. Он крал казенные дрова и до сих пор на нем есть счеты (у него 11 000 душ), казенных слесарей употреблял в собственную работу etc. etc. Дашков (министр), который прежде был с ним приятель, встретил Жуковского под руку с Уваровым, отвел его в сторону, говоря: „как тебе не стыдно гулять публично с таким человеком!“

Цензура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй, лежа на боку

и

Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.

Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова.

---

* ⟨Кого здесь обманывают?⟩

ЗАПИСКИ ОФИЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

О народном воспитании

Последние происшествия обнаружили много печальных истин. Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения. Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий. Лет 15 тому назад молодые люди занимались только военною службою, старались отличаться одною светской образованностию или шалостями; литература (в то время столь свободная) не имела никакого направления; воспитание ни в чем не отклонялось от первоначальных начертаний. 10 лет спустя мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу (подавленную самой своенравною цензурою), превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные.

Ясно, что походам 1813 и 1814 года, пребыванию наших войск во Франции и в Германии должно приписать сие влияние на дух и нравы того поколения, коего несчастные представители погибли в наших глазах; должно надеяться, что люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков, образумились; что, с одной стороны, они увидели ничтожность своих замыслов и средств, с другой — необъятную силу правительства, основанную на силе вещей. Вероятно, братья, друзья, товарищи погибших успокоятся временем и размышлением, поймут необходимость и простят оной в душе своей. Но надлежит защитить новое, возрастающее поколение, еще не наученное никаким опытом и которое скоро явится на

поприще жизни со всею пылкостию первой молодости, со всем ее восторгом и готовностию принимать всякие впечатления.

Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла. *Не просвещению*, сказано в высочайшем манифесте от 13-го июля 1826 года, *но праздности ума, более вредной, чем праздность телесных сил, недостатку твердых познаний должно приписать сие своевольство мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — погибель.* Скажем более: одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия.

Чины сделались страстию русского народа. Того хотел Петр Великий, того требовало тогдашнее состояние России. В других землях молодой человек кончает круг учения около 25 лет; у нас он торопится вступить как можно ранее в службу, ибо ему необходимо 30-ти лет быть полковником или коллежским советником. Он входит в свет безо всяких основательных познаний, без всяких положительных правил: всякая мысль для него нова, всякая новость имеет на него влияние. Он не в состоянии ни поверить, ни возражать; он становится слепым приверженцем или жалким повторителем первого товарища, который захочет оказать над ним свое превосходство или сделать из него свое орудие.

Конечно, уничтожение чинов (по крайней мере, гражданских) представляет великие выгоды; но сия мера влечет за собою и беспорядки бесчисленные, как вообще всякое изменение постановлений, освященных временем и привычкою. Можно, по крайней мере, извлечь некоторую пользу из самого злоупотребления и представить чины целию и достоянием просвещения; должно увлечь всё юношество в общественные заведения, подчиненные надзору правительства; должно его там удержать, дать ему время перекипеть, обогатиться познаниями, созреть в тишине училищ, а не в шумной праздности казарм.

В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное: ребенок окружен одними холопями, видит одни гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем. Воспитание в частных пансионах не многим лучше; здесь и там оно кончается на 16-тилетнем возрасте воспитанника.

Нечего колебаться: во что бы то ни стало должно подавить воспитание частное.

Надлежит всеми средствами умножить невыгоды, сопряженные с оным (например, прибавить годы унтер-офицерства и первых гражданских чинов).

Уничтожить экзамены. Покойный император, удостоверясь в ничтожестве ему предшествовавшего поколения, желал открыть дорогу просвещенному юношеству и задержать как-нибудь стариков, закоренелых в безнравствии и невежестве. Отселе указ об экзаменах, мера слишком демократическая и ошибочная, ибо она нанесла последний удар дворянскому просвещению и гражданской администрации, вытеснив всё новое поколение в военную службу. А так как в России всё продажно, то и экзамен сделался новой отраслию промышленности для профессоров. Он походит на плохую таможенную заставу, в которую старые инвалиды пропускают за деньги тех, которые не умели проехать стороною. Итак, (с такого-то году) *молодой человек, не воспитанный в государственном училище, вступая в службу, не получает вперед никаких выгод и не имеет права требовать экзамена.*

Уничтожение экзаменов произведет большую радость в старых титулярных и коллежских советниках, что и будет хорошим противудействием ропоту родителей, почитающих своих детей обиженными.

Что касается до воспитания заграничного, то запрещать его нет никакой надобности. Довольно будет опутать его одними невыгодами, сопряженными с воспитанием домашним, ибо 1-е, весьма немногие станут пользоваться сим позволением; 2-е, воспитание иностранных университетов, несмотря на все свои неудобства, не в пример для нас менее вредно воспитания патриархального. Мы видим, что Н. Тургенев, воспитывавшийся в Гетингенском университете, несмотря на свой политический фанатизм, отличался посреди буйных своих сообщников нравственностию и умеренностию — следствием просвещения истинного и положительных познаний. Таким образом, уничтожив или, по крайней мере, сильно затруднив воспитание частное, правительству легко будет заняться улучшением воспитания общественного.

Ланкастерские школы входят у нас в систему военного образования и, следовательно, состоят в самом лучшем порядке.

Кадетские корпуса, рассадник офицеров русской армии, требуют физического преобразования, большого присмотра за нравами, кои находятся в самом гнусном запущении. Для сего нужна полиция, составленная из лучших воспитанников; доносы других должны быть оставлены без исследования и даже подвергаться наказанию; чрез сию полицию должны

будут доходить и жалобы до начальства. Должно обратить строгое внимание на рукописи, ходящие между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказание; за возмутительную — исключение из училища, но без дальнейшего гонения по службе: наказывать юношу или взрослого человека за вину отрока есть дело ужасное и, к несчастию, слишком у нас обыкновенное.

Уничтожение телесных наказаний необходимо. Надлежит заранее внушить воспитанникам правила чести и человеколюбия. Не должно забывать, что они будут иметь право розги и палки над солдатом. Слишком жестокое воспитание делает из них палачей, а не начальников.

В гимназиях, лицеях и пансионах при университетах должно будет продлить, по крайней мере, 3-мя годами круг обыкновенный учения, *по мере того повышая и чины, даваемые при выпуске.*

Преобразование семинарий, рассадника нашего духовенства, как дело высшей государственной важности, требует полного особенного рассмотрения.

Предметы учения в первые годы не требуют значительной перемены. Кажется, однако ж, что языки слишком много занимают времени. К чему, например, 6-тилетнее изучение французского языка, когда навык света и без того слишком уже достаточен? К чему латинский или греческий? Позволительна ли роскошь там, где чувствителен недостаток необходимого?

Во всех почти училищах дети занимаются литературою, составляют общества, даже печатают свои сочинения в светских журналах. Всё это отвлекает от учения, приучает детей к мелочным успехам и ограничивает идеи, уже и без того слишком у нас ограниченные.

Высшие политические науки займут окончательные годы. Преподавание прав, политическая экономия по новейшей системе Сея и Сисмонди, статистика, история.

История в первые годы учения должна быть голым хронологическим рассказом происшествий, безо всяких нравственных или политических рассуждений. К чему давать младенствующим умам направление одностороннее, всегда непрочное? Но в окончательном курсе преподавание истории (особенно новейшей) должно будет совершенно измениться. Можно будет с хладнокровием показать разницу духа народов, источника нужд и требований государственных; не хитрить; не искажать республиканских рассуждений, не позорить убийства Кесаря, превознесенного 2000 лет, но представить Брута защитником и мстителем коренных постановлений отечества, а Кесаря честолюбивым возмутителем.

Вообще не должно, чтоб республиканские идеи изумили воспитанников при вступлении в свет и имели для них прелесть новизны.

Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. *История Государства Российского* есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским; сверх ее истории, ее статистика, ее законодательство требует особенных кафедр. Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве.

Сам от себя я бы никогда не осмелился представить на рассмотрение правительства столь недостаточные замечания о предмете столь важном, каково есть народное воспитание; одно желание усердием и искренностию оправдать высочайшие милости, мною не заслуженные, понудило меня исполнить вверенное мне препоручение. Ободренный первым вниманием государя императора, всеподданнейше прошу его величество дозволить мне повергнуть пред ним мысли касательно предметов, более мне близких и знакомых.

Александр Пушкин.

⟨1826⟩

⟨Записка о Мицкевиче, представленная в III Отделение⟩

Adam Mickiewicz, professeur à l'Université de Kovno, ayant appartenu, à l'âge de 17 ans, à une société littéraire qui n'exista que pendant quelques mois, fut mis aux arrêts par la commission d'enquête de Vilna (1823). Mickiewicz convint d'avoir connu l'existance d'une autre société littéraire, mais d'en avoir toujours ignoré le but, qui était de propager le Nationalisme Polonais. Au reste cette société ne dura non plus qu'un moment et fut dissoute avant l'Oukase. Au bout de 7 mois Mickiewicz fut mis en liberté et envoyé dans les provinces Russes, jusqu'à ce qu'il plût à S. M. l'Empereur de lui permettre de revenir. Il servit sous les ordres du Général Witt et sous ceux du Général-Gouverneur de Moscou. Il espère que, leurs suffrages lui étant favorables, l'Autorité lui permettra de revenir en Pologne où l'appellent des affaires domestiques.

7 Janvier 1828

⟨Записка о В. Д. Сухорукове, представленная в III Отделение⟩

Сотник Сухоруков воспитывался в Харьковском университете. В 1820 году бывший атаман употребил его по своим делам, как человека сведущего и смышленого. В то же время граф Чернышев, имея нужду в тамошнем уроженце, призвал его в свою канцелярию. Будучи еще очень молод и находясь в таком затруднительном положении, Сухоруков мог подать повод к неудовольствию графа. В последствии времени литературные занятия сблизили его с Корниловичем, с которым в 1825 году издал он ученую книгу под заглавием: *Русская Старина;* Сухоруков был замешан в деле о заговоре, но следственная комиссия оправдала его, оставя в подозрении. Будучи потом откомандирован в Кавказской корпус, Сухоруков был употреблен графом Паскевичем.

Сухоруков имеет отличные дарования и сведения. Доказательством тому служит то, что все бывшие его начальники принуждены были употреблять его, даже не доброжелательствуя ему. С 1821 года предпринял он труд важный не только для России, но и для всего ученого света.

Сухоруков имел некогда поручение от Комитета, учрежденного для устройства войска Донского, составить историю донских казаков. Для сего Сухоруков пересмотрел все архивы присутственных мест и станиц Донской земли, также архивы: Азовской, Саратовской, Царицынской, Астраханской, наконец и Московской. Выписанные им исторические акты заключают более пяти тысяч листов; кроме того Сухоруков приобрел множество разных летописей, повестей, поэм и проч., объемлящих историю донских казаков. Все сии драгоценные материалы, вместе со статьями, им уже составленными, Сухоруков должен был, по приказанию [начальства] ген.-маиора Богдановича, уезжая в армию, в 1826 г., передать [двум есаулам] в другие руки, и теперь они едва ли не растеряны.

Имея слабое здоровие, склонность к ученым трудам и малое, но достаточное для него состояние (тысячу рублей годового дохода), Сухоруков сказывал мне, что единственное желание его было бы получить дозволение хотя [переписать,] взять копии с приобретенных им исторических материалов, на которые употребил он пять лет времени, и потом на свободе заняться составлением Истории Донских Казаков, которую надеялся он посвятить его императорскому высочеству великому князю наследнику.

⟨1831⟩

<Материалы по изданию газеты>

<1. Записка, представленная в III Отделение>

Десять лет тому назад литературою занималось у нас весьма малое число любителей. Они видели в ней приятное, благородное упражнение, но еще не отрасль промышленности: читателей было еще мало; книжная торговля ограничивалась переводами кой-каких романов и перепечатанием сонников и песенников.*

Несчастные обстоятельства, сопровождавшие восшествие на престол ныне царствующего императора, обратили внимание его величества на сословие писателей. Он нашел сие сословие совершенно преданным на произвол судьбы и притесненным невежественной и своенравной цензурою. Не было даже закона касательно собственности литературной.

Ограждение сей собственности и цензурный устав принадлежат к важнейшим благодеяниям нынешнего царствования.

Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направление, т. е. *торговое*. Ныне составляет она отрасль промышленности, покровительствуемой законами.

Изо всех родов литературы периодические издания всего более приносят выгоды, и чем разнообразнее по содержанию, тем более расходятся.

Известия политические привлекают большое число читателей, будучи любопытны для всякого.

Северная Пчела, издаваемая двумя известными литераторами, имея около 3000 подписчиков, естественно должна иметь большое влияние на читающую публику, следственно и на книжную торговлю.

Всякий журналист имеет право говорить мнение свое о нововышедшей книге столь строго, как угодно ему. *Северная Пчела* пользуется сим правом — и хорошо делает; законом требовать от журналиста благосклонности или беспристрастия было бы невозможно и несправедливо. Автору

---

* <В черновом автографе этого места записки сохранились еще следующие строки:> Человек, имевший важное влияние на русское просвещение, посвятивший жизнь единственно на ученые труды, К<арамзин> первый показал опыт торговых оборотов в литературе. Он и тут (как и во всем) был исключением из всего, что мы привыкли видеть у себя. [Литераторы во время царствования покойного императора были оставлены на произвол цензуре своенравной и притеснительной. Редкое сочинение доходило до печати. Весь класс писателей (класс важный у нас, ибо по крайней мере составлен он из грамотных людей) перешел на сторону недовольных. Правительство сего не хотело замечать: отчасти из великодушия (к несчастию, того не понимали, или не хотели понимать), отчасти от непростительного небрежения. Могу сказать, что в последнее пятилетие царствования покойного государя я имел на сословие литераторов гораздо более влияния, чем министерство, несмотря на неизмеримое неравенство средств.]

осужденной книги остается ожидать решения читающей публики или искать управы и защиты в другом журнале.

Но журналы *чисто литературные* вместо 3000 подписчиков имеют едва ли и 300, и следственно голос их был бы вовсе не действительным.

Таким образом литературная торговля находится в руках издателей *Северной Пчелы*, и критика, как и политика, сделалась их монополией.

От сего терпят вещественный ущерб все литераторы, не находящиеся в приятельских сношениях с издателями *Северной Пчелы*: ни одно из их произведений не продается, ибо никто не станет покупать товара, осужденного в самом газетном объявлении.

Для восстановления равновесия в литературе нам необходим журнал, коего средства могли бы равняться средствам *Северной Пчелы*, т. е. журнал, в коем печатались бы политические и заграничные новости.

Направление политических статей зависит и должно зависеть от правительства, и в сем случае я полагаю священной обязанностию ему повиноваться и не только соображаться с решением цензора, но и сам обязуюсь строго смотреть за каждой строкою моего журнала.

Злонамеренность была бы с моей стороны столь же безрассудна, как и неблагодарна.

⟨1831⟩

⟨2⟩

Что есть журнал европейский. Что есть журнал русской. Нынешние русские журналы. Каков может быть русский журнал.

Часть политическая. Внешняя политика. Происшествия. Полит. Полемика.

Предварительное изъявление мнений правительства. Внутренние происшествия; указы. О мерах правительства. З⟨аконодательные⟩ материалы от правительства. Корреспонденция.

Литература. *Внешняя* литература. — Лучшие статьи из журналов. Критика иностранных книг. *Внутренняя*. Исторические материалы. Текучая литература. Feuilleton. Théâtre. Библиография. Объявления.

Пособия: повеления министров.

Журнал мой предлагаю правительству — как орудие его действия на общее мнение.

Официальность.

⟨1832?⟩

⟨3.⟩ Дневник

Контора под ведомством Редактора.

Подписка в эксп⟨едициях⟩ и в почтамте.

Рассылка по домам.

Книги:

1. Подписная, билетов.
2. Поступающих денег.
3. Книга прихода и расхода (Grossbuch).
4. Отдельный счет с бумагой.
5. Книги с разнощ. жалоб.
6. Сотрудники.
7. Покупки.

Исполнитель.

Сотрудники. <1832>

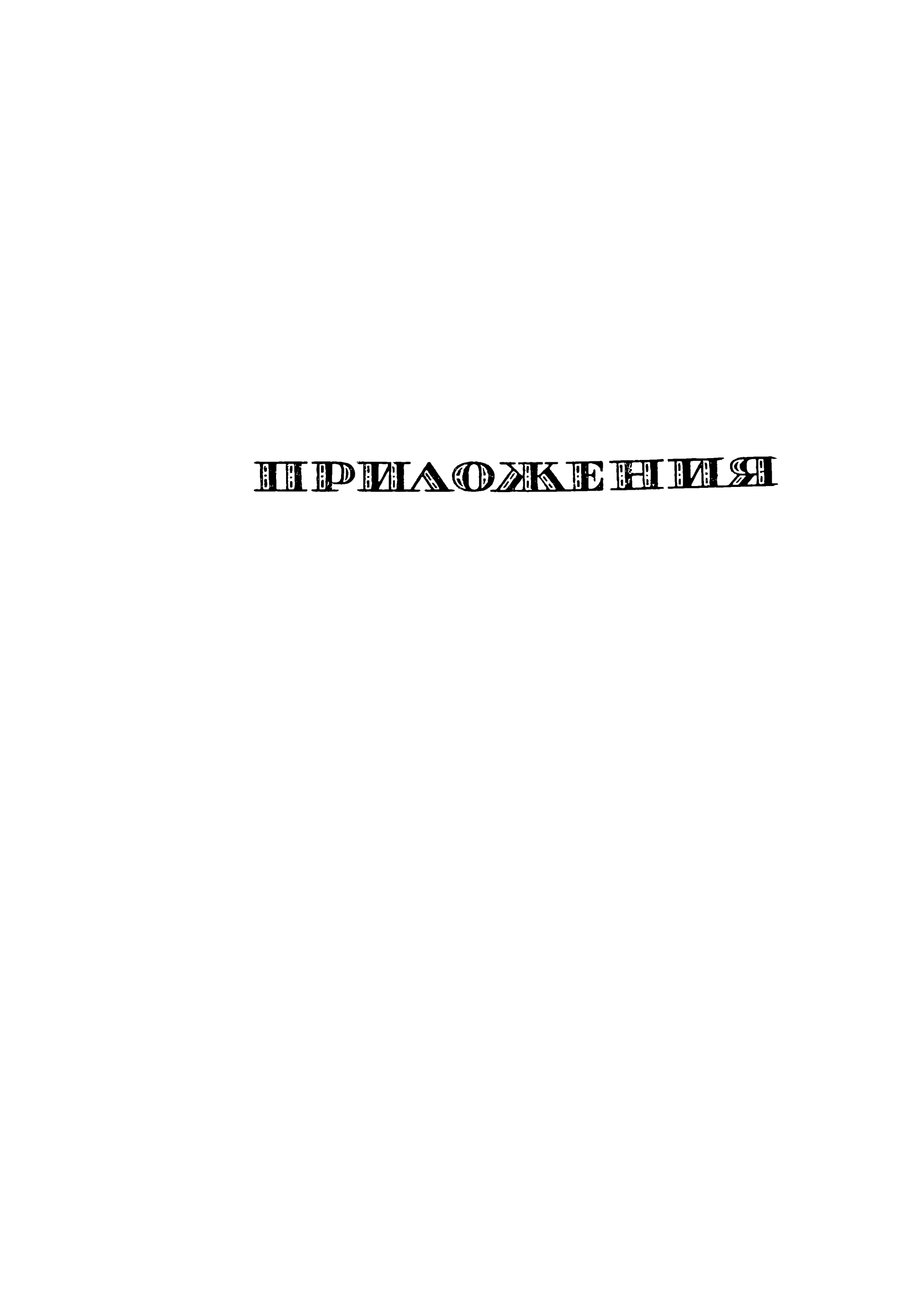
<**Программа „Современника“, представленная в С.-Петербургский цензурный комитет**>

Журнал под названием *Совремечник* выходит каждые три месяца по одному тому.

В нем будут помещаться стихотворения всякого роду, повести, статьи о нравах и тому подобное; (оригинальные и переводные) критики замечательных книг русских и иностранных; наконец, статьи, касающиеся вообще искусств и наук.

Цена за годовое издание 25 р. асс., с пересылкою 30 р. асс.

А. Пушкин.

ПРИЛОЖЕНИЯ

~~~~~~~~~~~~~~~~

Критические заметки на полях книг

Заметки на полях статьи кн. П. А. Вяземского „О жизни и сочинениях В. А. Озерова“

Текст Вяземского	Заметки Пушкина
Заслуги Озерова, преобразователя русской трагедии, которые можно, не определяя достоинства обоих писателей, сравнить с заслугами Карамзина, образователя прозаического языка, обращают на себя благодарное и любопытное внимание просвещенных друзей словесности. — Оба оставили между собою и предшественниками своими великое расстояние. Судя по творениям, которые застали они, нельзя не признать, что ими вдруг подвигнулось искусство, и если бы не при нас случилось сие важное преобразование, трудно было бы поверить, что оно не приуготовлено было творениями, от нас утраченными. Но для некоторых людей сей геркулесовский подвиг не существует. Они постоянно коснеют при мнениях прошедшего века. (Стр. VI.)	Большая разница. Карамзин — великий писатель во всем смысле этого слова, а Озеров — очень посредственный. Озеров сделал шаг в слоге, но искусство чуть ли не отступило. Геркулесовского в нем нет ничего.
Рожденный с пылкими страстями, с воображением романическим, он не мог противиться волшебной прелести любви, и привязанность к одной женщине, достойной владычествовать в его сердце, решила судьбу почти всей его жизни. (Стр. IX.) Нет сомнения, что чтение романов дало его поэзии цвет романизма, заметный почти во всех его произведениях. (Стр. X.)	Всё это сбивчиво. Ты сперва говоришь о его любви, потом о его романизме в трагедиях, потом о дружбе, потом опять о любви, опять о щекотливости, опять о любви. Более методы, ясности!
~~~~~~~~~~~~~~~~

Смерть милой ему женщины удалила его на время от света, который в глазах его украшался ею... При образовании природном долго не мог он искать наслаждений и счастия в трудах ума, искав их единственно в мечтах сердца... Следующая черта даст ясное понятие о нежности и щекотливости благородной души его. (Стр. X.)

Главным свойством его сердца была любовь к друзьям... (Стр. X.)

Любовь к друзьям — по-русски дружба, не свойство, а страсть разве.

Где же геркулесовский подвиг Озерова?

Драматическое искусство у нас еще в колыбели.

Несмотря на несколько трагических и комических сцен, мелькающих в малом числе драматических творений, из коих всякое более или менее ознаменовано общею печатию отвержения, наложенною на наш театр рукою Талии и Мельпомены, кажется, можем сказать решительно, что до сего времени мы не имели еще ни одной оригинальной комедии в стихах и до Озерова не видали трагедии. (Стр. XI.)

Да говори просто: ты довольно умен для этого.

Фонвизин умел быть оригинальным и хорошим стихотворцем, но писал прозою комедии, доныне лучшие на нашем театре, и даже единственные как по истине представленных нравов и характеров, так и по разговору, который блистает непринужденным остроумием. (Стр. XII.)

Не поэтому. Но о Фонвизине поговорим после.

Должно заметить однако же, что в трагедиях Сумароков так же выше комедий своих, как Княжнин в комедиях выше трагедий Сумарокова и своих собственных. (Стр. XIII.)

И этого не вижу: в нем всё дрянь, кроме некоторых од.

NB. Сумароков прекрасно знал русский язык. (Лучше, нежели Ломоносов.)

Может быть, и совсем поглотила бы его ⟨Сумарокова⟩ бездна забвения... (Стр. XII.)

И совсем его забыли (проще и лучше).

Княжнин первый положил твердое основание как трагическому, так и комическому слогу. Лучшая комедия в стихах на нашем театре есть неоспоримо *Хвастун*, хотя и в ней критика найдет много недостатков и вкус не все стихи освятил своею печатью.

„*Хвастун*“ перевод из „*L'important*“; я не читал подлинника, пересмотри.

Но зато сколько сцен истинно комических, являющих блестящие дарования автора. Сколько счастливых стихов, вошедших неприметно в пословицы. (Стр. XIII.)

„*Утешенная вдова*“ до сего времени может служить у нас образцовою <комедиею> по достоинству прозаического и комического слога, тонкой насмешки и веселости. (Стр. XIII.)

Полно, так ли?

Можно похитить блестящую мысль, счастливое выражение; но жар души, но тайна господствовать над чувствами других сердец не похищается, и нельзя ей научиться от правил пиитики. Главный недостаток Княжнина происходит от свойств души его. Он не рожден трагиком. (Стр. XV.)

То есть, он просто не поэт.

Первый шаг Озерова в области поэзии был перевод из Колардо героиды *Элоизы к Абеларду*... Поставить перевод наряду с подлинником — невозможно; но не признать в переводчике Колардо грядущего поэта было бы несправедливо. Многие стихи, несмотря на тогдашнее младенчество языка нашей поэзии, могли бы украсить и в теперешнее время лучшее из наших стихотворений. (Стр. XVII.)

Как тебе не стыдно распространяться об этом! Всё это лишнее.

„Читая Колардо,— говорит Озеров,— я был восхищен. Мне открылся путь парнасский, и я почувствовал вдохновение Аполлона, о котором прежде и мысли не имел“. (Стр. XVII.)

Это дает мне мерку дарования Озерова.

Он, как благоразумный художник, воспитывал дарование свое в греческой школе и знал, что для театра нашего еще в младенчестве полезны могут быть и правила и самые примеры наставников, коих искусство возросло до зрелости трудами их гения и не состарилось с веками. К тому же отнимая от Эдипа и всё то, что, так сказать, теряется для глаз наших, его несчастие, благородная твердость, нежная любовь дочери его имеют еще довольно прав на сострадание души, и повесть Эдипа останется всегда богатым и счастливым наследством древних, которым успешно могут пользоваться и новейшие трагики. (Стр. XXII.)

Критика слишком незрелая.

Но трагик не есть уголовный судия. Обязанность его и всякого писателя есть согревать любовию к добродетели и воспалять ненавистию к пороку, а не заботиться о жребии и приговоре провидения.

Прекрасно!

Великие трагики и из новейших чувствовали сию истину, и Вольтер, поражая Зопира и щадя Магомета, не был ни гонителем добродетели ни льстецом порока.

Ничуть! Поэзия выше нравственности, или, по крайней мере, совсем иное дело. Господи Иисусе! Какое дело поэту до добродетели и порока? Разве — их одна поэтическая сторона.

Озеров, как сказывают, сперва и хотел перенести в свою трагедию прекрасный конец Софокловой, но один актер, в школе Сумарокова воспитанный, испугал его, предсказывая, что публика дурно примет конец, столь противный общим понятиям о цели драматических творений, и родил в нем мысль развязать свою трагедию смертью Креона.

Озеров принял его совет... Таким образом вкоренелые предрассудки и уполномоченные представители их в обществе заграждают произвольными межами путь гению, еще не довольно возмужавшему, чтобы с постоянною смелостью презреть их в полете своем. (Стр. XXVI—XXVII.)

Тут не было ни гонения, ни смелого полета — просто вкус.

Эдип в Афинах... поставил Озерова наряду с величайшими нашими поэтами и на степень первейшего нашего трагика. (Стр. XXVII.)

В Москве считался знаменитым,
Затем, что был один.

В первый раз сия трагедия была играна в петербуржском театре в 1804 году и вскоре после того напечатана при посвящении, писанном прозою, к Державину, который отвечал стихами, уже отзывающимися старостию поэта и не стоющими прозы Озеровой. (Стр. XXVII.)

Милый мой, уважай отца Державина, не равняй его стихов с прозой Озерова!

Северный поэт переносится под небо, сходное с его небом, созерцает природу, сходную его природе, встречает в нравах сынов ее простоту, в подвигах их мужество,

Хорошо, смело.

которые рождают в нем темное, но живое чувство убеждения, что предки его горели тем же мужеством, имели ту же простоту в нравах, и что свойства сих однородных диких сынов севера отлиты были природою в общем *льдистом* сосуде. (Стр. XXIX.)

Не в ледяном ли?

Но ровное и, так сказать, одноцветное поле поэм Оссиана обещает ли богатую жатву для трагедии, требующей действия сильных страстей, беспрестанного их борения и великих последствий? Не думаю. (Стр. XXX.)

Что общего между однообразием Оссиановских поэм и трагедией, которая заимствует у них единый слог?

Большая часть трагедий выиграли бы потерею двух актов и почти все исключительно потерею одного. Новейшие, рабски следуя древним, приняли их мерку, не заботясь о выкройке их. (Стр. XXX.)

Перестань, не шали!

Он с искусством умел противопоставить мрачному и злобному Старну, таящему во глубине печальной души преступные надежды, взаимную и простосердечную любовь двух чад природы, искренность Моины, благородство и доверчивость Фингала. (Стр. XXXI.)

Противоположности характеров — вовсе не искусство, но пошлая пружина французской трагедии.

Трагедии Озерова... уже несколько принадлежат к новейшему драматическому роду, так называемому *романтическому*, который принят немцами от испанцев и англичан. (Стр. XLIII.)

<Строки эти отчеркнуты карандашом.>

<Общее заключение о статье>

Часть критическая вообще слаба, слишком слаба. Слог имеет твои недостатки, не имея твоих достоинств. Лучше написать совсем новую статью, чем передавать печати это сбивчивое и неверное изображение. Озерова я не люблю не от зависти (сего гнусного чувства, как говорят), но из любви к искусству. Ты сам признаешь, что слог его нехорош, а я не вижу в нем и тени драматического искусства. Слава Озерова уже вянет, а лет через десять, при появлении истинной критики, совсем исчезнет. Озерова перевели; перевод есть оселок драматического писателя; посмотри же, что из него вышло во французской прозе.

Заметки на полях „Опытов в стихах и прозе“ К. Н. Батюшкова*

„Текст Опытов“	Заметки Пушкина
К друзьям (стр. 3—5).	Весьма дурные стихи.
Вот список мой стихов, Который дружеству быть может *драгоценен,* Я добрым гением *уверен,* и т. д.	⟨Рифма: *драгоценен* — *уверен* отмечена как слабая.⟩
Элегии.	
Надежда (стр. 9—10). Всё дар его, и краше всех Даров надежда лучшей жизни!	Точнее бы *Вера.* Неудачный перенос.
На развалинах замка в Швеции (стр. 11—18.)	Вообще мысли пошлые, и стихи не довольно живы.
⟨Строфа 7-я⟩	
Ах, юноша, спеши к отеческим брегам, Назад лети с добычей бранной; Уж веет кроткий ветр во след твоим судам, Герой, победою избранной!	Вяло.
⟨Строфа 9-я⟩	
Красавица стоит безмолвствуя, в слезах, Едва на жениха взглянуть украдкой смеет, Потупя ясный взор, краснеет и бледнеет, Как месяц в небесах...	Вот стихи прелестные, собственно Батюшкова — вся строфа прекрасна.
⟨Строфа 11-я⟩	
Там старцы жадный слух склоняли к песни сей, Сосуды полные в десницах их дрожали, И гордые сердца с восторгом вспоминали О славе юных дней.	Прекрасно.
⟨Строфа 13-я⟩	
Где вы, отважные толпы богатырей, Вы, дикие сыны и брани и свободы?	Живо, прекрасно.
Элегия из Тибулла.	
Вольный перевод (стр. 19—26).	Прекрасный перевод.
О вы, которые умеете любить, *Страшитеся любовь разлукой прогневить!*	Вяло.

* ⟨Курсивом в тексте Батюшкова отмечаются стихи, отчеркнутые Пушкиным; звездочкой на стр. 565—566 обозначены заметки, сделанные еще в 1817 г.⟩

Тогда не мчалась ель на легких парусах
Несома ветрами в лазоревых морях,

Лишний стих.

О мирны пастыри, в невинности сердец
Беспечно жившие среди пустынь *безмолвных*!
При вас, на пагубу друзей *единокровных,*
На наковальне млат не изваял мечей.

⟨Рифма *безмолвных—единокровных* отмечена как слабая.⟩

О век Юпитеров! о времена несчастны!
Война, везде война, и *глад и мор ужасный.*
Повсюду рыщет смерть, на суше, на водах,
Но ты, *держащий гром и молнию в руках!*
Будь мирному певцу Тибуллу *благосклонен.*
Ни словом, ни душой я не был *вероломен.*

⟨Рифмы эти подчеркнуты Пушкиным как слабые.⟩

До гроба я носил твои *оковы нежны*

узы ⟨вместо „оковы"⟩

Богами ввержены во пропасти бездонны,
Ужасный *Энкелад и Тифий преогромный*
Питает жадных птиц утробою своей

и Тифий там ⟨огромный⟩
Ошибка мифологическая и грамматическая.

При шуме зимних вьюг, под сенью безопасной,
Подруга в темну ночь зажжет светильник ясный
И, тихо веретено кружа в руке своей,
Расскажет повести и были старых дней.
А ты, склоняя слух на сладки небылицы,
Забудешься, мой друг; и томные зеницы
Закроет тихий сон, и пряслица из рук
Падет... и у дверей предстанет твой супруг,
Как небом посланный внезапно добрый гений.

Прелесть.

Воспоминание

(стр. 27—29).

Писано в первой молодости поэта.

Едва дымился огнь в часы туманной нощи
Близ кущи *ратника, который сном почил.*

⟨Стих подчеркнут как слабый.⟩

На смерть летя против врагов

Слабо.

Осталось *мрачно* вспоминанье.

⟨Стих подчеркнут как слабый.⟩

Да оживлю теперь я в памяти своей
Сию *ужасную минуту,*
Когда, *болезнь вкушая люту*
И видя сто смертей,
Боялся умереть не в родине моей!

Неудачный оборот и дурные стихи.

Но небо, вняв моим молениям *усердным,*
Взглянуло оком *милосердым;*

⟨Рифма подчеркнута как слабая.⟩

Воспоминания

Отрывок (стр. 30—32).

Ни дружбы, ни любви, *ни песней Муз прелестных,*
Которые всегда душевну скорбь мою,
Как Лотос, силою волшебной врачевали.

Вяло.

Средь *бурей* жизни и *недуг*

бурь, недугов

Обитель древняя и доблести и *нравов!*

Галлицизм.

Ты часто странника задумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальные скалы гранитных берегов,
И села пахарей, и кущи рыбаков
Сквозь тонки утренни туманы
На зеркальных водах пустынной Троллетаны.

Последние стихи славны своей гармонией.

Выздоровление
(стр. 33—34).

Одна из лучших элегий Б⟨атюшкова.⟩ —

Как *ландыш под серпом убийственным жнеца*
Склоняет голову и вянет

Не под *серпом,* а под *косою:* ландыш растет в лугах и рощах — не на пашнях засеянных.

Мщение

Из Парни (стр. 35—38).

И всё погибло *невозвратно.*
Как сладкая мечта, как утром сон *приятный!*

⟨Рифма подчеркнута как неудачная.⟩

Но всё любовью здесь исполнено моей,
И клятвы страшные твои напоминает.
Их помнят и леса, их помнит и ручей,
И эхо томное их часто повторяет.

Лишнее и вялое.

Ты здесь, подобная лилее белоснежной,
Взлелеянной в садах Авророй и весной.
Под сенью безмятежной,
Цвела невинностью близ матери *твоей*

И у Парни это место дурно, у Б⟨атюшкова⟩ хуже. Любовь не изъясняется пошлыми и растянутыми сравнениями.

своей ⟨вместо „твоей“⟩

Здесь жертвы приносил у мирных алтарей,

Что такое?

И в первый раз „люблю“ *краснеяся,* сказала.
(Тому сей дикий бор немой свидетель был).

Какой оборот!

И *жребий* с трепетом читает
В твоих потупленных очах.

Должно было: *свой* жребий.

В веселых пиршествах, тобой одушевленных,
Где юность пылкая и *взор считает твой.*

Темно.

Когда ж безвременно с полей кровавой битвы
К Коциту позовет меня судьбины глас,
Скажу: будь счастлива *в последний жизни час!*

Je dirai: qu'elle soit heureuse! Et ce voeu ne pourra te donner le bonheur! ⟨Стихи Парни.⟩

И тщетны будут все любовника молитвы!

Какая разница!

Привидение

Из Парни (стр. 39—42).

Если пламень потаенный
По ланитам пробежал;
Если пояс сокровенный
Развязался и упал —

Прелесть.

Я вздохну... и глас мой *томный,*
Арфы голосу *подобный,*
Тихо в воздухе умрет.

⟨Рифма отмечена как неудачная.⟩

Час блаженнейший... Но ах!

⟨Стих подчеркнут как слабый.⟩

Тибуллова элегия III

(стр. 43—45).

Стихи замечательные по счастливым усечениям — мы слишком остерегаемся от усечений, придающих иногда много живости стихам.

В богатстве ль счастие? В нем призрак, тщетный вид!

⟨Стих подчеркнут как слабый.⟩

Колен *пред случаем* вовек не преклоняет,

faveur. Не то.

Когда же *Парк сужденье,*
Когда суровых *сестр противно веретено*

приговор ⟨вместо „сужденье“⟩

Мой гений (стр. 46).

⟨1⟩ О память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
⟨4⟩ Меня в стране пленяешь дальной.

Прелесть кроме первых 4 ⟨стихов⟩.

Тень друга (стр. 48—51).

Я берег покидал туманный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых утопал.

Прелесть и совершенство — какая гармония!

Дмитриев осуждал цезуру двух этих стихов. Кажется, несправедливо.

Тибуллова элегия

Вольный перевод (стр. 52—58).

Мы *учиним* пред ним обильны *возлиянья*,
Иль на чело его в *знак мирного венчанья*
Возложим мы венки из миртов и лилей.

Проза.
Увенчаем в знак венчанья!!!

Обрызган кровию, *выигрывает бой;*

Проза.

О подвигах своих расскажет древний воин,
Товарищ юности; и сидя за столом,
Мне лагерь начертит *веселых чаш вином.*

Было прежде: *чаш пролитых вином* — точнее.

В день рождения N.
(стр. 64).

Есть чувство.

Пробуждение (стр. 65).

Ни быстрый лёт коня ретива

Усечение гармоническое.

И гордый ум не победит
Любви, холодными словами.

Смысл выходит — *холодными словами любви*; — запятая не поможет.

Разлука (стр. 66—67).

Прелесть.

Таврида (стр. 68—70).

По чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения — лучшая элегия Батюшкова.

Весна ли красная блистает средь полей,
Иль лето знойное палит иссохши злаки.
Иль, урну хладную вращая, Водолей
Валит шумящий дождь, седый туман и мраки.

Любимые стихи Бат<юшкова> самого.

Последняя весна
(стр. 72—74).

Неудачное подражание Millevoye.

К чему так рано увядать?
Закройте памятник унылый,
Где прах мой будет истлевать;
Закройте путь к нему собою
От взоров дружбы навсегда.

Чорт знает что такое!

Но если Делия с тоскою
К нему приблизится: тогда
Исполните благоуханьем
Вокруг *пустынный небосклон.*

Дурно.

К Г<неди>чу
(стр. 75—76).

Только дружба обещает
Мне бессмертия венок;

Что за детские стихи!

Он приметно увядает,
Как от зноя василек.
Ах! ужели наградит
Слава счастия утрату,
И ко дней моих закату
Как нарочно прилетит?

Последние 4 стиха очень милы.

К Д⟨ашко⟩ву

Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутьи видел их,

Прекрасное повторение.

И там — где с миром почивали
Останки иноков святых,
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;

Прелесть!

Источник (стр. 81—83).

Не стоит ни прелестной прозы Парни, ни даже слабого подражания Мильвуа.

Пленный (стр. 86—90).

Л⟨ев⟩ В⟨асильевич⟩ Д⟨авыдов⟩ в плену у французов говорил одной женщине: „Rendez-moi mes frimas“. Б⟨атюшков⟩у это подало мысль написать своего *Пленного.* Он неудачен, хотя полон прекрасными стихами. Русский казак поет, как трубадур, слогом Парни, куплетами фр⟨анцузского⟩ романса.

⟨Строфа 2-я⟩

В часы вечерния прохлады
Любуяся рекой,
Стоял, склоня на Рону взгляды
С глубокою тоской,

⟨Стихи 2-й и 4-й подчеркнуты Пушкиным.⟩

. . . .
С полей победы похищенный
Один, толпой врагов

Любимые стихи к⟨нязя⟩ П⟨етра⟩ Вяземского.

⟨Строфа 3-я⟩

. . . .
Мне жизнь не жизнь, *без славы — бремя,*
И пуст прекрасный мир!

⟨Конец стиха подчеркнут Пушкиным.⟩

⟨Строфа 6-я⟩

. . . .
На родине мой кров,
Покрытый в зиму ярким снегом!

Было прежде: *белым снегом.*

⟨Строфа 7-я⟩

На родину, в сей терем *древний,*
Где ждет меня *краса*

Вместо: *красавица.* Неудачно.

⟨Строфа 8-я⟩

Шуми, шуми волнами, Рона,
И жатвы орошай;
Но плеском волн родного Дона
Мне шум напоминай!
О ветры, с полночи летите
От родины моей!
Вы, звезды Севера, горите,
Изгнаннику светлей! —

Прекрасно.

Гезиод и Омир — соперники (стр. 93—100).

Вся элегия превосходна — жаль, что перевод.

Народы, как волны, в *Колхиду* текли.

Невежество непростительное.

Коней отрешите от тягостных уз
И в стойлы прохладны ведите!
Вы, пылью и потом покрыты бойцы,
При пламени светлом вздохните!
Внемлите, народы, Эллады сыны,
Высокие песни внемлите!

Прекрасно.

Пройдя из края в край
Гостеприимный мир,

В конце сказано: *рожденный в Самосе* и проч. Противуречие.

Омир.

Мне снилось в юности: орел-громометатель
От Мелеса меня, играючи, унес
На край земли, на край небес,
Вещая: „Ты земли и неба обладатель!“

Прекрасно.

Гезиод.

О нежны дочери суровой Мнемозины!

Зачем *суровой.*

Твой гений проницал в Олимп: и вечны боги
Отверзли для тебя заоблачны чертоги.

Вот пример удачной перемены цезуры.

И что ж? *В юдоли сей страдалец искони*

Библеизм неуместный.

К другу (стр. 101—105)

Сильное, полное и блистательное стихотворение.

⟨Строфа 7-я⟩

Минутны странники, мы ходим по гробам;
Все дни утратами считаем;
На крыльях радости летим к своим друзьям
И что ж? их урны обнимаем.

Прелесть! — да и всё прелесть!

К. Н. Батюшков. С портрета карандашом *О. А. Кипренского* 1815 г. (Госуд. театральный музей им. Бахрушина)

⟨Строфа 9-я⟩

Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус,
Любви и очи и ланиты;

⟨Строфа 11-я⟩

Она в страданиях почила

⟨Строфа 14-я⟩

Напрасно вопрошал я опытность веков
И *Клии* мрачные скрижали;

⟨Строфа 15-я⟩

Как в воздухе перо кружится здесь и там,
Как в вихре тонкий прах летает,
Как судно без руля стремится по волнам
И вечно пристани не знает:

Мечта (стр. 106—118).

Иль в Муромских лесах задумчиво блуждаешь,
Когда на западе зари мерцает луч
И хладная луна выходит из-за туч?
Или, влекомая чудесным обаяньем
В места, где дышит всё любви очарованьем,
Под тенью яворов ты бродишь по холмам,
Студеной пеною Воклюза орошенным?
Где тень Оскарова, одетая туманом,
По небу стелется над пенным океаном;

⟨Стихи 32—39⟩

Или в полночный час
Он слышит скальдов глас
Прерывистый и томный.
Зрит: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоят кругом костров,
Зажженных в поле брани;
И древний царь певцов
Простер на арфу длани.

⟨Стихи 46—66⟩

Мир, мир тебе, герой!
Твоей секирою стальной
Пришельцы гордые разбиты!
Но сам *ты пал* на грудах тел,
Пал витязь знаменитый
Под тучей вражьих стрел!
Ты пал! И над тобой посланницы небесны,

Звуки италианские!

Что за чудотворец этот Б⟨атюшков⟩!

Прекрасно!

Клио, как *депо*, не склоняется. Но это правило было бы затруднительно.

Подражание Ломоносову и Torrismondo.

Писано в молодости поэта. Самое слабое из всех стихотворений Б⟨атюшкова⟩.

Гармония.

Прекрасно.

Скальд и бард одно и то же, по кр⟨айней⟩ мере — для нашего воображения.

Валькирии прелестны,
На белых, как снега Биармии, конях,
С златыми копьями в руках,
В безмолвии спустились!
Коснулись до зениц копьем своим и вновь
Глаза твои открылись!
Течет по жилам кровь
Чистейшего эфира;
И ты, бесплотный дух,
В страны безвестны мира
Летишь стрелой... и вдруг —
Открылись пред тобой те радужны чертоги,
Где уготовали для сонма храбрых боги
Любовь и вечный пир. —

⟨Стихи эти Пушкиным перечеркнуты, и над первым из них заметка:⟩
детские стихи.

⟨Стихи 73—74⟩

Там снова с арфой золотою
В восторге скальд поет.

Опять всё то же.

⟨Стихи 104—108⟩

Тогда на крылиях Мечты
Летал я в поднебесной;
Или забывшися на лоне красоты,
Я сон вкушал прелестный,
И счастлив наяву, был счастлив и в мечтах!

Дурно.

Дурно.

⟨Стихи 109—137⟩

Волшебница моя! дары твои бесценны
И старцу в лета охлажденны,
С котомкой нищему и узнику в цепях.
Заклепы страшные с замками на дверях,
Соломы жесткий пук, свет бледный пепелища,
Изглоданный сухарь, мышей тюремных пища,
Сосуды глиняны с водой,
Всё, всё украшено тобой!..
Кто сердцем прав, того ты век не покидаешь:
За ним во все страны летаешь,
И счастием даришь любимца своего.
Пусть миром позабыт! Что нужды для него?
Но с ним задумчивость в день пасмурный, осенний,
На мирном ложе сна,
В уединенной сени,
Беседует одна.
О тайных слез неизъяснима сладость!
Что пред тобой сердец холодных радость,
Веселый шум и блеск честей

Какая дрянь.

Какая дрянь.

Какая дрянь.

Тому, кто ничего не ищет под луною;
Тому, кто сопряжен душою
С могилою давно утраченных друзей!
Кто в жизни не любил?
Кто раз не забывался,
Любя, мечтам не предавался,
И счастья в них не находил?
Кто в час глубокой ночи,
Когда невольно сон смыкает томны очи,
Всю сладость не вкусил обманчивой Мечты?

Какая дрянь.

⟨Стихи 138—149⟩

Теперь, любовник, ты
На ложе роскоши с подругой боязливой,
Ей шепчешь о любви и пламенной рукой
Снимаешь со груди ее покров стыдливой;
Теперь блаженствуешь и счастлив ты Мечтой!

Немного опять похоже на Бат⟨юшкова⟩.

Ночь сладострастия тебе дает призраки
И нектаром любви кропит ленивы маки.

Катенин находил эти два стиха достойными Баркова.

Мечтание — душа поэтов и стихов.
И едкость сильная веков
Не может прелестей лишить Анакреона;
Любовь еще горит во пламенных мечтах
Любовницы Фаона;

Дурно, вяло.

⟨Стихи 150—173⟩

А ты, лежащий на цветах
Меж нимф и сельских граций,
Певец веселия, Гораций!

Дурно.

Ты сладостно мечтал,
Мечтал среди пиров и шумных и веселых,
И смерть угрюмую цветами увенчал!
Как часто в Тибуре, в сих рощах устарелых,

Слабо.

На скате бархатных лугов,
В счастливом Тибуре, в твоем уединеньи,
Ты ждал Глицерию и в сладостном забвеньи,
Томимый негою на ложе из цветов,
При воскурении *мастик благоуханных,*
При пляске нимф венчанных,
Сплетенных в хоровод,
При отдаленном шуме
В лугах журчащих вод,
Безмолвен в сладкой думе
Мечтал... и вдруг Мечтой
Восторжен сладострастной,

Дурно.

У ног Глицерии стыдливой и прекрасной
Победу пел любви

Над юностью беспечной
И первый жар в крови,
И первый вздох сердечный.

Пошло.

⟨Стихи 174—177⟩

Счастливец! воспевал
Цитерские забавы,
И все заботы славы
Ты ветрам отдавал!

Хорошие 4 стиха.

⟨Стихи 178—186⟩

Ужели в истинах печальных
Угрюмых стоиков и скучных мудрецов,
Сидящих в платьях погребальных
Между обломков и гробов,
Найдем мы жизни нашей сладость?
От них, я вижу, радость
Летит, как бабочка от терновых кустов;
Для них нет прелести и в прелестях природы;
Им девы не поют, сплетяся в хороводы.

⟨Стихи 178—184 Пушкиным перечеркнуты.⟩

⟨Стихи 187—194⟩

Для них, как для слепцов,
Весна без радости и лето без цветов...
Увы! Но с юностью исчезнут и мечтанья,
Исчезнут Граций лобызанья,
Надежда изменит, и рой крылатых снов!
Увы! там нет уже цветов,
Где тусклый опытность светильник зажигает,
И время старости могилу открывает!

Прекрасно.

Дрянь.

⟨Стихи 195—199⟩

Но ты — пребудь верна, живи еще со мной!
Ни свет, ни славы блеск пустой,
Ничто даров твоих для сердца не заменит!
Пусть дорого глупец сует блистанье ценит,
Лобзая прах златый у мраморных палат; —

Дрянь.

Послания

Мои пенаты.
Послание к Ж⟨уковскому⟩ и к В⟨яземскому⟩ (стр. 121—137).

Это стихотворение дышит каким-то упоеньем роскоши, юности и наслажденья — слог так и трепещет, так и льется — гармония очаровательна.

⟨Стихи 1—8⟩

Отечески пенаты,
О пестуны мои!
Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Где вас на новосельи
Смиренно здесь и там
Расставил по углам;

Главный порок в сем прелестном послании — есть слишком явное смешение древних обычаев миф⟨ологии⟩ с обычаями жителя подмосковной деревни.

⟨Стихи 25—28⟩

В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхой и треногой
С изорванным сукном.

Музы — существа идеальные. Христианское воображение наше к ним привыкло, но *норы* и *кельи*, где лары расставлены, слишком переносят нас в греч⟨ескую⟩ хижину, где с неудовольствием находим стол с изорванным сукном и перед камином суворовского солдата с двуструнной балалайкой. — Это всё друг другу слишком уже противоречит.

⟨Стихи 35—36⟩

Всё утвари простые,
Всё рухлая скудель!

⟨Стихи эти Пушкиным перечеркнуты.⟩

⟨Стихи 43—48⟩

Богатство с суетой;
С наемною душою
Развратные счастливцы,
Придворные друзья
И бледны горделивцы,
Надутые князья!

⟨Стихи эти Пушкиным перечеркнуты и сбоку снабжены заметкой:⟩

Сильные стихи.

⟨Стихи 139—143⟩

Мой век спокоен, ясен;
В убожестве с тобой
Мне мил шалаш простой;
Без злата мил и красен
Лишь прелестью твоей!

⟨Стихи 139—143 Пушкиным перечеркнуты.⟩

⟨Стихи 293—294 и 301—304⟩

Когда же Парки тощи
Нить жизни допрядут,
. . . .

К чему сии куренья
И колокола вой,
И томны псалмопенья
Над хладною доской?

Сильные стихи.

Стихи прекрасные, но опять то же противуречие.

Послание. Г. В⟨ельегорско⟩му
(стр. 138—141).

Преглупая пиеса.

Когда отвоевав под знаменем Беллоны,
Под знаменем Любви я начал воевать,
И новый *регламент* и новые законы
В глазах прелестницы читать!

Mauvais goût* — это редкость у Б⟨атюшкова⟩.

⟨Стихи 12—15⟩

Обетованный край! где ветреный Амур
Прелестным личиком любезный пол дарует
Под дымкой на груди лилеи образует.
(Какими б и у нас гордилась красота!)

Как дурно!

⟨Стихи 25—29⟩

О мой любезный друг! отдай, отдай назад
Зарю прошедших дней и с прежними бедами,
С любовью и войной!
Или, волшебник мой,
Одушеви мое музыкой песнопенье;

Не понимаю этого перехода.

⟨Стихи 31—34⟩

Еще отдай стихам потерянны права,
И камни приводить в движенье
И горы, и леса!
Тогда я с сильфами взлечу на небеса.

Плоско.

Вот сунуло куда!

⟨Стихи 39—43⟩

...и нимфы гор при месячном сияньи,
Как тени легкие, в прозрачном одеяньи,
С сильванами сойдут услышать голос мой.
Наяды робкие, всплывая над водой,
Восплещут белыми руками.

Сильваны, нимфы и наяды — *меж* сыром выписным и гамбургским журналом!!!

Послание к Т⟨ургене⟩ву
(стр. 142—145).

⟨Стихи 19—20⟩

Лишь *дайте им!* промолви — вмиг
Они очутятся с рублями.

Как плоско!

⟨Стихи 27—28⟩

Был беден. Умер. От долгов
Он, следственно, спокоен.

Какая холодная шутка!

* ⟨Дурной вкус.⟩

<Стихи 29—32>

Но в мире он забыл жену
С грудным ребенком; и одну
Суму оставил им в наследство...
Но здесь не всё для бедных бедство!

Что за слог!

<Стихи 37—39>

Прекрасно! славно! — спору нет!
Но... здешний свет —
Не рай, — мне сказывал мой дед.

Стихи, достойные Василия Львовича.

<Стих 50>

И стал... Грация *точь-в-точь!*

Опять!*

<Стихи 63—66>

Они пред образом, конечно,
Затеплят чистую свечу, —
За чье здоровье — умолчу:
Ты угадаешь, друг сердечный!

Я не угадаю: если за здоровье Тургенева, то это плоско; — если нет, так изъяснись. — Охота печатать всякой вздор! Батюшков — не виноват!**

Ответ Г<неди>чу

(стр. 146).

Твой друг тебе навек отныне
С рукою сердце отдает;

Батюшков — женится на Гнедиче!

<Стихи 17—24>

И если к нам любовь заглянет
В приют, где дружбы храм святой,
Увы, твой друг не перестанет
Еще ей жертвовать собой!
Как гость, весельем пресыщенный,
Роскошный покидает пир,
Так я, любовью упоенный,
Покину равнодушно мир.

Прекрасно.

К Ж<уковско>му
(стр. 148—152).

Прекрасно, достойно блестящих и небрежных шалостей французского остроумия, — и везде язык поэзии.

---

* <Подразумевается стих 21-й этого же „Послания“: „Но кто они? — Скажу точь-в-точь“.>

** <Подразумевается, что виноват не автор „Опытов“, а их издатель, Гнедич.>

Ответ Т⟨ургене⟩ву
(стр. 153—156).

Как неудачно почти всегда шутит Батюшков! Но его *Видение* умно и смешно.

Послание И. М. М⟨уравьеву⟩-А⟨постолу⟩ (стр. 160—166).

Ты прав, любимец Муз! от первых впечатлений,
От первых, свежих чувств заемлет силу гений
И им в теченьи дней своих не изменит!

Цель послания не довольно ясна; не достаточно то, что выполнено прекрасно.

⟨Стихи 33—36⟩

Не там ли, где всегда роскошная природа
И раскаленный Феб с безоблачного свода
Обилием поля счастливые дарит,
Таланта колыбель и область пиэрид?

Это дело десятое: не о том дело; см. ст. 1.

⟨Стих 72⟩

И день, чудесный день, без ночи, без *зарей!*

зорь

⟨Стихи 77—81⟩

Как часто Дмитриев, расторгнув светски узы,
Водил нас по следам своей счастливой Музы,
Столь чистой, как струи царицы светлых вод,
На коих в первый раз зрел солнечный восход
Певец Сибирского Пизарра вдохновенный!

Вяло.

⟨Стихи 99—100⟩

Всем наслаждается, и всюду наконец
Готовит Фебу дань его грядущий жрец.

Темно!

Смесь

Песнь Гаральда Смелого
(стр. 172—174).

⟨Строфа 1-я⟩

Когда мы, *содвинув стеной корабли,*

?

⟨Строфа 3-я⟩

И Гела зияла в *соленой* волне.
Но волны напрасно, яряся, хлестали:
Я черпал их шлемом, работал веслом.

Прекрасно.

Вакханка
(стр. 175—176).

Подражание Парни, но лучше подлинника, живее.

Нагло ризы подымали
И свивали их клубком.
И по роще *раздавались*
„Эвоэ!“ и *неги глас!—*

Смело и счастливо.

Может быть слишком громкое слово.

Разлука
(стр. 180—182).

Цирлих манирлих. С Д. Давыдовым не должно и спорить.

Ложный страх.
(Подражание Парни)
(стр. 183—185).

Гименей за всё ручался
И амуры на часах.

Стих ⟨М. Н.⟩ Муравьева.

⟨Стихи 21—28⟩

Рано утренние розы
Запылали в небесах...
Но любви бесценны слезы,
Но улыбка на устах,
Томно персей волнованье
Под прозрачным полотном,
Молча, новое свиданье
Обещали вечерком.

Очень мило.

⟨Стихи 29—44⟩

Если б Зевсова десница
Мне вручила ночь и день,
Поздно б юная денница
Прогоняла черну тень!
Поздно б солнце выходило
На восточное крыльцо;
Чуть блеснуло б, и сокрыло
За лес рдяное лицо;

Прекр⟨асно⟩.

Долго б тени пролежали
Влажной ночи на полях;
Долго б смертные вкушали
Сладострастие в мечтах.

Пр⟨екрасно⟩.

Дружбе дам я час единый,
Вакху час и сну другой;
Остальною ж половиной
Поделюсь, мой друг, с тобой!

Поделился бы.

Сон могольца
(стр. 186—188).

Монгольская басня, как называет ее Батюшков — сам.

Любовь в челноке
(стр. 189—191).

⟨От стиха 17-го до конца стихотворение Пушкиным перечеркнуто.⟩

Счастливец.
(Подражание Касти)
(стр. 192—195).

⟨Всё стихотворение, за исключением последних двух строф, Пушкиным перечеркнуто.⟩

Радость.
(Подражание Касти)
(стр. 196—198).

Вот Батюшковская гармония.

К ⟨Н. М. Муравьеву⟩
(стр. 199—201).

Подражание старым трубадурам.

Свисти теперь, жужжи, свинец!
Летайте, ядры и картечи!
Что вы для них? для сих *сердец*,
Природой *вскормленных* для сечи?

⟨Слова, набранные курсивом, Пушкиным подчеркнуты.⟩

И под победными громами
„*Мы хвалим господа*“ поем!

Te Deum laudamus, а по-нашему должно бы: *Царю небесный*.

Спокойся; с первыми громами
К знаменам славы полетишь;

Прекрасно!

Эпиграммы, надписи и пр.
(стр. 202—207).

I.

Всегдашний гость, мучитель мой
О Балдус! долго ль мне зевать, дремать с тобой?
Будь крошечку умней, или дай жить в покое!
Когда жестокий рок сведет тебя со мной —
Я не один и нас не двое.

Это не Батюшкова, а Блудова, и то перевод.

II.

Как трудно Бибрису со славою ужиться!
Он пьет, чтобы писать, и пишет, чтоб напиться!

⟨Перечеркнуто Пушкиным⟩

III.

Памфил забавен за столом,
Хоть часто и на зло рассудку:
Веселостью обязан он желудку,
А памяти — умом.

⟨Зачеркнуто Пушкиным.⟩

V.

Мадригал новой Сафо.

Ты Сафо, я Фаон; об этом и не спорю:
Но к моему ты горю
Пути не знаешь к морю.

Переводное острословие — плоскость.

XI.

Мадригал Мелине, которая называла себя нимфою.

Ты нимфа Ио; нет сомненья!
Но только... после превращенья!

Какая плоскость!

XII.

На книгу под названием: „Смесь“.

По чести это *смесь:*
Тут проза и стихи, и авторская спесь.

⟨Перечеркнуто Пушкиным.⟩

Странствователь и домосед (стр. 208—229).

Сижу и думаю о том,
Как трудно быть своих привычек властелином,
Наследственным добром свои насытя взоры,
Такие завели друг с другом разговоры:

Стих не сказочный, натянутый.

Лишнее.

Они тут необходимо — *друг с другом* — наречие, а не *имена сущ.*

— О, я с тобой *несходен;*
Я пресмыкаться *не способен*

⟨Рифма: *несходен* — *не способен* отмечена как слабая.⟩

От скуки сам с собой *вполголос* рассуждая

в полголоса

⟨Стихи 98—163⟩

⟨Стихи 98—163 Пушкиным перечеркнуты и в разных местах снабжены заметками:⟩

Лишнее, дурно, холодно, всё это лишнее.

⟨Стихи 210—219⟩

Топиться хочешь ты? Согласен; но сперва,
Поведай мне, твоя спокойна ль голова?
Рассудок ли тебя влечет в реку иль страсти?
Рассудок: но его что нам вещает глас?
Что жизнь и смерть равны для нас.
Равны: так незачем топиться.

Прекрасно.

Дай руку мне, мой сын, и не стыдись учиться
У старца, чем мудрец здесь может быть счастлив, —
Кто жить советует, всегда красноречив:
И наш герой остался жив.

⟨Стихи 226—247⟩

Забыв людей и свет,
Вот там-то ужин иль обед
Простой, но очень здравый,
Находит Филалет:
Орехи, жолуди и травы,
Большой сосуд воды, и только — боже мой!
Как сладостно искать для трапезы такой
В утехах мудрости приправы!
Итак, в том дива нет, что с путником Памфил
Об атараксии тотчас заговорил;
„Всё призрак! под конец хозяин заключил:
Богатство, честь и власти,
Болезнь и нищета, несчастия и страсти,
И я, и ты, и целый свет,
Всё призрак!“ — „Сновиденье!“
Со вздохом повторял унылый Филалет;
Но, глядя на сухой обед,
Вскричал: „Я голоден!“ — „И это заблужденье,
Всё грубых чувств обман; не сомневайся в том“. —
Неделю попостясь с брадатым мудрецом,
Наш призрак Филалет решился из пустыни
Отправиться в Афины.

⟨Стихи эти Пушкиным перечеркнуты.⟩

⟨Стихи 249—251⟩

Пора с философом расстаться,
Который нас недаром научил,
Как жить и в жизни сомневаться.

⟨Стихи эти Пушкиным перечеркнуты.⟩

⟨Стихи 268—276⟩

Я сам, друзья мои, дань сердца заплатил,
Когда, волненьями судьбины
В отчизну брошенный из дальних стран чужбины,
Увидел наконец адмиралтейский шпиц,
Фонтанку, этот дом... и *столько* милых лиц,
Для сердца моего *единственных* на свете!

Я сам... Но дело всё теперь о Филалете,
Который, опершись на кафедру, стоит
И ждет опять денницы.

〈Стихи эти Пушкиным перечеркнуты.〉

〈Стихи 296—300〉

Вы помните — бульвар кипел в Париже так
Народа праздными толпами,
Когда по нем летал с нагайкою казак,
Иль северный Амур с колчаном и стрелами.
Так точно весь народ толпился и жужжал.

〈Стихи эти Пушкиным перечеркнуты и снабжены отметкой:〉
Лишнее.

〈Стихи 307—315〉

По пальцам доказал, что в мире быть опасно.
— Что ж делать? закричал с досадою народ.
— Что делать? Сомневаться.
Сомненье мудрости есть самый зрелый плод.
Я вам советую, граждане, колебаться:
И не мириться и не драться... —
Народ всегда нетерпелив!
Сперва наш краснобай услышал легкий ропот,
Шушуканье, а там поближе громкий хохот.

Прекрасно, — но не в том дело.

〈Стихи 375—383〉

Напрасно Клит с женой ему кричали в след
С домашнего порога:
„Брат милый, воротись, мы просим, ради бога!
Чего тебе искать в чужбине? Новых бед?
Откройся, что тебе в отечестве не мило?
Иль дружество тебя, жестокий, огорчило?
Останься, милый брат! останься, Филалет!“
Напрасные слова. — Чудак не воротился —
Рукой махнул... и скрылся.

* Конец прекрасен. Но плана никакого нет, цели не видно — всё вообще холодно, растянуто, ничего не доказывает и пр.

Переход через Рейн
(стр. 233—241).

* Лучшее стихотворение поэта — сильнейшее и более всех обдуманное. —

〈Строфа 10-я〉

Стеклись, нагрянули, за честь твоих граждан,

За честь твердынь и сел, и нив опустошенных,
И берегов благословенных,
Где расцвело в тиши блаженство россиян,
Где ангел мирный, светозарный
Для стран полуночи рожден
И провиденьем обречен
Царю, отчизне благодарной.

Темно.

Дело идет о Елизавете Алексеевне.

⟨Строфа 14-я⟩

Там всадник, опершись на светлу сталь копья,
Задумчив и один, на береге высоком
Стоит и жадным ловит оком
Реки излучистой последние края.
Быть может, он воспоминает
Реку своих родимых мест
И на груди свой медный крест
Невольно к сердцу прижимает...

* Прелесть.

Умирающий Тасс
(стр. 245—253).

Эта элегия, конечно, ниже своей славы. — Я не видал элегии, давшей Батюшкову повод к своему стихотворению, но сравните *Сетования Тасса* поэта Байрона с сим тощим произведением. Тасс дышал любовью и всеми страстями, а здесь, кроме славолюбия и добродушия (см. замеч⟨ания⟩), ничего не видно. Это — умирающий Василий Львович, а не Торквато.

Ни в хижине оратая простого
. . . .
Ни в дебрях, ни в горах не спас главы моей

* Добродушие историческое, но вовсе не поэтическое.

Там, там... о, счастие!.. средь непорочных жен,
Средь ангелов Елеонора встретит!"
И с именем любви божественный погас;

Остроумие, а не чувство. Это покровенная глава Агамемнона в картине.

Беседка муз
(стр. 254—256).

* Прелесть!

⟨1830?⟩

Заметки на полях статьи М. П. Погодина „Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия“.*

Текст Погодина	Заметки Пушкина
Стр. 90. Димитрий родился от седьмого брака Иоаннова, и по тогдашним понятиям *едва ли имел право на престол, по крайней мере неоспоримое*+.**	Смотри все летописи, где об незаконности Димитрия нигде не упомянуто, напротив.
Стр. 91. Сноска. Но Бельской вскоре опять является в столице.	После смерти Борисовой.
Стр. 92. Следовательно они не почитали Димитрия наследником? По крайней мере отсюда видно, что всякая сторона легко могла отстранять его при рассуждениях о престоле.	Дядя *законный* наследник, но *сын* естественный наследн.
Стр. 92. Борис возражал им, что во всяком случае трон не будет без наследников, *ибо царевич Димитрий живет* и здравствует.	
Стр. 92. Далее + — Борис не велел молиться о Димитрии и поминать его имени на литургии, мысля тем, говорит историограф, *объявить злосчастного царевича незаконнорожденным,* как сына шестой или седьмой Иоанновой супруги.	Один Борис.
Стр. 92—93. Спрашиваю: зачем было прибегать Борису к этой лишней мере, если он задумал убийство...	!
Стр. 93. ...а теперь не вероятнее ли заключить, что *Борис хотел политически убить Димитрия, в народном мнении,* тише, безопаснее и гораздо действительнее. — Сюда же относятся и слухи, распущенные в народе друзьями Годунова о наклонности Димит-	*и**** Следств. были замыслы противу младенца, и Дм. был опасен Борису.

* <Курсивом обозначены слова, подчеркнутые Пушкиным, в прямых скобках — слова, зачеркнутые Пушкиным в тексте Погодина.>

** <Знаки сноски — крестики — поставлены Пушкиным.>

*** <Вставлено между словами „хотел“ и „политически“.>

рия ко злу и жестокости (коими правитель, по мнению историографа, приготовлял будто легковерных людей услышать без жалости о злодействе!). (Кар. X, 130.)

Стр. 93—94.

Задумав убийство, как Борис не удалил по крайней мере из Углича Нагих, своих зложелателей, естественных противников его намерениям? Так легко мог он сделать это, дав им какие-нибудь значительные места *при дворе* или в городах! — *Как не избавился он от кормилицы*, будто бы преданной царице.

!

!! Однако же думал.

Стр. 94—95.

... [неужели, говорю, Борис мог бояться совместничества с семилетним или четырнадцатилетним отроком, без подпоры в церкви, дворянстве, гражданах, без положительного права?] Неужели он не мог предвидеть, что *сей несчастный сирота* был бы непременно отвержен народом...

Царевич! единственный сын Иоанна!

Стр. 95—96.

...что если бы расстрига был и действительно сын Иоаннов Димитрий, то он всё еще не имел бы права на корону, будучи сыном незаконным от шестой или седьмой жены...

Русским этого не говорили: Кар<амзин> это умно изъяснил.

Стр. 96.

Приняв в расчет сии соображения, можно ли сказать утвердительно, что Борису необходимо *нужна была смерть Димитрия?* Нельзя ли наоборот предположить, что *Борис готовил ему смерть политическую, а не настоящую?*

Противуречие.

Стр. 96.

— согласимся *(самая трудная уступка)*, что Борис своими мерами хотел показать народу, будто и живой *Димитрий* ему *неопасен*, и следовательно смерть его бесполезна, — согласимся, что Нагих и *кормилицу* +* оставил он в Угличе для отклонения от себя всяких подозрений;

Противуречие.
Как ему знать кормилицу?

* <Крестик Пушкина.>

Стр. 97.

...Карамзин, *представитель всех наших известных летописей, сообразив все свидетельства, бывшие пред его глазами.* (Кар. X, 130—133).

Стр. 101.

Для чего было Борису это хладнокровное политическое решение *совета* (которого никак себе вообразить нельзя), что смерть Димитрия необходима для безопасности правителя и для государственного блага!!

Mauvaise foi *

Стр. 101.

Яд, которым начали действовать новые (!) соучастники Бориса, не вредил младенцу ни в яствах, ни в питии...

Летописцы.

Стр. 101.

...существуют ли такие злодеи, которые согласны дать скрупул мышьяку, а не драхму?

Шуточки.

Стр. 102.

[И Борис не умел сыскать одного человека, с руками потверже (который, казалось бы, только и нужен был ему с самого начала вместо всех совещаний и выборов), не умел сыскать одну знающую старуху, кои по нашим деревням портят людей!]

Нет: — Борис только что досадовал, и за неимением способных исполнителей решился переменить свое намерение, и *вместо тихого яда действовать звонким ножом!*

Не то: смотри Кар<амзина>.

А Наполеон, убийца Энгенского, и когда? ровно 200 лет после Бориса.

Что же? Этот опытный знаток людей *открывается опять двум* человекам *(двадцатым?)*, которые отказываются исполнить его поручение, и предаются гонению! (*даже* и не смерти?)

!!

Стр. 102—103.

[Наконец отправляются в Углич Битяговский, представленный Клешниным, с сыном и Качаловым, удостоенные также совершенной доверенности Годунова... Не слишком ли уже дешева эта доверенность Борисова?.. И Борис, который был так

* <Недобросовестность.>

осторожен во всех подобных случаях, что велел доносить, например, себе всякое слово сосланного Филарета (Кар. XI, 104), не умел р а с т о л к о в а т ь убийцам (управлявшим домом и столом царицы), чтобы они сделали свое дело как можно тише, осторожнее, — по крайней мере не днем, не при свидетелях, всего менее при кормилице, преданной Нагим?]

Как могла подозрительная мамка вывести Димитрия насильно из горницы в сени? *Как допустила* она за собою верную кормилицу, предвидя убийство? Как могла согласиться при ней на оное? Ведь оставаясь с трупом и очевидною свидетельницею убийства, она *подвергалась явной смерти! и проч. и проч.*

Как бы не

Покровительствуемая Борисом! т. е. царем!

Стр. 105.

С другой стороны — как Шуйский, подобно *баснословным* Чепчугову и Загряжскому, не отказался...

Почему же, если об них упоминает *современная* летопись?

Стр. 105.

Вспомним, как *благородно* и смело вел себя Шуйской...

Стр. 105—106.

„Димитрий, в среду мая 12, занемог падучею болезнию... в субботу, также после обедни, вышел гулять на двор с мамкою, *кормилицею*, постельницею и с молодыми жильцами...“

„Узнав о несчастии сына, царица прибежала и начала бить мамку, говоря, что его зарезали Волохов, Качалов, Данило Битяговский, *из коих ни одного тут не было...*“

Стр. 105—106.

„...Михайло Нагой велел принести несколько самопалов, ножей, железную палицу, — вымазать оные кровью и положить на тела убитых, в обличение их мнимого злодеяния. *Сию нелепость* утвердили своею подписью воскресенский архимандрит *Феодорит, два игумена и духовник* Нагих от робости и малодушия; а *свидетельство* истины, *мирское, единогласное, было утаено:*

Истинно нелепость

Свидетели!

записали только ответы Михаила Нагого, как бы явного клеветника, упрямо стоящего в том, что Димитрий погиб от руки злодеев“.

Стр. 107.

„Но сии допросы, говорит историограф (X, 138), суть памятники — бессовестной лживости Шуйского; он допрашивал тайно, особенно, не миром, действуя угрозами и обещаниями; призывал кого хотел; писал, что хотел“. —

„Одни сии допросы (Кар. X, пр. 238), явно ознаменованные действием страха, угроз, принуждения, совести нечистой, свидетельствуют о кове Бориса Годунова“.

Именно.

Стр. 108.

Как Волохова могла выдумывать в пользу Бориса, так кормилица могла лгать по *повелению* царицы, — и их равносильные свидетельства *уничтожаются сами собою*.

Стр. 108.

Царице *должно было снять вину с себя*, если Димитрий погиб от ее небрежения...

Глупость.

Стр. 109.

Народ, зная о неприязни Борисовой к Димитрию, легко поверил *правдоподобной выдумке*...

Оправданному показанию всея Руси.

Стр. 110.

Царица, Нагие и граждане, *совершив самовольно казнь*, не должны ли были впредь для своего оправдания доказывать вину казненных?

Вздор.

Стр. 110.

Скажут — *следствие можно б произвесть лучше* и дознаться до истины; но если этого не сделано, то мы не имеем права дополнять его теперь своими произвольными догадками...

А вы что же делаете?

Стр. 110.

Как *очутились на дворе дети, если Димитрий убит у крыльца* тотчас *по выходе из комнаты?*

Не понимаю, что хочет сказать критик.

Стр. 111.

Неужели убийцы не предвидели, что в *городе* произойдет волнение, и не приняли никаких мер к своему спасению? (Иные летописатели говорят, что они отбежали 12 верст, но *воротились назад*).

Они бежали.

Нет.

Стр. 111.

Неужели Шуйский явно заставлял граждан подписываться под готовыми ответами?

Как мудрено!

Как Борис решался до такой степени обнаруживаться пред тысячами своих подданных?

И очень!

Царица была пострижена и заключена в монастырь. Все Нагие, сии справедливые или несправедливые обвинители Бориса, остались в живых (знак доброты его) и дожили до лучшей участи при Лжедимитрии.

Братья *царицы!*

Стр. 112.

...в остальные семь лет царствования Федорова и семь лет царствования Борисова он оставался в одном положении без особенных знаков дружбы, даже милости Борисовой.

[Глупость.]
Он был военачальник и

[Итак, до сих пор нет улик против Бориса? —]

Стр. 112.

Инокиня Марфа (прежняя царица Мария Нагая)...

Но может ли история принимать в уважение слова этой *(бесхарактерной)* * женщины.

Стр. 115—116.

...он не понимал, что царственный младенец, с первого года своей жизни подверженный гонениям, оскорбляемый, *лишаемый прав своих, наконец невинно погибший* по повелению ли Бориса или только по его тайному желанию, или небрежению Нагих...

Стр. 116.

Патриарх Иов в своей прощальной грамоте с народом, по случаю новых возмущений при Шуйском, превозносит Бориса,

* <Слово заключено в скобки Пушкиным.>

а о Димитрии говорит: *„прият заклание неповинно от рук изменник своих‘* (Кар. XII, пр. 208).

Стр. 117.

Мог ли бы Иов, друг и слуга Борисов, произвесть такое действие, если б *принимал участие в убиении святого Димитрия,* только что тогда в Москву пренесенного, которое летописи и историограф ему приписывают?

Когда же?

Стр. 120.

„Борис велел, говорят летописатели, удавить в монастыре князя Ивана Сицкого с женою, хотел уморить голодом и недужного Ивана Романова; но бумаги приказные свидетельствуют, что последний имел весьма небедное содержание“... (Кар. X, 106) *.

* Историограф предлагает сие известие вот как: „если верить летописцу, то Борис велел и проч., но бумаги приказные свидетельствуют, что и проч.“ — Зачем же верить летописцу? *

То и говорит Кар⟨амзин⟩. Это напоминает способ критиковать, Полевым употребляемый.

Стр. 124—125.

Соединив теперь все собранные мною доказательства за него и против него, я представляю всё *дело на суд Уголовной палаты, по существующим* (ныне) *законам.*

Не должна ли она оставить Бориса только в подозрении, и подозрении слабом.

[Как! нынешняя Уголовная палата должна оставить Бориса только в подозрении, а история, имея на своих весах еще двадцатипятилетие благодеяний Борисовых России, осмеливается произносить ему решительный приговор!] Нет! нет, будем справедливы к сему великому мужу, который так хорошо понимал добродетель... который в торжественную минуту своего помазания на престол обещался отдать последнюю рубашку с плеча неимущему подданному...

Это глупость. *Уг⟨оловная⟩ пал⟨ата⟩* не судит мертвых царей по *сущ. ныне зак.* Судит их история, ибо на царей и на ⟨*нрзбр*⟩ нет *иного суда.*

Фраза!

<1829—1831>

* <Сноска Погодина.>

<Заметки при чтении „О государственном кредите“ М. Ф. Орлова>.

Конечно, никто не *изобретал* кредита, доверенности. Он проистекает сам собою, как *условие*, как *сношение*. Он родился при первом меновом обороте.

Возвращение капитала не есть, конечно, господствующая мысль * при частном кредите, но умножение оного посредством процентов. — У людей разделены на мелкие части. —

Сам по себе налог слеп и падает без разбора на все состояния.— Нет, налог *может* отозваться во всех состояниях, но обыкновенно падает на одно — отсель ошибка физиократов или налога на землю, падающего на земледелие и нечувствительного множеству других сословий.—

<1833—1834>

Заметки на полях письма кн. П. А. Вяземского к С. С. Уварову по поводу книги Устрялова „О системе прагматической русской истории“ (1836)

Текст Вяземского	Заметки Пушкина
Самый IX том, в котором Карамзин с откровенным негодованием благородной души живописал яркими красками тиранию ослепленного царя, самый сей том должен был усилить к нему вражду противников мнения его.	<Зачеркнув слова „ослепленного царя“, Пушкин писал:> мучителя
И самое 14 декабря не было ли в последствии времени, так сказать, критика вооруженною рукою на мнение, исповедуемое Карамзиным, т. е. *Историею Государства Российского*, хотя, конечно, участвующие в нем тогда не думали ни о Карамзине, ни о труде его.	Не лишнее ли?
И после подобных несообразностей в сфере действий самого правительства будут искать в области мнимых догадок или в тайниках неблагонамеренных обществ зародыши возмутительных понятий или ослабления уважения к законной власти и к существующему порядку, если они изредка кое-где и пробиваются в жизни обществен-	Не лишнее ли, т. е. не повторение ли.

* <На полях набросан вероятный вариант двух последних слов: *необходимое условие*.>

ной. Но зачем головоломно искать эти зародыши за тридевять земель, когда они у нас под рукою, когда они властно и торжественно с университетских кафедр посеваются в уме молодежи, всегда жадной к приятию всего, что носит на себе отпечаток оппозиции!

На развешенном знамени министерства вашего изображено охранительное правило. Так! Но под сенью знамени сего не совершаются ли действия, ему противные? Анархия в понятиях ведет к анархии в действиях.

К стыду классического учения, коего университет должен быть стражем, г. Устрялов не усомнился вывести на одну доску Карамзина и Полевого; стройное творение одного и хаотический недоносок другого! И столь двусмысленно, или просто сбивчиво опутал собственное мнение свое оговорками, пошлыми фразами и перифразами, что поистине не знаешь, кому из двух отдает он преимущество!

О Полевом не худо было бы напомнить и пространнее. Не должно забыть, что он сделан членом-корреспондентом нашей Академии за свою шарлатанскую книгу, писанную без смысла, без изысканий и безо всякой совести, — не говорю уже о плутовстве подписки, что уже касается управы благочиния, а не Академии наук.

⟨1836⟩

Записи

Записки П. В. Нащокина, им диктованные в Москве 1830

Я начинаю себя помнить на большом барском дворе, сидящим в песке (что почитается средством против так называемой английской болезни). Около меня толпа нянек и мамушек и шестнадцать дворовых мальчишек, готовых попеременно таскать меня во весь дух в колясочке с барского на черный двор, и на деревенский базар. — Помню отца моего, и вот в каких обстоятельствах. Назначен отъезд в Петербург. На дворе собирается огромный обоз, — крыльцо усеяно народом — гусарами, егерями, ливрейными лакеями, карликами, арапами, отставными маиорами в старинных мундирах и проч. Отец мой между ими в зеленом плаще. — Одноколка подана. Меня просят к отцу, с ним проститься — он хочет взять меня с собой — я плачу: жаль расстаться с нянею... Отец с досадой меня отталкивает — садится в одноколку, выезжает, за ним едет весь обоз — двор пустеет, челядь расходится — и с тех пор впечатления мои становятся слабы и неясны до 10-го года моего возраста. —

Тут сцена переменяется; но сперва скажу несколько слов о моих родителях. Отец мой, генерал-поручик В. В. Нащокин, принадлежит к замечательнейшим лицам екатерининского века. Он был малого роста, сильного сложения, горд и вспыльчив до крайности. Несколько анекдотов, сохранившихся по преданию, дадут о нем понятие. После похода, в котором он отличился, он, вместо всякой награды, выпросил себе и

многим офицерам отпуск и уехал с ними в деревню, где и жил несколько месяцев, занимаясь охотою. Между тем начались вновь военные действия. Суворов успел отличиться, и отец мой, возвратясь в армию, застал уже его в александровской ленте. „Так-то, батюшка В. В.“, сказал ему Суворов, указывая на свою ленту, „покаместь вы травили зайцев, и я затравил красного зверя“. Шутка показалась обидною моему отцу, который и так уж досадовал: в замену эпиграммы он дал Суворову пощечину. Суворов перевертелся, вышел, сел в перекладную, прискакал в П. Б., бросился в ноги государыне, жалуясь на отца моего. Вероятно, государыня уговорила Суворова оставить это дело для избежания напрасного шума. Несколько времени спустя присылают отцу моему Георгия при рескрипте, в коем было сказано, что за обиду, учиненную храброму, храбрый лишается награды, коей он достоин, но что отец мой получает орден по личному ходатайству А. В. Суворова. Отец мой не принял ордена, говоря, что никому не хочет он быть обязану, кроме самому себе. Вообще он никого не почитал не только высшим, но и равным себе. Кн. Потемкин заметил, что он и о боге отзывался хотя и с уважением, но всё как о низшем по чину, так что когда он был генерал-маиором, то на бога смотрел как на бригадира, и сказал, когда отец мой был пожалован в генерал-поручики: „Ну, теперь и бог попал у Нащокина в 4-ый класс, в порядочные люди“. — Будучи назначен командиром корпуса, находящегося в Киевской губернии, вскоре по своему прибытию в оной дал он за городом обед офицерам и городским чиновникам. Киевский комендант, заметя, что попойка пошла не на шутку, тихонько уехал. Отец, заметя его отсутствие, взбесился, встал изо стола, приказал корпусу собраться и повел его к городу. Поднялась пальба: ни одного окошка не осталось в Киеве целого, — город был взят приступом, и отец мой возвратился со славою в лагерь, ведя предателя-коменданта военнопленным. По восшествии на престол государя Павла I отец мой вышел в отставку, объяснив царю на то причину: „Вы горячи, и я горяч: нам вместе не ужиться“. Государь с ним согласился и подарил ему воронежскую деревню. Отец мой жил барином. Порядок его разъездов дает понятие об его жизни. Собираясь куда-нибудь в дорогу, подымался он всем домом. Впереди на рослой испанской лошади ехал поляк Куликовской с волторною — прозван он был Куликовским по причине длинного своего носа; должность его в доме состояла в том, что в базарные дни обязан он был выезжать на верблюде и показывать мужикам lanterne-magique.* В дороге же подавал он волторною сигнал привалу и походу. За ним ехала одноколка отца моего, за одноколкою двуместная карета про случай дождя — под козлами находилось место любимого его шута, Ивана Степаныча. Вслед тянулись кареты, наполненные нами, нашими мадамами, учителями, няньками и проч. За ними ехала длинная решетчатая фура с дураками, арапами, карлами, всего 13 человек. Вслед за нею точно такая же фура с больными борзыми собаками. Потом следовал огромный ящик с роговою музыкою, буфет на 16-ти лошадях, наконец повозки с калмыцкими кибитками и разной мебелью (ибо отец мой останавливался всегда в поле). Посудите же, сколько при всем этом находилось народу, музыкантов, поваров, псарей и разной челяди.

В числе приближенных к отцу моему два лица достойны особенного внимания: дурак Ив. Степ. и арапка Мария. Арапка отправляла при нем должность камердинера, она была высокого роста и зла до крайности. Частенько диралась она с моим отцом, который никогда не сердился на нее. Иван Степаныч — лицо историческое. Он был известен под именем дурака нашей фамилии. Потемкин, не любивший шутов, слыша

* <Волшебный фонарь.>

многое о затеях Ив. Степ., побился об заклад с моим отцом, что дурак его не рассмешит. Ив. Ст. явился, Потемкин велел его привести под окошко и приказал себя смешить. Положение довольно затруднительное. — Ив. Степ. стал передразнивать Суворова, угождая тайной неприязни Потемкина, который расхохотался, позвал его в свою комнату и с ним не расставался. Государь Павел Петрович очень его любил, и Ив. Степ. имел право при нем сидеть в его кабинете. — Шутки его отменно нравились государю. Однажды царь спросил его: „Что родится от булочника?“ — „Булки, мука, крендели, сухари и пр.“, отвечал дурак. „А что родится от гр. Кутайсова?“ — „Бритвы, мыло, ремни и проч.“ — „А что родится от меня?“ — „Милости, щедроты, чины, ленты, законы, счастье и проч.“ Государю это очень полюбилось. Он вышел из кабинета и сказал окружающим его придворным: „Воздух двора заразителен; вообразите: уж и дурак мне льстит. Скажи, дурак, что от меня родится?“ — „От тебя, государь, отвечал, рассердившись, дурак, родятся бестолковые указы, кнуты, Сибирь и проч.“ Государь вспыхнул — и, полагая, что дурак был подучен на таковую дерзость, хотел узнать непременно — кем. Ив. Ст. наименовал всех умерших вельмож, ему знакомых. Его схватили, посадили в кибитку и повезли в Сибирь. Воротили его уже в Рыбинске. При государе Александре был он также выслан из П. Б. за какую-то дерзость. — Он умер лет 6 тому назад.

Мать моя была в своем роде столь же замечательна, как и мой отец. Она была из роду Нелидовых. Отец, заблудившись на охоте, приехал в дом Нелидова, влюбился в его дочь, и свадьба совершилась на другой же день. Она была женщина необыкновенного ума и способностей. Она знала многие языки, между прочим греческий, — английскому выучилась она 60-ти лет. Отец ее любил, но содержал в строгости. — Много вытерпела она от его причуд. Например: она боялась воды. Отец мой в волновую погоду сажал ее в рыбачью лодку и катал ее по Волге. Иногда, чтоб приучить ее к военной жизни, сажал на пушку и палил из-под нее. До глубокой старости сохранила она вид и обхождение знатной дамы. Я не видывал старушки лучшего тону.

Сестра моя была старше меня несколькими годами; — она была красавица и считалось таковою в Москве. Я с братом воспитывался дома. У нас было множество учителей, гувернеров и дядек, из каких двое особенно для меня памятны.

Один пудреный, чопорный француз, очень образованный, бывший приятель Фридриха II, с которым игрывал он дуэты на флейте, а другой — которому ⟨я⟩ обязан первым моим пьянством, эпохою в жизни моей. Вот как это случилось. Однажды, скучая продолжительностию вечернего урока в то время, как учитель занялся с братом моим, я подкрался и задул обе свечки. Матери моей не было дома. Случилось, что во всем доме, кроме сих двух свечей, не было огня, а слуги, по своему обычаю, все ушли, оставя дом пустым. Учитель насилу их нашел, насилу добился огня, насилу добрался до меня и в наказание запер меня в чулан. Вышло, что в чулане спрятаны были разные съестные припасы. Я, к неизъяснимому утешению, тотчас отыскал тут изюм и винные ягоды и наелся вдоволь. Между тем ощупал я штоф, откупорил его, полизал горлышко, нашел его сладким, попробовал из него хлебнуть, мне это понравилось. Несколько раз повторил свое испытание — и вскоре повалился без чувств. Между тем матушка приехала. — Учитель рассказал ей мою проказу — и с нею отправился в чулан. Будят меня. Что же? Встаю, шатаясь, бледный, на полу разбитый штоф, от меня несет водкой, как от Панкратиевны „Опасного соседа“. Матушка ахнула... На другой день просыпаюсь поздно, с головной болию, смутно вспоминая вчерашнее. Гляжу в окно и вижу, что на повозку громоздят пожитки моего учителя. Няня моя объяснила мне, что матушка прогнала его затем-де, что он вечор запер меня в чулан. —

Альбомные записи

⟨1. Кн. А. М. Горчакову⟩

Вы пишете токмо для вашего удовольствия, а я, который вас искренно люблю, пишу чтоб вам сие сказать.

А. Пушкин
⟨1811⟩

⟨2. Е. А. Энгельгардту⟩

Приятно мне думать что, увидя в книге ваших воспоминаний и мое имя между именами молодых людей, которые обязаны вам счастливейшим годам жизни их, вы скажете: в Лицее не было неблагодарных.

Александр Пушкин
⟨1817⟩

⟨3. Чревовещателю А. Ваттемару⟩

Votre nom est Légion car vous êtes plusieurs.
16 juin v. st. 1834 St. Pétersbourg.

A. Pouchkine *

* ⟨Имя вам — Легион, ибо вы — множество. 16 июня ст. ст. 1834 г., С.-Петербург. А. Пушкин.⟩

DUBIA

Заметки в „Литературной Газете“ 1830 г.

1. Когда Макферсон издал „Стихотворения Оссиана...“

Когда Макферсон издал *Стихотворения Оссиана* (перевод, подражание или собственное сочинение, — этот вопрос, кажется, доселе еще не решен), тогда все с восхищением читали их и перечитывали. „Никто еще не был *опечален* мыслию (говорит Вильмен), что, удивляясь сим поэтическим песням, он удивлялся современнику. Все чувствовали *удовольствие без примеси*, то есть читали превосходные поэмы и не обязаны были за них благодарностью *никому из живых людей*“. Потом начали догадываться, допытываться и дознались (вправду или нет), что поэмы Оссиановы были поддельные, новейшие произведения, словом, что их создал сам Макферсон.

Известный критик доктор Джонсон, человек отменно грубый, сильно напал на Макферсона и называл его обманщиком и злоумышленным делателем подлогов. Закипела жаркая война на перьях. И вот образчик тогдашней полемики: ответ Д. Джонсона на письмо Макферсона, который гордо изъявил свою досаду на обидное неверие английского критика.

„Г. Джемс Макферсон!

Я получил ваше глупое и бесстыдное письмо. Я всеми мерами буду стараться отражать всякое насильственное против меня покушение; а чего не могу сделать сам, то сделают за меня законы. Надеюсь, что угрозы какого-нибудь негодяя никогда не отклонят меня от стремления изобличать обман.

Какого себе оправдания требуете вы от меня? Я считал вашу книгу подложною, и теперь ее считаю таковою ж. В подтверждение сего мнения я представил публике причины, которые вызываю вас опровергнуть. Я презираю ваше бешенство. Ваши дарования, по издании в свет вашего Гомера, кажется, не слишком опасны; а слышанное мною о вашем характере заставляет меня обращать внимание не на то, что вы скажете, а на то, что вы докажете. Это письмо вы можете напечатать, если хотите“.

В пояснение некоторых слов сего письма должно сказать, что Макферсон, обольщенный успехом своего Оссиана, перевел Гомерову *Илиаду* оссиановским слогом и весьма неудачно.

Предлагаем это письмо, как поучительный пример для наших журнальных критиков. И почему нашим *Адисонам* не быть и нашими *Джонсонами?*

2. Англия есть отечество карикатуры и пародии...

Англия есть отечество карикатуры и пародии. Всякое замечательное происшествие подает повод к сатирической картинке; всякое сочинение, ознаменованное успехом, подпадает под пародию. Искусство подделываться под слог известных писателей доведено в Англии до совершенства. Вальтер Скотту показывали однажды стихи, будто бы им сочиненные. „Стихи кажется мои“, отвечал он, смеясь: „я так много и так давно пишу, что не смею отречься и от этой бессмыслицы!“ Не думаю, чтобы кто-нибудь из известных наших писателей мог узнать себя в пародиях, напечатанных недавно в одном из московских журналов. Сей род шуток требует редкой гибкости слога; хороший пародист обладает всеми слогами, а наш едва ли и одним. Впрочем, и у нас есть очень удачный опыт: г-н Полевой очень забавно пародировал Гизота и Тьерри.

3. Требует ли публика извещения...

Требует ли публика извещения, что такой-то журналист не хочет больше снимать шляпы перед таким-то поэтом или прозаиком? Конечно, нет; но журналист об этом публикует, чтоб его товарищ, получающий по приязни даром листки его (к которому бы не мешало ему лучше зайти мимоходом да словесно объявить о том), узнал эту важную для них новость. Впрочем, такие извещения излагаются иногда с некоторою дипломатическою важностию. В одном московском журнале вот как отзываются о книге, в которой собраны статьи разных писателей: *„Она не блестит именами знаменитого созвездия русских поэтов и прозаиков. Жалеть ли об этом? По крайней мере, мы не пожалеем“*. Эти господа *мы* друг друга, верно, понимают; но доверчивому, скромному и благомыслящему читателю понять здесь нечего. Как можно не пожалеть, что в книге нет ни одной статьи, написанной человеком с отличным талантом? Наконец, всего смешнее, что и сам критик, сначала обещавший не жалеть об этом, признается после, что в этой книге, *которой ему не хотелось было осуждать*, нет ни одной статьи путной: в 1-й статье нет общности; во 2-й автор не умеет рассказывать; 3-ю читать скучно; 4-я — старая песня; в 5-й надоедают офицеры с своим питьем, едою, чаем и трубками; 6-я перепечатана; 7-я тоже, и так далее. Вот до какого противоречия доводят личности. Ужели названия *порядочного и здравомыслящего* человека лишились в наше время цены своей?

4. С некоторых пор журналисты наши...

С некоторых пор журналисты наши упрекают писателей, которым неблагосклонствуют, их дворянским достоинством и литературною известностию. Французская чернь кричала когда-то: les aristocrates à la lanterne!* Замечательно, что и у французской черни крик этот был двусмыслен и означал в одно время аристократию политическую и литературную. Подражание наше не дельно. У нас, в России, государственные звания находятся в таком равновесии, которое предупреждает всякую ревнивость между ними. Дворянское достоинство в особенности, кажется, ни в ком не может возбуждать неприязненного чувства, ибо доступно каждому. Военная и статская служба, чины университетские легко выводят в оное людей прочих званий. Ежели негодующий на преимущества дворянские неспособен ни к какой службе, ежели он не довольно знающ, чтобы выдержать университетские экзамены, жаловаться ему не на что. Враждебное чувство,

* ⟨Аристократов к фонарю!⟩

его конечно извинительно, ибо необходимо соединено с сознанием собственной ничтожности; но выказывать его неблагоразумно. Что касается до литературной известности, упреки в оной отменно простодушны. Известный баснописец, желая объяснить одно из самых жалких чувств человеческого сердца, обыкновенно скрывающееся под какою-нибудь личиною, написал следующую басню:

Со светлым червячком встречается змея
И ядом вмиг его смертельным обливает.
„Убийца! — он вскричал, — за что погибнул я?“
— Ты светишь! — отвечает.

Современники наши, кажется, желают доказать нам ребячество подобных применений, и червяков и козявок заменить лицами, более выразительными. Всё это напоминает эпиграмму, помещенную в 32-м № *Литературной Газеты*

5. Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии...

Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии столь же недобросовестны, как и прежние. Ни один из известных писателей, принадлежащих будто бы этой партии, не думал величаться своим дворянским званием. Напротив, *Северная Пчела* помнит, кто упрекал поминутно г-на Полевого тем, что он купец, кто заступился за него, кто осмелился посмеяться над феодальной нетерпимостию некоторых чиновных журналистов. При сем случае заметим, что если большая часть наших писателей дворяне, то сие доказывает только, что дворянство наше (не в пример прочим) грамотное: этому смеяться нечего. Если же бы звание дворянина ничего у нас не значило, то и это было бы вовсе не смешно. Но пренебрегать своими предками из опасения шуток гг. Полевого, Греча и Булгарина не похвально, а не дорожить своими правами и преимуществами глупо. Не-дворяне (особливо не русские), позволяющие себе насмешки насчет русского дворянства, более извинительны. Но и тут шутки их достойны порицания. Эпиграммы демократических писателей XVIII столетия (которых, впрочем, ни в каком отношении сравнивать с нашими невозможно) приуготовили крики: *Аристократов к фонарю* и ничуть не забавные куплеты с припевом: *Повесим их, повесим.* Avis au lecteur.*

6. 〈Заметка об эпиграмме „Собрание насекомых“〉

СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ,

стихотворение А. С. Пушкина.

Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки.
Крылов.

Мое собранье насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пестрая семья;
За ними где не рылся я?
Зато, какая сортировка!
Вот ** божия коровка,
Вот **** злой паук,
Вот и ** российский жук,

* 〈К сведению читателя.〉

Вот ** черная мурашка,
Вот ** мелкая букашка.
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамах
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.

Сие стихотворение, напечатанное в Альманахе *Подснежник*, нынешнего года, обратило на себя общее внимание. Все журналы отозвались о нем, и большею частию неблагосклонно. Оно удостоилось двух пародий, помещенных в *Вестнике Европы* и в *Московском Телеграфе*. Пародия *Вестника* отличается легким остроумием; пародия *Телеграфа* — полнотою смысла и строгою грамматической и логической точностию. — Здесь мы помещаем сие важное стихотворение, исправленное Сочинителем. В непродолжительном времени выйдет оно особою книгой, с предисловием, примечаниями и биографическими объяснениями, с присовокуплением всех критик, коим оно подало повод, и с опровержением оных. Издание сие украшено будет искусно литохромированным изображением насекомых. Цена с пересылкою 25 руб.

⟨Анекдоты⟩

Старый генерал Щ. представлялся однажды Екатерине II-й. „Я до сих пор не знала вас“, сказала императрица. „Да и я, матушка государыня, не знал вас до сих пор“, отвечал он простодушно. „Верю, возразила она с улыбкой: где и знать меня, бедную вдову?“

Шувалов, заспорив однажды с Ломоносовым, сказал ему сердито: „Мы отставим тебя от академии“. — „Нет, возразил великий человек: разве академию отставите от меня“.

Статьи и заметки 1836 г.

О Татищеве

Татищев (Василий Никитич), тайный советник и астраханский губернатор, родился в 1686 году, поступил в 1704 году на службу и в том же году находился при взятии Нарвы; был в Полтавском сражении (1709), а потом под Азовом и при Пруте (1711). После сего отправлен в чужие края, где усовершенствовал себя в науках и в языках немецком и польском. В 1718 году—президент мануфактур- и берг-коллегии. Генерал-фельдцейхмейстер граф Брюс, за отбытием своим на Аландский конгресс, поручил географические занятия свои Татищеву, состоявшему тогда в чине артиллерии капитан-поручика. В 1720 году отправлен Татищев в Сибирь для управления казенными железными заводами. Он говорит в Лексиконе своем: *1721 года зачат строить на реке Исети капитаном Татищевым железный завод и построен город немалый Екатерининск.* Демидов, коему пожалован был Петром I один только Федьковский завод, распространил свои владения более, нежели следовало, и употреблял к заводу казенных мастеровых; опасаясь, чтобы Татищев не отнял у него казенного имущества, подал на него Петру I жалобу в притеснении его. Государь отправлял в сие время Геннина на сибирские заводы и поручил ему произвести следствие о сей ссоре. Геннин, разыскав дело сие, отправил всё следствие с Татищевым к государю. По окончании сей распри повелено было Татищеву отправиться к прежней должности на сибирские заводы.

„*Как я отъезжал в 1722 году в Сибирь,* — говорит Татищев, — *и приехал к царевне Анне Иоанновне прощение принять, она, жалуя меня, спросила шалуна сумасбродного, подьячего Тимофея Архиповича, бывшего шутом при дворе: скоро ли я возвращусь? Он меня не любил за то, что я не был суеверен и руки его не целовал, сказал: „Он руды много накопает, да и самого закопают*“.

В 1723 году Татищев взят был ко двору, где и пробыл близ года; но по какому случаю и при какой должности — подлинно не известно. В 1724 произведен Татищев в полковники от артиллерии и послан в Швецию для обозрения горных заводов и для составления планов и моделей машинам. Ему поручено было пригласить в российскую службу несколько горных чиновников и отдать там в обучение разным горным мастерствам посланных с ним академических учеников. Татищев исполнил поручение и торговал в Швеции, по указу берг-коллегии, медь, которая обходилась по 5 руб. 50 коп. за пуд, с тою выгодою, что провоз мог быть заплачен превосходством шведского веса против рос-

сийского. Он возвратился в С.-Петербург чрез Копенгаген 1726 года и привез с собою одного только гранильного мастера, поручика Рефа, потому что шведское правительство воспретило ему нанимать заводских мастеров. В 1727 году Татищев сделан советником берг-коллегии, и поручено ему с другими монетное дело. В 1730 году жалован он в действительные статские советники; а в 1734 назначен в Сибирь, на место де Геннина, для смотрения над казенными и партикулярными заводами. Прибыв в Екатеринбург, он обозрел все подведомственные ему заводы. Тогда общими трудами рудных промышленников и заводчиков составлен был устав, известный под именем: „Татищев устав заводский“. Сей устав не был высочайше утвержден, но им руководствовались казенные и частные заводы; и хотя последовали многие изменения по горному управлению, но заводские конторы и ныне следуют „Татищеву уставу“. После сего определил Татищев казенных надзирателей на все частные заводы, назвав их шихтмейстерами, и дал чиновникам сим наказ, применяясь к учреждению саксонских и шведских заводов. Татищев обратил особенное внимание на учреждение горных училищ в Кунгуре, Соликамске и по заводам. Он подарил библиотеку сим заведениям, более 1000 книг составляющую. — Демидов успел, однако ж, устранить свои заводы от подведомства Татищева; тогда же отчислены были от него Строгоновых горные заводы и соляные их промыслы.

При учреждении, в 1736 году, вместо берг-коллегии, генерал-берг-директориума Татищев подчинен был по управлению заводов генерал-берг-директору Шембергу. В сие время принял он непосредственное участие в усмирении бунтующих башкирцев. Еще прежде сего, в 1734 году, помогал он полковнику Тевкелеву провиантом и снарядами, а в 1735 году Татищев сам ходил противу башкирцев Осинского уезда, и, быв подкреплен полковниками Мартыновым и Тевкелевым, одержал над ними значительную победу, казнил бунтовщиков, а с покорившихся взыскал в пользу Оренбургской экспедиции 10 000 руб. контрибуции и большое количество лошадей. Главный начальник Оренбургской экспедиции, статский советник Кириллов, донеся о сем 1736 года кабинету, просил, чтоб с сибирской стороны поручить главное начальство над военными Татищеву. Кабинет утвердил сие представление в начале 1737 года, и того же года, по смерти Кириллова, ему поручены все дела Оренбургской экспедиции. По получении о том указа, он оставил советника Хрущова начальником над всеми горными заводами, а сам отправился водою в Мензелинск, где нашел генерал-маиора Соймонова, полковников: Бардевика, Тевкелева и уфимского воеводу, статского советника Шемякина. Для удержания в покорности башкирцев они решили общим советом: учредить за Уралом новую, Исетскую провинцию, которой быть, вместе с Уфимскою, под ведением Оренбургской экспедиции. Кабинет утвердил сие положение. В январе 1738 года Татищев отправился в Самару, откуда предположено было начать военные действия против непокорных башкирцев. На пути он осмотрел с инженерами положение Красноярска и выбрал место для перевода Оренбургской крепости, помещенной на весьма неудобном месте. В сие время киргизской хан Нибирс прибыл в русский лагерь. Татищев принял сего владельца с почестию: он присягнул России в верности подданства. Татищев воспользовался сим случаем, чтобы доставить Оренбургскому краю все выгоды по торговле. Он отправил караван в Ташкент и послал вместе с оным двух офицеров для географических наблюдений. Караван миновал Среднюю и Меньшие орды, но был разбит при Большой. Около сего же времени установил Татищев оренбургскую меновую торговлю и собрал первую пошлину с торгов и акциз с продажи питей. Окончив дела сии, принялся Татищев за устроение крепостей. Он обозрел весь Оренбургский край. В предприятии сем способствовали ему много флота капитан Элтон и инженерные офицеры. Но спокойствие башкирцев продолжалось недолго. Волжские калмыки, кочевавшие на луговой стороне реки Волги, оказали вдруг неповиновение, начали

отгонять табуны от новопостроенных крепостей и разграбили купеческий обоз, шедший из Самары в Яицкий городок. Татищев отправил против сих бунтовщиков несколько казацких партий, кои, разбив калмыков в разных местах, переловили зачинщиков. 1739 года Татищев отправился в С.-Петербург и подал в кабинет разные представления свои, из коих главнейшие: I. Перенести город Оренбург на урочище Красной горы. II. Провести линию вверх по Яику до Верхнеяицкой пристани, а оттуда по реке Ую до Царева Городища и по реке Сакмаре. III. На линии сей поселить гарнизонные и ландмилицкие полки. IV. Позволить, за отдаленностию места, производить достойных обер-офицеров в чины, а недостойных увольнять в отставку. V. Позволить распространить торговлю того края. VI. Установить правила для управления киргиз-кайсаками. В сие время полковник Тевкелев, природный башкирец, находившийся при Оренбургской экспедиции, вызванный в С.-Петербург за несколько месяцев прежде Татищева, дабы состоять в свите посла. прибывшего туда из Персии, успел рассеять неблагоприятные слухи насчет Татищева и подал на него несколько жалоб. Кабинет, рассмотря жалобы сии и возражения Татищева, нарядил следственную комиссию над ними; а между тем определен был начальником оренбургской комиссии член государственной адмиралтейств-коллегии, контр-адмирал кн. Василий Урусов. Несмотря на сие, все вышеприведенные представления Татищева были уважены.

Неизвестно, чем кончилась наряженная над Татищевым комиссия, обвинения оказались, вероятно, несправедливыми, ибо чрез несколько месяцев Татищев был снова послан в 1741 году, по смерти калмыцкого хана Дондук-Омбы, для усмирения взбунтовавшихся калмыков и скоро назначен в Астрахань губернатором. От сей должности он уволен (1744) по несогласию его с наместником Калмыцкого ханства. Татищев, оставив Астрахань, отправился в подмосковную деревню свою. сельцо Болдино, где и умер 1750 года, июля 15. Тело Татищева предано земле в погосте, состоящем в одной версте от его деревни.

Доктор Лерх, сопровождавший князя Михаила Михайловича Голицына в Персию, говорит о Татищеве: „Октября 27, 1744 года прибыли мы в Астрахань. Губернатором был там известный ученый Василий Никитич Татищев, который пред сим образовал новую Оренбургскую губернию. Он говорил по-немецки, имел большую библиотеку отличнейших книг и был в философии, математике и особенно в истории весьма сведущ. Он написал *Российскую историю*, которая, по кончине его, досталась кабинет-министру барону Ивану Черкасову“. Черкасов передал оную Ломоносову.

Татищев жил совершенным философом и имел особенный образ мыслей. Он был слабого здоровья, но сие не препятствовало ему быть деятельным и решительным в делах; он умел каждому дать полезный совет и помощь, а особенно купечеству, которое он в том крае восстановил.

Татищев решился первый привести в систему разнообразные повествования о России и, слича оные с летописями, составил *Историю Российского государства* с самых древних времен до 1463 года. Она напечатана в 4 частях (1768—1784). В сочинениях своих упоминает он, что занимался беспрерывно географиею. „Во время пребывания моего в Астрахани, — говорит он, — посылал я по земле и морю описывать искусных людей. Сочиня лан-карту, послал оную в Сенат и Академию“.

Татищев занимался разбором древних законов русских и объяснил основательными примечаниями *Русскую Правду* и *Судебник* царя Ивана Васильевича с дополнительными к нему указами. Первая помещена в 1 части продолжения *Древней Российской Вифлиотики*, а второй издан двоекратно: в 1768 и 1786 годах. Не успел он, к сожалению, кончить своего *Лексикона*. Три книги оного, продолжающиеся до буквы Л, изданы в 1793 году и содержат много любопытного. Татищев говорит в предисловии *Лексикона*, между прочим, что в 1735 году представил он кабинету, дабы переменить те немецкие

названия, коими определяются степени горных чинов. Кабинет на сие согласился; но Бирон, узнав сие, на него сильно гневался. Татищев приложил к своей „Истории" известие о российском государственном гербе, о родословии российских государей, о иерархии, о чинах и суевериях древних и о географии русской вообще.

В духовной Татищева помещено много замечаний, кои суть плоды долговременной службы и опытности. Татищев вооружается весьма сильно против кабаков, доказывая, сколь они вредны и пагубны; но, читая сие, нельзя не вспомнить, что он сам учредил кабаки в заводах Демидова.

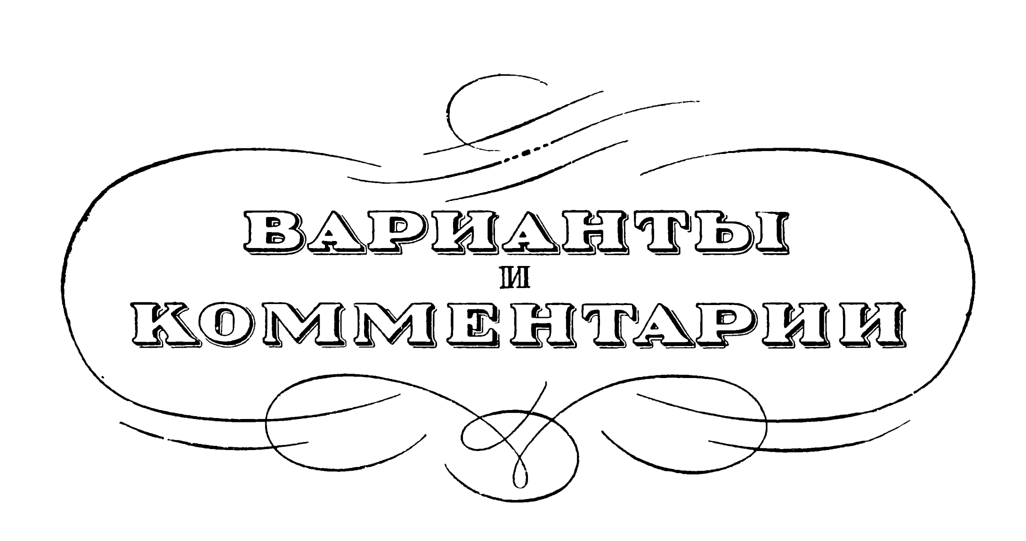
Духовная сочинена Татищевым в 1733 году сыну его Евграфу Васильевичу. Издана она в 1773 году Сергеем Друковцовым. Сверх того, многие сочинения Татищева пропали, важные по предметам своим: 1. Лексикон сарматских, эстляндских и финских слов. 2. Жизнеописания царей Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича. 3. Замечания на Страленберга. 4. Перевод Кирхеровой хронологии татар и калмыков.

⟨1836⟩

⟨Заметка об альманахе „Старина и Новизна"⟩

Спешим уведомить публику, что в начале будущего 1837 года выйдет в свет: *Старина и Новизна, Исторический и Литературный Сборник,* изданный кн. Вяземским.

В сей книге будут помещены многие любопытные материалы, относящиеся до истории нашей, извлеченные из бумаг графа Ивана Захаровича Чернышева, подаренных издателю сыном его, графом Григорьем Ивановичем. Между прочими статьями упомянем о письмах и рескриптах царевича Алексея Петровича, Екатерины II, графа Чернышева, об анекдоте о принце Бироне и проч. и проч., почерпнутых из других достоверных источников. Будут еще письма Екатерины II к вице-адмиралу принцу Нассау-Зигену, отрывок из собственноручных записок графа Растопчина, воспоминание о графе Каподистрии и некоторых современных ему происшествиях. Литературное отделение будет также разнообразно и составлено из отрывков из собственноручных записок Ив. Ив. Дмитриева, нескольких писем Карамзина, из повестей, разных стихотворений, писем о современной русской литературе, нескольких глав из биографических и литературных записок о фон-Визине и о временах его, известия о первых трех песнях „Потерянного Рая", с английского прозою на русский язык переведенных нашим поэтом Петровым и не напечатанных в собрании творений его, и проч. и проч. В конце книги будут помещены разные снимки с рукописей, вошедших в состав сборника.

ВАРИАНТЫ
И
КОММЕНТАРИИ

В составлении примечаний к некоторым публикациям Пушкина в „Литературной Газете“ (стр. 597—598, 602—605), принимал участив Н. В. Богословский.

Критика. История. Публицистика

(Опубликованное и подготовленное к печати)

Журнальные статьи и заметки 1824—1837 гг.

Статьи и заметки 1824—1829 гг.

13. Письмо к издателю „Сына Отечества". Впервые опубликовано в „Сыне Отечества" от 3 мая 1824, № 18, стр. 181—182. Черновой автограф хранится в *ПД* (собрание П. Е. Щеголева).

Анонимным автором статьи против предисловия кн. П. А. Вяземского к „Бахчисарайскому фонтану", вызвавшей печатное обращение Пушкина к „издателю Сына Отечества", был М. А. Дмитриев (1796—1866) — поэт, критик и переводчик, один из ближайших сотрудников „Вестника Европы", блюститель традиций классической поэтики и салонной культуры старого московского барства, автор позднейшего разбора IV и V глав „Евгения Онегина" в „Атенее" 1828 (см. отклики Пушкина на последний).

„Похвалы неизвестного критика", отмечаемые в конце письма Пушкина, заключались в следующем отзыве М. А. Дмитриева о „Бахчисарайском фонтане": „Стихотворение прекрасное, исполненное чувств живых, картин верных и пленительных; и всё это облечено в слог цветущий, невольно привлекающий свежестью и разнообразием. Короче, в последних двух поэмах Пушкина заметно, что этот *Романтик* похож во многом на *Классика*".

В начале апреля 1824 года Пушкин писал П. А. Вяземскому о его предисловии к „Бахчисарайскому фонтану": „Знаешь ли что? Твой разговор более писан для Европы, чем для Руси. Ты прав в отношении романтической поэзии, но старая 〈—〉 классическая, на которую ты нападаешь, полно, существует ли у нас? Это еще вопрос" (ср. суждения Пушкина о романтизме и классицизме).

14. О г-же Сталь и о г. А. М〈ухано〉ве. Впервые опубликовано в „Московском Телеграфе" 1825, ч. III, № 12, стр. 255—259, с подписью: *Ст. Ар.* (Старый Арзамасец). Беловой автограф хранится в *ЛБ* (собрание С. Д. Полторацкого); там же (тетрадь № 2387 В, л. 2) черновик начальных строк. Упоминание в пятом абзаце статьи о „великодушии русского императора" обусловлено было соображениями тактического порядка, о чем сам Пушкин, находившийся в это время еще в ссылке, писал 13 июля 1825 г. П. А. Вяземскому: „Тут есть

одно *Великодушие*, поставленное, во-первых, ради цензуры, а, во-вторых, для вящшего *анонима*". Ссылка же на „одну рукопись", сделанная Пушкиным на стр. 14, имела в виду, вероятно, его собственный дневник, впоследствии сожженный.

Книга г-жи де-Сталь — „Dix années d'exil", вышедшая в свет в конце 1820 года и сразу же запрещенная в России, принадлежала к числу любимейших книг Пушкина и оставила заметный след в его творчестве. Так, к ней восходят некоторые страницы „Рославлева" (1831), сентенции об образовании в России в записке „О народном воспитании" (1826), цитаты в „Исторических замечаниях" (1822), в „Путешествии из Москвы в Петербург" (1833), в примечаниях к первой главе „Онегина" (1825).

Статья, с которой полемизировал Пушкин, напечатана была в „Сыне Отечества" 1825, № 10, под заглавием „Отрывки г-жи Сталь о Финляндии, с замечаниями". Автором статьи был А. А. Муханов (1802—1834), адъютант финляндского генерал-губернатора, приятель Вяземского и Баратынского, двоюродный брат известного декабриста.

Имея, очевидно, в виду популярность общественно-политических и литературных взглядов г-жи де-Сталь в оппозиционных кругах, близких правому флангу декабристов, Пушкин 15 сентября 1852 года писал Вяземскому: „M. de Staël наша — не тронь ее!"

Заключительная строка статьи является неточной цитатой из послания П. А. Вяземского к М. Т. Каченовскому (1826):

„Уважен будешь ты, когда других уважишь".

16. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова. Впервые опубликовано в „Московском Телеграфе" 1825, ч. V, № 17, стр. 40—46, с подписью: *Н. К.* Беловой автограф хранится в *ЛБ* (собрание С. Д. Полторацкого). В статье частично использован Пушкиным его же набросок „Причинами, замедлившими ход нашей словесности...".

Двухтомное издание басен Крылова в переводе на французский и итальянский языки организовано было известным меценатом, графом Г. В. Орловым (при участии в переводе 59 поэтов и литераторов) и вышло в 1825 году в Париже, под заглавием: „Fables russes tirées du recueil de M. Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs; précédées d'une introduction française de M. Lémonthey, et d'une préface italienne de M. Salfi".

Статья Пушкина явилась откликом на перевод предисловия к этому изданию, опубликованный в „Сыне Отечества" 1825, №№ 13 и 14.

Лемонте, Пьер-Эдуард (1762—1826) — французский историк, высоко ценимый Пушкиным („Лемонте есть гений XIX столетия — прочти его Обозрение царствования Людовика XIV и ты поставишь его выше Юма и Робертсона" — писал Пушкин 5 июля 1824 года), чем и объясняется его внимательное отношение к суждениям Лемонте о русской литературе и языке. С гораздо большей резкостью, чем в статье, Пушкин отозвался о предисловии Лемонте в письме к Вяземскому от 12 сентября 1825 года: „Не могу являться тебе в халате, на распашку и спустя рукава. — Разговор наш похож на предисловие г-на Лемонте".

16. Скептическое замечание Пушкина о *способе перевода*, осуществленном в издании графа Г. В. Орлова, имело в виду стихотворные переложения не с русского оригинала, а с подстрочного прозаического перевода басен Крылова на французский и итальянский языки.

17. Несчастный Рихман — академик Георг-Вильгельм Рихман, убитый молнией во время наблюдений над электричеством в Петербурге в 1753 году.

18. „Общество M-es du Deffand, Boufflers, d'Epinay". — Маркиза *дю-Деффан* (1697—1780), графиня *Буффлер* (1724—1787) и госпожа *д'Эпинэ* (1725—1783) — вдохновительницы французских велико-

светско-литературных салонов середины XVIII века.

18. Словам *Европейская общежительность* соответствует во французском оригинале выражение „sociabilité Européenne“, а не „civilisation Européenne“ (европейская цивилизация), как опасался Пушкин.

19. Резкий отзыв о существующих *биографиях славных писателей наших* имеет в виду „Опыт краткой истории русской литературы“ Н. И. Греча, СПБ. 1822.

Об отношении Пушкина к Ломоносову и русской литературе XVIII в. см. наброски „Путешествия из Москвы в Петербург“ (1833—1834).

19. Отрывки из писем, мысли и замечания. Впервые опубликовано в „Северных Цветах на 1828 г.“, стр. 203—226, без имени автора. Беловой автограф статьи хранится в *ПД.* Черновые автографы большей части сентенций, вошедших в эту публикацию, хранятся в *ЛБ* (тетради № 2367, лл. 38, 40, 42 об., 46, 47 об., 56 об., 57, 58 об. 59; № 2368, лл. 30, 31; № 2369, л. 2), а также на отдельных листках, находящихся ныне в *ПД* (бывш. собрания Л. Н. Майкова и А. Ф. Онегина). В прямых скобках, по беловой рукописи, печатаются впервые целые сентенции и отдельные строки, исключенные из „Северных Цветов“ по соображениям цензурного или редакционно-тактического порядка. Из них отдельно были опубликованы заметки об идиллиях Дельвига („Современник“ 1846, № 4, стр. 78), и о Стерне („Русский Современник“ 1924, № 2, стр. 192).

Черновая редакция заметки „*Милостивый государь! Вы не знаете правописания...*“, сохранившаяся в *ЛБ* (тетрадь № 2368, л. 30), впервые была опубликована В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 6, стр. 539:

„М. Г. N. N., Вы не знаете правописания и пишете обыкновенно без смысла. Обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою: не выдавайте себя за представителя целого народа и решителя споров двух литератур.

С истинным почтением“ etc.

В черновой рукописи сохранился проект предисловия к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям“:

Предисловие

Дядя мой однажды занемог. Приятель посетил его. — Мне скучно, — сказал дядя, — хотел бы я писать, но не знаю, о чем. — „Пиши всё, что ни попало“, отвечал приятель, „мысли, замечания литературные и политические, сатирические портреты и т. п. Это очень легко. Так писывал Сенека и Монтань“. Приятель ушел и дядя последовал его совету. Поутру сварили ему дурно кофе, и это его рассердило; теперь он философически рассудил, что его огорчила сущая безделица — [он взял перо и лист бумаги] и написал: „Нас огорчают иногда сущие безделицы“. В эту минуту принесли ему журнал, он в него заглянул и увидел статью о драматическом искусстве, написанную рыцарем романтизма. Дядя, коренной классик, подумал и написал: „Я предпочитаю Расина и Мольера Шекспиру и Кальдерону, несмотря на крики новейших критиков“. — Дядя написал еще дюжины две подобных мыслей и лег в постелю. На другой день послал он их журналисту, который учтиво его благодарил, и дядя мой имел удовольствие перечитывать свои мысли напечатанные.

В этом же черновике сохранился еще следующий набросок, беловой текст которого неизвестен:

„Сумароков лучше знал русский язык нежели Ломоносов, и его критики (в грамматическом отношении) основательны. Ломоносов не отвечал или отшучивался. Сумароков спрашивал у него и проч.“

Строки о „моем дяде“ в „Предисловии“, равно как и самый жанр „Отрывков из писем, мыслей и замечаний“, должны быть связаны с „Замечаниями о людях и обществе“, опубликованными В. Л. Пушкиным в „Литературном Музеуме на 1827 г.“ Ср., напр., сентенции В. Л. Пушкина: „Тартюф“ и „Мизантроп“ превосходнее всех нынешних трилогий. Не опасаясь гнева мод-

ных романтиков и несмотря на строгую критику Шлегеля, скажу искренно, что я предпочитаю Мольера — Гете, и Расина — Шиллеру".

20. *Стерн говорит...* — Пушкин имеет в виду замечания Стерна в „Сентиментальном путешествии".

20. *Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии...* — Пушкин ближайшим образом имел в виду жалобы А. А. Бестужева на „равнодушие прекрасного пола" ко всему, писанному на „нашем родном языке" („Полярная звезда на 1823 год", стр. 43). Заметка Пушкина о женщинах вызвала стихотворный протест поэтессы А. И. Готовцевой, которой Пушкин ответил стихами „И недоверчиво и жадно" (1828). Сентенции о том, что женщины лишены чувства поэзии, восходят к аналогичным рассуждениям в книге „Caractères et anecdotes" Шамфора (1741—1794).

20. Словам *Поэзия скользит по слуху их...* и пр. в черновом автографе предшествовали строки: „Руссо заметил уже, что ни одна из женщин-писательниц не становилась выше посредственности. — Они вообще смешно судят о высоких предметах политики и философии, нежные умы [их] не способны к мужественному напряжению, предметы изящных искусств с первого взгляда кажутся их достоянием, но и тут чем более вслушиваетесь в их суждения, тем более изумитесь кривизне и даже грубости их понятия. Рожденные с чувствительностию самой раздражительной, они плачут над посредственными романами Августа Лафонтена и холодно читают красноречивые трагедии Расина".

21. *Один из наших поэтов...* — вероятно, А. А. Дельвиг, которому приписывал аналогичное же суждение кн. П. А. Вяземский в „Старой записной книжке".

21. „*Un sonnet sans défaut vaut seul un long poème*" — стих из второй песни „Art poétique" Буало.

22. *...некто заметил...* — Пушкин имел в виду В. К. Кюхельбекера, который в статье „О направлении нашей поэзии" („Мнемозина" 1824) отмечал, что Вольтер „не сказал: все 〈роды сочинений〉 *равно* хороши".

22. *Путешественник Ансело...* — *Ансело*, Жак-Франсуа (1794—1854) — французский драматург и публицист умеренно-либерального лагеря, автор книги „Six mois en Russie", Paris 1827, переведенной на несколько языков, но запрещенной в России. В своей заметке Пушкин иронизирует по поводу отзывов Ансело о грамматике Н. И. Греча, романах Булгарина и комедии Грибоедова. Об Ансело см. упоминания в статье „Торжество дружбы, или оправданный А. А. Орлов" (1831).

22. *Гордиться славою своих предков...*— Первая печатная декларация мыслей, созревших в спорах Пушкина с А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылеевым. В конце мая 1825 года Пушкин писал: „У нас писатели взяты из высшего класса общества. Аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием. Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою, а тот является с требованием на уважение как шестисотлетний дворянин". В этом письме обнажен и интимно-бытовой генезис вопроса о „шестисотлетнем дворянстве" — унижения, испытанные им в 1823—1824 г. в Одессе, в период столкновений с графом Воронцовым, Д. П. Севериным и другими представителями „новой знати" (ср. упоминание о „Потомке предков благородных" в „Жалобе"). На протестующее замечание Рылеева („Ты сделался аристократом: это меня рассмешило. Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством? И тут вижу маленькое подражание Байрону. Будь, ради бога, Пушкиным") Пушкин отвечал дальнейшим обоснованием своих положений: „Ты сердишься за то, что я хвалюсь 600-летним дворянством... Как же ты не видишь, что дух нашей словесности отчасти зависит

от состояния писателей? Мы не можем подносить наших сочинений вельможам, ибо по своему рождению почитаем себя равными им. Отселе гордость etc". Использовав таким образом свою формулировку вопроса о „шестисотлетнем дворянстве" в дискуссии о меценатстве в литературе, Пушкин еще не делал из своих тезисов тех широких политических выводов, которые известны нам по его позднейшим высказываниям о старом русском дворянстве и „новой знати" в „Родословной моего героя", „Романе в письмах", „Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений", заметках о дворянстве и пр.

22. *...говорит Карамзин...* — в предисловии к „Истории Государства Российского".

23. *„Mes arrière-neveux me devront cet ombrage"* — цитата из басни Лафонтена „Старик и трое молодых".

23. *Сон Сарданапалов напоминает известную политическую карикатуру, изданную в Варшаве во время войны 17** года.* — В первопечатном тексте глухая датировка Пушкина редакцией уточнена: „Во время Суворовских войн". Карикатура, о которой говорит Пушкин, издана была не в Варшаве, а в Лондоне в 1795 году. На ней изображен был Суворов, подносящий Екатерине II отрубленные головы польских женщин и детей.

23. *Лорд Мидас* — прозвище новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова, против которого направлены также эпиграммы „Полу-милорд, полу-купец", „Певец Давид был ростом мал", „Сказали раз царю".

24. *Москва — девичья...* — Сентенция эта, исключенная из печатного текста „Отрывков из писем, мыслей и замечаний", была развернута Пушкиным в 1829 году в „Романе в письмах": „Петербург — прихожая, Москва — девичья, деревня же — наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю, редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете".

24. Весь рассказ о появлении в 1818 году первых томов „Истории Государства Российского" является переработкой, приспособленной к цензурным условиям, соответствующей части автобиографических записок Пушкина.

24. *Одна дама...* — вероятно, кн. Евдокия Ивановна Голицына (1780—1850), известная противница Карамзина, которой посвящены мадригалы Пушкина „Простой воспитанник природы" и „Краев чужих неопытный любитель" (1817).

25. *К⟨аченовский⟩ бросился на предисловие...* — Статьи М. Т. Каченовского, посвященные разбору „предисловия" к „Истории" Карамзина, помещены были в „Вестнике Европы" 1819, №№ 2—6.

25. Инициалами „Н" и „М" прикрыты были имена лиц, которых печатно нельзя было называть, как осужденных по процессу декабристов.

25. *Идиллии Дельвига...* — Черновая редакция этой заметки, хранящаяся в *ПД* (собрание А. Ф. Онегина) и впервые опубликованная в сб. „Неизданный Пушкин" 1922, дает более распространенную характеристику „Идиллий" Дельвига:

О Дельвиге. Идиллии Дельвига удивительны. Какую должно иметь силу воображения, дабы из России так переселиться в Грецию, из 19 столетия в золотой век — и необыкновенное чутье изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы — эту роскошь, эту негу, эту прелесть более отрицательную, чем положительную, не допускающую ничего запутанного, темного или глубокого, лишнего, неестественного в описаниях, напряженного в чувствах, ничего, что отзывалось бы новейшим остроумием, сию вечную новизну и нечаянность простоты и добродушия, дабы так совершенно оградить себя от прозаического влияния остроумия, умничания, от игривой неправильности романтизма, — дабы сохранить полноту и равновесие чувств, тонкость соображений.

25. Строки о *французской словесности* в начальной своей редакции даны были Пушкиным в наброске статьи „О поэзии классической и романтической" (1825) и повторены в заметках 1834 года: „Некто у нас сказал, что французская словесность родилась в передней etc." (см. стр. 383).

25. Отрывок из литературных летописей. Впервые опубликовано в „Северных Цветах на 1830 г.", стр. 228—241, с подписью: *А. Пушкин.* Черновой автограф статьи, с датою „27 марта 1829 г. Москва" хранится в *ПД*. Статья предназначалась для „Невского Альманаха" Е. В. Аладьина, но была запрещена 8 сентября 1829 г. цензурой. В сокращенной редакции разрешена 26 декабря 1829 года. Копия с недошедшего до нас белового автографа статьи, позволившая восстановить ряд мест, исключенных из статьи цензурою, опубликована впервые М. И. Сухомлиновым в „Историческом Вестнике" 1884, кн. III, стр. 465—468. Эпизод, давший материал для статьи, получил отражение и в известной эпиграмме Пушкина „Журналами обиженный жестоко/Зоил Пахом печалился глубоко..." и пр. (1829). Эпиграфом к статье взят 11-й стих первой книги „Энеиды" Вергилия.

26. О разборе М. Т. Каченовским предисловия к „Истории Государства Российского" см. стр. 595. Исторический трактат „О бельих лобках и куньих мордках" напечатан был им же в „Вестнике Европы" 1828, № 13.

26. Намеки на *старого педанта* и *пьяного семинариста* имеют в виду профессора М. Т. Каченовского и его ближайшего сотрудника Н. И. Надеждина, писавшего в „Вестнике Европы" под псевдонимом „Никодим Надоумко". Против Надеждина направлены эпиграммы Пушкина „Мальчишка Фебу гимн поднес", „В журнал совсем не европейский", „Надеясь на мое презренье", строки о Никодиме Невеждине в набросках „Несколько московских литераторов...", сказочка „Ванюша, сын приходского дьячка" и выпад в „Романе в письмах".

27. Отзыв о музыке А. Н. Верстовского к стихам Пушкина „Черная шаль" помещен был в „Вестнике Европы" 1829, кн. I; роман Леонара „Тереза и Фальдони, или письма двух любовников, живших в Лионе" в переводе М. Т. Каченовского вышел в свет в 1804 году и был перепечатан в 1816 году.

28. *Бенигна* — псевдоним Н. А. Полевого.

29. *...решение главного управления цензуры...* — Постановление высшей цензурной инстанции, рассматривавшей жалобу М. Т. Каченовского на цензора С. Н. Глинку, гласило, что в разрешенной к печати статье Н. А. Полевого не заключается „ничего оскорбительного для личной чести" издателя „Вестника Европы". Вместе с тем главное управление отмечало, что „в спор совершенно литературный не следовало бы вмешивать достоинство службы государственной и высшего ученого сословия".

29. ⟨Заметка о „Ромео и Джульете" Шекспира⟩. Впервые опубликовано в „Северных Цветах на 1830 г.", стр. 108—110, с отметкою: „Извлечено из рукописного сочинения А. С. Пушкина". Черновой автограф статьи хранится в *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). См. позднейшие суждения Пушкина о „лицах, созданных Шекспиром", набросок „Отелло от природы не ревнив..." и проч., заметки о народной драме (1830), а также наброски предисловия к „Борису Годунову" (о „народных законах драмы Шекспировой", о „вольном и широком изображении характеров" в произведениях Шекспира и проч.).

Статьи в „Литературной Газете“

31. Илиада Гомерова. Впервые опубликовано в „Литературной Газете“ 1830, № 2, стр. 14—15, отдел „Библиография“, без подписи автора. Черновой автограф хранится в *ЛБ* (тетрадь № 2382, л. 28). Сохранился черновик письма Пушкина к Гнедичу (конец 1829 года), начинающегося словами настоящей рецензии. Кроме рецензии Пушкин откликнулся на перевод двустишием:

Слышу божественный глас воскреснувшей эллинской речи,
Старца великого тень чую смущенной душой.

В рукописях Пушкина сохранилась, однако, и тщательно зачеркнутая эпиграмма на перевод:

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера;
Боком одним с образцом схож и его перевод.

31. История Русского Народа, соч. Николая Полевого. Впервые опубликовано в „Литературной Газете“ 1830, № 4, стр. 31—32, с подписью: *Р.*, с отметками: „Статья I“ и „Продолжение обещано“; „Статья II“ — в „Литературной Газете“ 1830, № 12, стр. 96—98, без подписи. Автограф неизвестен. Планы и наброски „третьей статьи“ см. на стр. 337.

Памфлетная характеристика Н. А. Полевого дана была Пушкиным в набросках „Детской книжки“ (рассказ „Ветреный мальчик“). В 1836 году, имея в виду, очевидно, новые тома „Истории“ Полевого и учитывая союз последнего с Булгариным, Пушкин, противореча данной рецензии на „Историю“, признал ее работой „шарлатанской, писанной без смысла, без изысканий и безо всякой совести“.

32. *Нибур*, Георг (1776—1831) — немецкий историк, автор первой критической „Римской истории“.

32. *„Belle conclusion et digne de l'exorde!“* — стих из комедии Расина „Les Plaideurs“ („Сутяги“).

32. *...Философическую статью об русской истории...* — рецензия Полевого на „Историю Государства Российского“ Карамзина в „Московском Телеграфе“ 1829, вышученная в „Славянине“ А. Ф. Воейкова.

34. *Тьерри*, Огюстен (1795 — 1856) — французский историк и социолог, ученик Сен-Симона; *Барант*, Амабль-Проспер (1785—1866) — историк и политический деятель буржуазно-либерального лагеря.

36. *В журнале, издаваемом ученым, известным профессором...* — „Вестник Европы“, издававшийся М. Т. Каченовским, откликнулся на „Историю“ Полевого резко отрицательной статьей Н. И. Надеждина.

36. *...издатель Московского Вестника* — М. П. Погодин.

36. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Впервые опубликовано в „Литературной Газете“ 1830, № 5, стр. 37 - 38, отдел „Библиография“, без подписи автора. Черновой автограф статьи хранится в *ЛБ* (тетрадь № 2382, лл. 80 и 77).

Роман М. Н. Загоскина „Юрий Милославский“ вышел в 1829 году в трех томах и был встречен читателями и критикой с огромным сочувствием. Рецензии Пушкина предшествовало его письмо М. Н. Загоскину от 11 января 1830 года: „...прерываю чтение вашего романа, чтоб сердечно поблагодарить вас за присылку „Юрия Милославского“... Поздравляю вас с успехом полным и заслуженным, а публику с одним из лучших романов нынешней эпохи... В „Литературной Газете“ будет о нем статья Погорельского. Если в ней не всё будет высказано, то постараюсь досказать...“

Рецензия Погорельским не была написана вовсе, и с разбором романа в „Литературной Газете“ выступил Пушкин. В письме к П. А. Вяземскому (январь—февраль 1830 г.) Пушкин отзывается о „Юрии Милославском“, однако, гораздо более сдержанно, нежели в данной рецензии.

36. *Генрих-Корнелиус-Агриппа Нет-*

тесгэймский (1486–1535) — рыцарь, ученый, врач и алхимик. Говоря об *ученике Агриппы*, Пушкин скорее всего имеет в виду „Балладу о юноше, который захотел прочесть беззаконные книги, и о том, как он был наказан“ Р. Соути (1798).

36. *Фрезэ* (la fraise) — гофрированный высокий воротник.

36. *Madame Campan* — Жанна-Луиза де-Кампан (1752—1822), директрисса пансиона „Экуан“ для сирот кавалеров Почетного Легиона. „Мемуары“ де-Кампан (1823) сохранились в библиотеке Пушкина.

37. *...как утверждала Madame de Staël...* — См. „Взгляд на французскую революцию“ г-жи Сталь, ч. I, гл. II.

37. *Шиши* — бродяги, лазутчики, доносчики, перебегавшие из одного лагеря в другой.

37. *...в 1-м номере „Московского Вестника“...* — имеется в виду рецензия С. Т. Аксакова (1830, № 1, стр. 75—90) на „Юрия Милославского“.

38. Денница. Впервые опубликовано в „Литературной Газете“ 1830, № 8, отдел „Библиография“, стр. 62—66, без подписи автора. Автограф неизвестен. Принадлежность рецензии Пушкину доказана на основании свидетельства П. А. Вяземского А. А. Фоминым в журнале „Нива“ 1914, № 22, стр. 430—434.

Статья посвящена не разбору альманаха в целом, а лишь изложению содержания „Обозрения русской словесности за 1829 год“, принадлежащего И. В. Киреевскому. В одном из писем к отчиму (15 января 1830 г.) И. В. Киреевский писал: „Пушкин был у нас и сделал мне три короба комплиментов об моей статье“.

38. *В сем альманахе встречаем имена...* — В „Деннице“ приняли участие: Баратынский, Веневитинов, Дельвиг, Вяземский, А. С. Пушкин, В. Л. Пушкин, Шевырев, Языков, М. А. Лисицына и сестры С. С. и Н. С. Тепловы.

38. *...одобрительное внимание... Гете...* — Имеется в виду письмо Гете о шевыревском разборе отрывка из „Фауста“ („Московский Вестник“ 1827, № 21), адресованное Н. Борхарду и написанное из Веймара 1 мая 1827 г.; опубликовано было в „Московском Вестнике“ 1828, ч. IX.

38. *Новый Ценсурный Устав*, утвержденный 22 апреля 1828 г., несколько смягчал устав, опубликованный тотчас после разгрома декабристов, но цензурная практика оставалась столь же суровой.

41—42. *„Уныние“* — стихотворение Вяземского; *„Эда“* и *„Бальный вечер“* („Бал“) — поэмы Баратынского.

44. Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой. Впервые опубликовано в „Литературной Газете“ 1830, № 10, отдел „Библиография“, стр. 78—81, без подписи автора. Автограф неизвестен. Принадлежность рецензии Пушкину отмечена в 1916 г. М. Л. Гофманом („Пушкин и его современники“, вып. XXIII—XXIV, стр. 18—20) и окончательно устанавливается на основании недавно расшифрованного перечня статей Пушкина, сделанного им самим в тетради *ЛБ* № 2374, л. 2 (запись „О Глинке“).

Глинка, Федор Николаевич (1786—1880) — поэт и публицист, масон, видный деятель правого крыла Союза Благоденствия, арестованный после 14 декабря и сосланный под надзор полиции в Олонецкую губернию. Сочувствием к ссыльному автору и объясняется несколько преувеличенная оценка художественной значимости его новой поэмы в рецензии Пушкина. Ср. высокую характеристику Глинки как общественного деятеля в послании Пушкина „Когда средь оргий жизни шумной“ (1822) и его же иронические отзывы о нем как поэте в первой редакции послания „В. Л. Пушкину“ (1817), в эпиграммах „Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах“ (1825) и „Собрание насекомых“ (1829).

51. Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme. Les Consolations, poésies par Sainte-Beuve. Впервые опубликовано в „Литературной Газете“ 1831, № 32, стр. 458—461, отдел „Библиография“, с подписью: *Р.* Автограф

неизвестен. Принадлежность статьи Пушкину установлена в 1909 году Н. О. Лернером на основании письма Пушкина к Плетневу от 11 апреля 1831 года („Пушкин и его современники“, вып. XII, стр. 144—153). Эта же рецензия („О Делорме“) отмечена самим Пушкиным в перечне статей, намечавшихся им для задуманного им сборника прозаических произведений (*ЛБ*, тетрадь № 2374, л. 2).

51—52. *Перевод стихов Делорма:*

Для того, кто хочет утопиться, место очень подходящее.
В любой день стоит только придти сюда,
Спрятать одежду под этой березой
И, словно для купанья, погрузиться в воду:
Не как безумец, вниз головой,
Но присесть, поглядеть вокруг; следить
За отражением длинного луча света на листве и на воде;
Затем, когда почувствуешь, что дух исчерпал себя до конца,
И озябнешь, тогда, не затягивая праздника,
Погрузить голову, чтобы больше не поднимать ее.
Вот моя желанная мечта, когда я задумываю умереть.
Я всегда одиноко плакал и страдал;
Ничье сердце не билось рядом с моим, когда я проходил жизненный путь.
Так же, как я жил, пусть я умру — тайно,
Без шума, без криков, без толпы собравшихся соседей.
Жаворонок, умирая, прячется во ржи;
Соловей, чувствуя, что голос его ослабевает,
И приближается холодный ветер, и падает его оперение,
Исчезает из жизни незаметно для всех, как лесное эхо;
Я так же хочу исчезнуть. Только через месяц, или два,
Может быть через год, однажды вечером,
Пастух в поисках за заблудившейся козой,
Или охотник, спустившись к ручью и заметив,
Что его собака, бежавшая туда, возвратилась с лаем,
Взглянет, — и луна, с ним вместе смотрящая,
Осветит тусклым сиянием это тело, —
И внезапно бросится бежать прямо к поселку.
Несколько местных жителей придут ранним утром,
Вытянут за волосы неузнаваемое тело,
Эти обрывки мяса и кости, отягченные песком,
И, примешивая шутки к каким-нибудь глупым росказням,
Долго будут совещаться над моими почерневшими останками
И, наконец, повезут на тачке на кладбище;
Поскорее заколотят их в какой-нибудь старый гроб,
Который священник трижды окропит святой водой,
И меня оставят без имени, без деревянного креста!

52—53. *Перевод стихов Делорма:*

Мой друг, небо опять даровало вам мальчика,
И вот вы отец новорожденного.
Прекрасного, свежего, радостно улыбающегося этой горькой жизни;
Он стоил лишь нескольких стонов своей матери.
Ночь; я вижу вас... При нежных звуках сон
Обнял розового ребенка на белой спящей груди,
А вы, отец, бодрствующий у камина,
Задумавшись и склонив голову,
Вы часто оборачиваетесь, чтобы вновь увидеть, — о счастье! —
Младенца, мать, и брата, и сестру,
Как пастух, радующийся новым ягнятам,
Или как хозяин, ввечеру считающий стойки сжатого хлеба.
В этот торжественный час, в этой глубокой тишине,
Кто, кроме вас, знает бездну, в которой тает ваше сердце, друг?
Кто знает ваши слезы, ваши немые ласки, сокровища гения, изливающиеся в нежности,
Стон орла, более глубокий, чем стоны голубки в гнезде,
Иль поток, струящийся с гранитной скалы,
Иль бесчисленные ручьи от снега,

Тающего под зноем норвежского лета на склонах ледника?
Живите, будьте счастливы и когда-нибудь пропойте
Нам эти сверхчеловеческие тайны невыразимой любви.

А я в это время также бодрствую,
Не у голубых занавесей розового детства,
Не у брачного ложа, орошенного благовониями,
Но у холодного одра, над телом усопшего.
Это — сосед, подагрический старик, умерший от каменной болезни;
Его племянницы позвали меня, и я бодрствую по их просьбе.
Я сижу здесь один уже с девяти часов вечера.
В изголовье постели стоит на стуле
Между двумя свечами крест из черного дерева, с костяным распятием;
Рядом с ним веточка букса, дорогая сердцу верующих,
Мокнет в тарелке, и я вижу под простынями
Мертвого, во всю длину, со сжатыми ногами и скрещенными руками.
О! если бы, по крайней мере, я долгое время знал
Этого мертвеца при жизни! Если бы мне хотелось
Поцеловать этот желтый лоб в последний раз!
Если бы, глядя всё время на эти жесткие, прямые складки,
Я бы, наконец, увидел, что что-то шевелится
И движется подобно ноге отдыхающего животного,
И что пламя голубеет! Если бы я услышал,
Как заскрипела кровать!.. или если бы я мог молиться!
Но нет: никакого священного ужаса; никакого нежного воспоминания;
Я смотрю, не видя, слушаю, не слыша.
Каждый час бьет медленно, и когда, слишком усталый
От этого удручающего спокойствия и этих глупых грез,
Я подхожу к окну, чтобы немного вздохнуть
(Так как на полночном небе только что родился серп месяца),
Внезапно над далекой крышей дома,
Не на востоке, загорается небосклон,
И я слышу вместо песни
Лай собак, воющих на пожар.

53—54. *Перевод стихов Делорма:*

Нет, моя муза — не блистающая звонкоголосая одалиска
С продолговатыми глазами гурии, с черными блестящими волосами,
Пляшущая с обнаженной грудью;
Это не юная и розовая Пери,
Сверкающие крылья которой затмили бы хвост прекрасного павлина,
Не белокрылая и голубокрылая фея, —
Эти две сестры-соперницы, которые открывают миры и небеса
Ослепленному светом ребенку, лишь только он скажет *да*.
Она — о моя обожаемая муза! —
И не плачущая дева иль вдова,
Одинокая обитательница пустынного монастыря
Или башни без вассалов, которая бродит под сводами,
Произнося чье-то имя; спускается в рыцарские гробницы;
Склоняя колени на плиты, широко расстилает бархат платья
И, приникнув челом к мрамору, изливает со слезами
В мелодичном гимне свои благородные несчастия.
Нет. — Но, когда скорбь одиноко бредет по лесу,
Видали ли вы, там, в глубине, хижину
Под высохшим деревом? Рядом с нею вырыта канавка:
Девушка постоянно моет там свое изношенное белье.
Может быть, при виде вас, она опустит голову,
Так как, несмотря на всю свою бедность, она — почтенного рода.
Она могла бы, как всякая другая, в более счастливые дни
Блистать в свете и цвести для любви;

Мчаться в экипаже; бывать на балах, на гуляньях;
Вдыхать на балконе ароматы и серенады;
Или, своей золотой арфой вызывая сотни соперников,
Видеть лишь одни улыбки среди бесчисленных рукоплесканий.
Но небо с самого начала потемнело над нею,
И деревцо, едва родившись, было побито градом:
Она прядет, шьет и ухаживает дома
За старым, слепым и безумным отцом.

54—56. *Перевод стихов Делорма:*

Я всегда знавал ее задумчивой и серьезной;
Ребенком она редко принимала участие
В забавах веселого детства; она уже была рассудительна.
И когда ее маленькие сестры бегали по траве,
Она первая напоминала им о времени,
О том, что пора уже возвращаться домой,
Что она услышала призыв колокола,
Что запрещено подходить к каналу,
Пугать в роще ручную лань,
Играя подбегать слишком близко к птичнику, —
И сестры слушались ее. Скоро ей исполнилось пятнадцать лет,
И ее разум украсился очарованиями более соблазнительными:
Прикрытая грудь, ясное чело, на котором почиет спокойствие,
Розовое лицо под прекрасными темными волосами,
Скромный рот со сдержанной улыбкой,
Холодный и трезвый разговор, который, однако, нравится,
Нежный и твердый голос, никогда не дрожащий,
И черные, сходящиеся брови.
Чувство долга рождало в ней важное усердие.
Она выглядела рассудительной, выдержанной, не мечтательной:
Она не мечтала, как молодая девушка,
Рассеянно роняющая из рук иглу
И думающая от вчерашнего до завтрашнего бала
О прекрасном незнакомце, пожавшем ей руку.
Никогда не видел никто, чтобы, облокотившись на окно
И позабыв работу, она следила во тьме
Неровный бег вечерних облаков,
А потом внезапно прятала бы лицо в платок.
Нет, она говорила себе, что счастливое будущее
Внезапно изменилось со смертью отца,
Что она — старшая дочь, и потому должна
Принимать деятельное участие в домашних заботах.
Это юное и строгое сердце не знало власти
Тоски, от которой вздыхает и волнуется невинно ть,
Она всегда подавляла разнеживающую грусть,
Возникающую бессознательно, очаровательные тревоги
И темные желания, все те смутные волнения,
Этих естественных пособников любви.
Владея вполне собой, она в самые нежные мгновения
Обнимая свою мать говорила ей *вы*.
Приторные комплименты и пылкие фразы
Праздных молодых людей для нее тратились попусту.
Но когда измученное сердце рассказывало ей свое горе,
Ее ясное чело тотчас омрачалось:
Она умела говорить о страданиях, о горькой жизни
И давала советы, как молодая мать.
Теперь она сама — мать и жена,
Но это скорее по рассудку, чем по любви.
Ее мирное счастье умеряется уважением;
Ее муж, уже не молодой, мог бы быть для нее отцом;
Она не знала забвенья первого месяца,
Этого медового месяца, сияющего только однажды,
И чело ее, и глаза сохранили неприкосновенность
Целомудренных тайн, о которых женщина должна молчать.

Счастливая попрежнему, она сообразует свою жизнь
С новыми обязанностями.. Отрадно видеть,
Когда, освободившись от хозяйства, раз в неделю,
Вечером, часов в шесть, не наряжаясь, летом, она выходит погулять
И садится в тени от палящего солнца
На траву с своим прекрасным ребенком.
Так текут ее дни с ранних лет,
Как безыменные волны под безоблачным небом,
Медленным, однообразным, но торжественным потоком,
Ибо они знают, что стремятся к вечному берегу.
И при виде того, как тихо течет эта скромная доля,
Послушная голосу долга,
Эти чистые, прозрачные, спокойные, молчаливые дни,
Которые успокаивают от шума и на которых отдыхают глаза,
Невольно, увы, я вновь впадаю в грусть;
Я думаю о моих быстро ушедших долгих днях,
Бурных, бессчастных, потерянных для долга,
И, о боже, думаю о том, что скоро настанет вечер!

57. ⟨О некрологии генерала Н. Н. Раевского⟩. Впервые опубликовано в „Литературной Газете“ 1830, № 1 стр. 8, отдел „Смесь“, без подписи автора. Черновой автограф заметки хранится в *ЛБ* (тетрадь № 2383, л. 17).

Анонимным автором „некрологии“ был М. Ф. Орлов (1788—1842), отставной генерал-маиор, один из руководителей Союза Благоденствия, привлекавшийся к дознанию по делу декабристов и высланный в 1826 г. в одну из своих деревень под надзор полиции. В силу этого имя М. Ф. Орлова не могло быть названо ни в самом издании, ни в рецензии.

Раевский, Николай Николаевич (1771—1829), генерал-от-кавалерии, один из виднейших участников войны 1812 года, отец приятелей Пушкина.

„Счастливейшие минуты жизни моей,— писал Пушкин осенью в 1820 году,— провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я не видел в нем героя, славу русского войска. Я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасною душою, снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель екатерининского века, памятник 12 года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества“. Позднейшие записи некоторых исторических анекдотов, слышанных Пушкиным от Раевского, см. стр. 468.

58. *...он не упомянул о двух отроках...* и пр. — Пушкин имел в виду известный эпизод сражения при Дашковке 11 июля 1812 года, когда Н. Н. Раевский под сильнейшим картечным огнем повел с собою в атаку двух своих сыновей, одного 16, а другого — 11 лет. В „Певце во стане русских воинов“ Жуковский увековечил этот момент стихами:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.

58. ⟨О переводе романа Б. Констана „Адольф“⟩. Впервые опубликовано в „Литературной Газете“ 1830, № 1, стр. 8. отдел „Смесь“, без подписи автора. Автограф неизвестен. Принадлежность заметки Пушкину установлена Н. О. Лернером в 1909 году („Пушкин и его современники“, вып. XII, стр. 126).

Перевод „Адольфа“, сделанный Вяземским, вышел в свет лишь в 1831 году (одновременно в первых номерах „Московского Телеграфа“ за 1831 год печатался перевод того же романа, сделанный Н. А. Полевым). Как при печатании анонсной заметки Пушкина, так и при печатании самого перевода „Адольфа“ возникли было цензурные затруд-

нения, вызванные нежеланием властей популяризировать имя Б. Констана. Но и в том и в другом случае трудности эти удалось преодолеть. Вяземский предпослал своему переводу посвящение: „Александру Сергеевичу Пушкину. Прими мой перевод любимого нашего романа. Смиренный литограф приношу великому живописцу бледный снимок с картины великого художника...“ и т. д.

По выходе перевода Вяземского в свет Н. А. Полевой отозвался о нем в „Московском Телеграфе“ (1831, № 20, стр. 531) как о переводе „тяжелом“ и „неверном“.

...обнародованный гением лорда Байрона. — Имеется в виду „Чайльд-Гарольд“ Байрона.

58. ⟨О литературной критике⟩. Впервые опубликовано в „Литературной Газете“ 1830, № 3, стр. 24, отдел „Смесь“, без подписи автора. Черновой автограф в *ЛБ* (тетрадь № 2382, лл. 29 об. — 30 об.).

Ближайшим поводом к появлению статьи было „Послание Северной Пчелы к Северному Муравью“ („Северная Пчела“ 1830, № 3), в котором утверждалось, что существующим литературным газетам и журналам нечего критиковать, так как „наша литература есть литература невидимка. Все говорят об ней, а никто ее не видит“.

Утверждение Пушкина, что „«Литературная Газета» была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов“, явилось поводом для ряда выступлений „Северной Пчелы“ против так наз. „литературной аристократии“.

Полевой в 1830 году также поместил (в „Новом живописце общества и литературы“) ряд пародий на Вяземского, Баратынского, Дельвига, сопроводив их полемическими выпадами против группы „литературных аристократов“. М. Бестужев-Рюмин в „Северном Меркурии“ напечатал резкую сатиру на Дельвига, изобразив его содержательницей лавки модных товаров, открытой не для всей публики, а только для некоторых „приятельниц“, не желающих „выставлять напоказ в других магазинах свое рукоделие“ („Северный Меркурий“ 1830, №№ 49, 50, „Сплетница“). С ответом на эти нападки и с защитой „Литературной Газеты“ выступил в „Северных Цветах на 1831 г.“ О. М. Сомов.

...превращается в домашнюю переписку... — Речь идет о „Вестнике Европы“, где *сотрудник* (Н. Надеждин) в статье „Отклик с Патриарших Прудов“ просил *издателя* (М. Каченовского) „очистить в журнале местечко“ для следующей его, Надеждина, статьи. В примечании к статье Каченовский отвечал: „Весьма охотно и без малейшего отлагательства“. В другой статье — „Всем сестрам по серьгам“ — Надеждин бросает фразу: „На пустяки пороху тратить много не следует“. Каченовский, подвергавшийся насмешкам за статью о торговле порохом, усмотрел в этом скрытый намек и снабдил статью Надеждина примечаниями „наборщика“ и „издателя“: „Порох, порох! Дадут вам этот порох опять! *Прим. наборщика.* — Продолжай набирать! Ты не знаешь прекрасных стихов Жуковского: Могущему пороку — брань, Бессильному презренье! *Прим. издателя*“.

59. ⟨О записках Самсона⟩. Впервые опубликовано в „Литературной Газете“ 1830, № 5, стр. 39, отдел „Смесь“, без подписи автора. Автограф заметки хранится в *ЛБ* (тетрадь № 2382, лл. 78 об. - 77 об.).

Заметка вызвана журнальными анонсами о выходе в свет первых томов „Записок“ парижского палача времен французской революции Анри Сансона (Sanson) (1740—1793). „Записки“, изданные под именем Сансона, были составлены Бальзаком и Леритье на основании подлинных заметок Сансона и других материалов, оставшихся после смерти палача.

Во Франции в то время пользовались большим успехом мемуары, особенно отно-

сящиеся к эпохе Французской буржуазной революции. Наряду с подлинными мемуарами нередко появлялись и апокрифические. Перечисляя наиболее известные и нашумевшие мемуары, Пушкин в своей заметке упоминает об „Исповеди“ Руссо (*исповеди философии XVIII века*), о записках английской актрисы Генриеты Вильсон, вышедших в 1825 году и переведенных на французский язык, о „Записках“ Казановы, выходивших с 1826 года, о воспоминаниях „Современницы“ (1827) — французской авантюристки Elzelina Van-Ayl de Jonghe (Saint-Elm), и, наконец, о записках начальника парижской сыскной полиции Ф. Видока, вышедших в 1826 г.

Ошибочное написание Пушкиным имени палача было отмечено в „Московском Телеграфе“: „Общее ожидание возбудило в Париже объявление о *Записках Сансона* (а не Самсона как говорит Литературная Газета) — *Парижского палача* (Mémoires pour servir à l'histoire de la révolution Française, par Sanson, exécuteur de jugements criminels pendant la révolution, 4 t. in 8) („Московский Телеграф“ 1830, ч. 31, № 2, стр. 284). Сообщая своему отчиму об издании „Литературной Газеты“, И. В. Киреевский 15 января 1830 г. писал: „Большая часть статей в ней будет писана Пушкиным, который открыл средство в критике, в простом извещении об книге быть таким же необыкновенным, таким же поэтом, как в стихах. В его извещении об исповеди амстердамского палача вы найдете, как говорит Жуковский, и ум, и приличие, и поэзию вместе“.

59. *Поэт Гюго не постыдился...* — В „Последнем дне осужденного“ (1829) Гюго упомянуты две жертвы Сансона: лекарь Кастен и детоубийца Папавуань.

60. *...сие творение, внушившее графу Мейстру столь поэтическую, столь странную страницу...* — имеется в виду „Портрет палача“ в сборнике „Les soirées de Saint-Petersbourg“ Жозефа де-Местра.

60. ⟨О „Разговоре у княгини Халдиной“ Фонвизина⟩. Впервые опубликовано в „Литературной Газете“ 1830, № 7, стр. 55, отдел „Смесь“, без подписи автора. Автограф заметки хранится в *ЛБ* (тетрадь № 2382, лл. 76—76 об.).

Когда в „Литературной Газете“ 1830, № 3, стр. 17—20 был напечатан „Разговор у княгини Халдиной“ Д. И. Фонвизина, найденный в его бумагах, Булгарин в „Северной Пчеле“ (1830, № 10) выразил сомнение в принадлежности этого отрывка Фонвизину.

61. ⟨О статьях князя Вяземского⟩. Впервые опубликовано в „Литературной Газете“ 1830, № 10, стр. 81, отдел „Смесь“, без подписи автора. Черновой автограф хранится в *ЛБ* (тетрадь № 2382, лл. 72—72 об.).

Прямым поводом к появлению этой заметки послужило то, что Вяземский в альманахе „Денница на 1830 г.“ в своем „Отрывке из письма А. И. Готовцевой“ бросил современным журналам обвинение в „полемическом исступлении“; „Московский Телеграф“ (1830, № 1, стр. 78—81) и „Северная Пчела“ (1830, № 12) выступили с осуждением этой статьи Вяземского и резко напали на „знаменитых друзей“ — „литературных аристократов“. Вяземский был представлен здесь беспринципным зачинщиком „журнальных браней“, „смешивающим с грязью“ всю русскую литературу.

61. ⟨Объяснение к заметке об Илиаде⟩. Впервые опубликовано в „Литературной Газете“ 1830, № 12, стр. 98, отдел „Смесь“, с полной подписью Пушкина. Черновой автограф заметки хранится в *ЛБ* (тетрадь № 2382, лл. 73 и 69). Заметка вызвана статьей С. Е. Раича в „Галатее“ (1830, № 4, стр. 228—230). Здесь, „выписав“ „объявление“ об „Илиаде“ (т. е. заметку Пушкина „Илиада Гомерова“), Раич приписал ее Дельвигу и снабдил послесловием, в котором намекал на то, что в „воззвании“ расхваливается труд Гнедича лишь потому, что Гнедич в предисловии к своему переводу одобрительно отозвался о гекзаметрах Дельвига. Эта неосновательная догадка, давшая Раичу повод говорить о „духе партий“ в литературе, и вызвала возражения Пушкина. Указывая на

то, что „нынешние отношения барона Дельвига к Н. И. Гнедичу *не суть дружеские*“, Пушкин имеет в виду их размолвку, вызванную тем, что в „Северных Цветах на 1829 г.“ были напечатаны „Отрывки из Илиады“ в переводе Жуковского. Это обстоятельство вызвало недовольство Гнедича, печатавшего тогда отдельное издание своего перевода.

62. 〈О записках Видока〉. Впервые опубликовано в „Литературной Газете“ 1830, № 20, стр. 162, отдел „Смесь“, без подписи автора. Беловой автограф сохранился в архиве кн. П. А. Вяземского, ныне в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи в Москве.

Статья „О записках Видока“ предназначалась для „Московского Вестника“, но М. П. Погодин уклонился от печатания ее. Статья о „Записках“ начальника Парижской сыскной полиции Видока, вышедших в 1826—1829 гг., в действительности направлена против Булгарина. Взаимоотношения Пушкина с Булгариным к этому времени крайне обострились. До Булгарина дошли слухи о том, что Пушкин обвиняет его в заимствовании некоторых ситуаций из „Бориса Годунова“ для романа „Дмитрий Самозванец“. Ошибочно приписав Пушкину анонимный разбор романа „Дмитрий Самозванец“, опубликованный в „Литературной Газете“, Булгарин напечатал в „Северной Пчеле“ от 11 марта 1830 года пасквильный „Анекдот“, в котором Пушкин очень прозрачно был выведен под именем „французского стихотворца, служащего усерднее Бахусу и Плутусу, нежели музам“, „бросающего рифмами во всё священное, чванящегося перед чернью вольнодумством, а тишком ползающего у ног сильных“ и т. п.

Ответом Пушкина на эти выпады были две эпиграммы („Не то беда, что ты поляк“ и „Не то беда, Авдей Флюгарин“) и резкая памфлетная характеристика Булгарина в статье о литературных претензиях авантюриста и шпиона Видока. Общественно-политическое значение этого „ответа“ определялось прежде всего тем, что в нем впервые была печатно объявлена и заклеймена связь Булгарина с органами тайного полицейского надзора, о чем Пушкин и его друзья узнали за год перед тем, вероятно, от бывших арзамасцев Д. В. Дашкова и Д. Н. Блудова, ставших при Николае I министрами. О продолжении борьбы Пушкина с Булгариным см. недописанный „Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений“ и статьи: „Торжество дружбы или оправданный А. А. Орлов“ и „Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем“ (1831).

Статьи и заметки 1831—1833 гг.

65. Заметка о „Полтаве“. Впервые опубликовано в „Деннице, альманахе на 1831 г., изданном М. Максимовичем“, стр. 124—130, с заголовком: „Отрывок из рукописи Пушкина (Полтава)“. Черновой автограф заметки хранится в *ЛБ* (тетрадь № 2387 А., лл. 19 об., 66 и 66 об.), среди других полемических заметок, посвященных разбору отзывов критики о произведениях Пушкина.

Рукописный вариант начала заметки:

„Habent sua fata libelli. [Самое зрелое изо всех моих стихотворных повестей, то, в котором всё почти оригинально (а мы из этого только и бьемся, хоть это еще и не главное)], Полтава [которую Ж〈уковский〉, Г〈недич〉, Д〈ельвиг〉, В〈яземский〉 предпочитают всему, что я до сих пор ни написал, Полтава] не имела успеха“.

Вторая редакция печатного текста заметки была опубликована П. А. Плетневым в „Современнике“ 1838, т. IX, „Современные Записки“, стр. 59—62, как „Строки, доставленные к издателю из частного письма Пушкина“. Автограф этой редакции заметки

не сохранился. Приводим ее печатный текст полностью:

„Наши критики, разбирая Полтаву, упомянули о Байроновом Мазепе. Они его не понимают. Старый гетман, предвидя неудачу, бранит, в моей поэме, молодого Карла и называет его мальчиком и сумасшедшим. Критики, со всею важностию, укоряют меня в неосновательном мнении о шведском короле. В одном месте у меня сказано, что Мазепа ни к чему не был привязан. Чем же опровергают меня критики? Они ссылаются на *собственные* слова Мазепы, уверяющего Марию в *моей* поэме, что он любит ее *больше славы, больше власти.* Так им понятно, так знакомо драматическое искусство! Еще замечают, что заглавие моей поэмы ошибочно, и что вероятно не назвал я ее Мазепой, чтоб не напомнить о Байроне. Это частию справедливо. Но была у меня и другая причина, которой конечно никто из них не подозревает: эпиграф. Так и Бахчисарайский фонтан первоначально назван был Гаремом; но меланхолический эпиграф (который бесспорно лучше всей поэмы) соблазнил меня.

Байрон знал Мазепу только по Вольтеровой истории Карла XII. Байрон поражен был только картиной человека, связанного на дикой лошади и несущегося по степям. Картина конечно поэтическая. И зато посмотрите, что он из нее сделал! Но не ищите тут ни Мазепы, ни Карла, ни сего *мрачного, ненавистного,* мучительного характера, который проявляется во всех почти произведениях Байрона — но которого (на беду моим критикам) в Мазепе именно и нет. Байрон и не думал о нем. Он выставил ряд картин, одна другой разительнее. Вот и всё. Но какое пламенное создание, какая широкая гениальная кисть! Если же бы ему под перо попалась история обольщенной дочери и казненного отца, то вероятно никто бы не осмелился после него коснуться сего предмета.

Чем больше думаю, тем сильнее чувствую, какой отвратительный предмет для художника в лице Мазепы. Ни одного доброго, благородного чувства! Ни одной утешительной черты! Соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость... Сильные характеры и глубокая трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, — вот что увлекло меня. Полтаву написал я в несколько дней; далее не мог бы ею заниматься и бросил бы всё".

64. *Наши критики взялись объяснить мне причину моей неудачи...* — Пушкин имеет в виду две больших анонимных статьи о „Полтаве" — Н. И. Надеждина в „Вестнике Европы" 1829, № 9 (этот разбор Пушкин в концовке „Путешествия в Арзрум" характеризовал как „разговор между дьячком, просвирней и корректором типографии") и неизвестного автора в „Сыне Отечества" 1829, № 15.

„По моему мнению — *Полтава* есть настоящая Полтава для Пушкина! — писал Н. И. Надеждин. — Ему назначено было *здесь* испытать судьбу Карла XII!.. Его Полтава несравненно ниже всех прочих его произведений. Стихов прозаических и вялых такое множество, что не веришь: Пушкин ли полно писал их?" „...Можно приметить, что и язык Пушкина, „ета острая бритва, начинает иззубриваться'.." „Статочное ли дело, чтобы этот белоусый Селадон, который, по собственному своему признанию, любил Марию „больше славы, больше власти", пожертвовал так бесчеловечно отцом ее... Я не говорю уже ничего о любви самой Марии — хотя собственный горький опыт давно уже удостоверяет меня, что „старца строгий вид, рубцы чела, власы седые" — редко, очень редко „в воображенье красоты влагают страстные мечты" (стр. 37—38).

64. *„Ну что ж, что ты Честон..."* — стих из комедии Княжнина „Хвастун" (1786).

64. *„Мирра"* — трагедия Витторио Альфиери.

64. *Мария (или Матрена) увлечена была, говорили мне, тщеславием, а не любовью...* — Пушкин имел в виду замечание критика „Сына Отечества": „Мне кажется, что не любовь, а женское тщеславие ввергло в пропасть дочь Кочубея... Чтоб она могла влюбиться в старика и еще в такого гнус-

ного, как он представлен в поэме, этому верить не можем и не будем“ („Сын Отечества“ 1829, № 15, стр. 49).

64. *Далее говорили мне...* — См. замечания Н. И. Надеждина: „Етот Мазепа есть не что иное, как лицемерный, бездушный старичишка“. „И от етих *усов* столько шуму... Ай да *усы*! Ето был бы клад для покойного выворачивателя Энеиды на изнанку!“.

65. *Летопись Конискою* — см. стр. 79 и 610.

65. *Слова — усы, визжать, вставай, Мазепа, ого, пора, — показались критикам низкими, бурлацкими выражениями...* — Н. И. Надеждин, выписывая стихи

Проснулся Карл. „Ого! пора!
Вставай, Мазепа. Рассветает“

замечал: „Надобно же иметь богатый запас веселости, чтобы заставить Карла в столь роковые минуты так бурлацки покрикивать над ухом несчастного гетмана!“ (стр. 35).

В рукописи Пушкина после слов „низкими, бурлацкими выражениями“ следовали строки:

„[Низкими словами я почитаю те, которые подлым образом выражают какие-нибудь понятия. Например, *нализаться* вместо напиться пьяным и т. п.]. Никогда не пожертвую искренностию и точностию выражения провинциальной чопорности и боязни казаться простонародным, славянофилом и тому под“.

65. *В Вестнике Европы заметили, что заглавие поэмы ошибочно...* — Пушкин имеет в виду замечание Надеждина: „Он <Пушкин> добровольно отказался от удовольствия столкнуться с Байроном даже в имени поэмы“ (стр. 17). Сравнение „Полтавы“ с „Мазепой“ Байрона дано далее Надеждиным на стр. 22—25.

65. *Эпиграф* к поэме „Бахчисарайский фонтан“: „Многие, как и я, посещали сей фонтан, но иных уже нет, другие странствуют далече. *Саади*“.

66. Торжество дружбы или оправданный А. А. Орлов. Впервые опубликовано в „Телескопе“ 1831, т. IV, № 13, стр. 135—144, с подписью: *Феофилакт Косичкин* и с редакционной отметкой: „Сообщено“. Автограф (беловой, с незначительными исправлениями) хранится в *ПБЛ*.

Орлов, Александр Анфимович (1791—1840) — московский литератор, автор сатирических и нравоописательных рассказов и повестушек, издаваемых отдельными брошюрами, аллегорических и героических поэм, учебных компиляций и пр. Спекулируя на успехе „Ивана Выжигина“ Булгарина, А. А. Орлов выпустил весною 1831 г. три брошюры: „Смерть Ивана Выжигина“, „Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ивана Выжигина“ и „Хлыновские степняки или дети Выжигина“. Эти публикации совпали с выходом в свет подлинного продолжения первого романа Булгарина — „Петра Ивановича Выжигина“. Н. И. Надеждин, литературный враг Булгарина, не упустил случая в своей рецензии („Телескоп“ 1831, № 9) связать в полемических целях произведения А. А. Орлова и Булгарина как явления якобы одного порядка и одинаковой общественно-литературной ценности. Для Булгарина это сопоставление было особенно оскорбительно еще и потому, что в „Северной Пчеле“ А. А. Орлов неоднократно квалифицировался как ничтожный лубочный писака на потребу „толкучего рынка, лавочников и деревенских любителей словесности“. На страницах „Сына Отечества“ в защиту Булгарина выступил Н. И. Греч, резко протестуя против статьи Надеждина и практикуемых последним методов литературной борьбы. Ответом на выступление Греча и явился критический памфлет Пушкина „Торжество дружбы или оправданный А. А. Орлов“. Продолжая в своей борьбе с Булгариным и Гречем линию разоблачений, начатую еще в заметке „О записках Видока“ (самое сопоставление имен Булгарина и Орлова сделано было им в сценах „Альманашник“ в том же 1830 году), Пушкин необычайно презрительную характеристику литературных работ Булгарина дополнил выпадами общественного и личного порядка (строки о „гражданских занятиях“

Греча и Булгарина, о „переметчиках, для коих всё равно, бегать ли им под орлом французским, или русским языком позорить всё русское“, данные об издательских спекуляциях и методах саморекламы Булгарина и пр.).

70. *Он не задавал обедов иностранным литераторам...* — намек на сбед, данный издателями „Северной Пчелы“ в честь Ансело, о котором см. выше.

72. Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем. Впервые опубликовано в „Телескопе“ 1831, ч. IV, № 15, стр. 412—418, с подписью: *Ф. Косичкин* и с пометой: „Сообщено“. Автограф неизвестен. Несколько черновых строк середины статьи (от слов: „Может быть, по примеру г. Полевого“ до конца абзаца) сохранились на обороте письма Плетнева к Пушкину от 5 сентября 1831 года (архив *ПД*).

27 июля 1831 года кн. П. А. Вяземский, цитируя в письме к Пушкину строки из статьи Н. И. Греча о том, что в „одном мизинце Булгарина более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов“, добавлял: „Жаль же, сказал один читатель, что Булгарин не одним мизинцем пишет“. — А если хочешь, дай другой оборот этому. Во всяком случае, на этом мизинце можно погулять и хорошенько расковырять им гузно“. Пушкин ответил на это предложение 3 августа 1831 года: „Твое замечание о мизинце Булгарина не пропадет; обещаюсь тебя насмешить“.

72. *Я не принадлежу к числу тех незлопамятных литераторов...* и пр. — намек на неожиданное примирение Н. А. Полевого с Булгариным и Гречем.

72. *Пролаз* и *Высонос* — „дурацкие персоны“ старинных лубочных картинок и балаганных представлений.

73. *Письма Бригадирши* — Пушкин имеет в виду сводку отрицательных отзывов о Н. А. Полевом, опубликованную А. Ф. Воейковым в „Славянине“ 1829 года под названием „Венок, сплетенный Бригадиршею из журнальных листов для Издателя Москов. Телеграфа.“

73. *Славный Грипусье* — прозвище Н. А. Полевого, в журнале которого напечатана была статья о новых модных платьях „цветов голубого, розового и грипусье“ („Московский Телеграф“ 1825, прибавл. к № 14, стр. 309). Этот ляпсус (gris-poussière следовало бы перевести: пыльно-серый) использован был в „Северной Пчеле“ 1825 года для дискредитации издателя нового журнала.

75. *...я не похожу на того китайского журналиста...* — Намек на Н. И. Греча, который в частных беседах всячески отмежевывался от Булгарина, подчеркивая вынужденный и узко деловой характер своих отношений с последним.

75. В проспекте романа „Настоящий Выжигин“, которым заканчивалась статья, Пушкин давал памфлетную общественно-политическую и литературную характеристику всего жизненного пути Булгарина („Выжигина“), основанную на хорошем знакомстве с самыми темными моментами его биографии (рассказы однополчан молодого Булгарина, сведения О. М. Сомова, данные о службе Булгарина в III Отделении), полную намеков на интимные стороны его жизни („*танта*“ — тетка жены Булгарина, увековеченная в песне Рылеева „Ах, где те острова“; „*бедный племянничек*“ — декабрист Д. А. Искрицкий, сын родной сестры Булгарина, преданный последним; *Высухин* — Н. И. Греч).

76. ⟨Письмо к редактору „Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду“⟩. Впервые опубликовано в „Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду“ 1831, № 79, стр. 625 (цензурная дата 25 сентября 1831 года). Автограф неизвестен. Пушкинский текст, вкрапленный в рецензию Л. Якубовича на первую книжку „Вечеров на хуторе близ Диканьки“ Гоголя, сопровождался следующим пояснением: „Вот, что говорит А. С. Пушкин в письме своем к издателю Литературных прибавлений ⟨А. Ф. Воейкову⟩ о сей книге“.

Ссылка Пушкина на впечатление наборщика от рукописи Гоголя основана на письме последнего к нему от 21 августа

1831 года: „Любопытнее всего было мое свидание с типографией. Только что я просунулся в двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стене. Это меня удивило; я к фактору, и он, после некоторых неловких уклонений, наконец, сказал, что: „Штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву". Пушкин отвечал на это Гоголю 25 августа: „Поздравляю вас с первым вашим торжеством, с фырканьем наборщиков и изъяснениями фактора. С нетерпением ожидаю и другого — толков журналистов и отзыва остренького сидельца ⟨Н. А. Полевого⟩. Отклик Пушкина в „Современнике" 1836 года на второе издание „Вечеров" см. стр. 156.

„*Les precieuses ridicules*" — „Смешные жеманницы", комедия Мольера. О „смешной стыдливости и жеманстве" некоторых русских критиков см. гневные замечания Пушкина в полемических набросках о „Графе Нулине".

76. ⟨О сочинениях П. А. Катенина⟩. Впервые опубликовано в „Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду" от 1 апреля 1833 года, № 26, стр. 206—207, с подписью: *А. Пушкин*. Автограф неизвестен.

Пушкин принимал ближайшее участие в распространении подписки на „Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина", вышедшие в двух частях в 1832 году, и рецензию его надлежит рассматривать как определенную форму содействия успеху этого издания. Высокая оценка Катенина как литературного критика и теоретика засвидетельствована письмом Пушкина к нему от середины февраля 1826 года: „Голос истинной критики необходим у нас, кому же как не тебе забрать в руки общее мнение, и дать нашей словесности новое, истинное направление? Покамест, кроме тебя, нет у нас критика. Многие (в том числе и я) много тебе обязаны; ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли". Восторженный разбор баллады Катенина „Убийца", которая „может стать на ряду с лучшими произведениями Бюргера и Саувея", Пушкин дал в 1828 году в заметке „В зрелой словесности приходит время, когда умы... обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию" (см. стр. 293). В бумагах Пушкина сохранился набросок и о Катенине-драматурге, относящийся к 1825 году. Возможно, что эти строки предназначались для примечаний к первой главе „Онегина", где Пушкин приветствовал Катенина в знаменитых стихах: „Там наш Катенин воскресил/Корнеля гений величавый".

„П. А. Катенин перевел многие трагедии, позже комедию „Le Méchant" и проч. Его же тра⟨гедия⟩ Андромаха еще в рукописи и не играна. — Она без сомнения лучшая из всех" (тетрадь № 2370, л. 56). Послания Пушкина к Катенину см. в тт. I и II настоящего издания.

76. *Если публика может довольствоваться тем, что называют у нас критикою, то это доказывает только, что мы еще не имеем нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах.* — Суждение это было формулировано Пушкиным еще в 1830 г. в набросках „Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений": „Если приговоры журналов наших достаточны для нас, то из сего следует, что мы не имеем еще нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах".

76. *Шлегель*, Август-Вильгельм (1767—1845)— немецкий поэт и критик, автор работ по истории и теории драмы, боровшийся с традициями классицизма.

76. *Лагарп*, Франсуа (1739—1803) — французский критик и теоретик литературы, апологет классической поэтики.

77. Баллада Катенина „*Ольга*" опубликована была в „Сыне Отечества" 1816, № 24. В рецензии Н. И. Гнедича на „Ольгу" отмечалось, что стихи Катенина „оскорбляют слух, вкус и рассудок" („Сын Отечества" 1816, № 27). В защиту Катенина выступил Грибоедов, вышутивший критические приемы Гнедича. К концу 1819 года

относится отзыв Пушкина о „славянских стихах Катенина, полных силы и огня, но отверженных вкусом и гармонией“ („Мои замечания об русском театре“).

77. *Геснеровская, чопорная и манерная...*—Соломон *Геснер* (1730—1788) - швейцарский идиллик. Ср. эпиграмму Пушкина „Русскому Геснеру“ (1827).

Статьи и заметки в „Современнике“

Статьи

79. Собрание сочинений Георгия Кониского. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. I, стр. 85—110, без подписи автора. Автограф неизвестен. Извещая Н. М. Языкова 14 апреля 1836 года о выходе „Современника“, Пушкин писал: „Из статей критических моя одна: о Кониском“.

79. В кратком приветственном слове митрополита Филарета по случаю приезда Николая I в Москву в разгар холерной эпидемии осенью 1830 года было отмечено: „Ты являешься ныне среди нас, как царь подвигов, чтобы опасности с народом твоим разделять, чтобы трудности препобеждать. Такое царское дело выше славы человеческой, поелику основано на добродетели християнской“ (ср. стихотворение Пушкина „Герой“ (1830), т. I наст. изд.).

81. *Шуазель*, Этьен-Франсуа (1719—1785) — французский министр иностранных дел, вдохновитель антирусской политики в Польше и в Турции.

84. Рукописная историческая хроника, известная под названием „История Руссов или Малой России“, ошибочно приписывавшаяся в течение первой половины XIX века Георгию Кониському (составителем ее был один из ранних идеологов украинского воинствующего национализма Г. А. Полетика), вошла в научный и литературный оборот около 1825 г. Первым популяризатором ее данных, впоследствии широко использованных в повестях Гоголя и в поэмах Шевченко, был К. Ф. Рылеев (в поэме „Наливайко“). Пушкин, познакомившийся с этой хроникой в 1829 г. (по списку, принадлежавшему М. А. Максимовичу), сослался на нее в своем ответе критикам „Полтавы“ (см. выше) и, по некоторым сведениям, предполагал даже издать ее (см. заметки Пушкина по истории Украины). Причины, по которым Пушкин отказался от этого плана, неизвестны, но и публикация им в „Современнике“ значительных выдержек из „Истории Руссов“ заменяла в течение десяти лет знакомство с первоисточником, изданным только в 1846 году.

89. Российская Академия. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. II, стр. 5—13, без подписи автора. Автограф статьи хранится в *ЛБ* (тетрадь № 2386 А, лл. 7—9, 54—57).

В статье широко использован материал, опубликованный в брошюре „Заседание, бывшее в Российской Академии 18 января 1836 г.“ Присутствовал на этом заседании и сам Пушкин, числившийся членом Академии с 7 января 1833 г., но активного участия в ее работе не принимавший.

90. Анекдот о Кольбере и его отношении к словарю Французской Академии заимствован Пушкиным из предисловия Вильмена к шестому изданию „Dixionnaire de l'Académie Française“, Paris 1835.

93. О речи М. Е. Лобанова см. статью Пушкина, на стр. 109.

93. Записка Карамзина „*О древней и новой России*“, упоминанием о которой Пушкин закончил статью, еще считалась в 1836 году документом, не подлежащим оглашению.

94. Французская Академия. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. II, стр. 14—52, без подписи

автора. Автограф неизвестен. Принадлежность статьи Пушкину, предположительно отмеченная впервые еще Белинским в 1841 году, доказана была Н. О. Лернером в „Русской Старине“ 1911, № 10, стр. 3—33. Переводы речей Скриба и Вильмена, французский оригинал которых был прислан из Парижа А. И. Тургеневым, сделаны были неизвестными нам сотрудниками „Современника“ под наблюдением кн. В. Ф. Одоевского.

94. *Арно*, Антуан-Венсан (1766—1834)— французский поэт и драматург. Стихотворение его „La solitude“ в 1819 году было переведено Пушкиным под названием „Уединение“ („Блажен, кто в отдаленной сени“). В 1836 г. Пушкин заимствовал для своего послания к Д. В. Давыдову первый стих обращения к последнему Арно („Тебе певцу, тебе герою“ — „A vous poète, a vous guerrier“).

94. *„Наш боец чернокудрявый...“* и пр. — стихи Н. М. Языкова из послания его к Денису Давыдову (1835).

109. *Лене*, Жозеф-Анри-Иоаким (1767—1835) — политический деятель умеренно-либерального лагеря, выдающийся оратор; *Дюпати*, Луи-Эммануил-Шарль (1775—1851) — драматург и стихотворец.

109. Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности... Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. III, стр. 94—106, без подписи автора. Автограф статьи хранится в *ЛБ* (тетрадь № 2386 В., лл. 28—37 и 42—50). Принадлежность Пушкину этой резкой отповеди на реакционное выступление М. Е. Лобанова печатно отмечена была еще Белинским в 1840 году.

Лобанов, Михаил Евстафиевич (1787—1846) — драматург, переводчик Расина, биограф Крылова, член Российской Академии с 1828 года.

110. *...известное мнение эдимбургских журналистов...* — Статья эта была переведена в „Библиотеке для Чтения“ 1834, т. I, отд. 2, стр. 52—78.

111. *Мы не полагаем, чтобы нынешняя раздражительная, опрометчивая, бессвязная французская словесность была следствием политических волнений.*— Курсивом Пушкин обозначил цитату из статьи Гоголя „О движении журнальной литературы“ в первой книге „Современника“.

112. О влиянии *„французской словесности“* на русскую см. наброски статьи Пушкина „О ничтожестве литературы русской“.

113. *Поэзия осталась чужда влиянию французскому; она более и более дружится с поэзией германскою...* и пр. — Пушкин прежде всего имеет в виду, вероятно, стихотворения Тютчева, печатавшиеся в нескольких книжках „Современника“ 1836 года под заголовком: „Стихотворения, присланные из Германии“. Еще в 1830 году в рецензии на „Денницу“ Пушкин, принимая устанавливаемое в этом альманахе в статье И. В. Киреевского понятие о „поэтах немецкой школы“, писал: „Из молодых поэтов немецкой школы г. Киреевский упоминает о Шевыреве, Хомякове и Тютчеве“.

114. *Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей...* и пр.— Пушкин имеет в виду московских шеллингианцев, о которых он в „Путешествии из Москвы в Петербург“ (1834—1835) писал: „Шевырев, Киреевский, Погодин и другие написали несколько опытов, достойных стать на ряду с лучшими статьями английских Reviews... Философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее влияние ее было благотворно: она спасла нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии...“.

116. Вольтер. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. III, стр. 158—169, без подписи автора. Черновой автограф статьи хранится в *ЛБ* (тетрадь № 2386, лл. 11—12, 68, 65—58). В рукописи отсутствует перевод цитаты из письма Вольтера к д'Аржанталю о рогатых мужьях, но французский текст этой цитаты, выписан-

ный рукою Пушкина на особом листке, находится ныне в *ПД*. Явные дефекты печатного текста статьи „Вольтер“ впервые выправлены по автографу в Полн. собр. соч. Пушкина 1930.

Из черновых вариантов статьи особенно интересна начальная редакция третьего от конца абзаца, позволяющая установить, что характеристика отношений Вольтера и Фридриха II построена была Пушкиным с определенным учетом данных о его собственном двусмысленном положении при дворе Николая I. Строки, измененные в печатном тексте, даем в квадратных скобках:

„К чести Фридерика II скажем, что сам от себя король, вопреки природной своей насмешливости, не стал бы унижать [величайшего из современных писателей], не надел бы на первого из французских поэтов шутовского кафтана, не предал бы его [с такою жестокостию посмеянию пажей], если бы сам Вольтер не напрашивался на такое жалкое посрамление. |Великий Фридерик не был тираном.|“

Строки о „шутовском кафтане, надетом на первого из поэтов“, преданного „посмеянию пажей“, исторически никак не вяжутся с Вольтером, но очень близки известным записям в дневнике и в письмах Пушкина за 1834 год о назначении его камер-юнкером: „Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — что довольно неприлично моим летам“, или: „Великий князь намедни поздравил меня в театре: „Покорнейше благодарю, ваше высочество, до сих пор все надо мною смеялись...“, или желчные строки в письме к Наталье Николаевне от 20—22 апреля 1834 года о царе, который „упек меня в камер-пажи под старость лет“. Таким образом, сравнение с Фридрихом II оказалось явно не в пользу Николая. Автобиографическая же значимость концовки статьи определяется ее близостью письму Пушкина к жене от 8 июня 1834 года: „Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас. Теперь *они* смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать, как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутом ниже у господа бога“.

О значении, которое Пушкин придавал этой статье, свидетельствует его письмо от 19 октября 1836 года к Чаадаеву: „Avez-vous lu le 3-me № du Современник? L'article Voltaire et John Tanner sont de moi“.

118. *д'Аржанталь*, Шарль-Огюстен (1700—1788) — крупный парижский чиновник, друг Вольтера.

118. *Фрерон*, Эли-Катрин (1719—1776)— французский литератор, враг Вольтера, многократно заклейменный в памфлетах и эпиграммах последнего.

120. *Калас* — французский протестант, казненный в 1762 г. по ложному обвинению в убийстве своего сына, пожелавшего перейти в католичество. Вольтер после трехлетней борьбы добился пересмотра „дела Каласа“ и реабилитации казненного.

120. *Перевод стихов Вольтера:*

Ваши розовые кусты — в моих садах,
И на них скоро появятся цветы, —
Сладостный приют, где я сам себе хозяин!
Я отказываюсь от суетных лавров,
Которые слишком, быть может, любил в Париже.
Я слишком исколол себе руки
Шипами, которые выросли на них.

122. Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. III, стр. 170—186, без подписи автора. Автограф статьи хранится в *ЛБ* (тетрадь № 2386 В, лл. 23—24, 26, 53, 55). В рукописи зачеркнуты следующие строки, следовавшие за первым абзацем:

„Так Брюлов, усыпляя нарочно свою творческую силу, с пламенным и благородным подобострастием списывал *Афинскую школу* Рафаэля. А между тем в голове его уже шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народ бежал по улице, чудно освещенной волканом...“

Тепляков, Виктор Григорьевич (1801—1842) — поэт, отставной поручик Павлоградского полка, заподозренный за уклонение от присяги Николаю I в политической неблагонадежности и высланный в 1826 году из Петербурга в Херсон под надзор полиции; впоследствии — чиновник особых поручений при графе М. С. Воронцове в Одессе и дипломат; автор двух сборников „Стихотворений“ (ч. I — 1832 г., ч. II — 1836 г.) и „Писем из Болгарии“ (1833). В 1835—1836 гг. В. Г. Тепляков жил в Петербурге. Автором предисловия к его книге, рецензированной Пушкиным, был кн. В. Ф. Одоевский, один из ближайших сотрудников „Современника“.

124. *Гресет в одном из своих посланий...* — Пушкин цитирует „La chartreuse“ („Обитель“) Жана-Батиста Грессе (1709—1777).

Перевод четверостишия:

Я перестаю ценить Овидия,
Когда он начинает вяло
Изливать — несносный плакса —
Свои тягучие жалобы

132. Анекдоты. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. III, стр. 187—191, без подписи автора. Автографы всех одиннадцати анекдотов, выделенных Пушкиным для публикации из других его анекдотических записей (см. „Table-Talk“), хранятся в *ЛБ* (тетрадь № 2377). В рукописи при анекдоте VIII сделана отметка: „Слышано от кн. А. Н. Г‹олицына›, а при анекдоте XI: „Сл. от Загряжской Н. К.“

133. *Самойлов*, Александр Николаевич (1744—1814) — участник русско-турецких войн, впоследствии генерал-прокурор, был награжден георгиевским крестом за взятие одного из передовых редутов Силистрии в 1773 г.; в графское достоинство возведен только в 1795 г.

134. *Раевский*, Николай Николаевич (1771—1829) — генерал-от-кавалерии, отец приятелей Пушкина. О нем см. выше, стр. 602.

134. *Эйлер*, Леонгард (1707—1783) — знаменитый математик и астроном, член Академии Наук.

134. Джон Теннер. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. III, стр. 205—256, с подписью: *The Reviewer.* Автограф неизвестен. В письме к Чаадаеву от 19 октября 1836 года Пушкин отмечал, что в третьей книге „Современника“ „*L'article Voltaire et John Tanner sont de moi*“.

„Записки“ Джона Теннера изданы были в Нью-Йорке в 1830 году. В библиотеке Пушкина сохранился купленный им 29 августа 1836 года французский их перевод, выпущенный в двух томах в Париже в 1835 году.

Первые страницы статьи Пушкина основаны на материалах книги Токвиля „De la Démocratie en Amérique“ (1835), вскрывавшей с исключительной яркостью противоречия принципов формальной демократии, осуществленных в общественном и государственном строе Североамериканских соединенных штатов. Популяризацией взглядов Токвиля является и та критика капиталистической „цивилизации“, которую он дает на стр. 134—135, ссылаясь на „наблюдения нескольких глубоких умов, занявшихся исследованием нравов и постановлений американских“. Восторженный отзыв о книге Токвиля дал А. И. Тургенев в „Хронике Русского“ („Современник“ 1836, кн. I, стр. 273—274).

135. Цитата из Вашингтона-Ирвинга заимствована из введения к французскому переводу записок Джона Теннера.

135. *Некоторые философы* — Жан-Жак Руссо и его последователи, которых резко критикует Эдвин Джемс в введении к „Запискам“ Джона Теннера.

Рецензии в отделе „Новые книги“

155. Вастола, или желания. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. I, стр. 303—304. Автограф неизвестен.

Переводчиком „Вастолы“ (точное заглавие стихотворной повести Виланда: „Pervonte oder die Wünsche“) был Ефим Петрович Люценко (1776—1854), стихотворец и переводчик, занимавший в 1811—1813 гг. должность секретаря хозяйственного правле-

ния в Царскосельском лицее. Помощь, оказанная переводчику Пушкиным, разрешившим, для поднятия интереса к изданию престарелого литератора, поставить на обложке перевода строки „Издал А. Пушкин“,— была использована О. И. Сенковским для резких выпадов по адресу Пушкина в „Библиотеке для Чтения“. В первом номере своего журнала он „приветствовал“ выход в свет „Вастолы“ глумливой информацией о „новой поэме Пушкина“, а во втором номере „Библиотеки для Чтения“ посвятил „Вастоле“ большую рецензию, в которой, между прочим, отмечал: „Для многих еще не решен вопрос о „Вастоле“. Каждый толкует по-своему слово „издал“, которое, как известно, принимается в русском языке также в значении — написал и напечатал. Одни утверждают, что это действительно стихи Пушкина, другие, что они не его, а он только их издатель. Трудно поверить, чтобы Пушкин, вельможа русской словесности, сделался книгопродавцем, и „издавал“ книжки для спекуляций... Некоторые, однако, намекают, будто А. С. Пушкин никогда не писал этих стихов, что „Вастола“ переведена каким-то бедным литератором, что Александр Сергеевич только дал ему на прокат свое имя, для того, чтобы лучше покупали книгу, и что он желал сделать этим благотворительный поступок. Этого быть не может! Мы беспредельно уважаем всякое благотворительное намерение, но такой поступок противился бы всем нашим понятиям о благотворительности, и мы с негодованием отвергаем все подобные намеки как клевету завистников великого поэта. Пушкин не станет обманывать публики двусмысленностями, чтоб делать кому добро“ („Библиотека для Чтения“ 1836, № 2, отд. VI, стр. 31—35). Насколько остро реагировал Пушкин на эти выпады, свидетельствует его столкновение (едва не приведшее к дуэли) с московским чиновником С. С. Хлюстиным, процитировавшим в его присутствии около 4 февраля 1835 г. статью Сенковского о „Вастоле“ („Переписка Пушкина“ 1911, т. III, стр. 270—274).

156. В е ч е р а н а х у т о р е б л и з Д и к а н ь к и. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. I, стр. 311—312. Автограф неизвестен. Отклик Пушкина на первое издание „Вечеров на хуторе близ Диканьки“ см. выше.

156. О б о б я з а н н о с т я х ч е л о в е к а. С о ч и н е н и е С и л ь в и о П е л л и к о. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. III, стр. 307—310. Автограф неизвестен.

Анонимным переводчиком книги, о предстоящем издании которой писал Пушкин, был Сергей Николаевич Дирин (1814—1839), дальний свойственник Кюхельбекера. Его перевод вышел в свет в середине января 1837 года („Об обязанностях человека. Наставление юноше“. Сочинение Сильвио Пеллико. С итальянского. СПБ. 1836), причем заметка Пушкина перепечатана была в предисловии к книге. Называя перевод Дирина „новым“, Пушкин имел в виду другой перевод трактата Пеллико, сделанный Н. Хрусталевым и выпущенный в 1835 г. в Одессе под названием „О должностях человека“.

Пеллико, Сильвио (1789—1854) — итальянский поэт и публицист, автор трагедии „Франческа да-Римини“ (1810), переведенной Байроном. Арестованный в 1820 г. за близость к карбонарам и выступления против австрийской оккупации Италии, Пеллико провел 10 лет в тюремном заключении. Книга его воспоминаний и размышлений „Мои темницы“ (1832) переведена была на все европейские языки; несравненно меньший успех имел его мистико-дидактический трактат „Об обязанностях человека“ (1834). П. А. Вяземский, вспоминая о рецензии Пушкина на книжку Пеллико, подчеркнул, что „взгляд Пушкина на жизнь — не взгляд С. Пеллико. Повидимому, в них мало духовных соотношений и сродства. Но Пушкин... питал сочувствие ко всему прекрасному, искреннему, возвышенному. Он... постигал его даже и тут, где не был единомышленником“ (Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземского, 1879, т. II, стр. 327).

157. *„О подражании Христу“* — анонимный трактат XV века, посвященный популяризации основ евангельской морали в духе средневекового аскетизма. Вопрос об авторе трактата, занимавший в течение нескольких веков европейских историков и богословов, обычно разрешается в пользу немецкого монаха Фомы Кемпийского.

157. *„Человеков благоволения“* — цитата из евангелия от Луки, гл. 2, ст. 14.

158. Словарь о святых, прославленных в российской церкви. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. III, стр. 310—314. Автограф неизвестен.

Обращение внимания Пушкина на „Словарь“ объясняется личными его отношениями. Составителем книги был князь Дмитрий Алексеевич Эристов (1797—1858), лицеист выпуска 1820 года, известный петербургский остряк и балагур, вероятный автор фривольных куплетов „За трапезой царской“, продолженных Пушкиным в 1825 г. („Брови царь нахмуря“). Ближайшее участие в издании „Словаря“ принимал и другой лицейский приятель Пушкина — Михаил Лукьянович Яковлев, в 1836 г. бывший директором типографии II Отделения „собственной его величества“ канцелярии (последним обстоятельством обусловлены заключительные строки рецензии).

160. Новый роман. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. III, стр. 320. Автограф неизвестен.

Авантюрно-бытовой роман, о котором Пушкин информировал читателей „Современника“, не был разрешен цензурой (в печати появилось при жизни Пушкина только несколько отрывков в „Сыне Отечества“ 1831) и вышел в свет лишь в 1864 году под названием: „Село Михайловское, или помещик XVIII столетия. Роман в 4 частях. Сочинение В. М......ой“. Автором романа была Варвара Семеновна Миклашевич (1772—1846), талантливая переводчица, приятельница А. А. Жандра, Грибоедова, Кюхельбекера, Греча и других литераторов 20-х гг. По преданию, в образах героев романа (Заринского и Ильменева) получили отражения некоторые черты кн. А. И. Одоевского и К. Ф. Рылеева.

160. Кавалерист-девица. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. IV, стр. 303. Автограф неизвестен.

161. Ключ к „Истории Государства Российского“. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. IV, стр. 305. Автограф неизвестен.

Составленные П. М. Строевым (1796—1876) указатели к „Истории Государства Российского“ были известны Пушкину за несколько лет до их выхода в свет, ибо еще в марте 1830 года он сообщал кн. П. А. Вяземскому: „Строев написал tables des matières Истории Карамзина, книгу нам необходимую. Ее надобно напечатать, поговори Блудову об этом“.

Ироническое замечание о „наших историках с высшими взглядами“ имеет в виду Н. А. Полевого и, возможно, Н. Г. Устрялова.

Редакционные предисловия, послесловия, полемические и информационные заметки

161. Послесловие к „Долине Ажитугай“. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. I, стр. 169. Автограф неизвестен.

Публикация „Долины Ажитугай“ без предварительного согласования с шефом жандармов вызвала резкое официальное обращение гр. А. Х. Бенкендорфа к Пушкину с предложением „на будущее время не помещать в издаваемом вами журнале ни одного произведения чиновников высочайше вверенного мне жандармского корпуса, лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона и собственного конвоя государя императора, не получив на то предварительного моего или начальника моего штаба разрешения“.

161. *Султан Газы-Гирей* (181.-1843)— корнет л.-гв. Кавказско-Горского полуэскадрона, тюрк, воспитанник генерала А. П. Ер-

молова, впоследствии полковник и флигель-адъютант, отравленный, по преданию, мусульманскими националистами, для борьбы с которыми он был делегирован русским правительством на Кавказ. Как автор романтико-этнографических новелл из восточного быта дебютировал в „Современнике“ „Долиной Ажитугай“ (кн. I) и „Персидским анекдотом“ (кн. II).

161. Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. II, стр. 53—54 как предисловие к отрывку из записок Н. А. Дуровой. Автограф неизвестен.

Дурова, Надежда Андреевна (1783—1866) — дочь гусарского ротмистра, впоследствии сарапульского городничего, служившая в войсках с 1806 по 1817 год, сперва под именем рядового А. В. Соколова, а с 1808 года, после представления Александру I, под именем корнета Александра Андреевича Александрова. Ее авантюрная биография (с существеннейшими, впрочем, умолчаниями и искажениями) рассказана в ее записках, изданных в 1836 году под названием „Кавалерист-девица“ и дополненных в книге „Записки Александрова“ (1839) и „Год жизни в Петербурге“ (1838). Кроме записок напечатала между 1837 и 1840 годами в „Библиотеке для Чтения“, „Отечественных Записках“ и отдельными изданиями несколько повестей и романов.

Пушкин, узнав о записках Дуровой от ее брата, своего кавказского знакомца, писал ему 16 июня 1835 г.: „Если автор записок согласится поручить их мне, то с охотою берусь хлопотать об их издании. Если думает он их продать в рукописи, то пусть назначит сам им цену. Если книгопродавцы не согласятся, то, вероятно, я их куплю. За успех, кажется, можно ручаться. Судьба автора так любопытна, так известна и так таинственна, что разрешение загадки должно произвести сильное общее впечатление. Что касается до слога, то чем он проще, тем будет лучше. Главное: истина, искренность. Предмет сам по себе так занимателен, что никаких украшений не требует. Они даже повредили бы ему“.

Приступая к изданию „Современника“, Пушкин предложил Н. А. Дуровой предоставить часть ее записок (главы о 1812 годе) для журнала: „*Полные записки*, вероятно, пойдут успешно после того как я о них протрублю в своем журнале, — писал Пушкин 17 марта 1836 года. — Я готов их и купить, и напечатать в пользу автора, как ему будет угодно и выгоднее“. О значении, которое придавал Пушкин появлению записок в „Современнике“, свидетельствует его письмо к жене от 11 мая 1836 г.: „Что записки Дуровой? Пропущены ли цензурою? Они мне необходимы. Без них я пропал“.

Пушкину же принадлежал и журнальный заголовок записок. На требование мемуаристки печатать последние под названием „Своеручные записки русской Амазонки, известной под именем Александрова“ Пушкин отвечал решительным отказом: „*Записки Амазонки* как-то слишком изысканно, манерно, напоминает немецкие романы. *Записки Н. А. Дуровой* — просто, искренно и благородно. Будьте смелы — вступайте на поприще литературное столь же отважно, как и на то, которое вас прославило“. Публикацией нескольких глав в „Современнике“ ограничилось участие Пушкина в издании записок Н. А. Дуровой, дальнейшие хлопоты о котором взяла на себя сама мемуаристка, приехавшая летом 1836 г. в Петербург, и ее родственник, военный литератор Бутовский. Рецензию Пушкина на первую часть отдельного издания записок Дуровой см. стр. 160.

162. От редакции. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. II, стр. 311—312. Автограф неизвестен.

162. *„Хроника Русского“* — парижские письма-дневники Александра Ивановича Тургенева (1784—1845) — исследователя и собирателя материалов по русской истории в западноевропейских архивах, бывшего ди-

ректора департамента духовных дел, члена „Арзамаса“, брата известного декабриста. Опубликование этих писем, без необходимых купюр интимно-бытового порядка, могло произвести в великосветских кругах впечатление скандала, чем и вызвано было требование автора не печатать впредь никаких его писем, вернув все литературные материалы, присланные им в редакцию „Современника“. На решение А. И. Тургенева мог повлиять и резкий отзыв Булгарина, квалифицировавшего „Хронику Русского“ как „несвязную болтовню“. (Ответом на отзыв „Северной Пчелы“ являются строки Пушкина на стр. 163 о „тупых печатных замечаниях“.)

Выступление „От редакции“ в защиту А. И. Тургенева несколько успокоило последнего: „Прочитав статью во второй книжке, — писал он 14 июля 1836 г. кн. П. А. Вяземскому, — я тронут был благодарностию к незаслуженной похвале. Если Пушкин может взять на себя пересмотр и исправление писем моих, то пусть печатает, что ему угодно, но предварительно пусть доставит и письма и выборку из них для печати на мое рассмотрение“ („Остафьевский Архив“, СПБ. 1899, т. III, стр. 323).

163. О *статье, присланной нам из Твери*, см. след. примечание. Ссылка же на получение *также статьи Косичкина* (общеизвестный псевдоним самого Пушкина) сделана или для отвода всяких подозрений о принадлежности ему „Письма“ А. Б., или связана с неосуществившимся проектом Пушкина раздвоить между „А. Б.“ и „Ф. Косичкиным“ возражения на статью Гоголя „О движении журнальной литературы“ в первой книге „Современника“ (см. след. примечание).

163. Письмо к издателю. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. III, стр. 321—329. Автограф неизвестен. Принадлежность статьи Пушкину впервые была отмечена в докладе В. П. Красногорского в Пушкинском семинарии С. А. Венгерова в 1916 году и доказана в статье „Письмо А. Б.“ в журнале „Атеней“ 1924, кн. I, стр. 15—24. Ряд суждений Пушкина в этой статье текстуально совпадает с более ранними его же высказываниями по тем же вопросам критики, полемики и литературной политики 30-х годов.

Маскировка выступления Пушкина против помещенной в его же журнале статьи Гоголя „О движении журнальной литературы“ обусловлена была неудобством открыто полемизировать редактору „Современника“ с одним из ближайших его сотрудников, нежеланием обнаружить в самом начале издания отсутствие единства мнений его руководителей по кардинальным вопросам литературной политики. Эта же маскировка позволяла Пушкину в нескольких строках делового примечания к чужой якобы статье подчеркнуть свою солидарность с нею и попутно отмежеваться от выступления Гоголя в первой книге журнала, понятого всеми как программное.

165. *Разница — критиковать „Историю Государства Российского“ и романы г.* *** и пр. — Строки эти и следующие заимствованы Пушкиным из его же черновых набросков письма в редакцию „Литературной Газеты“ 1830 г.

165. „...*Разбор альманаха „Мое новоселье“...* — рецензия Гоголя, помещенная в первой книге „Современника“.

165. *Шутки г. Сенковского на счет невинных местоимений сей, сия, сие, оный, оная, оное...* — О. И. Сенковский в ряде статей на страницах „Библиотеки для Чтения“ доказывал необходимость изгнания из литературного языка этих архаизмов. Особенно большой успех имел его фельетон „Резолюция на челобитную сего, оного, такового, коего, вышеупомянутого, вышереченного, нижеследующего, ибо, а потому, поелику, якобы и других причастных к оной челобитной, по делу об изгнании оных, без суда и следствия, из русского языка“ („Библиотека, для Чтения“ 1835, кн. VIII, отд. 6, стр. 26—34).

167. *Мы помним „Хамелеонистику“...* — Под заглавием „Хамелеонистика“

печатал свои сатирические литературно-бытовые фельетоны А. Ф. Воейков в „Славянине“ 1828 г. Пушкин сочувственно отозвался об этих фельетонах еще в статье „Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о проч.“ (1831).

168. ⟨Примечание к повести „Нос“⟩. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. III, стр. 54. Автограф неизвестен.

Повесть „Нос“, законченная Гоголем в начале 1835 года, предназначалась им для журнала „Московский Наблюдатель“, но была отвергнута редакцией последнего как произведение „грязное“. Этой суровой оценкой повести и вызваны были те сомнения автора, на которые ссылался Пушкин в первых строках своего примечания.

168. ⟨Примечание к слову „Богодѣльня“⟩. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. III, стр. 263 как подстрочное примечание — поправка к одной строке анонимной статьи М. П. Погодина „Прогулка по Москве“. Автограф неизвестен.

М. П. Погодин, характеризуя неграмотность некоторых московских вывесок, отмечал: „Богодѣльни везде написаны Богадѣльнями“. Пушкин указал неправильность написания самого Погодина, протестуя не только против „а“, но и против „ѣ“, в его поправке.

168. Объяснение. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. IV, стр. 295—297. Автограф неизвестен.

„Обвинение“, на которое отвечал Пушкин, высказано было в брошюре Л. Голенищева-Кутузова „Критическая заметка о стихотворении Пушкина „Полководец“.

13 октября 1836 года, отвечая Гречу на его восторженное письмо по поводу „Полководца“, Пушкин писал: „Стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства, но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения“ (см. также прим. к стихотворению „Полководец“, т. II, стр. 543).

Стихи „Перед гробницею святой“, написанные в сентябре 1831 года, в печати до „Объяснения“ не появлялись.

170. От редакции. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. III, стр. 330—332. Автограф неизвестен. Черновой набросок заметок, находящийся в *ПД* (собрание А. Ф. Онегина), см. в изд. „Неизданный Пушкин“, П. 1922, стр. 211.

Ответ Пушкина „журналистам“ имеет в виду О. И. Сенковского, протестовавшего против тенденций „Современника“ „уронить „*Библиотеку для Чтения*“ нападками на своих соперников по ремеслу“ („Библиотека для Чтения“ 1836, т. XV, отд. 6, стр. 67—70), и Булгарина, доказывавшего, что „*Современник* есть возобновленная *Литературная Газета*, только в другом виде“ („Северная Пчела“ 1836, № 127, стр. 508). Оба эти выступления против журнала Пушкина обусловлены были статьей Гоголя „О движении журнальной литературы“ в первой книжке „Современника“.

Признание „довольно важной ошибкою“ разъяснения о книгах, „означенных звездочкою“ в библиографических реестрах первых двух томов журнала, имеет в виду „обещание“, данное, очевидно, Гоголем, который первоначально и вел отдел „Новые книги“ в „Современнике“.

Статьи и заметки, предназначавшиеся для „Современника“

172. Александр Радищев. Печатается по писарской копии, выправленной самим Пушкиным при представлении ее в СПБ Цензурный комитет и находящейся ныне в *ЛБ* (тетрадь № 2385 B, № 12). Черновой автограф статьи хранится в *ЛБ* (тетрадь № 2387 Б, лл. 1—8 и 87—93). Впервые опубликовано в дополнительном

томе Сочинений Пушкина под ред. П. В. Анненкова, СПБ. 1857, т. VII, стр. 50—64.

Рукою Пушкина сделана была на особом листе, хранящемся ныне в *ПД* (см. факсимиле в „Временнике Пушкинского Дома", П. 1914, стр. 5), следующая запись чьих-то (вероятно, И. И. Дмитриева) рассказов о Радищеве:

„Козодавлев, Ушаков и Радищев из пажей, Насакин, Наумов из Гвард. серж⟨антов⟩ посланы Екатериною в чужие края. Ушаков умирает рано. Козодавлев и Радищев входят протоколистами в сенат. Насакин — игрок и пьяница. Наумов умирает молод. Гр. Воронцов покровительствует Радищеву по службе.

Дм⟨итриев⟩ у Державина слышит от Козодавлева об Путешествии.

Державин доносит о П⟨утешествии⟩ Зуб⟨ову⟩".

Статья „А. Радищев", черновая редакция которой закончена была Пушкиным 3 апреля 1836 г., предназначалась для третьей книги „Современника", но сперва задержана была цензором, а затем окончательно запрещена Главным управлением цензуры 26 августа 1836 г., на основании резолюции министра народного просвещения С. С. Уварова, признавшего „излишним возобновлять память о писателе и книге, совершенно забытых и достойных забвения".

В статье „А. Радищев" частично использованы были Пушкиным черновые заметки о Радищеве и его книге, сделанные еще в 1833—1834 гг. (см. „Путешествие из Москвы в Петербург"). Как и в заметках 1833—1834 гг., так и в статье 1836 года Пушкин, желая провести сквозь цензурно-полицейские рогатки в печать хоть какие-нибудь данные о Радищеве, должен был облечь их в полемическую форму, всячески подчеркивая беспочвенность и устарелость политических и философских установок запретной книги.

Положительные оценки Радищева и как поэта и как общественного деятеля даны были Пушкиным в „Бове" (1815), в „Послании к цензору" (1822) и в одном из вариантов „Памятника" (1836). В оде „Вольность" (1819) явственны черты воздействия одноименной оды Радищева, а в заключительных строках „Цыган" (1824) использована характернейшая деталь стихотворения Радищева „Журавли". Не случаен поэтому и отклик Пушкина 13 июня 1823 г. на исторический обзор русской литературы, помещенный А. А. Бестужевым в „Полярной Звезде": „Как можно в статье о Русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить?"

172. *Геллерт*, Христиан (1715—1769) — немецкий баснописец и моралист, профессор словесных наук Лейпцигского университета.

172. *Один на чреде заметной обнаружил совершенное бессилие*... и пр. — Пушкин имел в виду О. П. Козодавлева (1754—1819), члена Российской Академии, министра внутренних дел с 1810 по 1819 год, реализатора безземельного освобождения латвийских и эстонских крестьян.

174. Указание Пушкина на связь Радищева с мартинистами, отражая официальную версию обвинения, фактически ошибочно.

175. *Франклин*, Вениамин (1706—1790) — североамериканский ученый и государственный деятель, игравший большую роль в организации борьбы Североамериканских штатов за независимость.

175. *Один из тогдашних вельмож*... — граф Александр Романович Воронцов (1741—1805), президент коммерц-коллегии, в которой служил Радищев с 1777 г.

176. *Граф З⟨авадовский⟩* — граф Петр Васильевич Завадовский (1738—1812), председатель Комиссии составления законов и министр народного просвещения.

177. Автором поэмы „Алеша Попович", вышедшей в свет в 1801 г., был не А. Н. Радищев, а его старший сын.

178. *Реналь* — Рейналь, Гильом-Тома (1713—1796), — французский публицист, книга которого „Философская и политическая история установлений и торговли европейцев в обеих Индиях" (1770) оказала большое влияние на „Путешествие из Петербурга в Москву".

181. Последний из свойственников Иоанны д'Арк. Печатается по беловому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2386 А, лл. 1—5 и 58—61). Черновой набросок последних строк статьи (от сл. „Никто не вздумал заступиться...") находится в *ПБЛ*. Впервые опубликовано после смерти Пушкина в „Современнике" 1837, кн. V, стр. 118—123. Датировка статьи определяется записью в дневнике А. И. Тургенева от 9 января 1837 г. „Я зашел к Пушкину; он читал мне свой pastiche на Вольтера и на потомка Jeanne d'Arc" (П. Е. Щеголев, „Дуэль и смерть Пушкина", изд. 3-е, М. — Л. 1928, стр. 285).

О том, что статья эта является не переводом материалов, якобы опубликованных в „Morning Chronicle", а оригинальным произведением Пушкина, вымыслившего и самый эпизод столкновения Вольтера с Дюлисом и „письма", которыми они якобы обменялись, установлено было только в 1929 году в результате разысканий Н. О. Лернера („Рассказы о Пушкине", Л. 1929, стр. 190—198) и Н. К. Козмина (Сочинения Пушкина, изд. Академии Наук, Л. 1929, т. IX, вып. 2, стр. 981—982).

Характеристика поэмы Вольтера, данная в этой статье, почти дословно совпадающая с оценкой, данной ей же в заметках Пушкина о русской и французской литературе (1834), восходит, как мы устанавливаем, к известной сентенции Жан-Поля: „Voltaire n'a été poète, qu'une fois, et c'est dans la Pucelle" („Pensées de Jean-Paul, extraites de tous ses ouvrages". Paris 1829, p. 73—75. Книга сохранилась в библиотеке Пушкина).

Характеризуя поэму Соути как „подвиг честного человека", Пушкин применял к ней оценку, трижды данную им Карамзину: „История Государства Российского" есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека" („О народном воспитании"). Ср. „Отрывки из писем, мысли и замечания" и „Из автобиографических записок".

184. <О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая. Печатается по черновому автографу *ПД* (собрание А. Ф. Онегина). Впервые опубликовано, в редакционной обработке В. А. Жуковского, в „Современнике" 1837, кн. 5, стр. 127—139.

Статья, не законченная и не отделанная Пушкиным, написана под впечатлением полемики во французской и английской прессе конца 1836 года о переводе Шатобрианом поэмы Мильтона „Потерянный рай" („Le paradis perdu de Milton. Traduction nouvelle, par M. de Chataubriand", Paris 1836). Вспоминая по этому поводу опыты популяризации во Франции не только произведений, но и биографии Мильтона, Пушкин обращается к драме „Кромвель" Виктора Гюго (1827) и к роману „Сен-Марс" Альфреда де-Виньи (1826). О резко отрицательном отношении Пушкина к последнему см. набросок „Всем известно, что французы народ самый антипоэтический" (1832) и примечания к нему.

В конце статьи Пушкин цитирует в своем переводе отрывки из книги Шатобриана „Essai sur la Littérature anglaise et considération sur le génie des hommes, des temps et des révolutions", Paris 1836.

184. *...г. Летурнеры могли ошибочно судить о Шекспире...* Пьер Летурнер (1736—1788)—французский литератор, популяризатор и переводчик Шекспира.

190. *Прочтите в „Вудстоке" встречу... с Мильтоном..* — Пушкин ошибся, ибо в романе Вальтер Скотта „Вудсток" Мильтон только упоминается, а не является действующим лицом. Об отношении Пушкина к романам Вальтер Скотта см. его заметку „Главная прелесть романов W. Scott" и примечание к ней.

190. *Шатобриян нашел в Низаре критика неумолимого. — Низар,* Дезире (1806—1888) — французский критик и историк литературы, пропагандист классических традиций.

190. *Кстати, недавно (в Телескопе, кажется...* — Пушкин имеет в виду анонимную рецензию на перевод „Неистового Роланда" в „Телескопе" 1832, № 4, стр. 603.

Однако в слове „battarsi“ Пушкин сохранил ошибку журнального текста (нужно „battersi“).

192. <Начало статьи о Железной Маске>. Печатается по беловому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 Б, лл. 44, 45, 53 и 54). Впервые опубликовано после смерти Пушкина в „Современнике“ 1837, кн. VI, стр. 399—402.

Заметка представляет собою частью перевод, частью пересказ двух высказываний Вольтера о Железной Маске — в „Siècles de Louis XIV et de Louis XV“, и в „Dictionnaire philosophique“, t. I. Судя по тому, что суждения Вольтера о Железной Маске хорошо были известны русскому читателю еще со времен Карамзина („Письма русского путешественника“) и полностью воспроизведены в специальной статье „Железная Маска“ в „Московском Вестнике“ 1830, ч. V, стр. 153—188, нет оснований предполагать, что Пушкин предназначал свою заметку к печати в том самом виде, в котором она до нас дошла. Следует отметить, что в 1836 году в журнале „Revue de Paris“, а затем отдельным изданием напечатана была монография Поля Лакруа „L'homme au masque de fer“, par P. L. Jacob Bibliophile, Paris 1836 — работа, оригинально обосновывавшая новую гипотезу о Железной Маске (автор отожествлял таинственного узника с знаменитым Фуке, опальным министром финансов Людовика XIV). Вероятно, Пушкин, приступая к изданию „Современника“, хотел познакомить своих читателей с нашумевшей книгой и заодно дать краткий обзор всех прежних попыток расшифровать историческую загадку. Однако как раз во время работы Пушкина над этим обзором перевод статьи Лакруа появился в „Телескопе“ 1836, ч. XXXII, стр. 436 - 451, под названием „Новая догадка о Железной Маске“. (Цензурная дата книжки „Телескопа“, — 30 апреля 1836 г.) Публикацией этой статьи мы и объясняем отказ Пушкина от продолжения начатой им работы.

194. <Три повести Н. Павлова>. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 В, лл. 21 и 76). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 12 стр. 556.

Г. Павлова так расхвалили в Московском Наблюдателе... Пушкин имеет в виду рецензию С. П. Шевырева в „Московском Наблюдателе“ 1835, ч. I, Критика, стр. 120.

195. Записки Чухина. Сочин. Ф. Булгарина. Печатается по автографу *ЛБ* (собрание С. Д. Полторацкого). Впервые опубликовано П. А. Кулишем в „Библиографических Записках“ 1858, № 3, стр. 76.

195. <Недовольные, комедия М. Н. Загоскина>. Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано Н. К. Козминым в Сочинениях Пушкина изд. Академии Наук, Л. 1928, т. IX, стр. 380.

Комедия М. Н. Загоскина, поставленная на сцене Московского Большого театра 2 декабря 1835 года и появившаяся в печати в самом начале 1836 года, вызвала большой шум, ибо в ней усмотрены были грубые политические и личные выпады против П. Я. Чаадаева и М. Ф. Орлова, виднейших представителей московской оппозиционной общественности начала 30-х годов.

Комедия встретила суровую оценку в печати, и Пушкин, солидаризируясь с „строгим приговором московских журналов“, имел в виду прежде всего рецензии в „Московском Наблюдателе“ 1835, ч. IV, кн., I, стр. 441—443 (отзыв Н. Ф. Павлова?), в „Телескопе“ 1835, кн. 13, стр. 81—103 и в „Молве“ 1835, № 48—49 (отзыв Белинского). С проблематикой памфлета М. Н. Загоскина связана была „Сцена из комедии „Настоящие недовольные“ В. Ф. Одоевского, предложенная для „Современника“, но Пушкиным отвергнутая.

195. <Примечание к записке „О древней и новой России“>. Печатается по тексту, опубликованному после смерти Пушкина в „Современнике“ 1837, кн. V, стр. 89. Автограф неизвестен.

Выдержки из рукописного историко-политического трактата Карамзина (1811), предназначенные Пушкиным к опубликованию в „Современнике“, были задержаны цензурой 15 сентября и окончательно запрещены 28 октября 1836 г. После смерти Пушкина эти материалы в сокращенном виде проведены были в печать В. А. Жуковским.

Ссылка Пушкина на упоминание „Записки“ Карамзина в „Современнике“ имеет в виду последние строки статьи „Российская Академия“ (стр. 93).

196. Примечание о памятнике князю Пожарскому и гр⟨аждан⟩ину⟩ Минину. Печатается по автографу *ПД* (собрание А. Ф. Онегина). Впервые опубликовано в сборнике „Неизданный Пушкин“, П. 1922, стр. 210—211.

Заметка предназначалась для той части статьи М. П. Погодина „Прогулка по Москве“ („Современник“ 1836, кн. III, стр. 260—265), которая была изъята из журнала цензурою.

196. ⟨Заметка об утере адреса подписчика из г. Холма⟩. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2386 В, л. 5). Впервые опубликовано в Полн. собр. соч. Пушкина, 1933, т. V, стр. 639.

Дата заметки точно определяется ее нахождением на листе, верхняя часть которого занята черновиком письма к Д. В. Давыдову от конца мая 1836 года.

Исторические материалы

Записки бригадира Моро-де-Бразе

Впервые опубликовано после смерти Пушкина в „Современнике“ 1837, кн. VI, стр. 218—300. В настоящем издании печатается по „Современнику“, с исправлениями и дополнениями по автографу, частично сохранившемуся (без предисловия и большей части примечаний) в архиве Пушкина, *ЛБ*, рукопись № 2389, с пушкинским заголовком: „Записки бригадира Моро-де-Бразе (касающиеся до Турецкого похода 1711 года)“.

О времени работы Пушкина над „Записками Моро-де-Бразе“, связанной с собиранием материалов для Истории Петра Великого, свидетельствует его письмо от 31 декабря 1835 года к А. Х. Бенкендорфу: „Имею счастие повергнуть на рассмотрение его величества Записки бригадира Моро-де-Бразе о походе 1711 года, с моими примечаниями и предисловием. Эти записки любопытны и дельны. Они важный исторический документ и едва ли не единственный (опричь Журнала самого Петра Великого)“.

Рассмотрение рукописи надолго задержалось, ответа на свое представление Пушкин не получил, а о трудностях проведения „Записок Моро-де-Бразе“ в печать после смерти их переводчика и комментатора свидетельствуют многочисленные цензурные извращения, сокращения и специальные редакционные оговорки преемников Пушкина по „Современнику“, впервые устраненные из текста „Записок“ в Полн. собр. соч. А. С. Пушкина, 1930, т. V, стр. 296—324.

Критика. История. Публицистика. Автобиография

(Неопубликованное и черновое)

Литературно-критические, исторические и полемические наброски

249. Мои замечания об русском театре. Печатается по автографу *ПБЛ*. Впервые опубликовано в „Книжках Недели" 1895, кн. XII (декабрь), стр. 5—12. Датируется январем — февралем 1820 года на основании упоминания о статьях „кривого и безрукого инвалида", первое появление которого в печати относится к 29 декабря 1819 года. Заметки Пушкина, явно не рассчитанные на печать (судя по вольности интимно-бытовых суждений об актрисах и актерах и по характеру упоминаний о сановных абонентах „первых рядов кресел" и о „флигель-адъютантах его императорского величества"), предназначались, вероятно, для одной из очередных литературно-театральных дискуссий в обществе „Зеленая Лампа". На последней странице рукописи сохранилась заметка Н. И. Гнедича, проливающая свет на дальнейшую ее судьбу: „Пьеса, вообще сумасбродная, писаная А. Пушкиным, когда он приволакивался, но бесполезно, за Семеновой, которая мне тогда же отдала ее". Возможно, что Пушкин вручил свою рукопись Е. С. Семеновой под впечатлением известий об ее уходе со сцены 17 января 1820 года. Некоторые из своих „замечаний" о петербургском театре Пушкин впоследствии частично использовал в первой главе „Евгения Онегина".

249. *Лужницкий пустынник* — М. Т. Каченовский, редактор „Вестника Европы", критик „Истории Государства Российского" Карамзина, в своих анонимных статьях ссылался на свое местожительство — Лужницкая слободка, за Девичьим полем в Москве. О нем Пушкин упоминал в послании 1821 года к Чаадаеву („Оратор Лужников, никем не замечаем/Мне мало досаждал своим осиплым лаем"). Эпиграммы Пушкина на Каченовского см. в тт. I и II.

249. *Должно ли укрываться в чухонскую деревню, дабы сравнивать немку Ленору с шотландкой Людмилой и чувашкой Ольгою?* — Намек на Н. И. Гнедича, поместившего в „Сыне Отечества" 1816 года критический разбор баллады Жуковского „Людмила", в котором последняя сравнивалась с „Ленорой" Бюргера и „Ольгой" Катенина. Имя автора разбора было укрыто за тремя звездочками и обозначением: „СПБ губернии деревня Тентелева".

249. *Ужели, наконец, необходимо для любителя французских актеров и ненавистника русского театра прикинуться кривым и безруким инвалидом...* — Намек на „Письмо к издателю", опубликованное за подписью В. Кл-нов в „Сыне Отечества" от 29 декабря 1819 года, № 52, стр. 275—277. В этом письме дана была восторженная

характеристика артистов французского театра в Петербурге и попутно сделано несколько иронических замечаний о русском театре. О себе самом автор статьи упоминает в следующих выражениях: „Для подкрепления беспристрастия моего скажу, что пишу письмо сие левою рукою, ибо правая осталась на Бородинском поле, гляжу на бумагу одним правым глазом, ибо левый закрылся навсегда на высоте Монмартра!“ Письмо это вызвало бурю в литературно-театральных кругах и оживленный обмен мнений о русском театре на страницах „Сына Отечества“ 1820 (№№ 1, 2, 4, 5, 6).

249. *Семенова,* Екатерина Семеновна (1786—1849) — трагическая актриса, дебютировавшая в 1803 году и окончательно ушедшая со сцены в 1826. Восторженные упоминания о ней Пушкина см. в первой главе „Евгения Онегина“ (строфа XVIII) и в наброске „Всё так же ль осеняют своды“.

249. *Колосова,* Александра Михайловна (1802—1880) — драматическая актриса, впоследствии жена В. А. Каратыгина. Дебютировала 16 декабря 1818 года (в роли Антигоны). Об отношении Пушкина к Колосовой см. набросок—„Краса, надежда нашей сцены“ (1818), эпиграмму—„Все пленяет нас в Эсфири“ (1819) и послание к Катенину „Кто мне пришлет ее портрет“ (1821).

251. *Наконец, в ее бенефис, когда играла она роль Заиры...* — 8 декабря 1819 года.

252. *Кто нынче говорит об Каратыгиной...* — Каратыгина, Александра Дмитриевна (1777—1859) — драматическая актриса, мать В. А. и П. А. Каратыгиных.

252. *Яковлев,* Алексей Семенович (1773—1817) — петербургский трагический актер, ученик Дмитревского.

252. *Брянский,* Яков Григорьевич (1790—1853) — петербургский трагический актер, личный знакомый Пушкина. 27 января 1832 года, в его бенефис, состоялась премьера „Моцарта и Сальери“.

252. *„По мне, — уж лучше пей, да дело разумей“* — цитата из басни Крылова „Музыканты“.

252. *Борецкий* (Пустошкин), Иван Петрович — драматический актер, бывший прапорщик лейб-гвардии Литовского полка, ученик и секретарь А. А. Шаховского, приятель А. А. Бестужева; дебютировал 25 января 1818 года (в роли Эдипа).

253. ⟨З а м е т к и п о п о в о д у с у ж д е н и я о „П р о е к т е в е ч н о г о м и р а“ С е н-П ь е р а.⟩ Печатается по автографу, хранящемуся в *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано Б. В. Томашевским в „Жизни Искусства“ 1924, № 24, стр. 3 (частично) и полностью им же в „Звезде“ 1930, № 7, стр. 229—230. Датируется 1821 годом на основании письма Е. Н. Орловой (урож. Раевской), сообщавшей 23 ноября 1821 года о политических прениях в Кишиневе в доме ее мужа, генерала М. Ф. Орлова, члена Союза Благоденствия: „Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек — *вечный мир аббата Сен-Пьера.* Он убежден, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворят вечный и всеобщий мир, и что тогда не будет проливаться иной крови, как только кровь людей с сильными характерами и страстями, с предприимчивым духом, которых мы теперь называем великими людьми, а тогда будут считать лишь нарушителями общественного спокойствия“.

Перевод:

1. Не может быть, чтобы людям со временем не стала ясна смешная жестокость войны, так же, как им стали ясны рабство, королевская власть и т. п. Они убедятся, что наше предназначение — есть, пить и быть свободными.

2. Так как конституции, — которые являются крупным шагом вперед человеческой мысли, шагом, который не будет единственным, — необходимо стремятся к сокращению численности войск, ибо принцип вооруженной силы прямо противоположен всякой конституционной идее, то возможно, что менее

чем через 100 лет не будет уже постоянной армии.

3. Что касается великих страстей и великих воинских талантов, для этого останется гильотина, ибо общество вовсе не склонно любоваться великими замыслами победоносного генерала: у людей довольно других забот, и только ради этого они поставили себя под защиту законов.

Руссо, рассуждающий не так уж плохо для верующего протестанта, говорит в подлинных выражениях: „То, что полезно для народа, возможно ввести в жизнь только силой, так как частные интересы почти всегда этому противоречат. Несомненно, идея вечного мира в настоящее время весьма абсурдный проект; но пусть вернутся Генрих IV и Сюлли, и вечный мир станет снова разумной целью; или точнее: воздадим должное этому прекрасному плану, но утешимся в том, что он не осуществляется; так как это может быть достигнуто лишь средствами жестокими и ужасными для человечества". Ясно, что эти ужасные средства, о которых он говорил, — революция. Но вот они настали. Я знаю, что все эти доводы очень слабы, и свидетельство такого мальчишки, как Руссо, не одержавшего ни одной победишки, не может иметь никакого веса, но спор всегда хорош, так как способствует пищеварению; впрочем, он еще никогда никого не убедил [и только глупцы думают противное].

Аббат Сен-Пьер (1658–1743) — автор ряда политических проектов, в том числе „Проекта вечного мира" (1716), основанного на принципах взаимного соглашения держав. Запись Пушкина восходит к изложению проекта Сен-Пьера, сделанному Ж.-Ж. Руссо (1760) и снабженному его возражениями („Суждением о проекте вечного мира"). Из них взяты нами „подлинные выражения" Руссо, на которые Пушкин сослался, но не вписал в свою заметку. Руссо, принципиально принимая идею „вечного мира", сомневался в реальной осуществимости проекта, если исключить „жестокие и ужасные" средства революции, которая уничтожит „противоречия частных интересов" — соперничество держав. Пушкин, опираясь на Руссо, но не разделяя его отрицательного отношения к революции, видел в революционной ситуации 1821 года возможность близкого осуществления „вечного мира".

254. Note sur la révolution d'Ipsylanti. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2386 В., лл. 9 и 71 об.). Впервые опубликовано в исследовании П. В. Анненкова „Пушкин в Александровскую эпоху" („Вестник Европы" 1874, кн. I, стр. 42).

Заметка, повидимому, является сводкой тех сведений, которые Пушкин получил непосредственно от греков, с которыми он встречался в Кишиневе. Об отношении Пушкина к греческому восстанию см. далее — в дневнике его, стр. 486, а также повесть „Кирджали".

Перевод:

Заметка о революции Ипсиланти.

Господарь Ипсиланти изменил делу гетерии и был виновником смерти Ригаса и т. д. Его сын Александр был гетеристом (вероятно, по выбору Каподистрии и с согласия императора); его братья, Кан<такузин?>, Кантогони Сафианос, Мано. Михаил Суццо сделался гетеристом в 1820 году; Александр Суццо, валашский господарь, узнал о существовании гетерии от своего секретаря (Валетто), который, сделавшись его зятем, не сумел сберечь тайну или выдал ее. Александр Ипсиланти в январе 1821 г. послал некоего Аристида в Сербию с предложением наступательного и оборонительного союза между этой провинцией и им, генералом греческой армии. Аристид был схвачен Александром Суццо, и его бумаги вместе с его головой были отосланы в Константинополь. Это заставило немедленно переменить планы. Михаил Суццо написал в Кишинев. Александр Суццо был отравлен, и Ипсиланти, став во главе горсточки арнаутов, провозгласил революцию.

Капитаны — это независимые, корсары, разбойники или турецкие чиновники, облеченные некоторой властью. Таковы были

Ламбро и т. д., и наконец — Формаки, Иордаки-Олимбиотти, Калакотрони, Кантогони, Анастас и т. д. Иордаки-Олимбиотти был в армии Ипсиланти. Они вместе отступили к венгерской границе. Александр Ипсиланти, боясь быть убитым, счел необходимым бежать и разразился своей прокламацией. Иордаки, во главе 800 чел., 5 раз сражался с турецкой армией и наконец заперся в монастыре (Секу). Преданный евреями, окруженный турками, он поджег свой пороховой склад и взорвался.

Формаки, капитан и гетерист, был послан из Мореи к Ипсиланти, храбро сражался и сдался в последней битве. Был обезглавлен в Константинополе.

Le hospodar Ipsylanti... — Александр Ипсиланти (1725—1805), был господарем (правителем) Валахии с 1774 года.

Riga — Константин Рига (1754—1798), греческий поэт, секретарь господаря, основатель гетерии — тайного общества, имевшего целью освобождение Греции от турецкого владычества, казнен турками.

Александр Ипсиланти (1792—1828) — сын господаря Константина Ипсиланти, был принят в 1809 году на русскую военную службу; с 1817—генерал-маиор. В марте 1820 года стал во главе гетерии. В феврале 1821 года, после смерти валахского и молдавского господаря Александра Суццо, перешел с отрядом гетеристов в Молдавию и в Яссах обнародовал прокламацию, призывавшую к борьбе против турок. В июне 1821 года разбитый турками бежал в Австрию, где в 1823 году был заключен в крепость; освобожден в 1827 году по просьбе русского правительства.

Под первым впечатлением греческого восстания Пушкин дал восторженную характеристику Ипсиланти в письме Л. В. Давыдову (май 1821): „Первый шаг Ипсиланти прекрасен и блистателен. Он счастливо начал — 28 лет... цель великодушная! Отныне и мертвый или победитель он принадлежит истории — завидная участь...“ См. далее „Note sur Penda-Déka“.

Бегство Ипсиланти описано Пушкиным в „Кирджали“ (1834): „После неудачного сражения, где погиб цвет греческого юношества, Иордаки Олимбиотти присоветовал ему (Ипсиланти) удалиться и сам заступил его место. Ипсиланти ускакал к границам Австрии и оттуда послал свое проклятие людям, которых называл ослушниками, трусами и негодяями. Эти трусы и негодяи большею частию погибли в стенах монастыря Секу или на берегах Прута, отчаянно защищаясь противу неприятеля вдесятеро сильнейшего“. Об Ипсиланти см. также упоминания в послании к В. Л. Давыдову, в десятой главе „Евгения Онегина“ и в наброске „Поля и горы ночь объемлет“.

Граф Каподистрия (1776—1831) — греческий политический деятель; с 1816 по 1821 год находился на русской дипломатической службе, в звании статс-секретаря по иностранным делам. В 1827 году был избран президентом Греции.

Михаил Суццо (1784—1864)— в момент выступления Ипсиланти новый господарь Молдавии, впоследствии греческий посланник в Петербурге. См. о нем далее — в дневнике Пушкина.

255. Note sur Penda-Déka Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2386 В., лл. 10 и 70). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Вестнике Европы“ 1874, кн. I, стр. 42.

О происхождении этой записи и об упоминаемых в ней лицах см. выше — примечания к „Notice sur la révolution d'Ipsylanti“.

Перевод:

Заметка о Пенда-Деке.

Пенда-Дека воспитывался в Москве — в 1817 г. Он служил толмачом у одного бежавшего греческого епископа, был замечен императором и Каподистрией. Он находился в Галаце во время тамошней резни. Двести греков убили 150 турок. 60 из их числа были сожжены в одном доме, где они укрылись. Несколько дней спустя П.-Д. прибыл в Браилов в качестве шпиона. Он явился к паше и курил с ним, как русский подданный. В Тырговиште он встретился с Ипсиланти; тот

послал его успокоить беспорядки в Яссах — он нашел там греков, притесняемых боярами; его находчивость и твердость спасли их. Он запасся снаряжением на 1500 человек, тогда как на самом деле у него было только 1300. В течение двух месяцев он господствовал над Молдавией. Кантакузин прибыл и принял командование. Отступили к Стинке. Кантакузин послал П.-Д. разведать о врагах. П.-Д. советовал укрепиться в Барде (1-я остановка по дороге в Яссы). Кантакузин отступил в Скуляны и предложил П.-Д. подвергнуться карантину. П.-Д. согласился. П.-Д. назначил своим помощником арнаута Папаса-Углу.

Нет сомнения, что князь Ипсиланти мог бы овладеть Браиловом и Журжей. Турки бежали во все стороны, вообразив, что за ними гонятся русские. В Бухаресте болгарские делегаты (в том числе Капиджи баши) предлагали Ипсиланти поднять всю их страну — он не решился.

Галацкую резню велел произвести Ипсиланти, в случае, если бы турки не захотели сложить оружие.

255. ⟨З а м е т к и по р у с с к о й и с т о р и и XVIII в.⟩. Печатается по беловому автографу *ПД* (собрание П. Я. Дашкова). Впервые опубликовано в извлечениях Е. И. Якушкина в „Библиографических Записках“ 1859 № 5, стр. 130—132; полнее (но с цензурными сокращениями) — П. А. Ефремовым в Собр. соч. А. С. Пушкина, 1881, т. V, стр. 13—18. Черновые наброски статьи сохранились в тетради (*ЛБ*, № 2365, л.л. 61 и 62), частично опубликованы в „Русском Архиве“ 1881, кн. I, стр. 220.

Общие политические установки заметок близки позициям левого крыла Союза Благоденствия, с деятелями которого Пушкин часто встречался в Кишиневе (В. Ф. Раевский, Пестель, М. Ф. Орлов, К. А. Охотников и др.). Возможно, что к данным, почерпнутым из бесед с таким осведомленным в политической истории XVIII века человеком как М. Ф. Орлов, восходят в некоторой своей части и неизвестные в печати материалы, использованные в заметках Пушкина. Об эволюции взглядов Пушкина на императорский период русской истории и борьбу „аристократии с самодержавием“ см. заметки о русском дворянстве, материалы для истории Петра и примечания к ним.

256. *Указ, разорванный кн. Долгоруким...* — См. „Table-Talk“ и прим. на стр. 689.

256. *Письмо с берегов Прута...* — По широко распространенному преданию, 10 июля 1711 года, когда русская армия во главе с самим Петром была окружена на Пруте турками, Петр I обратился к Сенату с особым посланием, в котором предлагал, в случае взятия его в плен, „не почитать его царем и государем и ничего не исполнять, что им, хотя бы то по собственноручному повелению, будет требуемо“; „но если я погибну, и вы верные известия получите о моей смерти, то выберите между собою достойнейшего мне в наследники“. Именно это письмо имел в виду использовать Пушкин и в задуманной им впоследствии повести „Сын казненного стрельца“ (1835).

257. *Зубов*, Платон Александрович (1767 — 1822), граф — последний фаворит Екатерины II; *Куракин*, Алексей Борисович (1759 — 1829), князь — любимец Павла I, генерал-прокурор с 1796 по 1798 год, впоследствии министр внутренних дел (1807—1810) и член Государственного совета.

258. *Екатерина уничтожила звание (справедливее — название) рабства...* — Пушкин имеет в виду указ 15 февраля 1786 года о запрещении подписываться в официальных актах и челобитных словом „раб“, которое предлагалось заменять впредь словами „всеподданнейший“ и „верноподданный“.

258. *Княжнин умер под розгами...* — Пушкин имеет в виду мало достоверное предание о том, что драматург Я. Б. Княжнин (1742 — 1791) умер от пыток в Тайной канцелярии, куда он был доставлен за свою трагедию „Вадим Новгородский“.

259. *Калигула* — римский император с 37 по 41 год н. э., безумный и кровожадный тиран.

259. *Славная шутка г-жи де-Сталь...* — Пушкин имеет, вероятно, в виду ее комплимент Александру I: „Sire, votre caractère est une constitution pour votre empire, et votre conscience en est la garantie“ („Dix années d'exil“, chap. XVII).

259. *En Russie le gouvernement...* и пр. — Сентенция эта принадлежит, вероятно, или самому Пушкину, или кому-нибудь из его друзей начала 20-х годов.

259. ⟨Начало статьи о русской прозе⟩. Печатается по черновому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2366, лл. 10 об. — 12 об.). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 5, стр. 329—330.

259. *Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу...* и пр. — Рассказ этот заимствован Пушкиным из предисловия Кювье к Полному собранию сочинений Бюффона („Oeuvres complètes“ de Buffon, Bruselles 1822, t. I, p. 9 — 10). Однако, цитируя Кювье, очевидно, по памяти, Пушкин ошибся, сделав собеседником д'Аламбера Лагарпа, а не Ривароля, как было во французском подлиннике.

Д'Аламбер, Жан (1717—1783) — французский математик и философ, один из виднейших представителей просветительной философии.

259. *Лагарп,* Франсуа (1739—1803) — французский драматург, критик и теоретик литературы.

259. *Бюффон,* Луи (1707—1788) — французский естествоиспытатель, автор знаменитой „Histoire naturelle“.

260. *Фонтенель*, Бернар (1657—1757) — французский философ и публицист, изысканность стиля которого вышучена была в повести Вольтера „Микромегас“ (1752).

260. „Только революционная голова...“ Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь 2366, л. 39 об.). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 5, стр. 336, причем ни одно из имен расшифровано не было, а транскрипция их предложена в следующем виде: „Мар. ⟨Мир.?⟩ и И. ⟨?⟩“. В академическом издании Сочинений Пушкина 1928, (т. IX, стр. 398) первое сокращение расшифровано: „Мир⟨овичу⟩“, второе — „Пестелю“. Нами первое сокращение читается как скорописное (может быть по конспиративным соображениям) начертание имени и фамилии М. Ф. Орлова („М. Ор.“), что до конца осмысляет текст, ибо и М. Ф. Орлов и П. И. Пестель — оба были в 1822 году и „революционными головами“ и пламенными пропагандистами русского литературного языка.

О встречах с Пестелем в Кишиневе 9 апреля и 26 мая 1821 года см. далее — записи в дневнике Пушкина.

Орлов, Михаил Федорович (1788—1842) — генерал-маиор, командир 16 пехотной дивизии (с 1820 года), член „Арзамаса“, один из вождей левого фланга Союза Благоденствия, отстраненный в 1822 году от службы в связи с „делом В. Ф. Раевского“, уличенного в революционной пропаганде в войсках. Об отношении Пушкина к нему в эти годы см. стихотворения: „В стране, где Юлией венчанный“, „В. Л. Давыдову“, также запись спора о пацифистском трактате Сен-Пьера и набросок воспоминаний о Карамзине.

260. О французской словесности. Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано Н. К. Козминым в Соч. Пушкина, 1928, т. IX, стр. 8. Первоначальный вариант названия: „Письмо о французской словесности“.

27 июня 1822 года Пушкин писал Н. И. Гнедичу: „Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной“; 6 февраля 1823 года кн. П. А. Вяземскому: „Французская болезнь умертвила бы нашу отроческую словесность“; 19 августа 1823 года ему же: „Стань за немцев и англичан — уничтожь этих маркизов классической поэзии...“

Отрицание французских традиций обострялось тем, что Пушкин предпочитал

„великанов“ — классиков XVII века — мелким поэтам XVIII века, в котором французская литература „исказилась“. Между тем, именно „легкая поэзия“ XVIII века была основным источником русских подражаний, предшествовавших Пушкину. Борьба с ними была одновременно борьбою с „арзамасскими“ („карамзинистскими“) традициями, которые уже в конце 10-х годов стали неприемлемыми для Пушкина. Тот же вопрос — о влиянии „обмелевшей“ французской словесности более подробно был затронут Пушкиным в позднейших набросках статьи „О ничтожестве литературы русской“ (1834).

Катенин — пиесы в немецком роде — эти слова относятся к балладам Катенина „Ольга“ и „Убийца“, о которых Пушкин писал в 1833 году: „Катенин... вздумал показать нам Ленору в энергической простоте ее первобытного создания; он написал Ольгу. Но сия простота и даже грубость выражений, сия *сволочь*, заменившая *воздушную цепь теней*, сия виселица, вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей...“ О балладах Катенина Пушкин вспомнил и в 1828 году, говоря о „прелести нагой простоты“, о „свежих вымыслах народных“ и „странном просторечии“.

Ода к Дюперье Малерба — знаменитое „Утешение г-ну Дюперье по поводу смерти его дочери“ (1599), из которого постоянно цитировалась четвертая строфа:

Elle était de ce monde ou les plus belles choses
Ont le pire destin
Et rose, elle a vécu ce que vivent les roses,
L'espace d'un matin.

Стихи Буало — известные строки в его „Art poétique“:

Enfin Malherbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence и пр.

Менар (1582—1648), *Ракан* (1598—1670), *Вуатюр* (1598—1648) — французские поэты XVII века, представители утонченной салонной поэзии.

Руссо, Жан-Батист (1670—1741) — французский лирический поэт, известный своими одами, типичный представитель классицизма. Пушкин ценил главным образом его эпиграммы: „его похабные эпиграммы стократ выше од и гимнов“ (письмо к кн. П. А. Вяземскому от 25 января 1825 года).

261. ⟨Заметки о французских историках и поэтах⟩. Печатается по автографу *ЦА*. Впервые опубликовано в „Переписке Пушкина“, СПБ. 1906, т. I, стр. 123. Вторая заметка почти полностью совпадает с частью черновика письма Пушкина к Вяземскому от 4 ноября 1823 года.

Вольтер изложил свои взгляды на построение истории в „Essais sur les moeurs et l'esprit des nations“ (1756), который положил основание философской истории культуры. Отвергая клерикальные объяснения истории как проявления „промысла“, и не удовлетворяясь внешней регистрацией событий, войн, смены правительств и т. д., Вольтер усматривал в основании истории прогресс человечества, освобождающегося от предрассудков, заблуждений, невежества и постепенно просвещающегося.

Робертсон, Вилиам (1721—1793) — шотландский историк, автор „History of Scotland“ (1759), „History of the Reign of the Emperor Charles V“ (1769) и „History of America“ (1777). Французский перевод „Истории Карла V“ сохранился в библиотеке Пушкина.

Лемонте, Пьер-Эдуард (1762—1828) — французский историк, автор „Essai sur l'établissement monarchique de Louis XIV“ (1818).

Рабо де-Сент-Этьен (1743—1793) — французский политический деятель умеренно-либерального лагеря, член Конвента, примыкал к жирондистам, автор „Précis de l'histoire de la Révolution Francaise“ (1791).

Юм, Давид (1711—1776) — английский философ и историк, автор „Истории Англии от завоевания Юлия Цезаря до революции 1688 г.“ (1763).

Лавинь, Казимир (1793—1843) — французский поэт и драматург; в своих дра-

мах он старался объединить классические правила с новыми, романтическими требованиями.

Старые сети Аристотеля... — правила классической драмы, основанные на „теории трех единств".

Ламартин, Альфонс (1790—1869)— французский поэт-романтик. Его стихотворения „Умирающий поэт" и „Наполеон" вошли в сборник „Новые поэтические размышления" (1823). См. дальнейшие отрицательные отзывы Пушкина о „тощем и вялом однообразии" „сладкозвучного", „набожного" Ламартина.

Никто более меня не любит прелестного André Chénier... — Шенье в своих антологических стихах обновил французскую классическую традицию обращением к подлинным латинским и греческим образцам. Ср. отзыв о нем Пушкина в письме к кн. П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 года: „Говоря об Романтизме, ты где-то пишешь, что даже стихи со времен революции носят новый образ, и упоминаешь об А. Шенье. Никто более меня не уважает, не любит этого поэта, но он истинный грек, из классиков классик. C'est un imitateur sâvant et un ... От него так и пышет Теокритом и антологией. Он освобождает от италианских concetti и от французских Antithèses, но романтизма в нем нет еще ни капли". Об этом же Пушкин писал в 1830 году.

261. „Причинами, замедлившими ход нашей словесности...". Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2369, лл. 2 об. и 3). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Вестнике Европы" 1874, кн. 2, стр. 486—487; дополнено и исправлено В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 6, стр. 551—552. Строки этого наброска (от слов „...просвещение века требует" до „коего механические формы давно уже готовы и всем известны") использованы в статье „О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова" (1825).

В начале апреля 1824 года Пушкин писал кн. П. А. Вяземскому: „Читая твои критические сочинения и письма, я и сам собрался с мыслями, и думаю на-днях написать коё-что о нашей бедной словесности, о влиянии Ломоносова, Карамзина, Дмитриева и Жуковского. Авось и тисну; тогда du choc des opinions jaillir de l'argent". Ближайшим образом печатаемый нами набросок связан с „Взглядом на русскую словесность в течение 1823 г.", опубликованным А. А. Бестужевым в „Полярной Звезде на 1824 г." Отмечая „страсть к галлицизмам", охватившую „все состояния" после окончания войны 1812—1814 гг., Бестужев заключал: „Следствием этого было совершенное охлаждение лучшей части общества к родному языку и поэтам, начинавшим возникать в это время, и наконец совершенное оцепенение словесности в прошедшем году... О прочих причинах, замедливших ход словесности, мы скажем в свое время". Подхватывая слова Бестужева, Пушкин совершенно иначе разрешал поставленную в его статье проблему. Ср. популяризацию этих же мыслей в рукописной редакции третьей главы „Евгения Онегина":

Сокровища родного слова
(Заметят важные умы)
Для лепетания чужого
Безумно пренебрегли мы.
Мы любим муз чужих игрушки,
Чужих наречий погремушки,
А не читаем книг своих,
Но где ж они? — давайте их...

К этой же полемике с „важными умами" относятся строки письма к Вяземскому от 13 июля 1825 года: „Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного, точного языка прозы — т. е. языка мыслей)". Об этом же Пушкин писал и в своем „Рославлеве": „Вот уже, слава богу, лет тридцать, как бранят нас бедных за то, что мы по-русски не читаем, и не умеем (будто бы) изъясняться на отечественном

языке. Дело в том, что мы и рады бы читать по-русски, но словесность наша кажется не старее Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена“ и пр. (1831).

262. ‹Заметки к поэме „Цыганы“›. *Долго не знали в Европе происхождения цыганов...* и пр. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2370, л. 29). Впервые частично опубликовано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1855, т. III, стр. 544; дополнено В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7, стр. 9—10.

263. *Бессарабия, известная в самой глубокой древности...* и пр. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2368, л. 2). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 6, стр. 534. Вместо: „Суворова и Кутузова“ первоначально было: „до Румянцова и Суворова“.

263. ‹Заметки к элегии „Андрей Шенье“›. Печатается по черновому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2370, л. 65). Впервые опубликовано в „Русской Старине“ 1884, № 7, стр. 32.

Андрей Шенье (1762—1794) — французский поэт и политический деятель, близкий к жирондистам; гильотинирован 8 термидора (27 июля 1794), накануне падения диктатуры Робеспьера. При жизни Шенье напечатал только два стихотворения, не обративших на себя внимания. Шатобриан, цитируя в своем „Духе христианства“ (1802) два отрывка из Шенье, первый сказал о его „редком таланте в эклоге“ и называл его идиллии „достойными Теокрита“. Из этой заметки Пушкин заимствовал приводимые им в напечатанных пояснениях к элегии „Андрей Шенье“ слова поэта перед казнью: „Mourir! J'avais quelque chose là“. Первое собрание сочинений А. Шенье было издано в 1819 году; оно сохранилось в библиотеке Пушкина.

263. ‹Возражения на статью А. А. Бестужева „Взгляд на русскую словесность в 1824 и начале 1825 годов“›. Печатается по черновому автографу *ЛБ*. Впервые опубликовано М. А. Цявловским в „Трудах Публичной библиотеки СССР имени Ленина“, вып. III, М. 1934, стр. 14—16.

Статья Бестужева, с которой полемизировал Пушкин, появилась в „Полярной Звезде на 1825 г.“, вышедшей в свет 21 марта 1825 года, а в конце мая Пушкин использовал уже наброски своих возражений в письме к Бестужеву: „Отвечаю на первый параграф твоего взгляда. У римлян век посредственности предшествовал веку *гениев* — грех отнять это титло у таковых людей, каковы Виргилий, Гораций, Тибулл, Овидий и Лукреций, хотя они кроме двух последних шли столбовою дорогою подражания. (Виноват! Гораций не подражатель.) Критики греческой мы не имеем. В Италии Данте и Петрарка предшествовали Тассу и Ариосту, сии предшествовали Альфиери и Фосколо. У англичан Мильтон и Шекспир писали прежде Аддисона и Попа, после которых явились Southay, Walter Scott, Moor и Byron. Из этого мудрено вывести какое-нибудь заключение или правило. Слова твои вполне можно применить к одной французской литературе. *У нас есть критика, а нет литературы.* Где же ты это нашел? Именно критики у нас и недостает“ и пр.

264. *Геродот жил прежде поэзии Эсхила...* — Пушкин ошибся, ибо Геродот и Эсхил были современниками, причем первый был моложе второго.

264. *У нас есть критики? Где ж они?* — Пушкин возражает на тезис Бестужева: „У нас есть критика и нет литературы“.

264. *Но г. Бестужев сам говорит ниже...* — Пушкин имеет в виду строки: „Наша критика не далеко ушла в основательности и приличии. Она ударилась в сатиру, в частности и более в забаву, чем в пользу. Словом, я думаю, наша полемика полезнее для журналистов, нежели для журналов, потому что критик, антикритик и перекритик мы видим много, а дельных критиков мало; но между тем листы наполняются, и публика, зевая над статьями, вовсе для ней не занимательными, должна разбирать по складам

надгробия безвестных людей" („Полярная Звезда на 1825 г.", стр. 4).

264. „Изо всех родов сочинений самые неправдоподобные..." Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано П. О. Морозовым в Акад. изд. соч. Пушкина, 1916, т. IV, стр. 144.

Заметка дана во время работы над „Борисом Годуновым" и отражает прочитанные тогда же суждения теоретика новой драмы А. Шлегеля о неправдоподобии классических „единств" (A. Schlegel, „Cours de littérature dramatique", P. 1814, t. II, p. 139).

В черновом, неотправленном письме к Н. Н. Раевскому (конец июля 1825 года) Пушкин также отвергал принцип правдоподобия, приводя несколько иные основания — несовместимость его с природою драмы („...какое, чорт возьми, правдоподобие может быть в зале, разделенной на две половины, из коих одна занята двумя тысячами человек, будто бы невидимых для тех, которые находятся на подмостках"), с условностью языка („Например у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, говорит на чистом французском языке: Увы! Я слышу сладкие звуки греческой речи" и т. д.) и с принципом единства времени и места („Истинные гении трагедии никогда не заботились о правдоподобии"). Эта часть письма полностью вошла в „Наброски предисловия к „Борису Годунову" 1829 года. То же рассуждение — в „Заметках о народной драме" (1831).

265. ⟨О поэзии классической и романтической⟩. Печатается по черновому автографу *ЛБ* (тетрадь 2387 В, лл. 2, 3, 4, 31, 32, 33). Впервые опубликовано (три первых абзаца) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина", 1855, стр. 112; полнее, но в произвольном соединении отдельных мест этой статьи с позднейшими набросками статьи „О ничтожестве литературы русской" П. О. Морозовым в Собр. соч. А. С. Пушкина, 1887, т. V, стр. 243—246; настоящая редакция установлена С. М. Бонди в „Литературном наследстве" 1934, кн. 16—18, стр. 426—429, где определена им и дата статьи.

Теоретические высказывания русских и западноевропейских критиков о романтизме и классицизме особенно занимали Пушкина в пору его работы над „Борисом Годуновым". 25 мая 1825 года он, в связи с этим, писал П. А. Вяземскому: „Я заметил, что все (даже и ты) имеют самое темное понятие о романтизме. Об этом надобно будет на досуге потолковать". 30 ноября 1825 года он об этом же замечал А. А. Бестужеву: „Сколько я ни читал о романтизме — всё не то; даже Кюхельбекер врет". См. далее об этом же суждения Пушкина в набросках предисловия к „Борису Годунову" (1827) и в заметке „Французские критики имеют свое понятие об романтизме" (1830). К наброску же 1825 года Пушкин возвратился в 1834 году. См. начало статьи „О ничтожестве литературы русской" и комментарии к ней.

267. ⟨Замечания на „Анналы" Тацита⟩. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2366 — заметки 1—8 — и тетрадь № 2367, л. 60 — заметка 9). Впервые опубликовано П. В. Анненковым (заметки 6, 7 и 8) в „Материалах для биографии Пушкина", 1855, стр. 170—171 и (заметки 1—5) в „Вестнике Европы" 1874, кн. II, стр. 537—538; точнее — Д. И. Сапожниковым в брошюре „Вновь найденные рукописи Пушкина", Симбирск 1899, стр. 19—22 (ср. „Русский Архив" 1899, т. I, вып. 2, стр. 350—353). Заметка 9-я впервые опубликована В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 5, стр. 352.

Все „Замечания" Пушкина сделаны по поводу первой книги „Анналов", которую он читал в Михайловском в 1825 году по французскому изданию (Tacite, traduction nouvelle, avec le texte latin en regard; par Dureau de Lamalle, 3-me éd., Paris 1818).

С этими же „Замечаниями" связано письмо Пушкина к Дельвигу от 23 июля 1825 года: „Некто Вибий Серен, по доносу своего сына, был присужден римским Сенатом к заключению на каком-то безлюдном

острове. Тиберий воспротивился сему решению, говоря, что человека, коему дарована жизнь, не следует лишать способов к поддержанию жизни. Слова, достойные ума светлого и человеколюбивого! — Чем более читаю Тацита, тем более мирюсь с Тиберием. Он был один из величайших государственных умов древности".

В черновой редакции „Записки о народном воспитании" (1827) Пушкин характеризовал Тацита как „великого сатирического писателя, впрочем, опасного декламатора исполненного политических предрассудков" (*ЛБ*, тетрадь 2368, л. 45).

270. Je suppose sous un gouvernement despotique... Печатается по черновому автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано Б. В. Томашевским в Полном собр. соч. А. С. Пушкина, 1930, т. V, стр. 417. Датируется на основании палеографических признаков 1825—1826 гг.

Заметка представляет собою, вероятно, конспект или беглую запись по памяти неизвестного нам рассуждения в защиту крепостных отношений.

Перевод:

Предположим в условиях деспотического государства...

Предположим, в условиях деспотического государства существование рабов и людей свободных, т. е. таких, коих собственность и воля зависят от законов монарха, и таких, которые являются собственностью каких-нибудь лиц.

Этот порядок приближается к патриархальному строю, избавляет правительство от бесконечного количества затруднений, судебных тяжб, упрощает управление и придает ему большую мощь.

Итак, остерегайтесь уничтожить рабство, особенно в монархическом государстве.

Свобода крестьян.

270. ⟨О народности в литературе⟩. Печатается по черновому автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые частично опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина" 1855, стр. 260—261; полнее, но с грубыми искажениями текста и композиции наброска, — Н. К. Козминым в Акад. изд. соч. Пушкина, 1928, т. IX, стр. 26—27 и, наконец, в настоящей редакции — в Полном собр. соч. Пушкина, приложение к журналу „Красная Нива" 1930 кн. 11, стр. 330.

Статья связана, вероятно, с работой над теоретическим осмыслением „Бориса Годунова" (не случайно почти все экскурсы ее в область литературного прошлого имеют в виду произведения драматические).

270. *Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из Отечественной Истории...* — Пушкин, вероятно, имеет в виду Булгарина, который, ставя вопрос о „народной русской трагедии", писал: „Окинув одним взглядом историю России, я вижу, что каждая ее эпоха изобилует предметами эпическими и драматическими. Пришествие варягов, независимость Новгорода и Пскова, вражды удельных князей, нашествие татар, свержение ига, покорение и открытие новых царств, единодержавие, междуцарствие, и наконец отдельные подвиги воинственных племен нового времени казаков и Сечи Запорожской гораздо занимательнее чуждых преданий. Все сии происшествия ожидают только гения, чтобы, украсившись цветами поэзии и вымысла, появиться на русской сцене в национальном виде" („Русская Талия", СПБ. 1825, стр. 351—352).

270. *Что есть народного в Р⟨оссиаде⟩ и в „Ксении" Озерова...* — Пушкин здесь полемизирует с кн. П. А. Вяземским, писавшим, что трагедия „Димитрий Донской" Озерова „и при начале своем имела разительное отношение к современным обстоятельствам; но после происшествий 1812 года, которые некоторым образом предсказаны во многих стихах Димитрия, еще более ста-

новится на нашем театре народною трагедиею" („О жизни и сочинениях В. А. Озерова", СПБ. 1817, стр. XXXVIII).

270. *Как справедливо заметил* ⟨*Державин*⟩. — Имя Державина в подлиннике осталось непроставленным, но Пушкин явно имел в виду его, судя по анекдоту, записанному 18 января 1807 года в дневнике арзамасца С. П. Жихарева: „Мне хочется знать, на чем основался Озеров, выведя Димитрия влюбленным в небывалую княжну, которая одна-одинехонька прибыла в стан и, вопреки всем обычаям тогдашнего времени, шатается по шатрам княжеским и рассказывает о любви своей к Димитрию" („Записки С. П. Жихарева", М. 1890, стр. 275).

271. *Ученый немец негодует на учтивость героев Расина...* — Пушкин имеет в виду иронические замечания Шлегеля об „Андромахе" Расина („Cours de littérature dramatique", Paris 1814, t. II, p. 199).

271. *Француз смеется, видя в Кальдероне Кориолана, вызывающего на дуэль своего противника.* — Сисмонди обратил внимание на этот эпизод в своем разборе „Оружия любви" Кальдерона (Sismondi, „De la littérature du Midi de l'Europe", Paris 1819, t. IV, p. 129). Об этом же см. далее в заметках Пушкина о драме 1830 года.

271. ⟨З а м е т к и п о п о в о д у с т а т ь и К ю х е л ь б е к е р а „О н а п р а в л е н и и н а ш е й п о э з и и"⟩. Печатается по черновому автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые частично и очень неточно опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина", 1855, стр. 257—258; полностью — В. И. Срезневским в „Пушкин и его современники", П., 1923, вып. XXXVI, стр. 39—41; ошибки этой публикации выправлены в настоящем издании.

Пушкин полемизирует со следующими положениями статьи Кюхельбекера: „Сила, свобода, вдохновение необходимые три условия всякой поэзии. — Лирическая поэзия вообще не иное что, как необыкновенное, т. е. сильное, свободное, вдохновенное изложение чувств самого писателя. Из сего следует, что она тем превосходнее, чем более возвышается над событиями ежедневными, над низким языком черни, не знающей вдохновения. Всем требованиям, которые предполагает сие определение, вполне удовлетворяет одна *ода*, а посему без сомнения занимает первое место в лирической поэзии или, лучше сказать, одна совершенно заслуживает названия поэзии Лирической" („Мнемозина" 1824, ч. II, стр. 30—31). Отражением этой же полемики с Кюхельбекером являются строфы XXXII и XXXIII главы четвертой „Евгения Онегина" („Но тише! Слышишь? Критик строгий" и пр.). Характеристика „вдохновения", данная Пушкиным в этом наброске, использована была им в „Отрывках из писем, мыслях и замечаниях", опубликованных в „Северных Цветах на 1828 г.".

272. *Вдохновение нужно в поэзии как и в геометрии* — строка эта восходит к известному суждению д'Аламбера: „L'imágination dans un Géomètre qui crée, n'agit pas moins que dans un Poète, qui invente" — в книге, сохранившейся в библиотеке Пушкина (D'Alembert, „Esprit, maximes et principes", Genève 1789).

272. „Е с т ь р а з л и ч н а я с м е л о с т ь...". Печатается по черновому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2367, лл. 45—46). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 5, стр. 349—350; точнее — С. М. Бонди в Полном собр. соч. Пушкина, 1930, кн. 11, стр. 331. О „поэтической дерзости Кальдерона, Шекспира или нашего Державина" Пушкин упоминал также в своем ответе критику „Атенея".

273. *Французы доныне еще удивляются смелости Расина, употребившего слово pavé, помост* — Пушкин имеет в виду заметку об этом Делиля в предисловии к поэме „Georgiques" 1770).

273. *И. Делиль гордится тем, что он употребил слово vache* — в поэме „L'homme des champs" (1802).

273. ⟨Отрывок заметки о „Демоне"⟩. Печатается по черновому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2370, лл. 58 об. и 59). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Вестнике Европы" 1874, кн. I, стр. 9.

Заметка представляет собою не столько набросок автокомментария к стихотворению „Демон" („В те дни, когда мне были новы") 1823 года, сколько попытку отвести подозрения в автобиографической значимости этой вещи. Ссылки на „лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в этом своем странном стихотворении", имеют в виду Александра Николаевича Раевского (1795—1868), отставного полковника, брата Н. Н. Раевского, Ек. Н. Орловой и М. Н. Волконской, сложные отношения с которым отражены в „Демоне" и в „Коварности". В черновом письме от октября 1823 года Пушкин называет А. Н. Раевского „постоянным учителем в делах нравственности" и говорит о его „[байроническом] мельмотическом характере".

273. ⟨Об альманахе „Северная Лира"⟩. Печатается по черновому автографу из архива С. А. Соболевского в *ЦА*. Впервые опубликовано (по списку М. Н. Лонгинова) П. Е. Щеголевым в изд. „Пушкин и его современники", 1916, вып. XXIII—XXIV, стр. 1—2, а по автографу Н. К. Козминым в Академическом изд. соч. Пушкина, 1928, т. IX, стр. 44—45.

Рецензия на „Северную Лиру" предназначалась для „Московского Вестника" (ср. строки: „О Шевыреве умолчим, как о своем сотруднике"). Возможно, что рецензия осталась незаконченной потому, что Пушкин своевременно не предупредил о ней редакцию журнала. Последняя отзыв об альманахе поручила Н. М. Рожалину, после появления статьи которого („Московский Вестник" 1827, кн. 5) Пушкин должен был отказаться, конечно, от своего замысла.

Альманах „Северная Лира" редактировался С. Е. Раичем и Д. П. Ознобишиным и вышел в свет в январе 1827 года.

274. *Между другими поэтами в первый раз увидели мы г. Муравьева...* — О нем см. далее, прим. к наброску статьи „О путешествии ко св. Местам".

274. *Делибюрадер* — псевдоним Д. П. Ознобишина, опубликовавшего в „Северной Лире" переводы нескольких стихотворений Байрона, Шенье и Гафиза.

274. *Прозаическая статья о Петрарке и Ломоносове могла быть любопытна...* — Суждения Пушкина о Ломоносове см. далее.

274. *Роберт, король неаполитанский, спросил однажды у Петрарки, отчего он не представился Филиппу и пр...* — Далее следовали строки: „По тому, отвечал Петрарка, что я не хотел быть в тягость государю, который и сам не учен и ученых не любит".

274. ⟨О Байроне и его подражателях⟩. 1. Ни одно из произведений лорда Байрона... и пр. Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина" 1855, стр. 260.

Написано по поводу романтической трагедии В. Н. Олина „Корсар" (1827), сюжет которой был заимствован из поэмы Байрона „Корсар". Статья предназначалась Пушкиным для журнала „Московский Вестник", о чем писал М. П. Погодину 11 февраля 1828 года В. П. Титов: „Пушкин хочет приготовить еще смешную статью о Корсаре и о способе переделывать поэмы в романтические трагедии".

Мысль об отсутствии у Байрона драматического таланта была высказана Пушкиным еще в 1825 году, в письме к Н. Н. Раевскому: „Как Байрон-трагик мелок по сравнению с Шекспиром! Байрон в трагедии разделил между своими героями те или другие черты своего собственного характера: одному дал свою гордость, другому — свою ненависть, третьему — свою меланхолию и

т. д. — и таким образом из одного характера, полного, мрачного и энергичного создал несколько характеров незначительных... Вспомните „Озлобленного“ Байрона (Он заплатил!) Это однообразие, этот подчеркнутый лаконизм, эта непрерывная ярость, — естественно ли это... Отсюда и эта неловкость, и эта робость диалога“. (Оригинал по-французски.)

275. *Человек, коего роковая воля...* и пр. — Наполеон I.

275. *Коцебу,* Август (1761—1819) — немецкий драматург и романист, автор известных мелодрам, имевших большой успех на сцене: агент русского правительства, убитый К. Зандом (см. „Кинжал“—1821).

275. *Олин,* Валерьян Николаевич (1788—1840?) — стихотворец, переводчик и журналист, автор отрицательной рецензии на „Бахчисарайский фонтан“.

275. *O miratores* — неправильная цитата (вм. O imitatores) из 19 послания Горация (кн. 1, ст. 19).

275. Английские критики осоривали... и пр. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2367, лл. 40-41). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 5, стр. 347—348.

Мысль о влиянии „Фауста“ Гете на „Манфреда“ Байрона повторена Пушкиным в статье „О сочинениях Катенина“ (1833) (см. стр. 77). Сам Байрон признавал это влияние.

276. *Альфиери,* Витторио (1749—1803)— итальянский драматург.

276. ⟨О романах Вальтер Скотта⟩. Печатается по автографу *ПД* (на одном листке с заметкой „ignorance des seigneurs Russes“ — см. далее). Впервые опубликовано (частично) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855, стр. 138; полностью — в журн. „Атеней“, 1924, кн. I—II, стр. 5—6.

В печати Пушкин впервые высказался о романах Вальтер Скотта в 1830 году (вторая статья об „Истории Русского Народа“). В 1835 году Пушкин перечитывал Вальтер Скотта в Михайловском, и прежняя высокая оценка его осталась неизменной („Читаю романы В. Скотта, от которых в восхищении“, — писал он жене 25 сентября 1835 года.) Сравнение романов Вальтер Скотта с позднейшими историческими романами Гюго и Виньи см. в набросках статьи „О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“.

277. Наброски статей о Баратынском.

1. Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского... Печатается по черновому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2367, лл. 38, 39 об. и 40). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 5, стр. 346—347. В автографе печатаемый нами набросок начинается и замыкается сентенциями, использованными Пушкиным в „Отрывках из писем, мыслях и замечаниях“ („Истинный вкус состоит...“, „Никто более Баратынского...“, „Un sonnet sans défaut...“, „Tous les genres sont bons...“ (см. стр. 19). Следы вырванных листов с другими набросками 1827 года о Баратынском сохранились в тетради № 2368.

Статья, задуманная как рецензия на первое собрание „Стихотворений Евгения Баратынского“, М. 1827 (дата цензурного разрешения — 28 марта 1827 года), предназначалась, вероятно, для „Московского Вестника“.

Ныне вошло в моду порицать элегии... — Намек на статьи Кюхельбекера в „Мнемозине“, с которым Пушкин горячо полемизировал.

2. Пора Баратынскому занять на русском Парнасе место, давно ему принадлежащее... и пр. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 В, лл. 6, 29 и 5 — на бумаге с вод. зн. „1825“). Впервые опубликовано в Посмертном изд. соч. А. Пушкина, 1841, т. XI, стр. 236—238 (в произвольном соединении с набросками статьи 1830 года); точнее — в Полном собр. соч. Пушкина 1930, кн. 11, стр. 352—353.

278. *Известные шуточки покойного „Благонамеренного“* — Пародия на „Бдение“ Баратынского в „Благонамеренном“ 1822, № 39, стр. 514.

278. *Неприличная статейка в Северной Пчеле...* — Резко отрицательная характеристика „Пиров“ и „Эды“ дана была в рецензии Булгарина („Северная Пчела“ 1826, № 20).

278. *Как отозвался Московский Вестник об собрании стихотворений нашего первого элегического поэта!* — Пушкин имеет в виду статью Шевырева, который писал: „По нашему мнению, г. Баратынский более мыслит в поэзии, нежели чувствует, и те произведения, в коих мысль берет верх над чувством, каковы напр. „Финляндия“, „Могила“, „Буря“, станут выше его элегии. В последних встречаем чувствования, давно знакомые и едва ли уже не забытые нами. Сатиры его часто сбиваются на тон дидактический и не столько блещут остроумием, сколько щеголеватостию выражений. Это желание блистать словами в нем слишком заметно, и потому его можно скорее назвать поэтом выражения, нежели мысли и чувства“ („Московский Вестник“ 1828, № 1, стр. 70—71). Пушкин писал 19 февраля 1828 г. Погодину по поводу этой статьи Шевырева: „Грех ему не чувствовать Баратынского, но бог ему судья“.

278. *Последняя поэма Баратынского, на⟨печатанная?⟩ в Северных Цветах...* — В „Северных Цветах на 1828 г.“ напечатан был только отрывок из поэмы „Бал“; полностью последний был напечатан в издании: „Две повести в стихах. Бал, повесть. Сочин. Евгения Баратынского. Граф Нулин. Сочин. Александра Пушкина“. СПБ. 1828 (дата выхода в свет — около 15 декабря 1828 г.).

3. Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов... Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 В, лл. 8, 27 и 28, на бумаге с вод. зн. „1830“). Впервые частично опубликовано (в произвольном сочетании с набросками 1828 года) в Посмертном изд. соч. А. Пушкина 1841, т. XI, стр. 239—242; полнее—П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина, т. VI, стр. 101—103; в настоящей композиции — в Полном собр. соч. Пушкина 1930, вып. 11, стр. 354—355.

В набросках этой статьи, предназначавшейся, вероятно, для „Литературной Газеты“, Пушкин частично использовал свои же предыдущие заметки, а также письмо, полученное им от Баратынского в конце февраля или в начале марта 1828 года.

„Я думаю,— писал Баратынский,— что у нас в России поэт только в первых, незрелых своих опытах может надеяться на большой успех: за него все молодые люди, находящие в нем почти свои чувства, почти свои мысли, облеченные в блистательные краски. Поэт развивается, пишет с бо́льшею обдуманностью, с бо́льшим глубокомыслием: он скучен офицерам, а бригадиры с ним не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза“. Ср. строки Пушкина от слов „Понятия и чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому“ до „А читатели те же, и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни“.

279. *Баратынский написал две повести* — „Бал“ и „Эду“, которые определялись как „повести в стихах“ самим автором.

280. *Класс читателей ограничен — и им управляют журналы, которые судят о литературе, как о политической экономии, о политической экономии, как о музыке, т. е. наобум, по наслышке, безо всяких основательных правил и сведений, а большею частию по личным расчетам.* — Строки эти перенесены были Пушкиным в 1833 году в статью „Путешествие из Москвы в Петербург“: „Петербургские журналы судят о литературе, как о музыке; о музыке, как о политической экономии, т. е. наобум и как-нибудь, иногда впопад и остроумно, но большею частию неосновательно и поверхностно“.

281. *Певец Пенатов и Тавриды* — К. Н. Батюшков.

281. *Перечтите его Эду...* — Под впечатлением только что прочитанной им „Эды“

Пушкин писал 20 февраля 1826 года А. А. Дельвигу: „Что за прелесть эта Эда! Оригинальности рассказа наши критики не поймут. Но какое разнообразие! Гусар, Эда и сам поэт — всякой говорит по-своему. А описание лифляндской природы! а утро после первой ночи! а сцена с отцом: чудо!“ В тот же день в письме к П. А. Осиповой он отмечал: „C'est un chef d'oeuvre de grâce, d'élégance et de sentiment“.

282. ‹Наброски предисловия к Борису Годунову›.

1. Благодарю вас за участие.. и пр. Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855, стр. 145 — 147.

Теоретические положения и исторические справки, которыми Пушкин предполагал снабдить предисловие к „Борису Годунову“, выросли из черновых заметок, включенных летом 1825 года в недописанное и неотправленное французское письмо к Н. Н. Раевскому. Традиционной формой письма Пушкин воспользовался и для настоящего варианта предисловия к „Борису Годунову“, который он предполагал поместить в „Московском Вестнике“, без имени конкретного адресата, а также и для следующего варианта (текст 2).

Благодарность, начинающая настоящее „письмо“, относится к С. П. Шевыреву, восторженно встретившему „Сцену в келье Чудова монастыря“ в своем „Обозрении русской словесности за 1827 год“ („Московский Вестник“) и писавшему: „Нужно ли повторить перед Пушкиным, что все с нетерпением ожидают появления Бориса?“

282. *Два классические единства* — единство времени и места; *последнее* — единство действия.

283. *Один из самых оригинальных писателей нашего времени* — кн. П. А. Вяземский, который в своей биографии Озерова писал, что его трагедии „уже несколько принадлежат к новейшему драматическому роду, так называемому романтическому“.

283. *Самовластно разделяют европейскую литературу на классическую и романтическую...* и пр. — Эти слова, как и все следующие до конца абзаца, относятся к статье Н. А. Полевого о „Полярной Звезде“, в которой говорилось: „Кажется, что классицизму и романтизму суждено разделить Европу: латинской Европе суждено первое, германской и славянской второе. У италианцев (несмотря на Данте — единственное исключение из общего) едва ли овладеть романтизму“. Пушкин в письме к Вяземскому от 25 мая 1825 года решительно возражал против утверждений Полевого: „В Италии, кроме Dante единственно, не было Романтизма.— А он в Италии-то и возник. Что же такое Ариост? и предшественники его, начиная от Buovo d'Antona до Orlando inamorato? Как можно писать так на-обум“. О пушкинском определении романтизма и классицизма см. статью „О поэзии классической и романтической“ и примечания к ней.

284. *Строгий суд почтеннейшей публики...* и пр. — Сдержанные и незначительные критические отзывы о сцене в келии Чудова монастыря послужили основным поводом к составлению настоящей статьи. О стихах без рифм говорилось в рецензии „Отечественных Записок“ П. Свиньина: „Жаль только, что трагедия сия написана не рифмами, чем — по мнению моему — она еще бы более выиграла со стороны прелестей поэзии и гармонии“.

284. *Намеки, allusions...* и пр.— Позднее в письме к Бенкендорфу от 16 апреля 1830 года, Пушкин отвергал аналогии между „смутами“ своей трагедии и восстанием 14 декабря. „Внимание его ‹царя Николая I› обратили на себя также еще два-три места, так как в них можно было усмотреть намеки на обстоятельства, в то время еще слишком недавние. Перечитывая их теперь, я сомневаюсь, чтобы их можно было истолковать в этом смысле. Все смуты похожи одна на другую, и драматический писатель не может нести ответственность за слова, какие он влагает в уста лично-

стей исторических“ (подлинник по-французски).

284. „*Constitutionnel*“, „*Quotidienne*“ парижские газеты.

284. *Виллель* (1773 — 1854) — французский реакционный политический деятель, глава правительства с 1821 по 1827 год.

284. „*Эсфирь*“ („Esther“, 1689 г.) и „*Веренника*“ („Bérenice“, 1670 г.) — трагедии Расина; в „Bérenice“ изображена королева Генриетта Английская и ее чувства к королю Людовику XIV.

284. *Il ne dit*... etr. — цитата из трагедии Расина „Британник“, акт IV, сц. IV.

2. Voici ma tragédie puis que vous... и пр. Печатается по автографу *ПД* (архив бр. Тургеневых). Впервые опубликовано (не полностью) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855, стр. 444 — 445; точнее — в „Вестнике Европы“ 1881, кн. II, стр. 647 — 649.

Набросок предисловия в форме письма, являющийся переработкой неотправленного письма к Н. Н. Раевскому (написанного летом 1825 года); заимствованные оттуда теоретические рассуждения о жанре трагедии дополнены конкретными характеристиками ряда персонажей „Бориса Годунова“.

285. *Перевод*:

Вот моя трагедия, раз вы непременно ее желаете; но я требую, чтобы прежде чем читать ее, вы пробежали последний том Карамзина. Она наполнена славными шутками и тонкими намеками, относящимися к истории того времени, как наши киевские и каменские обиняки. Надо понимать их — это непременное условие.

По примеру Шекспира, я ограничился изображением эпохи и исторических лиц, не гоняясь за сценическими эффектами, романтическим пафосом и т. п. Стиль трагедии — смешанный. Он площадной и низкий там, где мне приходилось выводить людей простых и грубых; что касается грубых непристойностей, — не обращайте на них внимания: это писалось наскоро и исчезнет при первой переписке. Меня прельщала мысль о трагедии без любовной интриги; но, не говоря уже о том, что любовь весьма подходит романтическому и страстному характеру моего авантюриста, я заставил Дмитрия влюбиться в Марину, чтобы лучше оттенить ее необычайный характер. У Карамзина он лишь бегло очерчен, но конечно, это была странная красавица; у нее была только одна страсть — честолюбие, но до такой степени сильное, бешеное, что трудно себе представить. Посмотрите, как она, отведав царской власти, опьяненная призраком, отдается одному проходимцу за другим, разделяя то отвратительное ложе жида, то палатку казака, всегда готовая отдаться каждому, кто только может дать ей хотя бы слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она переносит войну, нищету, позор и в то же время сносится с польским королем, как коронованное лицо с равным себе, и жалко кончает свое бурное и необычайное существование. Я уделил ей только одну сцену, но я еще вернусь к ней, если бог продлит мою жизнь. Она волнует меня, как страсть. Она — ужас что за полька, как говорила [кузина г-жи Любомирской].

Гаврила Пушкин — один из моих предков; я изобразил его таким, каким нашел в истории и в семейных бумагах. Он обладал большими дарованиями как воин, придворный и в особенности как заговорщик. Это он и Плещеев обеспечили успех Самозванца своей неслыханной дерзостью. Затем я снова нашел его в Москве одним из 7 начальников, защищавших ее в 1612 году, потом в 1616 г. — в Думе, заседающим рядом с Козьмой Мининым, потом — воеводой в Нижнем, потом — между выборными людьми, венчавшими на царство Романова, потом — послом. Он был всем, даже поджигателем, как это доказывается грамотою, которую я нашел в Погорелом Городище — городе, который он сжег в наказание за что-то, подобно проконсулам Национального Конвента.

Я рассчитываю также вернуться и к Шуйскому. Он представляет в истории странную смесь смелости, изворотливости

и силы характера. Слуга Годунова, он одним из первых бояр переходит на сторону Дмитрия. Он первый начинает заговор, и он же, заметьте, берет на себя всю тяжесть риска, кричит, обвиняет и из начальника делается буяном. Он близок к тому, чтобы лишиться головы, но Дмитрий милует его уже на лобном месте, высылает, а потом, с тем необдуманным великодушием, которое отличало этого милого авантюриста, снова призывает его к своему двору и осыпает дарами и почестями. Что же делает Шуйский, чуть было не попавший под топор и на плаху? Он спешит создать новый заговор, успевает в этом, избирается царем, падает и в крушении своем сохраняет больше достоинства и душевного величия, нежели в продолжение всей своей жизни.

Дмитрий многим напоминает Генриха IV. Подобно ему — он храбр, великодушен и хвастлив, подобно ему — равнодушен в религии; оба они из соображений политических отрекаются от своей веры; оба любят удовольствия и войну; оба предаются несбыточным планам. Оба являются жертвами заговоров. Но у Генриха IV не было на совести Ксении, хотя, правда, это ужасное обвинение и не доказано, и что до меня, то я считаю своей священной обязанностью ему не верить.

Грибоедов критиковал мое изображение Иова, — патриарх действительно был человек большого ума, я же, по недосмотру, сделал из него глупца.

Создавая своего „Годунова", я размышлял о трагедии, но если б я вздумал написать предисловие, то вызвал бы скандал. Это, быть может, наименее понятный вид произведений. Законы его старались обосновать на правдоподобии, а оно-то именно и исключается самою сущностью драмы: не говоря уже о времени, месте и проч., какое, чорт возьми, правдоподобие может быть в зале, разделенной на две части, из коих одна занята 2000 человек, будто бы невидимых для тех, которые находятся на подмостках.

2) *Язык.* Например, у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, говорит на чистом французском языке: „Увы! я слышу сладкие звуки греческой речи" и т. д. Всё это не есть ли условное неправдоподобие? Истинные гении трагедии заботились всегда исключительно о правдоподобии характеров и положений. Посмотрите, как смело Корнель поступил в „Сиде". „А вам угодно правило о 24 числах? Извольте". И он нагромождает событий на 4 месяца. Нет ничего смешнее мелких изменений общепринятых правил. Альфиери глубоко почувствовал, как смешны речи „в сторону", — он их уничтожает, но зато удлиняет монологи. Какое ребячество!

Письмо мое вышло гораздо длиннее, чем я хотел. Прошу вас сохранить его, так как оно мне понадобится, если чорт соблазнит меня написать предисловие.

285. *Последний том Карамзина...* — одиннадцатый том его „Истории Государства Российского", охватывавший эпоху царствования Бориса Годунова и Лжедимитрия и послуживший материалом для „Бориса Годунова" Пушкина.

285. *Киевские и каменские обиняки...*— намек на политические диспуты в среде южных декабристов, в Киеве и в имении В. Л. Давыдова Каменка, где Пушкин бывал в 1820 — 1822 годах. Ср. „И за здоровье тех и той/До дна до капли выпивали".

285. *Кузина г-жи Любомирской* — возможно, Каролина Собаньская, о которой см. прим. к стихам „Что в имени тебе моем".

286. *Генрих IV* (1553 — 1610) — французский король, прославленный как просвещенный монарх в „Генриаде" Вольтера (1723).

286. „*Увы! я слышу сладкие звуки греческой речи...*" — неточная цитата из трагедии Лагарпа „Филоктет".

3. С величайшим отвращением решаюсь... и пр. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2382, л. 11). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 6, стр. 347.

Настоящий набросок так же, как и следующий, написан в 1829 году, когда Пушкин, уехав в Арзрум, поручил Плетневу и Жуковскому начать новые хлопоты о разрешении печатать „Бориса Годунова".

4. С отвращением решаюсь... и пр. Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано П. О. Морозовым в Академическом изд. соч. Пушкина, 1916, т. IV, стр. 140.

287. *Как Монтань могу сказать...*—Предисловие к „Essais" Монтеня начинается словами: „C'est ici un livre de bonne foi, lecteur". Это же выражение употребляет Пушкин, говоря Бенкендорфу, что „Борис Годунов" написан в хорошем духе, добросовестно отражает историю и не может быть изменен: „Ma tragédie est une oeuvre de bonne foi et je puis en supprimer ce que me parait essentiel" (письмо 16 апреля 1830 года)

287. *В числе моих слушателей одного недоставало...* — Н. М. Карамзина, который умер в 1826 году. См. о нем далее.

5. Изучение Шекспира, Карамзина... и пр. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2372, лл. 42—44). Впервые опубликовано (частично) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина", 1855, стр. 137; точнее — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 8, стр. 313—314. Настоящий вариант предисловия, подобно более ранним, помещенным выше (1 и 2), носит характер теоретического оправдания жанра романтической трагедии, отличаясь стремлением дать новому типу драмы социальное осмысление: „*Народные законы* драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедии Расина"; здесь же даны суждения о „дворянской спеси" — тема, в 1830 году центральная для Пушкина журналиста. (См. „Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений". стр. 306).

288. „*Ермак*" А. С. Хомякова печатался в „Московском Вестнике" (1828) и в „Деннице" (1830), полностью вышел в 1832 году. О нем Пушкин писал в статье „О драме" (1830).

288. *У нас первый пример оному...* — Перечисляя первоначальные опыты пятистопного белого стиха в России — трагедию В. Кюхельбекера „Аргивяне" (1823—1825) и трагедию Ротру „Венцеслав", переделанную для русской сцены А. Жандром, Пушкин не упоминает самый ранний опыт этого стиха — „Орлеанскую Деву" Жуковского (1817—1821).

288. *Поэту не должно быть площадным из доброй воли...* — См. замечания о Ваде в заметке 1828 года „В зрелой словесности приходит время".

6. Je me présente ayant [renoncé à] changé... и пр. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2373, л. 2). Первая заметка впервые опубликована П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина", 1855, стр. 150; вторая — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине". 1884, № 8, стр. 321.

Написано (так же, как и тексты 6, 7 и 8) во время печатания „Бориса Годунова" — с мая по декабрь 1830 года.

289. *Перевод*:

Я выступаю перед публикой, изменив свою раннюю манеру. Не имея более надобности заботиться о прославлении неизвестного имени и первой своей молодости, я уже не смею надеяться на снисхождение, с которым был принят доселе. Я уже не ищу благосклонной улыбки моды. Добровольно выхожу я из ряда ее любимцев, принося ей глубокую мою благодарность за всё то расположение, с которым принимала она слабые мои опыты в продолжение десяти лет моей жизни.

Когда я писал эту трагедию, я был один, в деревне, не видел никого, не читал ничего кроме газет и т. д. — тем охотнее, что я всегда считал, что только романтизм подходит для нашей сцены: я убедился, что заблуждался. [Поэтому с] мне [поэтому] крайне не хотелось предлагать мою трагедию публике — я хотел, по крайней мере, предпослать ей предисловие и дать к ней примечания. Но я нахожу всё это совершенно излишним.

7. Дух века требует важных перемен... и пр. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 А, л. 35). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 12, стр. 554.

8. Вероятно трагедия моя... и пр. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 А, л. 12). Впервые опубликовано (частично) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина, 1855, полнее — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 12, стр. 546—547.

Настоящий вариант предисловия направлен против Ф. Булгарина; к 1830 году относится ожесточенная полемика между „Литературной Газетой“ и Булгариным, издевательская рецензия Булгарина о VII главе „Евгения Онегина“ и резкая статья Пушкина о „Записках Видока“. В разгар полемики, в начале мая 1830 года, Пушкин писал Плетневу: „Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Ал. Пушкину, являясь перед Россией с Борисом Годуновым, заговорить об Фаддее Булгарине? кажется не прилично. Как ты думаешь? реши“.

289. *Искажены в подражаниях.* — Пушкин усмотрел в романе Булгарина „Дмитрий Самозванец“ (П. 1830) плагиат из „Бориса Годунова“, с которым Булгарин мог познакомиться в рукописи у Бенкендорфа (Записка о „Борисе Годунове“, составленная для Николая I, повидимому, принадлежит Булгарину). См. „Недавно в Пекине случилось...“ в „Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений“ (стр. 309).

9. Pour une préface. Le public et la critique.. и пр. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2386 В, л. 79). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 12, стр. 539.

Настоящий вариант предисловия должен быть отнесен к предполагавшемуся Пушкиным в 1831 году второму изданию „Бориса Годунова“.

290. *Перевод*:

Для предисловия. Публика и критика, принявшие мои первые опыты с живым снисхождением и притом в такое время, когда строгость и недоброжелательство отвратили бы меня, вероятно, навсегда от поприща мною избираемого, заслуживают полной моей признательности: они расплатились со мной совершенно. С этой минуты их строгость или равнодушие уже не могут иметь влияния на труды мои.

290. <Ответ на статью в „Атенее“ об „Евгении Онегине“>. Печатается по черновому автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова); писано на четырех листах синей бумаги с вод. зн. „1825“. Впервые опубликовано Н. К. Козминым в „Звезде“ 1830, кн. VII, стр. 224—227. Датируется 1828 годом, так как написано под непосредственным впечатлением критического разбора четвертой и пятой глав „Евгения Онегина“, напечатанного М. А. Дмитриевым (за подписью „В“) в журнале „Атеней“ 1828, ч. I, № 4, стр. 76—89.

Свой ответ критику „Атенея“ Пушкин читал в 1828 году в Петербурге Н. А. Полевому, который передает об этом в своих воспоминаниях: „В нем пробудилась досада, когда он вспомнил о критике одного из своих сочинений, напечатанной в „Атенее“, журнале, издававшемся в Москве профессором Павловым. Он сказал мне, что даже написал возражение на эту критику, но не решился напечатать свое возражение и бросил его. Однако он отыскал клочки синей бумаги, на которой оно было писано, и прочел мне кое-что. Это было, собственно, не возражение, а насмешливое и очень остроумное *согласие* с глупыми замечаниями его рецензента, которого обличал он в противоречии и невежестве, повидимому, соглашаясь с ним. Я уговаривал Пушкина напечатать остроумную его отповедь „Атенею“, но он не согласился, говоря: „Никогда и ни на одну критику моих сочинений я не напечатаю возражения; но не отказываюсь писать в этом роде на утеху себе“ („Исторический Вестник“ 1887, кн. VI, стр. 567).

В 1830 году Пушкин широко использовал наброски своего старого ответа критику

„Атенея“ для статьи „Наши критики долго оставляли меня в покое“, но и эта статья осталась ненапечатанной.

292. *Что же они скажут о поэтической дерзости Кальдерона, Шекспира или нашего Державина...* — См. выше заметки Пушкина „Есть различная смелость“.

292. *Поник лавровою главой...* — Пушкин, неточно процитировав стих Державина „Потух лавровый твой венок“, сам впоследствии использовал свою цитату в „Полководце“: „И никнут в тишине главою ла̀вровой“ (1835).

293. „В зрелой словесности приходит время...“. Печатается по черновому автографу *ПД* (собрание А. Ф. Онегина); на этом же листе сохранилась заметка о Торвальдсене и набросок VII главы „Евгения Онегина“ (конец 1828 года). Впервые опубликовано в „Неизданном Пушкине“, П. 1922, стр. 180—181.

Предшествующее этому отрывку противопоставление „младенческой нашей словесности“ зрелой западноевропейской литературе, пресыщенные представители которой в поисках „сильнейших ощущений“ обращаются к „мутным, но кипящим источникам новой народной поэзии“, см. в первом наброске предисловия к „Борису Годунову“ (1827). Об „языке и предметах простонародных“, введенных у нас „в круг возвышенной поэзии Катениным“, Пушкин сочувственно писал в статье о последнем в 1833 году.

Ваде, Жан-Жозеф (1720—1757) — французский поэт и драматург, в произведениях которого широко был использован жаргон парижских рыночных торговок.

Wordsworth, Coleridge. Вордсворт (1770—1850), *Кольридж* (1772—1834) — английские поэты романтической „озерной школы“.

Мало, весьма мало людей поняло достоинство переводов из Гебеля, и еще менее силу и оригинальность „Убийцы“... — Пушкин имеет в виду переведенные Жуковским в 1816—1817 годах сельские идиллии Гебеля „Овсяный кисель“, „Деревенский сторож“, „Тленность“ и пр. О балладе „Убийца“ см. отзыв Пушкина в статье „О сочинениях П. А. Катенина“ (1833).

Соувей — Соути, Роберт (1774—1843) — английский поэт, один из представителей „озерной школы“. Из его произведений Пушкиным переведены были части „Родрига“, начаты „Медок“ и „Гимн Пенатам“ („Еще одной высокой важной песни“).

293. „Торвальдсен, делая бюст известного человека...“. Печатается по автографу *ПД* (собрание А. Ф. Онегина); на листе бумаги, занятом наброском LI строфы VII главы „Евгения Онегина“ и началом статьи „В зрелой словесности приходит время“. Впервые опубликовано Н. К. Козминым в сб. „Неизданный Пушкин“, П. 1922, стр. 182.

Торвальдсен, Бертель (1770—1844) — знаменитый датский скульптор. Заметка о нем Пушкина тематически связана с стихотворением „К бюсту завоевателя“ (1829), в котором нейтральным именем „завоевателя“ прикрыто было имя Александра I. К нему же следует, конечно, отнести и данные о „бюсте известного человека“.

Не зная автокомментария Пушкина, В. В. Стасов сохранил в своих воспоминаниях другую версию происхождения стихов „Напрасно видят тут ошибку“: „Рассматривая бюст императора Александра, работы Мартоса, тогда славившегося, он ⟨Пушкин⟩ не про совершенство скульптуры думал, а лишь про сущую правду изображения“ („Северный Вестник“ 1888, № 10, стр. 182). Версия эта заслуживает внимания, так как бюст Александра I, работы Торвальдсена, неизвестен, и Пушкин мог ошибочно приписать датскому скульптору работу именно Мартоса.

294. „Несколько московских литераторов...“. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2382, л. 18—19). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 11, стр. 348—349.

В наброске этой статьи, направленной против редакционного коллектива „Вестника Европы“ (о борьбе с ним см. выше — „Отрывок из литературных летописей“), дана была Пушкиным памфлетная характеристика Михаила Трофимовича Каченовского („Трандафырь“) и Николая Ивановича Надеждина („Никодим Невеждин“). Самый журнал переименован был при этом в „Азиатский Рак“ (о „раке“ как эмблеме некоторых русских периодических изданий, писали в 1825 году Я. Н. Толстой, Ф. Булгарин, кн. П. А. Вяземский), а беспомощность и отсталость его критических разборов подчеркивались указанием на сочувствие руководителей нового журнала „правилам здравой критики Курганова и Тредьяковского“. Ср. выпады против Каченовского в концовке эпиграммы „Литературное известие“:

И только ждет Василий Тредьяковский,
Чтоб подоспел Михайло Каченовский.

Видя беспомощное состояние нашей словесности и наскуча звуками кимвала звенящего... — Пушкин намекает на объявление о подписке на „Вестник Европы“, в котором отмечалось: „Законы словесности молчат при звуках журнальной полемики. Надобно, чтобы голос их доходил до слуха любознательного, который не услаждается звуками кимвала бряцающего и меди звенящей“ („Вестник Европы“ 1828, № 18, стр. 156).

Г. Х., бывший корректор типографии — персонаж из критических фельетонов Надеждина.

Знаменитый переводчик одного бессмертного романа... — О романе Леонара „Тереза и Фальдони“, переведенном Каченовским, Пушкин упоминал в „Отрывке из литературных летописей“.

Некоторые соседние дамы удостоили заседание своим присутствием... — Район Малой Бронной известен был публичными домами.

...700 рублей от Ширяева — Ширяев, А. С. — московский книгопродавец и издатель.

Разобрали заглавный лист Истории Государства Российского... — Каченовский был автором критического разбора предисловия к „Истории“ Карамзина в „Вестнике Европы“ 1819.

295. „Многие недовольны нашей журнальной полемикою...“. Печатается по беловому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2382, л. 14). Впервые опубликовано в „Звезде“ 1930, кн. VII, стр. 222—223. Датируется 1829 годом на основании положения в рукописи. Вторая редакция этой заметки, несколько обезличенная и лишенная начальной полемической остроты, вошла впоследствии в „Table-Talk“.

Заметка относится к циклу резких полемических выпадов Пушкина в 1829 году против Н. И. Надеждина, сотрудника „Вестника Европы“, профессора Рязанской духовной семинарии и доктора этико-филологических наук Московского университета. (См. о нем стр. 646.) Особенно близка она строкам „Романа в письмах“: „Я было заглянула в журналы и принялась за книжку Вестника **, но их плоскость и лакейство показались мне отвратительны; смешно видеть, как семинарист важно упрекает в безнравственности и неблагопристойности сочинения, которые прочли мы все, мы санкт-петербуржские недотроги...“ (1829). Ср. наброски „Граф Нулин“ наделал мне больших хлопот“, „Мы так привыкли читать ребяческие критики“, эпиграмму — „В журнал совсем не европейский“.

295. Заметка о публикации А п „Северной Звезде“. Печатается по черновому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2382, лл. 95 об. и 95). Впервые опубликовано (очень неточно) В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 11, стр. 361, полнее — Н. К. Козминым в Академическом изд. соч. Пушкина, 1929, т. IX, ч. 2, стр. 290; до конца расшифровано в настоящем издании.

Заметка предполагалась, вероятно, для помещения в каком-нибудь журнале на правах „письма в редакцию“, но осталась не

напечатанной и осенью 1830 года была частично использована для „Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений.

Бестужев-Рюмин, Михаил Алексеевич (1800–1832) — стихотворец и журналист (его псевдоним: „Аристарх Заветный“), издатель альманаха „Майский Листок“ (1824), „Сириус“ (1827), „Северная Звезда“ (1829); редактор литературно-сатирических листков „Северный Меркурий“ (1830—1832). Ориентируясь в своих писаниях на армейско-чиновничью и мещанскую аудиторию, Бестужев-Рюмин зарекомендовал себя врагом „литературной аристократии“, постоянно иронизировал в своих фельетонах по поводу писаний Дельвига, Пушкина и Вяземского в „Литературной Газете“, не брезгая при этом и резкими личными выпадами. Источник получения Бестужевым-Рюминым неизданных произведений Пушкина (в том числе и нелегального послания к Чаадаеву) остается до сих пор неизвестным, но любопытно, что еще 24 декабря 1828 года П. А. Плетнев в специальном обращении в Петербургский цензурный комитет протестовал против предстоящей публикации, как нарушающей волю автора, „находящегося в отъезде“. Осведомленный об этом протесте, Бестужев-Рюмин заменил имя Пушкина прозрачной абревиатурой „Ап“ (об этом приеме см. далее в „Альманашнике“) и беспрепятственно провел его стихи с этой подписью в печать. Дата цензурного разрешения „Северной Звезды“—18 марта 1829 года, время выхода ее в свет — первая декада июля 1829 года. Пушкин был в это время на Кавказе, откуда возвратился в Москву лишь около 20 сентября, а в Петербург приехал между 5 и 10 ноября. Октябрем — ноябрем 1829 года можно датировать и набросок его „письма“ с протестом против спекуляции Бестужева-Рюмина. См. также его памфлет на последнего в сценах „Альманашник“.

Г. Федоров напечатал под моим именем однажды комичную идиллическую нелепость. — В альманахе Б. М. Федорова „Памятник Отечественных Муз на 1827 год“ напечатано было шесть произведений Пушкина, отмеченных в предисловии издателя как „первые произведения его музы“: „Романс“ („Под вечер осенью ненастной“), „Желание“ („Медлительно влекутся дни мои“), отрывки из „Фавна и пастушки“, „Заздравный кубок“, „К живописцу“, отрывок из поэмы „Вадим“. Характеристика одного из этих произведений как „идиллической нелепости“ могла относиться только к „Романсу“ или к „Фавну и пастушке“. Об отношении Пушкина к Б. М. Федорову см. эпиграммы „Русскому Геснеру“ и „Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи...“, а также наброски ответа Пушкина критикам „Евгения Онегина“ (см. стр. 290).

Г-н Панаев — Панаев, Владимир Иванович (1792—1859) — поэт, автор рассуждения „О пастушеской или сельской поэзии“, иронически охарактеризованный Пушкиным в письме от 4 декабря 1824 года к брату, как „идиллический коллежский асессор“.

В числе пьес, доставленных г-ом Ап, некоторые принадлежат мне в самом деле, другие мне вовсе неизвестны. – Из семи стихотворений, напечатанных в „Северной Звезде“ за подписью Ап, Пушкину принадлежало 6 (а не 5, как отмечал он сам): 1) „Любви, надежды, тихой славы...“, 2) „Она мила, скажу меж нами“, 3) „Здесь Пушкин погребен“, 4) „О ты, который сочетал“, 5) „Забудь, любезный мой Каверин“, 6) „Любимец ветреных Лаис“. Одно же (элегия „О ты, которая из детства“) являлось отрывком из стихотворения кн. П. А. Вяземского „Негодование“.

295. ⟨А л ь м а н а ш н и к⟩. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2382, лл. 35—39). Впервые опубликовано (частично) П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина, 1857, т. VII, стр. 111—115; дополнено и исправлено В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1834, № 11, стр. 353—355. О резко отрицательном отношении Пушкина к спекулятивным изданиям альманашного типа свидетельствует его письмо к Погодину от 31 августа 1827 года: „Вы хотите издать Уранию!! Но подумайте: на что это будет похоже? Вы,

издатель Европейского журнала в Азиатской Москве, вы, честный литератор между лавочниками литературы, вы!.. Нет, вы не захотите марать себе рук альманашной грязью".

Под именем Бесстыдина в сценах Пушкина выведен М. А. Бестужев-Рюмин, под именем „Альманашника", вероятно — Н. А. Татищев, субсидировавший альманахи и газету Бестужева. В воспоминаниях В. П. Бурнашева, близко стоявшего к редакции „Северного Меркурия", сохранилась характеристика Н. А. Татищева как „человека богатого, светского, приличного. Он говаривал, что любит Бестужева за его доброе и незлобивое сердце; но весьма не одобряет в нем его беспорядочности и унизительной страсти к горячим напиткам" („Русский Вестник" 1871, кн. X, стр. 618—619). В воспоминаниях Бурнашева зарисован был очень точно и внешний облик Бестужева-Рюмина: „Речь его, пересыпанная площадными, извозчичьими выражениями, делалась неестественно, по гостинодворски учтивой, с прибавкой „с" почти к каждому слову, когда он хотел с кем-нибудь быть вежлив по-своему. Одевался Бестужев безвкусно и имел вид domestique endimanché, т. е. лакея в праздничном туалете, в котором изобиловали яркие цвета" („Русский Вестник" 1871, кн. IX, стр. 254).

3 августа 1831 года Пушкин писал П. А. Плетневу: „Кстати: что сделалось с Лит. Газетою? Она неисправнее Меркурия. Кстати: не умер ли Бестужев-Рюмин? Говорят, холера уносит пьяниц".

296. *Ну, так пиши Выжигина.* „Иван Выжигин"— роман Булгарина (1829).

300. Детская книжка. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2382, лл. 65 об.—64). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1857, т. VII, стр. 116—117 — весьма неточно, под общим заголовком „Детские сказочки" и с неверным названием третьей сказки („Исправленный забияка").

Пародически учитывая в самой форме своей статьи штампы современной ему литературы для детского чтения, Пушкин дал резкие памфлетные характеристики крупнейших представителей журналистики 1829—1830 гг.: Н. А. Полевого („Ветреный мальчик"), П. П. Свиньина („Маленький лжец") и Н. И. Надеждина („Ванюша, сын приходского дьячка").

„Детская книжка" осталась не дописанной, и отсутствие в ней Булгарина совершенно случайно: 4 ноября 1830 года Пушкин писал Дельвигу из Болдина: „Я, душа моя, написал пропасть полемических статей, но, не получая журналов, отстал от века и не знаю, в чем дело — и кого надлежит душить — Полевого или Булгарина".

Алеша был очень неглупый мальчик. — В письмах к Вяземскому Пушкин еще в 1825 году характеризовал Полевого как „человека порядочного и честного, но враля и невежду", а в ноябре 1826 года писал ему же о том, что редактор журнала „должен: 1. знать грамматику русскую, 2. писать со смыслом, т. е. согласовывать существительное с прилагательным и связывать их глаголом. А этого-то Полевой и не умеет".

Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик... — Свиньин, Павел Петрович (1788—1839), основатель журнала „Отечественные Записки", собиратель и популяризатор памятников русской старины, публицист и романист. Его лживость и хлестаковские замашки увековечены в басне А. Е. Измайлова „Лжец" („Павлушка-медный лоб — приличное прозванье! / Имел ко лжи большое дарованье") и в набросках Пушкина „Криспин приезжает на ярмонку". См. о нем же упоминание в эпиграмме „Собрание насекомых" и далее, в дневнике Пушкина.

Ванюша, сын приходского дьячка — Надеждин, Николай Иванович (1804—1856), критик и теоретик литературы, профессор Московского университета, ближайший сотрудник „Вестника Европы", впоследствии редактор „Телескопа" (1831—1836), сын священника, воспитанник Рязанской семинарии и Московской духовной академии, автор резких критических разборов „Полтавы" и „Графа Нулина", на которые Пушкин

отвечал в 1829 году статьями и многочисленными эпиграммами.

301. Наброски письма в редакцию „Литературной Газеты“. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2382, лл. 31—32, два первых абзаца и от слов „Вы поминутно говорите“ до конца, и 71 об. — 70 об. — от слов „Но не смешно ли им судить“ до „как и граф Нулин“). Впервые опубликовано (как два особых фрагмента) В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 11, стр. 352—353 и 367—368; в настоящей композиции — в Полном собр. соч. Пушкина 1936, т. VI, стр. 94—97. Объединение обоих набросков произведено на основании их тесной тематической связи, а точное место включения второго фрагмента в первый определено на основании сделанной самим Пушкиным отметки в рукописи (после слов „беда была бы еще небольшая“): (— —).

Несколько строк из этого недописанного письма Пушкин (от „В обществе вы локтем задели вашего соседа“ до „Разница — критиковать историю Госуд. Российского и например ***“) в 1836 году использовал для своего анонимного выступления в „Современнике“, подписанном инициалами А. Б. и датой „Тверь. 23 апреля 1836 г.“ Возможно, что и самый замысел этого остроумного выступления в своем журнале под чужим забралом восходил к 1830 г.

„Письмо“ заключало в себе возражения на статью кн. П. А. Вяземского „Несколько слов о полемике“ в „Литературной Газете“ от 27 марта 1830 года: „Между равно благовоспитанными, образованными людьми, нередко и в споре бывает обмен насмешек, колкостей; но из того не следует, что спор в гостиной между благовоспитанными людьми есть одно и то же, что спор в сенях между лакеями, или на улице между черни. По этому соображению, образованный человек, застенчивый по отношению к чести своей, не войдет в бой неровный, словесный или письменный, с противниками, которые не научились в школе общежития цене выражений и приличиям вежливости. Пойдет ли благородный человек, вооруженный шпагою, драться на поединке с поденщиком, владеющим палкою? Разумеется, не от страха откажется он от боя: оружие его язвительнее; но законы чести, сии необходимые предрассудки общества, определили, что бой на шпагах благороден, а бой на палках унизителен. Английские нравы, может быть, хороши в Англии, но не в литературе: там знатный лорд должен по первому вызову площадного витязя засучить рукава и действовать кулаками. Есть и в литературе аристократия: аристократия талантов; есть и в литературе площадные витязи; но по счастию нет здесь народного обычая, повелевающего литературным джентлеменам отвечать на вызовы Джон Буля“ („Литературная Газета“ 1830, № 18, стр. 143—144). К этой статье Вяземского и к ее образам Пушкин не раз обращался и в своих критических набросках. См. „Разговор А и Б“, „Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений“.

301. *Но не смешно ли им судить о том, что принято или не принято в свете*... и пр. — Пушкин отвечает на критику „Графа Нулина“ в „Вестнике Европы“.

302. *Недавно исторический роман обратил на себя внимание всеобщее* — „Юрий Милославский“ М. Н. Загоскина.

302. *У нас вошло в обыкновение... не возражать на критики*... и пр. — Строки эти почти дословно повторены в заметке „Писатели, известные у нас под именем аристократов“.

302. *Вы скажете... что публика etc.* — Пушкин, вероятно, предполагал перенести сюда несколько строк из „Разговора А и Б“: „Публика довольно равнодушна к успехам словесности, истинная критика для нее не занимательна...“ и пр.

302. *Видок вас обругал.* — Именем полицейского агента Видока Пушкин обозначал Булгарина. См. его статью „О записках Видока“, а также „Мою родословную“ и эпиграммы на Булгарина.

303. „Французские критики имеют свое понятие...“. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2382, л. 30 об.). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855, стр. 259. Датируется на основании положения в рукописи (среди набросков статей для „Литературной Газеты“).

Иные даже называют романтизмом неологизм и ошибки грамматические... — Пушкин имеет в виду статью М. Д. в журнале „Le globe“.

Об отношении Пушкина к Андре Шенье см. выше.

303. ⟨Заметки о критике и полемике⟩.

1. Литература у нас существует... и пр. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2382, л. 102). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 11, стр. 358. Более раннюю формулировку этих суждений см. выше в полемике Пушкина с Бестужевым.

2. Критика вообще. Критика — наука открывать красоты... и пр. Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано Н. К. Козминым в Академическом изд. собр. соч. Пушкина“, 1923, т. IX, стр. 121.

303. *Винкельман,* Иоганн-Иоахим (1717—1768) — немецкий археолог и искусствовед. В библиотеке Пушкина сохранилось французское издание его „Histoire de l'art chez les anciens“, Paris 1789.

3. Читали ли вы в последнем № Газеты критику? и пр. Печатается по автографам *ЛБ* (тетради № 2382, л. 94 — кончая словами „Он один пускается в полемику“ — и № 2373, л. 13—14 — от слов „Тем хуже для литературы“). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 11, стр. 361—362 (первый набросок) и в № 8, стр. 321—322 (второй набросок). Оба наброска объединены впервые в настоящем издании на основании, во-первых, их тесной тематической связи, во-вторых, одинаковой формы построения (диалог) и, наконец, в-третьих, ввиду того, что фрагмент „Тем хуже для литературы“ снабжен в оригинале специальными авторскими звездочками (в начале и в конце), обозначающими, что это дополнительно написанная вставка, подлежащая переносу в другую тетрадь. Органически примыкая к неоконченному диалогу в тетради № 2382, фрагмент „Тем хуже для литературы“ должен был заменить начальную редакцию реплики г. А.: „Позвольте... сперва скажите, что вы называете высшей литературой“. Эта реплика, случайно лишь не зачеркнутая Пушкиным, из основного текста исключена.

304. *Что же касается до отношений г. Раича к г. Полевому...* — О С. Е. Раиче см. выше прим. к заметке об альманахе „Северная Лира“ (стр. 635) и к „Читали ли вы в последнем № *газеты* критику? А. и Б.“.

304. *Граф Орлов в бою с ямщиком. Граф Орлов,* Алексей Григорьевич (1737—1808) — убийца Петра III, впоследствии генерал-аншеф. Об его увлечении кулачными боями Державин намекал в „Фелице“: „Или кулачными бойцами и пляской веселю мой дух“.

304. *Трагедия Хомякова* — „Ермак“, о котором см. в заметках о народной драме (стр. 333). Пушкин знал эту трагедию по отрывкам, печатавшимся в „Московском Вестнике“ 1828 и 1829 гг. и в „Деннице на 1830 г.“

4. Критикою у нас большею частию... Печатается по автографу *ПД* (собрание А. Ф. Онегина). Впервые опубликовано Н. К. Козминым в сб.: „Неизданный Пушкин“, П. 1922, стр. 185.

5. Писатели, известные у нас под именем аристократов. Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова), вод. зн. бумаги „1831“. Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855, стр. 251—252. Заметка тематически связана с набросками письма в редакцию „Литературной Газеты“.

306. *Один аристократ... извинялся тем, что де с некоторыми людьми неприлично связываться человеку, уважающему себя и общее мнение...* и пр. — Пушкин имеет в виду кн. П. А. Вяземского и его статью „Несколько слов о полемике“.

306. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений. Печатается по черновому автографу *ЛБ* (тетради № 2387 А, лл. 11, 74, 2387 Б, лл. 39 об.. 59, 60, 15 об., 2387 А, лл. 15, 16, 63 об., 2387 Б, л. 30, 2387 А, лл. 13 об., 14, 20, 65, 19; 2387 Б, лл. 30 об., 68, 61, 38, 39). Впервые несколько отрывков из этой статьи опубликованы были в Посмертном изд. собр. соч. Пушкина, 1841, т. XI, стр. 204—206, 208—211, 216, 222—226 и П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1885, стр. 48, 288—299 и в Собр. соч. Пушкина, т. V, стр. 25—28, 41—42. Дополнения и поправки к этим отрывкам даны были В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 11, стр. 546—550 и 561—567. В настоящей композиции, с существеннейшими уточнениями прежде известного текста, впервые смонтированного не в произвольном порядке случайных „критических заметок“, а как определенные части статьи „Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений“, опубликовано в Полном собр. соч. Пушкина 1930, кн. 11, стр. 341—349.

В тетради *ЛБ* (№ 2387 А, л. 15 об.) сохранился начальный план этой статьи в следующем виде:

О китайских анекдотах — [О личностях] — О нравственности — [О дворянстве] — Об аристократии — О примеч⟨ании⟩ Литературной Газеты. Разговор — Обо мне — О литер. напр.

Развернут этот план был в тетради *ЛБ* (№ 2387 А, л. 16):

Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений

[In statu quo ante bellum]

§ 1.

О личной сатире. — Китайские Анекдоты — Сам съешь.

§ 2.

О нравственности — О графе Нулине — Что есть безнравственное сочинение — О Видоке.

§ 3.

Об литературной аристократии — О дворянстве.

§ 4.

Разговор о примеч⟨ании Литературной Газеты⟩

Заключение

План этот сопровождался припиской, но почти все дополнительно проектируемые параграфы (без цифр) были затем Пушкиным вычеркнуты, как лишние:

§ [О невинности и о г. Киреевском — хи-хи] Р.

§ [О цене Евг. Онегина]

§ О знаменитост⟨ях⟩.

Набрасывая этот план, Пушкин предусматривал в нем порядок размещения только наиболее значительных заметок, не оговаривая всех попутных разъяснений и фактических иллюстраций к основным темам. И те и другие размещены нами на основании учета особенностей их положения в самых рукописях и всякого рода отметок Пушкина на последних (знаки вставок, переносов, замен и т. п.). Название же статьи дважды закреплено было Пушкиным в тетради *ЛБ* (№ 2387 А на лл. 16 и 73). Начало статьи (до строк „Один из великих наших сограждан“) датировано было самим Пушкиным 2 октября 1830 года, а 4 ноября он же писал Дельвигу из Болдина: „Я, душа моя, написал пропасть полемических статей, но, не получая журналов, отстал от века и не знаю, в чем дело — и кого надлежит душить — Полевого или Булгарина“. Об этом же он писал 5 ноября кн. П. А. Вяземскому: „Здесь я кое-что написал. Но досадно, что не получал журналов. Я был в духе ругаться, и отделал бы их на их же манер. В полемике мы скажем с тобою, — и нашего тут капля меду есть“. Первоначально, как мы полагаем на основании наблюдений над

рукописями, Пушкин не думал отделять в своем ответе критикам литературные обвинения от „нелитературных“. Заметки, включенные в „Опыт отражения“, перемежались поэтому на одних и тех же листах набросками возражений критикам языка и стиля „Евгения Онегина“, ответом критикам ранних поэм, суждениями о „Полтаве“ и „Борисе Годунове“ и пр.

Эпиграф к статье взят был Пушкиным из письма Роберта Соути к издателю „Курьера“ (1822).

306. *Можно не удостоивать ответом своих критиков, как аристократически говорит сам о себе издатель Истории Русского Народа...* — Пушкин имеет в виду статью Полевого в „Московском Телеграфе“ 1830, т. XXXIII, № 9, стр. 103.

306. *Если в течение 16-тилетней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику...* — Перед этим зачеркнуто:

„Будучи русским писателем, я всегда почитал долгом следовать за текущей литературой и всегда читал с особенным вниманием критики, коим подавал я повод. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня как явные и вероятно искренние знаки благосклонности и дружелюбия. Читая разборы самые неприязненные, смею сказать, что всегда старался войти в образ мыслей моего критика, и следовать за его суждениями, не опровергая оных с самолюбивым нетерпением, но желая с ними согласиться со всевозможным авторским себяотвержением. К несчастию замечал я, что по большей части мы друг друга не понимали. Что касается до критических статей, написанных с одною целью оскорбить меня каким бы то ни было образом, скажу только, что они очень сердили меня, по крайней мере в первые минуты, и что следственно сочинители оных могут быть довольны, удостоверясь, что труды их не потеряны“.

307. *Пэан 12 года* — „Певец во стане русских воинов“ Жуковского.

307. *Я заметил, что самое глупое ругательство, неосновательное суждение, получает вес от волшебного влияния типографии.* — Перед этим зачеркнуто:

„Перечитывая самые бранчивые критики, я нахожу их столь забавными, что не понимаю, как мог на них досадовать; кажется, если б хотел я над ними посмеяться, то ничего не мог бы лучшего придумать, как только их перепечатать безо всякого замечания. Однако ж я видел, что самое глупое ругательство...“ и проч.

307. *Печатный лист кажется святым* — стих из сатиры И. И. Дмитриева „Чужой толк“ (1794).

307. *„Et moi, je vous soutiens, que mes vers sont fort bons“* — слова Оронта в комедии Мольера „Мизантроп“.

308. *Один из великих наших сограждан* — Н. М. Карамзин.

308. **, *который в своем журнале напечатал уморительный анекдот о двух китайских журналистах...* — Пушкин имеет в виду статью Булгарина о распре Каченовского с Полевым (см. „Отрывок из литературных летописей“) в „Северной Пчеле“ 1829, № 33.

308. *Один из наших литераторов, бывший, говорят, в военной службе, отказывался от пистолетов...* и пр. — Пушкин имеет в виду Булгарина, вызванного на дуэль Дельвигом.

308. *Однажды (официально) напечатал кто-то, что такой-то французский стихотворец, подражатель Байрону...* и пр. — Булгарин напечатал в „Северной Пчеле“ 1830, № 30, „Анекдот“ о столкновении двух „французских“ литераторов, в котором очень грубо и прозрачно противопоставил себя Пушкину. Ответом последнего явилась заметка „О записках Видока“.

309. *Некто из класса грамотеев, написав трагедию, долго не отдавал ее в печать...* и пр. — Пушкин имеет в виду столкновение свое с Булгариным по поводу сходных мест в трагедии „Борис Годунов“ (1825) и в романе „Дмитрий Самозванец“

(1829). См. выше об этом в одном из набросков предисловия Пушкина к „Борису Годунову".

310. *Сам съешь — есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики.* — Об этом Пушкин писал еще 13 сентября 1825 года кн. Вяземскому: „Сам съешь! — Заметил ли ты, что все наши журнальные Антикритики основаны на *сам-съешь?* Булгарин говорит Федорову: „Ты лжешь", Федоров говорит Булгарину: сам ты лжешь. Пинский говорит Полевому: *ты невежда,* Полевой возражал Пинскому: *ты сам невежда.* Один кричит: ты крадешь! другой: сам ты крадешь! — И все правы".

310. *Колкое стихотворение, в коем сказано, что Феб, усадив было такого-то, велел его после вывести лакею...* и пр. — Эпиграмма Баратынского „Писачка в Фебов двор явился" („Литературная Газета" 1830, № 33), на которую Полевой отвечал в „Московском Телеграфе" эпиграммой „Пришел поэт и пущен на Парнас".

310. *Поэту вздумалось описать любопытное собрание букашек..* — Об эпиграмме Пушкина „Мое собранье насекомых" и об откликах на нее см. т. I.

310. *Господа чиновные журналисты вздумали было напасть на одного из своих собратьев за то, что он не дворянин...* — Пушкин имеет в виду глумление Булгарина в „Северной Пчеле" 1825 над „купеческим званием" Н. А. Полевого, в защиту которого резко выступил кн. П. А. Вяземский.

311. *Мы так привыкли читать ребяческие критики, что они даже нас и не смешат.* — Перед этими строками в автографе зачеркнуто:

„Сравнивая Шекспира с Байроном, недавно один из наших критиков считал по пальцам, где более мертвых? В трагедии одного или в повести другого. Вот в чем полагал он существенную разницу между ими. Мнение наших критиков о нравственности и приличии, если разобрать его, удивительно забавно.

311. *Нашли его (с позволения сказать) похабным, — разумеется в журналах...* — Пушкин имеет в виду статьи Н. И. Надеждина в „Вестнике Европы" 1829 и 1830 гг. Первоначальной формой ответа на обвинения „Графа Нулина" в безнравственности было недописанное Пушкиным письмо в редакцию „Литературной Газеты" (см. выше, стр. 647), тесно связанное с „Опытом отражения".

313. *Отвратительная Канидия.*—Под именем „Канидии" (от „canus" — седой) Гораций в своих сатирах бичевал неаполитанскую отравительницу и гадалку Гратидию.

314. *В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой А. П. Ганнибал... был куплен шкипером за бутылку рома.* — Пушкин имеет в виду фельетон Булгарина („Второе письмо из Карлова") в „Северной Пчеле" 1830, № 94. Пушкин был в этом письме выведен под именем некоего „поэта в Испанской Америке, подражателя Байрона, происходившего от мулата". Поэт этот „стал доказывать, что один из предков его был негритянский принц. В ратуше города доискались, что в старину был процесс между шкипером и его помощником за этого негра, которого каждый из них хотел присвоить, и что шкипер доказывал, что он купил негра за бутылку рому". Пушкин ответил на эти выпады в „Моей родословной" (1830).

314. *Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее.* — Далее в автографе следовала недописанная строка: „Но не простительно было бы нам дозволять всякому [выходцу клеветать]".

314. *Послание к князю**......"*—послание „К вельможе" („От северных оков освобождая мир"). Адресатом его был князь Н. Б. Юсупов.

314. *Один журналист принял мое послание за лесть итальянского аббата.*— Пушкин имеет в виду памфлетную сцену „Утро в кабинете знатного барина", помещенную Н. А. Полевым в „Новом Живописце общества и литературы", выходившем в виде прибавления к „Московскому Телеграфу" (1830, ч. 32, № 10 (май), стр. 170—171).

315. *Мерсье*, Луи-Себастьен (1740—1814) — французский беллетрист, публицист и драматург, член Конвента, автор сатирических „Картин Парижа“ (1781), из-за которых должен был на время эмигрировать из Франции.

315. *Род мой один из самых старинных дворянских.* — Перед этим в рукописи зачеркнуто: „В одной газете официально сказано было, что я мещанин во дворянстве. Справедливее было бы сказать — дворянин во мещанстве“.

315. *Мы происходим от прусского выходца Радши...* и пр. — Вся историко-генеалогическая часть „Опыта“ впоследствии была переработана Пушкиным в его заметках о родословии Пушкиных и Ганнибалов.

315. *См. Рюлиера и Кастера.* — Пушкин имеет в виду запретные для русского читателя книги Клода Рюльера, „Histoire ou Anecdotes sur la Révolution de Russie en 1762, Paris 1797, и Ж. Кастера „Histoire de Catherine II“, Paris 1809.

315. *Он уже никогда не вступал в службу и жил в Москве и в своих деревнях.* — Далее зачеркнуто: „Ныне огромные имения Пушкиных раздробились и пришли в упадок, последние их родовые поместия скоро исчезнут. Имя их останется честным, единственным достоянием темных потомков некогда знатного боярского рода — Я руской дворянин, и знал своих предков прежде, чем узнал Байрона“.

316. *Я сожалел, видя как древние дворянские роды уничтожились...* и пр. — См. об этом же в более ранней редакции в „Романе в письмах“ (письмо VIII) и в набросках повести „Гости съезжались на дачу“ (разговор с испанцем).

316. ⟨Р а з г о в о р⟩. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 Б, лл. 28, 69, 29, 70 (основной текст) и тетрадь № 2387 А, л. 17 об. (набросок вставки в статью, от строк „Это замечание могло повредить невинным“ до „под их покровительством может быть безопасен“). Впервые опубликовано в статье П. В. Анненкова „Общественные идеалы Пушкина“ („Вестник Европы“ 1880, кн. VI, стр. 601—603). Несколько строк (от слов „И на кого журналисты наши нападают?“ до „Издеваться над ним нехорошо“) цитировались им же в „Вестнике Европы“ 1873, кн. XI, стр. 59. Точнее и полнее дано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 12, стр. 557—561. Статья тематически тесно связана с набросками, включенными в „Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений“.

316. *Читал ли ты замечание в № Литературной Газеты, где сравнивают наших журналистов с демократическими писателями XVIII столетия?* — Пушкин имеет в виду анонимную статью „Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии“, которая заканчивалась следующим образом: „Эпиграммы демократических писателей XVIII столетия (которых, впрочем, ни в каком отношении сравнивать с нашими невозможно) приуготовили крики: *Аристократов к фонарю* и ничуть не забавные куплеты с припевом: Повесим их, повесим. Avis au lecteur“ („Литературная Газета“ от 9 августа 1830 г., № 45, стр. 72).

317. *Добродетельный Томас, прямодушный Дюкло, твердый Шамфор...* — *Тома́*, Антуан-Леонард (1732—1785), *Дюкло*, Шарль (1704—1772), *Шамфор*, Николай (1741—1794) — французские публицисты предреволюционной поры.

318. *Какого ты мнения о Полиньяке?* — *Полиньяк*, Жюль (1780—1847), князь — французский политический деятель ультра-реакционного лагеря, глава кабинета министров, свергнутого Июльской революцией 1830 года.

318. *Что значут эти точки?... тут были ругательства ужасные да цензор не пропустил..* — Пушкин имеет в виду концовку статьи Булгарина об „Истории Русского Народа“ Н. Полевого, в которой говорилось по поводу „Литературной Газеты“: „Читая в журналах грубую брань, клеветы,

сплетни, гнусные выходки зависти, рядом с преувеличенными похвалами бессмертному историографу, поневоле выводим заключение, которое... не идет в печать" („Северная Пчела" от 13 сентября 1830, № 110).

320. *Некоторые журналы вступились с такою братскою горячностию за Северную пчелу...* — „Московский Телеграф" Н. А. Полевого и „Галатея" С. Е. Раича.

320. ⟨Заметки, исключенные из „Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений".

1. О цене „Евгения Онегина". Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 А, лл. 12 об. — 13). Впервые опубликовано в Посмертном изд. собр. соч. Пушкина, 1841, т. XI, стр. 207—208. О намерении Пушкина включить эту заметку в „Опыт отражения" свидетельствует план последнего (тетрадь 2387 А, л. 16 об.), в котором зачеркнуты строки: „О цене „Евгения Онегина".

Отповедь Пушкина вызвана анонимной заметкой в „Северной Пчеле": „VII глава Онегина стоит 5 рублей. За пересылку прилагается 80 к. Все поныне вышедшие семь глав, составляющие, в малую 12 долю, 15 печатных листов, стоят без пересылки 35 рублей. Первая часть сего романа в стихах еще не вышла в свет, а потому и невозможно определить цены целого сочинения" („Северная Пчела" 1830, № 40).

2. Шутки наших критиков. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 А, лл. 22 об. и 63). Впервые опубликовано в Посмертном изд. собр. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 232—233; поправки см. в „Русской Старине" 1884, № 12, стр. 551. Об исключении этой заметки из „Опыта отражения" свидетельствует начальная редакция плана последнего (см. тетрадь № 2387 А, л. 16 об.), из которого вычеркнут раздел: „О невинности и о г. Киреевском — хи-хи".

321. *В прошлом 1830 году...* — Пушкин, хотя и писал эти строки в конце 1830 года, рассчитывал на появление их в печати в 1831 году.

321. *Это хи-хи... перепечатали с большой похвалой в Северной Пчеле.* — Сомнительная острота „Вестника Европы" перепечатана была не в „Северной Пчеле", а в „Сыне Отечества" (1830, № 16, стр 243). Ошибка Пушкина объясняется тем, что оба эти издания выходили под редакцией Булгарина и Греча.

322. *Молодой Киреевский в красноречивом и полном мыслей обозрении нашей словесности...* — Пушкин имеет в виду статью И. В. Киреевского „Обозрение русской словесности 1829 г.", помещенную в альманахе „Денница на 1830 г.". Развернутую характеристику этой статьи см. в рецензии Пушкина на стр. 38.

Строки Киреевского о „душегрейке новейшего уныния" были широко использованы в статьях, заметках и стишках Булгарина, Надеждина, Полевого, Бестужева-Рюмина и др.

322. ⟨Проект предисловия к последним главам „Евгения Онегина".⟩ Печатается по беловому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 Б, лл. 36 и 62 об.). Впервые опубликовано (с некоторыми сокращениями) в Посмертном изд. собр. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 233—235; частично исправлено и дополнено в Собр. соч. Пушкина 1881, т. V, стр. 139—141 и в „Русской Старине" 1884, № 12, стр. 563.

Предисловие предназначалось Пушкиным для несостоявшегося издания последних глав „Онегина", в котором „Путешествие Онегина" должно было печататься в качестве главы восьмой.

322. *Странно было мне читать, например следующий отзыв...*—Пушкин цитировал рецензию Булгарина на VII главу „Онегина" в „Северной Пчеле" 1830, №№ 35 и 39.

324. ⟨Наброски возражений критикам „Евгения Онегина"⟩.

1. Наши критики долго оставляли меня в покое. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь 2387 А, лл. 64, 18, 67). Впервые опубликовано (в произвольном порядке) в Посмертном изд. собр. соч. Пушкина 1841, т. XI., стр. 228—231. В заметке использованы наброски ответа критику „Атенея", сделанные еще в 1828 году (см. выше, стр. 324). Материалы эти частично учтены были и в 1833 году в примечаниях к первому изданию „Онегина".

326. „*Почти так, как пишет Г***. — Пушкин писал в 1830 году о „некоторых погрешностях противу языка" в известном романе Загоскина „Юрий Милославский". Возможно, что его же имел он в виду, говоря о „Г⟨осподине⟩**". Расшифровка „Г**" как „Гоголя" лишена всяких оснований, ибо Пушкин осенью в 1830 году еще не читал и не знал Гоголя, печатавшегося к тому же в 1829—1830 гг. только под псевдонимами.

2. Г. Федоров, в журнале, который начал было издавать... Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 А, л. 67 об.). Впервые опубликовано в Посмертном изд. собр. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 215.

Рецензия Б. М. Федорова на две главы „Евгения Онегина" появилась в „С. Петербургском Зрителе" 1828, кн. 1, отд. „Критика", стр. 139. С этой же рецензией Пушкин полемизировал впоследствии в одном из примечаний к первому полному изданию „Евгения Онегина" („В журналах удивлялись, как можно было назвать *девою* простую крестьянку..." и пр.)

3. Шестой песни Онегина не разбирали.

327. *Пропущенные строфы подавали неоднократно повод.* Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь 2387 А, л. 64). Впервые опубликовано в Посмертном изд. собр. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 231.

Заметка эта была частично использована в предисловии к первому изданию последней главы „Евгения Онегина" в 1832 году.

4. Критику 7-ой песни в „Северной Пчеле"... и пр. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь 2387 А, л. 22). Впервые опубликовано (без примечания о Булгарине) в Посмертном изд. собр. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 231—232; примечание о Булгарине опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 12, стр. 551.

Отклики Пушкина на эту же рецензию см. выше, стр. 322—323.

328. *Описание Москвы взято из Ивана Выжигина.* — Пушкин имеет в виду строки рецензии о том, что он якобы „взял обильную дань из Горя от Ума и... из другой известной книги".

328. *Булгарин не сказывает, что трагедия Борис Годунов взята из его романа...* — См. выше, стр. 642.

328. ⟨Заметки о ранних поэмах⟩. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 А, лл. 21, 21, об., 12). Впервые опубликовано в Посмертном изд. собр. соч. Пушкина 1841, № 11, стр. 226—228 и 206.

328. *Весьма дельные вопросы, изобличающие слабость создания поэмы...* — Статья Д. П. Зыкова, друга и единомышленника Катенина, в „Сыне Отечества" 1820, № 38, с рядом вопросов, адресованных как самому Пушкину, так и к его критикам. Об этой статье Пушкин сочувственно упоминал в предисловии ко второму изданию своей поэмы.

329. *Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя.* — Пушкин имеет в виду следующие строки письма Рылеева, полученного им в апреле 1825 года: „Цыган слышал я четвертый раз и всегда с новым, с живейшим наслаждением. Я подыскивался, чтоб привязаться к чему-нибудь, и нашел, что характер Алеко несколько унижен. Зачем водит он медведя и собирает вольную дань? Не лучше б было сделать его кузнецом?"

329. *Вяземский повторил то же замечание.* — В рецензии на „Цыган" Вяземский отмечал: „Если непременно нужно свести Алеко в совершенный цыганский

быт, то лучше предоставить ему барышничать и цыганить лошадьми" („Московский Телеграф" 1827, № 10).

329. <Заметки о народной драме и о „Марфе Посаднице" М. П. Погодина>. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 Б., лл. 31—35 и 63—67). Впервые опубликовано (не полностью и неточно) в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841 т. XI, стр. 242—248; несколько полнее — в Собр. соч. Пушкина под редакцией П. В. Анненкова 1855, т. VI, стр. 103—108. Страницы разбора „Марфы Посадницы" впервые опубликованы в „Москвитянине" 1842, ч. V, № 10, стр. 462—465.

„Заметки" являются наиболее полным сводом взглядов Пушкина на драму, на ее теорию и историю. Взгляды эти складывались под влиянием изучения драматургии Шекспира и трудов теоретиков романтической драмы (Шлегеля, Гизо, критиков журнала „Globe"). Ряд высказываний в настоящих „Заметках" непосредственно восходит к этим трудам; так, рассуждения о народном происхождении драмы и о переходе ее к правящим классам совпадают с аналогичными мыслями Гизо в его популярной биографии Шекспира, приложенной к французскому изданию Шекспира, в переводе Летурнера, которым пользовался Пушкин.

Строки о правдоподобии драмы связаны с шлегелевской критикой классической трагедии, и близки к мыслям Лессинга об условности правдоподобия в искусстве. О правдоподобии см. еще заметки Пушкина „Из всех родов сочинений самые неправдоподобные" (стр. 264) и наброски предисловия к „Борису Годунову" (текст второй, стр. 285).

329. *Корнель, поэт испанский...* — Трагедии Корнеля создавались под сильным влиянием испанского театра и частью были переделками испанских пьес.

330. *Готшед*, Иоганн-Кристоф (1700—1766) — немецкий теоретик поэзии и драмы. Иронизируя над „пользой искусства", Пушкин имел в виду дидактическую теорию Готшеда, восходившую к поэтике Горация и Буало, который развивал также теорию прекрасного как *подражания* природе.

330. *У Шекспира римские ликторы сохраняют обычаи лондонских альдерменов...* — *Ликторы*, служители высших должностных лиц в древнем Риме, встречаются в „Кориолане" Шекспира; *альдермены* — члены городского управления в Англии.

331. *Клитемнестра* — жена греческого царя Агамемнона; в трагедиях Корнеля ее нет; повидимому, Пушкин имеет в виду Клитемнестру „Ифигении в Авлиде" Расина, которую сопровождают телохранители (gardes).

331. „*Филоктет*" и „*Эдип*"—трагедии Софокла.

331. *Нерон* — изображен в трагедии Расина „Британник", *Агамемнон* — в его „Ифигении в Авлиде"; приводимые цитаты взяты из этих трагедий.

332. О просторечии героев Шекспира Пушкин более подробно писал в заметке „О романах Вальтер Скотта".

333. Об отрицательном отношении Пушкина к творчеству Сумарокова и Озерова см. выше, 333, и в заметках на полях статьи Вяземского „О жизни и сочинениях В. А. Озерова" (стр. 541). Мысли о народности, не зависящей от национальной тематики, с упоминанием того же круга имен (Расин, Шекспир, Озеров), еще раньше были высказаны Пушкиным в заметке „О народности в литературе" (1826) (см. выше, стр. 270).

333. *Поэт Франции* — Расин.

333. „*Пожарский или освобожденная Москва*" (1807) — патриотическая пьеса М. Крюковского.

333. „*Ермак*" — трагедия А. С. Хомякова, печатавшаяся отдельными сценами в 1828 и 1830 гг., полностью вышедшая в 1832 году.

333. *Две драматические сатиры* — повидимому, „Недоросль" Фонвизина и „Горе от ума" Грибоедова.

334. *Опыт народной трагедии* — „Марфа Посадница" М. П. Погодина.

„Марфа Посадница", первые действия которой прочитаны были автором Пушкину

в мае 1830 года, была близка и драматургической системе „Бориса Годунова“ и отвечала теоретическим представлениям Пушкина о новой драме, которая должна преобразовать русскую сцену. Сам Погодин писал о своей трагедии: „У меня нет ни любви ⟨ср. у Пушкина: „une tragédie sans amour souriait à ma imagination“⟩, ни насильственной смерти, ни трех единств. Главное действующее лицо — народ“. Трагедия Погодина строилась на „единстве интереса“ („Иоанн наполняет трагедию. Мысль его приводит в движение всю махину, все страсти, все пружины“, — говорит Пушкин); отвергая условные драматические эффекты, Погодин стремился к объективному историзму (Пушкин: „Его дело воскресить минувший век во всей его истине“; „без театральных преувеличений“), а в языке—к сниженному просторечию, „простонародности“. Это соответствовало пушкинскому заданию — „перейти к грубой откровенности народных страстей, к вольности суждений площади“. Существенно было и то, что трагедия написана пятистопным ямбом, без рифм.

Прочтя окончательно отделанную „Марфу Посадницу“ в Болдине в ноябре 1830 года, Пушкин отметил ряд частных недостатков (главным образом — неправильность языка). Но общая оценка осталась попрежнему восторженной („Марфа имеет европейское, высокое достоинство“). Отзыв, данный Пушкиным в письме к Погодину (конец ноября 1830 года) предваряет разбор, развернутый в „Заметках“, совпадая с ним даже в деталях и в отдельных выражениях.

Пушкин принимал близкое участие в дальнейшей судьбе трагедии Погодина. В марте 1831 года он просил Жуковского похлопотать о трагедии у Бенкендорфа, который рекомендовал цензору „отложить обнародование сего сочинения до перемены нынешних смутных обстоятельств“ ⟨польской революции⟩. Летом 1831 года Пушкин сам говорил о „Марфе Посаднице“ с Бенкендорфом. Впоследствии, когда трагедия вышла в свет, Пушкин в письме к Погодину от 11 июля 1832 года вновь упоминал об „истинной драматической силе“ его трагедий и предрекал им со временем на сцене „такой народный успех, какого мы, холодные северные зрители Скрибовых водевилей и Дидлотовых балетов, и представить себе не можем“.

336. ⟨Об Альфреде Мюссе⟩. Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855, стр. 296—297. Заметка тесно связана с набросками возражений Пушкина на рецензии о „Графе Нулине“ (см. выше, стр. 311, а также стр. 353).

Альфред де-Мюссе (1810 –1857)—французский поэт и романист, в 1829 году выпустивший свой первый сборник стихотворений, поэм и драматических сцен „Contes d'Espagne et d'Italie“.

Воспевает луну такими стихами... — „Ballade de la lune“ Мюссе.

Гофман, Франсуа-Венедикт (1760—1828) и *Кольне де-Равель* (1768—1832) — французские критики.

337. ⟨Наброски третьей статьи об „Истории русского народа“ Н. А. Полевого⟩.

1. Противуречия ⟨и⟩ промахи, указанные в разных журналах... и пр. Печатается по черновому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 Б, лл. 51 об., 52, 52 об.). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 12, стр. V, 567—568.

2. Г. Полевой предчувствует присутствие истины... и пр. Печатается по черновому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 Б, лл. 47, 52 об., 46). Впервые частично опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855, стр. 270; полнее — П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина 1887, т. V, стр. 81—82.

3. Освобождение городов не существовало в России... и пр. Печатается по черновому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 Б, л. 47, 47 об., 51). Впервые опубликовано в кратком пересказе П. В.

Анненкова в „Материалах для биографии Пушкина“, 1855, стр. 270–271; точнее — П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина, 1887, т. V, стр. 82—83.

Все три фрагмента третьей статьи об „Истории „Русского Народа“ во всех изданиях Пушкина произвольно контаминировались с его заметками по истории французской революции и о русском дворянстве. Впервые разъединены эти статьи в Полном собр. соч. Пушкина 1930, кн. 11, стр. 418—420.

Первые две статьи Пушкина об „Истории русского народа“ опубликованы были им в „Литературной Газете“ 1830, №№ 4 и 12. К проблемам феодализма, впервые привлекшим к себе внимание Пушкина в связи с книгами Полевого, он возвратился в 1831 году, в заметках по истории французской революции (см. стр. 341). Суждения о борьбе московских царей с родовой аристократией и об окончательном подавлении последней Петром I и Анной Иоанновной развиты были в заметках о русском дворянстве (см. стр. 344).

340. *Но никто не предсказал Полиньяка...* — См. прим. к „Разговору“, стр. 752.

340. „Ignorance des seigneurs Russes...“ Печатается по автографу *ПД* (набросок сохранился на том же листе, где и заметка о романах Вальтер Скотта; см. стр. 276). Впервые опубликовано Н. К. Козминым в „Атенее“ 1924, кн. I—II, стр. 5 (с ошибочной датой „1825 г.“). Датируется нами условно 1830—1831 годом.

Противопоставление „невежества русских бар“ высокой культуре английской и французской аристократии, лучшие представители которой совмещают государственную и общественную работу с участием в литературной борьбе, тесно связано с аналогичными суждениями Пушкина о русских и западноевропейских журналистах в заметке 1831 года „Определяйте значение слов“: „Посмотрите, кто во Франции, кто в Англии издает журналы. Здесь Шатобриан, Мартиньяк, Перонет, там Кеннинг, Гиффорд, Джефри, Питт. Что ж тут общего с нашими журналами и журналистами?“.

С еще большей резкостью „тупость“ и „ничтожество“ русской правящей аристократии противопоставлена M-me де-Сталь, представительнице европейской „высшей образованности“, в „Рославлеве“ (1831).

Napoléon gazetier. — Пушкин, вероятно, имеет в виду ближайшее участие Наполеона I в руководстве официальной газетой французского правительства „Монитер“.

Кеннинг, поэт — Джордж Кеннинг (1770—1827), английский государственный деятель, лидер либералов, поэт и публицист.

Brougham — Генри Брум (1778—1868), английский государственный деятель либерального лагеря, знаменитый оратор и публицист, один из основателей журнала „Эдинбургское Обозрение“.

341. ⟨Заметка о русских журналах⟩. Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано Н. К. Козминым в Академическом изд. собр. соч. Пушкина, 1928, т. IX, стр. 138—139.

Заметка, предназначавшаяся для „Литературной Газеты“, тематически связана с набросками „Ignorance des seigneurs Russes...“ и пр. (стр. 340) и „Что есть журнал европейский...“ (стр. 536). О неосновательности претензии руководителей русских журналов быть выразителями „общего мнения“ Пушкин писал 11 июля 1832 года М. П. Погодину: „Что, если бы еще должны мы были уважать мнения Булгарина, Полевого, Надеждина? Приходилось бы стреляться после каждого нумера их журналов. Слава богу, что общее мнение (каково бы оно у нас ни было) избавляет нас от хлопот“.

Мартиньяк, Перонет. — *Мартиньяк*, Жан-Батист-Гэ (1778—1832), виконт — министр внутренних дел во Франции (с 1828), умеренный консерватор; *Перонет*, Шарль-Иньяс (1778—1854), граф — публицист ультраконсервативного лагеря, член Кабинета министров, свергнутого Июльской революцией.

Кеннинг, Гиффорд Джефри, Питт. — О *Кеннинге* см. выше; *Гиффорд*,

Бильям (1756—1826) — публицист, редактор консервативного „Quarterly Review“; *Джэфри*, Фрэнсис (1773—1850) — публицист, редактор „Эдинбургского Обозрения“; *Питт* младший, Вильям (1759—1806) — английский государственный деятель, лидер вигов.

„*Северный Меркурий*“ — литературная газета, издававшаяся с 1830 по 1832 год М. А. Бестужевым-Рюминым, о котором см. выше фельетон Пушкина „Альманашник“.

341. ‹Заметки по истории французской революции›.

1. Прежде нежели приступим... и пр. Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано, с некоторыми сокращениями, П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“, СПБ. 1855, стр. 267—269, полнее — в Академическом изд. соч. Пушкина, Л. 1928, т. IX, стр. 71—73. Более ранняя редакция наброска (с датой: „30 мая 1831. Ц. С‹ело›) хранится в *ПД* (собрание Л. Н. Майкова); там же и начальные черновые фрагменты ее, опубликованные в книге И. А. Шляпкина „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“, СПБ. 1903, стр. 56—58.

2. Мало-по-малу народ откупился... и пр. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 В, лл. 1 и 1 об.). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“, СПБ. 1855, стр. 268—269. В публикации этой печатаемому нами тексту предшествовали строки, автограф которых неизвестен и, возможно, представляет собою не подлинный текст Пушкина, а изложение П. В. Анненкова:

„Продолжительные войны дали им время основать свою самобытность. Таким образом родились парламенты. Нужда в деньгах заставила баронов и епископов продавать вассалам права, некогда присвоенные завоевателями. Сначала откупились рабы от вассалов, затем общины приобрели привилегии. Впоследствии времени короли, для уничтожения власти сильных владельцев, непрестанно покровительствовали общины“.

342. *Ришелье* (1585—1642) — кардинал, с 1624 года — первый министр Франции.

3. Феодальное правление. Его основание. Печатается по автографу *ПД*. Впервые опубликовано Н. К. Козминым в „Литературном Наследстве“.

4. Феодальное правление. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“, СПБ. 1855, стр. 267.

Заметки относятся к неосуществленной работе по истории французской революции, о которой Пушкин писал в середине июня 1831 года Е. М. Хитрово: „Я предпринял исследование ‹une étude› о французской революции и умоляю вас прислать мне Тьера и Минье, если возможно. Оба эти труда запрещены. У меня здесь имеются лишь „мемуары, относящиеся к революции“. (Подлинник по-французски.) Здесь названы основные работы, которыми пользовался Пушкин: „Histoire de la Révolution Française, depuis 1789 jusqu à 1814“, par F. A. Mignet (2 тт., 1824); „Histoire de la Révolution Française“ par M. A. Thiers (10 тт., 1823—1827); „Collections des Mémoires relatifs à la Révolution Française“ (23 тт., 1821—1825). Все они сохранились в библиотеке Пушкина. Кроме названных работ Пушкин мог пользоваться также книгами: Минье, „De la féodalité, des institutions de Saint-Louis et de la législation de ce prince“ (1822), Лакретеля, „Histoire de France pendant le XVIII siècle“ (1812), Гизо, „Histoire de la civilisation en France“ (1830—1832) и трактатом m-me де-Сталь „Considerations sur la Révolution Française“ (1818).

Работа Пушкина остановилась на этом конспекте введения, целью которого было — дать анализ изменений феодального строя, приведших к французской революции.

344. ‹О народном представительстве в 1789 г.›. Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано Б. В. Томашевским в Полном

собр. соч. Пушкина, М.— Л. 1930, т. V, стр. 420.

Пушкин комментирует выписанные им цитаты из речей, произнесенных 17 июня 1789 года на заседании Генеральных штатов, в прениях о праве третьего сословия представлять всю нацию.

Перевод:

„Менее всего допустимо, чтобы 24 миллиона человек против 200 000 имели половину голосов". *Байи.*

Но эти 200 000 были уже в некотором роде отборная часть нации, хотя и облеченная чрезмерными преимуществами, но представляющая собою класс просвещенный и имущий. Поэтому было неразумно обессиливать этот класс, а следовало внести только некоторые изменения. Было неразумно не рассматривать эти 200 000 как часть 24 миллионов.

Третье сословие равняется нации минус знать и духовенство. *Рабо де-Сент-Этьен.* Это значит: нация равняется народу минус его представители.

Порядок, установленный Генеральными штатами, являлся по существу республиканским — духовенство и знать, представлявшие собою верхнюю палату, являлись не промежуточной ступенью между королевской властью и народом, а лишь одним крылом той же палаты.

24 миллиона — слова, приписанные Пушкиным Бальи, в действительности были сказаны Сийесом. Речь Сийеса в отношении этих цифр повторяла положения его знаменитой брошюры „Что такое третье сословие?": „Третье сословие составляет огромное большинство населения. Хотя здесь и не существует точных цифр, однако я позволю себе привести приблизительный расчет: духовных, включая монахов и монахинь, 80 400 душ, дворян вместе с семьями — 110 000 душ. Всего в обоих привилегированных сословиях менее 200 000 душ. Сравните это число с 25—26 миллионами всего населения Франции и судите".

Бальи, Жан-Сильвен (1736—1795)— французский политический деятель умеренно-либерального направления, член Генеральных штатов, впоследствии первый председатель Национального собрания.

Порядок, установленный Генеральными штатами... — однопалатная система народного представительства.

344. <Заметки о русском дворянстве>.

1. Attentat de Феодор. — Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь 2387 Б, л. 22). Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве" 1881. кн. III; точнее — в Полном собр. соч. Пушкина, 1930, т. V, стр. 422. Заметки хронологически и тематически связаны с письмом Пушкина к кн. Вяземскому от 16 марта 1830 года: „Государь, уезжая, оставил в Москве проект новой организации, контр-революции Революции Петра... Правительство действует или намерено действовать в смысле европейского просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных — вот великие предметы. Как ты? Я думаю пуститься в политическую прозу". Законопроекты, о которых писал Пушкин (новый закон „о состояниях" и порядке гражданской службы, о запрещении помещикам отчуждать крепостных без земли и на своз, об ограничениях в праве владения дворовыми, об ограничении раздробления недвижимых населенных имений и пр.) действительно внесены были 6 марта 1830 года в Государственный совет, но реализованы не были ввиду того, что под впечатлением Июльской революции 1830 года николаевское правительство совершенно отказалось от реформ в том объеме, в каком они намечались первоначально.

344. *Attentat de Феодор* — уничтожение местничества царем Федором Алексеевичем в 1682 году. Сочувственный отзыв Пушкина об этом акте см. в „Отрывках из писем" 1827 года. Ср. также строки о местничестве в диалоге царя и Басманова в „Борисе Годунове".

344. *Указ de 1714* — закон об единонаследии.

344. *Les rangs — Chute de la Noblesse.*— О „табеле о рангах“ (1722) и об „уничтожении дворянства чинами“ см. прим. к следующему наброску.

344. *Opposition des Dolgorouky.* В черновой редакции главы второй „Путешествия из Москвы в Петербург“ Пушкин писал: „После смерти ⟨Петра I⟩, когда старая наша аристократия на минуту возымела свою прежнюю силу и влияние, Долгорукие чуть было не возвратили Москве своих государей, но смерть молодого Петра II, возведение на престол Анны Иоановны снова утвердило за молодым Петербургом его недавние права“ („Неизданный Пушкин“. Собрание А. Ф. Онегина“, П. 1922, стр. 186 — 187).

344. *Opposition de Panine. — Панин,* Никита Иванович (1718 — 1783) — глава Коллегии иностранных дел в первые годы царствования Екатерины II, лидер дворянской фронды 60-х — 70-х годов, автор проекта аристократической конституции.

344. *Новосильцов, Чарторижский, Кочубей* — ближайшие сотрудники Александра I в пору реформ первых лет его царствования, создатели, вместе с М. М. Сперанским, нового бюрократического аппарата самодержавия.

344. *Spéransky — Popovitch turbulent et ignoré... — Сперанский,* Михаил Михайлович (1772 — 1839) — статс-секретарь, по происхождению сын сельского священника, вдохновитель и ближайший руководитель всех мероприятий по реорганизации государственного аппарата с 1808 по 1812 год, резко враждебный крупнопоместной аристократии и реакционно националистической дворянской массе. При Николае I руководил работами по изданию Полного собрания законов (1830) и составлению Свода законов Российской империи (1832). В 1834 — 1835 гг. Пушкин часто встречался с Сперанским, о чем см. далее в его дневнике (стр. 506, 511). Особенно интересна их беседа 2 апреля 1834 года, о которой Пушкин записал: „Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра“. „Вы и Аракчеев — вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении зла и блага“.

345. *L'hérédité de haute noblesse...* — Суждение Пушкина о дворянстве отдаленно напоминает сентенции Бэкона в главе „Of Nobility“ книги „Essays moral, economical and political by Fransis Bacon“. Из этого сборника Пушкиным сделана выписка, впервые опубликованная (по рукописи *ПД*) Д. П. Якубовичем в „Звеньях“ 1932, № 2, стр. 228:

It is a reverend thing to see an ancient castle or building not in decay, or to see a fair timber-tree sound and perfect; how much more to behold an ancient noble family, which hath stood again the waves and weather of time.

Bacon.

Перевод:

Достойная уважения вещь видеть древний замок, либо постройку не в упадке, или видеть прекрасное строевое дерево крепким и целым. Сколь еще более достойно уважения взирать на древний дворянский род, который выстоял против волн и непогод времени. *Бэкон.*

Далее Бэкон писал: „Монархия, там, где вовсе нет дворянства, есть всегда чистая и абсолютная тирания, каковой она является у турок. Дворянство смягчает неограниченную власть и до некоторой степени отвращает взоры народа от королевской фамилии. Что касается до демократий, то они в дворянстве не нуждаются; они обычно более спокойны и менее подвержены мятежам, чем тот строй, где есть родовое дворянство“...

2. Что такое дворянство потомственное? Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано (не полностью и неточно) П. В. Анненковым в статье „Общественные идеалы Пушкина“ („Вестник Европы“ 1880, кн. VI, стр. 605 — 609), с еще большими извращениями печаталось в 1929 году Н. К. Козминым, произвольно разбившим заметки на три части, одну из которых он при этом перенес в середину так наз. третьей статьи об „Истории Русского Народа“ (Собр. соч. Пушкина, 1929, т. IX, стр. 161—

162 и 76—77). Ошибки первых публикаторов устранены в Полном собр. соч. Пушкина, 1930, т. V, стр. 422—423.

Рассуждения Пушкина о „дворянстве потомственном“ и о его политических функциях, намечаемые как в этих набросках, так и в „Романе в письмах“, очень близки даже в деталях к высказываниям на эти же темы Н. М. Карамзина в его „Записке о древней и новой России“:

„Самодержавие есть Палладиум России, — писал Карамзин. — Целость его необходима для ее счастия; из сего не следует, чтобы государь, единственный источник власти, имел причины унижать дворянство, столь же древнее, как и Россия. Оно было всегда не что иное, как братство знаменитых слуг великокняжеских или царских. Худо, ежели слуги овладеют слабым господином, но благоразумный господин уважает отборных слуг своих и красится их честию. Права благородных суть не отдел монаршей власти, но ее главное, необходимое орудие, двигающее состав государственный. Монтескье сказал: „Point de Monarque — point de noblesse; point de noblesse — point de Monarque!“ Дворянство есть наследственное; порядок требует, чтобы некоторые люди воспитывались для отправления некоторых должностей, и чтобы монарх знал, где ему искать деятельных слуг отечественной пользы. Народ работает, купцы торгуют, дворяне служат, награждаемые отличиями и выгодами, уважением и достатком. Личные, подвижные чины не могут заменить дворянства родового, постоянного, и хотя необходимы для означения степеней государственной службы, однако ж в благополучной монархии не должны ослаблять коренных прав его, не должны иметь выгод оного. Надлежало бы не дворянству быть по чинам, но чинам по дворянству, т. е. для приобретения некоторых чинов надлежало бы необходимо требовать благородства, чего у нас со времен Петра Великого не соблюдается: офицер уже есть дворянин. Не должно для превосходных дарований, возможных во всяком состоянии, заграждать пути к высшим степеням, — но пусть государь дает дворянство прежде чина и с некоторыми торжественными обрядами, вообще редко и с выбором строгим. Польза ощутительна: 1) Если часто будете выводить простолюдинов в министры, в вельможи, в генералы, то с знатностию приведется давать им и богатство, необходимое для ее сияния, — казна истощается... Напротив того, дворяне, имея наследственный достаток, могут и в высших чинах обойтись без казенных денежных пособий. 2) Оскорбляете дворянство, представляя ему людей низкого происхождения на ступенях трона, где мы издревле обыкли видеть бояр сановитых. Ни слова, буде сии люди ознаменованы способностями редкими, выспренними; но буде они весьма обыкновенны, то лучше, если бы сии высшие места занимались дворянами. 3) Природа дает ум и сердце, но воспитание образует их. Дворянин, облагодетельствованный судьбою, навыкает от самой колыбели уважать себя, любить отечество и государя за выгоды своего рождения, пленяться знатностию — уделом его предков, и наградою личных будущих заслуг его. Сей образ мыслей и чувствований дает ему то благородство духа, которое, сверх иных намерений, было целию при учреждении наследственного дворянства, — преимущество важное, редко заменяемое естественными дарами простолюдина, который, в самой знатности, боится презрения, обыкновенно не любит дворян и мыслит личною надменностию изгладить из памяти людей свое низкое происхождение. Добродетель редка. Ищите в свете более обыкновенных, нежели превосходных душ. Мнение не мое, но всех глубокомысленных политиков, есть, что твердо основанные права благородства в монархии служат ей опорою“ („Записка о древней и новой России“, СПБ. 1814, стр. 126—129).

Последние строки заметок Пушкина развернуты в его дневнике от 22 декабря 1834 года, при записи его спора с вел. кн. Михаилом Павловичем по поводу закона о почетном гражданстве. „Я заметил, что или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе,

как по собственной воле государя. Если в дворянство можно будет поступать из других состояний, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать или (что всё равно) всё будет дворянством. Что касается до tiers état, что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатство? Этакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении!" И далее: „Tous les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs" („Все Романовы — революционеры и уравнители").

346. *Отчего г. Полевой говорит, что они были наровне со смердами?* — Пушкин имеет в виду следующие строки: „Деление сословий народных на аристократов, духовенство и народ, после Ярослава, существовало уже решительно на Руси. Но аристократизм существовал собственно только в отношении к народу: перед лицом князя всё сливалось в одно звание: *рабов*. Его первый чиновник и последний смерд были пред ним равны" („История Русского Народа", М. 1830, т. II, стр. 87).

3. Русское дворянство что ныне значит... Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2374, л. 24). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 9, стр. 644. Эта программа статьи, в которой Пушкин, очевидно, рассчитывал использовать свои заметки о дворянстве, печатаемые нами выше, тесно связана и с рассуждениями „Романа в письмах" (1830) и с записью в дневнике Пушкина от 22 декабря 1834 года (см. стр. 522). Возможно, что программу эту Пушкин рассчитывал реализовать в одной из глав „Путешествия из Москвы в Петербург", а не в виде особой статьи.

346. <Заметки по истории Украины>. 1. Sous le nom d'Ukraine ou de Petite Russie... Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Бумага с вод. зн. „1830" и „1831" г. Впервые опубликовано Б. В. Томашевским в Полном собр. соч. Пушкина, 1930, вып. 11, стр. 470—471.

Перевод:

Украиной, или Малороссией, называют обширное пространство, соединенное с колоссом Россией и состоящее из губерний Черниговской, Киевской, Харьковской, Полтавской и Подольской.

Климат там мягок, земля плодородна; страна в своей западной части покрыта лесом. На юге тянутся огромные равнины, пересекаемые широкими реками, где путешественник не встретит ни леса, ни холма.

Славяне с незапамятных времен населяли эту обширную область; города Киев, Чернигов и Любеч не менее древни, чем Новгород Великий, свободный торговый город, основание которого относится к первым векам нашей эры.

Поляне жили на берегах Днепра, северяне и суличи — на берегах Десны, Сейма и Сулы, радимичи — на берегах Сожа, дреговичи — между Западной Двиной и Припетью, древляне — в Волыни, бужане и дулебы — по Бугу, лутичи и тиверцы — у устьев Днестра и Дуная.

К середине девятого века Новгород был завоеван норманнами, известными под именем варяго-руссов. Эти предприимчивые удальцы, вторгаясь далее в глубь страны, подчинили себе одно за другим племена, жившие на Днепре, Буге, Десне. Различные славянские племена, принявшие имя русских, увеличили войска своих победителей. Они захватили Киев, и Олег сделал его своей столицей. Варяго-руссы стали грозой Восточной Римской империи, и не раз их варварский флот появлялся угрозой у стен богатой и слабой Византии. Не будучи в состоянии отразить их силой оружия, она гордилась тем, что смирила их посредством религии. Дикие поклонники Перуна услышали проповедь евангелия, и Владимир принял креще-

ние. Его подданные с тупым равнодушием усвоили веру, избранную их вождем.

Русские, наводившие ужас на отдаленные народы, сами постоянно подвергались нападениям соседних племен: болгар, печенегов и половцев. Владимир разделил между своими сыновьями земли, завоеванные его предками.

Эти князья в своих уделах являлись представителями государя, которым было поручено подавлять возмущения и отражать нападения врагов. Это, как мы видим, вовсе не была феодальная система, основанная на независимости отдельных лиц и на равном праве их участия в добыче.

Но вскоре начались раздоры и войны, длившиеся непрерывно более чем двести лет. Столица государя была перенесена во Владимир. Чернигов и Киев потеряли постепенно свое значение. Тем временем в южной России возникли другие города: Корсунь и Богуслав на Роси (в Киевской губернии), Стародуб на Бабенце (в Черниговской губ.), Стрецк и Вострецк (в Черниговской губ.), Триполь (под Киевом), Лубны и Хорол (в Полтавской губ.), Прилуки (в Полтавской губ.), Новгород-Северский (в Черниговской губ.). Все эти города существовали уже к концу XIII века.

В то время как внуки Владимира-тирана занимались раздорами и воинственные племена, обитавшие к востоку от Черного моря, оказывали помощь одним из них, чтобы делить добычу, доставшуюся от других, неожиданное бедствие обрушилось на русских князей и весь народ.

Татары появились у границ России. Им предшествовали всё те же половцы, прогнанные со своих пастбищ и массами устремившиеся к тем князьям, которым раньше они служили или которых разоряли. Князья собрались в Киеве. Война была решена; отовсюду стекался народ и становился под знамена. Один только Юрий, великий князь владимирский, не пожелал принять участия в опасностях похода. Он ожидал ослабления уделов в результате этой войны.

Войска князей, соединившись с половцами, продвигались против неведомого, но уже грозного врага. Татарские послы прибыли на берег Днепра в то время, как русские войска начали переправу. Они предложили князьям союз против половцев, но последние употребили всё свое влияние, и послы были перебиты. Войска продвигались всё дальше; между тем не замедлили вспыхнуть раздоры. Два Мстислава, князь киевский и князь галицкий, дошли до открытого разрыва. Прибыв на берег Калки (река в Екатеринославской губернии), Мстислав галицкий перешел ее с своим войском, в то время как остальная армия, под начальством князя киевского, укрепилась на противоположном берегу. На следующий день (31 мая 1224 года) враг появился, и началась битва между татарскими войсками и передовым отрядом, состоявшим из войск князя галицкого и половцев. Последние вскоре дрогнули и внесли беспорядок в ряды русских. Те еще сражались, воодушевляемые примером храброго Даниила Волынского, но безрассудная гордость князей была причиной их гибели. Мстислав киевский не посылал подкрепления князю галицкому, а тот его не желал просить.

Вскоре смятение объяло всех; бегущие половцы убивали русских, чтобы поскорее их грабить. Русские отступили за Калку, преследуемые татарами, и миновали лагерь князя киевского, который, оставаясь неподвижным зрителем их поражения, еще рассчитывал на собственные силы, чтобы отразить победителей, которые скоро его окружили. Татары начали переговоры, которые позволили им овладеть лагерем. Произошло страшное избиение. Мстислав и некоторые другие князья подверглись ужасной участи: татары связали их и положили на землю, покрыли доской, на которую сели, раздавив их заживо.

Так погибло войско, еще недавно грозное. Татары преследовали русских до Чернигова и Новгорода-Северского, предавая всё огню и мечу. Внезапно победители остановились, и их орда ушла на восток, где

она соединилась с великой армией Чингисхана, стоявшей в то время в Бухаре.

2. Что ныне называется Малороссией? Печатается по автографу *ПД* (собрание И. А. Шляпкина). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855, стр. 266—267.

Заметки Пушкина представляют собою пересказ соответственных мест „Истории Государства Российского“ Н. М. Карамзина (тт. I — III) и первых глав „Истории Малой России“ Д. Н. Бантыша-Каменского (М. 1822). К последнему источнику полностью восходят строки от „Les Polanes habitaient“ до „du Danube“ и рассказ об опустошении Киева и Чернигова половцами. Наброски же плана („Что ныне называется Малороссия“) свидетельствуют, что Пушкин руководствовался данными рукописной „Истории Руссов“. Так, Карамзин и Бантыш-Каменский, отрицая возможность завоевания Гедимином Киева и северских городов, относили литовское владычество к более позднему времени. Пушкин же принимал, очевидно, точку зрения автора „Истории Руссов“, описывавшего „приход Гедимина в пределы малороссийские“ в 1320 году; для Бантыша-Каменского гетманат Сагайдачного, „обнажившего в 1618 году меч свой против соотечественников“, т. е. против Москвы, не является вехой истории Украины. Пушкин же, вслед за „Историей Руссов“, целый исторический период именует: „От Сагайдачного до Хмельницкого“.

Устанавливаемая таким образом связь плана Пушкина с „Историей Руссов“ позволяет высказать предположение, что заметки по истории Украины связаны с проектом издания рукописи „Истории Руссов“. Материал же, получивший отражение во французском конспекте истории Киевской Руси, предназначался для введения или для примечаний к задуманному изданию, ибо в „Истории Руссов“, судя по позднейшей пушкинской характеристике этого памятника в „Современнике“, именно начальные главы вызывали серьезные сомнения и требовали фактических дополнений и поправок.

Манускрипт „Истории Руссов“, автором которой в течение долгого времени ошибочно считался Георгий Кониский, обнаружен был в 1824—1825 гг., но сведения о нем в печати ограничивались до 1836 года (возможно, по цензурным соображениям) лишь случайными цитатами и пересказами.

В пору печатания „Полтавы“ Пушкин располагал списком „Истории Руссов“, принадлежавшим М. А. Максимовичу (см. ссылку на „Летопись Кониского“ в <Заметке о „Полтаве“> (стр. 65) и данные „Истории славянских литератур“ А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича, СПБ. 1879, т. I, стр. 366); вероятно, с интересом его именно к этой исторической хронике связано сообщение М. П. Погодина в письме от 28 апреля 1829 года к С. П. Шевыреву: „Пушкин собирается писать историю Малороссии“ („Русский Архив“ 1882, кн. II, стр. 80—81). Причины отказа Пушкина от этого плана неизвестны.

349. <Заметка о Дмитрии Самозванце>. Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“, СПБ. 1855, стр. 272.

Заметка связана, вероятно, с работой Пушкина над предисловием к отдельному изданию „Бориса Годунова“.

350. „В древние времена...“. Печатается по беловому автографу *ПД* (собрание А. Ф. Онегина). Впервые опубликовано в сб. „Неизданный Пушкин“, П, 1922, стр. 213, точнее — Д. П. Якубовичем в Полном собр. соч. А. С. Пушкина, т. V, кн. 2, стр. 664. Условно датируется 1832 — 1833 гг. по связи с предыдущими заметками, но, возможно, относится к плану повести „Сын казненного стрельца“ (1834 — 1835).

350. „Москва была освобождена...“. Печатается по беловому автографу

ЛБ (тетрадь № 2373, лл. 16 и 17). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 8, стр. 323—324. Условно — по месту в рукописи — датируется 1832—1833 гг. См. „Заметку о приказах“.

351. ‹Заметка о „Моцарте и Сальери“›. Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова), писанному на обороте записки Н. М. Смирнова к Пушкину от середины 1832 года. Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855, стр. 288.

Заметка предназначалась, вероятно, для использования при переиздании „Моцарта и Сальери“.

В первое представление Дон Жуана... — „Дон Жуан“ впервые был поставлен в Праге 29 октября 1787 года. Пушкин имел, вероятно, в виду не этот спектакль, на котором Сальери не мог присутствовать, а премьеру „Дон Жуана“ в Вене в 1788 году.

Салиери умер лет 8 тому назад... — *Сальери* Антонио (1750—1825). Последние его годы были омрачены тяжелым психическим недугом. В числе бредовых его фантазий был и рассказ о том, что он якобы отравил Моцарта. Слухи о „признаниях“ Сальери проникли в печать еще в 1824 году и были использованы Пушкиным для „драматических сцен“, самый *замысел* которых датируется 1826 годом (время написания — 1830 год).

351. О новейших романах. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2372, л. 60). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 8, стр. 318. Судя по времени составления этого плана, статья „О новейших романах“ предназначалась Пушкиным для его несостоявшейся газеты „Дневник“. К этой статье относится набросок „Всем известно, что французы народ самый антипоэтический“ (см. ниже).

„Barnave“, *„Confession“*, *„Femme guillotinée“* — романы Жюля Жанена, вышедшие в свет между 1829 и 1831 годами.

Муравьев — Пушкин имеет, вероятно, в виду „Путешествие ко св. местам“ А. Н. Муравьева.

Полевой — романист... — В 1832 году вышла известная историческая повесть Н. А. Полевого „Клятва при гробе господнем“.

Свиньин... — В 1832 году вышел в свет исторический роман П. П. Свиньина „Шемякин суд“.

351. „Всем известно, что французы народ самый антипоэтический“... Печатается по черновому автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855, стр. 237—238; точнее — Б. В. Томашевским в Полном собр. соч. Пушкина 1934, т. V, кн. 2, стр. 581. Набросок предназначался для статьи „О новейших романах“ в несостоявшейся газете Пушкина (см. раздел плана этой статьи на стр. 351, посвященный „Поэзии французской“). С еще большей резкостью Пушкин писал о своем замысле М. П. Погодину в сентябре 1832 года: „Одно меня задирает: хочется мне уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы. Сказать единожды вслух, что Ламартин скучнее Юнга и не имеет его глубины, Беранже не поэт, что V. Hugo не имеет жизни, т. е. истины, что романы А. Виньи хуже романов Загоскина, что их журналы невежды, что их критики почти не лучше наших Телескопских и ‹Теле›графских. Я в душе уверен, что XIX век, в сравнении с XVIII, в грязи (разумею во Франции). Проза едва-едва выкупает гадость того, что зовут они поэзией“. Ср. столь же резкую характеристику современной французской поэзии в статье о Вольтере (1836).

351. *Лучшие писатели их доказали... сколь чувство изящного было для них чуждо и непонятно.* — В зачеркнутом далее абзаце статьи Пушкин конкретизировал свое утверждение: „Монтань, путешествовавший по Италии, не упоминает ни о Микель-Анджело, ни о Рафаэле. Монтескье смеется над Го-

мером, Вольтер, кроме Расина и Горация, кажется, не понял ни одного поэта; Лагарп ставит Шекспира на одной доске с ..."

352. *Прелестные шалости Колле...* — *Колле,* Шарль (1709—1783) — французский поэт, автор фривольных сатирических песенок и комедий.

352. *Не знаю, признались ли, наконец, они в тощем и вялом однообразии своего Ламартина...* — Сочувственно отозвавшись о первых сборниках Ламартина (см. выше, стр. 261), Пушкин резко меняет свое отношение к нему примерно с 1825 года, иронизируя над тем, что „под романтизмом у нас разумеют Ламартина", и резко отрицательно характеризуя его в заметке об Альфреде де-Мюссе (1830).

352. *Cinq-Mars, посредственный роман графа де Виньи.* — См. резкую характеристику этого же романа в набросках предсмертной статьи Пушкина „О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая" (1837).

352. *В Литературной газете упомянули о них с похвалою...* — Пушкин имеет в виду свою статью о стихотворениях Делорма (Сент-Бева).

352. *Victor Hugo, поэт и человек с истинным дарованием...* — В заметках 1830 года Пушкин отметил „блестящие, хотя и натянутые Восточные стихотворения (Les Orientals) Гюго. В письме к Е. М. Хитрово от середины мая 1830 года он же отмечал, что „Hugo et Sainte-Beuve sont sans contredit les seuls poètes français de l'époque, surtout Sainte-Beuve". Отрицательная характеристика „Кромвеля" Гюго (которого Пушкин все же признает поэтом, „хотя и второстепенным") дана в набросках статьи „О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая."

352. ⟨О „Путешествии к св. местам" А. Н. Муравьева⟩. Печатается по черновому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2373, лл. 22—23). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 8, стр. 326—327, точнее — в Полном собр. соч. Пушкина 1930, кн. 11, стр. 358.

Муравьев, Андрей Николаевич (1806—1874) — поэт и реакционно-клерикальный публицист, о первых стихотворных опытах которого Пушкин благосклонно отозвался в наброске рецензии на альманах „Северная Лира" (см. стр. 273). Против него же направлена эпиграмма „Лук звенит, стрела трепещет".

Книга А. Н. Муравьева „Путешествие ко святым местам в 1830 г." вышла в свет в 1832 году (дата цензурного ее разрешения — 2 февраля 1832 г.). Рецензию на нее Пушкин предназначал, очевидно, для своей газеты „Дневник". Об этой же книге Пушкин сочувственно упомянул в предисловии к „Путешествию в Арзрум" (1836): „Из поэтов, бывших в Турецком походе, знал я только об А. С. Хомякове и об А. Н. Муравьеве. Оба находились в армии графа Дибича. Первый написал в то время несколько лирических стихотворений, второй обдумывал свое путешествие к святым местам, произведшее столь сильное впечатление".

352. *Здесь .. говорит другой русский путешественник...* — Пушкин имеет в виду, как мы полагаем, цитату из статьи „Русские поклонники в Иерусалиме (Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 г.)": „Здесь, у подошвы Сиона, всяк христианин, всяк верующий, кто только сохранил жар в сердце и любовь к великому" („Северные Цветы на 1826 г.", стр. 225—226).

353. *Он же старается, как Шатобриан...* — Пушкин имеет в виду „Itinéraire de Paris à Jérusalem et de Jérusalem à Paris" (1811).

353. *Страшный преобразователь Египта* — Мегмет-Али (1769 — 1849), египетский диктатор с 1805 года.

353. ⟨План издания русских песен и статьи о них⟩. Печатается по автографу *ПД* (собрание А. Ф. Онегина). Впервые опубликовано, с многочисленными ошибками в чтении, обессмыслившими текст,

и с объяснением всей записи, как якобы „Плана статьи о русской литературе с очерком французской“, в сб. „Неизданный Пушкин“, П. 1922, стр. 183 и в Академическом изд. соч. Пушкина, Л. 1929, т. IX, ч. II, стр. 617; точнее — в Полном собр. соч. А. С. Пушкина 1930, т. V, стр. 357.

Запись эта, сохранившаяся на листе, занятом черновыми набросками „Путешествия Онегина“ (1830) и перечнем произведений, предназначавшихся для включения в третью часть „Стихотворений Александра Пушкина“ (цензурная дата — 20 января 1832 г.), приурочивается к концу 1831 года.

„Пушкин говорит, — писал Н. М. Языков 16 декабря 1831 года брату, — что он сличил все доныне напечатанные русские песни и привел их в порядок и сообразность, зане ведь они издавались без всякого толку“ („Исторический Вестник“ 1883, кн. XII, стр. 533—534). Ср. письмо С. А. Соболевского от 15 декабря 1831 года к С. П. Шевыреву о затеянном им, совместно с Пушкиным, еще в 1828 году „Собрании русских песен“ („Русский Архив“ 1909, кн. 7, стр. 502), а также свидетельство П. В. Киреевского в письме от 12 октября 1832 года к Н. М. Языкову: „Пушкин был недели две в Москве и третьего дня уехал. Он... намерен как можно скорее издавать русские песни, которых у него собрано довольно много“ („Исторический Вестник“ 1883, кн. XII, стр. 535). О передаче в конце 1833 года собранных Пушкиным материалов П. В. Киреевскому (через С. А. Соболевского) см. „Рукою Пушкина“, М. 1935, стр. 435—436.

353. 〈З а м е т к а к „Г р а ф у Н у л и н у“〉. Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано (частично) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“, СПБ. 1855, стр. 167, полностью — П. О. Морозовым в Академическом изд. соч. Пушкина, СПБ. 1916, т. IV, примеч., стр. 231.

Имя *Публиколы*, друга Брута, одного из основателей римской республики, в заметке Пушкина проставлено ошибочно вместо имени Коллатина, мужа Лукреции, упоминаемого Титом Ливием в римской легенде об изгнании царей, и в поэме Шекспира „Лукреция“.

Происшествие в Новоржевском уезде — по преданию, случай с А. Н. Вульфом, приятелем Пушкина, приволокнувшимся за молодой поповной в имении своего дяди.

354. 〈З а м е т к а о п р и к а з а х〉. Печатается по беловому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2373, л. 43 об.). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1844, № 8, стр. 330. Условно датируется 1833 годом — по месту в рукописи.

354. З а м е т к и о Д е л ь в и г е.

1. Д е л ь в и г. Печатается по автографу *ПД* (бумага с вод. зн. „1833“). Впервые опубликовано в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 57—60; пропущенные места и искажения указаны Б. Л. Модзалевским в „Сборнике Пушкинского Дома на 1923 г.“, П. 1922, стр. 8—9.

Заметки предназначались, вероятно, для той биографии Дельвига, которую Пушкин задумал написать вместе с Баратынским и Плетневым еще в 1831 году.

Под впечатлением известия о смерти Дельвига Пушкин писал 21 января 1831 года П. А. Плетневу: „Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная... Никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели“. 31 января он же в письме к Плетневу сообщал: „Баратынский собирается написать жизнь Дельвига.— Мы все поможем ему нашими воспоминаниями. Не правда ли? Я знал его в лицее — был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. С ним читал я Державина и Жуковского, с ним толковал обо всем, *что душу волнует, что сердце томит.* Я хорошо знаю, одним словом, его первую молодость; но ты и Баратынский знаете

лучше его раннюю зрелость. Вы были свидетелями возмужалости его души. — Напишем же втроем жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами". В середине февраля 1831 года Пушкин, откликаясь на статью Плетнева о Дельвиге в „Литературной Газете", писал ему: „Твоя статья прекрасна... Но надобно подробностей, — изложения его мнений, анекдотов, разбора его стихов etc." Несмотря на то, что надежды на коллективную биографию Дельвига не оправдались, Пушкин в 1833—1834 гг. приступил к записи своих воспоминаний о нем. См. также запись анекдотов о Дельвиге (стр. 461—462).

355. *Гельти*, Людвиг (1748—1776) — немецкий поэт геттингенской национально-романтической школы, автор баллад, идиллий и элегий, в которых характерно приближение к формам народного певучего стиха.

355. *Живой лексикон и вдохновенный комментарий* — В. К. Кюхельбекер.

355. *Стихи одного из его товарищей, стихи посредственные...* — стихи А. Д. Илличевского, лучшие из которых впоследствии были объединены в сб. „Опыты в Антологическом роде" (1827).

2. Я ехал с В⟨яземским⟩ из Петербурга в Москву. Печатается по автографу *ПД* (вод. зн. „1834"). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина" 1855, стр. 279—280.

356. ⟨„Путешествие из Москвы в Петербург"⟩. Печатается по беловой рукописи *ЛБ* (тетради № 2385 Б и № 2386 Б). Сохранились черновики статьи (*ЛБ*, тетради № 2384 и № 2377 А и *ПД*, собрание А. Ф. Онегина), а также писарская копия, правленная Пушкиным (*ЛБ*, тетрадь № 2385 Б).

Впервые напечатаны были отрывки из „Путешествия" в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 5—54, без заглавия, а затем в Собр. соч. Пушкина под ред. П. В. Анненкова 1856, под заглавием, придуманным самим редактором: „Мысли на дороге". Это заглавие, явно цензурного происхождения, сохранялось и во всех последующих изданиях. Заглавие „Путешествие из Москвы в Петербург", более соответствующее замыслу и содержанию произведения, дано впервые в Полном собр. соч. Пушкина, ГИХЛ, 1934.

Статья начата Пушкиным в декабре 1833 года и оставлена в недоконченном виде в апреле 1834. Глава „Москва" писалась позже — в январе 1835 года.

„Путешествие", по замыслу Пушкина, должно было явиться своеобразным ответом на знаменитую книгу А. Н. Радищева „Путешествие из Петербурга в Москву" (1789), представляющую собой резкий обвинительный акт против самодержавия и крепостного права. Главы книги Радищева названы именами почтовых станций от Петербурга до Москвы: встречи на станциях, впечатления от природы и людей являются поводом для тирад и рассуждений на политические, социальные и литературные темы. У Пушкина рассказчик путешествует в обратном направлении — из Москвы в Петербург, читая книгу Радищева от конца к началу и как бы проверяя его впечатления своими.

Интерес Пушкина к Радищеву и его запрещенной книге начался еще в лицее и продолжался на протяжении всей жизни: „Бова" (1815) написан в подражание „Бове" Радищева, „Вольность" (1817) — в подражание „Вольности" Радищева. В позднейших стихах и письмах Пушкина не раз упоминается с сочувствием имя Радищева. В 1824 году он упрекал А. А. Бестужева (Марлинского), автора „Взгляда на старую и новую словесность в России" („Полярная Звезда на 1823 год"), за то, что тот пропустил в своем обзоре имя Радищева. Предприняв в 1834 году свой обзор русской литературы („О ничтожестве литературы русской"), Пушкин в план его вводит имя Радищева в сопоставлении с именами Фонвизина и Екатерины II. Наконец, в „Памятнике" (1836) Пушкин называет Радищева как своего предшественника в „гражданской" поэзии („Что вслед Радищеву восславил

я свободу" — вариант беловой рукописи „Памятника").

В литературе существуют две противоположные точки зрения по вопросу о замысле и характере пушкинского „Путешествия". Одни исследователи считают, что основной целью Пушкина было привлечь внимание читателей к Радищеву и под видом полемики с его взглядами пропагандировать эти взгляды (В. Е. Якушкин, „О Пушкине", СПБ. 1903). Другие видят в возражениях Пушкина Радищеву подлинное выражение его убеждений и целью статьи считают опровержение радищевских взглядов (П. Н. Сакулин, „Пушкин. Историко-литературные эскизы", М. 1920). В действительности дело обстояло, повидимому, сложнее. Нет сомнения, что, давая такие обильные цитаты из „Путешествия из Петербурга в Москву", сопровождаемые иной раз лишь самыми краткими замечаниями или заявлениями своего согласия с Радищевым, Пушкин действительно имел целью обойти цензурный запрет и познакомить читателей хотя бы в отрывках с запрещенной книгой Радищева. Но это не было пропагандой взглядов Радищева, и считать возражения Пушкина неискренними и написанными для цензуры нет оснований. Политические, социальные и литературные убеждения Пушкина в 30-х годах, поскольку они нам известны из других источников, сильно расходятся со взглядами Радищева и по общему направлению вполне совпадают с высказываниями в комментируемой статье. При переписке набело своего черновика, написанного в 1834 году, Пушкин в ряде мест сократил и несколько смягчил в цензурном отношении свою статью; этот черновик представляет собой поэтому большой интерес, как более свободное выражение мыслей Пушкина. Ниже мы приводим из него дополнения и наиболее интересные варианты.

„Путешествие" Пушкина представляет собой замечания на одиннадцать последних глав „Путешествия из Петербурга в Москву" (точнее, на десять, так как одна из глав Радищева — „Завидово" — была пропущена Пушкиным). Главы статьи в черновой рукописи носили, как у Радищева, заглавия по именам станций, по которым проезжал путешественник (см. ниже).

В черновике первой главы заглавие отсутствует. В беловой рукописи названию „Шоссе" предшествовало зачеркнутое название „Дорожный товарищ".

Вторая глава — „Москва" — отсутствует в черновой рукописи 1834 года, она была написана позже — в 1835 году. Приведем дополнения из черновиков ее.

〈1〉

Обеднение Москвы есть доказательство обеднения русского дворянства, происшедшего от раздробления имений, исчезающих с ужасной быстротою — так что правнук богача делается бедняком потому только, что дед его имел четверо сыновей, отец его — столько же... Он уже не может жить этим огромным домом, который не в состоянии он освещать, даже отапливать.

Он продает его в казну или отдает за бесценок старым заимодавцам — и едет в свою деревушку, заложенную и перезаложенную, где живет в скуке и в нужде, мало заботясь о судьбе детей, которых на досуге рожает ему жена и которые будут совершенно нищими. [Состояние же крестьян не улучшается — и крепостной мелкопоместного владельца терпит более притеснений и несет более повинностей, нежели крестьянин богатого барина.]

Но, говорят некоторые, раздробление имений способствует к освобождению крестьян: помещики, не получая достаточных доходов, принуждены заложить своих крестьян в Опекунский совет и, разорив их, приходят в невозможность платить проценты; имение тогда поступает в ведомство правительства, которое может их обратить в вольные хлебопашцы или в экономические крестьяне. Расчет ошибочный! Помещик, пришедший в крайность, поспешает продать своих крестьян, на что всегда найдет охотников, а долг дворянский связывает руки правительству и не допускает его осво-

бодить крестьян, ибо в таком случае дворянство справедливо почтет свой долг угашенным уничтожением залога.

⟨2⟩

[Екатерина ласкала Москву, прислушиваясь ее мнению, не мешала ни ее весельям, ни свободе ее толков, и во все время своего долгого царствования только два раза удостоила Москву своим присутствием.]

Покойный император Александр после своего венчания на царство был в Москве три раза.

В 1810 году в первый раз увидел я государя. Я стоял с народом на высоком крыльце Николы на Мясницкой. Народ, наполнявший все улицы, по которым должен он был проезжать, ожидал его нетерпеливо. Наконец показалась толпа генералов, едущих верхами. Государь был между ими. Подъехав к церкви, он один перекрестился — и по сему знаку народ узнал своего государя.

Через два года, перед началом войны, государь опять явился в древней столице, требуя содействия от своего дворянства, которое славно отвечало ему устами графа Мамонова. В 1818 приехал он в Москву, восставшую и обновленную; во время присутствия державного семейства пушечная пальба возвестила Москве рождение великого князя Александра Николаевича.

Ныне царствующий император чаще других государей удостаивает Москву своим посещением, и старая столица каждый ⟨раз⟩ оживляется и молодеет с приездом своего государя. Неожиданный его приезд в 1830 году, во время появления холеры, принадлежит истории.

В Англии правительство только тогда и показывается народу, когда приходит оно стучаться под окнами, собирая подать. Во Франции — когда выводит оно свои пушки противу площадного мятежа.

⟨3⟩

Ныне нет в Москве мнения народного: ныне бедствие или слава отечества не отзывается в ее сердце. Грустно было слышать толки московского общества во время последнего польского возмущения. Гадко было видеть бездушного читателя французских газет, улыбающегося при вести о наших неудачах.

„Fuit Troja, fuimus Trojani“ — цитата из II песни „Энеиды“ Вергилия (рассказ Энея о гибели Трои). Обещанного в конце главы сравнения Москвы с Петербургом не нашлось в рукописях Пушкина. Вероятно, здесь идет речь о его собственном произведении; возможно, впрочем, что Пушкин думал вставить в эту главу статью Гоголя „Москва и Петербург“.

В третью главу — „Ломоносов“ — в окончательный текст не вошли из черновика следующие места:

⟨1⟩

Его влияние было вредное, и до сих пор отзывается в тощей нашей литературе. Изысканность, высокопарность, отвращение от простоты и точности — вот следы, оставленные Ломоносовым. Давно ли стали мы писать языком общепонятным? Убедились ли мы, что славянский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своенравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг, то из сего еще не следует, чтобы мы могли писать: *да лобжет мя лобзаниями*, вместо *целуй меня* etc.? Конечно, и Ломоносов того не думал и предлагал изучение славянского языка как необходимое средство к основательному знанию языка русского. [Знаю, что *Рассуждение о старом и новом слоге*[1] так же походит на *Слово о пользе книг церковных в российском языке*,[2] как псалом Шатрова на *Размышление о величестве божьем*, но тем не менее должно укорять Ломоносова в заблуждениях бездарных его последователей.]

[1] А. С. Шишкова, главы „славянофилов“, архаистов первой трети XIX века.

[2] Ломоносова.

⟨2⟩

Радищев говорит, что Ломоносов ни в какой отрасли наук не проложил новых следов [1] — и тут же сравнивает его — с лордом Беконом! [2] Таковое странное понятие имел 18 век о величайшем уме новейших времен, о человеке, произведшем в науках сильнейший переворот и давшем им то направление, по которому текут они ныне.

Если Ломоносова можно назвать русским Беконом, то это разве в таком же смысле, как Хераскова называли русским Гомером; к чему эти прозвища? Ломоносов есть русский Ломоносов — этого с него, право, довольно.

⟨3⟩

Во Франции ее блестящая литература века Людовика XIV была в передней. Анекдот о Бенсераде дает понятие о тогдашних нравах; [3] и заметьте, что Бель приводит эту черту безо всякого замечания, как дело весьма обыкновенное! Ныне во Франции нравы уже не те, но сословие писателей потому только не ползает перед министрами, что публика в состоянии дать больше денег. Зато как бесстыдно ползают они перед господствующими модами! Какой талант ныне во Франции не запятнал себя грязью и кровью в угоду толпы, требующей грязи и крови? Можно ли J. Janin сравнить с Краббом?

⟨4⟩

Даже теперь наши писатели, не принадлежащие к дворянскому сословию, весьма малочисленны. Несмотря на то, их деятельность овладела всеми отраслями литературы, у нас существующими. Это есть важный признак и непременно будет иметь важные последствия. Писатели-дворяне (или те, которые почитают себя à tort ou à raison[1] членами высшего общества) постепенно начинают от них удаляться, под предлогом какого-то *неприличия*. Странно, что в то время, когда во всей Европе готический предрассудок против науки и словесности, будто бы несовместимых с благородством и знатностью, почти совершенно исчез, у нас он только что начинает показываться. Уже один из самых плодовитых наших писателей провозгласил, что литературой заниматься он более не намерен, потому что она дело не дворянское. Жаль! Конечно, не слишком лестное товарищество некоторых *новичков* отчасти тому причиною, но разве бесчестное поведение двух или трех вы-

---

[1] „Он скитался путями проложенными, и в неисчисленном богатстве природы не нашел он ни малейшия былинки, которой бы не зрели лучшие его очи, не соглядал он ниже грубейшия пружины в вещественности, которую не обнаружили его предшественники“.

[2] „Мы желаем показать, что в отношении российской словесности тот, кто путь ко храму славы проложил, есть первый виновник в приобретении славы, хотя бы он войти во храм не мог. Бекон Веруламский недостоин разве напоминовения, что мог токмо сказать, как можно размножить науки?“

[3] „Однажды кардинал Мазарини, будучи у короля, рассказывал, как он жил при папском дворе, где он провел свою молодость. Он говорил, что он любил науки, но что главным его занятием была литература — и особенно поэзия, в которой он достиг довольно хорошего успеха, и что он при папском дворе был то же, что Бенсерад при французском. Спустя некоторое время кардинал вышел и отправился в свои покои. Через час пришел Бенсерад ‹известный писатель того времени›; его друзья стали ему рассказывать, что говорил кардинал. Едва они кончили, как Бенсерад, охваченный радостью, внезапно оставил их, ничего им не сказав. Он прибежал в покои кардинала и стал стучаться изо всей силы, добиваясь, чтобы его приняли. Кардинал только что лег. Бенсерад так усиленно настаивал и поднял такой шум, что пришлось его впустить. Вбежав, он бросился на колени перед изголовьем кровати его высокопреосвященства и, после тысячи извинений за свою наглость, сказал ему о том, что он сейчас узнал, и с необыкновенным жаром благодарил за честь, которую ему оказал кардинал, сравнив его с собою в отношении поэтической репутации. Он прибавил, что он так был польщен, что не мог сдержать радости, и что он умер бы у его дверей, если бы ему помешали войти и изъявить свою признательность. Эта горячность очень понравилась кардиналу. Он уверил его в своем благоволении и обещал, что оно не будет для него бесполезным: и действительно, спустя шесть дней, он назначил ему небольшой пенсион в две тысячи франков. Через некоторое время он стал получать другую значительную сумму с аббатств и он стал бы епископом, если бы захотел посвятить себя церкви“ („Исторический и критический словарь“ П. Бейля).

[1] Справедливо или нет.

служившихся *проходимцев* может быть достаточным предлогом для всех офицеров оставить шпагу и отречься от честного звания воинов?

⟨5⟩

Все журналы в [припадке] благородного бешенства восстали против стихотворца, который (о, верх унижения!) в ответ на приглашение князя** [извинялся в стихах], что не может к нему приехать, и обещался к нему приехать на дачу! Сие несчастное послание было предметом всенародного проклятия, и с той поры, говорит один журналист, слава *** ⟨Пушкина⟩ упала совершенно.

В последнем отрывке Пушкин говорит о своем послании „К вельможе", адресованном к князю Б. Н. Юсупову.

Четвертая глава — „Браки" — в черновике носит заглавие „Черная грязь" (первая станция от Москвы). Вариант черновика: после слов о новом законе, регулирующем возраст вступающих в брак, — „это уже шаг к улучшению" было добавлено: „но и предлог к притеснению".

Пятая глава — „Русская изба" — в черновике носит название „Подсолнечная" (у Радищева соответствующая глава названа „Пешки" — по имени „станции, ныне уничтоженной").

В черновике вторая часть статьи имеет совершенно иной вид:

— Судьба французского крестьянина не улучшилась в царствование Людовика XV и его преемника... Всё это, конечно, переменилось [и я полагаю, что французский земледелец ныне счастливее русского крестьянина].

Однако строки Радищева навели на меня уныние. Я думал о судьбе русского крестьянина.

К тому ж подушное, боярщина, оброк,
И выдался ль когда на свете
Хотя один мне радостный денек?[1]

Подле меня в карете сидел англичанин, человек лет 36; я обратился к нему с вопросом: что может быть несчастнее русского крестьянина?

Англичанин. Английский крестьянин.

Я. Как? Свободный англичанин, по вашему мнению, несчастнее русского раба.

Он. Что такое свобода?

Я. Свобода есть возможность поступать по своей воле.

Он. Следственно, свободы нет нигде, — ибо везде есть или законы, или естественные препятствия.

Я. Так, но разница покоряться предписанным нами самими законами, или повиноваться чужой воле.

Он. Ваша правда. [Но разве народ английский участвует в законодательстве? разве власть не в руках малого числа? Разве требования народа могут быть исполнены его поверенными?]

Я. В чем вы полагаете народное благополучие?

Он. В умеренности и соразмерности податей.

Я. Как?

Он. Вообще повинности в России не очень тягостны для народа. Подушная платится миром. Оброк не разорителен (кроме в близости Москвы и Петербурга, где разнообразие оборотов промышленности умножает корыстолюбие владельцев). Во всей России помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своему крестьянину доставать оный, как и где он хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2000 верст вырабатывать себе деньгу. И это вы называете рабством? Я не знаю во всей Европе народа, которому было бы дано более простору действовать.

Я. Но злоупотребления...

Он. Злоупотреблений везде много. Прочтите жалобы английских фабричных работников — волоса встанут дыбом. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство с одной стороны, с другой — какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях,

[1] Из басни Крылова „Крестьянин и смерть".

работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет об сукнах г-на Шмидта или об иголках г-на Томпсона. В России нет ничего подобного.

Я. Вы не читали наших уголовных дел.

Он. Уголовные дела везде ужасны; я говорю вам о том, что в Англии происходит в строгих пределах закона, не о злоупотреблениях, не о преступлениях. Кажется, нет в мире несчастнее английского работника — что хуже его жребия? Но посмотрите, что делается у нас при изобретении новой машины, вдруг избавляющей от каторжной работы тысяч пять или десять народу и лишающей их последнего средства к пропитанию...

Я. Живали вы в наших деревнях?

Он. Я видел их проездом и жалею, что не успел изучить нравы любопытного вашего народа.

Я. Что поразило вас более всего в русском крестьянине?

Он. Его опрятность, смышленность и свобода.

Я. Как это?

Он. Ваш крестьянин каждую субботу ходит в баню; умывается каждое утро, сверх того несколько раз в день моет себе руки. О его смышленности говорить нечего. Путешественники ездят из края в край по России, не зная ни одного слова вашего языка, и везде их понимают, исполняют их требования, заключают условия; никогда не встречал я между ими то, что соседи наши называют un badaud, никогда не замечал в них ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. Переимчивость их всем известна; проворство и ловкость удивительны...

Я. Справедливо; но свобода? Неужто вы русского крестьянина почитаете свободным?

Он. Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения? есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? Вы не были в Англии?

Я. Не удалось.

Он. Так вы не видали оттенков подлости, отличающих у нас один класс от другого. Вы не видали раболепного maintien[1] Нижней палаты перед Верхней, джентльменства перед аристократией, купечества перед джентльменством, бедности перед богатством, повиновения перед властью... А нравы наши, а conversation criminal,[2] а продажные голоса, а уловки министерства, а тиранство наше в Индии, а отношения наши со всеми другими народами?..

Англичанин мой разгорячился и совсем отдалился от предмета нашего разговора. Я перестал следовать за его мыслями — и мы приехали в Клин.

Шестая глава — „Слепой“ — в черновике носит название „Клин“.

371. *Вертер* — герой романа Гете „Страдания молодого Вертера“.

371. *П. В. Киреевский* (1808—1856) — известный собиратель памятников народной поэзии. Пушкин передал ему тетрадь народных песен, которые он сам собрал в Псковской губернии.

Седьмая глава — „Рекрутство“ — в черновике не имеет заглавия (у Радищева соответствующая глава носит заглавие „Городня“). В черновике после фразы „Но может ли государство обойтиться без постоянного войска?“ следовало: „По крайней мере представляет выгоды правительству, следственно и народу“.

372. *Пресс* — существовавшая в конце XVIII и первой половине XIX века в Англии система насильственной вербовки матросов. *Landwehr* (ландвер) — прусская система устройства войска, по которой кроме постоянной армии, все способное носить оружие мужское население страны зачисляется в резерв, ополчение (ландвер и ландштурм) на случай серьезной опасности для государства. *Конскрипция* — аналогичная система во Франции.

373. *„Чудовище, склонясь на колыбель детей“*... и т. д. — стихи из стихотворения Жуковского „Императору Александру“.

---

[1] Поведения.

[2] Бракоразводные процессы.

373. *Простодум* — действующее лицо комедии Я. Б. Княжнина (1742—1791) „Хвастун“.

Главы восьмая и девятая отсутствуют в черновиках. Последняя фраза девятой главы („Не стану теряться вслед за Радищевым в его надутых, но искренних мечтаниях, с которыми на сей раз соглашаюсь поневоле...“) имеет в виду, по всей вероятности, следующее место из соответствующей главы книги Радищева („Медное“):

„Сердце мое столь было стеснено, что, выскочив из среды собрания, и отдав несчастным последнюю гривну из кошелька, побежал вон. На лестнице встретился мне один чужестранец мой друг. — Что тебе сделалось? ты плачешь! Возвратись! сказал я ему; не будь свидетелем срамного позорища. Ты проклинал некогда обычай варварский в продаже черных невольников, в отдаленных селениях твоего отечества; возвратись, повторил я, не будь свидетелем нашего затмения, и да невозвестиши стыда нашего твоим согражданам, беседуя с ними о наших нравах. — Не могу сему я верить, сказал мне мой друг; невозможно, чтобы там, где мыслить и верить дозволяется всякому, кто как хочет, столь постыдное существовало обыкновение.— Не дивись, сказал я ему, установление свободы в исповедании, обидит одних попов и чернецов, да и те скорее пожелают приобрести себе овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельских жителей, обидит как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения“.

375. *А. Х. Востоков*, упоминаемый в конце восьмой главы, — знаменитый ученый филолог и стиховед (1784—1864), автор книги „Опыт о русском стихосложении“.

Десятая глава — „О цензуре“ — в черновике не имеет заглавия. Глава эта написана была, повидимому, в два приема: вторая часть ее, направленная против злоупотреблений цензуры, написана несколько месяцев спустя после первой части — в 1835 году. Возможно, что этим объясняется и отсутствие этого текста в беловике. Мы даем ее в основном тексте по черновику. Приведем некоторые варианты из черновика.

Начало главы:

Статья под заглавием „Торжок“ весьма замечательна: в ней дело идет о свободе *книгопечатанья*. Любопытно видеть о сем предмете мнение того человека, который вполне разрешил сам себе сию свободу, напечатав в собственной типографии книгу, в которой дерзость мыслей и выражений выходит изо всех пределов.

Приступая к рассмотрению сей статьи, долгом почитаю сказать, что я убежден в необходимости цензуры в образованном, нравственном и христианском обществе, под какими бы законами и правлением оно бы ни находилось.

Что и составляет величие человека ежели не *мысль*. Да будет же *мысль свободна* и т. д. (см. стр. 376).

После слов „Никакая власть, никакое правление не может устоять противу разрушительного действия типографского снаряда“:

Взгляните на нынешнюю Францию: *Людовик Филипп*, воцарившийся *милостию свободного книгопечатания*, принужден уже обуздывать сию свободу, несмотря на отчаянные крики оппозиции.

376. *Один из французских публицистов*, с которым полемизирует Пушкин в первой части главы, — Бенжамен Констан (1767—1830), в сочинении которого „Рассуждение о конституциях и их гарантиях“ находится упоминаемое Пушкиным место.

Одиннадцатая глава — „Этикет“ — в черновике носит заглавие „Выдропуск“.

Двенадцатая глава имеет два заглавия, и оба зачеркнутые: „Шлюзы“ и „Вышний Волочек“.

Отказавшись от мысли отдать в цензуру написанные и уже приготовленные в писарской копии главы своего „Путешествия“, Пушкин в том же 1835 году, когда заканчивался текст „Путешествия“, написал новую статью о Радищеве — „Александр Радищев“, приведя в ней из книги Радищева всего одну цитату (самую безобидную в политическом отношении главу „Клин“) и наполнив свою статью резкими возражениями, осуждающими эпитетами по адресу книги Радищева и ее идей. Но и в таком виде цензура не пропустила статьи (см. прим. к статье „Александр Радищев“).

379. О ничтожестве литературы русской. Печатается по нескольким рукописям: 1) беловик с дальнейшими исправлениями, находящийся в *ПД*; 2) черновик статьи Пушкина в тетради *ЛБ*, № 2384; 3) заглавие и первый абзац статьи на отдельном листке (*ЛБ*).

Впервые в отрывках напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина, 1857, т. VII. Начиная с издания 1887 года (под ред. П. О. Морозова), статья печаталась под придуманным редактором заглавием „О русской литературе с очерком французской“ и с произвольной композицией отдельных частей ее в разных источниках. Впервые напечатана согласно пушкинской рукописи в статье С. М. Бонди „Историко-литературные опыты Пушкина“ („Литературное Наследство“ 1934, № 16—18).

Статья писалась Пушкиным в 1834 году, одновременно с „Путешествием из Москвы в Петербург“ и в той же тетради, вследствие чего в некоторых изданиях она печаталась как составная часть „Путешествия“. С начала 1830-х годов Пушкин не раз принимался набрасывать свои замечания по истории русской литературы и, наконец, в 1834 году начал писать большую статью, под заглавием „О ничтожестве литературы русской“. В рукописях сохранилось два плана ее. Первый (находящийся ныне в *ЛБ*) опубликован М. А. Цявловским в „Трудах Публичной библиотеки СССР им. Ленина“, М. 1934, стр. 19—21.

1.

1. Быстрый отчет о французской словесности в 17 столетии.

2. 18 столетие [Вольтер].

3. Начало русской словесности — Кантемир в Париже обдумывает свои сатиры, переводит Горация, умирает 28 лет. — Ломоносов, плененный гармонией Рифма <т. е. ритма>, пишет в первой своей молодости оду, исполненную живости etc. — и обращается к точным наукам — dégouté[1] славой Сумарокова — Сумароков — В сие время Тредьяковский — один понимающий свое дело — Между тем 18-е столетие allait son train.[2] Вольтер и великаны не имеют ни одного последователя в России; но бездарные пигмеи, грибы, выросшие у корня дубов, — Дорат, Флориан, Мармонтель, Гишар, Мадам де-Жанлис — овладевают русской словесностью. Sterne нам чужд — за исключением Карамзина.

4. Екатерина, ученица 18-го столетия. Она одна дает толчок своему веку. Ее угождения философам. Наказ. Словесность отказывается за нею следовать, точно так же, как народ (члены комиссии, депутаты). Державин, Богданович, Дмитриев, Карамзин (Радищев).[3]

Век александров.[4] Карамзин удаляется, дабы писать свою историю. Дмитриев — министр. Ничтожество общее.[5] Между тем французская обмелевшая литература envahit tout.[6] Парни и влияние сластолюбивой поэзии на Батюшкова, Вяземского, Давыдова, Пушкина и Баратынского.

Жуковский и двенадцатый год; влияние немецкое превозмогает.— Нынешнее влияние критики французской и юной словесности. *Исключения.*

[1] Отвращенный.

[2] Шло своим путем.

[3] На полях приписано: Екатерина, Фонвизин и Радищев.

[4] Зачеркнуто: влияние французской литературы.

[5] Зачеркнуто: „Восстает Жуковский“.

[6] Заполняет все.

Другой, более короткий план, сохранившийся в *ЛБ*, тетрадь № 2384 (впервые опубликован В. Е. Якушкиным в „Русской Старине, 1884, № 12, стр. 523), касается только русской литературы.

2

Кантемир. Ломоносов. Влияние Кантемира уничтожается Ломоносовым. ‹Влияние› Тредьяковского ‹уничтожается› его бездарностию. Постоянное борение Тредьяковского. Он побежден. Сумароков.

Екатерина. (Вольтер). Фонвизин. Державин.

Работая над этой статьей, Пушкин для раздела о французской литературе использовал свою старую ненапечатанную статью „О поэзии классической и романтической" (1825), заимствуя оттуда целые абзацы. Закончив в черновике статьи экскурс о французской литературе XVII — XVIII веков и дойдя до русской литературы XVIII века, Пушкин бросил писать дальше и переписал начало статьи, попутно сильно перерабатывая его. Эта часть статьи (до слов о Корнеле — „единственном представителе романтической трагедии, которую так славно вывел он на французскую сцену") печатается по беловику, подвергшемуся исправлениям. Остальная часть, не переписанная Пушкиным набело, печатается по его черновику. В том же черновике остался еще кусок текста, относящийся, видимо, к той же статье, но не примыкающий непосредственно к существующему тексту ее. Приводим его здесь:

„Некто у нас сказал, что французская словесность родилась в передней ‹и дальше гостиной не доходила›. Это слово было повторено во французских журналах и замечено, как жалкое мнение (opinion deplorable). Это не мнение, но истина историческая, правильно выраженная: Марот был камердинером Франциска I-го (valet de chambre), Мольер — камердинером Людовика XIV... Буало, Расин и Вольтер (особенно Вольтер), конечно, дошли до гостиной, но все-таки через переднюю. Об новейших поэтах говорить нечего. Они конечно на площади, с чем их и поздравляем.

Влияние, которое французские писатели произвели на общество, должно приписать их старанию приноравливаться к господствующему вкусу и мнениям публики. Замечательно, что ‹все› известные французские поэты были из Парижа. Вольтер, изгнанный из столицы тайным указом Людовика XV, полушутливым, полуважным тоном советует писателям оставаться в Париже, если дорожат они покровительством Аполлона и бога вкуса.

Ни один из французских поэтов не дерзнул быть самобытным, ни один, подобно Мильтону, не отрекся от современной славы. Расин перестал писать, увидя неуспех своей Гофолии. Публика (о которой Шамфор спрашивал так забавно: сколько нужно глупцов, чтобы составить публику), легкомысленная, невежественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по передним вельмож, они дабы взойти ‹в› доверенность, обратились к народу, лаская его любимые мнения или фиглярствуя независимостию и странностями, но с одной целию: выманить себе [репутацию] или деньги. В них нет и не было бескорыстной любви к искусству и к изящному. Жалкий народ!"

Можно предположить, что статья Пушкина осталась недописанной вследствие того, что в том же 1834 году, когда писал ее Пушкин, в „Молве" стали печататься „Литературные мечтания" Белинского, написанные им по сходному плану и выставляющие то же главное положение — о „ничтожестве" русской литературы.

381. *Татищев*, Василий Никитич (1686—1750) — историк и государственный деятель.

381. *Сын молдаванского господаря* — Кантемир, Антиох Дмитриевич (1708—1744) — поэт-сатирик и дипломат.

382. „*Тройственная поэма*“ — поэма Данте (1255—1321) „Божественная комедия“, состоящая из трех частей: „Ад“, „Чистилище“ и „Рай“.

382. *Перевод:*

Наконец пришел Малерб и первый во Франции
Дал почувствовать в стихах точную гармонию,
Показал силу слова, помещенного на должном месте,
И подчинил музу правилам долга.
Исправленный этим мудрым писателем, язык
Перестал являть разборчивому уху что-либо грубое —
Строфы научились литься с изяществом,
И один стих не дерзал более вторгаться в другой.

384. Книга *сладкоречивого епископа* — роман Фенелона „Приключения Телемака“.

385. „*Эпопея*“ *Вольтера* — поэма „Генриада“ (1783), *циническая поэма* — „Орлеанская дева“ (1755).

386. <О Байроне>. Печатается по черновому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2386 Б, лл. 1, 3—7, 32—36). Впервые опубликовано в Посмертном собр. соч. Пушкина, СПБ. 1841, т. XI, стр. 81—88; точнее — в Полном собр. соч. Пушкина 1933, т. V, стр. 630—636. На л. 1 сохранился набросок заголовка статьи (или эпиграф к ней?), представляющий собой перифразу стиха из „Горя от ума“: „О Байроне и о предметах важных“ 1835. Черная Речка, дача Миллера, 25 июля.

В основу статьи Пушкина положены материалы французского издания „Mémoires de Lord Byron, publiés par Thomas Moore“, Paris 1830.

387. *Перевод:*

В последнее время я много думал о Мэри Дёфф. Как это странно, что я был так безгранично предан и так глубоко привязан к этой девушке, в возрасте, когда я не мог не только испытывать страсть, но даже понять значение этого слова. И однако же это была страсть! Моя мать имела обыкновение смеяться над этой детской любовью; и много лет спустя, — когда мне было, примерно, лет шестнадцать, — она мне сказала однажды: „Ах, Байрон, я получила письмо из Эдинбурга, от мисс Аберкромби; ваша бывшая любовь, Мэри Дёфф, вышла замуж за господина С.“ И что же я ей ответил? Я не могу постичь и объяснить то чувство, которое мною овладело в это мгновение. Со мною почти сделались судороги; моя мать была так этим встревожена, что потом, когда я оправился, она упорно избегала заговаривать со мной на эту тему, довольствуясь беседой об этом со своими приятельницами. И сейчас я спрашиваю себя, что бы это значило? Я не виделся с нею больше с тех пор, когда, вследствие проступка ее матери в Абердине, она поселилась у своей бабушки в Банфе; мы оба были тогда детьми. Я пятьдесят раз с тех пор влюблялся; и тем не менее я помню всё то, о чем мы говорили, помню наши ласки, ее черты, мое волнение, бессонницы и то, как я мучил горничную моей матери, заставляя ее писать Мэри письма от моего имени; и она в конце концов уступала, чтобы меня успокоить. Бедняжка считала меня сумасшедшим, и так как я в ту пору еще не умел как следует писать, она была моим секретарем. Я припоминаю также наши прогулки и то блаженство, которое я испытывал, сидя около Мэри в ее детской, в доме, где она жила, около Пленстоуна, в Абердине, в то время как ее маленькая сестра играла в куклы, а мы с серьезностью, на свой лад, ухаживали друг за другом.

Но как же это чувство могло пробудиться во мне так рано? Какова была причина и источник этого? И в ту пору, и несколько лет спустя я не имел никакого понятия о различии полов. И тем не менее, мои страдания, моя любовь к этой маленькой девочке были так сильны, что на меня находит иногда сомнение: любил ли я по-настоящему когда-либо с тех пор? Как бы то ни было, известие о ее замужестве как громом меня поразило. Я чуть не задохнулся, к великому ужасу моей матери и к

неверию почти всех остальных. Это необычайное явление в моей жизни (ведь мне еще не было тогда полных восьми лет) заставило меня задуматься, и разрешение его будет меня мучить до конца моих дней. С некоторого времени, — сам не знаю почему, — *воспоминание* о Мэри (*не* чувство к ней) вновь пробудилось во мне с большей силой, чем когда-либо. Я хотел бы знать, помнит ли она обо всем этом, как и вообще обо мне? И вспоминает ли, как жалела когда-то свою сестренку Эллен за то, что у той не было тоже своего поклонника? Какой очаровательный образ ее сохранился в моей душе! Ее каштановые волосы, ласковые светлокарие глаза — всё вплоть до ее костюма! Я был бы поистине несчастен, если бы *увидел ее теперь*. Действительность, как бы ни была она прекрасна, разрушила бы или, по меньшей мере, замутила бы черты восхитительной пэри, которою она тогда являлась и которая продолжает еще жить во мне, хотя с тех пор прошло более шестнадцати лет: ибо мне сейчас двадцать пять лет и несколько месяцев.

390. 〈Заметки при чтении „Нестора“ Шлецера〉. Печатается по автографу *ПД*. Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным в его книге „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“, СПБ. 1903, стр. 59, с неверной датой („1832 г.“). Заметки относятся к концу 1836 года, на основании полемического упоминания о „статье“ Чаадаева („Философическое письмо“ в „Телескопе“ 1836 года) и в силу палеографических данных.

Пушкин читал исследование Шлецера „Нестор“, судя по точным ссылкам на страницы, в переводе Д. И. Языкова, СПБ. 1809.

390. 〈Замечания на Песнь о Полку Игореве〉.

1. „Песнь о Полку Игореве найдена была...“ Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2386 Г). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ 1855, стр. 478—487; дополнения к этой публикации см. в „Русской Старине“ 1884, № 12 стр. 542—543. Датируется статья 1836 годом на основании письма А. И. Тургенева к брату Николаю от 3 декабря 1836 года, в котором он сообщал, что Пушкин „хочет сделать критическое издание 〈„Песни о полку Игореве“〉 вроде Шлецерова Нестора и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей; но для этого ему нужно дождаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных: всё основано на знании наречий слав. и языка русского“ (П. Е. Щеголев, „Дуэль и смерть Пушкина“, изд. 3-е, 1928, стр. 278). Об усиленном интересе Пушкина к „Слову о полку Игореве“ в период 1833—1837 гг. свидетельствует и переписка Пушкина и воспоминания о нем С. П. Шевырева, И. М. Снегирева и И. П. Сахарова. В бумагах Пушкина сохранился рукописный перевод „Слова“ на современный русский язык, сделанный В. А. Жуковским и снабженный многочисленными замечаниями и поправками Пушкина (см. „Рукою Пушкина“, 1935, стр. 127—149 и 217—220). Следы столь же внимательного чтения сохранились и на экземпляре перевода „Слова“, выпущенного А. Ф. Вельтманом в 1833 году (см. об этом далее).

391. *Некоторые писатели усумнились в подлинности древнего памятника нашей словесности.* — Подлинность текста „Слова“ из современников Пушкина отвергали М. Т. Каченовский, О. И. Сенковский и И. И. Давыдов. Во время посещения Пушкиным в сентябре 1832 года Московского университета он в споре с Каченовским „горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса“. (Воспоминания И. А. Гончарова).

391. *Вальполь не вдался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха Rowley“.* — Томас *Чаттертон* (1752—1770) — молодой английский поэт, автор стилизованных баллад и поэм, проведенных им в печать как произведения мо-

наха XV века. Подделка разоблачена была писателем Орасом Вальполем.

391. *Джонсон тотчас уличил Макферсона.* — О разоблачении Самюэлем Джонсоном в 1779 году подделки песен Оссиана, изданных в 1760 году шотландским ученым Джемсом Макферсоном, см. стр. 722.

393. *Г-н Пожарский с сим мнением не согласуется...* — Пушкин имеет в виду книгу Я. О. Пожарского „Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новогорода Северского, вновь переложенное, с присовокуплением примечаний“, СПБ. 1819.

2. ⟨Заметка к „Слову о Полку Игореве“ в переложении А. Ф. Вельтмана⟩. Печатается по автографу *ПД*, обнаруженному в библиотеке Пушкина, в книге „Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Новгород Северского“. Переведено с древнего русского языка XII столетия Александром Вельтманом, М. 1833. Впервые опубликовано (вместе с факсимиле) Б. Л. Модзалевским в книге „Библиотека Пушкина“, 1910, стр. 21.

395. *Г. Сенковский с удивлением видит тут выражение рыцарское...* — На это выражение впервые обратил внимание Каченовский, судя по следующей цитате из его лекции: „*Хощу копіе приломати... с вами.* Фраза рыцарская! Rompre une lance avec и также pour quelq'un. Смотри словари. Странная встреча!“ („Ученые записи Московского университета“ 1834, ч. V, стр. 457). Пушкин или ошибся, приписав Сенковскому мнение Каченовского, или не знал, что Сенковский заимствовал свое замечание у Каченовского.

396. Наброски статей для „Современника“.

1. ⟨„Путешествие в Сибирь“ аббата Шапп д'Отроша и „Антидот“ Екатерины Второй⟩. Печатается по черновому автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано Н. К. Козминым в Академическом изд. соч. Пушкина 1928, т. IX, стр. 59, с неправильным приурочением к „началу 30-х годов“. О том, что набросок должен датироваться 1836 годом, свидетельствует упоминание о нем в перечне статей, проектированных для „Современника“ (см. далее).

Шапп д'Отрош (1722—1769) — французский астроном, автор „Путешествия в Сибирь“ (1768), возбудившего негодование Екатерины II. Историки Гергард-Фридрих Миллер и И. Н. Болтин, которым, по данным Пушкина, предложено было ответить аббату Шаппу, очевидно, не выполнили этого задания, ибо „Антидот“ был написан Екатериною при помощи других сотрудников. Об аббате Шаппе Пушкин располагал материалами не только „Антидота“, но и следующими сведениями из мемуаров Дидро, сохранившихся в его библиотеке в издании 1830 года: „Одного способного молодого человека по имени Демаре собирались послать в Сибирь для производства там наблюдений; он не поедет туда. Ему предпочли дурака, которого зовут аббат Шапп... Я был знаком с Демаре и Тилье; мы здороваемся, обнимаемся—и я говорю Демаре: „Что вы здесь делаете? Я полагал, что вы дрожите от холода на Камчатке, в какой-нибудь глухой дыре, среди якутов“. На это ответил: „Заботясь об успехе наук, я жалею, что другой совершит это путешествие“. И он прибавил, что приготовил большое число опытов, которых аббат Шапп без сомнения не сделает. „Составили ли вы подробное описание всех этих опытов?“ — „Оно у меня вполне готово“.— „Знаете, что вы должны сделать? Отдать его аббату Шаппу. Раз вы не можете сами сделать полезное дело, не обязаны ли вы приложить все усилия к тому, чтобы оно было сделано другим?...“ Все со мною согласились“.

К имени Шаппа редакцией издания 1830 года сделано было примечание: „La Relation d'un Voyage en Sibérie“, Париж 1768, 2 тт., действительно, вызовет со стороны многих лиц осуждение. Аббату Шаппу ставили в упрек множество до смешного мелочных подробностей, множество заимствований у прежних путешественников, а в особенности огромное количество ложных или поверхностно сделанных наблюдений. Все эти упреки собраны в резком и откро-

венном „Письме“ к издателю „Энциклопедического Журнала“ 1771. Императрица Екатерина, найдя, что путешественник несправедливо отозвался о России, лично написала опровержение „Отчета“ в виде брошюры, озаглавленной „Antidote contre le voyage de l'abbé Chappe“ („Mémoires, correspondance et onorages inédits de Diderot“, Paris 1830, t. I, pp. 424—425).

2. Путешествие В. Л. П. Печатается по черновому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2386 А, лл. 10, 11, 52). Впервые частично опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“, СПБ. 1855, стр. 10—11; полнее — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 12, стр. 531. Во всех изданиях ошибочно датировалось 1834 годом. В настоящей композиции (несколько условной, ибо автограф Пушкина представляет собой беглую запись с несколькими дополнениями на особом листе, причем самый порядок этих вставок и монтировка отдельных замечаний не поддаются точному определению) и с приурочением к 1836 году (на основании перечня статей для „Современника“, см. стр. 398) впервые напечатано в Полном собр. соч. Пушкина, приложение, к „Красной Ниве“ 1930, кн. 11, стр. 387.

Автором книжки, которой посвящена заметка Пушкина, был И. И. Дмитриев.

Суждения, которые Пушкин предполагал развернуть в статье о „Путешествии В. Л. П.“, сложились у него в определенную систему еще в пору работ над первой главой „Евгения Онегина“. Так, полемизируя в письме к Рылееву от 25 января 1825 года с некоторыми критическими замечаниями Бестужева, Пушкин замечал: „Ужели хочет он изгнать всё легкое и веселое из области поэзии? Куда же денутся сатиры и комедии? Следственно должно будет уничтожить и *Реникефукс* и Гудибраса, и *Pucelle* и Вер-Вера и лучшую часть Душеньки и сказки Лафонтена, и басни Крылова etc., etc., etc.“ Ср. развитие этих же суждений в заметках, связанных с полемикой вокруг „Графа Нулина“ („Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений“ и наброски письма в редакцию „Литературной Газеты“ 1830).

3. ⟨„История поэзии“ С. П. Шевырева⟩. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2382, лл. 41—42). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 11, стр. 356—357; в настоящей композиции — в Полном собр. соч. Пушкина 1930, кн. 11, стр. 388.

Дата цензурного разрешения „Истории поэзии“ — 21 декабря 1835 года. О работе Пушкина над рецензией на нее свидетельствует письмо В. Ф. Одоевского к С. П. Шевыреву, писанное, вероятно, в марте — апреле 1836 года: „Пушкин издает „Современник“, в котором и я несколько участвую. Он написал разбор твоей Истории Поэзии“ („Русский Архив“ 1878, кн. II, стр. 55). Осенью 1836 года кн. П. А. Вяземский запрашивал Пушкина об этой же рецензии: „У тебя есть замечания на книгу Шевырева о Поэзии. Дай их мне, если не готовишь их в свой журнал. Мне хочется написать несколько писем о текущей словесности“.

Заметки Пушкина об „Истории поэзии“ представляют собою весьма точный конспект первой главы книги Шевырева („Чтение первое, вступительное“, стр. 1—36), которому предшествуют лишь несколько строк собственных суждений рецензента о России как „судилище Европы“ („Nous sommes les grands jugeurs“) и о ничтожестве нашей литературной критики. Пушкину, а не Шевыреву принадлежит и резкая формулировка в конце предпоследнего абзаца: „Народ (der Herr omnis) властвует со всей отвратительной властию демократии. В нем все признаки невежества“ и пр. Ср. аналогичные высказывания о принципах формальной демократии в „Джоне Теннере“ (стр. 134).

398. *Девиз России: suum cuique.* — В книге Шевырева это положение формулировано так: „И давно ли Франция, подвигнутая исполином, рожденным на огненной земле юга, хотела наложить иго своей национальности на все народы и превратить весь мир

человечества в себя? Но какая страна, своими снегами и своим оружием, охладила и пресекла это стремление, и, младшая из всех, была всех великодушнее и избрала девизом: всякому свое?“ („История поэзии“, М. 1835, стр. 35).

398. ⟨Перечень статей, намеченных для „Современника“⟩. Печатается по автографу *ПД* (собрание А. Ф. Онегина). Впервые опубликовано Н. К. Козминым в сб. „Неизданный Пушкин“, П. 1922, стр. 209.

Крестиком отмечены, вероятно, статьи уже написанные Пушкиным; из них дошли до нас три („Записки Моро-де-Бразе“, „Александр Радищев“, „Об „Истории Пугачевского бунта“) и материал для четвертой (копия редчайшего издания календаря на 1721 г.); вовсе неизвестна лишь статья о книге „Mémoires de Jacques Casanova de Seingalt, écrits par lui-même“, Bruxelles 1833, о которой Пушкин упоминал и в своем предисловии к запискам Моро-де-Бразе.

Большая часть прочих статей и заметок, проектированных Пушкиным, посвящалась или редким старым изданиям („Путешествие В. Л. П.“, „Voyage en Sibérie“ par l'abbé Chappe — 1769, „Antidote“ —1771, о которых см. выше, стр. 679—680; „История Ваньки Каина“, „Les histoires tragiques de nostre tems, composées par F. de Rosset“—1666, „О легчайшем способе возражать на критики“ —1811, „Древняя Российская Вивлиофика“ Новикова) или рецензиям на новые книги („Русские в своих пословицах“ И. Снегирева, „Походные записки артиллериста“ И. Радожицского, „Mémoires de Sanson“ и пр.). Труднее судить о характере задуманных Пушкиным статей о Тредьяковском, о „Русских шутках“, о сказках, о собрании русских песен (П. В. Киреевского).

399. Материалы для истории Петра Великого.

1. Очерк введения. Печатается по автографу *ПД*. Впервые опубликовано в Полном собр. соч. Пушкина, приложение к журн. „Красная Нива“ 1930, кн. 11, стр. 461—462. Факсимиле одного листа этой рукописи см. в „Литературном наследстве“ 1934, кн. 16—18, стр. 499.

2. Заметки при чтении Введения к „Деяниям Петра Великого“ Голикова. Печатается по автографу *ПД*. Впервые опубликовано П. Е. Щеголевым в Полном собр. соч. Пушкина, приложение к журн. „Красная Нива“ 1930, кн. 11, стр. 457—461. Факсимиле первого листа см. в „Литературном Наследстве“ 1934, кн. 16—18, стр. 473.

К работе над материалами по истории Петра Великого Пушкин должен был приступить в порядке исполнения особого задания Николая I еще в 1831 году, когда перед самим Пушкиным и перед государственным аппаратом впервые встал вопрос об оформлении и служебного и материального положения поэта, официально включаемого в систему придворных отношений. Получив запрос о собственных своих пожеланиях в этом направлении, Пушкин 21—22 июля 1831 года отвечал шефу жандармов: „Если государю императору угодно будет употребить перо мое, то буду стараться с точностию и усердием исполнить волю его величества и готов служить ему по мере моих способностей... С радостью взялся бы я за редакцию *Политического и Литературного Журнала*... Более соответствовало бы моим занятиям и склонностям дозволение заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках. Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамзина; но могу современем исполнить давнишнее мое желание написать Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III“. Доложив письмо Пушкина царю, А. Х. Бенкендорф резолюцию последнего записал следующим образом: „Написать гр. Нессельроде, что государь велел его ⟨Пушкина⟩ принять в Иностранную коллегию с позволением рыться в старых архивах для написания истории Петра Первого“.

К 18 февраля 1832 года относится первое посещение Пушкиным архива Коллегии

иностранных дел, а к 24 февраля — обращение его к гр. Бенкендорфу с просьбой о разрешении „рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера, пользовавшегося разными редкими книгами и рукописями, доставленными ему Шуваловым для составления его Истории Петра Великого“. В этом же письме Пушкин заверял, что начинаемый им исторический труд „будет ознаменован, если не талантом, то по крайней мере усердием и добросовестностию“. Однако исследовательская работа, к которой приступил Пушкин в 1832 году, с самого начала двигалась очень медленно. Характерно, что и внешним выражением ее явились прежде всего художественные образы „Медного Всадника“, а не конкретные главы научной истории Петра. С первых же месяцев 1833 года в круг творческих интересов Пушкина входит новая историческая тема — Пугачев. Правда, объясняя в феврале 1833 года царю причины остановки своей прежней работы, Пушкин пытается указать на то, что „трудиться ему одному над архивами невозможно“, что он нуждается в помощи цеховых источниковедов и пр., но, получив согласие на привлечение к сотрудничеству рекомендованного им же М. П. Погодина, Пушкин никак не обеспечивает реального участия последнего и прерывает работу над Петром почти на полтора года.

В начале апреля 1834 года, отвечая Погодину на запрос его о Петре, Пушкин писал: „К Петру приступаю со страхом и трепетом“; 11 июня 1834 года он же сообщал жене: „Петр 1-й идет; того и гляди, напечатаю первый том к зиме“. Однако никаких материалов, отражающих этот этап работы Пушкина над материалами по истории Петра Великого, до нас не дошло.

К февралю 1835 года относится запись в дневнике Пушкина: „С генваря очень я занят Петром“. Запись эта точно документируется рукописью, представляющей собою критический конспект (с многочисленными резюмирующими замечаниями Пушкина, сопоставлениями с другими историческими источниками, с разными знаками сомнения и несогласия и т. п.) десятитомного издания И. И. Голикова „Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам“, Москва, в университетской типографии у Н. Новикова, 1788—1789. Всего дошло до нас 22 тетради заметок и выписок Пушкина; было же их 31, как свидетельствует счет переписчика, хранящийся в архиве опеки, учрежденной над его детьми и имуществом в 1837 году. Об этих не дошедших до нас тетрадях см. ниже.

Датируется работа Пушкина над материалами Голикова очень точно. На первой тетради сохранилась отметка, свидетельствующая о приступе его к работе 16 января, а записи последней тетради кончаются датой 15 декабря 1835 года. В этом же году Пушкин приготовил к печати комментированный перевод записок Моро-де-Бразе о походе 1711 года. Копии некоторых других материалов по „Истории Петра I“, над которыми работал Пушкин, см. в *ЛБ* (тетрадь № 2388).

В 1836 году работа продолжалась, хотя и менее интенсивно. 14 мая в письме к жене из Москвы Пушкин сообщал: „В Архивах я был и принужден буду опять в них зарыться месяцев на шесть“. Намерение это осуществлено, как известно, не было. 14 октября 1836 года, получив от М. А. Корфа библиографию иностранной литературы о Петре, Пушкин писал: „Прочитав эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованных книг мне неизвестна. Употреблю всевозможные старания, дабы их достать. Какое поле — эта новейшая русская история!“ К концу декабря 1836 года относится интереснейшая запись в дневнике Д. Е. Келлера о его визите к Пушкину: „Александр Сергеевич на вопрос мой: скоро ли будем иметь удовольствие прочесть произведение его о Петре, отвечал: „Я до сих пор ничего еще не написал, занимался единственно собиранием материалов: хочу составить себе идею обо всем труде, потом напишу историю Петра в год или в течение полугода и стану исправлять по документам...“ Возложенное на него поручение писать историю Петра весьма его обременяло.— „C'est un travail tuant, — ска-

зал он мне,— si je le savais d'avance je ne m'en serais pas chargé.[1]

Последнее высказывание Пушкина об истории Петра Великого относится к 21 января 1837 года и записано в дневнике А. В. Никитенко: „Вечер провел у Плетнева. Там был Пушкин... Он сознавался, что историю Петра пока нельзя писать, т. е. ее не позволят печатать".

Сомнения Пушкина были вполне основательны и оправдались прежде всего при рассмотрении его же конспектов цензорами посмертного издания его сочинений. Николай I, лично просматривавший пушкинские материалы для истории Петра Великого, указал В. А. Жуковскому, что „сия рукопись издана быть не может по причине многих неприличных выражений на счет Петра Великого". После того как все сомнительные места пушкинского текста были устранены редакторами издания и чиновниками Петербургского Цензурного комитета, рукопись была разрешена летом 1840 года к печати, но в свет не вышла. Извлечения из нее были опубликованы в 1855—1857 гг. П. В. Анненковым, а полный текст, обнаруженный только в 1921 году (за исключением несохранившихся конспектов за 1690—1694 гг. и за 1719—1721 гг.), готовится к печати в Академическом издании сочинений Пушкина.

3. Выписки и конспекты 1672—1689 гг. Печатается по публикации П. В. Анненкова (в Собр. соч. Пушкина, СПБ. 1857, т. VII, ч. 2, стр. 7—28), восходящей к копии с автографа, сделанной для посмертного издания сочинений Пушкина в 1837 году. Три отрывка из этой части материалов (о Лефорте, о Хованском и о „винах" кн. Голицыных) цитировались П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина" 1855, стр. 404. Автограф не сохранился.

1603. Печатается по публикации П. В. Анненкова в „Материалах для биографии Пушкина" (1855, стр. 406—409) восходящей к копии с автографа, сделанной в 1837 году. Автограф не сохранился.

1709 (Полтавская битва и события второй половины года). Печатается по копии с автографа, сделанной в 1837 году *(ПД)*. Впервые опубликовано П. Е. Щеголевым в Полном собр. соч. Пушкина, приложение к журн. „Красная Нива" 1930, кн. 11, стр. 448—453. Автограф не сохранился.

1725. Печатается по автографу *ПД*. Впервые опубликовано (по копии 1837 года) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина 1855, стр. 409—412.

4. Заметки из неизданных тетрадей. Печатается по копии П. А. Ефремова *(ПД)*, воспроизводящей сделанный П. В. Анненковым свод важнейших мест рукописи Пушкина, запрещенных цензурой в 1840 г. Впервые частично опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина" 1855, стр. 405 и в статье „Общественные идеалы Пушкина" („Вестник Европы" 1880, кн. VI, стр. 633—634); полностью — П. А. Ефремовым в Собр. соч. Пушкина, 1903, т. VI, стр. 641—646.

429. ⟨Заметки при чтении „Описания земли Камчатки" С. П. Крашенинникова.⟩

1. О Камчатке. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2388 Ж — рукопись на 17 лл.). Впервые опубликовано С. М. Бонди в Полном собр. соч. А. С. Пушкина 1933, т. V, стр. 711—717. Датируется первой половиной января 1837 года на основании связи со следующими заметками.

2. Камчатские дела (от 1694 до 1740 г.). Печатается по автографу *ПД* (рукопись на 22 лл., в обложке, на которой заголовок и дата). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина, 1857, т. VII, ч. 2, стр. 29—49; точнее — в Полном собр. соч. Пушкина, приложение к журн. „Красная Нива" 1930, кн. 11, стр. 462—469. На обложке рукописи дата: „20 января 1837 г." Книга академика С. П. Крашенинникова, автора первого научного „Описания

[1] Эта работа убийственная. Если бы я наперед знал, я бы не взялся за нее.

земли Камчатки" (1755), сохранилась в библиотеке Пушкина во втором издании (1786). Выписки и заметки предназначались для задуманной Пушкиным статьи о завоевании Камчатки (план ее и наброски начала см. ниже), особенности построения которой, вероятно, были бы близки „Джону Теннеру". Статья о Камчатке, предназначавшаяся для первой или второй книжки „Современника" в 1837 году, являлась, очевидно, последней литературной работой Пушкина.

446. ⟨План и набросок начала статьи о завоевании Камчатки⟩. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2377 А. л. 22). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 10, стр. 91—92; точнее — в Полном собр. соч. Пушкина, приложение к журн. „Красная Нива" 1930, кн. 11, стр. 470. Датируется 1837 годом на основании связи с предыдущими выписками из книги С. П. Крашенинникова.

Материалы записных книжек, черновые „мысли и замечания", выписки и анекдоты

451. ⟨Старинные пословицы и поговорки⟩. Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано (частично) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина", СПБ. 1855, стр. 257; полностью — в Академическом изд. собр. соч. Пушкина 1928, т. IX, стр. 399—400.

Некоторые из этих пословиц выписаны Пушкиным из двух сборников, сохранившихся в его библиотеке: 1) „Собрание 4291 древних российских пословиц", М. 1770, 2) „Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенных по азбучному порядку", СПБ. 1822.

На одной из страниц первого сборника рукою Пушкина сделана приписка: „В кабак далеко, да ходить легко. — В церковь близко, да ходить склизко".

Одна из пословиц, выписанных Пушкиным, использована была им в „Арапе Петра Великого" (1827) (гл. VI: „Благодарю за дружеский совет,— прервал холодно Ибрагим,— но знаешь пословицу: не твоя печаль чужих детей качать"...), другая („Кто в деле, тот и в ответе") использована в рецензии на роман Загоскина „Юрий Милославский" (1830).

В пору своей поездки в места, связанные с восстанием Пугачева, Пушкин в своей записной книжке отметил несколько поговорок, впервые опубликованных И. А. Бычковым в „Отчете Публичной Библиотеки за 1889 г.", СПБ. 1893, приложение, стр. 38:

Нынче калмыки так обрусели, что готовы с живого шкуру содрать.

Слова мордвина 16 сент. ⟨1833 г.⟩.

Долгая молитва — широкий крест.

Хорошего не лизать, дурного не тесать.

452. ⟨Материалы к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям"⟩.

1. *Кс. находит какое-то сочинение глупым...* Печатается по черновому автографу *ЛБ* (тетрадь 2368, л. 30, среди черновиков „Отрывков из писем, мыслей и замечаний"). Впервые опубликовано в „Русской Старине" 1884, № 6, стр. 539. Дата определяется положением в рукописи.

452. *Проза кн. Вяземского...* Печатается по черновому автографу *ЛБ* (тетрадь 2368, л. 30, среди черновиков „Отрывков из писем, мыслей и замечаний"). Впервые опубликовано в „Русской Старине" 1884, № 6, стр. 539. Дата определяется положением в рукописи. Заключительные строки использованы в „Отрывках из писем, мыслях и замечаниях": „Должно стараться иметь большинство голосов на своей стороне" и пр.

Говоря о „прозе кн. Вяземского", Пушкин имел, вероятно, в виду „Выдержки из записной книжки", статью „О злоупотреблении слов" и другие публикации П. А. Вяземского в „Московском Телеграфе" 1826—1827 гг., в „Северных Цветах на 1827 г." и пр. Именно с этими статьями Вяземского перекликаются „Отрывки из писем, мысли и замечания" Пушкина.

452. *Повторенное острое слово...* Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь 2368, л. 31) среди черновиков „Отрывков из писем, мыслей и замечаний"). Впервые опубликовано в „Русской Старине" 1884, кн. VI, стр. 540. Дата определяется положением в рукописи. Строки об эпиграмме использованы для позднейших заметок о Баратынском (1830—1831) (см. стр. 277).

452. *Браните мужчин вообще...* Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь 2367, л. 46 об., среди черновиков „Отрывков из писем мыслей и замечаний"). Впервые опубликовано в „Русской Старине" 1884, № 5, стр. 350.

452. *Одна из причин жадности...* Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь 2367, л. 47, среди черновиков „Отрывков из писем" и пр.). Впервые опубликовано в „Русской Старине" 1884, № 5, стр. 350.

Заметка связана с суждениями, развитыми Пушкиным в письме к П. А. Вяземскому осенью 1825 года: „Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могучего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. „Он мал, как мы, он мерзок, как мы! — Врете, подлецы: Он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе!"

2. *У нас употребляют прозу...* Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано в Академическом изд. собр. соч. Пушкина 1928, т. IX, стр. 399.

452. *Ne pas admettre l'existance de Dieu...* Печатается по беловому автографу *ПБЛ*, сохранившемуся среди „Отрывков из путешествия Онегина" (1829). Впервые опубликовано в „Отчете Публичной Библиотеки за 1898 г.", СПБ. 1902, стр. 146.

Первоисточник выписки неизвестен.

453. *В миг, когда любовь исчезает в душе нашей...* Печатается по автографу *ПБЛ*, сохранившемуся среди „Отрывков из путешествия Онегина" (1829). Впервые опубликовано (неточно) в „Отчете Публичной Библиотеки за 1898 г.", СПБ. 1902, стр. 146.

453. *Гладиатору Байрона*—„Странствования Чайльд-Гарольда", песнь IV („I see before me the Gladiator lie..." etc.). Вольный перевод этих стихов дан Лермонтовым („Ликует буйный Рим... Торжественно гремит..." и пр.).

453. *Первый несчастный воздыхатель...* Печатается по черновому автографу *ПД* (собрание И. А. Шляпкина). Впервые опубликовано в вольном изложении П. В. Анненкова в „Материалах для биографии Пушкина" 1855, стр. 272; точнее — в Полном собр. соч. Пушкина 1930, т. V, стр. 405.

453. *Переводчики — почтовые лошади просвещения.* Печатается по автографу *ПД* (собрание И. А. Шляпкина). Впервые опубликовано в неверном пересказе П. В. Анненкова (вм. „почтовые" напечатано „подставные") в „Материалах для биографии Пушкина" 1855, стр. 271, откуда перепечатывалось во всех изданиях Пушкина, с ошибочным отнесением к 1825 году. Впервые точно воспроизведено в Полном собр. соч. Пушкина, 1930, т. V, Датируется 1830 годом на основании положения в рукописи — среди черновиков главы восьмой „Евгения Онегина" и планов „Истории села Горюхина".

453. *Stabilité — première condition...* Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 В, л. 28 об.). Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве" 1881, кн. III.

Запись эта является, вероятно, выпиской, первоисточник которой еще не установлен.

453. *Зависть — сестра соревнования...* Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова), сохранившемуся на листке,

занятом заметкой „Писатели, известные у нас под именем аристократов“. Вод. знак „1831“. Впервые опубликовано (неточно) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855, стр. 288.

453. *Какой-то лорд, известный ленивец...* Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2377 В, л. 69). Впервые опубликовано в Посмертном изд. соч. Пушкина, СПБ. 1841, т. XI, стр. 159.

453. *Д— говаривал, что самою полною сатирою...* Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2372, л. 59 об.). На этом же листе запись, публикуемая ниже. Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 8, стр. 318. Датируется на основании положения в рукописи.

Д— — вероятно А. А. Дельвиг.

453. *Грамматика не предписывает законов...* Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2372, л. 59 об.). На этом же листе предыдущая запись. Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 8, стр. 318. Датируется на основании положения в рукописи.

453. *Множество слов и выражений...* Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855, стр. 255—256.

О слове „трогательный“ А. С. Шишков писал в „Рассуждении о старом и новом слоге российского языка“ (1803).

453. *Буквы, составляющие славенскую азбуку...* Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2377, л. 19). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 10, стр. 89—90. Датируется нами на основании вод. зн. бумаги — „1834“.

Ссылка на Н. Ф. Грамматина имеет в виду его примечания к „Слову о Полку Игореве“, М. 1823, стр. 113.

454. *Перевод:*

Эно и Икаэль

Трагедия.

Действующие лица.

Принц Эно.

Принцесса Икаэль, возлюбленная принца Эно.

Аббат Пекю, соперник принца Эно.

Икс, Игрек, Зед — телохранители принца Эно.

Сцена единственная.

Принц Эно, принцесса Икаэль, аббат Пекю, телохранители.

Эно.

Аббат! уступите...

Аббат.

Э! ф...

Эно (хватаясь за секиру).

У меня — секира!

Икаэль (бросаясь в объятия Эно).

Икаэль любит Эно. (Они нежно целуются.)

Эно (с живостью, оборачиваясь).

Пекю остался? Икс, Игрек, Зед! возьмите господина аббата и выбросьте его в окно.

455. ⟨Заметка по поводу слова „блудит“ в сатирах Кантемира⟩. Печатается по автографу *ПД*. Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в „Библиотеке Пушкина“ 1910, стр. 47.

Пушкин имеет в виду стихи II и VII сатиры Кантемира: „Но бедно блудит наш ум“ и „Дружок, ум твой блудит“.

455. Богородицины дочки. Печатается по автографу *ПД*. Впервые опубликовано Я. К. Гротом в газете „Русь“ 1885, № 22, стр. 3. Датируется на основании упоминания в тексте 1830 года, как „прошлого“. Запись близка и тематически и стилистически к рассказам Н. К. Загряжской.

Фамилия денщика и его дочерей — Ведель.

455. ⟨Выписка о Поле Поттере⟩. Печатается по автографу *ПД* (собрание

Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано Л. Б. Модзалевским в Полном собр. соч. Пушкина 1930, т. V, стр. 405.

Поттер, Поль (1625—1654) — голландский художник-пейзажист.

456. <Выписка из Четь-Миней>. Печатается по автографу *ПД*. Впервые опубликовано в книге И. А. Шляпкина „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“, СПБ. 1903, стр. 53. Датируется 1831 годом на основании письма Пушкина к П. А. Плетневу от первой половины апреля 1831 года: „Присоветуй <Жуковскому> читать Четь-Минею, особенно легенды о киевских чудотворцах, прелесть простоты и вымысла“.

Все выписки сделаны Пушкиным из январских Четь-Миней. К материалу последних он обращался и в 1825 году, во время работы над „Борисом Годуновым“.

456. Преподобный Савва игумен. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2386 Б, лл. 8 и 31). Впервые опубликовано П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина 1904, т. VI, стр. 438—439. Датируется началом 30-х годов на основании вод. зн. бумаги — „1830“.

457. <Материалы о соколиной охоте>. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2377, л. 20). Впервые опубликовано (частично) П. В. Анненковым в Материалах для биографии Пушкина“ 1855, и полностью — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 10, стр. 90—91; точнее — в Полном собр. соч. Пушкина, М. — Л. 1933, т. V, кн. 2, стр. 771. Условно датируется началом 30-х годов, но писано на бумаге с вод. зн. „1819“.

Все выписки заимствованы из „Урядника или нового уложения и устроения чина сокольничья пути“ (1668). Возможно, что они связаны с работой над повестью о стрелецком сыне, к которой Пушкин дважды обращался после отказа от „Арапа Петра Великого“.

458. <Гастрономические сентенции>. Печатается по автографу *ПД*. Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в „Библиотеке Пушкина“, СПБ. 1910, стр. 310. См. там же и факсимильное воспроизведение этих строк.

Заметки набросаны на листке, вложенном в книгу „Physiologie du goût“, Paris 1834.

458. <Заметка при чтении „Путевых картин“ Гейне>. Печатается по автографу *ПД* (на обрывке письма неизвестного к Пушкину от 22 апреля 1835 года). Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в книге „Библиотека Пушкина“, СПБ. 1910, стр. 247.

Перевод:

„Освобождение Европы придет из России, так как только там предрассудок аристократии не существует вовсе. В других местах верят в аристократию, одни, чтобы презирать ее, другие, чтобы ненавидеть, третьи, чтобы извлекать из нее выгоду, тщеславие и т. п. В России ничего подобного. В нее не верят, вот и всё“.

Предположение Б. Л. Модзалевского о том, что строки эти являются выпиской из Гейне, не оправдалось, так как ни в одном из произведений Гейне соответствующего текста обнаружено не было. Более вероятно, что заметка эта резюмирует некоторые высказывания Гейне о России в „Путевых картинах“.

458. <Шотландская пословица>. Печатается по автографу *ПБЛ*, сохранившемуся на обороте письма Пушкина к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 года. Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“ 1884, кн. IV, стр. 455.

В сборнике „Собрание 4291 древних российских пословиц“ М. 1770, сохранившемся в библиотеке Пушкина, отмечена на полях крестиком эта же самая пословица: „Ворон ворону глаза не выклюнет; а хоть и выклюнет, да не вытащит“. В тексте же Вальтер Скотта, на который ссылается Пушкин, речь шла не о воронах, а о ястребах.

458. Table-Talk. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2377). Впервые частично

опубликованы после смерти Пушкина в „Современнике“ 1837, кн. 8, стр. 224—239 (тридцать две заметки из 55). Четырнадцать анекдотов, не включенных в „Современник“— по цензурным и редакционно-тактическим соображениям (1. „Суворов наблюдал посты“, 2. „Я встретился с Надеждиным“, 3. „Дельвиг звал однажды Рылеева“, 4. „Об арапе графа С.“, 5. „Зорич был очень прост“, 6. „Государь долго не производил“, 7. „Графа Кочубея похоронили“, 8. „Голландская королева“, 9. „Будри, профессор французской словесности“, 10. „Потемкин, встречаясь с Шешковским“, 11. „Orloff étoit mal élevé“, 12. „Государь Петр III однажды“, 13. „Однажды Потемкин недовольный“, 14. „Князь Потемкин во время Очаковского...“), появились в „Библиографических Записках“ 1859, № 5, стр. 136—139; один („Однажды маленький арап“) опубликован был П. В. Анненковым в „Вестнике Европы“ 1873, кн. XI, стр. 12; восемь остальных (1. „Когда в 1815 г. дело шло“, 2. „Барков заспорил однажды“, 3. „Дмитриев предлагал императору“, 4. „Граф К. Разумовский“, 5. „Это было перед самым...“, 6. „Orloff étoit régicide“, 7. „Я была очень смешлива“, 8. „Когда Потемкин вошел в силу“) опубликованы П. А. Ефремовым в Собр. соч. Пушкина 1881, т. V, стр. 316—331. Конец анекдота „Генерал Раевский был насмешлив“ впервые появился в „Русской Старине“ 1884, кн. X, стр. 92. В настоящей композиции и с исправлением всех неточностей и пропусков прежних публикаций дано впервые Т. Г. Зенгер в Полном собр. соч. Пушкина 1933, т. V.

458. Граф *Поццо-ди-Борго*, Карл Осипович (1768—1842) — французский эмигрант, корсиканец по происхождению, перешедший в 1805 году на русскую службу; в 1814—1832 гг. — посол русского правительства в Париже. Записки Лагарпа и Поццо-ди-Борго от 25 июня (7 июля) 1814 года о политическом положении дел в Европе и в частности о Польше напечатаны в сочинении Н. К. Шильдера „Император Александр I“, т. III, стр. 533—537. Запись Пушкина сделана со слов кн. П. Б. Козловского (1783—1840) — дипломата, участника Венского конгресса, близкого знакомого Пушкина.

459. *Сенька-бандурист* — Семен Федорович Уваров (ум. в 1788 г.), командир лейб-гренадерского полка, флигель-адъютант Екатерины II, отец министра народного просвещения С. С. Уварова. О „Сеньке-бандуристе“ есть сведения в „Записках“ Ф. Ф. Вигеля, от которого, возможно, Пушкин и слышал этот анекдот.

459. *Антоний Поссевин* (1534—1611) — римский дипломат, деятель католической пропаганды в восточной Европе, исполнявший секретные задания Ватикана; способствовал заключению перемирия между Россией и Польшей в 1582 году. Запись сделана на основании предисловия к полному собранию сочинений Маккиавели на французском языке в переводе Ж.-В. Перие (в десяти томах, 1823—1826). Издание это было в библиотеке Пушкина.

459. *Ученый Conringius* — Герман Конринг (1605—1681), немецкий государствовед, историк и врач.

459. *„Государь“* („Il principe“) — сочинение Маккиавели.

460. *Орозман* — герой трагедии Вольтера, „Заира“. Приводимый Пушкиным стих взят из монолога I действия, сцена 5.

460. *Маленький арап* — прадед Пушкина по матери, Ибрагим Петрович Ганнибал, фамилия которого названа в записи Пушкина, но зачеркнута.

460. *Барков*, Иван Семенович (1732—1768) — поэт, переводчик, прославившийся своими порнографическими стихотворениями, пародировавшими торжественные классические оды и трагедии. Пушкин высоко ценил поэтический талант Баркова.

461. О чтении Пушкиным на лицейском экзамене стихотворения „Воспоминания в Царском Селе“ см. во второй строфе главы восьмой „Евгения Онегина“.

461. Кн. *Багратион*, Петр Иванович (1765—1812), в кампанию 1812 года командовал второй западной армией. Анекдот в другой редакции был записан Пушкиным в лицейском дневнике.

461. Пушкин познакомился с Н. И. Надеждиным у М. П. Погодина 23 марта 1830 года. „*Критики*“ Надеждина — статьи его в „Вестнике Европы“ о „Графе Нулине“ (1829, № 3) и о „Полтаве“ (1829, №№ 8 и 9).

462. *Милонов*, Михаил Васильевич (1792—1821) — поэт.

462. *Граф Мор...* — скрипач, называвшийся графом Морелли, в действительности французский полковой музыкант Розатти.

462. *Один из адъютантов Потемкина...* — Этот рассказ имеется в „Записках“ Л. Н. Энгельгардта, где названа и фамилия адъютанта — Специнский.

463. Кто скрыт под „*графом С.*“, остается неизвестным. Нет никаких оснований видеть в нем графа Строганова.

463. *Второй Фальстаф*, с которым был знаком Пушкин,— А. Л. Давыдов, которому поэт посвятил стихотворение „Нельзя, мой толстый Аристипп“.

464. Пугачев сидел в Москве в клетке не на Меновом, а на Монетном дворе, как и отмечено у Пушкина в „Истории Пугачева“.

464. *Дмитриев* Иван Иванович (1766—1837) — поэт, бывший в 1810—1814 гг. министром юстиции.

464. Граф Петр Алексеевич фон-дер-*Пален* (1745—1826)—петербургский военный губернатор в последние месяцы жизни Павла, глава заговора против него. Иосиф *де-Рибас* (1749—1800) — адмирал, строитель Одессы, будучи в дружеских отношениях с Паленом и Паниным, первый подал мысль о свержении Павла. Сообщение о том, что Рибас „отстал, раскаясь и будучи осыпан милостями Павла“, надо думать, не соответствует действительности. 1 марта 1800 года де-Рибас был уволен от службы, 30 октября снова принят, а 2 декабря 1800 года умер. Вице-канцлеру графу Никите Петровичу *Панину* (1770—1837) принадлежит план объявления Павла сумасшедшим и регентства Александра. Назначенный членом Коллегии иностранных дел (фактически был министром) тотчас же по воцарении Александра, Панин в сентябре 1801 года был принужден просить об увольнении, а в 1804 году ему было запрещено пребывание в столицах. Записанное Пушкиным свидетельство Дмитриева, что Панин был удален по настоянию вдовы Павла, подтверждается и другими показаниями.

466. Кн. *Долгоруков*, Яков Федорович (1639—1720) — сенатор, председатель Ревизион-коллегии, гражданские доблести которого широко были популяризированы в „Вельможе“ Державина, в „Гражданском мужестве“ Рылеева, в „Послании к Н. С. Мордвинову“ и в „Стансах“ Пушкина. „Славный анекдот“ о Долгорукове рассказан Голиковым в „Деяниях Петра Великого“.

466. Пушкин имеет в виду „Манфреда“ и „Преображенного урода“, произведения Байрона, написанные под влиянием „Фауста“.

467. *Зорич*, Семен Гаврилович (1745—1799) — один из фаворитов Екатерины II, бывший „в случае“ в 1777—1778 гг. Удаленный от двора, он уехал за границу, а затем поселился в пожалованном ему местечке Шклове (в 32 верстах от Могилева), где жил с большой роскошью. О спектаклях у Зорича в Шклове, в которых принимала участие кн. Екатерина Александровна Долгорукова (1750—1811), рассказывает в своих воспоминаниях Л. Н. Энгельгардт.

467. *Когда граф д'Артуа...* Записано со слов кн. Екатерины Федоровны Долгоруковой, рожд. кж. Барятинской (1769—1849), бывшей замужем за кн. Вас. Вас. Долгоруковым, участником крымского похода и штурма Очакова. У сына кн. Е. Ф. и В. В. Долгоруковых, кн. Василия Васильевича (1787—1858) Пушкин во время своей работы над историей Петра I брал семейные бумаги Долгоруковых и письма Петра I.

467. *Болдырев*, Аркадий Африканович— петербургский плац-маиор. Рассказываемое в записи Пушкина вспоминает со слов „одного современного лица“ в своих записках и гр. М. Д. Бутурлин. См. „Русский Архив“ 1898, кн. 2, стр. 270—271.

467. О смерти кн. В. П. Кочубея (3 июня 1834 г.) см. дальше в дневнике Пушкина и в письмах его к жене.

467. *Старушка Новосильцова* — возможно Екатерина Ивановна Новосильцова, вдова сенатора.

468. *Кречетников*, Михаил Никитич, своей карьерой обязанный покровительству Потемкина, после первого раздела Польши бывший псковским генерал-губернатором, а в 1792 году командовавший войсками, действовавшими в Литве, где он затем был генерал-губернатором. Запись сделана со слов гр. Михаила Юрьевича Виельгорского (1788—1856), приятеля Пушкина, Жуковского и Вяземского.

468. *Французские принцы* — сыновья французского короля Людовика-Филиппа, Фердинанд (1810—1842), герцог Шартрский, после восшествия отца на престол называвшийся герцогом Орлеанским, и Людовик (1814—1896), герцог Немурский. В Берлине они были 11—25 мая 1836 года.

468. *Старый принц Витгенштейн* — кн. Фридрих-Карл Сайн-Витгенштейн-Гогенштедт (1766—1837); граф Карл *Брессон* (1798—1847)—французский посол в Берлине.

468. *Голландская королева* - Вильгельмина, жена короля Вильгельма I (1772—1843). Принц *Орлеанский* — впоследствии французский король Людовик-Филипп (1773—1850).

468. *Генерал Раевский*—Николай Николаевич Раевский, о котором см. заметку „О некрологии генерала Н. Н. Раевского" и прим. к ней (стр. 602). Первый рассказ относится к турецкой войне 1810—1811 года. Главнокомандующий гр. Николай Михайлович Каменский (1776—1811) не любил Раевского, командовавшего корпусом и отличившегося при взятии крепости Силистрии и в сражении под Шумлою, и удалил его, хотя и с повышением, в Яссы. О каком генерале говорится во втором рассказе, неизвестно.

469. *де-Будри*, Давид Иванович (1756 — 1821), брат Марата, приехал в Россию в 1784 году в качестве воспитателя детей В. П. Салтыкова. Впоследствии Будри в Петербурге преподавал французский язык в пансионах, гимназиях и в частных домах, а при основании лицея был назначен профессором. В своей записке о Пушкине барон М. А. Корф писал о Будри, что он „один из всех данных нам наставников вполне понимал свое призвание и, как человек в высшей степени практический, наиболее способствовал нашему развитию, отнюдь не в одном познании французского языка".

469. *Равальяк* (1578—1610)—убийца короля Франции Генриха IV.

471. В подлиннике в сноске указано, что „К. Х." — „Кн. Мих. Вас. Хованский", но затем это зачеркнуто. Рассказ относится не к кн. Михаилу Васильевичу Хованскому, так как такого не существовало, а к одному из его братьев.

471. Гр. *Салтыков*, Николай Иванович (1736—1816) — фельдмаршал.

471. *Шешковский*, Степан Иванович (1727—1794) — чиновник тайной экспедиции Сената, фактически глава тайной полиции при Екатерине II, лично производивший пытки над заключенными. Шешковский вел следствие над Пугачевым, Радищевым, Новиковым и многими другими.

471. *Разговоры Загряжской.* Наталья Кирилловна Загряжская, рожд. графиня Разумовская (1747—1837), дочь малороссийского гетмана, по мужу приходилась теткой теще Пушкина, Наталье Ивановне Гончаровой. Пушкин представился Наталье Кирилловне в 20-х числах июля 1830 года, о чем писал невесте, а затем бывал, в качестве свойственника, в ее салоне, одном из самых видных в Петербурге в течение более шестидесяти лет. По словам кн. П. А. Вяземского, „Пушкин заслушивался рассказов Натальи Кирилловны: он ловил при ней отголоски поколений и общества, которые уже сошли с лица земли; он в беседе с нею находил необыкновенную прелесть историческую и поэтическую". Один из рассказов Загряжской Пушкин записал в своем дневнике под 4 декабря 1833 года. Позднее, в 1835 году, по совету Жуковского, поэт решил более серьезно заняться этим и записал девять рассказов Загряжской, введя их в свое собрание „Table-talk".

472. Граф *Строганов*, Александр Сергеевич (1733—1811) — президент Академии Художеств и директор Публичной библиотеки. Воспитателем его единственного сына, графа Павла Александровича (1774—1817), был француз Жильбер *Ромм* (1750—1795), приехавший из Франции со своим воспитанником в Россию в 1779 году и проживший здесь до 1787 года. Возвратившись с П. А. Строгановым в Париж, он принял ближайшее участие в событиях Великой буржуазной революции, был избран членом Законодательного собрания и Конвента, где принадлежал к партии монтаньяров и был в числе подписавших смертный приговор Людовику XVI. После свержения „Горы", Ромм был арестован и, приговоренный к гильотине, заколол себя кинжалом. Математик по образованию, Ромм составил революционный календарь, введенный в 1793 году Конвентом и отмененный в 1806 году Наполеоном.

472. *Шувалов*, Иван Иванович (1727—1797) — фаворит императрицы Елизаветы Петровны, меценат, покровительствовавший Ломоносову, учредитель Московского университета

472. Гр. *Николай Иванович* — Салтыков (см. примеч. к стр. 476).

472. Кн. *Григорий Александрович* — Потемкин.

472. *Знаменское* — имение К. Г. Разумовского близ Петербурга.

472. Воспоминания Загряжской о государственном перевороте, возведшем на трон Екатерину II, изобилуют неточностями. Рассказанное Загряжской происходило 28 и 29 июня 1762 года.

Граф Разумовский, Кирилл Григорьевич, отец Натальи Кирилловны, вопреки ее рассказам, не находился в числе лиц, бывших с Петром III 28 июня.

Графиня *Воронцова*, Анна Карловна (1723—177.) — жена канцлера. Графиня *Воронцова*, Елизавета Романовна (1739—1792) — фаворитка Петра III.

Из Кронштадта Петр III на галере с компанией отправился в Ораниенбаум, куда и прибыл утром 29 июня. Отсюда он отправил два письма Екатерине: первое с обещанием полного примирения и второе с отречением от престола. В первом часу дня арестованный Петр III был привезен в карете в Петергоф, а в пятом часу дня отвезен в Ропшу, где и был задушен 7 июля.

473. *Машенька* — племянница Натальи Кирилловны, дочь ее сестры Анны Кирилловны, бывшей замужем за В. С. Васильчиковым. Марья Васильевна Васильчикова (1779—1844) была замужем за графом Виктором Павловичем Кочубеем.

474. *Орлов*, Алексей Григорьевич (1737—1808) — брат фаворита Екатерины II, один из главных деятелей переворота 1762 года. О шраме на щеке А. Г. Орлова см. Заметки к „Истории Пугачева".

474. *Тамара*, Василий Степанович (1746—1819) — чиновник канцелярии Потемкина, впоследствии посол в Константинополе.

475. Граф А. Г. Орлов в начале царствования Павла I уехал за границу, где и пробыл до вступления на престол Александра I. *Анна Алексеевна* — его единственная дочь.

475. *N. N.* — Полторацкий, Марк Федорович (1729—1795), сын протоиерея, придворный певчий, затем регент придворного хора при Елизавете и директор придворной певческой капеллы при Екатерине. Чин действительного статского советника он получил 6 августа 1783 года. *М. Ф. Полторацкий* — дед приятеля Пушкина С. Д. Полторацкого, впоследствии известного библиографа.

476. Основанием для рассказа Пушкина послужил эпизод в ставке Потемкина под Бендерами, когда князь добивался взаимности кн. Е. Ф. Долгоруковой. Об этом же случае рассказывает в своих воспоминаниях Л. Н. Энгельгардт. В позднейших версиях анекдота место действия перенесено было под Очаков. О кн. Е. Ф. Долгоруковой и ее муже см. выше, стр. 689.

Дневники и автографические записи

479. ⟨И з л и ц е й с к о г о д н е в н и к а 1815 г.⟩. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2366). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Пропущенные там части из заметки „Мои мысли о Шаховском“ напечатаны полностью Д. Сапожниковым в „Русском Архиве“ 1899, кн. II.

479. *Давыдов,* Денис Васильевич (1784—1839) — организатор партизанских отрядов из крестьян в помощь регулярным войскам во время войны с Наполеоном в 1812 году, известный поэт, впоследствии приятель Пушкина. О нем см. в I томе прим. к стихотворению „Певец-гусар, ты пел биваки“.

479. Граф *Беннигсен,* Леонтий Леонтьевич (1745—1826) — боевой генерал, один из участников убийства Павла I; князь *Багратион,* Петр Иванович (1765—1812) — генерал-от-инфантерии, участник походов Суворова и войн с Наполеоном в 1805—1812 гг. Анекдот о нем, записанный Пушкиным в юности, включен с небольшим вариантом в „Table-talk“.

479. *Жуковский дарит...* — Пушкин говорит о первой части „Стихотворений Василия Жуковского“, СПБ. 1815—1816. Книга вышла в свет около 7 декабря 1815 года. Очевидно, Жуковский привез Пушкину один из первых экземпляров, так как запись сделана Пушкиным до 28 ноября.

479. *Шишков и г-жа Бунина...* — Шишков, Бунина и Шаховской — писатели, члены „Беседы любителей русского слова“. Венчанье лаврами Шаховского происходило в доме Буниной 24 сентября 1815 года, на другой день после первого представления пьесы его „Урок кокеткам, или Липецкие воды“, где под видом бездарного сентиментального поэта Фиалкина выведен Жуковский. Пьеса Шаховского явилась поводом для основания литературного общества „Арзамас“, враждебного „Беседе любителей русского слова“. Организационное заседание происходило 14 октября 1815 года, а на заседании 29 октября вступивший в члены „Арзамаса“ Д. В. Дашков держал речь о драматурге Шаховском („Шутовском“). Вскоре был сочинен им и гимн на „Венчанье Шутовского“.

479. *Творец затей* — Шаховской, автор комедии „Полубарские затеи“. *Гроза баллад,* то есть автор „Липецких вод“, где высмеиваются баллады Жуковского. *Хлыстов* — граф Хвостов, поэт, член „Беседы любителей русского слова“, мишень литературных нападок карамзинистов и арзамасцев, неоднократно осмеянный Пушкиным. См., например, его пародийную „Оду гр. Хвостову“. *„Шубы“* — „ирои-комическая“ поэма Шаховского „Расхищенные шубы“. *Старик седой* — Шишков. *Поэтов бледный строй* — члены „Беседы“. *И воды я пишу водой* — намек на бессодержательность „Липецких вод“. *Еврей мой написал Дебору, а я списал...* — намек на то, что Шаховской будто бы отчасти воспользовался для своей пьесы „Дебора, или торжество веры“ (1811) трудом Л. Н. Неваховича, жившего в доме Шаховского и служившего в театре. *Макар* — слуга Шаховского. *Ежова* — Екатерина Ивановна, петербургская комическая актриса, гражданская жена Шаховского, хозяйка его салона.

481. 2 9 н о я б р я. Запись о Е. П. Бакуниной, первой любви Пушкина, вдохновившей его на ряд элегий. О ней см. комментарии к элегиям 1816 года.

481. 10 д е к а б р я. *„Фатам или разум человеческий“* — не дошло до нас. *С. С.* — вероятно, Степан Степанович Фролов, гувернер. *„Жизнь Вольтера“* — вероятно, известная биография, написанная Кондорсе.

482. 1 0 д е к а б р я. *Начал я комедию.* — О не дошедшей до нас комедии этой товарищ Пушкина по лицею А. Д. Илличевский писал 16 января 1816 года: „Пушкин пишет теперь комедию в 5 действиях, в стихах, под названием „Философ“. План довольно удачен, и начало, то есть первое действие, до сих пор только написанное, обещает нечто хорошее; стихи — и говорить нечего, а острых

слов — сколько хочешь! Дай только бог ему терпения и постоянства... Это — первый большой ouvrage, начатый им, ouvrage, которым он хочет открыть свое поприще по выходе из лицея". Поэма „*Игорь и Ольга*" — до нас не дошла. *Эпиграмма* „*Угрюмых тройка есть певцов*"—переделка эпиграммы Бомарше „Vit-on jamais rien de si sot". „*Картина Царского Села*", вероятно, не была написана, *Пели куплеты...* — так называемые „национальные песни", коллективно сочинявшиеся воспитанниками лицея и высмеивавшие учителей и товарищей. „*Бери себе повесу*" — пародия песни Дмитриева „Карикатура" („Сними с себя завесу").

482. *Георгиевский*, Петр Егорович — адъюнкт русской и латинской словесности и эстетики, отличавшийся надутым красноречием.

482. *Августин богослов* (354—430) — крупный христианский философ.

482. *Бутервек* (1766—1828) — немецкий философ, историк литературы, профессор в Геттингене, имевший большое влияние на романтиков; возможно, что Георгиевский говорил на лекциях о его книге „Эстетика".

483. *Кайданов*, Иван Козьмич — преподаватель исторических наук.

483. „*Борнгольм*" — повесть Карамзина „Остров Борнгольм".

483. *Карцев*, Яков Иванович — преподаватель физики и математических наук. У него серьезно занимался один Вольховский. *Доктор* — Франц Осипович Пешель, о котором см. стихотворение „Заутра с свечкой грошевою" и прим.

483. *Камараж*, Илья Антонович — лицейский надзиратель по хозяйственной части.

483. *Роман, Фридебург, Шумахер* — лица неизвестные. *Гакен*, Август-Фридрих — лицейский гувернер.

484. *Владиславлев*, Александр Андреевич, — гувернер, отставной капитан. *Матвеюшка* — Матвей Александрович Золотарев, помощник надзирателя по хозяйственной части, о котором см. в стихотворении „К Галичу".

484. *Левашов*, Василий Васильевич — впоследствии граф и председатель Государственного совета, в 1815—1822 гг. командир лейб-гвардейского гусарского полка, руководивший обучением лицеистов верховой езде. О нем см. в стихотворении „Ноель на лейб-гусарский полк".

484. *Вильмушка* — Кюхельбекер. Куплет этот — намек на анонимный эпиграмматический диалог „Демон метромании и стихотворец Гезель", направленный против Кюхельбекера, в рукописном журнале „Лицейский Мудрец" 1815 № 2.

484. *Иконников*, Алексей Николаевич, был в 1811—1812 гг. гувернером в лицее. Характеристику см. в следующей записи дневника.

484. *Куницын*, Александр Петрович — преподаватель „нравственных и политических наук" очень ценимый Пушкиным. О нем см. прим. к стихотворению „Лицейская годовщина" 1836 года.

17 декабря. *Вчера провел я вечер с Иконниковым* — самый ранний отрывок художественной прозы Пушкина, дошедший до нас.

485. Мои мысли о Шаховском. Первый абзац заметки — общая характеристика Шаховского — очень напоминает суждение некоего N в „Мыслях и характерах" („Российский Музеум" 1815, № 12), где читаем: „Клеон пишет трагедии, комедии, поэмы, сатиры, *водевили*. В некоторых обществах его венчают лавровыми венками, равняют с Молиером и Депрео, удивляются его дарованиям, превозносят его ум, одним словом, почитают его гением нашего времени. Этот гений не что иное как наглый и безграмотный писатель, не учившийся ничему, не знающий начальных правил грамматики, и который сочиняет плоские и водяные стихи единственно по слуху и на попад". Если признать, что Пушкин усвоил некоторые положения из этой статьи в журнале, который он постоянно читал, то заметку о Шаховском надо датировать временем не ранее 12 февраля 1816 года, так как 12-й номер журнала за 1815 г. вышел с опозданием в указанный выше день.

485. *„Ломоносов“* — „Ломоносов, или рекрут-стихотворец“, опера-водевиль, ставившаяся с 1813 года, но напечатанная в 1815. *„Казак-стихотворец“* — опера-водевиль в 1 действии (1815). *„Встреча незваных“* — второе название пьесы в 2 действиях „Крестьяне“ (1815). *„Кокетка“*—„Урок кокеткам, или Липецкие воды“ (1814).

486. ⟨Из Кишиневского дневника⟩. Печатается по автографу Пушкина; листок с началом текста, кончая словами „Жалею, что не получил моих писем: они...“, хранится в *ЛБ* (вшит в тетрадь № 2387 А); листок с продолжением хранится в *ПД* (собрание А. Ф. Онегина). Начало впервые напечатано Жуковским в Посмертном изд. соч. Пушкина. Конец (по копии) напечатан впервые Н. О. Лернером в журнале „Нива“ 1912, № 5.

486. *Н. G.* — неизвестное лицо. *А. Ипсиланти* — о нем см. выше, стр. 626, а также в стихотворении, „В. Л. Давыдову“ („Меж тем как генерал Орлов...“).

486. *Владимиреско* Тодор (1770 — 1821) — валахский солдат, награжденный чином поручика и владимирским крестом за участие в русско-турецкой войне 1810 — 1812 г., вождь крестьянского восстания, охватившего Молдавию и Валахию в 1821 г., недолговременный союзник Александра Ипсиланти. О нем см. письмо Пушкина к В. Л. Давыдову.

486. *Хоронили мы здешнего митрополита...*—Гавриил Банулеско Бодони. О смерти его см. еще в стихотворении „В. Л. Давыдову“.

486. *Послание князя Вяземского к Жуковскому* („О ты, который нам явить с успехом мог...“) было напечатано в „Сыне Отечества“ от 5 марта 1821 года, № 10. Тяжелым дидактическим стихам Вяземского Пушкин противопоставляет музыкальное стихотворение Баратынского „Лиде“ („Твой детский вызов мне приятен...“), помещенное одновременно с его русской песней „Страшно воет, завывает...“ вслед за посланием Вяземского в № 10 „Сына Отечества“.

486. *Утро провел я с Пестелем...* — П. И. Пестель, будущий глава Южного общества декабристов, был командирован в Бессарабию для собирания сведений о греческом восстании. Об этой встрече Пушкин вспомнил в дневнике 24 ноября 1834 года.

486. *Получил письмо от Чедаева...* — Признание Пушкина о первенствующем значении для него дружбы Чаадаева отразилось в написанном в то время (6 и 20 апреля) послании Чаадаеву („В стране, где я забыл...“) и (11 апреля) „К моей чернильнице“.

487. *Письмо мое к Василию Львовичу...* — „Тебе, о Нестор Арзамаса“, написанное еще 22 декабря 1816 года и ходившее в списках, было напечатано в „Сыне Отечества“ от 12 марта 1821 года, № 11.

487. *Официальное письмо Гречу* — не дошло до нас.

487. *Кн. Дм. Ипсиланти* — брат Александра, адъютант Н. Н. Раевского старшего, передавал неверный слух.

487. *4 мая был я принят в масоны* — в ложу „Овидий“ № 25, которая была закрыта 9 декабря 1821 года. Сам Пушкин писал: „Я был масон в кишиневской ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи“ (письмо к Жуковскому от второй половины января 1826 года). При закрытии ложи „Овидий“ Пушкин взял себе счетные книги ордена, которыми он стал пользоваться с 1823 года как черновыми тетрадями (ныне №№ 2369, 2370 и 2368 *ЛБ*).

487. *Писал к князю Ипсиланти...* — запись, говорящая о том, что Пушкин был в тайной переписке с главой греческого восстания. Письмо не дошло до нас. Может быть, на это намекает фраза Пушкина в письме к Дельвигу от 23 марта 1821 года: „Недавно приехал в Кишинев и скоро оставляю благословенную Бессарабию: есть страны благословеннее. Праздный мир не лучшее состояние жизни“. В августе 1821 года в Москве распространились слухи

о бегстве Пушкина в армию восставших греков.

487. *Суццо*, кн. Михаил — молдавский господарь, бывший сам гетеристом, жил в Кишиневе как агент А. Ипсиланти.

487. *Баранов*, Александр Николаевич — таврический гражданский губернатор, которого Пушкин вместе с Н. Н. Раевским навестил в Симферополе в 1820 году.

487. *Алексеев*, Николай Степанович — приятель Пушкина, о котором см. в прим. к стихотворению „Алексееву" (1821).

487. *Инзов* — начальник Пушкина по Кишиневу, о котором см. в прим. к стихотворению „В. Л. Давыдову" (1821) и в „Воображаемом разговоре с Александром I".

487. О *Пущине*, Павле Сергеевиче см. прим. к стихотворению „Генералу Пущину" („В дыму, в крови...") (1821).

487. *26 мая* — день рождения Пушкина.

487. *Тарас Кирилов* — может быть, бежавший из тюрьмы уголовный, прощавшийся с Пушкиным накануне, сказав ему о предстоящем побеге. См. еще прим. к стихотворению „Узник" (1822).

487. *Крупенские* — кишиневский вице-губернатор Матвей Егорович и жена его Елизавета Христофоровна, у которых Пушкин часто бывал.

487. *M-r Déguilly* — француз, уклонившийся от дуэли с Пушкиным, на что Пушкин нарисовал карикатуру.

487. ⟨Из записной книжки 1820—1822 гг.⟩ Печатается по записной книжке Пушкина, хранящейся в *ПБЛ*.

Слова М. Ф. Орлова (которого нужно видеть в „О" записи Пушкина) можно сопоставить с записью Н. И. Тургенева в дневнике под 22 сентября 1820 года: „В течение 7 месяцев третья революция!" — говорит Гамбургская газета. — Но все говорят, что в Португалии должно было ожидать того, что случилось. Незадолго перед сим, когда царствовала в правительствах охота к конституциям, когда каждая почта извещала о конституциях — Баденской, Дармштадской и пр. и пр. — видаясь в клобе с читателями газет, мы спрашивали друг друга при встрече: „Нет ли еще конституции?" Теперь можно спрашивать: „Нет ли еще революции?" О революции в Испании см. т. I, прим. к стихотворению „Сказали раз царю, что наконец..."; о революции в Неаполе см. там же стихотворение „В. Л. Давыдову" („Меж тем как генерал Орлов..."). Вслед за испанской революцией в 1820 году вспыхнула революция в Португалии, и король (Иоанн VI) вынужден был в 1822 году признать демократическую конституцию, отмененную, правда, в следующем году.

Генерал Р. — Н. Н. Раевский старший (о нем. см. выше). Его слова — переделка изречения Наполеона I: „От великого до смешного один шаг".

488. ⟨Из автобиографических записок⟩. Печатается по автографу *ПД*. Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина" 1855, стр. 43.

Вышед из лицея, я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. — Выпускной акт в лицее был 9 июня 1817 года. Уехал Пушкин в Михайловское 8—10 июля, где пробыл до конца августа.

Деревня est le premier... — Недописанная цитата из Вольтера не вскрыта, но, очевидно, должна развертываться в обычном для Вольтера смысле осуждения деревни.

Старый арап — Петр Абрамович Ганнибал (1742—1826), дядя матери Пушкина, сын „царского арапа", Ибрагима Ганнибала. Пушкин навестил его летом 1817 года в его имении Петровском, расположенном около Михайловского.

488. ⟨Воображаемый разговор с Александром I⟩. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2370). Впервые напечатано Бартеневым в „Русском Архиве 1855, кн. V, стр. 185.

488. *Ода „Свобода"* — ода „Вольность", из-за которой главным образом Пушкин был выслан. *Нелепой клеветой* должен был назвать Александр I обвинение его в соуча-

стии в убийстве его отца в строфе 11 „Вольности“, о чем см. в прим. к стихотворению. Видно, что *3 и 6 песни „Руслана и Людмилы“, 1 часть „Кавказского пленника“ и „Бахчисарайский фонтан“* Пушкин считал лучшим из написанного к тому времени.

488. *„Онегин“ печатается...* Первая глава „Евгения Онегина“ с предисловием „Разговор книгопродавца с поэтом“ вышла в свет 15 февраля 1825 года.

488. *И. А. Крылов* служил в Императорской публичной библиотеке.

489. *Скажите, как это вы могли ужиться с Инзовым, а не ужились с графом Воронцовым?* — За полгода до написания „Воображаемого разговора“ Пушкин писал Тургеневу: „Не странно ли что я поладил с Инзовым, а не мог ужиться с Воронцовым: дело в том, что он начал вдруг обходиться со мною с непристойным неуважением, я мог дождаться больших неприятностей и своей просьбой предупредил его желание. Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое“.

489. *Он русский в душе ...* — С этих слов начинается противопоставление Инзову скрытой характеристики Воронцова. Об англомании Воронцова см. в прим. к стихотворению „Полу-милорд, полу-купец...“.

489. *Всякое сочинение противузаконное приписывают мне...* —Ср. в письме к Вяземскому от 10 июля 1826 года: „Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова“.

489. *Князь Цицианов*, Дмитрий Евсеевич (1747—1835) — человек славившийся неистощимым остроумием.

489. *Как можно судить о человеке по письму, писанному товарищу...* — Пушкин открыто говорит о том, что ему известно, что письмо его к Вяземскому (от первой половины марта 1824 года) со строками „Святый дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира“ и „беру уроки чистого афеизма“ было перехвачено одесской полицией. Перлюстрация этого письма была одним из поводов к высылке Пушкина из Одессы в Михайловское.

Пушкин неоднократно высказывался о том, что он выслан из-за *двух пустых фраз* — то есть о „святом духе“ и о „чистом афеизме“ — „я сослан за строчку глупого письма“ (письмо Жуковскому 29 ноября 1824 года); „покойный император в 1824 году сослал меня в деревню за две строчки нерелигиозные“ (Плетневу, около 20 января 1826 года); „сосланный в глухую деревню за две строчки перехваченного письма, я конечно не мог доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавал полную справедливость истинным его достоинствам“ (Дельвигу, около 15 февраля 1826 года). Именно эти обстоятельства объясняют выражение Пушкина: *„последний поступок со мною“*.

489. *Карл X* — французский король, только что (16 сентября 1824 года) вступивший на престол (был свержен Июльской революцией 1830 года). На первых порах он отменил цензуру, амнистировал преступников и обещал соблюдать хартию, но через несколько месяцев уже показал себя глубоким реакционером.

489. *Ермак* — Ермак Тимофеевич (XVI в.). Героическая фигура завоевателя Сибири (во главе всего пятисот казаков), очевидно, привлекала Пушкина как тема поэмы. Вскоре (22 апреля 1825 года) он писал брату, требуя среди прочих книг „Сибирский Вестник весь“ (журнал, изд. Г. И. Спасским 1818—1824), прочтя в рецензии в „Московском Телеграфе“ (1825, № 3, стр. 251) о имеющемся в журнале „множестве драгоценных исторических и географических отрывков и описаний“. Очевидно, просьба Пушкина находится в связи с его интересом к Ермаку.

489. *Кочум* — Кучум, сибирский хан, разбивший Ермака и его войско.

489. *Король Гишпанский* — Фердинанд VII, по приказу которого арестовывали и казнили либералов и радикалов (1812—1823).

489. *Инзов... за всякую ссору с молдаванами объявлял мне комнатный арест и присылал мне, скуки ради, франкфуртский журнал.* — В письме к Тургеневу Пушкин (14 июля 1824 года) писал: „Старичок Инзов сажал меня под арест всякий раз как мне случалось побить молдавского боярина. Правда — но зато добрый мистик в то же время приходил меня навещать и беседовать со мной об Гишпанской революции". Ср. еще стихотворение „Мой друг, уже три дня сижу я под арестом".

489. *Франкфуртский журнал* („Francfurter Oberpostamtszeitung") — еженедельный общественно-политический журнал (1615—1866).

498. *Граф Воронцов не сажал меня под арест...* — „Не знаю, Воронцов посадил ли бы меня под арест, но уж верно не пришел бы ко мне толковать о конституции кортесов" (из того же письма к Тургеневу).

490. ⟨Из автобиографических записок⟩. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 А) и по автографу *ПД*. Впервые напечатано Жуковским в Посмертном изд. соч. Пушкина

490... *⟨запечат⟩лены печатью вольномыслия.* — В утраченном начале этих записок Пушкин, очевидно, говорит о своих юношеских политических стихах.

490. *Болезнь* — Пушкин проболел шесть недель в январе — феврале 1818 года. *Гнилая горячка* — может быть, сыпной тиф? (6 недель болезни, обрили голову). *Лейтон,* Яков (1792—1822) — доктор медицины.

490. *Одна дама, впрочем весьма почтенная* — кн. Е. И. Голицына, о которой см. прим. к стихотворению „Простой воспитанник природы".

490. *Каченовский бросился на одно предисловие...* — В статье „От киевского жителя к его другу" („Вестник Европы" 1819), рецензирующей два французских перевода предисловия к „Истории Государства Российского". Пушкин издевался над этим еще через три года в заметке „Несколько московских литераторов": „Что сделали мы до сих пор, почтенные слушатели, — сказал он, — ⟨Г-н Трандафырь, т. е. Каченовский⟩... разобрали заглавный лист Истории Государства Российского..."

491. *Ноты Русской истории* — примечания Карамзина, имеющиеся в конце каждого тома, превосходящие размером основной текст.

491. *Никита Муравьев... разобрал предисловие...* — *Никита Муравьев* — будущий декабрист (см. о нем в X главе „Евгения Онегина"), написал мнение об „Истории" (где главным образом разбирает предисловие), ходившее по рукам. О *Мих. Орлове* см. в прим. к стихотворению „В.Л.Давыдову".

491. *Некоторые остряки за ужином...* — может быть, имеются в виду заседания „Зеленой Лампы".

491. *Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм...* — Вероятно, Пушкин разумеет эпиграмму „В его истории изящность, простота".

491. *Любимыми парадоксами* Карамзина Пушкин называет его идеи о том, что Россия может существовать лишь как монархия.

491. *Шихматов* — кн. Сергей Александрович Ширинский-Шихматов, поэт, член Российской Академии и „Беседы любителей русского слова". О нем см. эпиграмму Пушкина (1815) „Угрюмых тройка есть певцов".

491. *Кутузов* — П. И. Голенищев-Кутузов (1767—1829), одописец и переводчик, член Российской Академии; политический и литературный противник Карамзина, которого обвинял в 1810 году в „вольнодумческом и якобинском яде", в „безбожии и безначалии".

491. *Шестилетнее знакомство.* — В „программе записок" Пушкин также относит приезд Карамзина к 1814 году. Если не считать того, что Пушкин ребенком, живя в Москве, знал Карамзина, который бывал у его отца и дяди, то настоящее знакомство поэта с Карамзиным началось лишь в марте 1816 года в Царском Селе, когда Карамзин проездом из Петербурга в Москву заезжал в лицей с В. Л. Пушкиным и Вяземским.

Лето 1816 года Карамзины проводили в Царском Селе на даче, и Пушкин очень часто бывал у них. В последний раз виделся Пушкин с Карамзиным в мае 1820 года, перед своей ссылкой на юг. В *Павловск* Карамзин ездил к жившей там императрице Марии Федоровне, вдове Павла I.

491. ⟨Встреча с Кюхельбекером⟩. Печатается по автографу *ПД*. Впервые частично напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855, и Е. И. Якушкиным в „Библиографических Записках“ 1859. Встреча произошла на пути Пушкина из Михайловского в Петербург. *Следующая станция* после Боровичей в Петербург — Залазы. *Шиллеров „Духовидец“* — „Духовидец“ — история, взятая из записок графа О*** и изданная Фридрихом Шиллером“, перевод с нем., 6 частей. М. 1807, 2-е изд. — М. 1818. *Вероятно, поляки?* — члены национального патриотического товарищества, имевшие связь с декабристами.

492. *Но куда же?* — Кюхельбекера везли из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую (в Двинске). По приговору он был осужден на двадцатилетнюю каторгу, которую заменили крепостью. С 1835 года жил на поселении в Восточной Сибири, где и умер в 1846 году. После этой мимолетной встречи друзья больше не виделись. Пушкин посылал Кюхельбекеру книги и был с ним в переписке. Описание встречи сохранилось в рапорте фельдъегеря, везшего Кюхельбекера:

„Господину дежурному генералу Главного штаба е. и. в., генерал-адъютанту и кавалеру Потапову.

Фельдъегеря Подгорного

Рапорт.

Отправлен я был сего месяца 12-го числа в гор. Динабург с государственными преступниками, и по пути, приехав на станцию Залазы, вдруг бросился к преступнику Кюхельбекеру ехавший из Новоржева в С.-Петербург некто г. Пушкин и начал после поцелуев с ним разговаривать. Я, видя сие, наипоспешнейше отправил как первого, так и тех двух за полверсты от станции, дабы не дать им разговаривать, а сам остался для написания подорожной и заплаты прогонов. Но г. Пушкин просил меня дать Кюхельбекеру денег; я в сем ему отказал. Тогда он, г. Пушкин, кричал и, угрожая мне, говорил, что по прибытии в С.-Петербург в ту же минуту доложит его императорскому величеству, как за недопущение распроститься с другом, так и дать ему на дорогу денег; сверх того, не преминул также сказать и ген.-адъютанту Бенкендорфу. Сам же г. Пушкин между прочими угрозами объявил мне, что он посажен был в крепость и потом выпущен, почему я еще более препятствовал иметь ему сношение с арестантом; а преступник Кюхельбекер мне сказал: это тот Пушкин, который сочиняет. 28 октября 1827 г.“

492. ⟨Программа записок⟩. Печатается по автографу *ПД*. Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855.

Семья моего отца. — Пушкин разумеет своего деда, Льва Александровича Пушкина, о котором см. в „Родословной Пушкиных и Ганнибалов“. От второй жены у него было два сына — Василий (поэт) и Сергей (отец Пушкина) и две дочери — Анна и Елизавета.

Бабушка и ее мать. — Бабушка поэта по матери, Марья Алексеевна рожд. Пушкина (1745—1818), была замужем за Осипом Абрамовичем Ганнибалом, младшим сыном „арапа Петра Великого“. Оставленная мужем, женившимся, не получив развода, на У.Е. Толстой, Марья Алексеевна жила с малолетней дочерью Надеждой Осиповной в Липецке у матери своей Сарры Юрьевны, рожд. Ржевской, вдовы тамбовского воеводы.

Иван Абрамович — Ганнибал, отец мужа Марьи Алексеевны, строитель Херсона. О нем см. прим. к стихотворению „Воспоминания в Царском Селе“ (1829). Он принял участие в судьбе своей невестки и привез ее в Петербург, где и выдал замуж Надежду Осиповну за Сергея Львовича Пушкина (в ноябре 1796 года).

Смерть Екатерины. — Екатерина II умерла 6 ноября 1796 года. *Рождение Ольги.*— Старшая сестра поэта Ольга Сергеевна (по мужу Павлищева) родилась 20 декабря 1797 года в Петербурге. *Рождение мое* — Пушкин родился в Москве, на Немецкой ул., в доме Скворцова (ныне № 10 по Бауманской улице).

Юсупов сад — сад при доме кн. Юсупова в Б. Харитоньевском переулке (ныне № 22) в Москве.

Землетрясение — 14 октября 1802 года в Москве было небольшое землетрясение.

Няня—Арина Родионовна (1758—1828), из крепостных Марии Алексеевны Ганнибал. Ей посвящены Пушкиным стихи „Подруга дней моих суровых", „Зимний вечер"; ее вспоминает он в стихотворении „Вновь я посетил...".

Гувернантки. — О. С. Павлищева рассказывала в своих „Воспоминаниях" об англичанке м-ме Бэли, своей гувернантке, учившей и Пушкина английскому языку, и об одной гувернантке-немке, говорившей всегда по-русски.

[*Ранняя любовь*]. — Пушкин имеет в виду девочку, которую скрыл под *** в „Послании к Юдину"; вероятно, это была Софья Николаевна Сушкова, с которой дети Пушкины брали совместно уроки танцев.

Рождение Льва. — Лев Сергеевич Пушкин родился 17 апреля 1805 года в Москве.

Смерть Николая. — Шестилетний брат Пушкина Николай умер 30 июля 1807 года в имении бабушки Захарово, где Пушкины проводили летнее время.

Монфор — граф, французский эмигрант, первый воспитатель Пушкина и его сестры, „человек образованный, музыкант и живописец".

Русло — следующий гувернер Пушкиных.

Охота к чтению. — Сестра поэта вспоминала, что он „уже девяти лет любил читать Плутарха или Илиаду и Одиссею..." Он часто забирался в кабинет отца и читал другие книги; библиотека же отцовская состояла из классиков французских и философов XVIII века. Пущин писал, что Пушкин „многое прочел, о чем мы и не слыхали; всё, что читал, помнил".

Меня везут в П. Б. — В середине июля 1811 года Василий Львович повез Пушкина в Петербург для подготовки к экзаменам в лицей.

Езуиты — вероятно, имеется в виду проект поступления Пушкина в Петербургский „иезуитский коллегиум (или пансион)", славившийся хорошо поставленным обучением.

Тургенев — А. И. Тургенев, содействовавший помещению Пушкина в лицей. О Тургеневе см. в прим. к стихотворению „Тургенев, верный покровитель...".

Дядя Василий Львович... — В. Л. Пушкин ездил в Петербург для встреч с своими соратниками по литературной войне с шишковистами и для издания своих стихотворений „Послание к Жуковскому" и „Послание к Дашкову". С июля по начало октября Пушкин жил у В. Л. в Петербурге на Мойке, где видел приходивших к В. Л. Дмитриева, Дашкова, Блудова.

Дмитриев, Иван Иванович — поэт, друг Карамзина, в это время министр юстиции.

Дашков, Дмитрий Васильевич — автор брошюры „О легчайшем способе возражать на критики" (1811), направленной против шишковистов, член „Арзамаса", впоследствии министр юстиции.

Блудов, Дмитрий Николаевич, — один из основателей „Арзамаса", впоследствии составитель „Донесения Следственной комиссии по делу декабристов" и министр внутренних дел.

Ан. Ник. — Анна Николаевна Ворожейкина — гражданская жена В. Л. Пушкина, мать тогда годовалой дочери его Маргариты.

Лицей. Открытие. — Торжественное открытие состоялось 19 октября 1811 года. Далее названы бывшие на открытии Александр I, педагоги и Аракчеев.

Малиновский, Василий Федорович — первый директор лицея, державший речь.

Куницын Александр Петрович (1783—1841) — преподаватель „нравственных и политических наук" в лицее, сказавший при

открытии лицея речь, о чем см. в стихотворении „Была пора: наш праздник молодой“ и прим. к нему (т. I).

Мы прогоняем Пилецкого.—*Пилецкий-Урбанович,* Мартын Степанович (1780—1859) — надзиратель (1811—1813) в лицее, мистик, ханжа, вводивший в методы воспитания приемы сыска, был ненавидим лицеистами. Еще в ноябре 1812 года он довел лицеистов, во главе с Пушкиным, Кюхельбекером, Малиновским и Дельвигом, до открытого возмущения, замятого дирекцией. Но летом 1813 года лицеисты предложили Пилецкому выбрать — ему ли покинуть лицей или всем воспитанникам. Пилецкому пришлось уйти.

1812 г. — события кампании 1812—1813 гг. живо увлекали лицеистов, бывших свидетелями проводов войск, шедших на войну. См. „Воспоминания в Царском Селе“ (1825) и „Лицейская годовщина 1831 г.“

Государыня в Сарском Селе. — Жена Александра I, Елизавета Алексеевна, оставленная мужем, жила в одиночестве в Царском Селе. Об отношении к ней Пушкина см. стихотворение „Ответ на вызов...“

Гр. Кочубей—Наталья Викторовна, дочь министра внутренних дел, проживавшая в Царском Селе. Пушкин был в нее влюблен и посвятил ей стихи „Измены“. В 1835 году он хотел вывести ее в „Русском Пеламе“.

Чачков, Василий Васильевич, занимал место Пилецкого с 25 июля 1813 года по март 1814 года.

Фролов, Степан Степанович — инспектор лицея, отчаянный игрок.

Известие о взятии Парижа... — Париж был взят войсками союзников 19 марта 1814 года. Это событие упоминается в стихотворениях „Воспоминания в Царском Селе“ и „На возвращение государя...“

Смерть Малиновского — смерть директора лицея (27 марта 1814 года).

Безначалие.—На пост директора лицея после смерти Малиновского никто не был назначен. Исполнял обязанности директора преподаватель немецкого языка Гауеншильд, не пользовавшийся никаким авторитетом среди лицеистов.

[*Приезд Карамз.*] — Карамзин посетил лицей с В. Л. Пушкиным и Вяземским 23 марта 1816 года. Пушкин ошибочно отнес это событие к 1814 году, почему и зачеркнул эти слова.

[*Первая любовь*] — разумеется Е. П. Бакунина. Так как увлечение это было в 1815—1816 гг., то Пушкин вычеркнул это место.

[*Жизнь Карамзина*]. Вычеркнуто, потому что Пушкин сдвинул события 1814 и 1816 годов.

Больница. — В 1814 году Пушкин трижды болел. Отмечает он, вероятно, последнее пребывание в лицейской больнице, во время простуды, 12—14 октября, когда он с исключительным успехом прочитал навестившим его товарищам свое новое стихотворение „Пирующие студенты“.

Приезд матери. — Н. О. Пушкина переехала в Петербург из Москвы в 1814 году и впервые вместе с детьми посетила сына в лицее 12 апреля.

Приезд отца. — С. Л. Пушкин приехал в Петербург из Варшавы, где он служил одно время. Впервые посетил он сына в лицее 11 октября 1814 года.

Экзамен при переходе с младшего курса на старший происходил публично 8 января 1815 года. Пушкин написал для него стихотворение „Воспоминания в Царском Селе“, по заказу Галича (о котором см. в стихотворениях „Послание Галичу“ и „Галичу“ и в прим. к ним). Стихи эти Пушкин читал на экзамене в присутствии Державина. Об этом знакомстве с Державиным см. рассказ в „Table-talk“ („Державина видел я...“).

493. ⟨Родословная Пушкиных и Ганибалов⟩. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 А). Впервые напечатано в „Сыне Отечества“ 1840, № 7.

493. *Ежедневные записки.*— От этих записок сохранились отрывки лицейского и кишиневского дневников. (Запись 1827 года о Кюхельбекере, сделанная на другой день после встречи, не входила, конечно, в „еже-

дневные записки". Дневник 1833—1834 гг. велся спустя несколько лет после комментируемой записи.)

493. *Биографию свою* Пушкин писал главным образом в михайловском уединении. В ноябре 1824 года писал он брату: „Знаешь ли мои занятия. До обеда пишу записки, обедаю поздно..." и в другом письме: „Образ жизни моей всё тот же, стихов не пишу, продолжаю свои записки да читаю..." Около 12 сентября 1825 года Пушкин писал Катенину: „Стихи покамест я бросил и пишу свои mémoires, то есть переписываю набело скучную и сбивчивую черновую тетрадь..." В те же дни Пушкин, в письме к Вяземскому, по поводу записок Байрона, так писал, конечно, о чувствах, переживавшихся в это время им самим: „Писать свои Mémoires заманчиво и приятно. Никого так не любишь, никого так не знаешь, как самого себя. Предмет неистощимый. Но трудно. Не лгать — можно; быть искренним — невозможность физическая. Перо иногда остановится, как с разбега перед пропастью — на том, что посторонний прочел бы равнодушно. Презирать (braver) суд людей не трудно; презирать суд собственный невозможно".

493. *Я принужден был сжечь свои записки.* — До нас дошли от автобиографии Пушкина всего несколько листов, которые сохранились в бумагах Пушкина: „Вышед из лицея" и „⟨запечат⟩лены печатью вольномыслия". Может быть, последний отрывок имел в виду Пушкин, когда писал Вяземскому 14 августа 1826 года: „Из моих записок сохранил я только несколько листов и перешлю их тебе, только для тебя".

493. *О людях, которые после сделались историческими лицами...* — Пушкин лично знал пятерых повешенных декабристов и очень многих, как пострадавших декабристов, так и не привлекавшихся к суду. Он признавался Жуковскому в конфиденциальном письме в январе 1826 года, что „был в связи с большею частью нынешних заговорщиков".

Пушкин писал историю своего рода, вероятно, осенью 1834 года, так как в это время показывал в Болдине А. М. Языкову среди других работ „Историю рода Пушкиных".

493. *Радша* — лицо, от которого производили себя многие дворянские фамилии, жил в XII веке, то есть лет за сто до Александра Невского.

493. *Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории.* — „Двадцать один раз говорится о них в „Истории Государства Российского" (откуда по преимуществу узнавал поэт о своем роде). „Вдвое, втрое бо́льшее число их можно набрать из летописей, разрядов, чиновников, синодиков и пр." (Бартенев, „Род и детство Пушкина", стр. 3).

494. *Григорий Гаврилович.* — Пушкин описался: он разумел Гавриила Григорьевича Слепого, а назвал его сына, деятеля эпохи первых Романовых—воеводу в Туле в 1642 году, великого посла в Швецию в 1646 году, посла в Польшу в 1650 году, умершего в 1656 году. Гавриил Григорьевич (ум. 1638) — приверженец Лжедмитрия, государственный деятель, выведенный Пушкиным в „Борисе Годунове". О нем писал Пушкин в письме о „Борисе Годунове" 30 января 1829 года.

В одной из заметок при сочинении „Бориса Годунова" Пушкин писал о Гаврииле Пушкине: „Предался Самозванцу, был им с Плещеевым послан возмущать Москву — пожалован им в великие сокольничьи (небывалый чин), находился потом думным дворянином (1616 г.) с Мининым, получая 120 р. окладу.— В 1630 г. находился в том же чине. 1 октября 1619 года у Сретенских ворот, с Макс. Радиловым, защищает Москву против Владислава и Сагайдашного. В Вильне принимает возвращающегося из плена Филарета. В 1643 году он Елатомским наместником и послом в Польше (о границах)".

494. *Другой Пушкин*— Григорий Григорьевич Сулемша, старший брат Гавриила Григорьевича. Слова Карамзина о нем приведены Пушкиным из т. XII, „Истории Государства Российского", гл. I — изложение событий 1607 года).

Этих Пушкиных поэт разумел в стихах „Моей родословной“:

Водились Пушкины с царями,
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

494. *Четверо Пушкиных подписались...* — В письме к Дельвигу от 8 июня 1825 года Пушкин говорил, что их было шесть. На самом деле их было семь. Пушкин этот факт и упомянул в „Моей родословной“:

Смирив крамолу и коварство
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ, —
Мы к оной руку приложили.

494. *Матвей Степанович* — боярин. Пройдя все ступени государственных должностей, назначенный в 1697 году воеводой в Азов, Матвей Степанович через месяц был лишен боярской чести и сослан с семьей в Енисейск за участие сына Федора в стрелецком мятеже.

494. *Федор Матвеевич* — стольник, казнен 4 марта 1697 года за участие в стрелецком мятеже с стрелецким полковником *Иваном Ивановичем Цыклером* и окольничьим *Алексеем Прокофьевичем Соковниным.*

Федора Матвеевича разумеет Пушкин в „Моей родословной“ в стихах:

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.

494. *Александр Петрович Пушкин* (1686—1725)— каптенармус Преображенского полка (1722), владелец Болдина и смежных нижегородских деревень.

494. *Жена его* — Евдокия Ивановна Головина (дочь адмирала, генерал-кригскомиссара адмиралтейства при Екатерине I), зарезана мужем в 1725 году. Ср. в „Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений“, где сказано, что „он умер очень молод и в заточении, в припадке ревности или сумасшествия зарезав свою жену“. Он умер в том же году, тридцати девяти лет. Сведения о безумии и убийстве, совершенном прадедом Пушкина, известны лишь по запискам поэта, который записал, очевидно, семейные предания.

494. *Лев Александрович* (1723—1790)— дед поэта, о котором он читал у французских историков Рюлиера и Кастера (см. „Опыт отражения...“). О нем вспоминает Пушкин в „Моей родословной“:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь Петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью Третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой — в крепость, в карантин.

494. *Бывшим учителем его сыновей...*— У Льва Александровича и Марьи Матвеевны Пушкиных было три сына: Николай (1745—1821), полковник артиллерии, Петр (1751—1825), полковник артиллерии, и Александр (1757—179?).

494. *Повесил на черном дворе.*—Пушкин писал невесте 30 сентября 1830 года из Болдина: „Мой ангел, только одна ваша любовь препятствует мне повеситься на воротах моего печального замка (на этих воротах, скажу в скобках, мой дед некогда повесил француза, un outchitel, аббата Николь, которым он был недоволен)“. Возможно, что этот рассказ был преувеличен; в формуляре Л. А. Пушкина значится, что он „за непорядочные побои находящегося у него в службе венецианина Харлампия Меркадии был под следствием, но по именному указу повелено его, Пушкина, из монаршей милости простить“.

494. *Вторая жена его* —Ольга Васильевна Чичерина (1737—1802), бабушка поэта.

000. *Родословная матери моей.* — Надежды Осиповны, рожд. Ганнибал (1775—1836).

494. *Дед ее* — Ибрагим, или Абрам. Петрович Ганнибал (1698—1781), изображенный Пушкиным в повести „Арап Петра Великого“, в Post-scriptum'е „Моей родословной“.

495. *Его немецкий биограф...* — Биография А. П. Ганнибала на немецком языке и перевод ее на русский язык, сделанный Пушкиным, хранятся в бумагах поэта в *ЛБ* (опубликовано в сб. „Рукою Пушкина“, М.—Л. 1935).

495. *Первая жена* прадеда Ганнибала — Евдокия Андреевна Диопер, гречанка, дочь капитана галерного флота в Петербурге. По архивным данным, история их брака и развода выясняется в несколько ином виде. Насильно выданная замуж в начале 1731 года. Евдокия Андреевна до брака сошлась с другим. Через месяц после брака Ганнибал с женой переехали в Пернов, где она сблизилась с „кондуктором“ Яковым Шишковым. Ганнибал донес в суд, что Шишков хотел его отравить и после месяца истязаний жены „смертельными побоями необычно“ предал и ее суду. Пять лет провела она под арестом, питаясь общественным подаянием. Ганнибал же в 1736 году женился незаконно на второй жене. Приговоренная к наказанию („гонять по городу лозами, а прогнавши отослать на Прядильный двор на работу вечно“) „прелюбодеица“ Евдокия Андреевна стала хлопотать о пересмотре дела. Лишь в 1743 году дело рассматривалось в Синоде, а она была отдана на поруки и поселилась у родных на Васильевском острове в Петербурге. Она сблизилась с подмастерьем Академии Наук Обумовым и в 1746 году родила дочь Агриппину, вскоре умершую. Может быть, этот случай и дал основание для семейного предания о белой дочери *Поликсене*. Судебное дело разрешилось лишь в 1754 году, когда Евдокия Андреевна была заключена в Староладожский женский (а не Тихвинский) монастырь, где вскоре и умерла.

496. *Вторая жена его, Христина-Регина фон-Шеберх* — дочь капитана полка в Ревеле, прабабка Пушкина.

496. *Ивана Абрамовича Ганнибала* (173. —1801) Пушкин называет в стихотворении „Воспоминания в Царском Селе“ (1829) среди героев, памятники которым поставлены в Царскосельском парке. Ему же отводит он строфу в „Моей родословной“:

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин.

496. *Осип Абрамович* (1744—1806) — офицер флота артиллерии.

496. *Марья Алексеевна, рожд. Пушкина* (1745—1818) — бабушка Пушкина, учившая его грамоте. О ней поэт вспоминал в стихотворениях „Сон“ и „Муза“.

496. *Женился на другой жене* — Устинье Ермолаевне Толстой (вдове капитана Ивана Толстого), рожд. Шишкиной.

496. *Новый брак деда моего объявлен был незаконным.* — Это было 2 марта 1784 года.

496. *Трехлетняя ее дочь* — Надежде Осиповне, будущей матери Пушкина (1775—1836), было в это время девять лет.

496. *Дед мой умер в 1807 г.* — Не совсем точно, он умер в Михайловском 12 октября 1806 года.

499. <Заметка о холере>. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2377). Впервые напечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“, 1855.

Дерптский студент — Алексей Николаевич Вульф (1805—1881), сосед Пушкина по имению, сын П. А. Осиповой.

502. <Программа записок>. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2375). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 9, стр. 648. Программа эта написана осенью 1833 года в Болдине, когда Пушкин, вероятно, думал писать мемуары.

В *Кишинев* Пушкин приехал 21 сентября 1820 года из Симферополя. В Крыму он прожил три недели с семьей Раевских, проведя с ними до того более двух месяцев на Кавказе.

Каменка Чигиринского уезда Киевской губернии — имение Давыдовых, где бывали съезды деятелей Южного тайного общества. Сюда приехал Пушкин в середине ноября

1820 года и пробыл до конца февраля 1821 года.

Фонт. — Вероятно, первые мысли о будущей поэме „Бахчисарайский фонтан“.

Греческая революция. — Об этом см. „Note sur la révolution d'Ipsylanti“.

Липранди, Иван Петрович (1790—1880) — в ту пору подполковник, приятель Пушкина по Кишиневу, оставивший о нем воспоминания; впоследствии агент тайной полиции. Поэт изобразил Липранди в рассказе „Выстрел“ в лице Сильвио.

502. ⟨Д н е в н и к⟩. Печатается по автографу *ЛБ*. Впервые в печати стали появляться отрывки из „Дневника“ в цитациях П. В. Анненкова, в его „Материалах для биографии Пушкина“ 1855. Полностью впервые Дневник напечатан в собр. соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова в изд. Брокгауза и Ефрона, 1915, т. VI. В 1923 году вышло два подробно комментированных отдельных издания „Дневника“ Пушкина — в Ленинграде под ред. Б. Л. Модзалевского, в Москве под ред. В. Ф. Саводника и М. Н. Сперанского.

502. 1 8 3 3. *24 ноября* — Катеринин день. *Карамзина,* Екатерина Андреевна (1780 — 1851) — вдова историографа, сводная сестра кн. П. А. Вяземского, имевшая в течение многих лет литературный салон. Карамзина была одним из ранних увлечений Пушкина-лицеиста.

502. *Видел Жуковского.* — Это была первая встреча с ним после июня 1832 года, когда Жуковский уехал за границу, где он путешествовал и лечился.

502. *Фикельмон* — австрийский посланник в Петербурге, женатый на гр. Дарье Федоровне Тизенгаузен, дочери Елизаветы Михайловны Хитрово. О *Суццо* см. в отрывках „Из кишиневского дневника“ (под 9 мая 1821 года) и в прим. к ним.

505. *Обед у Энгельгардта* — *Энгельгардт,* Василий Васильевич, приятель Пушкина по кружку „Зеленая Лампа“. См. послание „Энгельгардту“ (1819).

502. *Сухозанет,* Иван Онуфриевич (1788—1861) — артиллерийский генерал, открывший картечный огонь по декабристам на Сенатской площади. Боевая карьера его кончилась после подавления польского восстания, когда ему оторвало ногу.

502. *Дамские мундиры* — введенные для придворных дам стилизованные сарафаны

502. *Салтыков,* Сергей Васильевич (а не *В. С.*) — петербургский богач, известный независимостью своих политических суждений и повадок, библиофил.

502. *Гр. Орлов* — Алексей Федорович Орлов, генерал-адъютант, впоследствии шеф жандармов.

502. *Турецкий посланник* — Мушир-Ахмет-паша, представитель Турции в России, впервые приехавший за шесть дней до записи Пушкина. А. Ф. Орлов познакомился с ним в Константинополе.

502. *Яшвиль* — князь Лев Михайлович (1768—1836) – начальник артиллерии I армии, при котором Сухозачет был адъютантом.

503. *Мартынов,* Савва Михайлович (1780—1864) — игрок, не брезговавший шулерством. Он был дядей Мартынова, убившего на дуэли Лермонтова.

503. *Никитин,* Павел Ефимович (1785—1842) — игрок-миллионер.

503. *Бринкен,* Рихард Егорович— подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка, при помощи разных проделок обворовывавший английский и другие магазины.

503. *Графиня Штакельберг,* Аделаида Павловна (1807 — ум. 7 ноября 1833) — двоюродная сестра гр. Дарьи Федоровны Фикельмон. *Хитрово,* Елизавета Михайловна (1783—1839) — дочь фельдмаршала Кутузова, по первому мужу — гр. Тизенгаузен, приятельница Пушкина.

503. „*Les enfants d'Edouard*“ — трагедия Казимира Делавиня на тему об убийстве сыновей короля Эдуарда IV. Публика искала аналогии с убийством Павла I. Трагедия не была снята с репертуара и кроме „Théâtre français“ ставилась с 1835 года в переводе в Александринском театре.

503. *Экерн* — бар. Геккерн, нидерландский посланник, с которым Пушкин, оче-

видно, общался еще в 1833 году; Джон *Блай* — секретарь английского посольства.

503. Граф *Бутурлин*, Дмитрий Петрович—военный историк, отчего и имел прозвище известного военного теоретика и стратега Жомини. „*Карта распространения России*“— приложение к книге Бутурлина „Военная история походов Россиян в XVIII ст.“ (4 ч., 1819—1823).

503. *Великий князь* —Михаил Павлович.

503. *Александровская колонна*—колонна в память Александра I в Петербурге на Дворцовой площади. Она сооружалась по проекту Монферрана с конца 1829 года, открытие было лишь 30 августа 1834 года. От этого торжества Пушкин уехал из Петербурга. См. ниже запись от 28 ноября 1834 года.

504. „*Как Ив. Ив. поссорился с Ив. Тимоф.*“ — „Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“ была прочтена Гоголем Пушкину до отдачи ее Смирдину для напечатания в альманахе „Новоселье на 1834 год“.

504. О *Нат.Кир. Загряжской* см. в прим. к „Table-talk“. Там же подробнее о свержении Петра III. *Кн. Дашкова*, Екатерина Романовна, рожд. графиня Воронцова (1744—1810) — президент Академии Наук и Российской Академии. *Княгиня Кочубей*, М. В. (1779—1844), рожд. Васильчикова, жена председателя Государственного совета и Комитета министров, племянница бездетной Н. К. Загряжской, воспитавшей ее. В старости Загряжская жила в доме Кочубеев, отдав им все свое состояние.

504. *Храповицкий*, Александр Васильевич (1749—1801) — поэт и переводчик, статс-секретарь Екатерины II, был около 1770 года генерал-аудитор-лейтенантом в штате графа К. Г. Разумовского. *Записками* Храповицкого (тогда неизданными) Пушкин пользовался для „Капитанской дочки“ и для статьи о Радищеве. *Будакова*, Прасковья Григорьевна — фрейлина, повенчанная в 1761 году в придворной церкви с бароном С. Н. Строгановым. Известны другие побочные дети Елизаветы Петровны.

504. *Мартынов*, Павел Петрович (1782—1838) — начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии, с 6 декабря 1833 года петербургский комендант. *4 полных генералов* — Савоини, Кайсаров, Никитин 1-й и гр. Левашов 1-й. В числе двадцати трех человек, пожалованных генерал-лейтенантами, был Василий Алексеевич *Перовский*, оренбургский военный губернатор, у которого Пушкин останавливался во время поездки на Урал осенью 1833 года.

504. *Скобелев*, Иван Никитич — генерал и писатель. У него было оторвано два пальца правой руки (в 1809 году) и ампутирована левая рука (в 1831 году).

504. *Гр. А. Бобринский* — Алексей Алексеевич (1800—1868), внук Екатерины II основатель свеклосахарного завода, организатор добычи каменного угля и проложения первых железных дорог. Пушкин часто бывал у него. *Мятлев*, Иван Петрович — поэт, автор „Сенсаций госпожи Курдюковой дан л'Этранже“.

505. *Кочубей* — кн. Виктор Павлович, председатель Государственного совета и Комитета министров; *Нессельроде*, гр. Карл Васильевич — вице-канцлер, министр иностранных дел.

505. *15. Вчера не было обыкновенного бала при дворе...* — Каждый год 14 декабря, в годовщину своего вступления на престол и подавления восстания на Сенатской площади, Николай I давал бал во дворце. *Гр. Шувалова*, Текла Игнатьевна (1801—1873), рожд. Валентинович, жена гр. А. П. Шувалова, бывшая первым браком замужем за фаворитом Екатерины II кн. П. А. Зубовым.

505. 1834. *Аничков дворец*, где происходили придворные балы. *Dangeau* — Филипп де-Курсильон, маркиз де-Данжо, французский придворный, оставивший мемуары эпохи Людовика XIV, обличающие короля. В словах Пушкина слышна угроза.

506. *Безобразов*, Сергей Дмитриевич— флигель-адъютант, за которого была выдана фрейлина Л. А. Хилкова.

506. *Сперанский*, Михаил Михайлович (1772—1839) — крупнейший государственный

деятель начала царствования Александра I, бывший в ссылке в 1812—1816 гг. После ссылки не занимал ответственных постов. В 1826 году участвовал в Верховном уголовном суде над декабристами. Сперанский руководил изданиями „Полного собрания законов“ (1830) и „Свода законов Российской империи“ (1832). Пушкин говорил со Сперанским о Пугачеве, так как в это время только что кончил писать его историю; о Ермолове же, вероятно, потому, что Ермолов вместе со Сперанским намечались декабристами в члены временного правительства. Это и скрывается под пометой *etc.*

506. *Ермолов*, Алексей Петрович (1772—1861) — известный боевой генерал. В 1827 году, во время персидской войны он был устранен Николаем I, считавшим его опасным для себя. С тех пор был не у дел. Пушкин, интересуясь Ермоловым, заезжал по дороге на Кавказ к нему в Орел. См. об этом в „Путешествии в Арзрум“. Ср. ниже, под 3 июня 1834 года, запись Пушкина о Ермолове.

506. *Вигель* Филипп Филиппович (1786—1856) — член „Арзамаса“, с которым Пушкин часто встречался в Кишиневе и в Одессе.

507. *Осведомилась о Перовском* — *В. А. Перовский*, оренбургский губернатор, был адъютантом при Николае I до его царствования.

507. *Бал у кн. Трубецкого.*— *Трубецкой*, Василий Сергеевич — генерал, сенатор. *Траур по каком-то (принце)*.—9/21 января умер герцог Фердинанд Вюртембергский, с 24 января при дворе был десятидневный траур. *Старуха Бобринская* — гр. Анна Владимировна, рожд. баронесса Унгерн-Штернберг (1769—1846), мать Алексея Алексеевича; Николай I звал ее „tante“, так как она была замужем за сыном Екатерины II.

507. *Барон д'Антес*—первое упоминание Пушкиным будущего его убийцы. *Маркиз де-Пина*, Эммануил Иванович—роялист, эмигрант.

507. *Мне возвращена моя рукопись с его замечаниями...* — Рукопись „Истории Пугачева“ (ныне хранится в *ЛБ*) была подана Николаю 16 декабря 1833 года и возвращена Пушкину через Жуковского 29 января 1834 года.

507. *Гр. Шувалов*, Андрей Петрович — церемониймейстер, муж выше упоминавшейся Теклы Игнатьевны. *Скарятин*—Яков Федорович задушивший Павла I. *Великий князь* — Михаил Павлович. *Австрийский посланник* — гр. Фикельмон.

508. *20 000 на напечатание Пугачева...*—26 февраля Пушкин просил через Бенкендорфа взаймы 20 000 рублей на напечатание „Истории Пугачевского бунта“. 5 марта было разрешено выдать ему эти деньги. *Молодая княгиня Суворова*— кн. Любовь Васильевна Суворова-Рымникская, рожд. Ярцова (1811 — 1867). *Витгенштейн*, гр. Лев Петрович (1799—1866) — старший сын фельдмаршала. *Покойная жена его*—Стефания Доминиковна рожд. кн. Радзивилл (1809—1830). *Суворов* — кн. Александр Аркадьевич Суворов-Рымникский (1804—1882), полковник, флигель-адъютант. *К-ва* — неизвестное лицо. *Соболевский*, Сергей Александрович —приятель Пушкина, острослов, эпиграмматист, библиофил. *Вельегорский* — гр. Михаил Юрьевич (1788—1856).

508. *Кн. Одоевский*, Владимир Федорович (1803—1869) — писатель, музыкант, у которого бывали вечера по субботам. *Ланская (бывшая Полетика)* —неизвестна. *Княгиня Одоевская* — Ольга Степановна, рожд. гр. Ланская (1797—1872).

508. *13 июля 1826 года* — день казни декабристов.

509. *Ц. н. анекдоты* — вероятно, означает царские нескромные анекдоты, то есть касающиеся царской фамилии. Все четыре рассказа Пушкин слышал, очевидно, накануне от Смирновой.

509. *Уваров*, Федор Петрович (1769—1824) — генерал-адъютант, дежуривший в ночь убийства Павла I и охранявший комнаты будущего императора Александра.

509. *Гаевский*, Семен Федорович,—доктор медицины и хирургии, редактор медицинского отдела в словаре Плюшара. Об А. И. *Галиче* см. в прим. к стихотворениям „К Га-

личу“ и „Послание к Галичу“. *Устрялов*— Николай Герасимович, историк, профессор Петербургского университета. *„Процесс Никонов“*, то есть акты суда над патриархом; они не были изданы Устряловым, может быть, из-за цензурного запрещения.

510. *Совершеннолетие наследника* (будущего Александра II) считалось в день его шестнадцатилетия, 17 апреля 1834 года; ввиду великого поста празднование было отложено на 22-е число, первый день Пасхи. О кн. В. В. *Долгорукове* и гр. А. П. *Шувалове* см. выше. *Нарышкин,* Кирилл Александрович – президент Придворной конторы, известный шутник. Его остроты записаны Пушкиным еще 16 и 25 апреля.

510. *Графиня Полье,* Варвара Петровна, рожд. кж. Шаховская (1796—1870) — с 1816 года жена генерал-лейтенанта графа П. А. Шувалова, вторым браком за швейцарцем графом А. А. Полье, с 1836 года за принцем Бутера, неаполитанским посланником в Петербурге. *Кн. Мещерский* — Петр Иванович, муж Е. Н. Карамзиной. *Карцов,* Дмитрий—отставной поручик, разъехавшийся с женой после шестнадцати лет брака.

510. *Кн. Ник. Трубецкой* — вероятно, Никита Петрович (1804—1855), брат декабриста, приятель Соболевского. *Норов,* Авраам Сергеевич (1795—1869)—поэт, путешественник, впоследствии министр народного просвещения. *Кукольник,* Нестор Васильевич (1809—1868) — поэт и драматург. *„Тасс“* — „Драматическая фантазия Торквато Тассо“ (СПБ. 1833). *„Рука“*—„Рука всевышнего отечество спасла“–драма о Минине и Пожарском, поставленная впервые 15 января 1834 года. *„Ляпунов“* — трагедия Кукольника —„Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский“. *Хомяков,* Алексей Степанович — поэт. Его трагедия „Прокопий Ляпунов“ не была дописана. *Барон Розен,* Егор Федорович — поэт, драматург и критик.

510. *Смирнов* (*кам.-юнкер*), Николай Михайлович (1807—1870) — муж А. О. рожд. Россет. *Икскуль* — барон Александр Карлович (1805—1880).

511. *...нашей оговоркою...* — „Трое (Пушкин, Зайцевский и Свиньин) объявили, что не станут участвовать в делах собрания, не зная, кто главный редактор, и удалились. Они опасались и не хотели Сенковского“,— так вспоминал об этом эпизоде Н. Н. Греч.

511. *Прошлое воскресенье* — 25 марта.

511. *Брюнов* — барон Филипп Иванович Брунов (1797—1875), в это время член Главного управления цензуры.

511. *S. не была...* — Ср. записи от 8 апреля (*S. K.*) и от 10 апреля. Судя по тому, что в это же время Пушкин несколько раз пишет жене о своей дружбе с Sophie Karamzine и отшучивается на ревность жены, то и S. и S. K. в дневнике — Софья Николаевна Карамзина (1802—1856), старшая дочь историографа, которой Пушкин вписал в альбом в 1827 году стихотворение „В степи мирской“ (см. том I).

512. *„Пиковая дама“* была напечатана в мартовской книжке журнала „Библиотека для Чтения“. *Кн. Наталья Петровна* — Голицына (1741—1837), известная под прозвищем „princesse Moustache“ (княгиня усатая),—девяностолетняя старуха, статс-дама, пользовавшаяся исключительным влиянием в светском обществе.

512. *Гоголь по моему совету...* — От этого замысла ничего не осталось. Позднее, для первого номера пушкинского журнала „Современник“ была написана Гоголем статья „О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 годах“.

512. *Гр. Л⟨аваль⟩*, Иван Степанович (1761—1846), в это время тайный советник, гофмейстер, член Главного управления училищ. *Жена его* — Александра Григорьевна Козицкая (1772—1850). *Вся семья*— то есть три дочери с мужьями (старшая Екатерина, жена декабриста кн. С. П. Трубецкого, была с ним в ссылке в Сибири): Зинаида — жена австрийского посланника в Петербурге — графа Лебцельтерна; Софья — жена камергера графа А. М. Борха; Александра — жена церемониймейстера графа С. О. Коссаковского. Ее назвал Пушкин *гр. Кос.*

512. „*Представлялся*"—церемония, требовавшаяся по придворному этикету. *Брат Паскевича* — Степан Федорович Паскевич (1785—1840), назначенный губернатором в Курск. *Шереметев*, Василий Александрович (1795—1862) — орловский губернский предводитель дворянства. *Болховской* — Я. Д. Бологовской (1798—1851), статский советник, начальник таможенного округа в Одессе. *Два Корфа* — 1) барон Модест Андреевич (1800—1876), назначенный статс-секретарем (позднее — член Государственного совета), товарищ Пушкина по лицею; 2) его брат, барон Федор Андреевич (1808—1839)—камер-юнкер. *Вольховский*, Владимир Дмитриевич (1798—1841) — генерал-маиор, участник Турецкой кампании 1828—1829 гг., товарищ Пушкина по лицею. О нем см. в стихотворениях „19 октября" (1825) и в „Путешествии в Арзрум". *Тетка* Н. Н. Пушкиной — Екатерина Ивановна Загряжская.

512. *Воронцов*, граф Михаил Семенович (1782—1856) — новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, бывший начальник Пушкина по Одессе, многократно осмеянный им в эпиграммах („Не знаю где, но не у нас...", „Певец Давид был ростом мал...", „Сказали раз царю..." и др.), а также в „Воображаемом разговоре с Александром I". *Котляревский* — Петр Степанович (1782—1851) — известный генерал. О нем см. в эпилоге к „Кавказскому пленнику". *О. Нарышкина* — Ольга Станиславовна, урожд. графиня Потоцкая (1802—1861), известная красавица, жена Л. А. Нарышкина, двоюродного брата графа М. С. Воронцова. *Графиня Воронцова*— Елизавета Ксаверьевна (1792—1880). См. связываемые с нею стихотворения „Ангел", „Желание славы", „Талисман", „Сожженное письмо", „К морю" и др.

512. *Бринкен*—см. выше запись от 29 ноября 1833 года; курляндское (а не финляндское) дворянство разжаловало его в солдаты, и лишенный звания и фамилии он был сослан Николаем I в Оренбургский отдельный корпус.

512. *Уваров*, Сергей Семенович (1786—1855) — знакомый Пушкина еще по „Арзамасу", с 21 апреля 1834 года — министр народного просвещения, президент Академии Наук. Изображен Пушкиным в лице „наследника" в стихотворении „На выздоровление Лукулла". *Свиньин*, Павел Петрович (1787—1839) — писатель и художник, коллекционер, распродавший в это время свой „Русский Музеум". Отзыв Уварова о Свиньине аналогичен мнению о нем Пушкина.

512. Слух о *Полевом* стоит в связи с закрытием „Московского Телеграфа" — см. выше запись от 7 апреля. *Граф Строганов*, Григорий Александрович (1770—1857) —в это время член Государственного совета. Он назван в качестве блистательного кавалера Байроном в „Дон Жуане" (песнь I, строфа CXIX). Строганов был двоюродным братом Н. Н. Пушкиной и после смерти поэта — членом опекунства над его детьми.

513. *Лелевель*, Иоахим (1786—1861) — польский историк, министр народного просвещения в революционном правительстве Польши. *Пулавский* — ксендз, входивший в „Патриотический клуб". Был с Лелевелем в эмиграции во Франции. *Ворцель*, Станислав, граф (1800—1856)— польский политический деятель, эмигрант. *Речи* произносились 25 января 1834 года „в годовщину свержения Николая с польского престола, а также в память русского восстания 1825 года и гибели русских патриотов". Лелевель привел в своей речи две революционные сказочки, якобы написанные Пушкиным и присланные им из ссылки царю. Одна из них была басня Сегюра „Дитя, Зеркало и Река", переложенная в стихи Денисом Давыдовым („Река и Зеркало"). Статью из „Франкфуртской газеты" Пушкин переписал в дневник, думая отвечать на нее, но не сделал этого. Строганову Пушкин писал, что „объятия Лелевеля кажутся ему тяжелее ссылки в Сибирь".

513. *Будущий бал*—даваемый дворянством 29 апреля по случаю совершеннолетия наследника.

514. ...*проводил Наталью Николаевну до Ижор* — жена поэта с двумя детьми ехала к матери в Яրополец. *Ижоры* — первая почтовая станция по Московской до-

роге, в 33 верстах от Петербурга. *Дворянский бал* — о нем см. записи 14 апреля и 3 мая. *Граф Литта*, Юлий Помпеевич (1763—1839) — обер-камергер.

514. О *К. А. Нарышкине* см. запись от 17 марта 1834 года. *Об указе...* см. запись от 3 мая 1834 года.

514. О *Суворовой* см. запись от 6 марта 1834 года. Сын ее Аркадий родился „вовремя" — 2 октября 1834 года. Муж ее, кн. А. А. Суворов, был в Петербурге с 21 октября 1833 года по 20 января 1834 года.

514. *Середа на святой неделе* — 25 апреля. *Праздник совершеннолетия* — церемония присяги состоялась 22 апреля.

515. *Филарет* — московский митрополит.

515. *Мердер* — Карл Карлович (р. 1783), воспитатель наследника, генерал. *Указ* от 17 апреля 1834 года, ограничивающий пребывание за границей для дворян до пяти лет, а для других сословий—до трех. *Блудов*, Дмитрий Николаевич (1785 — 1864) — министр внутренних дел, о котором см. в программе автобиографических записок. *Клейнмихель*, Петр Андреевич (1794—1869)— генерал, в это время управляющий Временным департаментом военных поселений, ставленник Аракчеева. *Игнатьев*, Павел Николаевич — в то время полковник Преображенского полка и флигель-адъютант при принце Ольденбургском.

515. *Минувшее торжество*—совершеннолетие и присяга наследника, см. запись от „середы на святой неделе". *Смирнова*—А. О., рожд. Россет, о которой см. запись от 8 марта. Пушкин писал об этом и жене не раз. За ее роды опасались друзья, так как в 1832 году она едва не умерла от первых родов. Теперь она родила 18 июня двоих детей.

515. *Право, данное дворянству Петром III*—разрешение свободного выезда за границу, до момента „как только нужда потребует".

515. *1-го мая* бывали в Екатерингофе под Петербургом традиционные гулянья в память победы Петра I. *Графиня Хребтович*, Елена Карловна (р. 1813) — дочь Нессельроде. *Гр. Милорадович* — петербургский военный генерал-губернатор, много сделавший для благоустройства и украшения Екатерингофа. *„Надпись к воротам Екатерингофа"* — стихи, может быть, самого Пушкина.

516. *Гоголь читал у Дашкова свою комедию.*— Вероятно, пьесу „Владимир 3-й степени", дошедшую до нас лишь во фрагментах.

516. *Molière avec Tartuffe...*— цитата из 3-й сатиры Буало, использованная Дашковым потому, что талант Гоголя часто сравнивали с мольеровским, а однофамильцем французского музыканта Ламбера был один из представителей „светского" общества в Петербурге — генерал К. О. Ламбер. Жену его Пушкин знал по Царскому Селу, где она жила в 1831 году. Пушкин называл ее „Madame Tolpègue" (от слова „Толпега").

516. *Лифляндское дворянство...* — О Бринкене см. запись от 29 ноября 1833 года. Пушкин ошибся. Речь идет о курляндском дворянстве.

516. *Получил я от Жуковского записочку...* — Записка эта не сохранилась. Московским почт-директором А. Я. Булгаковым, хорошо знакомым с Пушкиным, было перехвачено письмо поэта к жене от 20 и 22 апреля 1834 года, где он нашел предосудительным следующее место: „Письмо твое послал я тетке, а сам и не отнес, потому что рапортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди, и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим как то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой, с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет". В словах „... я могу быть под-

данным, даже рабом...“ и т. д., может быть, невольная реминисценция слов Ломоносова: „Я... не только у вельмож, но ниже у господа моего бога дураком быть не хочу“. Слова эти цитированы Пушкиным в статье „Путешествие из Москвы в Петербург“, написанной приблизительно в пору писания дневника.

Негодование Пушкина по поводу инцидента с перлюстрацией его писем было возбуждено до крайности: „Без политической свободы жить очень можно,—писал он жене,— без семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille) невозможно. Каторга не в пример лучше“.

516. *Видок*—начальник тайной полиции в Париже; появление в печати его мемуаров вызвало заметку Пушкина в „Литературной Газете“ (см. стр. 62), направленную против Булгарина. Ср. также эпиграмму „Не то беда, что ты поляк“, последний стих которой: „Беда, что ты Видок Фиглярин“.

517. *Смирновы*—Александра Осиповна и Николай Михайлович.

517. *Полетика*, Петр Иванович (1778—1849)—дипломат, один из членов „Арзамаса“ (1815—1817); он общался с Пушкиным главным образом в последние годы жизни поэта. Ср. запись от 2 июня 1834 года. *Чертков*, Евграф Александрович,—один из преображенских офицеров, возведших Екатерину II на престол. *Зубов*, Платон Александрович (1767—1822) — последний фаворит Екатерины II.

517. *Константин* — вел. кн. Константин Павлович (1779—1831). *Laharpe*—Фридрих-Цезарь Лагарп (1754 — 1838), швейцарский государственный деятель, один из организаторов революции в Швейцарии (1797). В 1782—1794 гг. Лагарп был воспитателем Александра I. Письма Александра I к Лагарпу опубликованы в очень небольшой части.

517. Граф *Ланжерон*, Александр Федорович (1763—1831) — французский эмигрант-роялист, бывший до Воронцова новороссийским генерал-губернатором, живший одновременно с Пушкиным в Одессе; поэт встречался с Ланжероном и в 1829—1831 гг. в Петербурге. Александр I, благоволивший к Ланжерону в юности, изменил отношение к нему в конце своего царствования. Письма Александра I к Ланжерону, читанные Пушкиным в Одессе, не опубликованы.

517. *Медем*, гр. Павел Иванович (1800—1854), был назначен (20 июля 1834 г.) лишь исправляющим должность поверенного в делах, на смену полномочному министру (с 1812 г.) кн. Христофору Андреевичу Ливену (1774—1838).

517. *Суспиции* — очевидно, искаженное французское слово substitution, означающее назначение одного лица на место другого.

518. О *Блае* см. выше, запись от 30 ноября 1833 года. Лорд *Каннинг Стратфорд* (1788—1880) — английский дипломат, назначенный в 1833 году великобританским послом в Петербург и не принятый Николаем I.

518. *Мещерские* — вторая дочь Карамзина Екатерина Николаевна и ее муж кн. Петр Иванович.

518. *Великая княгиня*—Елена Павловна (1806—1873), рожд. принцесса Виртембергская, жена вел. кн. Михаила Павловича.

518. *Красовский*, Александр Иванович (1780—1857) — цензор Петербургского цензурного комитета (1821—1828), а в 1833—1857 гг. — председатель Комитета иностранной цензуры.

518. *Катерина Андреевна* — Карамзина; *Тайцы* — мыза под Гатчиной.

518. *Давыдов* — вероятно, Дмитрий Александрович (1786—1851), приятель Вяземского, помещик и сахарозаводчик. *Киселев*, Павел Дмитриевич (1788—1872) — генерал-адъютант, впоследствии министр государственных имуществ. Он был „полномочным представителем диванов княжеств Молдавии и Валахии и командующим войсками, в оных княжествах расположенными“. Когда эти княжества отошли под протекторат Турции (весна 1834 г.), Киселев вышел в отставку. Пушкин знал Киселева еще в юности и посвятил ему девять стихов в послании Орлову 1819 года.

518. *Генерал Болховской* — Дмитрий Николаевич Бологовской (1775—1852), один из участников убийства Павла I. Пушкин, живя в Кишиневе, бывал у него очень часто (Бологовской был там бригадным командиром в дивизии М. Ф. Орлова).

518. *Фикельмон* — австрийский посланник, о котором см. запись от 24 ноября 1833 года. *Elisa* — Елизавета Михайловна Хитрово (1783—1839), теща Фикельмона.

518. *Князь Кочубей.* — О нем см. запись от 14 декабря 1833 года.

519. *Прошедший месяц был бурен.* — Пушкин месяц не вел дневника, пока происходили следующие события: 25 июня он написал Бенкендорфу, прося у царя отставки. В ответ получил извещение шефа жандармов, что отставка принята, но что просьба Пушкина о разрешении попрежнему посещать архивы отклонена Николаем, так как право это дается лишь лицам, „пользующимся особенною доверенностию начальства“. Под влиянием этого холодного предупреждения, что он будет вновь в числе подозрительных лиц, получив к тому же „нагоняй“ от Жуковского, Пушкин „струхнул“ (как он сам писал жене) и взял обратно свою просьбу об отставке.

519. *Маршал Мезон* (1771—1840) — генерал французской армии, в это время — посол в Петербурге.

519. *Арендт,* Николай Федорович (1785—1859) — известный хирург, лейб-медик, один из врачей, лечивших Пушкина после его ранения на дуэли.

519. *Трощинский,* Дмитрий Прокофьевич (1749—1829)— екатерининский чиновник, занимавший при Павле I должность президента Главного почтового правления. С октября 1800 года был в отставке; возвращенный на службу после убийства Павла I, занимал должности министра уделов и министра юстиции.

520. *Открытие Александровской колонны* на Дворцовой площади в Петербурге состоялось 30 августа 1834 года.

520. *Видел А. Раевского.* — Александр Николаевич Раевский (1795—1868).

520. *В Калугу* — вернее, в Полотняный Завод Калужской губернии, Пушкин поехал к жене, которая с обоими детьми гостила в имении деда.

520. *Тарутино* — село в Боровском уезде Калужской губернии. Владелец его, гр. С. П. Румянцев, в память победы, одержанной здесь в 1812 году над французскими войсками, освободил всех крестьян села Тарутина, числом 439, от крепостной зависимости, предоставив им земли. За это они должны были воздвигнуть в Тарутине памятник в честь победы 6 октября 1812 года. Памятник был открыт 25 июня 1834 года.

520. *Нижегородская деревня* — село Болдино, которым Пушкин стал лично управлять с весны 1834 года. *Управители* — Михаил Иванович Калашников, бывший управляющий Михайловским, и Осип Матвеевич Пеньковский.

520. *Пугачев мой отпечатан.*— Еще 23 ноября был отпечатан весь тираж „Истории Пугачевского бунта“, а вышла в свет книга лишь 28 декабря.

520. *Я ждал всё возвращения царя...* — Без санкции Николая I, вернувшегося в Петербург 26 ноября, книгу не решались выпустить.

520. *Бутурлин* — Дмитрий Петрович. См. запись от 30 ноября 1833 года.

520. *Долгорукая,* кн. Ольга Александровна (1814—1865) — дочь московского почтдиректора А. Я. Булгакова.

520. *Князь М. Голицын.*—Пушкин ошибся. Это — кн. И. Ф. Голицын, заведывавший секретным отделением канцелярии московского генерал-губернатора.

521. *Лекс,* Михаил Иванович (1793—1856) — бывший чиновник канцелярии Инзова, а с 1832 года — директор канцелярии Министерства внутренних дел. О нем см. упоминание Пушкина в рассказе „Кирджали“.

521. *Салтыков* — Сергей Васильевич. См. запись от 28 ноября 1833 года.

521. *N. N.* — Наталья Николаевна Пушкина. *Ермолова-Лассаль* — Жозефина-Шарлотта, дочь генерала французской армии гр.

Лассаля, жена М. А. Ермолова. *Курваль* — графиня, дочь генерала Моро.

521. *Графиня Бобринская* — Анна Владимировна. См. запись от 26 января 1834 года. *Ленский*, Адам Осипович — помощник статс-секретаря по департаменту дел Царства Польского. *„L'ambassadeur d'Autriche“* — австрийский посланник, граф Фикельмон.

521. *Встретил я великого князя* — Михаила Павловича.

522. *S* — С. Н. Карамзина или А. О. Смирнова.

522. *Нординг* — Густав Нордин, секретарь шведско-норвежского посольства в Петербурге, человек культурный, понимавший значение Пушкина.

522. *Хитрово* — Елизавета Михайловна. См. запись от 3 июня 1834 года, где она названа Elis'ой.

522. *Великий князь*—Михаил Павлович. Речь шла о статье в „Северной Пчеле“ от 13 декабря 1834 года № 206.

522. *Звание потомственного почетного гражданина* было учреждено в 1832 году; оно избавляло от телесных наказаний, рекрутчины и подушной подати, как и дворянство, но не давало других прав последнего.

523. *Никитенко*—Александр Васильевич (1805—1877), профессор и цензор (с 1834 года), пропустивший в этом году четыре произведения Пушкина, но в 1835 году исключивший несколько стихов в „Сказке о золотом петушке“, в „Анджело“. *Деларю* — Михаил Данилович (1811—1868), поэт, воспитанник царскосельского лицея. *„Библиотека“ Смирдина* — журнал „Библиотека для Чтения“, издававшийся А. Ф. Смирдиным. В XII книжке этого журнала был напечатан перевод Деларю из В. Гюго:

Красавице

Когда б я был царем всему земному миру,
Волшебница! тогда б поверг я пред тобой
Всё, всё, что власть дает народному кумиру:
Державу, скипетр, трон, корону и порфиру,
За взор, за взгляд единый твой.
И если б богом был — селеньями святыми
Клянусь — я отдал бы прохладу райских струй,
И сонмы ангелов с их песнями живыми,
Гармонию миров и власть мою над ними
За твой единый поцелуй!

523. *Митрополит* — Серафим (1763—1843), петербургский митрополит, поднявший в 1823 году дело о „Гавриилиаде“.

523. *Ухарский псалом Глинки*— вероятно, „Слова Адонаи к мечу“ (из Исаии) (1832), начинающийся так:

Сверкай, мой меч! играй, мой меч!
Лети, губи, как змей крылатый!
Пируй, гуляй в раздолье сеч!
Щиты их в прах! в осколки латы!

1835. 523. *Выкупив бриллианты Натальи Николаевны...*— Постоянно нуждаясь в деньгах, Пушкин закладывал бриллианты жены, что пришлось сделать сейчас же после свадьбы; другую часть бриллиантов Пушкины заложили в мае 1831 года для переезда из Москвы в Петербург и не смогли их никогда выкупить.

523. *Князь Волконский*, Петр Михайлович (1776—1852) — министр императорского двора.

524. *Великая княгиня*—Елена Павловна, о которой см. запись от 2 июня 1834 года.

524. *„Записки Екатерины“* - Пушкин в Одессе в библиотеке Воронцова списал „Записки Екатерины II“, ходившие в списках, так как Николай I держал их под государственной печатью в Государственном архиве.

524. *С. М. Смирнова* — Софья Михайловна, сестра Н. М. Смирнова, горбатая девушка, любительница литературы, с которой дружили Пушкин и Жуковский.

524. *Свояченица Пушкина* — Екатерина Николаевна Гончарова, жившая вместе с сестрой Александрой с осени 1834 года в Петербурге с Пушкиными. 10 января 1837 года она вышла замуж за Дантеса, будущего убийцу Пушкина. *Мартынов* — Павел Петрович, о котором см. запись от 6 декабря 1833 года. О глупости его известно много анекдотов.

524. *Панин* — Виктор Никитич (1801—1874), камергер, товарищ министра юстиции (при Д. В. Дашкове), был исключительно высокого роста, — ради контраста был в детском костюме. *Бобринский* — Алексей Алексеевич, о котором см. запись от 6 декабря 1833 года. *Брызгалов* — Иван Семенович (1753—1838)— комендант и кастелан Михайловского замка, пользовавшийся большим доверием Павла I и после его смерти продолжавший носить форму павловского времени, Брызгалов симулировал юродство и выгодно устраивал свои материальные дела.

524. *„Bertrand et Raton, ou l'art de conspirer“* — комедия Скриба, ставившаяся в Париже с конца 1833 года. Сюжет ее был заимствован из истории Дании XVIII века. *Блум* — граф Отон Бломе (1770—1849), датский посланник в России с 1804 до 1841 года.

524. *Павский,* Герасим Петрович (1787—1863) — профессор Петербургской духовной академии, крупный филолог. Филарет написал в Синод донос, что в двух книгах Павского — „Начертание церковной истории“ и „Христианское учение в краткой системе“ — есть недобросовестности и неблагонамеренности. *Кочетов,* Иоаким Семенович (1787—1854)— член Российской Академии, протоиерей собора Петропавловской крепости.

524. *Выбрал другого...* — Вместо Павского законоучителем наследника был назначен Василий Борисович Бажанов (1800—1883), священник, опытный законоучитель, с 1837 года член Российской Академии.

525. *Дундуков* — князь М. А. Дондуков-Корсаков, попечитель Петербургского учебного округа, председатель Цензурного комитета и (с 7 марта 1835 года) вице-президент Академии Наук. Ср. эпиграмму „В Академии Наук“, написанную на Дондукова через четыре месяца.

525. *Канкрин,* гр. Егор Францевич (1776—1845)— министр финансов.

525. *„Сказка о золотом петушке“* была напечатана в „Библиотеке для Чтения“ 1835, № 16, вышедшем в свет 1 апреля. Указанные Пушкиным три стиха появились в печати впервые.

525. О *Красовском* см. запись от 2 июня 1834 года. *Бируков* — Александр Степанович (1772—1844) — цензор Петербургского цензурного комитета. См. о нем эпиграмму „Тимковский царствовал“.

Записки официального назначения

529. О народном воспитании. Печатается по писарской копии, исправленной и подписанной Пушкиным, сохранившейся в архиве III Отделения (ныне в *ПД*). Начальные черновые наброски записки сохранились в тетради *ЛБ* (№ 2368, лл. 42 об. — 49), отрывок (характеристика указа об экзаменах) — в *ПД* (собрание А. Ф. Онегина).

Записка написана была по прямому заданию Николая I. 30 сентября 1826 года шеф жандармов обратился к Пушкину, только что освобожденному от ссылки, со следующим письмом: „Его величество совершенно остается уверенным, что вы употребите отличные способности ваши на передание потомству славы нашего отечества, предав вместе бессмертию имя ваше. В сей уверенности его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметом о воспитании юношества. Вам предоставляется совершенная и полная свобода, когда и как представить ваши мысли и соображения. И предмет сей должен представить вам тем обширнейший круг, что на опыте видели совершенно все пагубные последствия ложной системы воспитания“. Вопросы, предложенные для разработки Пушкину, ближайшим образом занимали правительство после 14 декабря и получили уже отражение в специальных

записках, представленных Николаю I в 1826 году начальником южных военных поселений графом И. О. Виттом („Записка о недостатках нынешнего воспитания российского дворянства и средствах обратить оное совершенно на пользу императорской военной и гражданской службы“) и тайным советником А. И. Арсеньевым („Исследование коренных причин происшедшим заговорам и бунтам против престола и царства“). См. „Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива собственной е. и. в. канцелярии“, СПБ. 1906, вып. XIII.

Пушкин был очень смущен порученным ему делом, о чем свидетельствует его рассказ, записанный 16 сентября 1827 года в дневнике А. Н. Вульфа: „Говоря о недостатках нашего частного и общественного воспитания, Пушкин сказал: „Я был в затруднении, когда Николай спросил мое мнение о сем предмете. Мне бы легко было написать то, чего хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтоб сделать добро“ (Л. Майков, „Пушкин“, СПБ. 1899, стр. 176).

В начале декабря 1826 года гр. Бенкендорф представил Николаю I заметки Пушкина при следующем письме: „D'après la conversation que j'ai eu avec Pouschkin, par ordre de Votre Majesté, il vient de m'envoyer ses remarques sur l'éducation publique, que je joins ici. C'est déjà d'un homme qui revient à la raison“ („Вследствие разговора, который у меня был, по приказанию вашего величества, с Пушкиным, он мне только что прислал свои заметки на общественное воспитание, которые при сем прилагаю. Заметки человека, возвращающегося к здравому смыслу“) („Старина и Новизна“ 1903, кн. 6, стр. 5). Записка Пушкина была очень внимательно прочитана царем, испещрившим ее явно несочувственными вопросительными и восклицательными знаками; эта отрицательная оценка была сильно, однако, сглажена в письме, в котором 23 декабря 1826 года Бенкендорф довел до сведения Пушкина, что „государь император с удовольствием изволил читать рассуждения ваши о народном воспитании“, но „при сем заметить изволил, что принятое вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительно основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному. На сих-то началах должно быть основано благонаправленное воспитание“.

Работая над своей запиской, Пушкин ближайшим образом пользовался советами кн. П. А. Вяземского, едва ли не единственного из его московских друзей, политический такт и опыт которого могли ему в это время импонировать.

В бумагах Вяземского сохранился самый автограф записки „О народном воспитании“ и его же посредничеством легко объясняется использование в записке Пушкина материалов „Записки о древней и новой России“ Карамзина (1811). Этот рукописный историко-политический трактат, несмотря на свою секретность легко доступный П. А. Вяземскому (брату жены историографа и его душеприказчику), оказал большое влияние на идеологическую эволюцию Пушкина после 14 декабря. Именно к этому документу восходит ряд политических тезисов Пушкина о природе русского самодержавия, о рядовом и служилом дворянстве, о табели о рангах Петра, о реформах первых лет царствования Александра I и пр. Полностью восходят к трактату Карамзина и суждения „Записки о народном воспитании“ по поводу разработанного М. М. Сперанским „Указа об экзаменах“:

„Сделав многое для успеха наук в России и с неудовольствием видя слабую ревность дворян в снискании ученых сведений в университетах,— писал Карамзин,— правительство желало принудить нас к тому и выдало несчастный Указ об экзаменах. Отныне никто не должен быть производим ни в статские советники, ни в асессоры без свидетельства о своей учености. Доселе в самых просвещенных государствах требова-

лось от чиновников только необходимого для их службы знания: науки инженерной — от инженера, законоведения — от судьи и пр. У нас председатель Гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский — свойство оксигена и всех газов. Вице-губернатор — Пифагорову фигуру, надзиратель в доме сумасшедших — Римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни 40-летняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга знать вещи, совсем для нас чуждые и бесполезные. Никогда любовь к наукам не производила действия, столь несогласного с их целию... Доныне дворяне и не дворяне в гражданской службе искали у нас чинов, или денег: первое побуждение невинно, второе опасно: ибо умеренность жалованья производит в корыстолюбивых охоту мздоимства. Теперь, не зная ни физики, ни статистики, ни других наук, для чего будут служить титулярные и коллежские советники? Лучшие, т. е. честолюбивые, возьмут отставку, худшие, т. е. корыстолюбивые, останутся драть кожу с живого и мертвого. Уже видим и примеры. Вместо сего нового постановления надлежало бы только исполнить сказанное в Уставе университетском, что впредь молодые люди, вступая в службу, обязаны предъявлять свидетельство о своих знаниях. От начинающих можно всего требовать, но кто уже давно служит, с тем нельзя, по справедливости, делать новых условий для службы; он поседел в трудах, в правилах чести и в надежде иметь некогда чин статского советника, ему обещанного законом, а вы нарушаете сей контракт государственный. И, вместо всеобщих знаний, должно от каждого человека требовать единственно нужных для той службы, коей он желает посвятить себя" („Записка о древней и новой России" 1914, стр. 75—76).

Некоторые из мыслей, впервые намеченных Пушкиным в „Записке о воспитании", впоследствии были развиты им в „Романе в письмах", в набросках о дворянстве, в записях дневника.

533. ⟨З а п и с к а о М и ц к е в и ч е, п р е д с т а в л е н н а я в III О т д е л е н и е...⟩. Печатается по автографу *ПД*, прежде находившемуся в архиве III Отделения, среди бумаг М. Я. фон-Фока.

Перевод:

Адам Мицкевич, профессор университета в Ковне, за принадлежность, в возрасте 17 лет, к одному литературному обществу, которое существовало в продолжение лишь нескольких месяцев, был арестован Виленскою следственною комиссией (1823). Мицкевич сознался, что был осведомлен о существовании другого литературного общества, но всегда был в неведении о цели его, которая состояла в распространении идей польского национализма. Впрочем, и это общество существовало лишь самое короткое время и было закрыто до издания указа. По истечении 7 месяцев Мицкевич был выпущен на свободу и выслан в русские губернии — до тех пор, пока государю императору благоугодно будет разрешить ему возвратиться. Он служил под начальством генерала Витта и московского генерал-губернатора. Он надеется, что, так как их отзывы для него благоприятны, правительство позволит ему возвратиться в Польшу, куда его призывают домашние обстоятельства. 7 января 1828 г.

Ходатайство Пушкина, очевидно, успеха не имело, ибо Мицкевич получил разрешение на выезд из России только весною 1829 года, и притом не в Польшу, а в Германию и Италию.

Пушкин, познакомившийся с Мицкевичем в конце 1826 года в Москве и часто встречавшийся с ним зимою 1827 — 1828 гг. в Петербурге, вспоминал об этих встречах в стихах „Он между нами жил" (1834). К 1828 году относится его же перевод начала поэмы Мицкевича „Конрад Валленрод" („Сто лет минуло, как тевтон..." и пр.). К 1833 году относятся переводы „Будрыс и его сыновья" и „Воевода". Об отклике Пушкина на „Олешкевича" и „Памятник Петра Великого"

Мицкевича в „Медном Всаднике“ см. прим. к последнему.

534. ‹Записка о В. Д. Сухорукове, представленная в III Отделение. Печатается по автографу *ПД* (вод. зн. „1829“). Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в Собр. соч. Пушкина, 1903, т. V, стр. 415. В бумагах Пушкина, хранящихся в *ПД*, сохранилась краткая автобиография В. Д. Сухорукова (на двух листах, с вод. зн. „1828“), положенная в основание настоящей записки. В автобиографии этой раскрыты имена „двух эсаулов“, принявших от В. Д. Сухорукова его материалы: „Кучеров и Кушнарев, которые были его помощниками“.

Датируется записка летом 1831 года, ибо к 29 августа 1831 года относится письмо А. Х. Бенкендорфа к Пушкину, в котором шеф жандармов сообщал о передаче им записки министру графу А. И. Чернышеву: „Граф Чернышев отвечал мне на сие, что акты, о коих упоминает сотник Сухоруков, никогда не были его собственностию, ибо они собраны им из архивов войска и из других источников, по приказанию и направлению его, графа Чернышева, что акты сии, как принадлежащие к делам Комитета об устройстве войска Донского, никак не могли утратиться, но должны быть в виду начальства, и что, наконец, он находит со стороны сотника Сухорукова не только неосновательным, но даже дерзким обременять правительство требованием того, что ему не принадлежало и принадлежать не может“.

Сухоруков, Василий Дмитриевич (1795 — 1841) — поручик лейб-гвардии Казачьего полка, историк, издавший совместно с А. О. Корниловичем альманах „Русская Старина“ (1824); осведомленный Рылеевым и Бестужевым о деятельности тайного общества, формально членом последнего не состоял, ввиду чего репрессии в отношении его ограничились запрещением проживать в Петербурге и подчинением „бдительному“ полицейскому надзору. Пушкин познакомился с В. Д. Сухоруковым в 1829 году на Кавказе и писал о нем в пятой главе „Путешествия в Арзрум“: „Вечера проводил я с умным и любезным С.; сходство наших занятий сближало нас. Он говорил мне о своих литературных предположениях, о своих исторических изысканиях, некогда начатых им с такою ревностию и удачей. Ограниченность его желаний и требований поистине трогательна. Жаль, если они не будут исполнены“. В примечаниях к „Истории Пугачева“ Пушкин сослался на статью г. С‹ухорукова› „О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI ст.“ („Соревнователь Просвещения“ 1824). В марте 1835 года Пушкин пригласил В. Д. Сухорукова участвовать в „Современнике“, упомянув о его „дельных, добросовестных и любопытных произведениях“.

535. ‹Материалы по изданию газеты›.

1. Записка, представленная в III Отделение. Печатается по беловому автографу (бумага с вод. зн. „1829“), ныне находящемуся в *ПД*. Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в Собр. соч. Пушкина 1903, т. VII, стр. 405—406. Автограф черновой редакции этой записки находится в *ЛБ* (тетрадь № 2386 Б, лл. 11, 12 и 27). Впервые опубликован (частично) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855, стр. 357—358; полностью — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 12, стр. 535—537.

Черновая редакция записки относится, вероятно, к лету 1830 года (ошибочно этот черновик датируется обычно 1828 годом) и связана с обострением борьбы „Литературной Газеты“ с „Северной Пчелой“ после опубликования Пушкиным заметки о „Записках Видока“. 2 мая 1830 года Пушкин писал П. А. Вяземскому: „Дело в том, что чисто литературной газеты у нас быть не может, должно принять в союзницы или Моду или Политику. Соперничествовать с Раичем и Шаликовым как-то совестно. Но неужто Булгарину отдали монополию политических новостей? Неужто кроме „Сев. Пчелы“ ни один журнал не смеет у нас объявить,

что в Мексике было землетрясение и что Камера депутатов закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволения? Справься-ка с молодыми министрами, да и с Бенкендорфом. Тут дело идет не о политических мнениях, но о сухом изложении происшествий. Да и неприлично правительству заключать союз — с кем? — с Булгариным и Гречем. Пожалуйста поговори об этом, но втайне: если Булгарин будет это подозревать, то он по своему обыкновению пустится в доносы и клевету — и с ним не справишься". Реорганизации „Литературной Газеты" обеспечить, однако, не удалось, и Пушкин возвратился к своему проекту только через год, в пору своего пребывания в Царском Селе, когда, с одной стороны, надежды на реформаторскую деятельность Николая I, а, с другой — неудачи русских войск в Польше, возможность отторжения Украины, угроза французской интервенции и призрак крестьянской революции, неожиданно напомнившей о себе кровавыми эксцессами восстания новгородских военных поселян и массовыми вспышками холерных бунтов, обусловили очень, правда, непродолжительное, сближение Пушкина с придворными и правительственными кругами.

В первых числах июня 1831 года Пушкин пытался провести свою записку о новой литературно-политической газете через управляющего III Отделением М. Я. фон-Фока, который уклонился, однако, от поддержки этого начинания. В середине же июля Пушкин свои пожелания формулировал в письме к А. Х. Бенкендорфу следующим образом: „Если государю императору угодно будет употребить перо мое для политических статей, то постараюсь с точностию и с усердием исполнить волю его величества. У нас периодические издания не суть представители различных политических партий (которых в России и не существует) — и правительству нет надобности иметь свой официальный журнал; но тем не менее в некоторых случаях общее мнение имеет нужду быть управляемо. Ныне, когда справедливое негодование и старая народная вражда, долго растравляемая завистию, соединила всех нас противу польских мятежников, озлобленная Европа нападает покаместь на Россию не оружием, но ежедневной, бешеной клеветою — конституционные правительства хотят мира, а молодые поколения, волнуемые журналами, требуют войны... Пускай позволят нам, русским писателям, отражать бесстыдные и невежественные нападения иностранных газет. С радостию взялся бы я за редакцию Политического и Литературного Журнала, т. е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости, около которого соединил бы писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые всё еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к Просвещению. Правительству легко будет извлечь из них всевозможную пользу, когда бог даст мир и государю досуг будет заняться устройством успокоенного государства, ибо Россия крепко надеется на царя... Если политический журнал покажется предприятием излишним, то буду просить дозволения заняться историческими изысканиями в наших Государственных архивах и библиотеках".

Мы привели письмо Пушкина в черновой начальной редакции, более четко и откровенно раскрывающей условия его написания и общие политические установки, чем сокращенный окончательный текст. Судьба этого письма известна: Николай I и А. Х. Бенкендорф не приняли предложения Пушкина о газете и поспешили удовлетворить его второе ходатайство — о работе над историей Петра Великого (об этом см. стр. 631—682). Вновь вопрос о разрешении на газету поставлен был Пушкиным весною 1832 года, причем вместо политических мотивировок на первое место выдвинуты были уже основания материально-бытового порядка: „До настоящего времени, — писал Пушкин 27 мая 1832 года А. Х. Бенкендорфу, — я относился очень небрежно к своим денежным средствам. Теперь, когда я не могу быть беспечным, не погрешая против своих обязанностей, я должен подумать о способах увели-

чения своих средств и прошу на это разрешения его величества. Служба, к которой он соблаговолил меня причислить, мои литературные занятия обязывают меня жить в Петербурге, а у меня нет других доходов, кроме тех, которые доставляет мне моя работа. Литературное предприятие, на которое я прошу разрешения и которое упрочило бы мою судьбу, — должно было бы находиться во главе журнала, о котором Жуковский, как он сказывал мне, вам говорил" (подлинник по-французски). Весьма вероятно, что именно к этому письму и была приложена та специальная записка о газете, черновой набросок которой сделан был еще в 1830 году, а беловой печатается нами выше (стр. 535.).

2. Что есть журнал европейский... и пр. Печатается по автографу Государственного литературного музея в Москве (из собрания С. А. Соболевского). Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Дне" 1861, № 2, стр. 19.

Набросок является, вероятно, конспектом докладной записки о „Дневнике" и наметкой плана будущего издания.

3. Дневник. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2373, л. 25). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 8, стр. 327.

537. <Программа „Современника", представленная в С.-Петербургский Цензурный комитет.> Печатается по автографу, находящемуся в Ленинградском Историческом архиве (Дело СПБ Цензурного комитета по предложению г. министра народного просвещения о высочайшем соизволении на издание г. камерюнкеру Пушкину журнала под названием „Современник"). Впервые опубликовано С. М. Бонди в сб. „Литературный Музеум", П. 1921, стр. 5. Записка, датируемая концом февраля — началом марта 1836 года, рассматривалась в заседании Комитета от 10 марта 1836 года.

Приложения

Критические заметки на полях книг и письма

541. Заметки на полях статьи кн. П. А. Вяземского „О жизни и сочинениях В. А. Озерова". Впервые опубликовано Л. Н. Майковым в форме статьи в сб. „Старина и Новизна", СПБ. 1897, кн. 1, стр. 305 — 323, по оригиналу, находившемуся в Остафьевском архиве. Нынешнее местонахождение подлинника, представлявшего собою оттиск статьи Вяземского из изд. 1817 года, с проложенными белыми листами (вод. зн. бумаги „1825") неизвестно.

Статья П. А. Вяземского, вызвавшая возражения Пушкина, написана была для издания Сочинений В. А. Озерова 1817 года и перепечатывалась без перемен в 1824, 1827 и 1828 годах. Для последнего издания Вяземский предполагал ее переработать, в связи с чем, вероятно, и просил Пушкина перечесть этот очерк и высказать о нем свое мнение.

В произведениях лицейской поры Пушкин, подобно всем поэтам, связанным с „Арзамасом", подчеркивал свою высокую оценку Озерова („Городок"—1814, „Послание к Жуковскому" — 1816). Но уже в „Моих замечаниях об русском театре" Пушкин говорил о „несовершенных творениях несчастного Озерова" и приписывал их успех лишь игре Катерины Семеновой (1819). Эта же мысль ожила в известных строках „Онегина": „Там Озеров *невольны* дани / Народных слез, рукоплесканий / С младой Семеновой делил". В письме от 6 февраля 1823 года к Вяземскому Пушкин корил Озерова за „следование жеманным правилам французского театра", за язык, „неточный и ржа-

вый“, и, протестуя против включения Озерова в число „поэтов романтических“, доказывал, что даже „Фингал“ написан „по всем правилам Парнасского православия“.

Об этом же упоминал Пушкин в 1827 году в набросках предисловия к Борису Годунову“, а в заметках о народности в литературе (1826) и о драме (1830) иронизировал над попытками Озерова дать „трагедию народную“ в „Дмитрии Донском“.

546. Заметки на полях „Опытов в стихах и прозе“ К. Н. Батюшкова. Печатается по копии, записанной Л. Н. Майковым на экземпляре „Опытов в стихах и прозе“ Батюшкова, ныне хранящемся в библиотеке Академии Наук. Впервые опубликовано в статье Л. Н. Майкова „Пушкин и Батюшков“ (Л. Майков, „Пушкин“, СПБ. 1899, стр. 284 — 317), точнее—В. Л. Комаровичем в Полном собр. соч. Пушкина, М.— Л. 1933, т. V, стр. 870 — 895. Автограф утрачен.

Пять заметок, сделанных чернилами (см. стр. 565—566), повидимому, относятся к концу 1817 года; карандашные — к 1830.

548. Принципы оценки батюшковского слова совпадают с принципами переработки собственных лицейских стихов: для Пушкина 20-х годов всякое стихотворение является замкнутой, единой смысловой системой, точно выверенной и не допускающей словесно-логических противоречий и разнобоя предметно-лексических планов. Отсюда — исключительное внимание к точному смыслу ряда слов (ср. замечания: „не под *серпом*, а под *косою*: ландыш растет в лугах и рощах — не на пашнях засеянных“, „увенчаем в знак венчанья“ и др.), критика „слишком явного смешения древних обычаев мифологии с обычаями жителя подмосковной деревни“ и наконец — чуткость к возможности комической реализации метафоры: „Твой друг тебе навек отныне с рукою сердце отдает“ — „Батюшков женится на Гнедиче“. Видно, что в пушкинском понимании слово теряет литературно-условный характер и получает реальный смысл, прямое соотношение с предметным миром.

550. *„Последняя весна“* Батюшкова воспроизводила стихотворение Мильвуа „La chûte des feuilles“ („Падение листьев“).

552. *„Гезиод и Омир, соперники“* — перевод элегии Мильвуа: „Combat d'Homère et d'Hesiode“.

552. *Невежество непростительное* — вместо Колхиды (Кавказа) надо было назвать Халкиду (город на острове Эвбее); ошибка была исправлена самим Батюшковым в списке погрешностей, приложенном в начале „Опытов“.

552. *„Противуречие“*—Пушкин отмечает, что в начале стихотворения говорится о *гостеприимном* мире, а в конце —

Рожденный в Самосе убогий сирота
Слепца из края в край, как сын усердный, водит
Он с ним пристанища в Элладе не находит...
И где найдут его талант и нищета?

553. *Подражание Ломоносову и Torrismondo* — Пушкин указывает на вторую строку „Вечернего размышления о божием величии“ Ломоносова:

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах...
и пр.

„Torrismondo“ — трагедия Тассо, из которой Батюшков взял эпиграф к своему „Умирающему Тассу“.

559. *Батюшков не виноват.*— Пушкин, повидимому, считает виновным его издателя Н. И. Гнедича.

561. *„И амуры на часах...“* — стих из стихотворения М. Н. Муравьева „Богине Невы“.

562. *И то перевод...* — Пушкин имеет в виду известную эпиграмму Экушара Лебрена: „O la maudite compagnie“.

566. *Елизавета Алексеевна*—жена Александра I.

567. Заметки на полях статьи М. П. Погодина „Об участии Году-

нова в убиении царевича Димитрия". Печатается по автографу Государственного Литературного музея в Москве. Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в изд. „Пушкин и его современники" 1913, вып. XIII, стр. 149—160.

Статья М. П. Погодина напечатана была в „Московском Вестнике" 1829, ч. III, стр. 90—126 (цензурное разрешение—от 31 мая 1829 г.). Пушкин виделся осенью 1829 года в Москве с Погодиным и, судя по письму последнего к С. П. Шевыреву от 26 сентября, „целые два часа протолковал" с ним о его аргументации „в пользу Бориса". Спор этот возобновился при встрече Погодина с Пушкиным 30 апреля 1831 года, когда они провели „четыре битых часа в споре о Борисе" (запись в дневнике Погодина). Заметки Пушкина на полях „Московского Вестника" могут быть поэтому датированы 1829 или 1831 годом.

569. *Герцог Энгенский* (*Энгьенский*)—Луи-Антуан-Анри (1772—1804)—принц французского королевского дома, эмигрант, активный участник контрреволюционного движения, схваченный по приказанию Наполеона на баденской территории и расстрелянный в Венсене.

574. ⟨Заметки при чтении „О государственном кредите" М. Ф. Орлова⟩. Печатается по автографу *ПД*. Впервые расшифровано в 1929 г. и опубликовано П. Е. Щеголевым, в „Известиях" 1930.

Книга „О государственном кредите" М. Ф. Орлова вышла, без имени автора, в Москве в 1833 году (цензурное разрешение от 23 августа 1833 года). В библиотеке Пушкина сохранился экземпляр книги с дарственной надписью М. Ф. Орлова и с приложением 40 страниц рукописного текста, не допущенного цензурой к печати.

574. Заметки на полях письма кн. П. А. Вяземского к С. С. Уварову по поводу книги Н. Г. Устрялова. Печатается по изд. Полного собр. соч. кн. П. А. Вяземского, СПБ. 1879, т. II, стр. 218—225. Местонахождение автографа неизвестно.

Книга профессора СПБ Университета Н. Г. Устрялова „О системе прагматической русской истории. Рассуждение, написанное на степень доктора философии Николаем Устряловым", СПБ. 1836 (дата цензурного разрешения—14 сентября 1836 г.), сохранилась в библиотеке Пушкина, которому она была прислана автором при письме от 27 октября 1836 года. В начале ноября 1836 года кн. П. А. Вяземский предложил для „Современника" специальный разбор „брошюрки Устрялова", но Пушкин уклонился от публикации этой статьи, ссылаясь на то, что „цензура не осмелится ее пропустить, а Уваров сам на себя розог не принесет". Материалами своей статьи Вяземский, вероятно, воспользовался и для обращения по этому поводу к С. С. Уварову как к министру народного просвещения. Протестуя против скептического отношения Устрялова к достижениям и установкам „Истории Государства Российского", Вяземский заключал свое обращение к министру сопоставлением диссертации Устрялова с „Философическим письмом" Чаадаева, за которое только что был закрыт „Телескоп":

„Мысли г. Устрялова сбиваются на ту же теорию, которая, проповедуемая историческою оппозициею нашею, получила, наконец, практическое применение в известном письме Телескопа. Оба мнения подкрепляют друг друга и сливаются вместе. Одно различие в том, что в журнальном письме более безумия и таланта, а в университетском рассуждении более нелепости и менее искусства".

Об отношении Пушкина к „Истории Русского Народа" Н. А. Полевого см. выше. Приступив в 1830 году к изданию своей „Истории", Полевой взимал вперед подписную плату за 12 томов, между тем издание оборвалось на VI томе, вышедшем в свет в 1833 году. Это обстоятельство Пушкин и имел в виду, говоря о „плутовстве подписки".

575. Записки П. В. Нащокина, им диктованные в Москве. Печатается по автографу *ПД*. Впервые полностью опубликовано Я. К. Гротом в газ. „Русь“ 1885, № 22, стр. 1—2. В сильно сокращенной редакции, под названием „Старинные русские странности. Отрывки биографии***“, было включено в Посмертное собр. соч. А. Пушкина, СПБ. 1841, т. XI, стр. 185—189 и перепечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1855, т. V, стр. 510—512, с изменением в подзаголовке „***“ на „Н“ и с пояснением в примечаниях, что „это рассказ П. В. Н — а, записанный Пушкиным“.

Нащокин, Павел Воинович (1800—1854) — один из ближайших друзей Пушкина. Рассказы его, записанные Пушкиным, были использованы последним для характеристики генерала В. В. Нащокина в „Заметках к „Истории Пугачева“, представленных 26 января 1835 года Николаю I. В этих же заметках Пушкин, желая, вероятно, привлечь внимание царя к П. В. Нащокину, упомянул и о записи его рассказов: „отроду не читывал я ничего забавнее“.

578. Альбомные записи.

1. Кн. А. М. Горчакову. Печатается по автографу в альбоме А. М. Горчакова, лицейского товарища Пушкина (*ЦА*). Впервые опубликовано (факсимильно) в Полном собр. соч. Пушкина 1931, т. I, между стр. 496 и 497.

Запись является переводом стихов французского поэта Прадона (1632—1698) „A mademoiselle Bernard“.

2. Е. А. Энгельгардту. Печатается по автографу в альбоме Е. А. Энгельгардта, директора Царскосельского лицея (*ПБЛ*). Впервые опубликовано в „Отчете Публичной Библиотеки за 1900—1901 г.“, стр. 125.

3. А. Ваттемару. Печатается по автографу *ПД*. Впервые опубликовано в „Русской Художественной Газете“ 1837, № I, стр. 233.

Александр Ваттемар — французский актер, трансформатор и чревовещатель, гастролировавший в 1834 году в России.

Dubia

Заметки в „Литературной Газете"

581. 1. „Когда Макферсон издал „Стихотворения Оссиана..." Печатается по „Литературной Газете" 1830, № 5, стр. 40, „Смесь", где впервые опубликовано, без подписи автора. Принадлежность заметки Пушкину, отмеченная впервые Н. О. Лернером („Северные Записки" 1913, № 2, стр. 31—32), остается не доказанной.

В заметке речь идет о нашумевшей литературной мистификации шотландского поэта Д. Макферсона (1736—1796), издавшего в 1760 г. „Фрагменты древней поэзии, собранные в Гейленде и переведенные с гаэльского или ирландского". Макферсон выдавал себя за переводчика древней рукописи неизвестного автора, записавшего песни барда Оссиана. В 1762 г. Макферсон издал книгу „Фингал, древняя эпическая поэма в 6 книгах, вместе с другими поэмами, составленными Оссианом, сыном Фингала; переведено с гаэльского языка". В 1763 г. вышла „Гемора" в 8 книгах с таким же подзаголовком.

„Древнекельтский" эпос этот был встречен с восторгом, но в 1779 г. английский критик и литературовед С. Джонсон изобличил подделку Макферсона.

Аддисон, Джозеф (1672—1719) — английский журналист, редактор известного сатирического журнала „Spectator".

582. 2. „Англия есть отечество карикатуры и пародии...". Печатается по „Литературной Газете" 1830, № 12, стр. 98, „Смесь", где впервые опубликовано без подписи автора. Принадлежность этой заметки Пушкину, без всякой аргументации отмеченная П. В. Анненковым в статье „Общественные идеалы А. С. Пушкина" („Вестник Европы" 1880, кн. VI, стр. 601), никакими новыми данными не подтверждается.

Как эта, так и три последующих заметки посвящены полемике с Полевым и Булгариным о так называемой „литературной аристократии". Полевой и Булгарин, несмотря на все различие их общественно-политических позиций, в 1830 году блокировались для борьбы с „литературными аристократами" (Вяземский, Пушкин, Дельвиг, Баратынский и др.) и их органами („Литературная Газета", „Северные Цветы"). Прямым поводом к появлению данной заметки послужило выступление Полевого в „Московском Телеграфе" 1830 (№ 2, стр. 26 - 32; № 3, стр. 44—50; № 4, стр. 133—142), где были помещены его „Отрывки из нового альманаха: „Литературное Зеркало".

В предисловии к „Литературному Зеркалу" Полевой нападал на „литературных аристократов"; далее следовал цикл стихо-

творных пародий на Дельвига (Феокритов), Вяземского (Шолье Андреев), Баратынского (Гамлетов), Языкова (Буршев) и Катенина (Анакреонов). О пародиях Полевого говорится в этом же номере „Литературной Газеты“ в рецензии на „Невский Альманах на 1830 г.“

582. 3. „Требует ли публика извещения...“. Печатается по „Литературной Газете“ 1830, № 20, стр. 162, „Смесь“, где впервые опубликовано без подписи автора. Принадлежность статьи Пушкину, без всякой аргументации отмеченная П. В. Анненковым в статье „Общественные идеалы Пушкина“ („Вестник Европы“ 1880, кн. VI, стр. 601), никакими новыми данными не подтверждается. Заметка направлена против рецензии Полевого на „Невский Альманах на 1830 г.“ („Московский Телеграф“ 1830, № 3, стр. 355—359).

В рецензии своей Полевой, констатируя отсутствие в „Невском Альманахе“ „знаменитых“ имен Пушкина, Баратынского, Вяземского и других „литературных аристократов“, писал, что жалеть об этом нечего, так как „произведения их перестали быть... ценным украшением альманахов“.

582. 4. „С некоторых пор журналисты наши...“. Печатается по „Литературной Газете“ 1830, № 36, стр. 293, „Смесь“, где впервые опубликовано без подписи автора. Принадлежность заметки Пушкину, впервые отмеченная без всякой аргументации П. В. Анненковым в „Вестнике Европы“ 1880, кн. VI, стр. 601 и подтвержденная воспоминаниями А. И. Дельвига о совместной якобы работе над этой статьей Пушкина и А. А. Дельвига („Мои воспоминания“, М. 1912, т. I, стр. 109—110), — мало вероятна, так как Пушкина в это время не было в Петербурге. Заметка, продолжающая полемику с Булгариным, Гречем и Полевым, перекликается со статьей П. А. Вяземского „О духе партий и литературной аристократии“, помещенной в „Литературной Газете“ 1830, № 23, стр. 182—183. О развитии и последствиях полемики см. следующее примечание.

583. *Известный баснописец...* — И. И. Дмитриев. Цитируется его аполог „Светляк и змея“.

583. *Эпиграмма*, помещенная в № 32 „Литературной Газеты“, принадлежала Е. А. Баратынскому („Он вам знаком. Скажите кстати: зачем он так не терпит знати? — Затем, что он не дворянин“... и т. д.).

583. 5. „Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии...“ Печатается по „Литературной Газете“ 1830, № 45, стр. 72, „Смесь“, где впервые опубликовано без подписи автора. Принадлежность статьи Пушкину, впервые отмеченная в Соч. Пушкина под ред. П. В. Анненкова, 1857, т. VII, стр. 86 и подтверждаемая в „Моих воспоминаниях“ бар. А. И. Дельвига 1912, (т. I, М. стр. 110—111) о совместной работе над нею Пушкина и А. А. Дельвига, весьма вероятна. Заметка примыкает к циклу статей, направленных против Булгарина, Полевого и др. Ближайшим поводом к появлению ее послужило „Второе письмо из Карлова“ Булгарина („Северная Пчела“ 1830, № 94), в котором снова высмеивались „литературные аристократы“ и сделан был ряд личных выпадов по адресу Пушкина. Заметка „Новые выходки“ вызвала недовольство А. Х. Бенкендорфа, запросившего у министра народного просвещения К. А. Ливена, каким образом Цензурный комитет пропустил заметку и не учел „особенных политических обстоятельств нынешнего времени“ (т. е. событий 1830 г. во Франции). В результате последовавшего расследования издателю „Литературной Газеты“ Дельвигу был сделан „строгий выговор“ за помещение заметки, а самая полемика о литературной аристократии была признана вредной.

В ответ на „Новые выходки“ Полевой счел необходимым выступить с самозащитительной статьей, отводя обвинения в антидворянских настроениях. Понимая всю опасность обвинения, брошенного в заключитель-

ных строках заметки „Новые выходки“, Полевой поспешил указать, что, нападая на „литературный аристократизм“, он не имел в виду подрывать уважения к „гражданскому порядку, заслугам русского дворянства“ и т. д. („Московский Телеграф“ 1830, № 14, стр. 240—243). С отповедью „Литературной Газете“ и указанием на нелитературный характер этой полемической заметки выступил и журнал „Галатея“ С. Е. Раича, поместивший „Замечание на замечание Литературной Газеты“ („Галатея“ 1830, № 34, стр. 134—137).

...упрекал Полевого тем, что он купец... — В 1825 г., когда Полевой приступил к изданию „Московского Телеграфа“, в „Вестнике Европы“ и в „Северной Пчеле“ насмехались над купеческим званием Полевого называя его „литератором водочного завода“ („Вестник Европы“ 1825, № 10), „общинным заводчиком“ („Северная Пчела“ 1825, № 62) и т. д. В защиту Полевого выступил П. А. Вяземский (см. его „Письмо в Париж“, „Московский Телеграф“ 1825, № 22, стр. 178—179).

583. 6. ⟨З а м е т к а о б э п и г р а м м е „С о б р а н и е н а с е к о м ы х“⟩. Печатается по „Литературной Газете“ от 30 июля 1830 г., № 43, стр. 56, где впервые опубликовано без подписи автора. Возможность принадлежности заметки Пушкину впервые указана была Н. О. Лернером („Пушкин и его современники“, 1909, вып. XII, стр. 135—137), впоследствии перепечатавшим ее в изд. „Пушкин“ под ред. С. А. Венгерова, т. VI, П. 1915, стр. 200. В пользу принадлежности заметки Пушкину высказался и Б. В. Томашевский на основании того, что „никто, кроме автора, не мог комментировать“ „Собрание насекомых“ так, как это было сделано в заметке „Сие стихотворение...“ и пр. („Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения“, Л. 1925, стр. 122).

Первая из пародий на „Собрание насекомых“, охарактеризованных Пушкиным на стр. 710, напечатана была в „Вестнике Европы“ 1830, ч. II, стр. 302, за подписью *Л. С.* В ней упоминались: „*Полтава* — божия коровка, *Кавказский Пленник* — злой паук; вот *Годунов* — российский жук, *Онегин* — тощая пиявка, *Граф Нулин* — мелкая козявка“.

Вторая пародия („На ниве бедной и бесплодной“ и пр.) напечатана была в „Московском Телеграфе“ 1830, ч. 32, отдел „Новый живописец общества и литературы“, № 8, стр. 135, за подписью: *Обезьянинов*.

584. 7. ⟨А н е к д о т ы⟩. Впервые опубликовано в „Литературной Газете“ 5 февраля 1830, № 8, стр. 66, в отделе „Смесь“, без подписи. Автограф неизвестен. Второй из этих анекдотов известен также в позднейшей (несколько иной) передаче Пушкина в „Путешествии из Москвы в Петербург“ (глава III). Принадлежность обоих анекдотов Пушкину отмечена, без всяких мотивировок, П. А. Ефремовым в Соч. А. С. Пушкина 1881, т. V, стр. 332.

Статьи и заметки 1836 г.

585. О Т а т и щ е в е. Печатается по писарской копии, хранящейся в бумагах Пушкина в *ЛБ* (№ 2395, лл. 199—210; на лл. 263—274 второй экземпляр копии). Автограф неизвестен. Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в известной его работе „Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве“ („Русская Старина“ 1884, № 12, стр. 577—580), после чего входило во все полные собрания сочинений Пушкина. В 1903 году П. А. Ефремов исключил эту статью из редактированного им издания, сославшись (Соч. Пушкина, т. VI, стр. 148) на то, что она является „обработкой статьи В. Н. Берха“. Несмотря на то, что П. А. Ефремов не только ничем больше не мотивировал своей справки, но даже названия и места публикации статьи Берха не указал, очерк „О Татищеве“ в сочинениях Пушкина не перепечатывался до 1933 г. Между тем, произведенные разыскания позволяют установить, что статья „О Татищеве“, хотя

и основана главным образом на материалах и заключениях „Жизнеописания тайного советника Василия Никитича Татищева, бывшего советника берг-коллегии и начальника всех сибирских горных заводов“, опубликованного В. Н Берхом в „Горном Журнале“ 1828, кн. 1, стр. 95—134, но дополнена некоторыми библиографическими данными об „Истории“ и „Духовной“ Татищева из анонимной статьи „В. Н. Татищев“ в „Сибирском Вестнике“ 1821, ч. XV, кн. 8, стр. 1—23 (издание это сохранилось в библиотеке Пушкина) и представляет собою, несмотря на обилие прямых заимствований и пересказов, и стилистически и композиционно совершенно оригинальный вариант биографии Татищева. Возможно, что дошедшая до нас редакция статьи отражала лишь начальную стадию работы над биографией, чем и объясняется ее несколько конспективный характер.

В 1836 году исполнялось сто пятьдесят лет со дня рождения Татищева, и, как мы полагаем, именно в связи с этой юбилейной датой Пушкин предполагал напомнить о нем читателям „Современника“. Юбилейным характером статьи объясняем мы и последовательное устранение из нее всех теневых сторон биографии Татищева (взяточничество и казнокрадство, предание его суду, смерть под домашним арестом).

588. ⟨З а м е т к а   о б   а л ь м а н а х е   „С т а р и н а и Н о в и з н а“⟩. Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. IV, стр. 299—300. Автограф неизвестен. Приписано Пушкину, без указания оснований, П. А. Ефремовым в Соч. А. С. Пушкина, М. 1882, т. V, стр. 421.

Перечень статей исторического сборника „Старина и Новизна“, проектировавшегося кн. П. А. Вяземским, но в печати не появившегося, сделан не Пушкиным, а как можно предположить на основании обнаруженного точно такого объявления в „Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду“ от 16 января 1837 г., № 3, стр. 28, получен был им уже в готовом виде от П. А. Вяземского.

Перечень иллюстраций

Титульные листы и внутреннее оформление художника А. М. Сурикова. Оформление переплета по макету М. И. Козлова. Барельеф с чеканной медали художника гравера Скуднова—резал на стали гравер Л. Н. Корякин.

Содержание

Критика. История. Публицистика

(Опубликованное и подготовленное к печати)

Журнальные статьи и заметки 1824—1837 гг.

С т а т ь и и з а м е т к и 1824—1829 гг.

С т а т ь и в „Л и т е р а т у р н о й Г а з е т е“ 1830—1831 гг.

1. В отделе „Библиография“

2. В отделе „Смесь“

Статьи и заметки 1831—1833 гг.

Статьи и заметки в „Современнике" 1836 г.

1. Статьи.

2. Рецензии в отделе „Новые книги"

3. Редакционные предисловия, послесловия, полемические и информационные заметки

Статьи и заметки, предназначавшиеся для „Современника"

Исторические материалы

Критика. История. Публицистика. Автобиография

(Неопубликованное и черновое)

Литературно-критические, исторические и полемические наброски

Материалы записных книжек, черновые мысли и замечания, выписки и анекдоты

Дневники и автобиографические записи

Записки официального назначения

Приложения

Критические заметки на полях книг

Записи.

Альбомные записи

Dubia

Заметки в „Литературной Газете" 1830 г.

Статьи и заметки 1836 г.

Варианты и комментарии

Редактор *И М. Рубановский*
Художественная редакция
М. П. Сокольников
и *Е. А. Орликова*
Лит.-технич. наблюдение
В. В. Чешихина
Техническая редакция
М. П. Ткачуков
Ответственная корректура
Е. Н. Семяновская
Наблюдали на производстве
М. И Козлов
и *Н. С. Черников*

* * *

Сдано в набор 26/VIII—36 г.
Подп. к печати 3/XII—36 г.
Тираж 25 300. Уполномоч.
Главлита Б-30135. Зак. тип.
3476. „Ас" 263. Инд. А.О.
Бум. 82×110 1/16. Печатных
лист. 46. Вклад. л. 18. Уч.
авт. лист. 51,55

* * *

1-я Образцовая типография
Огиза РСФСР треста
„Полиграфкнига". Москва,
Валовая, 28.

Цена Р. 16,00
Переплет Р. 4,00.

Замеченные опечатки

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
313	2 св.	si prompte	se prompte
343	6 сн.	обычай	обычаи
344	15 сн.	du'il	gu'il
733	6 сн.	522	529